This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СБОРНИКЪ

ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ

СТАТЕЙ

М. ДРАГОМИРОВА

1858—1880.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1881.

ТИПОГРАФІЯ
ВВ
БАЛАШЕВА
Средняя Подъяческая д. № 1.
2198

ОГЛАВЛЕНІЕ

I ТОМА.

	Гдѣ было помѣщено	Стр.
Письма изъ Франціи	В. Сб. 1858 № 5	1
По поводу статьи: «Краткій Обзоръ Итальянской Кампаніи въ Инженерномъ отношеніи».	Инж. журн. 1861 № 1	13
Вліяніе распространенія нарѣзнаго оружія на воспитаніе и тактику войскъ	Оруж. Сб. 1861 № 1	23
Нѣкоторыя объясненія къ статьѣ о воспитаніи войскъ	Оруж. Сб. 1861 № 2	63
По поводу статьи «о производствѣ испытаній стрѣльбы»	Арт. жур. 1861 № 10	82
Объ атакахъ и оборонѣ	Оруж. Сб. 1862 № 2	97
Военная игра	Ор. Сб. 1862 №№ 1 и 4	111
Нѣсколько замѣтокъ по поводу статьи «Штыковый бой» и пр.	Ор. Сб. 1862 № 1	132
Нѣсколько словъ объ организаціи пѣхоты въ тактическія единицы	Ор. Сб. 1863 № 1	146
По поводу рецензіи на солдатскую справочную книжку, помѣщенной въ В. Сб.	Ор. Сб. 1863 № 4	156
Разборъ исторіи кампаніи 1859 года	Арт. журн. 1863 №№ 1, 3	171
Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ Тактикѣ	В. Сборн. 1866 № 1	221
Письма съ театра войны 1866 года	Р. Ин. 1866 №№ 188, 198, 203	248
Замѣтка по поводу статьи «Объ употребленіи Прусской Артиллеріи въ минувшую войну» .	1866 Р. И. № 281	270
Отвѣтъ г. Ф.	1866 Р. И. № 295	278
Отвѣтъ г. Д	» Р. И. № 331	286
О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ Тактикѣ . .	1867 В. Сб. №№ 11, 12	291
Дополненія и поясненія къ предыдущей статьѣ	1868 В. Сб. № 2	355
Отдѣлъ XIII французскаго устава о полевой службѣ	1868 В. Сб. № 5	382
Разборъ романа «Война и Миръ».	1868 г. Ор. Сб. № 4 1869 г. Ор. Сб. № 1	416
Винтовки скорострѣльная и обыкновенная	1869 г. Р. Инв. № 12, 13, 14	476
По поводу сочиненій, вызванныхъ кампаніями 1866 и 1870 годовъ: Статья 1	1872 г. В. Сб. № 12	500
Статья 2	1873 г. В. Сб. № 1	522
Статья 3	— В. Сб. № 3	541
Статья 4	— В. Сб. № 4	583
Отвѣтъ на возраженіе на статью 1	1873 г. В. Сб. № 6	609
Отвѣтъ на статью Monstrum horrendum въ обученіи войскъ	1873 г. Р. Ивал. № 171	613
О приказаніяхъ и донесеніяхъ	1872 г. Р. Инв. №№ 40, 111, 127	616

БИБЛІОТЕКА
КОРОТСКАГО
РЕЗЕРВНАГО
БАТАЛІОНА

1858 годъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ

I.

О послѣднихъ перемѣнахъ въ вооруженіи и стрѣльбѣ въ цѣль французской пѣхоты.

Съ 1-го іюня нынѣшняго года вся французская пѣхота вооружена нарѣзными ружьями, передѣланными изъ гладкоствольныхъ, образца 1842 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшена длина ствола на 54 миллиметра, то есть, сравнена съ длиною ствола ружья вольтижеровъ. А для того, чтобы общая длина ружья, какъ холоднаго оружія, осталась удовлетворительною, предположено удлинить штыкъ, не увеличивая, впрочемъ, его вѣса; этого можно достигнуть только утонивъ его, потому предположено, для приданія штыку бо̀льшей прочности, дѣлать его четырехгранным. Въ настоящее время новый штыкъ испытывается, но окончательно еще не принятъ.

Для передѣланнаго ружья прицѣлъ не принятъ, потому что онъ имѣетъ цѣлью такую точность въ стрѣльбѣ, которой отъ всей пѣхоты требовать нельзя, и потому, что, составляя выступающую часть на оружіи, усложняетъ его и затрудняетъ обращеніе съ нимъ. Прицѣломъ служитъ большой палецъ лѣвой руки, накладываемый на нижнюю гайку различно, сообразно дистанціямъ. Предѣльною дальностію для стрѣльбы всей пѣхоты принята дистанція въ 840 шаговъ.

При видимой неточности, этотъ способъ прицѣливанія даетъ результаты весьма удовлетворительные. Впрочемъ, въ настоящее время изобрѣтенъ прицѣлъ, который по прочности и простотѣ устройства можетъ служить для общаго употребленія во всей арміи.

[illegible] ружья принята пуля цили[illegible] [illegible] желобкомъ на поверхности и съ [illegible] [illegible] вѣсомъ въ 7,5 зол. Она имѣетъ тра[illegible] [illegible] но по причинѣ малаго вѣса уступает[illegible] [illegible] пулямъ Минье и стержневой; по этому о[illegible] [illegible] только для линейной пѣхоты; впрочемъ, она далеко [illegible] дальностью и вѣрностью пулю гладкоствольнаго ру[illegible] Вѣсъ ея ограниченъ 7,5 золотниковъ въ томъ соображеніи, ч[illegible] общій вѣсъ патрона не превосходилъ вѣса прежняго гладкост[illegible] наго патрона.

Результатъ стрѣльбы этой пулей достигаетъ до 63% на [illegible] шаговъ и 23% на 840 шаговъ; онъ былъ бы еще значител[illegible] еслибъ нарѣзы передѣланнаго ружья были нѣсколько глубже: опасенія слишкомъ ослабить стволъ, ихъ сдѣлали глубиною то[illegible] въ 0,08 линіи; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, они почти [illegible] заютъ подъ нагаромъ. Стрѣльба тою же пулей изъ гвардейс[illegible] ружья, имѣющаго нарѣзы глубже, даетъ лучшіе результаты.

Въ настоящее время опыты надъ пулей съ трехграннымъ [illegible] лубленіемъ продолжаются безъ ограниченія въ вѣсѣ, съ ц[illegible] найдти пулю этой системы, равную стержневой по результа[illegible] стрѣльбы, съ тѣмъ, чтобы введеніемъ ея въ стрѣлковыхъ ба[illegible] онахъ можно было замѣнить стержень, невыгоды котораго [illegible] зала Крымская кампанія. Постепенно увеличивая вѣсъ, дошл[illegible] пули въ 10,3 золот., которая почти, удовлетворяетъ этому [illegible] вію. Но опыты продолжаются, съ цѣлью узнать, не дадутъ ли [illegible] шихъ результатовъ пули болѣе тяжелыя, и для изслѣдованія [illegible] годнѣйшей формы углубленія, при уничтоженіи наружнаго жел[illegible] Онъ признанъ безполезнымъ вслѣдствіе легкости задней части [illegible]

Упражненія производятся на точномъ основаніи сущест[illegible] щихъ инструкцій, у насъ извѣстныхъ; поэтому упоминаю тол[illegible] двухъ предметахъ: 1) о способѣ показыванія попавшихъ пуль, [illegible] о важныхъ недостаткахъ принятой въ настоящее время ме[illegible] обученія стрѣльбѣ.

I. Махальные находятся въ траншеѣ, выкопанной передъ [illegible] лигономъ шагахъ въ 20 или 25. Траншея глубиною нѣско[illegible] больше средняго роста человѣка въ головномъ уборѣ. Пока[illegible] ея, ведущая къ полигону или, что̀ одно и тоже къ мишен[illegible] скошена на-нѣтъ. На мишень полагается одинъ только махаль[illegible] снабженный краснымъ флагомъ. Находясь прямо передъ миш[illegible] въ траншеѣ, махальный видитъ точку удара каждой пули; [illegible] она попала въ мишень, онъ поднимаетъ флагъ; если пуля по[illegible] въ сердце, онъ поднимаетъ флагъ и помахиваетъ имъ впра[illegible]

вѣво. Пуль непопавшихъ онъ вовсе не показываетъ. Отъ этого происходитъ огромный выигрышъ въ мѣстѣ и во времени: стрѣльба идетъ не прекращаясь; въ одну мишень могутъ стрѣлять единовременно отъ 5 до 10 человѣкъ, съ интерваломъ между выстрѣлами не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Достаточно сказать, что на 300 или 400 выстрѣловъ практической стрѣльбы, при этомъ способѣ, достаточно двухъ часовъ, между тѣмъ какъ при нашемъ способѣ на 250 выстрѣловъ необходимо, по крайней мѣрѣ, четыре или пять часовъ, да и то стрѣляя въ три мишени.

Съ перваго взгляда кажется, что французскій способъ не удовлетворителенъ, лишая стрѣлка возможности видѣть, куда попадаютъ его пули; но, во-первыхъ, для стрѣлка гораздо важнѣе знать направленіе полета непопавшихъ, чѣмъ мѣсто попавшихъ пуль, а этого при нашемъ способѣ показать нельзя; во-вторыхъ, на большую часть дистанцій, съ которыхъ теперь приходится стрѣлять, выстрѣлъ, близкій къ сердцу, есть дѣло удачи; а не искусства. Стрѣлокъ, начиная съ 400 шаговъ и далѣе, можетъ съ большою вѣроятностію сказать, что попадетъ въ мишень извѣстныхъ размѣровъ, но никогда не можетъ поручиться, что попадетъ въ извѣстную ея точку. Для этой послѣдней увѣренности нѣтъ основаній, потому справедливѣе считать хорошій выстрѣлъ просто попавшимъ въ мишень, а не въ тотъ или другой нумеръ ея. Знать мѣсто попавшаго выстрѣла полезно, но только на самыя близкія дистанціи, то есть, никакъ не далѣе 300 шаговъ. За этой дистанціей внѣшнія, независящія отъ стрѣлка, вліянія на полетъ пули усиливаются въ такой степени, что онъ не можетъ сказать навѣрное, почему онъ попалъ не въ середину мишени, а въ какой нибудь край ея. Слѣдовательно, ему нѣтъ пользы знать, куда попала пуля; направленія же непопавшихъ, какъ уже сказано, махальные ему не показываютъ. Такимъ образомъ стремленіе къ точности въ показываніи, на большую часть дистанцій не приноситъ пользы, не даетъ понятія о достоинствѣ стрѣлка, которое въ результатѣ все-таки опредѣляется суммою попавшихъ выстрѣловъ, а не качествомъ ихъ. Вотъ причины, по которымъ французскій способъ показыванія выстрѣловъ предпочтительнѣе нашего, если не на всѣ дистанціи, то по крайней мѣрѣ, начиная шаговъ съ 400. Притомъ, способъ показыванія флагомъ допускаетъ гораздо больше сигналовъ, нежели принято у Французовъ; такъ, оставляя вертикальное поднятіе флага для обозначенія попавшихъ выстрѣловъ, можно употреблять наклоненіе его вправо или влѣво для обозначенія пуль, пролетающихъ мимо мишени. Здѣсь нѣтъ въ этомъ надобности, потому что полигоны насыпаны изъ глинисто-песча-

ной земли свѣтлаго цвѣта, пыль которой обнаруживаетъ мѣ
удара на самыя дальнія дистанціи.

II. Стрѣльба, признанная со времени усовершенствованія
рѣзнаго оружія главнымъ средствомъ пѣхоты противъ непріяте
обратила уже на себя на столько вниманія, что обученіе собствен
ей установлено на основаніяхъ раціональныхъ, представляющи
извѣстную постепенность упражненій, которая ведетъ и къ э
номіи припасовъ, и къ экономіи времени. Но эта метода не об
маетъ всѣхъ сторонъ военной стрѣльбы, или по крайней мѣрѣ
обращаетъ ни нихъ вниманія, соотвѣтствующаго ихъ важнос
Чтобы это показать, достаточно перечислить условія, при ко
рыхъ солдатъ стрѣляетъ на самомъ дѣлѣ, и тѣ, въ которыя
бываетъ поставленъ для упражненія въ стрѣльбѣ въ мирное вре
Конечно, здѣсь будетъ взята стрѣльба цѣпи, какъ дѣйствите
нѣйшая и получившая рѣшительный перевѣсъ надъ стрѣльб
залпами.

Въ дѣлѣ стрѣлокъ долженъ: 1) слѣдить за даваемыми сиг
лами и приказаніями; 2) исполняя ихъ, примѣняться къ мѣстнос
то есть, каждую минуту быть внимательнымъ къ ея видоизмѣ
ніямъ; 3) не упускать изъ виду цѣпи непріятельской или
крайней мѣрѣ той ея части, которая противъ него; 4) опредѣл
разстояніе до нея по признакамъ, чрезвычайно измѣнчивымъ, 5
наконецъ стрѣлять. Если цѣпь, къ которой принадлежитъ стр
локъ, или непріятельская, въ движеніи, къ этому прибавляет
еще послѣдовательное измѣненіе разстояній, то есть высотъ п
цѣла, а въ первомъ случаѣ и примѣненіе къ мѣстности на
ходѣ. Здѣсь не принимается еще во вниманіе состояніе духа,
совсѣмъ хладнокровное вслѣдствіе грозящей опасности; не при
мается потому, что при мирныхъ упражненіяхъ въ практику
ввести не возможно.

Этотъ перечень показываетъ, что при боевой стрѣльбѣ в
маніе солдата должно быть напряжено въ высшей степени, ин
онъ не въ состояніи будетъ исполнить своей обязанности. Так
рода вниманіе развивается только упражненіемъ: изученіе по ч
тямъ того, что въ битвѣ солдату приходится дѣлать совмѣст
принимать въ соображеніе единовременно, не будетъ достаточны
Безъ привычки къ мысли, что всѣ эти соображенія должны с
довать въ извѣстной постепенности, стрѣлокъ неизбѣжно буд
упускать изъ виду то или другое условіе, даже и тогда, если
умѣлъ по отдѣльности соблюдать ихъ въ совершенствѣ.

Позволяемъ себѣ сдѣлать вопросъ: нынѣшняя метода обу
нія солдата даетъ ли ему возможность пріобрѣсти навыкъ при

мать въ соображеніе эти многоразличныя условія вдругъ? Отвѣтъ слѣдуетъ самъ собою, изъ краткаго обзора нынѣшней системы занятій.

Когда солдатъ на ученьи, отъ него требуютъ вниманія къ сигналамъ и командамъ, исполненія преподанныхъ ему правилъ поведенія во фронтѣ и въ цѣпи; при ученіи съ порохомъ отъ него требуется также частый, живой огонь, то есть то, что̀ Маршалъ Саксонскій называлъ tirerie.

На стрѣльбѣ отъ него требуютъ одного: попасть въ мишень съ заранѣе отмѣренной дистанціи, пришедши на которую солдатъ имѣетъ только одну заботу, поставить свой прицѣлъ на извѣстную цифру. До дистанціи собственно ему дѣла нѣтъ: она уже отмѣрена; опредѣлять ее, то есть, стараться подмѣтить разницу между признаками, соотвѣтствующими ей и другимъ дистанціямъ, нѣтъ никакого побужденія.

Наконецъ, обращаясь къ самой, если позволено такъ выразиться, пренебреженной части солдатскаго образованія—къ глазомѣру, кто не согласится, что она не только не намекаетъ (при нынѣшнемъ своемъ состояніи) на тѣсную связь свою съ перечисленными сторонами образованія, но и ведется еще вдобавокъ такъ, что приводитъ только къ одному—къ безполезной тратѣ времени?

И такъ, не будетъ, конечно, преувеличеніемъ если скажу, что при манёврированіи, солдатъ не думаетъ о стрѣльбѣ; на стрѣльбѣ не думаетъ о манёврированіи, ни объ опредѣленіи разстояній; на глазомѣрныхъ ученіяхъ—ни о стрѣльбѣ, ни о томъ, что на самомъ дѣлѣ ему часто придется опредѣлять разстоянія во время самаго маневрированія, подъ вліяніемъ противоположныхъ побужденій, внушаемыхъ чувствами самосохраненія и долга, подъ вліяніемъ тѣхъ безчисленныхъ и совершенно неожиданныхъ случайностей, которыя могутъ сбить съ толку и привычнаго человѣка.

Принявъ за аксіому, что занятія солдата въ мирное время должны по возможности приближаться къ тому, что̀ его ожидаетъ на войнѣ, нельзя не признать, что подобная система вовсе не удовлетворяетъ этому существенному условію. Ведя солдата по каждой части отдѣльно, она имѣетъ слѣдствіемъ, что война всегда застаетъ его нѣсколько въ расплохъ, и часто тѣмъ болѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ частей образованія совершеннѣе *). Послѣднее об-

*) Подобное совершенство достигается обыкновенно насчетъ прочихъ сторонъ образованія и оттого сопровождается упущеніемъ изъ виду главной цѣли, а это, самымъ естественнымъ путемъ, приводитъ къ педантизму въ предпочтенной сторонѣ образованія и часто къ нерасположенію относительно другихъ его сторонъ.

стоятельство еще болѣе указываетъ на необходимость совмѣстныхъ упражненій по различнымъ частямъ: только эта мѣра можетъ препятствовать увлеченію въ какую нибудь односторонность. Въ доказательство того, что война застаетъ солдата не совершенно приготовленнымъ, приведемъ общеизвѣстный фактъ — ничтожность результатовъ стрѣльбы въ дѣлѣ, сравнительно съ количествомъ расходуемыхъ припасовъ. Обыкновенно приписываютъ это недостатку хладнокровія, и тому, что теряя хладнокровіе, солдатъ начинаетъ стрѣльбу раньше, чѣмъ позволяетъ дальность оружія. Но допуская въ немъ совершенное хладнокровіе, спрашиваемъ: многимъ ли онъ стрѣлялъ бы лучше, не умѣя опредѣлить разстоянія, не имѣя часто даже идеи, что его необходимо знать, для успѣшности въ стрѣльбѣ? Трудно сдѣлать хорошо то, чему не учили, или учили не въ той постепенности относительно другихъ предметовъ, въ какой они между собою связаны въ дѣйствительности.

Это неудобство принятой системы занятій, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти можетъ быть устранено, когда: 1) глазомѣръ будетъ введенъ въ упражненія стрѣльбою, какъ нѣчто неразрывно съ нею связанное и, главное, ей предшествующее, и 2) когда маневрированіе будетъ сопровождать стрѣльбу.

Въ настоящее время глазомѣръ совершенно упущенъ изъ виду въ значительнѣйшихъ европейскихъ арміяхъ; говоримъ: «совершенно», потому что нынѣ существующая метода упражненій въ немъ не даетъ никакихъ результатовъ. Причина этого заключается въ сущности методы, или, правильнѣе, во взглядѣ на нее, и въ способѣ примѣненія ея къ дѣлу.

Сущность нынѣшней методы обученія глазомѣру заключается въ томъ, чтобы судить о разстояніи по соотвѣтствующимъ ему измѣненіямъ въ наружномъ видѣ и величинѣ предметовъ. Основаніе это совершенно раціонально, но понимается слишкомъ теоретически и по этому въ примѣненіи неосуществимо. Полагаютъ, что возможно сознательно запомнить признаки, соотвѣтствующіе различнымъ дистанціямъ; нѣкоторые принимались даже составлять перечень этихъ признаковъ: нечего, кажется, говорить, въ какой степени то и другое ошибочно. Всякому извѣстно, что достаточно малѣйшаго измѣненія въ освѣщеніи предмета, для того, чтобы измѣнить его видъ. Подобное измѣненіе обусловливается не однимъ освѣщеніемъ, но также и положеніемъ предмета относительно другихъ и множествомъ обстоятельствъ, которыхъ сознательно принять въ соображеніе нѣтъ возможности. Нужно еще взять въ разсчетъ, что признаки эти не на всякій глазъ производятъ одно и

то же впечатлѣніе, и измѣняются съ чрезвычайною постепенностью, замѣтною только для привычнаго глаза.

Безконечная видоизмѣняемость признаковъ показываетъ, что ихъ можно инстинктивно помнить и, такъ сказать, чувствовать, но замѣтить и выразить словомъ нельзя; это, вмѣстѣ съ различіемъ впечатлѣнія, производимаго на тотъ или другой глазъ, приводитъ къ заключенію, что искусство въ глазомѣрѣ—дѣло чисто личное, неподчиняемое какимъ либо общимъ для всѣхъ нормамъ, невозводимое въ теорію. Метода, какая бы то ни было, ни облегчитъ, ни ускоритъ пріобрѣтенія въ немъ совершенства не можетъ. Только личная, самая настойчивая и безпрерывная практика можетъ дать удовлетворительные результаты. Однимъ словомъ, глазомѣръ есть дѣло навыка, наглядки, но не теоритическаго знанія.

Изъ этого видна вся важность глазомѣра, и вся затруднительность пріобрѣтенія удовлетворительной степени совершенства въ немъ. Есть ли возможность заохотить войска къ занятіямъ глазомѣромъ? Сколько можно думать, есть; для этого нужно измѣнить способъ примѣненія описанной методы къ дѣлу.

Нынѣшній способъ преподаванія глазомѣра ошибоченъ тѣмъ, что онъ раздѣляетъ опредѣленіе разстояній и стрѣльбу, и пріучаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на два независимыя одно отъ другаго занятія.

Между тѣмъ, по существу своему, глазомѣръ составляетъ такую же неотдѣлимую часть стрѣльбы, какъ заряжаніе и прицѣливаніе.

Отъ этого неестественнаго раздѣленія частей, составляющихъ одно цѣлое, происходитъ, что одна изъ нихъ пренебрегается совершенно, и если преподается, то чрезвычайно рѣдко, да и то потому только, что въ инструкціи существуетъ глава «О глазомѣрѣ».

Для того, чтобы въ войскахъ обращаемо было на глазомѣръ болѣе вниманія, можетъ быть два пути: 1) заинтересовать, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ къ занятіямъ имъ; 2) поставить ихъ, направленіемъ самого образованія, въ необходимость думать о немъ чаще, чѣмъ это дѣлается теперь.

Заинтересовать, особенно офицеровъ, къ упражненіямъ въ глазомѣрѣ не трудно; малые манёвры Гвардейскаго корпуса, прошлымъ лѣтомъ, дали не одинъ случай убѣдиться въ томъ.

Солдатъ же можно и должно заинтересовать къ упражненіямъ въ глазомѣрѣ, возвысивъ значеніе его относительно другихъ предметовъ образованія, посредствомъ повышеній и наградъ солдатамъ, оказавшимъ въ глазомѣрѣ значительные успѣхи. Донынѣ, какъ из-

ОГЛАВЛЕНІЕ

I ТОМА.

	Гдѣ было помѣщено	Стр.
Письма изъ Франціи	В. Сб. 1858 № 5	1
По поводу статьи: «Краткій Обзоръ Итальянской Кампаніи въ Инженерномъ отношеніи».	Инж. журн. 1861 № 1	13
Вліяніе распространенія нарѣзнаго оружія на воспитаніе и тактику войскъ	Оруж. Сб. 1861 № 1	23
Нѣкоторыя объясненія къ статьѣ о воспитаніи войскъ	Оруж. Сб. 1861 № 2	63
По поводу статьи «о производствѣ испытаній стрѣльбы»	Арт. жур. 1861 № 10	82
Объ атакахъ и оборонѣ	Оруж. Сб. 1862 № 2	97
Военная игра	Ор. Сб. 1862 №№ 1 и 4	111
Нѣсколько замѣтокъ по поводу статьи «Штыковый бой» и пр.	Ор. Сб. 1862 № 1	132
Нѣсколько словъ объ организаціи пѣхоты въ тактическія единицы	Ор. Сб. 1863 № 1	146
По поводу рецензіи на солдатскую справочную книжку, помѣщенной въ В. Сб.	Ор. Сб. 1863 № 4	156
Разборъ исторіи кампаніи 1859 года	Арт. журн. 1863 №№ 1, 3	171
Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ Тактикѣ	В. Сборн. 1866 № 1	221
Письма съ театра войны 1866 года	Р. Ин. 1866 №№ 188, 198, 203	248
Замѣтка по поводу статьи «Объ употребленіи Прусской Артиллеріи въ минувшую войну».	1866 Р. И. № 281	270
Отвѣтъ г. Ф	1866 Р. И. № 295	278
Отвѣтъ г. Д	» Р. И. № 331	286
О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ Тактикѣ . .	1867 В. Сб. №№ 11, 12	291
Дополненія и поясненія къ предыдущей статьѣ	1868 В. Сб. № 2	355
Отдѣлъ XIII французскаго устава о полевой службѣ	1868 В. Сб. № 5	382
Разборъ романа «Война и Миръ».	1868 г. Ор. Сб. № 4 1869 г. Ор. Сб. № 1	416
Винтовки скорострѣльная и обыкновенная	1869 г. Р. Инв. № 12, 13, 14	476
По поводу сочиненій, вызванныхъ кампаніями 1866 и 1870 годовъ: Статья 1	1872 г. В. Сб. № 12	500
Статья 2	1873 г. В. Сб. № 1	522
Статья 3	— В. Сб. № 3	541
Статья 4	— В. Сб. № 4	583
Отвѣтъ на возраженіе на статью 1	1873 г. В. Сб. № 6	609
Отвѣтъ на статью Monstrum horrendum въ обученіи войскъ	1873 г. Р. Инвал. № 171	613
О приказаніяхъ и донесеніяхъ	1872 г. Р. Инв. №№ 40, 111, 127	616

БИБЛІОТЕКА
КОРОТСКАГО
РЕЗЕРВНАГО
БАТАЛІОНА

1858 годъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ

I.

О послѣднихъ перемѣнахъ въ вооруженіи и стрѣльбѣ въ цѣль французской пѣхоты.

Съ 1-го іюня нынѣшняго года вся французская пѣхота вооружена нарѣзными ружьями, передѣланными изъ гладкоствольныхъ, образца 1842 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшена длина ствола на 54 миллиметра, то есть, сравнена съ длиною ствола ружья вольтижеровъ. А для того, чтобы общая длина ружья, какъ холоднаго оружія, осталась удовлетворительною, предположено удлинить штыкъ, не увеличивая, впрочемъ, его вѣса; этого можно достигнуть только утонивъ его, потому предположено, для приданія штыку бо̀льшей прочности, дѣлать его четырехграннымъ. Въ настоящее время новый штыкъ испытывается, но окончательно еще не принятъ.

Для передѣланнаго ружья прицѣлъ не принятъ, потому что онъ имѣетъ цѣлью такую точность въ стрѣльбѣ, которой отъ всей пѣхоты требовать нельзя, и потому, что, составляя выступающую часть на оружіи, усложняетъ его и затрудняетъ обращеніе съ нимъ. Прицѣломъ служитъ большой палецъ лѣвой руки, накладываемый на нижнюю гайку различно, сообразно дистанціямъ. Предѣльною дальностію для стрѣльбы всей пѣхоты принята дистанція въ 840 шаговъ.

При видимой неточности, этотъ способъ прицѣливанія даетъ результаты весьма удовлетворительные. Впрочемъ, въ настоящее время изобрѣтенъ прицѣлъ, который по прочности и простотѣ устройства можетъ служить для общаго употребленія во всей арміи.

Для стрѣльбы изъ передѣланнаго ружья принята пуля цилиндро стрѣльчатая, съ однимъ желобкомъ на поверхности и съ трех граннымъ углубленіемъ, вѣсомъ въ 7,5 зол. Она имѣетъ траэкто рію весьма отлогую, но по причинѣ малаго вѣса уступаетъ в вѣрности полета пулямъ Минье и стержневой; по этому она принята только для линейной пѣхоты; впрочемъ, она далеко пре восходитъ дальностью и вѣрностью пулю гладкоствольнаго ружья Вѣсъ ея ограниченъ 7,5 золотниковъ въ томъ соображеніи, чтоб общій вѣсъ патрона не превосходилъ вѣса прежняго гладкоствол наго патрона.

Результатъ стрѣльбы этой пулей достигаетъ до 63% на 28 шаговъ и 23% на 840 шаговъ; онъ былъ бы еще значительнѣе еслибъ нарѣзы передѣланнаго ружья были нѣсколько глубже: из опасенія слишкомъ ослабить стволъ, ихъ сдѣлали глубиною толь въ 0,08 линіи; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, они почти исче заютъ подъ нагаромъ. Стрѣльба тою же пулей изъ гвардейскаг ружья, имѣющаго нарѣзы глубже, даетъ лучшіе результаты.

Въ настоящее время опыты надъ пулей съ трехграннымъ уг лубленіемъ продолжаются безъ ограниченія въ вѣсѣ, съ цѣлы найдти пулю этой системы, равную стержневой по результатам стрѣльбы, съ тѣмъ, чтобы введеніемъ ея въ стрѣлковыхъ баталь онахъ можно было замѣнить стержень, невыгоды котораго пока зала Крымская кампанія. Постепенно увеличивая вѣсъ, дошли д пули въ 10,3 золот., которая почти, удовлетворяетъ этому усло вію. Но опыты продолжаются, съ цѣлью узнать, не дадутъ ли луч шихъ результатовъ пули болѣе тяжелыя, и для изслѣдованія вы годнѣйшей формы углубленія, при уничтоженіи наружнаго желобка Онъ признанъ безполезнымъ вслѣдствіе легкости задней части пули

Упражненія производятся на точномъ основаніи существую щихъ инструкцій, у насъ извѣстныхъ; поэтому упоминаю только двухъ предметахъ: 1) о способѣ показыванія попавшихъ пуль, и 2 о важныхъ недостаткахъ принятой въ настоящее время метод обученія стрѣльбѣ.

I. Махальные находятся въ траншеѣ, выкопанной передъ по лигономъ шагахъ въ 20 или 25. Траншея глубиною нѣсколь больше средняго роста человѣка въ головномъ уборѣ. Покатост ея, ведущая къ полигону или, что одно и тоже къ мишенямъ скошена на-нѣтъ. На мишень полагается одинъ только махальный снабженный краснымъ флагомъ. Находясь прямо передъ мишень въ траншеѣ, махальный видитъ точку удара каждой пули; есл она попала въ мишень, онъ поднимаетъ флагъ; если пуля попал въ сердце, онъ поднимаетъ флагъ и помахиваетъ имъ вправо

влѣво. Пуль непопавшихъ онъ вовсе не показываетъ. Отъ этого происходитъ огромный выигрышъ въ мѣстѣ и во времени: стрѣльба идетъ не прекращаясь; въ одну мишень могутъ стрѣлять единовременно отъ 5 до 10 человѣкъ, съ интерваломъ между выстрѣлами не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Достаточно сказать, что на 300 или 400 выстрѣловъ практической стрѣльбы, при этомъ способѣ, достаточно двухъ часовъ, между тѣмъ какъ при нашемъ способѣ на 250 выстрѣловъ необходимо, по крайней мѣрѣ, четыре или пять часовъ, да и то стрѣляя въ три мишени.

Съ перваго взгляда кажется, что французскій способъ не удовлетворителенъ, лишая стрѣлка возможности видѣть, куда попадаютъ его пули; но, во-первыхъ, для стрѣлка гораздо важнѣе знать направленіе полета непопавшихъ, чѣмъ мѣсто попавшихъ пуль, а этого при нашемъ способѣ показать нельзя; во-вторыхъ, на большую часть дистанцій, съ которыхъ теперь приходится стрѣлять, выстрѣлъ, близкій къ сердцу, есть дѣло удачи; а не искусства. Стрѣлокъ, начиная съ 400 шаговъ и далѣе, можетъ съ большою вѣроятностію сказать, что попадетъ въ мишень извѣстныхъ размѣровъ, но никогда не можетъ поручиться, что попадетъ въ извѣстную ея точку. Для этой послѣдней увѣренности нѣтъ основаній, потому справедливѣе считать хорошій выстрѣлъ просто попавшимъ въ мишень, а не въ тотъ или другой нумеръ ея. Знать мѣсто попавшаго выстрѣла полезно, но только на самыя близкія дистанціи, то есть, никакъ не далѣе 300 шаговъ. За этой дистанціей внѣшнія, независящія отъ стрѣлка, вліянія на полетъ пули усиливаются въ такой степени, что онъ не можетъ сказать навѣрное, почему онъ попалъ не въ середину мишени, а въ какой нибудь край ея. Слѣдовательно, ему нѣтъ пользы знать, куда попала пуля; направленія же непопавшихъ, какъ уже сказано, вахальные ему не показываютъ. Такимъ образомъ стремленіе къ точности въ показываніи, на большую часть дистанцій не приноситъ пользы, не даетъ понятія о достоинствѣ стрѣлка, которое въ результатѣ все-таки опредѣляется суммою попавшихъ выстрѣловъ, а не качествомъ ихъ. Вотъ причины, по которымъ французскій способъ показыванія выстрѣловъ предпочтительнѣе нашего, если не на всѣ дистанціи, то по крайней мѣрѣ, начиная шаговъ съ 400. Притомъ, способъ показыванія флагомъ допускаетъ гораздо больше сигналовъ, нежели принято у Французовъ; такъ, оставляя вертикальное поднятіе флага для обозначенія попавшихъ выстрѣловъ, можно употреблять наклоненіе его вправо или влѣво для обозначенія пуль, пролетающихъ мимо мишени. Здѣсь нѣтъ въ этомъ надобности, потому что полигоны насыпаны изъ глинисто-песча-

ной земли свѣтлаго цвѣта, пыль которой обнаруживаетъ мѣсто удара на самыя дальнія дистанціи.

II. Стрѣльба, признанная со времени усовершенствованія нарѣзнаго оружія главнымъ средствомъ пѣхоты противъ непріятеля, обратила уже на себя на столько вниманія, что обученіе собственно ей установлено на основаніяхъ раціональныхъ, представляющихъ извѣстную постепенность упражненій, которая ведетъ и къ экономіи припасовъ, и къ экономіи времени. Но эта метода не обнимаетъ всѣхъ сторонъ военной стрѣльбы, или по крайней мѣрѣ не обращаетъ ни нихъ вниманія, соотвѣтствующаго ихъ важности. Чтобы это показать, достаточно перечислить условія, при которыхъ солдатъ стрѣляетъ на самомъ дѣлѣ, и тѣ, въ которыя онъ бываетъ поставленъ для упражненія въ стрѣльбѣ въ мирное время. Конечно, здѣсь будетъ взята стрѣльба цѣпи, какъ дѣйствительнѣйшая и получившая рѣшительный перевѣсъ надъ стрѣльбою залпами.

Въ дѣлѣ стрѣлокъ долженъ: 1) слѣдить за даваемыми сигналами и приказаніями; 2) исполняя ихъ, примѣняться къ мѣстности, то есть, каждую минуту быть внимательнымъ къ ея видоизмѣненіямъ; 3) не упускать изъ виду цѣпи непріятельской или по крайней мѣрѣ той ея части, которая противъ него; 4) опредѣлять разстояніе до нея по признакамъ, чрезвычайно измѣнчивымъ, 5) и наконецъ стрѣлять. Если цѣпь, къ которой принадлежитъ стрѣлокъ, или непріятельская, въ движеніи, къ этому прибавляется еще послѣдовательное измѣненіе разстояній, то есть высотъ прицѣла, а въ первомъ случаѣ и примѣненіе къ мѣстности на походѣ. Здѣсь не принимается еще во вниманіе состояніе духа, не совсѣмъ хладнокровное вслѣдствіе грозящей опасности; не принимается потому, что при мирныхъ упражненіяхъ въ практику его ввести не возможно.

Этотъ перечень показываетъ, что при боевой стрѣльбѣ вниманіе солдата должно быть напряжено въ высшей степени, иначе онъ не въ состояніи будетъ исполнить своей обязанности. Такого рода вниманіе развивается только упражненіемъ: изученіе по частямъ того, что въ битвѣ солдату приходится дѣлать совмѣстно, принимать въ соображеніе единовременно, не будетъ достаточнымъ. Безъ привычки къ мысли, что всѣ эти соображенія должны слѣдовать въ извѣстной постепенности, стрѣлокъ неизбѣжно будетъ упускать изъ виду то или другое условіе, даже и тогда, еслибъ умѣлъ по отдѣльности соблюдать ихъ въ совершенствѣ.

Позволяемъ себѣ сдѣлать вопросъ: нынѣшняя метода обученія солдата даетъ ли ему возможность пріобрѣсти навыкъ прини-

мать въ соображеніе эти многоразличныя условія вдругъ? Отвѣтъ слѣдуетъ самъ собою, изъ краткаго обзора нынѣшней системы занятій.

Когда солдатъ на ученьи, отъ него требуютъ вниманія къ сигналамъ и командамъ, исполненія преподанныхъ ему правилъ поведенія во фронтѣ и въ цѣпи; при ученіи съ порохомъ отъ него требуется также частый, живой огонь, то есть то, что̀ Маршалъ Саксонскій называлъ tirerie.

На стрѣльбѣ отъ него требуютъ одного: попасть въ мишень съ заранѣе отмѣренной дистанціи, пришедши на которую солдатъ имѣетъ только одну заботу, поставить свой прицѣлъ на извѣстную цифру. До дистанціи собственно ему дѣла нѣтъ: она уже отмѣрена; опредѣлять ее, то есть, стараться подмѣтить разницу между признаками, соотвѣтствующими ей и другимъ дистанціямъ, нѣтъ никакого побужденія.

Наконецъ, обращаясь къ самой, если позволено такъ выразиться, пренебреженной части солдатскаго образованія—къ глазомѣру, кто не согласится, что она не только не намекаетъ (при нынѣшнемъ своемъ состояніи) на тѣсную связь свою съ перечисленными сторонами образованія, но и ведется еще вдобавокъ такъ, что приводитъ только къ одному—къ безполезной тратѣ времени?

И такъ, не будетъ, конечно, преувеличеніемъ если скажу, что при манёврированіи, солдатъ не думаетъ о стрѣльбѣ; на стрѣльбѣ не думаетъ о манёврированіи, ни объ опредѣленіи разстояній; на глазомѣрныхъ ученіяхъ—ни о стрѣльбѣ, ни о томъ, что на самомъ дѣлѣ ему часто придется опредѣлять разстоянія во время самаго маневрированія, подъ вліяніемъ противоположныхъ побужденій, внушаемыхъ чувствами самосохраненія и долга, подъ вліяніемъ тѣхъ безчисленныхъ и совершенно неожиданныхъ случайностей, которыя могутъ сбить съ толку и привычнаго человѣка.

Принявъ за аксіому, что занятія солдата въ мирное время должны по возможности приближаться къ тому, что̀ его ожидаетъ на войнѣ, нельзя не признать, что подобная система вовсе не удовлетворяетъ этому существенному условію. Ведя солдата по каждой части отдѣльно, она имѣетъ слѣдствіемъ, что война всегда застаетъ его нѣсколько въ расплохъ, и часто тѣмъ болѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ частей образованія совершеннѣе *). Послѣднее об-

*) Подобное совершенство достигается обыкновенно насчетъ прочихъ сторонъ образованія и оттого сопровождается упущеніемъ изъ виду главной цѣли, а это, самымъ естественнымъ путемъ, приводитъ къ педантизму въ предпочтенной сторонѣ образованія и часто къ нерасположенію относительно другихъ его сторонъ.

стоятельство еще болѣе указываетъ на необходимость совмѣстныхъ упражненій по различнымъ частямъ: только эта мѣра можетъ предпятствовать увлеченію въ какую нибудь односторонность. Въ доказательство того, что война застаетъ солдата не совершенно приготовленнымъ, приведемъ общеизвѣстный фактъ — ничтожность результатовъ стрѣльбы въ дѣлѣ, сравнительно съ количествомъ расходуемыхъ припасовъ. Обыкновенно приписываютъ это недостатку хладнокровія, и тому, что теряя хладнокровіе, солдатъ начинаетъ стрѣльбу раньше, чѣмъ позволяетъ дальность оружія. Но допуская въ немъ совершенное хладнокровіе, спрашиваемъ: многимъ ли онъ стрѣлялъ бы лучше, не умѣя опредѣлить разстоянія, не имѣя часто даже идеи, что его необходимо знать, для успѣшности въ стрѣльбѣ? Трудно сдѣлать хорошо то, чему не учили или учили не въ той постепенности относительно другихъ предметовъ, въ какой они между собою связаны въ дѣйствительности.

Это неудобство принятой системы занятій, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти можетъ быть устранено, когда: 1) глазомѣръ будетъ введенъ въ упражненія стрѣльбою, какъ нѣчто неразрывно съ нею связанное и, главное, ей предшествующее, и 2) когда манёврированіе будетъ сопровождать стрѣльбу.

Въ настоящее время глазомѣръ совершенно упущенъ изъ вида въ значительнѣйшихъ европейскихъ арміяхъ; говоримъ: «совершенно», потому что нынѣ существующая метода упражненій въ немъ не даетъ никакихъ результатовъ. Причина этого заключается въ сущности методы, или, правильнѣе, во взглядѣ на нее, и въ способѣ примѣненія ея къ дѣлу.

Сущность нынѣшней методы обученія глазомѣру заключается въ томъ, чтобы судить о разстояніи по соотвѣтствующимъ ему измѣненіямъ въ наружномъ видѣ и величинѣ предметовъ. Основаніе это совершенно раціонально, но понимается слишкомъ теоретически и по этому въ примѣненіи неосуществимо. Полагаютъ, что возможно сознательно запомнить признаки, соотвѣтствующіе различнымъ дистанціямъ; нѣкоторые принимались даже составлять перечень этихъ признаковъ: нечего, кажется, говорить, въ какой степени то и другое ошибочно. Всякому извѣстно, что достаточно малѣйшаго измѣненія въ освѣщеніи предмета, для того, чтобы измѣнить его видъ. Подобное измѣненіе обусловливается не однимъ освѣщеніемъ, но также и положеніемъ предмета относительно другихъ и множествомъ обстоятельствъ, которыхъ сознательно принять въ соображеніе нѣтъ возможности. Нужно еще взять въ расчетъ, что признаки эти не на всякій глазъ производятъ одно и

то же впечатлѣніе, и измѣняются съ чрезвычайною постепенностью, замѣтною только для привычнаго глаза.

Безконечная видоизмѣняемость признаковъ показываетъ, что ихъ можно инстинктивно помнить и, такъ сказать, чувствовать, но замѣтить и выразить словомъ нельзя; это, вмѣстѣ съ различіемъ впечатлѣнія, производимаго на тотъ или другой глазъ, приводитъ къ заключенію, что искусство въ глазомѣрѣ—дѣло чисто личное, неподчиняемое какимъ либо общимъ для всѣхъ нормамъ, невозводимое въ теорію. Метода, какая бы то ни было, ни облегчитъ, ни ускоритъ пріобрѣтенія въ немъ совершенства не можетъ. Только личная, самая настойчивая и безпрерывная практика можетъ дать удовлетворительные результаты. Однимъ словомъ, глазомѣръ есть дѣло навыка, наглядки, но не теоритическаго знанія.

Изъ этого видна вся важность глазомѣра, и вся затруднительность пріобрѣтенія удовлетворительной степени совершенства въ немъ. Есть ли возможность заохотить войска къ занятіямъ глазомѣромъ? Сколько можно думать, есть; для этого нужно измѣнить способъ примѣненія описанной методы къ дѣлу.

Нынѣшній способъ преподаванія глазомѣра ошибоченъ тѣмъ, что онъ раздѣляетъ опредѣленіе разстояній и стрѣльбу, и пріучаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на два независимыя одно отъ другаго занятія.

Между тѣмъ, по существу своему, глазомѣръ составляетъ такую же неотдѣлимую часть стрѣльбы, какъ заряжаніе и прицѣливаніе.

Отъ этого неестественнаго раздѣленія частей, составляющихъ одно цѣлое, происходитъ, что одна изъ нихъ пренебрегается совершенно, и если преподается, то чрезвычайно рѣдко, да и то потому только, что въ инструкціи существуетъ глава «О глазомѣрѣ».

Для того, чтобы въ войскахъ обращаемо было на глазомѣръ болѣе вниманія, можетъ быть два пути: 1) заинтересовать, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ къ занятіямъ имъ; 2) поставить ихъ, направленіемъ самого образованія, въ необходимость думать о немъ чаще, чѣмъ это дѣлается теперь.

Заинтересовать, особенно офицеровъ, къ упражненіямъ въ глазомѣрѣ не трудно; малые манёвры Гвардейскаго корпуса, прошлымъ лѣтомъ, дали не одинъ случай убѣдиться въ томъ.

Солдатъ же можно и должно заинтересовать къ упражненіямъ въ глазомѣрѣ, возвысивъ значеніе его относительно другихъ предметовъ образованія, посредствомъ повышеній и наградъ солдатамъ, оказавшимъ въ глазомѣрѣ значительные успѣхи. Донынѣ, какъ из-

вѣстно, подобныхъ поощреній удостоивались, почти исключительно, только твердые по фронту.

Поставить офицеровъ и солдатъ въ необходимость думать о глазомѣрѣ можно весьма просто—уничтоживъ родъ стрѣльбы, никогда непроизводимой *) на самомъ дѣлѣ, именно: стрѣльбу съ отмѣренныхъ дистанцій.

Противъ этого измѣненія можно сдѣлать одно только возраженіе—что результаты подобной стрѣльбы не будутъ утѣшительны. Такъ, особенно въ первое время; но эти результаты будутъ ближе къ тому, что происходитъ на самомъ дѣлѣ, слѣдовательно, упражненіе будетъ болѣе соотвѣтствовать цѣли. Мирныя упражненія имѣютъ цѣлью не блестящіе результаты на смотрахъ, а возможно менѣе плохіе на войнѣ; сверхъ того, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ практики, результаты возростутъ, хотя и не достигнутъ того эффекта, которымъ обязаны отмѣренной дистанціи, сидячему положенію и прочимъ удобствамъ; но за то успѣхи будутъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ, потому что не на много уменьшатся и на самомъ дѣлѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, глазомѣръ введется въ стрѣльбу какъ ея существенная, нераздѣльная часть. Стрѣльба съ отмѣренныхъ дистанцій и отдѣльныя отъ нея глазомѣрныя ученія останутся только для молодыхъ солдатъ, и займутъ не болѣе $^1/_3$ или даже $^1/_4$ того времени, которое солдатъ остается на службѣ (слѣдовательно, у насъ не болѣе какъ практику трехъ лѣтъ). Остальное время будетъ посвящено: 1) стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ дистанцій, на мѣстѣ; 2) стрѣльбѣ съ наступленіемъ и отступленіемъ; 3) стрѣльбѣ со всѣми эволюціями, принятыми для стрѣлковой цѣпи, т. е. съ перемѣною цѣпей, фронта, съ построеніемъ кучекъ, съ боковыми движеніями цѣпей и всегда съ примѣненіемъ къ мѣстности. Конечно, изъ этихъ трехъ родовъ стрѣльбы только первый можетъ быть примѣненъ во всей пѣхотѣ; остальные два составили бы чрезвычайно полезную практику для стрѣлковыхъ батальоновъ. Для всей пѣхоты, они приняты быть не могутъ, по большому количеству патроновъ, котораго требуютъ.

Возможно ли осуществленіе этой системы? Надобно думать, что оно возможно, и въ особенности у насъ, по обилію мѣстъ, удобныхъ для стрѣльбы. Впрочемъ, первый родъ стрѣльбы примѣ-

---

*) Конечно, есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ ее приходится производить и съ отмѣренныхъ дистанцій; но, во-первыхъ, они такъ рѣдки, что составляютъ исключеніе; во-вторыхъ, кто пріученъ стрѣлять съ неопредѣленныхъ дистанцій, тотъ не затрудится стрѣлять съ извѣстныхъ, чего нельзя сказать на-оборотъ.

нимъ даже вездѣ, и во Франціи онъ уже составляетъ часть, хотя и весьма незначительную, годовой практики. Польза отъ измѣненія стрѣльбы на этихъ основаніяхъ очевидна: 1) солдатъ будетъ имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, что̀ ему приходится дѣлать на войнѣ, о чемъ въ мирное время всегда забываютъ; 2) онъ пріобрѣтетъ привычку маневрировать съ заряженнымъ оружіемъ, что̀ отвратитъ множество несчастныхъ случайностей, неминуемыхъ при недостаткѣ такой привычки, особенно въ минуты, когда теряется хладнокровіе; 3) солдатъ перестанетъ стрѣлять на-обумъ, къ чему очень привыкаетъ при стрѣльбѣ холостыми патронами на ученіяхъ; 4) тогда нельзя будетъ упустить изъ виду правила, что сложныя эволюціи для войны не годятся, и что наполнять ими уставъ не значитъ пріучать армію къ хорошему маневрированію, а отучать отъ него; 5) солдатъ, понимая цѣль упражненій, приметъ въ нихъ болѣе внимательнаго участія; это поведетъ къ развитію въ немъ той самостоятельности, которая, не уменьшая повиновенія, сдѣлаетъ солдата человѣкомъ находчивымъ, могущимъ распорядиться въ затруднительномъ случаѣ, не ожидая указанія,—человѣкомъ, котораго можно предоставить самому себѣ; а въ нынѣшнее время, при рѣшительномъ перевѣсѣ разсыпнаго строя надъ сомкнутымъ, это составляетъ условіе первой важности.

II.

Заготовленіе фуража по способу Нодена.

Приготовленіе фуража, по способу, изобрѣтенному Ноденомъ, ветеринаромъ гвардейскаго конно-артиллерійскаго полка, заслуживаетъ самаго серьёзнаго вниманія: сколько можно судить, оно произведетъ великій переворотъ вообще въ военномъ дѣлѣ, и особенно въ морскихъ экспедиціяхъ. Раціонъ лошади, приготовленный по системѣ Нодена, представляетъ параллелепипедъ въ три четверти (0,74) кубическаго фута; онъ имѣетъ видъ довольно плотноспресованной, но не совершенно компактной массы, такъ что лошадь можетъ откусывать его безъ всякаго затрудненія. Раціонъ состоитъ изъ овса, соломы и сѣна, взятыхъ въ соразмѣрности, принятой здѣсь для дневной дачи (5 килограммовъ сѣна, 5 килограммовъ соломы, 3, 6 килограммовъ овса) *), и спресованныхъ

*) 12,2 фунта сѣна, 12,2 соломы и 8,78 ф. овса.

съ тѣмъ только измѣненіемъ противъ натуральнаго ихъ вида, ч
сѣно и солома употребляются рублеными и предварительно выс
шенными. Для связи частей раціона между собою, Ноденъ уп
требляетъ растительное клейкое вещество, которое, по его сл
вамъ, играетъ еще другую весьма важную роль—препятствует
улетучиванью ароматическихъ частей сѣна и благопріятствует
пищеваренію. Въ приготовленіи этого вещества заключается сущ
ность секрета Нодена *). Для удобства употребленія, раціоны ра
дѣляются на малые квадраты, каждый изъ которыхъ составляет
$^1/_{12}$ часть раціона; четыре такихъ квадрата составляютъ кусок
принятый для перевозки. Отъ сушки и прессованья раціонъ т
ряетъ 10% натуральной влаги, заключающейся въ соломѣ и сѣн
но это весьма легко возстановить; стоитъ только, передъ дачей
окунуть даваемую часть раціона въ воду. Притомъ сухость н
сколько не мѣшаетъ лошадямъ ѣсть композицію Нодена съ бол
шою охотою, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться лично,—на опы
тѣ, произведенномъ Ноденомъ надъ тридцатью лошадьми. Н
смотря на то, что я зашелъ въ конюшню неожиданно и
самую неблагопріятную для подобнаго испытанія минуту, т. е
вскорѣ послѣ раздачи лошадямъ овса, на 30 лошадей нашли
только двѣ, которыя отказались ѣсть предлагаемую композицію, н
смотря на то, что она была несмочена. Ѣдятъ ее лошади чре
вычайно скоро, но пережевываютъ хорошо, потому что солома у
изрублена.

Вотъ перечень выгодъ, которыя этотъ способъ приготовленія ф
ража даетъ въ отношеніи экономіи фуража и перевозки, его сбереже
и здоровья лошади, Ни одна часть дневной дачи не теряется ни отъ ра
трухи, ни отъ того, что сама лошадь разбрасываетъ сѣно; въ тоже вре
лошадь пережевываетъ смѣшанный фуражъ лучше; потому ясн
что при употребленіи композиціи Нодена, мѣньшимъ сравнительн
количествомъ можно достигнуть того же результата. Такъ въ н
стоящее время дача артиллерійскихъ лошадей составляетъ во Фра
ціи 33,2 ф.; раціонъ Нодена составляетъ только 24,4 ф. Правд
часть этого уменьшенія приходится на высушиваемую натуральну
влагу (10% отъ 33,2 ф. составляютъ 3,32 ф.; такъ что дѣйств
тельный выигрышъ=5,48 ф.), но все же, и за вычетомъ на н
10%, экономія достаточно велика, чтобы покрыть расходы фабр
каціи даже въ настоящее время, при ограниченности ея развит

*) По словамъ изобрѣтателя, главную составную часть этого вещества
ставляетъ льняное истолченое сѣмя.

и при понятномъ несовершенствѣ способовъ производства. По словамъ изобрѣтателя, въ Англіи *) признано даже возможнымъ уменьшить дневную дачу до 19,52 ф.

Раціонъ Нодена, вѣсящій 24,4 ф., занимаетъ только 0,74 куб. фут.; слѣдовательно масса, заключающаяся въ кубической сажени, будетъ равна 278 пудамъ. Но изъ простаго нажатія фуража Нодена рукою, легко убѣдиться, что этотъ фуражъ допускаетъ сжатіе еще несравненно значительнѣйшее, чѣмъ какому былъ подвергнутъ при фабрикаціи. Принимая въ соображеніе, что въ фуражѣ Нодена заключаются всѣ составныя части питанія лошади, нельзя не видѣть, что онъ превосходитъ натуральный фуражъ многими удобствами, весьма важными, особенно для военнаго времени. Форма его и незначительные размѣры кусковъ чрезвычайно удобны при укладкѣ; раздача въ войска также значительно облегчится. Самое потребленіе его, при которомъ раструска невозможна, избавляетъ отъ значительной траты, а вслѣдствіе связующаго состава онъ идетъ больше въ прокъ лошадямъ. Онѣ пережевываютъ его, какъ выше сказано, лучше, вслѣдствіе смѣшенія различныхъ частей, и скорѣе, потому что работа жеванія облегчена предварительной сѣчкой сѣна и соломы, входящихъ въ составъ композиціи. Скорое пережевываніе, по мнѣнію людей, опытныхъ въ обращеніи съ лошадью, весьма важно, особенно въ военное время, потому что лошадямъ остается болѣе времени для отдыха.

Способъ приготовленія фуража Нодена примѣнимъ ко всѣмъ родамъ сѣна и соломы. Въ послѣднее время изобрѣтатель предпринялъ опыты для изслѣдованія: возможно ли приготовлять подобную композицію изъ другихъ растительныхъ веществъ, какъ напримѣръ изъ листьевъ нѣкоторыхъ деревьевъ и т. п. Само собою разумѣется, что эти композиціи назначаются не для лошади, а для тѣхъ изъ домашнихъ животныхъ, которыя ѣдятъ эти вещества въ натуральномъ ихъ состояніи. Такимъ образомъ поставленный, вопросъ предполагаетъ общее разрѣшеніе задачи:

1) Улучшить пищу животныхъ, облегчивъ пережевываніе ея *)

*) Англичане, извѣстные умѣньемъ своимъ съ разу отличать дѣльныя вещи между множествомъ предложеній, возникающихъ здѣсь безпрестанно, уже оцѣнили изобрѣтеніе Нодена; и такъ какъ онъ взялъ на него привилегію въ Англіи и во Франціи на 14 лѣтъ, то теперь англійское правительство договаривается съ нимъ объ уступкѣ привилегіи за весьма значительную сумму. Эти переговоры начаты вслѣдствіе опытовъ, произведенныхъ въ довольно большихъ размѣрахъ въ Англіи.

**) Слѣдовательно, сдѣлать для животныхъ то, что человѣкъ сдѣлалъ для себя, перейдя, напримѣръ, въ хлѣбѣ отъ употребленія зеренъ въ натуральномъ видѣ къ молотью ихъ и потомъ къ печенію. Нельзя отвергать справедливости той мысли, что усовершенствованіе натуральныхъ предметовъ питанія животныхъ возможно въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ оно возможно для пищи человѣка.

и устранивъ потерю питательныхъ частицъ прибавкою такихъ веществъ, которыя способствуютъ ихъ отдѣленію.

2) Употреблять для этой пищи вещества, которыя донынѣ терялись безъ пользы.

Куски композиціи не заключаютъ въ себѣ влаги, и можно положить съ большимъ вѣроятіемъ, что фуражъ въ этомъ видѣ, относительно сбереженія, ничѣмъ не уступаетъ обыкновенному, или даже превосходитъ обыкновенный фуражъ, потому что можетъ быть легче провѣтриваемъ.

1861 годъ.

ıоводу статьи: «Краткій обзоръ Итальянской кампанiи 859 г. въ инженерномъ отношенiи». Санъ-Мартинскій Тетъ-де-Понъ.

Итальянская кампанія 1859 года представляетъ полное глу-о назиданія столкновеніе арміи, въ которой уважается чело-ская личность, съ тою, гдѣ она принимается какъ мертвый ріалъ, который можно тесать, подрѣзывать, вытягивать для чтобы обдѣлать его въ извѣстную форму. Французъ, легкоенный, добродушно дерзкій на языкъ и потому живой, впетельный, легко вдохновляемый самыми нехитрыми способами; щійся надъ всѣмъ, до Луи Наполеона включительно, и именно му готовый положить за него голову, или надорваться на ой работѣ по одному его слову, знаку; неспособный ни отъ вынести оскорбленіе и въ тоже время полный самой беззаій готовности служить чѣмъ и какъ можетъ своему старшему— солдатъ съ колыбели (начиная 1793 годомъ) былъ поставь лицомъ къ лицу съ Австрійскимъ солдатомъ, дисциплинированымъ (въ извѣстномъ смыслѣ), покорнымъ, придушеннымъ, исняющимъ все по приказанію, не разсуждая, и теряющимся но вслѣдствіе этой привычки, какъ только приходится рѣся на что нибудь безъ приказанія; съ Австрійскимъ солдатакъ прекрасно обученнымъ, что нѣтъ движенія, котораго нъ не выполнилъ «по правиламъ», который, можетъ быть, и тѣ соблюдаетъ правила стойки. Съ солдатомъ, который такъ расно равняется въ шеренгахъ и рядахъ, который такъ единственно принимаетъ команду на мирныхъ упражненіяхъ, кой не опоздаетъ $^1/_{10}$ секунды, поднимая или опуская ногу, дѣріемъ или отнимая руку, который наконецъ доведенъ до того матическаго совершенства, которое даетъ возможность изъ маъ въ сомкнутомъ строю сдѣлать балетъ, самый блистательный, й пріятный для глазъ. Кто кого изъ нихъ одолѣетъ? кто же не тотъ, кто такъ хорошо «пріученъ соблюдать въ массѣ

единство движеній, а слѣдовательно и дѣйствій? И такъ утверждали многіе до начала кампаніи: да и какъ было не утверждать? Одѣты войска чисто, фронтъ при встрѣчѣ дѣлаютъ исправно, выправка удивительна, на ученьяхъ заглядѣнье; гдѣ же съ такими войсками справиться распущенному французу, неопрятному, встрѣчающему старшаго съ кепи на затылкѣ, съ разстегнутыми крючками, грязновато одѣтому, безъ всякой выправки, щедушному, и совершенно неспособному пройти даже 10 шаговъ на одной линіи съ товарищами?» Онъ не способенъ соблюдать единство движеній, «а слѣдовательно и дѣйствій!»

Кампанія переставила заключенія, т. е., умѣвшіе соблюдать единство движеній, не соблюли единства дѣйствій, и на оборотъ.

Отчего это вышло? Отъ преобладанія спеціализма въ образованіи надъ общей цѣлью, которой всегда должны быть подчиняемы частныя спеціальности, и которыя сами себѣ цѣлью быть никогда не должны.

Но какое же отношеніе это имѣетъ къ инженерной спеціальности, скажете вы. По несчастію большее, чѣмъ бы было желательно. Чего бы ни достигалъ человѣкъ, онъ всегда начинаетъ идти путемъ аналитическимъ, т. е. разлагаетъ предметъ своего изученія или дѣятельности на части, приготовляетъ ихъ, и наконецъ соединяетъ ихъ воедино, т. е. восходитъ до синтеза. Въ практикѣ это не всегда послѣдовательно проводится, Очень часто, разложивъ извѣстный предметъ, такъ увлекаются составными частями, что общая цѣль утрачивается. И чѣмъ предметъ сложнѣе, тѣмъ, само собою разумѣется, опасность подобнаго увлеченія вѣроятнѣе и результаты его грустнѣе. Въ военномъ образованіи Австрійцы,—да и не они одни—остановились на этомъ анализѣ и поплатились.

Военное образованіе имѣетъ въ виду приготовить человѣка бить врага съ возможно-меньшими потерями и усиліями. Эта цѣль предполагаетъ совершенство многихъ сторонъ образованія воина, но совершенство относительное, т. е., разумѣемое неиначе какъ въ подчиненіи общей цѣли. Главнѣйшія изъ этихъ сторонъ суть: совершенство въ одиночномъ бою солдата, или умѣнье владѣть своимъ оружіемъ; умѣнье соединяться для дружнаго удара въ массы, умѣнье укрыться отъ ударовъ противника въ тѣ минуты боя, когда пришлось бы подвергаться этимъ ударамъ безполезно, т. е. не отдавая ихъ противнику.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ разлагается также на составныя части, которыя необходимо изучить одна за другой для того, чтобы быть въ состояніи образовать изъ нихъ одно частное цѣлое и

сдѣлать его способнымъ въ свою очередь составить гармоническую часть общаго цѣлаго, высшаго порядка, которое и есть способность бить врага съ возможно меньшими для себя потерями и усиліями.

Такъ, одиночное образованіе разлагается на гимнастику, фехтованье, стрѣльбу и собственно подготовку къ сомкнутому строю, т. е. привычку подчиняться одной командѣ, ходить въ ногу, и проч. и проч.

Образованіе въ массѣ составляетъ уже синтезъ своего рода: соединеніе въ одно цѣлое всего того, что относится собственно къ маневрированію.

Наконецъ третій отдѣлъ не ведетъ прямо къ достиженію цѣли, а только облегчаетъ это достиженіе; онъ отвѣчаетъ не безстрашнымъ инстинктамъ человѣческой природы, напротивъ,—онъ существуетъ для удовлетворенія чувству самосохраненія, на сколько проявленіе его можетъ быть законно въ дѣлѣ, гдѣ высшее выраженіе достоинства человѣка заключается въ полномъ самоотверженіи.

Изъ этого уже видна скользкая почва, на которую ведетъ этотъ отдѣлъ. Въ первыхъ двухъ, разсматриваемыхъ независимо отъ общей цѣли, говорятъ человѣку: будь безстрашенъ, лѣзь впередъ, хлопочи не о томъ, чтобы обороняться, а только о томъ, чтобы наносить удары, и побѣда твоя. Принципъ третьяго отдѣла не тотъ: укройся и заставь подходить къ себѣ открыто; наставь преградъ, которыя задержали бы непріятеля подъ твоимъ огнемъ.....

Даже встрѣча непріятеля, разстроеннаго этими препятствіями лежитъ уже внѣ этаго отдѣла, потому что она составляетъ общую цѣль, къ которой должны стремиться военныя усилія и которая уже по этому самому не заключается ни въ одномъ изъ нихъ, а такъ сказать вѣнчаетъ ихъ. Изъ этого уже видно, что двѣ эти стороны образованія отправляются отъ противоположныхъ точекъ и взятыя отдѣльно, составляютъ непримиримое другъ другу противорѣчіе. Разъ они изолированы другъ отъ друга, они развиваются самостоятельно и доводятъ свой собственный принципъ до крайнихъ послѣдствій. Общая цѣль исчезаетъ.

И пусть не думаютъ, чтобы была какая либо возможность удержаться отъ подобныхъ увлеченій при изолированномъ положеніи частей образованія. Исторія даетъ намъ практическія подтвержденія неизбѣжности этого; науки—доказательства теоретическія. Всякому извѣстно, что такое опредѣленіе точки посредствомъ засѣчки; одна линія даетъ направленіе, на которомъ находится точка, но идетъ въ безконечность; только другая линія,

взятая вмѣстѣ съ первой современно и совмѣстно опредѣляетъ положеніе точки. То же относится и до степени совершенства въ различныхъ частяхъ образованія: конечное совершенство въ каждой изъ нихъ, взятой отдѣльно, уходитъ далеко за ту точку, которая составляетъ общую цѣль—двухъ или нѣсколькихъ сторонъ образованія, и уже тѣмъ самымъ составляетъ не совершенство, а недостатокъ.

Этотъ примѣръ кажется достаточно показываетъ, что совершенство въ какомъ либо предметѣ, взятомъ отдѣльно, не есть одно и то же, что совершенство въ томъ же предметѣ, но только взятомъ какъ составная часть извѣстнаго цѣлаго. То, что можетъ быть совершенствомъ въ предметѣ, взятомъ отдѣльно, будетъ уродствомъ въ томъ тѣлѣ, котораго этотъ предметъ составляетъ одинъ только членъ.

Такъ, въ военномъ образованіи гимнастика, взятая отдѣльно, имѣетъ конечнымъ выраженіемъ своего совершенства акробатство; маневрированіе—балетныя фигуры, поражающія единовременностью и отчетливостью исполненія; стрѣльба—искусство попаданія, доведенное до обоготворенія ружья и до степени нежеланія сближаться съ противникомъ на дистанцію штыка, фехтованіе—искусство парировать удары, а не наносить ихъ; искусство укрытія—вѣрованіе въ то, что не человѣкъ долженъ защищать укрѣпленія и другія постройки, и преграды, а напротивъ—онѣ должны защищать человѣка.

Изъ этого видно, что различныя части образованія военнаго безучастно поставленныя одна около другой, приводятъ въ своемъ окончательномъ выраженіи къ такимъ противорѣчіямъ, которыя отрицаютъ человѣка какъ человѣка, т. е., не разсчитываютъ на его нравственную силу, а на что нибудь чисто матеріальное: на сплоченность массъ въ маневрированіи, на ловкость руки въ фехтованіи, на недоступность укрѣпленія—въ укрытіи.

Связь между этимъ и аналитическимъ положеніемъ военнаго образованія также ясна, какъ между причиною и слѣдствіемъ. Но это только непосредственныя послѣдствія: разрушающая сила анализа ведетъ насъ неудержимо дальше и доводитъ до полнаго разложенія главныхъ отдѣловъ образованія. Дѣйствительно, скоро является желаніе усовершенствованія въ каждомъ отдѣлѣ. Въ маневрированіи замѣчаютъ, что для идеальной единовременности движенія необходимо, чтобы на ходу нога задерживалась у каблука и потомъ плавно проводилась впередъ, и притомъ носкомъ внизъ (носковъ вверхъ уравнять невозможно или покрайней мѣрѣ довольно трудно); этого мало: скоро качка въ корпусѣ, неоднообразіе поло

женія тѣла начнутъ мучить глазъ, испорченный остановкою на анализѣ,—и образуются отдѣльныя науки о стойкѣ, маршировкѣ, поворотахъ, пріемахъ и тому подобныя. Можно сказать положительно, что еслибъ было найдено средство удлинять и укорачивать человѣческое тѣло посредствомъ операціи, это искусство получило бы въ войскахъ обширное примѣненіе.

Продѣлывать все это начнутъ не въ совокупности, какъ это приходится исполнять на практикѣ, нѣтъ, даже и на смотрахъ будутъ продѣлывать это въ отдѣльности.

Какой результатъ всего этого?

Искусство для искусства, т. е., самая страшная несообразность въ практическихъ вещахъ. Скоро въ маневрированіи обнаруживается, что дѣло не въ томъ, чтобы напр. дойдти до извѣстнаго мѣста, а въ томъ только, чтобы дойдти извѣстнымъ образомъ; другими словами—цѣли ходьбѣ никакой не даютъ; она сама себѣ цѣль и наслажденіе тѣмъ, которые знаютъ въ чемъ сущность «шага»; или, правильнѣе, цѣлью въ ней является извѣстная условная граціозность, при ней соблюдаемая; возникаетъ маршировка, рядомъ съ ходьбою; въ караулъ, на рынокъ—солдатъ идетъ; на ученьи—онъ маршируетъ.

Мало по малу возникаетъ расколъ тамъ, гдѣ его быть не должно: является ученье съ примѣненіемъ къ мѣстности, ученье безъ примѣненія къ мѣстности, маневрированіе, тонкая стрѣльба и т. д.

У нѣкоторыхъ до такой степени пропадаетъ сознаніе цѣли, что направленіе движенія назначается не по предметамъ, впереди лежащимъ, а по тѣмъ, которые съ боку. Занимаются не тѣмъ, чтобы достигнуть общей цѣли, а тѣмъ, въ какомъ строю тотъ или другой баталіонъ; и соблюдаютъ ли они между собою уставные интервалы *).

Разъ спускаемся въ это темное царство мелочей, ясно и безъ объясненія, что человѣкъ, поставленный въ необходимость самъ ихъ изучать или преподавать другимъ, лишается достойной его дѣятельности, а это отражается неизбѣжно на его духовной природѣ. Не видя общей цѣли, онъ не въ состояніи одинаково принимать въ расчетъ всѣ стороны, ее зиждущія, увлекается какою нибудь одною и развиваетъ ее до возможнаго совершенства. Обра-

*) Краткость выраженія, т. е умолчаніе о томъ, что само собою разумѣется, была причиною, что это и ему подобныя выраженія казались невнимательнымъ читателямъ отрицаніемъ значенія устава, чего вовсе нѣтъ. Заниматься слѣдуетъ и строемъ, и интервалами, и дистанціями; но только не однимъ этимъ заниматься слѣдуетъ, а и всѣмъ остальнымъ.

зецъ подобнаго увлеченія представляетъ пристрастіе къ сомкнутому строю, столь свирѣпствующее въ Австріи и въ другихъ мѣстахъ.

И пусть не подумаютъ, что подобный результатъ принадлежитъ только одному маневренному увлеченію; къ тому же, только другимъ путемъ, приводитъ и увлеченіе стрѣльбою, и увлеченіе гимнастикою, наконецъ увлеченіе инженернымъ элементомъ образованія.

У Австрійцевъ послѣднее дошло до крайней степени. Мы считаемъ необходимымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что подобное увлеченіе немного проглядываетъ и въ статьѣ г. N.

Г. N. раздѣляетъ обзоръ Итальянской кампаніи на три отдѣла, изъ которыхъ первый есть обзоръ страны въ инженерномъ отношеніи. Но озаглавивъ такимъ образомъ отдѣлъ, онъ дѣлаетъ не инженерный, а стратегическій обзоръ. Такъ, по его мнѣнію, границы австрійской Италіи лучше уже тѣмъ, что заняты силами, въ $2^1/_2$ раза превосходящими войска непріятеля. Но вѣдь это не свойство границъ, а уже свойства, возникающія изъ отношенія силъ противниковъ; смѣшаны такимъ образомъ понятія совершенно разнородныя.

Далѣе, разбирая Казаль-Александрійскую позицію, онъ утверждаетъ, что объ нее разбились усилія Австрійцевъ. Трудно было разбиться и потому между прочимъ, что ни одного усилія не было сдѣлано для одолѣнія этой позиціи. Она оказала огромную услугу, давъ возможность Французамъ сосредоточиться подъ ея покровительствомъ; но еще вопросъ—имѣло ли бы это мѣсто, при болѣе рѣшительномъ образѣ дѣйствій со стороны Австрійцевъ. Должно имѣть въ виду, что въ началѣ кампаніи они имѣли впереди, покрайней мѣрѣ, недѣли двѣ времени: если бы, воспользовавшись имъ, они, вмѣсто того, что бы грабить Ломеллину, бросились къ Генуѣ. оставивъ наблюдательный корпусъ у Александріи, или на Туринъ, оберегаясь со стороны Казале—кампанія могла разыграться совершенно иначе; и Казале-Александрійская позиція не спасла бы союзниковъ отъ неудачъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ кампаніи. Но тутъ-то и обнаружилось пагубное вліяніе раздѣльности образованія: всѣ препятствія, противупоставленныя непріятелемъ, слишкомъ были приняты въ серіозную сторону; другими словами нравственная доблесть войскъ, которыхъ назначеніе преодолѣвать эти препятствія. была поставлена ни во что.

Почему же такая вѣжливость передъ непріятелемъ, почему такое уступчивое согласіе считать важнымъ и грознымъ то, что онъ поставилъ для угрозы? Потому что въ курсахъ стратегіи и фортификаціи говорится о важности крѣпостей въ извѣстномъ положеніи; о томъ, что опасно оставлять ихъ у себя на флангѣ, и

подобное. Для того, кто привыкъ не выпускать изъ виду об-
цѣли, эти страхи имѣютъ только значеніе относительное: при-
ть къ мѣрамъ для предотвращенія ихъ, не останавливая на
къ достиженію цѣли; для привыкшаго смотрѣть на нихъ въ
льности, эти препятствія вырастаютъ въ грозный фантомъ,
ивъ котораго нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ пассивной осто-
ности. Это заблужденіе не ново въ военномъ дѣлѣ: лѣтъ пол-
ста-двѣсти тому назадъ непрерывныя линіи укрѣпленій счита-
чѣмъ то неодолимымъ по теоріи, и толпа подчинялась этому
говору, принявъ на вѣру то, что ей говорили господа, увлекаю-
я однимъ геометрическимъ элементомъ, или чѣмъ либо подоб-
ъ.

У Австрійцевъ это увлеченіе, это благоговѣніе передъ всѣми
ивупоставленными имъ препятствіями, по нѣкоторымъ обстоя-
ьствамъ понятно болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь.

Кто не обращается къ человѣку, тому остается единственный
одъ—положиться на различныя матеріальныя средства для своей
иты: на множество крѣпостей, на громаду артиллеріи...

Въ Австрійской арміи существовало то преобладаніе инженер-
элемента, которое по мнѣнію Г. N можетъ отразиться такими
годѣтельными послѣдствіями на дѣйствіяхъ войскъ, и что же?
привело только къ новымъ страданіямъ людей, составляющихъ
армію, и не принесло имъ и тѣни пользы. Что въ австрійской
іи инженеровъ слушались, доказательство всѣ укрѣпленія, воз-
енныя въ началѣ кампаніи на протяженіи отъ С. Мартино до
аделла; что ни одно изъ нихъ ни на секунду не задержало
знековъ—это также вѣрно. Къ чему же повела ихъ постройка?
одному истощенію солдатъ, которые и безъ того уже въ воен-
время несутъ бремя немалое.

Человѣкъ есть животное привычки—это уже давно сказано;
воспитанъ для встрѣчи со врагомъ лицомъ къ лицу, тотъ съ-
етъ встрѣтить его за валами, чего нельзя сказать на оборотъ.
Французы, сравнительно, не выкопали горсти земли; имъ вездѣ
ходилось бороться съ естественными преградами (искусственныя
и такъ неудачно расположены, что всѣ остались въ сторонѣ
наступленіи французовъ) и они вездѣ ихъ преодолѣли. Вы
жете, что это крайность; далеко нѣтъ! Французы доказали въ
жирѣ на дѣлѣ, что гдѣ нужно рыться въ землѣ, тамъ они
отся; во вторыхъ, даже предполагая что это крайность, всякій
едпочтетъ храбрость, пріобрѣтаемую насчетъ умѣнья окапываться,
му же самому, только на оборотъ. Можетъ быть скажутъ, что
два качества могутъ быть и совмѣстно развиты въ человѣкѣ;

могутъ, но только при одномъ условіи, когда ни одинъ спеціализ
не претендуетъ на конечное развитіе, или такъ называемое сове
шенство: въ отношеніи къ общей цѣли оно составляетъ то же, ч
въ человѣческомъ тѣлѣ какой либо членъ уродливо развитый н
счетъ другихъ. Взятый самъ по себѣ, онъ совершенство; въ тѣ
же онъ только уродство и ничего больше. И замѣчательно, ч
всякій спеціализмъ, стремящійся въ своей сферѣ къ конечно
совершенству, неизбѣжно приводитъ къ этому. Въ артиллеріи
найдете господъ, претендующихъ на Французовъ за ухорство под
ѣзжать къ непріятелю на слишкомъ близкую дистанцію. Эти го
пода забываютъ то простое обстоятельство, что человѣкъ, озабоче
ный постоянно мыслью подъѣхать не ближе извѣстной дистанці
весьма близокъ къ тому, чтобы это «не ближе» обратилось в
остановку по возможности дальше отъ непріятеля.

Человѣкъ не машина и никогда не можетъ соразмѣрить ус
лія съ результатомъ съ математической точностью; разъ согласи
шись съ этимъ, нельзя не сказать, что желательно бы было всегд
видѣть лучше излишекъ силы при достиженіи извѣстной цѣли, чѣм
количество ея въ обрѣзъ, которое при малѣйшей случайности м
жетъ обратиться въ положительный недостатокъ. Кто слишком
экономизируетъ въ этомъ случаѣ, тотъ рискуетъ не достигнуть цѣл
а тогда выйдетъ, что онъ возитъ артиллерію не для достижен
цѣли, а для удовольствія выставлять ее на извѣстныхъ разсто
ніяхъ отъ непріятеля и на выгодныхъ позиціяхъ. Въ Италіи ес
мѣстности, гдѣ Артиллерія не имѣетъ дистанціи не только для гр
натнаго, а для картечнаго выстрѣла; какую же пользу принесл
бы она Арміи, если бы придерживалась мудраго правила под
ѣзжать не ближе наибольшей дѣйствительности своег
огня, отнюдь не подвергаясь выстрѣламъ пѣхоты? Специ
листы вѣроятно были въ большой претензіи на Наполеона, ког
онъ въ 1796 году затопилъ подъ Мантуею 60 пушекъ, а между тѣм
это была геніальная мѣра, геніальная именно потому, что показ
ваетъ, какъ нужно подчинять общей цѣли частныя спеціальност
которыя только отъ нея получаютъ смыслъ и значеніе, а безъ не
порабощаютъ человѣка, а не служатъ ему.

Возвратимся къ Австрійцамъ. Все, что случилось видѣть из
ихъ инженерныхъ работъ, показываетъ, что въ Австрійской Арм
Инженеры пользуются преобладаніемъ рѣшительнымъ. На это ук
зываютъ и множество возведенныхъ укрѣпленій и чистота ихъ о
дѣлки. Мнѣ случилось осмотрѣть С. Мартинскій теть-де-понъ
промѣрить его: на всемъ протяженіи его—3200 шаговъ—я н
замѣтилъ ни одного закругленія контръ-эскарпа, нечисто сдѣ

ланнаго, ската, маломальски не вылощеннаго—все было отдѣлано на чистоту, хоть сейчасъ на смотръ, и къ чему это послужило?—къ тому, чтобы тетъ-де-понъ былъ оставленъ безъ выстрѣла.

Да и нельзя было неоставить: трудно защищать непрерывную линію въ 3200 шаговъ, примкнутую тыломъ къ крутому обрыву канала, отстоящую отъ него въ самомъ широкомъ мѣстѣ не далѣе какъ на 500 шаговъ, имѣющую всего 4 выхода, сажени въ 2—3 каждый; редюитъ за срединою—дебаркадеръ желѣзной дороги и С. Мартино; а за правымъ флангомъ—домъ, приведенный въ оборонительное положеніе; впереди совершенно открытое мѣсто, покатое къ западу (т. е. къ непріятелю).

Переправъ черезъ каналъ три, слѣдовательно, для занятія тетъ-де-пона по линіи огня потребовалось бы по крайней мѣрѣ тысячъ до 9 войскъ. Ссылаемся на кого угодно: какая возможность защищать линію въ 3200 шаговъ, расположенную такъ, что прорывъ въ одномъ мѣстѣ ведетъ къ необходимости оставить всю линію, да еще имѣть въ тылу непроходимое препятствіе не далѣе какъ въ 500 шагахъ (а на флангахъ 50 или 100). Не значило ли бы это посылать войска на жертву? Кламъ Галласъ былъ совершенно правъ, если не защищалъ этого тетъ-де-пона.

Но неужели же, скажутъ, Австрійскіе инженеры могли упустить изъ вида правило, что глубина укрѣпленія должна быть соразмѣрна съ протяженіемъ фронта? При увлеченіи своей спеціальностью такіе промахи неизбѣжны: вѣдь это условіе важно для войскъ, а не для укрѣпленія.

Соразмѣрность укрѣпленія съ числомъ войскъ, необходимыхъ для его защиты—уже правило тактическое: понятно, что оно при увлеченіи спеціальностію, при такъ называемомъ совершенствѣ, остается въ сторонѣ.

Въ тактикѣ говорится, что только активная оборона достигаетъ цѣли; что отбившись 20 разъ, все таки нельзя ручаться, что на васъ не нападутъ въ 21-й, въ 22-й и такъ далѣе, пока вы сами не перейдете въ наступленіе. Въ разбираемомъ случаѣ осуществленіе этой идеи представляетъ линія промежуточная, съ широкими выходами, не теряемая отъ потери какого либо звѣна ея, не препятствующая воспользоваться удачей и довершить пораженіе отбитаго противника. Спеціалистамъ до этого нѣтъ дѣла; непрерывная линія лучше укрываетъ; да при томъ они увѣрены въ превосходствѣ своей работы, и въ томъ, что одна она устрашитъ и остановитъ непріятеля. Увѣренность совершенно понятная: всякому свое созданіе кажется лучшимъ; если бъ оно не казалось такимъ, тогда дѣлали бы не его, а другое; то, что казалось бы лучшимъ.

что онъ дастъ произвольно, по вдохновенію, развивая страшно величіе и самоотверженія, и той власти надъ враждебными слу чайностями, которая ослѣпительною молніей освѣщаетъ тайник души человѣческой, недосягаемые анализу и изслѣдованію ни н одной аренѣ, кромѣ поля сраженія. Тутъ съ разу становится ясно что для уничтоженія врага нужна стройность въ душѣ гораз больше, нежели въ формахъ, и горе тому, кто не запасся первой въ мирное время.....

А въ мирное время обыкновенно ею не запасаются, напро тивъ, неизбѣжно доходятъ до убѣжденія, будто ничто такъ не портитъ войска, какъ война. Выводъ странный, но совершенно логически вытекающій при условіи извѣстныхъ отправныхъ точекъ И пусть не думаютъ, чтобы это было личное мнѣніе, нѣтъ, оно всасывается въ кровь, распространено болѣе нежели кажется, и высказавшіе его вслухъ заслуживаютъ не обвиненія, а полнаго сочувствія за послѣдовательность разъ принятому началу и за пря мое поставленіе вопроса.

Это-то убѣжденіе,—высказывается ли оно, или гнѣздится в сердцѣ безсознательно,—обнаруживаетъ ту уже степень развитія мирныхъ упражненій, на которой они изъ подготовки къ войнѣ обращаются въ нѣчто самостоятельное, имѣющее само в себѣ цѣль. При этомъ взглядѣ на дѣло становится понятнымъ что всякій насильственный возвратъ къ дѣйствительному военном дѣлу представляется совершенною новостью, громаднымъ шагом впередъ. Въ этомъ и заключается главнѣйшая причина кредит мнѣнія о переворотѣ въ тактикѣ. Подмѣтившіе этотъ переворот были совершенно правы съ своей точки; признавъ, можетъ быт даже незавѣдомо для самихъ себя, самозаконность мирно-военно тактики, они, само-собою разумѣется, невольно, должны были смо трѣть на отрицаніе ея войною, какъ на возникновеніе тактик совершенно новой.

Въ сущности, это не болѣе какъ возвратъ къ тѣмъ вѣчным и неизмѣннымъ принципамъ, которые отъ вѣка осуществлялис войною и которые кончатся только съ міромъ... Различныя усо вершенствованія оружія и военныя катастрофы, обнаруживающі силу этихъ усовершенствованій—суть не болѣе, какъ внѣшня обстановка, заставляющая забывчивое человѣчество возвращатьс къ этимъ принципамъ.

Мы предположили себѣ цѣлью прослѣдить, на сколько въ на стоящее время это возможно, тѣ явленія, которыя обусловливаютс послѣдними усовершенствованіями ручнаго огнестрѣльнаго оружія

и показать характеръ ихъ вліянія на понятія о военномъ дѣлѣ, на механизмъ построеній и на организацію войскъ.

Цѣль военнаго сословія въ народѣ заключается въ томъ, чтобъ бить враговъ его съ возможно меньшими усиліями и потерями. Въ отношеніи къ общему складу народной жизни эта цѣль обращается, разумѣется, въ средство, весьма сильное и примѣнимое къ дѣлу въ исключительныхъ случаяхъ: бьютъ врага не изъ удовольствія побить, а съ тѣмъ, чтобы заставить его подчиняться тому, что сами считаютъ за истину *).

Этой цѣли человѣкъ можетъ достигнуть двумя способами: или самъ бросившись на врага, или бросивъ въ него чѣмъ нибудь, самъ оставаясь отъ него поотдаль. Отсюда два рода оружія (холодное и огнестрѣльное), которое представляется такимъ образомъ не какъ нѣчто самостоятельное, отдѣльное отъ человѣка, но не болѣе какъ дальнѣйшее развитіе его врожденныхъ средствъ, какъ продолженіе его органовъ. Палка есть не болѣе какъ усовершенствованный кулакъ; сабля, шпага—не болѣе какъ усовершенствованная палка. Ясно, что подобная же аналогія справедлива и относительно оружія метательнаго. Ясно также, почему человѣкъ, пріученный бояться какого либо оружія въ первой степени его развитія, уже тѣмъ самымъ расположенъ бояться послѣдующихъ, усовершенствованныхъ его видовъ.

И такъ въ этой, какъ и въ другихъ областяхъ своей дѣятельности, что̀ бы человѣкъ ни изобрѣталъ, онъ, такъ сказать, улучшаетъ только самого себя, развиваетъ различныя стороны собственныхъ свойствъ, таящіяся въ нихъ какъ зародышъ, но не придумываетъ ничего такого, что̀ не заключалось бы уже въ немъ самомъ.

Ясно, слѣдовательно, что какъ ни далеко пойдетъ это усовершенствованіе органовъ, характеръ ихъ отправленій, а тѣмъ болѣе подчиненія ихъ человѣческой волѣ, останутся постоянны. Однимъ словомъ: могутъ измѣняться количественныя и даже качественныя отношенія вслѣдствіе усовершенствованія оружія, но человѣкъ остается тотъ же.

Естественныя, выводимыя изъ этого заключенія: 1) общія типическія черты образа дѣйствій въ бою собственно—должны всегда остаться неизмѣнными; 2) имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ не тотъ, у кого оружіе лучше, а тотъ, у кого энергія человѣка (умственная и нравственная) не притуплена.

---

*) Справедливо или ошибочно считаютъ—это другой вопросъ, подлежащій здѣсь разбору тѣмъ менѣе, что человѣку дорога не истина, а то что онъ принимаетъ въ данную минуту за истину.

Римскіе легіоны послѣдней эпохи и дикари; арміи первыхъ коалицій въ революціонныя войны и французскія ополченія; наконецъ, неаполитанскія войска и Гарибальдійцы, показываютъ это съ неопровержимой очевидностью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ перевѣсъ совершенства оружія и совершенства формъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые были побиты. Такъ изъ этого слѣдуетъ—пожалуй скажутъ нѣкоторые—что усовершенствованное оружіе вздоръ, что порядочное устройство вооруженной силы и раціонально выработанныя въ мирное время уставныя формы скорѣе вредны, нежели полезны? Съ перваго взгляда дѣйствительно такъ кажется, и это вводитъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ, останавливающихся на этомъ первомъ шагѣ мысли и не идущихъ далѣе. Но приглядѣвшись нѣсколько внимательнѣе, не трудно замѣтить, что виновато не оружіе и не усовершенствованныя формы, а **непониманіе** ихъ **свойствъ и отношеній къ человѣческой природѣ**. Это непониманіе ведетъ къ тому, къ чему оно ведетъ вездѣ и всегда—къ примѣненію вещи несообразно съ ея свойствами, или, иначе говоря, къ злоупотребленію ею. Злоупотребленіе это выражается односторонимъ развитіемъ человѣка, призваннаго дѣйствовать этимъ оружіемъ, образовать эти формы, т. е. обращеніемъ его въ нечеловѣка, притупленіемъ въ немъ нѣкоторыхъ свойствъ его природы. И такъ, намъ предстоитъ, вопервыхъ, показать свойства оружія и формъ; во вторыхъ, характеръ ихъ отношеній къ человѣческой природѣ. Начнемъ со втораго.

Во всѣ эпохи холодное оружіе было представителемъ нравственной энергіи,—и какъ такое,—одно только оно могло привести къ рѣшительнымъ результатамъ. Это и дало право Суворову, великому знатоку человѣческаго сердца, сказать: «пуля дура, штыкъ молодецъ». Обвиняли его за этотъ афоризмъ, не замѣтивъ, что остановились на формѣ, а духъ упустили. Тотъ же Суворовъ говорилъ: «береги пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко». Тотъ же Суворовъ совѣтуетъ, идя въ атаку, высылать впередъ лучшихъ стрѣлковъ, а отъ залповъ отказаться *). Это показываетъ что онъ

*) См. примѣчанія къ исторіи войны 1799 ген. Милютина, 2-е изданіе часть, II глава XV, стр. 168, въ инструкціи австрійцамъ, въ статьѣ: „Битва между двумя арміями“: Вмѣсто разсыпанныхъ застрѣльщиковъ въ каждомъ капральствѣ имѣть по четыре хорошихъ стрѣлка. „Въ наукѣ побѣждать“: залпа въ разводѣ, коли съ пальбою, для очищенія ружей; въ иномъ строю только для исправности приклада; противъ непріятеля не годится“. Т. е. залпъ годится только въ разводѣ для разряда ружей, и для обученія вѣрному прицѣливанію (относительно этого Суворовъ былъ человѣкъ своего вѣка); но противъ непріятеля негодится.

не пренебрегалъ огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ, напротивъ, понималъ такія его свойства, которыя обнаружены были только нарѣзнымъ оружіемъ, да и то пока не для всѣхъ.

Со времени введенія метательнаго оружія въ полевую войну, всегда оставалось и останется истиною, что слишкомъ исключительное желаніе поражать непріятеля только издали, есть въ то же время нежеланіе сходиться съ нимъ на дистанцію меча, пики, штыка; что мало ранить звѣря издали, нужно добить его вблизи, если хотять результата охоты. Изъ этого уже видно, что въ метательномъ пораженіи обнаруживается и шагъ впередъ умственнаго развитія, и какъ бы нѣкоторая несостоятельность со стороны энергіи нравственной: кто начинаетъ бить издали, тотъ становится умнѣе, хитрѣе, но въ то же время онъ за себя боится больше. Послѣ этого становится понятнымъ, почему появленіе въ полевой войнѣ метательнаго оружія совпадаетъ съ нравственнымъ упадкомъ древнихъ армій..... Но шагъ сдѣланъ, и шагъ—раціональный; ошибка была только въ переливѣ въ крайность, неизбѣжномъ слѣдствіи всякой новости. Дѣло не въ томъ, чтобъ беречь себя только для сбереженія, а въ томъ, чтобы сохранить себя болѣе способнымъ, а непріятеля сдѣлать менѣе способнымъ къ рѣшительной свалкѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы беречь себя, а въ томъ, чтобы безъ толку не жертвовать собою.

Изъ этого видно также, почему рыцари считали первое время низостью употребленіе метательнаго оружія; почему еще Фридрихъ считалъ перестрѣлку въ разсыпную разбойничьей манерой драться. Со стрѣльбой послѣдній уже примирился, но со всѣми естественными послѣдствіями этого средства, необходимыми для достиженія имъ наибольшаго результата, не могъ еще освоиться.

Ясно изъ сказаннаго, что холодное оружіе — представитель энергіи нравственной; огнестрѣльное—представитель ума. Не нужно много ума, чтобы лѣзть на штыкъ, и въ тоже время не нужно много храбрости, чтобы выстрѣлить въ непріятеля изъ за камня, или куста съ разстоянія даже 400,500 шаговъ, не говоря уже о 1000.

Изъ этого видно: 1) что средства нанесенія вреда непріятелю, которыми можетъ располагать человѣкъ, находятся въ неизбѣжномъ, присущемъ ихъ природѣ, антагонизмѣ, т. е., что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ ходить въ штыки , тѣмъ онъ менѣе способенъ быть хорошимъ стрѣлкомъ и на оборотъ. А какъ человѣкъ, по своей природѣ, долженъ быть одинаково способенъ на то и на другое, то ясно, что совершенство въ чемъ нибудь одномъ—отрицаетъ человѣка. Антагонизмъ этотъ проявляется во всемъ: въ дис-

циплинѣ напр., увлеченіе подготовкой къ холодному удару приводитъ къ афоризму: «не смѣй разсуждать»; увлеченіе стрѣльбою— къ сентиментальному стремленію заставить разсуждать человѣка, т. е. заставить его разсказывать наизусть о томъ, сколько дыръ въ замочной доскѣ и т. п., и все это подъ предлогомъ «развить» его. Въ томъ и въ другомъ приводятся неизбѣжно къ тренчикамъ, къ шагистикѣ; въ первомъ—принимая это слово въ прямомъ, во второмъ въ переносномъ смыслѣ. Въ 1-мъ забывая, что у человѣка есть голова, во 2-мъ—забывая, что болтать о дѣлѣ еще не значитъ умѣть его дѣлать. Въ строю этотъ антагонизмъ обнаруживается еще рѣзче: дѣйствіе холоднымъ оружіемъ требуетъ строя сомкнутаго, безусловнаго подчиненія волѣ одного; дѣйствіе оружіемъ огнестрѣльнымъ требуетъ разсыпнаго строя и вмѣстѣ, съ тѣмъ, возможно полнаго предоставленія каждой единицы самой себѣ. Нечего и говорить, что отдѣльно, ни то, ни другое не можетъ быть терпимо; ибо солдатъ, исполняющій малѣйшее движеніе не иначе, какъ по приказанію, есть нравственный трупъ, который пропадаетъ, какъ только его предоставили самому себѣ и напротивъ, солдатъ, предоставленный слишкомъ самому себѣ, отучается подчиняться приказанію, т. е. теряетъ способность обращаться мгновенно въ автомата, когда это необходимо для успѣха дѣла. Въ первомъ случаѣ, армія обращается въ громадную инертивную массу, гибнущую въ родѣ медвѣдя, на котораго напала стая пчелъ, въ нѣсколько сотъ разъ уступающая ему и массою и силою; во второмъ—въ тѣло разлагающееся, потерявшее свою жизненную силу, и въ которомъ каждый атомъ стремится къ эгоистическому существованію.

Le bon soldat doit tenir entre l'homme et la chose, сказалъ одинъ писатель; нѣтъ скажемъ мы; солдатъ только тогда и хорошъ, когда онъ человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Только человѣкъ способенъ къ сростанію въ массы, когда ему сознаніе говоритъ, что въ этомъ залогъ успѣха; только человѣкъ можетъ остервениться до послѣдняго звѣрства, если обстоятельства его вынуждаютъ къ тому; только человѣкъ, наконецъ, можетъ забыть врага и дѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба съ тѣмъ, кто за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ посягалъ на его собственную жизнь.

2) Чѣмъ оружіе совершеннѣе, тѣмъ удовлетворительное дѣйствіе имъ требуетъ большей практики, тѣмъ вліяніе его отличительныхъ свойствъ на человѣческую натуру рѣзче и доведеніе ея до крайнихъ послѣдствій по тому или другому пути достигается быстрѣе.

Это уже показываетъ, до какой степени строго должно слѣдить, чтобы упражненія тѣ и другія шли неиначе какъ объ руку. Мы

изложимъ здѣсь основы, на которыхъ должно быть ведено стрѣлковое образованіе солдата, чтобы достигнуть этой цѣли.

Свойства стрѣльбы, какъ только сдѣлалась она достояніемъ пѣхоты, были поняты въ началѣ весьма односторонно. Полагали, что совокупностью выстрѣловъ, единовременно сдѣланныхъ, можно достигнуть издали совершенно того же результата, какой достигается ударомъ въ штыки въ свалкѣ. Это понятіе о стрѣльбѣ осуществилось въ формѣ развернутаго строя, какъ дающаго наибольшую массу выстрѣловъ.

Понятно, что подобное мнѣніе было неизбѣжно при несовершенномъ пониманіи свойствъ выстрѣла и могло быть опровергнуто практически только дальнѣйшимъ знакомствомъ съ этими свойствами. Удивительнаго ничего нѣтъ, если воображали въ началѣ, что достаточно положить ружье въ поясъ и спустить курокъ, чтобъ попасть въ цѣль. Разумѣется, если бы это было такъ, ни объ чемъ другомъ не оставалось бы заботиться для нанесенія наибольшаго вреда противнику, какъ о возможно большемъ количествѣ огней на данномъ пространствѣ и въ данное время.

Тутъ не было замѣчено: 1) что выпустить пулю незначитъ еще попасть; 2) что для послѣдняго нужно: а) опредѣлить разстояніе до цѣли, б) прицѣлиться сообразно ему, в) спустить курокъ не нарушивъ прицѣльной линіи, что положительно невозможно при ожиданіи команды, выстрѣлахъ сбоку, стѣсненномъ положеніи и проч. Но всего этого и замѣтить было нельзя; оно существовало въ зародышѣ въ гладкоствольномъ выстрѣлѣ и конечно немогло обратить на себя вниманія въ самомъ началѣ и потому уже, что человѣкъ такъ нетерпѣливо обыкновенно стремится къ цѣли, которую увидѣлъ, хотя бы и ошибочно, что зачастую забываетъ внимательно опредѣлить всѣ средства, необходимыя для ея достиженія.

Войны фридриховскаго періода, представляющія въ апогеѣ владычество изложенныхъ понятій о выстрѣлѣ, показали ясно, что подобная стрѣльба ни къ чему не ведетъ. Но этотъ фактъ замѣтили, высчитали, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ приходится на 10 т. выстрѣловъ одинъ убитый, да тѣмъ и ограничились, объяснивъ себѣ это явленіе первыми попавшимися подъ руку резонами. Несовершенство оружія, отсутствіе хладнокровія, ведущее къ раннему открытію огня, и торопливость людей въ стрѣльбѣ—стояли обыкновенно на первомъ планѣ. Но, приглядѣвшись къ этимъ резонамъ, не трудно увидѣть, что виноваты всему этому не столько солдаты и оружіе, сколько методъ обученія. Дѣйствительно, въ мирное время если и учили стрѣлять, то съ заранѣе отмѣренныхъ дистанцій, т. е. избавляли человѣка именно отъ той заботы, кото-

рая должна предшествовать каждому его выстрѣлу; на маневрахъ пріучали къ стрѣльбѣ холостыми патронами, съ которою неразрывно соединены требованія единовременности залповъ, непрерывности пальбы рядами. Это само собою вело возможно быстрое, т. е. небрежное, исполненіе заряжанія, а о прицѣливаніи и опредѣленіи дистанцій не было и помину. Конечно, кого учили, положимъ, въ теченіи десяти лѣтъ заряжать въ строю и стрѣлять торопливо холостымъ патрономъ, тотъ будетъ заряжать и стрѣлять изъ строя точно также и боевымъ, когда ему придется это сдѣлать на одиннадцатый годъ.

Дѣло слѣдовательно, не въ недостаткахъ человѣческой натуры, а въ непониманіи ея свойствъ, изъ которыхъ главное то, что однимъ примѣрнымъ обученіемъ она дѣлу не выучивается. Полагали, что обучая стрѣльбѣ въ строю холостыми патронами, обучаютъ, само собою, и строевой стрѣльбѣ боевыми; а пришли къ тому, что обучили только произведенію единовременныхъ звуковъ и совершенно отучили человѣка соединять съ понятіемъ о выстрѣлѣ понятіе объ опредѣленіи разстоянія, прицѣливаніи и проч. Господству этой системы не мало способствовали также и свойства гладкоствольнаго оружія, которое дѣйствительно не отличалось особенною мѣткостью; неуспѣхъ стрѣльбы валили на этотъ недостатокъ, который доставлялъ такой прекрасный предлогъ отдѣлаться отъ необходимости серьезно подумать о болѣе раціональномъ методѣ веденія солдата.

Со введеніемъ нарѣзнаго оружія нельзя болѣе успокоивать себя подобными доводами и возникаетъ настоятельная потребность опредѣлить, какъ вести стрѣлковое образованіе солдата наудовлетворительнѣйшимъ образомъ и съ возможно меньшими издержками для казны.

И такъ, первое послѣдствіе введенія нарѣзнаго оружія въ войска заключается въ развитіи понятій о свойствахъ выстрѣла и въ перемѣнѣ взгляда на образованіе солдата.

Въ чемъ заключается послѣдняя? Нарѣзное оружіе показало, что выстрѣлъ только тогда можетъ быть хорошъ, когда стрѣлокъ въ выборѣ времени и мѣста (*) для его произведенія предоставленъ совершенно самому себѣ; когда онъ на столько хорошо знаетъ свое дѣло, что легко принимаетъ въ расчетъ всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на выстрѣлъ, какъ: освѣщеніе, состояніе погоды, направленіе вѣтра и т. под.; однимъ словомъ, когда онъ

(*) Само собою разумѣется въ извѣстныхъ предѣлахъ, полагаемыхъ тѣмъ, что каждый стрѣлокъ составляетъ часть цѣпи, которой не смѣетъ оставить.

разсуждаетъ. Такимъ образомъ вопросъ образованія становится категорически: солдатъ только тогда хорошо будетъ дѣйствовать штуцеромъ, когда подготовленъ къ тому не только физически, но и умственно. Сама собою является потребность развить его. Но во всемъ этомъ нѣтъ практики энергіи нравственной; предоставленіе человѣка самому себѣ естественно ведетъ его къ стремленіямъ, слишкомъ эгоистическимъ, которыя на войнѣ могутъ разрѣшиться перевѣсомъ инстинкта самосохраненія надъ чувствомъ долга; необходимость признать за человѣкомъ право разсуждать, можетъ повести къ тому, что онъ начнетъ умничать тамъ, гдѣ для успѣха дѣла нужно безпрекословное повиновеніе. И такъ, нарѣзная стрѣльба, выдвигая вопросъ уваженія къ личности, въ то же время распускаетъ массы, враждебна имъ. Ясно, слѣдовательно, что она должна быть уравновѣшена занятіемъ, которое доставило бы и начальникамъ, и подчиненнымъ ту нравственную сдержанность (необходимую принадлежность энергіи нравственной), безъ которой сформированіе изъ единицъ одного стройнаго цѣлаго невозможно.

Но вѣдь успѣхъ развитія умственнаго и нравственнаго, независимо отъ метода занятій, обусловливается преимущественно манерой обращенія; слѣдовательно является необходимость разрѣшить и этотъ вопросъ, который прежде разрѣшали слишкомъ не сложно.

И такъ со введеніемъ нарѣзнаго оружія измѣняются: 1) Понятія о характерѣ воспитанія солдата; 2) понятія объ отношеніяхъ къ нему. Тѣ и другія имѣютъ преимущественно въ виду воспитать солдата такъ, чтобы онъ вошелъ въ общее тѣло не изуродованнымъ нравственно и физически, но напротивъ укрѣпленнымъ. Однимъ словомъ, задача представляется въ слѣдующей формѣ: вести солдата такъ, чтобы онъ, узнавъ свою спеціальность, не переставъ быть энергическимъ и толковымъ человѣкомъ. Но въ эти отношенія само собою входитъ сознаніе необходимости удовлетворить и прочимъ нуждамъ единицы, и вопросы воспитанія солдата для его цѣли и разумнаго сбереженія его—становятся нераздѣльны.

Мы далеки отъ мысли, будто усовершенствованіе нарѣзнаго оружія было единственною данною, подвинувшею впередъ столь важные вопросы; мы указываемъ только ту долю вліянія, которая принадлежитъ ему въ болѣе ясной постановкѣ этихъ вопросовъ.

Изъ сказаннаго выше, намъ предстоитъ разобрать, по предмету статьи, слѣдующій вопросъ: какой путь избрать въ образованіи солдата, дабы послѣдній былъ способенъ исполнять свое назначеніе наидѣйствительнѣйшимъ образомъ?

Вопросъ этотъ разлагается на три отдѣла:

1) Что долженъ умѣть дѣлать солдатъ, дабы побѣда надъ врагомъ доставалась ему по возможности дешевле?

2) Какое мѣсто во всѣхъ занятіяхъ солдата должно быть предоставлено изустнымъ объясненіямъ; въ какой мѣрѣ такъ называемымъ примѣрнымъ обученіемъ облегчается дѣйствительное изученіе предмета?

3) Какимъ образомъ различные отдѣлы образованія солдата слить при мирныхъ упражненіяхъ въ одно такъ, чтобы ни одинъ не развился на счетъ другихъ?

Понятно, что отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ на дѣлѣ будетъ зависѣть и большая или меньшая годность солдата къ бою.

Вопросы эти разрѣшаются раціонально по общимъ законамъ умственной работы человѣка. Что бы человѣкъ ни изучалъ, онъ всегда идетъ однимъ путемъ: предметъ изученія, представляющійся ему цѣльнымъ, разлагаетъ на части, изучаетъ ихъ порознь, затѣмъ соединяетъ ихъ снова, т. е. возводитъ къ синтезу, бывшему отправною точкою работы мысли.

Такъ какъ всякая практическая дѣятельность человѣка есть не болѣе, какъ рядъ мыслей, воплощаемыхъ имъ въ поступки, то ясно, что и въ этой области онъ постоянно проходитъ дѣломъ, на практикѣ, тотъ же самый путь, который при изученіи чего либо онъ проходитъ мыслію.

По этому, чѣмъ раціональнѣе разложена извѣстная практическая дѣятельность, предписываемая человѣку, на составныя части, чѣмъ благовременнѣе онѣ сольются въ одно цѣлое, тѣмъ дѣло будетъ узнано лучше, мало того: тѣмъ пища, даваемая уму, будетъ здоровѣе и тѣмъ онъ разовьется дѣйствительнѣе.

Вотъ точка, съ которой должно разсматривать методъ какого бы то ни было образованія: все достоинство его опредѣляется однимъ — въ какой мѣрѣ онъ раціонально разлагаетъ предметъ и въ какой мѣрѣ способствуетъ или препятствуетъ слитію продуктовъ разложенія въ одно цѣлое.

При сознательномъ примѣненіи къ дѣлу сказаннаго закона, результаты выходятъ превосходные; но бѣда въ томъ, что обыкновенно не даютъ себѣ труда — ни точно опредѣлить составныя части предмета, ни вѣ-время соединить ихъ въ одно. Отъ этого неумѣнья переходить изъ одного логическаго момента въ другой и возникаютъ тѣ несообразности, которыя такъ часты въ областяхъ практической дѣятельности.

Иначе и быть не можетъ: стремясь къ какой нибудь цѣли, не позаботятся разумно разложить ее на части, произвольно опредѣ-

ляютъ составъ ея тѣмъ, что̀ первое бросается въ глаза, и, разумѣется, приходятъ въ результатѣ совершенно не къ тому, къ чему хотѣли придти. Образчикъ подобнаго qui pro quo мы уже видѣли на Фридриховскомъ выстрѣлѣ: имѣли въ виду обучить стрѣльбѣ, а обучили произведенію единовременныхъ звуковъ. Это иронія логики вещей, указывающей человѣку приведеніемъ его къ практической нелѣпости, что не все то было принято въ расчетъ, что̀ слѣдовало принять.

Другая ошибка, случающаяся уже при большемъ развитіи понятій о предметѣ, но приводящая къ тому же принятію части за цѣлое, заключается въ томъ, что даже и сознавъ всѣ составныя части извѣстной цѣли, ставятъ ихъ безучастно одна около другой и изучаютъ каждую самостоятельно, не замѣчая, что совершенство въ каждой изъ нихъ отдѣльно враждебно общей цѣли, къ которой онѣ должны быть направлены. Притомъ подобное совмѣстное развитіе нѣсколькихъ спеціальностей не можетъ быть продолжительно: которая нибудь изъ нихъ непремѣнно возьметъ верхъ, и конечный результатъ выходитъ тотъ же, что и при несовершенномъ разложеніи предмета.

Вліяніе подобныхъ безсознательныхъ отклоненій отъ общей цѣли на человѣка, приготовляемаго къ военной спеціальности, понятно: они приводятъ къ развитію тѣхъ сторонъ человѣческой природы, которыя соотвѣтствуютъ привилегированнымъ отдѣламъ образованія, къ преслѣдованію тѣхъ изъ нихъ, которыя антипатичны этимъ отдѣламъ. Одностороннее развитіе уничтожаетъ въ солдатѣ человѣка, и онъ, встрѣчаясь съ ополченцемъ, меньше его знающимъ, но больше его человѣкомъ, уступаетъ ему.

Какія же составныя части общей военной цѣли: бить врага съ возможно меньшими усиліями и потерями?

1) Можно поражать его издали, слѣдовательно солдатъ долженъ умѣть стрѣлять.

2) Если врагъ этому не уступаетъ, должно быть въ состояніи сойтись съ нимъ на штыкъ, слѣдовательно солдатъ долженъ умѣть фехтовать.

3) Необходимо быть способнымъ преодолѣвать всѣ преграды, противопоставляемыя противникомъ; умѣть пользоваться самому тѣми, которыя встрѣчаются на мѣстности; для того и другого солдатъ долженъ быть ловокъ и находчивъ.

4) Необходима большая выносливость солдату, чтобы противустоять лишеніямъ военнаго времени, выносливость, возможная только при развитіи физической силы и при желѣзномъ здоровьѣ.

Третье и четвертое достигаются гимнастическими упражне-

ніями, *) которыя въ то же время служатъ подготовкою къ хорошему состоянію и первыхъ двухъ отдѣловъ, т. е., боеваго образованія собственно.

5) Полезно умѣть, въ случаѣ надобности, создать искусственныя преграды врагу, по этому солдатъ долженъ быть освоенъ съ землекопствомъ.

Наконецъ, 6-ое, солдатъ долженъ умѣть единовременно съ другими двигаться, подчиняться командамъ и распоряженіямъ, и, главное, единодушно дѣйствовать со своими товарищами въ достиженіи данной цѣли. Онъ долженъ быть до глубины души проникнуть сознаніемъ круговой поруки съ ними. Это сознаніе есть уже вѣнецъ дѣла.

Разсмотримъ каждый отдѣлъ въ частности, покажемъ его принципъ и разложеніе на составныя части.

Стрѣльба.

Принципъ: попаданіе издали—нежеланіе сходиться на штыкъ.

Слѣдствія: необходимость признанія за солдатомъ права разсуждать — неизбѣжность, при исключительномъ упражненіи въ стрѣльбѣ, перехода къ умничанью. Неуясненная потребность развить солдата ведетъ къ стремленію обогатить его умъ полупознаніями, ни сколько непомогающими ни совершенству дѣла, ни раціональному развитію личности.

Конечный результатъ: солдатъ обращается въ умничающій и дорожащій собою лафетъ, на столько хорошо устроенный, что самъ можетъ опредѣлять разстоянія и во время спускать курокъ. Способность сростанія въ массы утрачивается.

Разложеніе выстрѣла въ изученіи его.

Заряжаніе.	Выстрѣлъ.			
Опредѣленіе разстоянія.	Установка прицѣла и прицѣливаніе.	Спускъ курка.	Звукъ выстрѣла.	Дѣйствіе его.
	Прицѣливаніе и спускъ курка съ капсюлемъ.			
	Выстрѣлъ холостой.			
	Выстрѣлъ боевой въ отмѣренной дистанціи.			
Выстрѣлъ боевой съ опредѣленіемъ разстоянія на глазъ самимъ стрѣлкомъ. Выстрѣлъ въ движеніи, а также въ движущуюся цѣль.				

*) Разумѣется при условіи хорошей пищи и здороваго помѣщенія.

Скобки показываютъ постепенное прибавленіе, при обученіи, составныхъ частей выстрѣла, до полнаго перехода къ тому изъ нихъ, который единственно стоитъ названія боеваго,—къ выстрѣлу съ разстоянія, опредѣленнаго самимъ стрѣлкомъ. Эта постепенность необходимо должна быть соблюдаема при обученіи; но до тѣхъ поръ, пока она не доведена до конца—цѣль не достигнута.

Мысль Фридриха — «ничего не сдѣлано до тѣхъ поръ, пока хотя что нибудь еще осталось сдѣлать»—имѣетъ здѣсь полное примѣненіе.

А между тѣмъ не далеко еще то время, когда воображали, что достаточно умѣть стрѣлять съ отмѣренныхъ разстояній, чтобы солдатъ хорошо стрѣлялъ съ неотмѣренныхъ. Въ настоящее время уже начинаютъ понимать, что это вовсе не одно и то же; уступка въ пользу военной стрѣльбы сдѣлана, но весьма нерѣшительная. По прежнему продолжаютъ употреблять большую часть патроновъ на стрѣльбу съ отмѣренныхъ дистанцій, не обращая вниманія на то, что ни одинъ непріятель не позволяетъ отмѣривать до себя разстояніе цѣпью или веревкой.—При нынѣшнемъ состояніи оружія, смѣло можно сказать, что не столько произведеніе хорошаго выстрѣла, сколько опредѣленіе разстоянія затруднительно. Но даже предполагая, что эта послѣдняя часть образованія доведена до совершенства, дѣло далеко не все сдѣлано: мало знать буквы, нужно имѣть привычку складывать ихъ въ слово. Умѣть составлять изъ извѣстныхъ данныхъ одно цѣлое иногда труднѣе, нежели знать эти данныя порознь въ совершенствѣ. И спеціализмъ въ какой нибудь одной части именно тѣмъ и вреденъ, что располагаетъ пренебрегать синтезомъ дѣла.

Фехтованіе.

Принципъ—искусство отражать удары съ возможностью ихъ наносить.

Военное фехтованіе: искусство наносить удары съ возможностью ихъ отражать. Въ дѣлѣ тотъ бьетъ, кто не столько думаетъ о своей защитѣ, сколько о нанесеніи удара врагу. Фехтованіе пріучаетъ надѣяться на ловкость руки; военное фехтованье требуетъ, чтобы человѣкъ надѣялся на самого себя. Первое ведетъ къ тому, что человѣкъ теряется, какъ только замѣчаетъ, что его противникъ искуснѣе.

Выгодныя послѣдствія: ловкое обращеніе съ оружіемъ, привычка видѣть у груди остріе штыка.

Невыгодныя—развитіе оборонительныхъ стремленій предпочтительно передъ наступательными; развитіе пріемной стороны до тонкостей, въ родѣ салютовъ и т. п.

Разложеніе.

1) Пріемы нанесенія ударовъ и отраженія ихъ. Слишкомъ продолжительная остановка на ихъ изученіи ведетъ къ тонкости исполненія и къ забвенію цѣли, для которой они служатъ.

Вообще дѣлать пріемы въ воздухъ ошибочно, потому что не даетъ человѣку видимой цѣли. Колите въ чучелу, въ мѣшокъ, набитый шерстью, пескомъ, но непремѣнно во что нибудь. Военное фехтованіе не столько должно имѣть въ виду ловкость, сколько рѣшительность и силу удара.

2) Комбинація пріемовъ въ бою примѣрномъ противъ товарища. Выгода: вводитъ въ дѣло живаго противника; неудобство,—пріучаетъ къ болѣе нѣжнымъ и ловкимъ, нежели сильнымъ ударамъ. Но этому, фехтованіе на рапирахъ, которое все основано исключительно на ловкости, не должно быть допускаемо въ образованіи солдата.

3) Дуэли на холодномъ оружіи, которыя, съ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія, могутъ быть введены между солдатами за личныя оскорбленія; онѣ заинтересуютъ къ серьезному изученію фехтованія, которое при такой мѣрѣ, никогда не обратится въ сборникъ пріемовъ и салютовъ, лишенныхъ дѣйствительнаго смысла, а всегда будетъ представлять жизненный интересъ. Во француской арміи дуэли этого рода существуютъ *).

Гимнастика.

Принципъ-развитіе ловкости и силы. Въ конечномъ выраженіи-акробатство.

Какъ отдѣлъ вспомогательный, гимнастика не должна быть предметомъ оффиціальныхъ смотровъ, которые неминуемо рождаютъ стремленіе выказаться, т. е., по возможности приблизиться къ совершенству въ конечномъ его выраженіи. Предѣлы военной гимнастики, какъ средства гигіеническаго, должны быть опредѣлены докторами, имѣя въ виду достигнуть слѣдующихъ цѣлей: а.) притупленія чувства самосохраненія и укрѣпленія здоровья и силъ солдата. Всѣ упражненія, ведущія къ развитію преимущественно одной ловкости, не могутъ быть терпимы въ ней. б) Пріученія солдата къ выносливости въ тѣхъ положеніяхъ, которыя со-

*) У насъ этотъ обычай не примѣнимъ, ибо едва ли отвѣчаетъ народному характеру. Позднѣйшее примѣчаніе.

ставляютъ постоянную принадлежность военнаго времени. Съ этою цѣлью къ военной же гимнастикѣ должно отнести постоянныя походныя движенія и носку полнаго снаряженія, какъ необходимый отдѣлъ, безъ котораго невозможно дѣльное воспитаніе воина. То и другое весьма важно еще и въ смыслѣ внушенія солдату правильныхъ понятій объ обстановкѣ его въ военное время. Носка въ мирное время ранца и сумы пустыхъ не только затемняетъ представленіе о томъ, съ какою цѣлію они существуютъ, но еще ведетъ и къ измѣненіямъ въ этихъ вещахъ, несообразнымъ съ ихъ назначеніемъ; ранецъ подклеиваютъ картонной бумагой, чтобы онъ не сплющивался; въ политуру вставляютъ деревянный станокъ *). Солдатъ пріучаютъ къ удобствамъ, невозможнымъ на войнѣ, какъ возка шинелей на подводахъ во время маневровъ и другихъ занятій. Въ то же время это даетъ и начальникамъ ложное представленіе о степени усилій, какихъ можно требовать отъ солдата: необремененный поклажею, солдатъ идетъ больше и быстрѣе того, который несетъ на себѣ все по положенію. Изъ этого видно, что въ разбираемомъ случаѣ примѣрное исполненіе **) можетъ быть допущено только въ началѣ, для пріученія рекрута къ ощущенію ранцовыхъ и подсумочныхъ ремней; но какъ только онъ съ этимъ свыкся, необходимо переходить къ дѣйствительному исполненію и этой части его обязанностей, т. е. къ носкѣ ранца съ поклажей, сумы съ 40 или 60 боевыми патронами; въ противномъ случаѣ не только физика не пріучается къ солдатской работѣ, но даже и понятія о предметѣ извращаются. То же самое относится и къ походнымъ движеніямъ: только серьезныя воспитываютъ и солдата, и офицера.

Умѣнье преодолѣвать встрѣчаемыя преграды и пользоваться ими.

Гимнастика, развивая силу, неустрашимость и ловкость, служитъ превосходной подготовкой къ этому отдѣлу, но еще не даетъ его; гимнастическія преграды не то, что мѣстныя, и пріучаться преодолѣвать послѣднія можно только на мѣстности. Такъ какъ

*) Политурой въ тогдашнемъ снаряженіи назывался клеенчатый цилиндрическій чахолъ для шинели.

**) Для незнакомыхъ со смысломъ этого термина у военныхъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что онъ имѣетъ два совершенно противоположныя значенія: 1) имъ опредѣляется исполненіе чего либо, могущее служить примѣромъ, т. е. превосходное во всѣхъ отношеніяхъ; 2) имъ же опредѣляется и кажущееся только исполненіе, т. е. наружный видъ исполненія, безъ дѣйствительности онаго. Здѣсь это выраженіе употреблено въ послѣднемъ смыслѣ. Примѣрная носка поклажи заключается въ носкѣ того, что существуетъ для поклажи, но безъ нея. Точно также существуетъ примѣрное заряжаніе, примѣрная стрѣльба, примѣрное движеніе впередъ, т. е., такъ называемый шагъ на мѣстѣ, и проч.

случайности мѣстности безконечно видоизмѣнимы, то понятно, что большее или меньшее умѣнье ихъ преодолѣвать, или ими пользоваться, опредѣляется, исключительно, смѣтливостью солдата.

Развитіе ея требуетъ двухъ условій: мѣстности, возможно пересѣченной и разнообразной и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было правилъ примѣненія къ мѣстности. Послѣднія могутъ только помѣшать развитію смѣтливости.

Преодолѣніе мѣстныхъ преградъ есть неоспоримо важнѣйшая часть этого отдѣла; вторая половина его, т. е. умѣнье пользоваться преградами для своей защиты, пріобрѣтается сама собою, и тѣмъ менѣе должна составлять предметъ индивидуальнаго обученія, что принципъ ея есть удовлетвореніе чувству самосохраненія. Понятно, къ чему ведетъ онъ въ конечномъ выраженіи, т. е. въ стремленіи къ совершенству. Солдатъ, котораго смѣтливость не только не была притуплена, но развита дѣльнымъ направленіемъ мирныхъ занятій, съумѣетъ примѣниться къ любому предмету и не получивъ на это указаній въ мирное время.

Въ этомъ встрѣтитъ затрудненіе только тотъ, кто приведенъ къ убѣжденію, что безъ приказанія не можетъ даже перемѣнить и позы; не говоря уже о перемѣнѣ мѣста на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ точки, занимаемой имъ по симметрическому расчету.

И такъ, при условіи извѣстныхъ нравственныхъ свойствъ, вотъ что долженъ умѣть дѣлать солдатъ, дабы побѣда надъ врагомъ доставалась ему по возможности дешевле.

Переходимъ ко второму вопросу.

Какое мѣсто во всѣхъ занятіяхъ солдата должны занимать изустныя объясненія и въ какой мѣрѣ такъ называемымъ примѣрнымъ обученіемъ облегчается дѣйствительное изученіе предмета?

На счетъ первой половины вопроса царитъ теперь, по новости предмета, порядочная разноголосица. Сознаніе необходимости развить солдата породило ее. Нѣкоторымъ кажется, что вѣрнѣйшій залогъ къ умственному развитію солдата заключается въ изустномъ объясненіи ему всего касающагося его спеціальности; даже и того, что само собою разумѣется. *) Обобщая эту кажущуюся истину, вообразили, что все дѣло въ теоретическомъ преподаваніи, и готовы учить солдата чуть не астрономіи. Это сентиментальничанье — естественное слѣдствіе увлеченія стрѣльбою. Другіе, привыкнувъ объясняться съ солдатомъ больше на пантомимахъ, находятъ что «добра изъ этого не выйдетъ», что дисциплина упадетъ, если сол-

*) Зачѣмъ нужно чистить ружье и т. п.

дать будетъ все знать и проч. и проч. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ? Какъ обыкновенно въ жизненныхъ явленіяхъ бываетъ, оба правы и оба виноваты, и истина заключается въ синтетическомъ примиреніи противорѣчій, а не въ исключеніи одного изъ нихъ, какъ несущественнаго. Первые правы, говоря, что солдатъ разсуждать долженъ; но они не видятъ, что неуясненное стремленіе развить въ немъ эту способность, прямой дорогой, ведетъ къ уничтоженію въ немъ способности,—не менѣе необходимой,—сростаться въ массы. Вторые правы, требуя, чтобы онъ былъ безусловно-послушнымъ орудіемъ въ рукахъ начальника; но они забываютъ, что для дѣла это необходимо и полезно только въ извѣстныя минуты; забываютъ, что обращать въ постоянный режимъ полезное временно, не значитъ помогать дѣлу, а вредить ему, ставя человѣка въ положеніе, противное его натурѣ; забываютъ, что способность обращаться въ дѣятельнаго и предпріимчиваго автомата возникаетъ только тогда, когда человѣкъ самъ въ состояніи сознать всю важность и необходимость этого; когда онъ, наконецъ, предшествующими отношеніями къ массѣ, которой составляетъ часть, заинтересованъ считать ея дѣло своимъ дѣломъ. Тѣ и другіе виноваты наконецъ тѣмъ, что не видятъ громаднаго вліянія того, что человѣкъ дѣлаетъ, на то, какъ онъ думаетъ, другими словами: что работающій дѣльно въ практической сферѣ, не можетъ думать недѣльно въ теоретической.

Если такова сила надъ человѣкомъ того дѣла, которымъ онъ занимается, само собою понятно, что эта сила можетъ имѣть благодѣтельное или вредное вліяніе и на умъ солдата, смотря по тому, въ какой мѣрѣ методъ его занятій будетъ отвѣчать или противорѣчить дѣятельности человѣческаго существа вообще.

Соотвѣтствіе метода занятій этой дѣятельности разовьетъ солдата несравненно дѣйствительнѣе всѣхъ возможныхъ росказней; противорѣчіе ей затормозитъ это развитіе, какимъ бы премудростямъ солдата ни обучали теоретически. Онъ будетъ затверживать требуемое какъ попугай; и, какъ попугай же, ничего не будетъ знать.

И такъ, умственное развитіе солдата должно быть достигнуто раціональнымъ направленіемъ практической его дѣятельности; только тогда оно будетъ прочно. Всѣ остальныя средства развитія составляютъ только пособіе указанному главному и должны быть предоставлены личной пытливости солдата. Обязанность начальниковъ доставить всѣ средства къ удовлетворенію этой пытливости, но ни въ какомъ случаѣ не предупреждать ее объясненіями того, объ чемъ солдатъ и не думалъ спрашивать; по-

знанія, втираемыя послѣднимъ путемъ—тепличный, а не натуральный цвѣтокъ, и плода отъ него ждать нечего.

Нѣкоторымъ можетъ быть покажется, что самъ солдатъ никогда и ни объ чемъ не спроситъ; опасаться этого—значитъ сомнѣваться въ человѣкѣ: станьте въ вѣрныя отношенія къ солдату, ведите дѣльно практику и можете быть увѣрены, что не оберетесь вопросовъ. Только тотъ солдатъ не имѣетъ пытливости, которому работа его опротивѣла своею безцѣльностью, и который дрожитъ передъ начальникомъ.

Сообщить практической дѣятельности солдата то направленіе, при которомъ она могла бы развить его и умственно, не трудно. Весь секретъ этого заключается въ одномъ: должно давать рекруту *) только работу цѣлесообразную, т. е. такую, чтобы она сама говорила свою цѣль, а не подавала бы повода къ многословнымъ объясненіямъ для чего что дѣлается.

Объясненія въ этомъ случаѣ сводятся на мелочную казуистику **) и служатъ болѣе для услажденія самихъ учителей, нежели въ пользу рекруту, который почти никогда ихъ не понимаетъ.

Для простолюдина нѣтъ лучше науки, какъ примѣромъ, особенно еще если онъ сразу видитъ, что его учатъ дѣлу: не разсказывайте что нужно дѣлать, а покажите какъ сдѣлать, и одинъ подобный показъ будетъ стоить ста объясненій.

Стрѣльба и фехтованье,—т. е. то, что нужно знать для боя одинъ на одинъ—представляютъ именно такую работу. Какъ бы рекрутъ ни былъ тупъ, онъ сразу пойметъ, къ чему служитъ то и другое, хотя можетъ быть и не разскажетъ понятаго. Да за послѣднимъ и гнаться особенно нечего: вѣдь назначеніе солдата знать дѣлать дѣло, а не разсказывать о дѣлѣ; и, въ примѣненіи къ большинству, второе можетъ быть достигнуто не иначе, какъ въ ущербъ первому.

Подготовка, необходимая для стройности массъ, уже не составляетъ цѣлесообразнаго занятія для человѣка, только что взятаго отъ сохи; по этому, какъ искусство, она должна быть отнесена ко второму періоду одиночнаго образованія. Какъ бы рекруту на первыхъ порахъ ни убѣдительно толковали необходимость упражненій въ ходьбѣ, неподвижной стойкѣ, онъ не пойметъ вполнѣ этой необходимости, пока не освоится личнымъ опытомъ съ условіями движенія и дѣйствія массъ.

---

*) А въ послѣдствіи и солдату.

**) Такъ, напр., нѣкоторые находятъ, что полезно объяснить солдату почему ружье, при хваткѣ на караулъ, берется такимъ, а не другимъ образомъ, и т. под.

По этому и здѣсь объясненія не у мѣста; самое же лучшее пріучать рекрута къ условіямъ сомкнутаго строя, пользуясь случаями цѣлесообразныхъ движеній той части, къ которой онъ принадлежитъ; какъ отводы къ столу, на работы, на гимнастику и тому под. На такихъ случаяхъ онъ сразу самъ пойметъ, почему нужно идти въ ногу, единовременно принимать команду, слѣдовательно быть внимательнымъ къ ней и пр., и пр.

Послѣ этого не трудно опредѣлить и значеніе примѣрнаго обученія рекрута чему бы то ни было. Всякое примѣрное исполненіе есть часть извѣстнаго дѣйствія, которая принимается за все дѣйствіе. До тѣхъ поръ, пока упражняются въ частяхъ этого дѣйствія по необходимости удовлетворить закону анализа, упражненіе, неоспоримо, полезно и примѣрнымъ названо быть не можетъ. Всякая часть въ этомъ случаѣ обращается и принимается только за то, что она дѣйствительно значитъ. Такъ, напр., учась спускать курокъ, вы и не воображаете, что за каждымъ спускомъ слѣдуетъ выстрѣлъ. Примѣрное исполненіе именно въ томъ состоитъ, что это воображать должно; что должно прицѣлиться, упереть ружье, какъ при настоящемъ выстрѣлѣ, и въ тоже время ограничиться однимъ спускомъ курка.

Этотъ способъ обученія возникъ вслѣдствіе мысли, что дѣлу можно выучиться, исполняя только часть его, а остальныя—дополняя воображеніемъ и объясненіемъ учителей. Къ сожалѣнію, по существу предмета, приходится дополнять воображеніемъ именно труднѣйшее, занимаясь дѣйствительнымъ исполненіемъ самаго легкаго. Такъ, примѣрное заряжаніе (нынѣ уже уничтоженное) состояло въ томъ, что продѣлывали руками около ружья всѣ движенія, необходимыя при заряжаніи, но ружья не заряжали. Кончилось короткостью движеній, невозможною при заряжаніи патрономъ, и тѣмъ, что, приступая къ боевой стрѣльбѣ, приходилось обучать заряжанію снова (на этотъ разъ уже настоящему). То же замѣчается при примѣрномъ, т. е., холостомъ выстрѣлѣ: замѣтили, что солдатъ вовсе не цѣлится, производя его. Обучающіе начали требовать, чтобы онъ цѣлился, а сами между тѣмъ продолжаютъ оставаться впереди цѣпи, т. е. желаютъ, чтобы солдатъ считалъ холостой выстрѣлъ за боевой; а не замѣчаютъ, что сами его такимъ не считаютъ. Это уже показываетъ, что какъ бы человѣкъ ни былъ логиченъ, онъ никогда не въ состояніи вѣрно провести одною мыслью всѣ практическія послѣдствія извѣстнаго дѣйствія: только осуществленіе послѣдняго во всей его полнотѣ и цѣлости даетъ и всѣ естественныя послѣдствія его. Законъ этотъ съ грустною непреложностью осущест-

вляется на всѣхъ примѣрныхъ упражненіяхъ; не смотря на всѣ усилія приблизить ихъ къ дѣйствительному исполненію, практика неминуемо приводитъ къ естественнымъ послѣдствіямъ самаго исполняемаго дѣйствія, а не къ тѣмъ, которыхъ добиваются, подразумѣвая подъ этимъ дѣйствіемъ другое.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, что многословныя объясненія и примѣрное обученіе составляютъ двѣ стороны одного и того же метода. Первыя вызываются преимущественно стремленіемъ дополнить словомъ то, что не исполняется на самомъ дѣлѣ. Но слово не есть дѣло и дѣла замѣнить не можетъ: сколько бы ни говорили о цѣльномъ дѣйствіи, всегда достигнутъ только того, что составляетъ естественное послѣдствіе одной исполняемой части его. Ясно изъ этого, что примѣрное исполненіе и многословныя объясненія, при раціональномъ воспитаніи солдата, не должны находить мѣста.

Переходимъ къ третьему вопросу: какія средства употребить, чтобы одна какая либо часть образованія солдата не разрослась въ ущербъ другимъ, а слѣдовательно и общей цѣли?

Во первыхъ, замѣтимъ, что вопросъ этотъ въ особенности важенъ въ примѣненіи къ образованію массъ, а не единицъ. Единица, какъ самостоятельный дѣятель, должна умѣть только стрѣлять и колоть штыкомъ, т. е. имѣетъ цѣлесообразныя занятія. Движенію и стойкѣ ее обучать нечего: то и другое она знаетъ еще съ однолѣтняго возраста на столько, на сколько ей одной нужно. Но единица, какъ составной атомъ массы, должна быть подготовлена къ согласованію своихъ дѣйствій съ другими подобными ей единицами,—согласованію, необходимое внѣшнее условіе котораго стройность движеній. Слѣдовательно отдѣлъ этотъ не есть какое либо новое дѣйствіе, а только согласованіе движенія нѣсколькихъ единицъ: двигается ли часть стройно или въ безпорядкѣ, непріятель отъ этого собственно не терпитъ еще никакой потери.

Это опредѣляетъ главныя свойства стройности движенія: отсутствіе цѣлесообразности въ ней собственно; необходимость ея въ массахъ, для успѣшнаго примѣненія къ дѣлу пули и штыка. Прибавивъ къ сказанному: неодолимое обаяніе, производимое на человѣка видомъ стройнаго движенія массъ, стремленіе, вслѣдствіе этого, достигнуть въ стройности артистическаго совершенства и трудность, съ какою дается это совершенство, получимъ полную характеристику разбираемаго отдѣла солдатской работы. Дабы опредѣлить, къ чему приводитъ строевое увлеченіе и найти средства противустоять ему, обратимся къ основной его идеѣ—единству движенія и опредѣлимъ отноше-

ніе послѣдней къ синтетической идеѣ всего военнаго дѣла — единству дѣйствія.

Единство движенія относится къ одной физической природѣ человѣка и въ конечномъ выраженіи приводитъ: къ однообразію формъ и къ автоматизму; послѣднее по той причинѣ, что живое существо никогда не въ состояніи достигнуть той точности и отчетливости движеній, какой можно достигнуть автоматомъ.

Единство дѣйствія предполагаетъ одинакое напряженіе, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ; требуетъ существа всесторонне-живаго. Слѣдовательно единство движенія входитъ въ единство дѣйствія только какъ составляющая, и, по духу своему (автом.), ему враждебна.

Заключеніе понятно: высокая степень единства движенія не можетъ быть пріобрѣтена иначе, какъ въ ущербъ единству дѣйствія, т. е. способности достигать военныхъ цѣлей. Это обнаружилось только послѣ ряда горькихъ, но совершенно неизбѣжныхъ опытовъ: человѣкъ всегда замѣчаетъ первою внѣшнюю оболочку идеи, а не сущность ея. Понявъ единство дѣйствія только единствомъ движенія, начали осуществлять этотъ идеалъ въ мирномъ обученіи войскъ. Пришли, слѣдовательно, опять къ тому же примѣрному обученію и ко всѣмъ его послѣдствіямъ. Мы тѣмъ откровеннѣе можемъ говорить объ этихъ послѣдствіяхъ, что благодаря Бога, отъ нихъ уже отрѣшились; но считаемъ необходимымъ указать ихъ, въ предостереженіе отъ возврата. Вотъ они относительно индивидуума:

1) Тончайшее разложеніе стройности движенія на составные элементы, изученіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, какъ: стойка, составныя части шага, самый шагъ, повороты и проч. не давая всему этому никакой цѣли, а ставя цѣлью самое исполненіе.

2) Физическое совершенство можетъ быть достигнуто и физическими средствами.

3) Дисциплина отклоняется отъ нормы, формула которой—законъ долженъ стоять выше личности начальника и подчиненнаго.

4) Характеръ практическихъ занятій отражается на складѣ понятій; характеръ отношеній, не давая практики волѣ, какъ силѣ нравственной, разслабляетъ послѣднюю.

5) Автоматизмъ для живаго существа весьма затруднителенъ; чтобы въ немъ утвердить, необходимо ежегодно возвращаться къ азбукѣ дѣла.

6) Привычка искать единства, однообразія во внѣшности переходитъ во внутреннюю и гарнизонную службы: святѣйшія обя-

занности въ оныхъ уступаютъ мѣсто обрядовой сторонѣ дѣла, однообразіе которой вездѣ и всегда начинаетъ считаться вѣрхомъ хорошаго состоянія службы.

Вліяніе единства движенія на массахъ отражается еще рельефнѣе. Мы проходимъ молчаніемъ явленія этого отраженія потому, что безстрастный разборъ еще не всегда принимается у насъ чуждымъ какихъ либо заднихъ мыслей.

Довольно и того уже, что вредъ увлеченія въ эту сторону у насъ сознанъ. Но въ теоріи сознать мало: выше уже показано, что какъ бы ни были здравы мыслью, это ни къ чему не приведетъ, если не будемъ здравы и практикою; у послѣдней есть своя логика, которая рано или поздно насмѣется надъ вами, если не будете вѣрны ея законамъ.

Съ чѣмъ нужно соединять маневрированіе массъ, дабы парализировать вредныя его стороны? Выше уже сказано, что самое опасное свойство маневрированія заключается въ томъ, что по собственной своей сущности оно нецѣлесообразно и что, вслѣдствіе этого, цѣлью въ немъ является одно достиженіе внѣшней стройности движенія, т. е. искусство для искусства. Слѣдовательно, нужно соединить его съ однимъ изъ тѣхъ дѣйствій, которыя цѣлесообразны, т. е. съ боевою стрѣльбою или съ ударомъ въ штыки. Какъ это сдѣлать? Отвѣтъ не труденъ: должно соединять маневрированіе съ тѣмъ, либо другимъ такъ, какъ это приходится дѣлать передъ непріятелемъ.

Дѣйствія противъ непріятеля представляютъ два рѣзко отличные другъ отъ друга момента.

1) Сближеніе съ нимъ и ослабленіе огнемъ — отъ 1,500 ш. до 100 ш.

2) Движеніе въ атаку на противника, ударъ въ штыки и свалка — отъ 100 до 0.

Первый отдѣлъ осуществится слѣдовательно ученіемъ съ боевыми патронами противъ мишеней.

Посмотримъ слѣдствія этой комбинаціи. А для этого припомнимъ вкратцѣ основныя свойства составляющихъ:

Маневрированіе.	Стрѣльба.
единство движенія; результатъ — признаніе массы; отрицаніе индивидуума; отрицаніе права разсуждать — автоматизмъ.	дѣйствіе въ разсыпную; издали; когда удобно; результатъ — признаніе индивидуума; признаніе права разсуждать; отрицаніе массы.

Слѣдствія соединенія:

1) Исполняя то и другое совмѣстно и современно, не дадимъ азвиться ни автоматизму на счетъ личности, ни личности на счетъ пособности сростаться въ массы.

2) Стремленіе отъ анализа къ синтезу въ практикѣ, такъ алеко, какъ только это возможно въ мирное время, даетъ уму здоровую пищу и усиливаетъ способность его выводить равильныя умозаключенія. Понятія очищаются.

3) Между начальникомъ и подчиненнымъ возникаютъ отношеія сдержанныя; начальникъ, видя одинаковую необходимость и втоматизма, и индивидуализма, видя, что человѣкъ не въ силахъ беречься отъ уклоненій въ ту, либо другую сторону, приводитя къ убѣжденію, что отношенія могутъ быть опредѣляемы только инимъ закономъ. Послѣдній становится выше личности начальника и подчиненнаго.

4) Начальники уѣзжаютъ за фронтъ, т. е. туда, гдѣ они будуть находиться въ дѣлѣ;—выгода нравственная и матеріальная. олдатъ, привыкнувъ всегда видѣть начальника впереди на мирныхъ занятіяхъ, невольно приходитъ къ неутѣшительнымъ разышленіямъ, видя какъ онъ, при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, уѣзжаетъ за фронтъ. Солдатъ привыкъ слушать команду переди; здѣсь ему приходится привыкать слушать ее сзади; и огда приходится? когда нравственная сторона выведена изъ равовѣсія, т. е. когда человѣку труднѣе всего отказываться отъ усвоенныхъ привычекъ.

5) Холостая стрѣльба исчезаетъ для солдатъ, разъ доведенныхъ до боевой. Ружье будетъ уклоняться не иначе, какъ для боеваго выстрѣла: явится полное вниманіе ко всей обстановкѣ юслѣдняго.

6) Уставы вводятся строго въ границы только примѣнимаго къ бою. Всѣ сложныя формы и эволюціи исчезаютъ изъ нихъ; начальники и солдаты, имѣя цѣль впереди, будутъ обращать преимущественное вниманіе на нее, а не на строгое соблюденіе равненія и уставныхъ интерваловъ.

7) Всѣ силою вещей становятся на ту точку: что безполезно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе. Іожно ли сдѣлать репетицію сраженію? Войска, привыкнувшія ичего не дѣлать безъ репетиціи, хорошо ли будутъ себя чувствовать передъ разрѣшеніемъ самой трудной своей задачи, которой репетиціи сдѣлать нельзя? Слѣдовательно:

8) Репетиціи исчезнутъ. Но вѣдь они не болѣе какъ слѣдствіе заблаговременно назначаемыхъ смотровъ; слѣдовательно:

9) Заблаговременно назначаемые смотры замѣнятся неожи-

данно назначаемыми. Нравственный выигрышъ большой: цѣл
благовременно назначаемыхъ смотровъ заключается въ томъ, ч
скрыть настоящее состояніе части, а не показать его.

Уясняется понятіе о значеніи смотровъ: они должны и
цѣлью повѣрку метода веденія солдата, а не высшей
пени совершенства, до которой послѣдній достигъ въ
номъ отдѣлѣ образованія. Потому что если методъ выдер
вѣрно, совершенство приложится; между тѣмъ какъ совершен
показанное не всегда бываетъ дѣйствительнымъ. Ротный ко
диръ виднѣе на домашнемъ ученьѣ, нежели на парадѣ. По
о службѣ становится вѣрнѣе: увидятъ, что дѣло на ней дѣла
не порывами, а ровной тягой. Заблаговременно назнача
смотры съ репетиціями вызываютъ только порывы.

Поймутъ, что разные спеціализмы въ солдатской наукѣ
мыслимы; что совершенство въ нихъ, независимое отъ об
склада образованія—уродство, вредящее, а не помогающее д
что должна быть одна только спеціальность, это спеціальн
солдата, въ которую всѣ частныя спеціальности влиты на сто
сколько по назначенію каждой приходится.

10) Поймутъ, что выучившись читать, странно возвраща
къ азбукѣ; возвратъ, каждую осень, къ составнымъ элемен
маневрированія, — вредно дѣйствующій какъ всякое безцѣл
повтореніе чего бы то ни было,—исчезаетъ. Начнутъ занима
только тѣмъ, что по существу своему требуетъ постоянной п
тики, какъ прицѣливаніе, стрѣльба, фехтованіе, гимнастика.
ковая работа укрѣпитъ умъ къ дѣлу, а не къ разговорамъ.

Вотъ послѣдствія перехода отъ анализа къ синтезу въ в
ной спеціальности, которыя можно уже предвидѣть теперь. Н
никакого сомнѣнія, что онѣ будутъ несравненно плодотворнѣе
ставляя результатъ шага, строго вѣрнаго законамъ дѣятельн
человѣческой природы.

Для полноты, должно заканчивать этотъ отдѣлъ образов
совокупнымъ маневрированіемъ пѣхоты съ артиллеріею, сопро
даемымъ боевою стрѣльбою обѣихъ.

Этотъ отдѣлъ образованія даетъ полное понятіе о первом
ріодѣ дѣйствій противъ непріятеля, выжидающаго насъ на м
Примѣрнымъ упражненіемъ его назвать нельзя: въ мирное в
это будетъ дѣйствіе и маневрированіе противъ мишеней и ш
больше. Не нужно ни самому дѣлать усилій воображенія сч
неподвижныя доски непріятелемъ, ни принуждать къ этому
гихъ. Доски пусть остаются досками. Дѣло здѣсь не въ т
чтобы ихъ считать непріятелемъ, а въ томъ, что съ св

стороны солдатъ будетъ противъ нихъ исполнять все то, что будетъ исполнять противъ непріятеля; чего теперь нѣтъ.

Изъ этого уже видны достоинства и недостатки подобнаго упражненія: оно цѣлесообразно, но далеко еще не ставитъ солдата совершенно въ то положеніе, въ которомъ онъ находится въ бою. Сравнивая солдатскую науку съ чтеніемъ, — въ ней не достаетъ самой трудной и страшной буквы—дѣятельнаго и смертоноснаго противника.—Въ этомъ отношеніи, разбирая вопросъ съ чисто военной точки, чрезвычайно полезно, при возможности, завершать образованіе арміи, проводя ее чрезъ страны, въ которыхъ война составляетъ почти нормальное положеніе; если не всегда въ смыслѣ опасности, то, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ ожиданія ея. Французы пользуются такимъ образомъ своимъ Алжиромъ.

Какъ подготовлять массы ко второму періоду боя (отъ 100 ш. до 0)? Суворовъ оставилъ безсмертный образецъ того, какъ должно вести этотъ отдѣлъ образованія.—Онъ зналъ, что человѣку всегда нужна видимая цѣль, зналъ, что успѣхъ атаки опредѣляется стройностью въ душѣ болѣе нежели въ формахъ, и осуществилъ то и другое своей системой, о которой можно составить понятіе изъ его «Науки побѣждать» и инструкцій, данныхъ Австрійцамъ въ 1799 г.

Цѣлеособразности атаки онъ достигалъ двумя средствами:

а) При одностороннихъ маневрахъ, точнымъ соблюденіемъ одного—чтобы атакѣ была непремѣнно видимая цѣль: плетень, изгородь, канава, что нибудь подобное.

Останавливать атакующую часть было предписано, пройдя предметъ, представляющій непріятеля *).

б) При двухсторонникъ маневрахъ, другихъ атакъ, кромѣ сквозныхъ не было. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Суворовъ въ своей инструкціи Австрійцамъ: «Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозь пѣхоту и кавалерію; кавалерія сквозь пѣхоту и кавалерію; а какъ только всѣ прошли на сквозь,—строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать стой! Задняя линія проходитъ сквозь переднюю и на лѣво кругомъ!—Кавалерія по четыре на лѣво кругомъ! Тутъ уже станутъ на заднюю

*) Исторія войны 1799 года гр. Милютина, приложеніе 73, 2-й части: „во время ученія командовать стой и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель, и которое всегда должно быть обозначено заборомъ или плетнемъ“.

шеренгу. Тотъ же самый маневръ повторяется снова. — Армія, которая прежде была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ; а стоявшая прежде, теперь атакуетъ—и тоже самое наблюдаетъ. Vinci! Vinci»!—Суворовъ имѣлъ право сказать это: онъ такъ понималъ человѣка, что могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ, разъ учили солдата по его указаніямъ.

Дѣйствительно, если разбирать атаку въ штыки со стороны ея отношеній къ духовной сторонѣ человѣка, нельзя не замѣтить, что успѣхъ ея не столько зависитъ отъ геометрической стройности, сколько отъ привычки людей дѣлать совокупныя усилія противъ какой нибудь одной цѣли. Съ этой точки нѣтъ ничего вреднѣе, въ смыслѣ подготовки къ атакѣ, какъ движеніе, хотя бы и самое стройное, если оно непослѣдуемо какимъ либо единодушнымъ усиліемъ. Валовыя работы *) несравненно болѣе приготовляютъ стройность атаки, нежели движеніе въ пространство; или хоть и противъ непріятеля, но съ остановкою за 50 шаговъ отъ него. Послѣднее пріучаетъ не къ атакѣ, а къ остановкѣ въ тотъ моментъ ея, когда именно остановки не должно быть ни въ какомъ случаѣ. Суворовское правило,—чтобы всегда была цѣль атакѣ,—достигаетъ, при единствѣ движенія, и единства усилія: всякій видитъ, ближе чего онъ не долженъ и думать останавливаться. Мало того: видимая цѣль даетъ возможность и начальникамъ пріобрѣсти навыкъ глазомѣра, играющаго въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ еще болѣе рѣшительную роль, нежели въ стрѣльбѣ. Тамъ невѣрное опредѣленіе разстоянія ведетъ къ промаху, т. е. къ потерѣ пули; здѣсь же оно ведетъ къ тому, что начальникъ слишкомъ рано или поздно скомандуетъ на руку, ударитъ бой къ атакѣ, подниметъ свою часть на ура. Исходъ этому «рано» или «поздно» одинъ—гибель части: или нравственная, если часть дастъ тылъ; или матеріальная, если она потерпитъ большія потери, благодаря неумѣнью начальника пустить ее въ атаку. Само собою разумѣется, что видимая цѣль атакѣ еще важнѣе въ кавалеріи, гдѣ разстоянія больше, а дѣйствіе мгновеннѣе. Это показываетъ, что дѣйствіе холоднымъ оружіемъ требуетъ мишени точно также, какъ и дѣйствіе огнестрѣльнымъ. Послѣднее сознано, потому что слишкомъ явно; первое умерло съ Суворовымъ: непонятый современниками, необратившій вниманія послѣдователей, его способъ атаки пришелъ въ забвеніе.

Второе Суворовское правило заслуживаетъ еще большаго подражанія, нежели первое.

---

*) Въ родѣ битья свай, подниманія большихъ тяжестей и т. п.

Разъ уже было упомянуто объ обаятельности движенія массъ на человѣка; эта обаятельность переходитъ въ весьма неблагопріятное вліяніе на нравственную его сторону, если масса враждебна. По этому весьма важно пріучать солдатъ къ виду массъ, рѣшительно на нихъ наступающихъ. Но рѣшаясь пріучать къ этому, какое правило принять для остановки? Чѣмъ ближе остановимся, не дойдя до живой цѣли, тѣмъ хуже; остановка на разстояніи значительномъ можетъ быть обусловлена разными причинами; остановка вблизи показываетъ одно—не хватило духу сблизиться на штыкъ. Гдѣ же останавливать? Суворовъ и эту задачу рѣшаетъ геніально: останавливать, пройдя насквозь враждебную массу и за тѣмъ, повторять тотъ же маневръ, на заднюю шеренгу. Этотъ пріемъ обученія вдвойнѣ замѣчателенъ; онъ показываетъ: 1) что при двухсторонникъ маневрахъ не должно быть отступленія; 2) что у Суворова не было ни задней, ни передней шеренги: лицевою стороною становилась та, противъ которой былъ непріятель. Понятно, что въ войскахъ, воспитанныхъ такимъ образомъ, неожиданности, даже въ родѣ появленія непріятеля въ тылу, никого особенно не поражали, потому, что ни кто не былъ пріученъ мирными упражненіями считать это особенно важнымъ. Швейцарская кампанія наградила доблестнаго старика свыше мѣры за вѣрное отношеніе къ человѣческой природѣ: вся она великое свидѣтельство того, что для Суворовской арміи ни «тыла» ни «фланговъ» не существовало: былъ вездѣ «фронтъ»,—откуда появлялся непріятель.

Способъ, которымъ Суворовъ освоивалъ кавалерію и пѣхоту другъ съ другомъ, не менѣе замѣчателенъ. Достаточно обратить вниманіе на современное отношеніе этихъ родовъ войскъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, чтобы убѣдиться, до какой степени Суворовъ понималъ что именно необходимо для раціональнаго ихъ воспитанія. Теперь пѣхота и кавалерія большею частью воспитываются такъ, что онѣ боятся другъ друга. Кавалерійская лошадь отшатывается, если пѣхотинецъ сдѣлаетъ передъ нею «кладсь» или на «руку»; пѣхота, завидѣвъ только кавалерію, считаетъ долгомъ остановиться и построить каре, хотя бы та и не думала атаковать; иногда случалось, что неожиданное появленіе кавалеріи вблизи пѣхоты просто наводило на послѣднюю паническій страхъ и заставляло ее поворачивать назадъ. Понятно, чего можно ожидать въ военное время отъ пѣхоты, усвоившей такое преувеличенное понятіе объ опасности кавалерійской атаки. Понятно также, къ чему способна кавалерія, ближе 50 шаговъ никогда не видѣвшая пѣхоты.

При Суворовской манерѣ проводить одинъ родъ войска сквозь другой—ничего подобнаго. И пусть не думаютъ, чтобы это было необходимо дѣлать на быстрыхъ аллюрахъ—нѣтъ: цѣль упражненія не есть атака, а пріученіе людей и лошадей къ впечатлѣнію, производимому видомъ противника. Понятно, что при дѣйствительной атакѣ на пѣхоту не трудно пустить вскачь ту лошадь, которая ее не боится, потому что знаетъ; и на оборотъ—какъ бы лошадь ни отлично была наскакана, не заставите ее понестись съ полною рѣшительностью на пѣхоту, которой она боится, потому что не знаетъ.

Упрекъ этой системѣ въ устарѣлости, который такъ часто раздается у насъ со стороны людей, неимѣющихъ яснаго представленія о дѣлѣ, но съ претензіями на прогрессизмъ, не можетъ имѣть мѣста, во первыхъ, потому, что она относится исключительно къ нравственному складу человѣческому *), законы дѣятельности котораго неизмѣнны были и будутъ; во вторыхъ, потому, что она представляетъ безусловно вѣрное разложеніе акта успѣшной атаки на ея составныя части: а) умѣнье вести процесъ самой атаки въ смыслѣ: опредѣленія разстояній для послѣдовательныхъ ея фазисовъ, привычки людей напрягать свои усилія именно въ ту минуту, когда они подходятъ къ видимому препятствію; б) пониманіе той простой вещи, что человѣкъ, какъ и лошадь, смѣло лѣзутъ только на то, что они хорошо знаютъ, съ чѣмъ они освоены, хотя бы и не были пріучены къ идеальной стройности движеній. Что не быстрота и стройность движеній уничтожаютъ въ нихъ боязнь; но что отсутствіе боязни дастъ беззавѣтную рѣшительность атакѣ, при возможной быстротѣ и достаточной стройности. Не можемъ закончить этого отдѣла, не замѣтивъ, что одно изъ средствъ, способствующихъ подготовкѣ людей къ удару холоднымъ оружіемъ, заключается въ уваженіи ко всей обстановкѣ удара, какъ: пріемъ на руку, бой къ атакѣ, ура. Всѣ эти предметы, не имѣя сами по себѣ внутренняго смысла и заимствуя его отъ самаго удара, тогда только сохранятъ въ глазахъ солдата свое значеніе, если ихъ не будутъ повторять попусту слишкомъ часто; въ противномъ случаѣ они перестаютъ напоминать солдату то дѣйствіе, къ которому должны подготовлять его.

---

*) А не къ какому либо оружію.

Вліяніе распространенія нарѣзнаго оружія на боевыя формы массъ.

Главнѣйшее измѣненіе въ формахъ, обусловленное распространеніемъ нарѣзнаго оружія, заключается въ повсемѣстномъ принятіи двухшереножнаго строя для пѣхоты, который будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе силы баталіоновъ на цѣлую треть. Будетъ ли эта часть употреблена на сформированіе новыхъ баталіоновъ, останется ли въ массѣ народа, (что еще выгоднѣе), выигрышъ въ экономіи людей получится громадный. По настоящее время третья шеренга удерживалась исключительно по рутинѣ; не смотря на то, что давно были уже обнаружены недостатки трехшереножной формы, ее держались, какъ обыкновенно держится человѣкъ вещей, съ которыми связываетъ его сила привычки. А между тѣмъ и прежде знали, что: 1) держать подъ выстрѣлами людей, которые сами вредить непріятелю не могутъ, не раціонально; 2) сила баталіона, какъ единицы для удара холоднаго, отъ уничтоженія третьей шеренги не уменьшается, что доказали англійскіе баталіоны, и что понятно было бы и безъ этого примѣра, если бы обратили вниманіе на то, что успѣхъ штыковаго удара опредѣляется не столько числительностью, сколько рѣшимостью, нравственною энергіею тактической единицы *).

Оставляя въ сторонѣ великій вопросъ нравственной силы, освящающей все въ военномъ дѣлѣ, даже атаку съ палками на людей, вооруженныхъ наисовершеннѣйшимъ оружіемъ; обращаясь исключительно къ матеріальнымъ условіямъ, опредѣляющимъ силу баталіона, и тутъ видимъ, что сумма силы его не уменьшилась отъ уменьшенія числа людей. Сравнивъ два баталіона: одинъ въ 1000 человѣкъ, вооруженный оружіемъ, стрѣляющимъ, съ грѣхомъ пополамъ, на 300 шаговъ, и другой въ 600 человѣкъ, открывающихъ огонь съ 1200 шаговъ, а на 500 даже способныхъ поражать отдѣльныхъ людей, въ выборѣ усомниться трудно. И такъ введеніе нарѣзнаго оружія отразилось на массахъ уменьшеніемъ числа индивидуумовъ, необходимыхъ на сформированіе одной тактической единицы, т. е. тѣмъ же, чѣмъ оно отразилось на индивидуумѣ, только въ другомъ видѣ,—сбереженіемъ человѣка.

Затѣмъ, характеръ построеній отдѣльной тактической единицы

---

*) У Французовъ баталіоны въ послѣднюю кампанію были не болѣе 600 человѣкъ, у Австрійцевъ тысячные.

измѣнится только въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) развернутый строй обратится въ исключительную форму, къ которой будутъ прибѣгать въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, потому что онъ не довольно подвиженъ для холоднаго удара, не довольно даетъ свободы для дѣйствія огнестрѣльнаго; 2) расположенія по ротно сдѣлаются теперь, если не сразу преобладающимъ строемъ, для боевыхъ линій, то, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтутъ одну степень значенія съ колоннами къ атакѣ. Причина этого понятна: съ увеличеніемъ дальности и дѣйствительности стрѣльбы, весьма часто будутъ основывать успѣхъ обороны главнѣйше на огнестрѣльномъ дѣйствіи, прибѣгая къ штыку только затѣмъ, чтобы отстоять позицію цѣпи, или затѣмъ, чтобы покончить съ противникомъ, ослабленнымъ предшествовавшими дѣйствіями. Если взять къ этому въ расчетъ, что съ увеличеніемъ дальности выстрѣловъ является возможность тѣмъ же числомъ стрѣлковъ оборонить гораздо большее пространство, будетъ ясно, что, сравнительно, цѣпи будутъ растянутѣе, чѣмъ при гладкоствольномъ оружіи. Эти два обстоятельства (т. е. большое протяженіе цѣпи, непозволяющее сосредоточенному баталіону подавать помощь отдаленнымъ ея пунктамъ, и то, что дѣйствіе холоднымъ оружіемъ имѣетъ одну цѣль—отстаиваніе позиціи цѣпи) и опредѣляютъ, что баталіонъ при оборонѣ чаще будетъ раздѣляться на роты, чѣмъ то было донынѣ.

При наступленіи необходимость по возможности обезпечиться отъ огня и быстрѣе пройти пространство, отдѣляющее отъ противника, заставитъ также предпочесть расположенія поротно, баталіоннымъ колонамъ.

Слѣдовательно, общіе баталіонные строи (колона къ атакѣ, полувзводная изъ середины) обращаются въ резервный порядокъ ротъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уставная связь баталіона, какъ тактической единицы, исчезаетъ и онъ обращается уже въ совокупность самостолтельныхъ тактическихъ единицъ—ротъ. Изъ этого два слѣдствія: 1) баталіонъ часто будетъ занимать больше мѣста, чѣмъ занималъ обыкновенно донынѣ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ пространства возникаетъ разнообразіе обстоятельствъ, опредѣляющихъ форму и образъ дѣйствія, которые не всегда будутъ одинаковы для всѣхъ ротъ баталіона; 2) является необходимость обратить особенное вниманіе на то, чтобы съ потерею уставной связи между ротами не терялась связь нравственная, внутреннее единство, т. е., чтобы роты до глубины были проникнуты сознаніемъ круговой поруки, необходимости выручать своихъ.

То и другое требуетъ образованія здравыхъ и энергическихъ начальниковъ, или—что одно и то же,—нравственно самостоя-

тельныхъ. Только такой командиръ бросится безъ приказанія на помощь товарищу, когда тому плохо; только такой командиръ рѣшится перемѣнить боевую форму своей роты сообразно обстоятельствамъ, тоже не ожидая приказанія.

Но чѣмъ же вырабатывается эта самостоятельность? Во первыхъ, отношеніями личными между чинами военной іерархіи, во вторыхъ, раціональнымъ отношеніемъ къ уставнымъ формамъ тѣхъ, которые, въ качествѣ начальниковъ, призваны непосредственно къ осуществленію этихъ формъ. Первое просто и ясно, и заключается въ одной формулѣ: ведетъ себя достойно передъ непріятелемъ только тотъ, кто ведетъ себя достойно передъ начальникомъ. Есть конечно исключенія, представляющія первое безъ втораго, но говорю о большинствѣ и единичные примѣры тутъ не у мѣста. Военный начальникъ, какъ бы онъ маловаженъ ни былъ, долженъ быть рабомъ только одного закона, но ничьего произвола. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ условія успѣха требуютъ послѣдняго, тотъ же законъ узаконяетъ произволъ. Да даже и безъ этого чѣмъ человѣкъ независимѣе, тѣмъ онъ въ такія минуты подчиняется безусловнѣе, внося въ дѣло не одну послушность трупа, а вмѣстѣ съ нею и всю энергію и предпріимчивость существа самостоятельнаго.

Второе (раціональное отношеніе къ уставнымъ формамъ) опредѣляется превосходно выраженіемъ Пеница: «расположеніе, въ которомъ ожидаемъ атаки менѣе важно, чѣмъ духъ войскъ» и Наполеоновскимъ: «чтобы побѣждать, нужно мѣнять тактику каждыя 10 лѣтъ». Понятно, что подъ тактикой здѣсь разумѣлись только тѣ, либо другія формы дѣятельности, но не самая дѣятельность.

Что такое форма въ тактикѣ, какихъ цѣлей ею стремятся достигнуть и какимъ условіямъ по этому она должна удовлетворять?

Назначеніе формы въ тактикѣ—комбинація извѣстнаго числа индивидуумовъ въ собирательную единицу, для облегченія имъ взаимнаго содѣйствія въ достиженіи общей цѣли. Цѣли эти достигаются или холоднымъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ зависимости отъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Вліяніе рода оружія на строй всегда одно и тоже—огнестрѣльное требуетъ тонкости строя и возможной свободы личности; холодное—глубины строя и возможнаго подчиненія личностей волѣ одного. Но это вліяніе, какъ оно ни опредѣленно, должно зачастую уступать требованіямъ минуты, слагающимся изъ расположенія духа нашихъ или непріятельскихъ войскъ, отношенія силъ, мѣстной и атмосферической обстановки и наконецъ, того безчисленнаго мно-

жества неуловимыхъ вліяній, которыя обусловливаютъ положеніе минуты и которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ нею.

Эти-то условія минуты зачастую отрицаютъ типическія формы, свойственныя каждому роду оружія, и самыя нормальныя изъ нихъ дѣлаютъ нелѣпыми, самыя нелѣпыя нормальными. Ясно изъ этого, что ни одна форма не можетъ быть названа ни безусловно хорошею, ни безусловно дурною. Всякая изъ нихъ въ свою очередь бываетъ то превосходна, то гибельна.

Изъ этого слѣдуетъ: 1) необходимость пониманія свойствъ формъ офицерами, дабы они могли быть вполнѣ свободны и быстры въ выборѣ формы въ данную минуту; 2) необходимость совершенно свободнаго отношенія офицера ко всякой формѣ, чтобы онъ не полагалъ наприм., что если въ колоннѣ къ атакѣ сдѣлать дистанцію шагомъ меньше уставной, то отъ этого погибнетъ все дѣло, не говоря уже о перемѣнѣ наприм., относительнаго положенія ротъ.

Форма, составляя необходимое проявленіе единства массы, тѣмъ не менѣе тѣснитъ единицы; это уничтоженіе самостоятельности индивидуума тогда только хорошо, когда къ нему прибѣгаютъ, какъ къ мѣрѣ временной. Если же извѣстную форму воспроизводить слишкомъ часто, кончается тѣмъ, что типъ ея становится чѣмъ то священнымъ въ глазахъ солдатъ и начальниковъ, и отступленія отъ этого типа, неизбѣжныя на войнѣ, смущаютъ, а для нѣкоторыхъ даже составляютъ признакъ неуспѣха. Понятно послѣ этого, до какой степени вредно въ военномъ дѣлѣ благоговѣніе передъ формами, какъ бы онѣ ни были совершенны. Должно помнить, что строгое соблюденіе формы на войнѣ невозможно; слѣдовательно и войска должно воспитывать не въ благоговѣніи къ формѣ а такъ, чтобы даже и потерявъ форму, т. е. обратившись въ толпу, они сохраняли способность исполнять возлагаемыя на нихъ назначенія.

Здѣсь время сказать нѣсколько словъ о порядкѣ, потерю котораго столь многіе считаютъ гибельною.

Есть два рода порядка: первый артистическій, порядокъ для порядка, заключающійся въ строжайшемъ соблюденіи прямолинейности фигуръ, равенства разстояній, перпендикулярности фланговъ и фронта—это порядокъ уставный; онъ необходимъ для совершенства формы, разсматривая ее какъ цѣль, а не какъ средство. Есть другой порядокъ тактическій, въ которомъ уставный порядокъ является только однимъ изъ средствъ для достиженія цѣли. Основа этого порядка одна: способность войскъ достигать возлагаемыхъ на нихъ назначеній. Съ этой точки всякій порядокъ хо-

ошъ, въ которомъ войска бьютъ врага, а не бываютъ имъ биты. Но скажутъ: вѣдь уставъ тоже имѣетъ въ виду ту же цѣль; разницы никакой нѣтъ. Есть, и огромная. Уставный порядокъ, ставя сновою прямолинейность и симметрію, требуетъ, во первыхъ, продолжительной практики; продолжительная практика въ построеніи ормъ ведетъ къ рабскому имъ подчиненію, къ принятію убѣжденій, что все дѣло заключается не въ томъ, чтобы достигнуть ѣли при посредствѣ формы, а въ томъ, чтобы построить самую орму. Забываютъ одно, что форма должна быть соображена строго ъ свойствами матеріала, изъ котораго ее строютъ, а не втискивать этотъ матеріалъ въ безжизненныя нормы прямолинейной геометріи.

Такъ какъ уставъ, съ одной стороны, не можетъ обнять всѣхъ идоизмѣненій формъ, потому что онѣ безчисленны; съ другой, тремится къ геометрически правильному ихъ возсозданію, то ясно, то ограничиваясь только нѣкоторыми изъ нихъ, и смотря на всѣ ругія, какъ на уродство, онъ дѣлаетъ посягательство именно на о, безъ чего достиженіе общей цѣли невозможно: на личную самостоятельность призванныхъ осуществлять эти формы.

Идея допускаетъ осуществленіе себя въ какой угодно формѣ; всѣ ей одинаково дороги и милы, всѣ одинаково нормальны при звѣстныхъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ и уже по этому амому всѣ ею отрицаются, какъ нѣчто постоянное. Съ точки рѣнія идеи, вѣра въ магическую силу формы—нелѣпость. Какъ нѣтъ въ природѣ нормальнаго цвѣтка, нормальнаго животнаго, очно также не можетъ быть и нормальныхъ боевыхъ формъ. Какъ всякій цвѣтокъ, всякое животное, исчезая, никогда уже не воспроизводятся въ строгомъ тождествѣ, также точно боевыя формы, вызванныя къ жизни извѣстными отношеніями силъ, мѣстности и времени, исчезаютъ съ миновaніемъ условій, ихъ вызвавшихъ, и уже никогда не повторяются какъ тождество. Нѣтъ ничего антипатичнѣе идеѣ, какъ тождество осуществленій, нѣтъ ничего антипатичнѣе формѣ, какъ существованіе формъ, ей нетождественныхъ.

Уставъ, имѣя въ виду только одно образованіе формъ, уже по этому самому стремится сковать жизненную текучесть, идеѣ свойственную; всякая форма становится въ немъ чѣмъ то самостоятельнымъ и враждебно относится не только къ тѣмъ формамъ, которыя ее отрицаютъ, но даже къ варіаціямъ основнаго своего типа, если только онѣ не попали въ уставъ. Это значеніе формы, при продолжительныхъ упражненіяхъ человѣка въ воспроизведеніи ея, и для него обращается въ убѣжденіе; онъ не можетъ представить

себѣ стройности внѣ типовъ, даваемыхъ уставомъ, и теряетъ даже до самаго представленія о томъ, что форма сама себѣ цѣлью никогда быть не можетъ. Разъ дошли до такого склада понятій, само собою разумѣется, что даже формы самыя геометрически-безпорядочныя, попавъ силою вещей въ уставъ, на первое время подчиняются линейкѣ и циркулю.

Нарѣзное оружіе подвинуло и этотъ вопросъ къ раціональному разрѣшенію, поставивъ категорически въ число формъ и такую, которая, по видимому, есть отрицаніе всякой формы т. е. разсыпной строй. Скажутъ, можетъ быть, что это сдѣлано уже давно; да, давно, но не для всѣхъ. Разсыпной строй, какъ предоставленіе полной самостоятельности дѣйствій каждому индивидууму, существовалъ всегда въ тѣхъ арміяхъ, въ которыхъ или сознавали, или инстинктивно чувствовали, что въ военномъ дѣлѣ все составляетъ человѣкъ, а не формы и не оружіе. Въ другихъ арміяхъ если разсыпной строй и существовалъ, то до такой степени былъ стѣсненъ точностью требованій, стремленіемъ обуставить каждый шагъ, каждое движеніе, что, по духу требованій, былъ, если можно такъ выразиться, болѣе сомкнутый, нежели самъ сомкнутый. Одно сохраненіе равненія и интерваловъ, строго одинаковыхъ, составляло дѣло, гораздо болѣе трудное, чѣмъ то же самое въ строѣ сомкнутомъ. Заслуга нарѣзнаго оружія именно въ томъ и состоитъ, что оно обратило въ постоянныя и неизмѣнныя истины то, что до него обусловливалось исключительно личнымъ пониманіемъ и расположеніями, какъ ведущихъ армію, такъ и тѣхъ, изъ кого она была составлена.

Относящееся къ формѣ одной тактической единицы относится только въ большей еще степени, къ формамъ совокупности тактическихъ единицъ, къ такъ называемымъ боевымъ порядкамъ.

Если расположеніе одной тактической единицы потребуетъ, сравнительно съ прежнимъ, большаго пространства, то тѣмъ болѣе это будетъ имѣть мѣсто при расположеніи нѣсколькихъ тактическихъ единицъ. И такъ, распространеніе нарѣзнаго оружія вѣроятно отразится на боевыхъ порядкахъ тѣмъ, что протяженіе ихъ фронта будетъ больше прежняго.

Это ведетъ: 1) къ разорванности его, въ смыслѣ уничтоженія уставной связи по линіямъ; 2) къ затрудненію управленія боемъ и къ предоставленію части этого управленія частнымъ начальникамъ; 3) къ большему вѣроятію прорыва линій. Но эти кажущіяся невыгоды ведутъ опять таки къ одному—къ уясненію свойствъ боевыхъ дѣйствій и тѣхъ данныхъ, отъ которыхъ зави-

сить успѣхъ въ нихъ; т. е. ведутъ къ возведенію геометрическихъ формъ дѣятельности въ тактическія.

Порядокъ не представляетъ непрерывности, это правда; и по привычкѣ къ непрерывности кажется съ перваго взгляда, что потеря ея составляетъ невыгодную сторону расположенія. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ эта непрерывность и прежде была полезна и необходима.

Вѣковой опытъ показалъ, что прорывъ сплошной линіи, образуемой людьми, въ одномъ какомъ либо пунктѣ неминуемо ведетъ къ оставленію ея на всемъ протяженіи. Эту великую истину открылъ и первый попробовалъ воспользоваться ею грекъ Эпаминондъ. Результаты извѣстны. Явленіе это, съ перваго взгляда странное, совершенно естественно и объяснимо; залогъ успѣха въ военномъ дѣлѣ опредѣляется не столько степенью матеріальной потери противника, сколько поселеніемъ въ немъ убѣжденія въ невозможности намъ сопротивляться. Опрокинувъ непріятеля на одномъ пунктѣ, мы какъ бы говоримъ ему, что онъ и на другихъ долженъ ждать того же. При непрерывности линій, сосѣди опрокинутыхъ невольно подаются назадъ; тоже самое дѣлаютъ сосѣди сосѣдей и такъ дальше.

Если таково свойство непрерывныхъ линій, является самъ собою вопросъ: какимъ образомъ парализировать его, сдѣлать успѣхъ дѣйствій менѣе зависимымъ отъ прорыва? Представляются два разрѣшенія: 1) составить линію по возможности устойчивѣе, дѣлая ее достаточной глубины и ставя въ нее надежнѣйшія войска. Надежность войскъ опредѣляется однимъ: чтобы они не оставляли рядовъ; иниціативы личной не нужно — она могла бы повести къ нарушенію сплоченности линій. Такъ эта задача была разрѣшена линейной тактикой: въ ней третья шеренга, безполезная для огня, все таки была оставлена преимущественно въ видахъ доставленія большей плотности линіи. Этотъ же самый резонъ выставляли обыкновенно въ настоящее время въ пользу трехшереножнаго строя приверженцы его. Но съ разу видно, что это разрѣшеніе не уничтожаетъ слабой стороны непрерывности: употребивъ большее усиліе, все таки достигали, со всѣми его послѣдствіями, прорыва и плотной линіи. 2) Второе разрѣшеніе состоитъ въ заключеніи къ противоположному: «если непрерывность расположенія представляетъ столь важный недостатокъ, то вѣроятно эта форма не соотвѣтствуетъ свойствамъ человѣка. Слѣдовательно нечего и усиливаться совершенствовать ее, а лучше перейти къ противному—къ расположенію съ промежутками. Это можно сдѣлать тѣмъ болѣе, что части, рядомъ стоящія, другъ

другу помощи подавать не могутъ: у всякой бываетъ обыкновенно своя работа на рукахъ. Нужно устроить такъ, чтобы всякая часть дралась сама за себя, и не подчинялась бы впечатлѣнію явленій, происходящихъ вправо и влѣво отъ нея.» Такъ разрѣшенъ былъ вопросъ перпендикулярной тактикой; сознавъ невозможность взаимной помощи между частями, рядомъ стоящими, она основала упругость сопротивленія боевой формы на тѣсной связи частей 2-й линіи съ соотвѣтствующими имъ частями 1-й линіи *).

Вмѣстѣ съ этимъ открывается обширное поле личной дѣятельности частныхъ начальниковъ, а иногда даже и солдатъ. Этотъ порядокъ, естественно, представляетъ болѣе совершенную форму: и именно потому, что болѣе соотвѣтствуетъ свойствамъ человѣка. И такъ перерывчатость боеваго порядка, которая вѣроятно выступитъ еще рѣзче при распространеніи нарѣзнаго оружія, не только не составляетъ недостатка, а ведетъ напротивъ къ лучшему. Она отчасти парализируетъ вліяніе неудачи въ одномъ пунктѣ, на войска, занимающія другіе.

Она поведетъ и къ другому: покажетъ что однообразіе построенія всѣхъ тактическихъ единицъ, которое осталось отъ линейной тактики, — анахронизмъ, и что право измѣнять боевую форму этихъ единицъ должно быть предоставлено командирамъ ихъ.

Самый боевой порядокъ въ общемъ необходимо долженъ сдѣлаться разнообразнѣе, и нераціональность какихъ либо нормъ для него обнаружится съ полною рельефностью. Признавъ форму въ двѣ линіи съ резервомъ за самую упругую, вспомнятъ однакоже, что не зачѣмъ тратить два баталіона тамъ, гдѣ можно обойтись однимъ и перейдутъ къ тѣмъ понятіямъ, при которыхъ, нисколько не увлекаясь требованіями симметріи, будутъ ставить расположеніе свое въ зависимость исключительно отъ цѣли, которой намѣрены достигнуть. Всякое расположеніе будетъ признано нормальнымъ при той обстановкѣ, мѣстной и временной, которая его вызываетъ. Отсюда возникнутъ не только расположенія въ одну линію съ резервомъ, въ двѣ линіи безъ резерва и наконецъ просто въ одну линію, но и всѣ соединенія этихъ формъ.

---

*) Въ предупрежденіе недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что перпендикулярная тактика въ историческомъ развитіи не шла такимъ строго логическимъ путемъ; но имъ вообще не идетъ ничто, развиваемое самой жизнью. Излагая не исторію этой тактики, а духъ ея, указываю на однѣ руководящія идеи, на одно логическое движеніе ихъ.

Объяснимся примѣромъ. Положимъ мы рѣшились наступать нашимъ правымъ флангомъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи на лѣвомъ; ясно, что правый флангъ будетъ построенъ не въ двѣ, а можетъ быть даже въ нѣсколько линій, для повторенія удара; между тѣмъ какъ лѣвый будетъ въ одну съ слабымъ резервомъ, а иногда можетъ быть и вовсе безъ резерва.

2) Большая, сравнительно съ прежнимъ, перерывчатость боеваго порядка дѣйствительно затруднитъ управленіе; но опять и здѣсь это кажется неудобствомъ при томъ недостаткѣ самостоятельности въ частныхъ начальникахъ, который составляетъ естественное слѣдствіе линейной системы ихъ образованія. Разъ явится потребность имѣть ихъ самостоятельными во что бы то ни стало, волею не волею поймутъ и то, что самостоятельность не вырабатывается при обуставленіи каждаго шага. Нѣкоторымъ кажется, что эта несамостоятельность составляетъ свойство самихъ начальниковъ, а не слѣдствіе системы: грустная ошибка, показывающая, какое вредное вліяніе произвела система на самихъ разсуждающихъ такимъ образомъ. Усумниться въ способности человѣка быть самостоятельнымъ и здравымъ можетъ только тотъ, кто самъ рабъ въ душѣ.

3) Большая вѣроятность прорыва указываетъ только на одно— на необходимость усилить резервы на счетъ боевыхъ линій, къ чему представляется полная возможность при дальности нарѣзнаго оружія, позволяющей меньшимъ числомъ людей держать противника въ почтительномъ отдаленіи дольше, чѣмъ то было можно при гладкоствольномъ оружіи.

Вмѣстѣ съ этимъ, передовыя расположенія (т. е. впереди главной позиціи) пріобрѣтаютъ значеніе, несравненно большее противъ прежняго, въ особенности тогда, если назначены исключительно для пораженія противника огнемъ. Прежде высылка передовыхъ цѣпей не только была бы безполезна, но даже вредна. Огонь ихъ начиналъ быть дѣйствителенъ со столь близкаго разстоянія, что когда непріятель подходилъ на это разстояніе, имъ приходилось отступать: или чтобы не быть захваченнымъ, или чтобы не мѣшать дѣйствію собственныхъ войскъ на главной позиціи.

Теперь не то: передовая цѣпь, высланная, положимъ, на 1000 шаговъ, при благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ ничѣмъ не рискуетъ, подпуская къ себѣ противника на 400, 300 шаговъ, и слѣдовательно имѣетъ полную возможность заставить его пройти подъ огнемъ шестью или семью стами шаговъ больше.

Понятно, въ какой мѣрѣ это должно способствовать къ при-

тупленію энергіи противника, — и усталостью, отъ движенія цѣликомъ, и нравственной тревогой, которая не можетъ не разшатывать тактическаго его порядка.

И такъ въ этой, какъ и въ прежде разобранныхъ сторонахъ, нарѣзное оружіе ведетъ къ одному—къ уясненію понятій относительно значенія боевой формы и отношенія ея къ человѣческой личности. Становится ясно, что только форма, строго основанная на свойствахъ этой личности, какъ нравственныхъ такъ и физическихъ, представляетъ залоги на успѣхъ.

Одно изъ свойствъ этой личности—удобовпечатлительность отъ всѣхъ неожиданностей, особенно если они имѣютъ враждебный характеръ. Это свойство личности необходимо имѣть въ виду первымъ, опредѣляя условія дѣйствія массъ, которыя доступны тому же впечатлѣнію, и въ степени тѣмъ большей, чѣмъ масса больше.

Принявъ это въ соображеніе, легко понять: 1) чѣмъ неожиданнѣе для непріятеля форма, въ которой мы предпринимаемъ противъ него данное дѣйствіе, тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ, лишь бы эта форма не мѣшала самимъ намъ употреблять выгоднѣйшимъ образомъ свое оружіе. Напримѣръ: положимъ, мы имѣемъ дѣло съ непріятелемъ, кокорый привыкъ считать колонну къ атакѣ единственной законной формой для движенія, предшествующаго удару въ штыки, и который такъ часто упражнялся въ этомъ движеніи не оканчивая его ударомъ, что понятіе о послѣднемъ въ его воображеніи ни сколько не соединяется съ понятіемъ о первомъ. Положимъ еще, что мы идемъ на него въ атаку въ ротныхъ колоннахъ и знаемъ, что движеніе только сближаетъ, но цѣли еще не даетъ; люди, пріученные уклонять штыкъ не иначе какъ для удара, электризуются отъ страшнаго: на руку; раздается бой къ атакѣ, который также они не привыкли слышать даромъ; они знаютъ, что значитъ этотъ бой, онъ не обратился для нихъ въ звукъ, лишенный смысла отъ частаго повторенія; они приготовлены къ минутѣ; они знаютъ на что идутъ. Противникъ, ошеломленный уже и тѣмъ, что видитъ противъ себя ту форму, которой не ожидалъ, поражается еще большей неожиданностью—видя, что движеніе послѣдуемо тѣмъ, чѣмъ онъ самъ не привыкъ кончать движенія. Шансы на успѣхъ съ нашей стороны будутъ громадны.

Въ этомъ смыслѣ изрѣченія Наполеона о перемѣнѣ тактики каждыя 10 лѣтъ. Великій мастеръ дѣла видѣлъ, что совершенство формы опредѣляется однимъ — мѣрою неожиданности ея для противника. И нельзя не замѣтить, что сами французскія войска его эпохи не удовлетворяли этому идеалу; къ концу великаго періода революціонныхъ войнъ они обращаются сами въ рутини-

стовъ, понимая одинъ только штыкъ и ничего больше, и не понимая, что однимъ имъ нельзя было парализировать англійскую форму — форму пули, не исключавшей штыка. Ихъ одолѣла не столько стрѣльба, сколько собственная безумная отвага — результатъ предшествующихъ успѣховъ, — отвага, посылавшая ихъ на атаку недоступныхъ позицій безъ малѣйшей подготовки; безъ малѣйшей гибкости въ примѣненіи средствъ, данныхъ человѣку для нанесенія вреда врагу.

2) Войска должно воспитывать такъ, чтобъ разнообразіе формъ противника не поражало ихъ неожиданностью. Средство и тутъ одно: сдѣлать начальниковъ тактическихъ единицъ полными распорядителями выбора формъ для своихъ частей (въ границахъ устава конечно) и не притуплять ихъ увѣренности въ себѣ жестокими замѣчаніями въ тѣхъ случаяхъ, если этотъ выборъ не совсѣмъ удаченъ. Только это можетъ расположить начальника вникать въ смыслъ формы, а не останавливаться на уставной ея оболочкѣ; а со вниканіемъ въ этотъ смыслъ сама собою придетъ и свобода въ примѣненіи формъ къ дѣлу.

Повторяемъ въ кратцѣ выводы этого отдѣла.

1) Усовершенствованіе оружія не измѣняетъ тактики боевой, а только возвращаетъ къ ней войска, воспитанныя подъ вліяніемъ мирно-тактическихъ понятій и выводитъ наружу такія свойства, которыя въ несовершенномъ оружіи существуютъ въ зародышѣ.

2) Двойственность оружія соотвѣтствуетъ двойственности силъ человѣческой природы: метательное отвѣчаетъ уму, холодное — силѣ воли, энергіи нравственной.

3) Предпочтительное упражненіе въ дѣйствіи которымъ нибудь однимъ изъ нихъ обращаетъ человѣка въ односторонняго спеціалиста, т. е. въ не-человѣка, между тѣмъ какъ на войнѣ только цѣльный человѣкъ одерживаетъ успѣхъ. Эта односторонность развитія отражается неминуемо на складѣ понятій, а слѣдовательно и отношеній между чинами военной іерархіи: все принимаетъ направленіе въ духѣ предпочитаемаго упражненія, слѣдовательно въ ущербъ общему принципу войска.

4) Стройность движенія, необходимая для согласованія дѣйствій массъ, сама по себѣ не цѣлесообразна, но увлекательна, и по частному своему принципу тоже враждебна общей идеѣ войска; увлеченія стройностью можно избѣжать только однимъ путемъ — соединяя маневрированіе съ дѣйствіемъ метательнымъ или холоднымъ оружіемъ такъ, какъ то дѣлается передъ непріятелемъ.

5) Мишени равно необходимы для дѣйствія холоднымъ какъ и метательнымъ оружіемъ. Въ первомъ случаѣ онѣ даже необходимѣе.

6) Усовершенствованіе метательнаго оружія, выдвигая вощ уваженія къ личности, уясняя взглядъ на значеніе формы, крайнемъ выраженіи распускаетъ послѣднюю и даетъ слишк много простора эгоистическимъ побужденіямъ человѣка. Увл нія въ сторону метательнаго оружія должно опасаться тѣмъ б ше, чѣмъ оружіе совершеннѣе, и является настоятельная нео димость уравновѣсить стрѣльбу, сливъ ее съ маневрированіе Шагъ этотъ, показанный съ другой стороны уже въ пуг 4-мъ, въ особенности потому полезенъ, что отвѣчаетъ общ закону дѣятельности человѣческаго ума—переходу отъ анализа синтезу.

7) Здравый методъ воспитанія солдата будетъ тотъ, кото наиболѣе соображенъ съ свойствами человѣка. Военное дѣло т буетъ гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ человѣческой п роды, каждой силѣ которой соотвѣтствуетъ извѣстная часть эт дѣла.

ѣкоторыя объясненія къ предъидущей статьѣ вызванныя рецензіей военнаго сборника.

Въ № 10-мъ военнаго сборника появилась рецензія на ью «о вліяніи огнестрѣльнаго оружія на воспитаніе и так- войскъ». Рецензентъ такъ странно понялъ эту статью, я считаю себя обязаннымъ отвѣтить на его рецензію въ ви- ь уясенія самаго дѣла.

Рецензія состоитъ собственно изъ трехъ частей: въ одной изъ ь авторъ, вѣроятно «по прискорбной обязанности рецензента» оляетъ себѣ нѣкоторыя рѣзвыя выходки относительно желанія го говорить съ авторитетомъ и блеснуть ученостью и глубоко- ніемъ; въ другой говоритъ о дѣлѣ, наконецъ въ третьей ратуетъ ентиментальныхъ прогрессистовъ. До мѣстъ рецензіи, принад- ащихъ къ первому отдѣлу, я не касаюсь—не мнѣ учить пе- ымъ приличіямъ г. рецензента, не мнѣ толковать ему о томъ, никто не имѣетъ права заподозривать другаго въ поползнове- на шарлатанство безъ особенно основательныхъ къ тому по- въ. А если ужъ кто нибудь и позволяетъ себѣ подобную ми- рѣзвость, то по крайней мѣрѣ не скрываетъ и своей фамиліи.

Другая часть рецензіи, къ которой отношу и упрекъ въ ту- ности изложенія, совершенно основательный и за который ис- но благодарю, имѣетъ въ виду доказать слѣдующее:

1. Что развитіе человѣка или усовершенствованіе его орга- ь измѣняетъ тактику.

Я не думалъ говорить, что не измѣняетъ, а только утверд- лъ и утверждаю, что измѣненія далеко не будутъ такъ ради- ьны, какъ многіе думаютъ, въ томъ числѣ и г. рецензентъ. и бы г. почтенный рецензентъ взялъ на себя трудъ прослѣ- ь статью внимательнѣе, то и замѣтилъ бы что общій смыслъ таковъ: «распространеніе нарѣзнаго оружія въ войскахъ по- вить необходимымъ условіемъ здороваго ихъ склада 1) хоро-

шее обращеніе съ солдатами;—но развѣ прежде было истиной что съ ними слѣдуетъ обращаться дурно? 2) Свободное отношеніе къ уставнымъ формамъ; но развѣ прежде рабство передъ ними имѣло разумное основаніе? 3) Постановку закона въ основу отношеній между чинами военной іерархіи; но развѣ прежде было здраво, чтобы въ основѣ ихъ лежалъ произволъ?»

Вы видите, что въ область понятій нарѣзное оружіе не вноситъ ничего новаго, а только ведетъ къ уясненію и къ правильной постановкѣ стараго. Разница будетъ въ томъ только, что тотъ образъ поведенія, который являлся прежде какъ исключеніе, благодаря особенно счастливо сложившейся натурѣ, теперь будетъ встрѣчаться чаще.

Обращаясь собственно къ тактической сторонѣ вопроса, т. е. къ образу и формамъ дѣйствія, увидимъ, что они тоже не могутъ измѣниться: вопросъ о формѣ и о значеніи ея разрѣшенъ въ настоящее время такъ всесторонно, что невозможно представить себѣ какое либо существенное усовершенствованіе по этому предмету. Собственно относительно выработки формы тактика представляетъ пять періодовъ:

1) Признаніе силы количества, возникающее въ колыбели военнаго искусства, т. е. признаніе того, что четыре кулака лучше двухъ, шесть лучше четырехъ и такъ далѣе.

2) Ограниченіе количества качествомъ, т. е., переходъ къ стройности, какъ къ внѣшнему выраженію единодушія дѣйствія.

3) Открытіе вліянія непрерывнаго и тонкаго боеваго порядка на массы, уступающія по всему его протяженію отъ прорыва въ одномъ пунктѣ (Эпаминондъ).

4) Намѣренная перерывчатость боеваго порядка по фронту и въ глубину (Римскій строй въ три линіи).

5) Соединеніе третьей линіи въ одинъ общій резервъ (революціонная или перпендикулярная тактика), возникшее вслѣдствіе возрожденія въ новомъ мірѣ открытія Эпаминонда. За тѣмъ, такъ какъ уже практически доказано, что всякая форма хороша при извѣстныхъ условіяхъ, становится ясно, что въ этомъ отношеніи можетъ возобновляться только забытое старое, но не можетъ быть ничего новаго.

Въ самомъ образѣ дѣйствія не можетъ произойти никакой существенной перемѣны: какъ прежде начинали бой съ метательнаго, кончали холоднымъ оружіемъ, такъ и теперь это будетъ; какъ прежде было иногда выгодно, не теряя времени на перестрѣлку, прямо бросаться въ штыки, такъ и теперь это будетъ— и тѣмъ съ большими вѣроятіями на успѣхъ, что подобнаго обра-

за дѣйствій при нынѣшнемъ огнестрѣльномъ оружіи труднѣе ожидать.

И такъ, какъ видите, сумма боевыхъ тактическихъ идей, выработанныхъ до этого, осталась безъ приращенія; потому что нельзя же считать приращеніемъ въ идеяхъ того, что теперь бой начинается съ болѣе дальняго разстоянія и, сравнительно, будетъ иногда продолжительнѣе. Это измѣненія, и при томъ только пространственныя, въ средствахъ дѣйствія, но не въ самомъ способѣ ихъ употребленія, который собственно и составляетъ предметъ тактики.

2) Приводя то мѣсто изъ статьи, въ которомъ говорится, что Римляне Германцами, арміи коалицій войсками первой революціи, наконецъ Неаполитанцы Гарибальдійцами были разбиты вслѣдствіе непониманія первыми отношеній усовершенствованныхъ формъ и оружія къ человѣческой природѣ, г. рецензентъ желаетъ большаго развитія этой мысли, не замѣчая, что вся статья составляетъ ея развитіе. Просмотрѣвъ собственную свою рецензію, онъ бы увидѣлъ, что на слѣдующей же страницѣ самъ дѣлаетъ изъ статьи выписку, поясняющую эту мысль опредѣленіемъ того, какимъ силамъ человѣческой природы огнестрѣльное и холодное оружіе соотвѣтствуетъ.

Затѣмъ, при болѣе внимательномъ чтеніи статьи, онъ замѣтилъ бы выводъ, непосредственно слѣдующій изъ перваго положенія: «чѣмъ оружіе совершеннѣе, тѣмъ большей практики требуетъ удовлетворительное дѣйствіе имъ и тѣмъ, слѣдовательно, болѣе опасность односторонняго развитія въ человѣкѣ той его силы, которая соотвѣтствуетъ этому усовершенствованному оружію». Далѣе, что однимъ примѣрнымъ обученіемъ человѣкъ дѣлу не выучивается. Еще далѣе, что одностороннее развитіе уничтожаетъ въ солдатѣ человѣка и онъ, встрѣчаясь съ ополченцемъ, меньше его знающимъ, но больше его человѣкомъ, уступаетъ ему. Наконецъ, относительно вліянія формъ, то свойство ихъ, что если одну и ту же форму воспроизводить слишкомъ часто, она обращается въ непреложный типъ, не будучи такимъ, слѣдовательно, притупляющимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣческій мозгъ. Кажется ясно.

Вся статья построена на аксіомѣ, которую едва ли кто станетъ отвергать: для войны прежде и главнѣе всего нуженъ человѣкъ цѣльный, т. е. гармонически развитый.

Приглядываясь къ отдѣламъ солдатскаго образованія, безъ труда можно видѣть, что каждый изъ нихъ отвѣчаетъ только одной какой либо изъ способностей человѣка. Ясно, что при исключительной, или даже предпочтительной, практикѣ въ одномъ какомъ либо отдѣлѣ, только соотвѣтствующая ему способность и разви-

вается, остальныя глохнутъ. Въ результатѣ получается, слѣдовательно, не цѣльный человѣкъ, а человѣкъ нравственный уродъ т. е., не-человѣкъ. Но это уродство не чувствуется при увлеченіи, потому что и понятія руководящихъ обученіемъ незамѣтно принимаютъ направленіе, благопріятствующее предпочитаемому отдѣлу образованія и враждебное всѣмъ остальнымъ. Ясно, слѣдовательно, что человѣкъ, самъ по себѣ, противустоять увлеченію не можетъ: по свойственной ему особенности пристращаться къ предмету своихъ занятій и по возможности совершенствовать его, онъ, мало по малу, самъ въ себѣ отрицаетъ то, что̀ мѣшаетъ этому усовершенствованію.

Изъ этого уже видны: и опасность, происходящая отъ увлеченія, и необходимость найти средства противустоять ему самымъ направленіемъ образованія, потому что сами руководящіе обученіемъ противустоять увлеченію не могутъ. Для направленія занятій солдата такимъ образомъ, необходимо знать идею каждаго отдѣла образованія, дабы опредѣлить, какія изъ нихъ могутъ взаимно сдерживать другъ друга. На пониманіи этой простой вещи держится все; но г. рецензентъ, по туманности ли изложенія, или по чему другому, не замѣтилъ ее, и потому дѣлаетъ самыя странныя возраженія противъ той части статьи, которая показываетъ основныя идеи штыковаго и стрѣлковаго дѣла.

Изъ объясненія антагонизма между этими двумя занятіями солдата г. рецензентъ заключаетъ: «Очевидно изъ приведенной нами выписки, что авторъ считаетъ человѣка неспособнымъ достичь совершенства, въ одно и тоже время, и во владѣніи холоднымъ оружіемъ, и въ употребленіи огнестрѣльнаго». Нѣтъ, совсѣмъ не то; положимъ, я скажу: если вы будете упражнять въ движеніи однѣ только ноги, то лишитесь употребленія рукъ; если только однѣ руки,—лишитесь употребленія ногъ; въ томъ и въ другомъ случаѣ вы будете человѣкъ неполный и чѣмъ дальше вы зайдете въ вашей односторонности, тѣмъ меньше захотите отказаться отъ нея; вы перебиваете меня и говорите: «такъ, по вашему, человѣкъ не можетъ одинаково хорошо владѣть ногами и руками!»

Разъ не понявши этого, г. рецензентъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ указывается на невыгодныя стороны увлеченія стрѣльбою и близко съ нею связанными теоретическими преподаваніями, приходитъ въ неописанный азартъ. Онъ готовъ видѣть во мнѣ чуть не врага развитію, чуть не грибоѣдовскаго героя, который... требовалъ присягъ, чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился.

Дойдя до того мѣста, въ которомъ объясняется, что признаніе за солдатомъ права разсуждать можетъ повести къ тому, что

онъ начнетъ умничать тамъ, гдѣ нужно безпрекословное повиновеніе, г. рецензентъ въ добродушномъ азартѣ восклицаетъ: «Такъ вотъ до чего мы добрались! Изволите видѣть, умственное развитіе ведетъ къ умничанью,... храбрымъ можетъ быть только человѣкъ развитый не умственно, но нравственно. Да позвольте спросить васъ: неужели умственное развитіе исключаетъ собою развитіе нравственное?»

Представьте, г. рецензентъ, вы дѣйствительно добрались: но только до предлога сказать нѣсколько звонкихъ фразъ, а не до пониманія сказаннаго въ статьѣ. Въ статьѣ говорится, во первыхъ, не объ умственномъ развитіи вообще, а о получаемомъ вслѣдствіе исключительнаго упражненія въ стрѣльбѣ и которое можно сравнить нѣсколько съ писарскимъ *) развитіемъ; не о развитіи нравственномъ собственно, но о развитіи нравственной энергіи.

И тутъ оказывается совершенно вѣрнымъ, что одно исключаетъ другое; что опять таки надежда на возможность сразить врага издали есть въ то же время надежда, что не придется сойтись съ нимъ грудь съ грудью; привычка рѣшать все штыкомъ есть то же презрѣніе къ выжиданіямъ, укрытіямъ и ко всѣмъ возможнымъ уловкамъ, требующимъ весьма большой дѣятельности ума. Незакупленному никакими сентиментальничаньями взгляду ясно, что въ конечномъ результатѣ пуля дѣйствительно ведетъ къ большой осторожности, а штыкъ къ большой кровожадности, и что только оставаясь на равнодѣйствующей, человѣкъ будетъ человѣкомъ, т. е., не сдѣлается нелѣпо остороженъ, не будетъ безъ толку свирѣпъ. Но этотъ послѣдній логическій переходъ положительно неодолимъ для рецензента: доведенный до противорѣчія и не зная какъ примирить его, онъ только сердится—положеніе жалкое, но комическое.

Для поясненія того, какъ перескочить эту ужасную пропасть, спрашиваю позволенія у г. рецензента обратиться къ одному изъ тѣхъ примѣровъ, которые онъ считаетъ учеными: авось ему это и впослѣдствіи пригодится, если онъ натолкнется на способъ аргументаціи, употребленный въ статьѣ. Ученость тутъ собственно не хитрая и дальше параллелограмма силъ не идетъ, а вѣдь онъ извѣстенъ теперь чуть не всякому школьнику. Какое нибудь тѣло находится подъ вліяніемъ двухъ силъ, приложенныхъ къ нему подъ угломъ; одна сила тянетъ тѣло вправо въ безконечность, другая влѣво тоже въ безконечность; какъ тутъ

*) Типъ писаря съ его „развитіемъ“ такъ хорошо извѣстенъ у насъ, что едва ли есть надобность характеризовать его.

быть? по какому жо направленію пойдетъ тѣло? Да неуже
восклицаетъ г. рецензентъ, одна сила исключаетъ другую? Нѣ
отвѣчаю, не исключаетъ, а только уравновѣшиваетъ то, что
свойствахъ одной силы прямо противоположно свойствамъ д
гой, и тѣло идетъ по діагонали. Вотъ и все. Въ явленіи
міра неосязаемаго эта діагональ получаетъ названіе синте
а процессъ открытія равнодѣйствующей—названіе перехода
анализа къ синтезу. Это основной законъ человѣческаго
шленія, безпрерывное удовлетвореніе которому составляетъ
сущную потребность ума. Удовлетворяется она дѣльно—мы
укрѣпляется, пріобрѣтаетъ способность легко выводить прави
ныя умозаключенія, независимо отъ того происходитъ ли это у
влетвореніе практичечкимъ путемъ (т. е. исполняя что нибудь), и
теоретическимъ (т. е. изучая что нибудь). Удовлетворяется
дѣльно,—мысль разслабляется, теряетъ способность выводить пр
вильныя умозаключенія, и теряетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ исполняем
или изучаемое пустѣе, нецѣлесообразнѣе. Изъ этого ясно,
теоретическое развитіе, безтолково направленное, можетъ при
пить человѣка дѣйствительнѣе всякаго шага въ три пріема,
тому что оно будетъ дѣйствовать непосредственно на мозгъ, меж
тѣмъ какъ учебный шагъ дѣйствуетъ на него только косвен
Изъ этого ясно также, что раціональное направленіе практи
ской дѣятельности можетъ способствовать развитію человѣка дѣ
ствительнѣе всякаго теоретическаго преподаванія. Вѣдь г. реце
зентъ самъ вѣроятно не разъ, при случаѣ, говорилъ и слышал
что люди дѣла почти никогда не бываютъ людьми слова, въ
же время оставаясь очень умными, иногда даже геніальны
пусть же примѣнитъ эту истину въ разбираемомъ случаѣ и спр
ситъ себя безъ сентиментальничанья: чѣмъ долженъ быть солдатъ
человѣкомъ слова или человѣкомъ дѣла? А въ зависимости о
этого онъ, если только будетъ смотрѣть на дѣло безпристрасті
долженъ будетъ признать, что въ воспитаніи его, практическ
дѣятельность должна занимать первостепенное мѣсто, а теорет
ческія занятія—играть роль второстепенную. Бояться, что это в
препятствуетъ развитію пытливости солдата—странно, при усло
вѣрныхъ къ нему отношеній. Эта пытливость неизбѣжна, пото
что составляетъ естественное свойство незапуганнаго человѣка.

Это послѣднее положеніе возбуждаетъ сомнѣнія почтенна
рецензента и даетъ поводъ топко накинуться на меня за то
авторитета, съ которымъ это положеніе высказано, и чуть не
обскурантизмъ:

«А намъ кажется, что нечего ждать, чтобы въ солдатѣ пр

вилась пытливость. На это г. Драгомировъ съ обычнымъ своимъ тономъ авторитета отвѣчаетъ: опасаться этого значитъ сомнѣваться въ человѣкѣ; станьте въ вѣрныя отношенія къ солдату и можете быть увѣрены, что не оберетесь вопросовъ. «Сознаемся, что и послѣ этого рѣшительнаго приговора, мы готовы принять на себя и то, что, пожалуй, даже сомнѣваемся въ человѣкѣ, а все таки не можемъ согласиться съ г. Драгомировымъ».

Видите ли, почтенный г. рецензентъ: во первыхъ, долженъ сказать вамъ, что въ статьѣ моей нѣтъ ни одной фразы, которая не была бы основана на данныхъ опыта; послѣ этого вы поймете, что авторитетъ въ тонѣ, который такъ васъ оскорбляетъ. есть не авторитетъ того, кто говоритъ, а того, что говорится. Во вторыхъ, если бы вы, принимаясь писать о воспитаніи войскъ. ознакомились изъ опыта съ состояніемъ у насъ этого вопроса въ настоящее время, а не почерпали бы аргументовъ изъ глубины вашего духа, вы сами убѣдились бы, до какой степени неосновательны и сомнѣніе ваше въ недостаткѣ пытливости солдата, и убѣжденіе въ необходимости развивать ее искусственными средствами. Сходите въ казармы и спросите, нужно ли подстрекать солдатъ къ пытливости? И не настоитъ ли опасности, если слишкомъ поусердствовать въ пользу этого подстреканія, обратить и ваше хваленое, пресловутое развитіе въ одну изъ мукъ солдату?

Вы остроумно замѣчаете: «вѣдь лица, обучающія солдатъ, не ангелы, между ними всякіе попадаются; показывая какъ сдѣлать, самъ же обучающій захочетъ крайней точности и отчетливости въ своемъ ученикѣ—этакъ чего нибудь въ родѣ темпа, отрывистой хватки и т. п.» А если онъ будетъ при томъ переливать изъ пустого въ порожнее, такъ этого желанія ему не можетъ прійти? Какія вы добродушныя средства предлагаете противъ короткости пріемовъ!

Примите въ расчетъ, г. рецензентъ, во сколько разъ увеличится вредъ, если приняться за мозговую, а не за ружейную пріемстику? Кажется выводъ былъ бы вѣренъ—отчего же вы объ этомъ не подумали? Желательно бы было, чтобы вы увидѣли на дѣлѣ, какъ нѣкоторые весьма усердные и сентиментально благонамѣренные господа втираютъ солдату траэкторіи, параболы, солнечныя системы и тому подобныя премудрости; вы бы, вѣроятно, согласились, что увлеченіе пріемами не одно изъ самыхъ вредныхъ. Слушаетъ несчастный труженикъ; отъ непривычнаго напряженія потъ съ него градомъ валитъ, а заботливый отецъ-командиръ все его развиваетъ, все его развиваетъ... Но будемъ дальше слѣдить за г. рецензентомъ.

«Вотъ почему намъ кажется, что изустныя объясненія необходимы, (никто и не думалъ ихъ отвергать); не нужно только впадать въ крайности, а надо объяснять умѣючи»... продолжаетъ наставительно г. рецензентъ. Такъ, совершенно такъ; но вѣдь сами жъ вы передъ тѣмъ говорите, что даже ружейные пріемы не всѣ съумѣютъ толково показать: какъ же вы не подумали, что «объяснять умѣючи» нѣсколько труднѣе чѣмъ показать какъ сдѣлать пріемъ? Да при томъ, какъ вы ни наставительно говорите, а все таки говорите только что нужно сдѣлать, а не показываете какъ сдѣлать.

Этотъ послѣдній вопросъ неотступно представляется во всякомъ дѣлѣ, а въ этомъ больше нежели въ другомъ: сказать, что не нужно впадать въ крайности, легко; а какъ это сдѣлать, какимъ путемъ слѣдовать, чтобы избѣжать крайности? Но вы его оставляете безъ вниманія—это уже подробность, до которой вы не нисходите. А въ ней въ настоящее время главное, потому что приметесь ошибочно за исполненіе, достигнете совсѣмъ не того, чего хотѣли—участь, постигающая всѣхъ сентименталистовъ. Если бы эта мелочь—какъ сдѣлать—заняла бы рецензента, онъ легко бы увидѣлъ, напр., что господа, занимающіеся короткостью пріемовъ, вовсе не такіе тупые и неразвитые, какъ ему кажется: что они подчиняются закону, которому человѣкъ не можетъ не подчиниться—стремленію усовершенствовать по возможности предметъ своихъ занятій; что по этому нужно заботиться о томъ, чтобы давать человѣку дѣльное цѣлесообразное занятіе, а не сердиться, если онъ въ пустомъ занятіи дѣлаетъ и пустыя усовершенствованія. По родовому признаку всѣхъ сентименталистовъ г. рецензентъ никакъ не можетъ вникнуть въ то, что у всякаго предмета есть тѣневая сторона, и что разработка ея не есть злоупотребленіе, ошибка, а естественное слѣдствіе занятія предметомъ, стремленіе всесторонно развить его. Этому стремленію можно воспрепятствовать, противуставивъ данному предмету занятій другой такого свойства, чтобы они взаимно уравновѣшивали невыгодныя свойства другъ друга: иного средства помѣшать переливу въ крайность нѣтъ.

Далѣе, рецензентъ наставляетъ, что для успѣха, нужно «объяснять хладнокровно, не горячась, возможно болѣе ласковымъ тономъ, чтобы пріучить солдата не бояться своего начальника, а напротивъ имѣть полное къ нему довѣріе.» Но вѣдь то же самое сказано и у меня, только не такъ размашисто. Что же, кромѣ этого, могли вы разумѣть подъ фразой: «станьте къ солдату въ вѣрныя отношенія»?

«Пожалуй, г. Драгомировъ и это назоветъ сентиментальничаньемъ.» Нѣтъ, г. рецензентъ, не назову, если вы мнѣ покажете какъ этого достигнуть; если же не показываете, то само собою разумѣется, что это сентиментальничанье и ничего больше.

Не знаю почему это слово не нравится г. рецензенту, хотя оно вѣрно выражаетъ мысль, и вызываетъ съ его стороны слѣдующее поученіе: «Но согласитесь сами, что не ловко и даже неприлично употреблять это выраженіе въ явно насмѣшливомъ тонѣ, говоря о тѣхъ, которые хотя и заблуждаются, но тѣмъ не менѣе, желаютъ отъ души возможно большаго и лучшаго развитія солдата».

Вы полагаете неприличнымъ нападать на людей, которые подъ предлогомъ развитія затупляютъ солдата; вы къ нимъ имѣете полное сочувствіе; удѣлите же хоть маленькую его долю безотвѣтному солдату, надъ которымъ всѣ эти развиватели практикуются не хуже тѣхъ, которые во время оно водили его въ баню, чтобы вытягивать ему ноги. Вамъ кажется неприличнымъ сказать щекотливое слово о развивателяхъ, и совершенно приличнымъ оставить ихъ спокойно продолжать свою развивательную операцію надъ сотнями людей, которые ничѣмъ не хуже ихъ! Видите чѣмъ подбито ваше благонамѣренное стремленіе къ «развитію», и не потому, чтобы вы были злы, а только потому, что вы забираете все съ высшей точки. Станьте на землю и вы увидите, что отъ иного развитія солдаты бѣгаютъ; тогда вы вѣрно поохладѣете въ вашемъ сочувствіи къ людямъ, которые «можетъ быть и ошибаются, но желаютъ отъ души развитія солдата, какъ человѣка». Отъ души или не отъ души, мнѣ до этого дѣла нѣтъ; а что ихъ развитіе ведетъ зачастую къ отупленію, такъ это я по опыту знаю. Долженъ сказать вамъ г. рецензентъ, что въ практическихъ вещахъ я не признаю другой логики кромѣ «отъ плодъ ихъ познаете ихъ»: какія бы добрыя намѣренія человѣкъ ни заявлялъ, да если изъ примѣненія ихъ выходитъ зло, я говорю, что онъ золъ, а не добръ, и не стану ему прощать во имя добраго намѣренія, вредные результаты приведенія его въ исполненіе.

«Неловко также и даже вовсе не остроумно, упрекать подобныхъ людей въ томъ, что будто бы они готовы учить солдата чуть не астрономіи». Было бы не ловко, если бы не было правдой. Разъ это правда, неловкости не вижу. Вы придерживаетесь кажется теоріи, что противъ своего не слѣдъ говорить, даже если онъ дѣлаетъ или говоритъ глупость, не могу раздѣлить. Истолкованіе солдатамъ солнечной системы въ нѣкоторыхъ частяхъ такой же фактъ, какъ и пантомимы. Послѣднія понрави-

лись г. рецензенту, а астрономія нѣтъ; отчего же такая разница? Вѣдь и то, и другое совершенно равныя отклоненія отъ нормы, только въ разныя стороны. Если моя статья попадется какому нибудь сентиментальному экзерцирмейстеру, онъ вѣроятно найдетъ на оборотъ, что астрономія очень хорошо, но что неостроумно и неприлично затрогивать пантомимы.

Вообще изустное преподаваніе обращается въ ничто, если практика ему не отвѣчаетъ. Припомните опредѣленіе солдата, которое онъ заучивалъ въ теченіе чуть не 150 лѣтъ: что̀ можетъ быть возвышеннѣе этого опредѣленія, и что менѣе подвинуло вопросъ о достоинствѣ солдата при извѣстной практической обстановкѣ? Послѣ такого поучительнаго примѣра, нужно быть очень осторожнымъ, собираясь приходить въ восторгъ отъ изустныхъ преподаваній и разныхъ умственныхъ и нравственныхъ развитій словомъ, а не дѣломъ. При честномъ веденіи практики дѣла, солдатъ будетъ знать что̀ онъ такое и безъ краснорѣчивыхъ опредѣленій, да и все остальное что̀ ему знать нужно. Поселянинъ не много толкуетъ съ сыномъ, когда выведетъ его учиться пахать или сѣять: «смотри какъ я буду дѣлать, дѣлай такъ и ты» — вотъ и все объясненіе. И дѣло узнается превосходно и результатомъ этой методы въ умственномъ отношеніи всегда почти возникаетъ простой, но гармоническій здравый смыслъ. Но сентименталистамъ этого мало: имъ, какъ полковнику Кошкареву, подавай мужика, который ходя за сохой, читалъ бы курсъ органической химіи; по ихъ мнѣнію, отецъ долженъ былъ бы прежде сказать вступительную рѣчь о достоинствѣ поселянина вообще и пахаря въ особенности: о томъ почему необходимо пахать, какое значеніе имѣетъ посѣвъ, отчего слѣдуетъ жать хлѣбъ, когда онъ созрѣетъ и проч. и проч., и потомъ уже приняться за работу. Я возстаю противъ подобнаго развитія, и въ статьѣ это кажется ясно; противъ развитія дѣльнаго, возникающаго какъ естественная потребность, я не только не возстаю, а считаю его необходимымъ, какъ бы ни далеко пошло̀ оно.

3) Г. рецензенту кажется, что я преувеличиваю значеніе оружія: если бы онъ приглядѣлся къ дѣлу, то увидѣлъ бы, что нѣтъ никакого преувеличенія въ мнѣніи, по которому упражненіе въ дѣйствіи оружіемъ, какъ и всякая вообще практическая дѣятельность, имѣетъ неотразимое вліяніе на человѣка. Не мнѣ же ему напоминать, что не только военнаго вообще, а пѣхотинца, кавалериста, артиллериста можно узнать въ какомъ угодно платьѣ не по однимъ пріемамъ, а по складу нравственному и умственному. Что же преимущественно опредѣляетъ эту разницу? Практическая

дѣятельность. Что опредѣляетъ складъ практической дѣятельности въ томъ или другомъ родѣ войска? Оружіе, которое онъ употребляетъ.

Съ этой точки, всякое практическое занятіе можно разсматривать какъ силу, сообщающую человѣку извѣстное направленіе. Область военнаго дѣла представляетъ три главнѣйшія силы: 1) стремленіе уничтожить врага, хотя бы съ опасностью для собственнаго существованія. Это стремленіе предполагаетъ высокую степень нравственной энергіи, въ крайности вырождающуюся въ звѣрство, кровожадность; 2) стремленіе, прежде чѣмъ приступить къ этому рѣшительному шагу, ослабить врага съ возможно меньшимъ для себя рискомъ,—осторожность, чувство самохраненія и пожалуй, если хотите, трусость тамъ, гдѣ это стремленіе доходитъ до нежеланія сходиться на штыкъ; 3) стремленіе слить индивидуальныя усилія того и другаго рода въ одно цѣлое наивыгоднѣйшимъ образомъ, т. е., съ возможно большими результатами. Удовлетворить послѣднему можно, только согласуя свои движенія и дѣйствія съ другими, слѣдовательно, отказываясь на извѣстный процентъ отъ своей личности, т. е., обращаясь въ автомата. Эти три силы дѣйствуютъ, такъ сказать, не параллельно, но подъ угломъ, т. е. имѣютъ много общаго въ направленіи, потому что общая цѣль ихъ—уничтоженіе врага; но въ то же время онѣ представляютъ въ свойствахъ своихъ нѣкоторыя противоположности, взаимно уравновѣшивающіяся. Изъ этого то и слѣдуетъ необходимость соединенія первыхъ двухъ отдѣловъ съ послѣднимъ, иначе увлеченіе по которому нибудь изъ нихъ, т. е. въ сторону отъ общей цѣли, неизбѣжно. Увлеченіе сомкнутостью было продѣлано всею Европою, и какое вліяніе оно имѣло на умственный и нравственный складъ военнаго сословія, не безъизвѣстно вѣроятно и самому г. рецензенту.

Изъ того, какъ рецензентъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи объ автоматизмѣ, ясно видно, что онъ считаетъ его вещью вредною, и никакъ не можетъ понять, что во всемъ солдатскомъ образованіи нѣтъ ни безусловно вредныхъ, ни безусловно полезныхъ вещей, а есть только полезныя въ мѣру и вредныя при излишествѣ, или при доведеніи до совершенства. Такъ напр., г. рецензентъ воображаетъ, будто я хочу, чтобы солдатъ «въ стройности движеній видѣлъ не автоматизмъ, а что эти движенія необходимы для примѣненія къ дѣлу пули и штыка».

И то, и не то, г. рецензентъ: вы правы относительно того, что солдатъ долженъ видѣть въ стройности движенія средство для выгоднѣйшаго употребленія пули и штыка, но не правы, проти-

вуполагая автоматизмъ стройности движеній, между тѣмъ какъ онъ составляетъ ея внутреннюю основу.

Что такое стройность движенія? единовременность исполненія его многими. Какое условіе осуществленія ея? строгое подчиненіе многихъ личностей волѣ одного, какъ въ соблюденіи покоя, такъ и въ производствѣ движенія. Чего же вы значитъ требуете отъ личностей? Не болѣе какъ того, чтобы они на извѣстное время обратились въ автоматовъ. По физикѣ своей человѣкъ—автоматъ, и что бы онъ ни дѣлалъ, соглашая свои движенія съ другими, онъ обращается на то время и фактически въ автомата. Музыкантъ въ минуту исполненія пьесы—автоматъ; танцоръ—автоматъ, солдатъ, идущій съ товарищами въ ногу—автоматъ. Автоматизмъ до такой степени въ натурѣ человѣка, что послѣдній иногда прибѣгаетъ къ нему не для достиженія какой нибудь цѣли, а чисто чтобы доставить себѣ удовлетвореніе видомъ стройности движенія: примѣръ—танцы. По этому-то такъ легко и опасно увлечься отраслью солдатскаго образованія, въ основѣ которой лежитъ автоматизмъ. Но когда увлеченіе этой отраслью возможно и неизбѣжно? когда мы не дадимъ ей внѣшней цѣли, то есть, когда самая стройность движенія становится цѣлью. Вѣрный своей потребности перехода отъ анализа къ синтезу, человѣкъ въ такомъ случаѣ разлагаетъ самую стройность движенія на составные элементы, доходитъ до того, что, для пріученія къ ровному шагу, протягиваетъ двѣ параллельныя веревки, на которыхъ назначена мѣра шага, и между нихъ учитъ шеренгу. Этотъ способъ описываетъ, между прочимъ, Гиберъ въ своей тактикѣ и говоритъ объ немъ, какъ объ вещи необходимой; а между тѣмъ и вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, что Гиберъ былъ далеко не дюжинный господинъ. Но ровнаго шага скоро станетъ мало: скоро захотятъ, что бы ноги выносились впередъ какъ одна и на одну высоту; чтобы стоя на мѣстѣ, всѣ солдаты были какъ одинъ; чтобы сумы каждой шеренги составляли одну прямую линію, чтобы ружья имѣли одинъ наклонъ и такъ далѣе—всего не перечтешь. И, замѣтьте, все это чрезвычайно красиво и увлекательно не для однихъ спеціалистовъ, а и для всякаго посторонняго зрителя; что же до спеціалиста, то онъ начнетъ приходить въ отчаяніе если хоть одна грудь на полдюйма отвалена назадъ или подана впередъ; въ ужасъ, открывши

У канальи у одной
Въ пятомъ взводѣ подъ сумой
Съ табакомъ кисетъ проклятый.

И дойдутъ наконецъ до того, до чего въ старые годы дошли, оворятъ, въ Пруссіи или гдѣ то въ другомъ мѣстѣ, не помню. Одинъ полковой командиръ пригласилъ къ себѣ собрата въ гости; , желая щегольнуть передъ нимъ своимъ исскусствомъ, вздумалъ оказать собрату стойку подъ ружьемъ своего полка. Тотъ обо- елъ; посмотрѣлъ — дѣйствительно великолѣпіе; посмотрѣлъ съ лангу—штыки шевелятся: «дышутъ» замѣчаетъ глубокомысленно ость.—«Эхъ, братъ, не говори: самъ знаю, что дышутъ; ужь чего не дѣлалъ, чтобъ это вывести—никакъ не могъ», возразилъ хо- яинъ. А между тѣмъ люди, дошедшіе до этого, не глупѣе насъ ъ вами были и не злѣе, г. рецензентъ; почему жъ они дошли о этого? Злоупотребленія, скажете вы, и затѣмъ пуститесь въ разсужденія, что не нужно увлекаться, да не нужно такимъ пус- якамъ придавать значенія, и на этомъ успокоитесь, воображая, то сразу поняли въ чемъ дѣло. Говорить легко, а какъ сдѣлать тобы не увлечься? Нѣтъ, г. рецензентъ,—не злоупотребленіе, а олько послѣдовательное развитіе идеи автоматизма, лежащей въ основаніи стройности движенія. Обративъ вниманіе на отношеніе акой бы то ни было идеи къ человѣку, не трудно замѣтить, что, акъ матеріалъ для ея осуществленія, онъ безсиленъ противъ нея амъ по себѣ. Всякая изъ нихъ осуществляетъ безразлично всѣ свои возможности—и благодѣтельныя, и гибельныя: подобно ин- ійскому идолу, безстрастно она совершаетъ путь свой; тысячи юдей гибнутъ подъ колесами; кровь льется, кости хрустятъ, а она все идетъ, все идетъ... пока не будетъ остановлена силой равноправной—такой же идеей, какъ сама она. Вамъ конечно мѣшно, можетъ быть, покажется, что какой нибудь маіоръ, при- одившій въ отчаяніе, а иногда и гибнувшій отъ того, что у его аталіона плечо завалено было или ноги неровно выносились— есть тоже мученикъ идеи; смѣйтесь сколько хотите, но оно такъ. У меня нѣтъ смѣха на подобныя явленія; нѣтъ вслѣдствіе убѣж- енія, что поставь насъ съ вами смолоду въ сходное положеніе, и изъ насъ могло бы выйти то же самое, и тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ олѣе было бы задатковъ на добросовѣстное отношеніе къ службѣ. И у насъ можетъ быть, замиралъ бы духъ при видѣ артистиче- каго движенія какого либо взвода или дивизіона; и у насъ вы- ступала бы пѣна бѣшенства при малѣйшемъ нарушеніи стройности... Разъ сознавъ это, вы поймете, почему я дошелъ до убѣжденія, что частнымъ увлеченіямъ какимъ либо однимъ отдѣломъ образова- нія можно сопротивляться не иначе, какъ противупоставляя ему другой, находящійся съ нимъ по свойствамъ въ антагонизмѣ; что другаго средства сопротивляться увлеченію, или, какъ вы бы на-

звали, злоупотребленію, *) нѣтъ; что такой противовѣсъ маневрированію составляетъ преимущественно стрѣльба. Поймете также, почему я, по вашему выраженію, затемнилъ въ статьѣ ненужными объясненіями идею единства движенія **). Должно быть мало объяснилъ, потому что объясненіе осталось втунѣ. А дѣло, кажется, просто: «само по себѣ, маневрированіе нецѣлесообразно, но увлекательно; чтобы помѣшать увлеченію, необходимо и начальниковъ и солдатъ поставить въ необходимость болѣе заниматься тѣмъ, что дѣлается впереди, а не математическимъ соблюденіемъ дистанцій, интерваловъ, перпендикулярныхъ и параллельныхъ линій. Эту цѣль впереди даетъ маневрированію стрѣльба боевая». Комбинація стрѣльбы съ маневрированіемъ, не говоря о прочихъ, менѣе для васъ осязательныхъ, выгодахъ, благодѣтельна уже потому, что при ней командиры уѣзжаютъ за фронтъ и уставы упрощаются. Но вамъ не угодно было обратить вниманія на эти осязательныя послѣдствія комбинаціи, а почему то вздумалось накинуться на тѣ, которыя высказаны темно, за невозможностью высказать ихъ проще.

Объ ученіи съ боевыми патронами, о возобновленіи сквозныхъ Суворовскихъ атакъ, объ замѣнѣ примѣрнаго обученія цѣлесообразнымъ, г. рецензентъ говоритъ весьма мало, но вполнѣ достаточно, чтобы показать отсутствіе знакомства съ воспитаніемъ солдата. Такъ, относительно ученія съ боевыми патронами онъ замѣчаетъ, что можно ихъ дѣлать только небольшому числу людей, чтобы за каждымъ можно было слѣдить. А будете ли вы слѣдить за каждымъ въ бою, г. рецензентъ? Разъ солдатъ вышелъ изъ рекрутства, полезна ли надъ нимъ опека при мирномъ обученіи въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ она невозможна въ военное? Пантомимики воображаютъ подобно вамъ, что она необходима; вы видите, что когда дѣло идетъ о дѣйствительной самостоятельности, вы вовсе не такъ далеки другъ отъ друга, какъ вамъ кажется. Далѣе вы говорите, что нельзя дѣлать подобнаго ученія большимъ массамъ войскъ. Прежде чѣмъ дѣлать подобное возраженіе, лучше бы подумать, полезны ли вообще ученія большими массами? Для понимающихъ дѣло неоспоримо до очевидности, что для боевой

---

*) Въ другомъ мѣстѣ впрочемъ вы тоже самое назовете совершенствомъ, сами не замѣчая, что это синонимы въ отношеніи къ синтезу дѣла.

**) Подъ выраженіемъ единство движенія и единство дѣйствія должно разумѣть единовременность движенія, единодушіе дѣйствія; я предпочелъ первыя выраженія, какъ болѣе соотвѣтствующія характеристикѣ регулярныхъ войскъ, отличіе которыхъ, по давно уже сдѣланному опредѣленію то, что они двигаются и дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ.

одготовки войскъ соединенія дальше бригады безполезны. А для ченій съ боевыми патронами дальше полка съ батареею идти ѣтъ надобности, и для подобныхъ силъ всегда найдется мѣсто— ишь бы захотѣть. Не найдется лѣтомъ, найдется осенью, когда лѣбъ снятъ. За тѣмъ васъ пугаетъ, что нельзя будетъ повѣрять опавшихъ пуль, разъ ученія будутъ съ артиллеріей; что даже и ри одной пѣхотѣ будетъ затруднительно точно опредѣлить проентъ попавшихъ пуль. А зачѣмъ онъ нуженъ, г. рецензентъ? ри большемъ знакомствѣ съ дѣломъ, вы увидѣли бы, что въ приѣненіи къ массамъ, процентная оцѣнка болѣе вредна, нежели поезна даже въ мирное время. Что же до боеваго ея смысла, то вамъ вѣроятно извѣстно, что въ этомъ отношеніи она, собственно, не имѣетъ никакого смысла. Знающіе дѣло знаютъ, г. рецензентъ, что процентная оцѣнка хороша только въ примѣненіи къ одиночнымъ стрѣлкамъ, и при приготовительныхъ упражненіяхъ. Если такъ называемая точная оцѣнка непримѣнима при ученіи съ боевыми патронами, это свидѣтельство въ пользу, а не противъ системы, потому что приближаетъ ее къ тому, что вы будете имѣть на самомъ дѣлѣ; вѣдь не считаютъ, г. рецензентъ, сколько пуль попало въ непріятеля?

Далѣе г. рецензентъ говоритъ: «вѣдь г. Драгомирову, вѣроятно, не безъизвѣстно, что большая часть нашей арміи расположена въ безлѣсныхъ и малолѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ стоимость мишеней значительна, такъ, что съ трудомъ достаютъ самое-то необходимое число мишеней».

Вѣдь г. рецензенту должно бы было быть не безъизвѣстно, разъ онъ принимается писать о занятіяхъ войскъ, что теперь даже здѣсь мало по малу вводятся полотняныя мишени, натянутыя на желѣзныя или деревянныя рамы, которыя стоютъ гораздо дешевле. Да при томъ это и не возраженіе на мысль. Положимъ вы, желая выучить писать, держали бы все время человѣка на писаніи палочекъ и другихъ составныхъ частей буквъ. Приходитъ къ вамъ знакомый и говоритъ: «да переходите же къ буквамъ и къ бѣглому письму; такъ онъ никогда не выучится». А вы ему возразили бы, что чернилъ и перьевъ больше пойдетъ. Согласитесь, возраженіе будетъ странно. Вамъ предлагаютъ не увеличеніе количества учебныхъ припасовъ, а болѣе сообразное съ боевымъ солдатскимъ дѣломъ распредѣленіе ихъ.

Не болѣе посчастливилось г. рецензенту и въ сужденіяхъ его относительно примѣрнаго обученія: изъ нихъ видно, что онъ или не понялъ, или не хотѣлъ понять въ чемъ дѣло. Кажется опредѣленіе примѣрнаго исполненія и обученія сдѣлано ясно: часть

извѣстнаго дѣйствія, принимаемая за все дѣйствіе. Разъ эта часть принимается за то, что она дѣйствительно значитъ, это уже не примѣрное исполненіе. Положимъ, солдатъ только прицѣливается, а долженъ воображать, что онъ стрѣляетъ—примѣрное дѣйствіе: положимъ онъ прицѣливается для практити въ быстромъ наведеніи прицѣльной линіи въ поражаемый предметъ—цѣлесообразное дѣйствіе; старый солдатъ, зная уже боевую стрѣльбу, стрѣляетъ холостымъ патрономъ на ученіи, съ обязательствомъ воображать, что противъ него противникъ—примѣрное дѣйствіе.

Ребенка учатъ брать ложку и показываютъ какъ ее лучше подносить ко рту—цѣлесообразное дѣйствіе; человѣка взрослаго, изъ опасенія, чтобы онъ не забылъ обращаться съ ложкой, заставили бы дѣлать всѣ движенія, сопровождающія ѣду, но не давая ему съѣстнаго—примѣрное дѣйствіе.

Питаемъ надежду, что г. рецензентъ пойметъ изъ этихъ примѣровъ, что одно и тоже дѣйствіе можетъ быть попеременно то цѣлесообразно, то примѣрно, въ зависимости отъ того, кого заставляютъ упражняться въ немъ. Странно возвращаться съ человѣкомъ, умѣющимъ читать, къ повторенію азбуки; точно также странно упражнять въ холостой стрѣльбѣ солдата, дошедшаго уже до боевой. Не менѣе странно уклонять штыкъ не для удара, а воображать ударъ, уклонять ружье не для выстрѣла, а воображать, что выстрѣлъ сдѣланъ. Вы видите сколько здѣсь открывается самыхъ грустныхъ qui pro quo на каждомъ шагу: воображаютъ одно, а дѣлаютъ другое. Какъ вы полагаете, здоровая это сфера для развитія, и могутъ ли помочь ему какія бы то ни были теоретическія преподаванія, пока практика дѣла не очистится отъ подобныхъ несообразностей?

Г. рецензентъ замѣчаетъ, что этотъ характеръ примѣрности свойственъ и маневрированію съ боевыми патронами; совершенно такъ, и это показано въ самой статьѣ; но вѣдь тамъ же показано и средство исправленія, не всѣмъ доступное, но которымъ должно пользоваться у кого оно есть. Это—проведеніе всей арміи черезъ страны въ родѣ Алжира или Кавказа. Но г. рецензентъ обрадовался, что можетъ натянуть мнимое противорѣчіе, умалчиваетъ объ этомъ мѣстѣ и восклицаетъ: «Зачѣмъ же было такъ настоятельно требовать уничтоженія всякаго примѣрнаго обученія солдата чему бы то ни было»? Зачѣмъ, г. рецензентъ, приписывать мнѣ то, чего я не говорилъ? Въ статьѣ опредѣлено ясно, гдѣ примѣрное обученіе цѣлесообразно, гдѣ оно теряетъ этотъ характеръ и терпимо быть не должно. Вы говорите, что ученіе съ боевыми патронами тоже примѣрное дѣйствіе: укажите мнѣ другой

особъ обученія, въ которомъ менѣе примѣрности; если же вы
о не указываете, то ваша замѣтка не имѣетъ никакого досто-
ства: во 1-хъ, потому что она не ваша, а взята изъ статьи;
2-хъ, что она похожа на аргументацію, которая будетъ вид-
е изъ нижеслѣдующаго примѣра *):

Положимъ, учите вы алфавиту, котораго одна буква потеряна,
неизмѣнно представляется во всякомъ словѣ, которое придется
тать въ критическія минуты. Учите вы буквы отдѣльно, не ду-
я нисколько складывать ихъ въ слоги.

Приходитъ опять знакомый и говоритъ: «пріучайтесь состa-
ять слоги;—и безъ того чтеніе будетъ трудно; не затрудняйте
его для себя добровольно». Вы ему возражаете на это: «да
дь читать все равно не выучусь». Судите сами, въ какой мѣрѣ
ло бы основательно подобное возраженіе.

Нужно ли обученіе приближать по возможности къ
ому, что приходится дѣлать противъ непріятеля? Ученіе
боевыми патронами представляетъ ли комбинацію всего
го, что приходится совмѣстно и современно исполнять
ри дѣйствіи противъ непріятеля на разстояніи отъ 1500—
)0 шаговъ?

Вотъ вопросы, которые слѣдовало уяснить и отвѣтить на нихъ,
вердительно или отрицательно. Г. рецензентъ обо всемъ погo-
рилъ—и объ томъ, что въ южныхъ губерніяхъ лѣсъ у насъ до-
гъ, и что неприлично возставать противъ сентиментальныхъ про-
ессистовъ, не смотря ни на какія съ ихъ стороны отупляюще-
звивательныя нашествія на мозгъ бѣднаго солдата, но до раз-
ра этихъ вопросовъ не снизошелъ. А въ нихъ то и вся сущ-
сть; и мы не сомнѣваемся, что г. рецензентъ совершенно со-
асился бы съ нами, еслибъ меньше питалъ недовѣрія къ тому,
о онъ называетъ глубокомысліемъ. Все оно, какъ вы теперь
ми вѣроятно замѣтили, заключается въ сознаніи основнаго за-
на дѣятельности человѣческаго мозга, (перехода отъ анализа
синтезу) и въ послѣдовательномъ примѣненіи его къ дѣлу.
явъ это въ расчетъ, вы поймете, почему я такъ рѣшитель-
, по вашему мнѣнію, утверждаю, что ученіе съ боевыми па-
юнами одинаково обезпечиваетъ отъ вредныхъ сторонъ стрѣл-
ваго и маневреннаго дѣла; почему я такъ рѣшительно утверж-
ю, что дѣльный складъ ума солдата опредѣлится не какими ли-

*) Да проститъ меня почтенный г. рецензентъ, что я часто прибѣгаю къ
итчамъ: логическая аргументація ему не по сердцу—и я по неволѣ долженъ
рибѣгать къ этому патріархальному средству.

бо теоретическими преподаваніями, а раціональнымъ направленіемъ практической его дѣятельности.

Для человѣка дѣла сущность не въ количествѣ знаній, а въ томъ, чтобы они составляли гармоническое цѣлое. Эта гармонія достигается только тогда, когда нѣтъ нелѣпыхъ явленій ни предъ глазами, ни въ собственномъ поведеніи человѣка; если же то и другое есть, разговоры о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, кромѣ еще большаго разлада, ничего принести не могутъ. Кто практически прошелъ что нибудь раціонально, тотъ будетъ этимъ развитъ несравненно дѣйствительнѣе, чѣмъ тогда, если ему будутъ толковать красивыя вещи и заставлять въ то же время дѣлать нелѣпости. И оно понятно: въ фактѣ, въ дѣлѣ всегда есть идея, въ идеѣ нѣтъ дѣла, пока она не осуществлена. Фактъ уступаетъ только факту; слову собственно онъ никогда не уступаетъ прежде нежели оно не во-плотится, т. е., не станетъ опять такимъ фактомъ.

Заключаю отвѣтъ этотъ указаніемъ на двѣ странности, слишкомъ кричащія, чтобы о нихъ умолчать. Одною изъ нихъ мнѣ приписывается мнѣніе, будто упадокъ армій былъ слѣдствіемъ введенія метательнаго оружія. Совсѣмъ на оборотъ, —введеніе метательнаго (большого) оружія было слѣдствіемъ нравственнаго упадка древнихъ армій, т. е. того, что не надѣясь на себя, человѣкъ сталъ надѣяться на машины. Но разъ человѣкъ прибѣгнулъ къ машинамъ, само собою, разумѣется, что при первомъ появленіи они, въ свою очередь, сдѣлались причиною, способствующею дальнѣйшему развитію нравственнаго упадка. Не зная свойствъ метательныхъ машинъ вполнѣ, конечно ожидали отъ нихъ болѣе, чѣмъ тѣ могли дать, ожидали тѣмъ охотнѣе, что это удовлетворяло инстинкту самосохраненія.

Нѣчто подобное видимъ и теперь: по отзыву многихъ кавказцевъ, горцы зачастую стали уступать намъ безъ рѣзни съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ завелась артиллерія.

Другая странность ничему иному не можетъ быть приписана, какъ веселому расположенію духа г. рецензента, увлекшему его къ парадоксамъ: онъ взялся доказывать, что гораздо больше нужно храбрости чтобы, будучи въ цѣпи, выстрѣлить въ непріятеля, нежели для того, чтобы идти на него въ штыки. Отчего же такъ рѣдки штыковыя свалки въ дѣлѣ; отчего рыцари считали недостойнымъ себя употреблять огнестрѣльное оружіе? Отчего, наконецъ, сами вы вѣроятно скажете, если васъ спросить объ условіяхъ соразмѣрности пѣхоты съ артиллеріей, что послѣдней придается тѣмъ больше, чѣмъ пѣхота менѣе надежна? На какое свойство метательнаго оружія эти факты указывали бы вамъ, при большей, ко-

чно привычкѣ видѣть въ данномъ фактѣ идею его? Но г. ре-
нзентъ не имѣетъ привычки почерпать аргументовъ въ фактахъ,
ходя обильный запасъ ихъ въ глубинѣ собственнаго своего духа,
отважно заключаетъ, что одиночному человѣку въ цѣпи нужно
льше храбрости, чѣмъ тому же человѣку въ массѣ, когда онъ
етъ въ штыки. Практика совсѣмъ не то показываетъ, практи-
показываетъ, что самые плохіе солдаты выдерживаютъ огонь
иногда весьма продолжительный; штыковъ же не выдерживаютъ
когда. И оно понятно: при штыковой свалкѣ опасность такъ
минуема, магнетическое вліяніе сближающейся враждебной массы
къ велико, что могутъ дрогнуть и очень порядочныя войска. А
воображаете, что въ подобномъ случаѣ меньше нужно хра-
рости, нежели для того, чтобы выстрѣлить съ разстоянія 400—
00 шаговъ, да еще изъ за укрытія, въ противника, который лично
можетъ имѣть на стрѣлка никакого вліянія и стрѣляетъ все
болѣе или менѣе наудачу. Тутъ непремѣнно сохраняется убѣж-
ніе—«авось не попадетъ». Вамъ вѣроятно извѣстно также, что
слышишь и не видишь той пули, которая тебя бьетъ, и очень
рошо видишь штыкъ, направленный въ грудь или въ животъ,
собенно когда онъ отъ васъ на аршинъ, или и того ближе...
гдѣ же нужно больше силы духа, чтобы противустоять искуше-
ію сдать?

Благодаря г. рецензента за откровенное изложеніе своего по-
манія статьи, указавшаго, что именно въ ней можетъ дать по-
дъ къ недоразумѣніямъ, заключаю эту замѣтку объясненіемъ ви-
мой несистематичности изложенія, его поразившей. Въ статьѣ
оворится о значеніи словесныхъ объясненій въ воспитаніи сол-
та прежде маневрированія и единодушія дѣйствія. Произошло
го по той простой причинѣ, что передъ значеніемъ словес-
ыхъ объясненій и преподаваній перечислены и разобраны
олько отдѣлы одиночнаго образованія солдата, т. е. то, что ему
олезно знать для боя одинъ на одинъ. Согласованіе движеній и
йствій есть уже подготовка массъ; слѣдовательно, отдѣлъ, по ха-
актеру своему, совершенно отличный отъ перваго. Поэтому то
ыть и изложенъ послѣ значенія словесныхъ объясненій и теоре-
ическихъ преподаваній, какъ относящихся преимущественно къ
бразованію единицъ, а не массъ.

По поводу статьи: „о производствѣ испытаній стрѣльбы", помѣщенной въ оружейномъ сборникѣ.

Часто раздавались, и долго еще будутъ у насъ раздаваться, жалобы на то, что все дѣлается только для смотровъ, только чтобы показать товаръ лицомъ, что дѣло остается, при этомъ, если и не совершенно въ сторонѣ, то ужъ ни въ какомъ случаѣ и не на первомъ планѣ. Жалобы такого рода—вещь утѣшительная: онѣ показываютъ, что взглядъ на служебную практику и обязанности начинаетъ проясняться, и обращено вниманіе на то простое обстоятельство, что можно втереть очки на смотру, но непріятелю на боевомъ полѣ ихъ не вотрешь. Тамъ, волею неволею, будешь такимъ, каковъ на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ хочешь казаться. Значитъ, и въ мирное время всѣ упражненія въ искусствѣ очковтиранія составляютъ не болѣе, какъ праздную и весьма опасную потѣху, которою мы никого другаго не надуваемъ, какъ самихъ же себя. Но сознать это по нѣсколькимъ, слишкомъ уже бросающимся въ глаза фактамъ, мало: не только недовольство ими, но даже самое ихъ уничтоженіе ни къ чему бы не повело безъ уничтоженія зла въ самомъ корнѣ. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что когда дѣло до корня доходитъ, зачастую на васъ опрокидываются тѣ самые, которые кричали первыми противу вреда.

Статья, по поводу которой мы рѣшились сказать нѣсколько словъ, лучшее тому свидѣтельство: авторъ ея одушевленъ самыми прекрасными намѣреніями, горячо принимаетъ къ сердцу стрѣлковое дѣло, искренно желаетъ ему дѣйствительнаго, а не кажущагося преуспѣянія, выражаемаго процентными содержаніями смотровой стрѣльбы,—и въ то же время не замѣчаетъ, что самъ отстаиваетъ систему, при которой фокусы и уловки неизбѣжны. А между тѣмъ въ самой разбираемой статьѣ находимъ такіе факты, которые должны бы были навести автора на сомнѣніе въ ея непогрѣшительности.

Такъ, на стр. 97-й онъ замѣчаетъ, что невѣроятные успѣхи стрѣльбы стали встрѣчаться тѣмъ чаще, чѣмъ строже стали опредѣлять оцѣночные проценты стрѣльбы. Выводъ изъ такого факта кажется понятенъ: невѣроятнымъ результатамъ виною не тѣ, которые ихъ даютъ, а самая форма требованія, т. е. оцѣнка массъ по тѣмъ правиламъ, которыя имѣютъ смыслъ только въ примѣненіи къ отдѣльнымъ стрѣлкамъ. Но авторъ, у котораго, какъ видно, дѣйствительно наболѣло отъ штукъ «товарищей и пріятелей», винитъ послѣднихъ, а не внѣшнюю необходимость, которая заставляетъ ихъ прибѣгать къ штукамъ. Вы заинтересованы вашимъ дѣломъ, вы горячо его принимаете: вы не можете быть въ немъ безпристрастнымъ судьею; станьте на минуту къ нему, какъ къ чужому, и скажите, положа руку на сердце: кому охота быть въ послѣднихъ, идти со смотра съ опущенными носами, да, вдобавокъ, не получить иногда ничего, когда другіе получатъ, можетъ быть, по три рубля? Задайте себѣ эти вопросы и разрѣшите ихъ, пожалуйста, не по азбучной морали; вѣдь кричать, что «это безсовѣстно, ни на что не похоже» и проч. и проч. занятіе праздное: не поправить дѣла ни на-волосъ. Рѣшите ихъ, какъ у насъ говорится, по человѣчеству, и я увѣренъ, что вы не будете расположены такъ строго судить штукарей, какъ судите ихъ теперь. Оставимте всѣ благоправные возгласы въ сторонѣ, а обратимся къ реальной данной—къ характеру русскаго человѣка.

Обращали-ли вы когда-нибудь вниманіе на замѣчательную особенность этого характера, на его гибкость? Эта гибкость причиною, что чего бы вы ни потребовали, въ особенности отъ человѣка зависимаго, будетъ все сдѣлано: если требованіе возможно—сдѣлано въ самомъ дѣлѣ; если невозможно—сдѣлано по виду, но непремѣнно сдѣлано. Признакъ ли это несложившагося характера, неизмѣнная ли природная особенность его,—это все равно; для насъ важно то только, что эта гибкость—фактъ, который былъ замѣченъ лучшими русскими людьми и который, если хотите, составляетъ и огромный задатокъ на развитіе.

Эта гибкость причиною того, что у насъ въ военной сферѣ такую важную роль играетъ слово «приказано», на которое, какъ и вамъ вѣроятно извѣстно, въ лексиконѣ русскаго солдата не существуетъ отвѣта: «это невозможно», да и слава Богу, что не существуетъ. Что изъ этого выходитъ? Совершенно простая вещь: объявите завтра, что для того, чтобы ротѣ быть въ отличныхъ, нужно попасть на данную дистанцію... ну хоть, положимъ, 120%; и будьте увѣрены, что найдутся такія, которыя попадутъ 120%. Вы согласитесь послѣ этого, что не человѣкъ виноватъ, если,

поставляя ему данныя условія для дѣятельности, нисколько не берутъ въ разсчетъ ни границъ возможнаго, ни его характера.

На стр. 99-й авторъ говоритъ: «Испытаніе стрѣльбы въ цѣль въ войскахъ подвержено вліянію столькихъ многоразличныхъ условій, совершенно независящихъ ни отъ начальниковъ, производящихъ испытанія, ни отъ начальниковъ, представляющихъ свои части»,... естественное, отсюда вытекающее слѣдствіе то, что странно примѣнять къ дѣлу, подверженному столькимъ случайностямъ, оцѣнку, основанную на процентныхъ содержаніяхъ, а тѣмъ болѣе дѣлать по ней опредѣленіе степени искусства частей; выводъ автора совсѣмъ не тотъ.... «а потому для безошибочной оцѣнки успѣховъ стрѣльбы въ цѣль необходимо подробное опредѣленіе всѣхъ условій производства испытаній и строгое, педантическое исполненіе ихъ всѣми чинами». Т. е. необходимо написать особый строевой уставъ для одного производства смотровъ стрѣльбы: помилуйте, да развѣ это сдѣлаетъ стрѣльбу менѣе подверженною случайностямъ? Развѣ вы можете указать хотя на одинъ примѣръ подобныхъ педантическихъ стѣсненій, который бы достигалъ цѣли? При гибкости характера, чѣмъ обстановка смотра будетъ строже, или, какъ вы говорите, педантичнѣе, тѣмъ штуки будутъ тоньше; а все-таки вы ихъ не избѣжите. Не дойдете же вы, надѣюсь, въ стрѣлковомъ увлеченіи до того, чтобы требовать ссылки въ арестантскія роты за выпускъ лишней пули.

Вотъ до чего доводитъ узкій спеціализмъ, не видящій ничего изъ за своихъ оцѣнокъ, процентныхъ содержаній, держанія №№ *) и проч. Авторъ, вполнѣ благонамѣренный, ничего не ищущій кромѣ пользы общему дѣлу, доходитъ до самыхъ печальныхъ несообразностей въ сужденіяхъ своихъ о достоинствѣ солдата, благодаря ничему иному, какъ одностороннему увлеченію смотровою стрѣльбою. Онъ думаетъ сдѣлать вопросомъ чести солдата лишне-выпущенную пулю, соблюденіе правилъ весьма и весьма сомнительной непреложности: остерегайтесь взывать къ чести изъ-за подобныхъ пустяковъ—для нея есть область святѣе и выше, вопросъ о ней долженъ стать для солдата вопросомъ жизни, а вы ставите его въ зависимость.... отъ лишней выпущенной пули, которую онъ притомъ выпускаетъ не по своей волѣ.

Должно помнить, что всякая святыня только тогда такою остается, когда къ ней не прибѣгаютъ всуе; безъ этого, слово, ее означающее, обращается въ пустой звукъ, который только слышится

*) Удержать №—т. е. сохранить мѣсто, занятое по предъидущей классификаціи.

уху, но не шевелитъ ни одной нравственной фибры. Я не говорю уже о томъ, что «вкорененіе» всяческихъ убѣжденій гораздо легче рекомендовать, нежели выполнить на самомъ дѣлѣ: не читать же ротѣ проповѣди о добросовѣстности; всякія рѣчи въ подобныхъ случаяхъ безвозвратно отмѣчены еще Наполеономъ: «молодые солдаты ихъ не понимаютъ, старые не слушаютъ». Да при томъ, для массы, какъ для ребенка, нѣтъ словъ, а есть только факты, практика: масса не лжетъ только тогда, когда нѣтъ внѣшней необходимости или же приманки лгать. Если же необходимость или приманка существуетъ—ложь неизбѣжна. Обращаться къ чести можно только въ вещахъ нравственно непреложныхъ *), а не во имя исполненія правилъ, которыя, можетъ быть завтра вы сами найдете ни къ чему негодными.

Вы соболѣзнуете о томъ, что солдаты считаютъ молодечествомъ продѣлки, дѣйствительно чрезвычайно ловкія; что солдаты весьма охотно къ нимъ прибѣгаютъ, лишь бы заслужить «спасибо» части: какъ же вы не замѣтили, что выше похвалы нельзя сказать солдату? Это свидѣтельствуетъ объ его безграниченной преданности части, преданности, которая одна ведетъ на великіе подвиги въ дѣлѣ, а вы хотите отъ солдата безстрастнаго отношенія къ части: вы хотите ослабить въ нему эту великую силу—изъ за какой-нибудь мнимо точной оцѣнки **). Мало того, ослабленіемъ въ солдатѣ этой силы, вы рискуете испортить и его самаго. Продѣлки показываютъ въ немъ какой складъ? Одинъ—когда отъ него требуютъ невозможнаго, онъ готовъ скорѣе подняться на штуку, но ни въ какомъ случаѣ не ударить лицомъ въ грязь. Въ такомъ солдатѣ не умеръ суворовскій духъ—для него «не могу знать» не существуетъ; онъ проведетъ самого чорта, если на то пойдетъ; а вы этимъ недовольны, вы готовы его считать за это чуть не безчестнымъ.

Вѣдь согласитесь сами, не мало нужно ловкости, чтобы подъ носомъ у наблюдателей выстрѣлить, зарядить, опять выстрѣлить и не попасться! Пустите такого солдата противъ непріятеля—онъ его двадцать разъ одурачитъ прежде, чѣмъ разъ попадется;—вамъ онъ не годится. Вы готовы нѣсколько примять его для художественной стрѣльбы и для удобства примѣненія оцѣночныхъ правилъ. Вы изъ этой выжиги хотѣли бы сдѣлать туподобросовѣстное, апатичное двуногое, неспособное ни на что особенно дурное,

---

*) Въ данную эпоху и у даннаго народа.

**) Сами вы говорите, что точная оцѣнка невозможна, признавая, что стрѣльба зависитъ отъ множества случайностей.

но за то также и ни на что особенно хорошее. Не такіе солдаты дѣло дѣлаютъ, когда до него доходитъ; можетъ быть они хороши для добросовѣстной стрѣльбы на мирныхъ смотрахъ; но едва-ли вы дождетесь отъ нихъ смѣтливости и въ особенности предпріимчивости въ дѣлѣ. Всякая подобная продѣлка — высокое достоинство смѣтливости и предпріимчивости нашего солдата; онъ подмѣтилъ, что, по смыслу оцѣнки, повѣряютъ не искусство стрѣльбы, а число попавшихъ пуль, и стремится обезпечить себя отъ случайностей стрѣльбы, принимая возможно болѣе надежныя мѣры для увеличенія числа попавшихъ пуль. Преслѣдовать солдата за то, что онъ направляетъ свою сметку на предметы плутоватые, значитъ казнить его за чужую вину.

Открытіе такихъ продѣлокъ указываетъ вмѣстѣ на ошибочность оцѣнки и способа испытаній: пользуйтесь этими указаніями для измѣненій системы испытанія, сообразно характеру занятія и солдата, а не стремитесь съ болѣзненнымъ упорствомъ удержать ее во что бы то ни стало. Какими церемоніями вы ни обставляйте каждый выстрѣлъ, не избѣжите плутней, пока будетъ выгодно плутовать. Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы можно было утвердительно сказать, что если въ случаяхъ, подобныхъ разбираемому, открываются плутни, виноваты не плутующіе, а способъ и нормы оцѣнки, которой ихъ подвергаютъ.

Авторъ находитъ, что лучшее средство повѣрки смотровыхъ результатовъ стрѣльбы заключается въ сравненіи ихъ съ отмѣтками годовыхъ журналовъ; т. е. это выходитъ, чтобы былъ годовой и экзаменный балъ! Но вѣдь вѣроятно и авторъ знаетъ, что учитель не всегда ставитъ средній годовой балъ такой, какъ по отмѣткамъ слѣдуетъ.... Самъ авторъ чувствовалъ это и потому предлагаетъ рядъ условій, которыя, по его мнѣнію, могутъ сдѣлать годовые журналы документомъ, заслуживающимъ вѣроятія. Мы не думаемъ, чтобы эти условія были дѣйствительны; мы полагаемъ, напротивъ, что предложеніе автора, бывъ приведено въ исполненіе, повело бы къ тому, что журналъ, сдѣлавшись смотровымъ документомъ, принялъ бы и направленіе соотвѣтствующее.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно перебрать, что авторъ считаетъ необходимымъ для вѣрности журнала (стр. 100-я). «Для того, чтобы инспекторы могли «съ полною довѣренностью основывать свои соображенія на журналахъ, необходимо, чтобы они велись съ добросовѣстностью, съ строгимъ контролемъ и съ возможною гласностью».

Да, конечно, это необходимо; въ этомъ никто не сомнѣвается;

обы журналу можно было вѣрить, нужно, чтобы журналъ не алъ, это ясно, это совершенно ясно. Но что же для этого нужно?

«Съ утвержденіемъ подобнаго порядка, (но вѣдь вы еще ниго не сказали, какими средствами онъ утвердится; намъ, напровъ, кажется, что теперь журналы добросовѣстны; а какъ только ѣлаются смотровымъ документомъ, то пріобрѣтутъ всѣ свойства лендарей), нѣтъ никакого сомнѣнія, что частные начальники бутъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдить за совершенно правильнымъ деніемъ журналовъ, (зависитъ отъ характера и наклонностей: о же до интереса, то онъ совсѣмъ не къ тому побуждать бутъ), «что и должно быть отнесено на строгую ихъ отвѣтственость» (это не болѣе какъ фраза тамъ, гдѣ не можетъ быть сеѣзнаго контроля; вы знаете, что отъ частаго и неумѣстнаго упоребленія эта фраза у насъ потеряла много).

«Журналы должны быть въ каждомъ отдѣленіи роты и отмѣтки ь нихъ вносятся непремѣнно (!) на самомъ мѣстѣ стрѣльбы».

Что же, развѣ мѣсто стрѣльбы заколдованное какое, что на емъ и рука не повернется вмѣсто промаха поставить какой нибудь №? И на этомъ основана вся система вѣрнаго веденія журала, что отмѣтки вносятся «непремѣнно» на самомъ мѣстѣ стрѣльы! Неужели вы сами не видите, что такое средство не остановитъ того, кто сильно хочетъ, чтобы у него была хорошая стрѣльа.... въ журналѣ?

Далѣе, авторъ предлагаетъ цѣлую миріаду бюрократическихъ вѣръ, давно извѣстнаго всѣмъ намъ порядка, безполезность которыхъ также извѣдана не первый день:

«По окончаніи каждой стрѣльбы ротный командиръ обязанъ, ъ тотъ же день, представлять копію съ отмѣтокъ отдѣленнаго журнала начальнику части, который съ собственноручною отмѣткою передаетъ ихъ завѣдывающему оружейною частью, для внесенія отмѣтокъ въ общій шнуровой журналъ, свѣряемый отъ времени до времени, смотря по степени занятій, съ отдѣленными журналами всѣми баталіонными и ротными командирами, которые и скрѣпляютъ повѣрку своими подписями..... Весьма было бы полезно—что при настоящемъ распространеніи грамотности возможно—чтобы кромѣ того каждый изъ нижнихъ чиновъ имѣлъ книжечку для записки своихъ результатовъ».

Кто не согласится, что это выходитъ нѣчто въ родѣ «коммиссіи контроля надъ коммиссіею построекъ»? Автору кажется, что если продѣлать весь этотъ бюрократическій грандъ-пасіансъ, то ужъ плутни быть не можетъ.... Положительно можно сказать, что это могло бы повести къ одному только—пришлось бы въ каж-

домъ полку и баталіонѣ учредить нѣчто въ родѣ стрѣлковаго департамента для записки пуль; потеря времени и бумаги, безъ малѣйшаго ручательства за вѣрность журналовъ. Вспомните, что полкъ выпускаетъ до 180,000 патроновъ, и что даже повѣрки денегъ не производятъ съ тою тщательностью, съ какою вы хотите, чтобы повѣряли попавшія пули.

«Съ добросовѣстнымъ веденіемъ подобныхъ журналовъ будетъ возможность имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ успѣхахъ стрѣльбы». Да, «съ добросовѣстнымъ», но вѣдь вы не дали ни одного ручательства за добросовѣстность веденія.

Намъ кажется, что единственное средство достигнуть этой добросовѣстности заключается въ томъ, чтобы не обращать журналъ въ матеріалъ для смотроваго сравненія успѣховъ стрѣльбы.

Далѣе авторъ вдается во всевозможныя подробности, имѣющія въ виду одно: возможно,—такъ называемую,—точную сравнительную оцѣнку стрѣльбы различныхъ частей на смотрахъ дивизіонныхъ и корпусныхъ командировъ. Для сравнительной оцѣнки стрѣльбы дивизій онъ предлагаетъ, между прочимъ, для всѣхъ дивизій стрѣльбу съ однѣхъ и тѣхъ же дистанцій, и вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ, что это даетъ возможность другимъ дивизіямъ, кромѣ стрѣлявшей первою, иногда нѣсколько дней попрактиковаться въ стрѣльбѣ съ дистанцій, которыя имъ будутъ такимъ образомъ заранѣе извѣстны. Авторъ, самъ замѣчая это неудобство, не дѣлаетъ никакого положительнаго заключенія, а между тѣмъ оно здѣсь важно. Что же по вашему мнѣнію, подобные смотры полезны или вредны? Вы замѣтили, въ чемъ заключается ложь ихъ, но не рѣшились ихъ отвергнуть, опасаясь возраженія въ неравенствѣ шансовъ, въ томъ, что нельзя сравнивать части, которыя стрѣляли на разныя дистанціи. Вотъ что значитъ жажда оцѣнки! Она неодолимо влечетъ за собою другую—жажду равенства шансовъ; кончится тѣмъ, что будемъ, пожалуй, невеллировать плацы для стрѣльбы, какъ прежде ихъ нивеллировали для маршировки. Это ли обученіе солдата стрѣльбѣ въ разнообразныхъ положеніяхъ, это ли подготовленіе его къ бою? Незамѣтно для самихъ себя, мы отклоняемся отъ единственной цѣли, для которой существуетъ армія, и стремимся къ какимъ то страннымъ, призрачнымъ цѣлямъ: къ равенству шансовъ, къ процентнымъ оцѣнкамъ, къ выбиванію условій, къ раздѣленію наконецъ стрѣльбы на какіе то роды. Не нужно бы забывать, что не пересчитаешь, сколько попалъ или не попалъ въ непріятеля, не приготовишь утрамбованнаго поля сраженія для равенства шансовъ и не сдѣлаешь классификаціи стрѣльбы ни на какіе роды въ виду того же непріятеля. Стрѣльба должна

одна—стрѣльба съ неопредѣленныхъ дистанцій въ соедине-
ъ обыкновеннымъ ученьемъ, т. е. ученье съ боевыми патро-
; остальныя тонкія классификаціи, оцѣнки и проч. и проч.
ъ еще имѣть нѣкоторое значеніе при обученіи рекрута *),
ь примѣненіи къ выученному солдату не ведутъ къ цѣли.
Авторъ самъ даетъ тому поразительное доказательство, раз-
ивая далѣе, какъ иногда за мѣсяцъ объявляются смотровыя
нціи, и какъ, кромѣ этихъ трехъ, ни на какія другія, по объ-
ніи, и не стрѣляютъ. Скажите послѣ этого сами: полезно ли
для боя? Одного этого достаточно было бы, кажется, чтобы
зать, къ чему ведетъ сравнительная оцѣнка и естественное
ней стремленіе быть не хуже другихъ по спискамъ. Но ав-
замѣчаетъ только, что добросовѣстно занимавшійся рискуетъ
заться хуже дѣлавшихъ репетиціи смотра, и затѣмъ главнымъ
комъ этой системѣ ставитъ, что могло бы быть вмѣнено ей въ
гу, если бы дѣйствительно къ ней относилось: именно, онъ
исываетъ этой системѣ—нарушеніе «правильнаго» хода обу-
, идеалъ котораго авторъ видитъ въ стрѣльбѣ на условіи.
Это противорѣчіе смотровъ выбиванію условій скорѣе можетъ
названо благодѣяніемъ для войскъ, нежели вредомъ, если раз-
ть вопросъ съ боевой, а не съ стрѣлковой точки.
Выбиваніе условій составляетъ одно изъ самыхъ грустныхъ по-
леній односторонняго стрѣлковаго спеціализма: принципъ си-
ы выбиванія тотъ, что ни одинъ солдатъ не можетъ быть пе-
денъ на слѣдующую дистанцію до тѣхъ поръ, пока не выбьетъ
стныхъ условій съ предъидущей. Эта система показываетъ са-
ъ наглядным образомъ, до какой степени въ военномъ дѣлѣ
ченіе даже полезными спеціальностями противоположно на-
енію солдата.
Если бы стрѣлокъ занимался стрѣльбою какъ художествомъ,
его лучше стрѣльбы на условія выдумать нельзя; рано или
но, онъ, слѣдуя этой системѣ, можетъ добраться до извѣст-
совершенства. Но стрѣлка-солдата, а не спеціалиста, не ху-
ника, эта стрѣльба подвергаетъ весьма невыгодному риску—
стать предъ непріятеля съ практикою, можетъ быть, до 400,
00 шаговъ и съ необходимостью открыть противъ него огонь
1200. Такимъ образомъ въ бою окажется значительный про-
ъ не на столько приготовленныхъ къ дѣлу, на сколько ихъ
но было бы подготовить. Въ какой мѣрѣ добросовѣстно под-

*) Т. е. не далѣе, какъ въ первые два года.

вергать подобному риску человѣка изъ-за неумѣстнаго и дурно понятаго стремленія къ совершенству, предоставляю судить читателю. Нужно къ этому присовокупить, что въ частяхъ неизбѣжны люди, дурно стрѣляющіе не по нерадѣнію, а по природной неспособности; спрашивается, согласно ли съ здравымъ смысломъ препятствовать человѣку выучиться стрѣлять хоть дурно изъ-за того, что онъ не можетъ стрѣлять хорошо? Имѣя дѣло съ массою, должно при опредѣленіи метода занятій соображаться съ слабѣйшими, а не съ сильнѣйшими изъ единицъ, ее составляющихъ. Взявъ это въ разсчетъ, вѣроятно согласятся, что выбивка условій, будучи дѣломъ, полезнымъ стрѣлковой, положительно вредна солдатской спеціальности. И въ этомъ смыслѣ смотры, побуждающіе всю часть хотя нѣсколько заняться стрѣльбою на дальнія дистанціи, положительно полезны.

На это давно бы слѣдовало обратить вниманіе; къ сожалѣнію, у насъ стремленіе ко всѣмъ возможнымъ спеціализмамъ, кромѣ солдатскаго, такъ сильно, что до послѣдняго никому нѣтъ пока никакого дѣла. А между тѣмъ не трудно понять, что тонкая стрѣльба, въ военной сферѣ, ничѣмъ не будетъ лучше тонкостей въ стойкѣ, маршировкѣ и т. п. И то, и другое—увлеченіе спеціальностью, одностороннею относительно солдатскаго боеваго дѣла; и то, и другое развивается не иначе, какъ на счетъ послѣдняго. Какъ прежде шагисты говорили: ничто такъ не портитъ войска, какъ война, такъ теперь стрѣлки тоже самое скажутъ, потому что на войнѣ тонкая стрѣльба потеряется и процентныхъ оцѣнокъ выводить не будетъ никакой возможности.

И въ этомъ отношеніи нельзя не преклониться передъ тактомъ французовъ, изумительно вѣрнымъ во всемъ, касающемся военнаго дѣла. У нихъ нѣтъ выбивки условій, потому что: 1) понято, до какой степени безчеловѣчно думать о наибольшихъ процентахъ тамъ, гдѣ нужно прежде всего позаботиться о наибольшемъ обезпеченіи каждой единицы отъ врага; 2) понято, до какой степени неосновательно давать художественное направленіе въ солдатскомъ дѣлѣ какой бы то ни было изъ частей, его составляющихъ.

Упражненіе въ стрѣльбѣ для солдата не есть обязанность, а право, потому что отъ большаго или мѣньшаго искусства въ ней зависитъ въ дѣлѣ самая его жизнь; и лишеніе его возможности стрѣлять наравнѣ съ его товарищами составляетъ такое же посягательство, какъ невыдача чего бы то ни было, слѣдующаго ему по положенію. Только горячка наибольшихъ процентовъ могла потемнить эту истину, помнить которую—первый долгъ всякаго начальника.

До какой степени система выбиванія условій мало подходитъ ъдъ военныя требованія, достаточно привести слѣдующій фактъ:

Въ 1860 году изъ батальона силою въ 904 человѣка, стрѣляя ь условія, дошло: до 1200 шаговъ—199 ч.; до 800—105 ч.;) 700—89 ч.; до 600—101 ч.: до 500—100 ч.; до 400—111 : до 300—95 ч.; до 200—70 ч.; остались на 100 шагахъ— 4 ч. Слѣдовательно до 600 ш. и далѣе доведено всего 494 че-овѣка, т. е. нѣсколько болѣе половины, а окончили свое обра-ованіе всего только 0,22 батальона, т. е. менѣе четверти.

Нужно при этомъ взять въ разсчетъ, что приведенныя цифры ияты изъ стрѣлковаго батальона, считаемаго единогласно однимъ ъ лучшихъ, и составленнаго изъ прослужившихъ пять лѣтъ сол-ать; что же будетъ, когда вмѣсто нхъ прибудетъ молодежь?

Солдатъ долженъ кончать полный курсъ своего образованія въ еченіе двухъ лѣтъ; да и такъ никто не можетъ поручиться за о, чтобы ему не пришлось доканчивать образованіе въ бою, гдѣ же поздно учиться, а нужно дѣйствовать; система условій раз-читана на нескончаемый миръ и на достиженіе совершенства, озможнаго только на мирныхъ смотрахъ.

Другой недостатокъ системы условій, по нашему мнѣнію, не енѣе важный, заключается въ томъ, что она сама собою состав-яетъ одну изъ самыхъ тонкихъ штукъ, способствующихъ блестя-щимъ смотровымъ показамъ, и вотъ почему: благодаря «выбиванію» словій, лучшіе стрѣлки практикуются на дальнія дистанціи чуть е сначала лѣта; худшіе иногда совсѣмъ до нихъ не доходятъ, е только въ одно лѣто, но иногда и въ теченіе всей службы. Между тѣмъ на смотрахъ всѣ стрѣляютъ на дальнія дистанціи; ювидимому это невыгодно для процентныхъ содержаній,—ни чуть е бывало: выгодно, и весьма. Положимъ, при равномѣрной для сей роты практикѣ на дальнюю дистанцію, при всей тщательности анятій (ружья пристрѣляны хорошо, патроны точны, порохъ одно-бразный, пули отлиты отлично, заряженіе тщательно, прицѣливаніе спускъ курка хороши), вы можете сдѣлать 20^0_0; начальство тре-уетъ 25^0_0. Представляется къ рѣшенію задача: какъ достигнуть того, не прибѣгая къ фокусамъ, для начальника неблаговиднымъ, акъ лишнія пули, перебѣганіе людей и тому подобное?...

Задача эта разрѣшается просто по правиламъ смѣшенія.

Положимъ, что безъ всякой практики на дальнія дистанціи, при одной практикѣ на ближнія, половина роты можетъ попасть на сказанную дистанціе 8^0_0; спрашивается: до какой степени ис-кусства нужно довести остальную половину роты, чтобы въ суммѣ получить 25^0_0?

Если на смотру выпускаемъ двѣ пули, получимъ: вся рота, выпуск. 300 пуль, должна попасть 75 или 25%. Полъ-роты, выпуск. 150 пуль, попадаетъ..... 12 пуль, или 8%. Слѣдов., остальныя полуроты; выпуск. 150 пуль, должны попасть... 63 пули, или 42%.

Примѣч. Рота принята силою въ 150 человѣкъ.

Вотъ къ чему ведетъ выбиваніе условій; производящій смотръ, получивъ желанные 25%, воображаетъ, что рота очень хорошо стрѣляетъ, а оказывается, что стрѣляетъ только половина роты, а остальная половина весьма и весьма плохо.

Вотъ вамъ и фокусъ, и притомъ не только не противный всѣмъ правиламъ оцѣнки, а напротивъ, основанный на точномъ смыслѣ превосходной системы выбиванія.

Можно ли было бы благодарить ротнаго командира, который имѣя въ виду получить лучшіе проценты, и зная, что 75 человѣкъ легче, напр., довести до 60%, нежели 150 до 30%, отобралъ бы 75 способнѣйшихъ и съ ними бы и занялся, а остальнымъ винтовки бы въ руки не далъ? А вѣдь выбивка условій основана на томъ же принципѣ, только меньше ему послѣдовательна. Не напоминаютъ ли стрѣлки, выученные подобнымъ образомъ, многочисленныхъ хоровъ музыки, въ которыхъ играютъ весьма не многіе, а остальные прикладываютъ только инструменты къ губамъ?... А между тѣмъ и за эту штуку винить никого нельзя, потому что, опять-таки, она есть не болѣе, какъ слѣдствіе оцѣнки, не соображенной со свойствами стрѣльбы и съ тѣмъ мѣстомъ, которое она занимаетъ въ солдатскомъ боевомъ дѣлѣ. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, мы сами не вѣдаемъ, что творимъ.

Авторъ заключаетъ свою статью весьма вѣрнымъ, хотя къ сожалѣнію не довольно рѣшительно высказаннымъ мнѣніемъ, что единственная стрѣльба, дѣйствительно заслуживающая смотра высшихъ начальниковъ, есть стрѣльба съ разстояній, опредѣляемыхъ на-глазъ самимъ стрѣлкомъ. Къ сожалѣнію, и именно вслѣдствіе этой нерѣшительности, онъ допускаетъ раздѣленіе стрѣльбы на роды, хотя и вооружается противъ одного изъ нихъ, второго. Нисколько не отвергая, что этотъ «второй» родъ вреденъ, мы полагаемъ, что вообще раздѣленіе стрѣльбы на роды безполезно. Соглашаясь съ тѣмъ, что «второй» родъ стрѣльбы пріучаетъ людей къ суетливости, мы должны замѣтить однако же, что послѣдняя гораздо болѣе происходитъ отъ частыхъ упражненій въ холостой стрѣльбѣ. Въ этой стрѣльбѣ войска практикуются гораздо больше, чѣмъ въ боевой, и по этому, естественно переносятъ привычки, тамъ усвоиваемыя, и на послѣднюю, какъ только производятъ ее изъ сомкнутаго строя.

Это указываетъ на новую сторону въ стрѣлковомъ дѣлѣ: на ъдъ, причиняемый боевой стрѣльбѣ холостою. Холостой выстрѣлъ ть не болѣе, какъ составная часть боеваго, и, посмотрите, къ му приводитъ упражненіе въ этой новой спеціальности—въ хостой стрѣльбѣ! Цѣль холостаго выстрѣла есть произведеніе звука, ѣдовательно цѣль, если можно такъ выразиться, музыкальная: и тору самому вѣроятно извѣстно, что холостая стрѣльба подчиняется требованіямъ чисто музыкальнымъ, ибо равенство залповъ, непреывность пальбы рядами удовлетворяютъ только уху, но для дѣла зполезны. А между тѣмъ, къ чему ведетъ желаніе непрерывности въ льбѣ рядами? Къ требованію, чтобы люди заряжали какъ можно орѣе, стрѣляли какъ можно чаще; результатъ—небрежное заряаніе, совершенное отсутствіе мысли о прицѣливаніи и о другихъ ловіяхъ полнаго выстрѣла—боеваго. Все это, при усиленномъ ражненіи въ холостой стрѣльбѣ, не можетъ не обратиться боье или менѣе въ привычку, которая неотразимо дѣйствуетъ и при роизводствѣ боевой стрѣльбы изъ строя. Такимъ образомъ усвоваются дурныя привычки людьми, да вдобавокъ портится оружіе. отъ послѣдствія спеціализма въ области стрѣльбы: нѣчто подобое неизбѣжно, когда сама стрѣльба обращается въ спеціализмъ ь области солдатскаго дѣла.

Говоря о родахъ стрѣльбы, авторъ дѣлаетъ совершенно вѣрое замѣчаніе, что должно ограничить стрѣльбу сидя и въ лежаемъ положеніи, ибо на мѣстности перемѣнчивой умѣющій стрѣять стоя не затруднится, при возможности, выстрѣлить лежа и дя, чего нельзя сказать на оборотъ. Искренно можно поблагоарить автора за эту непослѣдовательность принципамъ, руководившимъ имъ при составленіи статьи. Если бы онъ чаще обращался къ боевымъ условіямъ, не защищалъ бы онъ процентной цѣнки и педантической обстановки смотровъ. Можно положительно сказать, что другой учебной стрѣльбы, какъ стоя, быть не олжно.

Къ сожалѣнію, авторъ, продолжая развивать свою мысль, обаружилъ еще одно убѣжденіе, принадлежащее германской системѣ воспитанія войскъ, убѣжденіе въ томъ, что необходимо солдау показать какъ прилечь, какъ сѣсть, какъ упереть ружье, а то амъ, пожалуй, не догадается. Онъ считаетъ полезнымъ съ этою ѣлью «подъ конецъ практическихъ занятій устраивать плетни различной вышины, вкапывать колья съ сучьями, дѣлать различныя насыпи» и т. п. Помилуйте! неужели вы считаете такія тонкости необходимыми для людей, которые такъ выпускаютъ лишніе патроны и перебѣгаютъ на смотрахъ, что замѣтить нельзя? Та-

кихъ нечего водить за руку, а нужно только умѣть направлять ихъ богатую сметку и расторопность на дѣльные предметы. Выиграете вдвойнѣ: не будетъ плутней и дѣло пойдетъ превосходно въ боевомъ смыслѣ. Средство для этого есть—дѣлайте ученья съ боевыми патронами на различной мѣстности: тутъ не нужно будетъ заботиться, когда кому стрѣлять и въ какомъ положеніи; всякій изъ стрѣлковъ самъ это опредѣлитъ, какъ онъ будетъ опредѣлять это въ бою. Странно офицеру, и вообще обучающему, руководить солдата въ мирное время въ томъ, въ чемъ онъ долженъ быть на дѣлѣ самъ полнымъ распорядителемъ. Не значитъ ли это съ выходомъ въ дѣло дать ему полное право сказать, что его именно тамъ и не руководятъ, гдѣ онъ болѣе всего будетъ нуждаться въ руководствѣ, пріученный къ вѣчной опекѣ въ мирное время? Что же до мѣста, оно всегда найдется: у насъ пустырей не искать стать. Правда, для этого придется раздѣлить лагерь; но вѣдь давно уже признано, что сосредоточеніе слишкомъ значительныхъ массъ войска въ одномъ мѣстѣ гораздо болѣе причиняетъ вреда, нежели приноситъ пользы всѣмъ отдѣламъ образованія, а стрѣльбѣ болѣе, нежели чему-нибудь.

Насъ могутъ спросить: если оцѣнка и классификація по процентнымъ содержаніямъ не соотвѣтствуютъ ни русскому характеру, ни свойствамъ стрѣльбы, то какою же должно замѣнить ее? Находить отрицательныя стороны не трудно; нельзя ли сказать что-нибудь положительное? Можно и должно. Для этого намъ необходимо предварительно предложить на разрѣшеніе нѣсколько вопросовъ:

1) Есть ли части старательныя и части лѣнивыя, какъ то встрѣчается между отдѣльными людьми? Намъ кажется, что нѣтъ; что относительно старанія всѣ части совершенно одинаковы, и разница въ видимыхъ успѣхахъ опредѣляется не столько степенью старанія, сколько случайными причинами: случайно-хорошимъ составомъ людей и офицеровъ, удобствами стоянки и т. п.

2) Можетъ ли быть дѣйствительная разница въ стрѣльбѣ, при одинаковыхъ средствахъ къ упражненіямъ въ ней? Нѣтъ; самъ авторъ въ этомъ сознается на стр. 97-й своей статьи.

3) При тѣхъ случайностяхъ, отъ которыхъ зависитъ стрѣльба и которыя совершенно внѣ власти человѣка, можно ли поручиться впередъ съ точностью до 10, 15% за результатъ стрѣльбы въ данномъ случаѣ? Нѣтъ. А въ такомъ случаѣ какой смыслъ можетъ имѣть оцѣнка съ точностью до сотыхъ долей процента? Никакого, кромѣ доставленія охотникамъ ариѳметическаго наслажденія выводить процентныя содержанія и дѣлать классификаціи, въ

торыхъ относительное достоинство опредѣляется разницею не въ
) или 20%, а иногда въ 1%. Эта мнимая точность есть собственно грубѣйшая неточность, потому что ею приписываютъ исусству стрѣлять то, что, можетъ быть, произошло отъ свойствъ ороха, свинца, однимъ словомъ, отъ той бездны случайностей, которыя ни придвидѣть, ни отвратить нѣтъ возможности.

Нынѣшній лагерь показалъ это прекрасно: части, неоспоримо учшія по занятіямъ, какъ всѣ сознаютъ, не всегда стояли лучими по оцѣнкѣ; можетъ ли она послѣ этого имѣть какое либо аченіе?

4) Для кого солдатъ учится стрѣлять? Для себя, потому что ъ этомъ одинъ изъ залоговъ спасенія его на войнѣ.

5) Какъ отражается оцѣнка на частяхъ? Вселяетъ унынie въ ихъ изъ нихъ, которымъ не посчастливилось; ведетъ иногда къ аздору и враждебному расположенію между частями, къ подоительности на счетъ штукъ тамъ, гдѣ ихъ иногда и не было, и, аконецъ, къ неодолимому стремленію нѣкоторыхъ подняться на туки.

Если части всѣ одинаково старательны, если онѣ стрѣляютъ ь сущности болѣе или менѣе одинаково, ибо разница обусловливается неотразимыми случайностями; если, наконецъ, эти случайности до такой степени прихотливы и многочисленны, что ельзя ручаться за разницу даже въ 10, 15%, то ясно, что:

1) Оцѣнки, основанной на соревнованіи, для частей быть не олжно, т. е. не должно дѣлать классификаціи, а тѣмъ болѣе разицы въ денежной наградѣ. Только успѣхи слишкомъ слабые олжны вести къ мѣрамъ объ увеличеніи ихъ. Результаты же чезчуръ блестящіе не должны обращать никакого особеннаго вниманія: кто хорошо стрѣляетъ, ему же лучше будетъ, когда въ ѣло пойдетъ. Вотъ награда за хорошую стрѣльбу. Эта оцѣнка авно уже у насъ существуетъ относительно фронтоваго образованія: хвалятъ не всѣхъ одинаково. Этого прекраснаго правила олжно держаться и въ стрѣльбѣ, иначе поползновеніе къ проѣлкамъ неизбѣжно.

2) Оставить только Высочайшіе смотры и то ни въ какомъ лучаѣ не назначая заблаговременно ни времени, ни мѣста, ни орядка ихъ производства. Остальные начальники могутъ гораздо ѣйствительнѣе видѣть успѣхи стрѣльбы, присутствуя на домашей стрѣльбѣ, нежели дѣлая смотры. На смотрахъ неизбѣжно стремленіе показать часть въ наисовершеннѣйшемъ видѣ, т. е. не въ омъ, въ какомъ она дѣйствительно находится: это стремленіе ле-

жить въ самой идеѣ смотра. На домашнихъ ученьяхъ и люди, и офицеры видиѣе, чѣмъ на смотру.

3) Уничтожить систему выбиванія условій, какъ препятствующую строгой одинаковости упражненія въ стрѣльбѣ всѣхъ людей.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ солдатской практикѣ только та оцѣнка хороша, которая даетъ понятіе о степени готовности солдата къ бою. Нынѣшняя оцѣнка достигаетъ ли этой цѣли? Нѣтъ, она положительно безполезна въ смыслѣ окончательнаго вывода о совершенствѣ войскъ.

Если бы опредѣляли, въ какой мѣрѣ солдатъ умѣетъ соединять стрѣльбу съ маневрированіемъ—т. е. въ какой мѣрѣ пріученъ и сигналъ или команду исполнить, и удобное мѣсто для выстрѣла выбрать, и примѣниться на немъ, и опредѣлить разстояніе, и наконецъ выстрѣлить, не упуская въ то же время изъ виду, что вправо и влѣво дѣлается—тогда оцѣнка дѣйствительно была бы плодотворною. Но тогда обращали бы больше вниманія на спокойствіе исполненія, ловкость и сметливость при соединеніи этихъ многоразличныхъ отдѣловъ въ одно цѣлое, а не на то, сколькими нулями у кого больше или меньше въ мишени.

Но для этого должно было бы дѣлать ученья съ боевыми патронами; другаго выстрѣла, кромѣ боеваго, изъ ружья не дѣлать; штыка, иначе какъ для удара, не уклонять; однимъ словомъ, все употреблять сообразно назначенію: такъ, какъ прійдется употреблять противъ непріятеля, Нельзя передъ непріятелемъ утромъ отманеврировать, вечеромъ отстрѣлять, на слѣдующій день показать фехтованіе на штыкахъ. Не должно на этомъ останавливаться и въ мирное время: разъ окончена подготовительная работа по каждому изъ этихъ отдѣловъ, должно соединять ихъ въ одно такъ, какъ то дѣлается передъ непріятелемъ. Будемъ надѣяться, что когда нибудь дойдемъ до этого.

1862 годъ.

Объ атакахъ и оборонѣ *).

Примѣчаніе переводчика. Предлагая нашимъ читателямъ переводъ статьи Guingret, долгомъ считаемъ оговорить, что старались, по возможности, быть ближе къ подлиннику, и потому сохранили нѣкоторыя выраженія, можетъ быть, нѣсколько цвѣтистыя. Впрочемъ, охотно прощаешь эту цвѣтистость, вспомнивъ, что Генгре говорилъ не по однимъ слухамъ о страшныхъ боевыхъ минутахъ и, конечно, не могъ говорить о нихъ хладнокровно. Эта статья представляетъ образчикъ взгляда боеваго человѣка на оборону и атаку; обративъ вниманіе на разницу между тѣмъ, что считаютъ необходимымъ для успѣха—Генгре съ одной и большая часть теоретическихъ курсовъ тактики съ другой стороны, согласятся, вѣроятно, что статья заслуживала рекомендаціи. Въ послѣднихъ говорятъ,—обыкновенно вскользъ, а иногда и совсѣмъ упускаютъ сказать, — о такихъ вещахъ, какъ рѣшимость начальника вести предпріятіе до конца, умѣнье его же вдохновить своею рѣшимостью часть, необходимость самому сдѣлать рекогносцировку передъ обороною или атакою, сказать каждой части ея назначеніе, сообщить свои планы младшимъ по себѣ,—у Генгре это становится на первомъ планѣ. Упущеніе это понятно: теоріи создаются болѣе или менѣе въ кабинетѣ, гдѣ войска представляются чѣмъ не безплотными духами, насквозь видящими намѣренія сво-

*) Изъ Spectateur militaire 1835 г.

его начальника, и потому не обращается никакого вниманія на средства дать имъ знать свои намѣренія, внушить имъ свою волю. На практикѣ же самая лучшая мысль, если она безплотна, никуда не годится. Генгре, извѣдавшій это, нестолько занимается тѣмъ, что дѣлаютъ войска, сколько тѣмъ, что долженъ дѣлать начальникъ, чтобы сдѣлать эту инертивную массу гибкою, энергическою, поворотливою и безвозвратно-рѣшительною. Теоретики хлопочутъ объ общей картинѣ, о томъ, что дѣлается въ данномъ случаѣ, относятся къ дѣлу созерцательно; Guingret, напротивъ, прежде всего имѣетъ въ виду какъ сдѣлать; до общей картины, до созерцанія ему дѣла нѣтъ, потому что онъ занятъ достиженіемъ цѣли. Этому недостатку тактическихъ теорій еще много способствуетъ проведенный до крайности аналитическій методъ изслѣдованія, привычка всякому предмету назначать отдѣльную клѣтку, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они нераспутываемо вплетаются одинъ въ другой. Такъ, передъ атакой никакъ не скажутъ о рекогносцировкѣ потому, что на это есть особый отдѣлъ. Даже дѣйствіе — предметъ по преимуществу конкретный — и то изловчились разсматривать чуть не въ безвоздушномъ пространствѣ. При такой системѣ изложенія, конечно, удивительнаго ничего нѣтъ, если теорія не имѣла практической примѣнимости: созерцаніе не есть дѣйствіе и даже не располагаетъ къ нему, потому что располагаетъ къ покою.

Нужно очень внимательно читать жизнеописанія великихъ полководцевъ, изучать войны различныхъ народовъ, сравнивать, часто несходныя, описанія памятныхъ битвъ и сраженій, чтобы едва-едва подмѣтить только нѣкоторыя изъ искръ того вдохновенія, благодаря которому цѣлыя имперіи созидаются и гибнутъ. Да въ добавокъ нуженъ боевой опытъ, чтобы быть въ состояніи отличить произведенное знаніемъ и способностью отъ того, что зависитъ просто отъ случая, который, зачастую безъ толку, разитъ или благопріятствуетъ. Да и что, наконецъ, можно вывести, для будущаго, изъ самыхъ счастливыхъ вдохновеній минуты, если время, обстоятельства, войска и другія данныя боя не могутъ никогда повторяться?

Это-то, безъ сомнѣнія, и давало иногда поводъ утверждать, что войнѣ изъ книгъ выучиться нельзя. Но это относится къ искусству главнокомандующаго. Побѣда требуетъ болѣе генія, чѣм эрудиціи; а никакая книга и никакой учитель генія не даютъ. Научиться быть Александромъ, Цезаремъ, Наполеономъ нельзя.

Но если книги не производятъ великихъ полководцевъ, зато гутъ образовать превосходныхъ офицеровъ для войны. Изученіе игъ облегчаетъ и сокращаетъ уроки опыта, столь трудные, медные и дорого стоющіе. Опытъ развертываетъ военныя способности, но не даетъ ихъ; военныя способности, напротивъ, замѣняютъ продолжительный опытъ, и иногда у самыхъ молодыхъ.

Для изученія войны слѣдовало бы установить принципы и правила *) и привести ихъ въ систему, начиная отъ простаго и переходя къ сложному, какъ то сдѣлано въ другихъ наукахъ. Но какой системы еще нѣтъ, потому что большая часть военныхъ писателей слѣдовала пути противоположному. Многіе изъ нихъ писали объ стратегіи, т. е. о томъ, что долженъ знать генералъ. Цѣль, которую мы предположили себѣ, менѣе возвышенна, менѣе блестяща, но столько же, можетъ быть, полезна.

Мы объяснимъ духъ малыхъ военныхъ операцій молодымъ офицерамъ, которые не имѣли возможности пріобрѣсть большой опытности; мы познакомимъ ихъ съ привычками, нравами, характеромъ войскъ, дабы, при случаѣ, они (офицеры) съумѣли извлечь изъ ихъ достоинствъ и даже недостатковъ наивыгоднѣйшій результатъ.

Цѣль наша—облегчить пониманіе военныхъ предметовъ тѣмъ,

---

*) Очевидно, что это неточность выраженія: правилъ въ практикѣ военнаго искусства быть не можетъ, равно какъ и въ теоріи. Теорія изслѣдуетъ свойства боевыхъ данныхъ, но не можетъ и не должна давать правилъ для приложенія ихъ къ дѣлу, всегда зависящаго отъ случайностей минуты, а данная случайностей не можетъ подлежать изученію теоріи, какъ неподчинимая никакимъ законамъ. Странно говорить о произведеніи, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ множителей котораго совершенно неизвѣстенъ; и тѣмъ болѣе необходимо знать свойства остальныхъ множителей, чтобы не затрудняться въ дѣйствіи, когда минута его настанетъ. Самъ Генгре понимаетъ это такимъ образомъ, что видно изъ предлежащаго текста. Онъ вездѣ говоритъ только о томъ, что нужно для возможнаго обезпеченія успѣха, но нигдѣ не говоритъ въ какую именно минуту рѣшиться на ту, либо другую мѣру; не говоритъ, потому что понимаетъ, во 1-хъ, что это зависитъ исключительно отъ глаза распорядителя; во 2-хъ, можетъ разнообразиться сообразно свойствамъ этого распорядителя. Нельзя найти, можетъ быть, даже двухъ человѣкъ, которые поступили бы одинаковымъ образомъ въ данномъ случаѣ; всякій рѣшается на то, что ему ближе по натурѣ (складъ ума, взглядъ, большая или меньшая рѣшимость, хитрость или прямота), и многіе изъ нихъ достигаютъ цѣли, хотя и различными путями. Теорія же, ища лучшаго разрѣшенія, безсознательно приводится къ числу, будто оно и единственное дающее успѣхъ. Между тѣмъ какъ въ практикѣ нѣтъ лучшихъ разрѣшеній, а есть только необходимыя въ данную минуту. Иной, повидимому, распорядился нелѣпо, а вышло хорошо. Это отступленіе отъ законовъ отвлеченнаго разума обусловливается данною случайностей, подъ вліяніемъ которыхъ успѣхъ можетъ быть одержанъ только силою, столь же безконечно гибкою, какъ сама случайность: живою, энергическою и разсуждающею личностью. Кто перетягиваетъ слишкомъ въ сторону теоріи, тотъ уже этимъ самымъ отрицаетъ случайности и ихъ противовѣсъ—личность,—и съ каждымъ выходомъ въ область практики бываетъ битъ безъ пощады.

Прим. Перев.

которые посвятили себя защитѣ родины, и сдѣлать ихъ искусными боевыми офицерами, способными примѣнять въ дѣлѣ общіе совѣты къ частнымъ случаямъ.

Изученія духа мелкихъ военныхъ операцій недоставало многимъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ старой арміи. И зато сколько безполезныхъ потерь, сколько неудавшихся попытокъ, которыя могли бы увѣнчаться успѣхомъ, при меньшихъ усиліяхъ и потерѣ крови....

Духъ мелкихъ военныхъ операцій можетъ быть усвоенъ въ мирное время. Изслѣдованіе этой духовной стороны фактовъ и обстоятельствъ войны дополняетъ храбрость и силу пониманіемъ, слѣдовательно, уменьшаетъ вѣроятности неудачи и увеличиваетъ вѣроятности славы.

Выводя правила и совѣты изъ дѣйствительно бывшихъ примѣровъ, невольно подготовляешься къ выбору лучшаго способа исполненія въ данномъ случаѣ, сообразно духу и характеру послѣдняго.

И такъ, въ книгахъ можно почерпнуть, съ теоріей опыта, и прекрасные практическіе совѣты; но только подъ пулями и ядрами можно достойно довершить свое боевое воспитаніе. Только тамъ можно пріучиться обсуждать спокойно и быстро, рѣшаться мгновенно и вѣрно: хвататься за благопріятный случай, не упускать его, и въ какихъ бы-то ни было обстоятельствахъ быть одинаково хладнокровнымъ и рѣшительнымъ въ исполненіи. Крещеніе огнемъ обратитъ ученаго въ достойнаго боеваго человѣка; но, безъ науки, пули и ядра и изъ самаго храбраго не сдѣлаютъ искуснаго офицера: передъ непріятелемъ посредственность ростетъ также, какъ и достоинство.

Чтобы счастливо выполнить данное боевое назначеніе, на какой бы-то мѣстности ни было, прежде всего нужно имѣть въ головѣ и сердцѣ неколебимую рѣшимость вести его до конца, безъ оглядки назадъ. Душа недолго затрудняется въ выборѣ между вѣроятною гибелью и вѣрною славою. Да притомъ, чувство опасности и не волнуетъ того, кто командуетъ; интересъ болѣе могущественный—жажда успѣха—поглощаетъ его: опасеніе неудачи заботитъ: личная же опасность только электризуетъ.

Безъ воли сильной, настойчивой, упорной, атака можетъ кончиться катастрофой отъ малѣйшей случайности; поэтому, къ жаждѣ побѣдить не должно примѣшиваться никакого колебанія, ни тѣни нерѣшительности или сомнѣнія.

Тѣмъ не менѣе, чтобы успѣть въ атакѣ или оборонѣ, недостаточно удовлетворить только этому первостепенному условію, ко-

горое есть хотѣть; но взглядомъ, знакомъ, словомъ и даже спокойствіемъ или молчаніемъ умѣть внушить и подчиненнымъ такую же мощь воли. Нужно мгновенно вдохновить ихъ героическою рѣшимостью побѣдить или умереть. Это господство надъ нравственною стороною войскъ, родственное чудесному, не есть слѣдствіе одного чина или команды. Спокойствіе въ опасности, вѣра въ себя и въ войска, заботливость объ нихъ, знаніе ихъ духа и военныхъ нравовъ, личное достоинство, очаровываютъ и покоряютъ массы. Иной сразу пріобрѣтаетъ на войска такое чарующее вліяніе, какъ будто только этимъ и занимался. Другіе, бывъ одарены менѣе счастливо, пріобрѣтаютъ его мало-по-малу, дѣля съ солдатомъ у бивачныхъ огней хлѣбъ и солому. Наконецъ, есть и такіе, которые, несмотря на всѣ достоинства, навсегда остаются лишенными этого великаго дара. Иногда субалтернъ-офицеръ въ бою увлекаетъ цѣлую дивизію. Лагерная жизнь и безпрерывное столкновеніе съ солдатомъ, привычка къ нему и къ управленію имъ — причиною, что эта великая сила чаще встрѣчается въ строевомъ офицерѣ.

Кто выросъ въ одиночку, тотъ менѣе способенъ понять душу массъ; онъ не всегда умѣетъ даже самъ быть для нихъ понятнымъ, и неодолимое дѣйствіе одного на всѣхъ часто составляетъ единственное условіе, недостающее ему для успѣха. Обладающій этою властью надъ моралью солдата можетъ идти въ опасность не глядя назадъ: войска пойдутъ за нимъ, магически скованныя его волею. Эта сила часто переживаетъ даже того, въ комъ она была. и подъ ея вліяніемъ солдатъ довершаетъ назначеніе, указанное начальникомъ, славно павшимъ въ началѣ дѣла. Даже мстя за него, часть повинуется порыву, имъ внушенному.

Человѣкъ, одаренный способностью этого нравственнаго господства, производитъ его безъ усилія и какъ бы безсознательно; какъ левъ естественно проявляетъ свою силу. Войска слѣдятъ за такимъ человѣкомъ взглядомъ и мыслью; они какъ будто связаны съ нимъ. Они менѣе предпріимчивы, менѣе самоувѣрены, когда этого инстинктивнаго руководителя между ними нѣтъ. Иной командиръ десятеритъ силы и храбрость части своимъ вліяніемъ; нѣсколько ротъ гренадеровъ и Ла Туръ д'Овернь стоили иного корпуса *).

*) Таковъ былъ у насъ, между прочимъ, Суворовъ, нѣсколько лѣтъ прослужившій солдатомъ (не примѣрно, а въ серьезную) и до конца жизни сохранившій привычки массы, надъ которою, какъ извѣстно, имѣлъ магическую власть. Независимо отъ личныхъ качествъ, эта власть коренилась именно въ томъ, что онъ былъ жизнью массы и потому до такой степени сроднился съ ея умственнымъ и нравственнымъ складомъ, что всякое, съ виду иногда странное и непонятное,

Другіе, столь же храбрые, съ большими познаніями, не имѣ этого симпатическаго могущества надъ духомъ войскъ, уничтожа ютъ всю ихъ энергію и постоянно бываютъ биты, не взирая на дѣльныя распоряженія.

И такъ, чтобы успѣть въ какомъ-нибудь военномъ предпріятіи, нужно, кромѣ безвозвратной рѣшимости, еще умѣть увлечь, фанатизировать солдата. Храбрость начальника заразительна. Она электризуетъ массы и вселяетъ въ нихъ страсть къ успѣху.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ долженъ предвидѣть и обдумать всѣ средства, чтобы помочь храбрости и самоотверженію своихъ. Онъ долженъ сообразить все, чтобы сдѣлать тщетными усилія противника, или, по-крайней-мѣрѣ, уравновѣсить предусмотрительными распоряженіями выгоды его позиціи.

Тѣмъ же взглядомъ, который взвѣшиваетъ шансы успѣха, должно взвѣсить и шансы неудачи. Обдумать заблаговременно отступленіе не значитъ еще желать сдѣлать его.

Во всякомъ военномъ предпріятіи, въ атакѣ особенно, должно самому осмотрѣть мѣсто. Часто это условіе успѣха и чести—не довѣрять другому осмотра мѣста и расположенія непріятеля. Даже предполагая, что тотъ, на кого возложенъ осмотръ непріятельской позиціи, всегда сдѣлаетъ его достаточно изблизи, все же онъ сдѣлаетъ его не съ той точки зрѣнія, какъ тотъ, на кого ляжетъ вся отвѣтственность за дѣло. Правило—никогда не полагаться на другихъ въ томъ, что можно видѣть и сдѣлать самому — хорошее правило, на войнѣ въ особенности *).

Много нужно такта, чтобы изслѣдовать мѣстность и расположеніе противника: сущность здѣсь въ томъ, чтобы по открытому глазомъ можно было догадаться объ остальномъ. Въ то же время должно избѣгнуть неудобства возбудить вниманіе противника до атаки; успѣхъ удара зависитъ столько же и отъ неожиданности, сколько отъ силы.

Изслѣдуя атаку и оборону позицій вообще, мы естественно придемъ къ выводу принциповъ и слѣдствій, одинаково примѣнимыхъ къ большей части случаевъ.

Чтобы быть понятнѣе, беремъ за общій примѣръ атаку и оборону холма.

слово его прямо шло къ сердцу этой массы. То, что въ другомъ было бы пошлымъ фиглярствомъ, въ немъ было святою истиной, потому что отвѣчало сокровеннѣйшимъ инстинктамъ массы, глубоко понятымъ, и, главное, было пережито самимъ Суворовымъ, а не только понято. Прим. Перев.

*) Другой можетъ быть и лучше увидитъ, да не такъ какъ нужно, по складу ума и по манерѣ исполнителя приняться за дѣло и вести его. Пр. Пер.

Оборонительный отрядъ, занимающій холмъ, задерживаетъ ачала приближеніе къ своему фронту сильнымъ огнемъ стрѣлъ. Смотря по крутизнѣ ската, ихъ можно расположить въ нѣолько линій, въ шахматномъ порядкѣ. Назначеніе стрѣлковъ зрѣдить ряды наступающаго и произвести, по мѣрѣ приближеія, возрастающій безпорядокъ въ нихъ. За стрѣлками, маскироанныя холмомъ, но довольно близко къ крету, стоятъ войска, нааченныя для схватки съ непріятелемъ. Начальникъ обороны, на олмѣ, внимательно выжидаетъ минуту, чтобы броситься съ залмъ въ штыки на атакующаго, ослабленнаго, запыхавшагося, атаго врасплохъ. Когда атакующій смететъ стрѣлковъ провника; когда, пострадавъ отъ ихъ огня, онъ почти достигаетъ ршины холма и, истощенный, рѣшается на послѣдній порывъ лія и храбрости, тогда-то начальникъ обороны долженъ разомъ инуть свои силы изъ-за закрытія и устремить ихъ въ методичеомъ порядкѣ на врага. На кретѣ вдругъ онъ останавливаетъ съ, и тогда, по сигналу или командѣ, почти въ упоръ, страшный онь жжетъ и громитъ атакующаго.

За взрывомъ этого залпа, отборная часть бросается, очертя олову, на атакующаго. Штыкамъ гренадеръ и вольтижеровъ приадлежитъ честь разорвать, уничтожить, покончить все, что было ощажено пулями.

Но отразившій первую атаку, пусть не увлекается въ преслѣованіи неблагоразумною запальчивостью, если онъ имѣетъ дѣло ъ противникомъ бывалымъ и храбрымъ: вторая атака не замедитъ послѣдовать за первою. Обороняющійся запретитъ поэтому оимъ слишкомъ далеко тѣснить потерпѣвшихъ неудачу; тотчасъ береть свои отборные взводы *) и отведетъ ихъ за прежнее зарытіе; снова расположитъ свои стрѣлковыя цѣпи и приготовится ринять непріятеля какъ въ первый разъ.

Если позиція особенно важна, не позволять непріятелю убиать раненыхъ: видъ ихъ вселитъ безпорядокъ и уныніе во второй атакѣ.

Всѣ части и команды, долженствующія содѣйствовать оборонѣ юзиціи, должны быть предъ атакою предварены, что каждой дѣлать. Необходимо эти части предварить, дабы это не привело ихъ въ уныніе, что стрѣлки, ихъ прикрывающіе, будутъ оттѣснены; но что именно тогда, когда непріятель, считая побѣду

*) Pelotons d'elite, т. е. роты гренадеръ и вольтижеровъ; у французовъ того времени роты были въ одинъ взводъ. Пр. Пер.

въ своихъ рукахъ, приблизится къ крету на двадцать, на тридцать шаговъ разстроенный, истощенный, онѣ встанутъ въ неодолимомъ порядкѣ, бросятся на него, разразятъ огнемъ и покончатъ штыкомъ то, что осмѣлилось бы держаться, не взирая на рѣшительность удара.

Головы оборонительныхъ колоннъ, со стрѣлками по флангамъ, получаютъ приказаніе ударить въ штыки тотчасъ послѣ залпа. Вторая линія подкрѣпленій остается на позиціи, готовая поддержать своихъ или сдѣлать бѣгство непріятеля болѣе кровавымъ.

Надежный и стойкій резервъ долженъ быть массированъ за аванъ-сценой боя; предводимый испытаннымъ командиромъ, онъ бросится въ рѣшительную минуту туда, гдѣ понадобится довершить успѣхъ послѣднимъ мощнымъ усиліемъ. Кромѣ того, онъ имѣетъ назначеніемъ и прикрытіе сбора дѣйствовавшихъ войскъ.

Въ оборонахъ этого рода каждая часть должна заблаговременно знать свою роль, потому въ особенности, чтобы свободный отъ всѣхъ мыслей, всякій боецъ, отъ перваго до послѣдняго, могъ предаться весь безраздѣльно своей храбрости и заниматься только однимъ—уничтоженіемъ врага.

Первый успѣхъ обороны поднимаетъ духъ, десятеритъ силы. Гордый сохраненіемъ ввѣреннаго ему поста, каждый жаждетъ новой атаки, чтобы одержать новую побѣду. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, въ которыя чувство, наполняющее душу послѣдняго солдата, сторицею вознаграждаетъ за все, что только тяжкаго имѣетъ въ себѣ война.

Такова должна быть оборона позиціи, принимая послѣднее слово въ смыслѣ мѣста, занимаемаго небольшою частью. Духъ этой обороны легко примѣнить ко всѣмъ частнымъ случаямъ мѣстности, идетъ ли дѣло о какомъ либо мѣстномъ рубежѣ, холмѣ, опушкѣ лѣса, укрѣпленіи и проч.

Духъ этихъ оборонъ можно вкратцѣ очертить такъ: огнемъ стрѣлковъ поколебать и разстроить ряды атакующаго, по мѣрѣ его приближенія; внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не обошелъ позиціи; имѣть добрый и надежный резервъ; маскировать главную часть своихъ силъ; держать ихъ всегда въ рукѣ, какъ кистень надъ головою непріятеля; подстеречь удобную минуту и броситься дружно и неожиданно на врага именно тогда, когда онъ воображаетъ, что преодолѣлъ всѣ препятствія; разстрѣлять въ упоръ головы его колоннъ и затѣмъ сцѣпиться съ нимъ грудь съ грудью прежде нежели онъ опомнится; не завлекаться преслѣдованіемъ, быстро сплотиться подъ прикрытіемъ резерва; возстановить и улучшить первоначальное расположеніе.

Слѣдуя этой оборонительной системѣ, одни и тѣ же англо-португальскія войска отразили, почти одна за другою, при Сюбири (Çubiry) предъ Пампелуной, 27 іюля 1813, нѣсколько энергическихъ атакъ, исполненныхъ неоспоримо лучшими и неустрашимѣйшими войсками эпохи. Три или четыре раза наши колонны взбирались по скату возвышенности, запирающей входъ въ Пампелунскую долину; и каждый разъ, не доходя шаговъ 20 до вершины, были опрокидываемы одними и тѣми же войсками, слабѣйшими числомъ и, безъ сомнѣнія, мужествомъ, но искусно направляемыми.

Дивизія Фуа (Foy), къ которой мы принадлежали, стояла на горѣ, въ милѣ оттуда. Наши взгляды были прикованы къ мѣсту побоища. Сердце обливалось кровью, при видѣ такой храбрости и столькихъ усилій, пропадавшихъ задаромъ, по недостатку толка и предусмотрительности въ планѣ и исполненіи атаки. Мы видѣли какъ на ладони, что нужно было сдѣлать, чтобы успѣть, и это не было сдѣлано ни разу. Что въ это время долженъ былъ чувствовать маршалъ Сультъ, находившійся на другомъ холмѣ, за атакою, въ разстояніи поддержки, видя, какъ далеко не соотвѣтствуетъ распорядительность начальниковъ боевому увлеченію и храбрости войскъ? Новая атака, лучше соображенная, была сдѣлана по приказанію маршала. Атака удалась бы сразу, бывъ поведена такимъ образомъ; но первый успѣхъ придалъ англо-португальцамъ увѣренность и героическую силу; они успѣли подвести подкрѣпленіе, да притомъ каждый защитникъ стоилъ вдесятеро противъ того, чѣмъ былъ до дѣла. Такъ, что наши колонны едва достигли вершины, какъ снова были опрокинуты и потѣснены до самой подошвы холма. Этотъ успѣхъ англо-португальцевъ не только сдѣлалъ ихъ лучшими солдатами, но тѣ изъ нашихъ, которые были въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, потеряли свое значеніе; и хоть численныя потери не были особенно велики, наши войска на утро послѣ сраженія были далеки отъ того, чѣмъ были наканунѣ. До такой степени справедливо, что находчивость и нравственная сила войскъ значатъ гораздо больше числа.

Всѣ послѣдовательныя атаки на этотъ холмъ, составлявшій правый центръ непріятельской линіи, были изолированы; ни одна, исключая послѣдней, не была серьезно поддержана никакой диверсіей.

Какъ ни страшенъ этотъ способъ обороны, тѣмъ не менѣе возможно достигнуть успѣха атакою; но для этого должно, чтобы соображеніе, методъ, порядокъ, совокупность и выборъ минуты стали первостепенными условіями. Должно въ особенности, чтобы рвеніе и увлеченіе начальниковъ были на высотѣ того, чего они

ждутъ отъ войскъ, и чтобы начальники не требовали отъ доблести войскъ того, что свыше силъ человѣческихъ, какъ-то было сдѣлано въ сраженіи при Буссако.

Хотя въ дѣлѣ сила и доблесть раздражаются и растутъ съ препятствіями; хотя сердце черпаетъ часто въ самой опасности энергію, способную преодолѣть то, что сразу кажется невозможнымъ, должно однако остерегаться оцѣнивать слишкомъ высоко сумму усилій, которыхъ можно ожидать отъ части. Кто требуетъ отъ войскъ больше чѣмъ они могутъ выполнить, тотъ лишаетъ ихъ нравственнаго могущества, которое вѣра въ начальника прибавляетъ къ ихъ собственному мужеству.

На кого возлагается веденіе атаки, тотъ долженъ съ быстрою прозорливостью вызнать мѣсто и расположеніе противника. Если ему нѣтъ возможности сдѣлать этого съ какого нибудь сосѣдняго пункта, онъ долженъ сдѣлать рекогносцировку мысленную и принять мѣры въ томъ предположеніи, что непріятель расположился наилучшимъ образомъ. Этимъ путемъ планъ и развитіе атаки невольно станутъ въ уровень съ сопротивленіемъ.

Атака, на сколько то возможно, приготовляется скрыто отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Войска сосредоточиваются на возможно меньшемъ пространствѣ; цѣпь стрѣлковъ распредѣляется на три части: средняя прикрываетъ фронтъ атаки; остальныя двѣ, правѣе и лѣвѣе ея, поддержанныя резервами, назначаются чтобы безпокоить фланги непріятеля и охватывать ихъ въ послѣдній моментъ кризиса.

Вмѣстѣ съ распредѣленіемъ стрѣлковъ и колонна принимаетъ штурмовой порядокъ: голова колонны въ развернутомъ строѣ, съ вздвоенными за флангами взводами или полувзводами, остальная часть атаки въ сомкнутой колоннѣ, въ 15 или 20 шагахъ позади. Затѣмъ вся атака двигается впередъ, въ строгомъ порядкѣ, не ускоряя шага; и въ грозномъ молчаніи. Войска, начинающія бить атаку слишкомъ издали, еще скорѣе бываютъ опрокидываемы, чѣмъ шли впередъ. Только не доходя 100 шаговъ до вершины, начинаютъ бить атаку; тогда шагъ становится порывистѣе, короче; ряды смыкаются; порядокъ крѣпнетъ; люди удвоиваютъ вниманіе и сохраняютъ спокойствіе, предшествующее удару грома.

Ходъ атаки смелъ стрѣлковъ непріятельскихъ; только храбрѣйшіе изъ нихъ стрѣляютъ еще изъ-за крета въ атакующихъ. Эта минута не смертоносна и ею можно бы пользоваться, чтобы дать вздохнуть войскамъ, если только послѣднія надежны, т. е. обстрѣляны. Но критическая минута наступаетъ: минута страшной свалки, въ которой не число рѣшитъ успѣхъ. Сцена боя все

становится меньше и меньше и останется за тѣмъ, кто обнаружитъ болѣе хладнокровія и ожесточенія въ одно и то же время.

Невыгоды положенія атакующаго почти исчезаютъ въ эту минуту, и тотъ изъ двухъ противниковъ дастъ тылъ, кто болѣе подверженъ страху. Если атакующіе сохранили строгій порядокъ, если они безстрастно выносятъ огонь передъ свалкой, если они не только сопротивляются попыткѣ непріятеля ихъ опрокинуть, но напротивъ сами тѣснятъ и рѣшительно атакуютъ его, шансы успѣха становятся одинаковы. Изъ этого вытекаетъ обязанность, которую остается выполнить атакующему въ моментъ свалки.

Стрѣлки быстро очищаютъ фронтъ колоны и пристраиваются къ флангамъ: ихъ ближній огонь безпокоитъ оборонительную колонну, которая подается къ крету.

Между тѣмъ голова атаки, по командѣ начальника, изготовилась къ залпу въ ту самую минуту, какъ обороняющійся, поколебленный, также приготовляется выстрѣлить. Начальникъ атаки долженъ предупредить залпъ противника своимъ, дабы не дать опомниться врагу. Этотъ залпъ долженъ служить наступающему сигналомъ атаки насквозь и штыковой работы.

Хотя и вѣроятно, что обороняющійся не устоитъ противъ подобной атаки, однако нужно быть готовымъ и на то, еслибы онъ употребилъ самыя энергическія усилія, чтобы отстоять свою позицію. Итакъ, если онъ упорствуетъ въ продолженіи сопротивленія, если онъ рѣшительно противупоставляетъ штыкъ штыку, наступающему остается явить себя достойнымъ подобнаго противника. Всякое колебаніе въ сторону, передъ минутой, въ которую побѣда увѣнчаетъ храбрѣйшаго...

Въ этотъ послѣдній періодъ атаки, періодъ рукопашный, скатъ благопріятствуетъ наступающему, прикрытому своими штыками и работающему ими снизу вверхъ; да и залпъ обороняющагося передъ свалкою, сверху, частью летитъ черезъ головы штурмующихъ, между тѣмъ, какъ ихъ выстрѣлы, снизу вверхъ, на столь близкомъ разстояніи всѣ попадаютъ *).

Случается иногда съ молодыми войсками, что они, рѣшительно взобравшись и давъ залпъ, даютъ тылъ и бѣгутъ неудержимо, видя, что непріятель не поворотилъ. Избѣжать подобнаго позора можно, строго предписавъ войскамъ, подъ страхомъ безчестья, не горячиться сначала, подаваться сомкнуто, не стрѣлять ни подъ какимъ

*) Частность, относящаяся только къ атакѣ высотъ. Пр. Пер.

предлогомъ безъ приказанія, и наблюдать до конца мертвое молчаніе.

Должно заблаговременно внушить атакующимъ, отъ перваго офицера до послѣдняго солдата, что благородная роль ихъ въ этой боевой сценѣ кончится только тогда, когда штыки окрасятся кровью непріятеля и когда позиція окончательно будетъ вырвана изъ рукъ его.

На всякій случай, колонна, поддерживающая голову атаки, заблаговременно возьметъ на-руку; дабы, если голова и повернетъ назадъ, она не увлекла бы за собою колонну, въ которой дѣйствительная сила атаки.

Эта сплоченная колонна образуетъ отдѣльную отъ головы часть, и долгъ ея—пройти по трупамъ непріятеля, даже еслибы онъ прорвалъ и опрокинулъ голову атаки.

Эта колонна должна утвердиться на мѣстѣ, во что бы то ни стало, и отстоять его противъ всякой новой попытки непріятеля. Поэтому условіе первостепенной важности, чтобы эта сплоченная масса, надежда и сила атаки, была обезпечена штыкомъ отъ безпорядка, который могли бы поселить въ ней бѣгущіе, въ рѣшительную минуту.

Соображенія высшей важности побуждаютъ насъ формировать отборную отдѣльную часть впереди. Мы не допускаемъ мысли, чтобы отрядъ гренадеръ или вольтижеровъ сдалъ, будучи впереди и въ 15—20 шагахъ отъ гренадеръ или вольтижеровъ другаго полка или даже баталіона *). Не допускаемъ мысли, чтобы нашелся полкъ во французской арміи, гренадеры и вольтижеры котораго задумались бы лечь до послѣдняго, лишь бы дать урокъ храбрости и отваги гренадерамъ другой части. Гдѣ отборныя роты, которыя упустили бы подобный случай утвердить навсегда, въ мнѣніи арміи, превосходство ихъ знамени и честь ихъ номера? Должно умѣть пользоваться качествами войскъ и тѣмъ избыткомъ силъ и доблести, которыя даютъ французамъ самолюбіе, соревнованіе, соперничество и отличительный духъ каждой части.

Начальникъ атаки или обороны не долженъ никогда упускать изъ виду, передъ дѣломъ, объяснить назначеніе отряда и свой планъ исполненія тѣмъ, которые въ случаѣ его смерти должны принять начальство. Неразумно ставить успѣхъ въ зависимость отъ шальной пули. А чтобы побѣдить, начальникъ не долженъ

---

*) Голова атаки взята отъ баталіона 2-й линіи, а боковыя цѣпи съ ихъ подкрѣпленіями отъ баталіона 3-й. Пр. Пер.

щадить себя: необходимо, чтобы онъ былъ въ головѣ атаки, и на лету ловилъ мгновенія, удобныя для удара.

Война есть дѣло такта и минуты,—и въ этой нешуточной игрѣ на жизнь и честь, потеря времени особенно часто ведетъ къ потерѣ партіи.

Очертанія мѣстности, число и качество войскъ, различіе и комбинація разныхъ оружій измѣняютъ предварительныя распоряженія, но не измѣняютъ принциповъ обороны и атаки: они незыблемы.

Благодаря ихъ примѣненію къ дѣлу, 6-й легкій сбилъ англичанъ съ Ахистойской позиціи, 25 іюля 1813 г. И однако ихъ оборона была столь же методична, сколько и мужественна; они употребили въ дѣло тотъ самый огонь, который имъ столько разъ удавался. Возвышенность, преграждавшая дорогу дивизіи Фуа, была крута. Огонь англичанъ не помѣшалъ нашимъ карабинерамъ и вольтижерамъ занять окраину гребня и поражать колонны англичанъ съ весьма близкаго разстоянія. Сильно терпя отъ этого огня, англичане начали отходить отъ гребня, желая завлечь насъ на плато и такимъ образомъ видѣть открытыми. Мы дѣйствительно взобрались. Англичане, ждавшіе этой минуты, вдругъ повернули назадъ, открыли свой огонь и затѣмъ бросились въ штыки на 6-й легкій. По счастью, мы предвидѣли такой пріемъ: вмѣсто замѣшательства и разсыпки, какъ иногда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, мы избавили ихъ отъ труда дѣлать половину дороги. Сцѣпились; была настоящая свалка: дрались на штыкахъ въ-серьезную. Были офицеры, получившіе по пяти штыковыхъ ударовъ въ грудь. Наконецъ Ахистойскій холмъ остался за 6-мъ легкимъ.

Когда можно поставить противника въ весьма затруднительное положеніе, принудивъ очистить сильную позицію обходомъ, должно избѣгать брать быка за рога: погрѣшность слишкомъ частая во французской арміи.

Не должно безполезно расточать храбрость и жизнь войскъ. Войска, которыя начальникъ побережетъ во-время, сами себя не берегутъ, когда доходитъ до дѣла: ихъ самоотверженіе становится безграничнымъ.

Дѣло у Сюбири утвердило насъ въ томъ мнѣніи, что въ атакѣ, какъ и въ оборонѣ позиціи, порядокъ, методъ, совокупность—самые могущественные помощники успѣха, и что часто ожесточеніе (furie) лучшихъ войскъ разбивается и опадаетъ по недостатку толковаго направленія и находчивости со стороны командировъ. Взглядъ изслѣдуетъ, судитъ, отгадываетъ мѣстность и располо-

женіе противника; умѣнье найтись *) предвидить, согласуетъ, направляетъ. Военный взглядъ есть часто даръ природы или плодъ долгаго опыта. Умѣнье находиться можетъ быть пріобрѣтено изученіемъ и размышленіемъ.

*) L'esprit de conduite.

едствахъ способствующихъ развитію тактическихъ познаній въ войскахъ.

Военная игра.

аспространеніе нарѣзнаго оружія, выдвинувъ на первый планъ съ индивидуальнаго развитія вообще, заставило подумать и о ческомъ образованіи собственно. При увлеченіи однимъ мароваціемъ тактическое образованіе привелось къ знанію тонй устава, и это не могло не отразиться вредно на складѣ енной дѣятельности военнаго люда. Придя къ убѣжденію, гройность формъ и движеній составляетъ важнѣйшее въ военобразованіи, естественно поставили себѣ цѣлью достиженіе ей совершенства, мало по малу забыли боевыя цѣли собно и, разумѣется, оказывались несостоятельны, столкнувшись ъ къ лицу съ непріятелемъ.

ри такихъ столкновеніяхъ обнаруживалось, что начальники, ліе превосходно командовать, терялись, когда приходилось оряжаться. Пока столкновенія разыгривались въ нашу пользу, не обращалъ на это вниманія; вспоминали, правда, что а начальникъ части, получивъ приказаніе занять, напр., де-, спрашивалъ на сколько шаговъ за—или передъ нею слѣрасположиться; но это никого не останавливало, потому что ные вопросы приписывались всегда личнымъ свойствамъ воавшаго, а не системѣ образованія.

о пришли затѣмъ времена другія: за каждое слишкомъ ли-е пониманіе назначенія, непріятель сталъ наказывать же-. Замѣтили тогда,—нѣсколько поздно,—что недостатокъ расительности составляетъ общее, а не исключительное явленіе; напротивъ, распорядительность стала исключеніемъ. Тогда нео задали себѣ вопросъ: какъ добиться ея отъ начальниковъ? вилось нѣсколько разрѣшеній этого вопроса, смотря по вкуи взглядамъ каждаго.

Были такіе, которые находили, что если дѣло и шло плохо, то благодаря не ошибочной системѣ образованія, а ея непониманію и тому, что эта система не была примѣнена къ дѣлу съ достаточной послѣдовательностью.

Были и такіе, которые, отправляясь отъ мысли, что успѣхъ въ бою возможенъ только для человѣка нравственно и умственно самостоятельнаго, что кто строитъ военную систему на совершенствѣ выучки и на гнетѣ личности, строитъ на пескѣ,—утверждали, что если таковой самостоятельности не оказалось въ рѣшительную минуту, то потому, что она не требовалась и въ предшествовавшую тому эпоху мирно военной дѣятельности, а напротивъ тщательно искоренялась, какъ нѣчто крайне вредное и благоустроенному войску вовсе ненужное.

Они доходили до того, что утверждали, будто какія либо нормы для маневрированія въ бою частей, бо̀льшихъ одной тактической единицы, не имѣютъ никакого смысла, устраняя для начальниковъ необходимость распоряжаться и доставляя возможность, вмѣсто распоряженій, отдѣлываться автоматически односложной командой; что умъ и воля не только не могли развиться въ подобныхъ тискахъ, а напротивъ, должны были ослабнуть, не находя въ нихъ никакой себѣ гимнастики; и что, слѣдовательно, несостоятельность ихъ, обнаруженная тяжелыми минутами, не есть принадлежность личностей, а слѣдствіе системы, по которой эти личности были приготовляемы къ боевому дѣлу.

При такомъ взглядѣ на дѣло, разрѣшеніе вышесказаннаго вопроса было просто: прежде чѣмъ хлопотать о новомъ, нужно очистить отъ нелѣпостей старое; не притягивать къ развитію насильственно, а похлопотать сначала объ уничтоженіи причинъ, тормозившихъ развитіе въ прошломъ. Думать о какихъ бы то ни было улучшеніяхъ, не начиная ихъ съ измѣненія системы отношеній, значило, по мнѣнію этихъ господъ, то же, что вырывать лѣвой рукой насажденное правой: водотолченіе, которое можетъ быть сравнено только съ шагомъ на мѣстѣ и которое въ конечномъ результатѣ даетъ опять то же самое: умственное и нравственное разслабленіе,—наружный блескъ, внутренній разладъ.

Наконецъ, третьи пришли въ разрѣшеніи того же вопроса къ такому заключенію: и люди хороши, и система прежняя недурна, только неполна—въ ней нѣтъ отдѣла, который имѣлъ бы въ виду развитіе собственно распорядительности. Есть, правда, маневрированіе въ полѣ; но оно требуетъ такъ много мѣста, исполненіе самой незначительной задачи растягивается на такое продолжительное время, сопровождается зачастую такою путаницей, что мане-

ированіе не можетъ быть вполнѣ назидательно для всѣхъ и дѣ-
етъ невозможнымъ передачу дѣла во всей идеальной чистотѣ *).
риняты были, правда, для ослабленія этого неудобства маневри-
ованія мѣры довольно радикальныя, въ родѣ изысканія для ма-
евровъ мѣстъ не слишкомъ пересѣченныхъ и принятія уменьшен-
ыхъ, сравнительно съ боевыми, дистанцій между частями; но все
е это не совершенно освободило практику въ распоряженіяхъ
ъ вліянія пространства и времени: недостатокъ весьма важный
отому въ особенности, что лишаетъ возможности разрѣшить боль-
юе число задачъ.

Сознавъ этотъ недостатокъ разрѣшенія тактическихъ задачъ на
ѣстности и войсками, подумали, нельзя ли его устранить? Нельзя
и придумать такой способъ упражненій, при которомъ можно бы
аневрировать не маневрируя, т. е., не испытывая всѣхъ тѣхъ
репятствій мѣстныхъ и временныхъ, отъ вліянія которыхъ не
вободно ни одно дѣйствительное военное явленіе? При
акомъ способѣ можно было бы рѣшать большое число задачъ,
отя и совершенно не въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ
риходится разрѣшать ихъ на дѣлѣ.

Къ числу жаждущихъ этого улучшенія въ системѣ военнаго
оспитанія принадлежатъ поборники распространенія военной игры
ъ войскахъ; не какъ игры, которою можно заниматься или не за-
ниматься, но какъ обязательнаго отдѣла образованія, долженству-
ощаго даже имѣть рѣшительное вліяніе на назначенія и произ-
одство.

Это послѣднее мнѣніе на очереди въ настоящую минуту; оно
лизко даже къ осуществленію, и потому не лишено будетъ ин-
ереса для военной публики нашей уясненіе вопроса—полезна
ли вредна военная игра; и если полезна, то въ какой именно
тепени?

Со времени приведенія въ систему г. Кузьминскимъ и донынѣ,
оенная игра составляла не болѣе какъ времяпровожденіе для
фицеровъ, ознакомившихся основательно съ военной исторіей,
еоріей тактики и съ топографическимъ выраженіемъ мѣстности;
занимались ею преимущественно на картахъ; впрочемъ въ акаде-
ніи генеральнаго штаба послѣднее время стали заниматься ею и
на моделяхъ.

Теоретическая и въ особенности историческая подготовка была
дѣломъ первой важности при этой игрѣ, какъ предохранительное

*) Т. е., такъ какъ въ дѣйствительности оно не происходитъ.

средство отъ принятія знанія военной игры за знаніе военнаг
дѣла. Исторія, съ той прихотливостью развитія, съ тою неожи
данностью разрѣшеній, которая свойственна всему совершающемус
въ дѣйствительности, предостерегала въ особенности отъ подоб
наго увлеченія.

Въ началѣ нынѣшняго года, г. N. предложилъ распространит
военную игру въ войскахъ, замѣняя карты моделями, какъ болѣ
удободоступными для пониманія безъ предварительной топографи
ческой подготовки; онъ предлагаетъ игру не какъ примѣненіе
изученнаго предварительно, но какъ средство для изуче
нія военнаго дѣла тѣми даже, которые имъ занимались прежд
только съ уставной, а не съ тактической точки. Такимъ образомъ
игра перестаетъ быть игрою, а возводится уже на степень наука
что г. N. и высказываетъ, опредѣляя ее «наукой тактическихъ
стратегическихъ состязаній». Оставляя въ сторонѣ оригинальност
подобнаго опредѣленія, въ силу котораго оказывается, что должна
существовать также и наука состязаній, напр., въ бѣгахъ, пере
хожу: 1) къ усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ г. N. въ военной
игрѣ; 2) къ значенію, которое онъ даетъ этому пріятному и не
винному занятію; и 3) къ предѣламъ, которые ему полагаетъ.

1) Главнѣйшія усовершенствованія заключаются: a) въ весьма
прочной массѣ, изъ которой приготовляются модели, b) въ при
бавкѣ крутизномѣра, необходимаго на съемкѣ и совершенно без
полезнаго при тактическихъ упражненіяхъ; c) въ накладныхъ, раз
рисованныхъ различными мѣстными предметами, свинцовыхъ лист
кахъ, назначенныхъ для видоизмѣненія мѣстности моделей. Улуч
шеніе, менѣе существенное, представляетъ вилочка, разстояніе
между концами которой опредѣляетъ величину двухминутнаго ход
пѣхоты (250 ш.). По рекрутской школѣ скорость движенія 220 ш
въ двѣ минуты; почему допущена г. изобрѣтателемъ вилочки раз
ница въ 30 шаговъ отъ установленной нормы—объяснить трудно
Въ игрѣ это еще можно допустить, потому что тамъ воля воль
ная предполагать даже летающія войска; но занятія обязатель
ныя должно стараться сообразовать другъ съ другомъ такъ, чтобы
подобныхъ противорѣчій не было.

2) Г. N. придаетъ военной игрѣ значеніе, до такой степени
важное, что полагаетъ даже въ унтеръ-офицеры производить не
иначе, какъ по предварительномъ удостовѣреніи въ знаніи вищ
унтеръ-офицеромъ модельной тактики.

3) Предѣловъ военной игрѣ г. N. не полагаетъ; всѣ чины
должны играть въ военную игру по обязанности; разыгрывать
всѣ боевыя явленія, не исключая даже штыковыхъ свалокъ.

Уже давно извѣстно, что всякое нововведеніе въ занятія войскъ должно дѣлать съ крайней осмотрительностью, по зрѣломъ обсужденіи не только одной видимой, осязаемой стороны, но и вліянія его на умственный складъ солдатъ и офицеровъ. Г. N., конечно имѣя въ виду это обстоятельство, исчисляетъ вѣроятныя, по его мнѣнію, послѣдствія распространенія военной игры. Вотъ они:

«1) Она возбуждаетъ умственную дѣятельность и направляетъ ее къ развитію (?) военныхъ соображеній; пріучаетъ вникать въ смыслъ даннаго боеваго порученія, даетъ навыкъ обсуживать: трудности исполненія военнаго предпріятія *); принимать своевременно мѣры предосторожности, быстро и правильно соображать всѣ (?) необходимыя распоряженія при разныхъ обстоятельствахъ, для выигрыша боеваго дѣла.

2) Военная игра пріучаетъ оцѣнивать вліяніе мѣстности на ходъ боя, и къ свойствамъ мѣстности примѣнять: расположеніе, движеніе и дѣйствія войскъ.

3) Военная игра обнаруживаетъ теоретическія познанія въ военномъ искусствѣ и боевую опытность играющихъ **), способствуя при состязаніи (?) соображеній выказать свою находчивость и военный взглядъ (?).

Упражненія въ военной игрѣ подготовляютъ играющихъ быть начальниками, достойными своего званія (???)».

Надежды г. изобрѣтателя такъ велики, что еслибы хотя десятая доля ихъ осуществилась, предложеніе его можно бы было причислить къ благодѣтельнѣйшимъ изъ нововведеній. Къ сожалѣнію онѣ высказаны бездоказательно и невольно представляется вопросъ—дають ли право питать эти надежды какъ свойства самой игры, такъ и свойства человѣческой природы?

Въ предшествующей статьѣ объ образованіи войскъ показано, что даже тѣ стороны образованія, которыя прямо необходимы для достиженія боевыхъ цѣлей, (стрѣльба, фехтованіе, маневрированіе), взятыя отдѣльно, приводятъ къ несообразностямъ, отрицающимъ боевое дѣло собственно ***) и обнаруживаемымъ превратнымъ складомъ

---

*) И слѣдовательно учить исполнителей находить это исполненіе иногда невозможнымъ?

**) Даже когда они боя и въ глаза не видали?

***) Случай доставилъ мнѣ недавно новое подтвержденіе этой истины: по мнѣнію одного изъ стрѣлковыхъ спеціалистовъ, стрѣльба съ неопредѣленныхъ разстояній не есть конечная цѣль стрѣлковаго образованія, но только средство повѣрить людей въ умѣньи опредѣлять разстоянія на глазъ. Мнѣніе, невольно наводящее на мысль, что, напр., и всѣ мы ѣдимъ не для насыщенія собственно, а только для повѣрки—хорошо ли дѣйствуютъ наши челюсти.

понятій; военная игра къ числу этихъ отдѣловъ не принадлежитъ: на практикѣ ничего не приходится разрѣшать шашками и на модели; понятно, до какой степени долженъ быть великъ вредъ отъ увлеченія этою игрою.

Чтобы это показать, должно разобрать: 1) на какое мѣсто военная игра можетъ претендовать въ отдѣлѣ маневрированія; 2) какого именно рода возбуждаетъ она умственную дѣятельность въ играющихъ; 3) кто изъ военныхъ можетъ безнаказанно заниматься ею и какія военныя явленія подчиняются розыгрышу, какія нѣтъ.

Уже извѣстно, что изученіе всякаго предмета начинается съ разложенія его на составныя части, съ изученія каждой порознь и кончается соединеніемъ ихъ въ одно цѣлое. Маневрированіе представляетъ три отдѣла: 1) маневрированіе на мѣстности ровной безъ видимой цѣли, (ученіе безъ примѣненія къ мѣстности), имѣющее цѣлью одно пріученіе къ стройности движенія; 2) маневрированіе на мѣстности пересѣченной также безъ видимой цѣли, (ученіе съ примѣненіемъ къ мѣстности); 3) наконецъ, маневрированіе съ противникомъ *) (маневры). Извѣстно, что каждый изъ этихъ отдѣловъ составляетъ особую науку, которыя враждебны между собою: такъ, послѣ маневровъ является необходимость подтянуть стойку, уравнять шагъ и т. п., иначе не будетъ желаемой стройности на ученіяхъ безъ примѣненія къ мѣстности... Переходя къ ученіямъ съ примѣненіемъ къ мѣстности, приходится отучать людей отъ той неподвижности и однообразія позъ, которыхъ отъ нихъ требовали на ученьяхъ безъ примѣненія къ мѣстности и т. п.

А между тѣмъ эти отдѣлы составляютъ совершенно естественныя части одного цѣлаго и безъ изученія ихъ обойтись невозможно. Остановка на маневрированіи съ противникомъ, не соединенная со стрѣльбой, повела къ системѣ мирно-военной тактики съ ея боязнью обходовъ, преувеличеннымъ значеніемъ численнаго перевѣса, съ остановкою отъ непріятеля въ 50 шагахъ при атакѣ и проч., и проч., не смотря на то, что маневрированіе составляетъ необходимую часть солдатской науки, цѣликомъ примѣнимую къ дѣлу боевому; можно себѣ представить, до какой тактики должна довести военная игра, въ которой нѣтъ ничего общаго съ дѣломъ дѣйствительнымъ.

Изъ этого видно, что военная игра составляетъ занятіе въ полномъ смыслѣ слова примѣрное и относительно маневрированія

*) Здѣсь представлено раздѣленіе, которое въ силѣ теперь; если припомнятъ, у Суворова не было отдѣловъ маневрированія безъ видимой цѣли.

болѣе самостоятельное, чѣмъ было примѣрное заряжаніе ружья, примѣрное отмыканіе штыка относительно дѣйствительнаго заряжанія, дѣйствительнаго отмыканія штыка: тамъ по крайней мѣрѣ обращались съ однимъ и тѣмъ же ружьемъ въ обоихъ случаяхъ. Слѣдовательно, военная игра не можетъ стать не только въ число первостепенныхъ, но даже въ число обязательныхъ отдѣловъ образованія и частыхъ упражненій въ ней должно избѣгать для пользы самого дѣла. Подтвержденіемъ опасности частыхъ въ ней упражненій могутъ служить инструкціи г. N., приложенныя къ его военной игрѣ; онѣ представляютъ цѣлый кодексъ правилъ модельной тактики, неимѣющей, по духу, ничего общаго съ дѣйствительной. Но разборъ инструкцій отнесенъ до слѣдующей статьи; здѣсь предположено прослѣдить общія основанія игры.

2) Какого рода умственную дѣятельность возбуждаетъ игра?

Въ полѣ человѣкъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не потеряться въ пространствѣ, чтобы отдать себѣ отчетъ во взаимномъ отношеніи различныхъ частей его, трудно объемлемыхъ глазомъ и притомъ видимыхъ въ преспективѣ; на модели онъ обнимаетъ разомъ десятки квадратныхъ верстъ, видитъ то, чего на дѣлѣ видѣть не въ состояніи, и притомъ сверху, а не въ преспективѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ линію въ дюймъ онъ долженъ представлять себѣ линіей въ 50,25 саженъ; выпуклость, закрываемую концомъ пальца, довольно большой горой и т. п. И такъ, въ полѣ воображеніе стремится заключить большое въ малый объемъ; на модели—малое представлять большимъ. Понятно, что послѣдней работой оно не только не укрѣпляется къ дѣльной работѣ въ полѣ, а разслабляется, становится къ ней неспособнымъ. Не будетъ слѣдовательно преувеличеніемъ, если къ фразѣ г. изобрѣтателя: «военная игра возбуждаетъ умственную дѣятельность» прибавить: «противоположную той, которая необходима въ полѣ».

3) Кто можетъ безнаказанно заниматься военной игрой, какъ игрой, а не обязательно?

Даже тѣ, которые возятся съ картой цѣлую жизнь, зачастую затрудняются возсоздавать въ воображеніи мѣстность по картѣ или модели; можно себѣ представить, до какой степени усиліе поддерживать въ себѣ эту иллюзію должно быть велико и безполезно для тѣхъ, которые, кромѣ настоящей мѣстности, понимаемой ими очень хорошо, не видали и не понимаютъ никакихъ, болѣе или менѣе изуродованныхъ ея подобій? Для ума простаго, реальнаго *), непривыкшаго ни къ какимъ отвлеченіямъ, вообразить,

*) Какъ у простолюдина.

напр.. что зеленое пятно въ вершокъ не есть зеленое пятно, а лѣсъ въ нѣсколько верстъ въ окружности, вовсе не легко, а главное безплодно; зачѣмъ простолюдину начинать изученіе свойствъ лѣса съ зеленаго пятна, когда, проживъ до 20—25 лѣтъ въ полѣ, онъ очень хорошо понимаетъ, что такое настоящій лѣсъ? Неудивительно, если онъ будетъ путаться на модели въ томъ самомъ, что ни мало не затруднило бы его на мѣстности. А между тѣмъ, добродушный учитель припишетъ это тупости человѣка, а не тому, что, привыкнувъ къ настоящей работѣ, онъ никакъ не можетъ съузить свое воображеніе на столько, чтобы игру въ куклы принимать за настоящую работу. Репутація подобнаго солдата будетъ сдѣлана сразу: не развитъ, не можетъ быть унтеръ-офицеромъ... Прежде чѣмъ валять такимъ образомъ съ плеча, не мѣшало бы подумать—въ чемъ неразвитъ? Ней то же попалъ бы, вѣроятно въ неразвитые за то, что никакъ не могъ взять въ толкъ разницу масштабовъ.

Простолюдина должно стараться учить дѣлу по возможности на самомъ же дѣлѣ. Привыкнувъ съ малолѣтства видѣть вещи не иначе какъ такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, онъ можетъ быть скорѣе испорченъ, чѣмъ развитъ всякимъ занятіемъ, въ которомъ считаютъ за необходимое подчивать его подобіемъ дѣла, вмѣсто самого дѣла. Поверхностныхъ наблюдателей вводитъ въ заблужденіе то, что въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ очень хорошо разсказываетъ на модели, что̀ нужно дѣлать; грустная иллюзія, способная удовлетворить заинтересованное самолюбіе, но ничего недающая на пользу дѣлу; чего не разскажетъ русскій человѣкъ, когда онъ зависимъ?.. Бѣда въ томъ, что противъ непріятеля нужно дѣлать; разговорами отъ него не отдѣлаешься; а доказывать, что умѣнье говорить о дѣлѣ и умѣнье дѣлать дѣло—суть двѣ вещи совершенно различныя и развивающіяся не иначе, какъ одна насчетъ другой, кажется излишне. Можно еще до нѣкоторой степени допустить упражненія, пріучающія только говорить о дѣлѣ, для тѣхъ, которые должны объяснять его другимъ; но для тѣхъ, которые должны быть исполнителями, подобныя, если можно такъ выразиться, болтательныя занятія могутъ быть только вредны, пріучая къ резонерству о дѣлѣ, а не къ самому дѣлу.

Не назоветъ же г. N. знаніемъ дѣла того, если унтеръ-офицеръ положитъ цѣпочку по окраинѣ зеленаго пятна, а на самомъ зеленомъ пятнѣ поставитъ шашку, означающую резервъ. Считать это распорядительностью—самое наивное самообольщеніе; достаточно разъ видѣть этотъ процессъ, чтобы исполнять его машинально, не соединяя съ нимъ и тѣни мысли о томъ, что пришлось бы дѣ-

лать на практикѣ въ случаѣ соотвѣтствующемъ. Сомнѣвающимся въ этомъ, достаточно вспомнить тѣхъ изъ школьныхъ товарищей, которые задалбливали геометрію отъ доски до доски и отвѣчали съ интонаціями голоса, обнаруживающими пониманіе, пока имъ не перемѣняли буквъ.

Въ военной игрѣ, имѣя дѣло съ мелкими частями, этой перестановки буквъ сдѣлать нельзя, т. е., нельзя варьировать задачи до безконечности, чтобы уберечься отъ задалбливанія. Г. N. придумалъ, правда, накладныя изображенія различныхъ предметовъ, нарисованныхъ на свинцовыхъ листкахъ; но это сущности дѣла не измѣняетъ: вѣдь зеленое, напр., пятно на свинцовомъ листкѣ остается тѣмъ же зеленымъ пятномъ; и по его краю точно также вытянется цѣпочка, и на немъ точно также поставится резервъ. Наконецъ, занятія нижнихъ чиновъ военной игрою безполезны и потому, что она нисколько не упражняетъ въ индивидуальномъ примѣненіи къ мѣстности; на дѣлѣ унтеръ-офицеру приходится большею частью располагать одиночныхъ людей или звѣнья за такими предметами, которыя не вошли въ масштабъ рельефовъ г. К.

Посмотримъ въ какой мѣрѣ игра можетъ быть полезна офицерамъ и какія военныя явленія подлежатъ розыгрышу, какія нѣтъ.

Послѣ сказаннаго выше, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію, что упражненія на моделяхъ не могутъ способствовать развитію тактическаго пониманія мѣстности; на практикѣ въ этомъ отношеніи не такъ трудно воспользоваться узнаннымъ, какъ узнать; и такъ какъ тактическое знаніе мѣстности пріобрѣтается возможно частымъ наблюденіемъ мѣстности и только одной мѣстности, то безполезность для этого какихъ либо моделей обнаруживается сама собою.

Посмотримъ въ какихъ случаяхъ военная игра можетъ служить развитію распорядительности.

Вся тактика представляетъ въ этомъ отношеніи два отдѣла, рѣзко различные по характеру своему; первый имѣетъ предметомъ распоряженія, дѣлаемыя въ хладнокровномъ состояніи духа, какъ: распредѣленіе марша, расположеніе на позиціи и другія рѣшенія, принимаемыя внѣ непосредственнаго вліянія непріятеля. Его можно назвать статикой, потому что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нравственная сторона войскъ и распоряжающихся ими находится въ равновѣсіи. Другой отдѣлъ, динамическій, имѣетъ предметомъ всѣ рѣшенія, принимаемыя въ сферѣ непосредственнаго вліянія непріятеля, которое выводитъ нравственную сторону и войскъ, и распоряжающагося изъ равновѣсія до такой степени, что, зачастую люди, прозорливые и находчивые въ хладнокровномъ состояніи,

дѣлаются совершенно неспособными къ какому либо здравому рѣшенію въ этомъ положеніи *).

Первый отдѣлъ, по характеру своему, рутиненъ, въ смыслѣ большого постоянства въ пріемахъ. Онъ и долженъ обратиться въ рутину для того въ особенности, чтобы не затруднять ни начальниковъ, ни солдатъ подъ выстрѣлами мыслью о такихъ вещахъ, которыя постоянно дѣлаются однимъ и тѣмъ же образомъ. Опредѣлить разстояніе при выстрѣлѣ для солдата, распредѣлить маршъ своей части для офицера, съ принятіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей, и т. п., должно обратиться въ инстинктъ своего рода. Правда, данная случайностей и разнообразіе мѣстности имѣютъ вліяніе на приведеніе въ исполненіе подобныхъ рѣшеній и внѣ опасности отъ непріятеля, но это вліяніе не на столько важно и потому уже, что здѣсь за ошибку въ распоряженіи не приходится платиться такъ дорого, какъ то приходится въ сферѣ вліянія непріятеля. Понятно, что при изученіи этого отдѣла, военная игра можетъ служить подспорьемъ, но и то въ томъ только случаѣ, если руководящій игрою, при полномъ знаніи дѣла, не давитъ своимъ авторитетомъ играющихъ. Послѣднее условіе чрезвычайно важно; если его нѣтъ, всякій будетъ занятъ мыслью не о томъ, чтобы въ данномъ случаѣ распорядиться лучше, а о томъ, чтобы заслужить одобреніе руководящаго, что̀ далеко не одно и то же. Это условіе предполагаетъ полную необязательность игры и принятіе ея игрою, а не занятіемъ серьезнымъ.

Во второмъ отдѣлѣ—ничего подобнаго; мѣра, повидимому превосходная съ точки зрѣнія тактическихъ учебниковъ, не говоря уже объ модельныхъ, ведетъ къ гибели на дѣлѣ; нелѣпая съ точки зрѣнія тѣхъ же учебниковъ—оказывается превосходною. Теоріи для этого отдѣла нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ ее для измѣненій, происходящихъ въ душѣ человѣка подъ вліяніемъ опасности. Всякому извѣстно, что успѣхъ въ бою зависитъ преимущественно, почти исключительно, отъ нравственнаго одушевленія; гдѣ та теорія, которая научила бы начальника приготовить часть къ атакѣ словомъ, взглядомъ; проѣхавъ по фронту этой части, сразу опредѣлить ея настроеніе въ ту минуту?

Рядомъ съ этимъ, данная случайностей, игравшая въ первомъ отдѣлѣ роль второстепенную, здѣсь тяготѣетъ надъ каждой мѣрой грознымъ фантомомъ, обращающимся зачастую въ роковую дѣйствительность. Перевранное или непереданное приказаніе, нетща-

*) И наоборотъ: люди въ спокойномъ состояніи духа, повидимому, самые обыкновенные, подъ выстрѣлами являются и прозорливыми, и распорядительными. Позднѣйшее примѣчаніе.

льная рекогносцировка, убитый начальникъ — однимъ словомъ, на изъ тѣхъ безчисленныхъ и неизбѣжныхъ случайностей, которыя вплетаются во всякое боевое явленіе необходимой данной, реворачиваетъ вверхъ дномъ лучшій планъ, и счастье еще если ведетъ къ неисправимой катастрофѣ. Предотвратить ее можетъ лько человѣкъ, вполнѣ свободный отъ рутинныхъ представленій о боѣ и обладающій большою гибкостью ума и силой ли, которыя однѣ могутъ дать власть надъ подобными минутами.

Всѣ данныя статики составляютъ не болѣе какъ средства въ намикѣ; какъ комбинировать эти средства: атаковать или нѣтъ, рѣлять или атаковать и когда атаковать — для практики въ рѣеніи такихъ и имъ подобныхъ вопросовъ мирно-военныя занятія представляютъ ровно никакихъ средствъ. Лучшаго *) относительно этого отдѣла не существуетъ ни для какой мѣры: существуетъ только необходимое въ данную минуту. Уловить ту минуту, имѣть на столько рѣшимости, чтобы ею воспользоваться — могутъ только глазъ и воля, незатуманешные никакими заменѣлыми правилами, которыя такъ легко вырабатываются даже ри маневрированіи въ полѣ, а въ игрѣ и тѣмъ болѣе.

Въ этомъ положеніи человѣкъ съ простымъ, здравымъ смысломъ асто выйдетъ изъ затрудненія гораздо лучше, нежели учившійся оевать по моделямъ: первому главнымъ дѣломъ станетъ достиженіе цѣли, незакрываемой отъ него миражемъ теоретическихъ правилъ; у втораго соблюденіе этихъ правилъ станетъ цѣлью. Что то такъ, достаточно указать на героевъ въ австрійскомъ вкусѣ, правдывавшихъ свое пораженіе тѣмъ, что противъ нихъ дѣйствовали «не по правиламъ».

Основываясь на этомъ рѣзкомъ отличіи тактической статики ть динамики, можно сказать рѣшительно, что если упражненія а модели могутъ быть подспорьемъ въ изученіи первой, то не олько безполезны, но положительно вредны относительно второй. Какъ бы ни было сильно воображеніе играющихъ, они не могутъ, идя надъ моделями и шашками, настроить себя на тотъ ладъ, оторый составлялъ бы хотя призракъ настроенія, возникающаго одъ пулями и штыками на мѣстности.

Разъ согласившись съ этимъ, поймутъ, до какой степени непѣстно поползновеніе разыгрывать шашками страшныя боевыя инуты; оно составляетъ жалкую ихъ профанацію, которая можетъ не дать, а только извратить представленіе о нихъ. Обращать въ игрушку подобные кризисы, какъ штыковая свалка, опасно; этимъ можно опошлить человѣка, а не приготовить его къ нимъ. На мо-

*) Теорія же ищетъ во всемъ лучшаго, и тѣмъ она опасна.

дели такъ легко рѣшиться на атаку; вѣдь шашки не умираютъ, даже не мнутся отъ этихъ безкровныхъ столкновеній; зазвучитъ ли при этомъ въ человѣкѣ хоть одна нравственная фибра изъ тѣхъ, которыя при атакѣ настоящей приходятъ въ такое напряженіе?

Въ минутѣ рѣшимости на атаку, въ которой столько страшно-торжественнаго, столько борьбы въ сердцѣ каждаго—отъ начальника до послѣдняго солдата,—вслѣдъ за которою польются рѣки человѣческой крови, тысячи иногда людей въ послѣдній разъ смотрятъ на свѣтъ Божій, въ этой минутѣ нѣтъ мѣста игрушкамъ, и только марсоманія мирная, доведенная до крайнихъ послѣдствій, могла внушить печальную попытку подвести ее подъ обухъ разрѣшенія шашками, костьми, въ хладнокровномъ состояніи... Въ какое положеніе будетъ поставленъ человѣкъ, воспитанный по этой системѣ, воображающій, что онъ знаетъ и какъ въ атаку ходятъ, и какъ бой подготовляютъ, и даже сколько и когда процентовъ войска потери несутъ, когда ему придется стать лицемъ къ лицу съ смертоноснымъ врагомъ? Пріучатъ ли его шашечныя атаки ждать этой минуты такъ, какъ ее порядочный и здравый человѣкъ ждать долженъ? Конечно, нѣтъ; съ этимъ согласятся, полагаю, самые закоренѣлые марсоманы мирные; а если это такъ, то по какому праву вы позволяете себѣ озаглавливать священнымъ именемъ атаки игру въ куклы; по какому праву позволяете себѣ вселять въ умѣ и сердцѣ людей подъ такимъ страшнымъ названіемъ впечатлѣніе столь пошло-безобиднаго происшествія, какъ столкновеніе двухъ шашекъ? Если вы будете называть это игрой—и добрый часъ: дѣти играютъ и въ свадьбу, и въ обѣдъ, и въ гости—почему взрослымъ не поиграть въ атаку коли есть охота? Но если вы возводите эту забаву на степень обязательнаго занятія, будто бы подготовляющаго человѣка къ минутѣ, составляющей его конечное назначеніе,—шутка, игра заходитъ слишкомъ далеко, и долгъ каждаго человѣка, мало мальски понимающаго военное дѣло, остановить васъ и не допустить, на сколько силы хватитъ, подобнаго развратительнаго начала въ воспитаніе войскъ.

Но оставимъ духовную сторону атаки; кто думаетъ учить на шашкахъ какъ должно распоряжаться людьми, тотъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ преувеличенномъ понятіи о значеніи этой стороны. Обращаясь къ геометрической обстановкѣ атаки, сразу видно, что и она не играетъ никакой роли въ шашечныхъ столкновеніяхъ; на модели нельзя пріучить человѣка отмѣривать разстоянія, на которыхъ нужно: ударить бой къ атакѣ взять на руку, рвануться на ура. Чему же собственно учатъ шашечныя столкновенія? Сколько можно судить, учатъ одному—

рьезныя вещи обращать въ шутку, въ игрушку; за это въ воен-е время бьютъ безъ пощады: тамъ можетъ показать себя по-дочно занимавшійся дѣйствительнымъ дѣломъ, а не воображав-ій, что игра въ куклы можетъ когда либо стать дѣломъ.

Итакъ:

1) Военная игра—занятіе вполнѣ примѣрное (т. е., такое, въ ставъ котораго не входитъ ни одной реальной данной) и потому и въ какомъ случаѣ не можетъ быть занятіемъ для нижнихъ чи-овъ, а только для офицеровъ, пріученныхъ понимать отвлеченія малолѣтства въ школахъ.

2) Она не только не пріучаетъ къ пониманію мѣстности, а, напротивъ, отучаетъ отъ него, равно какъ и отъ принятія въ раз-четъ пространства и времени.

3) Она должна быть ограничена розыгрышемъ всѣхъ положе-ій, предшествующихъ бою, но не дальше. Слѣдовательно, сюда могутъ войти только: бивачныя, аванпостныя, боевыя расположенія движенія съ военными предосторожностями до столкновенія съ непріятелемъ.

4) Военная игра не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ заня-тіемъ обязательнымъ, чтобы не посягнуть на нравственную само-стоятельность подчиненныхъ изъ за забавы; чтобы, пріучая ихъ смотрѣть на забаву какъ на дѣло серьезное, не расположить ихъ смотрѣть на оборотъ: на серьезныя обязанности съ шуточной точки. Примѣры подобнаго уже видѣли: поставивъ обязанности наружнаго чинопочитанія въ число серьезныхъ дисциплинарныхъ отношеній, сончили тѣмъ, что на дѣлѣ онѣ стали выше знанія святѣйшихъ обязанностей (какъ караульныя и имъ подобныя); и однако необ-ходимости наружнаго чинопочитанія никто отвергать не станетъ, между тѣмъ какъ не только необходимость, но даже польза воен-ой игры подвержены большому сомнѣнію.

Замѣчанія на руководство къ военной игрѣ г. N.

Цѣль военной игры, если смотрѣть на нее не какъ на забаву, можетъ быть выражена такъ: дать наглядное понятіе о влія-ніи матеріальной обстановки боя *) на успѣхъ или неу-дачу его. Съ этой точки «руководство» весьма полно и послѣ-довательно, какъ всякая впрочемъ теорія, на какомъ бы односто-

*) Разумѣя подъ этимъ: мѣстныя условія, числительную силу противниковъ, дѣйствіе оружія.

роннемъ началѣ она ни была основана. Ясно, поэтому, что «руководство» нечего разбирать съ точки зрѣнія послѣдовательности развитія основной мысли, тѣмъ болѣе, что даже и эта послѣдовательность должна быть отнесена къ труду г. Кузьминскаго, къ его «Правиламъ для военной игры», послужившимъ первообразомъ разбираемому руководству. Родственное сходство между тѣмъ и другимъ, столь вѣрно подмѣченное г. рецензентомъ Военнаго Сборника, до такой степени близко, что имѣетъ всѣ видимости нецеремоннаго заимствованія.

«Руководство» должно разбирать съ другой точки: какія понятія оно должно внушить играющимъ? И въ какой мѣрѣ пріобрѣтенное упражненіями въ военной игрѣ можетъ пригодиться въ бою?

Отвѣты на эти вопросы далеко не будутъ въ пользу предложенія г. N.

Принятіе въ расчетъ одной матеріальной обстановки боя неминуемо ведетъ къ тому, что онъ представляется такимъ дѣломъ, на которое лучше не рѣшаться, за исключеніемъ весьма не многихъ случаевъ. Спрашивается: въ какой мѣрѣ умѣстно и полезно внушать подобныя понятія людямъ, призваннымъ быть преимущественно, почти исключительно, только исполнителями боевыхъ назначеній?

Г. Кузьминскій зналъ, что̀ дѣлалъ, допуская военную игру только большими массами, т. е., для начальниковъ, которые не только могутъ, обязаны взвѣсить всѣ данныя извѣстнаго положенія и отъ которыхъ должно требовать столько силы духа, чтобы сознательно рѣшаться на ударъ иногда при обстоятельствахъ самыхъ критическихъ. Начальники должны отдавать себѣ полный отчетъ въ подобныхъ положеніяхъ; но нужно ли это тѣмъ, которые будутъ призваны къ осуществленію рѣшимости начальника? Такъ или иначе, они должны идти; чѣмъ рѣшительнѣе они пойдутъ, тѣмъ вѣроятнѣе успѣхъ; но рѣшимость развѣ можетъ устоять противъ понятій, усвоенныхъ въ мирное время о большей или меньшей трудности опасныхъ предпріятій? Потому что вѣдь не учитъ же, да и не можетъ учить, военная игра тому, что «храбрость города беретъ»; а въ бою на этомъ убѣжденіи все держится. Не должно забывать, что къ привычкѣ хладнокровно обсуждать трудности извѣстнаго назначенія, къ воспоминанію о неудачахъ на шашкахъ вслѣдствіе какого нибудь рѣшительнаго хода, въ бою примѣшается голосъ самосохраненія; познанія же, даваемыя военной игрою, такого рода, что не заглушаютъ этого голоса, а поддерживаютъ его. Военная игра учитъ, что атаки на

удободоступные скаты нелѣпы, что противъ превосходныхъ силъ ти нелѣпо и проч. и проч. Не будетъ ли человѣкъ, выученный ѣмъ этимъ премудростямъ, слишкомъ расположенъ подъ пулями итать вообще скаты недоступными, а непріятельскія силы всегда евосходными? Вѣдь у страха глаза велики. Это такіе вопро-, надъ которыми слѣдовало очень и очень подумать, прежде ѣмъ рѣшиться предлагать подобную забаву для распространенія ежду нижними чинами.

Но обратимся къ разбору данныхъ и правилъ военной игры.

Модели. Г. N. предпочелъ модели картамъ на томъ основаіи, что читать послѣднія затруднительно; основываясь на одной трудпительности, можно отвергнуть многое; легче всего ничего е дѣлать—тутъ уже никакой затруднительности не будетъ. Намъ ажется, что приступая къ замѣнѣ, слѣдовало бы подумать не о тепени затруднительности чтенія, но о практической примѣнимости читаемаго. Имѣя это въ виду, окажется, что чтеніе артъ дѣйствительно требуетъ навыка, но оно, по крайней мѣрѣ, оставляетъ положительное пріобрѣтеніе: оно можетъ пригодиться и на самомъ дѣлѣ. Чтеніе моделей ни къ чему не ведетъ, ибо тактическаго примѣненія они, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ. А офицеру и солдату право и безъ того много нужно знать непосредственно примѣнимаго къ дѣлу, чтобы заваливать ихъ говову представленіями о такихъ вещахъ, о которыхъ они должны абыть съ первымъ шагомъ въ поле. Г. N. предполагаетъ дѣлать роки съ моделей, думая ими замѣнить съемку; къ сожалѣнію, нъ какъ бы не замѣчаетъ того, что это будетъ съемка модели, не мѣстности; что за рисовкою квадратнаго дюйма модели *) риходится сидѣть нѣсколько минутъ, между тѣмъ какъ на съемку оотвѣтствующаго пространства на мѣстности иной разъ и часу ало. Все это облегченія такихъ затрудненій, къ преодолѣнію которыхъ, напротивъ, нужно пріучать, ибо они неустранимы на дѣлѣ.

Правда, г. изобрѣтатель моделей предлагаетъ переходъ впослѣдствіи къ дѣйствительной съемкѣ: но гдѣ онъ найдетъ время а это? Его нѣтъ, и можно утвердительно сказать, что это предложеніе останется въ проэктѣ, т. е., что дѣло ограничится съемкой моделей. Не нужно забывать, что, не считая службы гарнизонной и различныхъ нарядовъ, есть еще стрѣльба, гимнастика, фехтованіе и ученіе, конечно болѣе нужныя солдату и офицеру, нежели съемка.

---

*) Принимая масштабы моделей г. N.

Мы просимъ извиненія у читателей, настаивая на подобныхъ, повидимому, само собою разумѣющихся, вещахъ; благодаря всякаго рода примѣрнымъ занятіямъ, до такой степени пришли эти вещи въ забвеніе, что, волею неволею, нужно напоминать объ нихъ. Мы всѣ, повидимому, отлично хорошо знаемъ, что̀ должно дѣлать, да не дѣлаемъ, изъ чего заключаю, что мы или не того хотимъ, о чемъ говоримъ; или сами не довольно хорошо знаемъ чего хотимъ. Предположить, что мы знаемъ и завѣдомо не дѣлаемъ, не считаю себя вправѣ, ибо въ такомъ случаѣ лучше прямо и откровенно высказать бы, напр., что обучая войска съемкѣ моделей, мы именно и хотимъ обучать этому невинному искусству, а не съемкѣ мѣстности. Этимъ пріобрѣтется, по крайней мѣрѣ, выгода ясной постановки цѣлей, осуществленія которыхъ слѣдуетъ добиваться въ воспитаніи войскъ: выигрышъ огромный, въ особенности для тѣхъ, кто вздумалъ бы добросовѣстно заняться дѣломъ. Такіе будутъ знать, по крайней мѣрѣ, къ чему стремятся и будутъ дѣйствительно достигать цѣли своихъ стремленій, а не приходить неожиданно совершенно къ другой, о которой они и не думали.

Нѣчто подобное вышло бы съ г. изобрѣтателемъ моделей, если бы, что нежелательно, его предложеніе примѣнили къ дѣлу съ должной послѣдовательностью. Нельзя сомнѣваться въ искреннемъ желаніи г. N. внести посильную лепту въ сокровищницу воспитанія войскъ: весь его трудъ, представляющій оконченность въ мельчайшихъ подробностяхъ, до вилки для ходовъ и крючка для вынимапія моделей включительно, можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Чему же приписать ошибку автора, предлагающаго такое занятіе въ войскѣ, которое безполезно? Именно не совершенно ясному представленію о той простой вещи, что съемка модели не даетъ никакого понятія о съемкѣ мѣстности.

Г. изобрѣтатель взялъ это упражненіе съ примѣра тѣхъ заведеній, гдѣ имѣютъ въ виду обучить совершенно точному выраженію мѣстности, зачастую съ тѣмъ, чтобы это занятіе стало исключительною спеціальностью человѣка на всю жизнь. При этомъ понятно, что срисовываніе модели, пріучая къ точности выраженія рельефа, составляетъ положительное пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что на одномъ срисовываніи не останавливаются; переходятъ немедленно къ съемкѣ мѣстности, и уже не возвращаются къ срисовыванію рельефовъ.

Неразборчиво выхвативъ изъ цѣлой системы спеціальныхъ занятій топографіею одно упражненіе и рекомендуя его для войскъ,

г. N. и не замѣтилъ, что: 1) въ нихъ придется заниматься исключительно почти однимъ срисовываніемъ моделей *); 2) что отъ строеваго офицера, да и вообще отъ глазомѣрнаго съемщика, нельзя и не должно требовать излишней точности въ выраженіи мѣстности, слѣдовательно нечего и держать его на томъ занятіи, которое только и можетъ быть допущено при условіи такой точности.

Крутизномѣръ, (извѣстный въ топографіи подъ названіемъ эклиметра). Введеніе этого инструмента въ военную игру служитъ новымъ свидѣтельствомъ неяснаго сознанія того, что вещи, необходимыя въ съемкѣ, не только безполезны, но иногда и положительно вредны въ тактическихъ упраженіяхъ. Вѣдь никому въ голову не придетъ, собираясь атаковать гору, задаваться вопросомъ: а сколько тутъ градусовъ? Тѣмъ болѣе не придетъ, что цѣль заключается въ томъ, чтобы взять ее не взирая на крутизну, а не въ томъ, чтобы ослаблять собственную энергію заботою о трудностяхъ предпріятія. А если это такъ, если крутизномѣръ въ дѣлѣ непримѣнимъ, то съ какой стати вводить его въ занятіе, претендующее быть подготовкой къ дѣлу? Изъ этого видно, до какой степени «наука и искусство» военной игры г. N. мало имѣютъ общаго съ здравыми понятіями о боевомъ дѣлѣ, до какой степени они составляютъ занятіе самостоятельное и въ смыслѣ подготовки къ бою непригодное. Тамъ иной разъ на стѣны лѣзть приходится и не считать ихъ недоступными; по игрѣ же и скаты за 45° выходятъ недоступны; и добро бы они были недоступны въ глазахъ тѣхъ, отъ кого зависитъ рѣшить—идти или не идти въ атаку, нѣтъ: г. N. учитъ разсуждать о степени доступности тѣхъ, дѣло которыхъ идти, не входя ни въ какія соображенія, разъ это приказано. Ясно, что подобныя упражненія могутъ развить пустое и вредное резонерство конечно скорѣе, нежели боевую распорядительность; результатъ, тѣмъ болѣе вѣроятный, что подъ пулями и въ ожиданіи штыка иной разъ и пятиградусный скатъ, и безъ особенной науки, покажется недоступнымъ... чего же можно ожидать съ наукой? Суворовъ, штурмовавшій иногда стѣны и въ мирное время, не поблагодарилъ бы г. N. за украшеніе ума и сердца солдатъ и ун.-офицеровъ ученіемъ объ удободоступныхъ и неудободоступныхъ скатахъ.

Шашки и порядокъ движенія оными. «Для избѣжанія

*) Потому, что это можно сдѣлать зимою, когда есть свободное время; между тѣмъ какъ съемка возможна только въ такое время года, которое бываетъ поглощено занятіями, для войскъ болѣе важными.

споровъ и недоразумѣній при передвиженіи шашки, каждый ходъ отмѣривается вилочкою; одна ея ножка ставится при сторонѣ шашки, означающей фронтъ, а другая по тому направленію, по которому предстоитъ движеніе. Тогда играющій передвигаетъ свою шашку и ставитъ ее фронтомъ плотно къ другой ножкѣ вилочки». И т. д.; однимъ словомъ, уставъ маневрированія шашками, который, конечно, нужно заучить, чтобы быть въ состояніи исполнять. И заучить затѣмъ, чтобы съ выходомъ въ поле, а еще болѣе противъ непріятеля, не сдѣлать изъ него никакого примѣненія, потому что тамъ вѣдь придется управлять не шашками, а людьми. А искусство управленія людьми въ страшныя боевыя минуты до такой степени трудно и важно, что лучшіе военные люди мирились со всевозможными недостатками въ тѣхъ, которые обладали этимъ рѣдкимъ даромъ, и двигали ихъ впередъ; г. N. не такъ относится къ дѣлу: пусть человѣкъ и способенъ управлять себѣ подобными, да если онъ «не хорошо играетъ», онъ не можетъ быть ун.-офицеромъ. Мы просимъ извиненія у почтеннаго изобрѣтателя, если наши выводы не придутся ему по сердцу: не мы виноваты, если онъ поставилъ производство въ зависимость отъ «игры»; мы даже охотно признаемъ, что подобный промахъ съ его стороны, въ основаніи, имѣлъ стремленіе, въ высшей степени благонамѣренное—развить распорядительность въ людяхъ... Но мы признаемъ также и то, что для управленія шашками нужны только пальцы и знакомство съ рутиной военной игры; а для управленія людьми нужны: толкъ, воля; нужно умѣнье и похвалить, и подбодрить, а иногда и оборвать. Въ этомъ основа распорядительности на дѣлѣ; вырабатывается ли она хотя нѣсколько упражненіями въ игрѣ? нѣтъ; даете ли вы хоть одно вѣрное представленіе о распорядительности въ бою, отмѣривая ходы вилочками и пріучая людей передвигать шашки въ порядкѣ? нѣтъ. Слѣдовательно, вы учите играть, но ужъ конечно не распоряжаться въ бою. Никто, конечно, и въ мысли имѣть не можетъ поставить вамъ это въ упрекъ:—можетъ быть оно дѣйствительно такъ и выходитъ, что тотъ хорошо дерется въ бою, кто играетъ въ мирное время;—но можно и должно уяснить основной принципъ предлагаемаго вами занятія, въ конечномъ выводѣ обнаруживающій, что съ боевымъ дѣломъ онъ не имѣетъ ничего общаго.

Это виднѣе всего изъ отдѣла руководства, излагающаго употребленіе костей. Вопросъ—на чьей сторонѣ успѣхъ, рѣшается въ бою самимъ дѣломъ въ пользу того, кто имѣетъ болѣе нравственной упругости, кто болѣе способенъ вести дѣло съ безвозвратною рѣшимостью, т. е. такъ, что для него середины между

побѣдой и гибелью нѣтъ. Матеріальная обстановка боя конечно имѣетъ также вліяніе на успѣхъ или неудачу, но далеко непервостепенное; припомнимъ, что Наполеонъ давалъ только $^1/_4$ участія въ успѣхѣ этой обстановкѣ и $^3/_4$ нравственной сторонѣ.

Въ военной игрѣ нѣтъ такого осязательнаго авторитета для разрѣшенія спора за успѣхъ: нужно было прибѣгнуть къ посредничеству. Вотъ первый шагъ къ розыгрышу боя: онъ сразу отбрасываетъ играющихъ въ область такого склада понятій, въ которомъ и признака нѣтъ чего либо военнаго. Въ бою человѣкъ самъ является судьею своего дѣла и защищаетъ его не словомъ, а дѣйствіемъ; въ игрѣ онъ долженъ положиться на судъ другаго, да и то на судъ слова, а не дѣла. Слѣдовательно, само собою, но неминуемо, дѣло поворотило уже на то, что нужно умѣть говорить еще больше чѣмъ распоряжаться. Но на какихъ же данныхъ посредникъ долженъ основать свой приговоръ въ пользу одной изъ сторонъ? Предоставить это исключительно произволу его, было бы нераціонально съ точки зрѣнія военной игры, въ которой все стремится къ самой строгой опредѣленности; при томъ же въ такой судъ не былъ бы введенъ элементъ случайности; а военные игроки тѣмъ съ большимъ стараніемъ соблюдаютъ внѣшнюю обстановку боя, чѣмъ меньше думаютъ о сущности его: вслѣдствіе всего этого прибѣгли къ костямъ, въ правилахъ употребленія которыхъ и высказана игорная тактика.

Все это, какъ читатель видитъ, крайне остроумно и замысловато, въ смыслѣ занятія, или забавы самостоятельной; что же до того, какія оно правила готовитъ для боя, можно видѣть изъ слѣдующаго:

Кости рѣшаютъ, во первыхъ, кто одолѣлъ и кто сдалъ съ такою точностью, что опредѣляютъ отступленіе, разбитіе или даже совершенное пораженіе. Суворовъ требовалъ, чтобы «о ретирадахъ и не помышлять», г. N. учитъ помышлять не только о нихъ, но и о совершенномъ пораженіи.

Почему же первый такъ хлопоталъ о томъ, до чего второму нѣтъ никакого дѣла? Очень просто почему: великій военный педагогъ зналъ, что вѣроятность быть побѣдителемъ тѣмъ больше, чѣмъ о возможности пораженія думаютъ меньше, особенно въ рядахъ; онъ и пріучалъ войска не останавливаться мыслью на томъ, что неминуемо ведетъ къ колебанію и нерѣшительности; г. N. до нравственнаго воспитанія нѣтъ дѣла, и онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ учитъ думать и о разбитіи, и о совершенномъ пораженіи; вѣдь въ шашечномъ боѣ это вовсе не такія опасныя и позорныя вещи какъ на самомъ дѣлѣ...

Имѣя въ виду постоянно бой людей, Суворовъ тщательно обходилъ въ воспитаніи все относящееся къ инстинкту самосохраненія, зная, что и неподкрѣпленный благовидными предлогами, онъ въ бою говоритъ слишкомъ сильно; устраивая бой шашекъ, безполезно имѣть подобныя вещи въ виду, ибо шашки безстрашно лѣзутъ на самыя опасныя предпріятія и не развращаются отъ самыхъ позорныхъ неудачъ.

Но, можетъ быть, при всей безцеремонности отношенія къ подобнымъ боевымъ явленіямъ, все же при розыгрышѣ ихъ сообщаются какія нибудь правила, которыя могутъ пригодиться на дѣлѣ? Вотъ они:

«Когда кость выпадетъ кружкомъ съ буквою О, *) тогда побѣжденный можетъ снова вступить въ бой (!), спустя три **) хода; если буквою Р (т. е. разбитіе), то побѣжденный будетъ способенъ обороняться послѣ 6 ходовъ, а атаковать послѣ 10 ходовъ; когда же кость выпадетъ кружкомъ съ буквою С, то побѣжденный будетъ способенъ обороняться не ранѣе 30 ходовъ, а атаковать послѣ 60».

Послѣ разбитія дай Богъ части и на другой-то день быть въ состояніи драться; а у г. N. она возвращаетъ эту способность черезъ 12 минутъ! Нечего кажется и доказывать полной несообразности подобныхъ правилъ съ дѣйствительностью, несообразности вредной, ибо она укореняетъ фальшивыя представленія о дѣлѣ; если это такъ, то какую же пользу можетъ извлечь человѣкъ изъ знанія всего выписаннаго? Какое изъ него примѣненіе можетъ сдѣлать на практикѣ?

Но въ особенности замѣчательны правила для рѣшенія послѣдствій атаки; изъ нихъ видно, что всѣ шансы даются численному перевѣсу, мѣстнымъ условіямъ, положенію относительно противника, другими словами, преподается то премудрое правило, что рисковать неблагоразумно; а въ бою только тотъ и достигаетъ, кто рискуетъ. Въ этомъ отдѣлѣ находимъ, между прочимъ, предложеніе г. N. употреблять кости военной игры и при маневрахъ. Онъ такъ увлекся своимъ предметомъ, что, кажется, все хотѣлъ обратить въ игру. Онъ находитъ, что отъ костей «маневры пріобрѣтутъ живой, научный (?) интересъ, съ наглядною и поучительною занимательностью. Начальники отрядовъ будутъ имѣть болѣе возможности обнаруживать свои боевыя (!) способности, въ тактическомъ состязаніи». Не знаемъ, чему удивляться болѣе: чудодѣй-

*) Отступленіе.

**) Читатели вѣроятно помнятъ, что каждый ходъ считается въ двѣ минуты.

твенной ли силѣ костей, которыя могутъ дать все это маневрамъ, или нецеремонному обращенію автора со словами, которыя должны бы были составлять для военнаго человѣка неприкосновенную святыню; любопытно было бы знать—какимъ образомъ внѣ боя можно, благодаря костямъ, обнаружить боевыя способности? Любопытно было бы знать также—какую кость бросилъ бы г. N. Бонапарту за сраженія при Арколе и Риволи? По костямъ г-на N. вѣроятно выпало бы несомнѣнное Р. или С.

Сказаннаго достаточно, полагаемъ, чтобы видѣть до какой степени тактика модельная и боевая расходятся между собою; въ одной—вилочки, ходы, шашки, недоступные скаты, подчиненіе умственной дѣятельности человѣка правиламъ, которыя только и понятны при игрѣ въ куклы;—во второй—люди со всею энергіею инстинкта самосохраненія, со всей необходимостью покорять его себѣ на каждомъ шагу; необозримое поле, рѣшимость пожертвовать собою... Намъ кажется, что г. N. можетъ выучить распорядительно играть; но распорядительно драться не выучитъ. Можетъ выучить болтать о дѣлѣ; но дѣлать дѣло нѣтъ *).

*) Въ военной игрѣ приходится говорить о томъ, что на дѣлѣ нужно дѣлать.

Нѣсколько замѣтокъ по поводу статьи: штыковый бой «отзывовъ» на статью Г. В. *).

Отъ времени до времени начинаютъ появляться у насъ стат имѣющія цѣлью не одно рутинное изложеніе пріемовъ образо нія войскъ, но стремленіе уяснить внутренній смыслъ различны отдѣловъ этого образованія: явленіе весьма утѣшительное, хотя всегда безъ горечи. Утѣшительное—потому что составляетъ шагъ къ пониманію той простой, но забытой вещи, что въ главное человѣкъ, а не совершенство выучки; не всегда безъ речи—обнаруживая очень часто, до какой степени глубоко п никла въ сознаніе наше язва мирно-военнаго взгляда на воспи ніе и дѣйствія войскъ.

Правда, въ переходное время иначе это и быть не мож головою мы поняли, что ошибались прежде; но сердце свык съ этимъ прежнимъ и неодолимо продолжаетъ тянуть къ нем

Иногда къ этой привычкѣ сердца присоединяется еще спеціали въ одной только части солдатскаго образованія, и тогда ч вѣкъ, самъ того не замѣчая, приводится къ убѣжденію въ в ности какой либо пріемстики ничѣмъ не лучше той, отъ кото мы едва только отдѣлались. Разумъ, изъ владыки, указываю цѣль, къ которой должно стремиться, обращается въ такомъ чаѣ въ раба, оправдывающаго самыя ребяческія увлеченія м чами, и человѣкъ доходитъ до того, что начинаетъ доказы убѣдительно, будто хорошій выстрѣлъ возможенъ не иначе, при той позѣ, которая ему кажется лучшею, и тому подобн

Но рядомъ съ такими увлеченіями, обнаруживающими ра женіе стараго, упорно впрочемъ отстаивающаго свою прежн замашку—презирать общую цѣль дѣла и ставить на мѣсто ея

---

*) См. Военный Сборникъ № 11 за 1861 г.

стиженіе совершенства въ какомъ нибудь вздорѣ, поднимаются и молодые побѣги; въ нихъ столько жизни, столько здраваго пониманія дѣла, что нельзя ни на минуту усомниться, на чьей сторонѣ останется побѣда.

Статьи, вызвавшія эту замѣтку, представляютъ сказанному лучшее подтвержденіе; въ нихъ ясно обозначились оба направленія.

Двѣ изъ нихъ (гг. С. В. и Д. У. С.) принадлежатъ къ тому направленію, которое позволяемъ себѣ назвать тактическимъ или боевымъ; третья статья—г. N.—представитель мирно-военнаго направленія, которое можетъ быть названо также пріемстико-стрѣлковымъ, по спеціальности автора.

Гг. N. и Д. У. С. пишутъ объ одномъ и томъ же предметѣ, оба отличаются замѣчательною послѣдовательностью своихъ выводовъ и, въ то же время, діаметрально другъ другу противорѣчатъ. Причина этого заключается въ различіи отправныхъ точекъ. Д. У. С. смотритъ на стрѣльбу, какъ на средство для боя, г. N. смотритъ на нее, какъ на искусство самостоятельное, конечная цѣль котораго—достиженіе совершенства въ немъ самомъ.

Г. N.—представитель поэтому мирно-военнаго направленія, въ которомъ принимаютъ въ разсчетъ все: и граціозную позу, и игру носка, и хорошую хватку, и тонкую стрѣльбу, но боя никогда въ разсчетъ не принимаютъ. Понятна послѣ этого нѣжная симпатія г. N., даже и въ его спеціальности, не къ выстрѣлу, а къ пріемамъ, его сопровождающимъ; симпатія, которую, къ сожалѣнію, раздѣляютъ съ нимъ многіе изъ стрѣлковыхъ спеціалистовъ.

Г. N. стоитъ только выше ихъ, потому что послѣдовательнѣе, за это заслуживаетъ искреннюю благодарность; онъ по крайней мѣрѣ открыто говоритъ, чего онъ хочетъ.

А чего хочетъ г. N., видно изъ слѣдующихъ выписокъ:

«Цѣль приготовительныхъ занятій и состоитъ именно въ томъ, чтобы подчинить (!) тѣлосложеніе стрѣлка правиламъ стойки и прикладки, а не наоборотъ».

Въ простотѣ своей мы до сихъ поръ воображали, что цѣль приготовительныхъ занятій научить солдата прицѣливаться, спускать курокъ и переносить спокойно отдачу. «До тѣхъ поръ, пока точное исполненіе правилъ прикладки не обратится въ привычку стрѣлка, не помирится съ его тѣлосложеніемъ, не только безполезно, даже вредно приступать къ стрѣльбѣ».

Совершенно также разсуждали, и на подобныхъ основаніяхъ, и, которые встарь водили людей въ баню для распрямленія носковъ, не совсѣмъ хорошо вытягиваемыхъ, для размахиванія пальцовъ, не довольно развитыхъ съ точки зрѣнія тихаго шага въ три

пріема. Вы говорите, что нужно подчинять тѣлосложеніе с
дата правиламъ стрѣлковой стойки и прикладки, а тѣ дума
что нужно подчинять то же тѣлосложеніе правиламъ строе
стойки и маршировки.

Вы не даете человѣку сдѣлать боеваго выстрѣла, пока тѣ
сложеніе его не помирится съ правилами прикладки, а тѣ
ставили его въ строй, пока не добивались отъ него игры
носкѣ и «правильной» стойки.

Разница между вами только одна: тѣ дѣлали это лѣтъ
тому назадъ, въ простотѣ сердечной, безсознательно подчиня
частной идеѣ маневрированія *) и развивая всѣ ея послѣдствія
вы же возводите свое увлеченіе въ теорію (и, конечно, при
няете ее на дѣлѣ) въ лѣто отъ Р. Х. 1862. Мы позволимъ с
предложить г. N. и всѣмъ, раздѣляющимъ его убѣжденія, од
вопросъ: что будетъ съ солдатомъ, который выйдетъ передъ
пріятеля вооруженный однимъ искусствомъ изящно выносить
«правильно» вставлять прикладъ и не имѣя понятія о стрѣль
А это съ нимъ можетъ случиться, если его выдерживать на сто
столько, сколько хотите вы.

Теперь лошадей по этой системѣ не дрессируютъ; къ
складу примѣняются; а вы хотите по ней человѣка учить.....
для чего существуетъ, г. N.: человѣкъ для ружья, или ружье
человѣка? Сказаннаго достаточно, чтобы показать, чего хоче
сторонникамъ разбираемаго мнѣнія; невыносимо становится
видѣ такого болѣзненнаго стремленія няньчиться со всякимъ тр
чикомъ и презирать человѣка. Что до того, что послѣдній в
детъ исковерканный изъ подобной школы и нравственно, и ф
чески; спеціалистамъ стрѣлковой пріемстики до этого нѣтъ д
гибни все, лишь бы пріемы дѣлались правильно, т. е. однообразно

Благодѣяніемъ для солдата было бы опредѣленіе срока, да
котораго не должны идти приготовительныя къ стрѣльбѣ упр
пенія: только это могло бы обуздать артистовъ-стрѣлковъ въ
невоздержномъ стремленіи къ изящнымъ прикладкамъ, къ и
шечной стрѣльбѣ въ мишеньки съ клапанчиками и къ друг
самоуслажденіямъ мирно-стрѣлковаго художества.

Статья Д. У. С. представляетъ утѣшительное явленіе;
строенная на вѣрномъ началѣ, она отъ начала до конца про
нута уваженіемъ къ физической и нравственной сторонѣ ч

---

*) Автоматизмъ и однообразіе.

ѣка. Д. У. С. понимаетъ, что въ бою важенъ человѣкъ, а не совершенство дрессировки, и потому ему въ голову не приходитъ ломать его по какому либо однообразному лекалу. Въ самыхъ нравственныхъ отношеніяхъ онъ предоставляетъ такой разумный просторъ и человѣку-солдату, и человѣку-начальнику, который оно показываетъ привычку Д. У. С. ставитъ себя въ то положеніе, въ какое будутъ поставлены тотъ и другой въ бою. Не знаемъ, былъ ли Д. У. С. въ дѣлѣ, но утверждаемъ положительно, что трудно имѣть болѣе вѣрное представленіе объ отношеніи воспитанія войскъ къ боевому дѣлу.

Это видно и въ мнѣніи о необходимости предоставить самостоятельность частнымъ начальникамъ въ выборѣ способа обученія стрѣльбѣ, и въ томъ, что Д. У. С. желалъ бы для стрѣльбы предѣленія только minimum дѣйствительности, и въ пониманіи значенія стрѣльбы на ближнія дистанціи. Онъ не отвергаетъ дѣйствительной пользы приготовительныхъ упражненій, но въ то же время не придаетъ никакого значенія артистическому однообразію пріемовъ: онъ примѣняетъ стойку и прикладку къ тѣлосложенію, а не на оборотъ. Единственный признакъ сочувствія одному изъ мирныхъ стремленій замѣтили мы въ желаніи его, весьма впрочемъ слабомъ, оправдать вопросную систему преподаванія солдату теоріи стрѣльбы, правилъ примѣненія къ мѣстности и проч. Говоря, что эта система обратилась уже во что́-то въ родѣ прежнихъ «пунктиковъ», онъ прибавляетъ: «что̀, конечно, не было цѣлью при введеніи ихъ (вопросовъ и отвѣтовъ) въ употребленіе». Не было, а стало; вѣдь вѣроятно и пунктики были введены не съ цѣлью безсмысленнаго задалбливанія; слѣдовательно, сама система виною тому, что ее такъ понять было можно.

И иначе быть не могло: самъ Д. У. С. съ этимъ согласится, припомнивъ, какіе бывали вопросы. «Зачѣмъ солдату дано ружье?» солдатъ отвѣчаетъ: чтобы колоть и стрѣлять. Въ подобной болтовнѣ, согласитесь, дѣла ни на грошъ. Отвѣтъ на подобный вопросъ въ дѣлѣ, а не въ словѣ; не употребляйте ружья иначе, какъ для стрѣльбы и для удара штыкомъ, и можете быть увѣрены, что солдатъ будетъ лучше знать, для чего оно назначается, чѣмъ проболтавъ самый краснорѣчивый отвѣтъ на эту тему. Кто просадитъ штыкомъ цѣль или попадетъ на 400, 500 ш. изъ 3 пуль двѣ, тотъ, молча, отвѣчаетъ на это лучше, нежели кавалеръ съ веселымъ видомъ и улыбочкою (въ означеніе развитія и того, что ему жить хорошо), проговорившій задолбленную фразу.

Заставлять учить вещи, которыя разумѣются сами собою, зна-

чить не развивать а забивать. Вопросная система— такое же порожденіе смотроваго направленія, какъ и всѣ тѣ цвѣточки, противъ которыхъ съ такимъ искусствомъ возстаетъ Д. У. С.; она поэтому должна была обратиться въ форму безъ содержанія.

Совершенно соглашаясь съ Д. У. С. въ необходимости учить стрѣльбѣ на близкія дистанціи, по причинамъ, высказаннымъ ниже, при разборѣ статьи г. В., полагаемъ, что эта стрѣльба должна производиться залпами. Не можемъ не замѣтить при этомъ, что, имѣя въ виду всю важность послѣднихъ выстрѣловъ передъ свалкою, слѣдуетъ военное оружіе всегда устраивать такъ, чтобы прицѣльная линія была параллельна оси ствола. Отъ этого, конечно, прицѣлъ на дальнія дистанціи вышелъ бы выше; но это неудобство ничто въ сравненіи съ неудобствомъ посылать пули черезъ голову противника въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи.

Искренно желаемъ почаще встрѣчать статьи гг. В. и Д. У. С. въ журналахъ; и это желаніе, конечно, раздѣлятъ съ нами всѣ тѣ, которымъ дорого не смотровое, а боевое дѣло.

— —

Г. С. В. отправляется отъ великаго суворовскаго начала: «пуля дура, штыкъ молодецъ», которое останется вѣчно справедливымъ; не потому, чтобы пуля была недѣйствительна, а потому, что, во 1-хъ, штыкъ рѣшаетъ дѣло, во 2-хъ, онъ есть представитель воли, нравственной энергіи, на которой зиждется все въ въ боевомъ дѣлѣ.

Къ сожалѣнію г. С. В. не выдерживаетъ этого начала, и, поддавшись мирно-военнымъ вліяніямъ, вводитъ въ свою статью нѣсколько такихъ вещей, которыя никакъ не ладятся съ его же собственной отправной точкой.

Мы далеки отъ мысли ставить подобную непослѣдовательность въ упрекъ г. С. В.: какъ и всякій человѣкъ, онъ не можетъ не подчиняться до нѣкоторой степени привычкамъ окружающей среды и требованіямъ системы практическихъ упражненій.

Такъ, на первой же страницѣ авторъ находитъ, будто во французской арміи въ послѣднюю кампанію были нормальные боевые порядки, заимствуя этотъ фактъ изъ сочиненія полковника Аземара.

Еслибы почтенный авторъ обратилъ вниманіе на реляціи сраженій послѣдней кампаніи, то увидѣлъ бы, что о подобныхъ порядкахъ въ дѣлѣ и помину не было; всякій изъ корпусныхъ командировъ располагался такъ, какъ по обстоятельствамъ боя было нужно. Императоръ, по обычаю всѣхъ людей, незнакомыхъ близко съ практикой военнаго дѣла изъ самаго дѣла, дѣйствительно, попытался въ началѣ кампаніи регламентировать построенія для боя

и даже походныя движенія, но эта попытка осталась на бумагѣ и въ практику не перешла. Императоръ имѣлъ на столько такта, что и не настаивалъ на этомъ, понимая ясно, что въ бою начальникъ только тогда и распоряжается хорошо, когда думаетъ больше о цѣли, чѣмъ о достиженіи ея именно тѣми, а не другими формами.

Что начальники французскіе были дѣйствительно на столько знатоками своего дѣла, чтобы не принять въ серіозную подобнаго стѣсненія формою, приведемъ нѣкоторые факты: подъ Маджентою части, направленныя въ присутствіи самого Императора па Ново-Маджентскій мостъ, Буффалору и по насыпи желѣзной дороги и не думали о соблюденіи порядка въ дивизіонныхъ колоннахъ на полныхъ интервалахъ, да и не могли думать объ этомъ по мѣстности. Макъ-Магонъ начинаетъ бой, имѣя въ первой линіи цѣлую дивизію развернутою и за нею другую дивизію въ колоннахъ. Подъ Сольферино тотъ же Макъ-Магонъ выстраиваетъ три бригады въ линію баталіонныхъ колоннъ и одну бригаду оставляетъ въ резервѣ.

Какъ видите, изъ фактовъ оказывается, что французскіе начальники имѣютъ о значеніи боевыхъ порядковъ совершенно другое понятіе, чѣмъ можно имъ приписать, прочитавъ, будто у нихъ былъ какой-то нормальный порядокъ. Воспитанные въ Алжирѣ, богатые славными преданіями первой имперіи, французы понимаютъ очень хорошо, что форма не есть дѣйствіе, а только часть обстановки дѣйствія; что дѣло въ томъ, чтобы побить врага, а не въ томъ, чтобы построиться для движенія противъ него на тѣхъ либо другихъ интервалахъ, въ тѣхъ либо другихъ колоннахъ. И потому то именно, что французы озабочены преимущественно дѣйствіемъ, а не формой дѣйствія, они и послѣднюю выбираютъ всегда очень раціонально, относясь свободно къ ней, а не полагая, будто въ какой нибудь изъ колоннъ можетъ, предпочтительно передъ другою, таиться спеціальная магическая сила.

О полныхъ интервалахъ, будто бы положенныхъ для того же нормальнаго порядка, можно сказать то только, что подъ Сольферино, въ корпусѣ Бараге д'Илье, ходятъ въ атаку на половинныхъ интервалахъ; въ томъ же сраженіи, передъ Медоле, были полки, разбрасываемые шаговъ на 1000, т. е. по крайней мѣрѣ 300-ми шагами больше того пространства, которое занимаютъ три баталіона на полныхъ интервалахъ.

Это относительно общаго нормальнаго порядка; обращаясь къ боевому порядку тактическихъ единицъ, не трудно видѣть то же

самое: части эти дрались въ безпорядкѣ *), какъ это ни возмутительно для уха всякаго, привыкшаго къ прямолинейно-геометрической стройности и поддавшагося ея требованіямъ. Но за этимъ внѣшнимъ безпорядкомъ таился высокій внутренній порядокъ—сознаніе людьми круговой поруки, т. е. неудержимое стремленіе выручить своего въ бѣдѣ, и энергія, не останавливающаяся предъ страхомъ смерти, а тѣмъ менѣе отвѣтственности. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на подвигъ поручика Мовеліа, отдѣлившагося съ 30 человѣками отъ баталіона гвардейскихъ стрѣлковъ (взявшихъ гору Альто) шаговъ на 400 влѣво и овладѣвшаго сначала двумя, потомъ 4-мя орудіями: учатъ ли этому нормальные порядки? Стройность формъ и стройность духа находятся въ непримиримомъ противорѣчіи въ томъ смыслѣ, что одна достигается не иначе какъ насчетъ другой; французы понимаютъ это по инстинкту и остерегаются какихъ-либо нормальныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что между ними нѣтъ лучшихъ, а всякая хороша въ свое время.

Сколько кажется, г. авторъ «штыковаго боя» принялъ это показаніе Аземара нѣсколько безъ повѣрки. Судить по книгамъ о французской арміи не всегда можно: не только сочиненія неоффиціальныя, но даже французскіе уставы не даютъ о ея маневрированіи правильнаго понятія. Въ подтвержденіе этого укажу на ихъ уставъ линейнаго ученья: болѣе наполненнаго всякою фридриховщиною устава я не знаю; чего тамъ не найдешь? И перемѣны фронта подъ угломъ въ 90°, и линію развернутыхъ баталіоновъ, и облическія каре... И на все это самыя точныя правила и какъ линіи разбивать, и кому въ полъоборота, кому цѣлымъ оборотомъ идти; однимъ словомъ, все то, что намъ такъ хорошо было извѣстно назадъ тому лѣтъ 15 **), понынѣ красуется на страницахъ французскаго линейнаго ученья.

Просмотрѣвъ этотъ уставъ, можно подумать: вотъ гдѣ сохранились прусскія преданія во всей ихъ идеальной чистотѣ! А между тѣмъ стоитъ разъ видѣть на дѣлѣ линейное ученье французовъ, чтобы понять, какъ они далеки отъ этихъ преданій. Будучи по преимуществу людьми дѣла, французы зачастую пишутъ большой вздоръ, какъ только пускаются въ теорію; но на дѣлѣ они никогда его не осуществляютъ, не имѣя и въ мысли хлопотать о достиженіи въ формахъ совершенства.

---

*) Т. е. скорѣе въ кучахъ, нежели въ какихъ либо колоннахъ.

**) А нѣкоторыя вещи, какъ облическое каре, даже и тогда были не извѣстны. Облическое каре не есть собственно изобрѣтеніе фридриховской эпохи; но по духу принадлежитъ къ ней.

Отъ этого они хотя и знаютъ формы, но никогда не относятся нимъ артистически. А разъ у начальника не замираетъ духъ того, если его баталіонъ не выровненъ въ струнку или если ъ построитъ колонну справа, когда другіе построились въ коонны къ атакѣ, онъ поставленъ на вѣрную точку относительно ормъ, какіе ни пиши педантическіе уставы.

Формъ безчисленное множество, и нѣтъ никакой возможности зучить ихъ всѣ; а кто довелъ до совершенства только одну каую либо систему формъ, приготовленъ къ грустнымъ разочароаніямъ на боевомъ полѣ: и тѣмъ, что онъ подъ пулями и ядрами е въ состояніи будетъ осуществить изученнаго, и тѣмъ, что вся-ая форма, не привычная его глазу, будетъ дѣйствовать на него акъ неожиданность.

Мы не сомнѣваемся, что авторъ разбираемой статьи знаетъ го не только не хуже, но лучше насъ; онъ показалъ это дѣломъ ъ Крыму, гдѣ, по слухамъ, строилъ свою бригаду «по племяамъ» *); тѣмъ болѣе намъ кажется страннымъ съ его стороны акое безусловное подчиненіе буквѣ французскаго сочиненія.

Далѣе авторъ, разбирая вопросъ о томъ, какъ должно атакоать холоднымъ оружіемъ, объявляетъ себя въ пользу того мнѣія, что штыкъ лучше примыкать только передъ самой атакой для произведенія въ людяхъ нравственнаго сотрясенія напоминаіемъ того, къ чему готовятся.

Идея чрезвычайно вѣрная, но только осуществленія ея нельзя скать въ томъ, въ чемъ его видитъ почтенный авторъ. Достиать нравственнаго эффекта подобнымъ средствомъ опасно потому, то примыканіе штыка, если онъ хорошо пригнанъ, не настолько егко, чтобы можно было всегда успѣть сдѣлать его, особенно передъ кавалерійской атакой. При нынѣшнемъ устройствѣ оружія, штыкъ и ружье должны составлять одно цѣлое; отмыкать его внѣ жиданія атаки и примыкать только передъ атакою столь же неаціонально, какъ, напр., отвинчивать замокъ, когда не стрѣля-

*) Подобное построеніе могъ подсказать только чрезвычайно вѣрный военный инстинктъ; извѣстно, какая близкая нравственная связь возникаетъ между дькой и племяшомъ, и понятно, что въ бою ранжиръ, основанный на подобныхъ отношеніяхъ, ранжиръ нравственный, даетъ нѣсколько болѣе задатковъ на успѣхъ и сплоченность части, нежели ранжиръ, основанный на такомъ случайномъ и неимѣющемъ никакого нравственнаго значенія признакѣ, какъ одинаковость роста. Въ этомъ случаѣ, если онъ только былъ, г. В. отступилъ тоже отъ нормы: но честь и слава тому, кто умѣетъ такъ освобождаться отъ нея! И можно пожалѣть объ одномъ, что эта ясность воззрѣнія при боевой обстановкѣ такъ легко подчиняется понятіямъ о военномъ дѣлѣ, вырабатываемымъ мирными упражненіями, понятіямъ, которымъ есть мѣсто на военномъ полѣ, но на боевомъ нѣтъ.

ютъ, и привинчивать передъ стрѣльбой. Осуществленіе идеи н
ственнаго впечатлѣнія приготовленіемъ оружія къ удару ни
мѣсто въ кавалеріи, гдѣ обнаженіе его не иначе, какъ
редъ самой свалкой дѣйствительно должно бы было при
постояннымъ правиломъ.

Нравственное же сотрясеніе передъ атакой въ пѣхотѣ мо
быть достигнуто менѣе рисковымъ и болѣе выгоднымъ для сб
женія оружія способомъ—это уваженіемъ ко всей обстан
атаки, т. е. тѣмъ, чтобы не брать на руку иначе, какъ для уд
и не злоупотреблять боемъ къ атакѣ. Пріемъ на руку сам
себѣ смысла не имѣетъ, а заимствуетъ его отъ дѣйствія, к
рымъ послѣдуемъ; понятно, что онъ только тогда можетъ пр
товлять къ этому дѣйствію, если солдатъ понятія о пріем
руку не будетъ раздѣлять отъ понятія объ ударѣ, т. е., если
не будетъ дѣлать этого пріема по пусту. Цѣлесообразную
практику въ этомъ пріемѣ онъ имѣетъ при фехтованіи, особе
противъ неодушевленныхъ цѣлей, гдѣ онъ не только фехтуетъ
и колетъ дѣйствительно.

Къ бою атаки это относится еще больше. Что вообще
можетъ производить сильное нравственное сотрясеніе, это нео
римо и подтверждается тѣмъ печальнымъ раздраженіемъ, кот
производитъ экзекуціонный бой, даже услышанный издали;
бой къ атакѣ не производитъ теперь ни малѣйшаго впечатлѣ
это тоже вѣрно. Почему же первый бой такъ дѣйствуетъ, поч
второй принимается совершенно безразлично? Очень просто:
вый слышимъ рѣдко и никогда даромъ; второй слышимъ ч
и всегда въ пустую. Бой къ атакѣ долженъ быть святыней
солдата, и самое лучшее было бы, еслибы послѣдній больше
или двухъ въ году не слыхалъ этого боя.

Далѣе авторъ находитъ, что есть три способа атаки: раз
нутымъ строемъ, колоннами и разсыпнымъ строемъ. Въ э
опредѣленіи смѣшаны два совершенно разнородныя понятія;
ствіе атаки и обстановка ея или форма, въ которой атака пр
водится. Принявъ это въ разсчетъ, станетъ понятно, что собств
способъ атаки одинъ: это—ударъ въ штыки; форма же, въ к
рой ударъ производится, не имѣетъ съ нимъ никакой сущест
ной связи. Это подтверждается боевыми столкновеніями, посто
воспроизводящими одно и то же явленіе: не тотъ бьетъ,
идетъ стройнѣе, а тотъ, кто лѣзетъ отважнѣе. Вы
строя по мѣстности, конечно, не лишенъ значенія; но нельзя
звать одну перемѣну строя перемѣной способа атаки; прид

формѣ подобное значеніе, найдемъ безчисленное множество способовъ атаки соотвѣтственно безчисленнымъ видоизмѣненіямъ формъ.

Это приданіе формѣ столь важнаго значенія, что по ней классифируются даже способы атаки, составляетъ также особенность мирно-военнаго взгляда на дѣло: такъ какъ въ мирное время нельзя дѣйствовать массами, а можно только заниматься обстановочной стороной ихъ дѣйствія, (формы строя, движеніе, примѣненіе къ мѣстности), то къ этому такъ привыкаютъ, что забываютъ о самомъ дѣйствіи и начинаютъ обстановкѣ его придавать преувеличенное значеніе.

Намъ кажется, что въ этомъ лежитъ также и причина тактической ереси, вкравшейся на стр. 102 прекрасной статьи г. С. В., гдѣ онъ говоритъ, что огнестрѣльное оружіе полезно въ мѣстностяхъ пересѣченныхъ, бѣлое оружіе—въ открытомъ полѣ. Автору не безъизвѣстно, что и на пересѣченной мѣстности штыкъ рѣшаетъ дѣло, и на открытой—огонь подготовляетъ атаку т. е., что оба способа дѣйствія равно примѣнимы и взаимно другъ друга дополняютъ на всякаго рода мѣстности. А по смыслу его словъ оказывается, будто на пересѣченной мѣстности штыкъ негодится, а на ровной—пуля. Этотъ недосмотръ произошелъ вѣроятно отъ приданія преувлеченнаго значенія другой обстановочной данной—мѣстности, какъ выше то же самое сдѣлано относительно формы, и всегда отодвигая на второй планъ дѣйствіе.

А между тѣмъ, имѣя въ виду то, что въ бою дѣлать приходится, должно вести образованіе, а слѣдовательно и разсуждать о немъ обратно, т. е., придавать первостепенное значеніе дѣйствію оружіемъ, отодвигая примѣненіе къ мѣстности и формы на второй планъ. Дѣйствительно, мѣстность и формы безконечно разнообразны, и изучить всѣ виды того и другаго нѣтъ возможности; способовъ дѣйствія всегда только два: штыкомъ или пулей, и употребленіе ихъ изучить можно. Пріучивъ людей къ дѣйствію оружіемъ предпочтительно передъ построеніемъ формъ и примѣненіемъ къ мѣстности, внушаютъ имъ, самымъ ходомъ обученія, мысль, что сущность не въ томъ, какъ и гдѣ стать, а въ томъ, чтобы послать мѣткую пулю или сразить штыкомъ врага; этимъ мы сдѣлаемъ людей недоступными впечатлѣнію неожиданностей, представляемыхъ формами непріятеля или мѣстностью. Пріучивъ же ихъ и себя къ изящному построенію нѣкоторыхъ формъ и къ обсужденію удобства или неудобства нѣкоторыхъ мѣстностей, мы тѣмъ самымъ и ихъ, и себя приготовляемъ становиться въ тупикъ передъ всякой формой и мѣстностью, неподходящими подъ тѣ образцы, къ которымъ привыкли.

Къ этой неожиданности прибавляется еще и другая — окончаніе дѣла штыкомъ, къ которому упражненія въ примѣненіи къ мѣстности и въ доведеніи до изящества формъ и движеній не приготовляютъ ни малѣйше.

Мы полагаемъ, что именно подобное направленіе образованія въ европейскихъ арміяхъ и вызвало со стороны Наполеона I чудовищныя своею громадностью колонны. Онъ зналъ, что для войскъ, привыкшихъ въ мирное время придавать преувеличенное значеніе формамъ, всякая новая форма должна быть поражающею неожиданностью и не ошибся въ разсчетѣ.

Невыдержанность Суворовскаго принципа, положеннаго въ основаніе статьи, особенно замѣтна въ признаніи одного мирно-военнаго зрѣлища, къ сожалѣнію слишкомъ часто повторявшагося въ послѣднее время, тоже за серіозный способъ отражать атаку: говоримъ о прекращеніи движенія въ атаку для развертыванія и стрѣльбы при сближеніи съ атакующимъ противникомъ.

Эта странная манера дѣлать на мирныхъ упражненіяхъ то, что въ бою служитъ признакомъ несостоятельности части для схватки въ штыки, въ высшей степени назидательна; она показываетъ, до какой степени должно быть осторожну въ редакціи устава, самый по видимому невинный § котораго можетъ повести къ большимъ несообразностямъ въ практическихъ упражненіяхъ. Исторія постепеннаго укорененія этой вредной нелѣпости въ войскахъ произошла на нашихъ глазахъ. Она могущественно царитъ теперь въ нихъ; не смотря на приказы не только по корпусу, но и г. в. м., она до такой степени сдѣлалась обязательною, что даже почтенный авторъ статьи уже считаетъ ее не нелѣпостью, а особой манерой дѣйствія. Откуда же взялось это? Въ новомъ уставѣ баталіоннаго ученія существуетъ § 333, по которому, если атакующимъ частямъ, когда онѣ подходятъ на высоту цѣпи, будутъ даны сигналы «сомкнутый фронтъ стрѣлять», то эти части должны остановиться и открыть огонь. Этого было довольно; такъ какъ подобное употребленіе огня было новинкою, то разумѣется частные начальники поналегли на нее, дабы люди не сбивались, если такіе сигналы будутъ поданы. Поналегли и начальники повыше, а поналегши, и сами привыкли къ тому, чтобы кончать движеніе въ мнимую атаку стрѣльбою, и начали этимъ кончать всякую атаку, тѣмъ болѣе, что даромъ стоять, сблизившись шаговъ на 50, скучно. Пріѣхали посмотрѣть изъ арміи, какъ въ гвардіи учатся и нашли уже окончаніе атаки стрѣльбою въ полномъ разгарѣ: ни одного ученія съ звуками не проходило, чтобы

это не было продѣлано разъ 10. Если такъ часто дѣлаютъ, значитъ такъ слѣдуетъ, значитъ нужно торопиться вводить и себѣ..... И вотъ остановка атаки для встрѣчи непріятеля батальнымъ огнемъ, въ дѣлѣ служащая обыкновенно признакомъ, что баталіонъ ошалѣлъ, возведена въ общій пріемъ обученія войскъ. Бѣда въ томъ, что кто пріученъ останавливаться передъ атакой въ мирное время, тотъ въ соотвѣтствующемъ случаѣ въ бою дастъ тылъ. Вотъ вамъ и выгодная встрѣча атаки огнемъ.

Чему же укорененіе подобной несообразности должно быть приписано? Исключительно § 333, который при томъ и лишній, потому что разъ сигналы «сомкнутый фронтъ» и «стрѣлять» существуютъ отдѣльно, комбинація ихъ должна быть предоставлена усмотрѣнію начальниковъ, и въ уставъ ей попадать нечего.

Мы не отвергаемъ залпа при атакѣ, который совѣтуютъ Бюжо и Генгре; но допускаемъ его для головной части колонны, безъ остановки и развертыванія, почти въ упоръ и при томъ такъ, чтобы этотъ залпъ служилъ сигналомъ къ свалкѣ въ штыки. Понятно, что такой залпъ, при небольшой привычкѣ людей къ нему, будетъ тѣмъ же ударомъ въ штыки по дѣйствительности и моральному впечатлѣнію; но между этимъ залпомъ на ходу и трескотней, для которой атакующая часть останавливается и развертывается—цѣлая пропасть.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о лучшемъ, по мнѣнію г. С. В., способѣ встрѣчи кавалерійской атаки пѣхотою; заключается онъ въ томъ, чтобы стрѣлки открывали батальный огонь по кавалеріи съ 800, а баталіонное каре съ 400 шаговъ. Затѣмъ, чтобы по приближеніи кавалеріи шаговъ на 40, люди брали на руку.

Опять забвеніе боеваго отношенія двухъ родовъ войскъ: можетъ быть на опытахъ въ Варшавѣ и дѣйствительно оказалось, что такъ дѣйствовать лучше; но вѣдь опыты варшавскіе дѣлались же противъ мишеней, а не противъ кавалеріи, несущейся на васъ во весь духъ. Кажется этого бы не слѣдовало забывать, и тогда совѣтъ Наполеона III—дѣлать по кавалеріи залпъ, подпустивъ ее на 40 шаговъ,—вѣроятно перевѣсилъ бы въ умѣ г. С. В. результаты мирныхъ упражненій.

Во 1-хъ, открывая огонь съ 400 шаговъ, нѣтъ возможности сдѣлать больше одного выстрѣла *), потому что кавалерія прой-

*) Г. В. полагаетъ, что можно сдѣлать два. Нельзя съ этимъ согласиться, потому что одно заряженіе, если оно порядочно сдѣлано, требуетъ около $^3/_4$ минуты. При томъ при стрѣльбѣ, важно число попадающихъ, а не выпускаемыхъ пуль и утвердительно можно сказать, что одинъ залпъ въ 80, въ 40 шагахъ положитъ больше, нежели двѣ очереди батальнаго огня, начатаго съ 400 шаговъ.

детъ эти послѣднія 400 шаговъ меньше нежели въ минуту; во 2-хъ въ цѣль, прямо на васъ бѣгущую, стрѣлять чрезвычайно трудно, даже и не принимая въ разсчетъ тревожнаго состоянія, неизбѣжнаго при ожиданіи кавалерійской атаки; это скажутъ всѣ охотники. Наконецъ, не говоря уже о затруднительности опредѣлить разстояніе до цѣли, движущейся на васъ со скоростью по крайней мѣрѣ 600 шаговъ въ минуту, нужно взять въ разсчетъ и то, что опредѣленіе разстояній, даже до неподвижныхъ цѣлей и необходимость начинать съ этого каждый выстрѣлъ, не Богъ знаетъ какъ процвѣтаютъ во всѣхъ вообще арміяхъ.

Взявъ это въ разсчетъ, станетъ понятно, что и при нынѣшнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, какъ и при прежнемъ, ранняя стрѣльба при кавалерійскихъ атакахъ можетъ не причинить серіозный вредъ непріятелю, а только пріучить заблаговременно его людей и лошадей къ гулу выстрѣловъ, да еще осмѣлить тѣмъ, что большая часть пуль будетъ неизбѣжно летѣть на воздухъ.

Можно положительно сказать, что теперь, какъ и прежде, при дѣйствіи пѣхоты противъ кавалеріи одинъ только залпъ въ упоръ (т. е. на разстояніи отъ 40—80 шаговъ) можетъ имѣть эффектъ не только матеріальный, но и моральный; послѣдній въ особенности ожиданіемъ этого страшнаго залпа, разслабляющимъ людей непріятельскихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они будутъ подъѣзжать ближе къ каре. Пуля до тѣхъ поръ страшна кавалеріи, пока она въ стволѣ: бывали примѣры, что эскадроны, отлично несшіеся въ атаку, давали тылъ отъ одного «кладсь», скомандованнаго въ ближнемъ разстояніи. Ясно, что не столько самый выстрѣлъ, сколько ожиданіе его страшитъ кавалерію и ослабляетъ рѣшительность атаки.

Авторъ такъ прекрасно понимаетъ нравственное вліяніе тишины при сближеніи съ враждебной пѣхотной массой; какъ же онъ не припомнилъ того же, разбирая встрѣчу кавалерійской атаки? Вѣдь стрѣльба опьяняетъ еще больше, нежели безобразное оранье. Кавалерія по свойствамъ своимъ есть родъ войска, основанный преимущественно на нравственномъ элементѣ и слѣдовательно поддающійся въ особенности тѣмъ вліяніямъ, которыя къ этому элементу относятся. Залпъ въ упоръ составляетъ почти тотъ же штыковый ударъ по эффекту дѣйствительному, а не воображаемому; разъ начавъ пальбу рядами, вы добровольно лишаете себя этого громаднаго ресурса, а между тѣмъ сами сознаете что пуля дура, штыкъ молодецъ. На 40 шагахъ и пуля молодецъ, потому что становится штыкомъ. Говорю «лишаете», потому что баталіонъ, стоящій въ

виду кавалерійской атаки, вы не заставите прекратить пальбу рядами, чтобы приготовить для залпа.

Далѣе, авторъ возстаетъ противъ непрерывности пальбы рядами и тому подобныхъ музыкальныхъ поползновеній, вкравшихся при холостой стрѣльбѣ. Вполнѣ соглашаясь съ г. В., что это ни къ чему не ведетъ, должны замѣнить, что это составляетъ естественное слѣдствіе усиленныхъ упражненій въ холостой стрѣльбѣ; когда старый солдатъ другаго выстрѣла кромѣ боеваго не будетъ дѣлать, подобныя требованія умрутъ сами собою. Вѣдь и теперь никому не приходитъ въ голову обращать вниманіе на непрерывность пальбы рядами, когда она производится боевыми патронами.

Пальба рядами теперь составляетъ совершенно самостоятельное занятіе, требующее особыхъ правилъ, особыхъ патроновъ и даже, какъ мы слышали, особаго пороха, въ доброкачественности далеко уступающаго настоящему. Все это нелѣпо, какъ ни грустно въ этомъ сознаться; но нелѣпо не само по себѣ, а потому, что составляетъ естественное слѣдствіе нецѣлесообразнаго занятія. Единственный случай дѣльнаго примѣненія холостой стрѣльбы при обученіи старыхъ солдатъ,—это при сквозныхъ атакахъ кавалеріи на пѣхоту, для пріученія лошадей къ звуку и огню выстрѣловъ.

1863 годъ.

Нѣсколько словъ объ организаціи пѣхоты въ тактическія единицы.

Никто не станетъ спорить о томъ, что вопросы организаціи, какъ бы, по видимому, ни были они несложны, имѣютъ громадное значеніе и въ боевомъ, и въ экономическомъ отношеніи; всякому извѣстно также, что эти двѣ стороны находятся въ антагонизмѣ до извѣстной степени, т. е. что удовлетвореніе чисто боевымъ условіямъ ведетъ къ безполезному истощенію матеріальныхъ и личныхъ силъ народа; и на оборотъ, подчиненіе организаціи арміи исключительно экономическимъ соображеніямъ фактически уничтожаетъ армію, не смотря на длинные столбцы цифръ, свидѣтельствующихъ о силѣ ея на бумагѣ.

Эта двойственность условій, которымъ должна удовлетворять организація вооруженной силы, и ведетъ къ тому, что весьма немногіе имѣютъ въ виду и то и другое, а большею частью наклоняются въ одну какую нибудь сторону и стремятся къ формамъ организаціи, которыя при всей видимой логичности ихъ, могутъ быть осуществлены только въ ущербъ хорошему состоянію арміи.

Пользуясь тѣмъ, что вопросы организаціи начинаютъ интересовать военную публику, мы предположили себѣ цѣлью перебрать тѣ изъ нихъ, которые относятся до состава строевыхъ единицъ и до соединенія ихъ въ единицы высшаго порядка.

I. Сила ротъ и число ихъ въ баталіонѣ.

Сила баталіона опредѣлилась въ зависимости отъ того, какое наибольшее число людей можетъ быть употреблено для единовременнаго холоднаго удара въ сомкнутомъ строѣ. Условія: наибольшей быстроты движенія и возможности управленія однимъ лицомъ.

обходимыя для единодушія удара, давно уже установили выгод-
йшую силу баталіона въ 600—800 *) человѣкъ. Считая эту
фру за норму постоянную, такъ какъ ни быстрота движенія че-
вѣка, ни дальность дѣйствія холоднымъ оружіемъ неизмѣнимы,
рашивается: на сколько ротъ долженъ быть раздѣленъ баталіонъ?

Очевидно, что разрѣшеніе этого вопроса преимущественно за-
ситъ отъ того времени и той степени вниманія, которыя тре-
ются одиночнымъ образованіемъ солдата; чѣмъ требованія проще,
мъ число людей въ ротѣ можетъ быть больше, число ротъ въ
таліонѣ меньше, и на оборотъ.

Въ тѣ времена, когда это образованіе заключалось въ доведе-
і до идеальнаго однообразія искусственной походки и ружей-
хъ пріемовъ, роты возрастали до 250 человѣкъ, и это было
вершенно логично, ибо при подобной простотѣ требованій одинъ
ловѣкъ легко могъ учить въ разъ 10, 15 человѣкъ рекрутъ,
вое или втрое старыхъ солдатъ; одинъ ротный командиръ могъ
ѣдить за 250 человѣками. Стоило только стоять передъ шере-
ю, или сбоку ея, и смотрѣть кто прохватываетъ или задержи-
етъ у каблука ногу, кто вяло или слишкомъ поспѣшно отни-
етъ руки—и дѣло было въ шляпѣ. Но и при такомъ положеніи
нашли возможнымъ идти въ уменьшеніи числа ротъ далѣе
тырехъ.

Теперь взгляды на образованіе солдатъ измѣнились радикально;
нятно, что часть будетъ только тогда хороша, когда каждая
ница знаетъ свое боевое дѣло, а не только соглашаетъ свои
иженія съ другими. Но едва хватились за вопросъ: чему должно
учить для боя, какъ оказалось, что нужно человѣка и ловкимъ
ѣлать, и стрѣлять, и фехтовать научить, и сметливость развить;
ежняя простота исчезла—приходится поработать очень долго и
имательно надъ каждымъ солдатомъ—въ шеренгу для всего
ого поставить трудно.

Взявъ это въ разсчетъ, безъ преувеличенія можно сказать, что
боты ротному командиру прибавилось почти на половину. Разъ
ю такъ, становится понятнымъ, что для пользы самого дѣла лю-
й въ ротѣ должно быть противъ прежняго меньше; число ротъ
баталіонѣ больше. Спрашивается послѣ этого: раціонально ли
звратиться къ четырехъ-ротному или еще того хуже, принять
рехротный составъ?

---

*) Мы не принимаемъ здѣсь еще въ разсчетъ того, что для возможности
ѣть баталіонъ восьми-сотенный въ военное время, нужно воспитать, при на-
шихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ тысячный.

Въ отвѣтѣ кажется сомнѣваться нельзя: кто смотритъ на дѣло не съ фридриховской точки, кто не воображаетъ, что сущность въ томъ только, чтобы вклеить солдата какъ можно плотнѣе въ ряды, тотъ сразу пойметъ, что при возможности, слѣдовало бы увеличить число ротъ противъ нынѣшняго и ужъ ни въ какомъ случаѣ не отказываться отъ пятиротнаго состава.

Господа, видящіе въ войскѣ механизмъ, а не организмъ, конечно съ этимъ не согласятся: они готовы предлагать, и при нынѣшнихъ требованіяхъ отъ солдатъ, роты въ 300 человѣкъ *); но съ такими кажется и спорить нечего. Для нихъ люди, со всею энергіею, имъ свойственною, не существуютъ; привыкнувъ имѣть дѣло съ бумагою, а не съ силами самодѣятельными, они воображаютъ, что послѣдніе все вытерпятъ, какъ терпитъ бумага, что рота тоже что игрушечный паяцъ, который дѣлаетъ—большой ли онъ или маленькій,— самыя хитрыя движенія, благодаря одной ниткѣ. До того, что ротный командиръ долженъ слѣдить за каждымъ человѣкомъ и что за 300 одинъ не усмотритъ **) имъ дѣла нѣтъ.

Независимо отъ нынѣшнихъ условій образованія—резона, по нашему мнѣнію, рѣшительнаго въ пользу удержанія пятиротнаго состава,—есть еще два, относящихся къ нравственному складу войска и требующихъ того же, это: 1) необходимость имѣть возможно большее число офицеровъ въ баталіонѣ, серьезно занимающихся съ солдатомъ и которыхъ солдатъ знаетъ; 2) необходимость не предпринимать безъ настоятельной нужды переформированій только что установившагося состава, которыя притомъ должны повести къ перемѣнѣ строевыхъ уставовъ.

То и другое на столько важно, что требуетъ нѣкотораго развитія. Всякому извѣстно, что бремя занятій по образованію солдатъ и по хозяйству роты лежитъ на ротныхъ командирахъ; но не всѣ согласны на счетъ того, что это иначе и быть не можетъ. Нѣкоторые полагаютъ, будто субалтернъ-офицеры могутъ принять самостоятельное участіе въ трудахъ, а не быть помощниками только ротному командиру.

— Подобное мнѣніе, какъ оно ни заманчиво, нельзя признать основательнымъ; во первыхъ, если это такъ, то зачѣмъ тогда ротные командиры? во вторыхъ, думающимъ такимъ образомъ совѣтуемъ обратиться мысленно къ тому времени, когда сами они были субалтернъ-офицерами, и отвѣтить, положа руку на сердце: имѣли

*) См. статью г. А. въ октябрьской книжкѣ В. Сб. за 1862.
**) Разумѣя съ помощниками, полагаемыми ротному командиру.

и они сами расположеніе къ подобной помощи ротному коман-ру, да согласился ли бы и онъ принять ее? Пора бы ужъ, ка-ется, смотрѣть на дѣло безъ идиллій и понять ту простую вещь, о человѣкъ занимается отъ сердца только тѣмъ, за что несетъ йствительную отвѣтственность передъ закономъ, тѣмъ, въ чемъ ъ себя чувствуетъ болѣе или менѣе хозяиномъ. Субалтернъ-фицеръ не можетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ своего от-ленія, ибо это нарушило бы единство роты; не можетъ и по-му что онъ не такъ неразрывно связанъ съ своимъ отдѣленіемъ, къ ротный командиръ съ ротой: сегодня его послали въ караулъ ь другой ротой, не съ своимъ капральствомъ, завтра на дежур-во, послѣ завтра въ какую нибудь командировку; гдѣ же тутъ мостоятельныя занятія? Даже во французской арміи, въ которой я организація направлена къ тому, чтобѣ всякій дѣйствительно лалъ свое дѣло, субалтернъ-офицеръ является помощникомъ рот-аго командира по наружному только виду. И между тѣмъ онъ интересованъ дѣйствительно приглядываться къ тому, что дѣлается ъ ротѣ, ибо попадаетъ въ ротные командиры вдвое скорѣе, чѣмъ ри четырехротномъ составѣ баталіоновъ *), слѣдовательно, почти ъ самаго начала службы озабоченъ мыслью приготовиться къ этой оли. Вотъ чѣмъ заставляютъ дѣлать дѣло, а не идиллическими раз-лагольствованіями, что оно должно исполняться изъ за добросо-ѣстности. Люди не ангелы и всякая система, имѣющая въ виду ассы, должна быть разсчитана на то, чтобы всякій былъ заин-тересованъ лично быть исполнительнымъ.

Послѣ этого кажется и сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что дѣйствительнѣе достигаетъ цѣли—четырехъ ли ротный, или ятиротный составъ баталіоновъ.

Въ пользу удержанія пятиротнаго состава еще болѣе говоритъ бстоятельство, которое, къ сожалѣнію, часто упускаютъ изъ виду, которое, однако, имѣетъ важное значеніе когда дѣло идетъ о ассахъ: разумѣю возможное постоянство формъ, въ которыхъ эта асса привыкла жить. Уже давно извѣстно, что давность для нея акой резонъ, котораго не опрокидываетъ долго никакая логика; по всему недавнему, особенно часто перемѣняемому, она плохо ѣритъ. Взявъ это въ разсчетъ, нельзя не согласиться, что пере-ѣны, даже къ лучшему, не всегда ведутъ къ хорошему, не го-оря уже о такихъ, выгоды которыхъ подвержены, по меньшей

*) Французскій баталіонъ раздѣляется на 8 ротъ; т. е. каждый взводъ со-тавляетъ роту.

мѣрѣ, большому сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи примѣръ великихъ ловцовъ людей, бывшихъ идолами массъ, долженъ бы служить неопровержимымъ и назидательнымъ авторитетомъ: можно сказать положительно, что если все у нихъ складывалось такъ хорошо, то именно потому, что они понимали свойства массъ, въ числѣ которыхъ сила привычки играетъ едва ли не первую роль. Не настаиваю на хорошемъ или дурномъ качествѣ этого факта съ умственной точки; заявляю только, что онъ существуетъ, и имѣетъ основаніе существовать. Всякая шаткость постановленій, всякое быстрое измѣненіе ихъ даже къ лучшему невольно намекаетъ на то, будто подобное измѣненіе опредѣлилось фантазіями личнаго каприза болѣе, нежели разумно-сознанной необходимостью. Это неминуемо подрываетъ довѣріе къ постановленіямъ, которое необходимо для того, чтобы ихъ принимали въ серьезную.

Едва мы перешли къ пятиротному составу, какъ уже поднимаются голоса о необходимости, будто бы, возвратиться опять къ четырехротному и даже къ трехротному. Предположимъ, что эти голоса были бы на бѣду услышаны: опять начинается переформированіе, опять являются командиры за штатомъ, опять новая редакція устава, уже и безъ того передѣланнаго два раза въ теченіе шести лѣтъ; опять переучиваніе людей, офицеровъ, съ уменьшеніемъ въ то же время шансовъ на производство послѣднихъ. Кто не стоялъ близко у дѣла, тотъ себѣ представить не можетъ, какихъ усилій стоитъ введеніе перемѣны иногда самой ничтожной и естественной; а перемѣняя число ротъ, такихъ перемѣнъ придется сдѣлать, можетъ быть, не одинъ десятокъ. За примѣрами ходить не далеко: года два тому назадъ положили отказаться отъ маршировки съ вытянутыми носками и замѣнить ее обыкновенной человѣческой походкой. Что же вышло? въ первое время много находилось такихъ солдатъ, которые никакъ не въ состояніи были себя принудить ходить въ строю съ каблука. И между тѣмъ въ этомъ случаѣ приходилось возвратиться къ тому, чего требуетъ устройство человѣческой ноги; можно себѣ представить, чего стоитъ введеніе перемѣнъ, которыя не находятъ такого помощника, какъ естественныя условія, для преодолѣнія силы привычки.

Фридрихъ зналъ что дѣлалъ, оставляя пять ротъ въ баталіонѣ при строевомъ дѣленіи его на 8 взводовъ; онъ былъ убѣжденъ, слѣдовательно, что выгоднѣе пожертвовать однимъ изъ основныхъ принциповъ хорошей организаціи *), нежели нарушить привычки войскъ.

---

*) Единство строеваго и бытоваго раздѣленія на части.

Намъ кажется, по всему этому, что желающіе четырехъ или ехъ-ротнаго состава, сами того не замѣчая, увлекаются эконо-ическими разсчетами въ ущербъ и боевымъ условіямъ, и тѣмъ, торыми опредѣляется жизнь массъ; на столько ли велики первыя обы пренебречь въ особенности послѣдними, неудовлетвореніе торымъ поселяетъ въ организмѣ неминуемый разладъ, предостав-ю судить читателю, ссылаясь въ заключеніе на примѣръ орга-изаціи французской арміи, выработанной конечно раціональнѣе жели какая либо другая. Въ этой арміи баталіоны въ восемь ъ; установилось число ихъ въ революцію и съ тѣхъ поръ остается измѣннымъ, выдержавъ опытъ продолжительныхъ войнъ и пройдя резъ руки такихъ организаторовъ, какъ Наполеонъ и С. Сиръ.

II. Число баталіоновъ въ полку.

Послѣ числа ротъ въ баталіонѣ, вопросъ почти столь же важ-ый и во всякомъ случаѣ существенный—опредѣленіе числа ба-аліоновъ въ полку. Конечно, чѣмъ больше баталіоновъ въ полку, ѣмъ меньше полковыхъ командировъ и полковыхъ штабовъ, слѣ-овательно получается очевидная экономическая выгода. Но для того сокращенія числа полковъ усиленіемъ состава каждаго изъ ихъ, существуетъ также извѣстный предѣлъ, котораго нельзя пе-ейти безъ дѣйствительной потери, погнавшись за видимой эконо-ией. Этотъ предѣлъ—три баталіона, разумѣя конечно, баталіоны ѣйствующіе.

Полковой командиръ учитъ только полкъ; даетъ направле-ie обученію индивидуумовъ, ротъ и баталіоновъ; наблюдаетъ за равильнымъ ходомъ полковаго хозяйства. Ясно, слѣдовательно, что ила полка должна быть опредѣлена въ зависимости отъ условій обнѣйшаго управленія баталіонами, въ положеніяхъ собствено оеннаго быта, и ротами—въ вопросахъ хозяйства. Тѣ и другія словія рѣшительно склоняютъ въ пользу трехъ-баталіонныхъ пол-овъ передъ двухъ и четырехъ-баталіонными.

Двухъ-баталіонная организація, представляя неоспоримое пре-мущество относительно легкости военнаго, бытоваго и, наконецъ, озяйственнаго управленія, очевидно невыгодна въ экономическомъ отношеніи и потому должна быть отвергнута.

Нѣкоторые приводятъ противъ нея и тотъ аргументъ, что найти, положимъ, командировъ для трехъ 2-хъ-баталіонныхъ полковъ труд-нѣе, чѣмъ для двухъ 3-хъ-баталіонныхъ; но едва ли этотъ аргументъ состоятеленъ: во 1-хъ, если для полковъ перваго состава коман-

дировъ потребуется на цѣлую треть больше, за то ихъ роль легче во 2-хъ, трудность или легкость выбора полковыхъ командировъ опредѣляется вовсе не числомъ избираемыхъ, а проницательностью избирающихъ: въ такой массѣ, какъ армія большого государства, недостатка въ кандидатахъ на какую бы то ни было роль никогда не бываетъ, нужно только умѣть ихъ отличить; въ 3-хъ, большая часть назначеній дѣлается въ мирное время, когда боевыя способности, долженствующія составлять первостепенное условіе въ этомъ случаѣ, не видны, и когда, слѣдовательно, выборъ неминуемо подчиняется случайностямъ, неимѣющимъ съ боевымъ дѣломъ ничего общаго, и неизбѣжнымъ даже въ предположеніи большой проницательности при выборѣ; въ 4-хъ, затруднительность выбора возрастаетъ въ соразмѣрности, несравненно большей, нежели возрастаетъ сила частей, такъ, что если, напримѣръ, трудно найти 20 командировъ для двухъ баталіонныхъ полковъ, то 10 для четырехъ-баталіонныхъ найти еще труднѣе.

Мы съ намѣреніемъ остановились на этомъ аргументѣ потому въ особенности, что онъ, имѣя видимую и притомъ привлекательную основательность, ибо относится къ нравственной сторонѣ военнаго дѣла, весьма легко можетъ ввести въ заблужденіе. Примѣръ—статья, появившаяся въ послѣднемъ № В. Сб. по поводу статьи г. А., приведенной выше. Въ ней подобный резонъ приводится въ оправданіе трехротной организаціи баталіоновъ,—какъ будто гдѣ нибудь ротныхъ командировъ назначаютъ по выбору.

И такъ, отказываясь отъ двухъ-баталіонной организаціи, остается рѣшить что лучше—трехъ или четырехъ баталіонные полки?

Въ пользу первыхъ говоритъ и опытъ, и внимательное разсмотрѣніе различныхъ положеній, въ которыя полкъ можетъ быть поставленъ.

Если обратиться къ опыту, то увидимъ, что нынѣ въ главнѣйшихъ арміяхъ Европы полки трехъ-баталіоннаго состава, въ томъ числѣ въ Австрійской, въ которой перешли къ этой организаціи послѣ Италіанской кампаніи 1859, точно такъ какъ у насъ сдѣлали тоже самое послѣ Крымской. Эти два факта составляютъ аргументъ, по нашему мнѣнію, неопровержимый въ пользу трехъ баталіоновъ: въ мирное врамя невольно забываются боевыя условія, и на мѣсто ихъ выступаютъ требованія экономіи и симметріи; но первый шагъ въ дѣло,—и организація, возникшая подъ вліяніемъ мирно-военныхъ тенденцій, разбивается въ прахъ. Примѣръ французской организаціи, приведенный выше, еще болѣе подкрѣпляетъ эти недавніе опыты: въ ней трехъ-баталіонный составъ полковъ *)

*) Мы разумѣемъ вездѣ дѣйствующіе баталіоны; по слухамъ въ послѣднее

освященъ болѣе чѣмъ полувѣковымъ существованіемъ, и какимъ существованіемъ! изъ котораго 20 слишкомъ лѣтъ пошло на войны въ родѣ революціонныхъ, Крымской, Италіянской.

Выдержала ли бы эта организація подобный опытъ, если бы не соотвѣтствовала вполнѣ назначенію пѣхоты во всѣхъ его проявленіяхъ? Подобный фактъ говоритъ самъ за себя и, кажется, не требуетъ поддержекъ болѣе или менѣе умозрительныхъ; но онѣ необходимы для уясненія его смысла; иначе и всякая отжившая рутина могла бы претендовать на авторитетъ и существованіе, опираясь на давность. Это не будетъ трудно,—стоитъ взять на удачу нѣсколько положеній полка, въ мирное и военное время.

Походъ въ мирное время: трехъ-баталіонный полкъ безъ затрудненія можетъ быть пущенъ въ одномъ эшелонѣ, четырехъ-баталіонный—не иначе какъ въ двухъ. Штабъ и госпиталь идутъ при одномъ изъ эшелоновъ, распоряженіе затрудняется, пособіе заболѣвающимъ тоже; а въ случаяхъ, нетерпящихъ проволочки, и совсѣмъ оказывается недѣйствительнымъ. И такъ, фактически, изъ четырехъ-баталіоннаго полка вышло два двухъ-баталіонныхъ; и четырехъ-баталіонная организація даетъ себя чувствовать одному изъ нихъ тѣмъ только, что онъ поставленъ въ незавидное положеніе по удовлетворенію своихъ нуждъ и вообще выведенъ изъ нормальнаго состоянія, къ которому привыкъ на мѣстѣ.

Положеніе на войнѣ. Четыре баталіона занимаютъ въ бою такое пространство, что наблюденіе за всѣми ими и управленіе становится затруднительнымъ, а иногда и невозможнымъ: примѣръ—Піемонтцы, полки которыхъ дрались у S. Martino и Madonna della Scoperta въ разбросъ именно потому, что одному человѣку трудно справиться съ четырьмя баталіонами, точно также какъ вся армія ихъ дралась въ разбросъ, ибо была слишкомъ сильна для одного корпуса; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ разрозненность усилій объясняется тѣмъ, что одна воля не могла охватить всей массы и устремить ее къ одной цѣли. Разница между этими двумя примѣрами только количественная; второе происходило на позиціи, первое на каждомъ изъ пунктовъ ея. И, на бѣду, такъ

время 24 роты, составлявшія французскій полкъ, были соединены въ 4 баталіона по 6 ротъ въ каждомъ; но это не опровергаетъ сказаннаго ни о числѣ ротъ, ни о числѣ баталіоновъ, ибо 4-й баталіонъ резервный; и разница отъ предъидущей организаціи заключается въ томъ только, что роты, назначенныя для сформированія кадровъ резерва, прежде считалось выгоднымъ держать въ баталіонахъ раздѣльно, а теперь ихъ соединили въ одинъ баталіонъ. Прежде отдѣляли такимъ образомъ по двѣ роты отъ каждаго баталіона въ резервъ только съ приведеніемъ части на военное положеніе.

какъ въ подобныя минуты невозможность управиться съ дан
массой чувствуется весьма сильно и всѣми, являются непрошен
помощники, которые въ конецъ портятъ дѣло.

При отдѣльныхъ назначеніяхъ,—тамъ гдѣ пошлютъ трехъ-
ліонный полкъ, пошлютъ часть четырехъ-баталіоннаго; дроблен
во всякомъ случаѣ невыгодное, выводя часть изъ обычнаго
рядка подчиненія,—и которое естественно должно встрѣчаться т
чаще, чѣмъ полки сильнѣе. Но, кромѣ этого въ четырехъ-баталі
номъ полку, при раздѣленіи его на двѣ равныя части, возника
положеніе, весьма невыгодное для энергіи командованія, а слѣ
вательно и для выполненія назначеній. Кто долженъ идти съ
дѣляемыми баталіонами? Даже предполагая, что полковой ком
диръ возьметъ на себя опаснѣйшую роль,—хотя это и не все
будетъ,—въ другихъ двухъ баталіонахъ является временной п
ковой командиръ, взятый конечно изъ баталіонныхъ; на его мѣ
является новый баталіонный командиръ, однимъ словомъ идетъ
ретасовка начальства въ ту именно минуту, когда такъ важ
чтобы командовали тѣ, которыхъ люди привыкли считать за ком
дировъ.

Судя по человѣчеству, и спорить конечно никто не стане
что калифъ на часъ не такъ свое дѣло дѣлаетъ, какъ калифъ
стоящій; и потому что не освоился со своей ролью, и потому
подчиненные также смотрятъ на него какъ на временна
Въ трехъ-баталіонномъ полку не то: командиръ полка, по зд
вому смыслу, остается при большей его части; даже предпола
совершенно равное раздѣленіе (что мало вѣроятно), т. е., по
таліону и $2^1|_2$ роты, въ части командуемой баталіоннымъ ком
диромъ, послѣднія естественно ему подчиняются; въ отрядѣ
нѣтъ человѣка, который, подчиняясь ему de jure, былъ бы
равносиленъ de facto. Новыхъ назначеній дѣлать не приходит
И пусть не думаютъ, чтобы мы, разбирая дѣло такимъ образо
упускали изъ виду основы субординаціи, нѣтъ: мы ихъ не у
скаемъ; мы только принимаемъ въ разсчетъ добавочную данную
свойства человѣческой природы, которыя въ боевое время в
упруже и рѣзче заявляютъ себя, нежели въ мирное. На одну
бординацію, не обращая вниманія на человѣка, можно опере
только, когда царитъ благоденственный миръ, когда найдутся сп
чтобы сломить какой угодно характеръ, какое угодно самолю
но въ военное время нужно имѣть въ виду и человѣка.

Могутъ возразить, что въ бою всякій убитый командиръ
требуетъ того перемѣщенія начальства, противъ котораго возста
мы; но, во 1-хъ оно происходитъ тогда надолго и не по одн

наружному виду только; во 2-хъ, подобное возраженіе не совсѣмъ было бы логично: вопросъ не въ томъ, препятствуетъ или не препятствуетъ бой постоянству командованія, а въ томъ, желательно ли оно или нѣтъ. Если это постоянство хорошо, то объ устраненіи причинъ, его нарушающихъ и которыя находятся въ нашей власти, мы должны хлопотать тѣмъ болѣе, чѣмъ неустранимыя и внѣ нашей власти находящіяся причины дѣйствуютъ сильнѣе. Довольно и того безпорядка, который производитъ бой, чтобы увеличивать его добровольно, приспособленной на сей конецъ организаціей.

Перемѣнить не долго; но что выйдетъ изъ перемѣны—это другой вопросъ, разрѣшаемый только тогда, когда приходится платиться за нее, и когда поздно бываетъ думать о томъ, какъ исправить перемѣну.

По поводу рецензіи на солдатскую справочную книгу, помѣщенной въ Военномъ Сборникѣ.

Всѣ мы, благодаря Бога, на словахъ прогрессивны и развиты; всѣ пишемъ гладко и витіевато; всѣ желаемъ блага родной арміи, основаннаго прежде всего на разумномъ веденіи и сбереженіи солдата: какъ намъ послѣ этого, по видимому, не знать условій, опредѣляющихъ это разумное веденіе его и сбереженіе? Къ несчастію, когда до дѣла доходитъ, обнаруживается, что у насъ по этой части царитъ такой сумбуръ, который вообразить себѣ трудно, не познакомившись поближе съ пишущими военными педагогами. Рецензія В. Сб. на 2-ю часть Справочной солдатской книжки представляетъ тому печальное доказательство, не смотря на то, что написана она такимъ самоувѣреннымъ тономъ, который не всегда встрѣтишь и при гораздо большемъ пониманіи дѣла.

Проредактировавъ всю уставную часть книжки, а нѣкоторыя статьи ея написавъ самъ, я счелъ долгомъ не оставлять безъ отвѣта пристрастныхъ нападковъ неизвѣстнаго рецензента, какъ онѣ ни голословны: на Руси издавна заведено, что кто кричитъ громче и... безцеремоннѣе, тотъ и правъ; много ли найдется читателей, которымъ придетъ въ голову свѣрять рецензію В. Сб. съ книжкой? И не больше ли будетъ такихъ, которые, прочтя только рецензію, написанную весьма игривымъ слогомъ, и не прочтя книжки, скажутъ, что послѣдняя дѣйствительно никуда негодится? Намъ уже теперь не разъ случалось слышать подобные отзывы о книжкѣ и именно на этомъ основаніи; слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока у насъ наивное довѣріе къ печатной строкѣ въ такой силѣ и пока процвѣтаютъ бойкіе рецензенты, говорящіе о томъ, чего они не дали даже себѣ труда внимательно прочесть, не отвѣчать имъ нельзя, какъ бы это, лично, ни было противно.

Мы говоримъ, что г. рецензентъ даже не далъ себѣ труда внимательно прочесть книжку и вотъ тому доказательство:

Приступая къ разбору отдѣла о гарнизонной службѣ, онъ ишсываетъ нѣсколько строкъ изъ начала этого отдѣла, гдѣ ворится, что такъ какъ къ концу 6-го мѣсяца рекрутъ знаетъ рѣлять и колоть, то ему можно уже ввѣрить охраненіе поста, е., посылать въ караулъ. На это г. рецензентъ замѣчаетъ: акъ не совсѣмъ вѣрно и опредѣлительно начинается отдѣлъ гарнизонной службѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что условія, указанныя ѣсь, необходимы солдату, который входитъ въ отправленіе обя-нностей караульной службы (слѣдовательно сказанное вѣр-), но все таки нельзя посылать его въ караулъ безъ того, обы прежде не объяснить сущность самыхъ обязанностей этой ужбы, необходимость чего пропущена при приведенномъ нами ложеніи». Прочтя это, кто не скажетъ: «какъ же можно дѣлать добные крупные промахи? Со стороны редакціи это просто не-бросовѣстно». Но кто послѣ подобнаго приговора дастъ себѣ удъ просмотрѣть книжку, тотъ увидитъ, что приведенный промахъ ществуетъ только въ воображеніи рецензента.

На 3-й страницѣ Памятной книжки, гдѣ начинается изложеніе спредѣленія занятій по мѣсяцамъ, вы читаете:

«Съ третьей недѣли (1-го мѣсяца) рекрутамъ начинаютъ чи-ть два раза въ недѣлю постановленія, до рядовыхъ относя-ясь, употребляя на это каждый разъ не болѣе получаса; (о ди-циплинѣ, христіанскихъ обязанностяхъ, нравственности, наградахъ службѣ; о порядкѣ внутренней службы, обязанности часо-го изъ гарнизонной службы; что получаетъ отъ казны день-ми, вещами)».

На 18-й находимъ:

«Къ концу 6-го мѣсяца рекрутъ долженъ быть приготовленъ исполненію должностей: дневальнаго, вѣстоваго, часоваго».

Взявъ въ разсчетъ, что до окончанія 6-ти мѣсячнаго срока ихъ чтеній будетъ 44, что въ Рекр. школѣ предписано притомъ рашивать, понято ли прочитанное и если не понято, то объяс-ть,—станетъ ясно, что пропуска, найденнаго г. рецензентомъ, книжкѣ не сдѣлано. Послѣ этого всякій по достоинству можетъ ѣнить ту степень вниманія и добросовѣстности, съ какими г. ре-зентъ читалъ книжку, которую взялся разбирать.

Еще образчикъ: въ отдѣлѣ о баталіонныхъ строяхъ, для объ-ненія почему они разнообразнѣе строевъ роты, сказано, что баталіонѣ бываетъ 800 человѣкъ, а иногда и 1000. Этого вольно для г. рецензента, чтобы подать ему поводъ къ тирадѣ, дто такая неопредѣлительность можетъ оставить фальшивыя пред-авленія въ солдатѣ о силѣ баталіона, ибо не объяснено, когда

бываетъ 800 человѣкъ и когда 1000. Не отрицая всей проп
тельности, на которую израсходовался г. рецензентъ для откр
столь вредныхъ послѣдствій въ вещи такой невинной, отдавая
полную справедливость сообразительности, съ какою онъ вы
что по приведенному въ книжкѣ числу людей въ ротѣ (178
получается для силы баталіона еще третья величина—875 че
я долженъ замѣтить, что г. рецензентъ показалъ во всемъ
опять таки ту же непривычку читать внимательно рецензиру
вещи. Во 1-хъ, въ книжкѣ толкуется не объ организаціи т
ческихъ единицъ и условіяхъ большей или меньшей силы их
только напоминается о числѣ людей для того, чтобы яснѣе
необходимость разныхъ строевъ; во 2-хъ, солдатъ и безъ
ясненія прекрасно понимаетъ, что такія величины, какъ
баталіонъ, постоянными никогда не бываютъ. Въ Памятной кн
однимъ изъ главныхъ основаній было принято по возмож
избѣгать объясненія того, что, не будучи существенно важ
для солдата, само собою понятно, потому что ежедневно пр
дитъ передъ его глазами, или непосредственно имъ исполня
по этому было бы нелѣпо распространяться въ книжкѣ о ч
тельности частей и чѣмъ она опредѣляется; нелѣпо тѣмъ б
что вѣдь солдату ни баталіоновъ, ни ротъ, ни даже деся
формировать не приходится.

Далѣе въ рецензіи читаемъ: «при исчисленіи случаевъ
требленія ротныхъ колоннъ, многіе изъ нихъ не упомя
Сказано только, что если мѣсто перерѣзано канавами, в
родами, или покрыто кустами или лѣсомъ, въ колонн
атакѣ нельзя сохранить порядка: тогда баталіонъ п
страиваютъ въ ротныя колонны, въ одну или въ двѣ л
Между тѣмъ не рѣдко бываютъ и такія обстоятельства, когда м
сохранить порядокъ въ колоннѣ къ атакѣ, и части все таки
страиваются въ ротныя колонны, напр., когда нужно занять
шое пространство или когда предстоитъ надобность въ боль
числѣ отдѣльныхъ резервовъ». Вотъ что значитъ доморощ
тактика, не идущая далѣе буквальнаго заучиванія парагра
устава, и что значитъ слѣпое стремленіе раскритиковать во
то ни стало!

Во 1-хъ нѣсколькими строками ниже, въ той же нам
книжкѣ говорится, при разборѣ построеній въ одну и въ дв
нiи, что иногда и такъ бываетъ, что длинный фронтъ з
нужно непремѣнно»... Что же это, какъ не указаніе на
чину необходимости построенія баталіона иногда въ одну
ротныхъ колоннъ, въ зависимости отъ длины позиціи? Во

много подумавши, г. рецензентъ самъ бы понялъ, что какъ раснутое расположеніе баталіона, такъ и необходимость большого сла отдѣльныхъ резервовъ, обусловливаются именно закрытой и ресѣченной мѣстностью *), ибо на открытой, вы не найдете приины, по которой имѣть баталіонъ разбросаннымъ было бы предочтительнѣе, чѣмъ имѣть его въ сборѣ. Впрочемъ, это уже относится къ тактическимъ понятіямъ г. рецензента, о которыхъ поворю нѣсколько ниже.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать съ какимъ вниманіемъ г. рецензентъ читалъ «книжку». Обратимся къ понятіямъ его о воспитаніи солдата и о тактическихъ формахъ.

При большемъ распространеніи здравыхъ понятій о военномъ ремеслѣ въ нашей военной публикѣ, воззрѣнія г. рецензента на казанные предметы не заслуживали бы опроверженія, но теперь ходится разбирать и эти воззрѣнія, ибо, при наружной логичности, они могли бы найти партизановъ, тѣмъ болѣе, что говорятъ пользу нашихъ застарѣлыхъ привычекъ; а кому неизвѣстно, какъ большинство всегда расположено соглашаться съ тѣмъ, кто поддерживаетъ установившуюся рутину?

Первое замѣчаніе, дѣлаемое г. рецензентомъ, относительно образованія рекрутъ, заключается въ томъ, что программа занятій для естимѣсячнаго срока слишкомъ обширна, особенно по гимнастикѣ. готъ упрекъ могъ бы относиться еще къ Рекрутской школѣ, изъ которой, какъ и самъ г. рецензентъ замѣчаетъ, книжка составляетъ лько выборку. Но дѣло въ томъ, что и въ отношеніи къ Рекрутской школѣ онъ совершенно не основателенъ. Мы рекомендуемъ рецензенту ознакомиться съ слѣдующими §§ Рекрутской школы, обы въ этомъ убѣдиться: съ 10-мъ, въ которомъ предписано, обы упражненія гимнастическія назначались докторомъ, сообразно ладу рекрута; съ 30-мъ, которымъ опредѣлено начинать практическія упражненія 4-го урока**) съ оказавшими въ гимнастикѣ олѣе успѣха и отъ природы болѣе способными.

Имѣя въ виду эти §§, не трудно понять, что не для всѣхъ далеко не весь курсъ гимнастики обязателенъ не только въ ервые шесть мѣсяцевъ, но и во всю службу. Въ Памятной книжкѣ сть только намеки на эти §§, ибо ея цѣль напоминать то, что егче забывается, а не все заключающееся въ уставахъ. Со стоюны же г. рецензента странно было пускаться въ разглагольствованія

*) Т. е. такой, на который трудно сохранить порядокъ въ части, состоящей изъ большого числа людей.

**) Т. е. тѣ, противъ которыхъ особенно возстаетъ г. рецензентъ.

объ обширности гимнастическаго курса, не принявъ этихъ §§ въ разсчетъ. Вѣдь «Справочная книжка» ни для кого не обязательна—обязательна Рекрутская школа; и если вамъ хотѣлось поговорить о гимнастическомъ образованіи рекрута, нужно было обратиться къ послѣдней.

Можетъ быть вы скажете, что этихъ §§ никто исполнять не будетъ; съ этимъ нельзя согласиться, по крайней мѣрѣ относительно арміи, въ которой горячка показывать на смотру чудеса не вездѣ свирѣпствуетъ съ такою силою, какъ то вамъ, г. рецензентъ, по причинамъ чисто мѣстнымъ, кажется. Тамъ же гдѣ она въ силѣ—что̀ и ка̀къ ни пиши, все равно не будетъ исполняться; ибо уже давно извѣстно, что характеръ занятій опредѣляется характеромъ требованій, а не буквой устава.

Усиливаясь доказать, до какой степени неразумно проходить почти весь курсъ гимнастики въ первые шесть мѣсяцевъ, г. рецензентъ обнаруживаетъ взгляды на образованіе солдата, на столько оригинальные, что молчаніемъ пройти ихъ нельзя. Такъ, онъ говоритъ: «въ кругъ образованія рекрутовъ введенъ почти весь курсъ гимнастики, существующій для солдата, такъ что усвоивши его въ первые шесть мѣсяцевъ, придется во всю послѣдующую службу только повторять прежде пройденное. Не говоря уже о томъ, что подобное постоянное повтореніе одного и того же слишкомъ скучно и не представляетъ ни особенной пользы и занимательности, замѣтимъ, что всѣ движенія невозможно изучить съ полной основательностью въ такое короткое время»...

Изъ этой выписки слѣдуетъ: 1) что учить солдата нужно избѣгая повтореній одного и того же, между тѣмъ, какъ вся его служба заключается въ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же вещей; 2) что съ самаго начала отъ рекрута слѣдуетъ добиваться «полной основательности» въ исполненіи движеній, т. е., смотроваго изящества, прибавимъ мы, и прибавимъ съ полнымъ основаніемъ, ибо ничего другаго подъ выраженіемъ г. рецензента понимать нельзя, и вотъ почему: подняться, положимъ, на два аршина отъ земли по шесту, или подняться во всю его длину, будетъ одно и тоже «лазанье по шесту»; первое можно сдѣлать также основательно, какъ и второе, ибо у людей, понимающихъ дѣло, подъ основательностью, въ этомъ случаѣ, разумѣется правильное исполненіе движенія, а не большее или меньшее разстояніе, на которое оно сдѣлано. Имѣя это въ виду, не трудно понять, что рекрутъ удовлетворитъ требованіямъ полной основательности съ перваго же раза, если ему покажутъ, что̀ и какъ нужно сдѣлать.

если же г. рецензентъ говоритъ о «полной основательности», недостижимой для рекрута, то ясно, что онъ разумѣетъ изящество, а только совершенно безполезное, но положительно вредное.

Но особенно интересно то, что г. рецензентъ разумѣетъ подъ скучнымъ повтореніемъ одного и того же. Имѣя въ виду, что необходимое условіе совершенства во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ (начиная отъ гимнастики и кончая техникой живописи и музыки) составляетъ повтореніе, станетъ ясно, что оно должно играть весьма большую роль въ занятіяхъ солдата, которыя всѣ основаны на физическомъ навыкѣ. Ясно, слѣдовательно, что повтореніе будетъ для солдата скучнымъ только тогда, если повторяемое явно не имѣетъ никакой цѣли, или если въ одинъ урокъ одно и то же будетъ повторено много разъ. Г. рецензентъ понимаетъ дѣло не такъ: если напр. рекруту было показано какъ прыгать въ длину и если его потомъ въ солдатствѣ заставляютъ дѣлать это же движеніе, ему будетъ, по мнѣнію г. рецензента, скучно. Единственное изъ этого заключеніе то, конечно, что идеалъ образованія былъ бы достигнутъ если бы разбить все солдатское ремесло на такое число мелкихъ отдѣловъ, чтобы каждый день можно было солдату показывать что нибудь новое: тогда ему скучно не будетъ, и все можно будетъ доводить до «полной основательности». При такой системѣ представляется одно только маленькое неудобство: солдатъ будетъ доходить до совершенства въ знаніи своего ремесла тогда, когда ему время уже выходить въ отставку; да и совершенство-то будетъ для боя негодное...

Забавнѣе всего то, что г. рецензентъ опасается скучнаго повторенія отъ той системы упражненій, которая въ рекрутской школѣ принята именно во избѣжаніе этого неудобства. Рекрутской школой предписано начинать такъ называемыя практическія упражненія *) съ третьей недѣли втораго мѣсяца именно для того, чтобы безконечное повтореніе однихъ приготовительныхъ движеній не надоѣдало.

Дѣло въ томъ, что г. рецензентъ не потрудился обдумать какое именно повтореніе надоѣдаетъ, и, выхвативъ изъ Памятной же книжки фразу, «ни что не утомляетъ такъ людей, какъ частое повтореніе одного и того же», примѣняетъ ее къ общему ходу образованія, между тѣмъ какъ она относится къ каждому уроку въ отдѣльности. Это не трудно было понять, имѣя въ виду, что общій ходъ образованія солдата, какъ уже сказано, только и со-

*) Т. е. упражненія на гимнастическихъ машинахъ.

состоитъ изъ повтореній; слѣдовательно, въ примѣненіи къ нему, эта фраза не имѣетъ смысла.

Не трудно было понять также и то, что не всякое повторяемое упражненіе надоѣдаетъ: тамъ, гдѣ есть видимое удовлетвореніе солдату—въ сознаніи своей ловкости или умѣнья,—тамъ скука отъ повторенія, ограничиваемаго сбереженіемъ силъ, быть не можетъ. Что, повидимому, однообразнѣе выстрѣла? И однако смѣло можно сказать, что будь средства дѣлать по 20 выстрѣловъ ежедневно, мало нашлось бы стрѣлковъ, которымъ это надоѣло бы. То же относится въ гимнастикѣ къ такъ называемымъ практическимъ упражненіямъ.

Методъ воспитанія, котораго г. рецензентъ повидимому большой партизанъ и который заключается въ томъ, чтобы рекруту показывать все исподволь, но показываемое доводить немедленно до возможнаго совершенства, въ примѣненіи къ солдатскому дѣлу совершенно фальшивъ, по той простой причинѣ, что иной не только черезъ 6 мѣсяцевъ, но и гораздо раньше попадаетъ передъ непріятеля; ясно, слѣдовательно, что ему необходимо имѣть хоть какое нибудь понятіе о своемъ дѣлѣ, но непремѣнно обо всемъ, а не о какой либо одной части его. Г. рецензентъ все больше на мирное положеніе разсчитываетъ: онъ и въ фехтованіи нашелъ, что изученіе его лучше бы растянуть чуть не на нѣсколько лѣтъ. Все это было бы такъ, если бы солдатъ только для мирнаго времени и учили. Но вѣдь и г. рецензенту не безъизвѣстно, что боевыя условія воспитанія гласятъ совершенно обратное его идеалу: гласятъ они—«пусть хоть какъ нибудь знаетъ, но все». Вѣдь вы сами говорите, что времени во всю послѣдующую службу солдата будетъ довольно для занятій: пусть же онъ употребитъ это время на усовершенствованіе во всемъ узнанномъ въ первые шесть мѣсяцевъ, но пусть изъ этихъ шести мѣсяцевъ выходитъ на дѣйствительную службу полнымъ солдатомъ. Комиссія улучшеній именно это имѣла въ виду, утвердивъ Рекрутскую школу въ настоящемъ ея видѣ.

Не болѣе основательны и нападки на мнимый педантизмъ Рекрутской школы, въ распредѣленіи времени для бѣга. Имѣя въ виду вредное вліяніе бѣга на здоровье людей при малѣйшей форсировкѣ, въ Рекрутской школѣ, а затѣмъ и въ Справочной книжкѣ опредѣлена самымъ точнымъ образомъ постепенность, съ которой слѣдуетъ вести обученіе бѣгу. Такъ, предписано сначала бѣгать не болѣе минуты, затѣмъ, каждый разъ прибавлять по полуминутѣ и доводить время бѣга не болѣе какъ до 4-хъ минутъ безъ передышки, а въ аммуниціи—не болѣе какъ до двухъ. За

тѣмъ, maximum времени для бѣга безъ аммуниціи положенъ: въ 22 минуты, (4 м. бѣгомъ, 5 мин. шаг., 4 бѣгомъ и т. д.), а въ аммуниціи въ 16 минутъ (2 м. бѣг., 5 м. ш. и т. д.). Не трудно понять, что въ подобномъ упражненіи, которое можетъ при малѣйшей неосторожности свести человѣка въ гробъ, или по меньшей мѣрѣ подорвать навсегда его здоровье, подобная мѣра не лишняя; но г. рецензенту это кажется нѣмецкой аккуратностью, вещью неудобопримѣнимою, ибо у унтеръ-офицеровъ часовъ нѣтъ, чтобы заставлять бѣгать по минутамъ *). Далѣе это даетъ ему поводъ разлиться весьма красивыми, но къ дѣлу не идущими фразами на счетъ того, что «подобныя мелочи какъ то вошли у насъ въ привычку и до того вкоренились, что трудно отъ нихъ избавиться при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Сознательные враги педантизма, мы, какъ будто не замѣчая того, сами поддерживаемъ безплодное его проявленіе и облекаемъ нѣкоторыя занятія въ такую форму, которая не можетъ примѣниться (почему?) на практикѣ, точно для того, чтобы такъ или иначе, но постановить новое правило и руководство. А новое не всегда бываетъ лучше стараго, испытаннаго опытомъ и провѣреннаго исполненіемъ» Слова, слова и слова! Укажите намъ это старое и испытанное опытомъ, г. рецензентъ! Гдѣ оно? Мы его не знаемъ; мы знаемъ другое старое, отъ котораго люди, загнанные бѣгомъ, чуть не десятками валились въ госпиталь. Это ли ваше старое испытанное опытомъ и провѣренное исполненіемъ? Имѣя въ виду подобныя испытанныя опытомъ явленія, нужно было положить предѣлъ рвенію непрошенныхъ воспитателей; и мѣра, принятая съ этою цѣлью въ новой Рекрутской школѣ, не покажется мелочною тому, кто понимаетъ дѣло. Если отъ соблюденія этой, по вашему, педантической, мѣры будетъ сбереженъ хоть одинъ человѣкъ на полмиліона людей, она будетъ вполнѣ оправдана. Мы посовѣтовали бы г. рецензенту судить о мелочности или важности данной мѣры не по наружнымъ ея признакамъ, а по цѣли, съ которой она принимается: судъ былъ бы вѣрнѣе.

И почему вы не осудили этого пункта цѣликомъ, а выхватили только конецъ? Вѣдь если педантично и безполезно опредѣлить бѣгъ на минуты въ аммуниціи, то столь же педантично и съ самаго начала ставить предѣлъ времени для бѣга въ одну минуту,

*) Г. Рецензентъ забываетъ при этомъ, что вообще всѣ числовыя данныя предлагаются въ подобныхъ случаяхъ не къ непремѣнному исполненію, а какъ норма для руководства. Чтоже на счетъ недостатка часовъ на ученіяхъ, то г. рецензентъ забылъ, что для подобныхъ случаевъ ихъ и не нужно: сосчитайте мысленно до шестидесяти—вотъ вамъ минута, до тридцати—полъ-минуты и пр.

а предѣлъ его постепеннаго увеличенія—въ полъ-минуты? Но вы это пропустили; не потому ли, что тогда всякому было бы ясно, что нападка неосновательна?

Въ фехтованіи г. рецензентъ только и нашелъ замѣтить, что слѣдуетъ учить фехтованью не на ружьяхъ, а на болванкахъ: но вѣдь и въ справочной книжкѣ не сказано, чтобы учить фехтованію на ружьяхъ, и не понимаемъ, съ чего могъ взять г. рецензентъ, что тамъ это подразумѣвалось. Начало обученія фехтованію сопоставлено съ выдачею ружья не потому, чтобы на немъ учить фехтованію, а потому, что въ Рекрутской школѣ принято правиломъ ни къ одному отдѣлу обученія не приступать иначе, какъ когда рекрутъ познакомится съ тѣмъ, что для этого отдѣла нужно на самомъ дѣлѣ. Такъ, чистка ружья поставлена послѣ стрѣльбы, сигналы, соотвѣтствующіе стрѣльбѣ, рекруту играются не иначе какъ на стрѣльбѣ, и т. п. Все остальное, что сказано въ рецензіи о фехтованіи, есть не болѣе какъ повтореніе прежнихъ мнѣній г. рецензента, что пѣть надобности проходить весь курсъ въ первые шесть мѣсяцевъ и что это можетъ даже будто бы повредить здоровью людей. Разумѣется, все это сказано подъ вліяніемъ мысли объ «основательномъ исполненіи» или «чистотѣ», какъ ее откровеннѣе называли встарь. Смѣемъ еще разъ напомнить г. рецензенту высказанныя выше причины, по которымъ рекруту должно дать понятіе обо всемъ солдатскомъ дѣлѣ въ первые же шесть мѣсяцевъ, и смѣемъ успокоить его, что чистоты въ этомъ случаѣ не требуется, на что указываетъ между прочимъ и ограниченность времени, даннаго на первоначальное образованіе.

И это говоримъ мы не по предположеніямъ, а изъ опыта: система новой Р. III. была испытана здѣсь на небольшомъ числѣ рекрутъ и дала безъ малѣйшаго вліянія на здоровье людей блестящій результатъ, объявленный въ свое время въ приказѣ по гвардейскому корпусу. По послѣднимъ извѣстіямъ, рекруты въ 4-мъ корпусѣ, образовонные уже по новой Рекрутской школѣ, превзошли всѣ ожиданія по знанію своего дѣла и спокойной толковитости; послѣднее, какъ вамъ извѣстно, не составляло принадлежности молодыхъ солдатъ прежней школы, а ужъ тогда ли не основательно обучали дѣлу? Иной пріемъ или выносъ ноги доводили до «полной основательности» въ теченіе нѣсколькихъ уроковъ...

Необходимость захватывать въ образованіе рекрута на первыхъ порахъ по возможности больше, обусловливается, кромѣ сказанныхъ соображеній, еще и тѣмъ, чтобы не оставалось времени при занятіяхъ для достиженія того мелочнаго совершенства исполненія, которое признано излишнимъ; напримѣръ, исполненіе менѣе

или болѣе ровнаго относа руки или какой нибудь хватки. Попробуйте распредѣлить теперь различные отдѣлы образованія такъ, чтобы можно было посидѣть надъ каждой мелочью въ отдѣльности— и вы увидите, что и здѣсь явятся излишнія тонкости исполненія, и все дѣло будетъ не въ томъ, чтобы сдѣлать, положимъ, извѣстное движеніе, а въ томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ образомъ, т. е. съ извѣстнымъ изяществомъ.

Г. рецензентъ, говоря объ обученіи прицѣливанію, сѣтуетъ, что въ книжкѣ ничего не сказано объ необходимости растолковать цѣль и назначеніе прицѣла и составныхъ частей ружья. Не особенно налегается на эти объясненія въ Р. Ш. и въ Справочной книжкѣ по той простой причинѣ, что подобныя объясненія, если ихъ сдѣлать обязательными, обращаются въ упражненія въ краснорѣчіи учителей, ни на волосъ не подвигая рекрутъ. Нужно нѣсколько болѣе надѣяться на природный здравый смыслъ рекрутъ и ждать, пока сами они станутъ спрашивать, что и для чего нужно. Бояться, что не спросятъ—странно. При такой системѣ, вы не рискуете объяснять рекруту то, что онъ уже и безъ васъ понялъ очень хорошо, а главное не рискуете затемнить вещь, въ сущности очень простую, объясненіемъ; а это вѣдь тоже бываетъ, если слишкомъ налечь на объясненія. Рекрутъ, можетъ быть и очень хорошо понимающій какую-нибудь вещь, видя какъ учитель надрывается чтобы ему пояснить ее, невольно будетъ расположенъ думать, что тутъ таится какая-нибудь недосягаемая для него хитрость, отказывается, подъ вліяніемъ авторитета учащаго, отъ своего простаго пониманія и кончаетъ заучиваніемъ словъ, учителю угодныхъ, но ему непонятныхъ. Не должно забывать ни на минуту, что простолюдинъ всегда лучше и учится съ примѣра, лучше имъ и убѣждается. Если вы, примѣняя правила прицѣливанія, которыхъ добиваетесь отъ него, попадаете въ цѣль,—лучшаго доказательства ему не нужно, что правила дѣйствительно вѣрны. Да это и не относительно одного простолюдина, а и относительно всякаго вѣрно въ жизни, которой дорога не теорія, а примѣненіе ея къ дѣлу, т. е., фактъ. Нужно слѣдовать этому пути и при обученіи тѣхъ, которыхъ складъ ума чисто-практическій, а назначеніе—исключительно практическая дѣятельность. Дорогъ не тотъ солдатъ, который бойко проболтаетъ, что у него всякій винтъ въ ружьѣ значитъ и какъ его пуля летитъ, а тотъ, который, хотя бы и ни слова не съумѣлъ складно сказать, да за то всегда ружье держитъ въ порядкѣ и въ цѣль попадаетъ хорошо. И повѣрьте, что такой, если онъ только не запуганъ, по своему вамъ всегда объяснитъ, что и для чего онъ дѣлаетъ; краснобаи же, воспиты-

ваемые на обязательномъ объясненіи всего, и нужнаго, и не нужнаго, зачастую вамъ бойко болтаютъ то, чего сами не понимаютъ. Вотъ почему ни въ Рекр. Школѣ, ни въ Справочн. книжкѣ на словесныя объясненія не налегается, хотя и нигдѣ не сказано, чтобы ихъ избѣгать. Вслѣдствіе, этого они явятся сами собою, по мѣру, па сколько потребуетъ того практика дѣла, а не какъ одна изъ мукъ солдата. Службѣ нужны не краснобаи, а люди, знающіе дѣло.

Переходя отъ прицѣливанія къ разсыпному строю, г. рецензентъ обнаруживаетъ въ полной красѣ свои тактическіе взгляды на этотъ предметъ.— Выраженіе которымъ совѣтуется стрѣлкамъ становиться за предметами сперва для того, чтобы опереть ружье для болѣе мѣткаго выстрѣла и потомъ уже для укрытія себя отъ выстрѣла непріятельскаго,—совершенно ему не нравится. Но оставимъ говорить г. рецензента—онъ такъ хорошо говоритъ!

«...главная цѣль всегда должна излагаться прежде, а очевидно, что въ цѣпи люди пользуются мѣстными предметами скорѣе для того, чтобы закрыться отъ непріятельскаго огня и, уже закрывшись, получить возможность болѣе мѣткой стрѣльбы». Логика мирная, г. рецензентъ, и не дай Богъ чтобы вы когда-либо внушили ее солдатамъ, если только таковыя находятся подъ руководствомъ вашимъ!

Для чего, по вашему мнѣнію, солдатъ выходитъ въ поле: для того ли, чтобы укрываться отъ врага, или для того, чтобы нанести ему по возможности болѣе вреда? Конечно, для послѣдняго; съ этимъ вѣроятно, согласитесь и вы. Если такъ, то что же должно составлять его первостепенную заботу?—По возможности увеличить свои средства пораженія; по мнѣнію же г. рецензента, онъ долженъ прежде всего похлопотать о томъ, чтобы укрыться, а потомъ уже, чтобы нанести вредъ врагу. Г. рецензентъ ставитъ на первый планъ удовлетвореніе инстинкта самосохраненія, забывая, что и безъ особенныхъ къ тому поощреній онъ говоритъ въ бою слишкомъ сильно. Имѣя въ виду сказанное, станетъ ясно до очевидности, что чѣмъ вы глубже вкорените въ солдата убѣжденіе, что первая для него цѣль въ примѣненіи къ мѣстности, это усиленіе мѣткости огня, а не укрываніе себя,—тѣмъ лучше.

Редакція фразы, столь неправящейся г. рецензенту, принята въ этомъ соображеніи; принята въ духѣ великаго Суворова, который не любилъ, чтобы прямо или косвенно благопріятствовали въ солдатѣ развитію чувства самосохраненія и выразилъ это тѣмъ, что въ мирное время не только не училъ ретирадамъ, но даже запрещалъ объ нихъ помышлять. Съ перваго взгляда, это тоже

вздоръ и пустяки, ибо вѣдь ретирада бываетъ иногда неизбѣжна; но они не пустяки для того, кто мало-мальски вдумывался въ свойства человѣческаго сердца и знаетъ, что солдатъ, пріученный въ мирное время ставить на первый планъ мысль напр. объ укрытіи, въ бою позаботиться объ этомъ пожалуй такъ, что сами не рады будете, научивъ его тому. Вѣдь по вашей логикѣ выходитъ, что если стрѣлку представляются два закрытія: одно хорошо укрывающее, но изъ за котораго стрѣлять неудобно, а другое не совсѣмъ укрывающее, но о которое хорошо можно опереть ружье, то онъ долженъ выбрать первое? Видите до чего можно докритиковаться, критикуя съ плеча! Прежде, чѣмъ критиковать, не мѣшаетъ подумать надъ своимъ дѣломъ, а не высказывать съ самоувѣренностью свое мнѣніе, потому только, что съ виду оно какъ будто логично. Ужъ чтобы быть послѣдовательнымъ, вамъ за одно не мѣшало бы возстать противъ ереси, проведенной въ нашемъ фехтовальномъ уставѣ—«думать не столько объ отпарированіи ударовъ, сколько о нанесеніи ихъ». Какъ же не думать объ отпарированіи? вѣдь сначала по вашему нужно укрыться, а потомъ уже нанести ударъ! Вотъ какъ расходятся мирныя условія съ боевыми насчетъ этихъ вещей и какъ нужно быть осторожнымъ, принимаясь говорить объ нихъ съ апломбомъ. Мирное фехтованіе тоже вѣдь говоритъ: не паноси удара не отпарировавъ; а въ бою только тотъ и бьетъ, кто думаетъ о нанесеніи ударовъ, а не объ отбивѣ ихъ. Какъ видите, здѣсь мало апломба и гладкаго слога, чтобъ писать о подобныхъ вещахъ, а нужно еще вдуматься въ нихъ, и вдуматься именно съ точки зрѣнія боя, съ точки зрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ нравственной сторонѣ человѣка подъ вліяніемъ опасности. Обученіе мирное и должно стремиться къ тому, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не развивать самосохранительныхъ, чтобъ не сказать сильнѣе, инстинктовъ.

Разъ ставъ на точку тактики мирной, г. рецензентъ остается ей послѣдовательнымъ и въ разсужденіяхъ своихъ о строяхъ, о разсыпномъ въ особенности. Онъ находитъ, во первыхъ, что составъ разсыпнаго строя изложенъ неопредѣлительно; эта неопредѣлительность, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что не объяснено, (какой ужасный промахъ), въ какомъ порядкѣ люди стоятъ въ звеньяхъ.

Неужели вы серьезно думаете, что такое подчиненіе цѣпи формѣ не было бы крайней несообразностью? Ни въ уставѣ, ни въ книжкѣ именно потому это и необъяснено, что должно быть предоставлено людямъ: какъ ни стали, лишь бы удобно было стрѣлять. Вы говорите, что въ нѣкоторыхъ частяхъ, вслѣдствіе

этого происходятъ въ звѣнѣ цѣлыя эволюціи развертыванія и свертыванія: это показываетъ, что въ тѣхъ частяхъ не понимаютъ духа разсыпнаго строя, но не показываетъ, чтобы уставъ въ свою очередь долженъ былъ впадать въ это непониманіе. Вы полагаете, что во избѣжаніе этого слѣдовало бы постоянно строить звѣнья въ двѣ шеренги: исправленіе, которое хуже самаго зла. Какъ же вы не замѣчаете, что подобныя хитрости въ полѣ никуда не годятся? Вѣдь тамъ относительное размѣщеніе людей въ звѣнѣ преимущественно опредѣлится расположеніемъ закрытій—а ихъ нельзя же строить въ двѣ шеренги, какъ то по предлагаемому вами строю звѣньевъ нужно. Вы конечно скажете, что то уже будетъ примѣненіе къ мѣстности, т. е. нарушеніе основныхъ нормъ. На это отвѣчу вопросомъ: въ какой мѣрѣ полезны такія нормы, которыя никогда почти не исполняются, и знанія которыхъ вы требуете на плацу затѣмъ только, чтобы потомъ требовать на мѣстности полнаго ихъ забвенія? Зачѣмъ дѣлать изъ вещи самой простой и цѣльной двѣ различныя науки *), изъ которыхъ въ одной вы будете взыскивать за то, исполненія чего будете требовать въ другой?

Со стороны г. рецензента желаніе постояннаго строя для звѣна тѣмъ болѣе странно, что онъ даже распредѣленіе бѣга по минутамъ находитъ педантическимъ. Примѣните вашъ эманципированный, нетерпящій стѣсненій взглядъ къ проповѣдываемой вами необходимости строя для звѣна,—выйдетъ весьма смѣшно. Не должно забывать, что въ цѣпи солдатъ можетъ выстрѣлить когда хочетъ, можетъ выбѣжать впередъ или отстать (въ извѣстныхъ предѣлахъ), можетъ наконецъ сѣсть, лечь, стоять: подумайте сами, имѣетъ ли цѣль послѣ этого стѣсненіе его въ цѣпи какимъ либо опредѣленнымъ расположеніемъ относительно товарищей? Попытка дать даже звѣну окаменѣлую форму есть невинное и вмѣстѣ безсознательное поползновеніе подчинить разсыпной строй условіямъ строя сомкнутаго; но тамъ они понятны, ибо люди такъ близко стоятъ другъ къ другу, что не только относительное положеніе ихъ, но даже позы должны быть опредѣлены строго и однообразно. Въ разсыпномъ строѣ такой тѣсноты нѣтъ, и требовать однообразнаго размѣщенія въ немъ звѣньевъ, значитъ хлопотать не о дѣлѣ, а о красотѣ—одно изъ преобладающихъ стремленій мирной тактики.

---

*) Ученіе безъ примѣненія къ мѣстности и ученіе съ примѣненіемъ къ мѣстности.

Вотъ почему, г. рецензентъ, «вовсе не объяснено» какъ люди должны становиться въ звѣнѣ другъ относительно друга; а если, какъ вы говорите, есть части въ которыхъ для звѣньевъ существуетъ особый уставъ, то можно пожалѣть только, что въ тѣхъ частяхъ не читаютъ рекрутской школы, въ которой размѣщеніе людей въ звѣньяхъ опредѣлено единственнымъ разумнымъ ограниченіемъ,—это, чтобы они не мѣшали другъ другу стрѣлять (§ 230 Р. Ш.). Высказанное вами желаніе опредѣленнаго порядка для звѣна представляетъ застарѣлую симпатію къ тому роду разсыпнаго строя, при которомъ пары равнялись на колонны, заслонки и т. под. Кажется, время бы отказаться уже отъ этой симпатіи, въ особенности рецензенту, претендующему на разборъ чего либо относящагося къ тактикѣ.

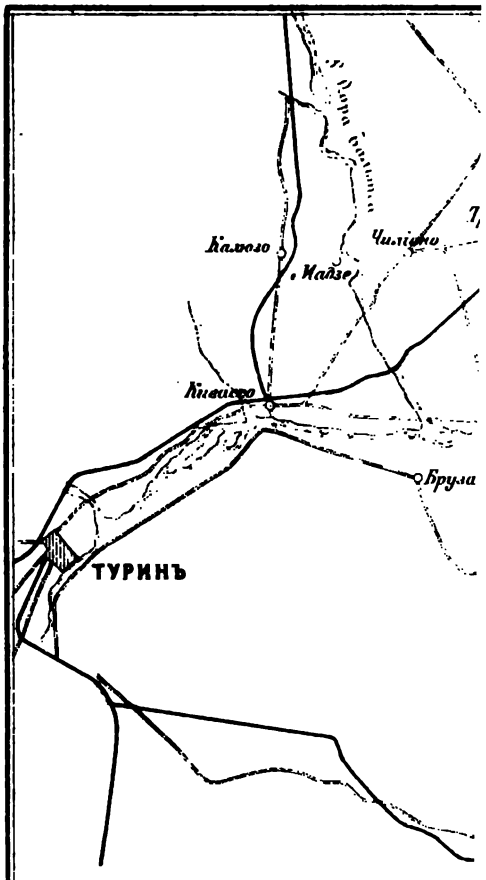
Отдѣлъ о строяхъ и о дѣйствіяхъ пѣхоты найденъ г. рецензентомъ неудовлетворительнымъ: но почему—онъ не говоритъ. По тому, было бы и скромнѣе, и добросовѣстнѣе съ его стороны ограничиться замѣткой о странности слога, которымъ сказанный отдѣлъ написанъ. Любятъ, или не любятъ солдаты подобное изложеніе, которое г. рецензентъ называетъ поддѣлываніемъ подъ солдатскій складъ рѣчи,—это другой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только самими же солдатами, а не завѣреніями г. рецензента, какъ бы послѣднія ни были гладко написаны.

Мнѣ казалось, что иначе какъ отрывочными и лаконическими фразами этого отдѣла изложить было нельзя; такъ какъ при литературномъ изложеніи, онъ, по чрезвычайной простотѣ мыслей, также легко читается, какъ и трудно усваивается. Подтвержденіемъ этому могутъ служить курсы тактики, въ которыхъ есть все, что знать нужно, но отъ чтенія которыхъ у большинства остается въ головѣ только тактическая водица, и ничего положительнаго. Что г. рецензентъ, между прочимъ, можетъ повѣрить на себѣ, ибо онъ конечно читалъ курсы тактики, а между тѣмъ желаетъ строеваго устава для звѣньевъ и полагаетъ, что солдатамъ слѣдуетъ внушать, будто главная цѣль одиночнаго примѣненія къ мѣстности—прятаться отъ непріятеля; хотя ни въ одномъ курсѣ тактики ничего подобнаго найти нельзя. Теперь же, благодаря лаконическому изложенію третьяго отдѣла «книжки» и этому отвѣту на его рецензію, онъ догадается наконецъ, что разсказывать подобныя вещи, значитъ просто не имѣть понятія о дѣлѣ; а внушать ихъ солдатамъ, значитъ портить послѣднихъ для боя, а не подготовлять къ нему.

Въ заключеніе г. рецензентъ замѣчаетъ, что въ третьемъ отдѣлѣ книжки говорится, преимущественно, о строяхъ, употребляе-

мыхъ въ военное время, а все, относящееся до ученій мирнаго времени, опущено изъ виду. Сдѣлано это по той причинѣ, что преподаваемое на мирныхъ ученіяхъ солдатъ и безъ памятной книжки знаетъ хорошо, слѣдовательно ему не достаетъ не этого знанія, а пониманія, для чего какая форма строя годится. Что же касается до разницы, существующей по мнѣнію г. рецензента въ характерѣ мирныхъ и боевыхъ построеній, то на нее не обращено вниманія потому, что составитель не признаетъ эту разницу чѣмъ либо законнымъ и раціональнымъ. Въ мирное время войска должно учить не больше какъ тому только, что имъ придется исполнять въ военное. Все сверхъ этого не только безполезно, но и вредно; ибо извращаетъ понятія и людей, и начальниковъ о томъ, что нужно для боя и что въ немъ приходится исполнять.

Притомъ же, разумная разница въ характерѣ мирныхъ и боевыхъ построеній существуетъ не столько на дѣлѣ, сколько въ воображеніи г. рецензента; мнѣ, по крайней мѣрѣ, эта разница не извѣстна; я полагаю, что и г. рецензентъ затруднился бы указать въ чемъ она заключается.



Къ статьѣ

Исторія Кампа

ИМПЕРАТОРА НАПО

въ Италіи.

de l'empereur Napoleon III en Italie, 1859, rédigée au de la guerre d'après les documents officiles. 1862.

КАМПАНІИ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА III ВЪ ИТАЛІИ ГОДУ, СОСТАВЛЕННАЯ ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ ФРАНЦУЗСКОМЪ ВОЕННОМЪ МИНИСТЕРСТВѢ. 1862).

-историческая литература обогатилась нѣсколько мѣся-
назадъ сочиненіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ—
ампаніи 1859 года, составленной офицерами француз-
ральнаго штаба.
е это, и по внутреннему достоинству, и по роскоши
, не имѣетъ себѣ подобнаго: къ тексту, превосходно со-
ту, приложено два атласа плановъ—одинъ съ обозначе-
ительнаго расположенія противниковъ, день за днемъ;
планами сраженій, изъ которыхъ большія (Маджента и
о), изображены въ шести моментахъ. Наконецъ—и это
послѣднее достоинство во французскомъ сочиненіи—
хода кампаніи такъ правдиво, что едва ли найдется даже
енной арміи придирчивое самолюбіе, которое отыскало
ъ поводъ къ неудовольствію и упреку въ пристрастіи.
ристическую особенность этого сочиненія составляетъ
тоятельная разработка отдѣла, упускаемаго обыкновенно
военно-историческихъ сочиненіяхъ,—отдѣла объ устрой-
арміи. Большая часть военныхъ историковъ до такой
лекаются лицевой стороною дѣла, то есть маршами и
то почти совершенно забываютъ о томъ, безъ чего ни
угія не были бы возможны. Правда, это происходитъ
недостатку матеріаловъ и по той туманной неопредѣ-
которая во всѣхъ арміяхъ облекаетъ интендантскія рас-
но бѣда въ томъ, что когда до интендантской части
зачастую не пользуются даже и тѣми матеріалами, ко-
даются подъ руку.

STANF

Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, почти не имѣетъ ни недостатка: оно даетъ полное понятіе о громадности заготовленій которыхъ потребовала италіянская армія, и о затрудненіяхъ, съ какими было сопряжено сосредоточеніе этихъ заготовленій къ театру войны, даже и при хорошемъ состояніи администраціи.

Единственный недостатокъ интендантскаго отдѣла сочиненія заключается въ томъ, что онъ не представляетъ точныхъ указаній относительно распредѣленія складовъ и тѣхъ затрудненій, съ которыми приходилось бороться при доставкѣ припасовъ къ арміи во время самыхъ операцій.

Сосредоточить достаточные запасы въ тылу арміи—дѣло, конечно, не легкое; но въ удовлетворительномъ исполненіи его еще много далеко еще не лежитъ залогъ благосостоянія арміи: снабдить ее всѣмъ необходимымъ изъ запасовъ, снабдить подъ вліяніемъ быстроты операцій, и тѣхъ непредвидимыхъ и неотвратимыхъ случайностей, которыя являются неизбѣжной помѣхой въ тылу значительныхъ силъ—вотъ дѣло, исполнимое только при самой неусыпной дѣятельности и распорядительности со стороны интендантскихъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, объ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ работы интендантства мы почти ничего не находимъ въ разбираемомъ сочиненіи.

Попытаемся, на сколько можемъ, дать понятіе объ этомъ важномъ пробѣлѣ, представивъ въ то же время отчетъ о самомъ сочиненіи.

Мѣры по переходу личнаго состава французской арміи съ мирнаго положенія на военное не представляли никакого особеннаго затрудненія ни по числительной силѣ резервовъ, ни даже по приданію благовидныхъ предлоговъ передвиженію частей, назначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи.

Соображенія, руководившія при организаціи ея, главнѣйшіе были двухъ родовъ: 1) дать арміи численный составъ, соотвѣтствующій важности назначенія и силамъ Австріи; 2) составить ее изъ такихъ частей, испытанное боевое достоинство которыхъ могло бы служить ручательствомъ за успѣхъ.

Числительная сила арміи, потребная по военному положенію, могла быть получена безъ всякихъ толчковъ и потрясеній, извѣстныхъ подъ оффиціальнымъ названіемъ мѣръ чрезвычайныхъ: изъ 398,097 человѣкъ мирнаго состава армія могла быть приведена въ 580 тысячный однимъ призывомъ людей, находившихся въ возобновляемомъ отпуску (congé renouvelable) *). Такая сила ея была

*) Соотвѣтствуетъ нашему безсрочному, съ тою разницею, что отпускной билетъ дается не на все время до отставки, а на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго, возобновляется. Это сдѣлано затѣмъ, чтобы слово безсрочный не могло быть принято въ смыслѣ слишкомъ буквальномъ.

совершенно достаточна для сформированія, италіянской арміи во 100 слишкомъ тысячъ, наблюдательной Рейнской и наконецъ для потребностей службы внутри Франціи.

Вторая цѣль могла быть достигнута съ неменьшимъ удобствомъ: независимо отъ воспитанія французской арміи—основаннаго преимущественно на строгой опредѣленности отношеній между степенями военной іерархіи, опредѣленности, составляющей единственный залогъ развитія воинскаго долга безъ посягательства на личную инціативу,—этому помогло еще и то, что значительная часть полковъ на сформированіе арміи поступила изъ Алжиріи. Почти всѣ они участвовали въ восточной войнѣ, а алжирская стоянка по окончаніи ея поддержала въ нихъ привычку къ перенесенію трудностей боевой жизни.

Перевозка ихъ во Францію не могла подать Австрійцамъ повода къ упреку въ воинственныхъ намѣреніяхъ Л. Наполеона, какъ какъ алжирскіе полки всегда смѣняются раннею весною.

Въ этомъ отношеніи гораздо больше затрудненія представлялъ сборъ отпускныхъ, потому что подалъ бы оффиціальный поводъ австрійцамъ указать на него, какъ на приготовленіе къ войнѣ, упрекъ, тѣмъ болѣе неудобный, что если припомнятъ, Л. Наполеонъ опирался во всѣхъ переговорахъ на желаніе мира. Это послѣднее затрудненіе, если и замедлило нѣсколько доведеніе арміи до комплекта, то во 1-хъ, вовсе не на столько, чтобы отразиться неблагопріятно на военныхъ дѣйствіяхъ; во 2-хъ, повело къ большимъ сбереженіямъ въ экономическомъ отношеніи. И здѣсь то вполнѣ обнаружилось громадное вліяніе усовершенствованныхъ средствъ сообщенія и на дипломатическія, и собственно на военныя мѣры. Приказъ о сборѣ безсрочно-отпускныхъ отданъ только 21 апрѣля; ультиматумъ о разоруженіи Піемонта былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля, полученъ въ Туринѣ 23: слѣдовательно Франція дѣлаетъ первый явный и рѣшительный шагъ къ приведенію арміи на военное положеніе, за два дня до времени, которое должно считать началомъ кампаніи. Безъ телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, сборъ отпускныхъ, даже при такой собранной территоріи какова французская, потребовалъ бы болѣе мѣсяца. Достаточно взять въ разсчетъ стоимость дневнаго пропитанія лишнихъ 150—200 т., чтобы понять, какія при этомъ реализируются сбереженія.

Правда, нѣкоторые изъ отпускныхъ догнали свои части уже на театрѣ войны; но даже и это оказалось болѣе полезнымъ нежели вреднымъ: благодаря постепенному прибытію отпускныхъ, части арміи поддерживались въ одной силѣ въ теченіе всей кампаніи. Даже къ концѣ ея численный составъ нѣкоторыхъ былъ сильнѣе первона-

чальнаго, такъ что мѣрою, повидимому, нѣсколько запоздалою рисковою достигли того, что дастъ только хорошая система резерв Приведеніе артиллеріи въ состояніе, отвѣчавшее потребности положенія, было нѣсколько затруднительнѣе, по причинѣ недо точности конскаго состава, содержимаго въ мирное время, необходимости приготовить въ матеріальной части артиллеріи по все вновь, вслѣдствіе принятія нарѣзной системы орудій.

Изъ показанной выше числительности войскъ, въ артилле къ 1 января 1859 г., состояло 31,998 чел. на лицо и 16, отпускныхъ, при 15,628 лошадяхъ. Число послѣднихъ до та степени было недостаточно, что каждый пѣшій артиллерій полкъ едва былъ въ состояніи выставить одну парковую бата въ 250 лошадей; а конные и ѣздящіе полки, даже собравъ шадей всѣхъ батарей,—не болѣе двухъ батарей каждый. Поэт еще въ началѣ 1859 г. рѣшено было купить 10,500 лоша Эта операція не встрѣтила особенныхъ затрудненій, благо удобству сообщеній и своевременности приведенія ея въ испо ніе, давшей возможность закупить часть лошадей даже въ Ге шіи. Но съ распредѣленіемъ лошадей въ части возникло дру неудобство: нарушена соразмѣрность между людьми и лоша до такой степени, что одному человѣку приходилось убирать 7 и 8 лошадей. Предотвратить такое ненормальное состояніе стей призывомъ отпускныхъ было, какъ уже сказано, нельзя; шлось прибѣгнуть къ переводу въ артиллерію изъ кавалеріи пѣхоты 4 т. человѣкъ, что и было исполнено въ началѣ ма Кромѣ этого, для пополненія недостающаго числа ѣздовыхъ въ пѣ артиллеріи, въ концѣ апрѣля, переведено въ нее 670 кавалерист

Благодаря такимъ мѣрамъ, ліонская армія (6 пѣхотн. ди 1 кавалерійская) въ половинѣ апрѣля имѣла уже всю свою ар лерію, т. е., по двѣ батареи ѣздящихъ на пѣхотную и одну ную на кавалерійскую дивизію.

Но такое количество лошадей было далеко недостаточно, не собственно для италіянской арміи, то въ предвидѣніи возм наго столкновенія съ Германіей. Поэтому, вмѣстѣ съ призы отпускныхъ 21 апрѣля, рѣшено было купить еще 14 т. лоша Покупка эта шла весьма медленно, такъ что въ іюнѣ мѣсяцѣ положеннаго числа куплено было не болѣе 2 т. 21-го же ап артиллерійскимъ полкамъ приказано сформировать:

Въ каждомъ изъ 5 пѣшихъ полковъ	3	батар. пѣш.
	6	парковыхъ.
7 ѣздящихъ	3	батареи.
4 конныхъ	3	—

Гвардейская артиллерія мобилизировала къ началу мая 4 пѣшихъ и 2 конныхъ батареи, укомплектовавъ составъ ихъ людьми и лошадьми, переведенными изъ армейской артиллеріи *). Непосредственно вслѣдъ затѣмъ изъ Алжиріи прибыло: 2 батареи ѣзящихъ, 2 горныхъ, 1 ракетная и 1 рота понтонеровъ.

Многоводность сѣверной Италіи и перепендикулярность вѣроятнаго операціоннаго направленія къ большей части рѣкъ, ее оропающихъ, заставляли обратить особенное вниманіе на организацію понтонной службы. Средства Піэмонтской арміи въ этомъ отношеніи конечно были подспорьемъ весьма дѣйствительнымъ, но при множествѣ переправъ, которыя предстояло совершить, рѣдко можно было воспользоваться ея понтонами, не рискуя этимъ затруднить ея собственныя операціи. По этому, положено было мобилизировать два летучихъ и два большихъ понтонныхъ парка. Первый понтонный паркъ съ двумя ротами понтонеровъ выступилъ изъ Страсбурга 13-го мая и 20-го былъ уже въ Александріи. Второй, съ одной ротой понтонеровъ—выступилъ изъ Страсбурга 30-го мая **).

Летучіе парки, сформированные раньше, вступили въ Италію единовременно съ корпусами, въ которыхъ состояли, т. е. съ 3-мъ, шедшимъ въ авангардѣ арміи черезъ Монъ-Сени, и съ 5-мъ, высадившимся въ Генуѣ и потомъ перевезеннымъ въ Ливорно. Къ каждому изъ летучихъ парковъ было придано по ротѣ понтонеръ.

Единовременно съ мобилизаціей дѣйствующихъ артиллерійскихъ частей приступлено было и къ сформированію главнаго артиллерійскаго парка и резерва.

На первый разъ въ главномъ паркѣ положено было имѣть людей и лошадей на 3 батареи пѣшихъ и 3 парковыхъ, двѣ роты мастеровыхъ и роту оружейниковъ. Впослѣдствіи число батарей усилено до 6.

6-го мая приступлено было къ сформированію артиллерійскаго резерва; на первый разъ его положено имѣть силою въ 6 батарей.

Въ концѣ мая приступили къ сформированію осаднаго парка и 8 дней спустя уже двинуты были въ Италію 4 батареи дѣйствующихъ, 5 парковыхъ и рота мастеровыхъ. Въ теченіе іюня къ этому прибавилось еще 2 батареи дѣйствующихъ и 3 парковыхъ.

Сформированіемъ осаднаго парка окончена мобилизація артил-

*) 1600 канониров и 800 лошадей.
**) Къ нему была присоединена алжирская рота понтонеровъ.

леріи по личному и конскому составу. Она потребовала 24,267 чел. и 21,396 лошад. *)

Матеріальная часть артиллеріи приведена въ удовлетворительное состояніе цѣною чрезвычайныхъ усилій.

Нарѣзная система орудій (Système Lahitte), окончательно принятая приказомъ 6-го марта 1858 года, дѣлала необходимымъ приготовленіе вновь орудій, лафетовъ, снарядовъ и передѣлку зарядныхъ ящиковъ.

Вмѣстѣ съ принятіемъ этой системы рѣшено было заказать 200 батарей новой конструкціи и въ томъ числѣ 60 изготовить изъ бюджета 1858 г. Но война сдѣлала невозможнымъ исполненіе этого наряда, и вмѣсто 60 въ началѣ 1859 г., готово было только 37 батарей 4-хъ фунтовыхъ.

Въ то же время снаряды готовили денно и нощно; исполнена передѣлка 750 зар. ящиковъ. Роспуски и кузницы положено оставить прежней системы.

Новыя батареи, по мѣрѣ изготовленія, были перевозимы въ Ліонъ, Гренобль, Марсель. Къ 26 апр. 60 батарей и одна ракетная были уже въ движеніи, имѣя на каждое орудіе отъ 150—240 зарядовъ **), а въ ракетной 2000 ракетъ.

Отправкою 4 батарей нарѣзныхъ, передѣланныхъ изъ 12 ф. облегченныхъ пушекъ, въ Италію въ концѣ мая, довершена организація полевой артиллеріи, силою въ 64 батареи (384 ор.), изъ которыхъ 41 нарѣзная (246 ор.).

Рядомъ съ организаціей полевой артиллеріи шло сформированіе необходимыхъ для нея парковъ: корпусныхъ и главнаго.

Каждому корпусу приданъ паркъ въ 110 ящиковъ, для перевозки за войсками половины показаннаго снабженія артиллеріи и такого числа патроновъ, чтобы на каждаго пѣхотинца приходилось 120, со включеніемъ перевозимыхъ дивизіонною артиллеріею и тѣхъ

---

*) Вотъ таблица, показывающая въ подробностяхъ организацію личнаго состава артиллеріи италіянской арміи:

Гвардія 4 батар. сводн	пѣшихъ 4.	Батар. горныхъ	2.
	парков. 4.	„ ракетныхъ	1.
4 конныхъ	4.	„ конныхъ	3 дивиз.
3 парковыхъ	3.		10 резерви.
Армія пѣшихъ батар.	13.	Рота мастеровыхъ	3
парковыхъ	27.	„ оружейник.	1
батарей сводн. . . .	2 пѣш. 2 парков.	„ понтонеровъ	8; въ томъ числѣ двѣ понтоннаго фурштата.
батар. ѣздящихъ 26 дивизіон.			
14 корп. резерва		Итого: . . .	24,267 ч. 21,396 лош.

**) Нарѣзныя по 240 на орудіе, гладкоканальныя по 190, кромѣ горныхъ, на которыя по 150.

оторые онъ несъ на себѣ. Парки двинуты вслѣдъ за корпусами: арки 3-го и 4-го на Монъ-Сени; 1, 2, 5 и гвардіи—моремъ изъ Марселя въ Геную.

4 мая приступили къ сформированію главнаго парка, въ Ліонѣ, въ 430 ящиковъ. Къ концу мая ящики начали перевозить по желѣзной дорогѣ въ Сенъ-Жанъ-де-Морьеннъ, откуда лошади парковыхъ батарей перевозили ихъ въ Сузу. Въ то же время сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ въ Александрію изъ Марселя, моремъ изъ Генуи, комплекта снабженія на 14 батарей и 13 милл. патроновъ, и приняты мѣры къ ежедневному усиленію этого запаса.

Организація осадной артиллеріи подверглась тѣмъ же затрудненіямъ, которыя пришлось испытать и полевой, благодаря недавнему принятію новой системы. Удачные опыты надъ нарѣзанными 12 ф. пушками старой конструкціи побудили замѣнить ими всѣ орудія осадной артиллеріи, назначенныя для прицѣльной стрѣльбы; это было весьма важнымъ упрощеніемъ вообще, но на ту минуту, передъ самой войною, потребовало нарѣзки 200 пушекъ и приготовленія къ нимъ снарядовъ, по 960 на орудіе, что конечно не могло быть достигнуто иначе, какъ цѣною самыхъ энергическихъ, далеко необычныхъ, усилій.

Кромѣ 200 пушекъ, въ паркѣ положено имѣть 30 мортиръ 27 сантиметровыхъ, съ 750 зарядовъ на каждую, и 20 мортиръ 15 сантим., съ 1000 зарядовъ на каждую, при 606 ящикахъ и 600 роспускахъ. Весь осадный паркъ, сосредоточенный въ Тулонѣ и Марсели, начали грузить на суда только 2 іюня, т. е. за два дня до Маджентскаго сраженія, а перевозка его въ Геную окончена только 12 іюля, т. е. уже по заключеніи мира.

Независимо отъ исчисленныхъ заготовленій, было еще: 1) сосредоточено частью на пловучемъ магазинѣ la Belle Poule въ Генуѣ, частью въ ліонскомъ паркѣ 450 т. килограммовъ пороху; 2) заказано 145,000 снарядовъ *) для нарѣзныхъ 12 ф. пушекъ; 3) приступлено къ изготовленію ракетъ дальнаго бросанія.

Вооруженіе ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ не представило никакой особенной заботы; къ началу войны вся армія имѣла уже нарѣзныя ружья; недоставало только втораго комплекта ихъ въ запасахъ. По окончаніи арсенальныхъ работъ, болѣе настоятельныхъ, приступили къ нарѣзкѣ стволовъ для втораго комплекта; съ половины іюня мастерскія начали нарѣзать отъ 30—40 т. въ мѣсяцъ.

---

*) Изъ нихъ 119,000 было направлено въ Марсель и Сузу; къ этому числу ежедневно прибавлялось по 5 т. снарядовъ.

Нельзя сказать того же о снабженіи патронами: оно было самомъ жалкомъ состояніи; на всю французскую армію въ янв 1859 имѣлось съ продолговатыми пулями только 14 милл. пат новъ, т. е. количество, немногимъ превосходящее то, которое требно было для одной италіянской арміи. Достаточно ска что авангардъ арміи (корпусъ Канробера) вступилъ въ Пьемо имѣя не болѣе 30 патроновъ на человѣка. Немедленно зака было 100 милл. патроновъ въ 10 лабораторіяхъ. Къ концу изготовлено было 60 милл., изъ которыхъ отправлено въ Ит 24,364,000.

Матеріальную часть каждаго изъ понтонныхъ парковъ сос ляли: 32 понтона и 4 лодки съ принадлежностью; 77 повоз По 6 повозокъ съ лодками и принадлежностью для наброски тучаго моста составляли понтонныя отдѣленія 3-го и 5-го корпус

По 12 іюля въ Италію отправлено: 654 орудія, 70 морт станковъ, 243,400 продолговат. снарядовъ, 138,644 сферическ 80,000 ручн. гранатъ, 25,000 картечъ, 24,364,000 патро 395,000 киллогр. пороху, 3,910 лафетовъ и повозокъ.

Устройство инженерной части въ арміи не представило трудненій ни по личному составу, ни по матеріальнымъ загото ніямъ. Не то было относительно службъ хозяйственныхъ. Ко саріатскіе склады были вполнѣ достаточны для удовлетворенія требностей арміи въ 600 т.; но такъ какъ они заключались матеріалѣ, предстояло на первый разъ обратить часть его обмундировку по крайней мѣрѣ для 250 т. человѣкъ, чего несп выя роты полковъ немогли исполнить безъ пособія частной мышленности. Чтобы достигнуть цѣли, независимо отъ больш подрядовъ на пошитье 626 т. штукъ одежды (шинелей, шаровар куртокъ), полкамъ предписано нанимать вольныхъ рабочихъ и водить швейныя машины.

Образованіе запаса обуви,—предмета снабженія столь наго—въ особенности озаботило интенданство, потому что въ на подверглось самымъ неблагопріятнымъ случайностямъ. Во Фра принято въ мирное время предоставлять самимъ полкамъ заго леніе мелкихъ предметовъ *) обмундированія, въ томъ числѣ об но въ военное—необходимо чтобы интенданство брало на себя добную заботу, ибо строевымъ частямъ бываетъ не до того. знаніе этой, впрочемъ слишкомъ ясной, необходимости и вы со стороны интендантства, въ началѣ апрѣля, торги на пост

*) Такъ называемое petit equipement.

)0 т. башмаковъ (въ томъ числѣ 300 т. въ Бельгіи). Но подряды были исполнены; это грозило арміи весьма неблагопріятными слѣдствіями, если бы не рискнули на мѣру оригинальную и преходно удавшуюся, опять благодаря телеграфамъ и желѣзнымъ рогамъ; черезъ меровъ и префектовъ обратились къ сапожникамъ всей Франціи съ предложеніемъ заготовить столько обуви, олько кто можетъ. Этимъ путемъ товаръ полученъ превосходнаго чества и безъ ощутительнаго возвышенія цѣнъ.

Рядомъ съ этимъ приняты мѣры къ сосредоточенію запасовъ гернаго снабженія (палатки большія и tentes abris, манерки, куная посуда, одѣяла), въ Марсели, Ліонѣ, Генуѣ.

Провіантскія заготовленія потребовали хлопотъ несравненно ьшихъ, и по свойству предметовъ, расходуемыхъ ежедневно громадномъ количествѣ, и по невозможности заблаговременно средоточить ихъ къ театру войны, изъ опасенія возбудить порѣнія. Оставалось: 1) возложить на Піемонтъ продовольствіе анцузской арміи въ началѣ кампаніи; 2) озаботиться заготовлеемъ провіанта и фуража въ предѣлахъ Франціи въ такомъ разрѣ, чтобы можно было предпринять безостановочную перевозку на театръ войны для образованія большихъ складовъ, непосдственно за вступленіемъ на него войскъ.

Для достиженія первой цѣли былъ посланъ въ Піемонтъ ползникъ генеральнаго штаба Сажѐ, 15 апрѣля, съ порученіемъ осить о заготовленіи двадцатидневнаго запаса продовольствія французской арміи; черезъ 8 дней онъ получилъ отвѣтъ удотворительный: 17-дневная дача на 100 т. человѣкъ и 10 т. шадей была сосредоточена, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ колествъ на пути къ Монъ-Сени и Монъ-Женевръ, преимущественно Туринѣ (шестидневный запасъ), Генуѣ и Александріи (четырехевный въ каждомъ).

Необходимость сосредоточенія значительнаго количества хлѣба зерноваго фуража во Франціи заставила обратиться на иностране рынки, преимущественно въ Англію и порты сѣверной Гернніи. Операція эта удалась, но составляла только половину дѣла, тому что нужно было позаботиться о возможности усиленнаго збопеченія. Думали и въ этомъ прибѣгнуть къ пособію иностранй промышленности—въ Лондонѣ и Ливерпулѣ заказали 30 т. нтнеровъ сухарей,—но заказъ исполнялся медленно, а между къ время шло; нужно было предпринять что нибудь рѣшителье: тогда всѣ военныя хлѣбопекарни получили приказаніе прелтить войскамъ отпускъ хлѣба и заняться приготовленіемъ сурей. Войскамъ предписано покупать хлѣбъ у частныхъ торгов-

цевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы распоряженія для устройства [...] временныхъ хлѣбопекарень. Всѣ эти мѣры дали возможность [...] готовлять ежемѣсячно отъ 8—9 мил. дачъ сухарей.

Не только зерновой фуражъ, но даже сѣно рѣшено было [...] готовить во Франціи; пришлось устраивать прессовальни и навѣс[...] для складовъ. Замѣчательную особенность этой кампаніи состав[...] лялъ крайняя воздержность, съ которой французская армія [...] бѣгала къ реквизиціямъ. За все то, что бралось или нанималось [...] уплачивали немедленно чистыми деньгами; въ большей же част[...] случаевъ предпочитали довольствоваться собственными средствами.

Перевозка запасовъ изъ Марселя и Ліона въ Геную начат[...] съ первыми эшелонами войскъ; такъ, съ дивизіей Базена (1-го [...] корпуса, открывшаго движеніе по морскому пути) прибыло в[...] Геную 6 пароходовъ съ 600,000 раціоновъ разнаго рода [...] 30,000 раціоновъ фуража.

Но эта часть работы не была, да и не могла быть, испол[...] нена удовлетворительно: перевозочныя средства были заняты вой[...] сками, которыя притомъ всѣ сосредоточивались къ одному пункту— Александріи. Понятно, что перевозка жизненныхъ припасовъ, осо[...] бенно сѣна, не могла быть исполнена въ должной соразмѣрности.

Это было причиною замедленія операцій, потому что Импера[...] торъ рѣшился ничего не предпринимать, пока не будетъ обезпе[...] чено административное положеніе арміи. Но къ первой причин[...] вскорѣ присоединилась вторая, тяготѣвшая надъ арміей во все [...] время кампаніи; въ Генуѣ не было достаточно помѣщеній для [...] складовъ; а между тѣмъ ограниченность подвижнаго состава Але[...] ксандрійской желѣзной дороги, неизбѣжные перерывы сообщени[...] по ней лишали возможности отправлять все привозимое немедленно [...] въ Александрію, тѣмъ болѣе, что нужно было значительное числ[...] поѣздовъ уступать артиллеріи. Это заставило, между прочимъ, от[...] казаться отъ перевозки сѣна почти въ самомъ началѣ.

Къ сказаннымъ затрудненіямъ присоединилось впослѣдствіи еще [...] одно, не менѣе важное, о которомъ впрочемъ въ разбираемомъ [...] сочиненіи не упоминается: это недостатокъ привычки къ хозяй[...] ственнымъ операціямъ не только дивизіонныхъ, но даже корпус[...] ныхъ интендантовъ. Благодаря чрезмѣрной централизаціи, забота [...] о всѣхъ заготовленіяхъ лежала на главномъ интендантѣ, такъ что [...] всѣ остальные обращались не болѣе какъ въ передаточныя инстан[...] ціи между имъ и войсками, безо всякой иниціативы. Пока все по[...] лучалось по заведенному порядку и безъ перерывовъ, бѣда была не [...] велика; но съ переходомъ за рѣку Тичино, черезъ которую постоян[...] ныя сообщенія временно были прекращены, главное интендантство

едоставило нѣкоторыя снабженія личному усмотрѣнію корпус-ихъ интендантовъ, и здѣсь обнаружилось, какъ мало они были готовлены къ подобной роли. Достаточно сказать, что были пуса, съѣвшіе послѣдній свой раціонъ въ день сольферинскаго я и получившіе новый запасъ только на слѣдующій день.

Мѣры по призрѣнію и леченію больныхъ и раненыхъ италіян-ой арміи заключались въ слѣдующемъ:

1) Каждому баталіону придано по аптечному вьюку, заклю-ющему, кромѣ медикаментовъ и инструмента, 200 перевязокъ;

2) Каждой пѣхотной дивизіи—подвижной госпиталь изъ 4-хъ диковъ, аптекаря, 4 чиновниковъ по хозяйственной части, 17 челов. ислуги при 4 госпитальныхъ ящикахъ (въ каждомъ, кромѣ ле-рствъ и 2 приборовъ инструмента, 2000 перевязокъ *).

3) Каждому корпусному штабу дано, какъ дивизіонному, глав-ой квартирѣ—вдвое больше.

4) Въ предвидѣній дѣйствій въ горахъ было взято 15 отдѣле-й подвижнаго госпиталя алжирскаго состава.

5) Приняты мѣры для устройства 12 временныхъ мѣстныхъ спиталей, на 500 человѣкъ каждый, на театрѣ войны, и для готовленія 15,000 мѣстъ въ госпиталяхъ и казармахъ юго-сточной Франціи.

Къ сожалѣнію, въ оффиціальномъ сочиненіи не говорится, сколько енно человѣкъ прошло черезъ госпитали за военное время и слѣдствіе его.

Перевозная часть италіянской арміи представляетъ замѣчатель-й примѣръ содѣйствія пара военнымъ операціямъ. Трудно себѣ едставить время, которое понадобилось бы для сосредоточенія Италіи обыкновеннымъ путемъ всего того, что было въ нее ревезе́но, благодаря паровому флоту и желѣзнымъ дорогамъ. По-ніе о массѣ перевезеннаго съ 26 апрѣля по 1-е сентября, мо-ть, могутъ дать слѣдующія цифры: людей 94,599; лошадей ,574; весь осадный паркъ, полевая артиллерія корпусовъ: гвар-скаго, 1, 2 и 5-го.

По желѣзнымъ дорогамъ: ліонской и Виктора Эммануила— льшая часть корпусовъ 3-го (Канроберъ) и 4-го (Ніэль) съ тя-стями. Наконецъ, значительная часть подвозовъ къ Александріи, але, впослѣдствіи къ Милану, а къ концу кампаніи даже къ енцано, сдѣланы по желѣзнымъ дорогамъ.

*) Здѣсь говорится только о медицинскихъ чинахъ и о снабженіяхъ, прида-емыхъ частямъ по военному положенію. О тѣхъ, которые въ нихъ состоятъ мирное время, здѣсь не упоминается.

Желѣзныя дороги обнаружили въ эту кампанію всѣ свои
ныя и слабыя стороны: большія сбереженія во времени и въ п
кахъ и большіе расходы на самый путь; чрезвычайная ре
ность сообщеній, освобожденіе ихъ отъ случайностей, до в
ности минутнаго разсчета и зависимость самыхъ дорогъ от
чайностей,—прямо показали, во 1-хъ, что пути этого рода и
значеніе коммуникаціонныхъ, но не операціонныхъ линій; во
что они могутъ принести пользу всестороннюю и продолжите
только при условіи высокаго промышленнаго развитія воюю
сторонъ.

Для подтвержденія послѣдняго достаточно привести одинъ
австрійцы, оставивъ С.-Мартинскій тетъ-де-понъ, сдѣлали по
разрушить Буффалорскій мостъ, попытка эта не вполнѣ удал
двѣ арки осѣли, однако выдержали въ день Маджентьі пер
двухъ корпусовъ слишкомъ, съ артиллеріею *). Понятно,
такомъ состояніи мостъ долго бы не простоялъ; пришлось
няться за его поправку. Черезъ двѣ недѣли не только новы
были выведены, но положены рельсы на пространствѣ отъ С.
тино до Маджентьі, чего при австрійцахъ не было. Авст
увезли съ ломбардской дороги весь подвижной составъ: п
Наполеона привезти моремъ съ Ліонъ-марсельской линіи въ
80 локомотивовъ—и черезъ нѣсколько дней, въ военное
возстановлено сообщеніе Турина съ Миланомъ болѣе удобное,
было при австрійцахъ въ мирное. Попорченные на другихъ р
мосты желѣзной дороги были исправлены съ такою быстрото
29 іюня **) возстановлено паровозное сообщеніе съ Бресч
къ эпохѣ заключенія мира—съ Поццоленго.

Лошадиный обозъ арміи состоялъ изъ 21 роты (600
зокъ съ соотвѣтствующимъ числомъ носилокъ и вьюковъ для
возки раненыхъ (cacolets), 4,800 лошадей или муловъ), ко
были распредѣлены такъ: 7 ротъ въ главной квартирѣ,
гвардіи, по 2 въ каждомъ изъ пяти армейскихъ корпусовъ.

Сверхъ этого на самомъ театрѣ войны былъ сформир
вспомогательный обозъ, по найму. Какъ военный, такъ и в
гательный обозъ назначались преимущественно для перевозки
вольствія. Въ главной квартирѣ, кромѣ того, для перевозки
наго телеграфа, типографіи и пр.

Военно-походный телеграфъ былъ организованъ уже по
доченіи арміи. Телеграфныхъ чиновниковъ взяли съ франц

*) При помощи вырочемъ досчатой настилки.
**) Маджентское сраженіе было 4 іюня.

линій; 22 мая они были въ Александріи, снабженные 5,000 легкихъ телеграфныхъ шестовъ и 5,000 килогр. проволоки. Въ продолженіе всей кампаніи они не только не отставали отъ главной квартиры, но зачастую предупреждали ее. Главнѣйшія работы, ими произведенныя, заключались, преимущественно, въ поправкѣ старыхъ линій. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что линіи летучія, долженствующія составлять спеціальность военно-походной телеграфіи, не имѣли особеннаго успѣха: эта летучесть могла быть пріобрѣтена на счетъ солидности телеграфныхъ столбовъ; такъ какъ приходилось вести телеграфныя линіи преимущественно по путямъ движенія арміи, то и случалось зачастую, что проволоку нечаянно рвали, шесты сваливали, а иногда употребляли и для варки, вмѣсто дровъ. Завѣдывавшій телеграфомъ въ италіянскую кампанію (Lair) пришелъ къ убѣжденію, что для удовлетворительности линій необходимо имѣть брусья 6-ти метровые (8,4 арш.), толщиною отъ 1 до полудециметра, трехгранной формы. Конечно линія будетъ надежнѣе при этомъ условіи; но какой обозъ потребовался бы для перевозки подобныхъ брусьевъ, особенно тамъ, гдѣ линіи были бы дѣйствительно разрушены, а не снята только проволока, какъ большею частью было въ Италіи? Основываясь на этихъ данныхъ, можно кажется заключить, что летучій телеграфъ тѣмъ лучше выполнитъ свое назначеніе, чѣмъ онъ болѣе похожъ на постоянный, другими словами, что въ большей части случаевъ это средство для тыла, а не для облегченія собственно операцій арміи. Въ разбираемомъ сочиненіи ничего не упоминается о военно-походныхъ телеграфахъ: вѣроятно потому, что имъ не пришлось оказать услугъ, чѣмъ-либо рѣзко отличающихся отъ работы обыкновенныхъ телеграфовъ.

Упомянемъ, въ заключеніе, еще объ одной новой,—или правильнѣе возобновленной,—попыткѣ воспользоваться воздухоплавательнымъ шаромъ для рекогносцировки. Она ни къ чему не повела и совершенно вѣрно охарактеризована Вандевельдомъ, который, говоря о Годарѣ *), замѣтилъ qu'il a beaucoup vu sans pouvoir rein dire.

Приступъ къ кампаніи ознаменованъ дипломатическими проволочками, которыя, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ни къ чему не повели: противорѣчіе было не въ подроб-

---

*) Воздухоплаватель, на котораго былъ возложенъ этотъ опытъ въ концѣ кампаніи, у Пескьеры.

ностяхъ развитія одного и того же начала, а въ самыхъ началахъ, отъ которыхъ отправлялись враждовавшіе. Австрійцы считали нерушимыми трактаты 15-го года; французы и піемонтцы— непреложнымъ принципъ національностей: соглашеніе было невозможно; и для Австріи, болѣе готовой къ войнѣ нежели ея противники, лучше было раньше, нежели позже, дойти до разрыва; каждый день промедленія стоилъ громадныхъ расходовъ на содержаніе арміи, и въ то же время выигрывался противниками для приготовленія къ войнѣ.

Піемонтская армія была готова съ марта мѣсяца; она долженствовала прикрыть дебушированіе французскихъ колоннъ черезъ Монъ-Сени и Монъ Женевръ съ одной стороны, черезъ Геную и по береговой дорогѣ la Corniche съ другой. Силы арміи простирались до 65 т. *) не считая легіона Гарибальди, въ которомъ въ апрѣлѣ было около 2500 ч. При условіи раціональнаго распредѣленія, силы эти были вполнѣ достаточны для прикрытія дебушированія Французовъ; всѣ помянутые выходы на сѣвероиталіанскую равнину прикрываются Казаль-Александрійскою стратегическою позиціею, образуемою этими двумя крѣпостями и колѣномъ рѣки По, круто поворачивающей къ ю. в. у Казале и прикрывающей позицію съ фронта.

Силы, расположенныя въ этой позиціи, могутъ дѣйствовать **), смотря по обстоятельствамъ во флангъ и тылъ противнику, направляющемуся: на Туринъ черезъ Верчелли, или на Геную черезъ Нови. Понятно, что однимъ сосредоточеніемъ сардинскихъ силъ на этой позиціи, оба пункта и пространство между ними, обезпечены лучше, нежели непосредственнымъ расположеніемъ войскъ на каждомъ изъ путей, требующимъ кордоннаго разсѣянія силъ.

Не смотря на это, въ началѣ приняли послѣднее расположеніе; по первоначальному плану было предположено: одной дивизіи прикрыть доступы въ Геную, поставивъ ее у Нови; двумъ занять Александрію, Казале и пространство между ними; остальнымъ двумъ и кавалерійской—преграждать сѣверный путь къ Турину, расположившись на позиціи у Кивассо, за Дора-Бальтеа. Давно уже извѣстно, что «кто хочетъ быть силенъ вездѣ, не будетъ силенъ нигдѣ»***). Къ разбираемому случаю это примѣнимо вполнѣ; хотѣли быть вездѣ сильными, и пришли къ тому, что при боль-

*) Пять дивизій пѣхотныхъ и одна кавалерійская.

**) Разумѣется при условіи мостовъ черезъ По и Танаро, обезпеченныхъ тетъ-де-понами: у сардинцевъ они были.

***) Выраженіе Фридриха II: qui veut être fort partout ne l'est nulle part.

ей рѣшительности со стороны Австрійцевъ, эти послѣдніе, куда
ı обратились бы, имѣли бы дѣло не болѣе какъ съ третью силъ.

Подобныя распоряженія не нуждаются въ разборѣ болѣе про-
ранномъ; но дѣло не въ обнаруженіи односторонности плана, а
ь уясненіи тѣхъ понятій и внѣшней обстановки, подъ гнетомъ
оторыхъ онъ могъ возникнуть.

Разсматривая планъ съ этой точки, нельзя не сказать, что
вали бы много нашлось людей, на столько сильныхъ харак-
ромъ, на столько невозмущаемыхъ въ ясности воззрѣнія близ-
й опасностью, которые не сдались бы на него.

Туринъ и Генуа, столица и средоточіе торговаго богатства
раны, головы путей, которыми шла единственная надежда на
пѣхъ борьбы,—французская армія, были пунктами слишкомъ до-
огими, чтобы не захватывало духа у піемонтскихъ властей при
ной мысли, что они могутъ попасть въ руки непріятелю.

При такомъ состояніи, обыкновенный человѣкъ неминуемо под-
ияется непосредственнымъ, первымъ впечатлѣніямъ, неодолимо
екущимъ его къ тому, чтобы заслонить грудью дорогой предметъ.
тать для этого нѣсколько въ сторонѣ отъ предмета—страшно
ольшинству; на это способны только или избранныя натуры, или
ѣ, которые сохранили спокойствіе, благодаря довольно безразлич-
ому отношенію къ предмету.

Понятно, что при такомъ нравственномъ настроеніи, всякій
овѣтъ, клонящійся къ непосредственному прикрытію важныхъ
унктовъ, отвѣчая инстинктивнымъ влеченіямъ всѣхъ, имѣетъ болѣе
ансовъ быть принятымъ, нежели другой, въ осуществленіи дости-
ающій цѣли лучше, но для большинства не столь осязательный.

Это предрасположеніе къ разброскѣ силъ кордономъ было под-
рѣплено однимъ обстоятельствомъ, сдѣлавшимъ его обязательнымъ
ля Піемонтцевъ. Для совѣщанія о начальномъ планѣ дѣйствій,
мператоръ Французовъ избралъ маршала Ніэля, инженера по за-
ятіямъ, болѣе имѣвшаго дѣла въ теченіе своей карьеры съ зем-
яными насыпями, нежели съ живой боевой силою, и естественно
асположенный, по общей слабости человѣческой, думать больше
о томъ, чѣмъ онъ занимался, нежели о предметахъ болѣе важ-
ыхъ для успѣха, но которыми онъ не занимался. Кто придаетъ
ервенствующее значеніе мѣстности и средствамъ ея усовершен-
твованія для боя, тотъ рано или поздно, но неминуемо приво-
дится: 1) къ вѣрѣ въ позиціи и къ упущенію изъ вида стратегиче-
ской связи между ними; 2) къ стремленію занимать всѣ выгодныя
позиціи, находящіяся на вѣроятныхъ путяхъ наступленія против-

ника, не обращая вниманія на происходящее отъ того раздробленіе силъ, а слѣдовательно и на невозможность отстоять позиціи.

Въ этомъ видно забвеніе той простой вещи, что не позиціи отстаиваютъ сами себя, а войска ихъ отстаиваютъ; но забвеніе, совершенно объясняемое исключительнымъ упражненіемъ во всемъ томъ, что̀ касается не войскъ, а позицій.

Показанное выше распредѣленіе силъ было условлено съ маршаломъ Ніэлемъ; при большей рѣшительности Австрійцевъ оно конечно могло бы повести къ катастрофѣ, которая по крайней мѣрѣ отдалила бы успѣхъ союзниковъ, если не совершенно сдѣлала его невозможнымъ. Но Австрійцы давали время на все: они уже вступили въ Піемонтъ, когда Канроберъ, прибывшій въ Туринъ съ первыми эшелонами, осмотрѣвъ вмѣстѣ съ королемъ позиціи на Дорѣ, нашелъ ихъ неудовлетворительными и склонилъ послѣдняго сосредоточить свою армію между Казале и Александріею. Онъ доказалъ, что Туринъ гораздо дѣйствительнѣе прикрывается фланговою позиціею въ 4-хъ переходахъ впереди отъ него, нежели фронтальною въ разстояніи одного перехода, весьма сомнительной силы, до вдобавокъ, защищаемою всего двумя, тремя дивизіями противъ арміи, которую могли устремить на нее Австрійцы.

Первыя приготовленія Австрійцевъ къ кампаніи относятся также къ этой эпохѣ. По мирному положенію, у нихъ въ Сѣверной Италіи было расположено три корпуса *), силою около 60 т., имѣя корпусные штабы въ Миланѣ, Веронѣ и Падуа. Поздравленіе съ новымъ годомъ, адресованное императоромъ Наполеономъ австрійскому посланнику, перемѣстило въ Италію еще корпусъ (Шварценберга, III-й 14,200 ч. 48 ор.) За нимъ послѣдовалъ еще одинъ, двинутый изъ Галиціи; голова его достигаетъ Милана 3 марта. Это уже достаточно обнаруживало намѣренія Австрійцевъ, хотя корпуса еще и оставались на мирномъ положеніи: полки были слабой числительности и 3-хъ баталіоннаго состава. Вслѣдъ затѣмъ обнародована прокламація Гіулая: по обычаю людей нерѣшительныхъ на дѣлѣ, онъ не могъ удержаться отъ весьма рѣшительной рѣчи къ своимъ войскамъ, полной похвальбы и угрозъ, болѣе способныхъ возмутить противниковъ, нежели поднять духъ собственныхъ войскъ. Приведеніе войскъ на военное положеніе послѣдовало вскорѣ за этою прокламаціею: въ половинѣ марта призваны отпускные и мобилизированы четвертые баталіоны, оста-

*) V-й Стадіона, VII-й Теймера и VIII-й Дегенфельда; всего 65 баталіоновъ, 24 эск., 21 батарея (въ томъ числѣ 2 ракетныхъ), 5 инженерныхъ баталіоновъ.

вивъ по двѣ роты въ своихъ рекрутскихъ округахъ для пріема и обученія рекрутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ перемѣщенію изъ дѣйствующей арміи комендантами крѣпостей и во внутренніе корпуса тѣхъ генераловъ, которые по преклонности лѣтъ и другимъ свойствамъ, были тамъ болѣе на мѣстѣ. И тутъ-то обнаружилось все неудобство сохраненія въ мирное время организаціи въ бригады, дивизіи и корпуса: ни одно подобное перемѣщеніе не оставалось неизвѣстнымъ во Франціи, не говоря уже объ томъ, что это оскорбляло большую часть перемѣщаемыхъ.

Во Франціи каждая подобная мѣра вызывала также шагъ болѣе или менѣе рѣшительный, но менѣе явный, къ переходу на военную ногу. Такъ: 1) Ліонская армія, обыкновенно состоящая изъ 3-хъ пѣхотныхъ дивизій, къ 1-му марта усилена была двумя дивизіями: одной, прибывшей изъ Алжиріи и нерасформированной; другой, расположенной по полкамъ на квартирахъ въ долинѣ Дюрансы между Капъ и Бріансонъ; 2) нѣсколько дней спустя послѣдовалъ приказъ мобилизировать четыре ліонскія дивизіи, отдѣливъ въ нихъ отъ каждаго баталіона среднія роты въ депо; 3) въ то же время полки: 1-й гусарскій, 1, 8 и 12-й конно-егерскіе, сдавъ своихъ лошадей въ полки ліонской кавалер. дивизіи, отправлены на смѣну полкамъ, бывшимъ въ Африкѣ; такимъ образомъ получено около 2200 лошадей, совершенно готовыхъ къ службѣ, которыя впослѣдствіи и поступили на укомплектованіе кавалеріи италіанской арміи. Большая часть этихъ мѣръ была прикрыта перемѣною алжирскаго гарнизона, обыкновенно дѣлаемою въ это время года; а исполненіе всѣхъ передвиженій мелкими частями должно было затруднять австрійскихъ агентовъ въ собираніи свѣдѣній объ общности распоряженій французскаго военнаго министерства. Начальство во вновь сформировываемыя части было назначаемо только въ моментъ сформированія; до того же назначеніе это существовало только въ видѣ росписанія въ военномъ министерствѣ, слѣдовательно всякая мѣра становилась извѣстною только тогда, когда содержаніе ея въ секретѣ становилось безполезнымъ.

Въ началѣ апрѣля, III, V, VII и VIII австрійскіе корпуса были двинуты къ Тичино; 12 бригадъ (около 75 т.) заняли пространство между Тичино и Аддою, слѣдовательно въ одномъ и двухъ переходахъ отъ Піемонтской границы; 5 бригадъ (около 30 т.)— между Аддою и Минчіо, т. е. въ 5 и 6 переходахъ отъ Тичино.

Остальная часть силъ была за Минчіо и въ легатствахъ: даже и передъ неминуемой борьбою Австрійцы не въ состояніи были

отказаться отъ стремленія имѣть вліяніе на среднюю Италію, не замѣчая того, что это ослабляло ихъ на рѣшительномъ пунктѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ корпуса: IX (Брюннъ) и X (Пестъ) назначены въ резервъ италіянской арміи.

Тогда маршалъ Кастеллянъ *) получилъ приказаніе сформировать еще двѣ дивизіи: одну въ долинѣ Дюрансы, другую въ Тулонѣ.

Наконецъ Австрійцы рѣшаются на ультиматумъ; вѣсть о немъ доходитъ до Парижа 21-го, 23-го принимаются окончательныя мѣры къ сформированію арміи: утвержденъ составъ главной квартиры, назначены командиры корпусовъ, три дивизіи парижскаго гарнизона и гвардія мобилизированы и двинуты по желѣзной дорогѣ на Марсель и Тулонъ; 25-го послѣдовалъ приказъ о сформированіи кавалеріи: двухъ дивизій для 1-го и 3-го корпусовъ, двухъ бригадъ для 2-го и 4-го и о мобилизаціи гвард. кавалеріи.

Сосредоточеніе французской арміи на театрѣ войны исполнено было съ замѣчательной быстротой и единствомъ, не смотря на большія пространства, раздѣлявшія три массы силъ, которыя предстояло сосредоточить. Корпуса Ніэля (4-й) и Канробера (3-й), двинутые отъ Ліона и Бріансона, начали дебушировать у Сузы 28-го апр.; 29-го прибылъ въ Геную авангардъ (дивизія Базена, 1-го корп.) колоннъ, направленныхъ къ этому пункту изъ Марселя (гвардія и 1-й корпусъ) и Алжира (часть 2-го корпуса).

Части лѣвой колонны, по мѣрѣ прибытія въ Сузу, немедленно направились къ Турину и далѣе къ Казале и Александріи; части правой, эшелонированныя между Генуей и Нови, медленно подвигались, по мѣрѣ высадки слѣдовавшихъ за ними войскъ, къ Нови.

29-го апр. Канроберъ осматриваетъ позицію Доры, и найдя ее неудовлетворительною, убѣждаетъ короля сосредоточить піемонтскую армію также между Казале и Александріей. Только резервная кавалерійская дивизія оставлена на Дорѣ.

За пѣхотою двигалась французская кавалерія; только незначительная часть ея сопровождала движеніе корпусовъ; главная же масса прибыла на театръ войны значительно позже **).

Операція сосредоточенія ничѣмъ не была задержана или затруднена; Австрійцы оставались безвредными, хотя далеко не не-

---

*) Начальникъ Ліонскаго военнаго округа.

**) Позднее прибытіе кавалеріи обнаружило новую особенность вліянія усовершенствованныхъ путей сообщенія на военныя операціи, заключающуюся въ томъ, что при быстромъ сосредоточеніи силъ на театръ войны армія всегда будетъ поставлена въ необходимость начинать дѣйствія безъ того количества кавалеріи и артиллеріи, которое нужно для полной ея самостоятельности.

подвижными зрителями ея. Получивъ возможность начать дѣйствія еще 26-го апр.,—день, въ который прибылъ въ главную австрійскую квартиру отказъ на ультиматумъ, — они остались въ бездѣйствіи за Тичино до 30-го.

29-го двинута была изъ Павіи въ Каво только одна дивизія; 30-го пошли наконецъ всѣ австрійскія силы по тремъ путямъ: черезъ Павію, Виджевано и Берегвардо, и 2-го мая достигли Казаль-Александрійскаго участка По, употребивъ три дня на прохожденіе 30—40 верстъ.

Здѣсь они заняли расположеніе въ три линіи, имѣя въ первой V, III и VIII корпуса, отъ Кандіи до Пьеве-дель-Каиро; во второй линіи II и VII, отъ Роббіо до Меде, въ третьей кавалерійскій и артиллерійсскій резервы по р. Тердоппіо. Главная квартира изъ Павіи перенесена въ Лумелло.

Причина потери первыхъ двухъ дней заключалась въ приказаніи изъ Вѣны пріостановиться съ открытіемъ кампаніи, отмѣнявшемъ полученное не задолго до того, въ силу котораго слѣдовало двинуться въ Піемонтъ тотчасъ же по полученіи отказа на ультиматумъ.

Это показало въ началѣ кампаніи, что главная квартира ставилась въ полную зависимость отъ приказаній, посылаемыхъ въ нее чуть не за тысячу верстъ.

Къ этой основной причинѣ неудачъ Австрійцевъ во всѣ кампаніи, начиная съ фридриховскихъ, присоединилась одна, не менѣе важная, коренившаяся въ свойствахъ главнокомандующаго и въ составѣ его штаба. Ни онъ, ни его штабъ, не смотря на все знаніе теоріи военнаго дѣла, казалось не подозрѣвали той простой вещи, что на войнѣ удаются не лучше обдуманныя, а рѣшительнѣе приводимыя въ исполненіе предпріятія,—и доводимыя притомъ до конца: общій недостатокъ всѣхъ теоретиковъ, которые стремясь къ лучшему, упускаютъ возможное въ данную минуту и конечно бываютъ биты тѣми, которые смотрятъ на дѣло попроще и хватаются, не задумываясь, за то, что первое попадется подъ руку.

Въ этомъ заключается характеристика всей итальянской кампаніи со стороны Австрійцевъ: приказаніе изъ Вѣны; отмѣна приказанія; рѣшимость на что нибудь въ главной квартирѣ; начало приведенія ея въ исполненіе; замѣна рѣшимости какою нибудь другою, этой третьею; результатъ—трата времени и силъ и вслѣдствіе того, неудача въ боевыхъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ, который, взявшись за что нибудь, доводитъ дѣло до конца.

Быстрый очеркъ кампаніи будетъ служить этому лучшимъ подтвержденіемъ.

Австрійцы могли открыть кампанію или движеніемъ на Туринъ, прикрывъ лѣвый флангъ отъ Казале; или къ Генуѣ, обезпечившись со стороны Александріи, или наконецъ форсировать переправу между Казале и Александріей у Валенцы, гдѣ былъ каменный мостъ желѣзной дороги, ведущей отъ Александріи къ Мортарѣ. Всѣ три направленія сулили успѣхъ, если припомнятъ разбросу и лъ піемонтскихъ. Австрійцы никакъ не могли остановиться на одной какой либо рѣшимости, перепробовали всѣ три, отказывались отъ каждой на половинѣ дороги и наконецъ, рѣшились предоставить иниціативу союзникамъ, занявъ пространство между Сезіей и По съ фронта, Тичино—съ тыла, По—съ лѣваго фланга. Исторія этихъ колебаній слишкомъ назидательна, чтобы на ней не остановиться.

Движеніе австрійскихъ силъ къ Казаль-Александрійскому участку По какъ бы обнаруживало намѣреніе форсировать переправу у Валенцы: безпокойство Сардинцевъ было весьма велико, тѣмъ болѣе, что Александрія, сильная къ сторонѣ Вогеры, представила бы не особенное сопротивленіе, бывъ атакована со стороны Валенцы. Правда, они приняли мѣры для обстрѣливанія моста у Валенцы: на высотахъ праваго берега была возведена съ этою цѣлью батарея; но она могла бы только затруднить атаку, а не опрокинуть ее: это дѣло пѣхоты, а ее тамъ не было столько, чтобы остановить рѣшительное усиліе.

Но прошло 3-е мая, а Австрійцы все еще стояли на мѣстѣ, сдѣлавъ только рекогносцировки къ Валенцѣ и Кандіи.

Вечеромъ того же дня они приступили къ наводкѣ моста на По, у лѣваго своего фланга, близъ устья Скривіи у Корнале, а 4-го минировали мостъ у Валенцы, показавъ такимъ образомъ, что отказываются отъ наступленія въ этомъ направленіи, а какъ будто рѣшаются идти на Тортону и Нови.

Въ ночь съ 3 на 4 VIII корпусъ, подъ проливнымъ дождемъ, пошелъ къ переправѣ; 4 совершилъ ее и двинулся къ Кастельново; къ переправѣ придвинуть II корпусъ, составлявшій, если припомнятъ, лѣвый флангъ второй линіи. Въ то же время другіе корпуса остаются на мѣстѣ, кромѣ V, который идетъ къ устью Сезіи, т. е. въ направленіи противоположномъ VIII, и дѣлаетъ тамъ демонстраціи переправы. Такимъ образомъ наводка моста у Корнале и движеніе туда корпусовъ VIII и II показывали одно намѣреніе; расположеніе остальныхъ корпусовъ совершенно другое. 5-го числа VIII корпусъ посылаетъ одну бригаду въ Вогеру, другую въ Тортону, въ послѣднемъ пунктѣ Австрійцы никого не находятъ—признакъ, что Нови еще не занято, что Французы еще

ержутся въ горахъ за нимъ *). Слѣдовательно поискъ на Нови ылъ не опасенъ, а между тѣмъ давалъ возможность хоть разру-ить желѣзную дорогу въ Александрію, т. е. замедлить на нѣ-колько дней сосредоточеніе туда тяжестей; но въ главной квар-ирѣ уже рѣшились отказаться отъ предпріятій и по этому на-правленію: VIII корпусу приказано взорвать мосты желѣзной до-оги въ Тортонѣ и Вогерѣ, сжечь деревянные и возвратиться на ѣвый берегъ По. Это было исполнено, къ большому успокоенію ардинцевъ относительно и этого направленія.

Оставалось попробовать послѣднее направленіе на Туринъ**). II корпусъ, какъ ближайшій къ туринской дорогѣ, назначенъ въ авангардъ и направленъ къ Верчелли. Движеніе начато 7-го и произведено по всѣмъ правиламъ искусства: къ сторонѣ Казале ысланъ боковой авангардъ; во всѣ стороны направлены рекогнос-ировки; на слѣдующій день VII корпусъ двинутъ къ Сантіа и Бресчентино; бригаду его, прикрывавшую движеніе къ сторонѣ Казале, смѣнилъ V корпусъ; II-ой, III-ій, резервъ и главная квар-тира дошли до Верчелли; VIII-ой оставленъ для наблюденія за Піемонтцами отъ Верчелли до Валенцы. Но дальше Австрійцы не пошли и по этому направленію; 9-го получено извѣстіе, будто союзники намѣрены двинуться на Піаченцу, 10-го же Гіулай сдѣ-лалъ распоряженія къ отступленію за Сезію, произведенному съ такою поспѣшностью, что нѣкоторымъ частямъ пришлось сдѣлать переходъ въ 40 верстъ. Въ Верчелли оставленъ только арьер-гардъ, главная квартира перенесена въ Мортару.

И такъ 10 дней было потеряно въ маршахъ и контръ-мар-шахъ; положеніе союзниковъ, стягивавшихся можно сказать въ виду непріятеля, не потерпѣло отъ этихъ маневровъ; положеніе австрійскихъ войскъ потерпѣло и весьма: они были истомлены, да вдобавокъ начали понимать, что истомлены безъ толку. Какъ лов-кій фехтмейстеръ, привыкшій показывать удары не нанося ихъ, Гіулай показалъ союзникамъ, что съ ними можно было сдѣлать и ничего не сдѣлалъ.

Въ оффиціальномъ французскомъ сочиненіи это разсказано нѣ-сколько иначе; попытки на Тортону, у Валенцы и Кандіи выста-влены въ немъ демонстраціями, будто бы служившими для скрытія

*) Въ это время первый и второй французскіе корпуса были эшелонированы о долинѣ Скривіи до Серравале; а гвардія только что начинала прибывать въ еную.

**) Собственно это уже было не очень опасно, потому что 7-го привезены къ лександріи послѣдніе эшелоны 4 корпуса, такъ что въ это время можно было ебушировать во флангъ Австрійцамъ изъ Казале съ 3-мя корпусами: 3 и 4 фран-узскими и піемонтскимъ.

намѣренія Австрійцевъ двинуться на Туринъ. Объясненіе, болѣе благосклонное, нежели вѣрное, и которое вѣроятно было обусловлено оффиціальнымъ характеромъ сочиненія; оно падаетъ передъ фактами, выставленными въ самомъ сочиненіи. Во 1-хъ, для демонстрацій въ подобныхъ случаяхъ цѣлыхъ корпусовъ не употребляютъ; во 2-хъ, стараются дѣлать ихъ единовременно съ главнымъ предпріятіемъ, между тѣмъ какъ попытки Австрійцевъ слѣдовали одна за другой и болѣе служили къ обнаруженію, нежели къ скрытію ихъ намѣреній; въ 3-хъ, наконецъ, и послѣдняя попытка ихъ до такой степени похожа на первыя двѣ, что должно или и ее причислить къ демонстраціямъ, или всѣ три считать недоконченными предпріятіями.

Задавъ себѣ столько движенія, Австрійцы почти успокоились до 20 числа; говоримъ «почти», ибо, внутри расположенія, войска все-таки не знали покоя; показавъ умѣнье маневрировать наступательно, теперь надо было пройти курсъ расположеній съ оборонительною цѣлью, при которыхъ укрѣпленія играютъ дѣйствительно важную роль. Австрійцы ихъ настроили столько, сколько французы вѣроятно не построили во всѣ войны съ начала нынѣшняго столѣтія. Мортара была укрѣплена со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной; Лумелло, Пьеве дель Кайро, Санъ-Нацаро, Верчелли, Палестро, Кандіа, С. Мартино, Виджевано, Бергвардо получили также фортификаціонныя украшенія. На правомъ берегу По тетъ-де-понъ у Вакарицца *), укрѣпленія у Брони передъ проходомъ Страдельскимъ. Однимъ словомъ, хотѣли такъ приготовиться ко встрѣчѣ непріятеля, чтобы въ случаѣ драки, самимъ дѣлать и думать пришлось бы по возможности меньше, а чтобы главную роль предоставить укрѣпленіямъ. Къ сожалѣнію, что бы человѣкъ ни дѣлалъ, онъ никакъ обойтись безъ самаго себя не можетъ. И чѣмъ онъ больше желаетъ себя изъ дѣла выгородить, тѣмъ чаще бываетъ поставленъ въ необходимость и думать, и дѣйствовать именно тогда, когда этого ожидаетъ и желаетъ меньше всего.

Въ укрѣпленіи позицій и въ обученіи пѣхоты въ свободное время ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ, а кавалеріи ѣздѣ и эволюціямъ **) проведено было время до 18-го мая. Только дивизія Урбана, сформированная еще съ 23-го апрѣля для подавленія возстаній въ тылу арміи и для противодѣйствія Гарибальди, была передвинута къ Страделлѣ, 12-го мая, для фронтальнаго прикрытія пути на Піаченцу отъ Александріи.

---

*) Къ ю. в- отъ Павіи, близъ впаденія Тичино въ По. Впрочемъ всѣ тетъ-де-поны были дѣйствительно необходимы.

**) Исторія кампаніи 1859, составленная въ прусскомъ генеральномъ штабѣ.

ке: по этому самому для всѣхъ эволюцій этой единицы должны ществовать постоянныя и всѣмъ ея членамъ заблаговременно вѣстныя правила. Но даже опредѣлить всѣ возможныя формы, которыхъ одна тактическая единица можетъ быть поставлена необходимость дѣйствовать, уставъ не въ состояніи: потому не состояніи, что этихъ формъ безчисленное множество, и попытка опредѣлить всѣ ихъ повела бы только къ безмѣрной толотѣ устава, повела къ развитію памяти насчетъ соображенія, а ли, т. е. опредѣленія всѣхъ формъ, все-таки не достигла бы.

На этомъ основаніи уставъ даетъ только основные типы боеихъ порядковъ баталіона, предоставляя соображенію начальника доизмѣнять эти типы, смотря по обстоятельствамъ.

Вотъ граница устава въ томъ, что касается эволюцій; въ отношеніи дѣйствія оружіемъ его роль не шире: основываясь на ойствахъ человѣка и оружія, уставъ даетъ правила, какъ должно рѣлять въ массѣ и въ одиночку, какъ работать штыкомъ и рикладомъ въ массѣ и въ одиночку; но гдѣ прибѣгнуть къ тому, къ другому оружію, и въ какую минуту—уставъ предписать е въ состояніи. А совѣтовъ онъ, опять повторимъ, давать не моетъ, ибо онъ приказываетъ.

Но чтобы заключить уставъ въ эти границы, нужно сознавать къ разумность и необходимость; если ихъ упустить изъ виду, по езнанію ли, или просто по невниманію, въ уставъ неминуемо опадутъ тактическіе совѣты, потому что человѣку весьма трудно держаться на одномъ перечнѣ правилъ для движеній и дѣйствій: го неодолимо влечетъ въ примѣненіе ихъ. Вслѣдствіе этого, въ ставахъ зачастую встрѣчаются тактическіе совѣты; но участь ихъ амая горькая: попавъ въ законъ, они или пріобрѣтаютъ характеръ еизмѣннаго правила—вещь въ высшей степени опасная въ примѣненіи къ боевому дѣлу; или же остаются мертвою буквою, если о духу своему не поддаются опредѣлительности, характеризующей аконъ.

Примѣры пріискать нетрудно: возьмемъ эволюцію переправы, едавно отмѣненную.

Наступательная переправа со стрѣльбой есть собственно атака ефиле, т. е. тактическое предпріятіе. Всякое тактическое предпріятіе представляетъ извѣстную комбинацію уставныхъ эволюцій, азнообразящуюся въ зависимости отъ обстоятельствъ. Такъ, если епріятель намѣренъ отстаивать упорно переправу, придется его бстрѣлять съ нашего берега, затѣмъ пустить въ атаку извѣстное исло частей черезъ мостъ, которыя должны опрокинуть то, что ихъ встрѣтитъ на томъ берегу, и затѣмъ уже, если непріятель

сдалъ, разсыпать новую цѣпь для преслѣдованія его огнемъ, и штыкомъ.

Если, напротивъ, непріятель расположился не съ тѣмъ, чтобы упорно сопротивляться, а только съ тѣмъ, чтобы насъ хоть сколько-нибудь задержать, онъ не приметъ атаки: въ этомъ случаѣ чѣмъ скорѣе разсыпаться по совершеніи переправы, тѣмъ лучше. Итакъ, въ первомъ случаѣ прежде всего нужно подумать объ атакѣ, во второмъ о разсыпкѣ новой цѣпи. Въ уставѣ, неизвѣстно почему, отдано было преимущество послѣднему, т. е. разсыпанію тотчасъ по переправѣ; полагалось переправляться даже безъ боя къ атакѣ.

Теперь положимъ, что войска основательно заучили этотъ способъ переправы, и перенесемся мыслію въ бой: начальникъ, получившій назначеніе атаковать переправу, естественно будетъ расположенъ употребить въ дѣло способъ, которому его учили, какъ лучшему, и, наткнувшись на стойкаго противника, неминуемо потерпитъ неудачу. Вотъ къ чему ведетъ введеніе въ уставъ тактическихъ совѣтовъ.

Возьмемъ совѣты другаго рода, противные духу уставовъ, духу строгой опредѣленности: хоть бы, напримѣръ, совѣтъ, относительно того, что дистанціи и интервалы между ротами, при расположеніи баталіона въ ротныхъ колоннахъ, зависятъ отъ усмотрѣнія баталіонныхъ командировъ. Никому въ голову не приходитъ пользоваться этимъ совѣтомъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ, и въ томъ же уставѣ, интервалы и дистанціи опредѣлены въ шагахъ: совѣтъ, совершенно раціональный, остается мертвой буквой. И иначе быть не можетъ, ибо если извѣстное дѣло должно быть исполняемо по усмотрѣнію начальника, то и въ уставѣ слѣдуетъ это выразить, и дальше не идти, а не выставлять одинъ какой-либо случай какъ бы образцомъ, къ которому это усмотрѣніе должно стремиться.

III.

Итакъ, нужно признать за истину, что, какъ только извѣстное дѣло по свойству своему не можетъ исполняться всегда одинаково, уставъ о немъ и трактовать не долженъ: всѣхъ случаевъ исполненія онъ не переберетъ, а тѣ, которые въ него попадутъ, станутъ для исполнителей слишкомъ обязательными, т. е. изучаемыми, какъ и всякій законъ, не для соображенія, но для неуклоннаго исполненія. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣженъ подрывъ самостоятельности, стремленіе въ дѣлѣ распоряжаться, не соображаясь съ обстоятельствами, а на основаніи устава, хотя бы то

было и наперекоръ обстоятельствамъ. Если эта точка зрѣнія на уставъ вѣрна, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что роль устава въ примѣненіи къ расположенію и маневрированію совокупности баталіоновъ должна быть еще болѣе ограничена, и что не только уставный характеръ построеній, но даже самыя средства изъявленія воли начальника—команда, сигналъ—умѣстныя въ отношеніи одного баталіона, годятся весьма не во многихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о нѣсколькихъ баталіонахъ.

Дѣйствительно: главная причина, по которой уставъ можетъ дать основные типы сборныхъ строевъ баталіона, есть та, что баталіонъ въ подобныхъ строяхъ занимаетъ мало мѣста, вслѣдствіе чего всякая боевая случайность охватываетъ, такъ сказать, весь его составъ единовременно; кавалерійская атака грозитъ единовременно всему баталіону, случаи атаки на пѣхоту и отраженія этой атаки опять падаютъ на весь баталіонъ, а не на часть его. Понятно, что если весь составъ части находится въ одномъ и томъ же положеніи, то и форма строя, соотвѣтствующая положенію, должна быть симметрична и однообразна для всѣхъ частей баталіона. Нельзя допустить, напримѣръ, случая, чтобы въ то время, когда начальникъ развертываетъ баталіонъ для стрѣльбы, одна какая-либо его рота была поставлена въ необходимость атаковать противника въ штыки, и, наоборотъ, нельзя допустить, чтобы въ колоннѣ къ атакѣ, идущей въ штыки, какая-либо рота имѣла право развернуться для стрѣльбы. Разъ боевой порядокъ части, соотвѣтственно различнымъ положеніямъ, чаще бываетъ однообразенъ, чѣмъ разнообразенъ, понятно, что его можно и должно опредѣлить заблаговременно, т. е. уставнымъ путемъ.

Къ чему же баталіонный уставъ пришелъ, имѣя возможность опредѣлить заблаговременно всѣ боевые порядки цѣлаго баталіона? Пришелъ къ тому, что боевые порядки баталіона поставлены въ немъ между весьма широкими предѣлами: между тонкимъ развернутымъ строемъ съ одной стороны и глубокой колонною съ узкимъ фронтомъ съ другой; слѣдовательно, уставъ допускаетъ и всѣ промежуточныя формы. Что же изъ этого видно? А видно то, что и въ области устава признано, что боевыя расположенія даже малой части могутъ быть безконечно разнообразны, что изъ нихъ нѣтъ лучшаго на всѣ случаи, а всякое хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Придетъ ли кому-нибудь въ голову считать одинъ изъ боевыхъ порядковъ баталіона нормальнымъ, а остальныя отступленіемъ отъ нормы? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, когда дѣло дойдетъ до

боевыхъ порядковъ совокупности баталіоновъ, чуть не всякій исповѣдуетъ необходимость такой нормальной формы.

Но пойдемъ далѣе. Въ томъ же уставѣ для одной тактической единицы есть отдѣлъ, допускающій раздробленіе этой одной единицы на части меньшія: разумѣю отдѣлъ о ротныхъ колоннахъ. Въ этомъ отдѣлѣ первое, что́ бросается въ глаза, это—что баталіонъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, нежели въ сборныхъ баталіонныхъ строяхъ; второе—что баталіонный командиръ никакихъ исполнительныхъ командъ не подаетъ, а подаетъ только предварительныя, моментъ же начала исполненія предоставляетъ усмотрѣнію каждаго ротнаго командира. Произошло это оттого, что какъ только часть занимаетъ значительное пространство, нѣтъ такихъ боевыхъ случайностей, которыя могли бы разомъ охватить ее всю. Для поясненія этого, положимъ, что одной изъ ротъ первой линіи грозитъ кавалерійская атака; ротамъ же второй линіи и даже другой ротѣ первой линіи эта атака не грозитъ. И точно также во всѣхъ боевыхъ явленіяхъ: одна рота можетъ атаковать, между тѣмъ какъ сосѣдняя ей рота будетъ находиться въ пассивно-оборонительномъ положеніи, и т. под.

Итакъ, начало, на основаніи котораго уничтожены исполнительныя команды въ отдѣлѣ ротныхъ колоннъ, можно формулировать такъ: роты, расположенныя на значительныхъ интервалахъ и дистанціяхъ другъ отъ друга, не могутъ находиться совершенно въ одинаковомъ положеніи; слѣдовательно, баталіонный командиръ можетъ указать имъ цѣль для достиженія, но минуты, въ какую именно начать извѣстное движеніе или дѣйствіе, и средствъ, какими цѣль можетъ быть достигнута, указать не можетъ, ибо это каждый ротный командиръ долженъ опредѣлить самъ—въ зависимости отъ обстановки, въ которой находится его рота и которой баталіонный командиръ можетъ и не знать.

Къ сожалѣнію, такое начало проведено въ уставѣ не совсѣмъ послѣдовательно, и это заставляетъ вдаться въ нѣкоторыя разсужденія, которыя, въ противномъ случаѣ, были бы излишни. Если при расположеніи въ ротныхъ колоннахъ баталіонный командиръ не можетъ взять на себя выбора мгновенія для начала движенія, то тѣмъ менѣе онъ можетъ взять на себя огульное опредѣленіе строевъ, въ которыхъ роты должны располагаться. Ротѣ первой линіи грозитъ, напримѣръ, кавалерійская атака, и она строитъ каре; рота, стоящая за нею уступомъ во второй линіи и атакѣ неподвергающаяся, не только можетъ, но и должна развернуться, чтобы дать болѣе сильный залпъ. Много можно представить по-

обныхъ примѣровъ, показывающихъ, что, при толковомъ взглядѣ
а дѣло, не кто другой, какъ только ротный командиръ можетъ
редѣлить строй своей роты и что, слѣдовательно, при располо-
еніи баталіона въ ротныхъ колоннахъ, всѣ роты его почти всегда
олжны находиться въ разныхъ строяхъ.

Этотъ не договоръ въ уставѣ повелъ къ тому, что строй въ
олувзводныхъ колоннахъ сталъ для ротъ какъ бы нормальнымъ,
убѣжденіе, что всѣ роты должны находиться въ одномъ и томъ
е строю, до такой степени сильнымъ, что бывали примѣры, какъ
оты, занимавшія укрѣпленіе, строили каре, потому что на рав-
инѣ, прилегающей къ укрѣпленію, былъ подаваемъ сигналъ стро-
ть кучки. Можетъ быть, скажутъ, что это—непониманіе дѣла
отными командирами. У насъ входитъ въ моду все валить на не-
азвитость людей, на несмѣтливость офицеровъ; а поставлены ли
ни въ такое положеніе, чтобы ихъ смѣтливость вырабатывалась,
о этого дѣла нѣтъ. Попробуемъ же разобрать дѣло съ этой по-
лѣдней точки. Положимъ, вы ротный командиръ; вамъ ежедневно
вердятъ на ученьяхъ, что по сигналу «строить кучки» вы должны
троить ротное каре, и ни разу не говорится о случаяхъ, когда
го не слѣдуетъ строить, несмотря ни на какіе сигналы или
оманду. Выходите вы на маневръ, твердо усвоивъ истину, что по
игналу строить кучки слѣдуетъ строить каре: само собою разу-
ѣется, что вы его построите, гдѣ бы ни находились; построите
потому, что услышите завѣтный сигналъ, и потому еще, что вы
е допускаете мысли, будто можно не построить каре, когда дру-
іе его строятъ. Кто это возьметъ въ разсчетъ, тотъ едва-ли бро-
итъ упрекъ несмѣтливости и неразвитости тѣмъ, которыхъ и не
умали развивать. Человѣкъ дѣлаетъ то, что привыкъ дѣлать. Вы
пріучаете его къ однообразію, и онъ стремится къ нему потомъ,
а зло здравому смыслу, на зло всему; пріучайте человѣка смо-
рѣть, что однообразіе въ бою самое пустое и послѣднее дѣло, а
ажное выбрать строй по мѣстности и другимъ обстоятельствамъ—
ему въ голову не придетъ смотрѣть на то, въ какомъ строю
оитъ его сосѣдъ, а будетъ онъ думать о томъ, въ какомъ строю
му самому стать лучше.

Итакъ, и изъ баталіоннаго ученія видно:

1) Что, строго говоря, боевые порядки даже одного баталіона
езконечно видоизмѣняемы.

2) Что какъ только баталіонъ раздѣляется на роты, баталіон-
ый командиръ можетъ заботиться о томъ только, въ одну или
ъ двѣ линіи роты поставить, и если въ двѣ, то одну или двѣ
оты отдѣлить во вторую линію; затѣмъ опредѣлять, въ какомъ

строю каждая рота станетъ, онъ не можетъ и не долженъ: это дѣло уже командира той роты.

3) Что даже и въ примѣненіи къ одному баталіону, разъ онъ не въ массѣ, исполнительная команда не допускается.

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ примѣняются эти начала къ расположенію совокупности баталіоновъ.

Чѣмъ отрядъ больше, тѣмъ на большее пространство разбрасывается его боевой порядокъ, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе будутъ частныя случайности, дѣйствующія на ту или на другую часть боеваго порядка, но тѣмъ менѣе возможна такая случайность, которая охватила бы весь боевой порядокъ. Вслѣдствіе этого, разнообразіе боевыхъ порядковъ, замѣчаемое даже въ примѣненіи къ одной тактической единицѣ, повторится неизбѣжно и здѣсь, но только въ степени несравненно сильнѣйшей. Возьмемъ первую боевую линію: одинъ баталіонъ пришелся на мѣстности, удободоступной для кавалеріи, но дающей закрытіе отъ огня: онъ расположится въ колоннѣ къ атакѣ; мало того: онъ нуждается въ поддержкѣ—въ баталіонѣ, за нимъ во второй линіи поставленномъ. Другой пришелся за какимъ-нибудь недоступнымъ ни для пѣхоты, ни для кавалеріи мѣстомъ—ни его атаковать, ни онъ атаковать не можетъ: и онъ разсыпаетъ длинную цѣпь, растягивается за нею въ одну линію ротныхъ колоннъ и въ частномъ резервѣ не нуждается. Третій—пришелся на мѣстности пересѣченной, но доступной для атакъ пѣхоты, и онъ станетъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ и будетъ нуждаться также въ частномъ резервѣ. Итакъ, въ отрядѣ мало-мальски значительномъ всякое звено боеваго порядка будетъ имѣть свой особый боевой порядокъ, не въ видахъ разнообразія, но для пользы дѣлу, для экономіи силъ: для того, чтобы, не ставя лишнихъ войскъ за недоступными мѣстами, имѣть возможность сосредоточить ихъ больше за доступными. Принимая въ разсчетъ, что всякая норма не можетъ не быть симметрична, спрашивается, есть ли тутъ хоть малѣйшая возможность придумать норму сколько-нибудь годную? Едва-ли найдутся безстрашные, которые скажутъ: есть! а если и скажутъ, то должны въ то же время признать, что имъ дорого не дѣло, а внѣшность; должны признать, будто они думаютъ, что непріятеля можно побить одной красивой формой расположенія. Какую норму можно придумать для всѣхъ частей боеваго порядка, въ которомъ всякое звено *) располагается гдѣ въ одну, гдѣ въ двѣ, гдѣ даже

*) Подъ звеномъ боеваго порядка разумѣется каждый баталіонъ первой линіи со своимъ частнымъ резервомъ, поставленнымъ во второй линіи.

ь три линіи въ самыхъ боевыхъ линіяхъ, не считая общаго
езерва?

Эта неизбѣжность безконечнаго разнообразія звеньевъ боеваго
орядка примѣняется съ неменьшею очевидностію и къ виду об-
аго боеваго порядка всего отряда, такъ какъ исторія показы-
етъ, что, по обстоятельствамъ, онъ представляетъ всѣ возмож-
ые варіянты, начиная съ растянутаго въ одну линію и кончая
асположеніемъ въ глубокихъ колоннахъ.

Для подтвержденія этого въ примѣрахъ нѣтъ недостатка: Ланнъ
одъ Фридландомъ вытягивается въ одну линію—и по необходи-
ости казаться сильнѣе чѣмъ онъ былъ, и по убѣжденію, что Бе-
ігсенъ, подверженный слабости дѣлать изъ мухи слона, приметъ
ирму за дѣло и не попытается заглянуть есть ли что-нибудь за
ой ширмой, или нѣтъ.

Макъ-Магонъ подъ Маджентой дерется въ двухъ линіяхъ безъ
езерва, потому что въ бой вступилъ уже тогда, когда ни на ка-
я неожиданныя предпріятія со стороны австрійцевъ онъ разсчи-
ывать не могъ, слѣдовательно въ общемъ резервѣ не нуждался,
между тѣмъ шелъ въ атаку, слѣдовательно долженъ былъ при-
ять мѣры, чтобы баталіоны, непосредственно для нея назначен-
ые, имѣли за собою поддержку, т. е. линію частныхъ резервовъ.

Тотъ же Макъ-Магонъ подъ Сольферино располагается перво-
ачально въ одну линію съ общимъ резервомъ, ибо поставленъ
ь необходимость занять растянутую оборонительную позицію и
ри обстоятельствахъ еще неразъяснившихся. Не имѣя намѣренія
аковать, онъ отказывается отъ частныхъ резервовъ и употре-
яетъ ихъ для продолженія боевой линіи; а для того, чтобы па-
ировать возможныя случайности, онъ сохраняетъ общій резервъ.

Въ ту же кампанію, подъ Монтебелло, Форе дерется въ одну
инію, ибо силъ у него мало, волею-неволею приходилось ставить
се на карту, и это было тѣмъ болѣе разумно, что австрійцы,
вѣровавшіе въ безусловное постоянство двухъ линій съ резер-
омъ, подставляли ему свои силы подъ удары по частямъ, даже
е подумавъ подавить его своимъ превосходствомъ въ силахъ,
отребивъ сразу значительную часть ихъ.

Что касается до употребленія двухъ линій съ резервомъ, то
римѣры его можно насчитать десятками, и потому мы здѣсь не
риводимъ ни одного, тѣмъ болѣе, что у насъ замѣчается пре-
бладающее стремленіе не противъ, а въ пользу исключительнаго
отребленія этой формы.

Наконецъ, расположеніе Наполеона во всѣ три дня боя у Ар-
оле представляетъ боевой порядокъ, имѣющій видъ нѣсколькихъ

глубокихъ колоннъ. Возразятъ, можетъ быть, что подъ Арколе иначе какъ въ глубокихъ колоннахъ нельзя было драться. Совершенно такъ; но дѣло именно въ томъ и заключается, чтобы видѣть это «нельзя», а его можетъ видѣть только тотъ, который ни мирнымъ обученіемъ, ни собственнымъ пристрастіемъ не расположенъ признавать одной какой-либо формы за наилучшую. Предполагая, что Наполеонъ сформировался бы на какихъ-нибудь нормальныхъ порядкахъ, онъ никогда бы и не подумалъ перенести поле сраженія на гати, пролегающія по невылазному болоту.

Изъ сказаннаго видно, что принципъ какъ для баталіона, такъ и для многихъ баталіоновъ остается одинъ и тотъ же, т. е. что боевые порядки могутъ представлять всѣ возможные варіанты, отъ тонкаго растянутаго строя до глубокой колонны, и съ этой точки лица, принимавшія четыре нормальныхъ порядка, все-таки послѣдовательнѣе, чѣмъ отстаивающія одинъ: тѣ все же допускали хоть намекъ на то, что боевые порядки должны быть разнообразны, и если грѣшили, то развѣ тѣмъ, что остановились на четырехъ, между тѣмъ какъ съ равнымъ правомъ они могли бы остановиться и на 400, и на 40,000 боевыхъ формъ. Однимъ словомъ, предѣла тутъ быть не можетъ для того, кто задается мыслію привести къ нормамъ то, что не допускаетъ никакихъ нормъ.

Чему же приписать желаніе остановиться на одной или на нѣсколькихъ формахъ тамъ, гдѣ ихъ безчисленное множество? Прежде всего тому, что ихъ хотѣли подчинить правиламъ устава: но какъ уставъ для всѣхъ боевыхъ порядковъ правилъ дать не можетъ, то и останавливается на нѣсколькихъ. Эти привилегированныя формы становятся главными, а на остальныя мало по малу начинаютъ смотрѣть какъ на уродство, какъ на отступленіе отъ закона. Кажется, непониманіе того, что этого дѣла обуставить нельзя, очевидно.

IV.

Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что въ бою какой-либо однообразный и постоянный порядокъ немыслимъ, слѣдовательно не должно его допускать и при мирномъ обученіи войскъ. Но человѣчество такъ сформировано, что на доказательствѣ главнаго пункта остановиться нельзя: найдутся неизбѣжно особи, которыя, подчиняясь стремленію отстоять то, къ чему они привыкли, приводятъ частности, по ихъ мнѣнію, говорящія въ пользу пре-

ета ихъ обожанія, и воображаютъ, что ими опрокидываютъ основ-ой доводъ. Займемся же этими частностями.

Говорятъ, напримѣръ, такъ: нормальный порядокъ пріу-аетъ войска къ быстрому и ловкому исполненію команды; блегчаетъ построеніе боеваго порядка, ибо если даже, при этомъ построеніи, части и не совершенно придутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть должны, ихъ можно потомъ еревести на эти мѣста; нормальный порядокъ даетъ на-альнику легкое средство изготовиться къ бою при не-жиданномъ появленіи непріятеля, ибо стоитъ произнести оротенькую команду, и боевой порядокъ будетъ построенъ; тсутствіе нормальныхъ порядковъ требуетъ отъ частныхъ ачальниковъ такой степени самостоятельности, какой они не представляютъ, и т. под.

Слова, слова и слова, должны на это сказать мы; или: ярлыки, ярлыки и ярлыки, за которыми нѣтъ и тѣни правильнаго представленія о томъ, что и какъ въ бою дѣлается. Разберемъ по порядку эти ярлыки.

«Нормальный порядокъ даетъ средство къ быстрому и ловкому исполненію командъ войсками», въ дѣлѣ, въ которомъ команда немыслима при боевой обстановкѣ, прибавимъ мы. Это можетъ покажется удивительнымъ, а между тѣмъ оно такъ, и если у насъ не сознается, то потому только, что мы судимъ по мирнымъ ученьямъ о томъ, какими средствами войска можно приводить въ движеніе и въ дѣйствіе на дѣлѣ. Перенесемся мыслію въ военную обстановку. Положимъ, что идетъ только полкъ съ батарей въ походной колоннѣ. Займетъ онъ въ глубину не менѣе версты, и то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при широкой и хорошей дорогѣ, при свѣжихъ силахъ людей. Взявъ это въ разсчетъ, спрашивается: гдѣ найдется человѣкъ на столько голосистый, чтобы его команда слышна была на версту? Если такіе феномены рѣдки, то становится яснымъ, что команда въ этомъ случаѣ является средствомъ несостоятельнымъ и должна быть замѣнена приказаніемъ, посылаемымъ черезъ адъютантовъ или ихъ замѣняющихъ. И необходимо замѣтить при этомъ, что въ сказанномъ случаѣ о боѣ и рѣчи еще нѣтъ, Что же выйдетъ, когда возьмемъ положеніе боевое? выйдетъ, что не только въ примѣненіи къ совокупности баталіоновъ, но даже и въ примѣненіи къ одному баталіону команда иногда представляется средствомъ для изъявленія воли начальника далеко неудовлетворительнымъ. Причины тому слѣдующія: шумъ и суматоха боя рѣшительно дѣлаютъ невозможнымъ слышать всякую команду даже въ одномъ баталіонѣ,

раздѣленномъ на ротныя колонны, не говоря уже о двухъ и лѣе баталіонахъ.

Въ баталіонномъ ученьи, какъ уже сказано, это имѣлось виду и выразилось уничтоженіемъ исполнительной команды ба ліоннаго командира при порядкѣ въ ротныхъ колоннахъ; но бою, какъ оказывается, и предварительная даже для одного ба ліона не всегда возможна и должна уступать мѣсто приказан

Это резонъ внѣшній, или матеріальный, несостоятельно команды въ бою относительно совокупности баталіоновъ; но е резонъ болѣе важный, резонъ, показывающій несостоятельно этого средства въ самомъ духѣ или въ идеѣ его.

Что такое команда? Команда есть фраза обыкновенной че вѣческой рѣчи, сокращенная до невозможности, выражающая мысль начальника, а только намекъ на нее. Если я, наприм скомандовалъ: равненіе на середину, шагомъ маршъ, то к изъ этого никто изъ моихъ подчиненныхъ не пойметъ еще, ку именно и зачѣмъ я ихъ веду, между тѣмъ какъ знать, что бираемся сдѣлать, составляетъ въ бою первостепенное усло первостепенное потому, что если даже начальникъ и будетъ уби никто не потеряется, ибо всякому извѣстна его мысль. Пр ставьте себѣ баталіонъ, которому, идя въ атаку на деревню, чальникъ не сказалъ, что имѣется въ виду атаковать деревню только прокомандовалъ равненіе и проч.: баталіоннаго команд убили, и баталіонъ, будь онъ хоть наихрабрѣйшій, неминуе смѣшается.

При обратномъ предположеніи, всякій человѣкъ въ баталі знаетъ, что именно нужно взять, и хотя бы нѣсколько началь ковъ, одинъ за другимъ, были убиты, онъ все-таки не лишае возможности исполнить свое назначеніе. Въ этомъ разгадка воровскаго пріема обученія, которымъ требовалось имѣть для ат непремѣнно видимую цѣль и предупреждать о ней часть. За тимъ еще одну особенность командъ: ими равненіе назначае куда-нибудь въ сторону, т. е. вниманіе людей притягивается въ направленіи непріятеля, а туда, гдѣ его нѣтъ. Назначе равненія, положимъ, необходимо для стройности движенія; е командѣ предшествуетъ приказаніе, вы притягиваете вниманіе т чиненныхъ къ сущности предстоящаго дѣла; не отдали прик нія, и этому вниманію дается единственная, и при томъ са послѣдняя, несущественная въ бою цѣль, ибо въ бою нужно р няться не по крайнему или среднему, а по переднему, к училъ Суворовъ.

Итакъ, даже при дѣйствіяхъ одной части, даже въ томъ

гдѣ команда дополняется личнымъ примѣромъ начальника, приказаніе неизбѣжно должно предшествовать командѣ. Не трудно понять, что когда дѣло идетъ о движеніяхъ и дѣйствіяхъ совокупности баталіоновъ, командой ничего нельзя выразить такъ, чтобы васъ поняли. Дѣйствительно: можно ли опредѣлить порядокъ построенія частей для боя? Нѣтъ невозможно, ибо всякая изъ нихъ въ боевыхъ линіяхъ построится въ свой особый боевой порядокъ, который только случайно можетъ быть одинаковъ съ боевымъ порядкомъ другой части. Можно ли дать сигналъ или команду для атаки, не указавъ что должно атаковать? Подобный вопросъ даже страненъ: до такой степени немыслимо обойтись въ этомъ случаѣ безъ приказанія. Въ баталіонахъ команда могла быть дополнена хотя личнымъ примѣромъ; для начальника совокупности баталіоновъ личный примѣръ, кромѣ особенно важныхъ случаевъ, невозможенъ, ибо если начальникъ займется однимъ баталіономъ, то упуститъ изъ виду всѣ остальные.

Изъ этого кажется, можно вывести заключеніе, что команда немыслима при дѣйствіяхъ и движеніяхъ въ бою нѣсколькихъ баталіоновъ. Въ австрійскомъ уставѣ однимъ изъ основныхъ принциповъ при маневрированіи нѣсколькихъ баталіоновъ принято, чтобы всѣ распоряженія передавались не иначе, какъ посредствомъ приказаній. Принявъ въ соображеніе сказаное, всякій пойметъ, что иначе и быть не должно.

Вотъ резоны, по которымъ мы считали себя вправѣ къ аргументу: «нормальный порядокъ даетъ практику войскамъ въ быстромъ и ловкомъ исполненіи командъ», прибавить: въ дѣлѣ, въ которомъ употребленіе команды въ бою немыслимо.

Но, можетъ быть, хоть оно и непримѣнимо въ бою, за то полезно въ смыслѣ упражненія войскъ въ быстротѣ и подвижности? Совершенно такъ! но вѣдь для этого и существуетъ, такъ называемое, линейное ученье, которое даетъ возможность начальнику повѣрить баталіоны въ томъ, знаютъ ли они свое дѣло, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и по отношенію къ другимъ баталіонамъ. При этомъ понятны какія угодно перестроенія и движенія, не исключая и огульнаго перестроенія всѣхъ баталіоновъ въ одинъ какой-либо строй. Собственно это не бригадныя, полковыя или дивизіонныя ученья, а баталіонныя ученья нѣсколькихъ баталіоновъ, для повѣрки послѣднихъ въ томъ, умѣютъ ли они: строить различные строи, становиться другъ отъ друга на опредѣленныхъ начальникомъ дистанціяхъ и интервалахъ, и проч. Тактическая цѣль тутъ немыслима: съ тактической точки опредѣленіе старшимъ начальникомъ строевъ баталіона, опредѣленіе дви-

женій по знаку сабли (что не допускается даже при маневрированіи въ ротныхъ колоннахъ одного баталіона) составляютъ полнѣйшую несообразность.

Кажется, подобныхъ ученій довольно для того, чтобы утвердить баталіоны въ уставной части; мы же скажемъ, что не только довольно, а слишкомъ довольно, ибо часто производимыя линейныя ученья неминуемо пріучаютъ къ однообразію и вселяютъ баталіоннымъ командирамъ непреоборимое поползновеніе построиться въ одинъ строй съ сосѣдомъ.

Если это такъ, если уставная часть достаточно можетъ быть изучена на линейныхъ ученьяхъ, то само собою понятно, что странно вводить исполненіе по командамъ въ отдѣлъ о боевыхъ порядкахъ, который уже есть конечное приготовленіе войскъ къ маневрированію при боевой обстановкѣ, слѣдовательно долженъ быть подчиняемъ и условіямъ этой обстановки. А если команда при построеніи въ боевой порядокъ немыслима, то немыслима какая-либо заблаговременно установленная для него форма. Если вамъ приходится разсылать приказанія, такъ лучше сразу построить тотъ боевой порядокъ, который по обстоятельствамъ лучше.

Перейду ко второму аргументу: «Нормальный порядокъ, допуская исполненіе сложнаго построенія по коротенькой командѣ, облегчаетъ переходъ въ боевой порядокъ, ибо даже если части и не совершенно придутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть должны, ихъ можно потомъ перевести на эти мѣста».

Во-первыхъ, странно какому-нибудь баталіону пройти, напримѣръ, сто шаговъ вправо для того, чтобы потомъ тѣ же сто шаговъ пройти влѣво. Не лучше ли сразу занять то мѣсто, которое по здравому смыслу занять слѣдуетъ?.

Во вторыхъ, заниматься начальнику совокупности баталіоновъ перестановкой тѣхъ изъ нихъ, которые не придутся на должныхъ мѣстахъ, не приходится: это то же, что баталіонному командиру, на ученьи всего баталіона, заниматься исправленіемъ стойки—невоздержность, запрещаемая даже уставомъ. Если баталіонный командиръ не хорошо занялъ позицію, онъ не знаетъ значитъ своего дѣла, и такого нужно поправить, а не брать его роли на себя, занимаясь переводомъ его части на должное мѣсто. При нормальномъ порядкѣ, подобный незнающій своего дѣла командиръ находитъ готовую защиту своего незнанія въ буквальномъ исполненіи уставныхъ правилъ, установленныхъ для построенія этого порядка.

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ уставъ является самымъ надежнымъ оплотомъ равнодушія къ своему дѣлу, непониманія его.

7-Въ-третьихъ, имѣя въ виду и постепенность власти, и несостоятельность команды въ бою, не лучше ли начальнику, не торопясь командовать, отдать приказанія непосредственнымъ своимъ подчиненнымъ на счетъ того, что они должны дѣлать со своими частями, напримѣръ, въ дивизіи бригаднымъ командирамъ? Эти послѣдніе, осмотрѣвъ участокъ позиціи, который должны занять, отдадутъ соотвѣтствующія приказанія полковымъ командирамъ, а эти баталіоннымъ, и только каждый изъ послѣднихъ долженъ пріискать выгоднѣйшій порядокъ для своей части, объяснивъ ей также назначеніе, на нее возложенное. При такомъ условіи всякій будетъ знать, какую роль долженъ исполнить для достиженія общей цѣли, указанной главнымъ начальникомъ, что немыслимо при командѣ: стройся въ такой-то порядокъ, которая, если ее даже и всѣ услышатъ, опредѣлить, на какихъ дистанціяхъ, интервалахъ и въ какомъ строю стать, но о томъ, что предстоитъ дѣлать, не дастъ ни малѣйшаго намека.

«Сколько разговоровъ!» вѣроятно, возразятъ нѣкоторые. Да, будетъ много разговоровъ, и даже пустыхъ, если начальникъ, привыкнувъ только командовать, потеряетъ способность отдавать приказанія ясно, кратко и энергически; если же этой способности дана была практика въ мирное время, разговоры длинны не выйдутъ, дадутъ въ результатѣ толковое, сознательное, а не механическое исполненіе, ибо всякій пойметъ, чего отъ него хотятъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что такъ будетъ нарушенъ секретъ. Поздно нарушать его виду непріятеля; да и странно дѣлать для исполнителей секретъ изъ того, что они должны исполнить. Это то же, что предложить человѣку на разрѣшеніе вопросъ въ родѣ слѣдующаго: скажи мнѣ, что написано на извѣстной мнѣ страницѣ книги, которую я задумалъ? Согласитесь сами, смѣшно. Суворовъ смотрѣлъ на значеніе секрета въ этомъ дѣлѣ иначе; вотъ что онъ говоритъ въ своей инструкціи австрійцамъ:

«Не довольно, чтобы одни главные начальники были извѣстны о планѣ дѣйствія: необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать; его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ».

А если воинъ долженъ понимать свой маневръ, то само собою разумѣется, что онъ можетъ понять его только изъ приказанія, а не изъ команды. Вотъ какъ смотрятъ на эти вещи геніальные военные практики; вотъ отчего у нихъ войска дѣлаютъ свое дѣло хорошо.

Построеніе боеваго порядка по командѣ и потому еще опасно, что располагаетъ начальниковъ, воспитанныхъ по мирной системѣ, думать, будто съ ихъ стороны всѣ распоряженія сдѣланы, разъ команда произнесена; и въ этомъ главная причина путаницы и безтолковщины, бывающей въ бою. Да ея не можетъ и не быть: вообразите себѣ войска, которыя, вмѣсто приказанія что дѣлать, получаютъ только приказаніе, въ какомъ строю, на какихъ дистанціяхъ и интервалахъ имъ расположиться....

Имѣя это въ виду, можно сказать положительно, что если бы даже боевые порядки и не были такъ безконечно разнообразны, какими они представляются въ дѣйствительности, если, бы даже человѣкъ и былъ въ состояніи крикнуть на разстояніе, напримѣръ, версты, то и тогда бы не слѣдовало допускать построенія по командѣ. Въ мирное время это, конечно, удобно: не потому ли такъ и отстаиваютъ систему нормальныхъ порядковъ?... Нельзя не согласиться, что такое соображеніе не послѣдней важности: если нѣтъ нормальнаго порядка — поди-ка выдумывай свой боевой порядокъ, за который еще пожалуй въ шапку попадетъ. Согласитесь сами, неудобно; то ли дѣло, не ломая головы, скомандовать: «стройся въ боевой порядокъ!» — и цѣль достигнута, и замѣчанія никто не можетъ сдѣлать... Да какъ же и сдѣлать его за исполненіе того, что написано въ уставѣ?

Но хорошо ли пріучать войска, назначаемыя для боя, къ тому, что удобно на мирныхъ ученьяхъ, а тамъ непримѣнимо, это вопросъ, который, кажется, заслуживаетъ тоже вниманія. Возьмемъ въ параллель два приказанія: «станьте тамъ-то въ колоннѣ къ атакѣ», какъ обыкновенно говорится въ мирное время; и другое «станьте тамъ-то и удержитесь во что бы то ни стало». Разница между двумя приказаніями вотъ какая: по первому, въ случаѣ позорнаго поведенія части, вы съ полнымъ правомъ можете ожидать отъ начальника ея такого оправданія: «я исполнилъ ваше приказаніе — сталъ въ колоннѣ къ атакѣ, гдѣ вы приказали»; вторымъ приказаніемъ вы ставите человѣка въ необходимость или исполнить приказаніе, или ожидать совершенно заслуженной кары: тутъ нѣтъ мѣста отговоркамъ, нельзя сослаться ни на колонну къ атакѣ, ни на ротныя, ни на какую-либо другую форму. Команда: стройся въ боевой порядокъ, какъ уже выше показано, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ опредѣленія формы построенія.

«Существованіе нормальнаго порядка даетъ легкое средство начальнику изготовить свои войска къ бою при неожиданномъ появленіи непріятеля». Уже изъ сказаннаго видно, что нормальный порядокъ не даетъ этого средства: по-

рѣшить какую-либо форму не значить еще изготовить войска къ
ю; но даже предполагая, что въ построеніи боеваго порядка
ключалось бы все изготовленіе къ бою, этотъ аргументъ въ
льзу нормальныхъ порядковъ показываетъ въ представляющихъ
о не совсѣмъ полное знакомство съ тактической азбукой. Нужно
мнить, что даже разъѣзды безъ авангарда, арьергарда и боко-
го охраненія не ходятъ, а о значительныхъ отрядахъ и гово-
ить нечего. Взявъ это въ разсчетъ, окажется, что неожиданность
войнѣ представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ
а рисуется подъ впечатлѣніемъ мирно-военныхъ упражненій.
олько въ мирное время мыслима неожиданность, требующая мгно-
ннаго перехода въ боевой порядокъ; въ военное же непріятель
неба не падаетъ, способностію летать также не одаренъ, слѣ-
вательно всегда есть время распорядиться толково, каждому ска-
ть не только то, гдѣ ему стать, но и что на томъ мѣстѣ дѣлать.

Итакъ, воображающіе, что переходъ въ боевой порядокъ на
йнѣ можетъ быть необходимъ съ такою быстротой, какъ дѣ-
ется напримѣръ, въ театрѣ перемѣна декорацій, не совсѣмъ по-
имаютъ дѣло, о которомъ говорятъ.

Какъ послѣ этого не сказать, что для многихъ и многихъ
жны ярлыки дѣла, а не самое дѣло? Съ перваго взгляда
жется, что какъ будто и дѣло человѣкъ говоритъ: есть тутъ и
епріятель, и неожиданное нападеніе—ужь чего, кажется, ближе
ь бою?—а попригляд'ѣться внимательнѣе, и выходитъ, что это
олько слова, слова и слова....

Съ какой бы стороны ни разбирали мы нормальный порядокъ,
се выйдетъ одно и то же: составляя его для боя, именно боя-то
не имѣли въ виду, а упоминали о немъ, такъ сказать, изъ при-
чія: нельзя же въ самомъ дѣлѣ, говоря о боевомъ порядкѣ, не
оговорить и о боѣ! Какъ поговорить, это другой вопросъ.

А что боя въ виду тутъ не имѣлось, лучше всего показываетъ
слѣдній изъ приведенныхъ аргументовъ, что «нормальный по-
ядокъ не требуетъ самостоятельности въ частныхъ на-
альникахъ». Приводящіе этотъ резонъ говорятъ, что если этой
амостоятельности нѣтъ, лучше прибѣгнуть къ такой формѣ, кото-
ую можно заучить заблаговременно, и затѣмъ уже строить ее,
е думая. А можно ли драться не думая? Смѣетъ ли не думать
отъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе вопросовъ въ родѣ слѣдующаго;
ожертвовать или нѣтъ въ данномъ случаѣ десяткомъ, сотней, ты-
ячью жизней? Если нѣтъ, то въ мирное время нужно, кажется,
лопотать о томъ, чтобы несамостоятельнымъ начальникамъ давать
озможно болѣе усиленную практику для размышленія, а не ста-

раться изо всѣхъ силъ избавить ихъ отъ необходимости
мышлять.

И вотъ что значитъ человѣческая логика: резонъ, кото
одинъ достаточенъ для того, чтобы безвозвратно убить жел
какой-либо нормы въ разбираемомъ вопросѣ, выставляется
аргументъ въ пользу этой нормы.... Невольно иногда пожалѣе
что тактика не обезпечила себя хитрыми формулами отъ тѣхъ
дей, которые, не изучивъ дѣла, даже не давъ себѣ труда по
мать о немъ хорошенько, рѣшаютъ его на основаніи непос
ственныхъ впечатлѣній, которыя имъ кажутся внушеніями пра
ческаго здраваго смысла.

Есть еще одинъ резонъ, который очень любятъ приводить
щитники нормальнаго боеваго порядка, въ оправданіе своего стр
ленія подчинить въ построеніяхъ массъ все правиламъ, зара
всѣмъ извѣстнымъ и имѣющимъ характеръ закона: «многіе оп
ные генералы въ пользу нормальныхъ боевыхъ порядковъ
говорятъ иные. Дѣйствительно, были между боевыми генерал
нѣкоторые, также стремившіеся къ нормѣ; но происходило
именно оттого, что они сами дѣйствовали безъ нормы и не на
дали на себѣ ея мертвящаго вліянія, а между тѣмъ неудобс
отсутствія нормы видѣли очень хорошо изъ собственной практи
Но что же не имѣетъ неудобствъ? И если смотрѣть на дѣло
стороны неудобствъ, то, кажется, нужно взвѣсить, гдѣ ихъ боль
а не указывать въ одной системѣ только на ея неудобства, а
другой только на выгоды. Самый рѣзкій примѣръ подобнаго стр
ленія къ нормѣ, при нынѣшней тактикѣ, представляетъ, конеч
генералъ Дибичъ, которому приписываютъ мысль бывшихъ че
рехъ нормальныхъ порядковъ; но къ чему привели эти поряд
показала практика, и, кажется, на столько осязательно, что ед
ли въ ней можно найти хотя тѣнь оправданія нормы въ этомъ дѣ

Притомъ же примѣры подобнаго стремленія къ нормѣ лю
дѣйствительно боевыхъ представляютъ исключенія крайне рѣд
гораздо болѣе боевыхъ людей, которые говорятъ такимъ образо
«Невозможно дать точныхъ правилъ насчетъ того, к
слѣдуетъ располагать свои силы для боя. Это располо
ніе разнообразится въ зависимости: отъ числа и р
войскъ противника, отъ ихъ нравственнаго состоянія
минуту дѣйствія, отъ характера войны и мѣстности, пр
ственныхъ свойствъ начальниковъ и наконецъ отъ пр
положенной цѣли» *). Приведенныя слова выражаютъ не

*) См. Ordonnance sur le service des armées en campagne, titre XIII:
ne peut guère fixer des règles précises sur la manière de disposer ses for

скатомъ, протекаетъ каналъ Нивиліо градне. Къ счастію для Французовъ, Австрійцы заняли первоначально позицію впереди канала и потому оставили мосты Ново-Маджентскій и желѣзной дороги неразрушенными, хотя и минировали ихъ. Мостъ желѣзной дороги былъ прикрытъ редутомъ. У Новомаджентскаго моста, дома по сю и по ту сторону канала приведены въ оборонительное положеніе. Мосты: у Буффалора, къ сѣверу отъ упомянутыхъ, и въ деревнѣ Понте-веккіо ди Маджента, къ югу,— были разрушены.

Французы разсчитывали встрѣтить сопротивленіе переправѣ, но не столь серьезное какъ оказалось. Предположено было гвардейскимъ гренадерамъ, утромъ 4-го, въ 8 часовъ, переправиться черезъ Буффалорскій мостъ, выждать, пока обозначится атака Макъ-Магона съ сѣвера и затѣмъ содѣйствовать ей, бросившись на австрійцевъ съ фронта. Сообщеній съ Макъ-Магономъ иначе какъ черезъ Турбиго не было, а это составляло въ одинъ конецъ, считая до лѣваго берега, 13 верстъ, т. е. по меньшей мѣрѣ $1^1/_2$ часа ѣзды.

Разумѣется, по мѣрѣ приближенія Макъ-Магона къ Маджентѣ, т. е. къ Австрійцамъ, передача извѣстій и приказаній требовала еще большаго времени, слѣдовательно, чѣмъ опасность положенія лѣвой колонны становилась больше, тѣмъ узнать о ней было труднѣе.

Понятно, въ какое грозное препятствіе выростала при этомъ всякая случайность, постигавшая одну изъ колоннъ, именно потому, что она не была извѣстна другой.

И такъ Австрійцы имѣли на своей сторонѣ всѣ матеріальные шансы на то, чтобы задержавъ одну изъ массъ, обрушиться всею тяжестью на другую; но несчастная ихъ страсть къ глубокимъ расположеніямъ, въ соединеніи съ недостаткомъ энергіи нравственной, спасла Французовъ.

По диспозиціи, Макъ-Магонъ выступилъ въ 9 часовъ, отъ Роккето *) въ двухъ колоннахъ: правая на Буффалору, лѣвая на Маджженту. Около 12 часовъ онъ открылъ огонь по австрійскимъ войскамъ и вскорѣ достигъ правымъ своимъ флангомъ Буффалоры. Услышавъ выстрѣлы, Наполеонъ приказалъ гренадерамъ атаковать одновременно Буффалору и мостъ желѣзной дороги; по шоссе тогда не было возможности и думать объ атакѣ,—такъ оно было фланкируемо. У Буффалоры нельзя было сдѣлать ничего особеннаго, ибо мостъ взорвали; но атака по желѣзной дорогѣ имѣла значительное вліяніе на первоначальный успѣхъ: Австрійцевъ не

*) Къ В. отъ Турбиго.

только сразу выбили изъ редута, но увязались за ними съ та
быстротой, что на мостъ попали въ перемежку съ ними; унте
офицеръ, которому приказано взорвать мостъ, убитъ, и одна
реправа очутилась въ рукахъ Французовъ. Немедленно разсыпа
цѣпь по сторонамъ редута и завязываетъ перестрѣлку черезъ
налъ; а одинъ батальонъ пошелъ влѣво, атаковать съ фланга до
по сю сторону Ново-Маджентскаго моста; Австрійцы и тамъ сби
съ праваго берега, дома заняты; едва это сдѣлано, по шоссе
досп ѣло подкрѣпленіе, прорвавшееся за мостъ и овладѣвшее
мами на томъ берегу. Замѣчательнѣе всего въ этомъ присту
къ дѣлу, изумительное единодушіе частей въ подмогѣ другъ дру
безъ взаимнаго соглашенія и по иниціативѣ частныхъ начальн
ковъ: кажется, взять редутъ и спасти мостъ отъ взрыва, прой
въ глубокой колоннѣ всю дальность выстрѣла, подвигъ не мал
и на немъ можно бы было успокоиться; ничуть не бывало—
успѣли осмотрѣться, какъ уже намѣтили новую цѣль и прито
шагахъ въ 450 въ сторону, слѣдовательно съ полнымъ право
не считать ее своею. Едва дома взяты, порохъ, въ нихъ при
товленный для взрыва моста, затопленъ, какъ уже явилась нов
часть, и поддерживающая, и развивающая дальше успѣхъ. У м
стовъ завязывается упорный бой; австрійскіе резервы отъ Ма
женты подтягиваются къ мостамъ и по обыкновенію расходуют
по частямъ; въ главную квартиру послано донесеніе объ атак
Гіулай, желая поддержать дравшихся у Маджснты, разсылае
приказаніе идти туда отъ Аббіате Грассо и Берегвардо. Меж
тѣмъ у Ново-Манджентскаго моста двѣ австрійскія бригады бы
уже опрокинуты; со стороны Французовъ туда уже направле
остатокъ гренадерской дивизіи: дома по ту сторону канала
только удержаны, но часть силъ, преслѣдуя Австрійцевъ, вы
лась за дома; къ этой горсти храбрыхъ вскорѣ подоспѣло 4 ко
ныя орудія и эскадронъ кавалеріи: успѣхъ столь же блестящ
сколько непрочный. Выдавшіеся за дома наткнулись на цѣл
австрійскую дивизію, двинутую отъ Маджснты, и были ею отт
нены за мостъ, съ потерею домовъ лѣваго берега и одного ору
Послали просить помощи, но получили одинъ отвѣтъ отъ императо
«пусть держутся; мнѣ нечѣмъ ихъ подкрѣпить». Дѣйствитель
ближайшіе резервы только подходили къ Буффалорскому мос
т. е. были отъ мѣста побоища въ 5 верстахъ. А между тѣмъ
нонада Макъ-Магона прекратилась, и цѣлые часы пришлось о
таться въ мучительной неизвѣстности насчетъ его участи. Въ
же время и съ юга стали подходить Австрійцы, почевавшіе у А
біате Грассо; наступали они по обѣимъ сторонамъ канала и бы

ъ четыре бригады *) на три батальона, занимавшихъ редутъ елѣзной дороги. Новая просьба о подкрѣпленіи, и новый приказъ держаться, не надѣясь на подкрѣпленіе; и Французы держались, считая отъ начала боя, въ теченіе 3 часовъ, уничтоживъ илія непріятеля, по меньшей мѣрѣ вчетверо сильнѣйшаго. Это ыла отчаянная минута, показавшая во всемъ рельефѣ стойкость лдата и ошибочность распоряженій; конечно, она не выражена планѣ и нѣсколько сглажена въ описаніи. А между тѣмъ эта ойкость спасла армію, ибо все зависѣло отъ того, за кѣмъ остатся переправы.

Наконецъ около $3^1|_2$ часовъ французская головная бригада, шедая отъ Новары, появилась у мостовъ на Навиліо; тотчасъ же она ыла направлена къ редуту желѣзной дороги, который уже былъ охваенъ Австрійцами; стремительная атака отбросила ихъ разомъ къ онте Веккіо и доставила Французамъ крайніе дома этой деревни; дніе баталіоны той же бригады овладѣваютъ всей частью деевни по сю сторону канала; мосты обезпечены отъ фланговой таки, хотя не надолго.

Съ этой минуты успѣхъ сталъ склоняться на сторону Французовъ; снова послышалась канонада Макъ-Магона, все болѣе ливившаяся; безпрерывно подходившія подкрѣпленія дали возожность вырвать обратно у Австрійцевъ Ново-маджентскій мостъ деревню Понте Веккіо, 6 разъ переходившую изъ рукъ въ ру. Наконецъ Макъ-Магонъ овладѣваетъ Буффалорою и входитъ ъ связь съ правой колонной около 5 часовъ.

Что же вынудило его рѣшиться на прекращеніе канонады ъ началѣ боя, поставившее правую колону въ столь отчаянное оложеніе? Выше сказано, что онъ достигалъ уже Буффалоры, огда это случилось. Рекогносцировка непріятельскаго расположенія показала Макъ-Магону, что ему придется имѣть дѣло ъ значительными силами, между тѣмъ какъ у него была подъ укою одна только дивизія; другая, слѣдовавшая за нимъ, могла одойти только часа черезъ полтора; а третья, составлявшая лѣую колонну, отстала такъ, что объ ней не было никакихъ извѣстій. Іужно сказать притомъ, что австрійскіе резервы, выдвинутые изъ Мадженты, какъ разъ приходились противъ лѣваго фланга первыхъ выстроившихся войскъ Макъ-Магона, слѣдовательно легко могли быть направлены съ цѣлью отдѣлить лѣвую колонну. Рѣшиться въ такихъ обстоятельствахъ на атаку значило рисковать израсходовать свои силы по частямъ противъ непріятеля, приго-

*) Остальныя двѣ направлены къ Маджентѣ.

товившагося къ бою и слѣдовательно сосредоточеннаго. Макъ-
гонъ предпочелъ нѣсколько отступить, чтобы выждать присо
неніе остальныхъ двухъ дивизій. Австрійцы сочли этотъ ма
за начало отступленія и тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ о
тились къ мостамъ на каналѣ. Въ этомъ случаѣ Макъ-Ма
распорядился противоположно тому, что было сдѣлано въ пр
колоннѣ: онъ принялъ тяжелую, но необходимую рѣшимост
спѣшить на выручку своихъ, не собравъ достаточныхъ для э
средствъ, и благодаря этому всѣ его дѣйствія до конца сраж
имѣютъ тотъ спокойный, ровный характеръ, который состав
одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ успѣха въ бою. Подавался
впередъ медленно, безъ порыва; но за то и не сдавалъ разъ
таго. Была одна только минута, въ которую и этотъ, неоспо
лучшій генералъ французской арміи, измѣнилъ обычному св
спокойствію; но и было отчего.

Уже правыя двѣ дивизіи развернулись въ готовности къ
а лѣвой колонны все еще не было видно; тогда Макъ-Ма
бросился въ направленіи этой колонны, и наконецъ достигъ
Отдавъ ей приказаніе имѣть направленіе на Маджента и обе
чивъ связь съ нею, онъ приступилъ къ исполненію своей цѣл
открытія связи съ императоромъ и атаки Маджента, какъ пу
ближайшаго къ главному пути отступленія Австрійцевъ. Пос
нее было достигнуто цѣлью героическихъ, но превосходно нап
ленныхъ усилій.

Всѣ три дивизіи были устремлены на Маджента для ед
временной атаки съ С. З. въ то время, когда правая масса ф
цузскихъ войскъ вела ожесточенный бой у Понте Веккіо; пр
жутокъ между ними заняла резервная артиллерія корпуса М
Магона, подъ прикрытіемъ кавалерійской бригады.

Маджента отстаивали части I-го II и VII австр. корпус
около 8 часовъ вечера они были выбиты. Къ концу боя с
подходитъ передніе эшелоны отъ Берегвардо; Гіулай думалъ-б
возобновить бой на слѣдующій день; но отступленіе безъ пр
занія I и II корпусовъ заставило его отказаться отъ этого
мѣренія.

Маджентскій бой стоилъ страшныхъ усилій противникам
виною этому конечно было преимущественно то, что сначала р
лись атаковать, а потомъ уже захлопотали о сосредоточеніи с
какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Макъ-Магонъ въ э
отношеніи составляетъ выдающееся исключеніе. Бой велся Ф
цузами почти безъ содѣйствія артиллеріи и кавалеріи.

Только тотъ же Макъ-Магонъ употребилъ въ дѣло всѣ с

ва, бывшія у него въ рукахъ; правда, по свойствамъ мѣстности, правой колоннѣ и довольно трудно было употребить вспомогательные роды оружія. Батарея Макъ-Магона (48 ор.), въ соединіи съ гвардейскою, выдвинутой передъ Ново-Маджентскій мостъ концу боя (18 ор.), произвела дѣйствіе, — но противъ оль незначительныхъ силъ и на такомъ неважномъ пунктѣ, что о не повело ни къ чему рѣшительному: сказанныя двѣ батареи зстрѣляли австрійскую бригаду, употребленную для связи между авшимися въ Маджентѣ и у Понте Веккіо; ее разбросило, безо якаго содѣйствія штыка, на двѣ части, одну къ Маджентѣ, другую къ Сольферино.

Преслѣдованія ни въ тотъ день, ни на слѣдующій не было; ѣдовательно побѣдой не воспользовались, или не считали ее на олько рѣшительною, чтобы мотивировать настойчивое преслѣдоніе. Австрійцы отступили поспѣшно, изъ опасенія возстанія въ ну, а не потому, чтобы бой измѣнилъ стратегическое ихъ поженіе въ особенно невыгодную сторону.

То же опасеніе возстанія побудило ихъ предпочесть для отступленія низовыя дороги, оставивъ верховыя, сопредѣльныя гомъ, въ полное распоряженіе союзникамъ. Нужно ли говорить, го въ этомъ, какъ и въ пораженіи подъ Маджентою, было боье иллюзіи, нежели дѣйствительности? Болѣе способности тороиться считать свое положеніе безнадежнымъ, нежели дѣйствительной безнадежности? То обстоятельство, что корпусъ Гарибальди къ концу войны состоялъ только изъ 3120 человѣкъ, лучше сего показываетъ, до какой степени мало было между Италіянами охотниковъ возставать.

Но человѣкъ всегда дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ того, что сть, а подъ вліяніемъ того, что ему кажется; по этой причинѣ Французы удержались на мостахъ, считая свое положеніе енѣе безнадежнымъ, нежели оно было; по этой же причинѣ Австрійцы теперь отступали, и довольно поспѣшно, преувеличивая и наченіе своихъ неудачъ, и силу энергіи Италіянцевъ. Все это езультатъ воспитанія въ мирное время, развивающаго нравственную упругость или подавляющаго ее.

Союзники дневали 5-го на полѣ сраженія; 6-го начали движеніе къ Милану, 7-го въ него вступилъ первымъ герой Маджентскаго ня, Макъ-Магонъ; 8-го—вся армія сосредоточилась около этого пункта и произошло арьергардное дѣло у Меленьяно, верстахъ въ 14 къ юго-востоку отъ Милана.

Въ этотъ день вся австрійская армія была сосредоточена въ углу, образуемомъ Аддою и По, опираясь въ тылу на Піаченцу

и Пиччигетоне (укрѣпленныя переправы) и стоя фронтомъ къ М
лану, отъ Павіи до Меленьяно, слѣдовательно, опять въ угрож
ющемъ положеніи флангу союзниковъ.

Маджентскій урокъ не прошелъ для Французовъ даромъ; о
рѣшились не выжидать, а уяснить положеніе боемъ, и для это
назначили 1-й и 2-й корпуса. Собственно Австрійцы и не дума
объ наступательномъ возвратѣ, а остановились по сю сторо
Адды, чтобы убрать запасы и тяжести изъ Павіи и Піаченцы; и
этому Меленьяно занято было одною только бригадою, къ кот
рой, къ концу дѣла, подоспѣла другая. Планъ атаки Французо
заключался въ томъ, чтобы второй корпусъ обошелъ Меленья
влѣво, угрожая пути отступленія Австрійцевъ на Лоди; а 1-й ат
ковалъ бы съ фронта. Особенность исполненія заключалась въ том
что Бараге д'Илье пошелъ на городъ не выжидая дѣйствія обхо
и вздумалъ атаковать его по шоссе, сопровождаемому съ обѣи
сторонъ каналами, и прегражденному австрійскими баррикадам
въ головѣ шли зуавы—атака не могла быть неудачною, но стои
800 человѣкъ на одномъ этомъ пунктѣ. Она была предприня
послѣ 30-верстнаго марша, задержаннаго притомъ обозами др
гихъ корпусовъ, и свидѣтельствуетъ, по прежнему, о высокой до
лести солдатъ и о слабости распорядительной части.

Дальнѣйшее движеніе союзниковъ рѣшено направить по вс
ховымъ дорогамъ, т. е. на Бресчію; порядокъ его опредѣлился сл
дующими условіями: 1) Австрійцы, владѣя переправами на По, мог
возобновить попытку противъ праваго фланга союзниковъ, не оп
сались за свой путь отступленія; 2) это было тѣмъ болѣе опасн
что частыя переправы, предстоявшія союзникамъ на пути, дѣла
заботу объ охраненіи сообщеній особенно важною, ибо на Адд
Оліо, Кіезе, они могли быть поставлены въ такое же положен
въ какомъ были на Тичино, у Маджента; 3) необходимостью п
водить вновь мосты и невозможностью быстро получать продовол
ствіе по неустройству путей въ тылу *); 4) необходимостью обе
печить лѣвый флангъ со стороны горъ, въ которыхъ были австр
скіе отряды.

Эти обстоятельства, въ соединеніи съ Маджентскимъ урок
показавшимъ, какъ опасно разбрасывать силы передъ переправо
сообщили слѣдующія характеристическія черты маршу союзнико
возможно тѣсное сосредоточеніе силъ передъ всякой переправо
и распространеніе ихъ къ сторонѣ По, по совершеніи ея; медле

*) Мосты черезъ Адду и слѣдующія за нею рѣки были уничтожены А
стрійцами.

ность движенія; направленіе отрядовъ въ горы, по долинамъ Оліо и Кіезе. Медленность движенія была такъ велика, что бывали дни, въ которые армія подвигалась не болѣе какъ на 7—8 верстъ. Глубина всей колонны *) доходила иногда до 50 верстъ, но въ большей части случаевъ не превосходила 30.

Австрійцы безостановочно отступали до Кіезе, которой достигли 15-го; за нею простояли до 20 іюня, съ намѣреніемъ принять бой на мѣстности, освященной для нихъ многими воспоминаніями, начиная отъ пораженія въ 1796 Бонапартомъ на томъ почти самомъ мѣстѣ, гдѣ произошелъ сольферинскій бой, и кончая ежегодными маневрами.

Въ эти 5 дней произошли весьма важныя перемѣны въ австрійской арміи: Гіулай попросилъ и получилъ увольненіе отъ должности главнокомандующаго; Императоръ самъ принимаетъ начальство; армія усилилась новымъ корпусомъ, XI, и была раздѣлена на двѣ арміи, что должно было замедлить передачу приказаній, прибавивъ новую инстанцію между войсками и главной квартирой. Въ то же время сдѣланы перемѣны въ командирахъ дивизій и бригадъ: половина первыхъ и треть вторыхъ въ день сольферинскаго боя впервые командовали своими частями.

Это переворачивало конечно вверхъ дномъ привычки и войскъ, и начальниковъ; но гдѣ армія—механизмъ, а не организмъ, развѣ на подобныя мелочи обращаютъ вниманіе? И это опять необходимое слѣдствіе сохраненія организаціи арміи въ крупныя единицы постояннымъ въ мирное время; во французской арміи кадръ начальниковъ остался постояннымъ въ теченіе всей кампаніи, именно потому, что въ виду неминуемой войны, назначенія могли быть сдѣланы не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями и имѣя въ виду однѣ боевыя способности.

Австрійцы оставались не долго при намѣреніи атаковать союзниковъ на Кіезе; скоро перешли они къ другому—выждать ихъ за Минчіо, въ знаменитомъ стратегическомъ четырехъ-угольникѣ, пользующемся репутаціей неодолимости у всѣхъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ стѣны, а не въ человѣка. Вслѣдствіе этого они оставили свои позиціи за Кіезе, 20-го, и отступили за Минчіо. Но черезъ три дня въ главной квартирѣ нашли первое лучше; 23-го опять переправились за Минчіо и достигли линіи Медоле-Сольферино-Поццоленго, на которой и засталъ Австрійцевъ сольферинскій бой.

Есть нѣсколько объясненій этихъ маршей и контръ-маршей:

---

*) Не считая обозовъ и принимая глубину расположеній на ночлегахъ, а не походныхъ колоннъ.

одни говорятъ, что недостатокъ воды и желаніе перемѣнить порядокъ расположенія корпусовъ *) заставилъ отступить за Минчіо: но изъ-за подобныхъ причинъ странно отказываться отъ главной цѣли, а тѣмъ болѣе, что устранить ихъ можно было и не отступая на цѣлый переходъ; другіе приписываютъ отступленіе недостатку продовольствія; но продовольствіе отъ этого не выиграло, ибо нѣкоторыя части наканунѣ сольферинскаго боя совсѣмъ не получили хлѣба, а лошади въ теченіе 30 часовъ не имѣли фуража. 50 т. больныхъ въ тылу арміи были лучшимъ свидѣтельствомъ того, что дѣло было не въ разстояніяхъ до снабженій, а въ состояніи администраціи. Кажется, вѣроятнѣе всего объяснить эту шаткость той же страстью Австрійцевъ къ возможно лучшимъ планамъ, которая всегда служитъ имъ благовиднымъ предлогомъ откладывать минуту рѣшимости на что нибудь серьезное, пока противникъ къ тому не принудитъ.

Союзники, 18-го, сосредоточились у Бресчіи, простояли тамъ два дня и 21-го начали переправу за Кіезе; 22-е и 23-е проходятъ въ сосредоточеніи арміи за Кіезе и въ исправленіи расположенія нѣкоторыхъ корпусовъ, принявшаго окончательно такой видъ:

Первая линія, отъ оз. Гарда черезъ Кастильоне до Карпенедоло—10 верстъ: лѣвый флангъ Піемонтцы; центръ и правый—три французскіе корпуса и двѣ кавалерійскія дивизіи; резервъ два корпуса, не далѣе десяти верстъ позади и кавалерійская дивизія—въ 20-ти.

Противъ этого расположенія, къ вечеру 23-го, Австрійцы стали такъ:

Правый флангъ—корпусъ (6 бриг.) у Поццоленго; центръ—три корпуса, изъ которыхъ одинъ (5 бриг.) у Сольферино и впереди, два за нимъ въ резервѣ (8 бриг.); кавалерійская дивизія (28 эск.) на равнинѣ, для связи съ лѣвымъ флангомъ; лѣвый флангъ: три корпуса (15 бригадъ), изъ которыхъ одинъ у Гвидиццоло, два за нимъ въ резервѣ, и кавалерійская дивизія. Размѣры расположенія: около 15 верстъ по фронту и столько же въ глубину.

Кромѣ этихъ силъ, Австрійцы которые такъ любятъ демонстраціи и такъ вѣрятъ въ дѣйствительность ихъ со стороны противника, сочли за необходимое держать цѣлую дивизію у Мантуи для наблюденія переправъ черезъ По противъ принца Наполеона, под-

*) Съ цѣлью оставить въ резервѣ VII и I корпуса и выдвинуть въ боевыя линіи V и VIII, непринимавшіе участія въ дѣлѣ у Маджента. Первые два за Кіезе составляли правый флангъ расположенія.

дившаго изъ Тосканы; съ тою же цѣлью оставленъ ниже Мантуи, По, X корпусъ. Все это вмѣстѣ составляло около 30 т. для раненія того, чему не грозило никакой опасности, ибо принцъ аполеонъ находился въ день сольферинскаго боя въ двухъ переходахъ отъ тыла своихъ и, слѣдовательно, никакъ не могъ угрожать реправамъ, до которыхъ ему приходилось сдѣлать переходовъ ть или шесть *).

Ни та, ни другая сторона не подозрѣвали столь близкаго пристствія непріятеля и потому на 24-е іюня были отданы просто ступательныя диспозиціи: въ диспозиціи союзниковъ было призано начать движеніе между 2-мя и 3-мя часами утра и достигнуть ніи Гвидиццоло-Кавріана-Поццоленго; Австрійцамъ предписано ступить въ 9 часовъ и достигнуть линіи Карпенедоло-Кастильонезенцано. Однимъ словомъ, приходилось помѣняться мѣстами: олкновеніе было неизбѣжно и притомъ нежданно для обѣихъ оронъ. Союзники имѣли на своей сторонѣ выгоду ранняго выупленія и большей иниціативы генераловъ; первое повело къ му, что они наткнулись на непріятеля на маршѣ, слѣдовательно большей готовности и ко встрѣчѣ неожиданностей, и къ маврированію; благодаря второй, генералы имѣли на столько силы ха, чтобы взять на себя отвѣтственность за завязку боя и за рвыя въ немъ распоряженія, не ожидая приказаній изъ главной артиры. Австрійцы имѣли на своей сторонѣ выгоду сильныхъ зицій и превосходства въ числѣ. Изъ распредѣленія силъ видно, о бой долженъ былъ разыграться на трехъ пунктахъ: между ардинцами и австрійскимъ корпусомъ праваго фланга у С.-Марно; между Французами и Австрійцами у Сольферино и у Гвидиццоло.

Главный интересъ представляютъ дѣйствія Французовъ на гохъ у Сольферино и на равнинѣ у Робекко. Первыя достались долю Бараге д'Илье, гвардіи и Макъ-Магону, вторыя—Ніэлю Канроберу; на обоихъ пунктахъ они имѣли характеръ чисто ронтальныхъ стычекъ и, какъ всѣ такія, обошлись весьма дорого. Все дѣло опять привелось не къ искусству направленія лъ, а къ энергіи начальниковъ и самыхъ силъ; и такъ какъ ранцузы въ ней имѣли перевѣсъ, поле сраженія за ними остаось, но безъ всякихъ другихъ послѣдствій. Только приступъ къ ою запечатлѣнъ рѣшимостью высокаго военнаго достоинства, и

*) Съ Австрійской стороны изъ 199,035 чел. 19,289 лошад. приняли участіе ъ дѣлѣ 146,635 челов., 16,489 лош.

Со стороны союзниковъ изъ 170,603 чел. 14,353 лош. приняли участіе въ ѣлѣ 124,472 чел. 10,762 лош.

эта рѣшимость опять принадлежитъ тому же Макъ-Магону. наступалъ по дорогѣ отъ Кастильоне на Мантую, въ промежу между Бараге съ лѣвой, Ніэлемъ съ правой стороны; всѣ корпуса натолкнулись почти единовременно на австрійскіе а посты, но ни одинъ не зналъ, съ кѣмъ придется имѣть дѣло- всею ли арміей или только съ отрядами. Правду сказать, ни раге, ни Ніэль, сколько можно судить, даже и не задали этого вопроса, а по французскому обычаю лѣзли впередъ,— дальше, тѣмъ лучше; за нихъ подумалъ Макъ-Магонъ. Пер мыслью его было уяснить, что̀ передъ нимъ. Холмъ подлѣ до облегчилъ рекогносцировку—съ него Макъ-Магонъ увидѣлъ гу массы прямо передъ собою и влѣво, по холмамъ между Сол рино и Кавріана. Сомнѣваться долѣе было нельзя: передъ находилась вся австрійская армія, слѣдовало изготовиться къ неральному бою. Уяснивъ такимъ образомъ, что̀ предстоитъ арміи иославъ объ этомъ донесеніе Императору, Макъ-Ма обращается къ свой роли—командира корпуса. Влѣво слы было какъ усиливалась канонада, влѣво были высоты, отъ о дѣнія которыми зависѣлъ успѣхъ боя: на минуту промелькну Макъ-Магона мысль подчиниться формулѣ, выработанной еще первомъ Наполеонѣ и вошедшей въ плоть и кровь французс арміи—идти на выстрѣлы. Но только на минуту: идти на стрѣлы въ этомъ случаѣ значило оторваться отъ Ніэля, оста его одного на жертву на равнинѣ. Макъ-Магонъ попялъ, что этомъ случаѣ выручка своихъ именно требуетъ, чтобы не и на выстрѣлы и онъ отказывается отъ своего намѣренія до т поръ, пока не получаетъ отъ Ніэля извѣстія, что корпусъ, ст шій за нимъ въ резервѣ на Кіезе *), прибылъ и что, слѣдовател онъ можетъ быть предоставленъ собственнымъ силамъ. Та образомъ, благодаря Макъ-Магону, боевой порядокъ установ почти съ началомъ дѣла. Въ разбираемомъ сочиненіи эта зас Макъ-Магона выдается не совсѣмъ рельефно.

Въ 9 часовъ утра къ его расположенію прибылъ Императ получивъ отчетъ отъ Макъ-Магона о положеніи дѣлъ, онъ о чательно одобряетъ принятыя рѣшенія и отдаетъ приказъ—г дейской пѣхотѣ направиться къ Сольферино, какъ къ рѣшит ному пункту боя; Макъ-Магону, съ прибытіемъ на равнину г дейской кавалеріи, приступить къ осуществленію первоначал его мысли—поддержки Бараге д'Илье на высотахъ.

Оставалось ждать пока прибудутъ резервы; это было

*) Канроберъ.

особенности трудно Ніэлю, имѣвшему противъ себя три корпуса отдѣленному отъ Макъ-Магона промежуткомъ въ версту слишкомъ. Но доступы къ промежутку вскорѣ обезпечены огнемъ 0 орудій (24 Макъ-Магона, 36 Ніэля) и двумя кавалерійскими дивизіями, а фронтальныя атаки были не страшны, благодаря опять глубокимъ расположеніямъ Австрійцевъ; разомъ большими силами они не атаковали, а незначительныя и безпрерывно смѣняемыя атаки истощили Ніэля, но не сломили его; онъ не только не думалъ уступить, а еще собирался отрѣзать Австрійцамъ путь отступленія на Гвидиццоло, которое между прочимъ находилось у нихъ въ тылу. Первое столь же обнаруживаетъ въ немъ энергію солдата, сколько второе недостатокъ прозорливости генерала. Его мечта не осуществилась, но къ вечеру все-таки добились того, что усилія трехъ австрійскихъ корпусовъ были совершенно истощены полутора французскими (4-й и половина 3-го корпуса).

На лѣвомъ флангѣ Французовъ, т. е. у Сольферино, произошло то же самое: у Австрійцевъ дрался одинъ корпусъ при резервѣ изъ два; да и тотъ, имѣя въ первой линіи одну бригаду и во второй двѣ; остальныя двѣ стояли вправо и не могли принять участія въ защитѣ высотъ; а изъ резервныхъ корпусовъ 1-й прибылъ уже тогда, когда высоты достались Французамъ и былъ употребленъ для прикрытія отступленія; то же самое сдѣлалъ другой резервный корпусъ нѣсколько дальше, у Кавріана. Это было не болѣе, какъ Монтебельское дѣло, только въ большомъ видѣ.

Буря прекратила бой уже тогда, когда Австрійцы были въ полномъ отступленіи на всѣхъ пунктахъ. Около 14 часовъ французская армія была на ногахъ: пора было подумать объ отдыхѣ; войска расположились бивуакомъ на самомъ полѣ сраженія, и Австрійцамъ дали отступить спокойно. Кавалерія, ничего особеннаго не сдѣлавшая во время боя, не пыталась ничего сдѣлать и послѣ него. Впрочемъ она была въ жалкомъ состояніи; изъ 10 т. лошадей, только 3 т. осталось къ эпохѣ Сольферинскаго боя, какъ впослѣдствіи печатно засвидѣтельствовано однимъ изъ инспекторовъ французской кавалеріи. Въ оффиціальномъ сочиненіи объ этомъ не упоминается.

Потери отъ боя, какъ и слѣдовало ожидать, были конечно болѣе со стороны союзниковъ *), которымъ приходилось открыто брать чрезвычайно сильныя позиціи; мы не считаемъ плѣнныхъ, по 1-хъ потому, что они не безвозвратно теряются—во 2-хъ, потому что они гораздо чаще отдаются, нежели ихъ берутъ **).

*) Австрійцы потеряли: убитыми и ранеными 13,000; союзники 14,400.

**) У Австрійцевъ безъ вѣсти пропавшихъ 9,300, у союзниковъ—2,780. Число плѣнныхъ свидѣтельствуетъ о степени нравственнаго упадка арміи, а не матеріальныхъ потерь, ею понесенныхъ.

Это еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости настойчиваго пр
слѣдованія послѣ удачнаго наступательнаго боя; только оно да
возможность воспользоваться тѣмъ нравственнымъ превосходство
которое составляетъ результатъ выиграннаго боя, покупаем
всегда цѣною матеріальнаго ущерба силамъ побѣдителя, въ срав
ніи съ потерями побѣжденнаго.

Сочиненіе кончается изложеніемъ операцій, послѣдовавшихъ
Сольферинскимъ боемъ, и приготовленій французскаго флота
атакѣ Венеціи. То и другое не представляетъ особеннаго инт
реса, между прочимъ и потому, что не привело ни къ каки
послѣдствіямъ.

Въ концѣ сочиненія приложены таблицы съ подробнымъ
казаніемъ численности различныхъ частей трехъ армій и съ т
нымъ разсчетомъ силъ, принимавшихъ участіе въ каждомъ
сраженій. Въ этомъ отношеніи разбираемый трудъ составля
единственное исключеніе въ своемъ родѣ, потому что его оконч
ности содѣйствовалъ и австрійскій генеральный штабъ. Всѣ табли
о состояніи Австрійской арміи и другіе оффиціальные докумен
получены по сношенію французскаго военнаго министерства
австрійскимъ. Такимъ образомъ, почти вслѣдъ за войной, вра
соединились дружно для удовлетворенія цѣлямъ чисто научным
явленіе, котораго не представляютъ предшествовавшія столкновен

Общее впечатлѣніе, оставляемое этой превосходной работо
не смотря на нѣкоторые недоговоры, можетъ быть выражено
двухъ словахъ: хорошо соображенный планъ, знаніе войска
техники дѣла, значутъ конечно очень много, но значутъ не бол
какъ нули, когда лѣвѣе ихъ стоитъ единица: они увеличиваю
количественное, но не качественное значеніе ея; сами
по себѣ ничего не значатъ. Эта единица въ военномъ дѣлѣ, ка
во всемъ и всегда—человѣкъ. Тамъ, гдѣ онъ энергиченъ,
онъ не находится подъ нравственнымъ гнетомъ извѣстнаго скл
отношеній, или умственнымъ—извѣстныхъ теорій,—дѣло пойде
хорошо; если техника есть—пойдетъ при томъ и легко; если
нѣтъ или недостаточно—пойдетъ труднѣе, съ бо́льшими потерям
но все же пойдетъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ привыкъ всего боять
гдѣ его энергія притуплена, нравственная самостоятельность пр
слѣдуется какъ нѣчто вредное, – тамъ онъ, по необходимости,
детъ бояться и непріятеля: не на столько, можетъ быть, что
бѣгать отъ него при первой стычкѣ, но на столько, чтобы нос
вѣчно съ собою язву нравственнаго убѣжденія въ невозможнос
его побѣдить. При этомъ состояніи нравственной стороны никак
совершенство техники не поможетъ, ибо она учитъ устраня

только препятствія на пути къ извѣстной цѣли, но не учитъ задаваться ею рѣшительно и безвозвратно. Послѣднему выучить нельзя; послѣднее дается только выработкою личной энергіи солдатъ и начальниковъ; безъ нея совершенство въ техникѣ не только безполезно, но вредно, ибо уча устранять препятствія, она въ то же время показываетъ и всю ихъ силу, т. е. доставляетъ только благовидные предлоги къ оправданію недостатка рѣшимости. Мало того: она ведетъ къ истощенію силъ арміи, ибо умѣнье укрѣпляться кончается стремленіемъ возводить укрѣпленія и кстати, и не кстати; упражненія въ формахъ дѣйствія—къ изысканію формы совершеннѣйшей, т. е., практически—нелѣпой; пониманіе важности хорошо соображеннаго плана—къ безпрерывнымъ измѣненіямъ разъ принятаго, т. е. къ невозможности на чемъ либо остановиться. Австрійцы вездѣ превосходно приготовляли себѣ возможность дѣйствовать по нѣсколькимъ направленіямъ и ни однимъ изъ нихъ не воспользовались потому именно, что все хлопотали о лучшемъ, которое, какъ уже давно извѣстно, врагъ хорошаго. Союзники рѣшались иногда неловко, но рѣшались не колеблясь—и, только благодаря одному этому, остались вездѣ побѣдителями.

1865 годъ.

Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ

I.

Есть вещи, о которыхъ понятія, повидимому, установи
такъ прочно, что о нихъ и говорить нечего; но на дѣлѣ в
дитъ не такъ: зачастую устанавливаются не столько понятія, ско
фразы, ихъ выражающія. Эти фразы переходятъ изъ устъ въ у
мало по малу прибалтываются, смыслъ словъ изчезаетъ изъ
знанія, и остается одна только музыка ихъ; остается только
лыкъ понятія, точно на пустой бутылкѣ: свидѣтельствуетъ о
содержимомъ, а между тѣмъ содержимаго давно и слѣдъ прост
Причину этого неутѣшительнаго явленія замѣтить нетру
человѣку, въ большей части случаевъ, лѣнь бываетъ вдумыва
въ мысль такъ, чтобы усвоить ее себѣ если не со всѣми, то
съ главнѣйшими ея послѣдствіями: это очень трудно, да и ут
тельно; гораздо легче усвоить себѣ ярлыкъ мысли, внѣшнее в
женіе ея, однимъ словомъ—фразу. А фразой блеснуть и пріо
и полезно; къ чему же мысль, когда можно обойтись и фра
Зачѣмъ задавать себѣ лишнюю работу и дворянскую голову
мать, когда и безъ этого можно прожить, и хорошо прожить
Послѣдствія симпатіи къ фразѣ и нерасположенія къ м
понятны: подъ одними и тѣми же словами разумѣются вещи
вершенно различныя, и выходитъ нѣчто въ родѣ мысленнаго с
потворенія вавилонскаго; зачастую говорящіе думаютъ, что п
маютъ другъ друга, издавая одни и тѣ же звуки; а въ сущн
это только акустическій обманъ, ибо за одинаковыми выражен
всякій разумѣетъ свое.
Въ теоріи военнаго дѣла, которая не обставила себя ча

ломъ формулъ, на манеръ математическихъ, которая выражается быкновеннымъ языкомъ и обращается преимущественно къ здра-му смыслу человѣка, подобныя вещи случаются сплошь да ря-мъ: все выражено такъ просто, такъ понятно, все основано а здравомъ смыслѣ—а кто же допускаетъ мысль, что его е имѣетъ?—тутъ всякій, слѣдовательно, можетъ судить и рядить, а сколько хватитъ силъ и охоты.

За примѣрами ходить недалеко: «что такое боевой порядокъ?» Іостроеніе для боя какой бы то ни было части: и малой, и боль-ой. Это вамъ всякій скажетъ; а между тѣмъ назовите колонну ъ атакѣ, или каре, или другой боевой строй роты или баталіона оевымъ порядкомъ, на васъ вытаращатъ глаза. Въ воображеніи ольшинства, со словами «боевой порядокъ» сочетается фигура ъ двѣ перерывчатыя линіи съ резервомъ; какой же послѣ этого оевой порядокъ колонна къ атакѣ? А возвратитесь къ опредѣле-ію боеваго порядка, и вамъ опять воспроизведутъ съ дипломатической точностію: «всякое построеніе войскъ для боя». Ѣсть ли тутъ пониманіе того, что говорится, усвоена ли здѣсь на только фраза, или же и мысль, ей соотвѣтствующая, предоставляю суду читателя.

Еще примѣръ: «что такое позиція?» всякій скажетъ: мѣсто, збираемое для боя обороняющимся. А если отрядъ малъ, и занимаетъ поэтому только одну рощу, или деревушку, или отдѣльное строеніе, то въ отношеніи къ отряду что будутъ составлять ти: роща, деревушка, строеніе? Позиціи, конечно? Нѣтъ—скажутъ амъ—не позиціи, а «отдѣльные мѣстные предметы».

Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы избавить отъ прека въ преувеличеніи сказанное выше насчетъ преобладанія рлыка передъ тѣмъ, что онъ представляетъ, для многихъ и многихъ сознаній.

Поэтому дѣло не лишнее обращаться отъ времени до времени ъ понятіямъ и опредѣленіямъ, повидимому, избитымъ и давно сѣми усвоеннымъ. Кажется, что о нихъ уже все говорено и переговорено, что поднимать разсужденія о подобныхъ предметахъ начитъ, по просту, воду толочь; а дойдетъ дѣло до примѣненія тихъ, всякому извѣстныхъ, понятій, оказывается, что извѣстны не понятія, а только ихъ ярлыки.

II.

Къ числу подобныхъ мнимо-избитыхъ и, въ дѣйствительности, ало понятыхъ вещей должно причислить также и вопросъ о томъ «въ какомъ отношеніи уставъ находится къ тактикѣ».

Гдѣ кончается уставъ и начинается тактика? Могутъ ли они быть смѣшиваемы? И если могутъ, то въ разрѣшеніи какихъ именно задачъ и на сколько именно?

Вотъ вопросы, на которые, поставивъ ихъ, вы рискуете опять получить въ отвѣтъ стереотипную фразу: уставъ даетъ опредѣленную форму порядкамъ построенія, нужнымъ тактикѣ для расположенія, движенія и дѣйствія войскъ въ бою и внѣ онаго. И опять къ этой фразѣ неизбѣжный припѣвъ: «да кто жъ этого не знаетъ, да это само собою разумѣется», и проч. и проч. Такъ и видишь передъ собою старательнаго и увѣреннаго въ своемъ знаніи индивидуума, который, задолбивъ, напримѣръ, всѣ геометрическія фигуры и умѣя по книжкѣ разставить буквы въ приличныхъ мѣстахъ, воображаетъ, что онъ знаетъ геометрію. А начерти ему фигуру нѣсколько иной формы, да перемѣни буквы, и сталъ втупикъ....

Отличительная черта устава, какъ и всякаго закона, есть строгая, педантическая опредѣлительность; уставъ не разсуждаетъ: онъ приказываетъ. Тактика совершенно напротивъ; она ничего не приказываетъ, а только совѣтуетъ, и притомъ сопровождая свои совѣты не только доказательствами, но и замѣчаніями, что они, эти совѣты, не могутъ быть примѣнены во всѣхъ случаяхъ; что много можетъ быть такихъ случаевъ, въ которыхъ поведеніе, прямо противоположное совѣту, будетъ наилучшее. Уставъ исполняется, тактика примѣняется; уставъ нужно заучить, тактику—уразумѣть.

Уже изъ того, что уставъ относится болѣе къ памяти, нежели къ соображенію, видно, что онъ долженъ быть по возможности кратокъ; въ противномъ случаѣ мы будемъ давать военнымъ, при изученіи его, практику болѣе въ запоминаніи, нежели въ соображеніи, между тѣмъ какъ въ бою главнѣйшее—находчивость, соображеніе.

Какіе же предметы, при такомъ взглядѣ на уставъ, должны попадать въ него? Это опредѣляется тѣмъ, что уставъ—законъ и, слѣдовательно, можетъ предписывать къ исполненію только то, что всегда дѣлается извѣстнымъ, постояннымъ порядкомъ: дѣлается такъ, а не иначе. Изъ этого видно, что его роль можетъ быть одна: способствовать соединенію въ одно тѣло того количества людей, которое можетъ въ бою дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ, или, выражаясь по принятому, которое можетъ составить одну тактическую единицу. Такъ какъ для единодушнаго дѣйствія людей, составляющихъ тактическую единицу, требуется единовременность движенія, то ясно, что

ie по этому самому для всѣхъ эволюцій этой единицы должны ществовать постоянныя и всѣмъ ея членамъ заблаговременно вѣстныя правила. Но даже опредѣлить всѣ возможныя формы, которыхъ одна тактическая единица можетъ быть поставлена необходимость дѣйствовать, уставъ не въ состояніи: потому не состояніи, что этихъ формъ безчисленное множество, и попытка опредѣлить всѣ ихъ повела бы только къ безмѣрной толотѣ устава, повела къ развитію памяти насчетъ соображенія, а или, т. е. опредѣленія всѣхъ формъ, всетаки не достигла бы.

На этомъ основаніи уставъ даетъ только основные типы боеихъ порядковъ баталіона, предоставляя соображенію начальника доизмѣнять эти типы, смотря по обстоятельствамъ.

Вотъ граница устава въ томъ, что касается эволюцій; въ отношеніи дѣйствія оружіемъ его роль не шире: основываясь на ойствахъ человѣка и оружія, уставъ даетъ правила, какъ должно рѣлять въ массѣ и въ одиночку, какъ работать штыкомъ и икладомъ въ массѣ и въ одиночку; но гдѣ прибѣгнуть къ тому, ѣ къ другому оружію, и въ какую минуту—уставъ предписать въ состояніи. А совѣтовъ онъ, опять повторимъ, давать не моетъ, ибо онъ приказываетъ.

Но чтобы заключить уставъ въ эти границы, нужно сознавать ъ разумность и необходимость; если ихъ упустить изъ виду, по знанію ли, или просто по невниманію, въ уставъ неминуемо падутъ тактическіе совѣты, потому что человѣку весьма трудно ержаться на одномъ перечнѣ правилъ для движеній и дѣйствій: о неодолимо влечетъ въ примѣненіе ихъ. Вслѣдствіе этого, въ гавахъ зачастую встрѣчаются тактическіе совѣты; но участь ихъ мая горькая: попавъ въ законъ, они или пріобрѣтаютъ характеръ измѣннаго правила—вещь въ высшей степени опасная въ приненіи къ боевому дѣлу; или же остаются мертвою буквою, если духу своему не поддаются опредѣлительности, характеризующей конъ.

Примѣры пріискать нетрудно: возьмемъ эволюцію переправы, давно отмѣненную.

Наступательная переправа со стрѣльбой есть собственно атака филе, т. е. тактическое предпріятіе. Всякое тактическое предпріятіе представляетъ извѣстную комбинацію уставныхъ эволюцій, знообразящуюся въ зависимости отъ обстоятельствъ. Такъ, если непріятель намѣренъ отстаивать упорно переправу, придется его бстрѣлять съ нашего берега, затѣмъ пустить въ атаку извѣстное исло частей черезъ мостъ, которыя должны опрокинуть то, что ихъ встрѣтитъ на томъ берегу, и затѣмъ уже, если непріятель

сдалъ, разсыпать новую цѣпь для преслѣдованія его огнем
штыкомъ.

Если, напротивъ, непріятель расположился не съ тѣмъ, ч
упорно сопротивляться, а только съ тѣмъ, чтобы насъ хоть ско
нибудь задержать, онъ не приметъ атаки: въ этомъ случаѣ
скорѣе разсыпаться по совершеніи переправы, тѣмъ лучше. Из
въ первомъ случаѣ прежде всего нужно подумать объ атакѣ
второмъ о разсыпкѣ новой цѣпи. Въ уставѣ, неизвѣстно по
отдано было преимущество послѣднему, т. е. разсыпанію тот
по переправѣ; полагалось переправляться даже безъ боя къ а
Теперь положимъ, что войска основательно заучили этотъ
собъ переправы, и перенесемся мыслію въ бой: начальникъ,
лучившій назначеніе атаковать переправу, естественно будетъ
положенъ употребить въ дѣло способъ, которому его учили,
лучшему, и, наткнувшись на стойкаго противника, неминуемо
терпитъ неудачу. Вотъ къ чему ведетъ введеніе въ уставъ та
ческихъ совѣтовъ.

Возьмемъ совѣты другаго рода, противные духу уставовъ,
строгой опредѣленности: хоть бы, напримѣръ, совѣтъ, относите
того, что дистанціи и интервалы между ротами, при располож
баталіона въ ротныхъ колоннахъ, зависятъ отъ усмотрѣнія
ліонныхъ командировъ. Никому въ голову не приходитъ по
ваться этимъ совѣтомъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ,
томъ же уставѣ, интервалы и дистанціи опредѣлены въ ша
совѣтъ, совершенно раціональный, остается мертвой буквой
иначе быть не можетъ, ибо если извѣстное дѣло должно
исполняемо по усмотрѣнію начальника, то и въ уставѣ слѣд
это выразить, и дальше не идти, а не выставлять одинъ ка
либо случай какъ бы образцомъ, къ которому это усмотр
должно стремиться.

III.

Итакъ, нужно признать за истину, что, какъ только извѣс
дѣло по свойству своему не можетъ исполняться всегда од
ково, уставъ о немъ и трактовать не долженъ: всѣхъ случ
исполненія онъ не переберетъ, а тѣ, которые въ него попад
станутъ для исполнителей слишкомъ обязательными, т. е. изу
мыми, какъ и всякій законъ, не для соображенія, но для неук
наго исполненія. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣженъ подрывъ
мостоятельности, стремленіе въ дѣлѣ распоряжаться, не соо
жаясь съ обстоятельствами, а на основаніи устава, хотя бы

было и наперекоръ обстоятельствамъ. Если эта точка зрѣнія на уставъ вѣрна, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что роль устава въ примѣненіи къ расположенію и маневрированію совокупности баталіоновъ должна быть еще болѣе ограничена, и что не только уставный характеръ построеній, но даже самыя средства изъявленія воли начальника—команда, сигналъ—умѣстныя въ отношеніи одного баталіона, годятся весьма не во многихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о нѣсколькихъ баталіонахъ.

Дѣйствительно: главная причина, по которой уставъ можетъ дать основные типы сборныхъ строевъ баталіона, есть та, что баталіонъ въ подобныхъ строяхъ занимаетъ мало мѣста, вслѣдствіе чего всякая боевая случайность охватываетъ, такъ сказать, весь его составъ единовременно; кавалерійская атака грозитъ единовременно всему баталіону, случаи атаки на пѣхоту и отраженія этой атаки опять падаютъ на весь баталіонъ, а не на часть его. Понятно, что если весь составъ части находится въ одномъ и томъ же положеніи, то и форма строя, соотвѣтствующая положенію, должна быть симметрична и однообразна для всѣхъ частей баталіона. Нельзя допустить, напримѣръ, случая, чтобы въ то время, когда начальникъ развертываетъ баталіонъ для стрѣльбы, одна какая-либо его рота была поставлена въ необходимость атаковать противника въ штыки, и, наоборотъ, нельзя допустить, чтобы въ колоннѣ къ атакѣ, идущей въ штыки, какая-либо рота имѣла право развернуться для стрѣльбы. Разъ боевой порядокъ части, соотвѣтственно различнымъ положеніямъ, чаще бываетъ однообразенъ, чѣмъ разнообразенъ, понятно, что его можно и должно опредѣлить заблаговременно, т. е. уставнымъ путемъ.

Къ чему же баталіонный уставъ пришелъ, имѣя возможность опредѣлить заблаговременно всѣ боевые порядки цѣлаго баталіона? Пришелъ къ тому, что боевые порядки баталіона поставлены въ немъ между весьма широкими предѣлами: между тонкимъ развернутымъ строемъ съ одной стороны и глубокой колонною съ узкимъ фронтомъ съ другой; слѣдовательно, уставъ допускаетъ и всѣ промежуточныя формы. Что же изъ этого видно? А видно то, что и въ области устава признано, что боевыя расположенія даже малой части могутъ быть безконечно разнообразны, что изъ нихъ нѣтъ лучшаго на всѣ случаи, а всякое хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Придетъ ли кому-нибудь въ голову считать одинъ изъ боевыхъ порядковъ баталіона нормальнымъ, а остальныя отступленіемъ отъ нормы? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, когда дѣло дойдетъ до

боевыхъ порядковъ совокупности баталіоновъ, чуть не всякій исповѣдуетъ необходимость такой нормальной формы.

Но пойдемъ далѣе. Въ томъ же уставѣ для одной тактической единицы есть отдѣлъ, допускающій раздробленіе этой одной единицы на части меньшія: разумѣю отдѣлъ о ротныхъ колоннахъ. Въ этомъ отдѣлѣ первое, что́ бросается въ глаза, это—что баталіонъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, нежели въ сборныхъ баталіонныхъ строяхъ; второе—что баталіонный командиръ никакихъ исполнительныхъ командъ не подаетъ, а подаетъ только предварительныя, моментъ же начала исполненія предоставляетъ усмотрѣнію каждаго ротнаго командира. Произошло это оттого, что какъ только часть занимаетъ значительное пространство, нѣтъ такихъ боевыхъ случайностей, которыя могли бы разомъ охватить ее всю. Для поясненія этого, положимъ, что одной изъ ротъ первой линіи грозитъ кавалерійская атака; ротамъ же второй линіи и даже другой ротѣ первой линіи эта атака не грозитъ. И точно также во всѣхъ боевыхъ явленіяхъ: одна рота можетъ атаковать, между тѣмъ какъ сосѣдняя ей рота будетъ находиться въ пассивно-оборонительномъ положеніи, и т. под.

Итакъ, начало, на основаніи котораго уничтожены исполнительныя команды въ отдѣлѣ ротныхъ колоннъ, можно формулировать такъ: роты, расположенныя на значительныхъ интервалахъ и дистанціяхъ другъ отъ друга, не могутъ находиться совершенно въ одинаковомъ положеніи; слѣдовательно, баталіонный командиръ можетъ указать имъ цѣль для достиженія, но минуты, въ какую именно начать извѣстное движеніе или дѣйствіе, и средствъ, какими цѣль можетъ быть достигнута, указать не можетъ, ибо это каждый ротный командиръ долженъ опредѣлить самъ—въ зависимости отъ обстановки, въ которой находится его рота и которой баталіонный командиръ можетъ и не знать.

Къ сожалѣнію, такое начало проведено въ уставѣ не совсѣмъ послѣдовательно, и это заставляетъ вдаться въ нѣкоторыя разсужденія, которыя, въ противномъ случаѣ, были бы излишни. Если при расположеніи въ ротныхъ колоннахъ баталіонный командиръ не можетъ взять на себя выбора мгновенія для начала движенія, то тѣмъ менѣе онъ можетъ взять на себя огульное опредѣленіе строевъ, въ которыхъ роты должны располагаться. Ротѣ первой линіи грозитъ, напримѣръ, кавалерійская атака, и она строитъ каре; рота, стоящая за нею уступомъ во второй линіи и атакѣ неподвергающаяся, не только можетъ, но и должна развернуться, чтобы дать болѣе сильный залпъ. Много можно представить по-

добныхъ примѣровъ, показывающихъ, что, при толковомъ взглядѣ на дѣло, не кто другой, какъ только ротный командиръ можетъ опредѣлить строй своей роты и что, слѣдовательно, при расположеніи баталіона въ ротныхъ колоннахъ, всѣ роты его почти всегда должны находиться въ разныхъ строяхъ.

Этотъ не договоръ въ уставѣ повелъ къ тому, что строй въ полувзводныхъ колоннахъ сталъ для ротъ какъ бы нормальнымъ, и убѣжденіе, что всѣ роты должны находиться въ одномъ и томъ же строю, до такой степени сильнымъ, что бывали примѣры, какъ роты, занимавшія укрѣпленіе, строили каре, потому что на равнинѣ, прилегающей къ укрѣпленію, былъ подаваемъ сигналъ строить кучки. Можетъ быть, скажутъ, что это—непониманіе дѣла ротными командирами. У насъ входитъ въ моду все валить на неразвитость людей, на несмѣтливость офицеровъ; а поставлены ли они въ такое положеніе, чтобы ихъ смѣтливость вырабатывалась, до этого дѣла нѣтъ. Попробуемъ же разобрать дѣло съ этой послѣдней точки. Положимъ, вы ротный командиръ; вамъ ежедневно твердятъ на ученьяхъ, что по сигналу «строить кучки» вы должны строить ротное каре, и ни разу не говорится о случаяхъ, когда его не слѣдуетъ строить, несмотря ни на какіе сигналы или команду. Выходите вы на маневръ, твердо усвоивъ истину, что по сигналу строить кучки слѣдуетъ строить каре: само собою разумѣется, что вы его построите, гдѣ бы ни находились; построите и потому, что услышите завѣтный сигналъ, и потому еще, что вы не допускаете мысли, будто можно не построить каре, когда другіе его строятъ. Кто это возьметъ въ разсчетъ, тотъ едва-ли броситъ упрекъ несмѣтливости и неразвитости тѣмъ, которыхъ и не думали развивать. Человѣкъ дѣлаетъ то, что привыкъ дѣлать. Вы пріучаете его къ однообразію, и онъ стремится къ нему потомъ, на зло здравому смыслу, на зло всему; пріучайте человѣка смотрѣть, что однообразіе въ бою самое пустое и послѣднее дѣло, а важное выбрать строй по мѣстности и другимъ обстоятельствамъ—и ему въ голову не придетъ смотрѣть на то, въ какомъ строю стоитъ его сосѣдъ, а будетъ онъ думать о томъ, въ какомъ строю ему самому стать лучше.

Итакъ, и изъ баталіоннаго ученія видно:

1) Что, строго говоря, боевые порядки даже одного баталіона безконечно видоизмѣняемы.

2) Что какъ только баталіонъ раздѣляется на роты, баталіонный командиръ можетъ заботиться о томъ только, въ одну или въ двѣ линіи роты поставить, и если въ двѣ, то одну или двѣ роты отдѣлить во вторую линію; затѣмъ опредѣлять, въ какомъ

строю каждая рота станетъ, онъ не можетъ и не долженъ: это дѣло уже командира той роты.

3) Что даже и въ примѣненіи къ одному баталіону, разъ онъ не въ массѣ, исполнительная команда не допускается.

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ примѣняются эти начала къ расположенію совокупности баталіоновъ.

Чѣмъ отрядъ больше, тѣмъ на большее пространство разбрасывается его боевой порядокъ, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе будутъ частныя случайности, дѣйствующія на ту или на другую часть боеваго порядка, но тѣмъ менѣе возможна такая случайность, которая охватила бы весь боевой порядокъ. Вслѣдствіе этого, разнообразіе боевыхъ порядковъ, замѣчаемое даже въ примѣненіи къ одной тактической единицѣ, повторится неизбѣжно и здѣсь, но только въ степени несравненно сильнѣйшей. Возьмемъ первую боевую линію: одинъ баталіонъ пришелся на мѣстности, удободоступной для кавалеріи, но дающей закрытіе отъ огня: онъ расположится въ колоннѣ къ атакѣ; мало того: онъ нуждается въ поддержкѣ—въ баталіонѣ, за нимъ во второй линіи поставленномъ. Другой пришелся за какимъ-нибудь недоступнымъ ни для пѣхоты, ни для кавалеріи мѣстомъ—ни его атаковать, ни онъ атаковать не можетъ: и онъ разсыпаетъ длинную цѣпь, растягивается за нею въ одну линію ротныхъ колоннъ и въ частномъ резервѣ не нуждается. Третій—пришелся на мѣстности пересѣченной, но доступной для атакъ пѣхоты, и онъ станетъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ и будетъ нуждаться также въ частномъ резервѣ. Итакъ, въ отрядѣ мало-мальски значительномъ всякое звено боеваго порядка будетъ имѣть свой особый боевой порядокъ, не въ видахъ разнообразія, но для пользы дѣлу, для экономіи силъ для того, чтобы, не ставя лишнихъ войскъ за недоступными мѣстами, имѣть возможность сосредоточить ихъ больше за доступными. Принимая въ разсчетъ, что всякая норма не можетъ не быть симметрична, спрашивается, есть ли тутъ хоть малѣйшая возможность придумать норму сколько-нибудь годную? Едва-ли найдутся безстрашные, которые скажутъ: есть! а если и скажутъ, то должны въ то же время признать, что имъ дорого не дѣло, а внѣшность; должны признать, будто они думаютъ, что непріятеля можно побить одной красивой формой расположенія. Какую норму можно придумать для всѣхъ частей боеваго порядка, въ которомъ всякое звено *) располагается гдѣ въ одну, гдѣ въ двѣ, гдѣ даже

*) Подъ звеномъ боеваго порядка разумѣется каждый баталіонъ первой линіи со своимъ частнымъ резервомъ, поставленнымъ во второй линіи.

ь три линіи въ самыхъ боевыхъ линіяхъ, не считая общаго
езерва?

Эта неизбѣжность безконечнаго разнообразія звеньевъ боеваго
орядка примѣняется съ неменьшею очевидностію и къ виду об-
аго боеваго порядка всего отряда, такъ какъ исторія показы-
ветъ, что, по обстоятельствамъ, онъ представляетъ всѣ возмож-
ые варіянты, начиная съ растянутаго въ одну линію и кончая
асположеніемъ въ глубокихъ колоннахъ.

Для подтвержденія этого въ примѣрахъ нѣтъ недостатка: Ланнъ
одъ Фридландомъ вытягивается въ одну линію—и по необходи-
ости казаться сильнѣе чѣмъ онъ былъ, и по убѣжденію, что Бе-
игсенъ, подверженный слабости дѣлать изъ мухи слона, приметъ
ирму за дѣло и не попытается заглянуть есть ли что-нибудь за
ой ширмой, или нѣтъ.

Макъ-Магонъ подъ Маджентой дерется въ двухъ линіяхъ безъ
езерва, потому что въ бой вступилъ уже тогда, когда ни на ка-
я неожиданныя предпріятія со стороны австрійцевъ онъ разсчи-
ывать не могъ, слѣдовательно въ общемъ резервѣ не нуждался,
между тѣмъ шелъ въ атаку, слѣдовательно долженъ былъ при-
ять мѣры, чтобы баталіоны, непосредственно для нея назначен-
ые, имѣли за собою поддержку, т. е. линію частныхъ резервовъ.

Тотъ же Макъ-Магонъ подъ Сольферино располагается перво-
ачально въ одну линію съ общимъ резервомъ, ибо поставленъ
ь необходимость занять растянутую оборонительную позицію и
ри обстоятельствахъ еще неразъяснившихся. Не имѣя намѣренія
аковать, онъ отказывается отъ частныхъ резервовъ и употре-
яетъ ихъ для продолженія боевой линіи; а для того, чтобы па-
ировать возможныя случайности, онъ сохраняетъ общій резервъ.

Въ ту же кампанію, подъ Монтебелло, Форе дерется въ одну
нію, ибо силъ у него мало, волею-неволею приходилось ставить
е на карту, и это было тѣмъ болѣе разумно, что австрійцы,
ѣровавшіе въ безусловное постоянство двухъ линій съ резер-
омъ, подставляли ему свои силы подъ удары по частямъ, даже
е подумавъ подавить его своимъ превосходствомъ въ силахъ,
отребивъ сразу значительную часть ихъ.

Что касается до употребленія двухъ линій съ резервомъ, то
римѣры его можно насчитать десятками, и потому мы здѣсь не
риводимъ ни одного, тѣмъ болѣе, что у насъ замѣчается пре-
обладающее стремленіе не противъ, а въ пользу исключительнаго
отребленія этой формы.

Наконецъ, расположеніе Наполеона во всѣ три дня боя у Ар-
юле представляетъ боевой порядокъ, имѣющій видъ нѣсколькихъ

глубокихъ колоннъ. Возразятъ, можетъ быть, что подъ Ар
иначе какъ въ глубокихъ колоннахъ нельзя было драться. Со
шенно такъ; но дѣло именно въ томъ и заключается, чтобы
дѣть это «нельзя», а его можетъ видѣть только тотъ, который
мирнымъ обученіемъ, ни собственнымъ пристрастіемъ не расп
ложенъ признавать одной какой-либо формы за наилучшую. П
полагая, что Наполеонъ сформировался бы на какихъ-нибудь
мальныхъ порядкахъ, онъ никогда бы и не подумалъ перен
поле сраженія на гати, пролегающія по невылазному болоту.

Изъ сказаннаго видно, что принципъ какъ для баталі
такъ и для многихъ баталіоновъ остается одинъ и тотъ же,
что боевые порядки могутъ представлять всѣ возмож
варіянты, отъ тонкаго растянутаго строя до глубокой
лонны, и съ этой точки лица, принимавшія четыре нормаль
порядка, все-таки послѣдовательнѣе, чѣмъ отстаивающія од
тѣ все же допускали хоть намекъ на то, что боевые пор
должны быть разнообразны, и если грѣшили, то развѣ тѣмъ,
остановились на четырехъ, между тѣмъ какъ съ равнымъ пра
они могли бы остановиться и на 400, и на 40,000 боев
формъ. Однимъ словомъ, предѣла тутъ быть не можетъ для
кто задается мыслію привести къ нормамъ то, что не допуск
никакихъ нормъ.

Чему же приписать желаніе остановиться на одной или
нѣсколькихъ формахъ тамъ, гдѣ ихъ безчисленное множес
Прежде всего тому, что ихъ хотѣли подчинить правиламъ уст
но какъ уставъ для всѣхъ боевыхъ порядковъ правилъ дат
можетъ, то и останавливается на нѣсколькихъ. Эти привиле
ванныя формы становятся главными, а на остальныя мало
малу начинаютъ смотрѣть какъ на уродство, какъ на отступ
ніе отъ закона. Кажется, непониманіе того, что этого дѣла
ставить нельзя, очевидно.

IV.

Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что въ бою ка
либо однообразный и постоянный порядокъ немыслимъ, слѣд
тельно не должно его допускать и при мирномъ обученіи вой
Но человѣчество такъ сформировано, что на доказательствѣ
наго пункта остановиться нельзя: найдутся неизбѣжно особи,
торыя, подчиняясь стремленію отстоять то, къ чему они прив
приводятъ частности, по ихъ мнѣнію, говорящія въ пользу п

та ихъ обожанія, и воображаютъ, что ими опрокидываютъ основ-
й доводъ. Займемся же этими частностями.

Говорятъ, напримѣръ, такъ: нормальный порядокъ пріу-
ѣтъ войска къ быстрому и ловкому исполненію команды;
легчаетъ построеніе боеваго порядка, ибо если даже,
ри этомъ построеніи, части и не совершенно придутся
ъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть должны, ихъ можно потомъ
еревести на эти мѣста; нормальный порядокъ даетъ на-
альнику легкое средство изготовиться къ бою при не-
киданномъ появленіи непріятеля, ибо стоитъ произнести
ротенькую команду, и боевой порядокъ будетъ построенъ;
сутствіе нормальныхъ порядковъ требуетъ отъ частныхъ
ачальниковъ такой степени самостоятельности, какой
ни не представляютъ, и т. под.

Слова, слова и слова, должны на это сказать мы; или: яр-
ки, ярлыки и ярлыки, за которыми нѣтъ и тѣни правильнаго
редставленія о томъ, что и какъ въ бою дѣлается. Разберемъ по
орядку эти ярлыки.

«Нормальный порядокъ даетъ средство къ быстрому и лов-
му исполненію командъ войсками», въ дѣлѣ, въ которомъ
оманда немыслима при боевой обстановкѣ, прибавимъ мы.
го можетъ покажется удивительнымъ, а между тѣмъ оно такъ,
если у насъ не сознается, то потому только, что мы судимъ
о мирнымъ ученьямъ о томъ, какими средствами войска можно
иводить въ движеніе и въ дѣйствіе на дѣлѣ. Перенесемся мыслію
ъ военную обстановку. Положимъ, что идетъ только полкъ съ ба-
рей въ походной колоннѣ. Займетъ онъ въ глубину не менѣе
рсты, и то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е.
и широкой и хорошей дорогѣ, при свѣжихъ силахъ людей.
явъ это въ разсчетъ, спрашиваетя: гдѣ найдется человѣкъ на
олько голосистый, чтобы его команда слышна была на версту?
сли такіе феномены рѣдки, то становится яснымъ, что команда
ъ этомъ случаѣ является средствомъ несостоятельнымъ и должна
ыть замѣнена приказаніемъ, посылаемымъ черезъ адъютантовъ
ли ихъ замѣняющихъ. И необходимо замѣтить при этомъ, что въ
казанномъ случаѣ о боѣ и рѣчи еще нѣтъ, Что же выйдетъ,
огда возьмемъ положеніе боевое? выйдетъ, что не только въ при-
ѣненіи къ совокупности баталіоновъ, но даже и въ примѣненіи
ъ одному баталіону команда иногда представляется средствомъ
ля изъявленія воли начальника далеко неудовлетворительнымъ.
ричины тому слѣдующія: шумъ и суматоха боя рѣшительно дѣлаютъ
евозможнымъ слышать всякую команду даже въ одномъ баталіонѣ,

раздѣленномъ на ротныя колонны, не говоря уже о двухъ и
лѣе баталіонахъ.

Въ баталіонномъ ученьи, какъ уже сказано, это имѣлось
виду и выразилось уничтоженіемъ исполнительной команды ба
ліоннаго командира при порядкѣ въ ротныхъ колоннахъ; но
бою, какъ оказывается, и предварительная даже для одного ба
ліона не всегда возможна и должна уступать мѣсто приказан

Это резонъ внѣшній, или матеріальный, несостоятельнос
команды въ бою относительно совокупности баталіоновъ; но е
резонъ болѣе важный, резонъ, показывающій несостоятельнос
этого средства въ самомъ духѣ или въ идеѣ его.

Что такое команда? Команда есть фраза обыкновенной че
вѣческой рѣчи, сокращенная до невозможности, выражающая
мысль начальника, а только намекъ на нее. Если я, напримѣ
скомандовалъ: равненіе на середину, шагомъ маршъ, то н
изъ этого никто изъ моихъ подчиненныхъ не пойметъ еще, ку
именно и зачѣмъ я ихъ веду, между тѣмъ какъ знать, что
бираемся сдѣлать, составляетъ въ бою первостепенное услов
первостепенное потому, что если даже начальникъ и будетъ уби
никто не потеряется, ибо всякому извѣстна его мысль. Пр
ставьте себѣ баталіонъ, которому, идя въ атаку на деревню,
чальникъ не сказалъ, что имѣется въ виду атаковать деревню,
только прокомандовалъ равненіе и проч.: баталіоннаго команди
убили, и баталіонъ, будь онъ хоть наихрабрѣйшій, неминуе
смѣшается.

При обратномъ предположеніи, всякій человѣкъ въ баталіо
знаетъ, что именно нужно взять, и хотя бы нѣсколько начальн
ковъ, одинъ за другимъ, были убиты, онъ все-таки не лишает
возможности исполнить свое назначеніе. Въ этомъ разгадка
воровскаго пріема обученія, которымъ требовалось имѣть для ат
непремѣнно видимую цѣль и предупреждать о ней часть. Зам
тимъ еще одну особенность командъ: ими равненіе назначает
куда-нибудь въ сторону, т. е. вниманіе людей притягивается
въ направленіи непріятеля, а туда, гдѣ его нѣтъ. Назначе
равненія, положимъ, необходимо для стройности движенія; е
командѣ предшествуетъ приказаніе, вы притягиваете вниманіе и
чиненныхъ къ сущности предстоящаго дѣла; не отдали прика
нія, и этому вниманію дается единственная, и при томъ са
послѣдняя, несущественная въ бою цѣль, ибо въ бою нужно р
няться не по крайнему или среднему, а по переднему, к
училъ Суворовъ.

Итакъ, даже при дѣйствіяхъ одной части, даже въ томъ с

вѣ, гдѣ команда дополняется личнымъ примѣромъ начальника, риказаніе неизбѣжно должно предшествовать командѣ. Не трудно онять, что когда дѣло идетъ о движеніяхъ и дѣйствіяхъ совоупности баталіоновъ, командой ничего нельзя выразить такъ, тобы васъ поняли. Дѣйствительно: можно ли опредѣлить порядокъ остроенія частей для боя? Нѣтъ невозможно, ибо всякая изъ ихъ въ боевыхъ линіяхъ построится въ свой особый боевой орядокъ, который только случайно можетъ быть одинаковъ съ оевымъ порядкомъ другой части. Можно ли дать сигналъ или оманду для атаки, не указавъ что должно атаковать? Подобный опросъ даже страненъ: до такой степени немыслимо обойтись ъ этомъ случаѣ безъ приказанія. Въ баталіонахъ команда могла ыть дополнена хотя личнымъ примѣромъ; для начальника совоупности баталіоновъ личный примѣръ, кромѣ особенно важныхъ лучаевъ, невозможенъ, ибо если начальникъ займется однимъ баліономъ, то упуститъ изъ виду всѣ остальные.

Изъ этого кажется, можно вывести заключеніе, что команда емыслима при дѣйствіяхъ и движеніяхъ въ бою нѣсколькихъ баліоновъ. Въ австрійскомъ уставѣ однимъ изъ основныхъ принповъ при маневрированіи нѣсколькихъ баталіоновъ принято, тобы всѣ распоряженія передавались не иначе, какъ посредствомъ риказаній. Принявъ въ соображеніе сказаное, всякій пойметъ, го иначе и быть не должно.

Вотъ резоны, по которымъ мы считали себя вправѣ къ аргуенту: «нормальный порядокъ даетъ практику войскамъ ь быстромъ и ловкомъ исполненіи командъ», прибавить: ь дѣлѣ, въ которомъ употребленіе команды въ бою немыслимо.

Но, можетъ быть, хоть оно и непримѣнимо въ бою, за то олезно въ смыслѣ упражненія войскъ въ быстротѣ и подвижости? Совершенно такъ! но вѣдь для этого и существуетъ, такъ азываемое, линейное ученье, которое даетъ возможность нальнику повѣрить баталіоны въ томъ, знаютъ ли они свое дѣло, акъ каждый въ отдѣльности, такъ и по отношенію къ другимъ аталіонамъ. При этомъ понятны какія угодно перестроенія и двиенія, не исключая и огульнаго перестроенія всѣхъ баталіоновъ ь одинъ какой-либо строй. Собственно это не бригадныя, полкоыя или дивизіонныя ученья, а баталіонныя ученья нѣсколькихъ аталіоновъ, для повѣрки послѣднихъ въ томъ, умѣютъ ли они: троить различные строи, становиться другъ отъ друга на опредѣленныхъ начальникомъ дистанціяхъ и интервалахъ, и проч. Тактическая цѣль тутъ немыслима: съ тактической точки опредѣеніе старшимъ начальникомъ строевъ баталіона, опредѣленіе дви-

женій по знаку сабли (что не допускается даже при маневрированіи въ ротныхъ колоннахъ одного баталіона) составляютъ полнѣйшую несообразность.

Кажется, подобныхъ ученій довольно для того, чтобы утвердить баталіоны въ уставной части; мы же скажемъ, что не только довольно, а слишкомъ довольно, ибо часто производимыя линейныя ученья неминуемо пріучаютъ къ однообразію и вселяютъ баталіоннымъ командирамъ непреоборимое поползновеніе построиться въ одинъ строй съ сосѣдомъ.

Если это такъ, если уставная часть достаточно можетъ быть изучена на линейныхъ ученьяхъ, то само собою понятно, что странно вводить исполненіе по командамъ въ отдѣлъ о боевыхъ порядкахъ, который уже есть конечное приготовленіе войскъ къ маневрированію при боевой обстановкѣ, слѣдовательно долженъ быть подчиняемъ и условіямъ этой обстановки. А если команда при построеніи въ боевой порядокъ немыслима, то немыслима какая-либо заблаговременно установленная для него форма. Если вамъ приходится разсылать приказанія, такъ лучше сразу построить тотъ боевой порядокъ, который по обстоятельствамъ лучше.

Перейду ко второму аргументу: «Нормальный порядокъ, допуская исполненіе сложнаго построенія по коротенькой командѣ, облегчаетъ переходъ въ боевой порядокъ, ибо даже если части и не совершенно придутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть должны, ихъ можно потомъ перевести на эти мѣста».

Во-первыхъ, странно какому-нибудь баталіону пройти, напримѣръ, сто шаговъ вправо для того, чтобы потомъ тѣ же сто шаговъ пройти влѣво. Не лучше ли сразу занять то мѣсто, которое по здравому смыслу занять слѣдуетъ?.

Во вторыхъ, заниматься начальнику совокупности баталіоновъ перестановкой тѣхъ изъ нихъ, которые не придутся на должныхъ мѣстахъ, не приходится: это то же, что баталіонному командиру, на ученьи всего баталіона, заниматься исправленіемъ стойки—невоздержность, запрещаемая даже уставомъ. Если баталіонный командиръ не хорошо занялъ позицію, онъ не знаетъ значитъ своего дѣла, и такого нужно поправить, а не брать его роли на себя, занимаясь переводомъ его части на должное мѣсто. При нормальномъ порядкѣ, подобный незнающій своего дѣла командиръ находитъ готовую защиту своего незнанія въ буквальномъ исполненіи уставныхъ правилъ, установленныхъ для построенія этого порядка.

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ уставъ является самымъ надежнымъ оплотомъ равнодушія къ своему дѣлу, непониманія его.

Въ-третьихъ, имѣя въ виду и постепенность власти, и несостоятельность команды въ бою, не лучше ли начальнику, не торопясь командовать, отдать приказанія непосредственнымъ своимъ подчиненнымъ на счетъ того, что они должны дѣлать со своими частями, напримѣръ, въ дивизіи бригаднымъ командирамъ? Эти послѣдніе, осмотрѣвъ участокъ позиціи, который должны занять, отдадутъ соотвѣтствующія приказанія полковымъ командирамъ, а эти баталіоннымъ, и только каждый изъ послѣднихъ долженъ пріискать выгоднѣйшій порядокъ для своей части, объяснивъ ей также назначеніе, на нее возложенное. При такомъ условіи всякій будетъ знать, какую роль долженъ исполнить для достиженія общей цѣли, указанной главнымъ начальникомъ, что немыслимо при командѣ: стройся въ такой-то порядокъ, которая, если ее даже и всѣ услышатъ, опредѣлитъ, на какихъ дистанціяхъ, интервалахъ и въ какомъ строю стать, но о томъ, что предстоитъ дѣлать, не дастъ ни малѣйшаго намека.

«Сколько разговоровъ!» вѣроятно, возразятъ нѣкоторые. Да, будетъ много разговоровъ, и даже пустыхъ, если начальникъ, привыкнувъ только командовать, потеряетъ способность отдавать приказанія ясно, кратко и энергически; если же этой способности дана была практика въ мирное время, разговоры длинны не выйдутъ, дадутъ въ результатѣ толковое, сознательное, а не механическое исполненіе, ибо всякій пойметъ, чего отъ него хотятъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что такъ будетъ нарушенъ секретъ. Поздно нарушать его виду непріятеля; да и странно дѣлать для исполнителей секретъ изъ того, что они должны исполнить. Это то же, что предложить человѣку на разрѣшеніе вопросъ въ родѣ слѣдующаго: скажи мнѣ, что написано на извѣстной мнѣ страницѣ книги, которую я задумалъ? Согласитесь сами, смѣшно. Суворовъ смотрѣлъ на значеніе секрета въ этомъ дѣлѣ иначе; вотъ что онъ говоритъ въ своей инструкціи австрійцамъ:

«Не довольно, чтобы одни главные начальники были извѣстны о планѣ дѣйствія: необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать; его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ».

А если воинъ долженъ понимать свой маневръ, то само собою разумѣется, что онъ можетъ понять его только изъ приказанія, а не изъ команды. Вотъ какъ смотрятъ на эти вещи геніальные военные практики; вотъ отчего у нихъ войска дѣлаютъ свое дѣло хорошо.

Построеніе боеваго порядка по командѣ и потому еще опасно, что располагаетъ начальниковъ, воспитанныхъ по мирной системѣ, думать, будто съ ихъ стороны всѣ распоряженія сдѣланы, разъ команда произнесена; и въ этомъ главная причина путаницы и безтолковщины, бывающей въ бою. Да ея не можетъ и не быть: вообразите себѣ войска, которыя, вмѣсто приказанія что дѣлать, получаютъ только приказаніе, въ какомъ строю, на какихъ дистанціяхъ и интервалахъ имъ расположиться....

Имѣя это въ виду, можно сказать положительно, что если бы даже боевые порядки и не были такъ безконечно разнообразны, какими они представляются въ дѣйствительности, если, бы даже человѣкъ и былъ въ состояніи крикнуть на разстояніе, напримѣръ, версты, то и тогда бы не слѣдовало допускать построенія по командѣ. Въ мирное время это, конечно, удобно: не потому ли такъ и отстаиваютъ систему нормальныхъ порядковъ?... Нельзя не согласиться, что такое соображеніе не послѣдней важности: если нѣтъ нормальнаго порядка — поди-ка выдумывай свой боевой порядокъ, за который еще пожалуй въ шапку попадетъ. Согласитесь сами, неудобно; то ли дѣло, не ломая головы, скомандовать: «стройся въ боевой порядокъ!» — и цѣль достигнута, и замѣчанія никто не можетъ сдѣлать... Да какъ же и сдѣлать его за исполненіе того, что написано въ уставѣ?

Но хорошо ли пріучать войска, назначаемыя для боя, къ тому, что удобно на мирныхъ ученьяхъ, а тамъ непримѣнимо, это вопросъ, который, кажется, заслуживаетъ тоже вниманія. Возьмемъ въ параллель два приказанія: «станьте тамъ-то въ колоннѣ къ атакѣ», какъ обыкновенно говорится въ мирное время; и другое «станьте тамъ-то и удержитесь во что бы то ни стало». Разница между двумя приказаніями вотъ какая: по первому, въ случаѣ позорнаго поведенія части, вы съ полнымъ правомъ можете ожидать отъ начальника ея такого оправданія: «я исполнилъ ваше приказаніе — сталъ въ колоннѣ къ атакѣ, гдѣ вы приказали»; вторымъ приказаніемъ вы ставите человѣка въ необходимость или исполнить приказаніе, или ожидать совершенно заслуженной кары: тутъ нѣтъ мѣста отговоркамъ, нельзя сослаться ни на колонну къ атакѣ, ни на ротныя, ни на какую-либо другую форму. Команда стройся въ боевой порядокъ, какъ уже выше показано, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ опредѣленія формы построенія.

«Существованіе нормальнаго порядка даетъ легкое средство начальнику изготовить свои войска къ бою при неожиданномъ появленіи непріятеля». Уже изъ сказаннаго видно, что нормальный порядокъ не даетъ этого средства: по-

строить какую-либо форму не значить еще изготовить войска къ бою; но даже предполагая, что въ построеніи боеваго порядка заключалось бы все изготовленіе къ бою, этотъ аргументъ въ пользу нормальныхъ порядковъ показываетъ въ представляющихъ его не совсѣмъ полное знакомство съ тактической азбукой. Нужно помнить, что даже разъѣзды безъ авангарда, арьергарда и бокового охраненія не ходятъ, а о значительныхъ отрядахъ и говорить нечего. Взявъ это въ разсчетъ, окажется, что неожиданность на войнѣ представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ она рисуется подъ впечатлѣніемъ мирно-военныхъ упражненій. Только въ мирное время мыслима неожиданность, требующая мгновеннаго перехода въ боевой порядокъ; въ военное же непріятель съ неба не падаетъ, способностію летать также не одаренъ, слѣдовательно всегда есть время распорядиться толково, каждому сказать не только то, гдѣ ему стать, но и что на томъ мѣстѣ дѣлать.

Итакъ, воображающіе, что переходъ въ боевой порядокъ на войнѣ можетъ быть необходимъ съ такою быстротой, какъ дѣлается напримѣръ, въ театрѣ перемѣна декорацій, не совсѣмъ понимаютъ дѣло, о которомъ говорятъ.

Какъ послѣ этого не сказать, что для многихъ и многихъ важны ярлыки дѣла, а не самое дѣло? Съ перваго взгляда кажется, что какъ будто и дѣло человѣкъ говоритъ: есть тутъ и непріятель, и неожиданное нападеніе—ужь чего, кажется, ближе къ бою?—а попригляднтеся внимательнѣе, и выходитъ, что это только слова, слова и слова....

Съ какой бы стороны ни разбирали мы нормальный порядокъ, все выйдетъ одно и то же: составляя его для боя, именно боя-то и не имѣли въ виду, а упоминали о немъ, такъ сказать, изъ приличія: нельзя же въ самомъ дѣлѣ, говоря о боевомъ порядкѣ, не поговорить и о боѣ! Какъ поговорить, это другой вопросъ.

А что боя въ виду тутъ не имѣлось, лучше всего показываетъ послѣдній изъ приведенныхъ аргументовъ, что «нормальный порядокъ не требуетъ самостоятельности въ частныхъ начальникахъ». Приводящіе этотъ резонъ говорятъ, что если этой самостоятельности нѣтъ, лучше прибѣгнуть къ такой формѣ, которую можно заучить заблаговременно, и затѣмъ уже строить ее, не думая. А можно ли драться не думая? Смѣетъ ли не думать тотъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе вопросовъ въ родѣ слѣдующаго; пожертвовать или нѣтъ въ данномъ случаѣ десяткомъ, сотней, тысячью жизней? Если нѣтъ, то въ мирное время нужно, кажется, хлопотать о томъ, чтобы несамостоятельнымъ начальникамъ давать возможно болѣе усиленную практику для размышленія, а не ста-

раться изо всѣхъ силъ избавить ихъ отъ необходимости размышлять.

И вотъ что значитъ человѣческая логика: резонъ, который одинъ достаточенъ для того, чтобы безвозвратно убить желаніе какой-либо нормы въ разбираемомъ вопросѣ, выставляется какъ аргументъ въ пользу этой нормы.... Невольно иногда пожалѣешь, что тактика не обезпечила себя хитрыми формулами отъ тѣхъ людей, которые, не изучивъ дѣла, даже не давъ себѣ труда подумать о немъ хорошенько, рѣшаютъ его на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній, которыя имъ кажутся внушеніями практическаго здраваго смысла.

Есть еще одинъ резонъ, который очень любятъ приводить защитники нормальнаго боеваго порядка, въ оправданіе своего стремленія подчинить въ построеніяхъ массъ все правиламъ, заранѣе всѣмъ извѣстнымъ и имѣющимъ характеръ закона: «многіе опытные генералы въ пользу нормальныхъ боевыхъ порядковъ», говорятъ иные. Дѣйствительно, были между боевыми генералами нѣкоторые, также стремившіеся къ нормѣ; но происходило это именно оттого, что они сами дѣйствовали безъ нормы и не извѣдали на себѣ ея мертвящаго вліянія, а между тѣмъ неудобства отсутствія нормы видѣли очень хорошо изъ собственной практики. Но что же не имѣетъ неудобствъ? И если смотрѣть на дѣло со стороны неудобствъ, то, кажется, нужно взвѣсить, гдѣ ихъ больше, а не указывать въ одной системѣ только на ея неудобства, а въ другой только на выгоды. Самый рѣзкій примѣръ подобнаго стремленія къ нормѣ, при нынѣшней тактикѣ, представляетъ, конечно, генералъ Дибичъ, которому приписываютъ мысль бывшихъ четырехъ нормальныхъ порядковъ; но къ чему привели эти порядки, показала практика, и, кажется, на столько ослзательно, что едвали въ ней можно найти хотя тѣнь оправданія нормы въ этомъ дѣлѣ.

Притомъ же примѣры подобнаго стремленія къ нормѣ людей дѣйствительно боевыхъ представляютъ исключенія крайне рѣдкія: гораздо болѣе боевыхъ людей, которые говорятъ такимъ образомъ: «Невозможно дать точныхъ правилъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ располагать свои силы для боя. Это расположеніе разнообразится въ зависимости: отъ числа и рода войскъ противника, отъ ихъ нравственнаго состоянія въ минуту дѣйствія, отъ характера войны и мѣстности, нравственныхъ свойствъ начальниковъ и наконецъ отъ предположенной цѣли» *). Приведенныя слова выражаютъ не лич-

*) См. Ordonnance sur le service des armées en campagne, titre XIII: «On ne peut guère fixer des règles précises sur la manière de disposer ses forces

ое чье-нибудь мнѣніе, а результатъ взгляда на дѣло цѣлой блистательной плеяды боевыхъ генераловъ Наполеона I. Позволяемъ себѣ имѣть скромную надежду, что защитники нормальныхъ порядковъ не откажутъ же этой компаніи въ нѣкоторой боевой опытности....

Изъ всего сказаннаго выводится слѣдующее заключеніе: уставъ не можетъ браться за опредѣленіе боевыхъ и походныхъ формъ совокупности баталіоновъ, потому, во-первыхъ, что уставъ даетъ тслько нормы, между тѣмъ какъ сказанныя формы безконечно разнообразны и не допускаютъ никакихъ нормъ; во-вторыхъ, что для полученія толковаго исполненія, начальникъ, имѣющій дѣло со многими частями, долженъ дѣйствовать на нихъ приказаніями, а не командой, заранѣе всѣмъ извѣстной; посылая же приказаніе, лучше прямо человѣку сказать, что онъ долженъ дѣлать, нежели сначала ему приказать перейти въ порядокъ, причный для дѣла.

Но чтобы это было еще осязательнѣе, представимъ примѣръ влеченія нормальной формой самый назидательный потому имено, что норма была сочинена не въ кабинетѣ, а взята изъ практики, и при томъ такого великаго учителя, какъ Наполеонъ. У его слѣдующею за баталіономъ строевою единицею была бригада.

Побригадно атакуетъ онъ праценскія высоты въ сраженіи подъ устерлицемъ; побригадно же располагается Мармонъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, и много можно насчитать другихъ подобныхъ примѣровъ, показывающихъ, что при дѣйствіи большихъ илъ онъ считалъ маневренной единицей бригаду. Строилась она ъ двѣ линіи съ резервомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было таковать или противодѣйствовать атакѣ. Типъ этого строя былъ лѣдующій: два баталіона въ первой линіи, два баталіона за ними ъ частномъ резервѣ и одинъ или два баталіона въ общемъ резервѣ. Къ этому нужно прибавить еще два важныя начала наполеоновской тактики: сильный резервъ и полное удобство смѣны и оддержки разстроенныхъ частей соотвѣтствующими имъ частными езервами. Австрійцы подмѣтили и сказанныя начала, и бригадный порядокъ, и приняли его за норму расположенія въ своемъ инейномъ ученьи, основанномъ во всемъ прочемъ на началахъ весьма раціональныхъ, какъ: независимость относительнаго расположенія баталіоновъ въ бригадѣ отъ по-

---

ette disposition varie en raison du nombre et de l'espèce des troupes opposées. leur état moral au moment où l'on se trouve, de la nature de la guerre, de lle du terrain, de la capacité des chefs, et enfin de l'objet qu'on se propose».

рядка ихъ нумеровъ, замѣну командъ приказаніями
маневрированіи массъ, большихъ одного баталіона. Т
другое, какъ не трудно понять, можетъ служить довольно сильн
средствомъ для вызова сообразительности частныхъ начальни
но нормальная форма обратила все это въ ничто.

Кампанія 1859 года застаетъ австрійскую армію въ то вре
когда она не только изучила, но даже переучила бригадный
вой порядокъ въ двѣ линіи съ резервомъ и увѣровала въ
чуть не какъ въ такой, что стоитъ его только построить, и
пріятель побѣжитъ. Вслѣдствіе такой вѣры въ превосходство
ной формы, расположенія австрійцевъ въ эту кампанію предс
вляютъ, всѣ безъ исключенія, одну общую характеристичес
черту—слабость боевыхъ линій, силу резервовъ; резервы нико
не употребляются значительными частями, а всегда по мелочи;
успѣлъ баталіонъ пострѣлять или сдѣлать демонстрацію ата
какъ его уже смѣняютъ другимъ, т. е. даютъ право думать,
онъ все сдѣлалъ что могъ, и что больше отъ него требовать нель
Результатъ всего этого долженъ быть, и дѣйствительно былъ оди
полное пораженіе при всякой встрѣчѣ. И не могло быть ина
ибо, благодаря бригадному строю и силѣ резервовъ, случаю
напримѣръ, подобныя расположенія: въ корпусѣ пять бригадъ
25 баталіоновъ; изъ нихъ двѣ назначаются въ боевыя линіи,
въ резервъ; каждая изъ бригадъ боевыхъ линій строится по
мѣ—въ двѣ линіи съ резервомъ. Въ результатѣ получается,
изъ 25 баталіоновъ на непосредственное отстаиваніе
зиціи употребляется всего четыре. А между тѣмъ норма,
торая повела къ подобной нелѣпости, дѣйствительно превосход
она сама по себѣ отвѣчаетъ наибольшему числу случайносте
обставлена при маневрированіи самымъ раціональнымъ образо
благодаря замѣнѣ командъ приказаніями, благодаря тому, что,
австрійскому уставу, всякій баталіонный командиръ есть пол
распорядитель боеваго порядка своего баталіона и пріученъ
смущаться отъ того, если будучи по нумеру, напримѣръ, 4-
онъ придется правѣе 2-го.

Вотъ къ чему ведетъ норма въ расположеніи; къ тому же
детъ она и въ дѣйствіи. Дѣйствуя по «правиламъ», нельзя
въ атаку, не подготовя ее предварительно огнемъ. Генералъ Жа
въ сраженіи при Палестро, въ ту же кампанію, зашелъ во фла
сардинской арміи, неожиданно для послѣдней; вмѣсто того, чт
тотчасъ же ударить въ штыки, онъ, по мирной нормѣ, выкат
батарею и началъ «подготовлять» атаку, но, на бѣду, потре
жилъ своими выстрѣлами 3-й полкъ зуавовъ, стоявшій бивуак

лу Палестро: зуавы собрались, ударили на австрійцевъ безъ
й подготовки, почти уничтожили бригаду и захватили 5 ору-
Вотъ разница между войсками, выученными «лучшимъ» спо-
ъ расположенія и дѣйствія, и другими, которыя не знаютъ
ихъ лучшихъ способовъ, а знаютъ, что въ бою всякій хо-
на своемъ мѣстѣ и въ свое время.
Іожетъ ли послѣ этого уставъ брать на себя опредѣленіе
ихъ порядковъ расположенія и дѣйствія, прошу судить чи-
я.

V.

Если форма боеваго порядка не подчиняется уставнымъ опре-
іямъ, то тѣмъ менѣе имъ можно подчинять маневрированіе
ихъ порядковъ. Но это также сдѣлано и также принесло из-
ные плоды: буквальное примѣненіе къ совокупности баталіо-
того, что вѣрно только относительно одного баталіона, и,
ствіе этого, полное противорѣчіе боевымъ условіямъ.
При нынѣшней тактикѣ, недопускающей сплошныхъ непрерыв-
линій—а только интервальныя, перерывчатыя—части, стоя-
въ одной линіи, почти никогда не могутъ подать помощи
другу холоднымъ оружіемъ, ибо слишкомъ далеко стоятъ
отъ другой, да и притомъ каждая должна заниматься тѣмъ,
аходится противъ нея со стороны непріятеля. Если онѣ не
ъ дать другъ другу штыковой помощи, если каждая изъ нихъ
аетъ сама по себѣ, то и безъ объясненій понятно, что тре-
іе отъ нихъ строгаго равненія не оправдывается никакимъ
мъ резономъ. Стоите ли вы въ 10, 20 шагахъ позади или
ди общей линіи, вы не лишаетесь возможности оказывать
ъ сосѣдямъ ту помощь, которую вы въ состояніи оказать изъ
т. е., поддерживаете ихъ своимъ огнемъ, занимаете непріяте-
кую часть, противъ васъ расположенную, слѣдовательно, мѣ-
е ей накинуться на кого-либо изъ вашихъ сосѣдей. Итакъ,
ой точки равненіе безполезно; а если принять во вниманіе
ички, внушаемыя стремленіемъ къ строгому равненію людямъ
альникамъ, то сразу окажется, что пріучать къ нему сово-
ость баталіоновъ не только безполезно, но положительно
о: позицій, вытянутыхъ въ струнку, въ природѣ нѣтъ, слѣ-
ельно, расположенія на нихъ всегда будутъ безъ «равне-
Кто привыкъ равняться, неизбѣжно будетъ стѣсненъ на
ціи тѣмъ, что выровняться ни по кому не можетъ. При
, помощи справа и слѣва ждать нельзя, такъ какъ въ пере-

рывчатыхъ порядкахъ она можетъ придти только сзади; слѣдовательно, части, расположенной въ 1-й линіи, при атакѣ опять нечего взглядываться направо и налѣво, а должно лѣзть какъ можно рѣшительнѣе впередъ. Кто привыкъ равняться, тотъ не посмотритъ на дѣло съ этой точки, тотъ и при атакѣ будетъ равняться, и притомъ по заднимъ, а не по переднимъ, ибо и въ мирное время пріучаютъ не къ тому, чтобы отставшіе догоняли, а къ тому, чтобы опередившіе пріостанавливались. Не правда ли, отличная обстановка для развитія порыва, на которомъ все держится въ атакѣ?... Въ чемъ же разгадка этой, такъ послѣдовательно сложившейся, антибоевой системы веденія большихъ ученій? Разгадка опять въ томъ, что въ эти ученья безсознательно перенесли все то, что дѣлается въ одномъ баталіонѣ, и тамъ умѣстно; въ томъ, что эти ученья обуставили, между тѣмъ какъ ихъ слѣдовало подчинить, и то самой широкой, тактической инструкціи.

Въ уставъ для баталіона введено, и совершенно основательно, равненіе по одной изъ точекъ, избранныхъ въ самомъ фронтѣ баталіона; другими словами: введено, чтобы баталіонъ равнялся или на флангъ, или къ серединѣ. Привычка къ этому важна въ людяхъ, составляющихъ баталіонъ, если не въ боевомъ, то въ образовательномъ смыслѣ, но все же важна, ибо если извѣстное число людей назначено составлять одну массу, способную двигаться и дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ, то всякое средство, пріучающее ихъ къ тому, должно быть употреблено въ дѣло, въ томъ числѣ и равненіе. Часть, сплоченную въ одно цѣлое при помощи этихъ средствъ, люди которой пріучены держаться въ рядяхъ, нетрудно будетъ тому, кто энергиченъ и понимаетъ дѣло, заставить въ бою равняться не направо или налѣво, а по переднимъ, т. е. по тѣмъ, которые, при атакѣ, больше рвутся впередъ.

Если въ баталіонѣ равняются налѣво и направо, то отчего же и многимъ баталіонамъ, поставленнымъ въ линію, точно также не равняться? Уставъ одинъ, и, слѣдовательно, нельзя нарушать въ четвертой его части того, что предписывается въ третьей и въ предъидущихъ. Какъ видите, выводъ совершенно логическій, разъ допущено, что уставъ возможенъ для совокупности баталіоновъ. А какія понятія и привычки вырабатываетъ система, построенная на этомъ логическомъ выводѣ, показано выше.

Но это еще не все. Переносъ баталіоннаго равненія въ линейное ученье извратилъ и понятіе о непосредственныхъ подкрѣпленіяхъ боевой линіи, обратилъ ихъ изъ частныхъ резервовъ этой линіи во вторую линію, т. е. въ нѣчто цѣлое, почти не-

ависимое отъ первой. Въ опроверженіе этого нельзя сослаться на отъ параграфъ, гдѣ говорится, что она назначена для поддержки ервой линіи: этотъ параграфъ обращенъ въ ничто и названіемъ вторая линія», и правилами, установленными для ея маневрированія. Слово ничего не значитъ; значитъ дѣло, которое за нимъ крывается и которое зачастую бываетъ противоположно слову. дѣло заключается вотъ въ чемъ:

Во-первыхъ, существуетъ начальникъ 2-й линіи, слѣдовательно, на считается чѣмъ-то самостоятельнымъ.

Во-вторыхъ, въ ней назначается равненіе по среднему баліону, слѣдовательно, командиры баталіоновъ 2-й линіи смотрятъ е впередъ, не на свой баталіонъ 1-й линіи, а направо или лѣво.

Въ-третьихъ, для второй линіи назначена дистанція, на которой она должна находиться отъ первой, пока не получитъ приказанія идти впередъ, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ эта дистанція предѣляется разстояніемъ непріятеля до нашей первой линіи и ѣстностію: непріятель близко къ моему баталіону 1-й линіи, и я олженъ подвести свой ближе; непріятель далеко, и я могу стоять альше отъ 1-й линіи, чтобы меньше терпѣть отъ огня. Мѣстность йствуетъ точно также: за однимъ баталіономъ первой линіи есть крытіе шагахъ въ пятидесяти, и его частный резервъ располаается за этимъ закрытіемъ; за другимъ баталіономъ открытая ѣстность, непріятель отъ него далеко, и частный резервъ этого аталіона можетъ держаться отъ него шагахъ въ 500, 600.

Изъ этого видно, что въ дѣлѣ и положеніе противника, и ѣстность рвутъ такъ называемую вторую линію въ клочки и треуютъ другой, болѣе разумной, связи между каждымъ баталіоомъ первой линіи и за нимъ стоящимъ во второй. А если та связь единственно разумная, то какая-либо норма для дистаній немыслима; немыслимо также и названіе «второй линіи», а лѣдуетъ замѣнить его терминомъ «частные резервы боевой линіи».

Въ-четвертыхъ, на мирныхъ ученьяхъ смѣна дѣлается всею иніей, а не побаталіонно; по приказанію старшаго начальника, не по усмотрѣнію каждаго баталіоннаго командира; слѣдовательно, торая линія принимается въ мирной практикѣ чѣмъ-то независимымъ отъ первой линіи.

Кто смотритъ на части второй линіи какъ на частные резервы первой, тотъ не ограничится коротенькой замѣткой, что вторая линія назначается для поддержки первой, а проведетъ эту мысль послѣдовательно и въ расположеніяхъ, и въ маневрированіи; тотъ не назначитъ общаго начальника второй линіи, а подчинитъ части

ея командирамъ частей первой боевой линіи; тотъ даже на ро
мѣстности не только не потребуетъ равненія отъ частныхъ ре
вовъ, а иному охотнику до равненія, пожалуй, и напомнитъ,
его вниманіе должно быть приковано къ своему баталіону пе
линіи, а не къ тому, чтобы стоять на одной высотѣ съ часть
резервами другихъ баталіоновъ.

Наконецъ, кто пойметъ, что въ примѣненіи къ ученію с
кушности баталіоновъ уставъ немыслимъ, тотъ откажется отъ
полненій по знаку сабли, которые даже для баталіона въ ротн
колоннахъ не приняты; отъ равненія знамя въ знамя, отъ ст
ленія добиться одной ноги при движеніи баталіоновъ на тѣсн
интервалахъ, и отъ многаго другаго откажется тотъ, кто пойм
что въ разбираемомъ дѣлѣ уставу и уставнымъ средствамъ
мѣста. Дай Богъ, чтобы этого пришлось ждать по возможн
менѣе долго. Скоро это не сдѣлается, но сдѣлаться должно. Од
только нужно желать: чтобы этого добиться теоретическимъ пут
въ мирное время, а не практическимъ, т. е. не при помощи
воученій въ родѣ того, какое было прописано австрійцам
1859 году.

Слова нѣтъ, подобная система труднѣе для начальниковъ,
буетъ размышленія, а не заучиванія, подвергаетъ отвѣтственно
за распоряженія (а этого мы страхъ какъ не любимъ), ибо
шаетъ возможности прикрыться буквой устава; но на всѣ
неудобства мы отвѣтимъ словами великаго Суворова: «тяжело
ученьи, легко въ походѣ; легко въ ученьи, тяжело въ
ходѣ». Подчиняться инстинкту самохраненія до того, чтобы
за удовлетворенія ему портить и себя, и другихъ для боя—
некрасивое: и потому, что въ бою за это безпощадно бьютъ
потому, что это напоминаетъ учителя и ученика, условившіе
заблаговременно въ томъ, какую страничку первый спросит
втораго на экзаменѣ. Всякій нормальный порядокъ представл
именно такую страничку, задолбленную изъ цѣлой огромной
ги, книги дѣла, которую нельзя заучить, а должно уразум

Смѣемъ желать, чтобы нашъ слабый голосъ не остался
сомъ вопіющаго въ пустынѣ; чтобы замѣтки, здѣсь высказан
нашли отголосокъ въ рядахъ офицеровъ нашей доблестной ар
Тогда, и только тогда, можно мало по малу отдѣлаться отъ
тины, глубоко засѣвшей въ большинствѣ сознаній и, къ несчас
безраздѣльно въ нихъ царящей, на зло существу дѣла, на бе
лезную гибель тысячъ людей... Уже давно сказано, что вой
нужно учить въ мирное время только тому, что долж
они дѣлать въ военное: ибо тамъ они могутъ дѣлать то

что знаютъ и что привыкли дѣлать. Этой истины не придетъ олову оспаривать тѣмъ, которые приглядывались къ натурѣ вѣка и знаютъ, что привычка имѣетъ на него безусловное и разимое вліяніе. Употребимъ же всѣ усилія къ тому, чтобы ычки нашихъ солдатъ и офицеровъ соотвѣтствовали духу во-ихъ и боевыхъ условій, а не шли имъ въ разрѣзъ. Употре-ъ всѣ усилія къ обузданію въ себѣ стремленія къ уставному образію въ томъ, что безконечно разнообразно при боевой ановкѣ; будемъ хлопотать не объ уничтоженіи личной умствен-дѣятельности начальниковъ, а о томъ, чтобы вызвать самое ое проявленіе ея.

1866 годъ.

Письма изъ главной квартиры прусской арміи.

I.

Мнѣ, кажется, на роду написано приносить съ собою мирн
настроеніе на театръ войны. Пріѣхалъ я въ италіянскую армію
1859 г.—и не прошло 5-ти, 6-ти дней, какъ миръ былъ заключен
Въ прусскую пріѣхалъ—чуть-чуть не захватилъ большой бит
всего только наканунѣ произошла, и при томъ произошла сто
непріятнымъ для австрійцевъ манеромъ, что поневолѣ о мирѣ
думаешь. А тутъ еще всесвѣтный опекунъ повелитель самаго у
наго, свободолюбиваго и любезнаго народа на свѣтѣ приглашает
въ посредники... рѣшительно мнѣ не везетъ. Прусская армія стои
теперь верстахъ въ 70-ти отъ Вѣны; Ольмюцу мы раскланяли
и оный обошли; по дорогѣ отхватили хвостъ 8-го корпуса (эрцге
цога Леопольда, бригады Роткирха), что̀ хоть и незначительно
сравненіи съ тѣмъ, что разскажу о прежнемъ, но все же сост
ляетъ 18 орудій, 600 плѣнныхъ и 160 оставшихся на мѣстѣ.

И такъ, удовлетворивъ васъ послѣднею новостью, начну с
чала. 17-го іюня, въ часъ по-полудни, варшавская чугунка,
хативъ вашего покорнаго слугу, пошла себѣ пыхтѣть, да пос
кивать, останавливаясь только для того, чтобы или самой набрат
дровъ и воды, или намъ дать поѣсть. Вотъ и граница. Е
ночь и я, наконецъ, въ Берлинѣ. Въ 6 часовъ утра 19-
іюня (1-го іюля) я въѣзжалъ въ этотъ городъ, которому ед
ли не суждено стать центромъ германскаго міра. По дорогѣ
чего особеннаго: зѣваки на станціяхъ собирались смотрѣть
меня, какъ на звѣря; спрашивали, не австріецъ ли я. Въ Дирш
(на Вислѣ) даже, кажется, пришли къ положительному убѣжден

) австрійцы появились въ ихъ землѣ: немножко, какъ видите, разстояніями не ладится и съ картой тоже, ибо какъ же мимо рлина попасть въ Диршау? но пылкому воображенію море по нѣно.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я думалъ, что бо́льшая половина дѣла ѣлана; не тутъ-то было—именно отъ Берлина и началась скачка препятствіями; являюсь, какъ водится, въ посольство,—сказали,) можно отправляться въ тотъ же день, представившись, конечно, военное министерство. Иду въ военное министерство. Тамъ придятъ въ немалое изумленіе, что я собираюсь ѣхать въ армію, объявляютъ, что они о полученномъ мною разрѣшеніи никакого вѣстія не имѣютъ, и проч., и проч. Побѣжалъ назадъ въ польство—пока оттуда написали въ министерство иностранныхъ лъ, а оттуда въ военное—день былъ потерянъ. Бѣгая по Берну за вожделѣннымъ разрѣшеніемъ, я нѣсколько былъ пораженъ егматическимъ спокойствіемъ, съ какимъ всякій занимался своимъ ломъ. Третьяго-дня, т. е. 17-го (29-го) іюня, получено было первое вѣстіе въ Берлинѣ объ убитыхъ въ начальныхъ дѣлахъ, и оно ло принято, какъ мнѣ разсказывали, точно также: вывѣсили, авда, траурные флаги, прошлись въ процессіи по липовой аллеѣ, все это самымъ благонравнымъ образомъ, тихо безъ шумныхъ монстрацій, съ полицейскими впереди, и проч. На слѣдующій нь, т. е. 20-го іюня (2-го іюля), принесли знамена, забранныя свалкахъ 15-го (27-го) и 16-го (28-го) іюня. Публика сопрождала эти трофеи обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ, т. е. сятка два уличныхъ представителей молодаго поколѣнія и только; за то старые и солидные собрались порядочною кучей около ицера и очень внимательно слушали его разсказъ о томъ, гдѣ какъ трофеи были взяты. Единственный фактъ, которымъ довольно ственно выразилось общественное настроеніе, былъ тотъ, что оло колоннъ, на которыя наклеиваются объявленія, собиралась сьма быстро толпа, какъ только на нихъ появлялись телеграфискія депеши, а это случилось два или три раза въ день. Въ нуты, подобныя нынѣшней, болѣе нежели когда-либо выражается родный характеръ: помнится, въ Туринѣ, въ 1859 году, народъ рьбами ходилъ по улицамъ часовъ до 12-ти ночи, если не позже; е это жужжало какъ рой; тутъ ничего.

Наконецъ, вечеромъ, 2-го іюля, я получилъ паспортъ и отправился по назначенію, на удачу, не зная, гдѣ главная квартира, зная, что «языкъ и до Кіева доводить». Въ 11 часовъ отходитъ шнель-цугъ на Берлицъ. Пріѣзжаю въ вокзалъ, давка страшная: солдаты биткомъ набито; все отправляется или въ армію или

въ тылъ, для укомплектованія этапныхъ командъ. Да кромѣ солдатъ, столько же, если не болѣе, любопытныхъ, которые засѣдали въ гостинницѣ вокзала, въ ожиданіи австрійскихъ орудій, прибытіе которыхъ въ тотъ вечеръ было объявлено. Тотъ же флегматическій видъ, та же кружка пива, та же стереотипная по своей формѣ трубка въ зубахъ, дѣлающая острый уголъ съ короткимъ чубукомъ. Болѣе нетерпѣливые, густою толпою стояли на подмосткахъ, по сторонамъ рельсъ, и загораживали дорогу, такъ что къ вагонамъ трудно было пробиться. Наконецъ усѣлись и двинулись. До Кольфурта, у котораго дорога расходится въ Силезію, Богемію и Саксонію, ѣхали ночью, и потому ничего особеннаго не видѣлъ, кромѣ развѣ двухъ или трехъ поѣздовъ съ провіантомъ, подготовленныхъ къ отправленію. Но у Кольфурта, куда мы прибыли часа въ четыре утра, 3-го іюля н. ст., сцена начала мѣняться. Кольфуртъ есть не болѣе, какъ выселокъ, образовавшійся, благодаря тому, что въ этомъ мѣстѣ сходятся три желѣзныя дороги; только выселокъ, разумѣется, не на нашъ манеръ, а на здѣшній, т. е. три трехъ-этажныхъ дома. Въ довольно грязномъ и тѣсномъ вокзалѣ толпилась публика, уже преимущественно военная, между ними нѣсколько легко раненыхъ у Скалица, которые были отпущены домой на излеченіе. Судя по ихъ разсказамъ, австрійцы дерутся съ большимъ ожесточеніемъ, такъ что хотя пруссаки и берутъ, но берутъ не дешево. Перемѣнивъ вагонъ въ Кольфуртѣ, я попалъ въ компанію докторовъ, ѣхавшихъ на усиленіе состава герлицкаго госпиталя. Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Нефшателя, пріѣхавшій волонтеромъ, разсказывалъ, что санитарное состояніе прусскихъ войскъ очень хорошо: за исключеніемъ двухъ или трехъ случаевъ холеры, никакихъ эпидемическихъ болѣзней нѣтъ и слѣда; но что раненыхъ огромное число. Слышанное въ Кольфуртѣ оправдывалось: побѣда достается не дешево, чему, впрочемъ, какъ разскажу впослѣдствіи, пруссаки сами нѣсколько были виною, выбравъ самый трудный способъ для вторженія въ Богемію. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ, что изъ одной роты гвардейскихъ фузелеровъ (по меньшей мѣрѣ 200 чел.), послѣ дѣла у Траутенау, 16-го (28-го) іюня, осталось всего человѣкъ 15. Госпитали завалены, не смотря на всѣ усилія ихъ очищать и не смотря на все удобство сдѣлать это изъ Герлица по желѣзнымъ дорогамъ на Франкфуртъ и Дрезденъ. Онъ же говорилъ, что ранъ холоднымъ оружіемъ почти не встрѣчается; слѣдовательно, до штыка нѣтъ охоты. Но соразмѣрность между числомъ прусскихъ и австрійскихъ раненыхъ весьма не въ пользу послѣднихъ; впослѣдствіи отъ нѣсколькихъ штабныхъ и въ разныхъ мѣстахъ я слышалъ, что эта соразмѣрность можетъ

быть выражена отношеніемъ 1:3. Если это такъ, должно признать за игольчатыми ружьями огромное преимущество, при условіи, разумѣется, тщательнаго обученія стрѣльбѣ; и чѣмъ скорѣе ихъ примять, тѣмъ лучше. Преимущество не въ томъ смыслѣ, будто ужъ безъ нихъ и драться нельзя, но въ томъ, чтобы не было благовиднаго предлога сваливать на ружья, заряжаемыя съ дула, неудачи, происходящія совершенно отъ другихъ причинъ, менѣе благовидныхъ, и о которыхъ по этому именно и не любитъ человѣкъ упоминать. Надо сказать при этомъ, что опасеніе сложности механизма положительно не оправдалось; сколько я слышалъ, почти не было случаевъ порчи иголокъ или чего либо подобнаго. Такъ что одинъ австрійскій эрцгерцогъ, который, говорятъ, написалъ гдѣ-то, что игольчатыя ружья находятся къ простымъ въ отношеніи стенографіи къ обыкновенной скорописи, былъ совершенно правъ.

Австрійцы, естественно, расположены объяснять свои неудачи превосходствомъ прусскихъ ружей и, какъ водится, стараясь убѣдить въ этомъ другихъ, прежде всего сами увѣровали въ ихъ, ако-бы сверхъестественную, дѣйствительность, а это не осталось безъ вліянія на войска: вѣдь все, прикрывающее инстинктъ самосохраненія, находитъ такой легкій доступъ въ сознаніи человѣка! Говорятъ, были примѣры частей, которыя чуть не по первому залпу пруссаковъ бросали ружья. Тутъ ужъ, конечно, виноваты не столько ружья, сколько руки, которыя ихъ держали.

Были другія причины, дѣйствовавшія въ болѣе неблагопріятномъ смыслѣ на нравственную сторону австрійскихъ солдатъ,— причины, присущія австрійскому устройству и которыя подѣйствовали и на этотъ разъ, не смотря на любовь солдата къ Бенедеку, не смотря на дѣйствительно громадные успѣхи, которые были сдѣланы австрійскою арміей въ отношеніи образованія со времени кампаніи 1859 г. Тотъ же докторъ говорилъ мнѣ, что австрійскую армію тифъ началъ косить еще по квартирамъ, и такъ какъ она не имѣла въ началѣ никакой усиленной работы, то этотъ тифъ не чему иному долженъ быть приписанъ, какъ дурному продовольствію. По этому случаю онъ мнѣ разсказалъ анекдотъ о путешествіи воловъ изъ Вѣны въ италіянскую армію въ 1859 году. Огромныя стада были направлены изъ этого города на довольствіе италіянской арміи говядиной. Доходили они благополучно до первыхъ горъ; но тамъ происходило съ ними нѣчто весьма странное: горный ли воздухъ возбуждалъ въ нихъ духъ независимости, или ихъ предупреждалъ кто нибудь о судьбѣ, ожидающей ихъ въ Италіи, но только они разбѣгались: по горамъ, или по карманамъ сопро-

вождавшихъ ихъ чиновниковъ,—доподлинно неизвѣстно, и армія осталась безъ мяса. Вѣроятно что-либо подобное было и теперь.

По дорогѣ же я узналъ кое-что о пріемѣ, сдѣланномъ саксонцами и богемцами пруссакамъ. Саксонцы, зная свою горькую судьбину, вслѣдствіе которой всякая война въ Германіи ихъ не минуетъ, приняли пруссаковъ безъ энтузіазма, но и не враждебно, однимъ словомъ, съ бо́льшею охотой, нежели приняли бы австрійцевъ: все-же зильбергроши какіе нибудь перепадутъ, хоть безъ поборовъ и не обойдется, а состороны австрійцевъ, кромѣ поборовъ, пріобрѣтены были бы только десяти-крейцеровыя ассигнаціи, которыя и въ Австріи не имѣютъ особенно высокаго курса. Саксонцы и тому рады, что изъ двухъ золъ на ихъ долю выпало меньшее.

У богемцевъ пріема не было, ибо и богемцевъ не было—все разбѣжалось, благодаря распущенному австрійцами слуху, будто пруссаки всѣхъ заберутъ въ солдаты.

До Герлица добрались въ 6 час. утра. Доктора отправились являться коменданту—тутъ уже все на военную ногу. Начальникъ станціи то же пруссакъ, и притомъ военный. Суета и толкотня страшная; погода скверная—не то дождь, не то туманъ: однимъ словомъ, время, намъ, обитателямъ петербургскаго болота, очень хорошо извѣстное. Горныя страны потчуютъ своихъ обитателей довольно часто тѣмъ же самымъ. На станціи опять та же исторія: нѣсколько раненыхъ, которые уже видали виды, толпа молодыхъ, которые ѣдутъ, чтобы ихъ увидѣть. Спрашиваю, когда поѣдемъ дальше? «Не знаемъ», отвѣчаютъ: «еще не всталъ начальникъ станціи; когда встанетъ, тогда и будетъ распоряженіе.»—Гмъ, подумалъ я; но я не скажу, что я подумалъ. Я утѣшилъ себя тѣмъ, что на желѣзной дорогѣ то же, что на кораблѣ, особенно въ военное время: везутъ—тѣмъ лучше: сиди и молчи; не везутъ—то же сиди и молчи.

Впрочемъ, все къ лучшему. На такое же, какъ и я, спокойное положеніе въ минуту, когда готовъ прибѣгнуть чуть не къ собственной рыси, осуждены были четыре господина, по всей вѣроятности, дипломатическаго корпуса. Во всѣхъ скверныхъ положеніяхъ человѣчество весьма скоро знакомится: мы разговорились, и въ концѣ-концовъ я былъ награжденъ интереснѣйшимъ спутничествомъ, какого только могъ желать въ моемъ положеніи. Особенно одинъ изъ этихъ господъ, по всей вѣроятности, отставной военный, сообщилъ мнѣ кучу вещей, заставляющихъ думать, что онъ не только по военной, но даже и по политической части

ıетъ весьма не мало. По всему видно было, что они не хотѣли ıорить своихъ фамилій *).

Какъ и слѣдовало ожидать, началось съ настоящей кампаніи. сознался, что не понимаю, какія соображенія могли заставить ıссаковъ такъ растянуть свой фронтъ, врываться въ Богемію съ :колькихъ сторонъ и, слѣдовательно, рисковать быть разбитыми частямъ. На это онъ мнѣ сказалъ, что первоначально предпоалось совсѣмъ не то: предполагалось сосредоточить 300 т. ıію и идти на Вѣну: чѣмъ прямѣе, тѣмъ лучше. Однородность тава арміи, превосходство вооруженія, туго набитый кошелекъ**), ıко встрѣчаемая честность интендантскихъ чиновниковъ, въ ıвненіи съ австрійскими средствами, давали, во всякомъ случаѣ, омные шансы на успѣхъ. Идея этого плана, какъ собесѣдникъ і говорилъ по крайней мѣрѣ, принадлежитъ графу Бисмарку. военные были противъ него, ссылаясь на затруденія, сопряжен- ı съ продовольствіемъ и управленіемъ подобной громадной мас- на рискъ оставить свои границы слишкомъ открытыми вторженію ıтивника. Наконецъ, и въ высшихъ сферахъ были противъ та- о рѣшительнаго плана, ибо до послѣдней минуты хотѣли только ıроны. Между тѣмъ, событія подвинулись къ развязкѣ съ нема- о быстротой, и нужно было приступить къ сосредоточенію кор- :овъ къ предполагаемому театру войны; ихъ начали перевозить желѣзнымъ дорогамъ къ саксонско-богемской границѣ и рас- ıртировывать въ мѣстахъ, гдѣ они оставляли желѣзную дорогу. кимъ образомъ и вышло кордонное расположеніе отъ Торгау до аца, въ 280 верстъ, а если взять въ разсчетъ два партизан- ıхъ ***) сильныхъ отряда (около 6,500 чел. каждый) въ Верхней лезіи, то и больше. Между тѣмъ, дипломатическая переписка ıливалась болѣе и болѣе, война становилась явно неизбѣжною; :да только (около 5-го іюня н. ст.) рѣшились остановиться на ıъ, чтобы сосредоточить главныя силы прусской арміи въ три ссы.

Эльбскую армію (корпусъ Геварта), назначенную для занятія ıксоніи, демонстраціи вторженія по долинѣ Эльбы и, впослѣдствіи,

---

*) Это былъ Клапка съ тремя соотечественниками: ѣхали они въ главную ıртиру для нѣкоторыхъ переговоровъ. Поздн. примѣч.

**) У пруссаковъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до 80 милліоновъ совершенно ободнаго капитала, который можно употребить какъ угодно, не рискуя, хотя олько нибудь разстроить финансы.

***) Собственно, по извѣстной классификаціи, они подъ категорію „парти- нскихъ“ отрядовъ не подходятъ; но я далъ имъ этотъ титулъ по духу ихъ йствій.

для охраны праваго фланга прусскихъ силъ въ Богеміи; первую армію, (три корпуса) принца Фридриха-Карла—для вторженія въ Богемію со стороны Циттау; вторую армію, (четыре корпуса) наслѣднаго принца—для вторженія туда же со стороны Глаца. Кромѣ того, упомянутые выше партизанскіе отряды, занимая Верхнюю Силезію, должны были произвести демонстраціи вторженія въ Моравію. Пунктомъ сосредоточенія двухъ армій назначенъ Гичинъ. И такъ, какъ видите, пруссаки остановились на планѣ Фридриха Великаго въ 1757 году. Разница въ томъ только, что у него кордонъ былъ еще растянутѣе и что въ началѣ его силы были раздѣлены Эльбою. 14-го (26-го) іюня было назначено для вторженія главныхъ массъ въ Богемію и послѣдовалъ рядъ дѣлъ, покрывшихъ славою прусскую армію, но еще разъ показавшихъ, какому она подвергалась риску.

Впрочемъ, о дѣлахъ до другаго разу, тѣмъ болѣе, что и я о нихъ узналъ впослѣдствіи только. Затѣмъ, перешли къ италіянцамъ. Мой новый знакомецъ началъ разсказывать, какимъ образомъ италіянцы, изъ 180 т. человѣкъ, изловчились употребить въ дѣло только 80, или даже 60 тысячъ, за что и были побиты. Было около 7 часовъ. Вдругъ выстрѣлъ, другой. «Кажется, канонада», сказалъ я.—Да, какъ будто, отвѣчалъ онъ, прислушиваясь; выйдемъ, такъ будетъ слышнѣе. Вышли на платформу, и что-же оказалось? Лошади, поставленныя въ вагонъ для отправленія, били объ полъ копытами... Это насъ немножно сконфузило, тѣмъ болѣе, что и онъ, и я все-же выстрѣлы слышали, онъ въ особенности. Это мнѣ невольно напомнило, какъ иногда стадо барановъ принимается на войнѣ за отрядъ непріятельскій. Но по странному случаю, въ этотъ часъ дѣйствительно начиналась канонада, только верстахъ въ 100 отъ Герлица—именно въ 7 часовъ началось сраженіе при Саловой, на р. Быстрицѣ, которое такъ плачевно разыгралось для австрійцевъ.

Возвращаюсь къ италіянцамъ. Имъ совѣтовали избрать театромъ войны страну, обращающую въ ничто знаменитый четыреугольникъ.—именно Истрію, высадка въ которую съ сотнею тысячъ оттянула бы, вѣроятно, всѣ австрійскія силы отъ Вероны и даже изъ Венеціянской области и, слѣдовательно, дало бы возможность произвесть въ ней возстаніе. Но на свѣтѣ мало людей, которые понимаютъ, что самыя рѣшительныя предпріятія на войнѣ суть въ то же время и самыя осторожныя. Италіянцы нашли, что это слишкомъ рискованно, сопряжено съ огромными административными затрудненіями и проч. и проч., и остановились на планѣ, который (я сообщаю слухи: за что купилъ, за то и продаю), говорятъ, имъ былъ при-

совѣтованъ опять-таки изъ самой умной и просвѣщенной страны. Такъ какъ отличительную черту тамошней политики составляетъ стремленіе не доводить ничего до результата сколько нибудь рѣшительнаго, то сказанный слухъ весьма похожъ на правду. Онъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что при случаѣ подобный планъ, несулившій большого успѣха и могшій повести къ неудачѣ, могъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, подать благовидный поводъ къ вмѣшательству. Планъ заключался въ томъ, чтобы со ста тысячами форсировать переправы черезъ Минчіо и атакою австрійской арміи прикрыть переправу Чіальдини черезъ По у Феррары. Но изъ 100 тысячъ нужно было оставить около 20-ти тысячъ для наблюденія за Мантуею и Пескіерою, вступить въ бой съ 80 тысячами, что̀ и привело къ извѣстнымъ послѣдствіямъ. Кстати: въ началѣ письма я вамъ писалъ, что прусская армія находится отъ Вѣны въ 70-ти верстахъ; это невѣрно: ужь обложенъ къ с.-з. Пресбургъ и занятъ знаменитый Мархфельдъ по Руссбахскій ручей, который назначенъ демаркаціонною линіей, по перемирію, заключенному вчера, 22-го іюля, на пять дней.

II.

Въ прошломъ письмѣ я остановился на планѣ дѣйствій, благодаря которому италіянцевъ побили. Возвратившись въ воксалъ, ибо на дворѣ продолжало моросить самымъ петербургскимъ манеромъ, мы продолжали разговоръ. «Пожалуй италіянцы заключатъ миръ», замѣтилъ я. «Они не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе трактата, заключеннаго съ пруссаками, по которому ни тѣ, ни другіе, безъ взаимнаго согласія, не могутъ заключить не только мира, но даже и перемирія». Для меня это было совершенно новостью въ то время, и я сталъ прислушиваться внимательнѣе къ моему знакомому, какъ къ человѣку, который знаетъ такое, чего обыкновенные смертные не знаютъ, или узнаютъ значительно позже необыкновенныхъ смертныхъ.

«Австрійцы имѣютъ мало шансовъ на успѣхъ, началъ мой спутникъ; я ихъ довольно хорошо знаю: первая неудача, и они потеряли голову; теперь нужно желать одного—чтобы пруссаки ихъ гнали, не давая передышки, и они навѣрное будутъ награждены самымъ блистательнымъ успѣхомъ». Какъ видите, вышло точно по писаному. «При томъ же, продолжалъ онъ, и выборъ главнокомандующаго не совсѣмъ удаченъ.»

«Бенедекъ имѣетъ чрезвычайно много того магнетическаго мо-

гущества, которое необходимо, чтобы увлечь, фанатизировать
дать; онъ лично храбръ, какъ рѣдко бываетъ; онъ знаетъ со
та, умѣетъ говорить съ нимъ; онъ даже злоупотребляетъ эт
даромъ, слишкомъ заботясь о популярности между нижними чин
приглашаетъ капраловъ къ себѣ на обѣдъ, не стѣсняется по
сыпать свою рѣчь пряностями извѣстнаго рода; но вѣдь вся
мало-мальски понимающій военное дѣло, знаетъ, что великол
ный дивизіонный, даже корпусный, командиръ зачастую быва
плохимъ главнокомандующимъ, ибо для этого мало личной хр
рости, мало способности устремить солдата на смерть, а необ
дима еще способность къ стратегическимъ комбинаціямъ, кото
Бенедеку не достаетъ, ибо въ этомъ онъ не имѣетъ никакой пр
тики. Репутація его начинается съ краковскаго возстанія 18
года, гдѣ онъ показалъ дѣйствительно много рѣшимости и эн
гіи; затѣмъ въ 1848 году онъ рѣшилъ со своимъ полкомъ сра
ніе при Новарѣ, за что получилъ разомъ орденъ Маріи Тере
дворянство и сдѣланъ шефомъ одного полка; затѣмъ онъ ком
довалъ бригадой; затѣмъ сдѣланъ помощникомъ Радецкаго, а
этой должности онъ болѣе былъ занятъ полиціей въ арміи, неж
военными соображеніями; въ кампанію 59 года онъ получилъ к
пусъ, и благодаря С.-Мартинскому сраженію *) окончательно утв
дилъ свою репутацію. Но и при С.-Мартино, если внимател
разсмотрѣть дѣло, онъ показалъ только то, что дѣйствител
имѣлъ тактическій талантъ, и только. Роль его была отно
тельно всего хода сольферинской битвы совершенно второстеп
ная, да и съ италіянцами справиться было не трудно при несча
ной страсти италіянскихъ генераловъ вѣчно разбрасывать свои си
и вводить ихъ въ дѣло по частямъ».

«Рамминг дѣйствительно замѣчательный генералъ, мож
быть даже военный геній; въ 1849 году онъ былъ начальник
штаба у Гайнау, и показалъ много военной изобрѣтательнос
спокойствія и рѣшительности, но у него много враговъ, и ему
даютъ ходу.

«Остальные командиры корпусовъ, за исключеніемъ Габлен
ниже всякой посредственности; они попали на мѣста или по с
зямъ, или по интригамъ; и въ арміи другаго склада едва ли
добрались даже и до бригадныхъ командировъ».

«То, что я сказалъ о Бенедекѣ, уже и подтверждается: о
держалъ главную массу своихъ силъ передъ началомъ кампа

*) С.-Мартино—правый флангъ Сольферинскаго поля битвы.

ду Ольмюцемъ и Пардубицемъ, какъ бы опасаясь движенія въ
авію, не смотря на расположеніе пруссаковъ по саксонско-
мской границѣ, при которомъ можно было разсчитывать на
женіе только въ Богемію, и началъ передвигать армію на сѣ-
, уже тогда, когда было поздно. Кажется, онъ ожидалъ втор-
ія въ Моравію, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ прусскаго
изанскаго отряда графа Штольберга, и вотъ что значитъ одинъ
обный и дѣятельный человѣкъ во главѣ самаго незначитель-
отряда! Штольбергъ, не смотря на то, что въ Ольмюцѣ и
ковѣ (вмѣстѣ) было по крайней мѣрѣ около 25 т. гарнизона,
тожилъ между этими пунктами желѣзную дорогу, прекратилъ
прямое почтовое сообщеніе, такъ что австрійцы сносятся те-
съ Краковомъ, чрезъ Коссову, въ Венгріи.

«И этого также нельзя не признать большой ошибкой со сто-
Бенедека, что у него на флангахъ совершенно не было
ихъ отрядовъ, по крайней мѣрѣ судя по тому, что Штольбергъ
встрѣтилъ никакого сопротивленія; нужно въ добавокъ замѣ-
, что у Штольберга отрядъ состоялъ преимущественно изъ
вера.» Это приводитъ еще и къ другому заключенію, прибавлю
себя: успѣхъ Штольберга показываетъ, какъ невыгодны же-
ныя дороги, пролегающія слишкомъ близко и параллельно къ
ницѣ.

Наконецъ, прождавъ часа три, мы поѣхали. Въ Лебау уже на
домъ шагу вѣяло войною; на станціи временной госпиталь для
ело раненыхъ, которыхъ опасно было рѣшиться везти до Гер-
а: это были нѣсколько италіянцевъ, которые за австрійское дѣ-
вѣроятно, поплатятся жизнью. Всѣ они были въ безпамятствѣ;
что они были похожи—не рѣшаюсь описывать, тяжело было
грѣть, но еще тяжелѣе вспомнить. Докторъ около нихъ хлопо-
ь, двѣ-три сестры милосердія помогали ему. Утѣшительно, по
йней мѣрѣ, что хоть безъ помощи не оставляютъ, хотя едва ли
чему нибудь поведетъ эта помощь... Въ Лебау на желѣзной
огѣ мостъ былъ взорванъ австрійцами; были и рельсы сорваны,
ихъ уже снова укрѣпили. Впрочемъ, поправка желѣзной до-
и шла далеко не такъ скоро, какъ мнѣ разсказывали въ Бер-
нѣ: 3-го іюля дорога была возстановлена только до Рейхен-
га. По пріѣздѣ въ Лебау, намъ объявили уже безъ всякихъ
няковъ, что не знаютъ, когда поѣздъ пойдетъ дальше: можетъ
езъ часъ, а можетъ и черезъ два. Причинъ этому было много:
встрѣчу поѣзды съ ранеными—нужно пропустить; по одному
нами направленію—поѣзды съ провіантомъ и фуражемъ, и то
нужно пропустить. Рельсы положены на этой дорогѣ только

въ одинъ путь, и поворотные круги всѣ взорваны. Въ томъ же Лебау мы были задержаны еще однимъ встрѣчнымъ поѣздомъ. Это были силезскіе рабочіе, которыхъ везли въ Дрезденъ для возведенія укрѣпленій, разумѣется, на счетъ добраго города Дрездена. Поѣздъ, состоящій преимущественно изъ конскихъ вагоновъ, разукрашенный вѣтками разнаго дерева, приближался къ намъ съ пѣснями, которыя прерывались криками «ура». Наконецъ, подъѣхалъ. Въ дверяхъ каждаго вагона толпился народъ, представлявшій зрѣлище, по истинѣ, противное: все это, въ полъ-пьяна, орало пѣсни приличнаго обстоятельствамъ содержанія, держа въ рукахъ полуштофики мѣстнаго образца. Вѣроятно, при движеніи поѣзда не одинъ изъ этихъ господъ свалится изъ двери вагона, перегороженной однимъ только бревномъ на половинѣ высоты... Поѣздъ остановился. Пѣсни продолжались, прерываемыя громкими и продолжительными о-о-о! которыя здѣсь замѣняютъ иногда «ура». Нѣсколько сыновъ отечества вылѣзло изъ вагоновъ и невѣрными шагами направилось къ буфету для наполненія осушенныхъ сосудовъ. Наконецъ, ихъ уложили (или усадили,—то и другое вѣрно) и поѣздъ отправился, очистивъ, наконецъ, намъ дорогу; насъ пересадили въ вагоны съ почтовыми посылками и пакетами, и повезли. Ну, думаю, почта вѣдь ходитъ скоро, теперь поѣдемъ какъ по маслу. Не тутъ-то было: что ни станція, то остановка въ полчаса, въ часъ. Хочешь не хочешь, любуйся зѣваками,—которые послѣ перваго страха стали собираться неминуемо на каждой станціи,—на природой. Что до зѣвакъ, то въ нихъ поражало одно обстоятельство—унылый, скучающій видъ (точно они не знали, что съ собою дѣлать) и полное отсутствіе мужчинъ въ цвѣтѣ лѣтъ; все это были или женщины, или дѣти, или старики. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и спутники мои, полагали, что это происходитъ отъ того, будто австрійцы забрали въ армію все, способное носить оружіе; но вѣрнѣе, я полагаю, приписать это слуху, распущенному австрійцами, о которомъ сказано въ прошломъ письмѣ, и который, разумѣется, могъ расположить богемскую молодежь не очень выставляться на показъ, въ избѣжаніе мнимой опасности попасть въ прусскіе солдаты. Природа здѣсь великолѣпна: немножко мало воды, но за то горы и какая-то чистая обработка всякаго клочка земли производятъ такое тихое и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе.

И всѣ эти контрасты, какъ нарочно, сближались вмѣстѣ самымъ страннымъ образомъ: и тихій пейзажъ, и запуганные жители, и разнокалиберный поѣздъ изъ саксонскихъ, австрійскихъ и прусскихъ вагоновъ, съ совершенно военной физіономіей, и, наконецъ, оставшіеся нетронутыми на стѣнахъ вагоновъ рекламы досужихъ

орговцевъ, изъ которыхъ одна, напримѣръ, въ нашемъ вагонѣ, ласила: Spielwaaren in grösser auswahl bei den solidesten festen reisen R. Buder und C-ie Berlin и проч. Хороши игрушки...

Наконецъ, къ вечеру мы добрались до богемской границы: ахотѣлось и ѣсть, но на станціяхъ едва можно было достать куокъ хлѣба съ масломъ, да кружку неизбѣжнаго пива; все остальое было съѣдено предшественниками, которые, путешествуя команіей въ нѣсколько десятковъ тысячъ, должны были, конечно, очитить всѣ запасы. Пейзажъ началъ мѣняться; горы повыше, съ оздѣланными боками и подошвами и съ лѣсной шапкой на верушкѣ, сквозь которую отъ времени го времени прорѣзывались калы песчанника, въ самыхъ причудливыхъ формахъ, на подобіе азвалинъ замковъ. Въ Кратцау опять остановка: мрачный поѣздъ, ъ вооруженнымъ солдатомъ на крышѣ каждаго вагона, съ заряженными австрійскими ружьями, наваленными кучей на нѣсколькихъ платформахъ, и десятками съ тремя конскихъ вагоновъ, наполненныхъ ранеными и плѣнными: это былъ первый поѣздъ съ участниками гичинскаго дѣла, бывшаго 1-го іюля н. ст.; онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе: раненые всевозможныхъ разрядовъ, наваленные на солому, хотя и съ уваженіемъ къ человѣку, но, конечно, не всегда бережно: на лицахъ многихъ изъ нихъ было написано, что путешествіе имъ обходилось не дешево. Что до плѣнныхъ, то объ нихъ говорить даже не хочется: и жалко ихъ, и за нихъ не хорошо становится: физіономіи молодыя, истомленныя, совершенно равнодушныя; ни тѣни оскорбленнаго самолюбія, или чувства униженной народной гордости; ни тѣни того, что видно на физіономіи послѣдняго солдата, принадлежащаго къ арміи, сознающей свое единство. По совершенно безстрастному виду физіономій этихъ нѣсчастныхъ видно было, что имъ рѣшительно все равно, въ какую бы сторону ихъ ни везли: сомнительно даже, рады ли бы они были свободѣ, если бы вдругъ имъ ее возвратили.

Опять поѣхали, но не на-долго: въ Кратцау новая остановка и пріятное объявленіе со стороны начальника станціи, что можетъ быть простоимъ часа три. Нужно сказать, что уже вечерѣло; мы пришли въ отчаяніе и уже собирались нанимать повозку; но достать лошадей было мечтой, достойной самаго нѣжно-юношескаго возраста: ихъ не было, ибо что ушло отъ австрійцевъ, то или было взято пруссаками, или спрятано гдѣ-нибудь по близости, въ трущобахъ, которыхъ здѣсь не мало. Одно утѣшеніе осталось: начальникъ станціи, очень молодой и добрый офицеръ, имѣлъ неосторожность быть съ нами гостепріимнымъ и предложилъ свой за-

насъ печенки; впослѣдствіи онъ, вѣроятно, горько раскаявался въ своей добродѣтели: въ какія нибудь двѣ-три минуты все было съѣдено до-чиста, до малѣйшаго кусочка хлѣба, до малѣйшаго остатка соуса. Никогда я не забуду этой печенки и гостепріимнаго ея обладателя: не забуду потому, что въ жизнь мою ничего вкуснѣе не ѣдалъ, да едва-ли и есть буду. Конечно, это касается лично меня; но очень ужь была вкусна.

Въ ожиданіи, пока насъ повезутъ, я разсматривалъ прусскихъ солдатъ, ѣхавшихъ съ нами: лица красныя, здоровыя, видно было, что пища дала имъ достаточный запасъ силъ для перенесенія предстоявшихъ лишеній; обмундировка хозяйственная—все новое, изъ добраго сукна; только на бѣду немножко узко: война не успѣла еще заставить отказаться отъ желанія видѣть какъ бы изъ дерева выточенныхъ солдатиковъ. Всѣ они были безъ ранцевъ, въ полуформѣ, т. е. въ фуражкѣ, при тесакѣ, шинель черезъ правое плечо, холщевый мѣшокъ для хлѣба черезъ лѣвое. По выраженію лицъ видно было, что идутъ не съ грустью и не безъ увѣренности, что скорѣе они побьютъ, нежели ихъ побьютъ. Но вотъ опять свистокъ, опять громоздимся на пакеты и посылки, опять стремимся на парахъ, со скоростью не болѣе шести верстъ въ часъ, считая, разумѣется, съ остановками. По дорогѣ отъ самаго Циттау и до Рейхенберга мы изумлялись неистощимости оборонительныхъ средствъ, представляемыхъ этой страной: на каждомъ шагу встрѣчались позиціи, на которыхъ съ нѣсколькими ротами стрѣлковъ, взводомъ двумя артиллеріи и перекопомъ дороги можно задержать какую угодно армію въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Всѣ эти позиціи имѣютъ, за весьма рѣдкими исключеніями, характеръ дефиле, образуемыхъ горами, скаты которыхъ воздѣланы, а верхушки покрыты лѣсомъ, такъ что атакующій, во все время подъема, зачастую крутаго, находился бы подъ самымъ губительнымъ огнемъ. Но австрійцы этимъ не воспользовались, и спутникъ мой вполнѣ былъ правъ, говоря, что съ этой стороны они, какъ бы нарочно, отворили ворота, чтобы пригласить пруссаковъ войти въ нихъ. Наконецъ, около $10^1/_2$ часовъ вечера добрались мы до Рейхенберга, употребивъ $15^1/_2$ часовъ на проѣздъ 77 верстъ. На бангофѣ караулъ: кто спалъ на соломѣ, кто такъ болтался взадъ и впередъ. Подошелъ унтеръ-офицеръ и пошли распросы: кто, куда, зачѣмъ? Насъ повели къ коменданту. Комендантъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, и по лицу его видно было, что въ военное время едва ли много нашлось бы охотниковъ на это мѣсто по доброй волѣ. Узнавъ кто мы, онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе нарядить для насъ провіантскую фуру для дальнѣйшей перевозки, ибо ничего другаго

было. Пока запрягали, онъ сообщилъ намъ, что въ тотъ день ло большое сраженіе; на вопросъ нашъ, чѣмъ оно кончилось, ъ отвѣтилъ уклончиво, что утромъ была депеша о его началѣ, затѣмъ ничего не получалъ; но что, впрочемъ, онъ увѣренъ, о пруссаки побѣдили. Конечно, эта увѣренность дѣлала честь усскому офицеру, но намъ, иностранцамъ, особенно моимъ спутникамъ, пріятнѣе было бы услышать что нибудь болѣе положительное. Положеніе этого офицера было не изъ пріятныхъ: полная извѣстность на счетъ того, что произошло впереди; на рукахъ 000 плѣнныхъ и одна рота, чтобы ихъ караулить; биткомъ набитые госпитали и безпрерывно прибывающія подводы съ ранеными еще въ гичинскомъ дѣлѣ. Хоть у кого голова пойдетъ кругомъ. Подвода еще не была готова, и мы отправились къ «Золотому льву». Городъ пустынный, и съ какой-то гробовой тишиной; за-три патруля, да еще два-три человѣка, вотъ все, что мы встрѣтили по дорогѣ. Въ отелѣ все было какъ-то мрачно, подавали олча, какъ будто чего-то боясь; только одинъ половой, узнавъ, го мы иностранцы, въ-полголоса сказалъ, что, кажется, пруссавъ побили. Вотъ слухи, ходившіе въ тылу арміи, одержавшей акую побѣду, которая можетъ сравниться только съ блистательнѣйшими изъ побѣдъ Наполеона I. Эта странная неизвѣстность а счетъ исхода большой битвы была тѣмъ поразительнѣе, что не олько въ тылу арміи, но даже, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ ей самой были даже начальники частей, которыя освѣдомлялись, ечеромъ, 3-го числа, кто остался побѣдителемъ...

Все это имѣло такую физіономію, что спутники мои предпочли статься въ Рейхенбергѣ до разъясненія обстоятельствъ, ибо никто не могъ поручиться за то, что можетъ быть придется наткнуться на австрійскіе патрули. Фура была готова и я отправился далѣе съ прусскимъ курьеромъ, 4-го числа, въ часъ по-полуночи. Вообразите себѣ бричку, которыхъ много встрѣчается у насъ въ западномъ краѣ, и которыя тамъ извѣстны подъ именемъ фурманокъ; вообразите вашего покорнаго слугу, возсѣдающаго на чемоданахъ въ этой бричкѣ съ прусскимъ курьеромъ, погоньщика, весьма безтолковаго и незнающаго дороги на Турнау, куда мы были направлены комендантомъ (*), и управляющаго парою лошадей, которыя еле-еле тащились,—и вы будете имѣть полное представленіе о курьерскомъ путешествіи въ военное время. Взлѣзаю въ бричку, въ

*) На вопросъ, гдѣ главная квартира, онъ сказалъ, что и самъ не знаетъ; но что въ Турнау вѣроятно знаютъ.

которой курьеръ уже помѣстился. «Есть у васъ револьверъ», спрашиваетъ онъ. — «Нѣтъ; а что, развѣ можетъ понадобиться?» — «Вѣроятно не понадобится, но лучше быть на все готовымъ.» Капитанъ, вѣроятно, сказалъ ему больше, чѣмъ намъ. Ну, что-жъ, подумалъ я, будь что будетъ: не увижу прусскую, увижу австрійскую армію. Конечно, лучше попасть, куда хочешь, а не куда повезутъ; но не терять же времени изъ-за опасности, которая существуетъ, можетъ быть, только въ воображеніи. Вамъ, вѣроятно, смѣшно читать все это теперь? мнѣ тоже; но тогда было вовсе не смѣшно.

Наконецъ поѣхали; желѣзная дорога везла хорошо; но фурманка повезла еще лучше — до Турнау (около 24-хъ верстъ) добрались только въ 7 часовъ утра, 4-го іюля н. ст. Тутъ уже просто-на-просто отказали въ лошадяхъ, и мы продолжали дорогу до Гичина въ той же самой фурманкѣ. Къ обыкновенной медленности движенія, которая здѣсь въ модѣ, прибавились еще задержки отъ обозовъ, которые безпрерывно почти нитью тянулись и на встрѣчу намъ, и по одному съ нами направленію. Все это были такія же фурманки, взятыя пруссаками еще изъ Силезіи для перевозки продовольствія, и которыя они должны были оставить при арміи на всю кампанію, ибо въ Богеміи, какъ я уже сказалъ, ихъ замѣнить было нечѣмъ. Главное, что меня поразило въ этихъ обозахъ, это — лошади: все сильныя, рослыя, здоровыя, — въ любую карету годятся; ни одной лошади я не видѣлъ, которая хотя сколько нибудь напоминала бы нашу малорослую крестьянскую лошаденку; надъ головою хомутъ рогомъ; но по натурѣ эти лошади настоящіе волы: та же сила тяги и та же медленная степенность въ движеніяхъ.

Ѣдучи съ такой скоростью, что же больше дѣлать какъ не мечтать, да глазѣть по сторонамъ? Потому и разскажу вамъ, о чемъ мечталъ, и что видѣлъ. Приходило мнѣ въ голову, что желѣзныя дороги положительно портятъ человѣчество: во-первыхъ, потому что послѣ путешествія по нимъ всякій болѣе или менѣе первобытный способъ перемѣщенія бѣситъ до невозможности; во-вторыхъ, потому что они совершенно заставляютъ забывать организацію этихъ первобытныхъ способовъ перемѣщенія, такъ что когда по необходимости нужно къ нимъ прибѣгнуть, получается ѣзда со скоростію четырехъ, и то еще большое счастіе, — а иногда и двухъ верстъ въ часъ. Пруссаки, кажется, совершенно потеряли преданіе о томъ, какъ импровизируютъ почтовыя линіи въ мѣстахъ, гдѣ ничего нѣтъ (какъ у насъ въ Киргизской степи), и потеряли его, конечно, потому что имъ слишкомъ ужъ удобно живется въ мирное время. Выводите изъ этого какія угодно заключенія — я заявляю фактъ.

Мѣстность на дорогѣ великолѣпная: тѣ же горы, тѣ же проѣзывающіяся сквозь лѣсъ скалы песчаника, на подобіе разрушенныхъ замковъ; наконецъ, тѣ же великолѣпныя позиціи на каждомъ шагу.

По мѣрѣ углубленія внутрь страны, физіономія построекъ и населенія мѣняется; славянскій элементъ беретъ рѣшительно перевѣсъ; соломенныя крыши, босыя ноги, грязные дворы, босыя дѣти въ грязныхъ рубашкахъ, немытыя отъ рожденія, болтающіяся въ лужахъ и исправляющія что имъ нужно тутъ же на улицѣ,— все, все было знакомое. Одно было не по нашему: на каждомъ перекресткѣ, на каждой площадкѣ слѣды усиленной работы католической пропаганды; утвердить народъ въ религіи—дѣло хорошее; но когда не останавливаются для этого даже передъ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на грубое воображеніе статуями, безобразно дѣланными, въ театральныхъ позахъ, съ сердцами, пронзенными стрѣлами и тому подобными ухищреніями, становится просто неловко: это уже кощунство надъ религіей, стремленіе эксплуатировать суевѣріе бѣднаго народа, а не утверждать религію въ его сердцѣ. Видно католикамъ крѣпко не хотѣлось потерять этой нѣкогда славной и энергической расы: они ее пріобрѣли, но изувѣченною и распятою въ свою очередь; и Богъ знаетъ, оправится ли она когда нибудь отъ этой работы во славу римскаго православія.

Верстъ за 6 до Гичина первая сожженная деревня; тутъ была начальная схватка, за которою разыгралось гичинское дѣло. За деревней, влѣво, первая кучка земли съ крестомъ, на которомъ надпись: 7 человѣкъ такого-то пѣхотнаго полка. Чѣмъ ближе къ Гичину, тѣмъ болѣе помяты поля по сторонамъ дороги, тѣмъ чаще могилы; наконецъ, у самаго Гичина, вправо и влѣво, все вымято точно каткомъ; тамъ и сямъ валялись убитыя лошади, которыхъ еще не успѣли зарыть, хотя уже было весьма и весьма пора объ этомъ подумать, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ валялось побольше, воздухъ былъ такъ зараженъ, что трудно было дышать.

Въ Гичинѣ мы узнали, наконецъ, навѣрное, что сраженіе 3-го іюля выиграно, что потери страшныя съ обѣихъ сторонъ; мы попали именно въ ту минуту, когда отрядъ докторовъ, человѣкъ въ 40, собирался отъѣзжать на мѣсто сраженія, ибо тамъ не хватало рукъ, столько было раненыхъ. Такъ какъ лошадей опять не было, то мы и пристроились къ этимъ докторамъ, съ которыми и прибыли въ Горицъ, гдѣ, наконецъ, застали главную квартиру всѣхъ прусскихъ армій.

III.

Изъ предъидущихъ двухъ писемъ вы видѣли, что я или ѣхалъ, или хлопоталъ о томъ, чтобы можно было ѣхать. Слѣдовательно, писать не было времени, и въ этомъ причина моего долгаго молчанія. Добравшись до Горица, пришлось хлопотать о томъ же. Главная квартира перешла туда къ вечеру 3-го, т. е. дня сраженія на Быстрицѣ; понятно, что она второй день не могла еще все прійдти въ норму: трудно было найдти гдѣ кто живетъ, и не встрѣться я на площади съ однимъ прусскимъ офицеромъ, показавшемъ мнѣ такое радушіе, какое дай Богъ и отъ соотечественника встрѣтить, мнѣ пришлось бы, вѣроятно, ночевать на площади. Благодаря ему, я помѣстился въ комнатѣ какого-то дома на площади, въ который мы забрались по праву войны. Благодаря ему же, я тотчасъ же перезнакомился съ лицами, составлявшими главную квартиру прусскихъ армій, и прекрасно былъ принятъ ими. Всѣ сожалѣли, разумѣется, что я не поспѣлъ къ битвѣ; что же дѣлать? видно не судьба. Первое, что меня поразило, это скромность, съ какою всѣ говорили о громадномъ успѣхѣ, впечатлѣніе котораго было еще такъ свѣжо; всякій разсказывалъ, что видѣлъ, безъ фразъ, безъ возгласовъ, безъ бравадъ—я совершенно былъ ошеломленъ, ибо ожидалъ прямо противоположнаго. Да и какъ было не ожидать? Помните ли демонстраціи, которымъ подалъ поводъ тощенькій дюппельскій успѣхъ? Впослѣдствіи мнѣ объяснили эту кажущуюся несообразность: дѣло въ томъ, видите ли, что дерется армія, а демонстраціи устраиваютъ буржуа. Въ успѣхѣ всякому пріятно принять участіе, особенно если его можно принять только глоткою, языкомъ или вѣникомъ, сплетеннымъ изъ дубовыхъ листьевъ: и дешево, и сердито! Меня завѣряли, что арміи и тогда былъ тяжелъ и непріятенъ весь этотъ шумъ и гамъ; но какую же плотину прикажете поставить свободнымъ выраженіямъ чувствъ, въ которыхъ зачастую было больше порыва (можетъ быть даже и напускнаго), нежели такта?

Въ Горицѣ я узналъ впервые, что прусская армія уже нѣсколько дней продовольствуется фуражировками. Быстрота наступленія, разстройство единственной желѣзной дороги, по которой возможны были подвозы и по которой я вамъ описалъ уже свою поѣздку, наконецъ, бѣгство всѣхъ гражданскихъ австрійскихъ властей,—волею-неволею привели къ этому способу: и такъ какъ пруссаки давно не вели большой войны, то и не было сдѣлано заблаговременно распоряженія о томъ, чтобы обречь во всякой

части извѣстный процентъ людей на должность фуражировъ. Такъ, что почти вся армія вкусила отъ запрещеннаго плода фуражировки съ хозяйничаньемъ въ чужихъ домахъ, амбарахъ и проч.

Но прусскій солдатъ—существо въ высшей степени доброе и дисциплинированное: достаточно было распоряженія о сформированіи фуражирныхъ командъ—и грабежъ прекратился. Я изумлялся, признаться, этому добродушію и прочности гражданскаго инстинкта даже въ простомъ солдатѣ. Въ другихъ арміяхъ принимаютъ заблаговременно всѣ мѣры, чтобы устранить солдата отъ соблазна похозяйничать собственноручно, и все-таки не достигаютъ цѣли. Помнится, во время кампаніи, бывшей лѣтъ 7 тому назадъ, въ одной арміи мнѣ говорили, что не досчитывались къ концу тысячъ десяти, которые остались по дорогѣ наслаждаться жизнью—благо вездѣ хорошо принимали: здѣсь едва ли и десятая часть этого числа пропала для дѣла этимъ путемъ. Кстати упомяну еще объ одномъ явленіи, сильно говорящемъ въ пользу не только прусскаго, но и австрійскаго солдата: по дорогѣ, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ были свалки, или гдѣ стояли бивакомъ, я не встрѣчалъ сильно потоптанныхъ полей; иногда параллельно дорогѣ встрѣчается протоптанная полоска шага въ три не болѣе; но эти полоски такъ правильны, что можно подумать, будто солдаты боялись потоптать больше и чуть не обходили каждый стебель, котораго не тронули до нихъ.

Физіономія Горица напоминала городокъ, занятый штабомъ во время маневровъ, не болѣе; жители на мѣстахъ, лавки и гостинницы открыты; только на площади стоитъ фургоновъ съ 50, разныхъ фасоновъ, да ружейные козлы баталіона, привалившаго тутъ же, около фургоновъ, да десятки лошадей, стоящихъ подъ аркадами, временно обращенными въ конюшни. Горицъ—небольшое мѣстечко съ замкомъ какого-то князя или графа, въ которомъ помѣстились первыя лица главной квартиры, пріютился на скатѣ горы *); по серединѣ площадь, обставленная домами съ аркадами; по серединѣ площади—водоемъ. Жители, какъ и всѣ чехи, сумрачны, смотрятъ изъ подлобья, подозрительно; но по непринужденности этого выраженія видно, что оно обычное; что не пруссаки его навѣяли; едва ли и было оно иное со времени Іоанна Гусса и Жижки. Въ этомъ я увѣрился, зайдя въ гостинницу. Спросилъ себѣ позавтракать по-русски: хозяинъ понялъ, и на лицѣ его показалось что-то похожее на удовольствіе. Спрашиваю: Чехъ ли

*) Здѣсь чрезвычано рѣдко встрѣчаются жилыя мѣста на горѣ, или даже на скатѣ; большею частью они расположены въ лощинахъ.

онъ или нѣмецъ?—И чехъ, и нѣмецъ, что хотите, отвѣтилъ онъ съ печальною усмѣшкою. Это поясняетъ, я думаю, достаточно сумрачный видъ. Окончивъ завтракъ, выхожу на площадь и что же вижу? Пастухъ, съ довѣріемъ, юношески-наивнымъ, гонитъ стадо барановъ мимо баталіона, привалившаго, какъ я уже сказалъ, на площади. Мнѣ невольно пришло въ голову: неужели солдатики упустятъ столь удобный случай имѣть въ этотъ день хорошій кусокъ вареной и жареной баранины? Стадо, между тѣмъ, идетъ себѣ мимо баталіона и начинаетъ заворачивать въ боковую улицу. Ну, думаю, еще минута-двѣ, только вы, голубчики, и видѣли этихъ барановъ; еще больно молоды, не навыкли. Но я ошибся; вотъ изъ-за ружей выскакиваетъ одинъ, другой, бѣгомъ въ стадо, и пошла охота! Овцы, разумѣется, ошалѣли, остановились,—тутъ бы, кажется, и пріобрѣсти, но нѣтъ: солдатики такъ ловили овецъ, точно хотѣли только потѣшиться ихъ смущеніемъ: въ стадо вбѣжитъ, вертится на-право, на-лѣво, а схватить не съумѣетъ. Ужъ овцы сами помогли, сбившись въ кучку у баталіона. Наконецъ, съ неловкостью людей, непривыкшихъ считать чужое за свое, солдаты успѣли-таки изловить штукъ десять или пятнадцать; но тутъ вмѣшалось на бѣду начальство, и изъ пойманнаго отвоевало въ пользу пастуха штукъ пять-шесть: баталіону осталось очень мало. А все потому—сноровки нѣтъ. То ли дѣло гусаръ, чей-то ординарецъ, тутъ же къ охотѣ пристроившійся: не долго думавши, барана въ охапку—и въ ближній дворъ. Минутъ черезъ десять заглянулъ я, изъ любопытства, во дворъ,—и слѣдъ простылъ: ни барана, ни гусара. Ну, этотъ, подумалъ я, уже навыкъ. Подождите переходовъ пять шесть, добрѣйшіе пѣхотинцы, поголодайте разъ-другой, навыкнете и вы. Въ этой сценѣ и въ другихъ подобнаго же рода, которыя мнѣ привелось видѣть, меня поражало изумительное добродушіе и, такъ сказать, мирный характеръ, съ которымъ все это дѣлалось; берутъ что нужно, не болѣе; не портятъ того, чего не берутъ; наконецъ, въ случаѣ протеста со стороны обираемаго, самое большое что сдѣлаютъ, это пустятъ ему какого-нибудь шверната или доннерветтера, или погрозятъ, что если будетъ жаловаться, то возьмутъ еще больше; вотъ и все.

Все сцены, да сцены, думаете вы, вѣроятно, когда же, наконецъ, дойдетъ онъ до битвы? Вотъ и дошелъ. 5-го же іюля н. ст. я осмотрѣлъ поле этой битвы, которая и по результатамъ, и по комбинаціи можетъ быть сравнена только съ лучшими изъ наполеоновскихъ. Осмотръ этотъ я сдѣлалъ, благодаря тому же офицеру, о которомъ уже разъ говорилъ, и который не только досталъ мнѣ лошадь, но и сопровождалъ меня въ этой экскурсіи.

Іоле сраженія находится верстахъ въ 10-ти къ ю. отъ Горица, читая по шоссе, до дер. Садовой, находящейся почти въ центрѣ юзиціи. Садова расположена по обѣ стороны рѣчки Быстрицы, оторую пѣхота можетъ переходить вездѣ, хотя и съ трудомъ, ибо берега топки; кавалерія и артиллерія только по мостамъ. Іервое, что вамъ бросается въ глаза подъѣзжая къ Быстрицѣ, это высокій берегъ, поднимающійся террасами и увѣнчанный двумя рощами—за Садовою и влѣво отъ нея. По сю сторону Быстрицы ничего особеннаго: нѣсколько труповъ убитыхъ лошадей, изъ которыхъ у одного какой-то чехъ трудился и вырѣзывалъ изъ задней ляшки себѣ мясо, какъ самъ онъ объявилъ, на вопросъ: что дѣлаетъ? Но за Садовой, поднявшись по довольно крутому скату мимо лѣска, находящагося за этою деревнею, увидѣлъ я тяжелую картину, отъ которой, съ непривычки, могутъ мурашки забѣгать по кожѣ. Тотчасъ за лѣскомъ начинаются шалаши австрійскаго бивака; между этими шалашами трупы австрійцевъ валялись десятками, уже потемнѣвшіе, обезображенные предсмертными судорогами. Многіе изъ нихъ были раздѣты до-нага—работа мѣстныхъ мародеровъ, которые по окончаніи каждаго сраженія выростаютъ, говорятъ, будто изъ земли. Нѣсколько изъ этихъ вороновъ въ образѣ человѣческомъ (хоть вороновъ и по необходимости) бродили тамъ и сямъ, наклоняясь отъ времени до времени надъ трупами и обшаривая ихъ. Изрѣдка попадались ружья, но ранцы и сумы во множествѣ. Поѣхалъ по направленію шоссе дальше; вотъ и кавалерійская свалка: лошадиными трупами означена линія, гдѣ она произошла; тутъ же и всадники. Но позы ихъ и выраженія лицъ совершенно другія, чѣмъ у пѣхотинцевъ: больше удали, размашки; пуля ли его ссадила или пика, но только ссадила въ хорошую минуту, на бѣшеномъ должно быть карьерѣ; даже и мертвый, онъ какъ будто хочетъ сказать: теперь ты у меня держись, дамъ себя знать! Нѣтъ; въ кавалеріи умирать веселѣе. Ѣдемъ дальше—опять дорожка изъ лошадиныхъ труповъ, разумѣется, съ людскими около, и еще, и еще... Кой-гдѣ, ничкомъ, свалившись въ канаву, несчастный пѣхотинецъ покончилъ свое существованіе. И такъ до самаго Всеслара, т. е. верстъ на шесть за Садову. Повернули на-лѣво, къ Хлуму. Хлумъ стоитъ на вершинѣ, отъ которой скатъ, болѣе или менѣе волнообразно, идетъ во всѣ стороны: къ Быстрицѣ довольно круто, параллельно Быстрицѣ, на западъ, весьма отлого. Это командующій пунктъ позиціи и притомъ находящійся всего въ верстѣ отъ кенигсгрецкаго шоссе, слѣдовательно ея тактическій и стратегическій ключъ.

По дорогѣ нѣсколько канавъ, перпендикулярныхъ шоссе: въ

каждой австрійскіе пѣхотинцы рядкомъ какъ были въ цѣпи, и остались... Вотъ поднялись: поле уже очищено, около де собрано уже около 70-ти австрійскихъ орудій; за ними дв ный горбъ земли, шаговъ въ 50 длиною, прусская могил фланге ея, съ крестомъ изъ щепокъ, отдѣльная могилка,— похороненъ генералъ Гиллеръ, начальникъ гвардейской пру дивизіи, показавшій, какъ нужно водить въ дѣло своихъ со и каковы должны быть начальники для того, чтобы солдатъ способенъ на нечеловѣческія усилія... Въ Хлумѣ временной питаль: раненые прусскіе и австрійскіе по избамъ, докторъ почетъ, членъ общества св. Іоанна *), распоряжающійся по нами убитыхъ, тутъ же. Я забылъ сказать, что въ Садовой к такой же госпиталь. Восточный скатъ Хлумской высоты, ко пришлось брать гвардейской дивизіи, тоже не изъ отлоги притомъ совершенно открытъ. Но поворотимъ опять къ Быст т. е. на сѣверъ. На гребнѣ высоты двѣ горизонтныя батаре промежуткѣ между Хлумомъ и рощею. Между батареями тра для стрѣлковъ. Роща спускается по скату и фронтъ ея обра въ засѣку, которую батареи фланкируютъ. Говорятъ даже, австрійцевъ разстоянія были вымѣрены и намѣчены. Перед тареями лощина, за которою начинается слѣдующая терраса къ Быстрицѣ. Эта терраса лѣвѣе деревни Масловѣдъ; она по мелкимъ кустарникомъ. Впечатлительность моя была уже пр лена, но тутъ было отчего содрогнуться даже и болѣе привыч все пространство, покрытое кустами, было усѣяно прусска австрійцами, въ перемежку. И по числу убитыхъ, и по за шему выраженію лицъ видно было, что тутъ кипѣла остерве свалка; особенно гребень, обращенный къ Быстрицѣ, произв это впечатлѣніе; нѣсколько прусскихъ лицъ были захвачены см именно въ тотъ моментъ, когда они уже были на гребнѣ: на такъ и отпечатлѣлось то чувство гордости и счастія, которое емлетъ человѣка, когда онъ достигаетъ трудной цѣли; но о достигли ее, а только очистили дорогу другимъ: и такъ, как брались они до гребня, такъ и легли на немъ правильною ли головами впередъ. Не знаю почему, глядя на нихъ, невольно шелъ мнѣ на умъ нашъ разудалый конно-артиллерійскій си выѣзда на позицію:

Впередъ, ребята, на картечь, поводья натяни;
Кому придется въ полѣ лечь, того Богъ помяни...

---

*) Возобновленный въ Пруссіи мальтійскій орденъ.

Да, только тотъ и беретъ, кто знаетъ впередъ, что можетъ въ
ятѣ лечь и кто этого не боится. И пруссаки это знаютъ, нужно
гъ отдать полную справедливость; не думалъ я этого объ нихъ
ежде, зная ихъ мирные порядки; но плацпарадную пыль сдуло
нихъ какимъ-то чудомъ первыми выстрѣлами, и изъ за нея
казался стойкій, добрый и самоотверженный солдатъ, который
ѣетъ умирать, болѣе: который умѣетъ рваться впередъ.

На этой же террасѣ я засталъ, чего уже никакъ не ожидалъ,
сколькихъ австрійскихъ раненыхъ, которые, слѣдовательно, оста-
ись между убитыми два дня послѣ сраженія; такъ было велико
исло ихъ. Вотъ вамъ тотъ пунктъ, на которомъ рѣшено было
авное; о другихъ не пишу, ибо ихъ и не видѣлъ. Было уже
оздно, пришлось вернуться въ Горицъ.

Замѣтка по поводу статьи «объ употребленіи прусской артиллеріи въ минувшую войну», помѣщенной въ № 240 Р. И.

Громадный военный успѣхъ всегда производитъ сильное впечатлѣніе на современниковъ; все, къ нему относящееся, всегда находитъ массу читателей, и притомъ довѣрчивыхъ, особенно въ томъ случаѣ, когда пишетъ очевидецъ, или именующій себя такимъ. Черезъ подобныхъ очевидцевъ пошло гулять по міру много истинъ въ родѣ той, что тайна побѣдъ Фридриха въ косахъ, пудрѣ и маршировкѣ съ носка, и тому подобномъ. Весьма мало между людьми такихъ, которые были бы въ состояніи на столько сохранить свою самостоятельность въ чуждой средѣ, чтобы не подчиниться ея симпатіямъ и антипатіямъ, ея способу воззрѣнія на дѣло. Изъ этого и выходитъ, что стоитъ только не остеречься, и примешь за безусловно справедливое то, что вѣрно только при весьма большихъ ограниченіяхъ, станешь разсказывать за неоспоримые факты басни, которыя дѣятелямъ событія невольно приходятъ въ голову въ пылу и раздраженіи боя. Всякому извѣстно, что вслѣдъ за событіемъ неминуемо возникаетъ его легенда; человѣкъ, побывавшій въ опасности, всегда преувеличиваетъ ее; этихъ-то легендарныхъ огоньковъ и слѣдуетъ всемѣрно остерегаться, если хотятъ видѣть событіе вѣрно освѣщеннымъ.

Подобное увлеченіе легендой, въ моментъ ея зарожденія, извинительно, когда относится до невинныхъ вещей, въ родѣ камней, разставляемыхъ для опредѣленія разстояній (точно поле сраженія—военное поле); въ родѣ телеграфовъ, которые будто бы даютъ знать о первыхъ паденіяхъ снарядовъ австрійцамъ, а пруссаки это будто бы видятъ и оставляютъ телеграфъ въ покоѣ; всѣмъ этимъ увлечься не мудрено: разсказываютъ люди, заслуживающіе полнаго вѣроятія, разсказываютъ столь интересныя вещи,—какъ не увлечься? Мнѣ самому пришлось слышать отъ одного пруссака, побывавшаго въ лѣсу за Садовой, что австрійцы нарочно въ немъ сдѣлали про-

сѣки, для продольнаго обстрѣливанья артиллеріей въ то время, когда прусскія колонны по нимъ направятся. По счастію, мнѣ пришло на мысль, что сдѣлать просѣки въ одинъ день довольно трудно, да и подробная бывшая у меня карта, сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и на которой эти просѣки нанесены, убивала поэзію разсказа и предостерегла отъ принятія этого заманчиваго свѣдѣнія за вѣрное.

Но это увлеченіе легендарной стороной дѣла нѣсколько измѣняетъ свой характеръ, если является съ претензіями на серьезные выводы, могущіе подѣйствовать на организацію, напримѣръ, артиллеріи. Оставлять ихъ безъ поправки нельзя и не должно. Вотъ причина, по которой мы сочли себя обязанными сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя замѣтки къ концу статьи «Объ употребленіи прусской артиллеріи въ минувшую войну«. Авторы статьи, гг. К. и Д., изъ которыхъ одинъ очевидецъ, пришли къ двумъ главнѣйшимъ выводамъ:

1) Прусская система орудій явила положительное превосходство надъ австрійской.

2) Расходъ снарядовъ при нарѣзной артиллеріи такъ великъ, что необходимо увеличить комплектъ ихъ, теперь перевозимый при орудіяхъ.

Разберу по порядку доводы гг. К. и Д. въ пользу этихъ заключеній, высказанныхъ съ самоувѣренностію, которую слѣдовало бы позволять себѣ только основываясь на совершенно положительныхъ и многостороннихъ данныхъ. Предупреждаю, что я очевидцемъ не былъ, и заподлинно знаю, что ни одинъ изъ русскихъ офицеровъ не находился ни въ одномъ дѣлѣ послѣдней кампаніи; что буду преимущественно опираться на то, что удалось собрать на мѣстѣ отъ дѣйствительныхъ очевидцевъ и участниковъ въ послѣднюю кампанію и при томъ съ одной прусской стороны только.

Въ разбираемой статьѣ утверждаютъ, будто прусская ариллерія имѣла положительное превосходство въ сраженіяхъ: при Садовѣ (Кенигсгрецѣ), подъ Траутенау, при Гюннервассерѣ, близъ Находа; положительно невѣрно; подъ Находомъ прусскія батареи, участвовавшія въ дѣлѣ, потеряли однѣхъ лошадей до 250, т. е. половину, слѣдовательно австрійцы стрѣляли не дурно. Подъ Кенигсгрецомъ артиллерія прусскаго гвардейскаго корпуса потеряла четверть конскаго и одну шестую личнаго состава, слѣдовательно, австрійцы стрѣляли и здѣсь тоже недурно. Объ остальныхъ дѣлахъ не берусь говорить, ибо не имѣю относительно ихъ числовыхъ данныхъ, а подавлять, вмѣсто аргументовъ, перечисленіемъ

именъ сраженій, въ которыхъ я и близко не былъ, не считаю добросовѣстнымъ. Утвержденіе, будто австрійцы хорошо стрѣляли только съ заранѣе отмѣренныхъ и намѣченныхъ разстояній, также невѣрно: при Находѣ они не могли отмѣрить разстояній, ибо пришли тогда, когда пруссаки уже занимали позицію передъ этимъ пунктомъ. Подъ Кенигсгрецомъ, если бы даже и были сдѣланы промѣры и мѣтки, то это едва ли бы къ чему либо повело, ибо въ день сраженія былъ сильный туманъ, переходившій по временамъ въ мелкій дождь, при чемъ трудно видѣть какія-либо мѣтки, если не предположить, что это были цѣлыя вышки, въ родѣ, напримѣръ, геодезическихъ сигналовъ. Странно, что гг. К. и Д., упустили это обстоятельство изъ виду. Къ этому нужно прибавить, что приведенный выше гвардейскій корпусъ атаковалъ австрійцевъ по направленію, на которомъ они не ожидали атаки, и гдѣ поэтому едва ли думали о промѣрахъ и мѣткахъ.

Собственно говоря, если примемъ въ разсчетъ страшную быстроту, съ какою велась кампанія, то даже береть сомнѣніе, было ли и время австрійцамъ заниматься промѣрами. Когда въ брюхѣ пусто, а ноги опухли отъ ходьбы, гдѣ ужь тутъ заниматься подобною роскошью, да еще на позиціи, которая тянулась на 7 верстъ? Что пруссаки предполагали подобные промѣры — вещь понятная: человѣкъ, побывавшій въ опасности, всегда, какъ мы уже сказали, преувеличиваетъ ее; и оно особенно заманчиво послѣ побѣды, ибо льститъ самолюбію; предоставивъ всѣ шансы противнику, гораздо пріятнѣе остаться побѣдителемъ. Но постороннему наблюдателю странно слишкомъ ужъ налегать на эти промѣриванья и намѣчиванья; и стремленіе къ этому можно объяснить только невоздержнымъ желаніемъ превознесть прусскую стальную пушку во что бы то ни стало. Взявъ все сказанное въ разсчетъ, невольно приходитъ въ голову и слѣдующее соображеніе: австрійцы стрѣляли такъ мѣтко, что пруссакамъ казалось, будто они стрѣляли съ отмѣренныхъ разстояній: отмѣриваніе разстояній оказывается почти *) миѳомъ; слѣдовательно, мѣткую стрѣльбу австрійцевъ естественнѣе приписать тому что система ихъ орудій хороша и артиллеристы знаютъ свое дѣло, нежели отмѣреннымъ и намѣченнымъ разстояніямъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ своихъ повѣствованіяхъ гг. К. и Д. болѣе увлекались сердцемъ, нежели хлопотали о строгомъ и

*) Говорю „почти“ потому, что не приходится говорить навѣрное, когда не знаешь вполнѣ всѣхъ обстоятельствъ; но при манерѣ доказательствъ гг. очевидцевъ, я имѣлъ бы полное право сказать, что это положительно миѳъ.

ціональномъ анализѣ фактовъ. Послѣ этого и все остальное, и высказанное, не можетъ внушать полнаго довѣрія. Тѣмъ не нѣе, волею-неволею, приходится опровергать даже эпическое азаніе о пресбургской стычкѣ, дабы не подумали гг. К. и Д., о самые сильные ихъ аргументы мы обходимъ молчаніемъ. Въ азанной стычкѣ особеннаго вниманія со стороны гг. К. и Д. остоились бѣлые камни, которыми была покрыта вся мѣстность ами они такъ говорятъ) передъ австрійскими батареями, и телеафъ, бывшій на сосѣдней высотѣ и будто бы дававшій знать стрійцамъ о результатѣ (?) паденія ихъ снарядовъ. Если такъ ого было бѣлыхъ камней, то, по всей вѣроятности, они тамъ ли и до австрійцевъ, ибо немалая рабочая сила нужна была бы я того, чтобы ихъ натаскать; да по нимъ едва ли можно было дить и о разстояніяхъ, если ихъ было такъ много. Мы не ви- ли этого поля сраженія; сомнѣваемся также, видѣли ли его и евидцы *); но не можемъ воздержаться отъ замѣчанія, что эти амни много имѣютъ родственнаго съ преднамѣренными про- ками, о которыхъ я уже сказалъ. Что же до телеграфовъ, то ли вполнѣ переходятъ въ область, такъ-сказать, неудержимой нтазіи, неостанавливаемой никакими соображеніями грубаго раваго смысла. Или телеграфъ былъ далеко отъ направленія вы- рѣловъ, и тогда съ него едва ли можно было бы видѣть ре- льтатъ паденія снарядовъ; или же онъ стоялъ близко къ этому правленію, слѣдовательно, не далеко отъ пруссаковъ: чего же ли смотрѣли и не уничтожили этой телеграфической обсерваторіи? е для того ли, чтобы еще въ болѣе блистательномъ свѣтѣ обнару- лась чудодѣйственная сила ихъ орудій? Или, можетъ быть, руссаки узнали объ этомъ уже впослѣдствіи, отъ плѣнныхъ ав- грійцевъ, но тогда бы очевидцы не преминули, вѣроятно, объ омъ упомянуть. Все это до такой степени легендарно, до такой тепени пахнетъ преувеличеніемъ, что очевидцамъ не мѣшало бы ъ подобныя свѣдѣнія вставить коэффиціентъ, и даже не малый. Но они за что купили, за то и продали.

И рядомъ съ бѣлыми камнями и телеграфомъ только вскользь поминается, что у австрійцевъ было пять батарей, т.-е. всего 30 орудій, противъ 60-ти нарѣзныхъ и 12-ти гладкостѣн- ыхъ прусскихъ! Кажется, это отношеніе объясняетъ успѣхъ пруссаковъ нѣсколько болѣе, нежели чудодѣйственная сила литой

*) Мы позволяемъ себѣ это сомнѣніе потому, что очевидцы не были ни подъ Находомъ, ни подъ Кенигсгрецомъ; однако говорятъ такъ, какъ будто они были тамъ.

стали и прусской системы. Конечно, прусское орудіе хорошо ; литая сталь металлъ прекрасный, особенно когда онъ свой; н нужно же знать мѣру въ благоговѣніи даже и передъ хорошим вещами.

У гг. К. и Д. прусская пушка выростаетъ въ сказочнаго ге роя, которому ни что противустоять не можетъ и сила котораг растетъ съ препятствіями. Ей все ставится въ заслугу: и то, чт попытка кавалеріи броситься на батарею (въ 60 орудій) не уда лась,—какъ будто это прежде часто удавалось;—и то, что одн прусская батарея продолжала стрѣлять, не смотря на потер 27-ми лошадей (или 37-ми,— то и другое выходитъ по статьям гг. К. и Д.),—и даже то, наконецъ, что пруссаки не считал нужнымъ отвѣчать на огонь ракетной австрійской батареи.

О 52-хъ австрійскихъ орудіяхъ, будто бы дѣйствовавшихъ про тивъ пруссаковъ у Тобитшау, я не слышалъ, хотя мнѣ привелос говорить объ этомъ дѣлѣ съ командиромъ прусскаго 1-го корпуса У Тобитшау произошло не сраженіе, а арьергардная стычка пруссаки отхватили хвостъ австрійскаго корпуса, отступавшаго от Ольмюца къ Пресбургу; сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ хвостѣ ц щено было 52 орудія. Но положимъ даже и такъ; положимъ, чт двѣ прусскія батареи, поставленныя, по свидѣтельству очевидцев такъ, что могли бить продольно австрійскую 52-хъ орудійную ба тарею, принудили ее отступить: этотъ фактъ свидѣтельствуетъ бо лѣе о знаніи своего дѣла прусскими артиллеристами, нежели совершенствѣ системы орудій. Гг. К. и Д. безъ труда поймутъ вѣроятно, что даже гладкія орудія могли бы при подобномъ отно сительномъ положеніи заставить сняться непріятельскую батарею а о нарѣзныхъ, какой бы они системы ни были, и говорить нечего.

И рядомъ со всѣмъ этимъ, ни слова напр. о томъ, что одн стальное четырехъ фунтовое орудіе разорвало во II-й арміи; чем бы ни приписывали этотъ фактъ—небрежному ли обращенію, не совершенству ли стали, все равно,—но умалчивать о немъ, гово ря объ употребленіи орудій въ войну, не хорошо тому, кто пре тендуетъ на мало-мальски безпристрастное отношеніе къ предмету И вѣрнѣе даже приписать этотъ разрывъ если не металлу, то конструкціи клиноваго механизма, что очень возможно, какъ то показали изслѣдованія нашего ученаго артиллериста, генерала Га долина. Впослѣдствіи я слышалъ, что и на мирныхъ опытахъ ра зорвало одно стальное орудіе, и это орудіе тоже было небольшаго калибра. Чтобы ни говорили, какъ бы ни ссылались на то, что стальное орудіе можетъ выдержать до 6,000 выстрѣловъ, но не-

вольно приходить въ голову слѣдующее соображеніе: не лучше ли имѣть орудіе мѣдное, конечно не французской системы, выдерживающее меньшее число выстрѣловъ, но съ которымъ не случается непріятныхъ сюрпризовъ въ родѣ неожиданнаго разрыва? Прочность всякой вещи должно соразмѣрять съ характеромъ ея употребленія: чтобы изъ одного орудія сдѣлать 6,000 выстрѣловъ, нужно предположить участіе его по меньшей мѣрѣ въ 30, и при томъ горячихъ и продолжительныхъ генеральныхъ сраженіяхъ; при нынѣшней системѣ веденія войны такое число ихъ едва ли можетъ случиться и въ цѣлое столѣтіе. Спрашивается теперь: къ чему же заводить подобныя орудія теперь, при быстрыхъ успѣхахъ артилерійской техники, когда даже нельзя поручиться и за то, что система продержится 10 лѣтъ? Мнѣ кажется, что все это слишкомъ важные вопросы и въ финансовомъ, и собственно въ военномъ смыслѣ, чтобы разрѣшать ихъ торопливо и безусловно въ пользу стальныхъ орудій

Перехожу ко второму положенію гг. К. и Д., будто необходимо увеличить число зарядовъ, перевозимыхъ при орудіи.

Для подтвержденія своего положенія, они приводятъ слѣдующій, будто бы, фактъ: въ сраженіи при Садовой батареи израсходовали почти всѣ снаряды, возимые въ передкахъ и зарядныхъ ящикахъ; на слѣдующій день ихъ пополнили изъ подвижныхъ парковъ, которые отправились въ Турнау для пополненія и присоединились къ арміи только къ концу кампаніи; слѣдовательно, заключаютъ очевидцы, необходимо возить при орудіяхъ болѣе снарядовъ нежели возится теперь. Прочитавъ это, всякій подумаетъ, конечно, что если не всѣ, то большая часть батарей израсходовали всѣ свои снаряды въ сраженіи при Садовой, и будетъ введенъ въ колосальное заблужденіе. Не всѣ, а только батареи 1-й арміи сдѣлали этотъ огромный расходъ снарядовъ, и при томъ не въ одномъ только Кенигсгрецкомъ сраженіи, а и въ дѣлѣ при Гичинѣ, происшедшемъ за день передъ тѣмъ и которое было весьма упорно и кровопролитно; во II-й же арміи только одна батарея израсходовала нѣсколько болѣе половины комплекта, а остальныя гораздо менѣе этого числа.

Дѣлюсь съ читателемъ оффиціальными данными, которыя я получилъ, благодаря обязательности офицеровъ главной квартиры II-й прусской арміи, и которыя показываютъ, какъ невѣрно гг. К. и Д. сдѣлали свой выводъ. Эти данныя состоятъ изъ вѣдомостей, въ которыхъ детально показано: сколько, въ какомъ дѣлѣ и какихъ именно снарядовъ выпустила каждая батарея 1-го,

6-го и гвардейскаго корпусовъ *). Изъ нихъ явствуетъ: 1) что въ 1-мъ корпусѣ только одна нарѣзная 4-хъ фунтовая батарея выпустила въ битвѣ подъ Кенигсгрецомъ 112 гранатъ, т. е., по 14 на орудіе, остальныя батареи значительно меньше; 2) что въ гвардейскомъ корпусѣ, который принялъ въ битвѣ самое дѣятельное участіе изъ корпусовъ II-й арміи, только одна нарѣзная 4-хъ фунтовая батарея выпустила 484 гранаты, одна 203, а остальныя гораздо меньше, именно 172, 112, 88, 36. Эти данныя даютъ среднимъ числомъ на орудіе: 80 снарядовъ въ одной только батареѣ изъ шести, а въ остальныхъ—34, 29, 19, 15, 6 снарядовъ. Въ шестифунтовыхъ нарѣзныхъ батареяхъ того же корпуса цифры расхода снарядовъ при Кенигсгрецѣ слѣдующія: 246. 75, 100, 8; или: 41, 13, 17, 1 снарядъ на орудіе. Все это, какъ читатель видитъ, весьма далеко отъ комплекта въ 120—160 снарядовъ на орудіе. Артиллерія 6-го корпуса представляетъ данныя, еще менѣе утѣшительныя для вывода гг. К. и Д. Дѣлать общія заключенія объ арміи въ восемь корпусовъ по тому, что случилось въ трехъ только, не можетъ назваться ни раціональнымъ, ни безпристрастнымъ.

Гг. К. и Д. подкрѣпляютъ свое положеніе тѣмъ, что огонь теперь открывается съ болѣе дальнихъ разстояній, слѣдовательно, нужно имѣть и болѣе снарядовъ; на ихъ бѣду, даже и эта причина не идетъ къ дѣлу, ибо не она произвела огромный расходъ снарядовъ въ 1-й арміи, а то критическое положеніе, въ которомъ эта армія находилась въ теченіе 4-хъ или 5-ти часовъ, отъ 9-ти до часу или двухъ, т. е., до прихода 2-й арміи.

Вопросъ числа снарядовъ есть не чисто артиллерійскій, а и тактическій; всякая лишняя повозка замедляетъ движенія, а быстрота ихъ въ наше время составляетъ главный залогъ успѣха на войнѣ. Что сказали бы, если основываясь на II-й арміи, которая во всю войну не издержала и половины снарядовъ, начать доказывать, что ихъ возится слишкомъ много и что число ихъ слѣдуетъ уменьшить на половину? Сказали бы, вѣроятно, что выводъ невѣренъ; а между тѣмъ, онъ былъ вполнѣ сообразенъ съ главнѣйшимъ залогомъ успѣха, т. е. съ быстротою движенія; не менѣе невѣрно, основываясь на исключительномъ фактѣ, утверждать противное, разсматривая вопросъ съ чисто-артиллерійской точки и стремясь, не смотря ни на что, къ тому, чтобы при орудіи во-

*) 5-й корпусъ участія въ Кенигсгрецкой битвѣ не принималъ.

зить возможно большее число снарядовъ. Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ мало одного знанія артиллерійской техники, а нужно имѣть также понятіе о стратегіи и тактикѣ; при этомъ послѣднемъ условіи, авторы статьи не упустили бы, вѣроятно, изъ виду и того обстоятельства, что прусская армія побила именно быстротою болѣе, нежели чѣмъ либо другимъ. Мы бы поняли еще желаніе увеличить число снарядовъ при орудіи, если бы ихъ не достало въ какомъ-либо сраженіи, или если бы, при дальнѣйшемъ движеніи къ Дунаю, I-й арміи пришлось идти съ пустыми зарядными ящиками; но ни того ни другого не было. I-я армія имѣла одинъ полный комплектъ снарядовъ, II-я имѣла ихъ два—чего же болѣе? Недостатокъ обнаружился бы въ предположеніи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ генеральныхъ сраженій; но стратегія и тактика разъяснили бы авторамъ, что это случай невозможный, ибо послѣ такого погрома, каковъ былъ напр. кенигсгрецкій, разбитая армія оправляется не скоро и, волею не волею, должна уклоняться отъ боя. Потерявъ въ одной битвѣ 18 тысячъ плѣнныхъ и 174 орудія, австрійцы не могли и помышлять о новомъ немедленномъ усиліи, особенно если взять въ разсчетъ, что передъ тѣмъ еще они потеряли плѣнными до 30 тысячъ человѣкъ, и во всѣхъ дѣлахъ 5,900 офицеровъ. Для всякаго, кто имѣетъ въ виду не одинъ только ящикъ или пушку, а принимаетъ въ разсчетъ и человѣка, становится понятнымъ, что нельзя при подобномъ положеніи арміи противника предполагать возможность генеральнаго сраженія. Надѣемся послѣ этого, что г. авторы не откажутъ согласиться съ нами въ томъ, что требовать увеличенія снарядовъ, не принявъ въ разсчетъ всѣхъ фактовъ, а не артиллерійскихъ только, да и то не всѣхъ, а нѣкоторыхъ,—по меньшей мѣрѣ опрометчиво.

Отвѣтъ на статью Г. Ф., помѣщенную въ № 286-мъ «Русскаго Инвалида».

Замѣчанія по поводу статьи г. Д. вызвали объясненія со стороны третьяго лица, г. Ф. Съ большимъ нетерпѣніемъ взялся я за эту статью, въ ожиданіи, что она прольетъ свѣтъ на мои недоумѣнія относительно употребленія литой стали для полевыхъ орудій, употребленія телеграфовъ во время боя для показанія первыхъ паденій снарядовъ и всего прочаго, помѣщеннаго въ статьѣ г. Д. Ожиданія эти не вполнѣ оправдались относительно первоначальнаго предмета полемики, но за то были превзойдены въ отношеніи другихъ весьма важныхъ вопросовъ, которыхъ я и не думалъ касаться. Я нисколько не въ претензіи за подобное расширеніе полемической арены, напротивъ, очень радъ ему. Тонъ статьи г. Ф. предполагаетъ въ немъ человѣка, серьозно смотрящаго на дѣло, хотя и увлекающагося: онъ не принадлежитъ къ числу литературныхъ партизановъ, пишущихъ изъ-за удовольствія поиграть фразой; поспорить съ нимъ, значитъ почти навѣрное подвинуть дѣло къ разъясненію; такъ спорить пріятно.

Сущность содержанія статьи г. Ф. касается четырехъ предметовъ, которые ставлю по степени ихъ важности:

1) Для какихъ орудій собственно литая сталь можетъ почесться у насъ выгоднымъ металломъ?

2) Удобопримѣнима ли система заряжанія съ казны въ полевыхъ орудіяхъ?

3) Слѣдуетъ ли, или нѣтъ, увеличить комплектъ снарядовъ, нынѣ перевозимый при орудіяхъ?

4) Возможно или нѣтъ отмѣривать обороняющемуся разстоянія до различныхъ точекъ впереди позиціи, и если возможно, то при какихъ условіяхъ?

Относительно признанной уже теперь нашимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ нераціональности употребленія литой стали для по-

левыхъ орудій мы не расходимся въ мнѣніяхъ съ г. Ф.,—и я собственно не понимаю, въ какихъ видахъ распространился онъ на счетъ того, что пруссаки послѣ войны заказали Круппу 600 стальныхъ орудій, когда затѣмъ же говоритъ, что вслѣдствіе недавнихъ опытовъ, великолѣпно удавшихся, у насъ окончательно принята мѣдная, заряжаемая съ казны, пушка. Слѣдовательно, недоумѣніе мое относительно предпочтенія литой стали передъ мѣдью для полевыхъ орудій было не лишено основанія; разъ найдено возможнымъ дѣлать у насъ орудія изъ мѣди, не вижу резона имѣть ихъ изъ литой стали, кромѣ тѣхъ, конечно, которыя уже заведены. О чемъ же было спорить?

Что пруссаки придерживаются литой стали, удивительнаго ничего нѣтъ: она у никъ своя. Это условіе громадной важности, особенно въ предметахъ военнаго снабженія, и его не мѣшало бы г. Ф. болѣе имѣть въ виду, нежели изъ статьи видно. Г. Ф. въ особенности налегаетъ на превосходныя качества стали, а о томъ, что пудъ этого прекраснаго металла обходится около 30 р. сер. *), платимыхъ заграницу, статья хранитъ молчаніе, ограничиваясь только тѣмъ успокоительнымъ завѣреніемъ, что «артиллеристы также слишкомъ хорошо понимаютъ важность въ финансовомъ отношеніи вопроса о выборѣ металла для орудій, чтобы они рѣшили его въ пользу стали, не имѣвъ на то основательныхъ причинъ». Весьма и весьма было бы желательно узнать эти причины отъ г. Ф.; тѣмъ болѣе, что держать ихъ въ секретѣ нѣтъ надобности, разъ мѣдныя орудія относительно суммы качествъ признаны за лучшія.

Далѣе, продолжая отстаивать превосходныя качества стали, г. Ф. говоритъ, что артиллерійскій металлъ, не смотря на превосходное качество въ томъ отношеніи, что мѣдныя орудія не разрываются на куски, не можетъ замѣнить стали въ береговыхъ орудіяхъ, которыя дѣйствуютъ тяжелыми снарядами и большими зарядами. Въ своей статьѣ я выразилъ сомнѣніе относительно достоинствъ стальныхъ полевыхъ орудій въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ, но ни слова не сказалъ ни за, ни противъ употребленія стали въ большихъ калибрахъ: этотъ вопросъ совершенно выходилъ изъ предѣловъ статьи, имѣвшей въ виду только правильнѣе поставить вопросы, поднятые г. Д. Но разъ г. Ф. коснулся вопроса о большихъ калибрахъ, не могу пройти его молчаніемъ, считая недобросовѣстнымъ оставить что либо въ тѣни

*) Пудъ бронзы въ работѣ обходится не болѣе 20 руб., чугуна не болѣе 4-хъ.

относительно предмета столь громадной важности, какъ вооруженіе. Но приступивъ къ разбору вопроса о металлѣ для орудій большихъ калибровъ, я былъ ввергнутъ г. Ф. въ недоумѣніе: г. Ф., сколько могу судить, долженъ быть техникъ *), и я расположенъ вѣрить его авторитету, ибо самъ не техникъ; но Артиллерійскій Журналъ есть тоже органъ технической, и представляетъ мнѣніе уже не одного какого либо лица, а цѣлой корпораціи нашихъ техниковъ-артиллеристовъ, между которыми есть люди, пользующіеся даже европейскою, и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Въ № 10-мъ этого журнала я нашелъ слѣдующее: «Относительно отливки въ Пруссіи мѣдныхъ орудій на стержнѣ генералъ-маіоръ М. сообщаетъ, что хотя эта отливка производится тамъ безъ внутренняго охлажденія, но тѣмъ не менѣе орудія выходятъ несравненно лучше прежнихъ, такъ, что для 24-хъ фунтовой нарѣзной мѣдной пушки нынѣ назначили зарядъ въ шесть прусскихъ фунтовъ пороху (около семи нашихъ фунтовъ), т. е. тотъ же самый, который употреблялся у насъ и въ Пруссіи къ стальной 24-хъ фунтовой пушкѣ... Нынѣ въ Пруссіи готовится нѣсколько мѣдныхъ 8-ми дюймовыхъ пушекъ» **).

Въ томъ же нумерѣ, въ перечнѣ занятій артиллерійскаго комитета, находимъ: «Стальныя сплошныя орудія оказываются у насъ, до 8-ми дюймоваго калибра включительно, вполнѣ хороши ***). Вотъ заключеніе, къ которому пришелъ комитетъ послѣ нѣсколькихъ разрывовъ 9-ти дюймовыхъ пушекъ.

Изъ приведенныхъ цитатъ слѣдуетъ: 1) что 24-хъ фунтовыхъ пушекъ уже и теперь нѣтъ надобности лить изъ стали, а вѣдь это тоже одинъ изъ тѣхъ калибровъ, для которыхъ г. Ф. не признаетъ другаго металла, кромѣ стали; 2) предполагая удовлетворительность опытовъ надъ 8-ми дюймовою пушкою, можно будетъ обойтись безъ стали для приготовленія орудій и этого калибра ****).

---

*) Позволю себѣ это предположеніе по стремленію г. Ф. къ такого рода точности выраженій, которая составляетъ отличительную черту техниковъ: разрывъ пушки, заряженной съ казны, онъ находитъ болѣе правильнымъ называть отпаденіемъ заклиновой части. Искренно благодаря его за эту поправку, рѣшаюсь замѣтить только, что тому нумеру прислуги, которому отпавшая заклиновая часть попадетъ въ животъ или въ иную часть тѣла, вѣроятно, это будетъ казаться скорѣе разрывомъ, чѣмъ отпаденіемъ, если, по счастію, онъ сохранитъ еще послѣ этого способность разсуждать. Мы слышали, что отпадающія заклиновыя части отлетаютъ на десятки саженъ, а иногда пробиваютъ стѣны, сдѣланныя изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ.

**) См. Артиллерійскій Журналъ 1866, № 10-й, перечн. занятій артил. ком., стр. 457.

***) Артиллерійскій Журналъ 1866, № 10-й, перечн. зан. артил. ком., стр. 435.

****) Это тѣмъ болѣе желательно, что изъ перечня занятій артил. комитета видно (1866, № 9-й, стр. 390), что одна изъ 8-ми дюймовыхъ стальныхъ пушекъ

Могутъ возразить, что это послѣднее орудіе только еще испытывается въ Пруссіи; на это отвѣтимъ, что самая мысль подобнаго опыта показываетъ, что безусловно отвергать годность артиллерійскаго металла для большихъ калибровъ, какъ то дѣлаетъ г. Ф., нѣсколько торопливо. Къ этому невольно приходитъ въ голову и слѣдующій вопросъ: отчего Пруссія,—единственная страна въ мірѣ, въ которой фабрикація литой стали доведена до нѣкоторой степени однообразія,—сочла за необходимое сдѣлать попытку приготовленія орудій большихъ калибровъ изъ бронзы? Ей казалось бы легче, нежели кому либо, приготовлять и большіе калибры изъ стали, подобно полевымъ пушкамъ? Мнѣ кажется отъ того, что пруссаки не надѣются на прочность литой стали въ орудіяхъ большаго калибра. Но тутъ-то меня и начинаетъ терзать недоумѣніе: г. Ф. писалъ статью свою уже тогда, когда № 10-й Артиллерійскаго Журнала вышелъ въ свѣтъ, чему доказательствомъ служитъ то, что онъ ссылается даже и на № 11-й этого журнала: вѣроятно, онъ имѣлъ свои причины, не только не принявъ въ разсчетъ приведенныхъ заявленій, но даже высказавшись безусловно въ пользу стали для береговыхъ орудій, т. е. для 24-хъ фунтовыхъ и 8-ми дюймовыхъ пушекъ. Онъ весьма меня обяжетъ, если не откажется помочь моему невѣдѣнію и объяснитъ причину этого своего мнѣнія.

Въ ожиданіи же этого объясненія, позволю себѣ сдѣлать, основываясь на однихъ данныхъ Артиллерійскаго Журнала, слѣдующій выводъ: 1) для калибровъ болѣе 8-ми дюймоваго сталь не годится; 2) для калибровъ 24 ф. и 8 д. возникаетъ мысль о замѣнѣ ея артиллерійскимъ металломъ, и притомъ возникаетъ въ странѣ литой стали.

Можетъ быть возразятъ, что скрѣпленіе стальныхъ орудій и стальными же кольцами доставитъ незамѣнимое по своимъ качествамъ орудіе? На это отвѣчу, что разъ пошло дѣло на скрѣпленіе, лучше ужь скрѣплять чугунъ, какъ то дѣлаютъ во Франціи, а не такой драгоцѣнный металлъ какъ литая сталь. Употреблять ее только какъ твердый металлъ для выдѣлки орудій значитъ хлопотать не о томъ уже, чтобы имѣть артиллерію, удовлетворяющую своему назначенію, а о томъ, преимущественно, чтобы она была непремѣнно изъ литой стали, которая, такимъ образомъ, изъ средства обратится уже въ цѣль.

Не смотря на то, что онѣ признаны вполнѣ хорошими, испытала на произведенныхъ у насъ опытахъ поврежденія, до того чувствительныя, что ихъ, кажется, можно назвать даже разрывомъ.

Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что полевыя орудія прусской системы возможны изъ артиллерійскаго металла, г. Ф. возвращается къ историческому ходу этого вопроса. «Весьма легко сказать, говоритъ онъ, устройте хорошее мѣдное орудіе прусской системы: но гораздо труднѣе исполнить это. Дѣло состоитъ въ томъ, что всѣ попытки, сдѣланныя сначала по устройству такого орудія, постоянно не увѣнчивались успѣхомъ и потому надобно было рѣшиться: или заказать эти орудія за границею изъ стали, или же остаться на долгое время при мѣдныхъ орудіяхъ французской системы, не смотря на дурное ихъ сравнительно дѣйствіе».

Что всякая новость въ техническомъ производствѣ сопряжена съ затрудненіями, это я, хотя и по наслышкѣ, знаю; и это составляетъ одну изъ причинъ, между прочимъ, того, что во всѣхъ артиллеріяхъ такъ хлопочутъ о возможномъ однообразіи матеріальной части вообще и калибровъ въ особенности; но чтобы въ предлежащемъ случаѣ такія затрудненія существовали, мнѣ, какъ не технику, это не приходило въ голову вотъ почему:

Въ Пруссіи, странѣ литой стали, еще до датской кампаніи попытка замѣны этого металла артиллерійскимъ была сдѣлана и не оказалась неудачною, ибо мѣдныя заряжаемыя съ казны орудія 12-ти и 24-хъ ф. калибра дѣйствовали уже подъ Дюппелемъ и выдержали отъ 600 — до 800 выстрѣловъ, безъ поврежденія. Слѣдовательно, мысль объ употребленіи мѣди для изготовленія орудій, заряжаемыхъ съ казны, равно и осуществленіе ея, весьма удовлетворительное, не такъ новы, и, если не ошибаюсь, относятся къ тому времени, когда у насъ не думали еще о заказѣ стальныхъ полевыхъ орудій.

Мы не имѣемъ и въ мысли ставить кому либо въ упрекъ того, что этотъ фактъ не былъ принятъ въ соображеніе; мы знаемъ, что, особенно въ дѣлахъ практическихъ, не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ: мы только напоминаемъ г. Ф. факты, которые имъ, вѣроятно, были забыты, когда онъ писалъ вышеприведенное мѣсто своей статьи. Мы обращаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его вниманіе и на отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго комитета въ 1865 г., изъ котораго ясно видно, что къ этимъ опытамъ приведены были обнаружившимися недостатками литой стали, между прочимъ, сильнымъ расположеніемъ ея къ ржавчинѣ *), слѣдовательно, мысль о нихъ была уже слѣдствіемъ принятія стальныхъ орудій, а не пред-

*) См. № 10-й Артиллерійскаго Журнала за нынѣшній годъ. Отчетъ о занятіяхъ комитета въ 1865 году, стр. 499.

ествовала этому принятію. Да наконецъ, въ Артиллерійскомъ урналѣ за прошлые года можно было бы найти результатъ ихъ неудавшихся попытокъ, если бы они не существовали въ ромъ только воображеніи г. Ф.: этотъ почтенный органъ нашего ртиллерійскаго комитета такъ добросовѣстно, обстоятельно и своеременно заноситъ на свои страницы все, сколько нибудь интересное по его спеціальности, что онъ, вѣроятно, не прошелъ бы олчаніемъ предмета столь важнаго, какъ попытки замѣнить у насъ галь мѣдью.

Въ заключеніе, рѣшаюсь попросить г. Ф. объяснить мнѣ, какъ е технику, еще слѣдующій вопросъ:

Если затрудненія въ пріисканіи мѣдныхъ заряжающихся съ азны орудій были такъ велики, то въ чемъ собственно они заючались: въ конструкціи ли, въ томъ ли, что артиллерійскій плавъ, употреблявшійся для прежнихъ орудій, пришлось измѣнить, или въ томъ, наконецъ, что пришлось измѣнить способъ итья?

Перехожу ко второму вопросу—примѣнимости заряжанія съ азны къ полевымъ орудіямъ. Относительно этого предмета г. Ф. обственно споритъ самъ съ собою, такъ какъ въ моей статьѣ о емъ не упомянуто ни слова. Впрочемъ, вполнѣ признавая преимущество этой системы заряжанія передъ старою, и въ смыслѣ ѣткости, и въ смыслѣ сбереженія орудій, не могу не обратить ниманія г. Ф. на то, что эта система примѣнимѣе въ мѣдныхъ олевыхъ орудіяхъ, нежели въ стальныхъ, ибо въ первыхъ клинъ е можетъ приржавѣть къ стѣнкамъ поперечнаго отверстія, въ которомъ ходитъ.

Относительно числа перевозимыхъ при орудіи снарядовъ г. Ф. ержится весьма странной аргументаціи, вкратцѣ состоящей вотъ ъ чемъ: опытъ войны показалъ, что ни въ одномъ сраженіи послѣдней кампаніи, ни одна батарея не разстрѣляла своего комплекта,—слѣдовательно, его нужно увеличить!

Ссылка его на бо́льшія, сравнительно съ прежними, разстоянія стрѣльбы нарѣзныхъ орудій несостоятельна, и это еще разъ показываетъ, что въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ мало имѣть въ виду одну пушку, а нужно помнить тоже и о человѣкѣ. Можно принять за безусловную истину, что слишкомъ большой расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, всегда происходилъ и будетъ происходить не отъ дальности выстрѣла изъ оружія, а отъ потери хладнокровія стрѣляющими. Если г. Ф. докажетъ мнѣ, что со веденіемъ усовершенствованной артиллеріи прислуга должна сдѣ-

латься впечатлительнѣе и терять хладнокровіе скорѣе, чѣмъ прежде, тогда я совершенно соглашусь съ нимъ, что комплектъ зарядовъ необходимо будетъ увеличить. Примѣръ французской артиллеріи я не считаю въ разрѣшеніи этого вопроса доказательнымъ по той причинѣ, что тамъ, болѣе нежели гдѣ нибудь, техники-артиллеристы составляютъ замкнутую корпорацію; и можно сказать почти навѣрное, что они разрѣшили вопросъ о комплектѣ снарядовъ, нисколько не справляясь съ мнѣніемъ французскихъ не-артиллерійскихъ генераловъ.

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ, относительно отмѣриванія и намѣчиванія разстояній. Г. Ф. въ этой части своей статьи занимается опять опроверженіемъ не столько того, что я высказалъ, сколько того, что ему угодно было приписать мнѣ. Ему показалось, будто я считаю заблаговременныя отмѣриванія и намѣчиванія разстояній «чѣмъ-то новымъ и доселѣ небывалымъ»: едва ли, въ подтвержденіе этого, онъ найдетъ хоть одну фразу въ моей статьѣ, въ которой говорилось только, что случаи отмѣриванія, приведенные г. Д., сомнительны; впрочемъ, и г. Ф., ничего не упоминая ни о пресбургскихъ камняхъ, ни о телеграфахъ, вѣроятно, пришелъ отчасти тоже къ этому убѣжденію. Австрійская артиллерія не находилась въ такомъ бѣдственномъ состояніи передъ кёнигсгрецкимъ сраженіемъ, какъ то, не безъ натяжки, угодно было вывести г. Ф. изъ моей статьи; но люди были въ ней весьма утомлены, какъ и въ другихъ родахъ оружія, да и было отъ чего: большая часть австрійскихъ корпусовъ прибыли на позицію подъ Кёнигсгрецомъ послѣ продолжительныхъ маршей и неудачныхъ сраженій, только 1-го вечеромъ, и въ теченіе 2-го іюля; а 3-го послѣдовала битва. Понимается само собою, что при такомъ положеніи могло не прійти въ голову сдѣлать промѣры: на войнѣ при подобныхъ условіяхъ и болѣе важныя вещи упускаются изъ виду.

Примѣръ евпаторійскаго отряда, гдѣ артиллерія нашего авангарда имѣла отмѣренныя разстоянія, къ дѣлу не идетъ, ибо тамъ этотъ отрядъ стоялъ нѣсколько мѣсяцевъ; не идетъ также къ дѣлу и альминскій примѣръ, ибо и тамъ наша армія стояла не одинъ день.

Въ заключеніе, не можемъ не упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ образчикѣ аргументаціи г. Ф.: умолчаніе г. Д. о разрывѣ одной прусской пушки во 2-й арміи онъ объясняетъ тѣмъ, что этотъ разрывъ «не относится ни до качествъ стали, ни до принятой въ нашей артиллеріи конструкціи орудій, заряжающихся съ казенной части». Но вѣдь въ статьѣ г. Д. рѣчь, кажется, шла

о русскихъ, а о прусскихъ пушкахъ, г. Ф.? О недостаткахъ русской пушки не сказано потому, что русская очень хороша: ъ аргументаціи оригинальный. Да притомъ и здѣсь г. Ф. сходится съ мнѣніемъ Артиллерійскаго Журнала, въ кото- ъ положительно говорится, что накопленіе, напримѣръ, нагара жетъ повести къ разрыву стальнаго орудія *).

*) Тотъ же, № 10-й Артиллерійскаго Журнала. пер. зан. арт. ком. 1866 годъ.

Отвѣтъ г. Д.

Г. Д. избралъ предметомъ своихъ разсужденій, которым
лится опровергнуть мои доводы, слѣдующіе вопросы:

1) систему орудій полевой артиллеріи и выгоднѣйшій ме
для нихъ;

2) число перевозимыхъ при орудіи зарядовъ;

3) отмѣриваніе и намѣчиваніе разстояній для артиллері
стрѣльбы и вырубку цѣлыхъ лѣсныхъ участковъ для откры
тареямъ большаго обстрѣла.

Мой оппонентъ разбираетъ эти вопросы въ обратномъ пор
но я предпочитаю вышеприведенный, ибо онъ представляетъ
занные вопросы въ постепенности, соотвѣтствующей важности

Начинаю съ перваго. Г. Д., противупоставляя фра
скую систему орудій прусской, неопровержимо доказы
превосходство послѣдней, противъ чего я никогда и не д
спорить. Предлагаю ему указать хотя одно мѣсто въ моей с
изъ котораго онъ могъ бы заключить, что я сомнѣваюсь въ
превосходствѣ. Мое замѣчаніе по поводу разрыва стальной
пушки относилось не къ системѣ заряжанія съ казны, а къ
стали, которую нахожу, и притомъ, на основаніи мнѣнія
вполнѣ компетентныхъ, неудобнымъ и дорогимъ метал
для орудій. Чтобы въ этомъ убѣдиться, разберу по пунктамъ
ніе г. Д. о преимуществахъ литой стали.

Г. Д. говоритъ:

„Каналъ и нарѣзы стальнаго орудія и послѣ огромнаго числа выстрѣл
измѣняются ни въ размѣрахъ, ни въ очертаніи, а, слѣдовательно, и мѣ
орудія не уменьшается съ теченіемъ времени."

Между тѣмъ въ Артиллерійскомъ журналѣ сообща
что изъ мѣдной 4-хъ-фунтовой пушки было сдѣлано 1,300 вы
ловъ полными зарядами и снарядами, и орудіе осталось въ

летворительномъ состояніи; въ томъ же состояніи оно находилось и послѣ 1,500 выстрѣловъ. Притомъ, испытанное орудіе было отлито обыкновеннымъ способомъ; при отливкѣ же на стержнѣ, оно выдержитъ и гораздо большее число выстрѣловъ, чѣмъ нынѣ испытываемое орудіе.

Бронза окисляется чрезвычайно мало и равномѣрно по всей поверхности; сталь же, напротивъ, сильно подвержена ржавчинѣ *), то при продолжительной службѣ не можетъ не имѣть вліянія на измѣненіе размѣровъ канала.

„Въ заряжающихся съ казенной части мѣдныхъ пушкахъ свинецъ оболочки заряда пристаетъ къ нарѣзамъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ къ нарѣзамъ стальнаго орудія. При частомъ или неосторожномъ употребленіи инструмента для сниманія свинца, каналъ мѣднаго орудія можетъ быть поврежденъ."

Въ мѣдныхъ орудіяхъ пристающій свинецъ счищается не желѣзными скребками, а щетками изъ мѣдной проволоки, и въ нынѣшнемъ орудіи ощутительной порчи нарѣзовъ отъ этого не замѣчено.

Далѣе г. Д. говоритъ:

«Стрѣльба картечью въ обыкновенныхъ жестянкахъ портитъ каналъ мѣднаго орудія. Разрывъ гранаты въ каналѣ или неосторожное обращеніе съ орудіемъ и вспомогательныхъ дѣйствіяхъ портитъ каналъ мѣднаго орудія въ болѣе значительной степени, чѣмъ каналъ стальнаго.

Г. Д. должно быть извѣстно, что обыкновенныя жестянки уже давно замѣнены для нарѣзныхъ орудій цинковыми жестянками; слѣдовательно, говорить о стрѣльбѣ картечью въ обыкновенныхъ жестянкахъ значитъ или намѣренно извращать фактъ, или не знать его.

Разрывъ гранаты въ каналѣ орудія портитъ каналъ мѣднаго орудія; но небрежное обращеніе со стальнымъ орудіемъ можетъ повести къ разрыву его въ куски **). Мѣдныя орудія не рвутъ, а только раздуваетъ.

«Вслѣдствіе меньшаго удѣльнаго вѣса и большей прочности стали, можно сдѣлать стальное орудіе легче мѣднаго; или, давая обоимъ орудіямъ одинаковый вѣсъ, сдѣлать стальное длиннѣе. Такъ, напр., прусская 4-хъ фунтовая стальная пушка всего 34-мя фунтами тяжелѣе австрійской 4-хъ-фунтовой мѣдной пушки, между тѣмъ какъ первое орудіе 25-ю дюймами длиннѣе втораго. Это обстоятельство весьма важно. Большая длина канала, при прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ, обусловливаетъ большую мѣткость и большую начальную скорость заряда. Относительный зарядъ прусской пушки меньше относительнаго заряда австрійской пушки, между тѣмъ какъ начальная скорость перваго орудія 121-мъ футомъ больше второго (1,175 и 1,054). Отчасти эта разница въ начальныхъ скоростяхъ происходитъ вслѣдствіе конструкціи австрійскаго орудія, отчасти же отъ незначительной длины канала.

---

*) Артиллерійскій журналъ 1866, № 10.
**) Тамъ же.

Вѣсъ нашего стальнаго 4 ф. орудія 20 п. 22 фунт.; вѣсъ мѣднаго той же конструкціи—22 п. 39 фунт., и притомъ послѣднее нѣсколько длиннѣе *).

Вотъ дѣйствительныя выгоды мѣдныхъ орудій, на основаніи которыхъ наше артиллерійское вѣдомство, прилагающее всѣ усилія къ тому, чтобы не быть въ зависимости отъ иностранцевъ въ предметѣ столь важномъ, какъ вооруженіе, отдало этимъ орудіямъ преимущество предъ стальными, и почему какъ съ чисто военной точки зрѣнія, такъ и по экономическимъ соображеніямъ, мѣдныя орудія признаны лучшими, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

Относительно недостаточнаго, будто бы, числа снарядовъ, возимыхъ при арміи, г. Д. говоритъ, что онъ разумѣлъ только прусскую армію. Искренно сожалѣю, что гг. К. и Д., воспользовавшіеся его письмомъ, высказали мнѣніе о недостаточности числа снарядовъ вообще, а не въ примѣненіи къ одной прусской артиллеріи только. Но даже ограничивая мнѣніе г. Д. этою послѣдней, все же съ нимъ нельзя согласиться: по послѣднимъ свѣдѣніямъ, которыя совершенно сходятся съ приведенными въ моей первой статьѣ **), въ прусской артиллеріи было израсходовано, среднимъ числомъ, отъ 44 до 89 снарядовъ, на каждое 4-хъ фунт. и отъ 24 до 50 на каждое 6-ти-ф. орудіе, за всю кампанію; отъ этого числа, до 156 и 120 снарядовъ, возимыхъ при орудіяхъ,—весьма далеко.

О стратегическихъ комбинаціяхъ моего оппонента въ пользу того, будто подъ стѣнами Вѣны австрійцы могли рѣшиться еще разъ на генеральное сраженіе, не считаю за нужное распространяться, ибо онѣ достаточно опровергаются тѣмъ фактомъ, что австрійцы предпочли этой рѣшимости тяжкій и унизительный миръ. Но не считаю себя вправѣ пройдти молчаніемъ одного довода г. Д. въ пользу этихъ комбинацій, весьма замѣчательнаго въ устахъ человѣка, который претендуетъ, будто опирается вездѣ и во всемъ на факты: «Если бы 1-я армія, (прусская), говоритъ онъ, лишь нѣсколькими днями позже прекратила сообщеніе по желѣзной дорогѣ между Ольмюцемъ и Вѣною, то Бенедекъ успѣлъ бы отправить не только четыре, но всѣ семь ав-

*) Къ этимъ четыремъ пунктамъ прибавляю пятый: стальное 4-хъ-фунтовое орудіе стоитъ 750 рублей, мѣдное- 400 р.; металлъ мѣднаго негоднаго орудія стоитъ около 200 р., металлъ негоднаго стальнаго ничего не стоитъ. Мѣдныя мы можемъ лить у себя дома, стальныя должны были пока заказывать за границей: мѣдное орудіе съ попорченнымъ каналомъ можно залить и снова высверлить, какъ то дѣлали въ Голландіи; что можно сдѣлать съ попорченнымъ стальнымъ,—предоставляю придумать г. Д. Чистка мѣдныхъ орудій весьма легка; чистка стальныхъ очень и очень нелегка.

**) Въ томъ, что касается II-й арміи; о другихъ я не говорилъ.

стрійскихъ корпусовъ. Относительно того, что не осуществилось, можно еще дѣлать предположенія pro и contra; но предполагать неосуществленіе того, что дѣйствительно произошло, верхъ смѣлости фантазіи!

Пусть прочтетъ г. Д. статью г. Д., помѣщенную въ № 12-мъ Артиллерійскаго журнала; изъ нея онъ постигнетъ, въ какомъ состояніи австрійскіе корпуса находились послѣ кенигсгрецкаго сраженія, и послѣ этого, вѣроятно, согласится, что едва ли они могли быть скоро приведены въ возможность серьезно сопротивляться.

Отстаивая положеніе о томъ, что австрійцы отмѣрили и намѣтили разстоянія на кенигсгрецкой позиціи и вырубили цѣлые лѣсные участки для открытія батареямъ большаго обстрѣла, г. Д. держится той-же системы произвольныхъ предположеній, и въ потребныхъ случаяхъ принимаетъ за доказанное то, что еще нужно доказать. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній онъ приводитъ постоянно одни только прусскіе источники, не указывая въ то же время ни одного австрійскаго. Такимъ образомъ, г. Д. приводитъ мнѣ въ доказательство именно то, что я въ самомъ началѣ заподозрилъ въ преувеличеніи. Кромѣ того, прошу г. Д. обратить вниманіе на то, что я не отвергалъ никогда пользы примѣровъ вообще, а, напротивъ, нахожу ихъ прекрасною снаровкою при оборонѣ не только для артиллеріи, но и для пѣхоты; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаю промѣры на кенигсгрецкой позиціи не фактомъ, а только гипотезою, и до тѣхъ поръ останусь при этомъ мнѣніи, пока мнѣ не укажутъ хотя на одинъ австрійскій достовѣрный источникъ, подтверждающій, что эти промѣры дѣйствительно были сдѣланы.

Относительно вырубки цѣлыхъ лѣсныхъ участковъ, должно замѣтить слѣдующее:

Я осмотрѣлъ 5-го іюля новаго стиля, слѣдовательно, черезъ день послѣ сраженія, главный пунктъ позиціи, то-есть пространство между Садовою, Липою, Хлумомъ и Бенатекомъ, и видѣлъ: 1) что въ лѣскѣ, находящемся сѣвернѣе Садовой, по окраинѣ, обращенной къ пруссакамъ, дѣйствительно было срублено ряда два или три деревъ, но только это было сдѣлано для образованія засѣки и нисколько не увеличивало сферы обстрѣла батарей, которыя были поставлены правѣе лѣска, у Хлума; 2) что въ лѣскѣ, находящемся непосредственно за Садовою, кора дѣйствительно была снята съ деревьевъ, но только не съ нѣсколькихъ и не съ отдѣльно стоящихъ, какъ было бы сдѣлано для отмѣтки разстояній, а съ цѣлыхъ десятковъ деревьевъ,

стоящихъ подъ-рядъ, и преимущественно съ прилегающихъ къ бивaку пѣхотной части, стоявшей за лѣскомъ. Если бы г. Д. обратилъ вниманіе на шалаши этого бивака, то и увидѣлъ бы, что они были покрыты, преимущественно, корою.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать, что кромѣ фактовъ цифирныхъ и газетныхъ, есть еще психическіе факты, неопровержимые какъ аксіома, и выводы изъ которыхъ мой аппонентъ расположенъ принимать за общія фразы. Вотъ эти факты:

1) Человѣкъ, побывавшій въ борьбѣ, всегда преувеличиваетъ обстоятельства, ее сопровождавшія, и вслѣдствіе этого, конечно, расположенъ зачастую видѣть преднамѣренность со стороны непріятеля въ такихъ вещахъ, о которыхъ тотъ и не думалъ; или же если и сдѣлалъ ихъ, то вовсе не съ тою цѣлью, какъ кажется это человѣку, побывавшему въ борьбѣ. Замѣтьте, это будетъ не ложь, а гипотеза, на которую, не обинуясь, рѣшится человѣкъ самый правдивый, но которой, не смотря на это, на вѣру принимать нельзя.

2) На армію, потерпѣвшую неудачи, въ родѣ тѣхъ, которыя постигли австрійцевъ еще до кенигсгрецкаго сраженія, истощенную лишеніями *) и продолжительными маршами, налегаетъ обыкновенно такая нравственная апатія, что забываются вещи и поважнѣе промѣровъ. Это подтверждается тѣмъ-же кенигсгрецкимъ сраженіемъ, въ которомъ австрійцы совершенно упустили изъ виду наблюденіе за своимъ правымъ флангомъ—что, конечно, важнѣе промѣровъ. И въ этомъ случаѣ г. Д. снова прибѣгаетъ къ гипотезѣ, которая прямо противорѣчитъ факту, утверждая, что нельзя предполагать, чтобы австрійцы не ожидали атаки на свой правый флангъ со стороны II-й арміи: на бѣду, для довода г. Д. они дѣйствительно не ожидали атаки съ этой стороны, что подтверждается и реляціею Бенедека, сознающагося въ ней, что онъ не замѣтилъ силъ, направленныхъ противъ его праваго фланга, за туманомъ, и свидѣтельствомъ офицеровъ главной квартиры II-й арміи, что на пути отъ Кенигингофа къ Гореновесу войска не встрѣтили ни одного австрійскаго разъѣзда.

---

*) Г. Д. сомнѣвается въ томъ, что австрійская армія была дурно продовольствуема въ эту кампанію: чтобы въ этомъ убѣдиться, пусть повнимательнѣе прочтетъ статью: «Panique und Pflichtreue» и проч., на которую самъ-же ссылается.

1867 годъ.

О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ, вслѣдствіе распространенія дально- и скорострѣльнаго оружія.

„Ново только то, что хорошо забыто".

I.

Мы живемъ въ многознаменательное время: военное событіе, сколь-
нибудь значительное, гдѣ бы оно ни случилось, отдается въ цѣломъ
цивилизованномъ мірѣ, коментируется, объясняется на тысячи ла-
совъ, даетъ иногда въ чужихъ земляхъ тонъ дѣятельности цѣлому
государственному строю. Чувствуется что-то тревожное, какъ будто
впередъ бѣдой неминучей; всѣ медоточиво говорятъ о мирѣ и въ
то же время вооружаются съ головы до ногъ. Повидимому, под-
ступаетъ одинъ изъ тѣхъ катаклизмовъ, которые отъ времени до
времени приводятъ въ сотрясеніе человѣческій міръ и за неготов-
ность къ которымъ сильно наказываютъ... А приготовиться есть
къ чему: желѣзныя дороги и телеграфы въ стратегическомъ смыслѣ,
дально-и скорострѣльное оружіе въ тактическомъ значительно видо-
измѣнили постановку вопроса: о подготовкѣ для дѣла воору-
женной силы и о способахъ выгоднѣйшаго употребленія
ея для рѣшенія политическихъ задачъ. Это чувствуется вездѣ:
не успѣли затихнуть послѣдніе раскаты кениггрецской канонады,
какъ почти во всѣхъ государствахъ, большихъ и маленькихъ, воз-
скаетъ усиленная работа реорганизаціи вооруженной силы. Во-
просы образованія ея возбуждаютъ не меньшее вниманіе.

При этомъ, рядомъ съ практическими усиліями поставить армію
въ соотвѣтствіе современнымъ требованіямъ и положенію, обнару-
живается могущественное теоретическое движеніе, стремящееся
вырвать этотъ вопросъ изъ рукъ рутины и установить раціональные

принципы устройства, содержанія и воспитанія войскъ... Во Ф
ціи является человѣкъ, который съ гражданскимъ мужествомъ
нашъ грѣшный вѣкъ рѣдкимъ, рѣшился раскрыть глаза св
соотечественникамъ и показать, что не все такъ хорошо въ
арміи, какъ они думаютъ, что попытки усилить ее внѣшнимъ
зомъ, т. е. увеличеніемъ числа, не много стоютъ; что на
рекруть и въ то же время не имѣть кадровъ, которые бы
могли развить въ солдатъ, значитъ составлять себѣ по доброй
иллюзіи, за которыми рано или поздно послѣдуетъ горькое
чарованіе. Великое слово маршала Саксонскаго: «не нужно,
бы арміи были многочисленны — нужно, чтобы онѣ
хороши», нашло себѣ такое блистательное подтвержденіе и
витіе въ упоминаемомъ сочиненіи *), какого только можно
ожидать отъ человѣка съ боевымъ и административнымъ опы
и въ то же время сильнаго сказать истину прямо въ глаза,
смотря на неудовольствіе сверху, на раздраженіе самолюбія,
щепетильнаго во французской массѣ, снизу.

Работа мысли и дѣла, не менѣе дѣятельная, хотя и м
бросающаяся въ глаза, идетъ и по всей Европѣ; всѣ переор
зовываются, всѣ изыскиваютъ дѣйствительнѣйшіе способы из
виться къ бѣдѣ, если только ей суждено разразиться.

Въ виду этой лихорадочной работы рѣшаемся задаться во
сомъ: что же именно должно измѣниться въ образованіи войс
въ тактикѣ ихъ, т. е. въ образѣ дѣйствій на войнѣ? Позвол
себѣ предложить посильное разрѣшеніе его не столько въ увѣ
ности, что оно будетъ удовлетворительно, сколько въ надежд
звать мнѣнія о немъ товарищей по ремеслу, интересующ
своимъ дѣломъ. Остановиться мыслію на томъ, отъ чего зави
судьба тысячъ головъ, а иногда и кое-что поважнѣе, никогд
мѣшаетъ.

II.

Нѣкоторымъ кажется, что всякое техническое усовершен
ваніе ведетъ къ радикальному перевороту военнаго дѣла. Эт
совсѣмъ такъ, и по самой простой причинѣ: именно потому,
главный факторъ въ этомъ дѣлѣ всегда былъ и останется о
и тотъ же — человѣкъ. Имѣя это въ виду, а также и то об
тельство, что всѣ техническія усовершенствованія только усили

*) L'armée française en 1867.

природныя свойства человѣка, но не видоизмѣняютъ ихъ въ какія-то новыя, станетъ понятно, что вопросъ подготовки войскъ къ бою требуетъ не столько изобрѣтенія чего-либо новаго, сколько большей вдумки, болѣе раціональнаго отношенія къ тому, что уже давно извѣстно, однимъ словомъ — вывода всѣхъ послѣдствій изъ этого давно-извѣстнаго. Давно уже сказано, что новое есть только хорошо забытое старое: эта замѣтка ни къ чему, можетъ быть, не примѣняется въ такой мѣрѣ, какъ къ военному дѣлу.

Предположивъ себѣ остановиться преимущественно на тактическомъ вопросѣ, ограничиваемся относительно стратегическаго только краткой замѣткой. Ускоренныя сообщенія ведутъ къ одному — къ необходимости быстро собираться, быстро и рѣшительно дѣйствовать; слѣдовательно, то, что прежде понимали только геніальные полководцы, теперь обращается какъ бы въ методъ. Нельзя тянуть дѣла, когда знаемъ, что противникъ его не затянетъ и жестоко можетъ наказать за промедленіе.

Случаи добраго стараго времени, когда кампаніи затягивались на многіе годы, могутъ повториться теперь развѣ при одномъ условіи — при полной бездарности и нерѣшительности людей, стоящихъ во главѣ противныхъ армій. Изъ этого уже видна справедливость высказаннаго выше положенія, что техническія усовершенствованія усиливаютъ значеніе только тѣхъ основаній войны и боя, которыя всегда были и пребудутъ неизмѣненными: та же быстрота, та же рѣшительность, которыя были залогомъ побѣды прежде, остаются ими и теперь, но въ степени несравненно сильнѣйшей.

Къ этому должно прибавить, что пока не размножатся желѣзныя дороги, узлы ихъ будутъ имѣть весьма важное стратегическое значеніе, равно какъ и выходы дорогъ на театръ войны или въ тылъ арміи *).

---

*) Мы говоримъ: „на театръ войны или въ тылъ арміи“, потому, что хотя послѣднее и было бы желательно, но оно не всегда возможно. На европейскихъ театрахъ войны чаще будетъ случаться, что желѣзно-дорожныя линіи наступающаго будутъ доходить не далѣе какъ до его границы. Сообщенія же на самомъ театрѣ войны по желѣзнымъ дорогамъ наступающему трудно будетъ получить, имѣя въ виду прегражденіе большей ихъ части крѣпостями. Арміи, находящіяся въ оборонительномъ положеніи, т. е. дѣйствующія въ собственной странѣ, будутъ въ состояніи пользоваться желѣзными дорогами до самаго тыла арміи, и въ этомъ оборона пріобрѣла себѣ весьма большое подспорье. Съ другой стороны, имѣя въ виду легкость порчи желѣзныхъ дорогъ, съ увѣренностію можно сказать, что партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ противника пріобрѣтаютъ теперь еще болѣе важное значеніе, нежели они имѣли въ прежнее время.

III.

Переходимъ къ тактическому вопросу. Первымъ представля
въ немъ, конечно, вопросъ объ отношеніи огня и штыка и
зависимости отъ него, вопросъ о боевыхъ формахъ или порядк
вторымъ—вопросъ объ употребленіи въ дѣлѣ оружія и бое
формъ; третьимъ—вопросъ воспитанія и образованія войск
мирное время, который можетъ быть рѣшенъ только въ за
мости отъ первыхъ двухъ.

Съ перваго взгляда кажется, что огонь въ настоящее в
береть рѣшительный перевѣсъ надъ штыкомъ. Посмотримъ,
ствительно ли это такъ.

При поверхностномъ наблюденіи послѣдней австро-прус
войны оказывается, будто пруссаки взяли преимущественно ог
но стоитъ только обратить вниманіе на то, что больше прих
лось ходить въ атаку имъ, а не австрійцамъ, дабы убѣдиться
противномъ.

Слѣдовательно, они взяли не столько пораженіемъ изд
сколько выказаннымъ желаніемъ и способностію сойтись съ
пріятелемъ на дистанцію штыка. Изъ этого слѣдуетъ, что
значеніе огня въ настоящее время увеличилось, но это не м
уменьшить значенія штыка. Послѣдняя кампанія не можетъ
жить доказательствомъ противнаго уже и потому, что противн
были не одинаково вооружены, и эта неодинаковость одна до
точна для того, чтобы предостеречь отъ слишкомъ поспѣшн
выводовъ въ пользу огня: для вѣрнаго заключенія объ относит
номъ значеніи холоднаго и огнестрѣльнаго оружія нужно б
однородныя величины, т, е. арміи, вооруженныя одинаково.

Предположимъ же, что оба противника одинаково хор
вооружены и возложили все свое упованіе на огонь *). Сбл
шись на дистанцію дѣйствительнаго выстрѣла, начинаютъ
стрѣлять. Но сколько бы они этимъ ни занимались, едва-ли к
рый-нибудь заставитъ другаго сдать до тѣхъ поръ, пока не
сится въ штыки **). Ясно, слѣдовательно, что въ концѣ кон

---

*) Какъ извѣстно, предположеніе это, при нынѣшнемъ состояніи техн
болѣе вѣрно, нежели обратное, въ томъ смыслѣ, что не пройдетъ, можетъ б
года, двухъ лѣтъ, какъ всѣ европейскія арміи будутъ вооружены скорост
нымъ оружіемъ.

**) Покрайней мѣрѣ, трудно себѣ представить войска, безъ посторон
причинъ деморализаціи, до такой степени ничтожныя нравственно, чтоби
не въ состояніи были выдержать перестрѣлки.

олѣетъ тотъ только, который покажетъ, что умѣетъ работать тыкомъ и что онъ непрочь отъ этой работы.

На войнѣ не тотъ бьетъ, кто больше убиваетъ, а тотъ, въ мъ больше энергіи, упорства, находчивости: представитель перхъ двухъ изъ этихъ качествъ—штыкъ. Рѣдкость дѣйствительхъ штыковыхъ свалокъ доказываетъ не ничтожество холоднаго ружія, какъ кажется нѣкоторымъ, а, напротивъ, то, что весьма дко встрѣчаются противники, равно способные къ тому, чтобы йтись на дистанцію штыка. Тѣмъ не менѣе, всегда брали верхъ лько тѣ войска, которыя показывали, что они на это способны лѣе, нежели противникъ. Въ послѣднюю кампанію превосходство этомъ смыслѣ было безспорно на сторонѣ пруссаковъ, какъ казали многіе опыты.

Пуля и штыкъ не исключаютъ, но дополняютъ другъ друга; рвая прокладываетъ дорогу второму, и упускать изъ вида ту бо другой одинаково нераціонально, и рано или поздно, но немуемо ведетъ къ катастрофамъ.

Если австрійцамъ въ послѣднюю кампанію не удавалось довоть дѣло до штыка, то причина тому лежала въ свойствахъ не олоднаго оружія, но тѣхъ людей, которые намѣревались имъ дѣйтвовать и не имѣли ни довольно находчивости, чтобы подготовить таку надлежащимъ образомъ, ни довольно упорства, чтобы доести ее до конца.

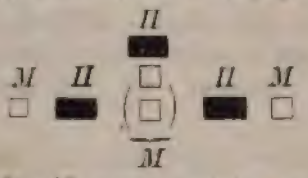
Неудача австрійцевъ приводитъ къ заключенію не о ничтожествѣ штыка, а о громадной важности подготовки въ мирое время войскъ, которыя въ бою не могутъ показать себя орошо, если система мирныхъ занятій препятствуетъ развитію въ фицерѣ и солдатѣ энергіи, упорства, самостоятельности и, какъ ѣдствія этихъ качествъ, находчивости.

Но если современное совершенство огнестрѣльнаго оружія не ключаетъ штыка, то все же оно обусловливаетъ нѣкоторыя измѣенія въ способѣ употребленія огня. Эти измѣненія заключаются одномъ: въ уясненіи такихъ свойствъ огнестрѣльнаго оружія, оторыя, при менѣе совершенномъ его состояніи, были только меѣе осязательны для массы, но все же существовали, и лучшими оенными людьми понимались.

Пояснимъ нашу мысль бѣглымъ обзоромъ явленій, вызванныхъ аспространеніемъ огнестрѣльнаго оружія и послѣдовательнымъ овершенствованіемъ этого послѣдняго. Извѣстно, что распространеніе огнестрѣльнаго оружія застало арміи въ эпоху полнаго реобладанія сомкнутыхъ и притомъ массивныхъ строевъ, вызванныхъ исключительно употребленіемъ холоднаго оружія—пики. Таковы

были швейцарскій, испанскій строи, нѣмецкія терціи. Всѣ эти строи представляютъ одинъ и тотъ же характеръ—густыхъ колоннъ, иногда до 50 пикинеровъ по фронту и столько же въ глубину. Появленіе мушкета привело современныхъ тактиковъ въ немалое затрудненіе: гдѣ размѣщать мушкетеровъ относительно пикинеровъ? Это затрудненіе происходило оттого, что мушкетеры, не имѣя штыка, ничего не значили въ рукопашной свалкѣ; оно выразилось довольно большимъ разнообразіемъ ихъ размѣщенія. Такъ въ терціяхъ мы ихъ видимъ иногда обрамливающими колонны пикинеровъ, иногда расположенными по угламъ терцій, тоже въ болѣе или менѣе глубокомъ строѣ, что обусловливалось медленностью заряжанія мушкета. Въ голандскомъ строѣ сдѣланъ уже шагъ впередъ: пикинеры и мушкетеры располагаются отдѣльными частями рядомъ. Густавъ-Адольфъ совершенствуетъ строй, располагая пикинеровъ и мушкетеровъ въ перемежку, но такимъ образомъ, что послѣдніе, сохраняя полную свободу дѣйствій, пока непріятель находился на извѣстномъ разстояніи, укрывались за пикинерами, когда ожидалась рукопашная свалка.

Вотъ боевой порядокъ шведской полубригады:



Характеристика дѣйствій мушкетеровъ въ этомъ боевомъ порядкѣ должна была заключаться въ томъ, что для начала боя они выдвигались передъ пикинеровъ для стрѣльбы; къ моменту же свалки находили укрытіе или за ними въ центрѣ полубригады, или же располагаясь на флангахъ, которые (см. чертежъ) въ шведскомъ полубригадномъ строѣ были поданы уступами назадъ и, слѣдовательно, при фронтальномъ столкновеніи представляли болѣе обезпеченныя точки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, расположеніе части мушкетеровъ на флангахъ позволяло содѣйствовать атакѣ пикинеровъ огнемъ. Къ этому должно прибавить, что стрѣльба изъ мушкета, весьма медленная вначалѣ, притянула все вниманіе современныхъ людей къ устраненію этого недостатка до такой степени, что о другихъ условіяхъ успѣшной стрѣльбы первое время и не думали. Такъ Густавъ-Адольфъ, принявъ бумажный патронъ, достигъ такой скорости стрѣльбы, что нашелъ возможнымъ отъ 12-шереножнаго, какъ въ голландскомъ порядкѣ, перейти къ 6-шереножному строю.

Съ изобрѣтеніемъ штыка ружье совершенно вытѣсняетъ пику, представляя соединеніе возможности стрѣлять и колоть, и ста-

ится единственнымъ оружіемъ пѣхоты. Такое соединеніе въ одно оихъ оружій имѣло первоначальнымъ слѣдствіемъ какъ бы подненіе непосредственнаго удара *) удару, наносимому издали. Это разилось и на строяхъ, которые мало по малу утоняются, высняя совершенно изъ числа боевыхъ строи глубокіе, и на складѣ нятій. То и другое достигло своего апогея при Фридрихѣ Векомъ, при которомъ единственнымъ боевымъ строемъ является ехшереножный развернутый; единственное значеніе придается ню, какъ старается доказать Гиберъ въ своей тактикѣ, стремяйся этотъ способъ дѣйствій оправдать теоретически, какъ единвенно-возможный.

Такое увлеченіе огнестрѣльнымъ пораженіемъ, въ эпоху, когда ужье впервые явилось сколько-нибудь удовлетворительнымъ оруіемъ, совершенно понятно и въ натурѣ человѣка, который, вервыхъ, расположенъ, по чувству самосохраненія, придавать преладающее значеніе тому способу пораженія, при которомъ онъ еньше рискуетъ собственной особой.

Разъ ставъ на эту точку, естественно устремили все свое вниніе на усовершенствованіе средства, которое считали главнымъ. овершенство огня, какъ уже замѣчено, по тогдашнимъ понятіямъ, ключалось въ возможной его густотѣ и скорости. Перваго дотигли развернутымъ строемъ, втораго быстротою заряжанія и мъ, чтобы не особенно много терять времени на прицѣливаніе. ослѣднее считали дѣломъ второстепеннымъ, ибо полагали, что я сущность въ томъ, чтобы ружье было въ горизонтальномъ и ертикулярномъ фронту положеніи. Это начало, положимъ соршенно вѣрно; но примѣненіе его было ошибочно: думали, что не обучая боевой стрѣльбѣ, это искусство можно привить солдату равниваніемъ стволовъ при прикладкѣ, холостою стрѣльбою и му подобными механическими пріемами, заставлявшими солдата ращать вниманіе не на цѣль, которую онъ собирался поражать, на одновременность звука выстрѣла и на равненіе ружья по сѣднимъ. Упущено было изъ вида еще и то, что быстрота, пріобрѣтаемая насчетъ прицѣливанія, не увеличиваетъ, а уменьшаетъ йствительность стрѣльбы. Въ результатѣ получалась жалкая стрѣльба; но это приписывали не недостатку обученія людей, а недостатку мѣткости оружія. Такимъ образомъ выработался тотъ меаническій образъ дѣйствія, при которомъ все было разсчитано

*) Т. е. подчиненіе удара холоднымъ оружіемъ—выстрѣлу. Мы предпочитаемъ звывать первый ударъ наносимымъ непосредственно, ибо это названіе болѣе арактеризуетъ положеніе человѣка при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ

на стройность, равненіе и на мнимую дѣйствительность стрѣл
при которомъ отъ человѣка не требовалось ни смѣтливости,
энергіи: первое было безполезно, разъ человѣкъ никогда не
ствовалъ отдѣльно; второе также, ибо энергія нужна для шт
а вѣдь безъ него, какъ казалось, можно было обойтись *).

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что Фрид
предвидѣлъ, къ чему можетъ повести такой порядокъ вещей,
инструкціяхъ своихъ требовалъ, чтобы бросались въ штыки,
огонь окажется недѣйствительнымъ. Но это было только пон
ніе вещи безъ желанія ея осуществить на практикѣ: послѣ
потребовало бы переворота системы во всемъ томъ, что каса
взгляда на солдата; а Фридрихъ былъ слишкомъ человѣкъ с
эпохи, чтобы пойти на такой переворотъ. Да не настояло въ
и практической надобности, имѣя дѣло съ арміями, въ кото
царила та же система, и которыя при томъ до такой сте
подчинялись обаянію Фридриха, что въ битвѣ ожидали только
вода, чтобы сдать прусакамъ. Крайній формализмъ и односто
ность своей тактики великій король восполнялъ своимъ дух
своею геніальностію. Но личная геніальность—сила преходя
и военная система только тогда обнаруживаетъ свои истин
свойства, когда она является безъ этой сильной, блистател
но посторонней поддержки.

Вся Европа преклонилась передъ этой системой, буква
перенимая самыя ничтожныя ея мелочи. Одинъ человѣкъ п
малъ ея односторонность, одинъ возбуждалъ смѣтку и энергі
солдатѣ, одинъ только училъ, что пуля дура, а штыкъ моло
что нужно стрѣлять рѣдко, да мѣтко; но ему не суждено
встрѣтиться съ прусской арміей и показать справедливость св
положеній, а домашніе, по исконному обычаю, нашли, что сво
рошее хуже плохаго чужаго. Прусскіе порядки, въ образѣ
вернутыхъ линій и походныхъ колоннъ на полныхъ дистанц
подъ эгидою палки, воцарились во всѣхъ европейскихъ арміях

Практика дала оцѣнку прусской системѣ на поляхъ Ау
лица, Іены, Ауэрштета и на другихъ: революціонныя арміи
тически доказали, что забывать штыкъ неразсчетливо, что сис
употребленія огня на прусскій манеръ годна только на то, ч
пускать пули на вѣтеръ, что атака колоннами въ штыки не

---

*) И, по странному противорѣчію, въ которое человѣкъ часто впад
штыкъ оказался какъ бы ненужнымъ именно тогда, когда его перенесли в
нецъ ствола ружья; пока же онъ существовалъ отдѣльно, въ видѣ пики, н
понималъ ясно, что безъ холоднаго оружія обойтись нельзя.

жетъ быть остановлена огнемъ развернутыхъ линій и рветъ ихъ безвозвратно, т. е. не оставляя возможности возстановить бой; что огонь изъ разсыпнаго строя дѣйствительнѣе огня изъ сомкнутаго. Вмѣстѣ съ признаніемъ колоннъ боевымъ строемъ, боевой порядокъ обращается изъ непрерывнаго въ перерывчатый; начальнику каждаго изъ звеньевъ этой перерывчатой линіи указывается, чего онъ долженъ достигнуть, а не по какому баталіону равняться или когда прекратить или начать какое-либо второстепенное движеніе. Тотъ же духъ требованій переносится и на разсыпной строй, гдѣ дѣйствующей единицей является отдѣльный человѣкъ: ему предоставляется выстрѣлить когда хочетъ, лишь бы попасть въ непріятеля; ему предоставляется, въ зависимости отъ этой главной цѣли, не только стрѣлять въ такой позѣ, въ какой ему вздумается, но даже до нѣкоторой степени быть свободнымъ въ своихъ движеніяхъ, а не подчинять ихъ немедленно поданной командѣ или сигналу. Связь по линіи боеваго порядка разрывается, ибо части, стоящія на одной линіи, по отдаленности, не могутъ по внѣшности составлять одного цѣлаго, и устанавливается новая связь—по перпендикулярному къ линіямъ направленію, т. е. между частями боевой линіи и соотвѣтствующими имъ ближайшими подкрѣпленіями; слѣдовательно, бой ведется уже не линіями, но скорѣе группами, между которыми устанавливается только связь огня, выручки издали, вмѣсто прежней связи, выражавшейся механическимъ равненіемъ и строгимъ соблюденіемъ дистанцій и интерваловъ.•

Итакъ, революціонная эпоха намѣтила и новый способъ стрѣльбы (изъ разсыпнаго строя) и новую форму боеваго порядка (перерывчатую), и наконецъ возстановила значеніе штыка.

Въ свое время это были поразительныя новости, а, между тѣмъ, въ нихъ новаго ничего не было, кромѣ того, что холодному оружію возвращено должное мѣсто. И понятно, что метательное пораженіе получится дѣйствительнѣе, если, при производствѣ его, каждому человѣку предоставить большую свободу какъ въ выборѣ минуты для выстрѣла, такъ и въ размѣщеніи относительно товарищей. До такой степени все это было не ново, что еще римляне ничего другаго кромѣ этого не дѣлали.... И такъ было и будетъ всегда въ тѣхъ арміяхъ, въ которыхъ понимаютъ, что однимъ какимъ-нибудь оружіемъ ограничиться нельзя, разъ какъ человѣкъ, по природѣ своей, способенъ къ пораженію врага, какъ издали, такъ и сойдясь съ нимъ грудь съ грудью.

Мало по малу Европа усвоила себѣ эту тактику если не по духу, то, покрайней мѣрѣ, по формѣ. Было много причинъ, въ зависимости

отъ которыхъ это произошло только по формѣ. Постоянныя войны помѣшали этой системѣ: 1) получить освященіе и развитіе рядомъ уставовъ и инструкцій; 2) онѣ же заставили на первыхъ порахъ упустить изъ вида важную односторонность въ обученіи боевой стрѣльбѣ, заключавшуюся въ убѣжденіи, что этому искусству безполезно учить въ мирное время основательно. При оружіи, изъ котораго, по выраженію одного француза, на 300 шаговъ нельзя было ручаться попасть и въ трехэтажный домъ, мысль о томъ, что несовершенство стрѣльбы зависитъ столько же, если не болѣе, и отъ недостатка обученія, не могла проявиться осязательно. Произошелъ, правда, цѣлый рядъ фактовъ, слишкомъ ясно показывавшихъ важность обученія стрѣльбѣ, именно дѣйствія англичанъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ кампанію 1815 года; но дѣйствительность ихъ стрѣльбы приписали ихъ хладнокровію и на томъ успокоились: какъ будто достаточно только быть хладнокровнымъ, чтобы съумѣть прицѣлиться и спустить курокъ!

Дѣло въ томъ, что если французы стрѣляли, благодаря разсыпному строю, относительно лучше, нежели развернутыя линіи континентальныхъ армій, то изъ этого вовсе еще не слѣдовало, чтобы они стрѣляли возможно-хорошо при тогдашнемъ оружіи. А громадные успѣхи, которые французы одерживали, благодаря преимущественно штыку, въ теченіе столькихъ лѣтъ, поселили въ нихъ убѣжденіе въ ничтожествѣ огня до такой степени, что къ концу счастливаго для нихъ періода обнаруживается совершенное забвеніе необходимости основательной подготовки атаки не только стрѣлковымъ, но даже артилерійскимъ огнемъ *). Итакъ, въ борьбѣ съ рутинерами огня, французы, незамѣтно для самихъ себя, пришли къ обратному, т. е. стали рутинерами штыка. Односторонность эта не могла остаться безнаказанною, какъ только они натолкнулись, въ свою очередь, на армію, которая, помня штыкъ, не забывала также и пули—на армію Веллингтона.

Всѣ эти факты какъ-то странно отразились на современникахъ. За окончаніемъ великой эпопеи, которая началась Тулономъ и окончилась Св. Еленой, боевыя воззрѣнія во всѣхъ европейскихъ арміяхъ представляютъ невообразимый сумбуръ: проповѣдуется почти вездѣ могущество штыка и ничтожество огня, преимущество колоннъ съ разсыпнымъ строемъ передъ развернутымъ, и въ то же время не только линіи, но даже цѣпи равня-

*) Многія сраженія на Пиренейскомъ полуостровѣ, атака замка Гумонъ въ сраженіи при Ватерлоо.

ется по-фридриховски—въ струнку; палка гуляетъ по спинамъ же по-фридриховски. Даже и то не было замѣчено, что кто выученъ бояться палки, тотъ уже по этому самому будетъ расположенъ бояться и штыка, какъ однороднаго съ нею оружія...

Мало по малу этотъ мракъ противорѣчій началъ разсѣеваться: но не одинаково быстро водворялись воззрѣнія болѣе послѣдовательныя: на западѣ начало этого движенія можно отнести къ сороковымъ годамъ, т. е. къ тому времени, когда быстро одно за другимъ послѣдовали открытія въ области нарѣзнаго оружія; у насъ начало движенія нѣсколько предшествуетъ крымской кампаніи; но становится замѣтнымъ только послѣ нея.

Рядомъ съ открытіями, сдѣлавшими возможнымъ распространеніе нарѣзнаго оружія въ войскахъ, т. е. стремившимися къ развитію дальности и мѣткости пораженія, въ Пруссіи, какъ бы по традиціи, работаютъ надъ доведеніемъ скорости стрѣльбы до возможнаго предѣла, но уже безъ ущерба прицѣливанію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ образованія войскъ дѣлаетъ медленные, но раціональные шаги: мало по малу уясняются взгляды на свойства разсыпнаго строя, доходятъ до пониманія, что боевой стрѣльбѣ учить нужно. Но все это шло медленно; до такой степени медленно, что фридриховскіе порядки въ примѣненіи къ строямъ далеко еще не вездѣ и теперь вымерли, чему доказательствомъ могутъ служить: до сихъ поръ существующее равненіе по линіямъ, однообразіе строя частей, составляющихъ одну линію, наконецъ примѣненіе правилъ сомкнутаго строя къ разсыпному, несмотря на то, что онъ по существу своему есть строй иррегулярный. Все это и до сихъ поръ еще ведетъ къ одному—къ исключенію самостоятельности частныхъ начальниковъ, между тѣмъ какъ предоставленіе имъ возможно полной иниціативы составляло краеугольный камень наполеоновской тактики. Вотъ почему выше мы сказали, что революціонный боевой порядокъ, т. е. перерывчатый, былъ усвоенъ только по формѣ, но отнюдь не по духу, даже во французской арміи, не говоря уже о другихъ.

Изъ этого бѣглаго очерка развитія понятій объ относительномъ значеніи холоднаго и огнестрѣльнаго оружія въ различныя эпохи видно: 1) что одностороннее увлеченіе чѣмъ-нибудь однимъ (т. е. штыкомъ или пулей) всегда кончалось катастрофой, какъ только являлся противникъ, который не забывалъ ни огня, ни холоднаго оружія. Въ особенности рѣзко это выразилось въ ту эпоху, въ которую изобрѣтеніе штыка, сливъ холодное и огнестрѣльное оружія въ одно, тѣмъ самымъ облегчило забвеніе чего-нибудь одного въ пользу другаго: пока этого не было, никому въ голову не при-

ходило, чтобы можно было обойтись чѣмъ-нибудь однимъ, т. либо пикой, либо мушкетомъ. 2) Что холодное оружіе не по жить усовершенствованію, между тѣмъ какъ огнестрѣльное по жить: вслѣдствіе этого, всякое улучшеніе послѣдняго кажется к бы ослабленіемъ значенія холоднаго оружія, что совершенно вѣрно, ибо дѣйствуетъ не оружіе, а человѣкъ; въ бою же одолѣваетъ только тогда, когда спокоенъ, рѣшителенъ, храбръ, е., пользуясь стрѣльбою, не забываетъ однако, что дѣло мож дойти и до штыка, и что только этотъ послѣдній даетъ рѣшитель результатъ. Всякое усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія только не благопріятствуетъ развитію этихъ качествъ, но преп ствуетъ ему; ибо чѣмъ огнестрѣльное оружіе лучше, тѣмъ силь расположеніе думать, будто можно ограничиться боемъ издали, и т гибельнѣе будетъ столкновеніе съ такимъ противникомъ, который, пренебрегая стрѣльбою, знаетъ, что нужно кончить штыкомъ, и четъ этого. Ясно, слѣдовательно, что чѣмъ ружье будетъ ста виться болѣе совершеннымъ, тѣмъ болѣе нужно будетъ старат въ обученіи наблюдать за тѣмъ, чтобы инстинкты, соотвѣтствую огнестрѣльному пораженію *), не брали въ человѣкѣ верха н инстинктами, отвѣчающими штыку **). 3) Что всякій шагъ въ у вершенствованіи оружія метательнаго велъ не къ открытію че либо новаго въ огнестрѣльномъ дѣйствіи, но только къ выясне взгляда на давно уже извѣстное. Такъ, первый шагъ этого усов шенствованія заключается въ достиженіи скорости стрѣльбы средствомъ облегченія заряжанія и выучки людей; второй—въ стиженіи мѣткости, къ зависимости отъ болѣе сообразной съ хомъ стрѣльбы формы строя (разсыпной); третій—въ достиже мѣткости принятіемъ нарѣзнаго оружія и продолговатыхъ пу четвертый—въ пониманіи того, что, для полученія удовлетворите ныхъ результатовъ стрѣльбы въ дѣлѣ, нужно въ мирное вре обучать солдата дѣйствительной боевой стрѣльбѣ, а не примѣрн пятый, наконецъ, и современный намъ—въ принятіи скорострѣльн оружія, которое, противъ ожиданія, лучше нежели что-нибудь казало справедливость истины стрѣлять рѣдко, да мѣтко, и пов къ болѣе строгому разграниченію случаевъ стрѣльбы изъ сом таго строя отъ стрѣльбы изъ разсыпнаго. Прослѣдивъ эти ступе въ развитіи понятій о свойствахъ огнестрѣльнаго пораженія, трудно убѣдиться, что ихъ можно было примѣнить задолго до

*) Всѣ они отвѣчаютъ чувству самосохраненія: лучше укрыться, не о сближаться съ противникомъ, если можно его бить издали. и т. п.

**) Отвага, готовность хоть себя уложить, лишь бы пріобрѣсть возможн уничтожить врага.

его времени; ибо, кажется, не могло бы подлежать спору то, но если хотять, чтобы человѣкъ умѣлъ дѣлать дѣло, то нужно го учить этому дѣлу, а не одной только, и притомъ самой неущественной, его части, въ родѣ заряжанія безъ патрона, выгрѣла безъ пули и т. под. Не трудно было бы также видѣть, го если даже римскіе велиты, дѣйствуя несовершеннымъ метательнымъ оружіемъ, принимали разсыпной строй, то тѣмъ необхоимѣе онъ являлся при болѣе совершенномъ оружіи. Наконецъ, наменитое «рѣдко, да мѣтко», такъ блистательно подтвержденное руссаками въ послѣднюю кампанію, было высказано нашимъ еніальнымъ Суворовымъ въ эпоху, современную Фридриху, слѣовательно тогда, когда вся Европа хлопотала о совершенно братномъ.

Послѣ всего сказаннаго излишне будетъ доказывать, что въ ухѣ формъ, выработанныхъ революціонной эпохой и освященныхъ Наполеономъ, не можетъ произойти существенныхъ измѣненій въ ависимости отъ нынѣшняго состоянія оружія; въ лучшую эпоху ѣятельности Наполеона эти формы не подчинялись никакой ормѣ и были разсчитаны, преимущественно, на то, чтобы ызвать къ жизни духовныя силы не только начальника, о и послѣдняго солдата. Подобное начало, исходя изъ поребностей человѣческой природы, стоитъ выше какихъ-либо преодящихъ видоизмѣненій въ оружіи. Къ несчастью, оно легко забывается, особенно въ мирное время, и здѣсь лежитъ объясненіе акъ называемыхъ переворотовъ въ тактикѣ, заключающихся, обыковенно, въ томъ, что первый опомнившійся въ подобныя эпохи абвенія начинаетъ душить остальныхъ, продолжающихъ коснѣть ъ мирной рутинѣ. Этимъ послѣднимъ и кажется новымъ то, что авно извѣстно, да только было ими забыто.

Въ началѣ вышеуказанномъ, а не въ прерывчатыхъ линіяхъ, е въ цѣпяхъ, вытянутыхъ въ струнку съ мертвящей симетріей, ежитъ духъ новѣйшей тактики, и, понимаемый такимъ образомъ, два-ли онъ можетъ быть измѣненъ усовершенствованіемъ оружія, акъ бы далеко оно ни пошло.

Относительно измѣненій въ боевыхъ формахъ пѣхоты вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія можно замѣтить олько одно, съ перваго взгляда существенное: строи неглубокіе меньшіе по размѣрамъ начинаютъ пріобрѣтать перевѣсъ надъ строями, занимающими значительное пространство по фронту и ъ глубину. Вслѣдствіе этого, рота стремится къ тому, чтобы тать боевой единицей. Но, порывшись въ воспоминаніяхъ, и то едва-ли можно признать особенною новостію: у римлянъ

единицею была манипула въ 120 человѣкъ, т. е. таже рота. Тамъ доблесть каждаго воина и превосходство обученія въ мирное время привели къ тому, къ чему приводитъ теперь необходимость предохранять войска отъ огня. Но разъ признавъ небольшія единицы за лучшія, не должны ли будутъ и современныя арміи похлопотать о томъ, чтобы довести доблесть каждаго солдата и степень образованія его до возможнаго совершенства? Конечно, да; ибо въ одномъ этомъ лежитъ залогъ того, что маленькія единицы будутъ столь же устойчивы въ бою, какъ и большія. Слѣдовательно, въ наше время кончать тѣмъ съ чего римляне начали, т. е. признаніемъ необходимости имѣть прежде всего человѣка, возможно болѣе выработаннаго въ смыслѣ нравственной энергіи.

Вотъ точка, съ которой мы постараемся разобрать существующія формы строя и способы употребленія оружія, и, въ зависимости отъ результатовъ разбора, попытаемся предложить желательныя измѣненія въ томъ и другомъ. Первое мѣсто—стрѣльбѣ, какъ потому, что съ нея и въ бою начинается, такъ и для удовлетворенія тѣхъ, которые такъ увлекаются этимъ модными средствомъ пораженія, что считаютъ штыкъ чуть не лишней тяжестью, которая только мѣшаетъ мѣтко стрѣлять.

IV.

Имѣя скорострѣльное оружіе, должно прежде всего помнить, что это мечъ обоюдуострый, что оно можетъ вести и къ страшному пораженію противника и къ страшному расходу патроновъ почти безъ всякаго вреда для него: малѣйшая потеря хладнокровія и отсутствіе самообладанія со стороны офицеровъ и солдатъ, и нѣтъ ничего легче, какъ разстрѣлять, благодаря скорострѣльному оружію, патроны быстро и впустую. Вслѣдствіе этого, всѣ тѣ мѣры, которыя могутъ повести къ предупрежденію безтолковой траты патроновъ, выступаютъ при скорострѣльномъ оружіи на первый планъ. Онѣ заключаются въ слѣдующемъ.

а) Относительно разсыпнаго строя: значеніе старшихъ въ звеньяхъ, какъ ближайшихъ и естественныхъ блюстителей толковаго расходованія патроновъ, должно быть усилено въ томъ смыслѣ, чтобы они были дѣйствительными начальниками и отвѣтчиками за поведеніе товарищей своихъ. Но поставить ихъ въ подобное положеніе можно только тогда, если они будутъ назначаемы не по ранжиру, какъ то дѣлается, а изъ лучшихъ стрѣлковъ, смѣтливыхъ, притомъ и надежныхъ, какъ то слѣдуетъ по

ку устава; отъ этого нѣсколько потерпитъ ранжиръ, но дѣло играетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что въ скорострѣльномъ ужіи разсыпная стрѣльба пріобрѣла новое могущественное средо, какъ по большей скорости стрѣльбы, получаемой безъ ущерба ицѣливанію, такъ и по возможности заряжать ружье въ какомъ одно положеніи, а не стоя только *).

б) Относительно стрѣльбы изъ сомкнутаго строя. Въ мъ строю толковое расходованіе патроновъ можетъ быть достигто однимъ только—предоставленіемъ огня совершенно въ ки начальника и выдержкою солдата въ томъ убѣжденіи, о безпорядочная стрѣльба изъ сомкнутаго строя служитъ шь къ безполезной тратѣ патроновъ. Вслѣдствіе перваго чала является настоятельная необходимость ограничить стрѣльбу ъ сомкнутаго строя однимъ только видомъ, именно залми, употребляя и эти послѣдніе только съ близкихъ разстояній противъ большихъ цѣлей. Предѣльнымъ разстояніемъ для этой рѣльбы можетъ быть признано 250—300 шаговъ. Разница съ ряжаемымъ съ дула оружіемъ будетъ только въ большемъ прельномъ разстояніи, вслѣдствіе того, что изъ скорострѣльнаго ужія можно сдѣлать 5—6 выстрѣловъ въ тотъ же промежутокъ емени, который требуется для одного выстрѣла изъ обыкновенго ружья. Но вмѣстѣ съ этимъ, полагаемъ, что для частей, на аднокровіе которыхъ особенно разсчитывать нельзя, эти дистани и при скорострѣльномъ оружіи велики; имѣя дѣло съ такими стями, лучше начинать стрѣльбу не раньше, какъ подпустивъ отивника шаговъ на 150.

Затѣмъ стрѣльба рядами должна быть совершенно оставлена, о, разъ начавъ, ее трудно прекратить въ бою; кромѣ того, она етитъ людей, противна духу сомкнутаго строя и, наконецъ, даже тупаетъ въ дѣйствительности залпамъ, при одинаковомъ числѣ пущенныхъ пуль. При медленно заряжаемомъ оружіи стрѣльба дами представляла еще хоть ту кажущуюся выгоду, что нѣолько способствовала ускоренію заряжанія; но при заряжаніи казны и этотъ резонъ не имѣетъ мѣста.

Могутъ возразить, что прежніе примѣры доказаютъ невозмож-

---

*) Въ предупрежденіе возраженія, что и съ дула можно зарядить сидя и ка, замѣтимъ, что практика требуетъ не одной возможности зарядить, еще тщательности и быстроты исполненія этого дѣйствія. Какъ ни го, ни другаго оружіе заряжаемое съ дула при лежачемъ положеніи не допуститъ, то мы считали себя въ правѣ сказать, что заряжаніе этого оружія возможно только тогда, когда солдатъ стоитъ.

ность стрѣльбы залпами въ бою, которая мало по малу вырождалась въ безпорядочную пальбу рядами. Отвѣтимъ на это вопросомъ: въ какихъ войскахъ замѣчалось это явленіе? Если въ тѣхъ, которыя и не обучались въ мирное время боевой стрѣльбѣ залпами, холостою же стрѣльбою воспитывались въ суетливость и ошалѣваніе, то мы согласимся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложимъ новый вопросъ: разумно ли вести войска такимъ образомъ, чтобы они пріучались только суетиться и пускать пули на вѣтеръ, и не необходимо ли подумать о томъ, чтобы подобную странную систему образованія видоизмѣнить? Человѣкъ то дѣлаетъ, къ чему его пріучаютъ. Сколько извѣстно, англичане вѣрятъ въ возможность залпа и вѣрятъ на основаніи боеваго опыта, составляющаго всегда и вездѣ прямое слѣдствіе системы обученія въ мирное время. Почти убѣжденъ, что многимъ изъ тѣхъ, которые это прочтутъ, навѣрное придетъ въ голову: «на то они англичане». Отвѣчу примѣромъ Бюжо, который съ полкомъ, составленнымъ изъ новобранцевъ-французовъ, дѣйствовалъ точно также залпами въ 1815 г. противъ австрійцевъ съ полною удачею; онъ нашелъ возможность привить залпы французамъ, которые до сихъ поръ никѣмъ въ излишествѣ хладнокровія не замѣчены. Слѣдовательно, возможность или невозможность залповъ есть дѣло не натуры, а системы обученія. Нашъ солдатъ гибокъ въ подчиненіи и смѣтливъ; онъ все можетъ усвоить: нужно только поставить его въ возможность усвоить.

Но, признавая преимущество залповъ для стрѣльбы изъ сомкнутаго строя, мы полагаемъ, что единовременности залпа не слѣдовало бы требовать отъ части, превосходящей одну роту. При залпахъ, напримѣръ, цѣлымъ баталіономъ команда часто не бываетъ слышна, да рѣдко можетъ представиться и цѣль, которая по своимъ размѣрамъ была бы удобна для залпа по ней линіей въ 300 *) шаговъ. Поэтому, кажется, было бы раціональнѣе, вмѣсто залповъ баталіономъ, дѣлать ихъ поротно, по командѣ ротныхъ командировъ, не устанавливая для этого никакой очереди. При такомъ правилѣ, въ тѣхъ случаяхъ, что всѣмъ четыремъ ротамъ представилась бы единовременно выгодная цѣль, все равно получился бы залпъ баталіона, правда не вполнѣ музыкальный съ точки зрѣнія единства звука, но дѣльный; а вѣдь это, кажется, пора признать главнымъ. Мы упомянули о томъ, чтобы залпы поротно не были подчиняемы никакой очереди въ томъ соображеніи что она составляетъ требованіе, не совсѣмъ сообразное съ ус

*) Протяженіе развернутаго баталіона.

і боя, гдѣ всякая часть должна стрѣлять, когда ей представ-
ся выгодная цѣль, а не когда пройдетъ извѣстный промежу-
времени послѣ выстрѣла сосѣдней части. Совершенно одина-
я паузы между звуками залповъ пріятны для уха, но дѣйстви-
юсти пораженія не принесутъ пользы, а скорѣе могутъ ей
ѣдить, ибо, выжидая паузу, можно упустить цѣль. Прежде,
ваніе очереди находило себѣ оправданіе, хоть по виду ре-
ое, въ томъ, что по медленности заряжанія, нужно было дать
я зарядить выстрѣлившимъ частямъ *); но теперь, когда вся-
ыстрѣлъ требуетъ не болѣе 10 секундъ, даже и этого ска-
нельзя, и стѣсненіе частей очередью только замедлило бы
льбу.

Итакъ, отмѣна стрѣльбы рядами, какъ несоотвѣтствую-
духу сомкнутаго строя **); замѣна баталіонныхъ зал-
ротными безъ соблюденія какой бы то ни было оче-
; пріученіе къ стрѣльбѣ залпами не холостыми, но
ыми патронами—составляютъ, по нашему мнѣнію, тѣ измѣ-
въ способѣ употребленія стрѣльбы изъ сомкнутаго строя,
ыя выяснены скорострѣльнымъ оружіемъ и вызываются его
остраненіемъ въ войскахъ. Мы въ особенности настаиваемъ
наченіи послѣдняго пункта, т. е. на необходимости обученія
амъ боевыми патронами и на отмѣнѣ употребленія холостыхъ
новъ старыми солдатами ***), потому что это единственное
ство пріучить ихъ не суетиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать и
ерамъ, и солдатамъ инстинктивный навыкъ къ разстояніямъ,
оторыхъ залпы могутъ имѣть смыслъ. Всѣмъ извѣстно, какъ
тся солдатъ при стрѣльбѣ холостыми патронами, до какой
ни небрежно заряжаетъ и мало думаетъ о прицѣливаніи и
цѣленіи разстоянія; да часто случается и то, что ему не во
цѣлиться и не до чего опредѣлять разстояній. Сколько во
ъ этомъ фальши противъ боевыхъ требованій и къ какимъ
нымъ послѣдствіямъ могутъ повести въ бою подобныя при-
и, безъ труда поймете всякій, кто мало-мальски надъ подоб-
вещами задумывался... Жалуются иногда, что не только сол-

Мы находимъ этотъ предлогъ, подчинять залпы музыкальнымъ принципамъ
и при прежнемъ оружіи только повидимому резоннымъ, по-
что разъ непріятель находится такъ близко, что можетъ броситься въ
, въ случаѣ если весь баталіонъ выстрѣлитъ, то и этотъ послѣдній дол-
также броситься въ штыки. Подобный предлогъ къ установленію очереди
ъ только и могъ явиться въ головѣ тѣхъ, которые забыли, что на концѣ
сть еще штыкъ.

*) Это было уже заявлено нѣсколько разъ, задолго до кенигсгрецкой кам-
на страницахъ „Военнаго“ и „Оружейнаго“ сборниковъ.

**) Кромѣ случаевъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

даты, но и офицеры не освоены съ самыми основными такт
скими понятіями; а способствуетъ ли этому практическая об
новка, въ которую они поставлены?

Самая система обученія боевымъ залпамъ должна быть
сколько измѣнена, соотвѣтственно указаніямъ, которыя съ так
изумительнымъ пониманіемъ боевой обстановки сдѣланы покойн
Бенертомъ *). Вотъ сущность этихъ указаній. Система обуч
стрѣльбѣ, принятая въ настоящее время, не соображена съ у
віями, при которыхъ приходится стрѣлять въ бою: солдатъ,
выкнувъ въ мирное время стрѣлять при полномъ сосредоточен
вниманіи и совершенно спокойно, привыкнувъ для одного выстр
прицѣливаться съ отставками иногда по нѣскольку разъ, не
детъ способенъ къ мѣткой стрѣльбѣ подъ вліяніемъ впечатлѣн
суматохи боя.

Для достиженія обратнаго нужно, чтобы солдатъ усвоилъ
пріемы производства выстрѣла, такъ сказать, механически, инс
ктивно, въ родѣ того, какъ стрѣляютъ охотники. Это можетъ
достигнуто цѣлесообразно-направленными упражненіями въ
кладкѣ и особенно въ стрѣльбѣ. Первой должно обучать
можно чаще и однообразнѣе (конечно, въ опредѣленную цѣл
стрѣльбу начинать съ разстояній прямаго выстрѣла (100
далѣе 200 шаговъ), и останавливаться на ней до тѣхъ поръ,
солдаты не пріучатся стрѣлять на вскидку, т. е. по-охотни
Согласившись съ тѣмъ, что дистанція прямаго выстрѣла дол
быть признана предѣльною при стрѣльбѣ изъ сомкнутаго ст
ничего нельзя придумать лучше того, что предложилъ г. Бене

Переходимъ къ способамъ употребленія штыка.

V.

Форма строя для натиска въ штыки и для отраженія ег
имѣетъ большого значенія, ибо въ этомъ случаѣ все зависитъ
духа войскъ и характера обученія ихъ въ мирное вр
Къ этому взгляду приводятъ и историческіе факты, и то со
женіе, что, въ случаѣ неожиданнаго появленія противника, н
бросаться на него немедленно, не теряя времени на перехо

*) Въ статьѣ объ обученіи войскъ стрѣльбѣ въ цѣль, помѣщенно
„Военномъ Сборникѣ“ 1867 г., № 1. Статья эта подписана начальными бу
О. Б. Смерть, которую мы оплакиваемъ, позволяетъ намъ нарушить этотъ
донимъ человѣка, который, въ скромномъ положеніи оружейнаго мастера,
мался до такого разумнаго взгляда на стрѣльбу, какого дай Богъ и не-о
нымъ мастерамъ.

форму строя, которая признается выгоднѣйшею для атаки. По-
му при мирныхъ занятіяхъ нужно и войска воспитывать въ
ъ убѣжденіи, что для работы штыкомъ всякая форма строя
роша, лишь бы была въ головѣ и въ сердцѣ рѣшимость сой-
ь на штыки во что бы то ни стало. Французы, англичане,
усаки атакуютъ безразлично въ колоннахъ и въ развернутомъ
юѣ, хотя нельзя не признать, что, предполагая наступленіе съ
шей стороны, заблаговременно соображенное, удобнѣе произво-
ть атаку въ ротныхъ колоннахъ, взводныхъ или полувзводныхъ.
таліонныя колонны, принимая въ разсчетъ нынѣшнюю дѣйстви-
льность пѣхотнаго и артиллерійскаго огня, едва-ли не должны
ть признаны отжившими *) свой вѣкъ въ смыслѣ боеваго строя
переходятъ въ разрядъ строевъ резервныхъ, т. е. служащихъ
ько для сосредоточеннаго расположенія войскъ.

Употребленіе же собственно штыка представляется въ двухъ
цахъ: можно или прямо бросаться въ штыки, безъ залпа, или
, не доходя 15—20 шаговъ до непріятеля, предварительно да-
ть залпъ на ходу. Онъ долженъ служить сигналомъ къ тому,
бы бросаться на «ура». Этотъ залпъ, при атакѣ въ колоннахъ,
жна давать передній эшелонъ, а идущимъ за нею, при нынѣ
отребляемомъ оружіи, изъ предосторожности снимать капсюли,
новомъ же не заряжать его вовсе. Этотъ способъ комбинаціи
я и штыка съ большимъ успѣхомъ былъ употребляемъ англи-
ами при Веллингтонѣ, нѣкоторыми частями Наполеона I, пе-
явшими его у англичанъ, въ войну на Пиренейскомъ полу-
ровѣ, и, наконецъ, въ послѣднюю кампанію, прусаками. Мно-
ъ кажется невозможнымъ такое соединеніе огня и штыка,
лѣдствіе того, что будто бы часть, стрѣляющая передъ свал-
й, близка къ тому, чтобы дать тылъ. Предразсудокъ этотъ, уко-
нившійся вслѣдствіе того, что части, неимѣющія духу довести
ла до свалки, обыкновенно останавливаются, начинаютъ само-
оизвольно стрѣлять и затѣмъ даютъ тылъ, очевидно построенъ
поверхностномъ выводѣ изъ подобныхъ фактовъ. Части, оста-
вливающіяся подобнымъ образомъ, начинали стрѣлять
тому, что не имѣли духу сойтись на штыкъ, а не те-
ли способность сойтись на штыкъ, потому что начина-
стрѣлять. Ясно, что въ сказанномъ предразсудкѣ открывается
гическая ошибка принятія за причину то, что составляетъ слѣд-

*) Какъ кажется, ихъ употребленіе въ бою собственно ограничится послѣд-
ми минутами, когда, выдвигая изъ резерва значительныя массы пѣхоты, не бу-
ъ имѣть ни времени, ни мѣста для перехода въ расположеніе поротно.

ствіе, и на оборотъ. Если бы огнестрѣльному пораженію б
присуща чародѣйственная сила останавливать движеніе въ шт
то это одинаково проявлялось бы во всѣхъ войскахъ, чего н
ная исторія вовсе не подтверждаетъ. Англичанамъ залпъ на
момъ близкомъ разстояніи не мѣшалъ бросаться вслѣдъ за в
въ штыки; о французскомъ полкѣ Бюжо должно сказать т
самое. Ясно, слѣдовательно, что тѣ войска, которыя при а
не доводили ее до конца, развертывались противъ воли св
начальниковъ, открывали стрѣльбу и затѣмъ давали тылъ, сдѣ
бы это и безъ стрѣльбы. Да при томъ же мы не предлаг
остановки передъ атакой для залпа, а именно настаиваем
томъ, чтобы его дѣлать не иначе, какъ на ходу: на ходу по
нуть назадъ труднѣе, чѣмъ съ мѣста. Тѣмъ не менѣе, реко
довать этотъ способъ атаки, какъ единственно-лучшій, нельзя,
онъ предполагаетъ часть выдержанную и предводимую человѣк
которому она вѣритъ и безусловно привыкла исполнять, что
детъ имъ скомандовано.

Впрочемъ, атаковать ли съ залпомъ, или безъ залпа, н
всякомъ случаѣ необходимо, чтобы одиночные люди б
основательно обучены дѣйствовать оружіемъ, а ма
ознакомлены съ процесомъ обстановки атаки въ шт
То и другое, при настоящей системѣ мирнаго образованія, с
вляетъ желать весьма многаго.

Мы полагаемъ, напримѣръ, неважнымъ то, умѣетъ ли
вѣкъ, или нѣтъ выписывать штыкомъ вензеля, принятые при д
стороннемъ фехтованіи; но въ высшей степени важнымъ,
бы онъ умѣлъ бить штыкомъ мѣтко и сильно. Обученіе
дей попадать въ намѣченную на какомъ-нибудь мягкомъ пред
точку, и притомъ попадать такъ, чтобы штыкъ влѣзъ чуть н
шейку, и затѣмъ быстро его выдергивать—вотъ, по нашему
нію, краеугольный камень одиночной работы штыкомъ. Много
найдется солдатъ, способныхъ при нынѣшней системѣ обуч
выполнить эти три условія добраго штыковаго удара, знаютъ
кто стоитъ близко у дѣла. Не разъ уже говорилось, и повтор
еще и желали бы повторять такъ, чтобы эта мысль звучала
прерывно въ сознаніи каждаго военнаго: мѣткость для ш
нужнѣе, чѣмъ для пули; промахъ при стрѣльбѣ ведетъ къ по
пули, промахъ штыкомъ—къ потерѣ жизни.

Обученіе массъ атакѣ должно быть измѣнено въ томъ см
чтобы въ мирное время она была производима не иначе,
противъ видимыхъ цѣлей, однимъ словомъ такъ, какъ учил
нашъ великій Суворовъ. Цѣлію можетъ быть: заборъ, плете

п., при обученіи атакѣ съ залпомъ—мишень. Видимая цѣль имѣетъ, въ этомъ отношеніи, въ высшей степени важное значеніе, ибо пріучаетъ глазъ и начальниковъ, и солдатъ къ инстинктивному опредѣленію разстояній, съ которыхъ слѣдуетъ ударить бой къ атакѣ, взять на руку, броситься на ура. Атака въ пустое пространство не можетъ пріучить глазъ къ опредѣленію разстояній; послѣдствія этого тѣ, что части въ дѣлѣ бросаются въ штыки раньше, чѣмъ нужно *), утомляются къ моменту свалки и даютъ тылъ.

Къ этому должно прибавить и еще одну снаровку, по нашему мнѣнію, въ высшей степени важную въ примѣненіи къ дѣйствію холоднымъ оружіемъ: разумѣемъ строгое вниманіе къ тому, чтобы при мирномъ обученіи уважалась боевая обстановка удара въ штыки, т. е., чтобы штыкъ уклонялся не иначе, какъ для удара **), бой къ атакѣ слышался по возможности рѣже и никогда впустую. При этомъ условіи команда «на руку» и бой къ атакѣ будутъ производить нравственное возбужденіе въ людяхъ, необходимое къ моменту свалки, чего теперь нѣтъ. Можетъ быть, это покажется нѣкоторымъ мелочью; но такъ не покажется тѣмъ, которые постоянно помнятъ значеніе нравственнаго настроенія въ такомъ дѣлѣ, какъ свалка, и которые знаютъ, отъ какихъ иногда, повидимому, пустяковъ зависитъ нравственное настроеніе.

Сигналъ, или мотивъ, присвоенный извѣстному дѣйствію, можетъ произвести могущественное дѣйствіе: для сомнѣвающихся въ этомъ укажу на впечатлѣніе, которое производилъ экзекуціонный бой, печальной памяти. Это впечатлѣніе объясняется однимъ: его слышали рѣдко и никогда не слышали впустую. Бой къ атакѣ долженъ быть обставленъ такъ, чтобы онъ производилъ нравственное сотрясеніе, и это сдѣлать легко: нужно, чтобы солдатъ слышалъ его два, три раза въ годъ; при этомъ условіи сигналъ обратится въ святыню, онъ будетъ возбуждать. Но если его повторять на каждомъ ученіи чуть не по двадцати разъ, да еще и не сопровождая ничѣмъ, мало-мальски напоминающимъ атаку, удивительнаго ничего нѣтъ, если онъ, наконецъ, обращается въ пустой звукъ.

Все сказанное о дѣйствіи оружіемъ предполагало пѣхоту противъ пѣхоты. Перейдемъ теперь къ отношеніямъ между пѣхотой и кавалеріей при новомъ оружіи. Въ этомъ послѣднемъ пѣхота полу-

---

*) Бывали примѣры, что бросались въ штыки съ разстоянія 800—1,000 шаговъ.

**) Т. е. чтобы пріемъ „на руку“ пересталъ быть только пріемомъ, съ которымъ солдатъ не соединяетъ постоянно мысли объ ударѣ.

чила болѣе дѣйствительное средство противодѣйствія кавалерійскимъ атакамъ; но оно не можетъ устранить возможности налета кавалеріи на пѣхоту, даже прорыва ея: слѣдовательно, употребляя залпы, нельзя полагаться только на это одно средство, но слѣдуетъ помнить, что они могутъ и не остановить атаки. Однимъ словомъ, нужно метательнымъ оружіемъ пользоваться возможно болѣе выгодно; но въ концѣ концовъ все же полагаться на себя и на штыкъ. Болѣе шансовъ на отраженіе кавалерійскаго удара всегда имѣла и будетъ имѣть не та пѣхота, которая вооружена лучшимъ оружіемъ, но та, которая болѣе спокойна и увѣрена въ себѣ, которая менѣе подвержена впечатлительности при видѣ кавалерійскаго урагана. Поэтому, пріученіе пѣхоты къ виду кавалеріи, быстро несущейся на нее, составляетъ необходимость, тѣмъ болѣе настойчивую, чѣмъ огнестрѣльное оружіе будетъ совершеннѣе, ибо тѣмъ болѣе человѣкъ будетъ расположенъ вѣрить въ невозможность столкновенія и тѣмъ болѣе потеряется, если оно окажется возможнымъ. Средство пріучить пѣхоту не боятся кавалеріи одно—сквозныя суворовскія атаки, о которыхъ въ послѣднее время уже столько было писано, что мы считаемъ излишнимъ еще разъ указывать здѣсь необходимость и высокую раціональность этого пріема обученія. При сквозныхъ атакахъ, для обстрѣливанія лошадей, должно допустить употребленіе холостой пальбы, и это единственный случай полезнаго ихъ примѣненія въ обученныхъ войскахъ.

Относительно строя, въ которомъ выгоднѣе встрѣчать кавалерійскую атаку при новомъ оружіи, можно положить, что развернутый строй получаетъ значеніе преобладающее. Это, впрочемъ, не представляетъ особенной новости, ибо и прежде такіе люди, какъ Сенъ-Сиръ, были убѣждены, что порядочная пѣхота можетъ выдержать кавалерійскую атаку въ развернутомъ строѣ; что же до непорядочной, то она вѣдь и въ каре сдавала.

Кромѣ того, такъ какъ ротныя колонны получили въ числѣ боевыхъ порядковъ баталіона значеніе преобладающее, то поэтому ротное каре, въ большинствѣ случаевъ, замѣнитъ баталіонное, при чемъ еще чаще можно будетъ прибѣгать къ развернутому строю: ибо заднія роты, если онѣ не атакованы, могутъ всегда развертываться для содѣйствія огнемъ ротамъ первой линіи. Вообще должно замѣтить, что, принимая въ соображеніе многочисленныя невыгоды, свойственныя всѣмъ каре, лучше будетъ, если въ понятіяхъ и солдатъ, и начальниковъ каре перестанетъ быть исключительнымъ строемъ для встрѣчи кавалерійской атаки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы для каре былъ

принять резервъ, такъ какъ это парализовало бы кавалерію даже и въ случаѣ прорыва; чтобы при мирномъ обученіи людей пріучали собираться въ кучи, предполагая прорывъ; чтобы, наконецъ, не только офицеры, но и солдаты знали твердо, что мирная стройность и правильность каре въ бою немыслимы. Если къ этому прибавить еще возможное освобожденіе войскъ отъ вредной мирной привычки строиться въ каре *) по всей линіи, когда атака угрожаетъ только одной ея части, то это будетъ все, чего только можно потребовать въ разбираемомъ положеніи отъ наилучше-подготовленныхъ для боя войскъ.

VI.

Выше указано было въ нѣсколькихъ мѣстахъ на особенности формы и духа строевъ, вызываемыхъ усовершенствованіемъ метательнаго оружія. Заключались эти указанія въ томъ, что строи должны, сравнительно съ прежними, представлять меньшіе размѣры, дабы быть удобоподвижнѣе и менѣе терпѣть отъ огня; что въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ штыковая свалка и встрѣча кавалерійской атаки, форма строя дѣло далеко не первостепенное; что начальники должны поэтому относиться къ ней свободнѣе, т. е. не воображать, будто для каждаго дѣйствія есть такая форма строя, о построеніи которой нужно думать прежде, нежели о самомъ дѣйствіи; что, наконецъ, они, т. е. начальники, должны освободиться отъ рабства передъ симетріей и однообразіемъ, и не принимать извѣстнаго строя потому только, что и сосѣдняя часть его приняла, но непремѣнно соображать этотъ строй съ положеніемъ, въ которомъ находится собственная ихъ часть.

Все это было выведено какъ слѣдствіе дѣйствія оружіемъ, и потому представлено какъ бы мимоходомъ; теперь, сведя въ одно эти положенія, попробуемъ, въ зависимости отъ нихъ, указать опредѣлительно: какая система строевъ при нынѣшнемъ оружіи должна быть признана выгоднѣйшею и въ какое отношеніе къ строямъ необходимо теперь поставить войска и начальниковъ.

Вообще всякая система строевъ, раціонально соображенная, должна отвѣчать слѣдующимъ требованіямъ: 1) доставлять полныя удобства для взаимной поддержки между частями, или, что одно и то же, для дѣйствія оружіемъ; 2) не представлять никакой

*) А въ стрѣлковой цѣпи въ кучки.

сложности въ построеніи и въ переходѣ изъ одного строя въ другой, ибо каждая хитрая эволюція трудно усвоивается при мирномъ обученіи, а въ бою можетъ повести къ катастрофѣ; 3) облегчать возможную подвижность и поворотливость, удобство управленія и возстановленія поколебленнаго порядка, удобство примѣненія къ какой бы то ни было мѣстности; 4) представлять всѣ возможныя средства для уменьшенія потерь отъ огня. Приложимъ этотъ масштабъ къ боевымъ порядкамъ баталіона и совокупности баталіоновъ и посмотримъ, какія измѣненія было бы полезно сдѣлать въ томъ, что принято.

Въ разсыпномъ строѣ, разсматриваемомъ независимо отъ укоренившихся предразсудковъ, измѣненіе не можетъ имѣть мѣста: какъ одна изъ первобытныхъ формъ, разсчитанныхъ на то, чтобы дать возможно болѣе полный просторъ предпріимчивости и отвагѣ всякой отдѣльной личности, этотъ строй останется тѣмъ, чѣмъ былъ всегда; но, для пользы дѣла, нельзя не пожелать измѣненія въ укоренившихся взглядахъ на него. Строго говоря, мы не имѣемъ теперь разсыпнаго строя, а имѣемъ только разомкнутый, что далеко не одно и то же. Въ этомъ отношеніи практика рѣшительно уклонилась отъ предписаній устава. Такъ, въ нашей «Рекрутской Школѣ» положительно говорится, что порядокъ размѣщенія людей въ звеньяхъ не долженъ быть подчиняемъ никакой опредѣленной нормѣ, на какой бы мѣстности они ни дѣйствовали, что о равенствѣ интерваловъ между стрѣлками хлопотать не слѣдуетъ, равно какъ и о строгомъ равненіи по линіи. На дѣлѣ же звенья, каждое въ двѣ шеренги, равняются въ струнку; разстоянія между ними отмѣриваются чуть не цыркулемъ. Появляются, наконецъ, отъ времени до времени господа, которые жаждутъ даже и въ уставѣ строгаго разъ навсегда опредѣленія порядка, въ которомъ люди каждаго звена должны располагаться....

Вотъ почему я сказалъ и еще повторю, что разсыпнаго строя въ настоящемъ смыслѣ слова мы не имѣемъ, а имѣемъ только разомкнутый, въ которомъ люди стѣснены всѣми требованіями, умѣстными и разумными лишь въ строю сомкнутомъ. Мы желали бы поэтому, чтобы въ мирныхъ занятіяхъ были возстановлены предписанія «Рекрутской Школы»; чтобы, сверхъ того, всѣ сложныя правила насчетъ того, сколько и по какимъ сигналамъ высылать полувзводовъ въ цѣпь, исчезли изъ баталіоннаго ученья, ибо въ дѣлѣ это не подчиняется никакой нормѣ; чтобы были отмѣнены всѣ сложныя эволюціи разсыпнаго строя, которыя, подъ предлогомъ приданія ему большей гибкости, только его одеревенятъ; чтобы не собиралась въ кучи вся цѣпь, когда опасность грозитъ

ной ея части; чтобы отмѣнены были игрушечные шахматы, составляемые кучками, ибо едва-ли кто-нибудь можетъ признать имѣющимъ боевой смыслъ шахматное расположеніе, въ которомъ задняя линія отъ передней отстоитъ всего на 15—20 шаговъ. Мы желали бы, однимъ словомъ, чтобы разсыпной строй сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ для пользы дѣла быть долженъ—строемъ иррегулярнымъ.

Вмѣстѣ съ возвращеніемъ его къ этому первоначальному его духу и смыслу, число сигналовъ само собою весьма должно уменьшиться—выигрышъ громадный, такъ какъ въ бою большая часть сигналовъ пользы не приноситъ, а въ мирное время заучивать ихъ солдату весьма трудно.

Въ примѣненіи къ сомкнутымъ строямъ, условія вышепоставленныя потребуютъ перемѣнъ не менѣе существенныхъ, и въ формѣ, и особенно въ духѣ.

Въ предъидущей статьѣ уже замѣчено, что залпы поротно удобнѣе баталіонныхъ; къ этому должно прибавить, что роты составляютъ въ бою единицу, предпочтительную передъ баталіонами, но первыя въ большей мѣрѣ удовлетворяютъ вышепостановленнымъ условіямъ, чѣмъ послѣдніе. Дѣйствительно: онѣ подвижнѣе, поворотливѣе, меньше терпятъ отъ огня, быстрѣе принимаютъ всѣ видоизмѣненія строя, удобопримѣнимѣе ко всякаго рода мѣстности, наконецъ легче приводятся въ порядокъ, чѣмъ баталіоны. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего новаго даже въ сравненіи съ установившеюся системой расположеній, въ которой первая линія поротно всегда становится въ ротныхъ колоннахъ. Слѣдовательно, стараются быть послѣдовательными и, сообразно сказанному, измѣнить и уставъ баталіоннаго ученья, признавъ въ немъ роту такой единицей, которая не уничтожается въ баталіонѣ. Какого же рода должны быть эти измѣненія? Разберу этотъ вопросъ въ примѣненіи къ различнымъ баталіоннымъ строямъ, начиная съ развернутаго, который долженъ получить теперь большое примѣненіе, если только рѣшатся освободить его отъ педантическихъ мелочей. Всякому извѣстно, до какой степени онъ теперь неудобоподвиженъ преимущественно вслѣдствіе того, что отъ него требуютъ идеальной стройности. Извѣстно также, что, въ видахъ сохраненія этой стройности у насъ отказались отъ движеній развернутымъ строемъ собственно, замѣнивъ его тремя колоннами или такъ называемымъ «развернутымъ строемъ со вздвоенными взводами». Должно отдать справедливость этому исправленію. Оно достигло цѣли: движенія сдѣлались несравненно легче и стройность не потерпѣла; но, въ то же время: 1) это прибавило новую форму строя, со-

ность стрѣльбы залпами въ бою, которая мало по малу выро
лась въ безпорядочную пальбу рядами. Отвѣтимъ на это во
сомъ: въ какихъ войскахъ замѣчалось это явленіе? Если въ т
которыя и не обучались въ мирное время боевой стрѣльбѣ
пами, холостою же стрѣльбою воспитывались въ суетливост
ошалѣваніе, то мы согласимся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлож
новый вопросъ: разумно ли вести войска такимъ образомъ, ч
они пріучались только суетиться и пускать пули на вѣтеръ,
необходимо ли подумать о томъ, чтобы подобную странную
тему образованія видоизмѣнить? Человѣкъ то дѣлаетъ, къ ч
его пріучаютъ. Сколько извѣстно, англичане вѣрятъ въ возм
ность залпа и вѣрятъ на основаніи боеваго опыта, составл
щаго всегда и вездѣ прямое слѣдствіе системы обуче
въ мирное время. Почти убѣжденъ, что многимъ изъ тѣхъ,
торые это прочтутъ, навѣрное придетъ въ голову: «на то они
гличане». Отвѣчу примѣромъ Бюжо, который съ полкомъ, сос
леннымъ изъ новобранцевъ-французовъ, дѣйствовалъ точно та
залпами въ 1815 г. противъ австрійцевъ съ полною удачею; онъ
шелъ возможность привить залпы французамъ, которые до
поръ никѣмъ въ излишествѣ хладнокровія не замѣчены. Слѣд
тельно, возможность или невозможность залповъ есть дѣло не
туры, а системы обученія. Нашъ солдатъ гибокъ въ подчинен
смѣтливъ; онъ все можетъ усвоить: нужно только поставить
въ возможность усвоить.

Но, признавая преимущество залповъ для стрѣльбы изъ
нутаго строя, мы полагаемъ, что единовременности залпа не
довало бы требовать отъ части, превосходящей одну роту.
залпахъ, напримѣръ, цѣлымъ баталіономъ команда часто не
ваетъ слышна, да рѣдко можетъ представиться и цѣль, кот
по своимъ размѣрамъ была бы удобна для залпа по ней
въ 300 *) шаговъ. Поэтому, кажется, было бы раціонал
вмѣсто залповъ баталіономъ, дѣлать ихъ поротно, по командѣ
ныхъ командировъ, не устанавливая для этого никакой оче
При такомъ правилѣ, въ тѣхъ случаяхъ, что всѣмъ четырем
тамъ представилась бы единовременно выгодная цѣль, все р
получился бы залпъ баталіона, правда не вполнѣ музыкальны
точки зрѣнія единства звука, но дѣльный; а вѣдь это, каж
пора признать главнымъ. Мы упомянули о томъ, чтобы залпы
ротно не были подчиняемы никакой очереди въ томъ соображ
что она составляетъ требованіе, не совсѣмъ сообразное съ

*) Протяженіе развернутаго баталіона.

і боя, гдѣ всякая часть должна стрѣлять, когда ей представ-
ія выгодная цѣль, а не когда пройдетъ извѣстный промежу-
времени послѣ выстрѣла сосѣдней части. Совершенно одина-
я паузы между звуками залповъ пріятны для уха, но дѣйстви-
юсти пораженія не принесутъ пользы, а скорѣе могутъ ей
ѣдить, ибо, выжидая паузу, можно упустить цѣль. Прежде,
ваніе очереди находило себѣ оправданіе, хоть по виду ре-
ое, въ томъ, что по медленности заряжанія, нужно было дать
я зарядить выстрѣлившимъ частямъ *); но теперь, когда вся-
ыстрѣлъ требуетъ не болѣе 10 секундъ, даже и этого ска-
нельзя, и стѣсненіе частей очередью только замедлило бы
льбу.

Итакъ, отмѣна стрѣльбы рядами, какъ несоотвѣтствую-
духу сомкнутаго строя **); замѣна баталіонныхъ зал-
ротными безъ соблюденія какой бы то ни было оче-
; пріученіе къ стрѣльбѣ залпами не холостыми, но
ыми патронами—составляютъ, по нашему мнѣнію, тѣ измѣ-
въ способѣ употребленія стрѣльбы изъ сомкнутаго строя,
ыя выяснены скорострѣльнымъ оружіемъ и вызываются его
остраненіемъ въ войскахъ. Мы въ особенности настаиваемъ
наченіи послѣдняго пункта, т. е. на необходимости обученія
мъ боевыми патронами и на отмѣнѣ употребленія холостыхъ
новъ старыми солдатами ***), потому что это единственное
тво пріучить ихъ не суетиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать и
ерамъ, и солдатамъ инстинктивный навыкъ къ разстояніямъ,
торыхъ залпы могутъ имѣть смыслъ. Всѣмъ извѣстно, какъ
тся солдатъ при стрѣльбѣ холостыми патронами, до какой
ни небрежно заряжаетъ и мало думаетъ о прицѣливаніи и
цѣленіи разстоянія; да часто случается и то, что ему не во
цѣлиться и не до чего опредѣлять разстояній. Сколько во
этомъ фальши противъ боевыхъ требованій и къ какимъ
нымъ послѣдствіямъ могутъ повести въ бою подобныя при-
и, безъ труда поймете всякій, кто мало-мальски надъ подоб-
вещами задумывался... Жалуются иногда, что не только сол-

Мы находимъ этотъ предлогъ, подчинять залпы музыкальнымъ принципамъ
и при прежнемъ оружіи только повидимому резоннымъ, по-
что разъ непріятель находится такъ близко, что можетъ броситься въ
, въ случаѣ если весь баталіонъ выстрѣлитъ, то и этотъ послѣдній дол-
также броситься въ штыки. Подобный предлогъ къ установленію очереди
ъ только и могъ явиться въ головѣ тѣхъ, которые забыли, что на концѣ
сть еще штыкъ.

*) Это было уже заявлено нѣсколько разъ, задолго до кенигсгрецкой кам-
на страницахъ „Военнаго“ и „Оружейнаго“ сборниковъ.

**) Кромѣ случаевъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

даты, но и офицеры не освоены съ самыми основными тактическими понятіями; а способствуетъ ли этому практическая обстановка, въ которую они поставлены?

Самая система обученія боевымъ залпамъ должна быть нѣсколько измѣнена, соотвѣтственно указаніямъ, которыя съ такимъ изумительнымъ пониманіемъ боевой обстановки сдѣланы покойнымъ Бенертомъ *). Вотъ сущность этихъ указаній. Система обученія стрѣльбѣ, принятая въ настоящее время, не сообразена съ условіями, при которыхъ приходится стрѣлять въ бою: солдатъ, привыкнувъ въ мирное время стрѣлять при полномъ сосредоточеніи вниманія и совершенно спокойно, привыкнувъ для одного выстрѣла прицѣливаться съ отставками иногда по нѣскольку разъ, не будетъ способенъ къ мѣткой стрѣльбѣ подъ вліяніемъ впечатлѣній и суматохи боя.

Для достиженія обратнаго нужно, чтобы солдатъ усвоилъ себѣ пріемы производства выстрѣла, такъ сказать, механически, инстинктивно, въ родѣ того, какъ стрѣляютъ охотники. Это можетъ быть достигнуто цѣлесообразно-направленными упражненіями въ прикладкѣ и особенно въ стрѣльбѣ. Первой должно обучать какъ можно чаще и однообразнѣе (конечно, въ опредѣленную цѣль), а стрѣльбу начинать съ разстояній прямаго выстрѣла (100 и не далѣе 200 шаговъ), и останавливаться на ней до тѣхъ поръ, пока солдаты не пріучатся стрѣлять на вскидку, т. е. по-охотничьи. Согласившись съ тѣмъ, что дистанція прямаго выстрѣла должна быть признана предѣльною при стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя, ничего нельзя придумать лучше того, что предложилъ г. Бенертъ.

Переходимъ къ способамъ употребленія штыка.

V.

Форма строя для натиска въ штыки и для отраженія его не имѣетъ большого значенія, ибо въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ духа войскъ и характера обученія ихъ въ мирное время. Къ этому взгляду приводятъ и историческіе факты, и то соображеніе, что, въ случаѣ неожиданнаго появленія противника, нужно бросаться на него немедленно, не теряя времени на переходъ въ

*) Въ статьѣ объ обученіи войскъ стрѣльбѣ въ цѣль, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1867 г., № 1. Статья эта подписана начальными буквами О. Б. Смерть, которую мы оплакиваемъ, позволяетъ намъ нарушить этотъ всеобщимъ человѣка, который, въ скромномъ положеніи оружейнаго мастера, дошелъ до такого разумнаго взгляда на стрѣльбу, какого дай Богъ и не-оружейнымъ мастерамъ.

рму строя, которая признается выгоднѣйшею для атаки. По-
при мирныхъ занятіяхъ нужно и войска воспитывать въ
убѣжденіи, что для работы штыкомъ всякая форма строя
ла, лишь бы была въ головѣ и въ сердцѣ рѣшимость сой-
ла штыки во что бы то ни стало. Французы, англичане,
ки атакуютъ безразлично въ колоннахъ и въ развернутомъ
, хотя нельзя не признать, что, предполагая наступленіе съ
і стороны, заблаговременно соображенное, удобнѣе произво-
атаку въ ротныхъ колоннахъ, взводныхъ или полувзводныхъ.
іонныя колонны, принимая въ разсчетъ нынѣшнюю дѣйстви-
ость пѣхотнаго и артиллерійскаго огня, едва-ли не должны
признаны отжившими *) свой вѣкъ въ смыслѣ боеваго строя
ѣходятъ въ разрядъ строевъ резервныхъ, т. е. служащихъ
) для сосредоточеннаго расположенія войскъ.
потребленіе же собственно штыка представляется въ двухъ
ъ: можно или прямо бросаться въ штыки, безъ залпа, или
е доходя 15—20 шаговъ до непріятеля, предварительно да-
залпъ на ходу. Онъ долженъ служить сигналомъ къ тому,
бросаться на «ура». Этотъ залпъ, при атакѣ въ колоннахъ,
ла давать передній эшелонъ, а идущимъ за нею, при нынѣ
ебляемомъ оружіи, изъ предосторожности снимать капсюли,
овомъ же не заряжать его вовсе. Этотъ способъ комбинаціи
и штыка съ большимъ успѣхомъ былъ употребляемъ англи-
и при Веллингтонѣ, нѣкоторыми частями Наполеона I, пе-
шими его у англичанъ, въ войну на Пиренейскомъ полу-
вѣ, и, наконецъ, въ послѣднюю кампанію, прусаками. Мно-
кажется невозможнымъ такое соединеніе огня и штыка,
ствіе того, что будто бы часть, стрѣляющая передъ сва-
близка къ тому, чтобы дать тылъ. Предразсудокъ этотъ, уко-
шійся вслѣдствіе того, что части, неимѣющія духу довести
до свалки, обыкновенно останавливаются, начинаютъ само-
вольно стрѣлять и затѣмъ даютъ тылъ, очевидно построенъ
верхностномъ выводѣ изъ подобныхъ фактовъ. Части, оста-
ивающіяся подобнымъ образомъ, начинали стрѣлять
му, что не имѣли духу сойтись на штыкъ, а не те-
способность сойтись на штыкъ, потому что начина-
грѣлять. Ясно, что въ сказанномъ предразсудкѣ открывается
еская ошибка принятія за причину то, что составляетъ слѣд-

Какъ кажется, ихъ употребленіе въ бою собственно ограничится послѣд-
минутами, когда, выдвигая изъ резерва значительныя массы пѣхоты, не бу-
имѣть ни времени, ни мѣста для перехода въ расположеніе поротно.

ствіе, и на оборотъ. Если бы огнестрѣльному пораженію б
присуща чародѣйственная сила останавливать движеніе въ шт
то это одинаково проявлялось бы во всѣхъ войскахъ, чего з
ная исторія вовсе не подтверждаетъ. Англичанамъ залпъ на
момъ близкомъ разстояніи не мѣшалъ бросаться вслѣдъ за
въ штыки; о французскомъ полкѣ Бюжо должно сказать т
самое. Ясно, слѣдовательно, что тѣ войска, которыя при а
не доводили ее до конца, развертывались противъ воли с
начальниковъ, открывали стрѣльбу и затѣмъ давали тылъ, сдѣ
бы это и безъ стрѣльбы. Да при томъ же мы не предлаг
остановки передъ атакой для залпа, а именно настаиваем
томъ, чтобы его дѣлать не иначе, какъ на ходу: на ходу по
нуть назадъ труднѣе, чѣмъ съ мѣста. Тѣмъ не менѣе, реко
довать этотъ способъ атаки, какъ единственно-лучшій, нельзя
онъ предполагаетъ часть выдержанную и предводимую человѣк
которому она вѣритъ и безусловно привыкла исполнять, что
дѣть имъ скомандовано.

Впрочемъ, атаковать ли съ залпомъ, или безъ залпа, в
всякомъ случаѣ необходимо, чтобы одиночные люди б
основательно обучены дѣйствовать оружіемъ, а ма
ознакомлены съ процесомъ обстановки атаки въ шт
То и другое, при настоящей системѣ мирнаго образованія, о
вляетъ желать весьма многаго.

Мы полагаемъ, напримѣръ, неважнымъ то, умѣетъ ли
вѣкъ, или нѣтъ выписывать штыкомъ вензеля, принятые при д
стороннемъ фехтованіи; но въ высшей степени важнымъ,
бы онъ умѣлъ бить штыкомъ мѣтко и сильно. Обученіе
дей попадать въ намѣченную на какомъ-нибудь мягкомъ пред
точку, и притомъ попадать такъ, чтобы штыкъ влѣзъ чуть п
шейку, и затѣмъ быстро его выдергивать — вотъ, по нашему
нію, краеугольный камень одиночной работы штыкомъ. Много
найдется солдатъ, способныхъ при нынѣшней системѣ обуч
выполнить эти три условія добраго штыковаго удара, знаютъ
кто стоитъ близко у дѣла. Не разъ уже говорилось, и повтор
еще и желали бы повторять такъ, чтобы эта мысль звучала
прерывно въ сознаніи каждаго военнаго: мѣткость для ш
нужнѣе, чѣмъ для пули; промахъ при стрѣльбѣ ведетъ къ по
пули, промахъ штыкомъ — къ потерѣ жизни.

Обученіе массъ атакѣ должно быть измѣнено въ томъ см
чтобы въ мирное время она была производима не иначе,
противъ видимыхъ цѣлей, однимъ словомъ такъ, какъ учил
нашъ великій Суворовъ. Цѣлію можетъ быть: заборъ, плет

п., при обученіи атакѣ съ залномъ—мишень. Видимая цѣль имѣетъ, въ этомъ отношеніи, въ высшей степени важное значеніе, ибо пріучаетъ глазъ и начальниковъ, и солдатъ къ инстинктивному опредѣленію разстояній, съ которыхъ слѣдуетъ ударить бой къ атакѣ, взять на руку, броситься на ура. Атака въ пустое пространство не можетъ пріучить глазъ къ опредѣленію разстояній; послѣдствія этого тѣ, что части въ дѣлѣ бросаются въ штыки раньше, чѣмъ нужно *), утомляются къ моменту свалки и даютъ тылъ.

Къ этому должно прибавить и еще одну снаровку, по нашему мнѣнію, въ высшей степени важную въ примѣненіи къ дѣйствію холоднымъ оружіемъ: разумѣемъ строгое вниманіе къ тому, чтобы при мирномъ обученіи уважалась боевая обстановка удара въ штыки, т. е., чтобы штыкъ уклонялся не иначе, какъ для удара **), бой къ атакѣ слышался по возможности рѣже и никогда впустую. При этомъ условіи команда «на руку» и бой къ атакѣ будутъ производить нравственное возбужденіе въ людяхъ, необходимое къ моменту свалки, чего теперь нѣтъ. Можетъ быть, это покажется нѣкоторымъ мелочью; но такъ не покажется тѣмъ, которые постоянно помнятъ значеніе нравственнаго настроенія въ такомъ дѣлѣ, какъ свалка, и которые знаютъ, отъ какихъ иногда, повидимому, пустяковъ зависитъ нравственное настроеніе.

Сигналъ, или мотивъ, присвоенный извѣстному дѣйствію, можетъ произвести могущественное дѣйствіе: для сомнѣвающихся въ этомъ укажу на впечатлѣніе, которое производилъ экзекуціонный бой, печальной памяти. Это впечатлѣніе объясняется однимъ: его слышали рѣдко и никогда не слышали впустую. Бой къ атакѣ долженъ быть обставленъ такъ, чтобы онъ производилъ нравственное сотрясеніе, и это сдѣлать легко: нужно, чтобы солдатъ слышалъ его два, три раза въ годъ; при этомъ условіи сигналъ обратится въ святыню, онъ будетъ возбуждать. Но если его повторять на каждомъ ученіи чуть не по двадцати разъ, да еще и не сопровождая ничѣмъ, мало-мальски напоминающимъ атаку, удивительнаго ничего нѣтъ, если онъ, наконецъ, обращается въ пустой звукъ.

Все сказанное о дѣйствіи оружіемъ предполагало пѣхоту противъ пѣхоты. Перейдемъ теперь къ отношеніямъ между пѣхотой и кавалеріей при новомъ оружіи. Въ этомъ послѣднемъ пѣхота полу-

---

*) Бывали примѣры, что бросались въ штыки съ разстоянія 800—1,000 шаговъ.

**) Т. е. чтобы пріемъ „на руку“ пересталъ быть только пріемомъ, съ которымъ солдатъ не соединяетъ постоянно мысли объ ударѣ.

чила болѣе дѣйствительное средство противодѣйствія кавалерійскимъ атакамъ; но оно не можетъ устранить возможности налета кавалеріи на пѣхоту, даже прорыва ея: слѣдовательно, употребляя залпы, нельзя полагаться только на это одно средство, но слѣдуетъ помнить, что они могутъ и не остановить атаки. Однимъ словомъ, нужно метательнымъ оружіемъ пользоваться возможно болѣе выгодно; но въ концѣ концовъ все же полагаться на себя и на штыкъ. Болѣе шансовъ на отраженіе кавалерійскаго удара всегда имѣла и будетъ имѣть не та пѣхота, которая вооружена лучшимъ оружіемъ, но та, которая болѣе спокойна и увѣрена въ себѣ, которая менѣе подвержена впечатлительности при видѣ кавалерійскаго урагана. Поэтому, пріученіе пѣхоты къ виду кавалеріи, быстро несущейся на нее, составляетъ необходимость, тѣмъ болѣе настойчивую, чѣмъ огнестрѣльное оружіе будетъ совершеннѣе, ибо тѣмъ болѣе человѣкъ будетъ расположенъ вѣрить въ невозможность столкновенія и тѣмъ болѣе потеряется, если оно окажется возможнымъ. Средство пріучить пѣхоту не боятся кавалеріи одно—сквозныя суворовскія атаки, о которыхъ въ послѣднее время уже столько было писано, что мы считаемъ излишнимъ еще разъ указывать здѣсь необходимость и высокую раціональность этого пріема обученія. При сквозныхъ атакахъ, для обстрѣливанія лошадей, должно допустить употребленіе холостой пальбы, и это единственный случай полезнаго ихъ примѣненія въ обученныхъ войскахъ.

Относительно строя, въ которомъ выгоднѣе встрѣчать кавалерійскую атаку при новомъ оружіи, можно положить, что развернутый строй получаетъ значеніе преобладающее. Это, впрочемъ, не представляетъ особенной новости, ибо и прежде такіе люди, какъ Сенъ-Сиръ, были убѣждены, что порядочная пѣхота можетъ выдержать кавалерійскую атаку въ развернутомъ строѣ; что же до непорядочной, то она вѣдь и въ каре сдавала.

Кромѣ того, такъ какъ ротныя колонны получили въ числѣ боевыхъ порядковъ баталіона значеніе преобладающее, то поэтому ротное каре, въ большинствѣ случаевъ, замѣнитъ баталіонное, причемъ еще чаще можно будетъ прибѣгать къ развернутому строю: ибо заднія роты, если онѣ не атакованы, могутъ всегда развертываться для содѣйствія огнемъ ротамъ первой линіи. Вообще должно замѣтить, что, принимая въ соображеніе многочисленныя невыгоды, свойственныя всѣмъ каре, лучше будетъ, если въ понятіяхъ и солдатъ, и начальниковъ каре перестанетъ быть исключительнымъ строемъ для встрѣчи кавалерійской атаки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы для каре былъ

нять резервъ, такъ какъ это парализовало бы кавалерію даже въ случаѣ прорыва; чтобы при мирномъ обученіи людей пріучи собираться въ кучи, предполагая прорывъ; чтобы, наконецъ, только офицеры, но и солдаты знали твердо, что мирная стройсть и правильность каре въ бою немыслимы. Если къ этому бавить еще возможное освобожденіе войскъ отъ вредной мирй привычки строиться въ каре *) по всей линіи, когда атака ожаетъ только одной ея части, то это будетъ все, чего только жно потребовать въ разбираемомъ положеніи отъ наилучше-подговленныхъ для боя войскъ.

VI.

Выше указано было въ нѣсколькихъ мѣстахъ на особенности рмы и духа строевъ, вызываемыхъ усовершенствованіемъ металнаго оружія. Заключались эти указанія въ томъ, что строи лжны, сравнительно съ прежними, представлять меньшіе разры, дабы быть удобоподвижнѣе и менѣе терпѣть отъ огня; о въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ штыковая свалка и встрѣча валерійской атаки, форма строя дѣло далеко не первостепенное; о начальники должны поэтому относиться къ ней свободнѣе, т. е. воображать, будто для каждаго дѣйствія есть такая форма роя, о построеніи которой нужно думать прежде, нежели о самъ дѣйствіи; что, наконецъ, они, т. е. начальники, должны освободиться отъ рабства передъ симетріей и однообразіемъ, и не принимать извѣстнаго строя потому только, что и сосѣдняя часть его иняла, но непремѣнно соображать этотъ строй съ положеніемъ, которомъ находится собственная ихъ часть.

Все это было выведено какъ слѣдствіе дѣйствія оружіемъ, и тому представлено какъ бы мимоходомъ; теперь, сведя въ одно и положенія, попробуемъ, въ зависимости отъ нихъ, указать редѣлительно: какая система строевъ при нынѣшнемъ оружіи лжна быть признана выгоднѣйшею и въ какое отношеніе къ роямъ необходимо теперь поставить войска и начальниковъ.

Вообще всякая система строевъ, раціонально соображенная, лжна отвѣчать слѣдующимъ требованіямъ: 1) доставлять полныя обства для взаимной поддержки между частями, или, что одно то же, для дѣйствія оружіемъ; 2) не представлять никакой

*) А въ стрѣлковой цѣпи въ кучки.

сложности въ построеніи и въ переходѣ изъ одного строя въ другой, ибо каждая хитрая эволюція трудно усвоивается при мирномъ обученіи, а въ бою можетъ повести къ катастрофѣ; 3) облегчать возможную подвижность и поворотливость, удобство управленія и возстановленія поколебленнаго порядка, удобство примѣненія къ какой бы то ни было мѣстности; 4) представлять всѣ возможныя средства для уменьшенія потерь отъ огня. Приложимъ этотъ масштабъ къ боевымъ порядкамъ баталіона и совокупности баталіоновъ и посмотримъ, какія измѣненія было бы полезно сдѣлать въ томъ, что принято.

Въ разсыпномъ строѣ, разсматриваемомъ независимо отъ укоренившихся предразсудковъ, измѣненіе не можетъ имѣть мѣста: какъ одна изъ первобытныхъ формъ, разсчитанныхъ на то, чтобы дать возможно болѣе полный просторъ предпріимчивости и отвагѣ всякой отдѣльной личности, этотъ строй останется тѣмъ, чѣмъ былъ всегда; но, для пользы дѣла, нельзя не пожелать измѣненія въ укоренившихся взглядахъ на него. Строго говоря, мы не имѣемъ теперь разсыпнаго строя, а имѣемъ только разомкнутый, что далеко не одно и то же. Въ этомъ отношеніи практика рѣшительно уклонилась отъ предписаній устава. Такъ, въ нашей «Рекрутской Школѣ» положительно говорится, что порядокъ размѣщенія людей въ звеньяхъ не долженъ быть подчиняемъ никакой опредѣленной нормѣ, на какой бы мѣстности они ни дѣйствовали, что о равенствѣ интерваловъ между стрѣлками хлопотать не слѣдуетъ, равно какъ и о строгомъ равненіи по линіи. На дѣлѣ же звенья, каждое въ двѣ шеренги, равняются въ струнку; разстоянія между ними отмѣриваются чуть не цыркулемъ. Появляются, наконецъ, отъ времени до времени господа, которые жаждутъ даже и въ уставѣ строгаго разъ навсегда опредѣленія порядка, въ которомъ люди каждаго звена должны располагаться....

Вотъ почему я сказалъ и еще повторю, что разсыпнаго строя въ настоящемъ смыслѣ слова мы не имѣемъ, а имѣемъ только разомкнутый, въ которомъ люди стѣснены всѣми требованіями, умѣстными и разумными лишь въ строю сомкнутомъ. Мы желали бы поэтому, чтобы въ мирныхъ занятіяхъ были возстановлены предписанія «Рекрутской Школы»; чтобы, сверхъ того, всѣ сложныя правила насчетъ того, сколько и по какимъ сигналамъ высылать полувзводовъ въ цѣпь, исчезли изъ баталіоннаго ученья, ибо въ дѣлѣ это не подчиняется никакой нормѣ; чтобы были отмѣнены всѣ сложныя эволюціи разсыпнаго строя, которыя, подъ предлогомъ приданія ему большей гибкости, только его одеревенятъ; чтобы не собиралась въ кучи вся цѣпь, когда опасность грозитъ

одной ея части; чтобы отмѣнены были игрушечные шахматы, составляемые кучками, ибо едва-ли кто-нибудь можетъ признать имѣющимъ боевой смыслъ шахматное расположеніе, въ которомъ задняя линія отъ передней отстоитъ всего на 15—20 шаговъ. Мы желали бы, однимъ словомъ, чтобы разсыпной строй сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ для пользы дѣла быть долженъ—строемъ иррегулярнымъ.

Вмѣстѣ съ возвращеніемъ его къ этому первоначальному его духу и смыслу, число сигналовъ само собою весьма должно уменьшиться—выигрышъ громадный, такъ какъ въ бою большая часть сигналовъ пользы не приноситъ, а въ мирное время заучивать ихъ солдату весьма трудно.

Въ примѣненіи къ сомкнутымъ строямъ, условія вышепоставленныя потребуютъ перемѣнъ не менѣе существенныхъ, и въ формѣ, и особенно въ духѣ.

Въ предъидущей статьѣ уже замѣчено, что залпы поротно удобнѣе баталіонныхъ; къ этому должно прибавить, что роты составляютъ въ бою единицу, предпочтительную передъ баталіонами, ибо первыя въ большей мѣрѣ удовлетворяютъ вышепостановленнымъ условіямъ, чѣмъ послѣдніе. Дѣйствительно: онѣ подвижнѣе, поворотливѣе, меньше терпятъ отъ огня, быстрѣе принимаютъ всѣ видоизмѣненія строя, удобопримѣнимѣе ко всякаго рода мѣстности, наконецъ легче приводятся въ порядокъ, чѣмъ баталіоны. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего новаго даже въ сравненіи съ установившеюся системой расположеній, въ которой первая линія почти всегда становится въ ротныхъ колоннахъ. Слѣдовательно, остается быть послѣдовательными и, сообразно сказанному, измѣнить и уставъ баталіоннаго ученья, признавъ въ немъ роту такой единицей, которая не уничтожается въ баталіонѣ. Какого же рода должны быть эти измѣненія? Разберу этотъ вопросъ въ примѣненіи къ различнымъ баталіоннымъ строямъ, начиная съ развернутаго, который долженъ получить теперь большое примѣненіе, если только рѣшатся освободить его отъ педантическихъ мелочей. Всякому извѣстно, до какой степени онъ теперь неудобоподвиженъ преимущественно вслѣдствіе того, что отъ него требуютъ идеальной стройности. Извѣстно также, что, въ видахъ сохраненія этой стройности у насъ отказались отъ движеній развернутымъ строемъ собственно, замѣнивъ его тремя колоннами или такъ называемымъ «развернутымъ строемъ со вздвоенными взводами». Должно отдать справедливость этому исправленію. Оно достигло цѣли: движенія сдѣлались несравненно легче и стройность не потерпѣла; но, въ то же время: 1) это прибавило новую форму строя, со-

отвѣтственно которой пришлось выдумать и особое каре: 2) развернутый баталіонъ со вздвоенными взводами, вслѣдствіе большей глубины, будетъ и терпѣть отъ огня больше, нежели сплошной развернутый строй; 3) уставная терминологія обогатилась лишнимъ, совершенно несоотвѣтственнымъ выраженіемъ, такъ какъ колонны названы развернутымъ строемъ *).

И изъ-за чего же все это произошло? Изъ-за рутиннаго желанія сохранить непрерывность баталіоннаго строя, которая, какъ сейчасъ покажемъ, для дѣла совершенно безполезна. Положимъ, что роты будутъ расположены не вплотную другъ къ другу, какъ теперь, а на небольшихъ интервалахъ, не болѣе, напримѣръ, пяти шаговъ. Будетъ ли подобный развернутый строй представлять силу огня сплошнаго развернутаго? Конечно будетъ **); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи ничего не потеряется, а движимость и простота формъ весьма выиграютъ, ибо каждая рота будетъ совершенно свободна въ своихъ движеніяхъ; во вздваиваніи не представится никакой надобности; строй получитъ небывалую гибкость, если только отстанутъ отъ привычки удручать части точечнымъ равненіемъ и не будутъ увлекаться идеальнымъ соблюденіемъ пяти-шаговаго интервала. Наконецъ, даже разсыпаніе стрѣлковъ станетъ быстрѣе.

Но, можетъ быть, явится необходимость въ новомъ каре? Нѣтъ, ибо можно будетъ обойтись ротными каре или комбинаціей ихъ съ развернутымъ строемъ, какъ было уже замѣчено. Послѣдняя форма не усложнитъ устава, ибо не подчиняется уставнымъ опредѣленіямъ, а требуетъ личной умственной дѣятельности и свободнаго отношенія къ формамъ со стороны частныхъ начальниковъ. А можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что эту дѣятельность необходимо вызывать всѣми силами, ибо въ наше время однимъ буквальнымъ исполненіемъ устава въ бою взять трудно. Понятно, послѣ этого, въ какой мѣрѣ предпочтительна та система построеній, при которой нельзя довольствоваться однимъ заучиваніемъ устава, а необходимо понимать и тактическія свой-

---

*) Это послѣднее неудобство можетъ показаться мелочнымъ и нестоющимъ вниманія: мы смотримъ на это не такъ, ибо думаемъ, что сбивчивая терминологія неминуемо предполагаетъ и сбивчивость въ понятіяхъ, что желательнымъ никогда быть не можетъ.

**) Тѣмъ болѣе, что эти интервалы можно занимать стрѣлками. Мы назначили пятишаговой интервалъ только для примѣра. Но на дѣлѣ слѣдовало бы не опредѣлять его постоянной какой нибудь цифрой, а предоставить назначеніе баталіонному командиру, въ зависимости отъ прогяженія предоставленной ему позиціи.

ва формъ. Но, можетъ быть, трудно будетъ при расположеніи таліона поротно строить баталіонное каре? Во-первыхъ, нѣтъ: къ какъ удлиненіе его на десятокъ-другой шаговъ можетъ имѣть ыслъ только на плацу, но на боевомъ полѣ его не имѣетъ; а -вторыхъ, если бы даже и совсѣмъ отказаться отъ баталіоннаго ре, то едва-ли въ наше время объ этомъ особенно можно говать.

Говорятъ, будто для встрѣчи кавалерійскихъ атакъ нужна сса. Нѣтъ: прежде всего нужно спокойствіе, а потомъ мѣткій онь; резонъ массы тотъ же самый, который до Румянцова придили въ пользу нелѣпѣйшій изъ формъ—каре, составленнаго ъ цѣлой арміи; онъ не измѣнилъ своего значенія и теперь. Ворвыхъ, если рота представляетъ меньшую массу, то за то вѣдь можетъ атаковать и меньшая кавалерійская часть, чѣмъ та, коая можетъ ударить непосредственно на баталіонное каре. Имѣя о въ виду, не вижу причины, отчего бы, напримѣръ, 30—40 адниковъ, которые могутъ атаковать непосредственно фасъ баліоннаго каре, менѣе будутъ страшны баталіону, чѣмъ 15—20 адниковъ будутъ страшны ротѣ *). Поэтому резонъ массы въ ользу баталіоннаго каре принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вторяются инстинктивно, по рутинѣ: внутренней состоятельности ы за нимъ не признаемъ, и въ особенности не признаемъ тогда, гда кавалеріи придется имѣть дѣло съ пѣхотою, выдержанною а сквозныхъ атакахъ. А вѣдь сдѣлать это такъ легко.... Рядомъ ъ этимъ есть соображенія, далеко не рутинныя, которыя прямо ворятъ противъ баталіоннаго каре. Во-первыхъ, въ случаѣ прова оно подвергаетъ опасности весь баталіонъ; во-вторыхъ, оно чти не имѣетъ боковаго обстрѣла фасовъ; въ третьихъ, огонь о крайне слабъ. Расположеніе ротныхъ каре въ сочетаніи съ звернутымъ строемъ ротъ, неподверженныхъ атакѣ, но могущихъ рѣлять по ней, не представляетъ ни одного изъ этихъ недоатковъ. Въ заключеніе должно замѣтить, что всѣ выводы о неходимости баталіоннаго каре дѣлаются подъ впечатлѣніемъ того, мъ былъ баталіонъ въ прошлое время.... Будетъ, думаю, не осонною натяжкою, если принять, что въ средствахъ сопротивлея, особенно кавалеріи, нынѣшняя рота немногимъ уступитъ прежму баталіону: и по тому оружію, которое имѣетъ, и по системѣ

*) Мы беремъ это число всадниковъ, соображаясь съ тѣмъ, что размѣры таліоннаго каре около 35—40 шаговъ по фронту и въ глубину, а ротнаго око 15—20 шаговъ. Такъ какъ при атакѣ кавалерійская часть раздается, то взяе нами число всадниковъ даже болѣе того, которое дѣйствительно можетъ аковать разбираемыя каре.

воспитанія и образованія, ведущей къ тому, что солдатъ не засуеченъ, не запуганъ и стрѣлять умѣетъ.

Итакъ, принявъ расположеніе развернутаго баталіона поротно, получимъ форму гибкую, подвижную, мало терпящую отъ огня и ставящую ротныхъ командировъ въ болѣе самостоятельное положеніе, чѣмъ теперь, когда рота исчезаетъ въ баталіонѣ.

Если при этомъ предоставить еще баталіонному командиру право располагать свою часть не непремѣнно въ одну линію, а уступами или шахматами поротно, а каждому ротному командиру становиться въ колоннѣ или въ развернутомъ строѣ, смотря по мѣстности и другимъ обстоятельствамъ, не обращая вниманія на то, въ какомъ строѣ стоятъ его сосѣди, то получимъ форму, вполнѣ отвѣчающую современнымъ требованіямъ тактики, ибо она даетъ полный просторъ личной предпріимчивости частныхъ начальниковъ въ достиженіи цѣли, указанной общимъ начальникомъ.

Распространеніе этого взгляда на формы строя, не только во время маневровъ, но и при ученьяхъ на ровной мѣстности, считаю въ высшей степени важнымъ: только въ немъ одномъ лежитъ залогъ того, что офицеры поинтересуются наконецъ узнать, какой строй, когда и для чего выгоднѣе. Теперь имъ нѣтъ никакого побужденія заботится объ этомъ, ибо строй ихъ части опредѣляетъ обыкновенно старшій начальникъ. Необходимо это и для того, чтобы уничтожить гибельную привычку къ однообразію, въ силу которой всякій начальникъ только и пріучается къ тому, чтобы смотрѣть направо и налѣво, на сосѣдей, между тѣмъ какъ онъ долженъ смотрѣть прежде всего впередъ, на непріятеля.

Съ точки зрѣнія тѣхъ, которые согнулись подъ бременемъ мертвящаго однообразія, лежавшимъ на нихъ десятки лѣтъ, которыхъ сознаніе и глазъ пріучены съ понятіемъ о строѣ неизбѣжно соединять понятіе о симетріи — съ точки зрѣнія такихъ жертвъ фридриховскихъ порядковъ предлагаемая система строя, конечно, будетъ не болѣе, какъ развратомъ строеваго образованія; но она не покажется такою тѣмъ, которые знаютъ, что въ дѣлѣ берутъ сметкой, порывомъ, увлеченіемъ, упорствомъ, а не симметріей, и что, слѣдовательно, не та форма лучше, которая красивѣе, а та, которая не стѣсняетъ сметки, порыва, увлеченія....

Баталіонныя колонны, какъ уже сказано, едва-ли будутъ имѣть примѣненіе въ боевыхъ линіяхъ, потому что много терпятъ отъ огня *). Въ этомъ будетъ заключаться существенное измѣненіе относительно ихъ употребленія.

*) За исключеніемъ, могущимъ представиться въ послѣдній періодъ боя,

Но для простоты устава необходимо обратить вниманіе и на
ое обстоятельство, именно на способъ построенія и развертыі баталіонныхъ колоннъ. По настоящее время, при этихъ поеніяхъ, единицами являлись взводы; сообразно тому значенію рое теперь получаетъ рота, кажется, было бы раціональнѣе признать единицею въ томъ смыслѣ, чтобы предварительно ки баталіона въ какой-либо общій строй были сдѣланы соотвующія построенія въ каждой ротѣ. Этимъ путемъ окончаію было бы устранено то различіе между строевымъ и быто-
*) подраздѣленіемъ баталіона, которое къ сожалѣнію, не лось до сихъ поръ. Странно видѣть ротнаго командира въ мъ баталіонномъ строѣ только командиромъ половины собной своей роты.

Другое усовершенствованіе, по нашему мнѣнію, тоже весьма тельное, заключается въ томъ, чтобы какъ въ баталіонныхъ нахъ, такъ и въ развернутомъ строѣ порядокъ расположенія былъ наконецъ освобожденъ отъ порядка носимыхъ ими нувъ.

Всякому извѣстно, что въ настоящее время принято два споперехода отъ развернутаго строя къ колоннамъ и обратно: о флаговымъ частямъ,—такъ называемое построеніе справа и а; 2) по среднимъ частямъ баталіона. Оба эти способа имѣсвои выгоды и недостатки. Такъ, первый изъ нихъ хорошъ , что части, колонну составляющія, будутъ всегда предстаь цѣлое строевое подраздѣленіе **)—условіе въ высшей стеважное при атакѣ, гдѣ требуются: дружность и одинъ отикъ въ случаѣ неудачи. Но колонны такого рода медленно ертываются. Построеніе по среднимъ частямъ представляетъ ду болѣе быстраго развертыванія, но за то, при немъ, и, составляющія голову колонны, принадлежатъ къ различь строевымъ подраздѣленіямъ ***).

Наконецъ, недостатокъ, общій обоимъ этимъ способамъ поенія, тотъ, что они дѣлаютъ строй негибкимъ, деревяннымъ. існюсь примѣромъ. Положимъ, колонна къ атакѣ пришлась , что имѣетъ на флангѣ оврагъ шагахъ въ 70: чтобы эту

не будетъ времени думать о перестроеніи въ ротныя колонны, да можетъ та на это не будетъ.

) Т. е. подраздѣленіе, принимаемое для внутренняго быта и управленія : на роты, полувзводы, десятки.

*) Т. е. или роту, или взводъ и т. д.

**) Такъ, въ нашихъ колоннахъ изъ середины, въ головѣ не цѣлая рота, не й взводъ, а два взвода или полувзвода различныхъ ротъ.

колонну развернуть, нужно прежде отвести ее влѣво отъ оврага еще шаговъ 80 *) и затѣмъ развертывать. Къ подобному же безполезному передвиженію флангомъ къ непріятелю придется иногда прибѣгать и имѣя дѣло съ колоннами, построенными по фланговымъ частямъ.

Боевыя условія заставляютъ желать принятія такой системы относительнаго расположенія ротъ въ баталіонѣ, которая, соединяя выгоды обѣихъ предъидущихъ, не представляла бы ихъ недостатковъ. И это сдѣлать весьма легко: стоитъ только признать независимость расположенія ротъ отъ порядка нумеровъ и постановить правиломъ, что развертываніе вправо и влѣво или, наконецъ, единовременно вправо и влѣво, всегда исполняется по части, составляющей голову колонны, не обращая вниманія на то, станутъ или нѣтъ роты по порядку нумеровъ. Для свертыванія въ колонны принять также соотвѣтствующій этому порядокъ.

Возьму для примѣра такой случай. Стоитъ развернутый баталіонъ по ротно, роты по порядку нумеровъ; нужно построить баталіонную колонну по третьей ротѣ, въ томъ соображеніи положимъ, что придется идти по прямому направленію противъ того мѣста, гдѣ стоитъ третья рота. По соотвѣтствующей командѣ, четвертая и первая роты идутъ за третью, вторая передъ нее **).

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ увеличится гибкость развертыванія отъ того, что не будемъ обращать вниманія на нумера. Положимъ, по мѣстности ***) нужно развернуть баталіонъ вправо; по командѣ: «по второй ротѣ стройся вправо», баталіонъ развертывается въ такомъ порядкѣ: 1-я, 4-я, 3-я, 2-я роты. При одинаковыхъ условіяхъ нельзя перейти въ развернутый строй безъ предварительнаго движенія бокомъ къ непріятелю, ни колоннѣ изъ середины, ни колоннѣ справа. Колонна слѣва можетъ развернуться, правда, точно также вправо; но развѣ можно сказать впередъ, что придется развертываться именно вправо, а не влѣво, или не частью вправо, частью влѣво? Положимъ, что нужно развернуть предлагаемую колонну такъ, чтобы вправо выстроилась одна только рота, влѣво двѣ. По командѣ: «по вто-

---

*) Считая, что полубаталіонъ занимаетъ по фронту около 150 шаговъ, какъ то имѣетъ мѣсто при полномъ числѣ рядовъ.

**) Порядокъ, въ которомъ роты группируются около дирекціональной, взятъ примѣрно. Само собою разумѣется, что въ уставѣ относительно этого порядка пришлось бы постановить общія правила, которыя не трудно придумать.

***) Слѣдовательно, предполагая, что баталіонъ примыкаетъ лѣвымъ флангомъ къ какому-нибудь непроходимому препятствію.

ой ротѣ стройся влѣво и вправо» *), третья и первая ты пристраиваются ко второй съ лѣвой стороны, четвертая съ авой, и получается развернутый строй въ такомъ порядкѣ рот: я, 2-я, 3-я, 1-я.

Итакъ, благодаря освобожденію отъ нумеровъ, можно развер-ть и свернуть баталіонъ безъ лишнихъ передвиженій, на ка-мъ бы онъ пунктѣ своего участка ни находился.

Но, можетъ быть, отъ принятія подобной системы произой-ть какое-нибудь неудобство? Посмотримъ: развернутый строй отъ ого не потерпитъ, ибо для стрѣльбы, какъ и для атаки въ штыки ротно, рѣшительно все равно, въ какомъ бы порядкѣ роты ни ояли; колонны же баталіонныя выиграютъ отъ подобнаго спо-ба перестроенія въ весьма сильной степени. Не говоря уже о мъ, что въ головѣ колонны будетъ всегда полная часть **), от-ывается еще возможность мѣнять роты, составляющія голову лонны, для уравненія между всѣми ими и потерь отъ штыка, и боты штыкомъ. Придетъ ли теперь баталіонному командиру на мысль поставить въ голову колонны не ту роту, которая стоитъ мъ по нормальному чертежу? До такой степени нѣтъ, что мно-е—увѣренъ въ этомъ—даже прочитавъ въ предлежащей статьѣ одобную ересь, подумаютъ: «не рухнулся ли онъ?» Да если бы аже и пришло на мысль такое вольнодумство баталіонному оманднру, то едва-ли бы не показалось оно дикимъ ротѣ, кото-ая вереницею годовъ приведена была къ убѣжденію, что ея удьба вѣчно ходить въ ящикѣ; и не только дикимъ, но пожалуй аже и несправедливымъ въ извѣстныя минуты.... ну хоть въ ожи-ніи штыковой свалки. Хороши ли подобныя привычки, безъ руда можетъ судить всякій.

Могутъ сказать, что ослабленіе какой-либо роты вознаграждается такъ называемымъ уравниваніемъ числа рядовъ: исправле-ie, которое хуже самаго зла. Пора понять, что рота—живой ор-анизмъ, что люди въ ней срастаются какъ атомы въ тѣлѣ; что ражеиіе къ этому сростанію—главное условіе для сохраненія уха части, для возможности единодушія дѣйствія; что людей

*) Командовать „вправо“ и „влѣво“ логичнѣе, нежели „направо“ и „на-ѣво“, такъ какъ послѣднія выраженія соотвѣтствуютъ измѣненію положенія на ¼ круга въ соотвѣтствующую сторону, чего, при развертываніи, съ частями не ываетъ. Это уже понято въ кавалерійскомъ уставѣ, гдѣ, напримѣръ, выраженіе строй фронтъ направо“ означаетъ развертываніе съ перемѣной фронта на че-вертую часть круга направо. Въ артиллерійскомъ же и въ пѣхотномъ уставахъ и слова употребляются несоотвѣтственно ихъ прямому смыслу и по сіе время.

**) А не двѣ половины различныхъ частей, какъ въ колоннахъ изъ середины.

нельзя безнаказанно тасовать какъ карты; что нужно уважать привычки, вытекающія изъ свойствъ человѣческой натуры, а не нарушать ихъ въ самую рѣшительную минуту, т. е. передъ непріятелемъ; что подобнымъ уравниваніемъ рядовъ можно испортить одну роту и въ тоже время далеко еще не поправить другой.

Предлагаемая перемѣна въ характерѣ эволюцій утвердила бы за ротами ту долю независимости, которую за ними для пользы дѣла признать необходимо; мало того: она поставила бы и начальника, и солдата въ болѣе раціональныя отношенія къ ихъ спеціальности, утвердивъ ихъ самымъ дѣломъ въ той мысли, что сущность не въ томъ, гдѣ стоять, а въ томъ, чтобы наносить непріятелю наибольшій вредъ.

Вѣроятно, найдутся люди, которые скажутъ, что и теперь это понимается, что случайное нарушеніе порядка нумеровъ не обратитъ на себя вниманія войскъ, и они будутъ драться какъ обыкновенно. Кто понимаетъ всю ширь и глубь той истины, что для человѣка привычка—вторая натура, тотъ не отнесется такъ легко и увѣренно къ необходимости отказаться отъ рабства передъ нумеромъ. Въ бою привычки войскъ имѣютъ неотразимое вліяніе: бывали примѣры, что баталіонъ, случайно очутившійся по ходу боя правѣе своего товарища, старшаго по нумеру, думалъ не о томъ, чтобы драться, а прежде всего о томъ, чтобы повернуть налѣво (въ разгарѣ боя, вблизи непріятеля!), обойти старшую часть и пристроиться лѣвѣе ея. Одинъ нѣмецъ привелъ подобный случай какъ подтвержденіе того, какъ неудобно нарушать порядокъ нумеровъ; мы же видимъ въ этомъ примѣрѣ совершенно обратное: именно доказательство того, какъ гибельно въ мирное время пріучать войска къ мысли, что они иначе какъ по порядку нумеровъ не могутъ становиться. У начальника во время боя есть вещи для обсужденія и удержанія въ памяти поважнѣе того, чтобы не поставить втораго или третьяго баталіона (или роты) правѣе перваго.

Да наконецъ и мирная практика представляетъ примѣры, показывающіе ясно тяжелыя стороны поклоненія нумеру; только къ этимъ неудобствамъ привыкли, и потому ихъ не замѣчаютъ. Возьмемъ, напримѣръ, перемѣну фронта въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи. Вмѣсто того, чтобы зайти поротно, напримѣръ, направо и разомъ получить двѣ линіи ротныхъ колоннъ въ новомъ направленіи, необходимо, какъ извѣстно, приказать 2-й ротѣ зайти направо; потомъ скомандовать: «по 2-й ротѣ перемѣна фронта впередъ», и затѣмъ ждать, пока всѣ три роты не исполнятъ круговаго передвиженія, дабы занять относительно 2-й непремѣнно то самое положеніе, которое онѣ занимали до перемѣны фронта.

Гибокъ ли и простъ ли подобный способъ перемѣны фронта, видѣть не трудно. Почему же не предпочли ему вышеуказаннаго способа?... Отвѣтъ ясенъ: изъ-за рабства передъ нумеромъ, изъ-за того, чтобы первая линія непремѣнно состояла изъ 2-й и 3-й а вторая изъ 1-й и 4-й ротъ....

Признаніе независимости ротъ отъ порядка нумеровъ доставило бы, кромѣ указанныхъ преимуществъ, упрощеніе устава и возможность сообразить строй такъ, чтобы отдѣленіе одной, напримѣръ, роты не дѣлало необходимою перемѣну баталіоннаго разсчета; при нынѣшней системѣ эволюцій перемѣна этого разсчета неизбѣжна—неудобство весьма важное, особенно въ военное время.

Въ заключеніе, желательно бы было, чтобы отказались отъ страннаго различія между передней и задней шеренгой; для войскъ фронтъ долженъ быть тамъ, откуда идетъ непріятель, какъ того требовалъ Суворовъ.

И такъ, въ развернутомъ строѣ баталіона расположеніе ротъ на интервалахъ; признаніе независимости расположенія ротъ отъ порядка носимыхъ ими нумеровъ; предоставленіе права ротнымъ командирамъ мѣнять строй своей роты по своему усмотрѣнію, разъ онѣ не стоятъ въ общей баталіонной колоннѣ; уничтоженіе различія между задней и передней шеренгой, наконецъ, признаніе разсыпнаго строя тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, т. е. строемъ иррегулярнымъ—вотъ измѣненія въ баталіонномъ ученьи, вызываемыя духомъ новѣйшей тактики.

Всѣ эти измѣненія были разобраны въ отношеніи первыхъ трехъ пунктовъ масштаба, выше поставленнаго посмотримъ, въ какой мѣрѣ они удовлетворятъ четвертой цѣли—предохраненію войскъ отъ огня. Средствъ для этого предохраненія три: укрыть часть за какимъ-нибудь мѣстнымъ закрытіемъ; прибѣгнуть къ тонкой формѣ строя, и отъ времени до времени передвигать впередъ или назадъ, чтобы сбивать артиллеристовъ въ пріисканіи угла возвышенія *).

Всѣ эти средства примѣнимы въ высокой степени къ дѣлу при предлагаемой системѣ перестроеній. Дѣйствительно, расположеніе ротно доставляетъ возможность всему баталіону или хотя части его пользоваться самыми ничтожными закрытіями. При этомъ небольшое закрытіе естественно вызоветъ у ротнаго командира, если

*) Можно также положить часть для предохраненія отъ огня; но это средство предполагаетъ выдержанную часть и командира, у котораго она совершенно въ рукѣ.

ему не предстоитъ стрѣлять, переходя въ ту изъ колоннъ, фронтъ которой соотвѣтствуетъ размѣрамъ закрытія. Если этого послѣдняго не случится, онъ, напротивъ, развернется и или положитъ свою часть, или же прибѣгнетъ къ передвиженію ея. При высокой степени подвижности предлагаемой формы строя и при свободѣ отношенія къ ней частныхъ начальниковъ, все это будетъ дѣлаться какъ бы инстинктивно.

Отсюда слышу возраженіе большинства благосклонныхъ читателей на такую, повидимому, идилію: «да гдѣ же взять ротныхъ командировъ, на столько интересующихся дѣломъ и развитыхъ, чтобы они въ состояніи были усвоить себѣ подобную систему?» Отвѣчаю съ полнымъ убѣжденіемъ: весь наличный составъ ротныхъ командировъ можетъ ее себѣ усвоить въ теченіе одного лагеря. Мы всѣ сѣтуемъ на ихъ равнодушіе къ своему дѣлу, на незнаніе тактической азбуки: нѣтъ клеветы болѣе обидной и возмутительной. Да учимъ ли мы ихъ этой азбукѣ? Да ставимъ ли мы ихъ въ такое положеніе, чтобы интересоваться тактическою стороною своего дѣла? Смѣетъ ли хотя подумать ротный командиръ расположить свою роту, не говоря уже о развернутомъ строѣ, но хоть во взводной колоннѣ, когда остальныя стоятъ въ полувзводныхъ? Не посыпались ли бы на него отовсюду громы и молніи за такое вольнодумство? Отвѣтъ, къ несчастію, одинъ: да, не смѣетъ; да, посыпались бы. Послѣ этого спрашивается: къ чему же ему интересоваться тактическими свойствами формъ, когда требуютъ не этого, а того, чтобы равненіе въ затылокъ было математическое, интервалы и дистанціи вѣрны съ точностію до шага? Онъ и не интересуется, и не знаетъ того, что ему для ученій знать безполезно. Человѣкъ даетъ то, чего отъ него требуютъ: такъ ужъ онъ устроенъ. Выдерживаютъ его на ученьяхъ безъ примѣненія къ мѣстности— онъ и знаетъ сноровки, на этихъ ученьяхъ нужныя. А затѣмъ въ кои вѣки выведутъ на маневры и изумляются, что и примѣниться-то онъ къ мѣстности не умѣетъ, и неповоротливъ-то онъ, и несмѣтливъ-то онъ.... Нужно отказаться отъ оригинальной системы учить войска такъ, что сегодня, напримѣръ, они не смѣютъ примѣняться къ мѣстности, а завтра, наоборотъ, не будутъ смѣть не примѣняться: кромѣ ебивчивости поняній, кромѣ апатіи и безъисходныхъ противорѣчій, подобная система ничего дать не можетъ. И она даетъ это—нужно ей отдать справедливость—съ избыткомъ. Не только баталіоны, но цѣлыя дивизіи въ резервномъ порядкѣ иногда стояли подъ выстрѣлами какъ мишень; и въ голову не приходитъ, что можно сотни головъ спасти отъ ненужной гибели средствами до того простыми, что ребенокъ пойметъ. Си-

ить на томъ, чтобы цѣпи примѣнялись къ мѣстности, какъ-будто ь нихъ могутъ быть чувствительныя потери, и упускаютъ изъ иду примѣненіе сомкнутыхъ частей, въ которыхъ разомъ выводится изъ строя десятки людей.

Выше упущено одно возраженіе противъ предоставленія самостоятельности ротамъ: единство баталіона исчезнетъ. Внѣшнее, формальное—да. И потому-то нужно будетъ заботиться о достиженіи единства внутренняго, тактическаго, одного дѣйствительнаго въ бою, единства, которое зиждется не на чувствѣ локтя, не на томъ, чтобы носъ задняго приходился въ затылокъ переднему, но на томъ, чтобы всякій былъ воспитанъ въ убѣжденіи, что выручку товарища нужно ставить выше личной опасности, выше всего. Это будетъ не мертвое, механическое, а живое, органическое единство, идущее изъ головы и изъ сердца, а не изъ автоматическаго шага и т. под.

VII.

Перейду къ боевымъ порядкамъ совокупности баталіоновъ.

Идея соединенія нѣсколькихъ баталіоновъ въ единицы высшаго порядка со времени революціонныхъ войнъ получила такое развитіе:

1) Всякому баталіону въ общей линіи должна быть предоставлена самостоятельность движеній и дѣйствій, конечно въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ цѣлію, которая должна быть достигнута тѣмъ отрядомъ и которая указывается общимъ начальникомъ этого послѣдняго.

2) Въ зависимости отъ этого, интервальная боевая линія предпочтительнѣе непрерывной или фридриховской.

3) Въ интервальной линіи дѣйствительная помощь возможна только отъ частей, стоящихъ сзади, а не на одной линіи справа слѣва: слѣдовательно, въ стремленіи къ цѣли, всякая часть боевой линіи должна сосредоточивать все свое вниманіе на одолѣніи врага, прямо ей противопоставленнаго, не развлекаясь тѣмъ, что дѣлается вправо и влѣво отъ нея. Точно также и части такъ называемой 2-й линіи не должны смотрѣть ни направо, ни налѣво, ни впередъ, т. е. на то, что дѣлается въ частяхъ, для поддержки которыхъ онѣ назначены; ибо только при этомъ условіи и возможна своевременная выручка частей боевой линіи, какъ при атакѣ на нихъ съ фронта, такъ и въ случаѣ охвата.

Все это обрисовываетъ современный боевой порядокъ двумя

чертами: 1) перерывчатость боевой линіи; 2) тѣсная связь не по линіи фронта, какъ было при Фридрихѣ, а по перпендикулярному къ ней направленію, т. е. между каждою частію боевой линіи и непосредственно за этою частію поставленными подкрѣпленіями. Отъ этого и тактика получила названіе перпендикулярной. Излишне распространяться о томъ, до какой степени такое расположеніе дало много простора предпріимчивости частныхъ начальниковъ, въ сравненіи съ тѣмъ, когда они прежде всего должны были думать о правильности и непрерывности линіи, и до какой степени нераціонально низводить эту систему до линейности, требуя прежде и болѣе всего строгаго равненія по линіямъ. Въ наполеоновской формѣ признавалось одно равненіе— по переднимъ, т. е. то, котораго и у насъ добивался Суворовъ. Съ точки зрѣнія механической стройности движенія, такое равненіе — нелѣпость *); но съ точки зрѣнія духовныхъ началъ, руководящихъ человѣкомъ въ бою, оно единственно разумное и мыслимое.

Приложу эту краткую характеристику боевыхъ расположеній, какъ они установились при Наполеонѣ, къ современнымъ понятіямъ о построеніяхъ значительныхъ массъ: изъ сравненія окажется, что въ этихъ послѣднихъ нужно измѣнить, а отъ чего и вовсе отказаться.

Для пріученія какъ войскъ, такъ и начальниковъ къ движеніямъ въ массѣ, не безполезно оставить существующія правила для производства совокупныхъ ученій нѣсколькихъ баталіоновъ безъ артиллеріи; но при этомъ желательно строгое разграниченіе ученій чисто строевыхъ отъ ученій, производимыхъ съ какою-либо тактическою цѣлію.

Причина необходимости подобнаго разграниченія понятна: строевое ученіе собственно имѣетъ цѣлію провѣрку баталіоновъ въ знаніи баталіоннаго ученья и въ умѣньи становиться другъ относительно друга ловко, т. е. не сталкиваясь и не разрываясь. Совершенно понятно, если начальникъ, имѣя въ виду подобную провѣрку, для сокращенія времени, беретъ на себя команду для перехода изъ строя въ строй, и т. под., то въ сущности, онъ дѣлаетъ при этомъ не бригадное или дивизіонное, а лишь нѣсколько баталіонныхъ ученій разомъ, для выигрыша времени, какъ уже сказано.

---

*) До такой степени, что если на строевыхъ ученьяхъ кто-нибудь выѣзжетъ впередъ противъ директіональной части, то его осадятъ назадъ, а не всю линію подвинутъ впередъ.

Совершенно не то имѣется въ виду, когда ученье предполагаетъ какую-либо тактическую цѣль: при этомъ забота о строѣ каждой части явилась бы со стороны ставшаго начальника заботою нераціональною, мелочною и, слѣдовательно, недостойною его значенія: нераціональною—потому, что никогда почти не бываетъ случая въ бою, обусловливающаго совершенно одинакій строй во всѣхъ звеньяхъ боевой линіи; мелочною — ибо дѣло начальника совокупности баталіоновъ заботиться объ общей формѣ боеваго порядка своей части, о постановкѣ цѣлей для частей его, а не о томъ, въ какомъ порядкѣ тотъ, либо другой баталіонъ будетъ дѣйствовать. Думать объ этомъ послѣднемъ значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ брать на себя роль баталіоннаго командира, поступать такъ, какъ въ доброе старое время поступали нѣкоторые начальники, находившіе время на общихъ ученьяхъ замѣчать неправильности стойки какого-либо нижняго чина. Человѣкъ не обладаетъ всеобъемлемостію, и поэтому какъ только берется за роль своихъ подчиненныхъ, онъ непремѣнно упускаетъ изъ виду свое собственное прямое дѣло.

Вотъ почему ученья, собственно строевыя, должны быть строго разграничены отъ тактическихъ. Во первыхъ, полкъ, бригада или дивизія, собственно говоря *), исчезаютъ при первыхъ ученіяхъ а есть только нѣсколько баталіоновъ; старшій начальникъ обращается временно въ баталіоннаго командира для повѣрки баталіонной техники; баталіонные же командиры теряютъ всякую самостоятельность, ибо обращаются не болѣе, какъ въ орудія повторенія командъ старшаго начальника.

Впрочемъ, даже и при строевыхъ ученьяхъ было бы желательно соображеніе съ началами перпендикулярной, а не линейной тактики. Такъ, не слѣдовало бы, напримѣръ, требовать строгаго равненія отъ частей, составляющихъ линію, ибо равненіе имѣетъ важность въ примѣненіи къ людямъ одной сомкнутой части, но не къ совокупности частей. Въ одной сомкнутой части равненіе необходимо потому, что она назначена для удара возможно болѣе дружнаго, т. е. единодушнаго и единовременнаго. Но даже и относительно одной части Суворовъ требовалъ равненія не направо или налѣво, а по переднимъ; у него являлся стоющимъ того, чтобы по немъ равняться, не тотъ, кто поставленъ на извѣстной точкѣ строя, а тотъ кто больше рвется впередъ: вотъ равненіе, единственно достойное боя.

---

*) Однимъ словомъ, всѣ подраздѣленія, превосходящія силу одного баталіона.

Еще съ большимъ основаніемъ должно признать справедливость этого принципа относительно равненія, когда дѣло идетъ о совокупности частей. Единовременность атаки нѣсколькихъ баталіоновъ не можетъ быть понимаема такъ, какъ единовременность атаки людей одной части, уже и потому, что нѣсколько баталіоновъ занимаютъ большее пространство: понятно, что если части, стоящія одна отъ другой на 300, самое близкое на 150 шаговъ, ворвутся на атакуемую позицію десятью секундами ранѣе или позже одна другой, то вѣдь атака все же будетъ единодушна и единовременна *). Десять же секундъ въ переводѣ на разстояніе соотвѣтствуютъ 20 шагамъ! Нужно замѣтить при этомъ, что на двадцать шаговъ никогда не отстанетъ часть, находящаяся въ линіи, и что на мирныхъ ученьяхъ и то уже считается ошибкою, если она придется впереди или позади другихъ на пять шаговъ. Не очевидно ли послѣ всего этого, что добиваться идеальнаго равненія въ разбираемомъ случаѣ значитъ стѣснять войска не только безъ пользы дѣлу, но, какъ сейчасъ увидимъ, въ ущербъ ему.

Теперь, въ зависимости отъ интервальной формы боеваго порядка, бой ведется не линіями, какъ было при Фридрихѣ Великомъ, но распадается на нѣсколько частныхъ столкновеній, разыгрывающихся у важныхъ пунктовъ позиціи. Войска на этихъ пунктахъ сходятся лицомъ къ лицу, на остальныхъ держатся въ угрожающемъ положеніи, но поотдаль, для уменьшенія безполезныхъ потерь отъ огня, слѣдовательно, равненіе только увеличило бы потери.

Притомъ же привычка къ строгому равненію по дирекціональной части въ мирное время поведетъ въ военное къ ослабленію предпріимчивости частныхъ начальниковъ, ибо, привыкнувъ взглядываться на дирекціональную часть, они будутъ иногда упускать удобные случаи къ тому, чтобы бить врага, непосредственно имъ противопоставленнаго, изъ-за чего же? изъ-за равненія.... Если уже признано нераціональнымъ требовать равненія отъ стрѣлковъ въ разсыпномъ строѣ, то тѣмъ менѣе можно оправдать стремленіе къ точному равненію между баталіонами или даже ротами, отстоящими другъ отъ друга иногда на сотни шаговъ.

Заключеніе изъ всего сказаннаго понятно: такъ какъ части должны только согласовать свои движенія и дѣйствія, то требованіе отъ нихъ строгаго равненія по линіи не только не оправ-

---

*) Ее можно было бы признать неодновременною только въ такомъ случаѣ, если бы непріятельскія войска, противопоставленныя опоздавшей такимъ образомъ части, могли бы поспѣть на поддержку сосѣду, атакованному десятью секундами раньше и возвратиться на свой постъ для встрѣчи атаки, на нихъ идущей; а это, очевидно, немыслимо.

ается какими-либо боевыми соображеніями, но положительно
не отвергается. Могутъ сказать, то такимъ путемъ совершен-
о отвергается значеніе дирекціональной части и что разрывы, и
олкновенія въ линіи будутъ неизбѣжны. Во-первыхъ, разрывъ
агонъ въ 10—20 въ линіи, звенья которой отстоятъ одно отъ
угаго на значительныхъ разстояніяхъ, не есть разрывъ: что же
столкновенія, то при расположеніи поротно оно мало вѣроятно,
если даже и произойдетъ, то въ весьма слабой степени; во-
орыхъ, самая возможность столкновеній исчезаетъ, разъ освобо-
тся отъ равненія по линіи, ибо при этомъ, вмѣсто столкновенія,
жетъ случиться только одно—что нѣсколько рядовъ одной части
огутъ временно прійтись за флангомъ или впереди фланга со-
ѣдней части, что будетъ не болѣе какъ случай вздваиванія, ко-
рое допускается вѣдь и теперь.

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ точечнаго равненія выиграется
другое весьма важное условіе—всякая часть при движеніи прі-
тится смотрѣть не направо или налѣво, какъ въ мирное время,
прямо передъ собою, какъ то слѣдуетъ въ бою. Дирекціональ-
ую часть не нужно будетъ и назначать; за то обратятъ внима-
іе на то, чтобы болѣе крупнымъ частямъ боевой линіи назначать
ункты направленія впереди, на линіи, перпендикулярной къ ихъ
ронту *). А вѣдь въ бою это послѣднее средство для достиженія
равильности движенія только и мыслимо, ибо оно устремляетъ
иманіе войскъ на непріятеля и указываетъ имъ цѣль, къ кото-
ой они должны стремиться. Въ командѣ же «равненіе по тако-
у-то баталіону шагомъ маршъ» нѣтъ и намека даже на цѣль, и
иманіе частей и командировъ отвлекается отъ непріятеля, а не
стремляется къ нему.

Въ зависимости отъ всего сказаннаго, назначеніе начальни-
овъ линій является мѣрой, несоотвѣтствующей духу новѣйшей
актики; необходимо признать раціональнымъ назначеніе на-
альниковъ не по линіямъ, а по перпендикулярному къ
имъ направленію, т. е. надъ нѣкоторымъ числомъ частей
ервой боевой линіи и соотвѣтствующими имъ частями
о второй.

Вмѣстѣ съ этимъ и самый терминъ вторая линія долженъ
амѣниться другимъ: частные резервы боевой линіи. Кто гово-
ритъ вторая линія, тотъ разумѣетъ ее чѣмъ-то цѣлымъ, имѣю-

---

*) Слѣдовательно часть, которая будетъ держаться на указанный пунктъ и
сть дирекціональная; и въ этомъ смыслѣ, обойтись безъ ея назначенія нельзя.
Поздн. примѣч.

щимъ общую связь по фронту, между тѣмъ какъ, по вышеобъясненному, эта связь по линіи не только безполезна, но вредна, ибо разрываетъ другую связь, болѣе необходимую—между каждою частію первой и соотвѣтствующей ей частію во второй линіи. Эта послѣдняя связь необходима потому, что отъ нея зависятъ быстрота и энергія поддержки частей боевой линіи. Всякій баталіонъ, считающій себя частію второй линіи, пожалуй, и не посмѣетъ безъ приказанія двинуться для поддержки дерущихся въ боевой линіи; и, наоборотъ, если онъ считаетъ себя только частнымъ резервомъ, онъ уже тѣмъ самымъ становится на ту точку, что долженъ выручать своего товарища боевой линіи, даже и не ожидая приказанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ баталіонамъ необходимо примѣнять то, что уже сказано относительно ротъ въ баталіонѣ: всякому баталіонному командиру должно быть предоставлено располагаться въ томъ строѣ, какой онъ по обстоятельствамъ признаетъ за лучшій. За старшими же начальниками остается обязанность, единственно ихъ достойная и въ бою—давать общее направленіе и форму порядка своей части, и указывать частнымъ начальникамъ цѣли для достиженія, но не форму строя.

Духъ линейной тактики, вѣющій, какъ показано, во всѣхъ строевыхъ занятіяхъ, повелъ даже къ стремленію обуставить то, что не можетъ подлежать уставнымъ опредѣленіямъ: повелъ къ созданію такъ называемыхъ нормальныхъ боевыхъ и резервнаго порядковъ.

Что такое вообще боевой порядокъ части, особенно болѣе или менѣе значительной? Извѣстная ли это форма расположенія людей только, помимо обстановки, или же, напротивъ, результатъ полнаго принятія въ разсчетъ этой обстановки, т. е. мѣстности, положенія своего и противника, свойствъ собственныхъ и его войскъ, качествъ начальника, вамъ противопоставленнаго, наконецъ непредвидѣнныхъ случайностей, возникающихъ въ минуту столкновенія и умирающихъ вмѣстѣ съ нею? Конечно, послѣдній взглядъ, кажется, будетъ поразумнѣе перваго. Понятно послѣ этого, что такъ какъ обстановка боя безконечно-разнообразна, то и боевые порядки по необходимости должны быть также безконечно-разнообразны.

И дѣйствительно: можно ли дать разъ навсегда правило на то, сколько изъ отряда слѣдуетъ отдѣлять въ боевую часть, сколько въ резервъ? Нѣтъ; это опредѣляется каждый разъ мѣстностію, свойствами противника и прочими данными обстановки, наконецъ, цѣлію, которой извѣстная часть боеваго порядка должна достигнуть. Положимъ, вы хотите атаковать правымъ флангомъ, оставляя

вый въ пасивно-оборонительномъ положеніи: за правымъ флан-
гомъ придется, можетъ быть, поставить, смотря по степени ожи-
даемаго сопротивленія, не только одну, а двѣ и даже болѣе ли-
ній частныхъ подкрѣпленій; за лѣвымъ—ни одной *). Положимъ,
позиція растянута; мы думаемъ обороняться, противникъ—по лич-
нымъ ли свойствамъ, по нашему ли положенію, все равно—не
можетъ атаковать насъ немедленно: весь боевой порядокъ растя-
нивается въ одну линію съ слабымъ резервомъ или даже и вовсе
безъ него **). Положимъ, ваши войска сильно уступаютъ числи-
тельностію противнику, но превосходятъ его боевыми качествами:
задача приводится къ пріисканію такого поля сраженія, чтобы
непріятель не могъ единовременно употребить своихъ силъ, а дол-
женъ бы былъ пускать одну часть за другою: поле битвы пере-
носится въ тѣснины—мѣста самыя, повидимому, невыгодныя для
васъ—и боевой порядокъ обращается въ нѣсколько походныхъ
колоннъ, въ которыхъ дерутся только головы ***).

Итакъ, всѣ формы, начиная отъ самой растянутой по фронту
и до самой растянутой въ глубину, одинаково самозаконны и ра-
зумны на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Спрашивается, послѣ
этого, мыслима ли такая форма, которая могла бы быть годна во
всякое время и на всякомъ мѣстѣ? Кажется, отвѣтъ на этотъ
вопросъ ясенъ.

Говорятъ, нормальный порядокъ есть только подготовительный.
Бѣда въ томъ, что въ мирное время его, какъ попавшаго въ
уставъ, обязательный для каждаго, каждый и знаетъ; мало того:
его втираютъ продолжительной практикой. Послѣдствія понятны:
такъ какъ въ то же время безконечная видоизмѣнимость боеваго
порядка въ дѣлѣ практикой мирнаго времени не втирается, под-
готовительный обращается въ единственный боевой поря-
докъ. Всякое часто повторяемое практическое упражненіе остав-
ляетъ въ сознаніи человѣка свой типъ, который онъ (т. е. чело-
вѣкъ), естественно, стремится воспроизводить въ тѣхъ случаяхъ,
для которыхъ этотъ типъ назначенъ. Отъ этого можетъ случиться,
что въ бою начальники станутъ хлопотать не столько о располо-
женіи войскъ сообразно съ достигаемой цѣлію, мѣстностію, свой-
ствами противника, сколько о томъ, чтобы построить войска въ
привычный имъ нормальный порядокъ, хотя бы онъ и совершенно
не прилаживался къ перечисленнымъ даннымъ. Кто знаетъ страш-

---

*) Правый и лѣвый фланги боеваго порядка Наполеона подъ Фридландомъ.
**) Боевой порядокъ Ланна подъ Фридландомъ, до прибытія Наполеона; боевой порядокъ Макъ-Магона подъ Сольферино въ первый періодъ боя.
***) Наполеонъ подъ Арколе.

ную силу привычки надъ человѣкомъ, тотъ согласится, что
должно быть такъ, а не иначе. Къ чему же, слѣдовательно,
концѣ концовъ должны привести нормальные порядки? Къ
ному подавленію личной умственной работы и самостоятельно
человѣка, на мѣстѣ которыхъ являются въ его сознаніи то
одинъ чертежъ и безсознательное стремленіе осуществлять ег
кстати, и некстати... Образованіе облегчается вмѣстѣ съ тѣм
ужасающей степени, ибо мысль является въ исполненіи в
этого ненужною роскошью. На бѣду, въ бою, за недостатокъ
ненужной въ мирное время роскоши, жестоко бьютъ, ибо там
шагу ступить нельзя не подумавши.

Австрійцы, своими дѣйствіями въ 1859 и 1866 годахъ, я
этому грустное подтвержденіе, увѣровавъ въ двѣ линіи съ ре
вомъ, какъ въ такую форму, что стоитъ только ее выстроить, чт
побить врага, и пришли, какъ извѣстно, къ обратному результ
А, между тѣмъ, это, дѣйствительно, самая упругая форма, е
ее разсматривать помимо обстановки.

Что сказано о нормальномъ боевомъ, то же должно сказат
о нормальномъ резервномъ порядкѣ, т. е. если хотятъ, чтобы
не обратился въ единственный порядокъ расположенія войск
резервѣ, нужно его уничтожить. Случай резервной дивизіи
Инкерманомъ, которая, попавъ подъ выстрѣлы, такъ и оста
въ густой массѣ, и никому въ голову не пришло перевести
или въ двѣ линіи на значительной дистанціи, или даже и въ
для уменьшенія потерь отъ огня, довольно это показываетъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что нормальныя фо
должны быть отвергнуты, дабы при всякомъ построеніи бое
или резервнаго порядка начальникъ поставленъ былъ въ необ
димость думать: что ему выгоднѣе построить въ данномъ слу
А разъ онъ станетъ судьею въ томъ, что выгоднѣе, онъ по
обходимости долженъ будетъ задаться вопросомъ: почему вы
нѣе? т. е. постарается ознакомиться съ тактическими свойств
формъ. При существованіи нормъ, ему нѣтъ въ этомъ ника
надобности: зачѣмъ ему думать что лучше, когда уставъ за
подумалъ не только пасчетъ того, какой порядокъ для див
лучше, но даже о томъ, гдѣ каждому баталіону лучше стоять
ротныхъ колоннахъ, гдѣ въ колоннѣ къ атакѣ и т. д. Составит
нормальныхъ порядковъ, стремясь къ тому, чтобы дѣятельность м
каждаго начальника замѣнить параграфомъ устава, дѣйствител
этого достигли, и если въ результатѣ получили полную пар
зацію мысли, выразившуюся такъ называемою ненаходчивостію, о
новкою на формѣ строя и совершеннымъ равнодушіемъ къ та

скому духу его, то сѣтовать на это нечего, а, напротивъ, должно
доваться: вѣдь полученные результаты съ такою ужасающею
ностью и послѣдовательностію отвѣтили поставленной цѣли....

Найдутся, пожалуй, люди, которые этотъ разборъ признаютъ
матическимъ осужденіемъ устава, осужденіемъ, которое мо-
тъ повести къ подрыву уваженія къ нему. Скажу одно: къ
ставу, болѣе нежели къ какому-либо другому сборнику законопо-
женій, примѣнима та истина, что законъ критиковать можно,
о въ этомъ лежитъ залогъ его усовершенствованія; но въ то
е время должно и безусловно его исполнять, пока онъ не отмѣ-
нъ. Это отношеніе, кажется, раціональнѣе того, при которомъ
критикуютъ законовъ, но и не исполняютъ ихъ. Съ этой точки
понимаю одинъ взглядъ: или критика вѣрна, и тогда необхо-
мо ввести соотвѣтствующія поправки въ уставъ, или же невѣрна,
тогда она, какъ все нелѣпое, должна пасть сама собою. «Воен-
ый Сборникъ» не только не противъ возраженій, онъ проситъ
хъ. Но если критика вѣрна, то можно ли ее оставить безъ вни-
нія? Конечно, можно. Но тогда за нею, рано или поздно, но
минуемо, придетъ другая грозная критика, критика дѣла, кри-
ка, доказывающая неосновательность того или другаго направ-
нія въ образованіи войскъ не словами, а рѣками крови, десят-
ми тысячъ головъ, уложенныхъ безъ славы и безъ пользы,
огда же и кое-чѣмъ похуже. A bon entendeur—salut....

Ничего не говорю о возраженіяхъ въ пользу нормальныхъ по-
дковъ относительно того, что они быстро строются по коротень-
й командѣ, что даютъ возможность разставить сразу войска,
ли не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны стоять, то близко
ъ нимъ*), и т. под. Не говорю потому, что объ этомъ было
е говорено и переговорено много разъ. Напомню только, что
манда немыслима въ примѣненіи къ значительному числу войскъ,
о ее нельзя дополнить личнымъ примѣромъ, какъ то имѣетъ
сто въ ротѣ или въ баталіонѣ; а мыслимо только приказаніе,
о большой части нужно прежде всего знать что сдѣлать, и
отомъ уже гдѣ стать. Ясно: «что сдѣлать» команда передать
зсильна. Не говорю также о необходимости признать независи-
ость отъ порядка нумеровъ баталіоновъ въ полку, полковъ въ
игадѣ, бригадъ въ дивизіи; не говорю потому, что это слѣдуетъ
мо собою изъ признанія независимости ротъ въ баталіонѣ.

И такъ, въ боевыхъ порядкахъ совокупности баталіоновъ не-

*) Слѣдовательно, все же не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны стать.

обходимо отказаться: 1) отъ признанія формы въ двѣ линіи съ резервомъ за нормальную, ибо въ зависимости отъ обстоятельствъ, лучшею можетъ явиться форма и въ одну линію съ общимъ резервомъ, и въ одну линію безъ общаго резерва, а только съ частными подкрѣпленіями, и, наконецъ, даже въ одну линію безъ всякихъ подкрѣпленій, какъ общихъ, такъ и частныхъ. Это одинаково вѣрно въ примѣненіи и ко всему порядку и къ частямъ его. 2) Отказаться отъ равненія по линіямъ, отъ расположенія баталіоновъ, полковъ и бригадъ по порядку нумеровъ; 3) отъ построенія по общей командѣ какого-либо одного строя всѣми баталіонами на ученьяхъ съ тактическою цѣлію. Всякій баталіонный командиръ долженъ быть полнымъ и самостоятельнымъ хозяиномъ формы своего баталіона; 4) отъ употребленія командъ и сигналовъ въ примѣненіи къ частямъ, большимъ одного баталіона. Исключеніе изъ этого составятъ движенія въ резервныхъ порядкахъ, въ которыхъ бригады или дивизіи составляютъ какъ-бы одинъ большой баталіонъ, приводимый въ движеніе внѣ выстрѣловъ и вліянія непріятеля и, слѣдовательно, допускающій подчиненіе командѣ или даже хоть и сигналу. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ маневрированія частей больше одного баталіона, команды и сигналы должно замѣнить приказаніями.

VIII.

Всякое усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія, какъ уже выше показано, естественно вызываетъ въ мирно-военныхъ тактикахъ то мнѣніе, будто холодное оружіе теряетъ свою важность. Это поверхностное мнѣніе переносится, конечно, и на высшаго представителя холоднаго оружія, т. е. на кавалерію. Ей совершенно уже не находятъ иногда мѣста на поляхъ сраженій. Какимъ образомъ возникаютъ подобные выводы? Самымъ нехитрымъ, какъ и всѣ вообще мирно-военныя измышленія, приведшія къ нормальнымъ порядкамъ и ко многому прочему: стоитъ только забыть боевую обстановку и въ особенности нравственное настроеніе человѣка подъ вліяніемъ опасности—и выводы самаго разнообразнаго, игриваго и, главное, удобопонятнаго для всѣхъ головъ свойства разовьются сами собою, какъ развивается гниль въ стоячей водѣ.

Дѣйствительно: поставьте съ одной стороны кавалерійскую часть, ну хоть эскадронъ; противъ него въ 1,200 шагахъ развернутую роту; заставьте идти первый въ атаку, а послѣднюю стрѣ-

нять. Эскадронъ постепенною атакой пройдетъ сказанное разстояніе въ $3^1/_2$ или 3 минуты; пѣхотинецъ въ эти $3^1/_2$ минуты изъ скорострѣльнаго ружья можетъ сдѣлать по меньшей мѣрѣ 10—15 выстрѣловъ, что на роту составитъ около 1,600—2,400 выстрѣловъ *). По мирнымъ табличкамъ, дѣйствительно, изъ числа этихъ выстрѣловъ должно попасть тамъ, положимъ, хоть 600 **); ergo, всякій кавалеристъ, прежде чѣмъ доскачетъ до роты, рискуетъ навѣрное быть убитымъ не меньше четырехъ разъ!...

Коротко и ясно—такъ ясно, что годовалый ребенокъ пойметъ. Но бѣда въ томъ, что это не все: есть вещи, которыхъ не пойметъ годовалый ребенокъ, но которыхъ нельзя упускать изъ виду.

Во-первыхъ, въ бою стрѣлять приходится не съ отмѣренныхъ заранѣе разстояній, не по неподвижной мишени и не въ спокойномъ состояніи духа. Во-вторыхъ, быстро опредѣлять разстоянія и ловить на мушку быстро-несущуюся на васъ цѣль, которая грозитъ притомъ васъ раздавить—не такъ-то легко. Въ-третьихъ, самая лучшая пѣхота не всегда можетъ находиться въ готовности къ дѣйствію, не всегда можетъ сохранить и ту степень спокойствія, которая возможна въ бою. Въ-четвертыхъ, странно ставить теперь кавалерію въ такое положеніе, въ какое ее избѣгали ставить даже и при прежнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія. Никто и никогда не думалъ утверждать, что атака кавалеріи на непотрясенную пѣхоту—дѣло легкое и удобное. Въ-пятыхъ, наконецъ, тѣ же самые господа, которые утверждаютъ, что кавалеріи нѣтъ болѣе мѣста на поляхъ сраженій, если ихъ спросить: «а отъ чего зависитъ прежде всего успѣхъ кавалерійской атаки»? навѣрно скажутъ: отъ удачно выбраннаго для нея мгновенія. Если такъ, то утверждать, будто при нынѣшнемъ огнестрѣльномъ оружіи кавалерійскія атаки невозможны, значитъ просто-на-просто утверждать другое уже совершенно смѣхотворное положеніе, что ручной и артиллерійскій огонь до такой степени теперь укрѣпилъ пѣхоту, что она болѣе не въ состояніи ни приходить въ разстройство, ни теряться. Чтобы это было возможно, необходимы два чуда: чтобы люди обратились въ машины; чтобы огонь нашъ какъ бы обходилъ пѣхоту противника и билъ только его кавалерію, и наоборотъ. Такъ какъ этого нѣтъ, да никогда

---

*) Принимая составъ ротъ въ 160 человѣкъ.

**) Каюсь въ своей небрежности: беру наугадъ, ибо не имѣю мирныхъ табличекъ подъ рукою; каюсь вдвойнѣ: если бы даже и имѣлъ ихъ, не сталъ бы упражняться въ точномъ разсчетѣ, ибо не придаю сказаннымъ таблицамъ никакого значенія за предѣлами испытанія достоинствъ той или другой системы ружья.

и не будетъ, то и въ ходѣ боя неминуемо будутъ представляться такія минуты для атакъ кавалеріи, въ которыя она становится царицею поля сраженія, ибо можетъ сдѣлать въ нѣсколько мгновеній больше, чѣмъ пѣхота и артиллерія дѣлаютъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Кавалерія дѣйствуетъ преимущественно на воображеніе, и съ нею никто не сравнится въ тѣ минуты, когда человѣкъ потрясенъ, т. е. когда въ немъ воображеніе становится особенно впечатлительнымъ и на каждомъ шагу дѣлаетъ изъ мухи слона.

Вотъ основанія, почерпнутыя въ нравственной сторонѣ человѣка, тому, что порядочная кавалерія никогда не потеряетъ своего боеваго значенія; но есть въ пользу этого и основанія чисто-матеріальныя. Нужно помнить, во-первыхъ, что всадникъ съ лошадью представляетъ массу по меньшей мѣрѣ въ 30 пудовъ, несущуюся въ моментъ передъ свалкой со скоростію не менѣе 600 шаговъ въ минуту; во-вторыхъ, что не было случая, чтобы всю атакующую часть перестрѣляли: отчего же, спрашивается, оставшіеся цѣлыми давали тылъ? Вѣдь они пулями не были тронуты; вѣдь они сохранили количество движенія, достаточное на то, чтобы смять не три или четыре, а шесть, десять шеренгъ пѣхоты? Отвѣтъ простъ: нехватило духу на свалку. Изъ этого открывается, что въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ кавалерія можетъ выйти побѣдоносною изъ борьбы съ пѣхотою: она имѣетъ на это всѣ матеріальныя средства; а если она сдаетъ, то этому виною не пуля, не граната, а недостатокъ выдержки ея въ мирное время въ принципахъ энергіи, упорства, безумнаго безстрашія, способности атаковать такъ, чтобы для нея не было середины между гибелью и побѣдой. Въ бою бьетъ только тотъ, кто не боится погибнуть.

Разсказываютъ о нравственномъ вліяніи пули; мы полагаемъ, что не менѣе нравственнаго вліянія заключается и въ ударѣ холоднымъ оружіемъ, если только онъ будетъ не фухтелемъ, какъ у большинства регулярныхъ кавалеристовъ, но разнесетъ отъ плеча до пояса. Смѣло можно сказать, что съ частію, составившею себѣ репутацію подобныхъ ударовъ, ни одна пѣхотная часть не будетъ встрѣчаться спокойно.

Разъ возстановивъ основаніе кавалерійскаго успѣха—уловленіе минуты—станетъ ясно, что значеніе кавалеріи опредѣляется не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а именно способностію схватить налету мгновеніе для атаки, способностію, которою должны обладать кавалерійскіе начальники въ степени возможно болѣе высокой. Есть такіе начальники—и кавалерія дѣлаетъ чудеса; нѣтъ ихъ—и она обращается въ мертвый тяжелый грузъ для арміи, который

только объѣдаетъ. Такъ оно было и такъ будетъ всегда, не ключая и самой блестящей эпохи въ жизни кавалеріи, эпохи ридриха Великаго.

Самые великіе подвиги кавалеріи этого геніальнаго человѣка условлены были тѣмъ, что во главѣ ея стояли люди какъ Зейдлицъ, ттенъ; между частными начальниками находились господа въ родѣ рнери. Они, независимо отъ мирнаго воспитанія, при которомъ боялись «свернутыхъ шей» *), какія въ бою ловили мгновенія я атаки? Подъ Росбахомъ—непріятельская армія застигнута въ ходныхъ колоннахъ; подъ Прагою — атака во флангъ; подъ огенъ-Фридбергомъ — атака баталіоновъ, занятыхъ перемѣною юнта **).

Послѣ всего изложеннаго, кажется, можетъ быть признано опровержимымъ такое положеніе: усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія не умаляетъ значенія кавалеріи, но зываетъ въ ней необходимость возможнаго развитія евыхъ свойствъ, ей присущихъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ являются: умѣнье угадать минуту для атаки и ыстрота, какъ средство этою минутою воспользоваться.

Съ этой точки и попытаемся опредѣлить, что въ кавалеріи вляется отсталымъ въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ ѣхоты и артиллеріи. И здѣсь въ результатѣ увидимъ то же, къ ему уже приходили не разъ: къ необходимости, не выдумывая ваго, возстановить хорошо забытое старое. Такъ, мы желали бы:

1) Возможнаго развитія быстроты, въ особенности на мѣстности пересѣченной, а для этого — возможнаго облегченія ьюка.

2) Возможнаго совершенства рубки и ударовъ пикою, чего жно достигнуть только тогда, когда будутъ рубить и колоть не оздухъ, а видимыя цѣли, на которыхъ для рубки должна быть амѣчаема черта, а для ударовъ пикою—точка. Для достиженія ой же мѣткости ударовъ, дѣло весьма хорошее — качающіяся ѣли.

3) Возможнаго упрощенія устава, чего такъ легко достигнуть, ничтоживъ разницу между прямыми и обратными порядками и

*) Эти начальники, не останавливавшіеся сворачивать чужія шеи, не задумывались распоряжаться такимъ же точно образомъ и относительно своей собственной.

**) См. инструкцію Фридриха генераламъ, гл. XXII. „Во всѣхъ дѣлахъ съ австрійцами я замѣтилъ, что, пострѣлявъ съ $^1/_4$ часа, ихъ батальоны начинали ходить около своихъ знаменъ. Наша кавалерія опрокинула много такихъ вихрей въ сраженіи подъ Гогенъ-Фридбергомъ и взяла много плѣнныхъ“.

признавъ независимость отъ порядка нумеровъ эскадроновъ въ полку, полковъ въ бригадѣ и т. д.

4) Возможнаго развитія быстроты сбора изъ разсыпнаго строя въ сомкнутый, по эскадронному командиру, фронтомъ туда, куда онъ стоитъ лицомъ. Необходимо также пріучить кавалерію изъ разсыпной атаки собираться въ сомкнутый строй на скаку, т. е. впереди линіи, какъ дѣлалъ Зейдлицъ, а не позади ея или на мѣстѣ, какъ вошло въ обычай. Подобный сборъ является необходимымъ при преслѣдованіи, для атаки свѣжей, противопоставляемой непріятелемъ, части. Единственный залогъ успѣха при этомъ — безостановочное движеніе впередъ; не странно ли поэтому дѣлать сборъ назадъ или на мѣстѣ?

5) При обученіи атакѣ необходимо во всей широтѣ принять суворовскій способъ, т. е. односторонніе атаки водить не иначе, какъ на видимыя цѣли, а подобія двухсторонніхъ атакъ, пріучающія не столько атаковать, сколько останавливаться передъ свалкой, уничтожить, поставивъ на ихъ мѣсто сквозныя атаки на пѣхоту, кавалерію и артиллерію. Послѣднія производить на заднюю и на переднюю шеренги, безразлично, и всегда въ концѣ ученій, дабы и лошади пріучились смотрѣть на атаку, какъ на конецъ работы.

6) Желательно бы было также, чтобы оружіе кавалериста было всегда отточено, ибо привычка обращаться съ нимъ должна быть усвоена въ мирное время, если не хотятъ, чтобы въ военное люди, прежде чѣмъ рубить непріятеля, не ранили себя и лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это покончило бы разомъ со всѣми тѣми пріемами, которые при отточенномъ оружіи не имѣютъ смысла, и развило бы между офицерами страсть къ хорошимъ клинкамъ и къ состязаніямъ въ рубкѣ.

7) Для пріученія людей къ правильному сѣданію и лошадей къ перенесенію тяжести вьюка, необходимо, чтобы кавалерія выѣзжала, покрайней мѣрѣ на всѣ большія ученія и маневры, съ полнымъ вьюкомъ *).

8) Отказавшись отъ всѣхъ педантическихъ требованій въ пѣшемъ кавалерійскомъ строѣ, въ родѣ исполненія ружейныхъ пріемовъ драгунскими баталіонами, идеальнаго равненія, артистически

---

*) Опытные кавалеристы полагаютъ, что носка полнаго вьюка въ мирное время скорѣе портитъ лошадь, чѣмъ пріучаетъ ее къ перенесенію тяжести, лежащей на ней въ военное время. Преклоняясь передъ ихъ компетентностію, все же полагаемъ, что выводъ въ пользу или противъ носки въ мирное время полнаго вьюка можно сдѣлать окончательно только на основаніи опыта.

единовременнаго проноса ноги и т. п., упражнять въ пѣшихъ атакахъ непремѣнно всѣ роды кавалеріи *). Въ бою достигаетъ цѣли только тотъ, кто въ самомъ себѣ находитъ средства для выполненія всякой роли, которая требуется обстоятельствами. Иначе можетъ случиться, что большая кавалерійская часть, неимѣющая драгунъ въ своемъ составѣ, станетъ втупикъ, встрѣтивъ на пути движенія баррикаду, за которой укрылись какихъ-нибудь 20—30 человѣкъ.

Относительно боевыхъ порядковъ какъ мелкихъ, такъ и крупнымъ кавалерійскихъ частей желательно то же, что и относительно пѣхотныхъ, т. е. самостоятельное отношеніе къ ихъ формѣ кавалерійскихъ начальниковъ, а слѣдовательно и уничтоженіе нормальныхъ порядковъ. Строго говоря, свобода отношенія къ формѣ строя въ кавалерійскихъ начальникахъ даже желательнѣе, чѣмъ въ пѣхотныхъ, ибо, при нынѣшнемъ значеніи метательнаго оружія, только та кавалерія сдѣлаетъ дѣло, которая проникнута убѣжденіемъ, что главное условіе успѣха лежитъ въ удачно схваченномъ мгновеніи для этого, а не въ формѣ строя. Понятно поэтому, что кавалеристъ, пріученный считать, напримѣръ, развернутый строй лучшей формой для атаки, зачастую будетъ пропускать удачныя къ ней мгновенія изъ-за того только, чтобы перестроиться въ эту лучшую форму.

IX.

Скорострѣльное оружіе едва-ли вызоветъ какія-либо перемѣны въ техникѣ полевой артиллеріи, по той причинѣ, что скорострѣльность играетъ существенную роль на разстояніяхъ не далѣе прямого ружейнаго выстрѣла, т. е. на такихъ, на которыя артиллерія почти никогда и не подходитъ къ непріятелю.

Притомъ же и движеніе въ ней, возникшее вслѣдствіе распространенія въ пѣхотѣ дальнострѣльнаго оружія, далеко еще не совершило полнаго своего круга. Нарѣзныя орудія составляютъ весьма важный, но далеко еще не совершенный шагъ. Линія полета ихъ снарядовъ, при чрезвычайномъ однообразіи, все же весьма крута, вслѣдствіе чего поражаемое пространство выходитъ весьма мало; пріисканіе соотвѣтствующаго угла возвышенія на дальнихъ разсто-

*) Не для того, чтобы заставлять производить подобныя атаки и кстати и некстати, а для того, чтобы случай, въ которомъ подобная атака явилась бы необходимостію, не заставалъ начальниковъ и солдатъ врасплохъ.

яніяхъ трудно, а передвиженіе цѣли впередъ или назадъ по направленію выстрѣловъ на самое незначительное разстояніе выводитъ ее изъ сферы пораженія. Вслѣдствіе этого, артиллеристы въ настоящее время заняты пріисканіемъ средствъ, которыя сдѣлали бы траекторію болѣе пологою, не уменьшая въ то же время вѣрности полета. На очереди стоятъ два такихъ средства: 1) увеличеніе заряда въ принятыхъ уже нарѣзныхъ орудіяхъ; 2) сооруженіе системы орудій, которыя съ достаточною мѣткостію и однообразіемъ стрѣляли бы сплюснутыми снарядами.

Первое средство есть не болѣе, какъ пальятивъ, ибо и возможность разрыва орудій, и необходимость соображать зарядъ такъ, чтобы снарядовъ не срывало съ нарѣзовъ, прямо указываютъ, что увеличить на столько зарядъ, чтобы получилась траекторія значительно отложе теперешней, едва-ли возможно. Сплюснутые снаряды даютъ, напротивъ, большую отлогость траекторіи; но отъ нихъ не добились пока однообразія отклоненій.

Какъ бы то ни было, но это стремленіе дать выгоднѣйшую кривизну траекторіи все же вызвано нарѣзомъ, а не заряжаніемъ съ казны.

Попытаемся сдѣлать очеркъ существенныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ дѣйствіи орудій вслѣдствіе принятія нарѣзовъ, и, въ зависимости отъ этого, желательныхъ измѣненій въ уставѣ.

Изъ нарѣзныхъ орудій производятся тѣ же роды выстрѣловъ, что изъ гладкоканальныхъ, за исключеніемъ настильно-рикошетнаго, который при ударныхъ трубкахъ невозможенъ, да и при дистанціонныхъ на столько неправиленъ, вслѣдствіе продолговатой формы снарядовъ, что не представляетъ такой дѣйствительности, на которую можно бы было положиться *).

О дѣйствительности выстрѣловъ изъ нарѣзной 4-фунтовой пушки, заряжаемой съ дула (французская система) и съ казны (прусская система), можно получить понятіе изъ слѣдующей таблицы:

Разстоянія до мишени въ саженяхъ.	4-фунтовая, заряжаемая съ дула.	4-фунтовая, заряжаемая съ казны.
100		100%
200		100
300	90%	100

*) Для нарѣзныхъ орудій принято три снаряда: граната, которая употребляется безъ боеваго винта, когда ею хотятъ дѣйствовать какъ ядромъ; картечная граната, начиненная пулями, по серединѣ которыхъ, въ особой трубкѣ, помѣщается разрывной зарядъ, и картечь въ коробкахъ, состоящая также изъ свинцовыхъ пуль. Трубки для сообщенія огня разрывному заряду употребляются или ударныя, воспламеняющіяся при первомъ паденіи отъ удара снаряда объ землю, или же дистанціонныя, составъ которыхъ догораетъ до пороха въ тотъ моментъ, когда граната пролетѣла дистанцію, на которую трубка пригнѣзана.

400	76	98
500	61	92
600	48	83
700	38	72
800	24	58
900	18	46
1,000	10	35
1,100		27
1,200		20

Мишень: 25 шаговъ по фронту и 9 футовъ въ вышину.

Эти числа не даютъ, конечно, и приблизительнаго даже поня-ія о боевой дѣйствительности стрѣльбы, которая зависитъ отъ равственнаго состоянія людей, отъ болѣе или менѣе удачнаго предѣленія разстояній до цѣли и наконецъ отъ мѣста паденія нарядовъ, которое не всегда можетъ быть благопріятно разрыву; о они все же представляютъ одну изъ данныхъ для разрѣшенія опроса о томъ, съ какихъ разстояній и какими снарядами сто-ть начинать стрѣльбу въ бою.

Такъ, прицѣльную стрѣльбу обыкновенными гранатами изъ на-ѣзныхъ, заряжаемыхъ сзади, орудій можно начинать съ самыхъ изкихъ дистанцій и оканчивать на разстояніяхъ, превосходящихъ ,000 саженъ. Но въ полевой войнѣ, противъ цѣлей обыкновен-ыхъ размѣровъ *), далѣе 800 саженъ стрѣлять не слѣдуетъ, по ой причинѣ, что и на этомъ разстояніи чрезвычайно трудно отга-ывать разстояніе, на которомъ граната разрывается отъ цѣли, т. . такъ называемый интервалъ разрыва. Вѣрное опредѣленіе ого послѣдняго весьма важно, ибо составляетъ единственное учательство за успѣхъ стрѣльбы при ударныхъ трубкахъ, нынѣ ія гранатъ принятыхъ. Для пріученія артиллеристовъ къ возможно-ольшему вниманію въ опредѣленіи интервала разрыва есть одно олько средство, заключающееся въ приданіи преобладающаго зна-нія практической стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ разстояній пе-ъ стрѣльбою съ опредѣленныхъ; ибо только первая изъ нихъ ставляетъ слѣдить съ бо́льшимъ вниманіемъ за мѣстомъ паденія разрыва снарядовъ **). При прежней системѣ орудій, стрѣльба

*) Т е представляемыхъ баталіономъ, эскадрономъ, батареей, ротой.

**) Съ этой точки положительно можно сказать. что заранѣе отмѣренное раз-ояніе до цѣли можетъ быть иногда болѣе вредно, нежели полезно, такъ какъ ри стрѣльбѣ важно знать не разстояніе, а уголъ возвышенія, который ажно придать орудію въ данномъ случаѣ и который при томъ же разстояніи всегда бываетъ одинъ и тотъ же.

съ опредѣленныхъ разстояній была еще необходима для пристрѣл
орудій при началѣ каждой весенней практики; но стрѣльба и
нарѣзныхъ орудій, заряжаемыхъ съ казны, такъ точна, что въ этом
не представляется постоянной надобности.

Прицѣльную стрѣльбу противъ войскъ въ сомкнутомъ или р
зомкнутомъ *) строѣ можно употреблять во всѣхъ случаяхъ. Пр
тивъ же разсыпнаго строя огонь стрѣлковой цѣпи выгоднѣе и дѣ
ствительнѣе артиллерійскаго.

Прицѣльная стрѣльба гранатами должна быть употреблен
также и противъ предметовъ, представляющихъ сильную степен
сопротивленія, каковы: строенія, насыпи, мосты и пр., т. е. в
всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ снаряды должны дѣйствовать ударомъ
слѣдующимъ за тѣмъ разрывомъ.

Стрѣльбу картечными гранатами выгодно производить проти
войскъ на разстояніяхъ отъ 50 до 700 саженъ; далѣе же это
дистанціи ими стрѣлять не слѣдуетъ.

Противъ войскъ, открыто стоящихъ, эту стрѣльбу должно пре
почитать прицѣльной стрѣльбѣ обыкновенными гранатами, въ осо
бенности, когда непріятель стоитъ въ глубокомъ строѣ.

Обыкновенную картечь можно употреблять съ разстояній, не
превосходящихъ 200 саженъ, но и то только въ случаѣ надобно
сти въ быстрой стрѣльбѣ, какъ, напримѣръ, противъ цѣпи, ата
кующей батарею, или противъ сомкнутыхъ частей, въ минуты
предшествующія штыковой свалкѣ. Но при обстоятельствахъ, мало
мальски допускающихъ употребленіе картечной гранаты, ее слѣ
дуетъ предпочитать обыкновенной картечи, такъ какъ первая дѣй
ствительнѣе и уступаетъ послѣдней въ томъ только, что при не
заряжаніе медленнѣе и наводка требуется болѣе тщательная.

Навѣсная стрѣльба гранатами можетъ быть производима н
разстояніяхъ отъ 200 до 800 саженъ, противъ войскъ, располо
женныхъ за какимъ-нибудь закрытіемъ.

На разстояніяхъ, превосходящихъ 800 саженъ, можно дѣй
ствовать только противъ большихъ цѣлей, какъ, напримѣръ, бив
ковъ или резервныхъ расположеній значительныхъ массъ войскъ,
если они такъ неловко поставлены, что мѣсто расположенія ихъ
открыть можно.

Скорость артиллерійской стрѣльбы опредѣляется необходимостію
тщательной наводки и наблюденія за мѣстомъ паденія снарядовъ.
Это уже показываетъ, что поспѣшная стрѣльба въ первый періодъ

---

*) Разумѣя подъ послѣднимъ названіемъ и густую цѣпь.

боя немыслима, ибо повела бы только къ безполезной тратѣ боевыхъ припасовъ.

Во второй же періодъ боя (штыковый) скорость стрѣльбы опредѣляется важностію ея относительно рѣшенія дѣла и условіемъ вѣрной наводки орудій.

Старый обычай—первые выстрѣлы по выѣздѣ на позицію производить безъ прицѣла, наводя по тѣлу орудія, долженъ быть оставленъ, такъ какъ, при невозможности правильныхъ рикошетовъ и при точности боя нарѣзныхъ орудій, подобная стрѣльба вела бы только къ одному—къ пусканію нѣкотораго числа снарядовъ на вѣтеръ.

На успѣшность дѣйствій артиллеріи огромное вліяніе имѣютъ выборъ позицій и болѣе или менѣе рѣдкая перемѣна ихъ. Условія выгодной артиллерійской позиціи въ сущности не измѣнились; но необходимость перемѣнять послѣднія по возможности рѣже или, что одно и то же, дѣлать переѣзды по возможности болѣе длинные, обнаруживается при нарѣзной артиллеріи еще яснѣе и настойчивѣе, чѣмъ при гладкой, ибо переѣзды на незначительное разстояніе не имѣютъ никакого вліянія на дѣйствительность, а, между тѣмъ, заставляютъ на слѣдующей дистанціи снова пріискивать углы возвышенія, что, при крутизнѣ траекторіи, дѣло нелегкое.

Вообще къ перемѣнѣ позицій могутъ побудить преимущественно: 1) вредъ, наносимый батареѣ артиллеріею непріятеля; 2) невозможность продолженія стрѣльбы или вслѣдствіе закрытія батареи собственными войсками, или же вслѣдствіе удаленія цѣли *); наконецъ, 3) необходимость отступленія.

Но въ своей дальнострѣльности артиллерія не должна видѣть предлога къ тому, чтобы избѣгать близкихъ подъѣздовъ къ непріятелю, въ тѣхъ случаяхъ, когда стрѣльбою изблизи можно выручить пѣхоту или кавалерію. Предразсудокъ, ставившій потерю орудія равносильною потерѣ знамени, долженъ быть изгнанъ изъ артиллерійской тактики. Странно бояться за кусокъ металла тамъ, гдѣ для достиженія цѣли укладываютъ иногда десятки тысячъ человѣческихъ головъ.

Орудіе должно быть знаменемъ для прикрытія; но ни въ какомъ случаѣ не должно быть ничѣмъ, кромѣ оружія для артиллериста—оружія, достигающаго своего назначенія тѣмъ выше, чѣмъ болѣе оно нанесло вреда врагу. Не странно ли съ этой точки, когда артиллеристъ, для спасенія орудія, часто отъ болѣе мнимой, чѣмъ дѣйствительной опасности, снимается съ позиціи **) тогда,

*) Какъ, напримѣръ, при отступленіи противника.
**) Или не подскакиваетъ къ непріятелю на близкую дистанцію.

когда непріятель близко, т. е. когда ему можно нанести самый страшный вредъ, можетъ быть даже заставить его поворотить назадъ?

Въ артиллерійскомъ уставѣ необходимо, также какъ и въ другихъ, измѣнить многое въ видахъ возможнаго его упрощенія и предохраненія батарей отъ огня. Съ этой точки, намъ кажется, было бы въ высшей степени полезно: 1) упростить отъѣзды, ограничившись только однимъ изъ двухъ нынѣ принятыхъ боевыхъ порядковъ; 2) исключить колонны, неимѣющія боеваго примѣненія; 3) признать независимость если не орудій, то, по крайней мѣрѣ, взводовъ въ батареѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ колоннъ изъ середины; 4) наконецъ, для предохраненія отъ огня, раздвинуть батарею въ глубь, на сколько то безъ ущерба дѣлу возможно, т. е. въ боевомъ порядкѣ держать передки и зарядные ящики на дистанціяхъ гораздо большихъ, чѣмъ принятыя теперь. Наконецъ, сверхъ всего этого, нельзя не пожелать, чтобы и въ артиллеріи отказались отъ педантическихъ требованій въ пѣшемъ строю, такъ какъ они, въ особенности въ артиллеріи, не имѣютъ никакого смысла, отнимаютъ много времени и, вдобавокъ, извращаютъ правильныя понятія артиллеристовъ о своемъ собственномъ строѣ, который есть разсыпной.

X.

Намѣтивъ характеристическія черты дѣйствія и желательныхъ формъ строя въ главныхъ родахъ оружія, считаемъ, для полноты обзора, за необходимое сказать нѣсколько словъ и о томъ, какое вліяніе на эти дѣйствія могутъ имѣть саперныя работы.

Неоспоримо то, что искусственное усиленіе мѣстности должно пріобрѣтать тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться артилерійскій и ружейный огонь. Это вызываетъ значительную перемѣну вопроса о фортификаціонныхъ работахъ въ томъ смыслѣ, что онѣ, изъ дѣла почти техническаго, доступнаго однимъ спеціалистамъ, должны снова сдѣлаться общимъ достояніемъ пѣхоты и артилеріи.

Эта популяризація полевой фортификаціи прямо указываетъ на необходимость возможнаго упрощенія ея, дабы она стала доступною всякому человѣку съ простымъ здравымъ смысломъ и совершенно отрѣшилась бы отъ тѣхъ хитростей, которыя, запутывая иногда людей далеко не глупыхъ, не имѣютъ, между тѣмъ, никакого боеваго значенія. Необходимость такого упрощенія обусловливается и другимъ обстоятельствомъ—быстротою, отличающею современныя военныя операціи и ведущею къ недостатку времени

на то, чтобы увлекаться укрѣпленіями художественно-фортификаціонными. Этотъ недостатокъ времени, волею-неволею, заставляетъ отказаться отъ хитрыхъ сочетаній линій, отъ трасировки и профилированія по всѣмъ правиламъ искусства; наконецъ отъ прельщающей взоръ знатоковъ гладкости крутостей, оконченности и изящества закругленій, и проч., и проч.

Траншея для стрѣлковъ, батарея, самое несложное открытое укрѣпленіе *) полигональнаго начертанія—вотъ все, что мыслимо на современномъ полѣ сраженія и далѣе чего странно идти въ курсѣ полевой фортификаціи, имѣющемъ цѣлію удовлетвореніе потребностямъ войскъ, а не служеніе искусству для искусства.

Признавъ такой объемъ фортификаціи, не трудно видѣть, что она уложится въ самую коротенькую инструкцію, доступную для пониманія не только офицера, но и нижняго чина. Дѣло никогда не трудно; трудна хитрая обстановка, которую жрецы считаютъ за выгодное давать дѣлу, дабы профаны относились къ оному съ благоговѣніемъ.... Составленіе подобной инструкціи и распространеніе ея въ войскахъ было бы крайне желательно.

Но какимъ образомъ и когда упражняться въ примѣненіи ея къ дѣлу? Разрѣшеніе этого вопроса лежитъ въ сущности предмета. Какую цѣль можетъ имѣть траншея для стрѣлковъ? Возможно-большее усиленіе дѣйствительности ихъ огня и доставленіе имъ закрытія, на томъ мѣстѣ, на которомъ стрѣлки были бы поставлены, если бы и не предполагалось рыть траншею. И такъ, разрѣшеніе самаго важнаго вопроса, представляющагося первымъ при всякой фортификаціонной постройкѣ, т. е. опредѣленіе направленія линіи огня, лежитъ уже въ самомъ расположеніи войскъ: умѣетъ офицеръ найти позицію для цѣпи, съумѣетъ, слѣдовательно, опредѣлить и направленіе, въ которомъ слѣдуетъ насыпать траншею. Если онъ затрудняется этимъ теперь, то просто-напросто потому, что смотритъ на два эти предмета **) какъ на совершенно розные, подчиняющіеся совершенно различнымъ принципамъ.

Что вѣрно относительно закрытія для цѣпи, вѣрно также и относительно закрытія для батареи: батарейный командиръ, который умѣетъ дать выгоднѣйшее направленіе фронту своей живой батареи, рѣшилъ уже главную задачу и относительно брустверной батареи. Остается затѣмъ знаніе нѣсколькихъ практическихъ данныхъ, относительно

*) И весьма рѣдко сомкнутое.
**) Направленіе цѣпи и направленіе траншеи.

разсчета насыпки и выемки, разстановки людей, выгоднѣйшей
фили, которыя не трудны и къ которымъ также слѣдуетъ
ситься свободнѣе, чѣмъ жрецы искусства того требуютъ. Такъ
примѣръ, всѣ размѣры выгоднѣйшей профили нужно прини
очень и очень небезусловно, ибо доведеніе до нея брустверa
прежде всего дѣло времени. Строевой офицеръ и долженъ
рѣть поэтому на идеальную профиль какъ на желаемую, н
какъ на необходимую вещь: есть время осуществить безъ
ленія людей—очень хорошо, нѣтъ—и то недурно: лучше
нибудь, чѣмъ ничего.

И такъ, инструкція дастъ понятіе о профили, о насып
выемкѣ, о разсчетѣ людей; строй дастъ указаніе относительн
правленія линіи огня. При такой постановкѣ вопроса нѣск
возведеній, во время, напримѣръ, большихъ маневровъ, отнюд
при пособіи спеціалистовъ, совершенно будутъ достаточны, п
шему мнѣнію, для того, чтобы освоить офицеровъ съ мыслію
всякій изъ нихъ можетъ возвести укрѣпленіе, вызываемое боев
конечно, а не мирно-военными условіями.

Разъ это будетъ, остается желать еще одного, чтобы сол
былъ по возможности усовершенствованъ въ землекопствѣ,
взялъ бы привычку работать лопатой не мѣшкотно и не
утомляясь. Практика этого рода—дѣло возможное и всесторо
полезное въ особенности у насъ: проложеніе новыхъ дорогъ
наго рода можетъ дать къ ней превосходный случай. Коне
найдутся люди, которые могутъ возразить, что возведеніе укр
ній—такое искусство, которое не имѣетъ ничего общаго съ на
кой дороги: съ точки зрѣнія художественной, артистической,
жетъ быть, оно и такъ; но не такъ съ точки зрѣнія прос
здраваго смысла и боевой примѣнимости. Съ этой послѣдней то
кто умѣетъ вырыть канаву, умѣетъ вырыть и траншею; съум
также насыпать и батарею, лишь бы офицеръ указалъ, куда
но землю бросать.

Мы въ особенности настаиваемъ на необходимости упраж
солдатъ именно въ землекопствѣ только, а не въ возведеніи у
пленій, ибо это послѣднее занятіе въ мирное время нецѣл
образно, т. е. принадлежитъ къ разряду тѣхъ занятій, кото
здравымъ народнымъ смысломъ давно охарактеризованы мѣт
терминомъ: «водотолченія».

Не разъ уже говорилось, до какой степени важно, чтобы
занятія солдата были цѣлесообразны, ибо въ этомъ одномъ леж
залогъ и знанія дѣла, и дѣльнаго склада его головы; извѣстно
же, что уже стараются стать на эту точку, ибо уничтожены

ие шаги въ нѣсколько пріемовъ, примѣрныя заряжанія и тому одобное. Не странно ли послѣ этого, отказавшись отъ «примѣрности» упражненій въ главныхъ отдѣлахъ солдатскаго образованія, ругъ возвращаться къ ней въ отдѣлѣ второстепенномъ, вспомогательномъ? Возведеніе укрѣпленій, которыхъ никто ни брать, ни боронять не будетъ—упражненіе примѣрное; оно можетъ повести ь одному только—наглядно показать солдату, что его трудъ пре-ращается, что его не останавливаются расходовать въ пустую, а го съ его стороны всегда вызываетъ работу спустя-рукава. Со-ершенно не то выходитъ, когда его упражняютъ въ работѣ, за оторую онъ получитъ вознагражденіе и которая, какъ дорога, езъ всякихъ растолковываній оказывается полезною и ему, и ругимъ.

Примѣрное упражненіе въ возведеніи укрѣпленій опасно и по ругимъ причинамъ: оно можетъ развить страсть къ окапыванію и стати и не кстати, страсть, которая вовсе не желательна въ йскѣ, ибо отвѣчаетъ инстинкту самосохраненія; оно можетъ азвить расположеніе къ щегольству отдѣлки—новая нелѣпость, есьма вредная, ибо она извращаетъ понятіе о фортификаціонномъ возведеніи, которое должно быть построено въ бою прежде сего быстро, а не «чисто».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что желательно бы было видоизмѣнить въ характерѣ занятій спеціально-саперныхъ частей. Намъ кажется, что меньшее пристрастіе къ щегольству отдѣлки возведенія и меньшая трата времени на занятія чисто-строевыя, которыя съ боевой точки въ саперныхъ частяхъ представляются дѣломъ весьма и весьма второстепеннымъ, были бы ощутительнымъ шагомъ впередъ. Увлеченіе строевыми упражненіями, какъ мы слышали, доходитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ до того, что времени на саперныя работы собственно остается очень мало. Повторяемъ: мы это только слышали; но если слухъ невѣренъ, мы первые готовы поздравить съ этимъ саперныя части.

XI.

Въ чемъ же будутъ заключаться измѣненія въ маневрированіи собственно, т. е. въ примѣненіи устава къ боевымъ цѣлямъ, въ зависимости отъ указанныхъ измѣненій самаго устава? Кто понялъ, что сущность всѣхъ предложенныхъ измѣненій заключается въ томъ, чтобы по возможности снять вредный гнетъ, лежащій по настоящее время на самостоятельности частныхъ начальниковъ и

уничтожающій эту великую силу и залогъ на успѣхъ въ бою, тотъ безъ труда и самъ выведетъ, что и въ характерѣ мирнаго маневрированія нужно будетъ добиваться этой же самой цѣли, т. е. освобожденія начальниковъ отъ страха отвѣтственности и внушенія привычекъ самостоятельности, достоинства и уваженія къ самимъ себѣ. Это уже предполагаетъ не усовершенствованіе однѣхъ формъ только, но и измѣненіе характера требованій. Австрійцы показали, что форма можетъ быть очень хороша, а духа въ ней всетаки не будетъ. Что же нужно сдѣлать, чтобы его не вытравливать, а, напротивъ, развивать и укрѣплять?

Нужно одно: помнить, что подчиненный начальникъ долженъ имѣть и свое мнѣніе, и въ критикѣ его распоряженій не только не допускать громовъ и молній, но даже и то помнить, что всякое дѣло можно сдѣлать на двадцать ладовъ и что наше мнѣніе не есть лучшее потому только, что мы старше и что намъ отвѣчать не имѣютъ права.

Должно помнить ежеминутно, что въ бою спокойствіе и находчивость значатъ все; развитіе ихъ нужно, слѣдовательно, прежде всего имѣть въ виду и при маневрированіи. Это будетъ возможно только тогда, когда, занимаясь имъ, не столько будутъ хлопотать о замѣчаніяхъ за отступленіе отъ тактическихъ правилъ, сколько о развитіи самоувѣренности въ людяхъ и начальникахъ. Въ упражненіяхъ этого рода нужно вести дѣло такъ, чтобы каждый уходилъ съ поля съ убѣжденіемъ, что лучше его нельзя дѣйствовать. Если подобная самоувѣренность возникнетъ, она въ дѣлѣ не дастъ потеряться человѣку; она пріучитъ его, покрайней мѣрѣ, рѣшаться — иногда, можетъ быть, не совсѣмъ ловко, за то быстро; а это важнѣйшее. Тотъ же, кому попадало за несоблюденіе различныхъ тактическихъ совѣтовъ, можетъ быть, и усвоитъ ихъ, но потеряетъ самоувѣренность и зачастую будетъ занятъ придумываніемъ лучшаго способа дѣйствія въ то время, когда его уже начнутъ бить спроста.

Какъ бы ни странна была манера взяться за дѣло кого-либо изъ маневрирующихъ, это не должно вызывать замѣчаній, если только въ распоряженіяхъ видна предпріимчивость; одна нерѣшительность должна быть преслѣдуема.

Конечно, могутъ случаться промахи, слишкомъ уже рѣзкіе: ихъ не должно оставлять безъ замѣчаній; но дѣлать эти послѣднія слѣдуетъ такъ, чтобы они являлись какъ совѣтъ лучшаго, а не какъ выговоръ за упущеніе.

Послѣ этого основнаго замѣчанія, примѣненіе котораго было бы желательно не къ одному маневрированію собственно, но и къ

роевымъ ученьямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ошибка является совершенно ничтожною съ точки зрѣнія дѣла, можно приступить къ казанію того, что въ существующихъ правилахъ маневрированія нѣкоторыхъ эволюцій большихъ массъ полезно бы было измѣнить.

.На первомъ планѣ въ этомъ случаѣ стоятъ, конечно, средства ъявленія воли начальника. Всякому извѣстно, что въ мирное емя команда и сигналъ до такой степени получаютъ сильное звитіе, что приказаніе является на послѣднемъ планѣ въ ряду редствъ изъявленія воли начальника.

Между тѣмъ, въ бою это послѣднее является первымъ средомъ. Всѣ боевые люди того мнѣнія, что даже и тогда, когда манда можетъ быть дополнена личнымъ примѣромъ *), необхоимо предварительно предупредить часть о цѣли, какой имѣютъ ъ виду достигнуть, т. е. необходимо ей отдать приказаіе **). Когда же имѣемъ дѣло съ совокупностію частей, то здѣсь манда или сигналъ со стороны начальника просто немыслимы, сли онъ желаетъ, чтобы войска поняли его цѣль. Такое отношеніе команды и сигнала къ приказанію желательно бы было виѣть возстановленнымъ и въ мирное время. Къ этому должно приавить, что сигналъ и тѣмъ еще неудобенъ, что простымъ челоѣкомъ трудно запоминается, въ шумѣ и суматохѣ боя можетъ ыть не услышанъ, наконецъ можетъ быть поданъ непріятелемъ ъ самую рѣшительную минуту; а понимается само собою, что непріятель подастъ сигналъ, пріятный ему, а не намъ: ну хоть, напримѣръ, «отбой» въ то время когда наши идутъ въ атаку.... Мы полагаемъ поэтому, что отмѣна большей части сигналовъ была бы великимъ благодѣяніемъ для войскъ.

Припомнимъ также, что желательно бы было освободиться наконецъ отъ общихъ построеній по всей линіи каре, и кучекъ, колоннъ, развернутаго строя, ибо этого въ бою не встрѣчается. То же должно сказать и относительно общей перемѣны фронта, какъ она исполняется, т, е. вращеніемъ частей около одной точки, при чемъ зачастую половина линіи уходитъ назадъ; въ бою подобная

---

*) Какъ въ ротѣ при расположеніи въ ротныхъ колоннахъ, въ баталіонѣ— когда онъ въ сборѣ.

**) „Не довольно, чтобы одни начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія.... Должны знать его даже унтеръ-офицеры и рядовые. Всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“ Суворовъ.

„Полезно дѣлать извѣстными цѣли и намѣренія боя возможно-большему числу. Это не только увеличиваетъ интересъ къ дѣлу, но и вызываетъ каждое отдѣльное лицо быть полезнымъ достиженію цѣли непредвидѣннымъ способомъ болѣе, нежели когда его употребляютъ какъ машину“. Принцъ Фридрихъ-Карлъ.

перемѣна фронта немыслима, слѣдовательно и при мирномъ
ченіи лучше къ ней не прибѣгать.

Необходимо было бы отказаться наконецъ отъ смѣны ли
не говоря уже объ общей, но даже и по частямъ, ибо съ бо
точки это эволюція положительно вредная, ведущая къ тому,
къ концу боя не остается свѣжихъ частей. Войска, разъ пу
нныя въ бой, должны оставаться въ немъ до конца дѣла;
могутъ быть поддерживаемы, но отнюдь не смѣняемы. Только
этомъ лежитъ залогъ сбереженія резерва. Часть, едва успѣв
побывать въ огнѣ, если только ее смѣнить, будетъ думать, что
все сдѣлала и что больше ничего въ тотъ день сдѣлать не
состояніи. Мало того: ожиданіе смѣны замедлитъ и порывъ
тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ охотно бываетъ расположенъ
доставить честь подвига своему товарищу.

Относительно артиллеріи, маневрирующей съ другими войска
желательно бы было, чтобы она стала наконецъ свободна въ
борѣ позицій; чтобы не думала о прикрытіи; чтобы, наобор
войска непремѣнно думали о томъ, чтобы она не оставалась
прикрытія.

Затѣмъ въ нынѣшнемъ порядкѣ производства двусторонн
маневровъ необходимо было бы допустить измѣненія, кото
устранили бы ихъ недостатки, заключающіеся въ слѣдующемъ:

1) Они развиваютъ боязнь обходовъ и излишнее пристра
къ нимъ.

2) Допускаютъ при атакѣ остановку на такомъ разстояніи
противника (50 шаговъ), на которомъ солдатъ не долженъ до
кать мысли, что можетъ остановиться.

3) Пріучаютъ придавать преувеличенное значеніе численно
противника и силѣ позицій. Тотъ, кто въ мирное время вы
жанъ въ тѣхъ понятіяхъ, что атака на превосходнаго числ
или занимающаго сильную позицію противника бываетъ отб
тому въ военное будутъ грезиться и превосходныя силы, и с
ная позиція и тамъ даже, гдѣ ни того, ни другаго нѣтъ.

4) Допускаютъ отступленіе какъ дѣло самое простое и об
новенное. Не нужно пріучать ни солдатъ, ни офицеровъ къ то
чтобы такія выраженія, какъ «я отступилъ», мою атаку отби
легко шли съ языка. Суворовъ не признавалъ отступленій.
мирное время упорному отступленію научить нельзя; въ бою
отступаетъ упорно не тотъ, кого упражняли въ отступленіи
мирное время, а тотъ, кто смотритъ на него какъ на позоръ
порядочнаго войска.

Эти недостатки двухъ-сторонихъ маневровъ могли бы б

легко отстранены слѣдующими измѣненіями, въ порядкѣ ихъ производства.

1) Ихъ слѣдуетъ ограничить только огнестрѣльнымъ періодомъ боя, не доводя до атаки, т. е. не доводя до позиціи, занятой обороняющимися на 250 или даже на 300 шаговъ, дабы избѣгать несоотвѣтственнаго употребленія сигнала для атаки и вредной, въ нравственномъ смыслѣ, привычки останавливаться въ 50 шагахъ отъ противника.

2) Не слѣдуетъ позволять оставлять позицію въ случаѣ обхода, а требовать, чтобы обойденный сдѣлалъ распоряженіе для противодѣйствія ему.

3) Не слѣдовало бы производить атаки на позиціи, занятыя войсками, а сначала ихъ очищать и затѣмъ уже приказывать наступающему атаковать эту позицію.

4) Избѣгать дѣлать приговоры насчетъ того, кто побѣдилъ и кто побѣжденъ, ибо, во-первыхъ, нѣтъ побѣды тамъ, гдѣ не было и борьбы; во вторыхъ, въ мнимомъ побѣдителѣ это возбуждаетъ неосновательное самомнѣніе, а для мнимопобѣжденнаго — оскорбительно.

Затѣмъ, мирная подготовка къ атакѣ, достойная этого дѣла, можетъ быть только одна—суворовская: атаки противъ видимыхъ неодушевленныхъ цѣлей, и сквозныя—войскъ другъ противъ друга.

Наконецъ, такъ какъ въ боевой линіи движенія всегда сопровождаются стрѣльбой, разъ вошли въ сферу огня, то для болѣе дѣльной подготовки солдата и офицера къ бою необходимо сдѣлать обязательными ученія съ боевыми патронами и зарядами.

Но какъ бы ни была разумно соображена система образованія войскъ, она не принесетъ пользы, если ей не будетъ отвѣчать характеръ требованій и повѣрки войскъ въ знаніи ими своего дѣла. Жажда совершенства въ мелочахъ, привитая той эпохой, въ которую увлеченіе стройностію движенія достигло крайнихъ предѣловъ, бывъ перенесена въ предлагаемую систему, можетъ повести къ тому, что и эта послѣдняя, вмѣсто полезныхъ, можетъ дать самые гибельные результаты.

Представимъ себѣ баталіоннаго командира, который вздумалъ бы пріучать свою часть къ идеальному соблюденію ровныхъ интерваловъ между ротами *), или продѣлать всѣ случаи сочетанія

*) Въ развернутомъ строѣ.

развернутаго строя ротъ съ ротными каре или колоннами: не
витіе самостоятельности частныхъ начальниковъ, а окончатель
подрывъ ея можетъ получиться въ результатѣ у подобнаго б
ліоннаго командира.... У него репетиціи посылются сотням
сноровочкамъ самаго страннаго съ боевой точки свойства не
детъ конца. Если въ прежнее время *) расчерчивали на план
манежи, и учили, когда нужно направляться на заслонку, к
на колонну, когда на то, либо другое окошко, то принявъ, и
лагаемую систему и не отказавшись отъ прежняго характера
бованій, можно пойти дальше, пойти напримѣръ, до знамени
«ребята! да сгибайте же колѣни: вѣдь вы поднимаетесь нагору»..
Всякая система, понятая односторонно, можетъ повести къ т
гибельнѣйшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ она сама совершеннѣе: о
ченной бритвой легче порѣзаться, чѣмъ тупымъ ножомъ... Но
саясь этого, можно ли отказаться отъ первой и довольствова
послѣднимъ? Отвѣтъ лежитъ въ самомъ вопросѣ: безъ бр
нельзя обойтись, но употребля ее, нужно съ нею и обходи
какъ съ бритвою, а не какъ съ тупымъ ножомъ. Въ наше вр
когда всѣ возможныя усовершенствованія такъ быстро идутъ
редъ, упорствовать въ старой рутинѣ и готовиться, завѣдомо
себя, къ самымъ тяжелымъ неудачамъ—одно и то же.

Но необходимо новое принимать не по формѣ, а по духу
отчасти только, но вполнѣ. Это «вполнѣ» именно предполага
съ измѣненіемъ системы образованія, соотвѣтствующее измѣн
и требованій, и способа повѣрки. Цѣль предлагаемой сист
устава и образованія заключается въ одномъ — поставить
чальника и солдата въ такое отношеніе къ строямъ,
какомъ должно къ нимъ находиться въ бою; необход
слѣдовательно, чтобъ и характеръ повѣрки и требованій исте
изъ той же мысли, изъ той же необходимости—во всемъ и вс
помнить условія боя. Разсматриваемая съ этой точки, сист
требованій и повѣрки, построенная на заблаговременно на
чаемыхъ смотрахъ съ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ—съ ре
ціями, не можетъ быть признана раціональною, такъ какъ бою р
тицій дѣлать нельзя, и разыгрывается онъ не по какому-либо
благовременно назначенному порядку. Ясно, слѣдовательно,
тотъ, кто имѣетъ цѣлію подготовить войска возможно-лучш

---

*) Говоримъ, конечно, о давнопрошедшемъ.

**) Такъ училъ одинъ прусскій баталіонный командиръ, эпохи 1806
примѣненію къ мѣстности на ровномъ плацу. См. князя Орлова: „Кам
1806 года.

образомъ къ бою, а не къ мирному смотру, тотъ долженъ признать, что неожиданно назначаемые смотры дѣйствительнѣе достигнутъ первой цѣли. Мало того: и на мирныхъ занятіяхъ они отразятся благодѣтельными послѣдствіями. Смотръ, заблаговременно назначенный изъ какого-либо отдѣла образованія, неминуемо нарушаетъ правильный и ровный ходъ занятій, ибо и безъ объясненій понятно, что если я ожидаю смотра, напримѣръ, изъ гимнастики, то на нее буду и налегать, а остальное оставлю безъ вниманія. Послѣдствія такого отношенія къ дѣлу, порождаемаго заблаговременно назначаемыми смотрами, очевидны: образованіе идетъ какъ бы скачками, ведетъ къ форсировкѣ солдата; нравственная сторона получаетъ еще болѣе сильный ударъ, ибо частные начальники привыкаютъ думать о смотрахъ какъ о такихъ минутахъ въ жизни части, въ которыя ее нужно показывать въ лучшемъ состояніи, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Необходимость показать товаръ лицомъ становится какъ бы закономъ; принципъ правдивости, долженствующій составлять краеугольный камень въ характерѣ военнаго, забывается; изобрѣтательность въ уловкахъ начинаетъ возбуждать не презрѣніе, а зависть и подражаніе....

Намъ кажется, что разумно понимаемый интересъ начальника, производящаго смотръ, долженъ заключаться въ томъ, чтобы узнать часть въ ея вседневномъ, будничномъ видѣ, а не въ томъ, чтобы ему отвели глаза надерганнымъ, благодаря множеству репетицій, мимолетнымъ совершенствомъ, которое удается еще иногда показать на смотру, но которое вмѣстѣ со смотромъ и исчезаетъ....

Если это вѣрно, то вопросъ замѣны заблаговременно назначаемыхъ осмотровъ неожиданными должно признать однимъ изъ самыхъ капитальныхъ въ жизни и образованіи войскъ. Конечно, принимая ихъ, необходимо постановить правиломъ, чтобы на каждомъ смотру, производимомъ въ извѣстный періодъ года, требовали бы не болѣе того, что по существующимъ правиламъ должно быть къ этому періоду пройдено.

Такимъ путемъ образованіе естественно получитъ тотъ ровный, спокойный и полный достоинства ходъ, при которомъ не будетъ мѣста ни суетѣ, ни тѣмъ предосудительнымъ уловкамъ, которыя при смотрахъ, заблаговременно назначаемыхъ, неизбѣжны. Войска будутъ учиться всему одинаково, по заблаговременно установленнымъ програмамъ и по системѣ, впередъ указанной начальствомъ; съ другой стороны, они не будутъ знать впередъ, въ чемъ именно и когда ихъ смотрѣть намѣрены, и только тѣ части въ состояніи

будуть показать себя хорошо, въ которыхъ добросовѣстно занимались своимъ дѣломъ круглый годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подобная система смотровъ устранить и со стороны начальниковъ, ихъ производящихъ, возможность требованія такого щегольства, которое, несмотря на заманчивость его въ мирное время, не только безполезно, но вредно для боя, ибо тамъ оно не нужно, а, между тѣмъ, отнимаетъ время отъ другихъ, дѣйствительно необходимыхъ въ боевомъ смыслѣ занятій.

1868 годъ.

Дополненія и поясненія къ статьѣ:

ѣсколько словъ о современномъ направленіи нѣкоторыхъ нашихъ писателей по тактикѣ».

Автору названной статьи угодно было, по поводу послѣд-ъ моихъ статей *), помѣщенныхъ въ 11 и 12 нумерахъ «Воен-о Сборника» за 1867 годъ и подписанныхъ буквою Д., изо-зить впечатлѣніе, произведенное на него всѣмъ тѣмъ, что я ца-либо писалъ. Это впечатлѣніе вышло у автора такого рода, въ глазахъ его я явился человѣкомъ, отрицающимъ почти всѣ овы порядка воинскаго. Подобное обвиненіе налагаетъ на меня занность разъяснить тѣ пропуски и недомолвки, благодаря ко-имъ въ сознаніи г. автора получилось впечатлѣніе, столь для я неожиданное.

Г. авторъ сформировалъ свое впечатлѣніе такимъ образомъ; нѣкоторыхъ случаяхъ онъ цитируетъ мои фразы, обрывая ихъ не на полусловѣ; въ другихъ относитъ, напримѣръ, къ от-ьнымъ баталіонамъ то, что мною сказано въ примѣненіи къ окупности баталіоновъ; принимаетъ за высказанное безусловно что, напротивъ, предлагается съ большими и весьма опредѣ-ельно высказанными ограниченіями; наконецъ, въ нѣкоторыхъ тахъ, вооружившись однимъ моимъ словомъ или полуфразой, ванными изъ цѣпи разсужденія, онъ создаетъ на этомъ свои ственныя умозаключенія, но приписываетъ ихъ мнѣ. Всякій чи-ель безъ труда пойметъ, что при этомъ, къ сожалѣнію слиш-ь извѣстномъ и выгодномъ, способѣ разбора, нѣтъ сочиненія, рое не дало бы въ рецензіи того впечатлѣнія, которое полу-желательно.

*) Т. е., статей „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“.

Г. авторъ начинаетъ свой разборъ обвиненіемъ ученія, которое онъ сдѣлалъ мнѣ честь назвать моимъ *), въ фанатизмѣ и оппозиціи.

„Не имѣя времени прослѣдить весь рядъ этихъ оригинальныхъ статей, полныхъ здравыхъ мыслей, но рядомъ съ ними и увлеченій, я долженъ ограничиться изображеніемъ впечатлѣнія этого ряда статей, этого новаго ученія „на старый ладъ“ **). Ученіемъ я это называю по выражающемуся фанатизму, по докторальности тона статей и по очевидной требовательности со стороны авторовъ слѣпаго послѣдованія за его убѣжденіями, подъ угрозою быть заклейменнымъ эпитетами отсталости, пустыхъ бутылокъ съ громкими ярлыками и пр. и проч.“.

Изъ этого видно, что г. критикъ считаетъ «ученіе» и «фанатизмъ» какъ бы синонимами, между тѣмъ какъ, по общепринятому, это вовсе не одно и то же. Фанатики обыкновенно стремятся уничтожать своихъ противниковъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами: въ моихъ статьяхъ, говорю это смѣло, нельзя найдти ничего подобнаго. Если я называю вещи прямо ихъ именами, то для того, чтобы яснѣе была мысль; если доказываю свои положенія болѣе или менѣе страстно, то это вещь совершенно естественная со стороны человѣка, признающаго истину чего-либо такого, что признается пока не всѣми. Точно также страстно я говорилъ о необходимости стрѣльбы съ неопредѣленныхъ разстояній и ученій съ боевыми патронами, пока то и другое не было принято. Да и вообще мнѣ страннымъ кажется, когда дѣло идетъ о какой-либо мысли, обращать вниманіе не столько на нее, сколько на форму выраженія; не столько на то, что говорится, сколько на то, какъ говорится. Что же до пустыхъ бутылокъ съ громкими ярлыками, то способъ, которымъ перетолковано это выраженіе, составляетъ одну изъ тѣхъ неожиданностей, которыя такою щедрою рукою обрушилъ на меня г. критикъ, на каждомъ шагу доискиваясь въ моихъ словахъ такого смысла, какого придавать я имъ и не думалъ. Изо всей статьи «Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ», занимающей 28 страницъ, критикъ замѣтилъ только.... пустыя бутылки! Да вдобавокъ со словъ и съ фразъ, къ которымъ было отнесено это выраженіе, перенесъ его на людей.

---

*) Для меня это слишкомъ много, ибо система обученія, изложенная мною, составляетъ логическій выводъ изъ началъ, взятыхъ у маршала Саксонскаго, у Суворова, у Фридриха Великаго, у Наполеона, у Бюжо, и провѣренныхъ боевыми явленіями. Если съ моей стороны тутъ и есть какая-либо заслуга, то развѣ та только, что я нѣсколько внимательнѣе вчитался въ творенія этихъ великихъ практиковъ военнаго дѣла, оставивъ въ сторонѣ писателей по тактикѣ, чисто-догматическихъ.

**) Какимъ образомъ можно браться за передачу впечатлѣнія, производимаго рядомъ статей, не прослѣдивъ этого ряда статей,—недоумѣваю....

Что касается до оппозиціоннаго, будто бы, характера моихъ тей, то и здѣсь долженъ сознаться, что смыслъ, въ которомъ критикъ употребляетъ слово оппозиція, остается для меня нымъ.

Оппозиція кому и во имя чего? Когда я, начиная съ 1858 года, азывалъ, что необходимо дать стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ стояній преобладающее значеніе надъ стрѣльбою съ отмѣренъ; когда доказывалъ, что и на этомъ нельзя остановиться, а вполнѣ раціональной подготовки войскъ къ бою, необходимо чать ученіями съ боевыми патронами, то дѣлалъ ли я этимъ озицію кому-либо, или же мечталъ только объ одномъ—о возможно-лучшей подготовкѣ войскъ для боя?

Когда, послѣ шестидесятипятилѣтняго забытья, я вывелъ на ть Божій систему обученія атакѣ Суворова, коментировалъ его икую «науку побѣждать», то дѣлалъ ли я этимъ оппозицію колибо, или же привлекалъ вниманіе интересующихся военнымъ омъ къ дѣйствительно національнымъ для русскихъ емамъ образованія и воспитанія войскъ?

Когда, съ 1860 года, я заявлялъ о необходимости распроаненія въ войскахъ устава о службѣ внутренней, какъ единеннаго средства для поддержанія и упроченія внутренняго пока, когда, вслѣдъ за тѣмъ, участвовалъ въ составленіи проэкта го устава въ качествѣ дѣлопроизводителя особаго комитета, то о ли это оппозиціоннымъ стремленіемъ съ моей стороны, или исполненіемъ долга и присяги по мѣрѣ силъ и способностей?

Что-нибудь одно, г. критикъ: или вы изволите придавать слову позиція» свой особенный, необщепринятый смыслъ, и тогда о бы удобнѣе это разъяснить, дабы не вводить въ заблужденіе ателей; или же вы думали употребить его въ общепринятомъ слѣ, и тогда не вижу, гдѣ и кому вы нашли опозицію въ мо статьяхъ.

Прошу великодушнаго снисхожденія у читателя, что распроанился объ этой грустной для меня постановкѣ статьи г. ре зента: это необходимо было сдѣлать по понятнымъ причинамъ.

Перехожу къ тѣмъ положеніямъ «моего» ученія, съ которыми критикъ не согласенъ; остановлюсь на нихъ тѣмъ съ большимъ маніемъ, что не онъ одинъ придерживается высказанныхъ имъ зній.

Г. критикъ начинаетъ разборъ съ обѣщанія строго отнестись началамъ системы, мною проводимой и къ способу ихъ приенія къ дѣлу; иначе, прибавляетъ онъ, «и на дѣлѣ выйдутъ ія же крайности, какими изобилуетъ это ученіе».

Прочитавъ это предвареніе, я съ нетерпѣніемъ пошелъ дальше, въ надеждѣ встрѣтить критику «началъ»; ожиданія не сбылись: именно ее-то я и нашелъ въ произведеніи почтеннаго автора. Вѣроятно, по недостатку времени, какъ заявилъ самъ авторъ, онъ не примѣтилъ этихъ началъ.

Мнѣ остается прослѣдить обвиненія г. критика шагъ за шагомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они формулированы.

И такъ, не разобравъ серьезно ни одного изъ началъ воспитанія и образованія войскъ, поставленныхъ мною на основаніи извѣстныхъ авторитетовъ, г. критикъ, упомянувъ только о первомъ изъ нихъ *), переходитъ къ тому, будто:

„новое ученіе отрицаетъ мало по малу чуть ли не всѣ тѣ занятія въ мирное время, которыя должны служить залогомъ порядка на дѣйствительной службѣ войскъ, на томъ основаніи, что въ военное время невозможно бываетъ сохранить тотъ же порядокъ и ту же стройность".

Даже переписавъ этотъ упрекъ и перечитавъ его предварительно нѣсколько разъ, я едва вѣрю глазамъ своимъ! Можно бы было еще объяснить его себѣ въ томъ случаѣ, если бы г. критикъ не читалъ изъ написаннаго мною ничего, кромѣ послѣднихъ статей, въ которыхъ на многое сдѣланъ только намекъ, во избѣжаніе повтореній; но вѣдь онъ указываетъ на цѣлый рядъ моихъ статей, въ которыхъ сдѣланы всѣ возможныя поясненія относительно того, какое значеніе я придаю различнымъ отдѣламъ образованія. Несмотря на это, г. критикъ счелъ за лучшее не принимать въ разсчетъ того, что могло бы ослабить силу его аргументаціи, и мотивируетъ вышеприведенное обвиненіе такимъ образомъ:

„Такъ напримѣръ, совѣтуется ослабить въ мирное время требованія сомкнутости, допуская ее въ кавалеріи только по недостатку одиночнаго развитія всадниковъ; стройности движенія массъ, ровнаго шага; или, хотя и признается важность равненія въ каждой отдѣльной части, но оно допускается лишь по тѣмъ, которые рвутся впередъ. Осуждается, что на совокупныхъ ученіяхъ нѣсколькихъ баталіоновъ требуется „математическое" равненіе (не говоря уже о цѣпи: въ ней давно и никто не требуетъ равненія).

(Слѣдуютъ затѣмъ поясненія, почему г. критику все это кажется неосновательнымъ).

По истинѣ, и половины этого достаточно для того, чтобы осудить военнаго, утверждающаго подобныя несообразности!

Но дѣло въ томъ, что многаго изъ приписываемаго мнѣ г. критикомъ я и не думалъ утверждать; остальное если и проводилъ, то вовсе не такъ, какъ то угодно ему было представить.

---

*) „Войска нужно учить въ мирное время только тому, что они должны умѣть дѣлать въ военное".

-первыхъ, объ ослабленіи сомкнутости въ кавалеріи я ни-
и не думалъ говорить. Единственное мѣсто, которое
подать поводъ къ подобному превратному толкованію мо-
ыслей, заключается не въ статьяхъ, а въ моемъ курсѣ так-
*); привожу это мѣсто цѣликомъ, дабы читатель могъ судить
ическихъ пріемахъ г. автора «Нѣсколькихъ словъ»:

тественныя кавалеріи для атаки строются въ одну шеренгу, изъ ко-
въ моментъ свалки выходитъ собственно разсыпной строй. Въ ча-
егулярной кавалеріи, въ минуту свалки выходитъ изъ двухъ сомкнутыхъ
почти одна, потому что всадники при быстромъ движеніи неминуемо
ются по фронту. Въ естественныхъ кавалеріяхъ одношереножный строй
лся потому, что всякій всадникъ, ловко владѣя оружіемъ, не только не
ъ встрѣчи съ противникомъ одинъ на одинъ, но ищетъ ея. Въ регуляр-
авалеріяхъ недостатокъ одиночной ловкости приходится вознаграждать
остью. Къ одношереножному строю можетъ привести также развитіе
ы движенія до возможнаго предѣла раціональнымъ воспитаніемъ лоша-
тому что тогда свалка будетъ еще мгновеннѣе, и возможность
ть участіе въ ударѣ для второй шеренги еще меньше, нежели
. Предполагая, что когда-нибудь въ регулярныхъ кавалеріяхъ одиночное
аніе всадника будетъ доведено до той степени, на какой оно обыкновенно
ся въ иррегулярныхъ, переходъ къ одношереножному строю въ первыхъ
озможенъ".

о это: совѣтъ ли ослабить сомкнутость въ мирное время,
росто разъясненіе, почему регулярныя кавалеріи строются
аки въ двѣ шеренги, а иррегулярныя въ одну, и при какихъ
ихъ является болѣе раціональнымъ то, либо другое располо-
прошу рѣшить читателя. Къ этому долженъ прибав-
что дальше, говоря объ атакѣ, я ставлю первостепен-
условіями ея успѣха: «рѣшимость довести атаку до конца
бы то ни стало, выборъ минуты для удара, сомкнутость
роту». Нѣсколькими строками ниже—что «сомкнутость при
достигается привычкою маневрировать въ сомкнутомъ
на быстрыхъ аллюрахъ». Если и послѣ всего этого
гику все-таки показалось, что я совѣтую ослабленіе сомкну-
въ кавалеріи, то вина не моя.
-вторыхъ, «ровнаго шага» **) я нигдѣ не отвергалъ; а,
ивъ, нахожу его единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы

---

*) Курсъ тактики для гг. офицеровъ учебнаго пѣхотнаго баталіона". Изда-
ое, 1867. Въ моихъ статьяхъ я ничего не говорилъ о значеніи сомкну-
ъ кавалеріи. Слѣдовательно упрекъ автора показываетъ, что онъ про-
ъ также и мой курсъ. Это открытіе поражаетъ меня еще большимъ изу-
ъ при мысли о его выводахъ: я могъ бы еще понять увлеченіе автора,
онъ былъ ознакомленъ только съ отрывками системы, а не со всей си-
Оказывается, что онъ знаетъ ее всю и не воздержался, несмотря на то,
ихъ „впечатлѣній".

**) Подъ этимъ выраженіемъ г. критикъ разумѣетъ, вѣроятно, движеніе въ
агомъ постоянной скорости и размѣра.

масса людей, разнообразныхъ и по физическому складу, и по нравственнымъ качествамъ, могла составить одно коллективное существо, называемое тактической единицей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаю, что увлеченіе этимъ отдѣломъ образованія отражается на духѣ и убѣжденіяхъ войскъ самыми вредными послѣдствіями *).

Въ-третьихъ, о равненіи по переднимъ я говорю, разумѣя только моментъ атаки, такъ какъ при соображеніи строя нужно главнѣйше думать объ этомъ моментѣ, что г. критикъ могъ уразумѣть даже изъ самаго выраженія: по тѣмъ, которые рвутся впередъ. Не считая меня полнымъ невѣждою въ дѣлѣ, о которомъ говорю, нельзя же думать, чтобы я находилъ возможнымъ «рваться впередъ» въ продолженіе всего наступленія въ боевомъ порядкѣ, которое при нынѣшнемъ огнѣ начинается вѣдь съ 700, 1,000 саженъ. Что это выраженіе я отношу именно къ атакѣ, а не къ движеніямъ, ей предшествующимъ, г. критикъ можетъ убѣдиться изъ моего курса. Да притомъ это выраженіе и не мое, а Суворова.

Въ-четвертыхъ, предложеніе не требовать на совокупномъ ученіи нѣсколькихъ тактическихъ единицъ строгаго равненія по линіямъ—проводится мною по соображеніямъ, которыя высказаны въ статьѣ, но на которыя автору неугодно было обратить вниманія. Вмѣсто того, чтобы ихъ опровергнуть, если они не вѣрны, г. авторъ ограничивается общими фразами о стройности, порядкѣ и т. д. Прошу у г. критика нѣсколько минутъ вниманія: изъ сказаннаго ниже онъ убѣдится, что требованіе строгаго равненія въ линіи частей **) — безполезно; вслѣдъ затѣмъ я покажу, что подобное требованіе не только ничего не даетъ для пользы дѣла, но даже прямо противорѣчитъ этой пользѣ.

Начну съ доказательства, почему необходимо равненіе въ одной сомкнутой части,—и для ясности послѣдующаго разсужденія, и для того, чтобы показать, что я вовсе не шуточно отношусь къ строгому равненію тамъ, гдѣ оно дѣйствительно полезно. Положимъ, что идутъ въ штыки по два человѣка съ каждой стороны, и что въ группѣ Б. одинъ человѣкъ опоздалъ на одну только секунду свалки: тогда два человѣка стороны А получаютъ возможность справиться сначала съ переднимъ человѣкомъ группы Б.

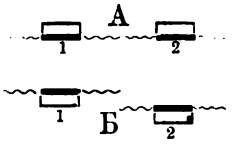
---

*) Дѣйствительность этого вреда признана у насъ, чему служитъ доказательствомъ отмѣна тихихъ учебныхъ шаговъ и походки съ носка.

**) Замѣтьте: требованіе строгаго равненія не отъ людей одной части, которое необходимо, но отъ частей между собою.

ь потомъ и съ опоздавшимъ. Итакъ, ясно, что въ тактическихъ единицахъ равненіе и сомкнутость необходимы, иначе проявленіе круговой поруки стало бы невозможнымъ. Не будетъ конечно ошибкой, если груди нѣсколькихъ солдатъ придутся на дюймъ-на два позади или впереди общей линіи фронта; но часть перестаетъ быть однимъ существомъ, если подобная ошибка дойдетъ, напримѣръ, до одного-двухъ шаговъ. Понимается само собою, что сказанное здѣсь о двухъ человѣкахъ относится до людей каждой шеренги, входящей въ составъ тактической единицы.

Возьмемъ теперь два баталіона съ нашей и съ непріятельской стороны и посмотримъ, въ какихъ условіяхъ произойдетъ ихъ ударъ. Дабы взять фактъ проще и получить объясненіе рельефнѣе, предполагаю, конечно, что обѣ стороны одинаково проникнуты желаніемъ сойдтись на штыкъ. Самый малый интервалъ, на который баталіоны могутъ быть употреблены въ бою, въ большей части случаевъ, есть половинный *). Итакъ:



По вышеуказанному, условіе выручки своихъ, или, что одно и то же, круговой поруки, требуетъ, чтобы два баталіона стороны А не могли напасть на одинъ баталіонъ стороны Б. Положимъ, что лѣвый баталіонъ Б. выдался впередъ шаговъ на 50, и, слѣдовательно, сцѣпился съ противникомъ почти на полминуты ранѣе своего товарища: будетъ ли, несмотря на это, ударъ стороны Б единовременнъ, разумѣя, конечно, единовременность въ практическомъ смыслѣ? Утверждаю, что будетъ, и вотъ почему: въ теченіе этой полуминуты 2-й баталіонъ стороны А не имѣетъ возможности и подать помощь своему 1-му баталіону, и вернуться для встрѣчи баталіона стороны Б, ему противупоставленнаго **). Интервалъ, на которомъ баталіоны расположены въ линіи, прямо указываетъ, что каждый изъ баталіоновъ можетъ заниматься только противникомъ, ему противупоставленнымъ, и никакъ уже не мо-

---

*) Т. е., около 150 шаговъ.

**) Для этого нужно было бы сдѣлать около 300 шаговъ въ $^1/_2$ минуты, что дѣлаетъ непородистая лошадь карьеромъ, да и то въ прямомъ направленіи. Нужно замѣтить еще, что мы взяли баталіоны на половинномъ интервалѣ; если же ихъ взять на полномъ, то безполезность строгаго равненія между нѣсколькими частями, стоящими въ одной линіи, станетъ яснѣе.

жеть думать о непосредственной помощи сосѣду; если бы
задался этой помощью, то оказать бы ее не поспѣлъ и, въ к
концовъ, не помогъ бы дѣлу, а повредилъ бы ему. Итакъ,
разница въ равненіи на 50 шаговъ не обнаружила вліянія
единовременность удара линіи.

Нужно замѣтить при этомъ, что для ясности доказатель
мы предположили случай невозможный, ибо если баталіоны ст
на одной линіи и пошли въ одно время и по одному напра
нію, то они могутъ разравняться, самое большое, на 10—15
говъ, но уже никакъ не на 50. Понимается само собою,
если, какъ показано выше, нарушеніе равненія въ линіи ча
даже на 50 шаговъ не отразилось ощутительно на единовре
ности удара, то о 10—15 шагахъ и говорить нечего.

Да, наконецъ, это не противорѣчитъ и нашимъ понятіям
равненіи, если только вы потрудитесь примѣнить ихъ по см
а не по буквѣ къ линіи частей, взявъ съ людей одной части
роятно вы согласитесь, что часть выровнена хорошо, если п
нѣкоторыхъ солдатъ будутъ приходиться не строго на линіи ф
та, а на дюймъ впереди или позади ея. Это такое ничтожное
ступленіе отъ математически-прямой линіи, что въ строю ед
его можетъ замѣтить и самый навыкшій глазъ. Такъ какъ на
каго человѣка по фронту полагается около $^3/_4$ аршина (21 дюй
то если относительно этого пространства, вы признаете воз
нымъ допускъ въ равненіи на дюймъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ, дол
признать и соотвѣтствующій допускъ для баталіона, на кото
отводится отъ 150 до 300 аршинъ. Чтобы открыть этотъ допу
стоитъ только послать пропорцію:

$$1 \text{ дюймъ} : 21 \text{ д.} = x : 150 \text{ аршинамъ.}$$

$$x = \frac{150.28}{21} = 7 \text{ шагамъ.}$$

Если же на каждый баталіонъ отведенъ полный интерв
то этотъ допускъ получится вдвое больше. Позвольте теперь с
сить ваше мнѣніе; достаточно ли стройно идетъ линія баталіон
если нѣкоторые изъ нихъ будутъ шаговъ на 10—15 впереди
позади своихъ сосѣдей? Мнѣ кажется, эта линія будетъ имѣт
же степень стройности, какую имѣетъ отдѣльная часть, есл
ней разница равненія не идетъ далѣе дюйма *).

Итакъ, вы должны признать, что для атаки математиче

*) Что въ движеніи положительно невозможно, а всегда будетъ больше

вненіе между частями безполезно, что оно не оправдается и
ъ чисто-уставной точки, ибо нельзя же быть болѣе требователь-
имъ къ массамъ, разставленнымъ на сотни шаговъ, чѣмъ вы тре-
овательны къ людямъ, стоящимъ рядомъ.

Теперь посмотримъ, почему требованіе строгаго *) равненія
ежду частями вредно въ мирное время. Вамъ извѣстно, что те-
ерь бой ведется на мѣстахъ болѣе или менѣе пересѣченныхъ, гдѣ
бота о равненіи, ставя начальника въ страшное затрудненіе,
лекаетъ его вниманіе отъ непріятеля; вы должны знать также,
о что обходится въ мирное время пріученіе къ тому, чтобы, на-
римѣръ, три баталіона только, не говоря уже о большемъ числѣ,
рошли съ соблюденіемъ строгаго между собою равненія. Теперь,
огда всѣ европейскія арміи идутъ очевидно на сокращеніе сро-
въ службы, когда вѣроятно и намъ придется сдѣлать то же са-
ое, теперь нужно быть особенно внимательнымъ къ тому, чтобы
свободить обученіе войскъ отъ всего того, что въ бою непри-
нимо ни прямо, ни косвенно, какъ бы оно ни было замани-
во и пріятно для глаза. Въ примѣненіи къ массамъ, все подоб-
е—то же, что была въ примѣненіи къ отдѣльнымъ людямъ по-
дка съ носка: мы имѣли рѣшимость отъ нея отказаться, а между
мъ, дѣльная и щеголеватая стройность отъ этого вѣдь не поте-
лась; точно также, отказавшись отъ стѣсненія частей строгимъ
вненіемъ по линіи, мы имъ облегчимъ усвоеніе дѣла, и въ то
е время совокупность частей будетъ представлять вполнѣ строй-
е цѣлое, притомъ цѣлое изъ живыхъ, энергическихъ существъ **),
не изъ механическихъ частицъ, начальники которыхъ озабочены и
мъ уже, если часть ихъ придется шагахъ въ 5—10 позади или впе-
ди общей линіи. Нарушаетъ ли это спокойное состояніе духа чело-
ка, которому ввѣряется судьба нѣсколькихъ сотъ ему подобныхъ,
редоставляю судить г. критику. Вы говорите, что нужно пріучать
внѣшней стройности въ мирное время, дабы она была воз-
жна въ военное, и я съ этимъ совершенно согласенъ; но нуж-
этой стройности добиваться не въ ущербъ развитію духовной
роды человѣка, отъ которой, какъ вамъ извѣстно, успѣхъ въ
о зависитъ больше, нежели отъ матеріальныхъ данныхъ. Нужно
же помнить, что понятіе о стройности въ примѣненіи къ одной
иницѣ нельзя переносить буквально на совокупность единицъ.
асть идетъ стройно, когда люди равняются въ рядахъ и шерен-

*) Замѣтьте: я отвергаю необходимость не равненія вообще, но строгаго
вненія.

**) Всякій баталіонъ есть также существо.

гахъ; совокупность же частей идетъ стройно, когда каждая ч
идетъ стройно, хотя бы она и не приходилась совершенно т
на линіи съ другими частями.

Вы говорите еще, что теперь никто уже не требуетъ стро
равненія въ цѣпи: отъ глубины души поздравляю съ этимъ н
пѣхоту; но, вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ вопросъ: раціонал
ли части, составляющія линію, подчинять болѣе стѣснительн
нормамъ, чѣмъ тѣ, которыя установились уже для звеньевъ
цѣпи? Вѣдь нужно помнить, что только мелкія тактическія е
ницы могутъ принимать и сомкнутый и разсыпной строй; но
вокупность тактическихъ единицъ никакого другого стр
кромѣ разсыпнаго, не принимаетъ *). Аналогія расположе
въ одну линію нѣсколькихъ тактическихъ единицъ съ цѣпью стр
ковъ полная; только единица мѣняется: роль звеньевъ въ цѣпяхъ
играютъ иногда баталіоны, иногда роты въ линіяхъ. Не стра
ли послѣ этого отказывать баталіонамъ (иногда ротамъ), раз
ляемымъ интервалами, доходящими иногда до 300 шаговъ,
томъ, что вы признаете для звеньевъ, на каждое изъ которы
полагается, какъ maximum, сорокашаговое пространство?!

И изъ этого, г. критикъ, еще разъ можно убѣдиться,
предложенія относительно маневрированія совокупности едини
которыя вамъ кажутся столь зловредными, составляютъ не бо
какъ послѣдовательное примѣненіе къ дѣлу тѣхъ началъ, кото
признаны вѣрными относительно одной тактической единицы,
только были понимаемы по буквѣ, а не по сущности ихъ. Нем
вникнувъ въ дѣло, вы сами бы ничего другаго не сказали,
сказано здѣсь.

Замѣчаніе г. критика относительно необходимости назначе
дирекціональнаго баталіона нисколько не ослабляетъ сказанн
Вѣдь и я не отвергаю согласованія дѣйствій и движенія въ
ніи, но не вижу, чтобы это согласованіе исчезло отъ того, е
одинъ баталіонъ придется шаговъ на 10 впереди или поз
общей линіи. Вѣдь авторъ не находитъ же, чтобы въ цѣпи
падала нужная для нея степень стройности и согласованія
того, что она не равняется: отчего же онъ вдругъ находитъ
когда рѣчь идетъ о линіи, составленной изъ звеньевъ не
человѣка, а въ 160—800 человѣкъ? Къ этимъ вещамъ не
относиться только съ точки того впечатлѣнія, которое онѣ

---

*) Прошу почтеннаго критика дочитать до конца: иначе по подчерки
онъ можетъ меня обвинить въ утвержденіи того, будто чѣмъ масса больше,
она больше должна быть похожа на толпу.

юдять на глазъ, если не желаютъ получить нелогическаго вы-
а.

„Вѣдь не можетъ же авторъ не знать—восклицаетъ г. критикъ—что дирек-
альному баталіону начальникъ указываетъ направленіе на какой-нибудь
метъ мѣстности или интервалъ и т. под. и что другіе баталіоны сообража-
ся, т. е. взглядываются на баталіонъ равненія. Это самый простой меха-
мъ, механизмъ вездѣ и въ бою примѣнимый (напр. на закрытой мѣстности?),
и не командою „равненіе по такому баталіону", то приказаніемъ сообра-
ться съ нимъ".

Вотъ вы и договорились до «приказанія соображаться
нимъ», т. е. до того, что я отстаиваю! Извините великодушно
проявленіе удовольствія, столь естественнаго въ человѣкѣ,
нняемомъ ни вѣсть въ чемъ, когда онъ видитъ, что обвини-
ь силою вещей самъ приведенъ къ тому, противъ чего ополо-
ся!... Вы безъ труда конечно согласитесь, что соображаться
авняться—далеко не одно и то же. Для того, чтобы только
бражаться, достаточно, въ продолженіе наступленія въ нѣ-
лько сотъ шаговъ, взглянуть на баталіонъ направленія *) два-
раза; но чтобы равняться по этому баталіону, нужно имѣть
стоянно на него устремленное вниманіе, между тѣмъ какъ въ
оно должно быть постоянно устремлено на непріятеля. А вы
юятно согласитесь съ тѣмъ, что если въ бою человѣкъ долженъ
ремлять преимущественно свое вниманіе впередъ, то и пра-
а ученій мирнаго времени должно соображать такъ, чтобы
на этихъ ученіяхъ онъ смотрѣлъ преимущественно также впе-
ъ, а не направо или налѣво.

А что и встарь думали именно такъ, доказываетъ терминъ,
орый употребляете и вы, и который опровергаетъ, незавѣдомо
васъ, вашу аргументацію; этотъ терминъ — дирекціональ-
й баталіонъ, что въ переводѣ значитъ: баталіонъ направле-
, а не баталіонъ равненія. Это выраженіе было слѣдова-
льно, какъ бы сокращеннымъ приказаніемъ въ такомъ родѣ:
ите по направленію, параллельному движенію этого баталіона»,
не: «равняйтесь по этому баталіону». Если бы старые люди
ли послѣднюю цѣль, они бы сказали: баталіонъ «алиньемана»,
не баталіонъ дирекціи. Вотъ вамъ кстати и разъясненіе того,
ъ иногда извѣстныя выраженія утрачиваютъ свой настоящій
слъ, т. е. обращаются въ ярлыки, за которыми находится уже
сѣмъ не то, что они представляли первоначально.

Что же до того, будто бы «дирекціональному батальону на-

*) А не равненія. Почему его нужно называть батальономъ направленія,
асъ объясню.

чальникъ указываетъ направленіе на какой-нибудь предметъ
ности», то, воля ваша, хоть вы и говорите, что я этого не
не знать,—не случалось замѣчать, и потому не знаю. А къ
вещамъ я, въ теченіе пятилѣтней службы въ строю и за
восьмилѣтней въ качествѣ офицера генеральнаго штаба при
скахъ, имѣлъ и время, и интересъ приглядѣться: послѣднее
тому, что интересовался вопросомъ воспитанія и образованія вой
Если вы замѣтили, что назначеніе видимой цѣли для движ
впереди—такой общеупотребительный пріемъ, то, вѣроятно, обс
тельства вамъ особенно въ этомъ благопріятствовали. Къ
долженъ прибавить и еще одно недоумѣніе: вѣдь если бы
дѣленіе цѣли для движенія впереди составляло такую постоян
заботу, какъ вамъ кажется, то этотъ пріемъ долженъ бы б
отразиться и въ уставѣ, и на такихъ, напримѣръ, эволюці
какъ перемѣна фронта; между тѣмъ въ уставѣ вы не найдете
одного параграфа, гдѣ бы это было опредѣлительно сказано
и перемѣна фронта начинается не съ приказанія директіонал
части: «стать фронтомъ къ такому-то предмету», а съ
казанія: «$^1/_4$ или $^1/_8$ часть круга направо или налѣво захо
Въ этомъ выраженіи и намека нѣтъ на цѣль впереди.

Послѣ всего сказаннаго, г. критикъ безъ труда пойметъ,
его разсужденіе объ уступахъ не идетъ къ дѣлу, такъ какъ
уже новая форма расположенія, существенно отличная по с
ствамъ отъ расположенія или движенія частей линіей. Отв
тельно же этой послѣдней рѣчь идетъ о томъ только, чтобы
смотрѣть, какъ на безпорядокъ и нарушеніе равненія на то,
какая-нибудь часть придется впереди или позади общей линіи
5—15 шаговъ.

Равненія въ затылокъ и чувства локтя я вовсе не отверг
не отвергалъ также и значенія командъ и ужъ ни въ ка
случаѣ не думалъ ихъ замѣнять толкованіями, какъ то угодн
критику приписывать мнѣ. Послѣ этого всякій безпристрас
читатель по достоинству оцѣнитъ обвиненіе: «вообще говоря,
слабленіе регулярности»! Чтобы читатель могъ судить о м
взглядахъ по тому, что я говорю, а не по тому, что угодно
рить за меня поченному г. критику, долженъ опять прибѣгну
выпискамъ:

(„Курсъ тактики"), „Колонна въ дѣлѣ не совсѣмъ похожа на ко
мирныхъ ученій: стройность прямолинейная невольно исчезаетъ и от
терь, наносимыхъ огнемъ, и отъ мѣстныхъ препятствій; однимъ словом
стиженіе ея въ дѣлѣ невозможно *), такъ что она имѣетъ значеніе тольк
мирномъ обученіи, пріучая солдата плотно держаться въ рядахъ

*) Понимается, въ идеальномъ видѣ.

Не трудно, кажется, видѣть, что тутъ не только не отвергаются мирныя требованія отъ строевъ, но напротивъ осмысливаются поясняются. Непосредственно они не вполнѣ примѣнимы въ бою, о они воспитываютъ солдатъ въ хорошихъ привычкахъ: въ этомъ къ смыслъ, значеніе и разумная необходимость. Г. критику, моетъ быть, покажется и то уже ересью, что я отмѣтилъ невозжность полнаго примѣненія прямолинейной стройности въ бою: это отвѣчу, что я долженъ былъ это сдѣлать, дабы та потеря ройности, которая въ бою неизбѣжна, не являлась для офицевъ и людей неожиданностію, а чтобы они смотрѣли на такую терю, какъ на дѣло естественное и не приходили отъ нея въ ущеніе.

Г. критикъ очевидно основалъ свое обвиненіе на слѣдующемъ стѣ моей статьи:

„Выше упущено одно возраженіе противъ предоставленія самостоятельности амъ: единство баталіона исчезнетъ. Внѣшнее, формальное—да. И потому-то кто будетъ озаботиться о достиженіи единства внутренняго, тактическаго, ого дѣйствительнаго въ бою: единства, которое зиждется не на чувствѣ локтя, на томъ, чтобы носъ задняго приходился въ затылокъ переднему, но на томъ, бы всякій былъ воспитанъ въ убѣжденіи, что выручку товарища нужно ставъ выше личной опасности, выше всего“.

Вѣдь тутъ же говорится о ротахъ, которыя, при расположеі баталіона въ ротныхъ колоннахъ, не становятся къ локтю меу собою и не равняются другъ другу въ затылокъ! *) Г. крикъ сдѣлалъ самое маленькое преобразованіе въ моихъ словахъ: несъ сказанное о ротахъ къ отдѣльнымъ людямъ въ сомкнутой сти, и у него получился желаемый результатъ, т. е. обвиненіе ня въ отрицаніи расположенія людей къ локтю и въ затылокъ— вообще говоря, послабленіе регулярности!»

Теперь прошу читателя убѣдиться въ томъ, отвергаю ли я манды и какъ отвергаю. Въ статьѣ сказано ясно, что команды примѣненіи къ частямъ, бо̀льшимъ одного баталіона, должны ть замѣнены приказаніями. Въ курсѣ тактики, въ статьяхъ о воспиніи и образованіи, наконецъ, въ статьѣ объ отношеніи строевыхъ гавовъ къ тактикѣ, разъясняется подробно и опредѣлительно, почу команды въ примѣненіи къ частямъ, бо̀льшимъ одного баліона, немыслимы въ боевыхъ порядкахъ, и въ то же время чему онѣ разумны и необходимы въ примѣненіи къ одной сомкгой части: кажется, послѣ этого можно бы было замѣтить, что говорится не вообще, а только въ примѣненіи къ совокупности

*) Т. е., для нихъ (ротъ) исчезаетъ и чувство локтя, и равненіе въ затыъ, разъ исчезаетъ сборный баталіонный строй.

баталіоновъ? Г. критикъ считаетъ за болѣе для себя подходящее распространить отъ моего имени это положеніе и на отдѣльныя тактическія единицы....

Послѣ всего сказаннаго, читатель по достоинству оцѣнитъ разсужденія въ родѣ слѣдующаго:

„Начитавшись этого .. неопытный читатель, невидавшій никогда боя, вообразитъ себѣ бой, примѣрно, слѣдующею картиною: прежде всего обязательно каждому, даже солдату, растолковать *) намѣреніе главнаго начальника и способы ихъ (?) воплощенія: потомъ начальникъ долженъ каждой части отдать приказаніе: куда идти и показать предметъ атаки; затѣмъ уже каждый ротный и эскадронный командиръ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и роты не будутъ сплочены въ батальонахъ навыкомъ, а связываются лишь по убѣжденію, исходящему изъ головы и сердца; кавалерія равняется на всякаго выскакавшаго впередъ всадника, потому что этотъ всадникъ „этого достоинъ“ и т. д.

„Вотъ къ какимъ крайностямъ можетъ повести буквальное послѣдованіе этому ученію, если его принять на вѣру“, восклицаетъ въ заключеніе г. критикъ.

Особенно если извратить это ученіе, прибавлю отъ себя: одно умышленно опустить, изъ другаго вывести такія заключенія, которыя изъ него не слѣдуютъ, однимъ словомъ пустить въ ходъ тѣ литературные tours de passe-passe, при помощи которыхъ даже человѣку, утверждающему, напримѣръ, что дважды два четыре, можно доказать, что онъ говоритъ нелѣпость и обнаруживаетъ разрушительныя тенденціи. Не даромъ Талейранъ говоритъ: «дайте мнѣ отъ человѣка два слова, и я его пошлю на эшафотъ...» Не спасетъ отъ такого критика ни логичность выводовъ, ни даже авторитетъ людей, которые показали дѣломъ, что знали бой и войну. Или, можетъ быть я ошибочно понимаю этихъ людей? Тогда укажите, въ чемъ ошибка. Или можетъ быть, они ошибались, а не правы? Тогда опровергните ихъ.

И странное впечатлѣніе производитъ на г. критика самая, повидимому, простая и понятная вещь; положимъ вы скажете: имѣя въ виду положеніе, въ которомъ лошадь находится на войнѣ, нужно бы и въ мирное время держать ее преимущественно въ открытыхъ конюшняхъ, нужно пріучать къ ношѣ вьюка. Г. критикъ сейчасъ прибавитъ отъ себя: «почему бы не посовѣтовать бросить правильность въ задачѣ корма, или не разсѣдлывать лошадей по цѣлымъ суткамъ?» Очень просто почему: цѣль воспитанія лошади въ мирное время заключается въ томъ, чтобы укрѣпить ее для перенесенія военныхъ лишеній, а не ослабить. Вѣдь я не предлагаю же подобныхъ несообразностей: по какому же праву вы мнѣ навязываете ихъ? Въ примѣненіи основнаго прин-

*) Суворовъ, Наполеонъ, Фридрихъ-Карлъ находили это необходимымъ, г. критику это кажется только страннымъ...

ципа *) къ дѣлу я не иду далѣе пріученія къ полному вьюку; я показалъ слѣдовательно границу, переступать которую было бы, по моему, вредно: на основаніи какого логическаго пріема вы позволяете себѣ переступать эту границу отъ моего имени? Вы, можетъ-быть, скажете, что я и то уже пошелъ далеко, что мои предположенія на дѣлѣ причинятъ болѣе вреда, нежели принесутъ пользы. Такъ ли это или нѣтъ, можетъ показать опытъ, и только одинъ опытъ. И пока его нѣтъ, вы не имѣете логическаго основанія ни соглашаться, ни не соглашаться со мною.

Скажете ли, напримѣръ, что къ развертыванію и свертыванію батарей полезно бы было тоже примѣнить принципъ независимости расположенія орудій или взводовъ отъ порядка нумеровъ,—г. критику кажется, будто мы требуемъ предоставленія права всякому взводному командиру «стрѣлять тѣмъ снарядомъ и въ томъ направленіи, какъ онъ признаетъ за лучшее». Кажется, не трудно понять, что сказаннаго о развертываніи нельзя примѣнять къ дѣйствію....

Поведете ли рѣчь о критикѣ распоряженій на маневрахъ и ученьяхъ въ томъ смыслѣ, что нужно всемѣрно стараться дѣлать ее такъ, чтобы она не подрывала въ мелкихъ начальникахъ самоувѣренности и не уничижала ихъ, г. критику кажется, будто я этимъ подрываю авторитетъ, который приказаніе начальника должно имѣть въ глазахъ его подчиненнаго. Чувствую, что злоупотребляю вниманіемъ читателя, но обвиненіе это слишкомъ серьезно, и безъ разъясненія оставлено быть не можетъ.

Никто, конечно и спорить не станетъ съ тѣмъ, во-первыхъ, что разъ я говорю о критикѣ распоряженій, то уже по этому самому обращаюсь къ тѣмъ, кто имѣетъ право на критику, а не къ тѣмъ, кого критикуютъ. Если бы былъ спеціальный журналъ для гг. дивизіонныхъ и полковыхъ командировъ, то я эту мысль и развилъ бы въ такомъ журналѣ. Но такъ какъ его нѣтъ, то и пришлось сказанное замѣчаніе внести въ статью, помѣщенную въ «Военномъ Сборникѣ».

Во-вторыхъ, въ своей замѣткѣ я развиваю мысль о томъ, въ какую форму лучше, для пользы дѣла, облекать критику распоряженій на маневрахъ и ученіяхъ, а вовсе не о томъ, какъ должно относиться къ служебнымъ приказаніямъ. Послѣднее само собою разумѣется для всякаго военнаго: приказаніе должно быть исполнено безусловно, съ тѣми ограниченіями ко-

*) Учить въ мирное время войска ближе къ положенію, въ которомъ они будутъ на войнѣ.

нечно, которыя предписываются уставомъ о службѣ внутре
Другаго разрѣшенія этого вопроса я не допускаю, и по
самому не могъ касаться его въ моей статьѣ, которая и
темою: желательныя измѣненія, а не перечень того,
всегда было и будетъ неизмѣнно-вѣрнымъ въ примѣн
къ вооруженной силѣ. Съ равнымъ основаніемъ г. кр
могъ бы мнѣ сдѣлать упрекъ и въ томъ, что я, говоря о кр
распоряженій на маневрахъ, упустилъ сказать, что нужно
прежде подумать о томъ, чтобы солдатъ былъ накормленъ,
и проч., и проч.

Люди, весьма высоко поставленные, даютъ намъ великіе
учительные образцы того, какъ терпѣливо и сдержанно до
относиться къ ошибкамъ, неизбѣжнымъ при мирныхъ упражне
войскъ. Эти образцы и вызвали во мнѣ размышленіе о
что не дурно бы и начальникамъ пониже съ ними сообразова

Въ-третьихъ, если бы и нашлись между подчиненными с
ные господа, которые, извращая смыслъ моихъ словъ, приня
сказанное о критикѣ распоряженій за оправданіе неповинно
то вѣдь на то есть дисциплинарный и уголовный уставы,
привести подобныхъ господъ въ чувство и осязательно уб
имъ, какъ должно относиться къ приказаніямъ, и что сч
важнымъ, а что неважнымъ. Но я не допускаю мысли, чтобы
шлись въ военномъ сословіи люди, которые не понимаютъ
руководства для служебныхъ отношеній должно искат
существующихъ военныхъ постановленіяхъ, а не въ
нальныхъ статьяхъ. Вѣдь не откажетъ же мнѣ г. критик
томъ, что на ряду съ необходимостію добросовѣстнаго ра
существующихъ уставовъ я признаю и необходимость безусло
исполненія ихъ, каковы бы они ни были.

Сказанное о приказаніяхъ объяснитъ также г. критику, по
я мало сказалъ о баталіонныхъ командирахъ: въ существѣ,
роль почти не измѣняется, за исключеніемъ частностей, ко
и оговорены.

Поговоривъ обо всемъ этомъ, г. критикъ напалъ на бл
тельную мысль: будто требованія и положенія, высказанны
статьяхъ, заимствованы изъ инструкціи для лагерныхъ за
1866 года, данной бельгійскимъ военнымъ министромъ! Чт
это такое? Положимъ, я, по своему невидному и неотвѣтствен
положенію, могу еще, по мнѣнію г. критика, дѣлать оппози
(кому?) и упражняться въ пропагандѣ послабленія регу
ности, неуваженія къ приказаніямъ и въ прочихъ ужас
но дѣлать въ этомъ моимъ соучастникомъ и бельгійскаго воен

ссъ-министра?!... Генералъ баронъ Шазаль, если когда-нибудь йдетъ до него вашъ комплиментъ, будетъ имъ вѣроятно удивенъ. Зачѣмъ задавать себѣ лишній трудъ отыскивать, гдѣ и го я взялъ, когда я этого никогда и ни отъ кого не скрывалъ: взялъ у Суворова, маршала Саксонскаго, у Бюжо; утвердили меня ъ томъ, что я не заблуждаюсь, Фридрихъ, Наполеонъ, равно акъ и боевая дѣятельность трехъ вышеназванныхъ мастеровъ оеннаго дѣла. Я не говорю уже о послѣдовательности, царящей о всемъ разборѣ: въ началѣ упомянуто, что «мое» ученіе возникло вслѣдствіе кенигсгрецскаго погрома; немедленно вслѣдъ затѣмъ—что я это говорилъ и прежде; нѣсколько спустя—что моимъ требованіямъ и положеніямъ виноватъ бельгійскій военный инистръ, и немедленно вслѣдъ затѣмъ—что я это говорилъ и прежде...

Не менѣе страненъ и тотъ упрекъ, будто я не принимаю въ азсчетъ національнаго характера нашего солдата, увлекаясь нерѣдко минутною храбростію француза, италіянца; будто мои «требованія» *) носятъ на себѣ чужестранный оттѣнокъ. Если Суворовъ былъ иностранецъ, если Суворовъ строилъ свою систему на минутной храбрости француза, италіянца», то въ такомъ случаѣ я готовъ признать, что мои предложенія носятъ на себѣ чужестранный оттѣнокъ. Ибо я не говорю ничего своего; я говорю олько то, чему научилъ меня этотъ великій учитель, съ прибавкою ъ его системѣ тѣхъ отдѣловъ, которые въ его время не имѣли наченія.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ: 1) о доводахъ крика противъ освобожденія ротъ отъ порядка нумеровъ, и о мнимомъ требованіи новаго устава; 2) о постоянномъ его возвращеніи ъ порядку и стройности, безъ особенно яснаго сознанія основъ, а которыхъ то и другое держится въ бою; о доводахъ его въ ользу нормальныхъ порядковъ; наконецъ, 4) объ обвиненіи меня ъ томъ, что я.... развращаю молодыхъ офицеровъ.

Противъ предложенія независимости расположенія ротъ отъ орядка нумеровъ, критикъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Что касается желанія автора разбираемой статьи, чтобы отрѣшиться отъ умеровъ ротъ въ баталіонѣ, то скажу откровенно: никакіе доводы искуснаго (!) исателя, никакіе примѣры не разсѣваютъ сомнѣніе на счетъ вѣрности этого згляда: скажу больше: я глубоко убѣжденъ, что это послужитъ поводомъ къ

*) Ничего я не требовалъ и не имѣю права требовать; но предлагалъ и доказывалъ, почему предлагаю.

значительнымъ безпорядкамъ подъ огнемъ, при отступленіи (порою не совсѣмъ порядочномъ). Не знаю, случалось ли автору видѣть массу людей, или хоть баталіонъ, выходящій изъ штыковой драки—не угодно ли привести этотъ баталіонъ въ порядокъ при условіи полнаго отрѣшенія отъ порядка нумеровъ ротъ. Гдѣ же тутъ помнить, какая рота стояла въ головѣ, какая въ хвостѣ колонны".

Читатель видитъ, что г. критикъ противопоставляетъ моимъ аргументамъ силу своего чувства и глубину убѣжденія, не снисходя до того, чтобы подтвердить ихъ логическими доводами. При такой манерѣ доказательствъ, разборъ вопроса невозможенъ. Положимъ, вы начали бы доказывать кому-либо, привыкшему считать дважды-два за пять, что это не пять, а четыре, и получили бы на это въ отвѣтъ: «говорите что хотите, но никакіе ваши доводы, никакіе примѣры не разсѣиваютъ моего сомнѣнія на счетъ вѣрности этого взгляда». Получивъ такой отпоръ, вы, конечно, перестали бы доказывать. Г. критикъ говоритъ за тѣмъ, будто независимость расположенія ротъ отъ порядка нумеровъ поведетъ къ значительнымъ безпорядкамъ подъ огнемъ при отступленіи и опять не доказываетъ, почему такъ думаетъ.

Позвольте представить почему я думаю, что независимость ротъ отъ нумеровъ не только не помѣшаетъ, а поможетъ разобраться въ случаѣ безпорядка.

Во-первыхъ, такъ какъ эта независимость отстаивается мною для удобства свертыванія, развертыванія и перемѣны фронта, то позвольте, имѣя это въ виду, предложить вопросъ: возможны ли эти эволюціи подъ натискомъ непріятеля? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, съ этой точки, какую бы систему развертыванія и свертыванія вы ни принимали, она не можетъ отразиться вредно на порядкѣ въ тѣ минуты, о которыхъ вы говорите.

Теперь взглянемъ на дѣло съ другой точки: какой баталіонъ легче привести въ порядокъ: тотъ ли, въ которомъ ротные командиры привыкли къ большей самостоятельности, а слѣдовательно и къ большей отвѣтственности, которые чувствуютъ себя хозяевами ротъ; или же тотъ, въ которомъ ротные командиры въ строю привыкли смотрѣть на себя только какъ на передаточную инстанцію для командъ, соотвѣтсвующихъ извѣстнымъ командамъ баталіоннаго командира? Кажется и сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, который изъ этихъ двухъ баталіоновъ легче привести въ порядокъ. Помощникъ самостоятельный надежнѣе несамостоятельнаго. А вы безъ труда согласитесь конечно, что если роты въ порядкѣ, баталіонъ не можетъ быть въ безпорядкѣ; если, наоборотъ, роты въ безпорядкѣ, то, что бы ни дѣлали, вы баталіона въ порядокъ не приведете. Изъ этого выводится одинъ изъ основныхъ принциповъ не только поддержанія порядка въ бою, но даже

ученія массъ въ мирное время: такъ какъ возстановленіе ядка въ бою сопряжено съ страшными затрудненіями, ѣмъ въ меньшихъ единицахъ начать его возстановлять, ъ дѣло пойдетъ легче, быстрѣе, лучше. Г. критикъ пой- изъ этого, конечно, что условіе возстановленія порядка въ ой инстанціи требуетъ энергической дѣятельности не бата- наго командира, не однихъ ротныхъ командировъ, а гораздо вде еще дѣятельности начальниковъ полувзводовъ, де- овъ и даже звеньевъ. Понимается само собою, что если ый десяточный приведетъ въ чувство одного-другаго шальнаго своего десятка и тѣмъ сплотитъ этотъ послѣдній, приведеніе орядокъ полувзводовъ становится дѣломъ нетруднымъ; а за- приведеніе въ порядокъ ротъ и баталіона становится дѣломъ нетруднымъ. Къ чему же мы пришли въ концѣ концовъ? возстановленію значенія и въ строѣ того подраздѣ- ія, которое принято для быта внутренняго! Вотъ на держится порядокъ въ бою болѣе, чѣмъ на сколачиваніи , какъ механическихъ атомовъ, въ одну массу, посредствомъ ченія ихъ къ занятію однѣхъ и тѣхъ же мѣстъ. До чего же договорились? Договорились до того, чтобы въ части былъ жде всего крѣпокъ внутренній порядокъ; при этомъ ви никакое нарушеніе внѣшней механической стройности не ведетъ части въ безпорядокъ: она можетъ столпиться въ кучу, не потеряетъ способности исполнять возлагаемыя на назначенія. Вотъ тотъ идеальный порядокъ, котораго ничто рвать не можетъ и который идетъ, конечно, изъ головы и да (какъ вамъ ни странно кажется это выраженіе), а не изъ тва локтя и не изъ равненія въ затылокъ. Замѣтьте, я не ргаю стройности движенія; я говорю только: ищите прежде го внутренняго порядка, остальное приложится: будетъ и локъ, и чувство локтя, и ровный шагъ, и равненіе, въ ка- ъ бы порядкѣ роты ни пришлись. Если же, наоборотъ, аться за всѣми этими относительно важными вещами, то, по- уй, равненіе получите, а внутренній порядокъ упустите; а безъ одна привычка къ механической стройности немного помо- ь въ дѣлѣ.

Можетъ быть, вы скажете, что я преувеличиваю вредное ніе увлеченія механическимъ порядкомъ на порядокъ внутрен- искренно говорю вамъ, счастливъ былъ бы, если бы это о такъ.... На бѣду, для подтвержденія сказаннаго, обладаю ѣе излишествомъ, чѣмъ недостаткомъ практическихъ подтверж- ній. Что говорили тактики той школы, къ которой принад-

лежите, судя по возраженіямъ, и вы? Говорили, что строй
и механическій порядокъ есть та могущественная
жина, съ потерею которой баталіонъ обращается въ т
надъ которою голосъ и авторитетъ начальника безси
Теперь скажите, положа руку на сердце: неужели можно н
прочнымъ тотъ порядокъ, подъ впечатлѣніемъ котораго прих
къ такимъ выводамъ и относительно какого же положенія?
сительно положенія въ бою, гдѣ, какъ и сами вы признаете
порядокъ составляетъ почти неизбѣжное явленіе.....

Если безпорядокъ въ бою неизбѣженъ, то не раціональн
въ мирное время воспитывать войска такъ, чтобы, не за
внѣшняго порядка, не увлекаться имъ однако до того, что
потерею его часть обращалась «въ толпу, надъ которой» и
Однимъ словомъ, вести войска такъ, чтобы даже и прив
ная въ безпорядокъ часть не теряла возможности и
нять возлагаемыя на нее назначенія?

Еще примѣръ: расположеніе унтеръ-офицеровъ такимъ
зомъ, чтобы они приходились каждый за своимъ десяткомъ
полузводомъ *), не принято, сколько мнѣ извѣстно, ни въ
изъ армій. Отчего не принято? отвѣтъ простъ: изъ-за собл
ранжира. Вотъ вамъ еще доказательство того, какъ стремле
идеалу внѣшняго порядка убиваетъ порядокъ внутренній. Бе
былъ правъ, совѣтуя офицерамъ не очень рисковать собою
зналъ вѣроятно, что того внутренняго порядка, при которомъ
остается страшною непріятелю, даже потерявъ весь начальн
ный кадръ, не было въ частяхъ его арміи. Онъ также былъ
депъ вѣроятно, что часть, потерявшая механическій поря
обращается въ толпу, надъ которою голосъ начальника безсил

Но когда возможенъ здоровый, сильный внутренній поря
Тогда, когда каждый изъ начальственнаго кадра знаетъ свои
и обязанности, когда ему предоставлена соотвѣтствующа
сферѣ доля самостоятельности и сопряженной съ нею отвѣт
ности; однимъ словомъ, когда въ войскахъ знаютъ и строг
полняютъ уставъ о службѣ внутренней. Вотъ альфа и
всему въ организаціи воинской; вотъ единственный источн
дисциплины, и сознанія долга; вотъ фундаментъ, на кот
должно строить воинскую организацію и безъ котораго не с
отъ безпорядка въ бою ни стройность, ни сомкнутость, ни
неніе....

---

*) Или около своего, т. е., на флангѣ.

Можетъ быть, вы замѣтите, отчего же я этого прежде не сказалъ? Да развѣ я смѣлъ подумать, обращаясь къ военной публикѣ, что долженъ начинать съ азбуки дѣла, составляющаго спеціальность этой публики? Въ «Курсѣ» же это въ своемъ мѣстѣ оговорено.

И до какой степени это важно, до какой степени высказанный принципъ проникаетъ весь военный бытъ,—показываетъ мирное положеніе. Приглядитесь къ тому, какъ учитъ свой баталіонъ дѣльный баталіонный командиръ, чтобы довести его до совершенства. Вы думаете, старается сдѣлать по возможности больше баталіонныхъ ученій? Ничуть не бывало: предоставляетъ полную свободу и возможно-большее время занятіямъ ротныхъ командировъ *)! Почему? Да опять потому же: если роты выучены, баталіонъ свести—ничего не стоитъ; если же не выучены, то вдвое пробьетесь и все-таки немного сдѣлаете. Загляните къ дѣльному ротному командиру—та же исторія: никогда не увидите безконечныхъ шеренгъ; работа идетъ по десяткамъ. Обученіе есть то же самое приведеніе въ извѣстный порядокъ.

Предлагая независимость расположенія ротъ отъ порядка нумеровъ, я имѣлъ въ виду ничего болѣе, какъ поставить ротнаго командира въ самостоятельное положеніе осязательнымъ образомъ, не имѣя въ то же время и въ мысли ограничивать этимъ объемъ подчиненія его баталіонному командиру. Создать однимъ словомъ то положеніе ротному командиру, которымъ онъ пользуется внѣ строя и пользуется для успѣха дѣла, а не въ ущербъ ему

Послѣ всего этого вы согласитесь, вѣроятно, что я былъ не совсѣмъ не правъ, предостерегая отъ увлеченія стройностію движенія, и при этомъ я и въ мысли не имѣлъ «послабленія регулярности». Не стройность страшна, не стройность вредна: вредно доведеніе ея до той степени совершенства, на которой она подрываетъ внутренній порядокъ. Если вопросъ становится такимъ образомъ, что нужно пожертвовать чѣмъ-нибудь однимъ: или излишнимъ совершенствомъ механичеекой стройности въ пользу внутренняго порядка, или же, наоборотъ — то кажется въ выборѣ нельзя сомнѣваться. Мы уже отказались отъ шага съ носка, отъ носки ружья въ лѣвой рукѣ: потерялась ли отъ этого стройность? Нѣтъ. А выиграли ли войска? Да. Сомнѣвающимся въ этомъ пред-

*) Разумѣется, контролируя и поправляя, но не вмѣшиваясь и кстати и не кстати.

лагаю мысленно сравнить натянутую фигуру солдата прежнихъ годовъ съ фигурою теперешняго. Сравнить также отвѣты того и другаго. Не потеряется также дѣльная стройность и отъ того, если роты не всегда будутъ стоять въ одномъ и томъ же порядкѣ одна относительно другой, если десяточные и полувзводные будутъ размѣщены при тѣхъ людяхъ, которые ихъ знаютъ и которыхъ они знаютъ, хотя бы это было и не совсѣмъ по ранжиру, если наконецъ согласиться на выведенный выше допускъ въ равненіи частей, составляющихъ одну линію. Вмѣстѣ съ принятіемъ независимости ротъ отъ порядка нумеровъ, пріобрѣтется новая громадная выгода: совершенно ровный по росту составъ ротъ, ибо не будетъ болѣе причины высокорослыхъ собирать преимущественно въ крайнихъ, а малорослыхъ въ среднихъ ротахъ.

Всѣ предложенія, высказанныя въ моихъ статьяхъ, ведутъ не къ ломкѣ, а къ упрощенію устава; придется больше отмѣнять, чѣмъ перемѣнять—что далеко не одно и то же; въ результатѣ получится, слѣдовательно, гораздо больше упрощенія, чѣмъ переучиванія—что опять не одно и то же. Все будетъ основано на ротномъ ученіи, вслѣдствіе чего облегчится сводка баталіона и и уставъ баталіоннаго ученія сократится въ нѣсколько страницъ. Въ результатѣ получится, слѣдовательно, громадное облегченіе, особенно предполагая въ частяхъ большое число молодыхъ солдатъ.

Приступъ г. критика къ разбору сказаннаго мною о боевыхъ порядкахъ опять дѣлаетъ необходимою пространную выписку изъ его статьи:

„Затѣмъ авторъ—говоритъ г. N.—переходитъ къ боевымъ порядкамъ. Онъ возстаетъ, съ привычной рѣзкостью, противъ назначенія начальниковъ линій, требуетъ связи баталіоновъ не по линіямъ (по линіи?) фронта, а по перпендикулярному къ ней направленію и пр. Все это вѣрно и было бы весьма назидательно, если бы устранить крайности въ родѣ клейменія отсталостію памяти Фридриха-Великаго, или вводить какую-то новую (!) науку: „перпендикулярную тактику“ въ противуположность какой-то „линейной“. (!) Къ чему эта новая терминологія? А между тѣмъ это высказано военнымъ писателемъ, пользующимся уваженіемъ; вѣдь это идетъ на всю широкую Русь вѣдь примутъ на вѣру, что дѣйствительно есть какія-то новыя тактики по начертанію разныхъ линій“.

Въ этомъ странномъ упрекѣ, съ которымъ г. критикъ соблаговолилъ ко мнѣ обратиться, приводятъ меня въ недоумѣніе три вещи: во-первыхъ, какимъ образомъ вѣрная мысль можетъ потерять назидательность отъ того, если она рѣзко высказана? во-вторыхъ, гдѣ онъ нашелъ клейменіе отсталостью «памяти» Фридриха. Человѣкъ умершій не можетъ, какъ извѣстно, ни отставать, ни забѣгать впередъ, а память о немъ и тѣмъ болѣе. Для своей эпохи Фридрихъ, напротивъ, былъ передовой человѣкъ; я это высказалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и преклоняюсь передъ его ге-

іяльностью; но вѣдь въ его эпоху не было ни штуцеровъ, ни ряжанія съ казны, ни нарѣзныхъ пушекъ, ни національныхъ рмій *) ни разсыпнаго строя, ни перерывчатаго боеваго порядка: лѣдовательно, формальная сторона его системы, хорошая для того ремени, является отсталою въ наше время. Вотъ все, что я говорилъ и буду говорить; слѣдовательно, память Фридриха-Великаго утъ ни при чемъ. Положимъ, что въ наше время явился бы оригиналъ, который вздумалъ бы отвергать разсыпной строй на томъ основаніи, что Фридрихъ не допускалъ его: такого господина можно было бы по всей справедливости признать отсталымъ безъ малѣйшаго ущерба памяти Фридриха. Въ-третьихъ.... въ-третьихъ, какъ бы это выразить? Термины: «перпендикулярная», «линейная» тактика не мои, а приняты еще съ конца прошлаго столѣтія всею европейскою военною литературою и на нихъ неминуемо почти наталкиваешься, какъ только рѣчь зайдетъ о переходѣ отъ Фридриха къ Наполеону.... Я не смѣю сомнѣваться въ близкомъ знакомствѣ критика съ выдающимися произведеніями военной литературы: вѣроятно онъ и встрѣчалъ эти термины, но какъ-нибудь пропустилъ ихъ безъ вниманія и вслѣдствіе этого приписалъ ихъ мнѣ. критику кажется весьма простымъ, что теперь связь въ боевомъ порядкѣ должна быть установляема не по линіи, а по перпендикулярному къ ней направленію; до такой степени простымъ, то это не можетъ служить основаніемъ новой тактикѣ: жаль, что 1796 по 1806 годъ включительно не догадывались объ этой простой вещи всѣ тѣ, которые попадались подъ удары Наполеона; то, несмотря на простоту установленія связи по направленію, перпендикулярному къ фронту, всѣ европейскія арміи и по настоящее время еще не вполнѣ отдѣлались отъ строгаго равненія по линіямъ и отъ назначенія начальниковъ линій, т. е. отъ пріемовъ линейной тактики; что, наконецъ, самъ критикъ возстаетъ противъ послѣдствій принятія этой связи при расположеніи и движеніи войскъ. Принявъ это въ разсчетъ, нетрудно понять, что кажущееся критику простымъ вовсе не такъ просто.

Далѣе г. критикъ замѣчаетъ, что вовсе не духъ линейной тактики повелъ къ созданію такъ называемыхъ нормальныхъ порядковъ, «а они создались сами собою». Мы будемъ принимать послѣднее выраженіе г. критика за оговорку, ибо ничто не можетъ возникнуть само собою, т. е. безъ причины. Онъ далѣе дѣйствительно и даетъ эту причину, несмотря на то, что нор-

*) Кромѣ нашей; за то она и дала себя знать вербованцамъ.

мальные порядки возникли сами собою, и причина его т
рода, что показываетъ, ясно какъ день, корень нашихъ
мальныхъ порядковъ именно въ линейной тактикѣ.

„Сначала полагали, что, вдумавшись во всѣ случаи, въ которые дивиз
жетъ быть поставлена въ бою (говоритъ г. критикъ), возможно сгруппи
ихъ въ нѣсколько однородныхъ или между собою сходныхъ категорій,
этомъ основаніи начертаны были прежніе четыре боевые порядка".

То-есть, другими словами: возникло стремленіе подчинить
нымъ нормамъ расположеніе дивизіи для боя. Откуда же возн
это стремленіе? Возникло изъ того, что люди, которымъ пр
мысль нормальныхъ порядковъ, были воспитаны на линей
тактикѣ, въ которой боевой порядокъ былъ подчиненъ
мымъ точнымъ уставнымъ нормамъ, ибо въ немъ такт
скую единицу составлялъ не баталіонъ, какъ тепер
цѣлая линія. Начертавшіе нормальные порядки и взяли и
ность наполеоновскихъ боевыхъ порядковъ, т. е. интервальны
ніи съ резервомъ, а душу оставили прежнюю, т. е. уста
опредѣлительность и строгое равненіе по линіямъ. Предста
г. критику судить послѣ этого, возникли ли нормальные пор
сами по себѣ, или они составляютъ прямое произведеніе дух
нейной тактики....

Далѣе, разсказывая печальную судьбу, постигшую норма
порядки, несмотря на то, что они были начертаны съ доб
намѣреніемъ, г. авторъ силится вывести единственный остав
нормальный боевой порядокъ только какъ видоизмѣненіе резер
На это долженъ сказать, что нынѣшній нормальный боевой
докъ вовсе не удовлетворяетъ назначенію резервнаго п
какомъ случаѣ уже и потому, что разбрасывается на
комъ большое разстояніе; не удовлетворяетъ также и назна
подготовительнаго боеваго, по причинамъ, указаннымъ въ п
идущей статьѣ и подробно развитымъ въ статьѣ «объ
шеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ». Впрочемъ, если
мало, повторю эти резоны вкратцѣ еще разъ: боевой поряд
есть не расположеніе войскъ только, независимо отъ обста
но расположеніе ихъ при полномъ ея принятіи въ разсчетъ
становка слагается: изъ мѣстности, случайностей, возникаю
въ данную минуту и вмѣстѣ съ нею исчезающихъ; силы, со
и свойствъ нашихъ и непріятельскихъ войскъ, свойствъ лицъ
командующихъ, намѣреній нашихъ и непріятельскихъ. Такъ

*) Какой бы то ни было, т. е., возьмемъ ли его передъ боемъ, или въ
изъ слѣдующихъ моментовъ.

га обстановка безконечно видоизмѣнима, то и боевой порядокъ
жень быть безконечно видоизмѣнимъ. Слѣдовательно, пріучать
йска къ одному какому-либо его виду не только безполезно, но
едно, ибо это пріучаетъ къ одной только формѣ въ томъ дѣлѣ,
ъ которомъ ихъ безчисленное множество, и отучаетъ въ то же
емя отъ принятія въ разсчетъ обстановки. Напрасно г. критикъ
тируетъ мое выраженіе: «самая упругая форма»; по своему
ычаю, онъ опускаетъ конецъ фразы: «разсматривая ее помимо об-
ановки», что совершенно измѣняетъ смыслъ перваго предложе-
я; напрасно также ссылается и на Напалеона: у него не было
едпочтительной формы, а всякая форма была хороша на своемъ
стѣ и въ свое время, начиная отъ аркольскихъ глубокихъ ко-
нъ и кончая одною растянутой линіей (безъ всякаго резер-
) Ланна подъ Фридландомъ.

Ссылка на Рюстова ничего не доказываетъ, ибо онъ не боевой
торитетъ. Въ этомъ отношеніи, указанія исторіи и французскій
тавъ о полевой службѣ въ военное время заслуживаетъ боль-
аго вниманія *). Въ немъ положительно отвергается возможность
кихъ-либо опредѣленныхъ правилъ для построенія войскъ въ
евой порядокъ.

Г. критикъ объясняетъ себѣ случай, въ которомъ дивизія въ
зервномъ порядкѣ попала подъ огонь, тѣмъ, будто бы началь-
къ дивизіи не хотѣлъ дѣлать лишнихъ передвиженій до выяс-
нія обстоятельствъ: это не вѣрно, ибо помянутая дивизія стояла
резервѣ, и ея начальнику было совершенно ясно то обстоятель-
во, что ее начали разстрѣливать. Слѣдовательно, если онъ остал-
въ резервномъ порядкѣ, то не во ожиданіи разъясненія об-
оятельствъ, а въ силу привычки думать, что въ резервѣ онъ не
ѣетъ стать иначе какъ въ порядкѣ, предписываемомъ для того
тавомъ.

Г. критику кажется непрактичнымъ пріученіе кавалеріи къ
юру изъ разсыпной атаки впереди, а не на самой линіи или
нею. Зейдлицъ училъ такъ. Можетъ быть, г. критикъ и правъ;
въ кавалерійскихъ вопросахъ я предпочитаю лучше ошибаться
Зейдлицемъ, чѣмъ быть правымъ съ нимъ.

---

*) Ordonnance sur le service des armées en campagne, re XIII: „On ne peut guère fixer des règles précises sur la manière de dispo- r ses forces. Cette disposition varie en raison du nombre et de l'espèce des ces opposées, de leur état moral au moment où l'on se trouve, de la nature la guerre, de celle du terrain, de la capacité des chefs et enfin de l'objet qu'on propose". Уставъ этотъ относится къ тому времени, когда были еще на сценѣ ятели эпохи Наполеона I, и составленъ подъ вліяніемъ Сенъ Сира—человѣка, наково сильнаго и въ теоріи, и въ практикѣ военнаго дѣла.

Въ концѣ статьи г. критикъ посвящаетъ нѣсколько словъ разбору моего изложенія системы воспитанія и образованія войск. Находитъ онъ въ этомъ изложеніи много пробѣловъ:

1) Ничего не сказано объ аванпостной службѣ. По моему убѣжденію, единственная подготовка въ мирное время, дающая основы къ хорошему отправленію сторожевой службы—есть служба гарнизонная. Это и высказано въ курсѣ на своемъ мѣстѣ.

2) Ничего не говорится о поддержаніи и развитіи въ нижнихъ чинахъ теплой религіозности. Каждому православному извѣстно, что по уставамъ нашего вѣроисповѣданія свѣтскія лица не имѣютъ права вдаваться въ разсужденія о догматахъ религіи, тѣмъ менѣе о духѣ и объемѣ преподанія ихъ вѣрующимъ. Это дѣло духовныхъ лицъ, единственныхъ руководителей душъ нашихъ, получающихъ чрезъ рукоположеніе высокое право и обязанность наставлять вѣрующихъ въ истинахъ религіи. Не говорю уже о неприличіи сопоставленія вопроса о томъ, какъ нужно учить солдатъ закону Божію съ вопросами о лучшемъ приученіи ихъ къ работѣ штыкомъ, къ мѣткой стрѣльбѣ и пр. Не говорю также о страшномъ затрудненіи, съ которымъ было бы сопряжено введеніе у насъ основъ религіознаго обученія въ тактику: въ нашей арміи есть не одни православные.

Итакъ изъ многихъ, обѣщанныхъ критикомъ, пробѣловъ вышло только два. Впрочемъ искренно буду благодарить г. критика, если онъ не оставитъ меня и на будущее время указаніями тѣхъ пропусковъ, которые найдетъ въ «курсѣ»: чѣмъ лучше онъ будетъ выработанъ, тѣмъ болѣе принесетъ пользы.

Поговоривъ затѣмъ еще разъ о командахъ и приказаніяхъ и опять въ томъ смыслѣ, будто я совершенно отвергаю первыя, г. критикъ заключаетъ такъ:

„Приступая къ настоящему разбору, я назвалъ рядъ этихъ статей ученіемъ, и дѣйствительно уже встрѣчаются въ военномъ сословіи ученики, съ крайнею самонадѣянностью отрицающіе всѣ выводы многолѣтнихъ трудовъ, всѣ изысканія, всѣ завѣтныя преданія военной исторіи—что всего хуже—не дающіе взамѣнъ ничего... способнаго поддержать ту обаятельную прелесть военнаго быта, которая вездѣ составляла единственное воздаяніе военному сословію".

Вѣроятно, г. критикъ, не взвѣсилъ всей тяжести обвиненія, заключающагося въ этихъ строкахъ; разсердившись, не знаю за что, на мои статьи, онъ расположенъ искать въ нихъ корня всѣхъ золъ, которыя, можетъ быть, кажутся только его разстроенному воображенію, а на самомъ дѣлѣ и не существуютъ, или же если и существуютъ, то отъ другихъ причинъ, а не отъ моихъ статей. Не понимаю одного: какимъ образомъ я могъ содѣйствовать отрицанію завѣтныхъ преданій военной исторіи? Не благоговѣніемъ ли

орымъ всегда говорю, и пишу о Суворовѣ? Какимъ обра-
і могу быть виновать въ подрывѣ «обаятельной прелести
ого быта»? Вѣдь я о бытѣ собственно не написалъ ни сло-
о, сколько помню, ни разу не выходилъ за предѣлы воп-
» воспитаніи и образованіи войскъ. И вслѣдъ за подобнымъ
ніемъ, почтенный авторъ счелъ умѣстнымъ закончить свое
веденіе одобрительнымъ отзывомъ о моихъ статьяхъ, какъ
ющихъ отъ усыпленія, и совѣтомъ воздерживаться отъ
тей—изъ чувства самоуваженія! «Рыцари дрались на смерть,
ыя обоюдное уваженіе», прибавляетъ онъ, явивъ самъ при-
такой «рыцарской» полемики....

Отдѣлъ XIII французскаго устава о полевой службѣ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Недавнія событія вызвали и во Франціи вопросъ о томъ какія измѣненія должны произойти въ образѣ дѣйствій, въ зависимости отъ современнаго состоянія метательнаго оружія?

Разрѣшеніе этого вопроса появилось въ формѣ «замѣчаній на отдѣлъ XIII полевой службы», съ которыми не безъинтересно ознакомиться. Но для того чтобы эти замѣчанія получили надлежащій смыслъ, мы сочли за лучшее предпослать имъ самый отдѣлъ XIII.

КРАТКАЯ ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ БОЯ.

Общія соображенія.

134. Невозможно дать точныхъ правилъ расположенія войскъ для боя. Это расположеніе разнообразится въ зависимости отъ числа и рода силъ противниковъ, отъ ихъ нравственнаго настроенія въ данную минуту, отъ рода войскъ, отъ свойствъ мѣстности, способностей начальниковъ, наконецъ, отъ предположенной цѣли. Слѣдуетъ ограничиться поэтому нѣкоторыми только основаніями.

Авангардъ, сбивъ аванпосты противника, если не могъ ихъ отхватить или отрѣзать (на что долженъ всегда попытаться), занимаетъ, подвигаясь, всѣ пункты, которые могутъ прикрыть или облегчить движеніе войскъ, отъ которыхъ онъ высланъ, равно какъ и такіе пункты, занятіе которыхъ было бы важно ему самому на случай отступленія, какъ: мосты, дефиле, рощи, высоты. Достигнувъ этой цѣли, авангардъ пробуетъ, нѣсколькими атаками, не увязываясь въ серьезный бой, занять непріятеля, ввести его въ заблужденіе относительно направленія марша и намѣреній отряда, который онъ прикрываетъ.

Если непріятель прикрытъ передовыми отрядами, начальникъ
вангарда посылаетъ вправо и влѣво, для обрекогносцированія
зиціи и движеній противника, разъѣзды, подъ начальствомъ тол-
ковыхъ офицеровъ. Если это средство не удалось, начальникъ
вангарда пускаетъ все въ дѣло, чтобы раскрыть противника, не
изываясь въ бой, по крайней мѣрѣ, серьезно: онъ употребляетъ
искусствомъ демонстраціи, особенно угрозу отрѣзать передовые
ряды отъ главныхъ силъ; прибѣгаетъ къ ложнымъ атакамъ, къ
арамъ порывистымъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, примѣ-
я, смотря по мѣстности, уступной порядокъ; наконецъ, вдается
дѣйствительный бой, если видитъ невозможность добиться иначе
азанной цѣли *), которую вообще авангардъ долженъ имѣть въ
ду.

Войска, которыя авангардъ можетъ оставлять иногда въ тылу
важныхъ пунктахъ, присоединяются къ нему по мѣрѣ прихода
да другихъ войскъ. Если войска становятся на позицію, а аван-
рдъ долженъ остаться отдѣленнымъ отъ главныхъ силъ высотами
дефилеями, которыя необходимо занять для поддержанія связи
авангардомъ, то эти пункты занимаютъ отъ главныхъ силъ.

Если сблизились съ противникомъ и намѣрены его атаковать,
ачала строютъ нѣсколько линій, если число войскъ то позво-
етъ; но если можно построить только двѣ линіи, въ такомъ слу-
ѣ ставятъ по нѣскольку батальоновъ за флангами второй. Ли-
и могутъ состоять, смотря по мѣстности или предположеннымъ
акамъ, изъ войскъ въ колоннахъ или въ развернутомъ строѣ.
вангардъ можетъ быть присоединенъ къ другимъ войскамъ; онъ
жетъ быть также расположенъ или на флангахъ, или въ пози-
и, равно способной для содѣйствія преслѣдованію и для при-
ытія пути отступленія.

Резервъ располагается сзади, но особенно въ центрѣ или по
изости пункта, на которомъ предполагается главнѣйшее усиліе,
я атаки ли, или для обороны; онъ составляется, при возможно-
и, изъ пѣхоты и кавалеріи; его цѣль: довершить пораженіе про-
вника или облегчить отступленіе. Резервъ долженъ быть состав-
ленъ изъ лучшихъ войскъ, подъ предводительствомъ способнаго и
ажнаго человѣка: быстрота рѣшимости и энергія въ исполне-
и — два качества, необходимыя всякому командиру резерва.

Кавалерія должна быть распредѣлена эшелонами на флангахъ
и въ центрѣ, если тамъ мѣстность позволяетъ ей маневрировать

*) Т. е. раскрыть силы противника.

и атаковать. Такъ какъ назначеніе ея—атаки и демонстраціи, необходимо ее и ставить въ возможность угрожать или дѣйст вать: сила ея въ энергіи, порядкѣ и быстротѣ. Кавалеріи долж назначать ударъ на одно изъ крыльевъ, даже охватъ противн при содѣйствіи войскъ, для этого назначенныхъ; и чтобъ кава рія не теряла силы, даваемой сомкнутостью, она должна пере дить въ галопъ не иначе какъ сблизившись съ войсками, котор намѣрена атаковать, никогда не ожидать атаки на мѣстѣ, упреждать атаку противника, или, въ случаѣ его превосходст отступать маневрируя. Наконецъ, дабы обезпечить себѣ возм ность преслѣдованія и принять мѣры противъ неудачи или противъ атаки резервовъ, кавалерія не должна употреблять свои силы вдругъ, а оставлять треть *) въ колоннахъ по-эшело уступами за однимъ изъ фланговъ: это расположеніе предпоч тельнѣе расположенія въ двѣ линіи, хотя бы онѣ были и на тервалахъ.

Артиллерія при атакѣ употребляется на то, чтобы застав молчать непріятельскія батареи. При оборонѣ, она обращаетъ и имущественно свой огонь на идущія впередъ войска. Въ обо случаяхъ соединяютъ возможно болѣе артиллеріи на главн пунктахъ, такъ какъ огонь ея тѣмъ страшнѣе, чѣмъ онъ сосре точеннѣе.

Въ бою, какъ и при маневрахъ, должно всегда старат имѣть починъ дѣйствія, ставя непріятеля въ оборонительное по женіе; но чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, нужно превосхо противника числомъ или качествомъ войскъ и дѣйствовать мѣстности удободоступной и благопріятствующей атакѣ. Если ставлены въ необходимость обороняться, нужно, чтобы не по рять выгодъ своей позиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать нравст ный перевѣсъ, обезпечиваемый наступленіемъ, располагаться зади мѣста, на которомъ предполагаютъ драться, и наступать редъ въ минуту, когда рѣшено дать отпоръ непріятелю.

Такъ какъ на позиціи всегда есть важный и рѣшитель пунктъ, то нужно все расположить такимъ образомъ, чтобы ковать этотъ пунктъ превосходными силами; чего можно дос нуть: 1) скрывъ свои приготовленія фальшивыми атаками и по зывая противъ пунктовъ, которыхъ не хотятъ атаковать, коло

---

*) Отчего именно треть? Замѣчательна особенность большинства француз военныхъ писателей: никакъ не могутъ до конца послѣдовательно провести чала, ими же поставленнаго. Сличить начало главы съ этою третью и съ у ніемъ формы боевыхъ расположеній.

акъ, чтобы потомъ онѣ могли быстро направиться къ дѣйствительно избранному для атаки пункту; 2) сосредоточивая съ тою же цѣлью войска скрыто отъ непріятеля *); однимъ словомъ, потребляя всѣ средства къ тому, чтобы удерживать возможно-ольшія силы противника возможно-меньшими на тѣхъ пунктахъ, гдѣ не имѣемъ намѣренія атаковать дѣйствительно.

Оборона, какъ и атака, имѣетъ свой главный пунктъ. Все залючается въ томъ, чтобы его знать; это ключъ позиціи; это пунктъ, а которомъ непріятель долженъ сдѣлать наибольшее усиліе; на емъ-то (т. е. на пунктѣ) нужно его ждать и сосредоточить свои илы; именно на немъ атака и опасна.

Независимо отъ распоряженій, соотвѣтствующихъ вѣроятнымъ амѣреніямъ противника, нужно упереть фланги, а за недостатомъ точекъ опоры на мѣстности, обезпечивать ихъ отрядами, асполагая эти послѣдніе уступомъ относительно открытаго фланга; но необходимо переходить въ наступленіе, какъ только удастся гразить противника. Это лучшее средство сбить его съ толку, однять духъ собственныхъ войскъ и часто рѣшить бой въ свою ользу.

Переходя въ наступленіе, должно стараться быстро направлять бщую**) сомкнутую колонну на одно изъ крыльевъ или во флангъ епріятелю. Эту колонну развертываютъ, и каждый баталіонъ, акъ только выстроится, идетъ впередъ. Такимъ образомъ быстро гакуютъ въ уступномъ порядкѣ, чтобы не дать времени противнику перемѣнить фронтъ или придвинуть резервы.

Во всѣхъ распоряженіяхъ, особенно въ принимаемыхъ для гаки, должно принять за основаніе обнаруживать по возможости позже свои намѣренія и приводить ихъ въ исполеніе съ наибольшей быстротой. Поэтому, выгодно предпотать ночь для направленія войскъ во флангъ или въ тылъ неріятелю. Иначе придется маскировать маршъ, направляя его кружнымъ путемъ.

Такъ какъ весьма важно, рѣшаясь на атаку, имѣть обезеченными свои сообщенія и путь отступленія, то главнокомангующій заблаговременно предписываетъ мѣры на случай неудачи; нъ указываетъ генераламъ и начальникамъ частей что дѣлать въ редположеніи различныхъ вѣроятныхъ случайностей, равно и позиціи, которыя они должны бы были послѣдовательно занимать.

*) При помощи мѣстности или другихъ войскъ, расположенныхъ въ боевой ніи.

**) Т. е. изъ нѣсколькихъ баталіоновъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя начальникъ и долженъ развить, на сколько возможно, вѣроятный ходъ боя, генералы, ему подчиненные, могутъ *), если обстоятельства принудятъ ихъ къ этому, принимать и другія мѣры (а не тѣ, которыя онъ предвидѣлъ), но постоянно оставаясь послѣдовательными общему плану, начертанному для всей арміи или для дивизіи.

Крылья и центръ арміи, дивизіи и бригады должны выручать другъ друга. Генералъ, который, увлекаясь успѣхомъ на одномъ пунктѣ, вмѣсто того, чтобы помѣшать успѣху непріятеля на другомъ пунктѣ или надъ другою частью, которую могъ бы выручить, вмѣсто похвалы заслужилъ бы строгое осужденіе.

Въ случаѣ успѣха, одни легкія войска должны преслѣдовать непріятеля немедленно и быстро.

Другія начинаютъ движеніе, только возстановивъ порядокъ въ своихъ колоннахъ; они подвигаются отъ позиціи къ позиціи, сохраняя всегда возможность отразить атаку или поддержать части, занятыя боемъ.

На сколько возможно, главнокомандующій, начальники крыльевъ, центра, резерва и дивизій указываютъ передъ атакой мѣсто, на которомъ будутъ находиться, для полученія донесеній. Перемѣняя мѣсто, они должны всегда объ этомъ предупредить и оставляютъ офицера на прежнемъ мѣстѣ для указанія направленія, въ которомъ искать ихъ.

Обязанности офицеровъ и унтеръ-офицеровъ во время дѣла.

135. Во время дѣла, офицеры и унтеръ-офицеры должны удерживать солдатъ въ рядахъ всѣми средствами и, въ случаѣ надобности, добиваться повиновенія во что бы то ни стало. Они не должны допускать, чтобы люди оставляли ряды для обиранія убитыхъ, переносили раненыхъ иначе, какъ съ разрѣшенія, которое можетъ быть дано только по окончаніи дѣла. Первая цѣль, какъ и первѣйшій долгъ,—упрочить побѣду, ибо она одна можетъ обезпечить раненымъ необходимыя заботы.

Офицеры должны внушать солдатамъ, что великодушіе возвышаетъ храбрость. И потому плѣнныхъ отнюдь не грабить и съ каждымъ изъ нихъ обращаться съ уваженіемъ, должнымъ его чину.

Обязанности интендантовъ и подъинтендантовъ.

136. Интенданты и подъинтенданты отвѣтствуютъ за все относящееся до медицинской части; на нихъ возлагается подготов-

*) Должны. Пр. перев.

леніе средствъ для помощи и переноски раненыхъ. Они обязаны заниматься этимъ важнымъ дѣломъ до и во время дѣла и доносятъ о своихъ распоряженіяхъ генераламъ. Генералы и начальники штабовъ поименовываютъ въ своихъ донесеніяхъ чиновниковъ интендантства и медиковъ, отличившихся своею дѣятельностью и ревностью.

Обязанности артиллерійскихъ офицеровъ.

137. Артилерійскіе офицеры дѣлаютъ распоряженія, послѣ дѣла, для подбора оружія, кирасъ и амуниціи, оставшихся на полѣ сраженія.

Донесенія, поименованіе въ приказѣ и реляціи.

Эта статья предписываетъ порядокъ представленій объ отличившихся и составленія реляцій, почему она здѣсь и не приводится.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ОБЩУЮ ИНСТРУКЦІЮ ДЛЯ БОЯ, ДАННУЮ ВЪ ОТДѢЛѢ XIII УСТАВА О ПОЛЕВОЙ СЛУЖБѢ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Предварительныя замѣчанія.

Значительныя усовершенствованія, сдѣланныя въ послѣдніе годы въ системѣ вооруженія, скорости ружейнаго огня, подвижности, дальности, дѣйствительности артиллеріи, должны имѣть сильное вліяніе на военныя операціи и въ особенности на характеръ веденія боя.

По настоящее время нѣтъ достаточно опытовъ, на основаніи которыхъ можно бы было вполнѣ и точно опредѣлить необходимыя измѣненія въ нашихъ уставныхъ положеніяхъ относительно строевъ, маневрированія и образа дѣйствій въ бою.

Тѣмъ не менѣе внимательное изслѣдованіе свойствъ новаго оружія приводитъ къ общимъ указаніямъ, которыя важно теперь же принять въ соображеніе.

Пуля нарѣзнаго, заряжаемаго съ казны, ружья имѣетъ дальность, едва доступную невооруженному глазу. На ровномъ мѣстѣ и при извѣстномъ заранѣе разстояніи, хорошій стрѣлокъ, при помощи прицѣла, можетъ попадать въ отдѣльнаго человѣка на разстояніи 400—600 шаговъ.

Въ цѣли большаго размѣра, какъ взводъ, эскадронъ, батарея, дѣйствительная стрѣльба возможна до 1,400 шаговъ. Скорость стрѣльбы, въ случаѣ надобности, можетъ быть доведена до 5-6

выстрѣловъ въ минуту, безъ особеннаго ущерба мѣткости, если только солдатъ умѣетъ быть хладнокровнымъ и вѣрно оцѣнивать разстоянія.

Дальность и дѣйствительность артиллерійскаго огня также увеличилась. Артиллерія открываетъ огонь съ болѣе дальнихъ дистанцій, имѣетъ болѣе обширный обстрѣлъ, менѣе нуждается въ перемѣнѣ позицій, слѣдовательно, сохраняетъ возможность болѣе точнаго представленія о разстояніяхъ до противника и болѣе нежели прежде бьетъ навѣрняка.

Бо́льшая подвижность артиллеріи позволяетъ ей вездѣ слѣдовать за кавалеріею, содѣйствовать этой послѣдней огнемъ столь же смѣлымъ, сколько и дѣйствительнымъ, и тѣмъ подготовлять ея атаку или поддерживать диверсію противъ непріятельскаго фланга.

Такимъ образомъ, огонь пріобрѣтаетъ теперь преобладающее значеніе на поляхъ сраженій, которое очевидно само по себѣ.

Строи пѣхоты на полѣ сраженія.

Наступающая часть должна принимать такой строй, который, уменьшая потери отъ непріятельскаго огня, въ то же время не затруднялъ бы ея собственнаго, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялъ бы необходимую подвижность для маневрированія, атаки или обороны.

Тяжелыя и глубокія колонны, не будучи способны къ быстрымъ движеніямъ, должны столь же сильно какъ и безполезно терпѣть отъ артиллеріи. Онѣ не увеличиваютъ силы частей, которая сосредоточена только въ головныхъ взводахъ.

Этого строя, давно уже признаннаго неудобнымъ, рѣшительно слѣдуетъ избѣгать, исключая случаевъ безусловной необходимости или расположенія внѣ сферы выстрѣловъ. Изъ всѣхъ строевъ развернутый представляетъ наименьшую цѣль и даетъ наибольшую массу огня.

При оборонѣ позиціи, для уменьшенія потерь отъ огня, продолжительнаго и производимаго съ выгодной дистанціи, особенно на равнинѣ, это строй лучшій. Но на мѣстности воздѣланной или пересѣченной движеніе линіи развернутыхъ баталіоновъ медленно и затруднительно; въ минуту атаки, когда зачастую бываетъ поздно перестраиваться въ колонны къ атакѣ, эта тонкая, колеблющаяся линія, растянутая и часто даже разорванная, не представляетъ ручательства за возможно-большее усиліе и необходимую энергію на рѣшительномъ пунктѣ. Часть не можетъ удержать долгое время развернутаго строя, весьма полезнаго, необходимаго

обстоятельствахъ особенныхъ и скоропреходящихъ, но составляющаго для пѣхоты скорѣе временный, чѣмъ нормальный строй.

Строй въ баталіонныхъ колоннахъ, на полныхъ интервалахъ, мъ привычнѣе. Это расположеніе, освященное успѣхами первой періи и авторитетомъ опытнѣйшихъ генераловъ, удержано въ шихъ уставахъ до послѣдняго времени, подъ названіемъ коонны къ атакѣ. Оно даетъ возможность быстраго развертывая и свертыванія и весьма хорошо соотвѣтствуетъ условіямъ употребленія новаго пѣхотнаго ружья. Въ этомъ порядкѣ баталіоны высшей степени подвижны, удобопримѣнимы къ мѣстности, вно готовы ко всѣмъ случайностямъ наступленія и обороны и ѣдставляютъ головы колоннъ, нравственная энергія которыхъ мъ болѣе возбуждена, чѣмъ лучше онѣ чувствуютъ себя подржанными. Наконѣцъ, представляя удобство управленія, сказанія колонны равно способны и къ маневрированію, и къ тому, обы, быстро развернувшись, пустить въ дѣло весь свой огонь.

Поэтому-то чаще всего баталіоны располагаются въ колоннахъ атакѣ или въ дивизіонныхъ густыхъ или на половинныхъ дианціяхъ.

Стрѣлки.

Съ усовершенствованіемъ вооруженія и обученія стрѣльбѣ, отребленіе стрѣлковъ пріобрѣтаетъ такую важность, что ведетъ увеличенію ихъ числа, на сколько это возможно безъ чрезрнаго ослабленія сомкнутаго состава баталіона.

Баталіону въ 6 ротъ *) трудно выслать въ стрѣлки болѣе ты; но если въ немъ 7 или 8 ротъ, то съ выгодою можно начить и двѣ для стрѣлковой службы.

При двухъ ротахъ въ цѣпи, каждая изъ нихъ, разсыпавъ повзводъ въ стрѣлки, а другой оставивъ въ резервѣ, прикроетъ повину баталіоннаго фронта и соотвѣтствующій полуинтервалъ. акое расположеніе, увеличивая число стрѣлковъ, позволяетъ боье быстрое очищеніе фронта въ томъ случаѣ, если баталіонъ лженъ развернуться для немедленнаго открытія огня.

Не должно забывать, что стрѣлковый огонь дополняетъ съ выдою огонь сомкнутаго строя, употребленіе котораго лучше приречь для рѣшительныхъ минутъ, и съ дистанцій, дѣлающихъ о дѣйствительнымъ. Хорошая цѣпь стрѣлковъ, пріученная къ

*) Французская рота того времени была равна нашей теперешней полуротѣ. Пр. перев.

опредѣленію разстояній, къ спокойной и хладнокровной стрѣльбѣ, всегда будетъ прекраснымъ прикрытіемъ для сомкнутаго строя, на мѣстѣ и въ движеніи.

Цѣлый баталіонъ разсыпать въ стрѣлки опасно, и отъ этого нужно отказаться. Линія стрѣлковъ должна принадлежать части, которую она прикрываетъ, и всякій баталіонъ будетъ высылать свою цѣпь.

Стрѣлковые баталіоны.

Стрѣлки этихъ частей, по ихъ свойствамъ и образованію, должны быть признаны по преимуществу позиціонными (?).

Въ пѣхотной дивизіи стрѣлковой баталіонъ не составляетъ неразрывной принадлежности боевой линіи; за весьма рѣдкими исключеніями, онъ не долженъ быть употребляемъ какъ линейная пѣхота.

Этотъ баталіонъ долженъ оставаться въ распоряженіи начальника дивизіи, который отдѣляетъ отъ него роты для подкрѣпленія линіи стрѣлковъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ, или съ цѣлью прикрытія нашей артиллеріи, или для того, чтобы тревожить непріятельскую.

Можно еще употреблять стрѣлковые баталіоны, какъ легкую пѣхоту, для предупрежденія непріятеля въ занятіи моста, дефиле, для прикрытія отступленія или поддержанія рекогносцировки *).

Движенія и эволюціи въ виду непріятеля

Строевой уставъ 17-го апрѣля 1862 года имѣетъ цѣлью дополнить военное образованіе солдата и дать офицеру, на всѣхъ степеняхъ военной іерархіи, средства удовлетворить всѣмъ (?) тактическимъ требованіямъ войны.

Эволюціи, въ него введенныя, назначены также и для того, чтобы заблаговременно привить войскамъ привычки порядка, согласованія, связи, дисциплины, на которыхъ зиждется ихъ сила на полѣ сраженія, и тѣмъ лучше приготовить ихъ къ войнѣ.

Но во время войны не всѣ эти эволюціи равно примѣнимы; исполненіе ихъ представляетъ измѣненія, которыя вслѣдствіе разницы въ положеніяхъ, почти неизбѣжны и основанія которыхъ полезно изложить.

Въ виду непріятеля употребляютъ только эволюціи простыя,

---

*) Наставленія, которыя ничему не наставляютъ. Пр. перев.

ентарныя, немогущія повести ни къ безпорядку, ни къ не-
данностямъ *). Вообще эти эволюціи ограничиваются нѣ-
ькими частными движеніями **), почти всегда одними и тѣ-
же, которыя вызываются обычными явленіями боя.

Занявъ позицію, часть можетъ идти или впередъ или назадъ,
аво или влѣво, перемѣнить фронтъ частью линіи или всей ли-
, наконецъ, атаковать или обороняться.

Развертыванія и свертыванія, движенія развернутыми линіями
ередъ или назадъ, перемѣны фронта, образованіе уступовъ
ставляютъ, съ расположеніями для атаки или для обороны,
ку сравнительно узкую (!), изъ которой не выходятъ эволюціи,
болѣе употребительныя на войнѣ.

Поэтому, изъ числа эволюцій, предписанныхъ уставомъ 17-го
ября 1862 года, на перечисленныя должно обращать при обу-
ніи особенное вниманіе.

Войско маневрирующее должно всегда быть готово къ отпору
жиданной атаки, и по мѣрѣ возможности исполнять всѣ эво-
ціи по части, ближайшей къ непріятелю, которая должна на-
ть дѣло и прикрывать передвиженіе.

Движенія на полѣ сраженія, исполняемыя въ сферѣ вліянія
ріятеля, требуютъ единства, связи, энергіи, но не могутъ от-
аться точною правильностью мирно-строевыхъ ученій.

Такъ, движеніе впередъ линіи баталіоновъ, развернутыхъ или
колоннахъ, смѣняется иногда движеніемъ назадъ, смотря по
у боя.

Поставленные въ необходимость подчиняться условіямъ мѣстно-
и возникающимъ случайностямъ, баталіоны должны стараться
ранять интервалы и связь съ сосѣдними баталіонами, взаимно
гъ друга поддерживая въ случаѣ надобности, но безъ подчи-
нія своего движенія равненію, котораго не допускаютъ ни раз-
образная мѣстность, ни случайности боя.

Перемѣны фронта въ большей части случаевъ являются не бо-
е какъ слѣдствіемъ того, что который-либо изъ фланговъ выдается
редъ.

Движенія на полѣ сраженія, имѣя въ виду цѣль, поставленную
ліямъ всѣхъ, составляютъ въ сущности не болѣе какъ сово-
ность частныхъ движеній, причемъ самостоятельность баталіона
аетъ, по необходимости, весьма большую роль.

---

*) Слѣдовательно и сами составители „Замѣчаній“ признаютъ, хотя и кос-
но, что остальныя эволюціи могутъ повести къ безпорядку и неожидан-
тямъ. Пр. перев.

**) Т. е. производимыми не по всей линіи.

Генералъ отдаетъ приказанія и управляетъ только общею совокупностью движенія; но въ линіи растянутой, разорванной, часто закрытой, нѣкоторыя части могутъ ускользать отъ вниманія не только генераловъ, но даже и полковыхъ командировъ. Обязанность баталіоннаго командира въ такомъ случаѣ дополнить собственною распорядительностью недостатокъ приказаній, которыхъ онъ не можетъ получить, ни вызвать, прекращая или ускоряя движеніе баталіона, пользуясь благопріятными случайностями и поддерживая сосѣдей или принимая мѣры для встрѣчи кавалерійской атаки.

Густыя *) цѣпи стрѣлковъ предшествуютъ и покровительствуютъ движенію, выдвигаясь такъ далеко, какъ позволяетъ ихъ собственная безопасность и необходимость связи съ сомкнутыми частями, отъ которыхъ онѣ высланы.

Между тѣмъ, какъ лучшіе стрѣлки стрѣляютъ въ офицеровъ, остальные стараются своимъ огнемъ разстроить головы колоннъ, останавливаютъ предпріятія противника въ началѣ, препятствуютъ выѣзду его батарей, никогда слишкомъ не открываясь, что всегда можно сдѣлать, пользуясь мелкими закрытіями, въ которыхъ почти никогда не бываетъ недостатка.

Для полноты образованія, даваемаго войскамъ въ мирное время, полки должны быть упражняемы въ боевыхъ движеніяхъ при военныхъ прогулкахъ или во время нарочно для этого назначаемыхъ ученій.

Повторяя часто самыя употребительныя движенія, должно стараться разъяснить войскамъ механизмъ и духъ этихъ движеній соотвѣтственнымъ примѣненіемъ ихъ къ мѣстности и присовокупленіемъ къ этому, на сколько мѣстность позволитъ, и упражненія въ употребленіи стрѣлковъ.

Объ атакѣ.

Усовершенствованная стрѣльба заставляетъ увеличить дистанціи, даетъ развитіе употребленію стрѣлковъ и дѣлаетъ его болѣе общимъ, заставляетъ чаще прибѣгать къ тонкимъ строямъ, посредствомъ развертываній частныхъ или общихъ; но эта стрѣльба не измѣняетъ ощутительно основнаго начала приготовительныхъ къ бою маневровъ, такъ хорошо указаннаго въ XIII отдѣлѣ нашего устава о полевой службѣ въ военное время.

---

*) Положительно неудобны при наступленіи съ боевой стрѣльбой.
Пр. перев.

Но вотъ соображенія, на которыя необходимо обратить вниманіе нашихъ офицеровъ.

Атаковать на мѣстности открытой пѣхоту непоколебленную съ фронта, особенно если она прикрыта преградами или закрытіями, всегда было опаснымъ дѣломъ. Въ особенности теперь, при новомъ оружіи, преимущество принадлежитъ оборонѣ *).

Часть, долженствующая пройдти 400—600 шаговъ подъ убійственнымъ огнемъ, какъ бы она храбра ни была, подверглась бы уничтоженію прежде достиженія рѣшительнаго пункта атаки или, по крайней мѣрѣ, была бы слишкомъ ослаблена для успѣшной борьбы съ противникомъ, приготовленнымъ ее принять и переходящимъ въ послѣднюю минуту въ наступленіе.

Атака съ фронта, завершаемая штыковой свалкой, отвѣчаетъ былому характеру и храбрости нашего солдата. Продолжая ободрять и поощрять этотъ способъ дѣйствій, не будемъ однако же терять изъ виду, что новѣйшія усовершенствованія огня, при искусномъ употребленіи его противникомъ болѣе спокойнымъ, могли бы обратить въ гибель атаку открытую и неподготовленную огнемъ.

Какъ говоритъ наша инструкція для боя, всякая позиція представляетъ важный и рѣшительный пунктъ, который должно атаковать и взять, чтобы стать господиномъ поля сраженія; но, болѣе чѣмъ когда-либо нужно маневрировать, чтобы этого пункта достигнуть.

Фланги или другія части линіи, занятой непріятелемъ, всегда представляютъ слабые пункты, на которые слѣдуетъ дѣйствовать, дабы взять непріятеля во флангъ или заставить его драться въ условіяхъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ.

Обходныя движенія, атаки, исполняемыя кавалеріею при содѣйствіи артиллеріи, ложныя атаки легкихъ войскъ, соединеніе войскъ на пунктахъ, скрывающихъ отъ выстрѣловъ противника и благопріятствующихъ сближенію съ нимъ, всѣ маневры наконецъ, которые имѣютъ результатомъ обходъ противника или перемѣну фронта своего боеваго порядка, должны быть употребляемы предпочтительно передъ атакою съ фронта и открыто.

Пока производятся подготовительные маневры, предпринятые съ цѣлью обезпечить себѣ выгоды позиціи, занять удобные пункты или обойти непріятеля, дѣло ведутъ почти исключительно артиллерія и стрѣлки. Мало по малу дистанціи сближаются; завязавъ бой на главныхъ пунктахъ, войска вступаютъ наконецъ въ тотъ мо-

*) Матеріальное—да; но это и прежде такъ было. Нравственное—нѣтъ. Пр. перев.

ментъ, въ который бой лицомъ къ лицу, послѣдній актъ борьбы, дѣлающейся общею, рѣшить за кѣмъ побѣда.

Эту рѣшающую атаку нужно подготовить огнемъ.

Пѣхота залпами, вѣрно направленными, артиллерія огнемъ, сосредоточеннымъ на выбранномъ пунктѣ, рвутъ непріятельскую линію, сѣютъ въ ней безпорядокъ и деморализацію; стрѣлки, собравшись въ интервалахъ, усиливаютъ дѣйствительность залповъ своимъ одиночнымъ огнемъ съ близкаго разстоянія.

Въ эту минуту колонны къ атакѣ, быстро построенныя, рѣшительно идутъ впередъ, со всею увѣренностью, которую даетъ почти несомнѣнный успѣхъ *).

Стрѣлки, продолжая наступать въ интервалахъ, учащеннымъ огнемъ поддерживаютъ бодрость атакующихъ и мѣшаютъ непріятелю возстановлять порядокъ въ разстроенныхъ частяхъ.

Атаку при малѣйшей возможности, слѣдуетъ направлять на фланги атакуемаго пункта. Съ приближеніемъ къ непріятелю, наши войска (т. е. французскія), увлекаемыя природной пылкостью, обыкновенно обнаруживаютъ стремленіе на него ринуться, по крику: впередъ! поспѣшнымъ шагомъ, который почти тотчасъ обращается въ бѣглый.

Эта сноровка дала намъ, правда, нѣсколько славныхъ успѣховъ; но, хорошая для легкихъ войскъ, она представляетъ опасности въ сомкнутомъ бою **).

Въ виду войскъ стойкихъ, неподдающихся впечатлѣнію, производимому первымъ порывомъ, баталіоны, разстроенные уже самымъ бѣгомъ, часто даже перемѣшавшіеся, не представляютъ ручательства за возобновленіе неудавшагося усилія или за переходъ отъ наступленія къ оборонѣ.

Поставленная въ необходимость отходить, подъ градомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ, для приведенія въ порядокъ, и подверженная атакамъ кавалеріи или пѣхоты противника, переходящаго въ наступленіе, часть находится тогда въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ положеній на войнѣ.

Весьма важно поэтому принять въ серьезное соображеніе существенную разницу между двумя ролями, которыя пѣхота бываетъ

---

*) Едва ли своевременно перестраиваться въ подобную минуту въ такую тяжелую форму, какъ колонна къ атакѣ; это признавали и сами составители „Замѣчаній“, совѣтуя при оборонѣ разстрѣливать непріятеля именно тогда, когда онъ начнетъ подобное перестроеніе. Пр. перев.

**) Составители не замѣтили, что въ наше время вся пѣхота должна быть „легка“, но вмѣстѣ, съ тѣмъ, не выпадать изъ рукъ начальника ни въ какой моментъ боя. Пр. перев.

звана исполнять на поляхъ сраженій: роль стрѣлковъ и роль кнутыхъ частей, идущихъ въ бой въ стройномъ порядкѣ. Офиры должны въ особенности обратить вниманіе на эту разницу внушить ее солдатамъ. Упорядочить, дисциплинировать порывъ значитъ еще его уничтожить; напротивъ это можетъ его усить, сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ *).

И такъ, въ моментъ атаки необходимо: въ колоннахъ—полное дчиненіе командиру, рѣшительное движеніе впередъ для атаки штыки, отнюдь не огонь**); въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ—ловкость, рзость, находивость въ умѣньи пользоваться малѣйшими закры-ми***), мѣткій огонь въ массы, въ офицеровъ и сосредоточеніе ня на пунктъ атаки или на всякую голову колонны, которая наревалась бы охватить съ фланга наши наступающіе баталіоны.

Объ оборонѣ.

Защита позиціи требуетъ энергіи, упорства и возможнаго аднокровія.

Затрудненія, встрѣчаемыя атакой, указываютъ и на средства ороны.

На дистанціи дѣйствительнаго выстрѣла и какъ только обриются намѣренія противника, войска, назначенныя защищать поцію, противупоставляютъ приготовленіямъ къ атакѣ огонь своей тиллеріи и стрѣлковъ, дабы вредить батареямъ противника, безкоить или останавливать движеніе его баталіоновъ. Баталіоны рвой линіи, развернутые и скрытые или за мѣстными предмеми, или въ траншеяхъ, выжидаютъ пока непріятель сблизится приличную дистанцію, чтобы разстрѣлять его залпами, особенно моментъ перестроенія въ колонны къ атакѣ и движенія этихъ слѣднихъ на позицію.

Они (т. е. баталіоны обороняющагося) должны быть всегда товы къ быстрому перестроенію въ колонны къ атакѣ, дабы соютивляться кавалеріи, воспользоваться неудачей противника, хваать на лету мгновенія наступательныхъ возвратовъ.

Не должно терять изъ виду, что лучшее средство оборонить

---

*) Этого и можно достигнуть только тогда, когда часть легче будетъ дерать въ рукахъ. А кажется и спору быть не можетъ въ томъ, что въ мелкихъ стяхъ это удободостижимѣе, чѣмъ въ крупныхъ. Пр. перев.

**) Бюжо и Генгре думали объ этомъ иначе. Въ англійской арміи также ваютъ иначе. Пр. перев.

***) Въ періодъ движенія въ атаку, поздно пользоваться закрытіями. Пр. перев.

позицію зачастую заключается въ томъ, чтобы атаковать самос
не зарываясь конечно далеко въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ н
можемъ разсчитывать на рѣшительный переходъ въ наступленіе.

Если обходъ фланговъ возможенъ, должно заблаговремен
изслѣдовать позиціи, которыя занявъ, можно ему противодѣйств
вать и указать ихъ заранѣе войскамъ второй линіи или резерв
назначеннымъ для занятія этихъ позицій.

Замѣчанія относительно огня.

Современная скорость пѣхотной стрѣльбы дѣлаетъ регламент
цію ея вопросомъ первостепенной важности.

Въ виду непріятеля, солдатъ легко увлекается желаніемъ от
крыть огонь; а разъ огонь начатъ, его трудно остановить: предо
ставленные самимъ себѣ, люди, въ цѣпи и въ сомкнутомъ строѣ, могут
въ нѣсколько минутъ выпустить всѣ патроны на вѣтеръ, а пополня
ніе ихъ, во время дѣла въ особенности, не всегда возможно.

Удобство заряжанія и стрѣльбы—средство столь могуществен
ное въ рукѣ начальника, умѣющаго употребить его во время, было
бы только опасно безъ подчиненія огня соотвѣтственнымъ пра
виламъ.

Сущность не въ томъ, чтобы стрѣлять много, а въ томъ, чтоб
стрѣлять мѣтко; результаты стрѣльбы зависятъ отъ искусства и
хладнокровія стрѣлковъ болѣе, чѣмъ отъ ихъ числа.

Поэтому стрѣлки должны беречь свои выстрѣлы; предостав
ленные самимъ себѣ, они должны обращать особенное вниманіе
на вѣрное опредѣленіе разстояній и не стрѣлять иначе, какъ в
цѣль хорошо опредѣленную и находящуюся на дальности дѣйстви
тельнаго выстрѣла.

При стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя залпы батальонами и по
взводно должно предпочитать стрѣльбѣ рядами и пошереножно.

Командиры баталіоновъ и взводовъ должны употребить вс
свое нравственное вліяніе на подвѣдомыя имъ части, дабы выдер
жать ихъ спокойными подъ огнемъ непріятеля — качество, отли
чающее обстрѣляннаго и стойкаго солдата, и недостатокъ кото
раго теперь болѣе нежели когда-либо можетъ быть гибеленъ.

Употребленіе кавалеріи.

Кавалерія, сама по себѣ лишенная огня, поставлена въ необ
ходимость держаться на дистанціяхъ, большихъ противъ прежняг
до того времени, пока не настанетъ минута для атаки. Во врем
атаки ей придется пробѣгать большія пространства, подъ огнем

ве быстрымъ и вѣрнымъ; въ зависимости отъ этого она должна нѣнить и свою тактику.

Въ началѣ сраженія, пѣхота нетронутая, въ хорошей позиціи, можетъ бояться кавалеріи, какъ бы эта послѣдняя ни была трѣлена; но пѣхота разбитая, или же разстроенная огнемъ, гда представитъ кавалеріи добычу достижимую, если только кавалерія умѣетъ броситься вовремя, воспользоваться минутой замѣтельства и во время уйти *).

Кромѣ важнаго и часто рѣшительнаго значенія, которое такъ образомъ кавалерія можетъ пріобрѣсти въ концѣ сраженія, а, по своей подвижности, способна и въ продолженіе боя одерать хотя и частные, но весьма полезные успѣхи.

Для достиженія этой цѣли она не дѣйствуетъ въ большихъ ссахъ, что ее или истощило бы, или же повело бы къ потерѣ обныхъ для частныхъ атакъ мгновеній.

Части кавалеріи, особенно легкой, распредѣленныя по корпусъ . дивизіямъ, находясь близко къ непріятелю, могутъ принести большую пользу въ рукахъ предпріимчивыхъ начальниковъ.

Когда пѣхота идетъ въ атаку, кавалерія слѣдуетъ за нею, обы развить послѣдствія успѣха; она угрожаетъ непріятельскимъ ангамъ, противодѣйствуетъ попыткамъ непріятельской кавалеріи отивъ фланговъ нашей пѣхоты, преслѣдуетъ кавалерію, разсѣную огнемъ каре.

Кавалерійскія колонны, быстро направленныя на флангъ неіятеля, ошеломляютъ его, заставляютъ мѣнять строй, благоіятствуютъ фронтальной атакѣ или ускоряютъ его отступленіе. монстраціи этого рода, поддержанныя артилеріею, теперь столь движною, составляютъ одно изъ весьма дѣйствительныхъ средствъ и обходныхъ движеніяхъ или на полѣ сраженія.

Употребленіе артиллеріи.

Поперемѣнное и согласованное дѣйствіе кавалеріи и артиллеріи егда будетъ тяжело для пѣхоты, и должно умѣть извлекать возжную пользу изъ соединенія этихъ двухъ оружій, сдѣлавшихся вно подвижными и дополняющихъ одно другое.

Въ соединеніи съ пѣхотою, артиллерія пріобрѣла большую выду въ томъ, что нѣсколько освободилась отъ необходимости часто

*) Слѣдовательно, будетъ и теперь тоже, что и прежде было, т. е., заявленмъ выше перемѣны тактики въ сущности не отказывается. Пр. перев.

мѣнять позиціи, какъ то нужно было прежде, дабы дѣйство
по непріятелю, сопровождать свои войска, наконецъ сосредо
вать огонь съ другими батареями на важномъ пунктѣ. Стр
далѣе, чѣмъ прежде, съ той же позиціи, она болѣе знако
съ мѣстностью и дистанціями и, слѣдовательно, можетъ лучше
стрѣляться.

Батареи, занимая различныя позиціи, могутъ сосредоточ
свой огонь на пунктѣ атаки, если только онъ видѣнъ, при
мощи перемѣны направленія фронта и угла возвышенія, не
бѣгая къ маневрамъ для сосредоточенія орудій *), часто про
жительнымъ, а иногда и невозможнымъ по причинѣ мѣст
преградъ.

Расположеніе кавалеріи и артиллеріи въ боевомъ порядкѣ
визіи можетъ быть слишкомъ разнообразно, чтобы его можно
заблаговременно указать.

Выборъ этого расположенія принадлежитъ начальнику див
сообразно съ свойствами мѣста, достигаемою цѣлью, съ осо
ностями кавалеріи и артиллеріи и съ тѣми услугами, которыя
нихъ въ данную минуту ожидаются.

Нѣсколько словъ отъ переводчика въ поясненіе «за чаній».

Предлагаемая инструкція заслуживаетъ вниманія читающ
военныхъ и въ положительномъ, и въ отрицательномъ см
Нельзя не признать, что она представляетъ нѣкоторыя вѣр
указанія относительно современнаго значенія огня; по вмѣстѣ
тѣмъ, обнаруживаетъ въ составителяхъ стремленіе отстоять у
рѣлыя уставныя нормы, какъ нѣчто священное и неприкосновен
наперекоръ не только здравымъ теоретическимъ началамъ, но
и непосредственному опыту, какъ чужому, такъ и собственно ф
цузскому.

Презрѣніе первыхъ (т. е. теоретическихъ началъ), полож
не новость: такъ называемые «практики» теоріи не любятъ, упу
изъ виду, что сами и дѣйствуютъ, и говорятъ тоже на основ

*) Болѣе продолжительное дѣйствіе съ одной позиціи, по дальности стр
нынѣшней артиллеріи, дѣло конечно возможное; но это далеко не такъ част
детъ случаться, какъ кажется съ перваго взгляда, такъ какъ артиллеріи
наступленіи будутъ закрывать собственныя же войска. Что же до устран
будто бы необходимости сосредоточенія артиллеріи противъ рѣшительныхъ
товъ, то съ этимъ нельзя согласиться, ибо разбросною батарей весьма затруд
управленіе ихъ огнемъ. Пр. перев.

юріи, но только выведенной изъ личнаго, часто узкаго опыта, и при томъ еще и не всегда логически разработаннаго; но пренебреженіе къ опыту ближайшему, бьющему въ глаза, дающему непосредственныя данныя, по меньшей мѣрѣ странно. Для составителей вышеприведенной инструкціи, кампаній 1859 и 1866 годовъ какъ бы и не существовало; послѣ этого понятно, что такія теоретическія указанія, какъ напримѣръ, сдѣланное генераломъ Трошю *), не могли удостоиться ея вниманія. Что же значатъ указанія человѣка и дѣлавшаго войну, и думавшаго объ ней, въ сравненіи съ рутиной, съ la chère habitude, какъ выражался въ свое время маршалъ Саксонскій!

Слѣдствія такого отношенія къ дѣлу понятны: «Замѣчанія» признаютъ только такіе факты, которыхъ нельзя не признать; было бы слишкомъ оригинально, напримѣръ, начать отстаивать, будто гладкая артиллерія и гладкое ружье лучше современныхъ, ибо они освящены опытомъ войнъ Наполеона I; но уступка современнымъ условіямъ дальше не идетъ, и инструкція оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ-будто она написана съ цѣлію доказать, что современный французскій уставъ, и по объему, и по содержанію, совершенство, въ которомъ улучшенія немыслимы.

По инструкціи выходитъ, что «по настоящее время нѣтъ достаточно опытовъ, на основаніи которыхъ можно было вполнѣ и точно опредѣлить необходимыя измѣненія въ уставныхъ положеніяхъ» и проч.

Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ?

Всѣ боевыя столкновенія кампаніи 1859 года представляютъ безразлично одно и то же явленіе: съ разгаромъ дѣла, баталіоны боевой части дробятся на кучки, и въ такомъ уже порядкѣ продолжаютъ драться. Это явленіе до такой степени было общимъ, что занесено даже въ официальныя описанія кампаніи, въ которыхъ обыкновенно всего менѣе можно найти указаній на счетъ этого порядка, въ которомъ дѣйствительно дрались войска.

Подъ Маджентой, ферму Каза-Нову берутъ кучки, принадлежащія къ двумъ или тремъ полкамъ; подъ Сольферино поручикъ Понеліа отдѣляется съ 30 человѣками шаговъ на 500, 600 въ сторону отъ своего баталіона **), и захватываетъ, благодаря этому, четыре австрійскія орудія, спускавшіяся съ сольферинской высоты. Въ тотъ же сольферинскій день, ферму Каза-нову***), на правомъ

*) Въ l'Armée française en 1867.

**) Гвардейскіе стрѣлки, которые атаковали гору Альто, находящуюся правѣе сольферинской высоты.

***) Одноименную съ маджентскою.

флангѣ, берутъ группы, принадлежавшія тремъ различнымъ частямъ. Эти факты показываютъ достаточно, что формы строя, принятыя теперь французскимъ уставомъ, тяжелы, неповоротливы: что онѣ не соотвѣтствуютъ ни духу людей, ни мѣстности, на которой теперь преимущественно разыгрываются боевыя столкновенія, вслѣдствіе чего онѣ въ дѣлѣ и не сдерживаютъ въ себѣ людей, а такъ сказать, разрываются. При этомъ баталіонъ обращается въ нѣсколько мелкихъ единицъ, по необходимости безпорядочныхъ, именно вслѣдствіе того, что уставъ, игнорируя, съ упорствомъ рутины, необходимость подраздѣленія баталіона на единицы болѣе мелкія, не упорядочилъ этого естественнаго дробленія, не замѣнилъ его искусственнымъ, на органическія части, т. е. роты.

Итакъ, въ кампаніи 1859 года выразилась ясно необходимость принятія единицы менѣе крупной, нежели баталіонъ. Это заключеніе подтверждается и исторіей кампаніи, и свидѣтельствомъ такихъ людей, которые не только дѣлаютъ войну, но и имѣютъ привычку думать о томъ, что они дѣлали *).

Этотъ опытъ представляетъ, такъ сказать, отрицательное доказательство въ пользу дробленія баталіона: онъ показываетъ, что для боевой линіи старыя формы слишкомъ тяжелы и неповоротливы, даже и не принимая въ разсчетъ современнаго оружія. А вотъ и доказательство положительное въ пользу формъ болѣе мелкихъ, чѣмъ сборные баталіонные, т. е. болѣе поворотливыхъ, подвижныхъ, менѣе терпящихъ отъ огня:

Во всю прусскую кампанію мы не знаемъ случая, гдѣ бы въ боевой линіи были употреблены какіе-либо другіе строи кромѣ строевъ поротно **).

Несмотря на все это, составители «Замѣчаній» нашли, что нѣтъ довольно опытовъ, которые мотивировали бы измѣненіе устава, существующаго съ 1760 года. Вѣроятно, по ихъ мнѣнію, такой уставъ, который въ бою ведетъ къ тому, что войска выпадаютъ изъ рукъ начальниковъ и самопроизвольно разбиваются на безпорядочныя кучки—предпочтительнѣе....

Къ этому заключенію невольно приводитъ странный панеги-

---

*) Благодаря сложности и несоотвѣтствію уставовъ боевымъ положеніямъ... „ничего простаго не приходитъ имъ (т. е. офицерамъ и начальникамъ) въ голову, а нервное раздраженіе войскъ растетъ и вызываетъ настоятельную необходимость рѣшимости. Начальники выжидаютъ; между тѣмъ среди ихъ колебаній настаетъ кризисъ, и войска бѣгутъ на непріятеля какъ придется". Трошю, стр. 23[illegible]

**) Въ корпусѣ генерала Штейнмеца употреблялись двухротныя единицы, но вѣдь и эта форма ближе къ расположенію поротно, нежели къ сборнымъ баталіоннымъ строямъ.

рикъ, который въ «Замѣчаніяхъ» воспѣвается колоннѣ къ атакѣ. Составители находятъ, что она освящена и наполеоновской эпохой *), и развертывается, и свертывается очень быстро, и очень подвижна и проч. и проч. Въ своемъ увлеченіи они даже не замѣчаютъ противорѣчія, въ которое впали, начавъ съ того, что глубокія колонны не годятся и что развернутый строй при оборонѣ предпочтительнѣе колоннъ. Кажется, не трудно было бы признать, что если для атаки развернутый строй слишкомъ тонокъ, а прежнія колонны слишкомъ глубоки, то необходимо принять такую систему строя, которая представляла бы maximum какъ подвижности, такъ и быстроты развертыванія и свертыванія, что конечно принадлежитъ расположенію по ротно въ большей мѣрѣ, нежели расположенію всѣмъ баталіономъ. Нѣтъ, не признаютъ; да вдобавокъ ищутъ въ наполеоновскомъ авторитетѣ оправданія фридриховскимъ формамъ.

Въ статьѣ «движенія и эволюціи въ виду непріятеля» находимъ, между прочимъ, и аргументъ въ пользу сложности уставовъ, аргументъ, который можно назвать старымъ знакомымъ: до такой степени часто онъ приводится въ пользу отжившей и устарѣлой рутины. Заключается этотъ аргументъ въ томъ, что усложненія устава «имѣютъ цѣлью дополнить военное (!) образованіе солдата и дать офицеру, на всѣхъ (!) ступеняхъ іерархіи, средство удовлетворить тактическимъ требованіямъ войны», и т. д.

Это впрочемъ не мѣшаетъ составителямъ «Замѣчаній», нѣсколькими строками ниже, признать, что въ виду непріятеля употребляются не всѣ помѣщенныя въ уставѣ, а только простыя эволюціи, т. е. другими словами, что значительная доля преподаваемаго съ такими страшными усиліями въ мирное время, собственно говоря, никуда не годится. Человѣку съ здравымъ смысломъ подобное разсужденіе покажется противорѣчіемъ (ибо странно же было бы, напримѣръ, обучать человѣка балетнымъ па, потому что для своего дѣла онъ долженъ умѣть ходить въ ногу), но для сознанія, потемненнаго рутиной, противорѣчія въ этомъ нѣтъ: изъ-за вышеприведеннаго разсужденія выглядываетъ извѣстный принципъ большинства мирно-военныхъ тактиковъ: «чтобы войска въ бою дѣлали необходимое, нужно ихъ обучать излишнему». Посмотримъ же, дѣйствительно ли это такъ. Прежде чѣмъ

*) Но вѣдь гладкая артиллерія, гладкое ружье тоже освящены этой эпохой; если придерживаться этого резона освященія, слѣдуетъ отвергнуть всѣ нововведенія и возвратиться къ первобытному оружію—кулаку, къ первобытному строю—въ разсыпку.

приступить къ мнѣнію боевыхъ людей объ этомъ предметѣ, позволю себѣ привести фактъ изъ другой области, но возникшій на основаніи того же начала запрашивать больше, если хочешь получить должное. Что вы дѣлаете, читатель, когда знаете, что съ васъ запрашиваютъ въ три-дорога? Вы даете въ три-дешева! Въ военномъ дѣлѣ происходитъ при подобной системѣ нѣчто худшее: излишество въ требованіяхъ приводитъ къ тому, что это излишнее, какъ болѣе замысловатое и трудное, только и усвоивается, а дѣйствительно необходимое и примѣнимое въ бою упускаютъ совершенно изъ виду, ибо все таковое чрезвычайно просто. Въ результатѣ оказывается слѣдовательно, что благодаря сильному запрашиванію даютъ уже не мало, а ничего не даютъ....

Но comparaison n'est pas raison, говоритъ пословица. Поэтому, дабы узнать, нѣтъ ли ошибки въ нашемъ приговорѣ, обратимся къ мнѣніямъ людей, дѣлавшихъ войну и проводившихъ сквозь горнило мысли свои боевыя впечатлѣнія. Маршалъ Саксонскій прямо говоритъ: «что безполезно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе». Примѣняя это начало къ вопросу эволюцій, должно согласиться слѣдовательно, что эволюціи, безполезныя на войнѣ, не должны находить мѣста и при мирномъ обученіи. Это положеніе доказано для французскихъ военныхъ ясно какъ день, въ превосходномъ сочиненіи генерала Трошю «Французская армія въ 1867 году». Но сила рутины такова, что ее могутъ побороть только кровавыя и унизительныя неудачи: логикѣ она не поддается. Тщетно генералъ Трошю напоминаетъ, что уставъ 1862 года есть не болѣе какъ новое изданіе, дополненное, но неисправленное, устава 1760; тщетно доказываетъ, ссылаясь на кампаніи, въ которыхъ онъ участвовалъ, что этотъ уставъ теперь не годится—комиссія не удостоиваетъ вниманія этихъ заявленій и остается при своемъ мнѣніи, что сложныя и непримѣнимыя въ бою эволюціи довершаютъ тактическое образованіе офицеровъ на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи и воспитываютъ войска въ привычкахъ порядка, согласованія, связи, дисциплины... Комиссія не снисходитъ до того, чтобы указать факты, на основаніи которыхъ она пришла къ этому убѣжденію; внутреннее чувство для нея такой аргументъ, котораго не могутъ сбить никакіе факты. Въ крайности, она сошлется, пожалуй, на Наполеона, благоразумно упуская изъ виду, что наполеоновская система маневрированія не была закрѣплена рядомъ соотвѣтствующихъ уставовъ, инструкцій и положеній. Для того, чтобы показать, до какой степени наполеоновская система мало можетъ служить оправданіемъ тѣхъ отжившихъ эволюцій, которыя нашли въ комиссіи

ль горячихъ поборниковъ, заканчиваю эту замѣтку полнымъ реводомъ одной изъ главъ замѣчательной брошюры Морана *): l'armée selon le charte, написанной еще въ 1829 году. Въ ней ть устарѣлыя вещи въ смыслѣ формы; но мысли, составляющія нованіе этой главы, никогда не устарѣютъ, ибо основаны на чныхъ свойствахъ человѣческой природы, которыя во многихъ міяхъ не поняты по настоящее время и вѣроятно долго еще не дутъ поняты.

Глава изъ сочиненія: De l'armée selon la charte.

боевомъ порядкѣ; о маневрированіи баталіона и отряда ъ нѣсколькихъ баталіоновъ; о маневрированіи гренадеровъ и стрѣлковъ.

Говорятъ: часть въ боевомъ порядкѣ, когда она вытянута въ ну линію **); это опредѣленіе не точно: быть въ боевомъ поядкѣ значитъ быть внѣ опасности захвата врасплохъ, быть въ отовности принять бой. Поэтому можно располагать часть въ ну линію только тогда, когда она обезпечена на флангахъ и съ лу мѣстностью или резервами.

Это опредѣленіе опасно, ибо можетъ случиться, что офицеръ, о недостатку ли опытности, по недостатку ли вниманія къ мѣстности и обстоятельствамъ, будетъ считать свой долгъ исполненнымъ, развернувъ часть въ ожиданіи непріятеля, что ее не спасло ы отъ пораженія въ случаѣ нечаянной кавалерійской атаки. Я огъ бы привести много примѣровъ ошибокъ подобнаго рода.

Невольно удивляешься полемикѣ, которая загорѣлась въ послѣднемъ (XVIII) вѣкѣ по поводу тонкаго и глубокаго строя; мнѣ лучалось слышать возобновленіе ея между генералами въ началѣ послѣдней войны ***). Въ Италіи находили неподражаемымъ асположеніе, принятое Бернадотомъ при переходѣ черезъ Тальяенто, гдѣ онъ, маневрируя на равнинѣ, въ виду многочисленной авалеріи, имѣлъ по два баталіона въ колоннахъ на флангахъ азвернутаго баталіона. Этотъ порядокъ могъ быть лучшимъ; но

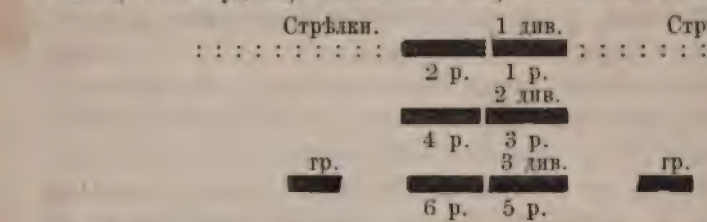
*) Моранъ — одинъ изъ знаменитѣйшихъ дивизіонныхъ генераловъ первой мперіи, участвовавшій почти во всѣхъ наполеоновскихъ кампаніяхъ, начиная ъ египетской.

**) Во французскомъ уставѣ выраженіе: l'ordre en bataille по настоящее аже время присвоивается развернутому строю, какъ было во времена Фридриха.

***) Испанской, въ 1823 г.

ему удивлялись потому, что когда ошибочное ученіе давитъ умъ и извращаетъ здравый смыслъ, самая простая идея становится чуть не геніальной.

Боевымъ порядкомъ, обычнымъ порядкомъ, долженъ быть тотъ, который удобопримѣнимѣе къ мѣстности и обстоятельствамъ, который легче преобразовать во всякое другое расположеніе въ наикратчайшее время и съ соблюденіемъ наибольшаго порядка. Баталіонъ въ дивизіонной колоннѣ на взводной дистанціи, по моему мнѣнію, удовлетворяетъ наиболѣе этимъ условіямъ. Дѣйствительно, его нельзя захватить врасплохъ ни съ тылу, ни съ фланговъ кавалерійскимъ или пѣхотнымъ ударомъ. Этотъ строй можетъ быть развернутъ въ нѣсколько секундъ, въ порядкѣ и безъ опасности. Онъ перемѣняетъ направленіе, не приходя въ безпорядокъ, заходя около одного изъ своихъ фланговъ; это единственный порядокъ на ровной или волнистой мѣстности и который примѣнимъ и ко всякой другой мѣстности; мнѣ кажется поэтому, что его должно признать первоначальнымъ и основнымъ боевымъ порядкомъ. Имѣйте около этой колонны сторожевую цѣпь, имѣйте въ резервѣ гренадеровъ, и она (колонна) въ состояніи будетъ принять бой или атаковать, она будетъ, слѣдовательно, въ боевомъ порядкѣ *).



Отрядъ изъ многихъ баталіоновъ, построенныхъ въ подобныя колонны, способенъ исполнить всякій боевой маневръ быстро и легко, не представляя самому поворотливому и живому непріятелю благопріятной минуты для атаки на слабомъ пунктѣ. Достаточно для этого, чтобы, при различныхъ движеніяхъ, баталіоны сохраняли интервалы, необходимые для того, чтобы можно было развернуться; нужно также, чтобы командиръ баталіона имѣлъ довольно навыка и опытности, чтобы направиться сразу къ мѣсту, которое онъ долженъ занять, не сталкиваясь съ сосѣдними баталіонами. Это тѣмъ легче сдѣлать, что стрѣлки могутъ быть раз-

*) Не много нужно проницательности, чтобы видѣть, что условіямъ, требуемымъ Мораномъ для боеваго порядка, отвѣчаетъ вполнѣ и расположеніе поротно. Если Моранъ стоялъ за баталіонную колонну, то потому, что въ его время она была дѣйствительно и достаточно подвижна и, по несовершенству оружія, мало терпѣла отъ огня. Пр. перев.

сыпаны по сторонамъ колонны, занимая пространство 2-го и 3-го дивизіоновъ при развернутомъ строѣ. При развернутомъ же баталіонѣ стрѣлки съ гренадерами могли бы становиться впереди или позади баталіона, въ двухшереножныхъ взводахъ, или же на наружныхъ его флангахъ, въ строѣ, сообразномъ съ разстояніемъ до сосѣднихъ баталіоновъ.

Такія основанія организаціи *) весьма бы облегчили обученіе. Эти толстые уставы **), мука офицеровъ, предметъ занятія всей ихъ жизни и удивленія невѣждъ, утонились бы до объема въ нѣсколько страницъ; вмѣсто многочисленныхъ и разнообразныхъ эволюцій, которыя повергаютъ часть въ состояніе безпорядка и слабости, получили бы единственную ихъ систему, которая не только дала бы возможность атаковать или обороняться во всякую данную минуту, но еще и самый простой и легкій способъ исполненія всѣхъ эволюцій, какія только могутъ быть вызваны видомъ мѣстности и другими обстоятельствами. При такой системѣ эволюцій присутствіе непріятеля не будетъ ни стѣснительно, ни опасно:

1) потому, что каждый баталіонъ не только въ состояніи принять бой, но ни на минуту не перестаетъ быть въ наивыгоднѣйшемъ положеніи для взаимной помощи съ другими баталіонами.

2) Потому, что каждый изъ нихъ имѣетъ стрѣлковъ, чтобы наблюдать непріятеля, держать его въ отдаленіи, скрывать отъ него свой маневръ; имѣетъ гренадеровъ, чтобы поддерживать стрѣлковъ, служить имъ сборнымъ мѣстомъ, бросаться туда, гдѣ опасность потребуетъ.

3) Потому, что ни въ какомъ случаѣ шесть ротъ, составляющихъ главную силу, не будутъ разъединены или ослаблены отдѣленіемъ стрѣлковъ или какихъ-либо командъ; что онѣ образуютъ какъ бы одинъ организмъ, приводимый въ движеніе однимъ человѣкомъ—душою и умомъ этого организма ***); что они останутся

---

*) Собственно говоря: строя, а не организаціи; но мы поставили себѣ цѣлью быть по возможности ближе къ подлиннику. Пр. перев

**) Просимъ не забывать, что дѣло идетъ о французскихъ уставахъ, которые до сихъ поръ то же, чѣмъ были наши уставы эпохи 40-хъ годовъ.

***) Защитники сборныхъ баталіонныхъ строевъ найдутъ пожалуй въ этомъ аргументъ въ ихъ пользу; но не должно забывать, что для Морана и то уже былъ огромный шагъ, что онъ призналъ самостоятельной единицей баталіонъ, а не всю линію, какъ думали его современники, воспитанные на фридриховскихъ уставахъ. Вѣроятно, тогда возставали противъ этого освобожденія баталіона отъ деревянныхъ нормъ, какъ теперь возстаютъ противъ предоставленій нѣкоторой самостоятельности ротамъ въ баталіонѣ; вѣроятно, тогда это казалось предоставленіемъ полнаго произвола баталіоннымъ командирамъ, уменьшеніемъ значенія дивизіонныхъ, бригадныхъ и полковыхъ командировъ—однимъ словомъ, послабленіемъ регулярности. Пр. перев.

чуждыми тревогамъ стрѣлковъ и гренадеровъ, назначенныхъ для ихъ покровительства, и несущихъ на себѣ всѣ безпокойства, сопряженныя съ исполненіемъ такого назначенія.

Правда въ этомъ боевомъ порядкѣ фронтъ баталіона будетъ на четверть короче, вслѣдствіе предлагаемаго употребленія стрѣлковъ и гренадеровъ; но пусть обратятъ вниманіе на то, какую силу придаетъ всей массѣ это употребленіе одного дивизіона въ сомкнутой линіи. Впрочемъ, если бы обстоятельства потребовали вытянуть въ одну линію всѣ восемь ротъ, это сдѣлать не трудно, приказавъ расположиться первымъ полувзводамъ стрѣлковъ и гренадеровъ на правомъ, а вторымъ на лѣвомъ флангѣ баталіона.

Построить дивизіонную колонну на взводной дистанціи, сомкнуть ее, перемѣнить направленіе на неподвижной оси, если она густая, на подвижной, если она на дистанціяхъ и въ движеніи; исполнить контръ-маршъ на мѣстѣ *), накопецъ построить каре для встрѣчи кавалеріи—вотъ эволюціи баталіона, зная которыя онъ исполнитъ всѣ назначенія, которыя только можетъ получить, дѣйствуетъ ли онъ въ одиночку, или въ связи съ другими баталіонами. Для вполнѣ совершеннаго ихъ исполненія нужно только, чтобы солдатъ былъ выученъ ходить рядами и заходить фронтомъ на четверть круга и чтобы у баталіонныхъ командировъ былъ глазомѣръ.

Баталіонъ, построенный въ такую колонну, готовъ ко встрѣчѣ кавалерійской атаки во всякое мгновеніе, покровительствуемый своими резервами (стрѣлковая ротъ и гренадеры) и поддерживая сосѣдніе баталіоны, которые въ свою очередь прикрываютъ своимъ огнемъ доступы къ его фасамъ.

Если бы этотъ баталіонъ былъ развернутъ, онъ можетъ построить колонну за своимъ среднимъ дивизіономъ, быстро и безопасно. Если при движеніи баталіоны потеряли интервалы, которые должны сохранять, эту ошибку можно мгновенно исправить и она не причинитъ ни замѣшательства, ни безпорядка: стоитъ только приказать одному изъ баталіоновъ остаться во второй линіи до тѣхъ поръ, пока ему при новой эволюціи очистится мѣсто **).

---

*) Еще одинъ старый и въ наше время уже отброшенный предразсудокъ. И здѣсь нельзя не вспомнить нашего Суворова, который, во время полнаго разгара всѣхъ подобныхъ штукъ, задолго до Морана, училъ войска не дѣлать разницы между задней и передней шеренгой, т. е., указывалъ дѣломъ, что можно и должно обходиться безъ контръ-маршей; можно и должно требовать, чтобы у войска не было лица и изнанки. Пр. перев.

**) Этотъ совѣтъ наглядно и рельефно показываетъ, до какой степени несостоятельны съ боевой точки всѣ пріемы, принятые въ мирное время въ бол-

Если одинъ или многіе баталіоны, идущіе въ этомъ порядкѣ, должны стать лицомъ къ одному изъ своихъ фланговъ, каждый изъ нихъ перемѣняетъ направленіе; если нужно, развертываются или выстраиваютъ головы баталіоновъ на линіи, переходя въ каждомъ баталіонѣ къ движенію рядами. Во всякую минуту баталіонъ не перестаетъ быть компактнымъ организмомъ, индивидуумомъ, которымъ его командиръ—его душа—ворочаетъ по своей волѣ и который можетъ остаться въ своемъ порядкѣ, безстрастный и спокойный даже тогда, когда замѣшательство распространилось вокругъ него.

Дабы быть къ состояніи исполнить свое назначеніе, гренадеры и стрѣлки должны получить спеціальное образованіе.

Стрѣлковая школа заключаетъ въ себѣ все военное искусство: атаки дѣйствительныя и фальшивыя, демонстраціи, стратагемы, фальшивое отступленіе, употребленіе резервовъ, атака и оборона деревень, укрѣпленій, все это приходится дѣлать стрѣлкамъ. Нѣтъ ничего такого, что можетъ придумать порядочный генералъ и чего не пришлось бы думать и дѣлать командиру стрѣлковъ. Не вдаваясь въ подробности, ограничусь постановкою принципа: стрѣлокъ никогда не долженъ ходить въ одиночку; офицеровъ должна всегда сопровождать группа въ пять-шесть человѣкъ, которые служатъ и для поддержки, и какъ мѣсто сбора стрѣлковъ. Два пѣхотинца могутъ сопротивляться многимъ кавалеристамъ, а одинъ падетъ; офицеръ въ одиночку—потерянъ въ цѣпи стрѣлковъ; не имѣя подъ рукой прикрытія, онъ не можетъ хорошо исполнить своихъ обязанностей. Прибавлю къ этому, что, по моему мнѣнію, стрѣлковый офицеръ долженъ быть вооруженъ легкимъ ружьемъ, и всѣ офицеры, какъ и унтеръ-офицеры, снабжены для передачи приказаній какимъ-либо инструментомъ, рѣзкій звукъ котораго былъ бы слышенъ не смотря на гулъ выстрѣловъ и отдаленіе стрѣлковъ.

Въ боевомъ порядкѣ баталіона я указалъ мѣсто для стрѣлковъ вправо и влѣво отъ колонны, по-полувзводно въ двѣ шеренги. При построеніи каре эти полувзводы займутъ дистанціи между вторымъ и третьимъ дивизіонами; во всѣхъ прочихъ случаяхъ стрѣлки маневрируютъ въ зависимости отъ условій минуты. Въ случаѣ надобности развернуть всѣ восемь ротъ въ линію, стрѣлки и гренадеры

министвѣ уставовъ съ цѣлью выправлять движеніе. Моранъ не признаетъ приниманій; баталіономъ меньше, баталіономъ больше въ линіи—по его мнѣнію, не важно; но важно, чтобы не было въ этой линіи ни ерзанья, ни суеты, нераздѣльныхъ со слишкомъ геометрическими пріемами для правильности движенія, въ родѣ возстановленія перпендикуляровъ и проч.

строются по флангамъ, какъ выше сказано, причемъ первые, смыкаясь, очищаютъ мѣсто второму и третьему дивизіонамъ.

Образованіе гренадеровъ можетъ быть развито менѣе, нежели стрѣлковъ, такъ какъ они никогда не должны быть употребляемы въ разсыпномъ строю и такъ какъ ихъ назначеніе—служить резервомъ баталіону. Ихъ мѣсто въ боевомъ порядкѣ—на линіи 3-го дивизіона колонны—за стрѣлками; въ каре противъ кавалеріи они становятся въ серединѣ, дабы подавать оттуда помощь атакованнымъ фасамъ и заполнять прорывы, если бы они были сдѣланы. Два отдѣленія становятся на окопечностяхъ одной изъ діагоналей, для усиленія слабыхъ пунктовъ и для огня вдоль фасовъ каре. Если кавалерія отражена, гренадеры быстро выходятъ изъ каре для ея преслѣдованія.

Гренадеры никогда не должны быть употребляемы въ разсыпномъ строѣ; они резервъ баталіона и должны быть въ сомкнутомъ строю, цѣлымъ взводомъ или по полувзводно. Единственный, можетъ быть, случай употребленія ихъ болѣе дробными частями будетъ тотъ, который только что указанъ, т. е., въ каре, для усиленія угловъ и для заполненія прорывовъ въ фасахъ отъ дѣйствія артиллеріи или отъ другой причины.

Если фехтованіе и гимнастика, дающія солдату тѣлесную силу, ловкость и умѣнье владѣть ружьемъ, какъ холоднымъ оружіемъ, нужны, полезны всякому, то стрѣлку и гренадеру они необходимы, ибо тотъ и другой нуждаются, для исполненія своего назначенія, въ быстротѣ и ловкости; и потому эти роты должно составлять изъ отборныхъ людей и обучать ихъ съ большимъ тщаніемъ.

Благодаря такой организаціи баталіона и требуемой ею системѣ образованія, командиръ полка, генералъ не будутъ озабочены пріисканіемъ въ своей памяти тѣхъ эволюцій, посредствомъ которыхъ приказанія, которыя они получатъ или отдадутъ, должны быть исполнены *). Человѣкъ ограниченный, какъ и самый искусный, не зная ни грековъ, ни римлянъ, ни Фолара, ни его противниковъ, расположитъ свою часть фалангой или легіономъ, переведетъ ее изъ глубокаго въ тонкій порядокъ посредствомъ быстрыхъ и безопасныхъ эволюцій, смотря по тому, что присутствіе непріятеля и характеръ мѣстности ему укажутъ.

Для этихъ эволюцій баталіонному командиру нужны только глазомѣръ и вниманіе, дабы сохранить интервалы, соблюдать рав-

---

*) Т. е. Моранъ стремится къ тому, чтобы всякій баталіонный командиръ былъ хозяиномъ строя въ своемъ баталіонѣ, получая отъ старшихъ начальниковъ только цѣль, которой долженъ достигнуть. [Прим. перев.

ѣніе *), направлять стрѣлковъ и резервъ, что онъ дѣлаетъ при помощи старшихъ унтеръ-офицеровъ (adjudants); ибо, такъ какъ баталіонъ маневрируетъ постоянно въ одномъ порядкѣ, т. е. въ колоннѣ; такъ какъ онъ направляется къ пункту, который долженъ занять, какъ одинъ человѣкъ, по кратчайшей дорогѣ, то его командиру не приходится выбирать между различными способами исполненія этого движенія, и между офицерами ротъ не можетъ случиться ни недоразумѣнія, ни ошибки.

Слѣдствіемъ принятія этихъ основаній и этого метода было бы то, что офицеръ, вмѣсто изученія театральныхъ эволюцій, теперь употребляемыхъ, изучалъ бы войну, искусство атаковать врага и примѣнять средства атаки и обороны къ мѣстности. Нынѣшнія эволюціи **), безъ большого риска, не могутъ быть исполнены въ виду непріятеля, ибо онѣ держатъ взводы въ состояніи безпорядка и замѣшательства, недопускающихъ возможности сопротивляться неожиданной атакѣ: дѣйствительно, предположимъ кавалерійскую атаку въ то время, когда линія баталіоновъ наступаетъ въ полъ-оборота направо или развертывается по правиламъ устава, что произойдетъ? То, что случалось сотни разъ—бойня этихъ баталіоновъ. Эти эволюціи и тѣмъ еще гибельны, что ихъ изученіе отвлекаетъ отъ образованія дѣйствительно боеваго; онѣ до того запутаны, что офицеръ, которому дастся умѣнье исполнять ихъ съ нѣкоторою отчетливостію, получаетъ репутацію искуснаго человѣка. Бывали командиры, неимѣвшіе другой заслуги, и водившіе на убой войска, которыми они умѣли вертѣть на марсовомъ полѣ; ибо голова такихъ командировъ была набита только командами и строями (n'etait pleine que de formules); ибо, довольные своимъ безплоднымъ знаніемъ, они никогда не думали о пріобрѣтеніи дѣйствительнаго знанія войны. Видѣлъ я также хорошихъ командировъ, не знавшихъ книжныхъ маневровъ или принебрегавшихъ ими, обходившихся безъ таковыхъ и бившихъ непріятеля, употребляя для этого однѣ баталіонныя колонны. Что до меня, то въ теченіе пятнадцати лѣтъ я употреблялъ предлагаемый методъ, и съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

---

*) Тѣмъ, которые вздумали бы уцѣпиться за слова „равненіе“ и „интервалы“, рекомендую, что Моранъ говоритъ выше о переводѣ баталіоновъ изъ первой линіи во вторую въ случаѣ потери интервала Это показываетъ ясно, что онъ подъ этими терминами разумѣетъ совсѣмъ не то, что разумѣютъ нѣкоторые мирно-военные тактики. Пр. перев.

**) Т. е. принятыя тогда во французскомъ уставѣ и до настоящаго времени въ немъ существующія.

Да, наконецъ, все это есть въ уставѣ; я не предлага
чего новаго, я ничего не мѣняю; я говорю только
уставъ нужно сократить въ нѣсколько страницъ и, о
сивъ все, что опасно или даже хоть безполезно, ост
только примѣнимое въ бою, и, вмѣсто того, чтобы изв
понятія офицеровъ и обременять ихъ память плохой наукой
лать такъ, чтобы они устремляли свое вниманіе только
что нужно для одержанія успѣха, только на то, что нужно
на полѣ сраженія, дабы вырвать побѣду, или, по крайней
не быть побитымъ. Знаю, что подобная реформа встрѣтитъ с
противорѣчіе: вѣдь столько есть офицеровъ, которые кромѣ
ничего не знаютъ, которые чувствуютъ къ нему чуть не бл
вѣніе, и которые съ грустью увидѣли бы себя принужде
забыть науку, къ которой благоговѣютъ вслѣдствіе усилій,
ченныхъ на ея усвоеніе, и забыть для чего же? Для того,
приняться за изученіе того, что дѣйствительно и единствен
лезно на войнѣ! Добрые люди эти искренно убѣждены, чт
ница ихъ знанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ граница знаній и с
постей человѣческихъ, и что военный весьма искусенъ и
способенъ, если умѣетъ поставить линейныхъ унтеръ-офице
скомандовать что нужно для развертыванія. Но примѣнимъ
методъ къ мѣстности.

При перемѣнѣ фронта, баталіоны идутъ на новую лин
колоннахъ и сохраняютъ свой строй, прикрытые своею
стрѣлковъ и покровительствуемые своими гренадерами во
мгновеніе своего движенія. Слѣдовательно, эти баталіоны
въ полной готовности для принятія атаки и для взаимной подд
огнемъ.

Если нужно пройдти дефиле, генералъ приказываетъ с
занять выходъ изъ него однимъ или двумя баталіонами; оста
силы переходятъ подъ ихъ прикрытіемъ.

Если необходимо перевести нѣсколько баталіоновъ или
цѣлое крыло на оконечность крыла противоположнаго, или в
рую линію, каждый баталіонъ, послѣдовательно, оставляетъ
и направляется, какъ сдѣлалъ бы одинъ человѣкъ, на мѣсто,
занное ему офицерами генеральнаго штаба *).

Если много баталіоновъ, двигаясь другъ за другомъ
дивизіонныхъ колоннахъ, должны уменьшить фронтъ вслѣ

---

*) Изъ этой эволюціи само собою слѣдуетъ признаніе независимости
ложенія баталіоновъ отъ порядка нумеровъ.

**) Т. е. въ общей колоннѣ.

того, что дорога съуживается, то они вздаиваютъ, по мѣрѣ надобности, взводы, полувзводы, наконецъ перестраиваются рядами до тѣхъ поръ, пока, точно также послѣдовательно, полувзводы, взводы, дивизіоны могутъ выстроиться. Это предписано уставомъ.

Дивизіоны должны равняться на середину, какъ то предписано для такъ называемыхъ колоннъ къ атакѣ *).

Всякая колонна должна входить въ линію послѣдовательно; генералъ указываетъ баталіонъ направленія въ случаѣ движенія и баталіонъ равненія, если онъ хочетъ занять позицію**). Достаточно, чтобы знаменные унтеръ-офицеры каждаго баталіона держались на высотѣ ***) знамени баталіона направленія. Жалонеры (guides-generaux) полезны для сохраненія дистанцій и для равненія.

Въ двѣ линіи располагаются: или раздѣляя отрядъ такъ, чтобы каждая линія была составлена изъ полныхъ баталіоновъ, или же одну линію составляютъ только изъ стрѣлковъ и гренадеровъ, а другую изъ колонъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ одна изъ линій, разсыпанная, очень гибка, подвижна и способна воспользоваться всѣми видоизмѣненіями, всѣми выгодами мѣстности для своего усиленія; вторая линія, состоящая изъ колоннъ, всегда готова сопротивляться кавалеріи и исполнять движенія, какія потребуются. Если гибкая линія отражена, она собирается въ интервалахъ между колоннами и идетъ назадъ, дабы расположиться на новой позиціи, за которую потомъ отступаютъ колонны: это порядокъ для отступленія. Тонкая линія не жалѣетъ огня; колонны же прибѣгаютъ къ нему только въ случаѣ сближенія съ ними непріятеля. Между тѣмъ какъ колонны отступаютъ, стрѣлки пользуются этимъ временемъ, чтобы расположиться на новой позиціи, за оврагомъ, изгородью, деревьями, въ кустахъ, гдѣ ожидаютъ непріятеля и встрѣчаютъ его огнемъ, подпустивъ на вѣрную дистанцію. Ошеломленный сопротивленіемъ, противникъ пріостанавливается, при-

*) Слѣдовательно, Моранъ считалъ построенія изъ середины излишними

**) Слѣдовательно, Моранъ признавалъ, что требованіе строгаго равненія при движеніи безполезно. Что же до равненія при расположеніи на позиціи, то мы имѣемъ полное основаніе думать, что это уступка: онъ слишкомъ былъ опытный и разсуждающій военный, чтобы не видѣть, что мало можетъ встрѣтиться позицій, которыя можно дѣльно занять при условіи соблюденія равненія. Да притомъ же онъ, какъ боевой человѣкъ, понималъ равненіе нѣсколько шире, чѣмъ его понимаютъ въ мирное время, что слѣдуетъ изъ его словъ, на которыя было указано выше, относительно перевода баталіоновъ во вторую линію, въ случаѣ потери интерваловъ.

***) Приблизительно, ибо у французовъ никогда не добивались математическаго равненія; слѣдовательно, Моранъ, даже если бы онъ и не былъ боевымъ человѣкомъ, никакого другаго равненія, какъ приблизительнаго только, и разумѣть не могъ.

нимаетъ мѣры, чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ сопротивленіи и преодолѣть его; но линія стрѣлковъ уже снялась съ позиціи и быстро отступаетъ, покровительствуемая въ этомъ движеніи артиллеріею и колоннами. Въ этомъ маневрѣ двѣ линіи—одна, составленная изъ колоннъ, поддержанныхъ артиллеріею, всегда готова принять атаку; другая, по своей подвижности, гнется по мѣстности, пользуется всѣми ея выгодами, избѣгаетъ свалки, и ограничивается тѣмъ, что дразнитъ непріятеля и задерживаетъ его наступленіе, заставляя его на каждомъ шагу дѣлать развѣдку и принимать распоряженія для атаки. Слабая арріергардная бригада, въ степи Эльганка, въ Египтѣ, удерживала такимъ образомъ усилія турецкой кавалеріи въ теченіе шести часовъ. Могъ бы привести и другіе примѣры; самый великій и памятный изъ нихъ тотъ, который дала, въ 1812 году, казачья линія. На каждомъ шагу она угрожала боемъ нашей кавалеріи; но въ минуту, предшествующую удару, она исчезала какъ метеоръ; часъ спустя, эта жиденькая и идеально-подвижная линія возстановлялась, давая замѣтить за собою пѣхоту и артиллерію; приходилось ее опять рекогносцировать, дѣлать распоряженія для атаки, которыя оканчивались впустую, какъ и предшествовавшія. И между тѣмъ какъ наша кавалерія утомлялась и истощалась, русская армія отступала въ полномъ порядкѣ, не оставляя за собою ни человѣка, готовая встрѣтить атаку кавалеріи, видѣвшей ее каждый разъ, какъ казачья туча раздавалась передъ нею. Но кавалерія не могла отваживаться на атаку безъ помощи своей пѣхоты, которая была далеко позади. Намъ нужно было бы 100,000 польскихъ кавалеристовъ, устроенныхъ на манеръ ихъ предковъ, для того, чтобы разсѣять казаковъ и атаковать русскую армію при помощи тѣхъ средствъ и того образа дѣйствій, какія она употребляла при своемъ отступленіи. Я полагаю, что тайна побѣды надъ русскою имперіею заключается въ превосходствѣ въ легкой кавалеріи*). Татары завоевали ее такимъ образомъ. Намъ было бы такъ легко получить это превосходство: поляки такъ горячо желали независимости, они такъ храбры и такіе славные кавалеристы! По малѣйшему знаку 100 тысячъ **) были бы въ сѣдлѣ и къ намъ бы присоединились.

---

*) Вотъ взглядъ боевыхъ людей на значеніе порядочной легкой кавалеріи. По счастію, ни одно государство не имѣетъ и не можетъ имѣть такой массы легкой кавалеріи, какою обладаемъ мы. Пр. Перев.

**) Это преувеличеніе, совершенно объяснимое во французѣ, для насъ интересно потому, что показываетъ во всей силѣ значеніе такой кавалеріи, какъ наши казаки: тѣ, разумѣется, которые не по названію только казаки. Изъ всѣхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ французовъ въ 12, 13 и 14 годахъ, ни одна

Порядокъ въ двѣ линіи, хорошій при отступленіи, не менѣе выгоденъ и при атакѣ. Линія стрѣлковъ, поддержанныхъ гренадерами, въ глубинѣ и силѣ которой непріятель не можетъ дать себѣ отчета, въ особенности на мѣстѣ болѣе или менѣе перемѣнномъ или закрытомъ, наступаетъ; а въ минуту атаки подходятъ колонны и сцѣпляются съ непріятелемъ. Тогда первая линія, не переставая прикрывать фланги баталіоновъ, останавливается, возстановляетъ порядокъ и располагается такъ, чтобы, въ случаѣ неудачи колоннъ, можно было оказать достаточное сопротивленіе, дабы дать имъ время остановиться и снова повернуть на противника *).

Возразятъ, можетъ быть, что огонь противника будетъ болѣе смертоносенъ по колоннамъ, имѣющимъ девять шеренгъ въ глубину, нежели по строю, имѣющему ихъ только три **). Чтобы оцѣнить это возраженіе по достоинству, достаточно замѣтить, что стрѣлки, занимая мѣсто крайнихъ дивизіоновъ, свернувшихся за средній, мѣшаютъ непріятелю различить глубокія и тонкія части линіи; во-вторыхъ, такъ какъ дивизіоны стоятъ въ колоннахъ на взводной дистанціи, нужно предположить необыкновенно ровную и горизонтальную мѣстность для того, чтобы ядро могло пронизать всѣ три дивизіона; при томъ легче найдти закрытіе для фронта дивизіона, чѣмъ для втрое длиннѣйшаго. Да наконецъ, огонь будетъ менѣе смертоносенъ и потому уже, что движеніе въ атаку колоннъ будетъ быстрѣе и порывистѣе ***). Можно привести примѣры: подъ Ваграмомъ, дивизія, стоявшая на крайнемъ правомъ флангѣ арміи ****), построенная въ двѣ линіи колоннъ къ атакѣ, достигла въ десять минутъ корпуса Розенберга, расположеннаго на вершинѣ холма, по скату котораго эта дивизія должна была пройдти чрезъ непріятельскую кавалерію; ея движеніе было такъ быстро, что французская резервная артиллерія продолжала стрѣлять на позицію и послѣ того, какъ непріятель

родъ войска и ни въ одной арміи не оставилъ на нихъ такого тяжелаго и сильнаго впечатлѣнія, какъ казаки: изумительною гибкостью своего образа дѣйствій, полною свободою отъ тѣхъ деревянныхъ пріемовъ и привычекъ, которыя, къ сожалѣнію, такъ легко водворяются въ регулярныхъ кавалеріяхъ. Пр. Перев.

*) Не должно забывать, что Моранъ совѣтуетъ это употребленіе стрѣлковъ въ томъ случаѣ, когда имѣется только одна линія баталіоновъ. При двухъ же линіяхъ должно принять за безусловное правило, чтобы въ первой бросалось въ атаку все принадлежащее къ ея составу и могущее атаковать. Пр. перев.

**) Т. е. по тогдашнему развернутому.

***) Стоитъ только примѣнить всѣ эти доводы къ расположенію поротно въ двѣ линіи, дабы убѣдиться, что оно имъ удовлетворяетъ въ степени большей, нежели баталіонныя колонны. Пр. перев.

****) Дивизія Морана.

былъ уже замѣщенъ на ней сказанною дивизіею, ибо не могла себѣ представить, чтобы эта послѣдняя успѣла тамъ очутиться такъ скоро.

Эта дивизія потеряла сравнительно весьма мало, такъ какъ она быстро зашла въ тылъ непріятелю; она не получила ни единаго удара сабли; австрійская кавалерія, испуганная огнемъ и штыками нашихъ колоннъ, между которыхъ она бросилась, отхлынула въ безпорядкѣ, не сдѣлавъ серьезной атаки.

Въ томъ же самомъ порядкѣ и та же дивизія атаковала въ 1806 году отрядъ, занимавшій сильную укрѣпленную позицію у Чарново, на берегу Буга. Атака начата въ полночь; наши баталіоны въ колоннахъ, благодаря темнотѣ, прошли незамѣченными между редутовъ и очутились, въ нѣсколько минутъ, въ центрѣ непріятельской линіи, которая, бывъ застигнута врасплохъ, отступила въ безпорядкѣ въ лѣса, окружавшіе позицію. Не было ни замѣшательства, ни колебанія, ни ошибокъ во время боя, при которомъ слышна была перестрѣлка только частей, производившихъ фальшивую атаку; каждый командиръ баталіона не опасаясь ни за фланги, ни за тылъ, маневрировалъ со своею колонной; какъ будто бы она была только одна *).

Точно такой же маневръ заслужилъ, подъ стѣнами Смоленска, рукоплесканія гвардіи и императорскаго штаба.

На ауэрштедтскомъ плато, въ 1806 году, сто двадцать прусскихъ эскадроновъ возобновляли свои атаки, въ теченіе пяти часовъ, на восемь баталіоновъ, дебушировавшихъ на плато въ этомъ самомъ порядкѣ **): съ приближеніемъ кавалеріи каждый изъ нихъ строилъ каре съ гренадерами въ серединѣ; эти каре начинали огонь только на близкой дистанціи, не суетились, не опалѣвали и подобрали вмѣстѣ со славой оружіе и знамена, брошенныя подъ ихъ штыками.

Организація баталіона, мною предлагаемая, можетъ быть нова ***), но способъ исполненія всѣхъ маневровъ находится, я полагаю, въ сознаніи всѣхъ офицеровъ, дѣлавшихъ войну, и чи-

---

*) Т. е. одна въ смыслѣ легкости и независимости движеній, а не въ смыслѣ отсутствія боевой связи между баталіонами, выражаемой возможностью штыковой и огневой поддержки, а не равненіемъ и соблюденіемъ точныхъ интерваловъ.
Пр. перев.

**) Т. е. въ дивизіонныхъ колоннахъ на взводныхъ дистанціяхъ.

***) Авторъ считаетъ за нужное, сверхъ отдѣленія двухъ ротъ для постояннаго, уже извѣстнаго назначенія, имѣть при каждомъ баталіонѣ взводъ артилеріи, взводъ саперовъ и понтоперовъ, взводъ обозныхъ и госпитальныхъ солдатъ и отдѣленіе кавалеріи изъ 10 волонтеровъ при одномъ унтеръ-офицерѣ.
Пр перев.

явшихъ не одинъ только уставъ; онъ былъ испытанъ въ булонскомъ лагерѣ, но мало нашелъ послѣдователей. Тѣмъ не менѣе, если эта система эволюцій давала одному или многимъ генераламъ постоянные успѣхи на войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, спасала ихъ отъ неудачъ, можно допустить, что преимущества ея были бы и дѣйствительны, и очень велики, если бы она была принята, изложена письменно и предписана—если бы армія была организована и обучена на основаніи этого принципа. Притомъ же, еще разъ повторяю, это не новость; дѣло только въ томъ, чтобы выбрать изъ нынѣ существующихъ уставовъ нѣсколько правилъ, и отбросить все то, что безполезно, сложно и опасно. Все мое мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

1) Организовать баталіонъ такъ, какъ должна быть организована вся армія, и смотрѣть на баталіоны, входящіе въ составъ отряда, не иначе, какъ на индивидуумовъ, которые дѣйствуютъ всѣ одинаково, оставаясь постоянно въ состояніи устойчивости и самостоятельности, въ которыхъ лежитъ залогъ ихъ силы *).

2) Всѣ маневры должны быть примѣняемы къ мѣстности и военной обстановкѣ такъ, чтобы часть, при всѣхъ своихъ движеніяхъ, изъ всѣхъ приказаній, которыя получаетъ, видѣла передъ собою непріятеля; дабы послѣ долгаго мира офицеры и солдаты обладали опытомъ и привычками войны; дабы знаніе командира баталіона годилось и для генерала и чтобы командиръ баталіона зналъ и не могъ дѣйствовать иначе, какъ долженъ дѣйствовать хорошій генералъ.

Сказаннаго въ этой главѣ, написанной въ 1829 году, достаточно для того, чтобы сдѣлать вѣрный выводъ о достоинствахъ и недостаткахъ «Замѣчаній», написанныхъ въ 1867 году.

---

*) Т. е., чтобы они для дѣйствія, для достиженія цѣли, составляли одно цѣлое, а въ движеніяхъ и эволюціяхъ были независимы другъ отъ друга.
Пр. перев.

Война и Миръ гр. Толстаго съ военной точки зрѣнія.

I.

Нельзя сказать, чтобы военная литература, особенно за по-
слѣдніе два вѣка, отличалась бѣдностью; нельзя сказать также,
чтобы человѣчество обоихъ полушарій было слишкомъ скупо на ту
дѣятельность, которая даетъ матеріалъ для военной литературы:
не смотря на это, мы не знаемъ ничего, или почти ничего, о
тѣхъ внутреннихъ процесахъ и явленіяхъ, которые происходятъ
въ душѣ человѣка подъ вліяніемъ опасности. Причинъ такому
осповательному невѣжеству въ дѣлѣ, занимающемъ довольно видное
мѣсто въ жизни народовъ, много—и весьма вѣскихъ; но отъ этого
ничуть не легче самому дѣлу, или, лучше сказать, состоянію по-
нятій о немъ; ибо никто, конечно, не станетъ спорить противъ
того, что фальшивыя представленія о душевныхъ процессахъ, при
какой бы то ни было дѣятельности, до добра не доводятъ. На
военномъ дѣлѣ это отразилось самымъ наглядным образомъ: если
были цѣлыя эпохи, убѣжденныя въ томъ, что чѣмъ массы людей
совершеннѣе воспроизводятъ прямолинейныя и прямоугольныя гео-
метрическія фигуры, тѣмъ войско лучше, чѣмъ солдатъ ближе къ
автомату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для дѣла, — если, повторяемъ,
были подобныя цѣлыя эпохи, то это ни чему иному приписать
быть не можетъ, какъ полному невниманію къ духовной дѣятель-
ности человѣка, призваннаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ
полѣ, подъ вліяніемъ опасности.

Многимъ, особенно не изъ военныхъ, пожалуй покажется, что
если психическая сторона военнаго дѣла не обращала на себя
вниманія изслѣдователей, то это потому, что самое дѣло не за-
служиваетъ серіознаго изслѣдованія, ибо—де война есть не болѣе,
какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ
котораго остатка настанетъ вѣчный миръ и всѣ распри будутъ

аживаться разговоромъ. Мы не раздѣляемъ этой точки воззрѣнія, одсказываемой человѣку инстинктомъ самосохраненія; не раздѣемъ потому, что въ природѣ все основано на борьбѣ, а челоѣкъ не можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ ироды. Еще Лейбницъ сказалъ: «вѣчный миръ возможенъ только кладбищѣ», и кто хоть на минуту серіозно и безпристрастно тановится на этомъ вопросѣ, тотъ вѣроятно признаетъ, что ейбницъ сказалъ такую истину, которая едва ли обратится когда бо въ анахронизмъ.

Но если бы даже и не было такъ, если бы война и перестала гда либо имѣть свое роковое и неизбѣжное значеніе въ разтіи человѣчества, все же она рано или поздно должна сдѣться предметомъ всесторонняго изслѣдованія для тѣхъ людей, торымъ дано заглядывать въ глубь внутренняго человѣка и дѣть осязательнымъ для всѣхъ результатъ своихъ наблюденій: въ дѣ ли художественныхъ образовъ, въ видѣ ли философскаго изѣдованія — все равно. Война, и только одна война, вызываетъ страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ ловѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру о мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ ятельности.

Намъ кажется, что невниманіе психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, торыя происходятъ въ душѣ человѣка подъ пулями и гранатами, и при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, какіе пришлось рѣшать, пр., Наполеону подъ Маренго или подъ Ватерлоо, лишало ихъ о сіе время самыхъ драгоцѣнныхъ фактовъ для изученія духовной ятельности человѣческаго организма. Могутъ замѣтить: почему-же е занимались этимъ сами военные? Но весьма простой причинѣ: дни — по странному предубѣжденію, будто человѣкъ на войнѣ олженъ быть не человѣкомъ, а героемъ, и что, слѣдовательно, олжно скрывать передъ непосвященными тѣ муки сомнѣній, коебаній, борьбы съ инстинктомъ самосохраненія, черезъ которыя еминуемо проходитъ въ дѣлѣ всякій военный; другіе — потому, то, позируя передъ обыкновенными смертными въ роли юпитеовъ-громовержцевъ, тщились и въ своихъ сочиненіяхъ не предтавить работу своего ума и воли такъ, какъ она дѣйствительно происходила, а хлопотали объ одномъ только: о томъ, тобы скрыть процессъ этой работы; таковы, напр., были Цезарь, Наполеонъ; читавшіе сочиненія ихъ безъ труда убѣдятся въ вѣрности этого положенія: подобные люди никогда не ошибаются; никогда не мучимы сомнѣніями; неудачамъ ихъ виновато все что годно—небо, вода, земля, но никогда не они сами; третьи, на-

конецъ, — и таковыхъ масса — не занимались тѣмъ, что про
дитъ въ душѣ человѣка во время боя, по той простой при
что и сами-то едва помнятъ и сознаютъ, что̀ и ка̀къ съ
тамъ происходило.

Однимъ словомъ, повѣствованіе о военныхъ событіяхъ
нынѣ еще не выходило изъ эпическаго періода, т. е. изъ
когда человѣкъ самыя обыкновенныя происшествія распол
возводить на степень чудесныхъ, самые обыкновенные и час
совсѣмъ даже казистые поступки расположенъ считать геройст

Намъ кажется, что настало, наконецъ, время трезваго
шенія и къ военнымъ событіямъ: Агамемноны, Ахиллессы и д
болѣе или менѣе красивые эпическіе герои должны сойти со с
и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ, съ ихъ вели
доблестями и съ ихъ, подчасъ унизительными, слабостями; съ
самоотверженіемъ, доходящимъ до того, чтобы положить голо
други своя,—и съ ихъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, доводя
до стремленія уложить (руками непріятеля) того ближняго, ко
имъ не пришелся по сердцу; съ ихъ способностью взбираться
пулями и гранатами на вертикальныя стѣны безо всякой по
ронней подмоги, и съ ихъ обычаемъ давать иногда тылъ и бѣ
безъ оглядки изъ за одного того, что какому нибудь нем
вздумается крикнуть: «мы обойдены».

Дѣло отъ этого выиграетъ: оно всегда выигрываетъ отъ пра
Въ теоріи не будутъ ограничиваться всеизвиняющей фразой:
случайность», а будутъ задаваться вопросомъ о томъ: какъ ну
вести и организовать войска, дабы они возможно менѣе под
лись неблагопріятнымъ случайностямъ.

Что время подобнаго трезваго отношенія къ военнымъ л
ніямъ настало, доказательство на лицо; читающая военная пуб
обладаетъ уже двумя твореніями, представляющими опытъ раз
о томъ, какъ дѣла дѣлаются, а не какъ они должны бы были
латься: мы разумѣемъ «Войну и Миръ» г. Толстаго и брош
ген. Трошю: l'Armée française en 1867. Въ этихъ двухъ соч
ніяхъ болѣе общаго, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгл
оба они имѣютъ въ виду, преимущественно, внутреннюю сто
военныхъ явленій; послѣднее какъ бы служитъ исправленіем
дополненіемъ первому. То, чего не досказалъ романистъ, взяв
за несвойственную ему роль философа, договариваетъ военный
тѣхъ, которые не только дѣлаютъ войну, но и думаютъ о
думаютъ, подготовленные къ тому серіезной теоретической рабо
а не на основаніи однихъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Романъ г. Толстаго интересенъ для военнаго въ двоя

мыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по ремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т. е. сцены, неподражаемы и, по нашему айнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; орые, т. е., выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной итики по своей односторонности, хотя они интересны какъ пеходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.

Попытаемся прослѣдить «Войну и Миръ» съ поставленныхъ ухъ точекъ зрѣнія.

На первомъ планѣ является бытовая мирно-военная картинка; какая! Десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, маго большаго размѣра, можно отдать за нее. Смѣло говоримъ, о не одинъ военный, прочитавъ ее, новольно сказалъ себѣ: да о онъ списалъ съ нашего полка!

Пѣхотный полкъ, прибывшій къ Браунау послѣ 30 верстнаго ерехода, получилъ увѣдомленіе, что фельдмаршалъ будетъ смотрѣть о на походѣ завтра; начальство — въ мучительномъ недоумѣніи а счетъ формы, въ которой должно представиться, и, наконецъ, ослѣ долгихъ колебаній и зрѣлыхъ совѣщаній, на основаніи того ачала, что лучше «перекланяться, чѣмъ не докланяться», рѣшаетъ редставиться въ парадной формѣ.

Солдатъ всю ночь чистится и чинится, (послѣ 30 верстнаго ерехода); на слѣдующее утро полкъ готовъ такъ, «что и на Цаицыномъ лугу съ поля не прогнали бы»; полковой командиръ, о всемъ съ иголочки, похаживалъ передъ фронтомъ съ видомъ еловѣка, счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественыхъ дѣль жизни, — и вдругъ... прискакиваетъ адъютантъ изъ таба съ подтвержденіемъ того, что главнокомандующій желаетъ идѣть полкъ на походѣ, т. е. совершенно въ томъ положеніи, ъ которомъ онъ шелъ: въ шинеляхъ, чехлахъ и безъ всякихъ риготовленій... Роль перемѣняется. Первая мысль у командира— айти виноватаго парадной формѣ. Михайло Митричъ, одинъ изъ аталіонныхъ командировъ, по всей вѣроятности тотъ, который ервымъ напомнилъ руководящее начало житейской философіи учше перекланяться, чѣмъ недокланяться), получилъ упрекъ въ омъ родѣ, что вѣдь говорилъ же ему полковой командиръ, «что а походѣ, такъ въ шинеляхъ»... Что въ его власти было послуать или не послушать совѣтъ, почтенному командиру это въ гоову не пришло. Наконецъ рѣшили передѣть въ шинели.

Когда подчиненный боится, что его распекутъ, онъ чувствуетъ епреодолимый позывъ распечь своего подчиненнаго; такъ было и

тутъ: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носить походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командиръ. И вотъ требуется ротный командиръ, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выраженій добраго стараго времени. Напускаются и на солдата; но послѣдній оказался не изъ безотвѣтныхъ. Можно ожидать, что за отвѣты начальнику его, если не предадутъ суду, то, по крайности хоть какъ нибудь приведутъ въ чувство; ничуть не бывало: оказалось, что командиръ горячился и выходилъ изъ себя только при условіи безмолвія съ противной стороны—нравственная упругость его за эту черту не шла.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ: «ѣдетъ».

„Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перегнулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ. „—Сми-р-р-но! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику".

Подобныя сцены, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе.

Вотъ начальникъ части, хотя и небольшой, но все же достаточно сильной, чтобы въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію, приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть на столько чувства личнаго достоинства и нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность: приготовленъ ли онъ ко всему этому—пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвшись въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если, замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты общія съ поведеніемъ этого полковаго командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, онъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатичнаго чувства. Вѣрное изображеніе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбито два переднихъ

зуба прикладомъ: стало онъ видалъ виды и боевую упругусть имѣетъ, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожитъ; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно разскажетъ потомъ начальнику, что тамъ было и какъ было, и ужь конечно наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите, наконецъ, на буйномъ, необузданномъ, энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальныя лица въ свѣтѣ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, кто они таковы и почему они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, сѐріезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиванье за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: за тѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра, твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы «не марать мундира», спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ по его собственному желанію. За тѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется привольнѣе, люди менѣе загнаны нравственно; не особенно заняты они своей боевой спеціальностью, но и не погрязли въ тинѣ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отно-

что онъ не «славный малый», и это въ Денисовѣ, который зналъ Ростова и душою лежалъ къ нему. . И все изъ за чего? Изъ за того, что онъ назвалъ воромъ господина, взявшаго изъ подъ подушки чужой кошелекъ. Но этимъ не кончилось: г. Телянинъ исключенъ изъ полка по болѣзни, которая ему не помѣшала, впрочемъ, впослѣдствіи поступить въ провіантское вѣдомство. Въ 1807 году мы застаемъ его уже коммиссіонеромъ въ штабѣ; Гусарскій полкъ, въ которомъ болѣзнь помѣшала г. Телянину служить, входитъ въ число частей, состоящихъ на попеченіи сказаннаго штаба. Дошло въ полку до того, что солдаты питались какимъ то горькимъ машкинымъ корнемъ, который они почему-то называли сладкимъ, а лошади—соломой съ крышъ. Денисовъ не въ состояніи былъ болѣе выносить подобнаго положенія, которое тянулось уже около двухъ недѣль, и въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день отбилъ транспортъ, шедшій по близости его расположенія въ какую то пѣхотную часть. Не красиво, слова нѣтъ; но въ подобномъ положеніи на 100 начальниковъ изъ тѣхъ, которымъ ихъ солдатъ дороже личной отвѣтственности, по крайней мѣрѣ 90 сдѣлали бы то же самое; и оправданіе ихъ было бы то же самое, вѣроятно, которое представилъ, поѣхавъ въ штабъ для объясненій, Денисовъ: «Разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ». Тѣмъ не менѣе позволили росписаться въ этомъ провіантѣ, яко бы въ принятомъ по всѣмъ правиламъ искусства и съ должнымъ соблюденіемъ формъ. Пошелъ расписываться и встрѣчаетъ—Телянина. «Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!» и т. д., что читателямъ извѣстно. Отбитіе транспорта еще бы согласились, можетъ быть, замазать, хотя отъ этого плохо пришлось цѣлому пѣхотному полку; но оскорбленіе одного изъ тѣхъ, кто былъ прямымъ виновникомъ рѣшимости Денисова на отбитіе—этотъ ужь, конечно, нельзя допустить замазать. По донесенію чиновниковъ оказалось уже, что онъ побилъ не одного, а двухъ и ворвался въ комиссію въ пьяномъ видѣ. Конечно слѣдствіе, судъ. Денисовъ, легко раненый, рѣшился уйти въ госпиталь, чтобы уклониться отъ явокъ и всякихъ прочихъ мытарствъ; какъ человѣкъ, дѣло котораго было рубить, а не судиться, онъ съ внутреннимъ ужасомъ бѣжалъ отъ этой новой дѣятельности, въ которой долженъ былъ явиться паціентомъ, не имѣя и понятія даже о тѣхъ крючкахъ и увертках, при помощи которыхъ онъ могъ бы если не совершенно спастись, то, по крайней мѣрѣ, поплатиться возможно меньше.

И такъ, «честь» полка заставила прикрыть вора; это дало

ему возможность заняться своей спеціальностью въ сферѣ болѣе обширной, болѣе прибыльной и, главное болѣе безопасной; затѣмъ, «честь» полка обошлась во все то число людей, которое погибло отъ лишеній; въ то, что Ростовъ могъ вылетѣть изъ полка, хотя представлялъ всѣ задатки на хорошаго члена его; въ то, наконецъ, что одинъ изъ лучшихъ офицеровъ попалъ подъ судъ и если не будетъ уничтоженъ, то, конечно, благодаря какой нибудъ счастливой случайности, а не обыкновенному ходу дѣлъ.

Можетъ быть возразятъ: что не Телянинъ, такъ другой; что все же это авторская подтасовка; что, наконецъ, на войнѣ лишенія неизбѣжны. На первое замѣтимъ, что не будь это именно Телянинъ, — Денисову и въ голову бы не пришло «росписываться»; при томъ же нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы на мѣсто Телянина не попалъ человѣкъ честный, если бы г. Телянина лишили въ полку возможности попасть на какое либо другое мѣсто. Что же до авторской подтасовки, то противъ нее мы ничего не имѣемъ, если она дышетъ жизненной правдой: при этомъ условіи она перестаетъ быть подтасовкой, а поднимается на высоту художественнаго, поэтически вѣрнаго сопоставленія лицъ и дѣйствій. Все разсказанное произошло самымъ естественнымъ образомъ: Телянинъ поступилъ въ провіантское вѣдомство, потому что такіе господа любятъ мѣста теплыя; представился онъ съ формуляромъ незапятнаннымъ—не принять его не было резону. Все остальное пошло какъ по маслу. Одно похоже на натяжку: что онъ попалъ именно въ тотъ штабъ, отъ котораго зависѣлъ полкъ Денисова; но и подобное сближеніе двухъ дѣйствующихъ лицъ до такой степени просто и естественно, до такой степени часто бываетъ на самомъ дѣлѣ, что было бы смѣшно считать его натяжкой и въ настоящемъ случаѣ. Авторскія подстройки даютъ чувствовать, заблаговременно, куда авторъ гнетъ: я, напр., убѣжденъ, что гр. Толстой женитъ Ростова на княжнѣ Болконской, а Безухова на Наташѣ; и поэтому нахожу, что тутъ какъ будто подстройка; но во всей исторіи Телянина до такой степени нѣтъ ничего подобнаго, что, провѣривъ свои впечатлѣнія, всякій, читавшій «Войну и Миръ», вѣроятно признаетъ сцену о томъ, какъ Денисовъ обезпокоилъ почтеннаго провіантскаго дѣятеля столь же естественною, сколь неожиданною. Что же до того, что на войнѣ лишенія неизбѣжны, то это совершенно вѣрно; но они могутъ быть болѣе или менѣе велики, и конечно никто спорить не станетъ, что у коммисіонера со свойствами г. Телянина они должны были выйти очень велики. Не знаю, достаточно ли ясно слѣдуетъ изъ сказаннаго та мысль, что не будь

фальшивыхъ представленій о чести полка, войсковой
ганизмъ легко и свободно очистился бы отъ того
цента презрѣнныхъ личностей, которые бывъ уличен
чемъ либо позорномъ въ своей части, все таки про
жаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ему, а иногда д
и прежней своей части, неисчислимый вредъ; для мен
мысль представляется какъ естественный и логическій выводъ
совершенно объективнаго разсказа гр. Толстаго. И въ этомъ
моему мнѣнію, лучшее свидѣтельство художественности разс
авторъ описываетъ самый простой, обыденный случай безъ
лѣйшей тенденціозности; а между тѣмъ для всякаго, маломал
внимательно читающаго его произведеніе, внутренній смыслъ
сказа представляется самъ собою, безъ малѣйшаго, со стор
автора, усилія натолкнуть читателя на то, либо другое заключ

Мы не продолжаемъ развивать нравственныя послѣдствія
Денисова того, что г. Телянинъ былъ спущенъ втихомолку
полка; не продолжаемъ потому, что всѣ, читавшіе «Мир
Войну», вѣроятно помнятъ сцену свиданія Ростова съ Денисов
въ госпиталѣ, при которомъ послѣдній не распрашиваетъ уже
про полкъ, ни про общій ходъ дѣла, что ему это было
непріятно; и что все вниманіе его сосредоточивалось на за
сахъ, которые получалъ изъ комиссіи, и на отвѣтахъ, кото
онъ давалъ на эти запросы. Закончимъ разборъ этого эпи
однимъ вопросомъ: принимая въ соображеніе то обстоятельс
что въ бою великіе подвиги части зависятъ именно отъ двух
трехъ человѣкъ въ родѣ Денисова, во сколько бы обошлось п
отсутствіе его, предполагая серіезное дѣло? А вѣдь это отсутс
въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не р
лись заклеймить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.

Боясь наскучить читателю, не буду разбирать другихъ с
войсковаго быта. Всѣ лица въ нихъ до того типичны, что Д
ховы, Тимохины и проч. обратятся вѣроятно въ имена нар
тельныя, подобно тому, какъ обратились уже въ нарицатель
имена: Ноздрева, Собакевича, Манилова и другихъ героевъ Го
Но не могу перейти къ боевымъ сценамъ, не упомянувъ еще
одномъ типѣ, очерченномъ гр. Толстымъ превосходно,—о т
офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти и потому изыскив
щихъ кратчайшіе и легчайшіе для того ходы. Борисъ Друбец
и Бергъ—представители этого типа, конечно съ различіями,
словленными мѣрою способностей и характеромъ національн
каждаго. Какъ первый ловко подмѣчаетъ,

ро въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана
уставѣ и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе суще-
венная субординація, та, которая заставляла генерала почтительно дожидаться
то время, когда капитанъ князь Андрей, для своего удовольствія, находилъ
ѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ";

съ какою похвальною, непоколебимою, быстрою рѣшимостью
рисъ положилъ «служить впредь не по той писанной въ уставѣ,
по этой, неписанной субординаціи!»

Къ несчастію нѣтъ арміи въ мирѣ, по крайней мѣрѣ въ на-
оящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не была въ
ду, и пройдетъ много времени, пока она выведется; да и вы-
дется ли?...

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и не нуждается
этомъ, ибо обладаетъ снаровкой, не такой утонченной и быст-
й, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Снаровка его за-
ючается «въ умѣньѣ не потеряться», т. е. отмалчиваться передъ
альникомъ, какъ бы онъ ни пушилъ и съ какими бы онъ на-
ойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, къ вамъ ни
ращался.

Кто ты нѣмой, что ли? онъ закричалъ. Я все молчу. Что жъ вы думаете, графъ?
другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться".

акіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не
йти далеко, еслибъ даже и хотѣли; не могутъ потому, что ясно
дятъ и разумѣютъ, отъ чего зависитъ быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстаго не менѣе поучительны: вся внут-
нняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоре-
ковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая
спѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ
еликолѣпно-рельефныхъ картинахъ. Разница между его описаніями
раженій и описаніями историческими такая-же, какъ между
андшафтомъ и топографическимъ планомъ: первый даетъ меньше,
етъ съ одной точки, но даетъ доступнѣе глазу и сердцу чело-
ка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа
горонъ, даетъ мѣстность на десятки верстъ, но даетъ въ услов-
омъ чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изобра-
аемыми предметами; и потому на немъ все мертво, безжизненно,
аже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ исто-
ическихъ описаній сраженій: знаешь движенія дивизій, рѣдко пол-
овъ, еще рѣже баталіоновъ; «двинулись, не смотря на сильный
гонь, ворвались, опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны
езервами» и т. д. Нравственная физіономія личностей руководя-
ихъ, борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующая

всякой рѣшимости, все это исчезаетъ—и изъ факта, сложивша
изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ си
потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? нашлу
нумизматъ не распознаетъ. Конечно есть исключенія: но
крайне рѣдки и, во всякомъ случаѣ, далеко не оживляютъ пе
вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшафт
т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ о
точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и
и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а р
лись они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй,
этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ т
что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и
эти несуществовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ
треннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотом
описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица
образовъ и въ которыхъ вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Н
проч. можно было бы, безъ всякой потери, поставить цифры
буквы. Эти «выдуманные» образы передъ вами живутъ и дѣй
ютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя не
нимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить
военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, къ чему
себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ста
ихъ наряду съ указаніями марш. Саксонскаго, Суворова, Б
наконецъ Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ
сказѣ гр. Толстаго не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыс
а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, и
ставленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, в
домъ, словомъ,—если взять все это въ разсчетъ, то грома
значеніе военныхъ сценъ гр. Толстаго для всякаго военнаго,
нимающаго въ серіезную свое ремесло, станетъ ясно какъ
Попытаемся показать это.

Самую страшную и трудную для начальника задачу во
составляло и будетъ составлять—управленіе войсками во в
боя; управленіе не въ томъ смыслѣ, чтобы каждому указать т
его роль—это и невозможно и смыслу не имѣетъ, при безконе
измѣнчивости боевой обстановки,—а въ томъ, чтобы духъ всяк
такъ сказать, наладить дѣлать то, чего потребуютъ отъ него
стоятельства.

Чтобы понять всю трудность этой задачи, стоитъ проч
очеркъ нравственнаго состоянія войскъ передъ началомъ боя,
лаемый Трошю:

„Увлеченіе, храбрость, умственныя способности наконецъ, имѣютъ свои хорошіе и плохіе дни. Заботы о семьѣ или дѣлахъ, нравственное состояніе, состояніе здоровья, излишекъ холода, избытокъ тепла, усталость, голодъ, жажда, безусловно дѣйствуютъ на то расположеніе, съ которымъ каждый идетъ въ бой. Извѣстно, что въ эпоху войнъ первой имперіи мужество нѣкоторыхъ генераловъ, дѣйственность въ себѣ солдатъ росли или падали въ зависимости отъ того, находился ли по близости императоръ, или же его не было".

„... Эта внутренняя тревога, тщательно сдерживаемая, остается скрытою во время передвиженій, предшествующихъ бою; когда часть вступаетъ въ ту сферу, гдѣ свистъ первыхъ снарядовъ, бросаемыхъ издали и потому неопасныхъ, или вчти неопасныхъ, предупреждаетъ о томъ, что предстоитъ,—впечатлѣнія людей обнаруживаются мертвымъ только молчаніемъ. Для командировъ это именно та минута, въ которую слѣдуетъ подѣйствовать на солдата спокойнымъ видомъ, словомъ, сказаннымъ кстати и съ духомъ. Въ подобныя минуты импер. Наполеонъ объѣзжалъ линіи, готовыя завязать бой, и обращался къ нимъ съ словами, могущими наэлектризовать солдата".

Все это превосходно и вѣрно; но чтобы понять глубокое знаніе и практичность совѣтовъ Трошю, нужно или самому пройти ученіе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ бледные, отрывочные слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, составленій болѣе сильныхъ дѣятелей, и т. под. Разсказъ гр. Толстаго, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: разсказъ показываетъ не только, что нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается, при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля. Въ отношеніи разбираемаго вопроса, т. е., управленія людьми во время боя, мы не знаемъ ничего выше страницъ, живописующихъ Багратіона въ первыя минуты дѣла подъ Голлабрюномъ.

Сцена до крайности проста и именно потому и поразительна: раздаются первые выстрѣлы; Багратіонъ, «на каремъ лицѣ котораго, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто невыспавшимися глазами», рѣшительно нельзя было видѣть «думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту»,—Багратіонъ подъѣзжаетъ къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи, къ батареѣ капитана Тушина. Все что ему доносятъ, или что онъ видитъ, Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто все это было именно то, что онъ предвидѣлъ; если заговоритъ, онъ произноситъ слова особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда; провиставшее ядро убило наповалъ казака, ѣхавшаго въ свитѣ; сосѣди его шарахнулись: «князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ бы говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! и пріостановилъ лошадь, чтобы поправить зацѣпившуюся

всякой рѣшимости, все это исчезаетъ—и изъ факта, сложившаг
изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сил
потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? наплуч
нумизматъ не распознаетъ. Конечно есть исключенія: но
крайне рѣдки и, во всякомъ случаѣ, далеко не оживляютъ пер
вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшафт
т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ од
точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и пр
и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а р
лись они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй,
этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ т
что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и
эти несуществовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ
треннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотом
описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица
образовъ и въ которыхъ вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Не
проч. можно было бы, безъ всякой потери, поставить цифры
буквы. Эти «выдуманные» образы передъ вами живутъ и дѣйс
ютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя нес
нимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить
военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, къ чему
себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло стан
ихъ наряду съ указаніями марш. Саксонскаго, Суворова, Бю
накопецъ Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ
сказѣ гр. Толстаго не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыс
а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, пр
ставленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, в
домъ, словомъ,—если взять все это въ разсчетъ, то грома
значеніе военныхъ сценъ гр. Толстаго для всякаго военнаго,
нимающаго въ серіезную свое ремесло, станетъ ясно какъ д
Попытаемся показать это.

Самую страшную и трудную для начальника задачу вс
составляло и будетъ составлять—управленіе войсками во вр
боя; управленіе не въ томъ смыслѣ, чтобы каждому указать то
его роль—это и невозможно и смыслу не имѣетъ, при безконеч
измѣнчивости боевой обстановки,—а въ томъ, чтобы духъ всяк
такъ сказать, наладить дѣлать то, чего потребуютъ отъ него
стоятельства.

Чтобы понять всю трудность этой задачи, стоитъ проч
очеркъ нравственнаго состоянія войскъ передъ началомъ боя,
лаемый Трошю:

„Увлеченіе, храбрость, умственныя способности наконецъ, имѣютъ свои хорошіе и плохіе дни. Заботы о семьѣ или дѣлахъ, нравственное состояніе, состояніе здоровья, излишекъ холода, избытокъ тепла, усталость, голодъ, жажда, безусловно дѣйствуютъ на то расположеніе, съ которымъ каждый идетъ въ бой. Извѣстно, что въ эпоху войнъ первой имперіи мужество нѣкоторыхъ генераловъ, увѣренность въ себѣ солдатъ росли или падали въ зависимости отъ того, находился ли по близости императоръ, или же его не было“.

„... Эта внутренняя тревога, тщательно сдерживаемая, остается скрытою во время передвиженій, предшествующихъ бою; когда часть вступаетъ въ ту сферу, гдѣ свистъ первыхъ снарядовъ, бросаемыхъ издали и потому неопасныхъ, или почти неопасныхъ, предупреждаетъ о томъ, что предстоитъ,—впечатлѣнія людей обнаруживаются мертвымъ только молчаніемъ. Для командировъ это именно та минута, въ которую слѣдуетъ подѣйствовать на солдата спокойнымъ видомъ, словомъ, сказаннымъ кстати и съ духомъ. Въ подобныя минуты импер. Наполеонъ объѣзжалъ линіи, готовыя завязать бой, и обращался къ нимъ съ словами, могущими наэлектризовать солдата“.

Все это превосходно и вѣрно; но чтобы понять глубокое значеніе и практичность совѣтовъ Трошю, нужно или самому пройти крещеніе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ жидкіе, отрывочные слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, наставленій болѣе сильныхъ дѣятелей, и т. под. Разсказъ гр. Толстаго, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: разсказъ показываетъ не только, что нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается, при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля. Въ отношеніи разбираемаго вопроса, т. е., управленія людьми во время боя, мы не знаемъ ничего выше страницъ, живописующихъ Багратіона въ первыя минуты дѣла подъ Голлабрюномъ.

Сцена до крайности проста и именно потому и поразительна: раздаются первые выстрѣлы; Багратіонъ, «на каремъ лицѣ котораго, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто невыспавшимися глазами», рѣшительно нельзя было видѣть «думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту»,—Багратіонъ подъѣзжаетъ къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи, къ батареѣ капитана Тушина. Все что ему доносятъ, или что онъ видитъ, Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто все это было именно то, что онъ предвидѣлъ; если заговоритъ, онъ произноситъ слова особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда; просвиставшее ядро убило наповалъ казака, ѣхавшаго въ свитѣ; сосѣди его шарахнулись: «князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ бы говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! и пріостановилъ лошадь, чтобы поправить зацѣпившуюся

туть: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носить походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командиръ. И вотъ требуется ротный командиръ, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выраженій добраго стараго времени. Напускаются и на солдата; но послѣдній оказался не изъ безотвѣтныхъ. Можно ожидать, что за отвѣты начальнику его, если не предадуть суду, то, по крайности хоть какъ нибудь приведуть въ чувство; ничуть не бывало: оказалось, что командиръ горячился и выходилъ изъ себя только при условіи безмолвія съ противной стороны—нравственная упругость его за эту черту не шла.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ: «ѣдетъ».

„Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перегнулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ. „—Сми-р-р-но! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику".

Подобныя сцены, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе.

Вотъ начальникъ части, хотя и небольшой, но все же достаточно сильной, чтобы въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію, приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть на столько чувства личнаго достоинства и нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность: приготовленъ ли онъ ко всему этому—пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвшись въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если, замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты общія съ поведеніемъ этого полковаго командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, онъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатичнаго чувства. Вѣрное изображеніе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбито два переднихъ

зуба прикладомъ: стало онъ видалъ виды и боевую упругусть имѣетъ, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожитъ; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно разскажетъ потомъ начальнику, что тамъ было и какъ было, и ужь конечно наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите, наконецъ, на буйномъ, необузданномъ, энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальныя лица въ свѣтѣ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, кто они таковы и почему они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серіезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиванье за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: за тѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра, твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы «не марать мундира», спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ по его собственному желанію. За тѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется привольнѣе, люди менѣе загнаны нравственно; не особенно заняты они своей боевой спеціальностью, но и не погрязли въ тинѣ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отно-

тутъ: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носитъ походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командиръ. И вотъ требуется ротный командиръ, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выраженій добраго стараго времени. Напускаются и на солдата; но послѣдній оказался не изъ безотвѣтныхъ. Можно ожидать, что за отвѣты начальнику его, если не предадутъ суду, то, по крайности хоть какъ нибудь приведутъ въ чувство; ничуть не бывало: оказалось, что командиръ горячился и выходилъ изъ себя только при условіи безмолвія съ противной стороны—нравственная упругость его за эту черту не шла.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ: «ѣдетъ».

„Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перегнулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ. „—Сми-р-р-но! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику".

Подобныя сцены, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе.

Вотъ начальникъ части, хотя и небольшой, но все же достаточно сильной, чтобы въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію, приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть на столько чувства личнаго достоинства и нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность: приготовленъ ли онъ ко всему этому—пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвшись въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если, замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты общія съ поведеніемъ этого полковаго командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, онъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатичнаго чувства. Вѣрное изображеніе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбито два переднихъ

зуба прикладомъ: стало онъ видалъ виды и боевую упругусть имѣетъ, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожитъ; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно разскажетъ потомъ начальнику, что тамъ было и какъ было, и ужь конечно наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите, наконецъ, на буйномъ, необузданномъ, энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальныя лица въ свѣтѣ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, кто они таковы и почему они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серіезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиванье за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: за тѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра, твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы «не марать мундира», спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ по его собственному желанію. За тѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется привольнѣе, люди менѣе загнаны нравственно; не особенно заняты они своей боевой спеціальностью, но и не погрязли въ тинѣ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отно-

шенія къ боевому дѣлу мелочей, которыя въ конецъ измочаливаютъ внутренняго человѣка. Передъ нами небольшой кружокъ: Денисовъ—впослѣдствіи знаменитый партизанъ Давыдовъ; Ростовъ—юнкеръ его эскадрона, и г. Телянинъ—одинъ изъ офицеровъ того же эскадрона, за что-то переведенный въ полкъ изъ гвардіи, передъ походомъ. Онъ держитъ себя очень хорошо: но сердце къ нему не лежитъ. Денисовъ и Ростовъ на минуту отлучаются изъ избы, оставя въ ней г. Телянина одного. Нѣсколько минутъ спустя, Телянинъ уходитъ; а еще нѣсколько минутъ спустя, Денисовъ хватился своего кошелька и не нашелъ его. Не стану дѣлать блѣднаго очерка этого казуса, ибо увѣренъ, что кто рѣшится прочесть этотъ разборъ, уже давно прочелъ разбираемую сцену въ самомъ романѣ. Дѣло въ томъ, что Ростовъ накрываетъ Телянина съ кошелькомъ въ трактирѣ и сгоряча, по юношески,—и по здравому смыслу также,—докладываетъ объ этомъ полковому командиру въ присутствіи другихъ офицеровъ. Полковой командиръ сказалъ, что это неправда, Ростовъ наговорилъ ему «глупостей»; офицеры собрались, чтобы убѣдить Ростова извиниться передъ «Богданычемъ», какъ они между собою называли полковаго командира. Ростовъ упрямится на основаніи того же, незатемненнаго фальшивыми представленіями, убѣжденія, что онъ правъ и что человѣку, знающему, что ему говорятъ правду, странно называть эту правду ложью.

Его сбиваетъ съ этой точки ветеранъ полка, два раза разжалованный за дѣла чести, два раза выслуживавшійся, сѣдѣющій уже штабсъ-ротмистръ Кирстенъ. Прямой, честный, симпатическій, сросшійся съ полкомъ. Полкъ для него родина, семья, все; одинъ изъ тѣхъ людей, которые себя не могутъ понять безъ полка и безъ которыхъ полку не достанетъ чего-то. Кому же и понимать честь полка, какъ не ему?

„... Что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать (?) весь полкъ! Изъ за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ, что ли по вашему? А по нашему не такъ... А теперь, какъ дѣло хотятъ замять (!), такъ вы изъ за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать“. И т. д.

Въ этой аргументаціи, что ни слово, то непослѣдовательность; а между тѣмъ всѣмъ, слушавшимъ почтеннаго штабсъ-ротмистра, рѣчь его казалась торжествомъ логики, пронявшей, наконецъ, и самаго Ростова, тѣмъ болѣе, что дальше рѣчь приправляется упреками въ томъ родѣ, это ему «своя фанаберія дорога»...

Во первыхъ, какимъ образомъ полкъ можетъ считаться отвѣтственнымъ за навязаннаго господина и навязаннаго какъ? пере-

веденнаго за что-то изъ другой части? во вторыхъ, если низкій поступокъ офицера марает полкъ, то почему же не марает полка такой же поступокъ, сдѣланный солдатомъ? А это вѣдь случается; положимъ, не часто, но случается во всякой части, и этого не скрываютъ; въ третьихъ,—допуская даже солидарность всего полка со всякимъ, даже и съ гнилымъ, членомъ его,—что собственно составляетъ дѣйствительный позоръ: низкій ли поступокъ, или же огласка его? Намъ кажется, что чѣмъ сильнѣе проникнуто извѣстное общество чувствомъ чести, тѣмъ болѣе рѣшительно и явно должно оно извергать изъ себя все то, что оскорбляетъ это чувство: вѣдь покрываетъ воръ вора; честный человѣкъ не долженъ покрывать вора, или, въ противномъ случаѣ, онъ становится какъ бы его сообщникомъ. Какимъ, наконецъ, образомъ Кирстенъ, который всадилъ бы пулю всякому, кто его заподозрилъ бы въ недостаткѣ правдивости, нравственно казнитъ въ этомъ случаѣ Ростова именно за правдивость, и съ горечью говоритъ, что онъ мѣшаетъ «замять» дѣло? Или и этотъ честный служака, въ которомъ нѣтъ ничего показнаго, которому жизнь копѣйка, вѣруетъ въ ту аксіому, что грѣхъ не бѣда, молва не хороша. Оказывается, что какъ будто такъ, хотя, вѣроятно, это ни самому Кирстену, ни его товарищамъ не приходило въ голову.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ столько безсознательной и по этому именно грустной лжи, что становится весьма тяжело, когда подумаешь, къ какимъ она приводитъ послѣдствіямъ: скорѣе часто, чѣмъ рѣдко приводитъ. Впрочемъ, будемъ слѣдить за развитіемъ факта по разсказу гр. Толстаго; рядомъ съ логикой, въ которой все построено на предразсудкахъ, этотъ разсказъ покажетъ намъ другую, неумолимую логику—логику природы вещей, въ силу которой нелѣпый поступокъ неминуемо порождаетъ нелѣпыя послѣдствія, казнящія за этотъ поступокъ.

Съ Ростовымъ говорятъ такъ, какъ будто главная вина заключается уже въ опрометчивости, а не въ томъ, что ей подало поводъ; немножко поупорствуй онъ—и дѣло, можетъ быть повернулось бы для него очень плохо. Рѣшись онъ поставить на своемъ, и рано или поздно его почти навѣрное выкурили бы изъ полка, и можетъ быть даже со скандаломъ: ибо что же стѣсняться съ человѣкомъ, который такъ равнодушенъ къ «чести» полка?

Но онъ сдается: „я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще?...
— Вотъ это такъ, графъ, поворачиваясь крикнулъ штабсъ-ротмистръ, ударя его большой рукой по плечу.
— Я тебѣ говорю, закричалъ Денисовъ,—онъ малый славный".

Слѣдовательно, начинало уже зарождаться убѣжденіе въ томъ,

что онъ не «славный малый», и это въ Денисовѣ, который зналъ Ростова и душою лежалъ къ нему. . И все изъ за чего? Изъ за того, что онъ назвалъ воромъ господина, взявшаго изъ подъ подушки чужой кошелекъ. Но этимъ не кончилось: г. Телянинъ исключенъ изъ полка по болѣзни, которая ему не помѣшала, впрочемъ, впослѣдствіи поступить въ провіантское вѣдомство. Въ 1807 году мы застаемъ его уже коммиссіонеромъ въ штабѣ; Гусарскій полкъ, въ которомъ болѣзнь помѣшала г. Телянину служить, входитъ въ число частей, состоящихъ на попеченіи сказаннаго штаба. Дошло въ полку до того, что солдаты питались какимъ то горькимъ машкинымъ корнемъ, который они почему-то называли сладкимъ, а лошади—соломой съ крышъ. Денисовъ не въ состояніи былъ болѣе выносить подобнаго положенія, которое тянулось уже около двухъ недѣль, и въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день отбилъ транспортъ, шедшій по близости его расположенія въ какую то пѣхотную часть. Не красиво, слова нѣтъ; но въ подобномъ положеніи на 100 начальниковъ изъ тѣхъ, которымъ ихъ солдатъ дороже личной отвѣтственности, по крайней мѣрѣ 90 сдѣлали бы то же самое; и оправданіе ихъ было бы то же самое, вѣроятно, которое представилъ, поѣхавъ въ штабъ для объясненій, Денисовъ: «Разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ». Тѣмъ не менѣе позволили росписаться въ этомъ провіантѣ, яко бы въ принятомъ по всѣмъ правиламъ искусства и съ должнымъ соблюденіемъ формъ. Пошелъ росписываться и встрѣчаетъ—Телянина. «Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!» и т. д., что читателямъ извѣстно. Отбитіе транспорта еще бы согласились, можетъ быть, замазать, хотя отъ этого плохо пришлось цѣлому пѣхотному полку; но оскорбленіе одного изъ тѣхъ, кто былъ прямымъ виновникомъ рѣшимости Денисова на отбитіе—этотъ ужь, конечно, нельзя допустить замазать. По донесенію чиновниковъ оказалось уже, что онъ побилъ не одного, а двухъ и ворвался въ комиссію въ пьяномъ видѣ. Конечно слѣдствіе, судъ. Денисовъ, легко раненый, рѣшился уйти въ госпиталь, чтобы уклониться отъ явокъ и всякихъ прочихъ мытарствъ; какъ человѣкъ, дѣло котораго было рубить, а не судиться, онъ съ внутреннимъ ужасомъ бѣжалъ отъ этой новой дѣятельности, въ которой долженъ былъ явиться паціентомъ, не имѣя и понятія даже о тѣхъ крючкахъ и увертках, при помощи которыхъ онъ могъ бы если не совершенно спастись, то, по крайней мѣрѣ, поплатиться возможно меньше.

И такъ, «честь» полка заставила прикрыть вора; это дало

у возможность заняться своей спеціальностью въ сферѣ болѣе ширной, болѣе прибыльной и, главное болѣе безопасной; затѣмъ, есть» полка обошлась во все то число людей, которое погибло ь лишеній; въ то, что Ростовъ могъ вылетѣть изъ полка, хотя едставлялъ всѣ задатки на хорошаго члена его; въ то, наконецъ, что одинъ изъ лучшихъ офицеровъ попалъ подъ судъ и если будетъ уничтоженъ, то, конечно, благодаря какой нибудъ счаливой случайности, а не обыкновенному ходу дѣлъ.

Можетъ быть возразятъ: что не Телянинъ, такъ другой; что е же это авторская подтасовка; что, наконецъ, на войнѣ лишенія небѣжны. На первое замѣтимъ, что не будь это именно Телянъ, — Денисову и въ голову бы не пришло «росписываться»; и томъ же нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы на сто Телянина не попалъ человѣкъ честный, если бы г. Телянна лишили въ полку возможности попасть на какое либо друе мѣсто. Что же до авторской подтасовки, то противъ нее мы чего не имѣемъ, если она дышетъ жизненной правдой: при омъ условіи она перестаетъ быть подтасовкой, а поднимается высоту художественнаго, поэтически вѣрнаго сопоставленія цъ и дѣйствій. Все разсказанное произошло самымъ естественмъ образомъ: Телянинъ поступилъ въ провіантское вѣдомство, тому что такіе господа любятъ мѣста теплыя; представился онъ формуляромъ незапятнаннымъ—не принять его не было резо. Все остальное пошло какъ по маслу. Одно похоже на нажку: что онъ попалъ именно въ тотъ штабъ, отъ котораго засѣлъ полкъ Денисова; но и подобное сближеніе двухъ дѣйствуюихъ лицъ до такой степени просто и естественно, до такой стени часто бываетъ на самомъ дѣлѣ, что было бы смѣшно счить его натяжкой и въ настоящемъ случаѣ. Авторскія подстройки ютъ чувствовать, заблаговременно, куда авторъ гнетъ: я, напр., ѣжденъ, что гр. Толстой женитъ Ростова на княжнѣ Болнской, а Безухова на Наташѣ; и поэтому нахожу, что тутъ къ будто подстройка; но во всей исторіи Телянина до такой епени нѣтъ ничего подобнаго, что, провѣривъ свои впечатлѣнія, якій, читавшій «Войну и Миръ», вѣроятно признаетъ сцену о мъ, какъ Денисовъ обезпокоилъ почтеннаго провіантскаго дѣля столь же естественною, сколь неожиданною. Что же до то, что на войнѣ лишенія неизбѣжны, то это совершенно вѣрно; они могутъ быть болѣе или менѣе велики, и конечно никто орить не станетъ, что у коммисіонера со свойствами г. Телянна они должны были выйти очень велики. Не знаю, достачно ли ясно слѣдуетъ изъ сказаннаго та мысль, что не будь

фальшивыхъ представленій о чести полка, войсковой
ганизмъ легко и свободно очистился бы отъ того
цента презрѣнныхъ личностей, которые бывъ уличены
чемъ либо позорномъ въ своей части, все таки про
жаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ему, а иногда да
и прежней своей части, неисчислимый вредъ; для меня
мысль представляется какъ естественный и логическій выводъ
совершенно объективнаго разсказа гр. Толстаго. И въ этомъ,
моему мнѣнію, лучшее свидѣтельство художественности разск
авторъ описываетъ самый простой, обыденный случай безъ
лѣйшей тенденціозности; а между тѣмъ для всякаго, маломал
внимательно читающаго его произведеніе, внутренній смыслъ
сказа представляется самъ собою, безъ малѣйшаго, со стор
автора, усилія натолкнуть читателя на то, либо другое заключе

Мы не продолжаемъ развивать нравственныя послѣдствія
Денисова того, что г. Телянинъ былъ спущенъ втихомолку
полка; не продолжаемъ потому, что всѣ, читавшіе «Мир
Войну», вѣроятно помнятъ сцену свиданія Ростова съ Денисов
въ госпиталѣ, при которомъ послѣдній не распрашиваетъ уже
про полкъ, ни про общій ходъ дѣла, что ему это было д
непріятно; и что все вниманіе его сосредоточивалось на зап
сахъ, которые получалъ изъ комиссіи, и на отвѣтахъ, кото
онъ давалъ на эти запросы. Закончимъ разборъ этого эпи
однимъ вопросомъ: принимая въ соображеніе то обстоятельс
что въ бою великіе подвиги части зависятъ именно отъ двух
трехъ человѣкъ въ родѣ Денисова, во сколько бы обошлось ш
отсутствіе его, предполагая серіезное дѣло? А вѣдь это отсутст
въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не р
лись заклеймить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.

Боясь наскучить читателю, не буду разбирать другихъ сц
войсковаго быта. Всѣ лица въ нихъ до того типичны, что Д
ховы, Тимохины и проч. обратятся вѣроятно въ имена нари
тельныя, подобно тому, какъ обратились уже въ нарицатель
имена: Ноздрева, Собакевича, Манилова и другихъ героевъ Гог
Но не могу перейти къ боевымъ сценамъ, не упомянувъ еще
одномъ типѣ, очерченномъ гр. Толстымъ превосходно,—о т
офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти и потому изыскив
щихъ кратчайшіе и легчайшіе для того ходы. Борисъ Друбец
и Бергъ—представители этого типа, конечно съ различіями, о
словленными мѣрою способностей и характеромъ національно
каждаго. Какъ первый ловко подмѣчаетъ,

то въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана уставѣ и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла генерала почтительно дожидаться то время, когда капитанъ князь Андрей, для своего удовольствія, находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ“;

съ какою похвальною, непоколебимою, быстрою рѣшимостью Борисъ положилъ «служить впредь не по той писанной въ уставѣ, по этой, неписанной субординаціи!»

Къ несчастію нѣтъ арміи въ мирѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не была въ ходу, и пройдетъ много времени, пока она выведется; да и выведется ли?...

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и не нуждается въ этомъ, ибо обладаетъ снаровкой, не такой утонченной и быстрой, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Снаровка его заключается «въ умѣньѣ не потеряться», т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, какъ бы онъ ни пушилъ и съ какими бы онъ настойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, къ вамъ ни обращался.

Что ты нѣмой, что ли? онъ закричалъ. Я все молчу. Что жъ вы думаете, графъ? На другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться“.

Такіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не пойти далеко, еслибъ даже и хотѣли; не могутъ потому, что ясно видятъ и разумѣютъ, отъ чего зависитъ быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстаго не менѣе поучительны: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоретиковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ великолѣпно-рельефныхъ картинахъ. Разница между его описаніями сраженій и описаніями историческими такая-же, какъ между ландшафтомъ и топографическимъ планомъ: первый даетъ меньше, даетъ съ одной точки, но даетъ доступнѣе глазу и сердцу человѣка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа сторонъ, даетъ мѣстность на десятки верстъ, но даетъ въ условномъ чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изображаемыми предметами; и потому на немъ все мертво, безжизненно, даже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ историческихъ описаній сраженій: знаешь движенія дивизій, рѣдко полковъ, еще рѣже баталіоновъ; «двинулись, не смотря на сильный огонь, ворвались, опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами» и т. д. Нравственная физіономія личностей руководящихъ, борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующая

всякой рѣшимости, все это исчезаетъ—и изъ факта, сложившат
изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сп
потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? наплу
нумизматъ не распознаетъ. Конечно есть исключенія: но
крайне рѣдки и, во всякомъ случаѣ, далеко не оживляютъ пе
вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшаф
т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ о
точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и
и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а р
лись они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй,
этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ т
что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и
эти несуществовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ
треннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотом
описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица
образовъ и въ которыхъ вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Не
проч. можно было бы, безъ всякой потери, поставить цифры
буквы. Эти «выдуманные» образы передъ вами живутъ и дѣй
ютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя не
нимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить
военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, къ чему
себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ста
ихъ наряду съ указаніями марш. Саксонскаго, Суворова, Б
наконецъ Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ
сказѣ гр. Толстаго не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мы
а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, п
ставленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, в
домъ, словомъ,—если взять все это въ разсчетъ, то грома
значеніе военныхъ сценъ гр. Толстаго для всякаго военнаго,
нимающаго въ серіезную свое ремесло, станетъ ясно какъ д
Попытаемся показать это.

Самую страшную и трудную для начальника задачу в
составляло и будетъ составлять—управленіе войсками во в
боя; управленіе не въ томъ смыслѣ, чтобы каждому указать т
его роль—это и невозможно и смыслу не имѣетъ, при безконе
измѣнчивости боевой обстановки,—а въ томъ, чтобы духъ вс
такъ сказать, наладить дѣлать то, чего потребуютъ отъ него
стоятельства.

Чтобы понять всю трудность этой задачи, стоитъ проч
очеркъ нравственнаго состоянія войскъ передъ началомъ боя,
лаемый Трошю:

„Увлеченіе, храбрость, умственныя способности наконецъ, имѣютъ свои хорошіе и плохіе дни. Заботы о семьѣ или дѣлахъ, нравственное состояніе, состояніе здоровья, излишекъ холода, избытокъ тепла, усталость, голодъ, жажда, безспорно дѣйствуютъ на то расположеніе, съ которымъ каждый идетъ въ бой. Извѣстно, что въ эпоху войнъ первой имперіи мужество нѣкоторыхъ генераловъ, бренность въ себѣ солдатъ росли или падали въ зависимости отъ того, находился ли по близости императоръ, или же его не было“.

„... Эта внутренняя тревога, тщательно сдерживаемая, остается скрытою во время передвиженій, предшествующихъ бою; когда часть вступаетъ въ ту сферу, въ которой первыхъ снарядовъ, бросаемыхъ издали и потому неопасныхъ, или нѣсколько неопасныхъ, предупреждаетъ о томъ, что предстоитъ,—впечатлѣнія людей нарушаются мертвымъ только молчаніемъ. Для командировъ это именно та минута, въ которую слѣдуетъ подѣйствовать на солдата спокойнымъ видомъ, словомъ, сказаннымъ кстати и съ духомъ. Въ подобныя минуты импер. Наполеонъ объѣзжалъ линіи, готовыя завязать бой, и обращался къ нимъ съ словами, могущими наэлектризовать солдата“.

Все это превосходно и вѣрно; но чтобы понять глубокое знаніе и практичность совѣтовъ Трошю, нужно или самому пройти крещеніе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ отдѣльные, отрывочные слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, воспоминаній болѣе сильныхъ дѣятелей, и т. под. Разсказъ гр. Толстаго, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: разсказъ показываетъ не только, что нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается, при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля. Въ отношеніи разбираемаго вопроса, т. е., управленія людьми во время боя, мы не найдемъ ничего выше страницъ, живописующихъ Багратіона въ первыя минуты дѣла подъ Голлабрюномъ.

Сцена до крайности проста и именно потому и поразительна: раздаются первые выстрѣлы; Багратіонъ, «на каремъ лицѣ котораго, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто невыспавшимися глазами», рѣшительно нельзя было видѣть «думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту»,—Багратіонъ подъѣзжаетъ къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи, къ батареѣ капитана Тушина. Все что ему доносятъ, или что онъ видитъ, Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто все это было именно то, что онъ предвидѣлъ; если заговоритъ, онъ произноситъ слова особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда; пронесшееся ядро убило наповалъ казака, ѣхавшаго въ свитѣ; сосѣди его шарахнулись: «князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ бы говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! и пріостановилъ лошадь, чтобы поправить зацѣпившуюся

за бурку шпагу». Трудно очертить лучше идеалъ того спокойнаго и, такъ сказать, заразительнаго самообладанія, которое неодолимо должно было сообщиться всѣмъ, попадавшимъ въ сферу его вліянія. «Багратіонъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужь не робѣете ли вы тутъ»? И его понимали и подбадривались.

„Князь Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ кн. Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаніямъ, и къ удивленію замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось, хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ кн. Багратіонъ, кн. Андрей замѣчалъ, что, не смотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много *). Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ кн. Б., становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его, становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли передъ нимъ своею храбростью".

То есть, князь Багратіонъ, какъ опытный полководецъ, понималъ, что въ бою для успѣха прежде всего нужно успокоить людей, а потомъ поддержать и укрѣпить въ нихъ довѣріе къ самимъ себѣ; и онъ дѣлаетъ то и другое—подавляетъ чужое безпокойство и волненіе своимъ каменнымъ спокойствіемъ; находитъ всѣ распоряженія частныхъ начальниковъ хорошими и сообразными его намѣреніямъ, хотя это и не всегда было на самомъ дѣлѣ,—дабы утвердить въ этихъ начальникахъ довѣріе къ самимъ себѣ. Онъ понималъ, что, пустившись въ исправленія, всего бы не сдѣлалъ, а начальниковъ и войска неминуемо бы засуетилъ. Самый простой здравый смыслъ говоритъ, что изъ двухъ людей, исполняющихъ опасное назначеніе, тотъ, который за него берется хоть и не совсѣмъ ловко, но рѣшительно и съ увѣренностью, всегда вѣрнѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ тотъ, который и знаетъ какъ за него взяться наилучшимъ образомъ, но не довѣряетъ собственнымъ силамъ. Если князь Андрей и удивился видимой бездѣятельности Багратіона, то потому только, что онъ составилъ себѣ прямо противоположное дѣйствительности представленіе о томъ, что можетъ и чего не долженъ дѣлать въ бою командиръ значительнаго отряда.

Гр. Толстой ни слова, къ сожалѣнію, не сказалъ о тѣхъ военныхъ взглядахъ, съ которыми его герой выѣхалъ на войну: если бы это было сдѣлано, удивленіе кн. Андрея получило бы совсѣмъ другой колоритъ, чѣмъ тотъ, который оно имѣетъ теперь. Позво-

*) Мы даже полагаемъ, что сдѣлалъ все и притомъ самъ Багратіонъ, а не его присутствіе.

[redacted] себѣ пополнить этотъ пробѣлъ, припомнивъ эпоху, въ которую дѣйствовалъ кн. Андрей, и огромную дозу самомнѣнія, составляющую, суди по очерку автора, характеристическую черту этой личности.

До кампаніи кн. Андрей видѣлъ, конечно, только мирныя упражненія войскъ, установившіяся тогда на точномъ основаніи фридриховскихъ формъ, педантическихъ, потерявшихъ смыслъ и духъ со смертью великаго короля. Эти формы, какъ всякому извѣстно, сводились къ возстановленію развернутаго строя изъ колонны на полныхъ дистанціяхъ и къ движенію развернутыхъ линій: то и другое—съ идеальною правильностью, «чистотой», какъ тогда выражались. Опоздай взводъ зайти въ линію на полъ секунды, разравняйся строй при движеніи на шагъ—и начальники пускали въ ходъ всю свою безконтрольную власть, дабы устранить безпорядки, столь по ихъ мнѣнію ужасные. Нравственная энергія и другія внутреннія свойства личности не цѣнились ни во что, такъ какъ на первый планъ выступили тѣ качества, чисто внѣшнія, которыя были необходимы для достиженія идеала однообразія, стройности, единовременности движенія: эти качества были: для солдата—умѣнье единовременно съ другими производить всякое движеніе; для офицера и начальника, кромѣ того,—богатырскій голосъ и умѣнье скомандовать до такой степени единовременно со своими равными, что для этого необходимы были особыя предварительныя спѣвки. Всякое самомалѣйшее движеніе исполнялось и прекращалось не иначе, какъ по командѣ старшаго начальника, которая, по всей командной лѣстницѣ, нисходила до непосредственныхъ исполнителей. Перевести, безъ команды свыше, свой баталіонъ не то, что на сто или полтораста, а даже на пять шаговъ—было вольнодумствомъ до того неслыханнымъ, что дерзкая мысль о немъ вѣроятно не приходила въ голову современнымъ баталіоннымъ командирамъ даже и во снѣ. Прибавьте къ этому безпрерывную и суетливо-поспѣшную дѣятельность адъютантовъ, скачущихъ по всѣмъ направленіямъ для отдачи приказаній и замѣчаній по самомалѣйшимъ мелочамъ или неправильностямъ,—и предъ вами предстанетъ та среда, въ которой кн. Андрей началъ свое практическое военное воспитаніе.

Были, правда, у насъ преданія чисто русскія, другой тактики и другихъ ученій,—преданія Румянцова, Суворова,—но къ тому времени, когда кн. Андрей долженъ былъ начать свою службу, эти преданія пришибло морозомъ, до такой степени основательнымъ, что ихъ какъ будто и не бывало. Оставались дѣятели, сформировавшіеся подъ вліяніемъ этихъ преданій, но они что то мол-

чали: вѣроятно противное теченіе было слишкомъ сильно; одни не хотѣли, другіе не умѣли ему противустоять и держали про себя то, что приняли, какъ священный завѣтъ, отъ геніальнаго чудака, поднимавшаго свою армію пѣтушьимъ крикомъ, вмѣсто барабаннаго боя, для этого установленнаго.

Обратимся теперь къ теоретической подготовкѣ, какую могъ получить кн. Андрей въ своихъ военныхъ взглядахъ. То было время господства геометрическихъ теорій въ военномъ дѣлѣ. Полагали, что все стратегическое и тактическое знаніе можно свести къ нѣсколькимъ геометрическимъ чертежамъ, заключить его, слѣдовательно, въ рамки точной, вполнѣ опредѣленной науки. Какъ получить перевѣсъ надъ непріятелемъ на театрѣ войны? Нужно имѣть охватывающую базу и объективный уголъ въ 90 градусовъ; отступать по расходящимся отъ непріятеля дорогамъ, наступать къ нему—по сходящимся. Какъ разбить на полѣ сраженія? Слѣдуетъ принять косвенный боевой порядокъ, т. е. обойти непріятеля съ котораго либо изъ фланговъ. Не правдали, какъ все просто и ясно? На бѣду, въ этихъ ясныхъ и простыхъ теоріяхъ проглядѣли самую мелочь т. е., человѣка со всѣми его слабыми и сильными нравственными сторонами; распорядились, однимъ словомъ, такъ, какъ будто вся война происходитъ не въ полѣ, а на доскѣ; линіями и углами, выводимыми мѣломъ, а не составленными изъ людей. Само собою разумѣется, что, чѣмъ сказанныя теоріи были односторонѣе, тѣмъ логическое построеніе ихъ было строже и тѣмъ сильнѣе была увѣренность людей, усвоившихъ эти теоріи, въ томъ, что они знали что такое война и какъ ее дѣлаютъ. Наталкиваясь на факты, опрокидывавшіе ихъ ребяческіе углы и линіи, эти люди, конечно, должны были находить не то, что они ошибаются, а что дѣло ведется не такъ какъ слѣдуетъ.

Особенно это было неизбѣжно въ томъ случаѣ, когда напитавшійся подобными теоріями человѣкъ расположенъ былъ, по врожденнымъ свойствамъ, вѣрить въ безусловную непогрѣшимость своихъ взглядовъ и убѣжденій. Таковъ былъ Фуль, такъ превосходно нарисованный гр. Толстымъ; кн. Андрей тоже былъ Фуль, только передѣланный на русскіе нравы, и при томъ не плебей, а аристократическаго происхожденія: Фуль диллетантъ.

Принявъ въ соображеніе все сказанное о практической и теоретической подготовкѣ кн. Андрея къ военному дѣлу, станетъ понятно, почему онъ былъ такъ удивленъ поведеніемъ Багратіона во время боя подъ Голлабрюномъ. Багратіонъ не суетился и другихъ не суетилъ; разсылалъ адъютантовъ съ приказаніями во много разъ меньше, чѣмъ кн. Андрею случалось видѣть на самыхъ не-

ышихъ ученіяхъ; не устраивалъ никакихъ ученыхъ боевыхъ рядковъ, а распредѣлилъ войска на позиціи, какъ мѣстность го требовала: для героя «Войны и Мира» было ясно какъ день, о этотъ военачальникъ ничего или почти ничего не дѣлалъ. Не отря на это, присутствіе кн. Багратіона, какъ признаетъ кн. дрей, сдѣлало чрезвычайно много. Я полагаю, онъ былъ бѣе правъ, если бы сказалъ, что именно поэтому Багратіонъ ѣлалъ чрезвычайно много. Но онъ не могъ такъ сказать, потому о распоряженіе боемъ рисовалось въ его сознаніи въ только о очерченномъ видѣ. Не знаемъ, намѣренно или нѣтъ гр. Тол-ой выдаетъ своего героя въ разбираемомъ случаѣ; находимъ лько, что его изображеніе еще болѣе выигрываетъ отъ этого ъ художественной правдѣ, являя Болконскаго вполнѣ человѣкомъ юего времени.

Что же до Багратіона, то онъ изображенъ идеально хорошо; ъ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе художественнаго портрета гр. олстаго съ тѣмъ, что говоритъ марш. Саксонскій объ обязан-остяхъ главнокомандующаго въ день сраженія:

„Нужно, чтобы въ день сраженія главнокомандующій ничего не дѣлалъ; онъ же будетъ видѣть происходящее, сохранитъ независимость ума и будетъ бо-е способенъ пользоваться тѣми мгновеніями боя, въ которыя непріятель ста-тъ въ невыгодное положеніе; и когда онъ дождется одного изъ такихъ мгно-ній (quand il verra sa belle), онъ долженъ броситься во весь духъ къ слабому сту, схватить первыя попавшіяся подъ руку войска, двинуть ихъ быстро и не дать себя (payer de sa personne): вотъ отъ чего зависитъ выигрышъ и рѣше-е боя. Я отнюдь не говорю ни гдѣ, ни какъ это должно дѣ-ать, ибо это зависитъ отъ разнообразія мѣстъ и положе-ій, возникающихъ во время боя; сущность въ томъ, чтобы од мѣтить мгновеніе и умѣть имъ воспользоваться“

Какъ читатель можетъ видѣть, авторъ «Войны и Мира» до акой степени вѣрно сдѣлалъ каждый штрихъ своего изображенія, то можно подумать, будто онъ создалъ это изображеніе по об-азцу, указанному марш. Саксонскимъ.

А вотъ идеалъ Болконскаго, набросанный тѣмъ же марш. Сак-онскимъ, какъ указаніе того, чего не слѣдуетъ дѣлать.

„Многіе главнокомандующіе занимаются въ день сраженія только тѣмъ, что тавятъ войска съ строжайшимъ соблюденіемъ равненія и дистанцій, отвѣчаютъ ъ вопросы, съ которыми къ нимъ обращаются адъютанты, разсылаютъ своихъ ъютантовъ во всѣ концы и сами безпрерывно скачутъ; однимъ словомъ они тятъ сами все сдѣлать и оттого ничего не дѣлаютъ. Я считаю такихъ генера-въ людьми, у которыхъ голова идетъ кругомъ. которые болѣе ничего не ви-тъ, и которые умѣютъ дѣлать только то, что они дѣлали всю свою жизнь,— зумѣю фронтовыя ученія. Отчего это происходитъ? Оттого, что весьма мало ть людей, занимающихся высшими сторонами войны; что большинство офице-въ занимается только строевыми ученіями и думаетъ, будто все военное искус-во заключается въ нихъ однихъ: попадая въ главнокомандующіе, такіе офи-ры оказываются полными новичками и, не умѣя дѣлать то, что нужно, и дѣлаютъ то, что умѣютъ.

Мы оставили кн. Багратіона въ ту минуту, когда онъ стоялъ на батареѣ Тушина и на все отвѣчалъ словомъ, или выраженіемъ лица: «хорошо». По новымъ донесеніямъ онъ счелъ за нужное переѣхать къ правому флангу, гдѣ получилъ донесеніе отъ полковаго командира, что полкъ его (сбившійся уже въ кучу) выдержалъ кавалерійскую атаку, «хотя трудно было съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ былъ разбитъ атакой».

„Кн. Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Кн. Андрея поразила въ эту минуту перемѣна, происшедшая въ лицѣ кн. Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ, ни притворно *)—глубокомысленнаго вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и нѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя размѣренность и медленность“.

И такъ минута схвачена; подходятъ баталіоны, живые баталіоны: такіе, какими умѣетъ ихъ рисовать только гр. Толстой. Вотъ они поровнялись, вотъ имъ сказали: «Молодцами ребята!» остановили, приказали снять ранцы.

Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо его ряды **) и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ подъ горы“.

Съ человѣкомъ, который въ подобную минуту все это продѣлываетъ спокойно, люди, каковы бы они ни были, не могутъ не быть спокойны; не могутъ допустить даже мысли, чтобы была на свѣтѣ такая сила, которая ихъ бы сломила и которой они не сломили бы... Настала торжественная минута, именно та, въ которую главнокомандующій не долженъ щадить себя. Багратіонъ—воспитанникъ суворовской школы—угловъ и линій не зналъ, но эти минуты зналъ.

„Съ Богомъ“! проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышнымъ голосомъ, и мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по неровному полю. Кн. Андрей чувствовалъ, что какая то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастіе“.

То, что испытывалъ въ эту минуту кн. Андрей, конечно испытывалъ послѣдній изъ солдатъ въ баталіонахъ, предводимыхъ

---

*) Такъ казалось кн. Андрею.

**) Т. е. заглянулъ въ лицо каждому солдату—повтореніе того же: „ужъ не робѣете ли вы тутъ?“ только въ другой формѣ.

кн. Багратіономъ. Вотъ что выигрываетъ и рѣшаетъ сраженія, скажемъ словами маршала саксонскаго, а не тѣ распоряженія, отсутствіе которыхъ со стороны Багратіона такъ поразило кн. Андрея.... Людямъ, незнакомымъ съ этой страшной игрой, въ которой ставками являются тысячи, иногда и десятки тысячъ человѣческихъ головъ, кажется, будто въ бою стрѣляютъ только пулями, ядрами, картечью,—нѣтъ: тамъ стрѣляютъ еще и живою картечью, т. е. массами людей, и одерживаетъ верхъ только тотъ, кому дана внутренняя сила сплотить массу людей въ одно существо и устремить ихъ къ цѣли съ неуклонимостью бездушнаго снаряда... Кн. Багратіонъ былъ одинъ изъ искусныхъ стрѣлковъ въ этой стрѣльбѣ. Приготовить снарядъ, захвативъ его въ свой взглядъ, прицѣлить, выпустить наконецъ, именно въ ту минуту, когда это сдѣлать всего выгоднѣе—не раньше и не позже—все это вещи до такой степени трудныя, что даются избраннымъ, исключительнымъ натурамъ. И всякій безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что на такихъ людяхъ лежитъ печать избранія,—какъ бы они ни казались иногда незначущи, иногда пошлы, иногда даже грязноваты, въ другихъ, обыденныхъ сферахъ жизни.

Атака двухъ баталіоновъ, предводимыхъ Багратіономъ, конечно была удачна и обезпечила отступленіе на правомъ флангѣ *).

Считаемъ излишнимъ вдаваться въ разборъ происходившаго на остальныхъ пунктахъ мѣста побоища; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи указать на то неподражаемое мастерство, съ которымъ очерчены: добродушная, робкая, штатская, неказистая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, героическая фигура Тушина; сцена распри «Богданыча» съ тѣмъ полковымъ командиромъ, который представлялъ свой полкъ на смотръ подъ Браунау; безсиліе этого послѣдняго остановить свой бѣжавшій полкъ, «не смотря на отчаянный крикъ прежде столь грознаго для солдатъ его голоса»; подвигъ Тимохина—запуганнаго, пьяненькаго Тимохина, съ одною своею ротой возстановляющаго бой; нахальнаго Долохова, лѣзущаго со взятыми трофеями къ полковому командиру и мимоходомъ, за одно, присвоивающаго себѣ то, что сдѣлалъ Тимохинъ, т. е. остановку роты, когда бѣжалъ весь полкъ.

Бой кончился; на всѣхъ пунктахъ приказано отступать.

„Въ темнотѣ какъ будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя шопотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ

---

*) Любопытно было бы знать, кому кн. Андрей приписалъ бы успѣхъ этой атаки и кто, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ атаковалъ: онъ ли, Багратіонъ, не убившій ни одного человѣка, или они, стрѣлявшіе и коловшіе?!

гулѣ, изъ за всѣхъ другихъ звуковъ, яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собой весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи—это было одно и то же».

Остановили.

„Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море“...

Передъ вами, какъ живой, стоитъ тотъ тысячеголовый организмъ, который называютъ войскомъ!

Мало по малу части начали устанавливаться по бивакамъ. По дорогѣ, на которой остановилась батарея Тушина, проходятъ отбившіеся отъ своихъ частей солдаты, раненые; четверо проносятъ на шинели что то тяжелое.—«Кончился, что-жъ его носить? сказалъ одинъ изъ нихъ. — Ну васъ! И они скрылись во мракѣ со своею ношей».

Но вотъ Тушина потребовали къ кн. Багратіону. Для рельефа послѣдующей сцены, обратимся опять къ Трошю.

„Многіе изъ военныхъ усваиваютъ себѣ, часто совершенно искренно и по убѣжденію въ необходимости этого, особенную физіономію, привычки, рѣчь *). Эта манера, такъ сказать напускная, исчезаетъ въ бою неодолимо и замѣняется другой, соотвѣтствующей врожденнымъ инстинктамъ человѣка. Такъ люди хорошаго закала и дѣйствительно храбрые проявляютъ это качество блистательно; другіе, въ обыкновенное время бойкіе на словахъ, когда дѣло идетъ о войнѣ, впадаютъ въ мрачное, убитое молчаніе; храбрые на словахъ, всегда повидимому готовые на бой и поэтому пріобрѣтшіе теоретическую репутацію неустрашимости, являются глубоко смущенными; нѣкоторые даже постыдно исчезаютъ во время дѣла, неспособные обуздать свое волненіе и оцѣнить его послѣствія. Третьи, хотя и подвержены мучительной тревогѣ, сдерживаютъ ее усиліемъ воли; но они ничего не видятъ, не слышатъ, не могутъ собрать своихъ мыслей и одинаково неспособны предводить, или быть предводимыми. Люди хладнокровные, кроткіе, считаемые зачастую робкими **) въ мирное время, обнаруживаютъ увлекающую храбрость и даютъ наилучшій примѣръ; сумасброды, у которыхъ, повидимому, голова не совсѣмъ въ порядкѣ, являютъ спокойствіе, здравость сужденія, распорядительность въ неожиданныхъ размѣрахъ. Во всемъ бой есть безошибочный оселокъ, дающій мѣру способностей и мужества каждаго, помимо его и независимо отъ него.

„Послѣ сраженія, большая часть оставшихся въ живыхъ мало по малу принимаютъ свою обычную манеру и физіономію, повидимому и не помня даже о своемъ преображеніи во время боя; и представляется тогда наблюденію другое, новое зрѣлище: каждый, въ мѣрѣ, допускаемой его положеніемъ, усиливается утвердить за собою славу успѣха, отклонить отвѣтственность за неудачу. Самолюбіе, гордость, честолюбіе заставляютъ пускаться въ продѣлки, которыя часто бываютъ не искренни и даже предосудительны. Бой, во время котораго служили общему дѣлу съ лицомъ, по неволѣ открытымъ, уже забытъ; начинается другой бой—личныхъ интересовъ. Не одинъ ловчакъ является передъ общимъ мнѣніемъ въ маскѣ и требуетъ его благосклонности, съ мѣстомъ въ бюллетенѣ и въ наградномъ спискѣ. И отъ этого, сколько сомнительныхъ подвиговъ, удостоившихся

*) Этотъ намекъ весьма хорошо поясняется одной замѣткой, сдѣланной, если не ошибаемся, Жоржъ Зандъ, которая, характеризуя какого-то генерала, говоритъ: что даже на стаканъ съ водой, который бралъ, онъ считалъ нужнымъ бросить повелительный взглядъ.

**) Тушинъ, Тимохинъ.

чести опубликованія! Сколько подвиговъ дѣйствительной храбости и самоотверженія проходятъ безвѣстно, или узнаются слишкомъ поздно, благодаря тому, что виновники этихъ подвиговъ не трубили объ нихъ, или же поплатились за нихъ жизнью, что часто бываетъ; или же, наконецъ, тяжело изувѣченные, не находятся на лицо.

Часто мнѣ приходилось видѣть все это и каждый разъ становилось тяжело: это эксплуатація войны, въ которой убитые, раненые, безъ вѣсти пропавшіе и скромные проигрываютъ; оставшіеся въ живыхъ, находящіеся на лицо и нахальные — выигрываютъ.

Теперь перейдемъ въ избу, занимаемую кн. Багратіономъ, по близости батареи Тушина. Собрались нѣкоторые изъ начальниковъ частей, свита кн. Багратіона тутъ же.

„Полковой командиръ, представлявшійся подъ Браунау, докладывалъ князю что, какъ только началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса и, пропустивъ дроворубовъ, съ двумя баталіонами ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ.

„Какъ я увидалъ, в. сіят., что первый баталіонъ разстроенъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: „пропущу этихъ и встрѣчу батальнымъ огнемъ"; такъ и сдѣлалъ.

„При чемъ долженъ замѣтить, В. С., продолжалъ онъ, вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ и о послѣднемъ своемъ свиданіи съ разжалованнымъ, — что рядовой, разжалованный, Долоховъ на моихъ глазахъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился.

О Тимохинѣ, о томъ какъ полкъ шарахнулъ назадъ, не слушая его, въ мирное время грознаго, голоса, — ни слова. Эксплуатація войны начинается. Отсутствующій остался въ проигрышѣ, говорунъ и нахалъ выиграли.

„Здѣсь то я видѣлъ, В. С., атаку павлоградцевъ, безпокойно оглядываясь, вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видалъ въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера. — Смяли два каре, ваше сіятельство.

Этотъ еще не вполнѣ успѣлъ влѣзть въ свою до — и послѣ — боевую маску; лжетъ онъ уже бойко и хлестко, но еще безпокойно оглядывается; его мучитъ опасеніе, не видѣлъ ли кто того, что, бывъ посланъ съ приказаніемъ, онъ и близко даже не подъѣхалъ къ тому мѣсту, куда былъ посланъ. Пройдетъ нѣсколько времени, онъ оглядываться перестанетъ и до мельчайшихъ подробностей начнетъ описывать, какъ гусары наскочили на каре, какъ были встрѣчены залпомъ, какъ, не смотря на это, ворвались и т. д....

Входитъ Тушинъ, робкій и сконфуженный, какъ и всегда при видѣ начальства; споткнулся на древко взятаго французскаго знамени и возбудилъ тѣмъ смѣхъ нѣкоторыхъ изъ свиты, Жеркова въ особенности.

«Какимъ образомъ орудіе оставлено»? спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на него, сколько на веселенькихъ штабныхъ. Тушину, остановившему со своею одною батареей, безъ всякаго содѣйствія пѣхоты и кавалеріи, наступленіе французовъ

въ центрѣ, «Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія»... «Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челостью и едва проговорилъ: не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство. — Вы бы могли изъ прикрытія взять!» Котораго не было. Но Тушинъ не сказалъ этого, боясь подвести другаго начальника... Скромный начиналъ проигрывать и рисковалъ проиграть тѣмъ больше, чѣмъ совершенный имъ подвигъ былъ выше... Его выручилъ, наконецъ, какъ извѣстно, кн. Андрей, рѣзко высказавшій, что сдѣлала и въ какомъ положеніи была батарея, когда пришло приказаніе отступать. А жаль, что выручилъ; потому жаль, что на дѣлѣ чаще случается такъ, какъ говоритъ Трошю. Впрочемъ кн. Андрею не совсѣмъ повѣрили.

Вотъ выдуманные, но живые люди; они мучатся, гибнутъ, дѣйствуютъ, лгутъ, дѣлаютъ великіе подвиги, низко трусятъ: все это такъ, какъ настоящіе люди; и потому то они высоко поучительны; и потому то достоинъ будетъ сожалѣнія тотъ военный дѣятель, который не зарубитъ себѣ, благодаря разсказу гр. Толстаго, какъ неразсчетливо приближать къ себѣ господъ въ родѣ Жеркова, какъ зорко нужно приглядываться, чтобы увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ Тушиныхъ, Тимохиныхъ; какъ нужно быть проницательно-осторожнымъ, чтобы не произвести въ герои какого нибудь Жеркова, или исправнаго и столь умно-распорядительнаго послѣ боя безъименнаго полковаго командира.

II.

Авторъ «Войны и мира» не ограничивается однимъ изображеніемъ военныхъ сценъ и военныхъ типовъ, но вдается и въ теоретическія разсужденія по поводу такихъ, напр. вопросовъ: возможна ли какая нибудь теорія въ военномъ искусствѣ? Какое значеніе главнокомандующаго въ арміи? Какія причины вызвали міровое движеніе 1812 года? Рѣшенія на эти вопросы даетъ иногда онъ самъ, иногда герой его романа, кн. Андрей. Въ разборѣ мнѣній относительно этихъ вопросовъ намъ придется нѣсколько повторяться, такъ какъ одна и та же мысль повторяется иногда по нѣскольку разъ и въ сочиненіи, только въ измѣненной формѣ.

Хотя во взглядахъ кн. Андрея и автора есть много общаго, но отдѣлять эти взгляды необходимо, по той причинѣ, что кн.

Андрей, и по своимъ личнымъ свойствамъ, и по времени, въ которое жилъ, не могъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе, какъ заставляетъ его авторъ смотрѣть на нихъ. При томъ же, авторъ— живописецъ; кн. Андрей мечталъ быть практическимъ дѣятелемъ; слѣдствіе этого, односторонніе разсужденія того и другаго объясняются причинами совершенно различными, что при разборѣ необходимо принимать въ разсчетъ. То, что въ кн. Андреѣ является слѣдствіемъ жизненныхъ неудачъ, въ авторѣ есть не болѣе, какъ увлеченіе, неизбѣжное въ художникѣ, когда онъ выходитъ изъ сферы творчества, свойственной его таланту.

Кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; не смотря на всю свою симпатію къ кн. Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опрометчивымъ, рѣшающимъ вопросы, иногда очень сложные, съ плеча, способнымъ отъ природы, но пустымъ въ практическомъ смыслѣ. Не польстилъ авторъ своему герою, но распорядился какъ истинный художникъ: взявъ извѣстныя данныя характера, онъ безпощадно, до конца, развилъ всѣ ихъ послѣдствія.

Просимъ припомнить появленіе кн. Андрея на сцену: въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; передъ вами человѣкъ, который изо всѣхъ силъ бьется, чтобы не быть, а казаться, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу. Замѣтивъ пустоту сферы, къ которой принадлежалъ, кн. Андрей уже и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу: иначе онъ бы не рисовался такъ своимъ презрѣніемъ, не старался бы съ такой аффектаціей его проявлять.

Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привиллегіями той среды, которую повидимому такъ презираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой «Тулонъ», т. е. попасть въ Наполеоны. А въ ожиданіи Тулона, кн. Андрей, сдѣлавшись адъютантомъ, весьма легко и скоро усвоиваетъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу «неписанную» субординацію не хуже любаго Жеркова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ личность, по своему собственному убѣжденію высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ, не видавшій ни разу войны лицомъ къ

лицу, является на нее съ готовыми и законченными воен
взглядами.

Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полъдесятка Фудей
разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знает
такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на прак
можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечем

По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидное
ложеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ ра
такихъ учениковъ Суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багра
Кажется чего лучше? Присматривайся, размышляй и вводи въ
теоретическіе взгляды тѣ поправки, которыя дастъ высшая
книгъ—книга жизни. Не тутъ то было: какъ неисправимый
тринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что онъ ошиба
нѣтъ, скорѣе лжетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется ничего недѣланью Багратіона, с
рается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на воен
совѣтѣ, въ который попалъ не по праву, а по личнымъ отн
ніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ, развиваются сво
чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взгля
и претензій кн. Андрея.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что онъ, убѣдив
изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попас
Наполеоны, начинаетъ проповѣдовать, что и Наполеонъ—ва
и дѣло, которымъ этотъ послѣдній такъ геніально орудова
тоже вздоръ.

Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени
валъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что, извѣдавъ несос
тельность своей теоріи, неминуемо долженъ былъ придти къ
воду, что и не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ д
Искать, двадцать разъ падать и двадцать разъ подниматься,
ходя черезъ всю муку сомнѣній и разочарованія,—было не
натурѣ кн. Андрея. Богъ знаетъ почему, онъ воображалъ,
ему все должно легко даваться. Самъ онъ говоритъ, хоть
другому поводу, что онъ прощать не способенъ, какъ же
было простить теоріи военнаго искуства? Вѣдь онъ такъ жес
на ней осѣкся...

Жаль его: человѣкъ честный, до извѣстной степени; пожа
даже способный и съ характеромъ; но практически—пустой.

Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не наход
нигдѣ, такъ сказать, корней пустить не можетъ: однимъ словом
маленькій великій человѣкъ, ко всему способный, ни на что
годный.

Правда, онъ былъ живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности и сдѣлалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ разсказываетъ это отъ себя, не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ ни одной сценой.

По нашему мнѣнію, это признакъ большаго художественнаго такта со стороны автора: сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ въ общемъ обликѣ этого характера: авторъ отъ нихъ и воздержался.

Позволяемъ себѣ думать, что въ этой характеристикѣ кн. Андрея мы ничего не навязали ему отъ себя; факты взяты изъ творенія гр. Толстаго; намъ принадлежитъ только освѣщеніе тѣхъ сторонъ ихъ, которыя авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства совершенно понятной симпатіи къ своему герою.

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятно, почему кн. Андрей относился къ дѣлу, въ которомъ ему не повезло, съ предвзятою, хотя, можетъ быть, и незавѣдомою для него, т. е. совершенно искреннею, односторонностью. Онъ долженъ былъ: или признать возможность искусства въ военномъ дѣлѣ и свое въ немъ неискусство; или же оставаться при вѣрѣ въ свои великія способности и отрицать возможность военнаго искусства и военнаго генія. Онъ выбралъ, конечно, послѣднее.

Это подтверждается вполнѣ двумя мѣстами IV части «Войны и мира», въ которыхъ кн. Андрей высказываетъ свои военные взгляды. Первое изъ нихъ—размышленіе кн. Андрея по поводу военнаго совѣта, имѣвшаго слѣдствіемъ оставленіе Дрисскаго лагеря; второе—разговоръ его съ гр. Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ.

...„Прѣнія продолжались долго, и чѣмъ дальше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что они всѣ говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и поэтому (?) не можетъ быть никакого, такъ называемаго военнаго генія, теперь получили для него совершенную очевидность истины. Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны, и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны“! и побѣжитъ, а есть веселый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ „ура“!, отрядъ въ 5 т стоитъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ.—Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не

можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говоритъ, что наша армія отрѣзана, а Паулучи говоритъ, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говоритъ, что негодность Дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говоритъ, что въ этомъ его сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе. И отчего всѣ говорятъ: геній военный. Развѣ геній тотъ человѣкъ, который во время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью *) и массы поклоновъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя (?) качества генія. Напротивъ, лучшіе генералы, которыхъ я зналъ,—глупые **), или разсѣянные люди. Лучшій Багратіонъ—самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви (!), поэзіи, нѣжности (!) философскаго (!) пытливаго (!) сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, что онъ дѣлаетъ, очень важно ***) (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ, полюбитъ кого нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, что справедливо и нѣтъ. Понятно, что кстати еще для нихъ поддѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали, или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!“.

Не трудно видѣть, что эта тирада не имѣетъ собственно никакого отношенія къ Дрисскому военному совѣту, а есть плодъ болѣзненно-жолчнаго настроенія, охватившаго кн. Андрея послѣ неудачной попытки попасть въ Наполеоны и съ тѣхъ поръ его непокидавшаго. Дѣйствительно: если неурядица этого военнаго совѣта и могла привести безпристрастнаго человѣка къ какому либо заключенію, то развѣ къ тому, которое о совѣтахъ высказано еще Евгеніемъ Савойскимъ: «лучшее средство ни на что не рѣшиться—это спросить мнѣніе у военнаго совѣта ****). По этому то военные люди, понимающіе какъ дѣла дѣлаются, собираютъ совѣты не за тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшеніе, а напротивъ—затѣмъ, чтобы вдохнуть въ нихъ свою собственную рѣшимость. Таковъ былъ совѣтъ Кутузова въ Филяхъ, Наполеона—послѣ Аспернской неудачи, Фридриха—передъ Лейтенскимъ сраженіемъ. Всякому извѣстно, что въ собраніи сколько головъ,

*) Наполеонъ уже теперь не имѣетъ власти, а его все же считаютъ геніемъ; Макка, даже когда онъ былъ окруженъ блескомъ и властью, вѣроятно никто, кромѣ его адъютантовъ, геніемъ не считалъ.

**) Кутузовъ въ томъ числѣ?

***) Трудно считать неважнымъ дѣло, отъ котораго зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, а иногда и государства. При томъ же, чѣмъ бы ни занимался человѣкъ, онъ не можетъ не признавать своего дѣла важнымъ, ибо никто не станетъ заниматься, дѣломъ, на которое онъ смотритъ, какъ на вздоръ.

****) Un général ayant envie de ne rien entreprendre, n'a qu'à tenir conseil de guerre.

ько и умовъ: нечего, слѣдовательно, и ожидать отъ собранія становки какой нибудь одной мысли, или цѣли: это—принадность единичной головы; собраніе, въ свою очередь, получивъ ль, разрабатываетъ подробности ея осуществленія и разноситъ по всему воинскому организму. Дрисскому совѣту предоставлена ая роль, совѣту несвойственная, и будь онъ составленъ не изъ ифельдовъ, Фулей и проч., а хоть изъ Наполеоновъ, онъ ни чему иному не привелъ бы, кромѣ пустыхъ, безплодныхъ спо-ъ и пререканій.

Военное искуство тутъ ни причемъ. Князю-же Андрею кажется, го неурядица этого совѣта служитъ подтвержденіемъ того, что ъ и не можетъ быть ни науки, ни теоріи въ военномъ дѣлѣ, наконецъ, военнаго генія *): не очевидно ли, что дѣло тутъ въ совѣтѣ, не въ томъ, либо другомъ фазисѣ военнаго дѣла, ъ томъ только, чтобы лишній разъ сказать себѣ, что нѣтъ ни наго искусства, ни военнаго генія? Развитіе рѣчи вполнѣ под-ждаетъ это; чтобы увѣрить себя въ несуществованіи против-теоріи военнаго ускусства, кн. Андрей опирается, между про-ь, и на то даже, что у всякаго изъ присутствовавшихъ былъ особенный планъ на одно и то же дѣло: неужели же ему а недоступна та простая и осязательная мысль, что къ каждой ктической цѣли ведутъ тысячи путей и что дѣло въ томъ, чтобы ти до нея, а не въ томъ, чтобы дойти непремѣнно извѣстнымъ емъ? Вѣдь и въ математикѣ одно уравненіе со многими неиз-тными получаетъ безчисленное множество рѣшеній; вѣдь и ма-атика не даетъ правилъ на то, какъ составлять изъ вопроса неніе; но слѣдуетъ ли изъ этого, что теорія математики не етъ положительнаго значенія?

Смѣшавъ понятія о наукѣ и о теоріи, кн. Андрей силится зать, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни науки, ни теоріи и, слѣ-ательно (!), не можетъ быть военнаго генія: опять выводъ, зывающій одно, что кн. Андрей былъ не способенъ чтобы ни было разобрать послѣдовательно и безъ логическихъ скач-ъ. Во первыхъ, наука и теорія вовсе не одно и тоже **), ибо ія возможна и необходима во всякомъ искусствѣ; наука же немъ немыслима. Во вторыхъ, чѣмъ труднѣе какое либо дѣло, ъ рѣже возможны мастера въ немъ и тѣмъ болѣе они принад-

*) Мы думаемъ на оборотъ, что неурядица Дрисскаго военнаго совѣта лучше показываетъ значеніе теоріи военнаго дѣла, ибо, зная ее, не забыли бы и чего можно ожидать отъ военнаго совѣта и чего нельзя.

**) Въ томъ смыслѣ, что всякая наука есть теорія; но не всякая теорія можетъ быть наукой.

лежатъ къ категоріи тѣхъ исключительныхъ личностей, которы
называютъ геніями.

Разовьемъ оба эти положенія.

Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утв
ждать, будто можетъ быть военная наука; она немыслима то
также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но у
этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи военнаго иск
ства, точно также, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ
кусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлаетъ Р
фаэлей, Бетховеновъ, Гёте; но она даетъ имъ технику дѣ
безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высо
которой достигли. Теорія военнаго дѣла не претендуетъ готов
не только Наполеоновъ, но даже и Тимохиныхъ; но она утв
ждаетъ въ знаніи свойствъ войскъ и мѣстности, она указыва
на образцы творчества въ военной области и, слѣдовательно, обл
чаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными спосо
ностями.

Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью п
знаетъ свое безсиліе изслѣдовать третью и самую страшную д
ную въ военномъ дѣлѣ—данную случайностей; что она призна
свою немощь указать снаровки управленія себѣ подобными,—т
окажется, что теорія военнаго искусства имѣетъ весьма нешут
ное значеніе, но, вмѣстѣ, съ тѣмъ не даетъ человѣку успокоит
на мысли, будто онъ знаетъ все дѣло, узнавъ только часть его
Рецептовъ на то какъ созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграм
швейцарскіе походы 99 года, Кепиггрецы,—теорія военнаго д
не даетъ; но она представляетъ эти великіе образцы военн
творчества для изученія военному начальнику, подобно тому, к
живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаетъ великіе образцы, какж
въ своей спеціальности: не для того, чтобы имъ буквально под
жать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ.

Скажутъ, можетъ быть, что это современный взглядъ и н
тому кн. Андрей не могъ прійдти къ нему; нѣтъ: этотъ взгл
во всѣ эпохи составлялъ принадлежность всѣхъ тѣхъ людей, к
торые не только дѣлали войну, но и думали о ней.

Завирались въ теоріи, именно потому, что весьма рѣдкіе и
теоретиковъ войну видѣли: но кн. Андрей видѣлъ ее; и если он
пришелъ къ такимъ страннымъ выводамъ, то это могло произой
только отъ одного: онъ слишкомъ былъ поверхностенъ, что

*) Какъ то случалось съ изучавшими „научныя“ теоріи военнаго дѣла, я
явившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

во судить о войнѣ. Съ его стороны, для здравыхъ выводовъ, требовалось даже особенной теоретической силы, или оригинальности ума, а только знакомство съ тѣмъ, что писали о войнѣ е люди, какъ маршалъ Саксонскій, Ллойдъ, Фридрихъ В. Но Андрей, какъ диллетантъ, вѣроятно не любилъ заглядывать въ рыя книги, а предпочиталъ черпать свою мудрость изъ модъ, современныхъ ему, произведеній.

Чѣмъ дальше развивается размышленіе кн. Андрея надъ тесоставлявшей, такъ сказать, больное мѣсто его натуры, тѣмъ болѣе раздражается; дойдя до личнаго вопроса въ этой темѣ, жетъ или не можетъ быть военный геній) онъ просто переходитъ въ брань: военную геніальность сочинили подлецы, которые льстятъ власти! Опять доказательство, что тутъ дѣло шло о ъ только, чтобы позабавить личную свою раздражительность, а се не о томъ, чтобы получить вѣрный выводъ. Ему даже и то голову не пришло, что полководцевъ были тысячи, а геніальность признана только за восемью или девятью изъ нихъ. И до го можетъ доходить аберрація ума при подобномъ внутреннемъ стояніи, кн. Андрей доказываетъ великолѣпно: вся та страшно дная обстановка всякаго военнаго предпріятія, которую можетъ нить себѣ и выйти изъ нее побѣдителемъ только человѣкъ ствительно изъ ряда вонъ, кажется кн. Андрею напротивъ, ументомъ въ пользу того, что военная геніальность немысли- «Развѣ геній», восклицаетъ онъ, «тотъ человѣкъ, который во мя умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому на право, тому лѣво?»! Какъ же, какъ не геніемъ, спросимъ мы, назвать его, за всю историческую жизнь человѣчества можно насчитать го восемь—девять человѣкъ, которые были способны въ совершенвѣ дѣлать эту, столь простую для кн. Андрея, вещь; которые, вя дѣло съ такой силой, что сегодня 5 т. стоютъ 20 т., а завтра же 5 т. не будутъ стоить и 200 человѣкъ, умѣли устроить къ, что ихъ 5 т., если не всегда, то въ большей части слуевъ стоили 20-ти т. непріятельскихъ?

Трудность не въ томъ, чтобы велѣть подвезти сухари, а въ мъ, чтобы предвидѣть, куда ихъ подвезти; не въ томъ, чтобы ти тому направо, тому налѣво, а чтобы разгадать, почему это жно сдѣлать такъ, а не иначе; и разгадать при какой обстановкѣ? Именно подъ вліяніемъ «тѣхъ безчисленныхъ условій, знаніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто знаетъ, когда она наступитъ»—это признаетъ самъ же кн. Андрей. И все это дѣлается не навѣрняка, а основываясь на гипозахъ, выведенныхъ часто изъ самыхъ противорѣчивыхъ и не-

опредѣленныхъ данныхъ; нужно, слѣдовательно, обладать да
прозрѣнія, чтобы не попасть въ самый позорный просакъ; п
имѣть, наконецъ, на столько воли, чтобы рѣшаться быстр
распоряженія; а между тѣмъ отъ нихъ зависитъ судьба с
тысячь головъ, иногда государства, и собственная будущность
порядителя. А въ это время къ нему всякій лѣзетъ: кто съ
тензіей, кто съ докладомъ, кто съ пріятнымъ донесеніемъ, ч
новымъ извѣстіямъ все то, на чемъ онъ основалъ свои рас
женія, оказывается вздоромъ.

Принявъ только это въ расчетъ, не трудно видѣть, что
вать—не говоримъ хорошо, а хоть какъ нибудь—въ этомъ
путаницы, безтолковщины, суеты, интригъ, противорѣчій, и
только люди далеко не дюжинные.

Князь Андрей какъ будто и самъ почувствовалъ, что, и
съ этого конца, пожалуй докажешь обратное тому, что хо
доказать, и вслѣдствіе этого перемѣняетъ дирекцію, обрат
къ разбору личныхъ качествъ лучшихъ генераловъ, ему и
ныхъ. Выходитъ у него, что все это — глупые, или разсѣя
люди.

Уловка, къ которой кн. Андрей прибѣгаетъ, чтобы уб
себя въ этомъ и тѣмъ потѣшить свое уязвленное самолюбіе
наивности простодушна; онъ ставитъ въ вину генераламъ
статокъ не тѣхъ качествъ, которыя имъ необходимы, а тѣх
торыя совершенно излишни! Начинаетъ онъ съ указанія на Б
тіона, забывъ даже, что въ обыденной жизни можно быть и
послѣдняго свѣтскаго фата, а въ своей спеціальности стоять в
высоко; забывъ даже, какъ самъ онъ былъ неодолимо увл
въ атаку этимъ «глупымъ» человѣкомъ: увлеченъ такъ, как
умнику увлекать на приходилось.

Но кн. Андрей не останавливается на Багратіонѣ: «
«Наполеонъ—въ родѣ бородавки». «А самъ Бонапарте!» р
шляетъ онъ: «я помню самодовольное и ограниченное его
на Аустерлицкомъ полѣ». Послѣ горькихъ уроковъ, кн. А
остался, должно быть, очень молодымъ, если считалъ возмож
дѣлать оцѣнку геніальности или ограниченности по выра
лица человѣка, котораго онъ видѣлъ въ горячечномъ бреду,
летомъ, только разъ въ жизни и не сказалъ ни одного сло
тѣмъ человѣкомъ...

Подобной оцѣнки можно было бы ожидать развѣ тольк
институтки, которая, влюбившись по портрету въ какого ли
роя, теряетъ къ нему нетолько симпатію, но даже и увах
увидавъ неказистую его наружность въ натурѣ. Людямъ, п

нимъ кн. Андрею, герои не иначе рисуются, какъ въ живописной позѣ, съ глазами, устремленными въ небо, съ печатью вдохновенія на челѣ. Для нихъ внѣшность—все; и если она не презентабельна— кончено.

«Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія». А воля, увлекающая сотни тысячъ людей и внушающая имъ безграничную, собачью, преданность къ такому же какъ и они человѣку? А умъ, способный воспринимать всѣ впечатлѣнія съ такой изумительною вѣрностью, что, по отдѣльнымъ и разрозненнымъ намекамъ, онъ способенъ отгадать намѣренія противника, иногда во всемъ ихъ объемѣ? Для всякаго рода геніальности требуется сильное развитіе одной какой либо, или нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ сторонъ души человѣческой. Съ точки зрѣнія князя Андрея можно, вообще, отрицать существованіе геніальности. Дѣйствительно: возьмемъ, напр., геніальнаго поэта, который умѣетъ любить, нѣженъ до крайности и способенъ пытливо сомнѣваться; объ немъ можно также сказать: что же это за геній? У него нѣтъ даже на столько воли, чтобы не подчиняться своему лакею, или ключницѣ; а воображеніе до того беретъ у него перевѣсъ надъ умомъ, что онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ себѣ изъ мухи слона. Такимъ путемъ можно отрицать, что угодно; скажутъ вамъ: какая талантливая танцовщица! помилуйте, возразите вы: да она ни одной ноты вамъ не возьметъ!—Какой великій музыкантъ!—Нисколько не великій: онъ во всю жизнь не только не написалъ ни одной картины, но даже кисти не умѣетъ взять въ руки! Способный дѣлать подобные приговоры, конечно, будетъ правъ, ибо фактъ можетъ быть дѣйствительно вѣренъ: танцовщица можетъ не имѣть понятія о пѣніи, музыкантъ о живописи. Но составляетъ ли это недостатокъ для той спеціальности, въ которой они сильны? Вотъ въ чемъ вопросъ; къ сожалѣнію для людей, разсуждающихъ подобно кн. Андрею, этотъ вопросъ останется на всегда непостижимымъ.

«Заслуга въ военномъ дѣлѣ зависитъ не отъ нихъ (полководцовъ), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали! или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!»

Вслѣдствіе этого послѣдняго вывода, кн. Андрей рѣшается взять полкъ въ арміи, хотя и командиръ полка едва ли много подѣлаетъ съ любовью, поэзіею, нѣжностью и философскимъ пытливымъ сомнѣніемъ.

Кн. Андрей совершенно правъ, утверждая, что въ послѣдней инстанціи успѣхъ или неудача въ военномъ дѣлѣ зависитъ отъ солдатскаго ура! или: пропали! И что иногда 5 т. стоятъ 30, какъ подъ Голлабрюномъ *), а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, онъ говоритъ, да не договариваетъ именно на столько, сколько ему нужно для того, чтобы получить тотъ выводъ, который получить желательно.

Отчего-же происходитъ, что въ однихъ войскахъ чаще случается ура! а въ другихъ: пропали? Вѣдь если бы это была чистая случайность, ей не было бы резона повторяться чаще въ одной, нежели въ другой арміи? Отвѣтъ на это одинъ, «ура» и «пропали» зависитъ отъ умѣнья или неумѣнья начальника поднять нравственный уровень своихъ войскъ до той степени, на которой они являются менѣе подверженными вліянію неожиданностей. Отчего у Суворова никогда не бѣгали, у Багратіона подъ Голлабрюномъ тоже не побѣжали, а подъ Аустерлицемъ побѣжали? Слѣдовательно «ура» и «пропали» являются вовсе не такою случайностью, какъ то кажется кн. Андрею. У начальника, владѣющаго даромъ поддерживать нравственное настроеніе войскъ на извѣстной высотѣ, «пропали» станетъ если не совершенно немыслимою, то, во всякомъ случаѣ, весьма рѣдкою случайностью. Все это фактъ неопровержимый и очевидный для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Еще древніе подмѣтили эту зависимость настроенія массы отъ способностей одного, выразивъ ее чрезвычайно мѣткой поговоркой: лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ. И что это такъ, кн. Андрей видѣлъ подъ Голлабрюномъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы видѣть, если бы добивался правды, а не разсуждалъ бы только изъ-за желанія убѣдить себя въ томъ, что болѣе пріятно его самолюбію.

Въ своемъ разговорѣ съ Пьеромъ кн. Андрей продолжаетъ развивать ту-же теорію, что дѣло зависитъ только отъ тѣхъ, которые стрѣляютъ и колютъ, а нисколько не отъ тѣхъ, которые назначаютъ первымъ куда стрѣлять и кого колоть...

„тѣ, съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи, ГОВОРИТЪ ОНЪ ПЬЕРУ, не только не содѣйствуютъ общему ходу дѣлъ, но мѣшаютъ ему".

Пьеръ ѣздилъ по позиціи съ Бенигсеномъ и его свитою, и тутъ кн. Андрей былъ правъ; но, какъ и во всемъ прочемъ, онъ не правъ тѣмъ, что по частному случаю дѣлаетъ общіе выводы.

* Т. е., подъ Шенграбеномъ.

енигсенъ можетъ быть дѣйствительно болѣе мѣшалъ, нежели помогалъ; но Кутузовъ, Багратіонъ, Ермоловъ, Раевскій не мѣшали. Въ этомъ и бѣда кн. Андрея, что когда ему нужно доказать, что распорядители мѣшаютъ, а не помогаютъ, онъ выставляетъ Бенигсена, забывъ всѣхъ прочихъ; если нужно доказать, что способные боевые люди разсѣянны или глупы, онъ, не прибавивъ даже гдѣ и въ чемъ глупы, сошлется на Багратіона, забывъ Кутузова, Ермолова и т. д.

„Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ,—онъ указалъ на Тимохина,—въ каждомъ солдатѣ".

И которое находитъ поддержку въ позиціи, въ вооруженіи, въ числѣ, въ распоряженіяхъ, прибавимъ отъ себя.

Кн. Андрей говоритъ совершенно вѣрно о роли, которую играетъ духъ войскъ въ успѣхѣ или неудачѣ боя.

Но онъ какъ бы не понимаетъ того, что нравственное настроеніе, какъ сила высшая, слагается именно изъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя, по его мнѣнію, не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Всѣ эти мелочи (для кн. Андрея) относятся къ нравственному настроенію, какъ причины къ слѣдствію, или какъ силы оставляющія къ равнодѣйствующей. Тѣ, которые судятъ объ этомъ дѣлѣ не поверхностно, не по первому впечатлѣнію, тѣ очень хорошо это понимаютъ: припомнимъ замѣчаніе Трошю на счетъ резвычайной чувствительности нравственнаго настроенія. Ему и ъ голову не придетъ противополагать это настроеніе не только акимъ даннымъ, какъ вооруженіе, число, позиція, но даже и тамъ, какъ избытокъ холода или тепла. Каждая изъ этихъ силъ, ама по себѣ, можетъ иногда и не имѣть особеннаго вліянія; но бда въ томъ, что онѣ порознь не ходятъ, а дѣйствуютъ совмѣстно современно. Солдатъ самый неразвитый, когда дѣло доходитъ о боя, жадно прислушивается ко всѣмъ толкамъ, которые ходятъ въ рміи,—это гр. Толстой подмѣтилъ весьма вѣрно въ своемъ приступѣ къ Аустерлицкому бою. Солдатъ становится чрезвычайно осприимчивъ къ этимъ толкамъ; если это такъ, то какимъ же чудомъ спасетъ онъ свою самоувѣренность и бодрость, если напр. знаетъ, что у него оружіе хуже чѣмъ у непріятеля, или что нибудь въ этомъ родѣ? Мы согласны, что подъ Бородинымъ изъ всѣхъ этихъ составляющихъ самою сильною было то патріотическое раздраженіе, которое заставляло нашихъ видѣть во всякомъ французѣ личнаго врага; но изъ того, что это раздраженіе было преобладающею силою, вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе

другихъ силъ приводилось къ нулю. Непріученный къ серьезному разбору фактовъ, расположенный обо всемъ дѣлать заключенія по первому непродуманному впечатлѣнію, кн. Андрей и здѣсь замѣтилъ только ту составляющую нравственнаго настроенія, которая рѣзко била въ глаза; и замѣтилъ тѣмъ легче, что это давало ему возможность своротить на свою любимую тему — ничтожества въ бою личностей руководящихъ. При большей привычкѣ ко всестороннему изслѣдованію фактовъ, онъ могъ бы сдѣлать изъ того, о которомъ толкуетъ, только одинъ выводъ: именно, что нравственная сила въ данную минуту зависитъ преимущественно отъ той изъ составляющихъ, которая почему либо на ту минуту пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе. Съ этой точки преобладающею силою будетъ: иногда разница въ вооруженіи, иногда разница въ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ война ведется, и т. д. и т. д., до безконечности; а онъ думаетъ, что вѣрное относительно Бородина будетъ вѣрно и относительно всякаго другаго столкновенія.

Мы не останавливаемся на разборѣ разсужденій кн. Андрея о необходимости не брать въ плѣнъ, а убивать, на томъ основаніи, что отъ этого будто бы войны будутъ возникать только изъ-за основательныхъ причинъ; что «нравы военнаго сословія — отсутствіе свободы, т. е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство», не останавливаемся потому, что это собственно и не разсужденія, а просто наборъ словъ, чтобъ душу отвести. Для кн. Андрея все дѣло было въ личныхъ ощущеніяхъ; онъ самъ проговорился: «кто дошелъ до этого такъ какъ я, тѣми же страданіями»... Въ этомъ то все и дѣло, чтобы себя потѣшить, свою жолчь поволновать: онъ лечитъ свое бобо. Кажется не трудно-бы замѣтить, что дисциплина — дѣло неизбѣжное не только въ военномъ, но и въ общественномъ организмѣ: разница только въ степени и характерѣ, но не въ принципѣ: что праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство не составляютъ отличительной принадлежности одного воинскаго организма, а процвѣтаютъ не меньше и внѣ его; но кн. Андрей этого не замѣтилъ, потому что очень ужъ разсердился; а когда человѣкъ разсердится, мало ли чего онъ не наговоритъ?

III.

Теоретическія воззрѣнія, принадлежащія собственно автору, носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. е. способности живо-

исать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ, для того, чтобы ртина была вѣрна, должен рисовать ее съ одной точки. Если ъ строго соблюдетъ при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность полнить воображеніемъ то, что находится и за этой, одной олько, представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеіе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее всю, не смотря на то, го воспроизводитъ только одну ея сторону. Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводитъ иногда критика а такія мысли, которыя самому художнику можетъ быть и не риходили въ голову въ моментъ творчества.

Условія вѣрнаго воспроизведенія *) той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иныя: кто ерется за подобную задачу, тотъ долженъ изслѣдовать идею уже е съ одной какой либо, а съ возможно большаго числа сторонъ; наче выводъ получится односторонній, чтобы не выразиться иначе. Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей для выполненія задачи не сходить, такъ сказать, съ одной точки, тотъ, ри малѣйшей оплошности, впадетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ на совершенно перестанетъ соотвѣтствовать природѣ поставленой цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописевъ — плохіе философы, и на оборотъ: почти всѣ философы — лохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ. Первымъ рудно сдвинуться съ одной точки зрѣнія; вторымъ, напротивъ, евозможно установиться на одной точкѣ зрѣнія. Бываютъ исключенія **), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаютъ единицами.

Лучшее подтвержденіе сказанному — Гоголь: всякій знаетъ ропасть, отдѣляющую первую часть его «Мертвыхъ Душъ» отъ переписки съ друзьями». Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное фіаско, какъ только вздумалъ йти съ этого направленія.

Подобныя уклоненія не ограничиваются тѣмъ, что способный ать превосходные образы даетъ плохія отвлеченныя разсужденія; ни ведутъ дальше, ибо отражаются впослѣдствіи и на художественности самихъ образовъ, которые авторъ стремится, можетъ ыть незавѣдомо для самого себя, вогнать въ мѣрку проводимыхъ мъ отвлеченныхъ воззрѣній. Никто конечно не поставитъ рядомъ

*) Въ этомъ случаѣ воспроизведеніе обращается уже въ развитіе идеи.
**) Въ родѣ Гёте.

у того же Гоголя хоть «добродѣтельнаго» напр. откупщика Муразова, нравоучительнаго Костанжогло съ любымъ изъ героевъ первой части «Мертвыхъ душъ».

То же случалось и съ гр. Толстымъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы оно когда либо дошло до такой степени.

Въ IV части своего труда онъ нарушаетъ иногда художественную гармонію изображенія, чтобы подтвердить свои воззрѣнія на исторію и на военное дѣло.

Система его воззрѣній, собственно историческихъ, приводится къ слѣдующему:

«Война — событіе, противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ; причины, которыя выставляются историками войны 12 года, несостоятельны: «для насъ непонятно, чтобы милліоны людей — христіанъ убивали и мучили другъ друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герц. Ольденбургскій обиженъ. Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ фактомъ убійства и насилія».

Отвѣтимъ на это, во первыхъ, что война есть дѣло, противное не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы, — именно человѣческому инстинкту самосохраненія, что̀ далеко не одно и то же. Въ человѣкѣ этотъ инстинктъ играетъ весьма видную, но далеко не исключительную роль: такъ, въ порядочномъ человѣкѣ и въ порядочномъ народѣ онъ подчиняется чувству личнаго достоинства *), которое находитъ опору въ свойствахъ, столь же естественныхъ, какъ самосохраненіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямо ему противоположныхъ, — именно: въ чувствѣ самоотверженія, отвагѣ, упорствѣ и т. п. Взявъ это въ разсчетъ, односторонность положенія г. Толстаго открывается сама собою; онъ могъ сказать, что война противна человѣческому инстинкту самосохраненія — и только; но вовсе не противна всей человѣческой природѣ и въ особенности разуму.

Иногда она противна разуму, иногда нѣтъ: зависитъ отъ того, за что война ведется. Какъ сила вершающая, разумъ не подчиняется никакимъ узенькимъ нормочкамъ азбучной морали.

Въ одномъ и томъ же, повидимому, дѣлѣ (но только повиди-

*) Хорошо или дурно — понятаго — это совершенно другой вопросъ, сюда не относящійся.

ному) онъ приходитъ иногда къ положительному рѣшенію, иногда къ отрицательному: вотъ природа человѣческаго разума и въ этомъ его превосходство надъ разумомъ звѣринымъ, который въ данныхъ особяхъ всегда приводитъ къ одному и тому же выводу: заяцъ уступаетъ всегда; тигръ или левъ не уступаютъ никогда; баранъ не можетъ хитрить; лисица не можетъ не хитрить и т. д. Человѣкъ можетъ все это. Имѣя это въ виду, странно сказать, что война—дѣло, противное человѣческой природѣ; если бы это было такъ, то человѣкъ никогда бы и не воевалъ; между тѣмъ вся исторія показываетъ обратное: не только воюетъ, но даже иногда изъ-за нелѣпыхъ побужденій воюетъ. Можетъ быть скажутъ, что это злоупотребленіе войною указываетъ на ея противоестественность; тогда нужно признать, что все существующее нелѣпо и противоестественно, ибо чѣмъ же нельзя злоупотреблять? Пусть вспомнятъ, изъ чего возникла инквизиція, что огонь грѣетъ и производитъ пожары; пусть вспомнятъ, что дѣлаютъ деньги и въ хорошую и въ дурную сторону, — и тогда едва ли будутъ опрокидываться на войну, какъ на «противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе».

Не менѣе странно и то положеніе, будто между фактами убійства и насилія съ одной стороны и между властолюбіемъ Наполеона, твердостью Александра и проч. (см. выше) съ другой—нѣтъ никакой связи; первое относится ко второму, какъ средство къ цѣли; нужно быть, или желать быть сильно предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть этой связи. Можно сказать только одно: эта связь затушевана авторомъ, благодаря ловкой антитезѣ между фактами убійства и насилія съ одной стороны и честолюбіемъ Наполеона и проч. съ другой. Но такъ чего не затушуешь? Переходя въ другую сферу, можно поставить, напр., такой вопросъ: что общаго между фактомъ убійства быка и свойствомъ человѣка утолять свой голодъ? Между жертвою извѣстнаго числа рублей и необходимостью прикрыть тѣло отъ атмосферическихъ вліяній? Эти, и имъ подобныя, антитезы могутъ показать только нежеланіе видѣть связь тамъ, гдѣ она есть; но доказать онѣ ничего не могутъ. Императоръ Александръ, благодаря своей твердости, ставитъ себѣ цѣлью не положить оружія, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ; и, какъ извѣстно, онъ достигъ этой цѣли, благодаря тому, что рѣшился пожертвовать сотнями тысячъ людей и временнымъ подрывомъ благосостоянія нѣсколькихъ губерній. Въ отношеніи ко всему народному организму это то-же самое, что дѣлаетъ единичный человѣкъ, не только непосредственно отстаивая свое существованіе, но дѣлаетъ на всякомъ своемъ

шагу. Идете ли вы куда нибудь, работаете ли, думаете ли — въ непосредственномъ результатѣ получается все та же потеря нѣкоторой массы частицъ вашего организма: это законъ физіологическій, теперь всѣми признанный. Сказанный законъ совершенно строго и со всѣми послѣдствіями примѣняется и къ тѣмъ большимъ организмамъ, которые называются народами. Если народъ нуждается въ достиженіи какой бы то ни было цѣли, важной для его существованія, онъ долженъ пожертвовать для ея достиженія извѣстной массой личныхъ и матеріальныхъ частицъ своего собственнаго организма. Если между этой жертвой и цѣлью, для которой она приносится, нѣтъ никакой связи, то должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что вообще нѣтъ никакой связи между любой жертвой со стороны человѣка и цѣлью, для достиженія которой онъ рѣшается на эту жертву.

Далѣе, авторъ «войны и мира», разбирая причины войны 12 года, выставляемыя историками, находитъ ихъ далеко недостаточными и потому ложными. Логическій скачекъ: ибо изъ того, что не все сказано, не слѣдуетъ вовсе, будто то, что сказано, ложно. Рядомъ съ признанными причинами и поводами—то и другое авторъ, къ сожалѣнію, смѣшиваетъ—авторъ выставляетъ свои, совершенно неимѣющія никакаго основанія, хотя кажущіяся ему столь же основательными, какъ и причины историковъ.

„Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герц. Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо ежели бы онъ не захотѣлъ идти на вторичную службу и не захотѣлъ бы другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона и войны не могло бы быть (!).

Эта причина, для постановки которой автору понадобился такой огромный запасъ условной частицы «бы», имѣетъ одинъ коренной недостатокъ; выставляемыя историками причины и поводы были дѣйствительно, а эта только могла бы быть, по мнѣнію автора, но въ дѣйствительности не была. Факта, если онъ существуетъ или существовалъ, не собьешь никакими доводами или предположеніями. Какъ бы краснорѣчиво авторъ ни доказывалъ, что могло бы быть, но если того дѣйствительно никогда не было, чего ему хочется, то, слѣдовательно и не могло быть. Пусть онъ укажетъ во всей исторіи хоть одинъ примѣръ того, чтобы война не состоялась изъ за нежеланія солдатъ идти на службу, и тогда мы помиримся съ его гипотезой. Но онъ не найдетъ такого примѣра и не можетъ найти, ибо подобный случай противорѣчитъ существеннымъ условіямъ органической жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ опять организмъ, апалогическій народному по

ѣхъ своихъ проявленіяхъ, но попроще: именно организмъ единичнаго человѣка. Что сказалъ бы самъ авторъ «Войны и мира», или бы кто нибудь, разбирая причины драки двухъ человѣкъ между собою, держалъ примѣрно слѣдующую рѣчь: говорятъ, будто поводомъ къ дракѣ былъ лукъ Ивана, который захотѣлось имѣть Петру; будто между ними и прежде уже происходили такія то и такія то столкновенія,—все это вздоръ. Такой же причиной, какъ желаніе имѣть лукъ и нежеланіе отдать его, представляется намъ нежеланіе или нежеланіе перваго атома въ рукѣ Петра участвовать въ дракѣ; ибо ежели бы этотъ атомъ незахотѣлъ въ ней участвовать и не захотѣлъ бы другой, третій и тысячный атомъ,—драки могло бы и не быть... Въ организмѣ живомъ и здоровомъ,—большой ли онъ, малый ли—все равно,—всякій отдѣльный атомъ не можетъ не хотѣть того, чего хочетъ высшая сила въ организмѣ, которая и дѣлаетъ его организмомъ, и безъ которой онъ есть не болѣе, какъ безжизненная куча безучастныхъ другъ къ другу частицъ. Самъ авторъ признаетъ, что Наполеонъ творилъ столько свою волю, сколько волю того организма, котораго былъ представителемъ, и мы совершенно съ этимъ согласны (*), какъ же онъ, послѣ этого, допускаетъ, что части, взятыя отдѣльно, могли бы хотѣть совсѣмъ не того, чего хочется цѣлому?

Когда читаешь это мѣсто «Войны и мира», такъ и ожидаешь, что авторъ, отвергнувъ причины, по его мнѣнію несостоятельныя, поставитъ на мѣсто ихъ причины событія, кажущіяся ему дѣйствительными; и каково же удивленіе читателя, когда онъ открываетъ, что автору хотѣлось только сказать, будто «ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться».

Во первыхъ, мы и не знаемъ историка, который бы останавливался на какой либо одной, исключительной причинѣ, всѣ они признаютъ совокупность причинъ: слѣдовательно въ этомъ случаѣ почтенный авторъ споритъ съ мнимымъ историкомъ; во вторыхъ, изъ того, что не одна какая либо причина произвела извѣстное событіе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы ему вовсе не было причинъ, или, какъ говоритъ авторъ, что оно должно было совершиться потому, что должно было совершиться.

---

*) Машинистъ тоже подчиняется силѣ пара и именно поэтому онъ можетъ дать машинѣ и скорый, и медленный, и даже попятный ходъ. И что то же самое случается и съ народами, въ нѣкоторыя эпохи жизни ихъ,—ясное доказательство представляетъ современная Франція: есть и попятный ходъ и выпускъ пара, въ случаѣ надобности, въ образѣ мексиканскихъ и другихъ экспедицій...

Мы полагаемъ, что самое неудовлетворительное объясненіе причинъ даннаго событія стоитъ выше этого «должно»; потому выше, что оно удовлетворяетъ присущей человѣческому уму потребности доискиваться причины всему происходящему. Эта дурная привычка служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что на мѣсто причинъ нельзя поставить непостижимое «должно», которое ничего не поясняетъ, и отрицаетъ какую бы то ни было причину; нельзя потому, что если бы не было причинности въ явленіяхъ и событіяхъ, не могло бы быть и стремленія къ изысканію причинъ въ человѣческомъ умѣ. Съ этой точки даже поясненіе грома тѣмъ, напримѣръ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше такого объясненія, что громъ гремитъ потому, что онъ долженъ гремѣть. Придетъ время—и вмѣсто Ильи пророка станетъ электричество, вмѣсто электричества—что либо другое, еще болѣе раціональное и ушпряющее воззрѣнія на феноменъ природы; но изъ-за «должно» никогда и ничего для развитія ума человѣческаго не придетъ: это доказывается цѣлыми эпохами, въ которыя подъ всевозможныя явленія подкладывали это давно извѣстное «должно».

Ставъ на этотъ путь, авторъ, въ силу отличительной черты своего таланта—смотрѣть съ одной точки на изображаемое или разбираемое—пошелъ весьма далеко: именно до того, что задался вопросомъ: «когда созрѣло яблоко и падаетъ,—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что вѣтеръ стрясетъ его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?

Автору кажется, что все это—причины равносильныя, въ томъ числѣ и послѣдняя. Мы же выводимъ изъ этого примѣра совершенно другое: именно то, какъ пріятно читать талантливаго человѣка, который, если станетъ на ошибочную точку зрѣнія, то уже не остановится предъ послѣдствіями и разовьетъ свой тезисъ до того, что предвзятая односторонность его станетъ ясна для всякаго.

IV.

Историческія свои воззрѣнія авторъ выдѣлилъ въ особыя главы и потому односторонность ихъ бросается въ глаза сразу. Не то вышло съ военными воззрѣніями; эти послѣднія проводятся у него какъ бы вскользь, по дорогѣ, подъ прикрытіемъ мастерски, но тенденціозно представленныхъ фактовъ. Отъ этого военные взгляды

тора не только не поражаютъ сразу односторонностью, а на-ютивъ, являются для неподготовленнаго и предварительно за-пленнаго мастерской картинкой читателя какъ бы естественнымъ водомъ, вытекающимъ изъ этой картинки.

Обращикъ этой манеры мы уже видѣли въ разсужденіяхъ кн. ндрея, помѣщенныхъ вслѣдъ за изображеніемъ неурядицы Дрис-аго военнаго совѣта.

Подготовивъ читателя описаніемъ этой неурядицы, авторъ пу-аетъ вслѣдъ затѣмъ кн. Андрея съ его монологомъ противъ зоріи военнаго дѣла и противъ возможности военнаго генія, не мотря на то, что между неурядицей какого бы то ни было воен-аго совѣта, не имѣющаго руководителя, и сказанными предме-ами нѣтъ ничего общаго.

Этой же манеры авторъ держится и въ тѣхъ случаяхъ, когда очетъ провести отъ себя какіе либо военные взгляды сомнитель-аго свойства.

Открыть это сомнительное свойство взглядовъ не трудно, ибо очти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ такъ проговаривается, ю внимательному читателю даетъ самъ противъ себя опровер-еніе: явленіе—почти неизбѣжное во всякомъ поэтическомъ про-веденіи, направленномъ къ оправданію теоретическихъ воззрѣній тора, а не къ художественной правдѣ въ изображеніи фактовъ. озьмемъ, напримѣръ, атаку Ростова. Начинается съ того, что Ростовъ, своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ, одинъ изъ пер-ыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдую-ихъ нашихъ уланъ». Вотъ они близятся больше и больше; Ро-овъ «чутьемъ чувствовалъ, что ежели ударить теперь съ гуса-ами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, о надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ поздно». Тотъ е Ростовъ высказываетъ совершенно опредѣлительно своему то-арищу эту самую мысль и, вслѣдъ за тѣмъ бросается въ атаку. ажется, все это показываетъ совершенно ясно, что Ростовъ рѣ-ился на атаку далеко не зря, хотя и быстро: процессъ чув-твенной и духовной работы, неизбѣжный при всякой атакѣ, тутъ овершенно ясенъ; всѣ моменты этой работы (увидѣть, обсудить, рѣшиться, исполнить рѣшимость) на лицо. Но автору нужно свер-уть на свою любимую тему, что все дѣлается само собою,—и ютъ онъ отъ только что высказанныхъ мыслей прямо переходитъ ъ тому, будто «Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это дѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая»! Неужели же авторъ, являющійся такимъ онкимъ наблюдателемъ психическихъ процессовъ, иногда самыхъ

мимолетныхъ, могъ не замѣтить этого грубаго противорѣчія между началомъ и концомъ одной и той же страницы? Неужели онъ разсчитывалъ только на такихъ читателей, которые, добравшись до конца страницы, даже разгонисто напечатанной, забываютъ ея начало? Неужели, наконецъ, авторъ не признаетъ, что то, что дѣлается быстро и какъ-бы по инстинкту, предшествуется полнымъ психическимъ процессомъ наблюденія, соображенія и рѣшенія, который происходитъ мгновенно, но все же происходитъ? Мы не сомнѣваемся нисколько, что вышеприведенныя строки и не нашли бы мѣста въ его описаніи, если бы не стремленіе исподволь подготовить читателя къ тѣмъ умствованіямъ, въ силу которыхъ выходитъ, что человѣкъ никогда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; что онъ не болѣе, какъ маріонетка въ чьихъ то рукахъ, и что всему происходящему ничто не причина.

Въ началѣ второй части IV тома авторъ идетъ еще дальше: онъ открываетъ, что Ростовъ поскакалъ въ атаку только потому, будто бы, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю! Можно подумать, что авторъ, когда онъ писалъ эту фразу, и самъ забылъ о написанномъ выше: обстоятельство, свидѣтельствующее столько же въ пользу искренности, сколько и въ пользу силы односторонняго увлеченія автора. Далѣе подобныя противорѣчія встрѣчаются не только на одной страницѣ, но иногда даже въ одной фразѣ.

Такъ, въ сценѣ доклада дежурнаго генерала Кутузову, послѣдній безразлично слушалъ, что ему говорили Денисовъ и потомъ дежурный генералъ. Изъ этого выводится слѣдующее положеніе:

„Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ; но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ не старался выказывать ихъ *), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своей старостью, своей опытностью жизни".

Мы позволимъ себѣ вопросъ: что составляетъ опытность: массаль фактовъ, накопившаяся за долгую жизнь, или же выводы, которые умъ сдѣлалъ изъ этихъ фактовъ и которые одни только мо-

*) Неужели же авторъ полагаетъ, что кто обладаетъ умомъ и знаніемъ, тотъ ужъ долженъ всякую минуту думать о томъ, чтобы стараться ихъ выказывать? Это въ характерѣ личностей тщеславныхъ и пустыхъ, въ родѣ кн. Андрея, но отнюдь не въ характерѣ людей въ родѣ Кутузова, которымъ есть дѣло важнѣе постоянной мысли о томъ, чтобы плѣнять согражданъ и сограждановъ блистательнымъ качествами своей персоны.

гутъ служить руководящимъ началомъ для поведенія въ будущемъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: именно, совокупность выводовъ, сдѣланныхъ умомъ изъ фактовъ, составляетъ опытность и есть то плодотворное знаніе, которое можетъ пригодится и въ будущемъ. Знаніе только факта—безплодно; это будетъ опытность мула принца Евгенія, который, сдѣлавъ десять кампаній, не сталъ отъ этого опытнѣе и свѣдущѣе въ военномъ дѣлѣ *). Если это такъ, то и окажется, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ—не умомъ, не знаніемъ, а чѣмъ то другимъ, именно: тѣмъ же знаніемъ и умомъ! Кутузовъ принималъ очень хладнокровно многое такое, изъ за чего другіе сильно горячились, вовсе не по презрѣнію къ уму и знанію, а по своему превосходству въ умѣ и знаніи надъ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Мы не говоримъ уже о томъ, что роль главнокомандующаго принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, въ которыхъ нужно быть весьма осторожнымъ во внѣшнихъ проявленіяхъ согласія или несогласія съ чужими мнѣніями, удовольствія или неудовольствія; изъ тѣхъ ролей, къ которымъ болѣе всего примѣнима поговорка; десять разъ примѣрь, одинъ отрѣжь.

При дальнѣйшемъ развитіи этой же самой сцены, уже между кн. Андреемъ и Кутузовымъ, оказывается, что послѣдній обладалъ именно этой способностью не увлекаться, т. е. спокойно созерцать событія, которая кн. Андрею казалась презрѣніемъ къ тому, что Кутузову докладывали.

„У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ кн. Андрей, но онъ выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ“.

Нельзя лучше очертить то, что требуется отъ полководца: приведенная фраза почти изъ слова въ слово есть повтореніе мнѣнія Наполеона о томъ-же предметѣ **). Въ штабахъ, подобныхъ тому, который получилъ Кутузовъ, всегда находится бездна совѣтниковъ, и званныхъ и незванныхъ; если отъ этого нельзя

*) Извѣстное выраженіе Фридриха Великаго.

**) „Первое качество генерала—обладать спокойной головой (tête froide), которая принимаетъ вѣрныя представленія предметовъ, никогда не разгорячается ни отъ хорошихъ, ни отъ дурныхъ вѣстей; въ которой послѣдовательныя или одновременныя впечатлѣнія распредѣляются соотвѣтственно ихъ важности и занимаютъ не болѣе, какъ столько мѣста, сколько они заслуживаютъ; ибо здравый смыслъ, разсудокъ – составляетъ результатъ сравненія многихъ ощущеній (sensations), принятыхъ въ равномѣрное соображеніе. Memoires pour servir à l'histoire de Napoleon. T. V. Замѣчанія на кампанію 1757 г.

избавиться, остается одно: знать кого слушать, кого не слушать. Кутузовъ самъ ничего не придумывалъ, положимъ; но онъ выбиралъ кого слушать, кого нѣтъ, слѣдовательно, онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: въ практикѣ идея принадлежитъ не тому, кто первый ее высказалъ, но тому, кто беретъ на себя рѣшимость ее осуществить, съ отвѣтственностью за послѣдствія осуществленія.

Вдругъ, вслѣдъ за этой фразой, наталкиваемся на другую, совершенно непостижимую.

„Онъ (Кутузовъ) понимаетъ, что есть что то значительнѣе и сильнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое (?)".

Какимъ образомъ человѣкъ, свободный въ выборѣ любаго изъ дѣлаемыхъ ему предложеній, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отречься отъ участія въ событіяхъ, получающихъ то или другое направленіе, именно въ зависимости отъ того, что этотъ человѣкъ выбираетъ; отказываемся понять, да едва ли и кто бы то ни было понять возьмется.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай автору обнаружить и блистательныя стороны своего изобразительнаго таланта и односторонность теоретическихъ воззрѣній. Сцены у Бородина и на батареѣ Раевскаго переданы съ большимъ мастерствомъ. Даже мнѣніе автора, что позицію предполагалось сначала занять по Колочѣ, до самаго Шевардина, заслуживаетъ весьма серіезнаго вниманія; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣрности взгляда (но не вывода), гр. Толстой рѣдко ошибается. Мы положительно склоняемся въ пользу мнѣнія его о томъ, что первоначально въ мысли верховныхъ руководителей нашей арміи было принять бой, прикрывая позицію Колочей на всемъ протяженіи: склоняемся потому, въ особенности, что съ принятіемъ его многое, неразъясненное до сихъ поръ въ нашемъ расположеніи, совершенно осмысливается. Дѣйствительно: укрѣпленіе на первомъ флангѣ, надъ которымъ столько потѣшались, какъ надъ построеннымъ будто-бы горжей къ непріятелю, слишкомъ сильное занятіе части позиціи сѣвернѣе новой Смоленской дороги, оставленіе безъ вниманія старой Смоленской дороги—все это вытекаетъ, какъ совершенно логическое слѣдствіе расположенія вдоль по Колочѣ, т. е., подъ острымъ угломъ къ Новой смоленской дорогѣ. При подобномъ расположеніи могли опасаться, что Наполеонъ атакуетъ наше правое крыло потому, что правый флангъ нашъ былъ гораздо ближе къ пути отступленія, чѣмъ лѣвый—у Шевардина; слѣдовательно, опрокинувъ его, Наполеонъ затруднилъ бы насъ болѣе,

мъ дѣйствуя противъ лѣваго фланга. При томъ же Колоча въ омъ мѣстѣ представляетъ, судя по плану, приложенному къ сонію Г. Л. Богдановича, нѣсколько удобныхъ переходовъ, и вый ея берегъ (т. е. занятый французами) во многихъ мѣстахъ омандуетъ правымъ *); слѣдовательно, тактическое препятствіе, редставляемое Колочею, могли считать не довольно сильнымъ, тобы заставить Наполеона отказаться отъ попытки поставить асъ стратегически въ невыгодное положеніе, угрожая отрѣзать, случаѣ удачной атаки, отъ пути нашего отступленія. Если къ тому взять въ разсчетъ, что тогда стратегическая сторона боеихъ комбинацій начинала входить въ моду, съ легкой руки Жоини; что отъ Наполеона ожидали самыхъ невѣроятныхъ предріятій и ударовъ,—то особенное вниманіе, которое было обращено на правый флангъ позиціи, станетъ понятно, именно при омъ условіи если лѣвый ея флангъ былъ въ Шевардинѣ. Это и разилось расположеніемъ на правомъ крылѣ и значительнаго сла войскъ, и укрѣпленія, самаго сильнаго судя по плану, изъ хъ, которыя предположено было возвести на позиціи. Принимая вый флангъ позиціи у Шевардина, оказывается, что помянутое рѣпленіе вовсе не было обращено горжею къ непріятелю, а составляло только загибъ крайняго праваго фланга. Что по всей роятности и Наполеонъ не имѣлъ первоначально намѣренія ти на нашъ лѣвый флангъ, доказывается тѣмъ, что главныя о силы свернули съ новой Смоленской дороги и стали переправляться черезъ Колочу только тогда, когда наши стрѣлки, сположенные у Алексина, по сю сторону Колочи, открыли онь во флангъ французскимъ колоннамъ, шедшимъ отъ Валуева Бородину. Донесенія нѣкоторыхъ дѣятелей, прямо называвшихъ Шевардино лѣвымъ флангомъ позиціи, свидѣтельствуютъ же въ пользу предположенія гр. Толстаго. Впрочемъ, соглаясь съ основательностью этой гипотезы, нельзя не признать и го, что, принявъ ее, въ разборѣ сраженія придется сдѣлать есьма ничтожную перемѣну: придется назвать Шевардинское ло не боемъ у передоваго пункта, а первымъ днемъ Бородинаго сраженія.

Но, отдавая должное взгляду автора въ разбираемомъ случаѣ, льзя пропустить безъ вниманія того обстоятельства, что даже тутъ онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія доводы, пора-

*) Опять судя по плану. Въ описаніи сказано, что правый на всемъ протженія командуетъ лѣвымъ.

жающіе своею странностью и обнаруживающіе полный диллет тизмъ въ военномъ дѣлѣ.

„И для чего, защищая его (шевардинскій редутъ) 24 числа до поздней н были истощены всѣ усилія и потеряно 6 т. человѣкъ? Для наблюденія за пріятелемъ достаточно было казачьяго разъѣзда".

Это разсужденіе вполнѣ показываетъ, какъ опасно отри теорію военнаго дѣла, не зная, въ чемъ она заключается. диллетантовъ, армія въ 100 т. человѣкъ кажется не такимъ су ствомъ, которое разбрасывается на десятки верстъ, а такимъ, торое какъ будто сосредоточено въ одной точкѣ. Теорія воен дѣла, при всей ограниченности предѣловъ ея изслѣдованія, р ясняетъ, что сто-тысячная армія прикрывается такой завѣсой, торой не раздвинуть казачьему разъѣзду, что она, для дем страцій только, отдѣляетъ иногда отъ себя десятки тысячъ вой что все это раскидывается на такія обширныя разстоянія, убѣдиться осмотромъ въ томъ, сколько именно войскъ пер вами находится, нѣтъ рѣшительно никакой возможности, а т дется судить о силахъ непріятеля по степени напора, кото испытываютъ ваши передовыя войска.

Мы не остановимся на боевыхъ сценахъ Бородинскаго с женія, ибо уже высказали свое мнѣніе о мастерствѣ автора описаніи подобныхъ сценъ, и перейдемъ прямо къ теоретическ воззрѣніямъ, высказываемымъ по поводу этого сраженія.

Эти послѣднія до такой степени странны, что невольно по жаешься изумленіемъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ мож такъ превосходно рисовать боевыя сцены и такъ плохо объясн явленія войны и боя.

По его мнѣнію, Бородинское сраженіе не имѣло никак смысла ни для русскихъ, ни для французовъ *). По его мн ближайшимъ результатомъ этого сраженія было для русскихъ что мы приблизились къ погибели Москвы, а для французовъ что они приблизились къ погибели арміи. Но вѣдь автору безъизвѣстна, конечно, та простая вещь, что исхода боя ни од человѣкъ предвидѣть не можетъ; и что если одна армія рѣшае дать, а другая принять бой, то прежде и болѣе всего въ с того, что главнокомандующіе ихъ имѣютъ основаніе разсчитыв

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ этомъ случаѣ авторъ счелъ за нуж подготовить читателя къ своимъ разсужденіямъ сценой вытиранія Напол одеколономъ и представленія ему портрета Roi de Rome: то и другое съ видимымъ поползновеніемъ посильно умалить колоссальную фигуру геніальн солдата и тѣмъ предрасположить читателя принять на вѣру эти разсужденія

вѣроятность скорѣе побѣды, чѣмъ пораженія. Если подобнаго
ѣжденія съ которой либо стороны нѣтъ, тогда уклоняются отъ
я, а не даютъ его. Авторъ же относится къ этому дѣлу, какъ
ариѳметической задачѣ, и начинаетъ мѣнять шашки на осно-
ніи не тѣхъ данныхъ, которыя главнокомандующій можетъ имѣть
редъ сраженіемъ, а напротивъ, на основаніи тѣхъ, которыя
наруживаются только послѣ сраженія. Наполеонъ, зайдя такъ
леко, расчитывалъ, что, разбивъ нашу армію, онъ принудитъ
ся къ выгодному для себя миру; мы-же, не покрывъ себя по-
ромъ передъ всею Россіею, не могли пустить Наполеона въ
оскву, ни разу не попытавъ счастія въ серьезномъ бою. Ка-
ется, побужденія рискнуть на бой были основательны и съ той
съ другой стороны; но авторъ этого не видитъ; и не видитъ
тому, что ему во что бы то ни стало нужно прійти къ той
азѣ, что «давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ
Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно». Вслѣдъ
этимъ, совершенно непостижимо по какой связи, авторъ гово-
тъ: «древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ
торыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще
можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго
емени исторія такого рода не имѣетъ смысла».

Въ наше время никто и не думаетъ считать героями, въ древ-
мъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова. Но
дь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей,
йствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться
казать въ ихъ рѣшеніяхъ непроизвольность и безсмысленность,
це очень далеко. Исторія, достойная нашего человѣческаго вре-
ени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто
аполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого нибудь рядо-
го или фурштата; но въ томъ, чтобы показать въ истинномъ
ѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руково-
щихъ этими массами. Мы согласны, что то направленіе исторіи,
ри которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло,
ло односторонне; но изъ признанія этой односторонности еще
е слѣдуетъ, чтобы направленіе, діаметрально-противоположное, при
оторомъ заговорятъ только о тѣлѣ, забывая голову, было вѣрно.
Мы вполнѣ признаемъ, что для осуществленія извѣстныхъ стре-
леній въ народѣ необходимъ иногда продолжительный періодъ,
ока эти стремленія охватятъ всю массу; періодъ, въ который
ичности, слишкомъ забѣгающія впередъ, гибнутъ; но мы знаемъ
акже, что для осуществленія этихъ стремленій необходимъ
динъ, который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы

имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ одной головѣ.

Авторъ не можетъ не признавать того, что будь на мѣстѣ Наполеона Дезе, Гошъ, Карно напр., французская жизнь между 793 и 815 годами разыгралась бы не изъ пункта въ пунктъ такъ, какъ она разыгралась подъ Наполеономъ. Конечно, фактовъ на это нѣтъ; но есть та истина, общая и для нравственнаго и для матеріальнаго міра, что съ перемѣною одной изъ составляющихъ, равнодѣйствующая необходимо измѣняется и въ скорости, и въ направленіи.

Вотъ, по нашему мнѣнію, то соотношеніе, въ которомъ находятся эти двѣ силы *), слагающія народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Стремленіе отрицать значеніе руководящихъ личностей тѣмъ болѣе странно въ авторѣ, признающемъ, что кромѣ индивидуальной жизни личности, есть еще та коллективная жизнь **), въ которой личность является, въ свою очередь, только атомомъ: если это такъ, то на какомъ же основаніи авторъ игнорируетъ, что и въ роѣ есть матка, что бываютъ матки дѣльныя ***) и безтолковыя ****), что это отражается весьма сильно на благосостояніи роя; что, наконецъ, съ гибелью матки рой разлетается и гибнетъ (какъ рой), если только въ немъ не явится другой матки. Матка безъ роя ничего не значитъ; но и рой безъ матки то же немного значитъ.

Кажется это вещи до такой степени фактическія, что тутъ сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста; даже старое направленіе исторіи, какъ оно ни было односторонне, указываетъ ясно на громадное значеніе личностей руководящихъ, до того громадное, что оно долгое время закрывало значеніе силъ, которыхъ эти личности были представителями. Авторъ силится доказать, что это вовсе не такъ, на томъ основаніи, что человѣческое достоинство говоритъ ему, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ. Ни что такъ не ведетъ къ сбивчивости понятій, какъ подобныя красивыя, но весьма неопредѣленныя фразы. Нужно условиться въ чемъ и какъ всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ. Авторъ счи-

---

*) Т. е., масса съ одной стороны, руководитель массы съ другой.
**) Росвая, какъ ее называетъ авторъ.
***) Наполеонъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч.
****) Маккъ, Вильруа, Пр. Лотарингскій и проч., и проч., и проч.

етъ, вѣроятно, кн. Андрея весьма сильнымъ, умнымъ и развитымъ человѣкомъ; а между тѣмъ самъ подчинилъ его обаянію ратіона въ атакѣ подъ Шенграбеномъ, подчинилъ не по долгу, по внутреннему невольному влеченію, ибо заставилъ его даже пытывать при этомъ большое счастіе. Способность подчинять бѣ подобныхъ можетъ быть дана даже человѣку, въ которомъ нѣе всего человѣческаго, — и за нимъ пойдутъ и развитые, и соко честные, и нравственные люди; въ той же способности жетъ быть отказано человѣку, сильно одаренному въ человѣческомъ смыслѣ. Слѣдовательно, разговоры о человѣческомъ достоинствѣ ничего не поясняютъ и ничего не доказываютъ въ этомъ просѣ.

Чтобы поддержать свою теорію, авторъ доходитъ до того же открытія, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи ни въ го не стрѣлялъ и никого не убилъ; но вѣдь если вопросъ ставить такимъ образомъ, то ни одинъ солдатъ непосредственно ни-го не убилъ, ибо убивали собственно не солдаты, а огнестрѣльные снаряды и штыки; неужели же за этими послѣдними, вслѣдствіе этого, должна быть признана произвольность въ дѣйствіяхъ преобладающее значеніе вообще надъ личнымъ элементомъ въ міи? Авторъ договаривается, наконецъ, до того, что

„ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ (т. е. своимъ солдатамъ) теперь драться русскими, они бы его убили и пошли драться съ русскими, потому что это ло имъ необходимо“.

Мы позволимъ себѣ спросить: когда французская армія была худшемъ положеніи: передъ Бородинскимъ ли сраженіемъ, или е подъ Краснымъ и во время Березинской переправы? Кажется но **когда**. Отчего же эти солдаты не убили его тогда, когда ждому изъ нихъ ясно стало, что Наполеонъ привелъ ихъ въ оссію на погибель? Отчего въ тѣ страшныя минуты, когда онъ же уложилъ нѣсколько сотъ тысячъ на сумасбродное предпріятіе, чего въ остаткахъ этихъ сотенъ тысячъ, остаткахъ голодныхъ, борванныхъ, полузамерзшихъ, для этого, такого же какъ они, ловѣка не находилось другаго слова, кромѣ восторженнаго, натическаго vive l'Empereur?.. Принимаясь за подобные вопросы, льзя ихъ рѣшать съ плеча; нельзя рѣшать ссылками на какое о «такъ должно было случиться», на человѣческое достоинство на то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ никого лично не убилъ. Іучше ихъ совсѣмъ не трогать, чѣмъ разбирать подобнымъ образомъ, мороча и сбивая съ толку тѣхъ изъ читателей, которые на вѣру готовы принять что угодно, разъ они закуплены хорошо ображенными сценами. Не имѣемъ и въ мысли заподазривать

искренность автора: въ числѣ обмороченныхъ миражами его воображенія онъ, вѣроятно, первый; показываемъ только, что это миражи и ничего болѣе.

Всѣ разсужденія автора на ту-же тему носятъ на себѣ характеръ такой же односторонности, какъ и приведенныя уже; увлеченіе свое онъ доводитъ до того, что считаетъ диспозицію Вейротера подъ Аустерлицомъ образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ подобнаго рода, очевидно не подозрѣвая даже того мѣрила, по которому диспозиція можетъ быть признана дурною или хорошею. Позволимъ себѣ дать это мѣрило, взявъ его опять изъ той же теоріи военнаго искусства: чѣмъ диспозиція проще, чѣмъ она рельефнѣе выставляетъ цѣль, назначенную для достиженія войскамъ, не вдаваясь въ мелочи исполненія, — тѣмъ она лучше. Предлагаемъ автору сравнить съ этой точки диспозицію Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ съ диспозиціею Вейротера, и вѣроятно онъ увидитъ, что первую признаютъ хорошею не изъ одного рабскаго поклоненія генію Наполеона, а потому, что она дѣйствительно хороша.

Авторъ находитъ ее нехорошею, потому что ни одинъ ея пунктъ не былъ исполненъ; подобное мнѣніе странно въ примѣненіи къ дѣлу, въ которомъ непріятель на каждомъ шагу противупоставляетъ тысячи преградъ достиженію цѣли: имѣя это въ виду, кажется не трудно понять, что впередъ навѣрное никогда нельзя сказать, что цѣль будетъ, или не будетъ достигнута, или, другими словами, будетъ ли исполнена диспозиція, или нѣтъ *). Автору какъ будто кажется, что образцовая диспозиція должна напередъ предвидѣть и росписать всѣ случайности боя; однимъ словомъ, мы наталкиваемся въ этомъ случаѣ на тѣ-же механическіе взгляды на военное дѣло, на которые уже натолкнулись и кн. Андрей и которыми авторъ никакъ поступиться не можетъ, не смотря на то, что понимаетъ вполнѣ свойства живой силы, въ употребленіи которой все, впередъ расчитанное до малѣйшихъ подробностей, не можетъ имѣть никакого смысла.

Тираду свою о томъ, что не Наполеонъ рѣшился на Бородинское сраженіе, а ему казалось только, что онъ это велѣлъ, авторъ заканчиваетъ весьма характеристично:

„Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло представителя власти также хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ

*) Это вѣрно нетолько въ примѣненіи къ войску, но даже къ бездушному снаряду: какъ бы стрѣлокъ ни былъ искусенъ, онъ не можетъ поручиться впередъ, что непремѣнно попадетъ куда цѣлитъ; а между тѣмъ снарядъ далеко не встрѣчаетъ тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ человѣкъ въ бою.

не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ *), не испугался, и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны спокойно и достойно исполнялъ свою роль кажущагося начальствованія".

Мы не говоримъ уже о противорѣчіи между тѣмъ, что Наполеонъ тутъ является сначала только кажущимся представителемъ власти, вслѣдъ за тѣмъ не дѣлаетъ ничего вреднаго для хода сраженія и склоняется на мнѣнія болѣе благоразумныя, слѣдовательно выходитъ уже дѣйствительнымъ представителемъ власти; не говоримъ потому, что всякій внимательный читатель самъ подмѣтитъ это противорѣчіе. Мы обратимся опять къ источнику этихъ противорѣчій. Заключается онъ все въ томъ же — въ привычкѣ рисовать одну сторону явленій, перенесенной въ ту область творчества, которая требуетъ всесторонняго ихъ изслѣдованія. Чтобы это показать, воспользуемся опять книгою Трошю. Мы беремъ продолженіе описанія начала боя, которое приведено нами въ первой статьѣ. Если припомнятъ, мы остановились тамъ на той минутѣ, когда войска входятъ въ сферу выстрѣловъ и когда начальники должны наэлектризовать ихъ своимъ спокойнымъ видомъ и кстати сказаннымъ словомъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ это время лучшее и для маневрированія, т. е. для того, чтобы принять тактическія формы, сообразныя мѣстности и обстоятельствамъ. Ибо войска пока еще совершенно находятся въ рукахъ начальниковъ, смотрятъ на нихъ, всего отъ нихъ ожидаютъ и молча повинуются ихъ слову. Еще минута — и ураганъ битвы покроетъ голосъ начальниковъ и всякіе командные голоса.

За тѣмъ слѣдуетъ великолѣпное описаніе того безпорядка во время сраженія, который такъ хорошо изображаетъ и гр. Толстой. Кажется, ясно; бой представляетъ два момента: въ первый войска находятся подъ вліяніемъ старшихъ начальниковъ вполнѣ; во второй они дѣлаютъ свое дѣло на столько, на сколько сами способны его дѣлать.

Сопоставимъ теперь только что разобранныя мнѣнія гр. Толстаго съ цитатой изъ Трошю, и источникъ разсужденій перваго изъ нихъ о ничтожествѣ вліянія старшихъ начальниковъ въ бою откроется самъ собою: нашъ авторъ описывалъ второй изъ моментовъ боя и увлекся имъ до такой степени, что о существованіи перваго знать не желаетъ.

Авторъ пришелъ, въ этомъ случаѣ, къ выводу, къ которому будетъ приведенъ всякій изслѣдователь, намѣренно или по невни-

*) А это въ высшей степени трудно, даже когда пишешь, нетолько когда дѣйствуешь.

манію разсматривающій не все явленіе, а только часть его; такъ, напр., остановившись на той части выстрѣла, когда пуля уже вышла изъ ствола и летитъ къ цѣли, можно сказать, что участіе стрѣляющаго въ этомъ дѣлѣ ничтожно, что онъ пулей управлять не можетъ, что, наконецъ, искусство въ стрѣльбѣ немыслимо, ибо какое же можетъ быть искусство въ дѣлѣ, въ которомъ попаданіе въ цѣль зависитъ отъ такого множества случайностей: и отъ вѣтра и отъ сырости или сухости воздуха, и отъ освѣщенія, и проч. и проч., что въ этомъ дѣлѣ стрѣлокъ является не болѣе, какъ кажущимся распорядителемъ выстрѣла, ибо только выберетъ цѣль, зарядитъ, опредѣлитъ разстояніе, прицѣлится и спуститъ курокъ; но вѣдь пуля полетитъ за тѣмъ не такъ, какъ стрѣлокъ хочетъ, а такъ, какъ обусловятъ этотъ полетъ обстоятельства, отъ стрѣлка совершенно независимыя.

Задавшись желаніемъ провести подобную односторонность, придется, конечно, все отвергающее ее или не замѣчать, или же представлять такъ себѣ, пустячкомъ, не стоющимъ строгаго разбора. Это въ «Войнѣ и Мирѣ» и сдѣлано, въ извѣстномъ разговорѣ Наполеона съ Раппомъ:

— Вы знаете-ли Раппъ, что такое военное искусство? спросилъ онъ. Искусство—быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilà tout.

Людямъ, не особенно знакомымъ съ теоріей военнаго дѣла, или прибѣгающимъ къ аффектированному презрѣнію, съ цѣлью скрыть свое невѣжество въ ней, какой обильный матеріалъ для дешеваго остроумія. Передъ нашими глазами такъ и рисуется какой нибудь недоучившійся, но съ претензіями, малый, который дойдя до этого открытія, воскликнетъ: «только-то! Нечего сказать, славно насъ морочатъ—нужно изучать и военную исторію и стратегію и тактику и военную администрацію, когда дѣло до такой степени просто: нужно только быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ, умѣть во время подвезти провіантъ и велѣть идти тому направо, тому налѣво!»

Всякій общій принципъ до крайности простъ и потому кажется доступнымъ самому ограниченному пониманію; но въ практическомъ дѣлѣ сущность не въ томъ, чтобы знать, а въ томъ, чтобы умѣть примѣнить. Одно знаніе стоитъ въ этомъ случаѣ немногимъ выше знанія попугая, котораго также можно выучить болтать, что военное искусство есть искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Кто знаетъ только жолудь, не имѣетъ еще никакого понятія о дубѣ, хотя послѣдній и заключается въ первомъ; кто выдолбилъ математическую формулу, все

же не будетъ имѣть основательнаго понятія о свойствахъ величинъ, ее составляющихъ, если не умѣетъ самъ ее вывести и не разбиралъ ее при всевозможныхъ предположеніяхъ.

Мысль, что старшіе начальники въ бою ничего не дѣлаютъ, составляетъ основной мотивъ разсужденій автора; какъ припѣвъ въ пѣснѣ, она, то и дѣло, появляется въ этихъ разсужденіяхъ, только форма нѣсколько мѣняется.

«Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполнены».

«Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ,—топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона».

«Кутузовъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался, или не соглашался на то, что предлагали ему».

«Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и руководилъ ею, на сколько это было въ его власти *).

Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ все то же, что мы уже высказали: что авторъ, намѣренно или незавѣдомо для самаго себя, но очевидно рисуетъ только тотъ періодъ боя, въ который войска выпадаютъ изъ рукъ старшихъ начальниковъ, и совершенно забываетъ періодъ ему предшествующій, въ который вполнѣ во власти начальника пустить, или не пустить войска въ атаку, пустить ихъ на тотъ, либо другой пунктъ, пуститъ въ большемъ или въ меньшемъ числѣ. Авторъ, отрицая возможность управленія войсками, къ сожалѣнію, нигдѣ не высказываетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ управленіемъ: если бы онъ это высказалъ, то сразу бы и обнаружилось, что онъ объ этомъ дѣлѣ составилъ себѣ странное представленіе. Попытаемся выразить лич-

*) Слѣдовательно въ началѣ фразы выходитъ, что руководить сотнями тысячъ людей одному человѣку въ бою нельзя, а въ концѣ фразы, что ими руководить можно; ибо руководить людьми, или духомъ этихъ людей — одно и то же.

ное понятіе автора объ управленіи, основываясь на вышеприведенныхъ выпискахъ.

1) То, что оба главнокомандующіе одни предложенія принимаютъ и дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія къ ихъ исполненію, а другіе отвергаютъ — не есть, по его мнѣнію, управленіе.

2) То, что они руководятъ нравственнымъ настроеніемъ войскъ, тоже не есть управленіе.

3) То, что частные начальники, получивъ назначеніе отъ тѣхъ же старшихъ начальниковъ, достигаютъ этого назначенія по своему усмотрѣнію, въ зависимости отъ безпрерывно мѣняющейся боевой обстановки, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Даву, Нееву, Мюратовъ, показываетъ, что эти послѣдніе въ бою ничего, или почти ничего не значатъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что за Наполеономъ и его ближайшими помощниками можно бы было, съ точки зрѣнія автора, признать управленіе боемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ нихъ самъ водилъ баталіоны и эскадроны въ атаку и каждую батарею перемѣщалъ бы съ одной позиціи на другую! Если бы главные начальники могли этимъ заниматься, тогда не было бы нужды въ дивизіонныхъ, бригадныхъ и прочихъ командирахъ низшихъ степеней, самое существованіе которыхъ показываетъ, что это вещь немыслимая; если бы, на оборотъ, дѣлали дѣло только эти послѣдніе, тогда не было-бы надобности въ высшихъ начальникахъ, что опять нелѣпость, ибо кто же сводилъ бы къ одной цѣли разрозненныя усилія множества частей? Кажется, очевидно, что корень всѣмъ разсужденіямъ автора лежитъ въ невѣрномъ представленіи о томъ, что должно разумѣть подъ управленіемъ на различныхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы и въ различные моменты боя.

Становясь на точку графа Толстаго, можно также сказать, что капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ: ни на какомъ инструментѣ онъ не играетъ, значитъ въ общую гармонію не прибавляетъ рѣшительно ничего осязательнаго; не можетъ не только предупредить ошибки какого нибудь музыканта, но даже и сдѣланныхъ не поправляетъ: ясно какъ день, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ и не дѣлаетъ, а всякій музыкантъ исполняетъ свою партію, на сколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента! Но едва ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда, торчащаго безъ дѣла (по теоріи автора) передъ его серединою; извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы;

компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ; иногда даже едва узнаваемою. Нужно при этомъ замѣтить, что въ музыкѣ диспозиція (т. е. партитура), въ большей части случаевъ, создана не тѣмъ, кто управляетъ ея исполненіемъ, и, не смотря на это, личныя свойства распорядителя входятъ въ исполненіе такимъ могущественнымъ факторомъ; во сколько же должно увеличиваться значеніе этихъ личныхъ свойствъ распорядителя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ является и творцомъ, и въ которомъ цѣль достигается подъ вліяніемъ непрерывной опасности и безчисленнаго множества случайностей?

И авторъ, такъ великолѣпно рисующій тѣ неосязаемые токи, которыми разносится въ арміи всякая, и дурная и хорошая, вѣсть,— тотъ же самый авторъ силится увѣрить въ ничтожествѣ значенія распорядителя, отъ котораго зависитъ даже неблагопріятную вѣсть повернуть на пользу дѣлу...

— —Вы видѣли? вы видѣли?... Нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. Какъ вы... какъ вы смѣете!... дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь закричалъ онъ. Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это мнѣ. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня ген. Барклаю, что свѣдѣнія его несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, фельдмаршалу, лучше чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что то, но Кутузовъ перебилъ его.

—Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое намѣреніе атаковать непріятеля, строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала. Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли русской, сказалъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь über diese Eingenommenheit des alten Herrn“ *)

....Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ (объ атакѣ на слѣдующій день)...

И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на слѣдующій день, передались одновременно во всѣ концы войска.

...И узнавъ то, что назавтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.

Теперь представимъ себѣ на мѣстѣ Кутузова одного изъ тѣхъ полководцевъ, qui se font des tableaux, по выраженію Наполеона, т. е. которые дѣлаютъ изъ мухи слона: донесеніе Вольцогена

*) Т. е. удивляясь упрямству стараго господина.

привело бы его конечно къ убѣжденію, что все пропало, что нужно какъ можно скорѣе отступать; поскакали бы съ болѣе или менѣе потерянными физіономіями адъютанты во всѣ концы; торопливо передали-бы приказаніе отступать; торопливо началось бы отступленіе и если бы оное кончилось бѣгствомъ, то, во всякомъ случаѣ, результатъ нравственной побѣды, которую мы одержали, былъ бы утраченъ. Принявъ это въ соображеніе, придется признать за личностью главнокомандующаго нѣсколько иное значеніе, чѣмъ кажется автору «Войны и Мира». Авторъ самъ себѣ лучшій критикъ: какъ только онъ принимается за живописаніе событій, онъ самъ бьетъ на голову свои теоретическія измышленія.

Кажется, мы не пропустили ни одного изъ болѣе выдающихся теоретическихъ положеній автора; односторонность ихъ, какъ читатель видитъ, и какъ мы уже сказали, произошла отъ того же, отчего происходитъ всякое неправильное умозаключеніе: отъ непринятія въ разсчетъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ оно, въ примѣненіи къ извѣстному случаю, должно слагаться. Съ авторомъ случилось то же, что случилось съ Платономъ, опредѣлявшимъ, говорятъ, человѣка двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, до тѣхъ поръ, пока ему не пустили ощипаннаго пѣтуха. Сколько намъ кажется, по свойству таланта автора, девизомъ его должно быть: je ne juge pas, je raconte *); только при этомъ условіи онъ, доставляя высокое наслажденіе и поученіе своимъ читателямъ, не будетъ рисковать сбить съ толку тѣхъ изъ нихъ, которые по натурѣ сильно расположены къ подъавторитетности; не будетъ давать софизмовъ въ распоряженіе тѣхъ, которые нуждаются въ оправданіи своего невѣжества. Автору, вѣроятно, и въ голову не могло прійти, что книга его можетъ послужить для этой послѣдней потребы, а между тѣмъ это такъ; онъ самъ признаетъ, что человѣкъ, сдѣлавъ какое нибудь дѣло, не властенъ въ его послѣдствіяхъ и даже предвидѣть всѣхъ ихъ не можетъ. Это случилось именно съ его «Войной и Миромъ». Просимъ вѣрить, что не выдумываемъ, а говоримъ фактъ; мы сами наталкивались на господъ, которые изъ его книги ничего другаго не вычитали, кромѣ того, что военнаго искусства нѣтъ, что подвезти во время провіантъ и велѣть идти тому направо, тому налѣво — дѣло не хитрое, и что быть главнокомандующимъ можно ничего не зная и ничему не учившись.

Въ томъ и заключается существенная разница между художественнымъ изображеніемъ и теоретическимъ выводомъ, что первое

*) Не сужу, а разсказываю.

жетъ воспроизвести какой угодно фактъ, не рискуя подать по-
съ къ поголовнымъ нелѣпымъ выводамъ; между тѣмъ какъ тео-
тическій выводъ, при малѣйшемъ невниманіи, получается одно-
сторонній и вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, которыя или неспособны
глядѣть эту односторонность, или которымъ она съ руки.

Пока вы рисуете недѣятельныхъ главнокомандующихъ, штабы
іе, что назначеніе ихъ, по видимому, заключается въ осущест-
ніи идеи безтолковщины и интриги, полковаго командира, безу-
ѣчнаго въ мирное время, безсильнаго въ бою; пока вы рисуете
янина даже,—вы правы: ибо могутъ быть и безтолковые
абы, и недѣятельные главнокомандующіе, и все остальное; но
ъ вы, по частному явленію стремитесь сдѣлать общій выводъ,
должень выйти ложенъ и не можетъ инымъ выйти; не мо-
ъ потому, что точно также, какъ возможно то, что вы рисуете,
можно и прямо ему противоположное. Вы правы, рисуя что
удь одно, ибо всего разомъ нарисовать нельзя; но не правы,
паясь на выводы, на чемъ нибудь одномъ основанные.

Въ заключеніе не можемъ не указать на великолѣпное раз-
іе той мысли, почему собственно мы, скорѣе чѣмъ французы,
ли побѣдителями подъ Бородинымъ.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то, похожее на сновидѣніе, чувство, что
ашный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе
е участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ
женій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали
наковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ ПОЛОВИНУ
ска, стоялъ также грозно въ концѣ и въ началѣ сраженія. Нравственная
а французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая
дѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ зна-
ами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда
вственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосход-
ѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Боро-
нымъ".

За исключеніемъ странной и неумѣстной со стороны гр. Тол-
ого фразы о «кускахъ матеріи на палкахъ, называемыхъ
аменами», все здѣсь сказанное глубоко вѣрно. И въ доказа-
ьство этого позволимъ себѣ привести фактъ мало извѣстный,
ается нигдѣ незаписанный, но существующій въ преданіи у
анцузовъ. На утро послѣ сраженія, высшіе военачальники со-
ались, по обыкновенію, къ палаткѣ Наполеона и въ ожиданіи
выхода разговаривали о данномъ наканунѣ сраженіи. Больше
ѣхъ выходилъ изъ себя Ней, ибо Наполеонъ дѣйствительно не
лъ самимъ собою въ сраженіи: не отъ насморка только *), но и

*) Хоть насморкъ, какъ то вѣроятно не безъизвѣстно и гр. Толстому, мо-
ъ дѣйствовать весьма сильно на работу ума и воли.

вслѣдствіе того, что онъ такъ далеко затянулся и что въ сл
неудачи рисковалъ слишкомъ многимъ. Ней дошелъ до того,
воскликнулъ: s'il a désappris de faire son métier qu'il aille se
f.....à Tuileries; nous ferons mieux sans lui. Фраза была услы
Наполеономъ, который выслалъ адъютанта пригласить «храб
шаго изъ храбрыхъ» умѣрить свои выраженія. Этотъ эпизодъ
казываетъ совершенно ясно, что нравственную побѣду счита
нами сами руководители французской арміи.

Мы назвали фразу автора о знаменахъ странною и неум
ною именно съ его стороны: на прощанье съ читателем
обязаны показать, почему такъ думаемъ. Автору, конечно,
вѣстна та особенность человѣческой натуры, въ силу кот
всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣк
столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя
соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки самый ничтожный п
метъ можетъ стать для человѣка святыней, сохраненіе кот
для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и ст
вится неизмѣримо выше сохраненія жизни. Мы идемъ дал
спускаемся въ разрядъ тѣхъ вещей, съ которыми человѣк
соединяетъ собственно никакого особеннаго значенія и кот
бросаетъ, какъ только онѣ отслужили свой срокъ. Какое чу
возникнетъ въ васъ, если незнакомый человѣкъ, подойдя къ ва
схвативъ положенную вами подлѣ хоть папиросницу, броси
на полъ? Этотъ человѣкъ оскорбляетъ этимъ васъ, между
какъ въ сущности онъ сдѣлалъ самое невинное дѣло—бросил
полъ копѣечную вещь. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая, са
ничтожная вещь, становясь принадлежностью челов
обращается какъ бы въ часть его самаго, до такой степ
что грубый поступокъ относительно ея вы считаете уже пос
тельствомъ на ваше личное достоинство *).

Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще б
вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей, кот
называются баталіонами, полками. Не представляя по внѣшн
одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ
кихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя
ности и не нуждаются: въ вещественныхъ знакахъ, служа
осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго един
людей, составляющихъ извѣстную часть. Знамя именно и есть

*) Ставя эти положенія, мы разумѣемъ, конечно, цѣльныхъ, непосредс
ныхъ людей, а не тѣхъ, въ которыхъ врожденные инстинкты и первыя
тлѣнія подчиняются постоянному анализу.

имволъ: въ порядочной части все можетъ перемѣниться, все мо-
ѣть умереть для войсковой жизни, одно остается неизмѣннымъ
вѣчнымъ, на сколько вѣчны созданія человѣка: духъ и зна-
я—его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранив-
ая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною, не смотря
а самыя тяжелыя, иногда гибельныя положенія; часть, потерявъ
ая знамя,—то же, что опозоренный и не отплатившій за свой
озоръ человѣкъ. Взявъ это въ соображеніе, всякій согласится,
то кусокъ матеріи, который соединяетъ около себя тысячу чело-
ѣкъ, сохраненіе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ и ты-
ячамъ людей, входившихъ въ составъ полка въ продолженіе его
ѣковаго существованія, — что такой кусокъ матеріи есть святы-
я,—не условная военная святыня только, но святыня въ пря-
омъ и непосредственномъ значеніи этого слова, и что изъ всѣхъ
рофеевъ это именно тотъ, который болѣе всего свидѣ-
ельствуетъ о нравственной побѣдѣ надъ врагомъ. Ав-
ору не мѣшало бы помнить, что именно въ сраженіи подъ Бородинымъ французамъ не удалось взять ни одного изъ этихъ усковъ матеріи на палкахъ; не мѣшало бы не забывать и того, то на концѣ этихъ палокъ утвержденъ символъ еще болѣе вы-окаго единенія,—символъ, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ алеко не одно формальное значеніе для русскаго человѣка; не мѣ-шало бы не забывать того, наконецъ, что, до Петровской рефор-ы, на этихъ кускахъ матеріи рисовались образа *), что давало знаменамъ то дѣйствительное значеніе военной и религіозной свя-тыни, которое онѣ имѣли у народа, лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи,—у народа римскаго.

Но авторъ «войны и мира» знаетъ это не хуже, если не лучше насъ; и если онъ допустилъ эту фразу, совершенно несо-вмѣстную съ признаніемъ истины, имъ же самимъ отстаиваемой,—что побѣда есть прежде всего фактъ нравственный, а не мате-ріальный,—то мы приписываемъ это не болѣе, какъ недосмотру, и не сомнѣваемся, что онъ не оставитъ ее въ послѣдующихъ из-даніяхъ своего труда. Не сомнѣваемся и потому, что она нахо-дится въ логическомъ противорѣчіи съ его собственнымъ призна-ніемъ значенія духа войскъ въ боевомъ успѣхѣ, и потому, что она болѣзненно поразила тѣхъ изъ его читателей, которые счи-таютъ себя военными не по мундиру только.

---

*) И всякій истинный военный глубоко пожалѣетъ, что этотъ прекрасный обычай оставленъ.

1869 годъ.

Винтовки, скорострѣльная и обыкновенная, съ тактической точки зрѣнія *).

Envers et contre tous.

I.

Въ настоящее время, когда перевооруженіе еще не везде окончено, встрѣча войскъ, вооруженныхъ обыкновеннымъ оружіемъ съ такими, которыя имѣютъ уже скорострѣльное—случай возможный. Въ виду этой возможности разборъ вопроса о послѣдствіяхъ встрѣчи представляетъ весьма живой интересъ. По свойственной человѣку слабости увлекаться новымъ, многіе военные начинаютъ ставить обыкновенное оружіе ниже, а скорострѣльное—выше того, какъ они стоятъ въ дѣйствительности: намъ не разъ случалось слышать мнѣніе, будто первое находится ко второму въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ въ 50-хъ годахъ гладкое ружье стояло къ нарѣзному,—однимъ словомъ, что оно теперь немногимъ лучше палки,—и слушавшіе поникали главами долу передъ этимъ приговоромъ, считая его, по всей вѣроятности, совершенно справедливымъ.

А между тѣмъ это вовсе не такъ, и чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно обратить вниманіе на то, что въ приведенномъ сравненіи сопоставлены данныя неоднородныя: разница меж-

*) Эта статья подала въ свое время поводъ къ нападкамъ со стороны людей, которые въ ней видѣли яко бы защиту медленности перевооруженія. Безъ труда можно видѣть, что въ ней рѣчь идетъ не о томъ, нужно ли было перевооружать или нѣтъ (вопросъ административный) а о томъ, нужно ли стоять съ обыкновенными винтовками противъ скорострѣльныхъ (вопросъ тактическій). Отъ рѣшенія, его, сдѣланнаго въ этой статьѣ, мы не отказываемся и теперь.

гладкимъ и нарѣзнымъ оружіемъ заключается въ дальности и ѣткости пораженія; разница между обыкновеннымъ нарѣзнымъ и скорострѣльнымъ не относится ни до дальности, ни до мѣткости, состоитъ только въ возможности сдѣлать изъ послѣдняго въ данный промежутокъ времени бо̀льшее число выстрѣловъ.

Ясно, слѣдовательно, что такое сравненіе основано прежде всего на неполномъ вниманіи къ свойствамъ различныхъ системъ оружія и уже по этому самому вѣрнымъ быть не можетъ; проникнувъ въ сознаніе, оно поведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ въ дѣлѣ, какъ всякое ошибочное убѣжденіе, т. е. собственно—предубѣжденіе.

Распространенію этого предубѣжденія долженъ противодѣйствовать въ мѣрѣ силъ своихъ всякій военный, сколько нибудь понимающій свое дѣло; противодѣйствовать въ видахъ возстановленія истины, какъ она есть, а не какъ кажется, благодаря тому, что большинство людей легко подчиняется непродуманнымъ первымъ впечатлѣніямъ, безъ провѣрки ихъ здравымъ смысломъ.

Мы поставили себѣ цѣлью сдѣлать опытъ этой провѣрки, не склоняясь ни въ сторону обыкновеннаго, ни въ сторону скорострѣльнаго оружія, имѣя въ виду только возстановленіе отношенія между ними въ настоящемъ свѣтѣ. Найдутся, можетъ быть, люди, которые отзовутся на этотъ голосъ; исправятъ то, въ чемъ мы ошибаемся, дополнятъ то, чего мы не договорили,—и дѣло выиграетъ, какъ оно всегда выигрываетъ отъ правды, отъ разрушенія ошибочныхъ представленій. Въ военномъ дѣлѣ все держится на убѣжденіяхъ, которыми проникнута масса. Излишне распространяться послѣ этого, до какой степени важно, чтобы убѣжденія были вѣрны, т. е., чтобы по нимъ всякая военная данная получала оцѣнку не больше и не меньше того, чего она дѣйствительно сто̀итъ.

Невольно является вопросъ: если вышеприведенное сравненіе невѣрно, то почему оно находитъ такой легкій доступъ въ большинство сознаній, какъ совершенно вѣрное? Не трудно видѣть почему; потому, что всѣ стороны даннаго предмета видѣть несравненно труднѣе, чѣмъ нѣкоторыя, и именно тѣ только, которыя прежде всѣхъ бросаются въ глаза. Выводъ, построенный на этихъ нѣкоторыхъ, сразу видимыхъ, сторонахъ, будетъ тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ одностороннѣе. Всякій имѣлъ случай наблюдать, до какой степени закупаютъ остроумныя и рѣзкія сопоставленія; всякому не разъ приходилось, вѣроятно, слышать, какъ отъ основательнаго довода отъигрываются иногда остротой, которая въ глазахъ большинства вершитъ спорный вопросъ; и вотъ гуляютъ по свѣту ис-

тины, что теперь штуцеръ немногимъ лучше палки, что ш
теперь уже совсѣмъ ничего не значитъ, кавалеріи нѣтъ мѣст
поляхъ сраженій и проч. и проч. Что это такъ, лучшій при
представляетъ то же огнестрѣльное оружіе въ разныя эпохи. І
помнимъ то время, когда не вводили нарѣзнаго оружія подъ
предлогомъ, что оно требуетъ отъ людей большаго развитія, с
нѣе гладкоствольнаго по устройству, и можетъ привести къ р
временной тратѣ патроновъ. Кажется, не трудно было видѣть,
все, вызывающее дѣятельность ума въ военной спеціальности,
по этому самому заслуживаетъ предпочтенія передъ тѣмъ, чт
только не вызываетъ этой дѣятельности, но дѣлаетъ ее на
нею; — не трудно было видѣть, что нѣкоторое усложненіе
устройствѣ оружія съ лихвою выкупается дальностью и дѣйс
тельностью пораженія; что быстрый разстрѣлъ патроновъ обу
вливался не столько дистанціями, съ которыхъ стрѣльба н
нается, сколько системою образованія, пріучавшей солдата
суетѣ при стрѣльбѣ и недававшей ему нагляднаго понятія о т
чего можно ожидать отъ спокойной, толковой стрѣльбы; каж
не трудно было видѣть все это, а между тѣмъ не видѣли. Поч
это случилось? Именно потому, что при сопоставленіи гладка
нарѣзнаго оружія останавливались только на внѣшнихъ сторон
вопроса, доступныхъ большинству, сформировавшемуся подъ в
ніемъ гладкаго оружія, и упускали существенныя стороны, для откр
которыхъ требуется большая работа мысли. И только опытъ
рушилъ эти миражи.

То же случилось и со скорострѣльнымъ оружіемъ по сра
нію его съ обыкновеннымъ нарѣзнымъ. Разговоры о томъ,
давать первое солдату въ руки опасно, у всѣхъ въ памяти;
памяти также и то, что Пруссія, принявшая на себя почин
дѣлѣ распространенія скорострѣльнаго оружія, 20 слишкомъ
не находила себѣ подражателей, пока факты не оправдал
теоретической рѣшимости. Предубѣжденіе и въ этомъ случаѣ
ренилось въ тѣхъ же причинахъ, что и въ предъидущемъ,
въ признаніи внѣшнихъ признаковъ и въ упущеніи существенн
Что солдатъ былъ расположенъ въ бою суетиться при стрѣль
безъ толку пускать пули,—это видѣли; а что онъ дѣлалъ
преимущественно потому, что его такъ вели, а вовсе не пот
чтобы иначе и сдѣлать не могъ,—этого не видѣли.

Такимъ-то образомъ случается, что нововведенія, всякому д
извѣстныя, застаютъ совершенно врасплохъ: слушаютъ о них
не слышатъ; смотрятъ и не видятъ. Но вотъ нововведеніе д
себя знать практическимъ путемъ; тутъ сцена перемѣнае

корно поворачивавшіеся къ нему затылкомъ, начинаютъ повер-ться передъ нимъ въ прахъ. Вчера нововведеніе ничего не стоило; сегодня оно выростаетъ до талисмана, который стоитъ только имѣть, чтобы избавиться отъ всякой напасти: старая исто-рія!... и до тѣхъ поръ она будетъ повторяться, пока большинство людей не привыкнетъ вглядываться во внутренній смыслъ явленій, не останавливаясь на одной внѣшней оболочкѣ ихъ.

Вмѣстѣ съ этимъ поклоненіемъ новому старые кумиры обра-щаются ни во что, какъ у бурятовъ: сегодня молится, а завтра что нибудь не удалось—и посѣчетъ идола, которому молился на-канунѣ...

Такъ случилось и съ обыкновеннымъ штуцеромъ: до кампаніи 1866 года онъ стоялъ до такой степени высоко, что на бѣдную гольную винтовку и смотрѣть никто не хотѣлъ: а теперь этотъ же самый штуцеръ обратился уже въ палку. Посмотримъ такъ-ли это.

Во-первыхъ, замѣтимъ, что самое совершенное оружіе въ не-умѣлыхъ рукахъ ничего не стоитъ, и менѣе совершенное въ ру-кахъ толковаго и обученнаго человѣка достигаетъ цѣли, — съ этимъ, вѣроятно, никто спорить не станетъ: слѣдовательно, со-вершенство системы обученія должно быть поставлено выше, нежели совершенство оружія. Въ настоящее время существуетъ много системъ скорострѣльнаго оружія, которыя сто-ятъ гораздо выше прусской; не смотря на это пруссаки не уны-ваютъ и вовсе не торопятся перемѣнить свою винтовку на болѣе совершенную. Если они поступаютъ такимъ образомъ, то прежде и главнѣе всего именно вслѣдствіе пониманія той простой вещи, что мало имѣть хорошее ружье, нужно еще умѣть его употре-бить: а этого послѣдняго условія не представляетъ пока ни одна изъ европейскихъ армій, только что получившихъ, или еще полу-чающихъ, скорострѣльное оружіе.

Поставивъ это основаніе, можно уже перейти къ сравненію свойствъ скорострѣльной и обыкновенной винтовокъ.

Скорость стрѣльбы по цѣлямъ большимъ и близкимъ *), когда не требуется установка прицѣла и тщательное прицѣлива-ваніе—отъ 4 до 6 разъ болѣе при скорострѣльной, чѣмъ при старой системѣ. Далѣе этого ускоренія идти нельзя, не рискуя отказаться отъ управленія огнемъ и получить большое число вы-пускаемыхъ, но малое попадающихъ пуль. Основываемъ это по-

*) Не далѣе прямаго выстрѣла, или около 300 шаговъ.

ложеніе на той степени проворства движеній, которая свойственна большинству людей и которая составляетъ непреодолимую преграду ускоренію стрѣльбы за показанный предѣлъ. Полагая на каждый выстрѣлъ даже десять секундъ (при 6 выстрѣлахъ въ минуту), увидимъ, что и при этой скорости промежутки между выстрѣлами становятся такъ малы, что солдатъ едва успѣетъ послѣ сдѣланнаго залпа принять спокойное положеніе, какъ уже командуютъ слѣдующій залпъ. Этотъ промежутокъ времени, въ который солдатъ долженъ успокоиться, имѣетъ весьма важное значеніе: если солдатъ выдерживаетъ его хорошо, стрѣльба не можетъ быть дурна. Онъ (этотъ промежутокъ) составляетъ вѣрнѣйшее ручательство за то, что солдатъ не ошалѣлъ, не засуетился, что онъ остается совершенно въ рукахъ своего командира. Сокращая этотъ промежутокъ изъ-за желанія сдѣлать больше выстрѣловъ, мы неминуемо перейдемъ черту, отдѣляющую залпы отъ одиночной самопроизвольной стрѣльбы, т. е. сдѣлаемъ самый дѣйствительный шагъ не къ усиленію пораженія, а только къ увеличенію безтолковой траты патроновъ. Никогда не должно забывать, что скорость и мѣткость — данныя противорѣчивыя, т. е. развивающіяся не иначе какъ одна на счетъ другой; и что противъ непріятеля требуется прежде всего, чтобы выстрѣлы были мѣтки и только потомъ уже часты, на сколько безъ ущерба мѣткости это возможно. Слѣдовательно, ускореніе стрѣльбы, лежащее въ свойствахъ оружія, находитъ естественную границу въ свойствахъ человѣка, исполняющаго хорошо только то, что не требуетъ отъ него слишкомъ спѣшныхъ, т. е. суетливыхъ движеній. Только при подобномъ отношеніи къ дѣлу возможно соблюденіе того, въ высшей степени важнаго условія, которое извѣстно подъ именемъ дисциплинировки огня. Въ бою солдатъ и самъ по себѣ обнаруживаетъ стремленіе торопиться: нужно, слѣдовательно, принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы не способствовать, а препятствовать развитію въ немъ этого стремленія.

Условія, при которыхъ возможна скорость стрѣльбы, принимаемая нами за наибольшую, прямо показываютъ, что она имѣетъ мѣсто только при сомкнутомъ строѣ и на близкихъ разстояніяхъ. По мѣрѣ увеличенія разстоянія за дальность прямаго выстрѣла, является необходимость опредѣлять разстояніе, устанавливать прицѣлъ, является необходимость прицѣливаться тщательно; стрѣльба на вскидку, при которой нужно только взять привычку направлять ружье постоянно въ ноги непріятельскаго строя, чтобы получить сильную поражаемость, становится невозможною. Тщательное прицѣливаніе не только уменьшаетъ скорость стрѣльбы,

и дѣлаетъ невозможною дѣйствительную стрѣльбу по командѣ:) въ моментъ команды, одинъ успѣетъ направить прицѣльную нію въ предметъ пораженія, другой не успѣетъ, и большинство ь поразитъ только воздухъ. Можетъ быть скажутъ: почему не ейти къ стрѣльбѣ рядами? Потому что стрѣльба рядами увеиваетъ только скорость огня и уменьшаетъ его дѣйствитель-ть; потому что она въ сомкнутомъ строю представляетъ всѣ добства одиночнаго огня, не доставляя его выгодъ; потому, онецъ, что она противна духу сомкнутаго строя, въ которомъ кое движеніе и дѣйствіе, отдѣльно взятое, должно быть на-наемо и прекращаемо не иначе какъ по командѣ начальника.

Все сказанное приводитъ къ заключенію: 1) что на разстоя-ихъ, превышающихъ дальность прямаго выстрѣла, огонь иночный, т. е. изъ разсыпнаго строя, предпочтительнѣе ня массою даже и противъ сомкнутаго строя, при вся-й системѣ оружія; 2) что на этихъ разстояніяхъ скострѣльность оружія становится данной, уже менѣе вліяльной; и тѣмъ менѣе, чѣмъ разстояніе болѣе.

Переходя къ огню изъ разсыпнаго строя, мы увидимъ, что и немъ, кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, скорострѣльность ужія парализируется еще: невозможностью сразу опредѣлять рно разстоянія, болѣе или менѣе значительныя; необходимостью ядить по этому за мѣстомъ паденія пуль, и исправлять высоту ицѣла; незначительными размѣрами цѣлей, представляющихся въ ьшей части случаевъ, и затруднительностью, вслѣдствіе этого, веденія въ нихъ прицѣльной линіи, даже и при томъ условіи,) разстояніе уже опредѣлено и прицѣлъ поставленъ вѣрно. Все) до такой степени затрудняетъ производство каждаго выстрѣла, о выигрышъ времени, происходящій отъ быстроты заряжанія съ зны, становится мало ощутительнымъ. Если эти доводы чита-ль признаетъ вѣрными, то онъ не сочтетъ, конечно, натяжкой, о мы для стрѣльбы изъ разсыпнаго строя будемъ сравнивать льность и дѣйствительность обыкновеннаго и скорострѣльнаго жья по выстрѣлу, отдѣльно взятому, а не по числу ихъ въ нуту.

Дальность и дѣйствительность всякаго отдѣльнаго выстрѣла изъ скорострѣльнаго и обыкновеннаго нарѣзнаго ужья одинаковы; слѣдовательно, въ разсыпномъ бою оба оруя являются въ условіяхъ почти одинакихъ. Къ этому должно ибавить, что, признавая обыкновенную и скорострѣльную сиему равными, относительно дальности и дѣйствительности всяго выстрѣла, отдѣльно взятаго, мы разумѣемъ новѣйшія систе-

мы, далеко еще не установившіяся; если же сравнивать обыкновенную винтовку съ прусской игольной, единственно установившейся, то перевѣсъ въ дальности и дѣйствительности окажется на сторонѣ первой, такъ какъ послѣдняя даже и на 800 шаговъ даетъ уже результаты слабые.

Сообразивъ все это, не трудно убѣдиться, что старая винтовка, при стрѣльбѣ на разстоянія отъ 1,200 до 300 шаговъ оказывается далеко не палкой.

Положеніе человѣка при заряжаніи. Во время этого дѣйствія, всякій стрѣлокъ, отдѣльно взятый, чувствуетъ себя беззащитнымъ; слѣдовательно, чѣмъ заряжаніе быстрѣе, чѣмъ исполненіе его при любомъ положеніи тѣла легче, тѣмъ, конечно, для стрѣлка лучше. Съ этой стороны новое оружіе представляетъ относительно стараго большой перевѣсъ, ибо заряжаніе послѣдняго тянется около $^3/_4$ минуты и можетъ быть хорошо исполнено только стоя. Но опять должно помнить, что перевѣсъ обнаруживается не во всѣхъ положеніяхъ: въ сомкнутомъ строѣ можно имъ воспользоваться только въ тѣхъ довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда цѣлую часть можно поставить на колѣни или положить, не лишая ее возможности стрѣлять по непріятелю. Въ разсыпномъ же этотъ перевѣсъ, хотя и великъ самъ по себѣ, но сильно парализируется незначительностью цѣли, которую представляетъ даже и стоящій стрѣлокъ. Стрѣлковыя цѣпи, не смотря на то, что онѣ ближе къ непріятелю и находятся продолжительное время въ виду его, теряютъ убитыми и раненными несравненно меньшій процентъ, нежели сомкнутыя части, побывавшія въ дѣлѣ. И такъ, хотя возможность заряжать ружье въ какомъ угодно положеніи и представляетъ сама по себѣ большое преимущество, однако въ томъ случаѣ, когда оно болѣе всего приноситъ пользы, т. е. при разсыпномъ дѣйствіи, это преимущество парализируется условіями, независимыми отъ той либо другой системы оружія, а между тѣмъ неустранимыми ни при одномъ боевомъ столкновеніи.

Вліяніе мѣстности, разбираемое по отношенію собственно къ оружію, будетъ, конечно, на сторонѣ войскъ, вооруженныхъ системой, при которой возможно пользованіе закрытіями, болѣе постоянное, т. е. на сторонѣ системы, заряжаемой съ казны. Но разсматривать вліяніе мѣстности только съ одной этой точки было бы крайней односторонностью, ибо пользованіе мѣстностью обусловливается прежде и главнѣе всего смѣтливостью людей, а не той либо другой системой оружія. Принимая это въ разсчетъ, становится ясно, что эта данная всегда будетъ на сторонѣ не

той арміи, которая вооружена лучшимъ оружіемъ, а напротивъ, той, въ которой люди болѣе проворны и болѣе развиты.

Управленіе огнемъ (дисциплинировка огня) при системахъ скорострѣльныхъ несравненно легче, чѣмъ при обыкновенныхъ. Быстрота и удобство заряжанія устраняютъ необходимость заблаговременно заряжать ружья, и даютъ возможность приступать къ этому дѣйствію непосредственно передъ мгновеніемъ, въ которое нужно произвести залпъ. Понятно и безъ объясненій, что при этомъ выдержка залпа до удобной минуты становится возможнѣе, нежели при заряженныхъ уже ружьяхъ: зарядить и выстрѣлить безъ приказанія труднѣе, нежели только выстрѣлить. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда ружье уже заряжено, соблазнъ больше. Но изъ того, что подобная выдержка легче при новыхъ системахъ оружія, не слѣдуетъ еще, чтобы она была совершенно невозможна при старой: пусть начальникъ сомкнутаго строя остается передъ фронтомъ до момента выстрѣла, какъ это совѣтуетъ дѣлать Бюжо, пусть предупредитъ людей, что только выстрѣлъ единодушный, т. е. сдѣланный при полномъ вниманіи къ командѣ начальника, можетъ разразить врага,—и тогда онъ получитъ возможность и своимъ единственнымъ залпомъ достойно отвѣтить на нѣсколько непріятельскихъ.

Устройство системы. Оружіе, даваемое въ руки солдату, прежде всего должно быть просто по своему устройству, и не требовать отъ него никакихъ сложныхъ или затруднительныхъ манипуляцій ни при дѣйствіи, ни при чисткѣ. Если разсматривать старое ружье по сравненію съ единственной вполнѣ установившейся скорострѣльной системой, т. е. прусской, то предпочтеніе положительно должно быть отдано скорострѣльнымъ ружьямъ. Нѣкоторое усложненіе въ устройствѣ подвижнаго казенника, т. е. такъ называемаго затвора, съ избыткомъ вознаграждается: уничтоженіемъ прежняго замка, представляющаго механизмъ въ высшей степени сложный; облегченіемъ чистки самаго ствола, происходящимъ отъ того, что его можно видѣть насквозь, и, наконецъ, болѣе всего, удобствомъ заряжанія. При прежнемъ стволѣ заряжаніе составляло манипуляцію сложную, затруднительную, чего не замѣчали, опять-таки, только по привычкѣ; чистка ствола затруднялась тѣмъ, что, при самой тщательной протиркѣ, все же нельзя было имѣть полной увѣренности, что сырость не задержалась гдѣ нибудь въ нарѣзѣ или въ линіи соединенія ствола съ казенникомъ. При открытомъ насквозь стволѣ—ничего подобнаго. Но признавая все сказанное, должно помнить, что оно примѣнимо только къ части, привыкшей владѣть скорострѣльнымъ оружіемъ, и къ

системѣ вполнѣ установившейся, т. е. къ такой, въ которой устранены всѣ возможныя неблагопріятныя случайности въ родѣ неожиданныхъ выстрѣловъ, невлѣзанія патрона въ камору, слишкомъ малой его длины, ведущей къ тому, что игла не достаетъ до капсюля и т. п. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ окончательной выработки системы, можно положительно сказать, что ни въ одной изъ европейскихъ армій, вновь принявшихъ скорострѣльную систему, не пришли еще къ совершенно удовлетворительнымъ результатамъ.

Это послѣднее обстоятельство въ высшей степени важно: должно помнить, что, разбирая какую бы то ни было военную машину, даваемую въ руки человѣку, основывать ея годность на однѣхъ только ея полигонныхъ свойствахъ, т. е. выводимыхъ изъ опытовъ, сдѣланныхъ въ спокойномъ состояніи духа и надъ ограниченнымъ числомъ экземпляровъ, — крайне нераціонально; для вѣрнаго заключенія объ этой годности необходимо еще принять въ разсчетъ то нравственное вліяніе, которое система можетъ имѣть на человѣка, въ зависимости отъ большей или меньшей степени довѣрія, которое она ему внушаетъ. На примѣрѣ видно яснѣе, до какой степени это послѣднее условіе не маловажно. Французскія ружья, по свидѣтельству генерала Файльи, совершили чудо при Ментанѣ; при лагерныхъ занятіяхъ текущаго года въ Шалонѣ тѣ же ружья Шасспо явили чудо новое: стрѣляли не только пулями, но и затворами, съ понятными послѣдствіями для физіономій стрѣлявшихъ: какъ ни были рѣдки случаи стрѣльбы этого послѣдняго рода, тѣмъ не менѣе они должны были подѣйствовать на всѣхъ солдатъ; и не трудно себѣ представить, въ какомъ смыслѣ подѣйствовать. На вліянія подобнаго рода техники зачастую бываютъ расположены смотрѣть свысока: «велика важность, если на нѣсколько десятковъ тысячъ ружей попадется два или три съ драгоцѣнною особенностью стрѣльбы въ оба конца!» Мы (и всѣ строевые, т. е. привыкшіе прежде всего возиться съ человѣкомъ, а потомъ уже съ оружіемъ, вѣроятно будутъ нашего мнѣнія) далеко не считаемъ такой случайности пустякомъ; потому не считаемъ, что ранитъ одного, двухъ; а ждать этого будетъ всякій. Ожиданіе опасности со стороны непріятеля уже само по себѣ дѣйствуетъ достаточно сильно, чтобы помогать этому ожиданію собственнымъ оружіемъ.

Принимая сказанное въ разсчетъ, мы полагаемъ, что въ бою лучше имѣть надежное старое, чѣмъ не совсѣмъ надежное новое оружіе; тѣмъ лучше, что тамъ, кромѣ системы оружія, громадную роль играетъ еще:

тепень привычки къ обращенію съ оружіемъ. Подъ мы разумѣемъ не одно знаніе людьми манипуляціи заія, но еще выработку въ начальникѣ пріемовъ употребленія о средства и свычку самыхъ людей со свойствами этого гва. Ничего нѣтъ удивительнаго, если солдатъ на первыхъ ъ будетъ воображать, будто онъ употребитъ новое ружье лучше, чѣмъ выпуститъ изъ него больше пуль: потому нѣтъ о удивительнаго, что въ настоящее время даже и между ованными военными большинство расположено оцѣнивать дотво той либо другой системы прежде всего по числу выовъ, выпускаемыхъ въ минуту, не обращая при этомъ ни ішаго вниманія на то, что этой скорости есть предѣлъ, лежій въ свойствахъ человѣка и въ условіяхъ попаданія. Эта выка взглядовъ на употребленіе новаго оружія,—тактика оруесли позволено будетъ такъ выразиться, — не дается такъ , какъ манипуляціи, какія бы то ни было: пруссаки рабонадъ распространеніемъ вѣрныхъ представленій между наиками и солдатами о свойствахъ скорострѣльнаго оружія въ ніе 20 лѣтъ, и въ ряду причинъ, обусловившихъ блистаое его употребленіе въ послѣднюю кампанію, именно эта ина, а не какая либо другая, должна быть признана ою. Ибо никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что для разумупотребленія какого либо средства въ бою, прежде и главсего нужно понимать его свойства и до такой степени укрѣя въ этомъ пониманіи, чтобы оно вошло въ плоть и кровь ьника и солдата; чтобы они примѣняли это пониманіе къ также инстинктивно, какъ инстинктивно прикладываютъ руку зырьку, встрѣчая старшаго.

Нужно ли распространяться, что такого пониманія нѣтъ и еще не будетъ ни въ одной изъ армій, вновь принявшихъ стрѣльное оружіе? Нужно ли напоминать, что во французарміи начальство даже пока воображаетъ, что дѣльные залпы жны на всѣ тѣ разстоянія, на которыя ружье только досяможетъ? Нужно ли говорить, наконецъ, что даже въ прусской , не смотря на 20-ти лѣтнюю работу, бывали случаи, и не рѣдкіе, перехода толковаго, дисциплинированнаго огня въ бабый или безтолковый?

Мы говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что много лѣтъ пройеще, пока здравые взгляды на употребленіе скорострѣльнаго ія укоренятся; а до тѣхъ поръ скорострѣльное оружіе не будѣйствительнѣе обыкновеннаго.

Патроны. Упрощеніе системы не уничтожило сложныхъ и

трудныхъ манипуляцій, а только перемѣстило ихъ: оружіе стало проще, патронъ сдѣлался гораздо сложнѣе; въ приготовленіи его явилась необходимость соблюдать такія условія, о которыхъ прежде и не думали, какъ: чрезвычайную точность размѣровъ патрона по длинѣ и толщинѣ, утвержденіе капсюля какъ разъ на оси патрона и проч. и проч.

Слова нѣтъ, что изъ двухъ золъ—сложности дѣйствій въ виду непріятеля и сложности дѣйствій въ приготовленіи боевыхъ потребностей внѣ вліянія непріятеля—послѣднее предпочесть должно; но, совершенно соглашаясь съ этимъ, не должно забывать и другаго обстоятельства: именно того, что сложность приготовленія опять предполагаетъ довольно продолжительное время, пока это приготовленіе будетъ доведено до совершенства. Не тщательно *) сдѣланный патронъ старой системы могъ имѣть слѣдствіемъ менѣе вѣрный выстрѣлъ; неправильно сдѣланный патронъ новой системы можетъ сдѣлать совсѣмъ невозможнымъ выстрѣлъ. Конечно, придетъ время—и все это установится; но когда? вотъ въ чемъ вопросъ. Можетъ быть скажутъ, что при настойчивости, при неусыпномъ вниманіи и проч. и проч., все это можно устранить быстро. Сомнѣваемся, чтобы это было возможно въ выдѣлкѣ предмета, изготовляемаго милліонами. Производство чего либо массами устанавливается только временемъ; это тотъ же органическій процессъ, котораго нельзя ускорить далѣе извѣстнаго предѣла, не смотря ни на какія усилія.

Затруднительность приготовленія неминуемо влечетъ за собою новое неблагопріятное условіе: затруднительность снабженія. И это неудобство въ особенности будетъ ощутительно на первыхъ порахъ, пока расходъ патроновъ въ бою будетъ великъ, а приготовленіе новыхъ будетъ сопряжено съ неизбѣжными проволочками.

Мы перебрали, кажется, всѣ главнѣйшія условія, отъ которыхъ можетъ зависѣть дѣйствительность въ бою той, либо другой системы; изъ этого перечня видно, что, принимая въ разсчетъ переходное время, переживаемое скорострѣльнымъ оружіемъ и въ смыслѣ техническомъ, и въ смыслѣ понятій о его употребленіи, отношеніе къ нему стараго оружія далеко не такъ невыгодно, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда.

Примѣръ блистательнаго успѣха пруссаковъ надъ арміей, во всѣ времена отличавшейся своею впечатлительностью, не только

*) Въ патронѣ оружія, заряжаемаго съ дула, только одна неточность пріобрѣтала значеніе: неоднообразіе заряда.

не опровергаетъ этого вывода, но утверждаетъ его; утверждаетъ, по первыхъ, тѣмъ, что они вышли на войну совершенно свыкшись съ игольной винтовкой и доведя ее до такого совершенства, какое только лежало въ свойствахъ системы Дрейзе. Всѣ техническія случайности были, по возможности, устранены, выдѣлка патроновъ установлена, тактика оружія выработана и пустила корни въ сознаніи солдатъ и начальниковъ.

Утверждаетъ, во вторыхъ, тѣмъ, что результаты употребленія той винтовки поразили австрійцевъ именно нравственной неожиданностью; неожиданностью, происшедшею отъ того, что они воображали, будто знаютъ прусское ружье, а оно показало себя какимъ, какимъ они его и не подозрѣвали. Погромъ, ими выдержанный, поразилъ оцѣпененіемъ всю Европу, и это была такая минута, въ которую прусаки, съ большими шансами на успѣхъ, могли ополчиться на кого угодно. Нужно къ этому прибавить, что вслѣдъ этого впечатлѣнія розсказни австрійскихъ начальниковъ помогли еще болѣе, нежели даже дѣйствія самихъ прусаковъ: всякій изъ этихъ начальниковъ сваливалъ неудачу на неодолимость прусской иголки, дабы тѣмъ скрыть или собственную нераспорядительность, или недостатокъ энергіи, упорства. Игольная паника, распространившись, благодаря такимъ розсказнямъ, въ австрійской арміи, отдалась рикошетомъ и на другихъ арміяхъ.

Къ этому должно прибавить полную неготовность австрійцевъ къ тому, чтобы примѣнить хоть сколько нибудь свои дѣйствія къ новымъ условіямъ. И не смотря на это, одинъ эпизодъ той же кампаніи 1866 года показываетъ ясно, что дѣльный и энергическій человѣкъ не только можетъ стоять съ обыковеннымъ ружьемъ противъ скорострѣльнаго, но даже побѣждать противника. Габленцъ со своимъ корпусомъ подъ Траутенау показалъ эту истину на столько осязательно, что только люди слишкомъ ужь осторожные и животолюбивые могутъ въ ней сомнѣваться.

Но кампанія кончилась; первое оцѣпененіе прошло, начали разборъ новаго средства и уже этимъ самымъ низвели его съ чуднаго пьедестала въ разрядъ обыкновенныхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ и одолѣваемыхъ на войнѣ. Мостъ брать трудно подъ огнемъ орудій, потери при этомъ несутъ страшныя, но все же порядочныя войска его возьмутъ; лѣзть на брешь иногда еще труднѣе, однако лѣзутъ и не безуспѣшно лѣзутъ. Скорострѣльное ружіе мало-по-малу вступаетъ въ разрядъ тѣхъ матеріальныхъ затрудненій, которыя, увеличивая потери, не могутъ однако остановить порядочныя войска на пути къ достиженію цѣли. Ореолъ

неодолимости, созданный первымъ огорошеніемъ, палъ,—и за нимъ открылось одно изъ тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаются въ бою тысячами, только въ другой формѣ: въ формѣ мѣстныхъ препятствій и неблагопріятныхъ случайностей. Только тѣми и другими не поражаются, ибо къ нимъ привыкли. Начинается уже привычка и къ скорострѣльному ружью: привычка, обнаруживающая, что это новое средство отличается отъ прежнихъ задержекъ только по внѣшней формѣ, а не по сущности. Для человѣка дѣло всегда было не въ мѣрѣ опасности, а въ мѣрѣ привычки къ ней. На артиллерію лѣзть, конечно, хуже, нежели на пѣхотный огонь, какой бы то ни было, однакоже лѣзутъ: ясно, что тутъ все дѣло въ привычкѣ, а вовсе не въ могуществѣ того либо другаго препятствія, противопоставляемаго непріятелемъ.

Могутъ сказать, что тутъ дѣло, кромѣ привычки, еще въ убѣжденіи, что непріятель располагаетъ такимъ средствомъ, котораго вы не имѣете. Это убѣжденіе есть только предубѣжденіе: когда непріятель занимаетъ сильную позицію, составляетъ-ли она въ рукахъ его средство, котораго атакующій не имѣетъ: когда у непріятеля есть артиллерія, а у васъ ее нѣтъ, то обладаетъ-ли онъ такимъ средствомъ, котораго вы не имѣете? И не смотря на это неравенство средствъ, успѣхъ для порядочныхъ войскъ остается возможнымъ. Слѣдовательно, тутъ дѣло не въ матеріальныхъ средствахъ, а въ тѣхъ, которыя представляетъ душа и сердце человѣка. Три баталіона зуавовъ подъ Палестро (1859 г.) опрокинули пять австрійскихъ баталіоновъ, при которыхъ было 6 орудій: на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ въ матеріальныхъ средствахъ? Могутъ сказать, что за деревьями зуавы не видѣли, на что лѣзли: совершенно справедливо; но это показываетъ только одно,—что, если хочешь бить, а не быть битымъ, долженъ лѣзть также рѣшительно и тогда, когда и видишь, на что лѣзешь.

Ибо когда человѣкъ, вооруженный наилучшимъ оружіемъ, увидитъ, что его пуля васъ не остановила, когда онъ почувствуетъ остріе вашего штыка у своей груди,—кто кого поразитъ неожиданностью? Застрѣлить можно одного человѣка; застрѣлить не только баталіонъ, но даже роту — нельзя. Если она смотритъ на дѣло такъ, что нужно лѣзть впередъ хотя бы переднихъ и били: если она знаетъ, что нужно довести дѣло до штыка, во чтобы то ни стало,—непріятель будетъ побитъ такою ротою, хотя бы и вывелъ въ ней изъ строя большее число людей, чѣмъ самъ потерялъ. Ссылаются на потери: да развѣ можно въ бою считать, болѣе или менѣе онѣ непріятельскихъ? Пусть же охотники до подобнаго

лета прямо и откровенно сознаются, что ихъ пугаютъ не потери, чувство собственнаго ничтожества и безсилія.

Въ бою успѣхъ не зависитъ даже отъ числа людей: какъ же послѣ этого онъ можетъ зависѣть отъ числа пуль? Кто этому числу подчиняется, тотъ показываетъ не могущество его, а только то, что самъ-то онъ по себѣ немного стоитъ; что если бы его не повернули назадъ пули, повернула бы какая-нибудь другая случайность.

Попробуемъ свести въ одно положенія, вытекающія изъ предшествующихъ разсужденій:

1) Скорострѣльное оружіе въ привычныхъ рукахъ составляетъ весьма сильное, но одолимое средство и для людей, вооруженныхъ обыкновеннымъ оружіемъ.

2) Скорострѣльное оружіе могло поразить, какъ всякая новость, но теперь оно болѣе не новость; эффектъ его въ особенности сильно долженъ былъ отразиться на войскахъ, которыя отличались, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, постоянно сильною впечатлительностью. Что это такъ, доказывается массой плѣнныхъ, которую австрійская армія теряла во всѣ кампаніи, не смотря на то, что обладала оружіемъ одинакимъ, а иногда даже и лучшимъ, чѣмъ противникъ *).

3) Въ бою успѣхъ не зависитъ даже отъ числа людей; странно по этому ставить его въ зависимость отъ такой ничтожной, въ ряду другихъ данныхъ, вещи, какъ число пуль.

4) Градъ пуль можетъ поразить какъ неожиданность; но къ ней можно привыкнуть; есть неожиданность, къ которой привыкнуть труднѣе и которая неотразимо дѣйствуетъ, ибо коренится въ нравственныхъ свойствахъ людей: эта неожиданность — штыковый ударъ, если вы до него доведете дѣло, не смотря на градъ пуль.

5) Скорострѣльное оружіе далеко не установилось въ большинствѣ европейскихъ армій; при такомъ положеніи смѣло можно сказать, что близкій огонь изъ него (который одинъ можетъ быть скорымъ) весьма часто будетъ малодѣйствительнымъ. И что пока взгляды на свойства этого оружія не установились, противъ него смѣло можно выходить съ обыкновеннымъ хорошимъ оружіемъ.

Къ этому должно еще прибавить, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда австрійцы подходили къ прусакамъ на 150, на 100 шаговъ, замѣчено, что дѣйствительность огня сильно ослабѣвала. Это показываетъ, что тактика оружія, не смотря на 20-ти лѣт-

*) Въ 1859 году у австрійцевъ ружья положительно были лучше, чѣмъ у французовъ.

нюю настойчивую работу, не установилась даже и у прусаковъ: что и у нихъ многія ружья смотрятъ пока въ небо, а не въ ноги врагу; что рѣшительное и быстрое движеніе на послѣднихъ 300 шагахъ и уменьшитъ потери, и дастъ вѣрный залогъ на успѣхъ.

II.

Мы представили разборъ свойствъ скорострѣльнаго оружія, какимъ оно является въ настоящую, переходную, минуту; теперь разсмотримъ, какимъ образомъ парализировать его дѣйствіе, даже предполагая, что оно будетъ въ рукахъ не совсѣмъ неискусныхъ и само, по возможности, будетъ освобождено отъ недостатковъ, происходящихъ вслѣдствіе неустановившагося еще фабричнаго его производства.

Все безконечное разнообразіе боевыхъ явленій приводится, какъ извѣстно, къ двумъ видамъ дѣйствія: къ наступительному или къ оборонительному. Различныя осложненія боевыхъ явленій, происходящія отъ вліянія мѣстности и случайностей, не измѣняютъ этой классификаціи дѣйствій. При томъ же, преодолѣніе преградъ мѣстныхъ и парализированіе случайностей, или, обратно, умѣнье пользоваться мѣстностью и случайностями, — уже совершенно не зависятъ отъ той, либо другой системы оружія, а обусловливается находчивостью людей и начальниковъ.

Начнемъ съ наступленія, предполагая, конечно, что наступающій имѣетъ обыкновенное оружіе, а обороняющійся — скорострѣльное. Припомнивъ сказанное выше, читатель, вѣроятно, согласится съ нами, что наступленіе шаговъ до 400 противъ непріятеля, имѣющаго скорострѣльное оружіе, почти ничѣмъ не отличается отъ наступленія и въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны имѣютъ обыкновенное нарѣзное оружіе. Какъ тогда, такъ и теперь остается вѣрнымъ то положеніе, что, во-первыхъ, наступающій въ этотъ періодъ боя теряетъ больше, чѣмъ обороняющійся, и во-вторыхъ, что онъ можетъ до нѣкоторой степени уменьшить свои потери только при томъ условіи, если его стрѣлки и сомкнутыя части рѣшительно наступаютъ и при этомъ ловко пользуются мѣстностью. Переходы отъ позиціи къ позиціи по возможности длинные и быстрые; при остановкахъ — укрытіе частей и отдѣльныхъ стрѣлковъ за мѣстными предметами или по крайней мѣрѣ уменьшеніе цѣли, представляемой тѣми и другими, при помощи положенія лежа, сидя или на колѣнѣ; если къ этому прибавить еще пониманіе въ офицерахъ и примѣненіе къ дѣлу той

ировки, что при расположеніи, или при движеніи на мѣстахъ крытыхъ самыя тонкія и разжиженныя формы строя—самыя чшія, то смѣло можно сказать, что никакое наступленіе на дианціи до 400 шаговъ дорого обойтись не можетъ.

Эти условія на столько важны и, къ сожалѣнію, на столько ло извѣстны, что мы позволимъ себѣ нѣсколько долѣе на нихъ гановиться.

1) Переходы отъ позиціи къ позиціи по возможности стрые и длинные. Благодаря тому времени, когда идеальная ройность движенія считалась не только главнымъ, но исключильнымъ условіемъ при маневрированіи, установилась система двиній медленныхъ, переходовъ короткихъ, однообразія строя и рогаго равненія по линіи частей и, вслѣдствіе этого послѣдняго ебованія, полное невниманіе къ тому, закрыта ли часть или отыта взорамъ и выстрѣламъ непріятеля. Пока ни ручное, ни артлерійское оружіе не отличались особенной дѣйствительностью, удобствъ такого маневрированія не замѣчали; но въ настоящее мя отъ него необходимо отстать и перейти къ другой систе, которая можетъ быть выражена на двухъ словахъ: идти такъ ти, а стоять такъ стоять; но стоять непремѣнно укрыто. учше простоять лишнія двѣ минуты на одномъ мѣстѣ и потомъ зомъ передвинуться на лишнія двѣсти или болѣе шаговъ, нежели лать небольшіе, но частые переходы. При первой манерѣ наступленіе идетъ какъ бы прыжками и уже по этому самому велѣе, энергичнѣе; при второй оно похоже на вялое ползанье.

Такіе переходы обусловливать не тѣмъ, либо другимъ числомъ аговъ, но тѣми промежуточными позиціями между вами и позіей непріятеля, которыя способствуютъ укрытію вашихъ стрѣлвъ и сомкнутыхъ частей.

Эта послѣдняя цѣль (т. е. пріисканіе удобныхъ для закрытія озицій) прямо указываетъ, до какой степени нераціональны коткіе переходы и выгодны по возможности длинные: на каждыхъ а шагахъ закрытіе найти мудрено передъ позиціей, которую бороняющійся заблаговременно избираетъ; а на каждыхъ 500—600 агахъ и передъ лучшей позиціей всегда почти хоть какія нидь да найдутся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ линіи частей, мы положительно возстаемъ ротивъ значительнаго приниманія той, либо другой части въ стоны для пріисканія закрытій, потому что это стѣсняетъ сосѣднія асти, и замедляетъ стремленіе къ цѣли. Если это вѣрно, то нужно, ъ видахъ сбереженія войскъ, согласиться на другое, именно на о, чтобы не стѣснять части равненіемъ по линіи, дабы пре-

доставить каждой изъ нихъ возможность пользоваться, при
женіи впередъ, встрѣчаемыми закрытіями, которыя, какъ извѣс
природа въ струнку никогда почти не выравниваетъ. Дѣло
ковыхъ и баталіонныхъ командировъ слѣдить за тѣмъ, чтобы
вѣдомыя имъ части предпочитали тѣ закрытія, которыя находя
ближе къ непріятелю: такимъ образомъ и въ примѣненіи къ л
частей осуществится великій суворовскій принципъ—равненія
переднимъ.

И такъ: переходы по возможности длинные; перех
не на столько-то шаговъ, а къ такой-то позиціи, кото
обязанность начальниковъ, по мѣрѣ возможности, за
говременно высмотрѣть; нестѣсненіе частей точнымъ
неніемъ—вотъ первоначальныя условія, при которыхъ пи
усовершенствованное, не только ружье, но даже орудіе, нем
причинитъ ущерба наступающему.

Мы сказали выше, что переходы отъ позиціи къ позиціи дол
быть, по возможности, не только длинные, но и быстрые;
разумѣемъ подъ длиной, мы объяснили; опредѣлимъ теперь,
должно понимать быстроту наступленія. Всякому извѣстно, что
достиженія идеальной стройности движенія, пришли къ необх
мости укоротить и замедлить шагъ, или, что одно и тоже, къ
ленію потерь отъ огня непріятельскаго: въ часть, идущую медле
легче попасть, чѣмъ въ идущую быстро, ибо, стрѣляя въ послѣд
труднѣе прінскивать углы возвышенія.

Ясно слѣдовательно, что, задавшись цѣлью уменьшить по
отъ огня въ первый періодъ боя, должно предпочитать быс
наступленіе медленному, хотя бы при первомъ и нарушалось
альное равненіе. Та стройность, которая возможна въ бою,
этого не потерпитъ, а люди будутъ сбережены къ моменту рѣ
тельнаго столкновенія. Что важнѣе: идеальное-ли равненіе,
раго въ бою и достигнуть невозможно, ибо мѣстныя препят
и непріятельскіе снаряды вамъ постоянно разравниваютъ и ра
ваютъ фронтъ,—или же сбереженіе людей? Пусть рѣшатъ ч
тели. И потому наступать должно живымъ и по возможности
рокимъ шагомъ. При этомъ, конечно, придется помириться съ
гомъ на нѣсколько согнутое колѣно; бѣда не велика: ибо, о
повторяемъ, что важнѣе—сбереженіе-ли людей къ моменту сва
или же условная красота въ шагѣ? Утверждая это, мы и въ м
не имѣемъ безусловно отвергать того шага, который выраб
вается при мирныхъ упражненіяхъ: онъ имѣетъ образовател
значеніе, сплачиваетъ солдатъ въ рядахъ и шеренгахъ и по

жень остаться на плацахъ и для парадовъ; но на маневрахъ въ бою шагъ, указанный выше, предпочтительнѣе *).

2) Укрытіе на мѣстности и принятіе соотвѣтствующихъ строевъ. Это дѣло, не далѣе, какъ лѣтъ 12, 15 тому назадъ, находилось въ полномъ младенчествѣ, опять благодаря тому, что вниманіе всѣхъ было устремлено преимущественно на возможное разнообразіе расположенія не только частей, но даже и отдѣльныхъ стрѣлковъ. Иногда въ курсахъ тактики отваживались сказать, что стрѣлкамъ «дозволяется» пользоваться закрытіями, т. е. отступать отъ принятой позы, но о сомкнутыхъ частяхъ и не заикались, хотя и дѣлали самый обстоятельный разборъ того, что такой-то строй теряетъ отъ огня болѣе, а такой-то менѣе.

Съ тѣхъ поръ утекло воды много. Сказать теперь, что стрѣлкамъ только «дозволяется» пользоваться мѣстными закрытіями, а не то, что они обязаны это дѣлать,—значило бы насмѣшить поголовно всю армію.

А между тѣмъ, принявъ это начало для разсыпнаго строя, болѣе всего нуждающагося въ закрытіи по ничтожеству цѣли имъ представляемой, далеко не подумали о томъ, чтобы сказанное начало послѣдовательно примѣнить къ сомкнутымъ частямъ, которыя представляютъ значительную цѣль и потому терпятъ отъ огня несравненно болѣе, чѣмъ цѣпь, даже въ разгарѣ боя. Намъ кажется, что настало время подумать и объ этомъ, и предоставить всякой части, находящейся въ линіи другихъ частей, ту долю свободы, которою пользуется единичный стрѣлокъ въ линіи цѣпи. Если этотъ послѣдній свободенъ въ выборѣ позы при расположеніи на мѣстѣ, то часть также должна быть въ этомъ свободна; различіе будетъ происходить отъ того только, что свобода позы въ примѣненіи къ части заключается уже не въ одномъ томъ, что начальнику ея должно быть предоставлено право ее положить, поставить на колѣно, или посадить, но и принять удобнѣйшій по мѣстности и обстоятельствамъ строй, не ожидая приказанія или команды свыше. У высшихъ начальниковъ есть свое, несравненно болѣе трудное и достойное ихъ дѣло: опредѣленіе формы боеваго порядка всего отряда, каждому изъ нихъ ввѣреннаго, указаніе цѣлей для достиженія частямъ боеваго порядка; не странно-ли послѣ того, если они будутъ заниматься опредѣленіемъ строя каждаго

*) Никто не вздумаетъ отвергать при обученіи письму писанія палокъ, кружковъ и крючковъ различнаго вида; но всякій пойметъ, конечно, что было бы нелѣпостью требовать отъ тѣхъ, которые должны писать быстро, точнаго выдѣланія этихъ палочекъ, кружковъ и прочаго при скорописи.

баталіона? Да и могуть-ли они сдѣлать это на позиціи мало-мальск разнообразной? Одинъ баталіонъ пришелся на мѣстѣ совершен открытомъ, другой за холмомъ шаговъ въ 60 шириною, третій з каменнымъ строеніемъ шаговъ въ 40 длины, четвертый въ рощ спрашивается: какимъ образомъ старшему начальнику поспѣть к каждому баталіону, чтобы приказать—первому развернуться и п положить свой баталіонъ, второму стать въ двухзводной, третьему в чзводной колоннѣ, четвертому по-ротно? А однообразнаго стро по одной общей командѣ, хотя онъ и пріятнѣе для глаза, допу стить нельзя, ибо это значило бы идолу однообразія приносит безполезную жертву людьми; безполезную потому, что она ни на волосъ не подвинула бы къ достигаемой цѣли...

И такъ, предполагая, что за каждымъ баталіоннымъ командиромъ признается право быть полнымъ хозяиномъ формы строя своего баталіона, что это право признается также и за ротными командирами въ тѣхъ случаяхъ, когда по внѣшности баталіонъ перестаетъ составлять одно существо *),—получится возможность довести потери при наступленіи до наименьшаго предѣла. Въ усвоеніи частными начальниками снаровки выбирать строй сообразно мѣстности и сомнѣнія быть не можетъ: до того она не хитра. И чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно обратить вниманіе на то, что все дѣло примѣненія строя къ мѣстности, заключается въ трехъ фразахъ: 1) располагаясь за закрытіемъ, принимай строй, длина фронта котораго не превосходитъ протяженія закрытія; 2) предпочитай закрытія, возможно менѣе препятствующія движенію впередъ; 3) располагаясь открыто, принимай строй по возможности тонкій, т. е. не только развернутый, но если можно, то еще и разомкнутый. Не держи часть стоя, а поставъ ее на колѣно, посади или положи.

Противъ этого послѣдняго средства уменьшать цѣль, представляемую частью непріятельскимъ выстрѣламъ, нѣкоторые, и при томъ очень бывалые люди возстаютъ, говоря, что часть положенную трудно поднять; другіе, тоже бывалые, его весьма рекомендуютъ: это противорѣчіе показываетъ, слѣдовательно, что все дѣло въ томъ, кто и въ какую минуту положитъ. Понятно, что къ этому пріему нельзя прибѣгать, напримѣръ, непосредственно передъ атакой трудной позиціи; но во весь періодъ собственно огнестрѣльнаго боя, т. е. до сближенія съ противникомъ шаговъ на

*) Исключая, конечно, тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда начальникъ, по самымъ соображеніямъ, признаетъ за нужное, чтобы всѣ единицы, составляющ его часть, были въ одномъ и томъ же строѣ. Но въ періодъ огнестрѣльнаго б собственно мы не можемъ представить себѣ необходимости подобной мѣры.

00, онъ едва ли можетъ представить неудобство. Понятно также, но тотъ, кто не чувствуетъ въ себѣ той внутренней силы, которая не допускаетъ даже и мысли о возможности неисполненія его встать!» пусть лучше не прибѣгаетъ къ этому пріему.

И такъ, до 400 шаговъ дойти можно и безъ особенныхъ потерь, благодаря быстрымъ и длиннымъ переходамъ, благодаря принятію соотвѣтственныхъ строевъ и позъ, благодаря, наконецъ огню нашихъ стрѣлковъ, которые при остановкѣ на промежуточныхъ позиціяхъ получаютъ возможность лучше поражать противника, чѣмъ при вяломъ наступленіи, шагъ за шагомъ.

Съ разстоянія 400 шаговъ, въ большей части случаевъ, придется наступать открыто, перемѣнять формы строя нѣкогда, слѣдовательно, изъ всѣхъ средствъ для уменьшенія потерь, только что указанныхъ, остается одно—быстрота движенія. Полагаемъ по этому за лучшее, выдвинувъ сомкнутыя подкрѣпленія въ цѣпь и приблизивъ его бѣгомъ шаговъ на 100 къ непріятелю, открыть усиленный огонь, чтобы отвлечь его вниманіе отъ сомкнутыхъ частей, прикрываемыхъ цѣпью; эти послѣднія, какъ только цѣпь со своими сомкнутыми подкрѣпленіями *) начала стрѣльбу, подаются бѣгомъ на линію цѣпи, затѣмъ переходятъ въ шагъ и исполняютъ атаку, какъ теперь предписано, но только съ непремѣннымъ соблюденіемъ того условія, чтобы все принадлежащее къ части непремѣнно бросалось въ атаку. Оставленіе стрѣлковъ, а тѣмъ болѣе сомкнутыхъ частей назади, въ подобную минуту, подъ предлогомъ поддержки атаки огнемъ,—пріемъ, по нашему мнѣнію, несоотвѣтственный: изъ-за желанія получить нѣсколько лишнихъ выстрѣловъ едва ли разсчетливо атаковать частью, иногда только половиною баталіона. Да и возможно ли, наконецъ, направить огонь цѣпи и ротъ, стоящихъ непосредственно по сторонамъ атакующихъ, въ то мѣсто, которое роты атакуютъ? Въ суматохѣ, неизбѣжной въ подобную минуту, части, оставляемыя такимъ образомъ позади, рискуютъ болѣе повредить своимъ, чѣмъ непріятелю. Въ штыковый періодъ боя должно оставаться позади атакующихъ только то, что не можетъ работать холоднымъ оружіемъ, слѣдовательно, одна артиллерія; этого требуетъ основное начало всего военнаго дѣла—начало выручки своихъ **).

*) Которыя, вступая въ цѣпь, нѣсколько могутъ размыкаться и дѣйствуютъ по цѣпному, такъ какъ при оружіи, заряжаемомъ съ дула, это единственное средство нѣсколько ускорить стрѣльбу.

**) Исключеніе, весьма рѣдкое, и то для небольшихъ пѣхотныхъ группъ, возможно допустить только въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣйствуютъ своимъ огнемъ во флангъ непріятельской позиціи, слѣдовательно, находятся на столько въ сторонѣ отъ атакующихъ частей баталіона, что не могутъ быть ими закрыты. А также при атакѣ овраговъ и укрѣпленій.

Къ этому прибавимъ, что остановка сомкнутыхъ частей баталіона на 400 шагахъ отъ позиціи противника не должна быть продолжительна: перебѣганіе съ этой дистанціи къ цѣпи съ ея сомкнутыми поддержками должно исполнить тотчасъ-же, какъ только цѣпь заняла позицію и открыла огонь; у цѣпи никакой остановки, а переходъ въ шагъ и немедленное движеніе въ атаку всѣхъ. Нужно исполнить это такъ проворно, чтобы непріятель, занятый и болѣе или менѣе опьяненный собственною стрѣльбою, не успѣлъ бы опомниться, какъ уже увидѣлъ бы васъ на той дистанціи, съ которой стрѣльба невозможна, и на которой передъ вершащей силою штыка всякія скорострѣльныя и дальнострѣльныя системы становятся однимъ и тѣмъ же, т. е. ничѣмъ.

Въ эту великую минуту, кромѣ случайностей мѣстныхъ, которыя нужно преодолѣвать, каковы бы онѣ ни были, не задумываясь и не останавливаясь передъ ними, начальникъ долженъ быть всякую минуту готовъ на парированіе двухъ случайностей, которыя можетъ приготовить намъ самъ непріятель своею манерою дѣйствія; разумѣемъ: охватъ и отбѣганіе послѣ залпа назадъ, чтобы снова остановиться и снова дать залпъ. Уступной порядокъ парируетъ всякіе охваты, и потому, если оба фланга открыты, врываться на позицію лучше, имѣя двѣ роты вмѣстѣ, а остальныя двѣ уступами по флангамъ. Это будетъ, слѣдовательно, одинъ изъ предлагаемыхъ уставомъ порядковъ, только на выворотъ, ибо тамъ роты, вмѣстѣ сведенныя, составляютъ не первую линію, а находятся въ резервѣ баталіона. Такой порядокъ выйдетъ самъ собою, если, послѣ сближенія съ цѣпью бѣгомъ, роты вмѣстѣ сведенныя выдвинутся при атакѣ нѣсколько впередъ.

Отбѣганіе назадъ было употребляемо французами противъ нашихъ войскъ въ Крыму и, по свидѣтельству очевидцевъ, производило самое тяжелое и неожиданное впечатлѣніе. Средство противодѣйствовать ему одно: если непріятель поворотилъ назадъ, чтобы отбѣжать, увязаться за нимъ такъ быстро, чтобы въ моментъ поворота для новаго залпа онъ нашелъ васъ непосредственно за собою, со штыками, готовыми для работы, а гдѣ можно, то и работающими: всякій согласится, что при этомъ разсчетъ его на новый залпъ окажется плохимъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, тотъ способъ наступленія и атаки, при которомъ и съ обыкновенными винтовками можно бить противника, имѣющаго скорострѣльныя. Сберегайте людей до свалки, стрѣляйте только тогда, когда есть вѣроятность попасть, а не затѣмъ, чтобы тѣшить себя трескотнею выстрѣловъ; атакуйте такъ, чтобы для васъ не было середины между гибелью и побѣдою, и

говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, побѣда будетъ ваша. Кто этихъ истинъ не понимаетъ, того никакое оружіе не спасетъ отъ пораженія; кто принялъ ихъ въ плоть и кровь—нѣтъ на свѣтѣ силы, которая такого сломила бы.

Разсмотримъ возраженія, возможныя противъ подобнаго способа атаки.

Могутъ сказать, что перебѣганіе утомительно для людей, и что оно до нѣкоторой степени усложняетъ процессъ атаки.

Во первыхъ, перебѣжать 200—300 шаговъ не Богъ знаетъ что; если постоянныя мирныя упражненія въ гимнастикѣ не могутъ къ этому подготовить солдата, то къ чему она тогда? Во вторыхъ, передъ атакой обыкновенно снимаютъ ранцы; въ третьихъ, утомителенъ регулярный бѣгъ, съ соблюденіемъ сомкнутости и равненія; но кто мѣшаетъ замѣнить его бѣгомъ въ разсыпную? Тамъ гдѣ силенъ внутренній порядокъ гдѣ каждый десяточный и капральный унтеръ-офицеръ, не говоря уже объ офицерахъ, разумѣетъ себя въ строю начальникомъ своей части и отвѣтчикомъ за нее, тамъ подобный бѣгъ не представляетъ никакого неудобства. Прусаки, черезъ которыхъ вошла въ Европу старая деревянная система движеній, тѣже прусаки теперь уже давно отъ нея отказались и не только допускаютъ, но положительно рекомендуютъ движенія въ родѣ упомянутыхъ, конечно въ извѣстныя минуты. Сущность регулярности войска заключается вовсе не въ томъ, чтобы не смотря ни на что держать ряды и шеренги, но въ томъ, чтобы знать, когда должно ихъ держать, когда для пользы дѣла, на нѣсколько мгновеній, выгодно отъ нихъ отказаться. Для человѣка привычка—вторая натура: ведите его такъ, чтобы онъ отъ безпорядочнаго одиночнаго движенія привыкъ во мгновеніе ока переходить въ сплоченную массу, и тогда онъ будетъ исполнять это въ совершенствѣ. По свидѣтельству современниковъ, войска Суворова до такой степени быстро возстановляли линіи послѣ сквозной атаки, что едва можно было замѣтить легкое волненіе строя и то въ моментъ прохожденія линій одной насквозь другой, а не по исполненіи этого прохожденія.

Усложненіе процесса атаки, происходящее отъ перебѣганія, едва ли даже и можно назвать усложненіемъ, если обратить его въ привычку войскамъ. При суворовскомъ способѣ атаки требовалось два такихъ предварительныхъ перебѣганія: черезъ черту картечи полевой и картечи полковой артиллеріи,—и это не казалось сложнымъ. Все дѣло въ привычкѣ, которая всегда имѣетъ неодолимое вліяніе на всѣхъ людей безъ исключе-

нія, независимо ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ *).

Пріучить войска атаковать предполагаемымъ способомъ не трудно и не долго, нужно только строго слѣдовать указаніямъ Суворова, конечно, съ тѣми измѣненіями, которыя обусловливаются измѣненіемъ оружія. Если атаки въ пустую будутъ безусловно изгнаны изъ мирныхъ упражненій войскъ**); если принять за непремѣнное правило, чтобы при одностороннемъ маневрированіи для наступленія и атаки была назначаема ясно очерченная и видимая всякому солдату позиція; если приближеніе къ ней и затѣмъ атака будутъ исполняемы съ соблюденіемъ всѣхъ вышеуказанныхъ пріемовъ, можно навѣрное сказать, что послѣ пяти—шести подобныхъ ученій не найдется въ арміи не только офицера, но даже унтеръ-офицера, который не усвоилъ бы этихъ пріемовъ. Подобныя ученія слѣдуетъ заканчивать сквозными атаками, при которыхъ тѣже пріемы примѣняются уже противъ подвижной цѣли.

Оборона съ обыкновенными ружьями противъ скорострѣльныхъ представляетъ несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ наступленіе, такъ какъ во все продолженіе этого послѣдняго, не только сомкнутыя части, но и стрѣлки обороняющагося укрыты, слѣдовательно стрѣльба для наступающаго возможна только болѣе или менѣе на удачу. При такихъ условіяхъ всякій согласится, что скорострѣльность немного поможетъ. Затѣмъ по сближеніи на дистанцію атаки, когда при скорострѣльномъ оружіи входитъ въ моду обстрѣливать позицію, обороняющемуся нужно только, не увлекаясь желаніемъ отвѣтить на эту трескотню, выждать пока атакующій подойдетъ шаговъ на 60, или же ворвется за препятствіе, которое занимала цѣпь: тогда обороняющійся разомъ встаетъ или выходитъ изъ-за закрытія, разстрѣливаетъ атакующія части и вслѣдъ затѣмъ бросается въ штыки. Одинъ залпъ, выдержанный до подобнаго разстоянія, сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ всѣ предшествующіе залпы наступающаго. Все это усвоить также не трудно при помощи ученій съ боевыми патронами, соображенныхъ для подготовки войскъ къ наступленію и къ оборонѣ.

Если офицеры и солдаты усвоятъ себѣ дистанціи, съ которыхъ должно начинать исполненіе перечисленныхъ дѣйствій; если, при

---

*) Потому-то и важно прививать войскамъ такія привычки, которыя соотвѣтствовали бы боевымъ требованіямъ и положеніямъ, а не противорѣчили бы имъ.

**) Что теперь уже и сдѣлано.

движеніи въ свалку, торжественно-процессіонный шагъ перемѣнить на порывистый и быстрый, и чаще напоминать людямъ, что только тотъ бьетъ, кто спокойно стрѣляетъ и доводитъ дѣло до штыка, не смотря ни на что; если будетъ все это,—часть, вооруженная обыкновеннымъ нарѣзнымъ оружіемъ не только будетъ съ честью стоять противъ врага самаго скорострѣльнаго, но даже будетъ и бить его. Армія—сила живая; въ ней все держится на понятіяхъ, которые она себѣ составила о врагѣ и о его средствахъ. Презирать врага такъ же опасно, какъ и поднимать его силу собственными росказнями и бабьими сплетнями на степень неодолимости: будь она самая ничтожная, а поднимется, благодаря росказнямъ, на степень неодолимой. Будь ваше оружіе даже во сто разъ лучше непріятельскаго, но вообразите себѣ, что оно хуже, да распространите это предубѣжденіе между солдатами—и гибель неминуема. Будемъ же по мѣрѣ силъ и возможности работать на то, чтобы не дѣлать себѣ никакихъ миражей, чтобы всякій изъ насъ не только говорилъ, но и всѣмъ существомъ своимъ понималъ, что человѣкъ ничего сверхъестественнаго сочинить не можетъ, что талисмановъ въ нашъ вѣкъ нѣтъ; что всѣ усовершенствованія могутъ затруднить достижсніе военной цѣли, но не могутъ сдѣлать ее недостижимою для того, кто понимаетъ, что въ бою одолѣваетъ только тотъ, кто успѣхъ надъ врагомъ ставитъ выше личной опасности, кто не теряетъ увѣренности въ себѣ и не приходитъ въ отчаяніе въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ; кто знаетъ, наконецъ, что есть сила въ человѣкѣ, которой не могутъ сломить никакія ружья и пушки—сила разумнаго обученія, сила воли, энергіи нравственной...

Въ заключеніе позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что мы разбирали вопросъ съ точки зрѣнія чисто тактической, какъ говоритъ заглавіе статьи и какъ, надѣемся, явствуетъ изъ ея содержанія.

1872 годъ.

По поводу нѣкоторыхъ статей, вызванныхъ послѣдними двумя кампаніями.

Всякій крупный военный фактъ порождаетъ цѣлую литературу въ наше время, и, какъ обыкновенно бываетъ, послѣднія усовершенствованія оружія у большей части писателей до такой степени привлекаютъ къ себѣ вниманіе, что остальныя стороны дѣла не только отступаютъ на второй планъ, но часто и совершенно упускаются изъ виду. Все въ этомъ случаѣ, разумѣется, зависитъ отъ личныхъ свойствъ авторовъ; есть между ними такіе, которые умѣютъ разложить наблюдаемый фактъ на его составныя части, и знаютъ, что стоитъ упустить хоть одну изъ нихъ и выводъ будетъ нелѣпъ. Они постоянно держатся настороже противъ этой ошибки, въ которую впасть чрезвычайно легко, и даютъ правильное заключеніе о фактѣ. Есть и такіе, которые останавливаются только на нѣкоторыхъ сторонахъ факта, почему-либо сильнѣе бросившихся имъ въ глаза *); спасительною осторожностью первыхъ не только не вооружаются, но даже не обходимости оной не подозрѣваютъ: эти даютъ выводы тѣмъ болѣе осязательные и доступные пониманію большинства, чѣмъ они односторонніе и дальше отъ истины. Для примѣра положимъ, что мы приписали бы побѣду въ послѣднюю войну прусаковъ тому, что они были въ каскахъ, а французы въ кепи; ничего осязательнѣе и вмѣстѣ ничего нелѣпѣе въ объясненіе удачи прусаковъ придумать было бы нельзя!

На раздумье обо всемъ этомъ мы невольно были наведены чтеніемъ нѣкоторыхъ сочиненій, изслѣдующихъ, съ большимъ или

*) Иногда можетъ даже по пороку глаза, врожденному или усвоившемуся дурныя привычки.

ленькимъ успѣхомъ, кампаніи 66-го и 70-го годовъ. И чего
уть нѣтъ? И провозглашеніе того, будто отнынѣ нечего и думать
бъ атакѣ, если вы не втрое сильнѣе противника, и что штыкъ
ольше ничего не значитъ, и что атака съ фронта болѣе немы-
лима, а все съ обходомъ и т. д.

Не приходило въ голову сочинителямъ, что какъ его опредѣ-
ить въ бою—вдвое ли, въ полтора раза, или втрое мы сильнѣе
ротивника на томъ пунктѣ, который собираемся атаковать? Развѣ
осылать къ нему передъ атакою считать, что у него стоитъ на
омъ пунктѣ? Относительно штыка большая часть авторовъ какъ
) мнутся; начинается обыкновенно съ того, что они не отвер-
ютъ возможности случаевъ его употребленія, а утверждаютъ
олько, что эти случаи будутъ очень рѣдки: затѣмъ рѣчь стано-
ится все рѣшительнѣе, застѣнчивость исчезаетъ, и если разсуж-
еніе не заканчивается предложеніемъ сдать штыки въ арсеналы,
акъ излишнюю и даже вредную для стрѣльбы тяжесть, то развѣ
отому, что «нельзя же сразу покончить съ укоренившимися пред-
взсудками».

Въ спокойное время это бы еще куда ни шло; но бѣда въ
омъ, что міровая трагедія, первый актъ которой разыгранъ въ
6-мъ, второй въ 70-мъ году, еще не окончена; и по всему видно,
го талантливые авторы и актеры этого замѣчательнаго произведенія
овсе не намѣрены оставлять его безъ развязки, къ участію въ
оторой можно получить нежданное приглашеніе не только по
олѣ, но и по неволѣ. Въ виду этого, далеко не безразличны
взгляды, которые стремятся проводить современные военные писа-
ели. Съ своей стороны, попытаемся опредѣлить, что въ этихъ
взглядахъ вѣрнаго и что односторонняго, и отъ пропуска какихъ
анныхъ односторонность произошла.

I.

„Въ сочиненіи этомъ много истиннаго и много новаго, но истинное въ немъ не ново, а новое не истинно".

Начнемъ съ «Вліянія кениггрецкаго сраженія на такти-
ку» г. N.

Статью эту, по всей справедливости, можно озаглавить статьею
бманутыхъ ожиданій: до такой степени много новаго усиливался
сказать въ ней авторъ и до такой степени мало сказалъ.

Такъ, замѣтивъ, что для стратегіи кенигтрецское сраженіе не дало ничего новаго, авторъ объявляетъ.

„Совершенно иное значеніе (вліяніе?) имѣетъ кенигтрецское сраженіе на тактику: тутъ Кенигтрецъ составляетъ эпоху".

Послѣ этой фразы естественно ожидать доказательства: почему Кенигтрецъ составляетъ эпоху въ тактикѣ? Но этого вы не находите; а узнаете изъ статьи, что Кенигтрецомъ доказано: громадное значеніе мирной подготовки войскъ; того, что, желая мира, готовься къ войнѣ, индивидуальнаго развитія, народнаго образованія, общеобязательной воинской повинности, развитія въ руководителяхъ личной инициативы, ограниченной, однакожь, на столько, чтобы стремленія отдѣльныхъ личностей не разстраивали гармоніи цѣлаго. Все это такъ: но причемъ же тутъ тактика, о вліяніи на которую Кенигтреца авторъ собирался говорить? Вѣдь онъ не относитъ же, вѣроятно, къ тактикѣ не только народнаго образованія, но и общеобязательной повинности. Эта непривычка сосредоточиться на данномъ предметѣ видна по всей статьѣ; авторъ то и дѣло перелетаетъ съ предмета на предметъ, относя явленія совершенно не къ тѣмъ причинамъ, которыя ихъ произвели. Такъ, значеніе народной силы и общеобязательной повинности показано не Кенигтрецомъ, а войнами первой революціи; потребность развитія солдата сознана повсемѣстно вслѣдствіе распространенія дальнострѣльнаго, а не скорозаряжаемаго оружія, т. е. послѣ Севастополя, а не послѣ Кенигтреца.

Всякая большая, особенно неудачная война, заставляетъ обратиться къ тѣмъ вѣчно-истиннымъ принципамъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народовъ, которые такъ легко забываются въ мирное время; слѣдуетъ ли изъ этого, что всякая большая война есть непремѣнно эпоха въ тактикѣ? Да и гдѣ же, наконецъ, логика въ опредѣленіи тактической эпохи по явленіямъ, не имѣющимъ съ тактикою прямой связи?

Мы этимъ не хотимъ сказать, что кампанія 66-го года не дала ничего новаго для тактики; но только показываемъ, что г. N., думая говорить о тактикѣ, говоритъ совершенно о другомъ.

Но вотъ, кажется, дошли мы и до тактики особенно.

„Какъ средство, лучше всего служащее для подготовки въ мирное время гармоніи дѣйствій въ военное, есть конечно уставъ и требованіе строгаго его исполненія".

Какой уставъ: военно-уголовный, дисциплинарный, строевой, гарнизонной, внутренней службы? Это не маловажная неопредѣленность выраженія, а упущеніе изъ виду сущности дѣла. Изъ

лѣдующихъ разсужденій автора видно, что онъ разумѣетъ ько строевой уставъ; а между тѣмъ, собственно въ «гармоніи ствій» онъ имѣетъ значеніе не только не единственное, но е и не первостепенное: обстоятельство, котораго, повидимому, ъръ и не подозрѣваетъ. По нашему убѣжденію, дѣлу «гарніи» гораздо болѣе способствуетъ неуклонное исполненіе и дреніе въ смыслъ и совѣсть каждаго чина уставовъ о службѣ тренней и гарнизонной; ибо то, что приготовляетъ къ единопію дѣйствія и къ самоотреченію во имя долга заключается нно въ нихъ; строевой же уставъ даетъ только единовременность или стройность движенія. Полагаемъ, что автору, нявшись толковать о «гармоніи дѣйствій», не мѣшало бы отъ себѣ въ объясненныхъ вещахъ болѣе строгій отчетъ, а не анавливаться на одной внѣшней оболочкѣ дѣла; тогда и подующія его разсужденія вышли бы, вѣроятно, нѣсколько иныя.

„Но такъ какъ въ бою уставъ, во всей своей правильности, не исполнимъ должаетъ авторъ), то понятно, что и относиться къ нему въ большей части, ется не по буквѣ, а по духу—и то не всегда (вотъ тебѣ и разъ: слѣдовано иногда придется относиться ни по буквѣ, ни по духу, а по чему-то ъему?). Въ мирное время безпорядокъ узаконяемъ быть не можетъ; въ военже отступленіе отъ мирныхъ порядковъ въ большей или меньшей степени бѣжно. Найтись въ подобномъ случаѣ, установить и поддержать, такъ ска-, порядокъ въ безпорядкѣ и вывести изъ послѣдняго свою часть съ торжемъ—достигнуть этого для офицера будетъ слишкомъ трудно, если онъ въ ое время будетъ пріученъ исключительно къ слѣпому исполненію уставь формъ и безъ приказанія не съумѣетъ ступить шагу“.

И такъ, то противорѣчіе, которое неминуемо представляется кимъ жизненнымъ явленіемъ, открыто: съ одной стороны нужно вальное исполненіе устава; съ другой—привычка къ этому моъ повести въ бою къ гибельнымъ даже послѣдствіямъ. Ждешь, авторъ примиритъ это противорѣчіе, укажетъ выходъ, почерпный имъ изъ наблюденій надъ богемской кампаніей, не—тутъ то о: поставленное имъ и дѣйствительно существующее противѣчіе онъ топитъ въ волнахъ краснорѣчія и оставляетъ читателя распутіи. Впрочемъ, чтобъ не подумали, что мы по пристрастію ько не хотимъ замѣчать разрѣшенія, предоставимъ рѣчь автору того самаго мѣста, на которомъ прервали ее.

„Тогда всякая малѣйшая неожиданность можетъ поставить его въ тупикъ, удивительно, если онъ при этомъ, что называется не найдется“.
Ротные, батальонные командиры теперь должны всегда помнить, что они зуютъ совершенно самостоятельныя части *) батальона, полка и должны ми своими физическими и умственными силами (энергіи не нужно?) стреься къ достиженію, хотя бы и отдѣльною дорогою, но непремѣнно той цѣли, рой добиваются ихъ баталіонъ или полкъ“.

*) Вѣроятно, что они начальники самостоятельныхъ частей, а не сами остоятельныя части. Подобныя неточности такъ часты, что мы на нихъ бе указывать не будемъ.

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Но мы возвращаемся къ прежнему вопросу: что же дѣлать, и какъ поступать, чтобы и строевой уставъ строго исполнялся, и офицеры не становились въ тупикъ? Важность этого вопроса, имъ же самимъ возбужденнаго, авторъ, сознающій «громадную важность мирной подготовки», не признать не можетъ? Можетъ и признаетъ, но рѣшеніемъ его себя не затрудняетъ.

Позволимъ себѣ прійти на помощь автору.

Исполненіе устава одно, а примѣненіе его другое дѣло; точно также какъ не ограничиваются однимъ теоретическимъ изученіемъ устава, а, напротивъ, упражняются въ немъ безпрерывно, такъ и еще болѣе должно упражняться во второй части этого дѣла, т. е. рядомъ ученій пройти возможно большее число случаевъ примѣненія уставныхъ формъ не къ одной мѣстности, какъ это до сихъ поръ дѣлается, но къ роду и положенію противника (т. е. пѣхота, кавалерія, артиллерія; въ какомъ разстояніи и направленіи). При такой системѣ занятій офицеръ и твердо усвоитъ уставные типы, и выработаетъ въ себѣ сознательное отношеніе къ нимъ, т. е. совершенно ясно пойметъ, что изъ устава пригодно, для чего, когда и на сколько пригодно. Примиреніе противорѣчія заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы исполнять все дѣло, какъ оно является въ бою, а не ограничиваться упражненіемъ только въ одной, и притомъ самой элементарной, части его. Въ бою уставные типы приходится строить не по однимъ геометрическимъ соображеніямъ, но подъ вліяніемъ: мѣста, гдѣ деремся, времени, когда деремся, непріятеля противъ котораго деремся. Очевидно слѣдовательно, что въ боевой строй уставный типъ входитъ только какъ часть цѣлаго, представляемаго произведеніемъ изъ: уставнаго типа × на мѣстность × непріятеля × случайности. И если нехитрые уставные типы продѣлываютъ столько разъ, чтобы добиться ихъ правильнаго исполненія, то какой же практики требуется, чтобы большинство начальниковъ привыкло толково видоизмѣнять ихъ, принимая въ соображеніе только что указанныя данныя? Понятно, что успѣха въ подобномъ дѣлѣ можно добиться только поступившись идеальною отчисткою элементарныхъ типовъ, ибо на то и на другое времени не хватитъ: вотъ, по нашему, одно изъ существенныхъ указаній, вытекающихъ изъ новѣйшихъ войнъ; и вотъ что авторъ долженъ былъ объяснить на имъ же поставленный вопросъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы строевой уставъ и точно исполнялся, и не имѣлъ притупляющаго вліянія. Но легко ли такимъ указаніямъ проникать не только въ

изнь, но хоть въ сознаніе, авторъ можетъ судить по себѣ: даже столкнувшись невольно на подобное указаніе, онъ его обошелъ.

Но это не все; въ мирное время безпорядокъ не можетъ быть законяемъ, какъ выражается авторъ, а въ бою онъ неизбѣженъ, опять является вопросъ: какъ примирить это противорѣчіе въ мирной подготовкѣ войскъ, т. е. какъ сдѣлать, чтобы войска и къ порядку были пріучены, и отъ безпорядка, въ бою неизбѣжнаго, не становились въ тупикъ? Авторъ, разумѣется, и не пытается примирять его, а начинаетъ, какъ изъ вышеприведенной выписки видно, мечтать чужими фразами о затруднительности поддержанія порядка въ безпорядкѣ для офицера, пріученнаго только къ исполненію устава.

— Такая манера отношенія къ возникающимъ вопросамъ безпокоитъ, вѣроятно, и самого автора, ибо весьма должно быть тяжело тому, кто приходитъ къ противорѣчію, котораго разрѣшить не можетъ. Спѣшимъ успокоить почтеннаго автора: разрѣшеніе вопроса о пріученіи къ возстановленію порядка изъ безпорядка давно найдено: и если онъ проглядѣлъ его, то вѣроятно потому, что все думаетъ объ открытіи новаго, а зады забываетъ. Оно геніяльно просто и прямо ведетъ къ цѣли: это—сквозныя атаки. Чтобы оцѣнить всю цѣлесообразность этого пріема въ вопросѣ, безпокоющемъ автора, достаточно припомнить двѣ данныя изъ боевой обстановки: неустранимый безпорядокъ возникаетъ въ моментъ свалки, быстрое приведеніе части въ порядокъ всего необходимѣе послѣ свалки. При сквозныхъ атакахъ возникаетъ то и другое: всякому видно, что сохраненіе порядка невозможно въ моментъ свалки и всякій пріучается думать о томъ, что безпорядокъ долженъ быть уничтоженъ тотчасъ послѣ свалки. Прибавлять къ этому нечего, по крайней мѣрѣ для непредубѣжденныхъ.

Если къ сквознымъ атакамъ добавить практику въ сборѣ въ замкнутый строй изъ разсыпного, въ которомъ люди перемѣшаны, или принять принципъ независимости частей отъ порядка носящихъ ими номеровъ, то и выйдетъ полная система пріученія офицеровъ не только къ сохраненію порядка въ безпорядкѣ, но даже къ уничтоженію безпорядка порядкомъ.

Возбудивъ вопросы о порядкѣ въ безпорядкѣ и объ отношеніи между строевымъ уставомъ и его примѣненіемъ, авторъ открываетъ: 1) что современная армія должна составлять совокупность множества малыхъ самостоятельныхъ частей, групирующихся въ большія, послѣднія еще въ бо́льшія и т. д., причемъ самостоятельность частей увеличивается прямо пропорціально ихъ вели-

чинѣ, 2) что теперь тактика приказаній должна преобразиться въ тактику указаній. Автору на столько извѣстна исторія военнаго искусства, что съ его стороны по меньшей мѣрѣ странно выдавать за принадлежность современныхъ армій то, что составляло принадлежность не только всѣхъ регулярныхъ но и иррегулярныхъ войскъ, и во всѣ времена *). Что же до второго открытія, то, по нашему посильному мнѣнію, это пустая игра словъ, за которою скрывается не совсѣмъ ясное пониманіе дѣла.

Если авторъ находитъ разницу между приказаніемъ и указаніемъ, то лучше было бы ее пояснить; мы же ея не видимъ, ибо дѣльное приказаніе и должно отличаться именно тѣмъ, что составляетъ, по мнѣнію автора, принадлежность указанія, т. е., должно ясно указывать цѣль, не касаясь подробностей исполненія. Послѣ этого спрашивается: къ чему подобное шарлатанство номенклатуры въ предметѣ серьезномъ? Вѣдь прочитавъ эту мудрость, иной въ самомъ дѣлѣ увѣруетъ, что въ день Кениггреца родилась на свѣтъ Божій какая то тактика указаній, которая оттѣснила на низшую степень тактику приказаній. Всякій пишущій о военныхъ предметахъ, особенно у насъ, долженъ считать своимъ долгомъ разъяснять ихъ по возможности спроста, а не плодить непониманіе, закрывая дѣло самое нехитрое шумихой фразъ и словъ.

Открывъ тактику указаній, авторъ переходитъ къ другому **) необходимому, по его мнѣнію, условію мирной подготовки, именно къ усовершенствованіямъ разнаго рода, выражаются ли они по части администраціи, артиллеріи, тактическихъ формъ и проч. «На войнѣ каждое (?) усовершенствованіе, обнаруживаясь впервые, ошеломляетъ ту сторону, противъ которой оно направлено, а потому и не слѣдуетъ пренебрегать введеніемъ таковыхъ у себя».

Если бы еще можно было сомнѣваться въ томъ, что авторъ не изъ фактовъ извлекаетъ выводы, а, напротивъ, къ заранѣе заготовленнымъ выводамъ пришпиливаетъ факты, то всякое сомнѣніе должно исчезнуть по прочтеніи только что цитированной фразы. Вѣдь прусаки пренебрегли же картечницей, и пренебрегли тогда еще, когда побаивались французовъ: а между тѣмъ это пресловутое изобрѣтеніе эксъ-императора Луи Наполеона не ошеломило же ихъ въ послѣднюю войну? Не ошеломило ихъ и то, что, въ сравненіи съ французами, они въ эту войну были вооружены

*) Даже и не однихъ войскъ, а всякаго народнаго организма: авторъ въ этомъ и самъ убѣдится, вспомнивъ десятскихъ, сотскихъ, тысяцкихъ и т. д.

**) Какое первое, мы признаться не открыли: можетъ быть это народное образованіе, можетъ исполненіе устава, можетъ тактика указаній.

–обстоятельство, могшее подѣйствовать посильнѣе треартечницъ. Не ошеломило также Габленца скорострѣсаковъ подъ Траутенау въ 1866 году; равномѣрно какъ не были ошеломлены австрійскими ракетами.

ъ изъ этихъ фактовъ для привыкшаго уважать ихъ не всякое нововведеніе есть еще усовершенствованіе, и ное вниманіе, коего нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ, ся въ томъ, чтобъ не обращать на нихъ никакого вни- не ошеломляютъ хорошо выдержанной и честно веден- матеріяльныя преимущества противника даже въ чемъ ьезномъ, не говоря уже о какихъ либо штучкахъ. По е выходитъ, что каждое усовершенствованіе, обнаружирвые, ошеломляетъ на войнѣ ту сторону, противъ котонаправлено, а потому и не слѣдуетъ пренебрегать введековыхъ у себя! И онъ думаетъ, что это слѣдуетъ изъ ского погрома..,.

тъ быть скажутъ, что прусаки не примѣръ, что они мопибиться: факты потвердили однако, что не ошиблись; введенія у нихъ скорозаряжаемаго оружія лучше всего этъ, что не подумавши ничего они не дѣлаютъ, и не имѣра отъ другихъ, когда рѣчь идетъ о принятіи чего йствительно полезнаго. Нужно помнить, что прусаки перешли отъ гладкоствольной прямо къ нарѣзной и вмѣстѣ жаемой системѣ, слѣдовательно, у нихъ нашлись люди, не нуждались въ опытѣ, чтобы оцѣнить преимущества, мыя унитарнымъ патрономъ и заряжаніемъ съ казны и принять то и другое тогда, когда у прочихъ народовъ о чемъ подобномъ и не помышлялъ. Какъ шло это остальной Европѣ? сначала рутинное тупое упорство, до ца; и непосредственно вслѣдъ за нимъ какая суета и таніе! Нѣтъ государства (кромѣ Франціи), въ которомъ ались бы между тремя, четырьмя системами. Кажется— ого достаточно, чтобы понять, гдѣ уважаются и создравые принципы военныхъ нововведеній и въ чемъ они тся; автору же кажется, что эти принципы именно и въ томъ, что армія должна безъ разбора хватать всякую которая появится въ какой либо другой арміи.

этихъ общихъ соображеній авторъ переходитъ къ разбору каждаго рода войскъ, начиная, конечно, съ пѣхоты.

онъ открываетъ, во первыхъ; какую то тактику огня, олагаемую имъ тактикѣ массъ *), открываетъ, что штыкъ

*) счету это будетъ уже четыре тактики, съ открытыми прежде тактиазаній, указаній и командъ.

и пуля помѣнялись (!) ролями, и что если Суворовъ пе
назвалъ молодцомъ, а послѣднюю дурою, то теперь прихо
сказать обратное.

Новое доказательство того, что у автора слово какъ буд
рывается само собою и идетъ въ разрѣзъ съ мыслью дов
безпрепятственно, если только фраза гладко выходитъ. Всяко
вѣстно, что огнестрѣльное оружіе играетъ роль средства под
вительнаго, а холодное — рѣшительнаго. Неужели же авторъ
няя ихъ роли, думаетъ, что впредь штыкъ будетъ подгото
ударъ, а огонь рѣшать его?! Конечно нѣтъ; но фраза на
лась, фраза понравилась, а что въ ней нѣтъ внутренняго см
такъ это проглядѣлось.

Человѣку, столь мало озабоченному соотвѣтствіемъ собс
наго слова съ тѣмъ, что онъ хочетъ выразить, до того ли, ч
вникать въ смыслъ словъ другого, особенно сказанныхъ отрыв
лаконически? Конечно не до того; какъ понялась фраза по
вому впечатлѣнію, то она и выражаетъ: и въ концѣ концовъ
ходитъ, что авторъ оспариваетъ не ея собственный, дѣйстви
ный смыслъ, а подложенный имъ самимъ подъ чужое выраж
Именно это самое случилось у автора съ Суворовскимъ аф
момъ.

Дѣло въ томъ, что упоминаемый афоризмъ высказанъ Су
вымъ не отдѣльно, не какъ самостоятельная истина, но как
зультатъ цѣлаго разсужденія объ относительныхъ свойствах
лоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Вотъ это разсужденіе: «Б
пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда
взять; стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко, пул
мишулится, а штыкъ не обмишулится; пуля дура, а штыкъ
децъ».

Попытаемся переложить этотъ великій трактатъ объ от
тельныхъ свойствахъ обоихъ оружій на языкъ, болѣе досту
автору «Вліянія Кениггреца»; можетъ быть изъ переложенія
увидитъ, что, встань Суворовъ изъ гроба, ему бы не при
ничего мѣнять въ своихъ словахъ.

«Огнестрѣльное оружіе требуетъ перевозки припасовъ — шт
никакихъ припасовъ не требуетъ; ружье нужно заряжать — шт
всегда заряженъ; разстрѣляли патроны ружья нѣтъ — штыкъ ес
есть; слѣдовательно, береги пулю. Выстрѣлъ требуетъ дово
сложныхъ предварительныхъ манипуляцій, торопливое испол
которыхъ ведетъ къ пусканію пуль на вѣтеръ: слѣдовательно, пу
стрѣлять рѣдко да мѣтко; штыкъ ничего этого не требуетъ
можно колоть и часто, и мѣтко. Какъ бы ружье ни было со

нно, даже и на 50 шаговъ промахъ вѣроятнѣе, чѣмъ штыкомъ
шагъ или полтора; и во всякомъ случаѣ для дѣйствія
слѣднимъ нужно гораздо болѣе безстрашія, самоотвер-
нія, чувства товарищества, чѣмъ для стрѣльбы, болѣе
вчающей инстинкту самосохранія. Стрѣльба требуетъ покоя:—
ръ штыкомъ движенія впередъ, которое уже само по себѣ вы-
аетъ чувство нашего превосходства надъ непріятелемъ. Пере-
рѣливаться можно цѣлые часы и ничего не добиться — штыкъ
омъ заставляетъ непріятеля дать тылъ. Слѣдовательно, пуля
ра, штыкъ молодецъ. Это отнюдь не исключаетъ употребленія
ли; но на нее одну разчитывать нельзя».

Дѣлать заключеніе объ относительномъ значеніи холоднаго и
естрѣльнаго оружія по числу убитыхъ и раненыхъ по меньшей
рѣ наивно; ибо цѣль на войнѣ заключается вовсе не въ томъ,
бъ перебить возможно больше народа, но въ томъ, чтобъ заста-
ть непріятеля сдать намъ: убѣдить его наглядно, что онъ не мо-
ть намъ сопротивляться. Этой послѣдней цѣли штыкъ, употреб-
нный конечно раціонально, достигаетъ всегда; одинъ же огонь
когда ея не достигаетъ, если противникъ мало-мальски стоекъ. Го-
рятъ, что до штыка рѣдко доходитъ дѣло: что же это доказываетъ
омѣ того, что и трусы могутъ между собою перестрѣливаться,
жду тѣмъ какъ и храбрыя войска не всегда являютъ достаточну
ру духа, чтобы сойтись на штыкъ? Значеніе оружія, требующаго
ль высокой доблести отъ человѣка, никогда не умалится; от-
ргать это могутъ только тѣ, которые не понимаютъ роли нрав-
венной стороны въ боевыхъ столкновеніяхъ. Въ большей части
учаевъ выказаннаго желанія сойтись на штыкъ бываетъ доста-
но, чтобы противникъ далъ тылъ; но этого желанія поддѣ-
ть нельзя, а нужно быть дѣйствительно готовымъ сойтись на
ыкъ: только тогда ему противникъ подчинится. И такъ, какъ
рѣдко ни случались штыковыя свалки, къ нимъ нужно гото-
ть войска, какъ къ высшему и труднѣйшему подвигу, къ какому
лько они могутъ быть призваны въ бою.

Только мысль о штыкѣ при занятіяхъ войскъ заставляетъ по-
ать о томъ, чтобы выдержать ихъ въ привычкахъ безстрашія,
оотверженія, рѣшимости, способности ставить вопросъ борьбы
ъ, чтобы середины между гибелью и побѣдою не было. Заня-
стрѣльбою ничего этого не даютъ, напротивъ: выжиданіе, вы-
атриванье, прятанье, колебаніе. Однимъ словомъ, штыкъ и пуля
ять представляютъ ту жизненную антиномію (или противорѣчіе),
которой гармоническое развитіе возможно только при условіи
авновѣшенія, а не исключенія членовъ ея другъ другомъ.

Разсказываютъ, что австрійцы бросались въ штыки: во п
выхъ, бросаться и желать довести атаку до конца—двѣ вещи
ныя; во вторыхъ, они не подготовляли атаки огнемъ, при ч
же тутъ, спрашивается, штыкъ, если имъ не удавалось? Развѣ
нибудь когда нибудь проводилъ ту нелѣпую мысль, что огн
штыкъ исключаютъ другъ друга? Проводилось, напротивъ, что
дополняютъ другъ друга. Вѣдь даже при тогдашней ничтож
дѣйствительности огня Суворовъ не говорить: «не стрѣляй»
говорить: «стрѣляй рѣдко да мѣтко». Да и отъ того ли австрі
не доходили, что несли потери, или отъ того, что внутре
были неспособны дойти? Вѣдь давали тылъ не тѣ изъ нихъ,
торыхъ подстрѣливали, а тѣ, которые, слава Богу, остались
ровы. И если у нихъ были силы бѣжать назадъ, то кто же
шалъ имъ употребить эти силы, чтобы идти впередъ? И к
средство узнать въ бою, велики ли наши потери? это дѣло о
сительное: можетъ быть непріятелю мы нанесли въ это время
тери еще большія? Пусть же не представляютъ этого ре
трусовъ за что нибудь иное, кромѣ оправданія ничтожества и
достатка стойкости тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ.

Если бы авторъ далъ себѣ трудъ внимательнѣе всмотрѣ
въ дѣйствія прусаковъ въ обѣ кампаніи, а не хлопоталъ б
проведеніи во что бы то ни стало предвзятыхъ мыслей, он
могъ бы не замѣтить: 1) что они не стрѣляютъ изъ строя до
мыхъ близкихъ разстояній, т. е. стараются стрѣлять рѣдко
мѣтко; 2) лѣзутъ, не смотря на потери, на самыя сильныя
зиціи, и берутъ потому именно, что умѣютъ лѣзть по штыкам
т. е. между побѣдою и гибелью середины не признаютъ.

Изъ всего сказаннаго гг. рыцари пули, можетъ быть, убѣд
что дѣло не въ томъ, чтобы глубокомысленно сидѣть надъ ра
шеніемъ вопроса, что важнѣе: пуля или штыкъ, но въ томъ то
чтобы поставить ихъ на должное мѣсто относительно другъ др
Напрасно они отстаиваютъ ея угнетенную невинность; напр
обижаются, что Суворовъ обозвалъ ее дурою, а здравый см
народа «шальною»: это говорилось не въ пику пулѣ, не съ т
чтобы задѣть ея самолюбіе, а просто потому, что такъ оно
и такъ всегда будетъ. Ибо можно совершенствовать дѣйс
тельность оружія, но внутреннихъ, основныхъ свойствъ
измѣнить нельзя *). Затѣмъ изслѣдовать, что важнѣе, штыкъ

*) Говорятъ теперь иногда, что противъ прежняго пули поумнѣла; мо
быть; но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что она можетъ стать умною; но м
цомъ стать никогда не можетъ. Точно также, какъ и штыкъ никогда не
нѣетъ, но и никогда не перестанетъ быть молодцомъ. Поздн. прим.

уля,—дѣло праздное и соотвѣтствуетъ глубокомысленному раз-
жденію о томъ, напримѣръ, что въ ружьѣ важнѣе: стволъ, ложа,
йки, перка, курокъ, боевая пружина или мелочные винты? Все
ажнѣе.

Намѣтивъ развитіе цѣпного боя въ новѣйшихъ сраженіяхъ,
торъ открываетъ, что для удара теперь нужно выбирать пре-
ущественно флангъ, что вслѣдствіе (?) этого боевой порядокъ
ижень быть теперь углубленный и возникаетъ необходимость
о дробленія.

На основаніи этихъ соображеній онъ предлагаетъ типъ бое-
го порядка для бригады, собственнаго своего изобрѣтенія.

Во первыхъ, фланговыя атаки всегда, даже до изобрѣтенія
нестрѣльнаго оружія, предпочитались фронтальнымъ, когда къ
ому представлялась возможность; во вторыхъ, ни углубленность
евого порядка, ни необходимость его дробленія не вытекаютъ
ъ понятія о фланговой атакѣ: въ третьихъ, порядокъ, называе-
ый авторомъ углубленнымъ, установился еще съ Наполеоновскихъ
йнъ, а необходимость дробленія, т. е. принятія въ боевой части
иницы менѣе крупной чѣмъ баталіонъ, выяснилась крымскою
мпаніею до того, что ни въ одномъ изъ нормальныхъ поряд-
въ, съ тѣхъ поръ у насъ сочинявшихся, авторъ не найдетъ бое-
ей линіи, расположенной иначе какъ по ротно. А ему кажется,
о все это есть слѣдствіе Кениггреца.

Въ увлеченіи потребностью изобрѣтать и открывать, авторъ не
лъ, вѣроятно, досуга сличить боевой порядокъ, изобрѣтенный
ъ послѣ «эпохи», съ тѣмъ, который вошелъ въ «Правила для
овокупныхъ ученій пѣхоты съ пѣшею артиллеріею», из-
анныя въ 1857 году, слѣдовательно задолго до «эпохи»:
ъ бы увидѣлъ, что этотъ порядокъ «до эпохи»: составляетъ оче-
дное и чрезвычайно близкое подражаніе его порядку, изобрѣ-
енному «послѣ эпохи». Разница между ними въ томъ только,
о частные резервы поставлены у автора въ полубаталіонныхъ
олонахъ, между тѣмъ какъ въ уставномъ порядкѣ они поставлены
ь батальонныхъ, что существеннымъ, конечно, никто не при-
наетъ, кромѣ автора, усматривающаго въ полубаталіонныхъ ко-
оннахъ особенныя выгоды. Упустилъ онъ при этомъ одно изъ виду:
менно то, что для частныхъ резервовъ, какъ и для боевой линіи,
ѣтъ лучшихъ строевъ на всѣ случаи, ибо этотъ вопросъ рѣшается
е формою строя, а мѣстностью. Есть одно только закрытіе—ба-
аліонъ частнаго резерва расположится за нимъ въ баталіонной
олоннѣ; есть два—можетъ стать и въ полубаталіонныхъ; есть нѣ-

сколько мелкихъ—станетъ и по ротно. Никакихъ закрытій нѣтъ—станетъ подальше и развернется.

Предпочитать въ этомъ случаѣ какой либо строй остальнымъ, значитъ не принимать въ разсчетъ ни мѣстности, ни необходимости давать самостоятельность каждому частному начальнику въ сферѣ его дѣятельности.

Въ началѣ статьи авторъ заявилъ о необходимости инициативы въ частныхъ начальникахъ; мы желали бы знать, какіе пути изберетъ онъ для развитія ея въ баталіонныхъ и ротныхъ командирахъ, если не считаетъ возможнымъ предоставить ихъ личной умственной дѣятельности даже такой невинной вещи, какъ выборъ строя въ зависимости отъ обстановки, въ которой ихъ часть находится? Этимъ онъ лишаетъ ихъ даже той доли самостоятельности, которою пользуется солдатъ въ цѣпи, избирая себѣ какую угодно позу.

Или опять насчетъ дистанцій; авторъ начинаетъ съ того, что онѣ зависятъ отъ мѣстности; но это только такъ, вывѣска; а настоящее заключается въ томъ, что дистанціи опредѣляются тутъ же, непосредственно, и при томъ самымъ точнымъ образомъ. Да, за одно уже предлагается располагать въ цѣпи звено отъ звена на 30—50 шаговъ, что представляетъ не только тактическую несообразность, но и обнаруживаетъ неполное знакомство со строевымъ уставомъ, предписывающимъ давать 15, 30, 40 шаговъ «на звено», а не «между звеньями»,—что далеко не одно и то же. Дѣло въ томъ, что точно также какъ назначаются не интервалы между дивизіями, полками, баталіонами при расположеніи ихъ на позиціи, а участки, которые они занимать должны, точно также назначаются участки и для звеньевъ, на которыхъ люди этихъ послѣднихъ располагаются какъ имъ удобнѣе. Въ воображеніи же автора эти 30—50 шаговъ рисуются въ родѣ распорокъ между каждыми двумя сосѣдними четверками; а люди этихъ послѣднихъ стоящими вмѣстѣ: должно быть для того, чтобъ легче было ихъ перестрѣлять.

Говоря о кавалеріи, авторъ не былъ подъ вліяніемъ жажды открыть что либо «новое», и потому все прошло довольно благополучно. Не можемъ не замѣтить, что отмежеваніе кавалеріи непремѣнно мѣстъ на флангахъ слишкомъ безусловно, и обнаруживаетъ въ авторѣ то же самое поползновеніе къ нормальщинѣ, на которое уже указано и которое такъ противно духу новѣйшей тактики.

Артиллеріи посчастливилось гораздо менѣе, чѣмъ кавалеріи: авторъ не только предлагаетъ въ тактикѣ ея много измѣненій, но

самой организаціи артиллеріи не оставляетъ въ покоѣ. Въ этомъ отдѣлѣ статьи авторъ касается и картечницъ, являясь, повидимому, ихъ горячимъ, но на самомъ дѣлѣ коварнымъ другомъ.

Тактическія измѣненія, проектируемыя авторомъ, слѣдующія:

„Съ первыхъ же минутъ дѣла, нарѣзная артиллерія должна быть уже на позиціи и въ возможно большемъ количествѣ. Тутъ, въ первой линіи, ея мѣсто, а не въ резервѣ“:

Что артиллерія будетъ на позиціи съ первыхъ минутъ боя при всякомъ ожиданномъ столкновеніи, въ этомъ, полагаю, и безъ автора никто не сомнѣвался съ тѣхъ поръ, какъ артиллерія существуетъ; что же до того, чтобы обходиться безъ артиллерійскаго резерва съ первыхъ же минутъ боя, то это, по нашему мнѣнію столь же смѣлое, сколь и мало основательное предложеніе, навѣянное на автора очевидно тѣмъ, что подъ Кениггрецомъ артиллерійскій резервъ австрійцевъ и значительная часть артиллеріи прусаковъ остались безъ употребленія.

Впрочемъ, забывъ, вѣроятно, что написалъ, авторъ ниже и самъ говоритъ, что «отнюдь нельзя ставить за непремѣнное правило—сразу выдвигать на позицію корпусную артиллерію; легко можетъ случиться, что это прійдется сдѣлать и многимъ позже начала артиллерійскаго боя». Чему же вѣрить?

2) Нарѣзная артиллерія не должна подъѣзжать ближе 500—600 саженъ къ непріятельской позиціи.

Этотъ принципъ новой тактики автора представляетъ наглядное и печальное свидѣтельство того, какъ мало распространенъ у насъ методъ правильнаго теоретическаго изслѣдованія. Авторъ напалъ, положимъ, на тотъ фактъ, что дѣйствительность пораженія нарѣзныхъ орудій на дистанціи, меньшія 500 саженъ, увеличивается слабо, а прислуга и лошади начинаютъ терпѣть отъ стрѣлковаго огня, и ему этого совершенно достаточно, чтобы неустрашимо умозаключить, что нарѣзная артиллерія «не должна» подъѣзжать къ противнику ближе 500—600 саженъ. Ему и въ голову не приходитъ, что можетъ быть такая мѣстность, на которой только и можно что нибудь сдѣлать подъѣхавъ къ непріятелю гораздо ближе этого разстоянія; что по сторонамъ нашихъ батарей также есть стрѣлки; что батареи могутъ быть закрыты нашими войсками такъ, что черезъ головы будетъ опасно стрѣлять; что гдѣ для достиженія цѣли не жалѣютъ десятковъ тысячъ людей, тамъ странно жалѣть лошадей и орудія; что порядочная артилерія есть войско, а не дальнострѣльный цѣхъ, и что, какъ войску, самоотверженіе и чувство выручки своихъ должно быть свойственно ей не менѣе какъ пѣхотѣ и кавалеріи.

3) Кавалерійскимъ дивизіямъ должны быть придаваемы не только орудія, но и картечницы.

4) Пропорція артиллеріи къ другимъ родамъ оружія должна быть значительно увеличена.

5) Число зарядовъ при пѣшихъ нарѣзныхъ батареяхъ также должно быть увеличено.

6) Пѣхота можетъ опереживать артиллерію на 1,000 даже на 2,000 шаговъ.

Предоставляя себѣ впослѣдствіи долѣе остановиться на мнѣніи автора о картечницахъ, замѣтимъ относительно приданія ихъ кавалеріи только одно: если картечницы представляютъ собою, по выраженію автора, оружіе минуты въ томъ смыслѣ, что мгновенія для дѣйствія ихъ такъ же мимолетны, какъ для кавалерійскихъ атакъ, то какую же пользу могутъ онѣ принести кавалеріи при мгновенности ея свалокъ и быстротѣ движенія?

Увеличеніе относительнаго числа орудій въ арміи, сверхъ той нормы, которая принята у прусаковъ, было бы, по нашему мнѣнію, величайшимъ бѣдствіемъ для людей и большою тактическою ошибкою: при походныхъ движеніяхъ въ распутицу, по мало-мальски дурнымъ дорогамъ, такое увеличеніе обоза имѣло бы неминуемымъ слѣдствіемъ страшное изнуреніе пѣхоты, а растяжка колоннъ дошла бы до невозможныхъ размѣровъ.

Требованіе увеличенія числа зарядовъ объясняется все тою же привычкою автора увлекаться одною стороною предмета, не обращая на прочія никакого вниманія. Въ бою конечно пріятно имѣть поболѣе зарядовъ—и это авторъ видитъ: но что нужно возить ихъ до боя—этого онъ не видитъ, ровно какъ и того, что необходимость увеличенія числа зарядовъ ни малѣйше не слѣдуетъ изъ кампаніи не только 1866, но даже и 1870 года. Если были батареи, разстрѣливавшія весь свой комплектъ, за то были другія, которыя разстрѣляли только ничтожную его часть. Да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уходилъ весь комплектъ, это правильнѣе объяснять, по нашему мнѣнію, неспокойнымъ состояніемъ духа командировъ, а не тѣмъ, чтобы такъ ужь много представлялось выгодныхъ цѣлей для стрѣльбы.

Относительно того, будто пѣхота можетъ опереживать артиллерію даже на 2,000 шаговъ, можемъ только замѣтить, что должно быть авторъ не представлялъ себѣ этой дистанціи въ дѣйствительности, если рѣшился это написать. Смѣло можно сказать, что, оставшись за пѣхотою въ 700 саженяхъ, артиллерія въ чужихъ будетъ попадать плохо, а въ своихъ угодить рискуетъ.

Мнѣніе автора о картечницахъ производитъ весьма страннос

эчатлѣніе: повидимому, онъ партизанъ этихъ ружей на лафетахъ, жду тѣмъ хвалитъ ихъ такъ, что невольно подумаешь:

«Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ»!

Такъ, перечисливъ выгоды картечницъ, онъ прямо указываетъ недостатокъ, уничтожающій всѣ эти выгоды въ полевой вой- —т. е. на неспособность ея опредѣлять для самой себя раз- ›янія. Въ средства исправленія этого недостатка, въ родѣ упо- ебленія дальномѣровъ на полѣ сраженія, авторъ тоже плохо вѣ- тъ. Пристраиваніе картечницъ къ настоящимъ батареямъ—мѣра рошая, но болѣе мирная, чѣмъ военная; ибо въ бою на томъ істѣ, куда понадобится выдвинуть картечницы, можетъ и не слу- ться батареи.

Сравнительно съ пѣхотою, авторъ признаетъ только одно пре- ущество за картечницами—огнемъ ихъ легче управлять; «но за рѣшительно во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ огонь пѣхотной ши, когда ей *) удастся подойти къ картечницѣ на дѣйстви- льный ружейный выстрѣлъ, долженъ взять верхъ» **). Въ при- ѣчаніи своемъ о томъ, что по меньшей мѣрѣ странно дѣлать зсчеты, сколькихъ стрѣлковъ можетъ замѣнить картечница,—ав- ръ преехидно мотивируетъ свое презрѣніе къ подобнымъ разсче- мъ тѣмъ, что одинъ хорошій стрѣлокъ,, скрытно помѣстившись ъ картечницы въ 300-хъ—400-хъ и болѣе шагахъ, можетъ въ ѣсколько мгновеній перебить всю прислугу; слѣдовательно, ав- ръ намекаетъ на то, что, по его мнѣнію, картечница не только) стрѣлковъ, но иногда и одного не стоитъ. Далѣе, изъ характеристики временнаго боя, авторъ выводитъ, на сколько случаи употребле- я картечницъ могутъ быть рѣдки, и приходитъ къ заключенію, что тѣ—оружіе минуты или артиллерійская кавалерія! Если это къ, то огонь картечницъ лишенъ главной выгоды, присущей во- ще огнестрѣльному дѣйствію: именно той, что огонь можетъ стигать своихъ цѣлей, не стѣсняясь выборомъ мгновеній, въ одолжительные промежуткя времени. Онъ не ловитъ мгновеній, ъ, напротивъ, выработываетъ ихъ для удара холоднымъ ору- емъ. Поэтому обозвать огнестрѣльное оружіе кавалеріей, такая е по нашему иронія, какъ, напримѣръ, обозвать кавалерію чет- роногою пѣхотою.

Авторъ, зная очень хорошо, до какой степени мало развито насъ знаніе внутреннихъ свойствъ оружія, и позволилъ себѣ

*) А препятствій этому, кромѣ обыкновенно въ бою встрѣчаемыхъ, нѣтъ.
**) Подлинныя слова автора.

эту иронію въ надеждѣ, что она проскользнетъ незамѣченною; но мы, въ интересѣ картечницъ, считали своимъ долгомъ ее раскрыть.

Но верхъ затаеннаго недоброжелательства автора къ этому новому и столь много пуль выпускающему ружью (при условіи безостановочнаго дѣйствія механизма довольно сложнаго) проглядываетъ въ одномъ «практическомъ» пріемѣ, предлагаемомъ авторомъ. Какъ бы заботясь о предоставленіи картечницамъ роли, которая доказала бы, что и въ полевой войнѣ онѣ могутъ быть иногда пригодны, и все налегая на то, что онѣ должны «ловить» минуты для дѣйствія, авторъ предлагаетъ для уловленія этихъ минутъ

«Высылать отъ скорострѣльныхъ батарей на позицію офицеровъ или знающихъ фейерверкеровъ, которые давали бы знать на батарею, или, что лучше, подавали бы условный знакъ, какъ только наступитъ удобная для выѣзда на позицію минута. Батарея же, стоя въ резервѣ, должна постоянно находиться, такъ сказать, на чеку, съ тѣмъ, чтобъ, по первому знаку, вылетать впередъ».

Къ этому въ примѣчаніи прибавляется, что если съ мѣста расположенія батареи не видно высланнаго на позицію наблюдателя, то полезно между нимъ и батареею поставить одного или нѣсколько передаточныхъ нумеровъ.

Трудно представить себѣ болѣе ядовитую и искуснѣе замаскированную иронію противъ бѣдныхъ картечницъ! Повидимому, авторъ заботится о нихъ нѣжнѣйшимъ образомъ, все предусматриваетъ, даже махальныхъ по полю сраженія разставилъ; только одно упустилъ изъ виду—намѣренно конечно, чтобы выставить картечницы въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ: что ни одинъ начальникъ не потерпитъ у себя въ части батарей, безъ его вѣдома шныряющихъ изъ резерва въ боевую линію и обратно. Представьте себя читатель, на мѣстѣ начальника, имѣющаго подъ командою батареи подобнаго рода; вы, можетъ быть, уже назначили имъ мысленно время и мѣсто употребленія, ждете удобной минуты, чтобы ихъ выдвинуть—не тутъ то было: по мнѣнію знающихъ фейерверкеровъ, съ которыми вы имѣли несчастіе не сойтись во мнѣніяхъ, ваши батареи поскакали не туда, куда и когда вы хотѣли, а туда, гдѣ употребленіе ихъ можетъ принести пользу, по мнѣнію тѣхъ знающихъ фейерверкеровъ! Кажется, и говорить излишне о томъ, что при подобныхъ условіяхъ, распоряженіе боемъ становится невозможнымъ.

Мы не сомнѣваемся нисколько въ томъ, что авторъ, пишущій о тактикѣ, отлично понимаетъ, что единоначаліе, какъ во всемъ боевомъ порядкѣ, такъ и въ частяхъ его—основное условіе благоустройства въ бою; и если онъ предлагаетъ для выгоднѣйшаго употребленія картечницъ «практическій пріемъ, идущій въ разрѣзъ этому условію, то это можно объяснить однимъ только—скрытымъ

амѣреніемъ подорвать кредитъ ихъ. Онъ не хочетъ прямо выска-
ться, но все ведетъ къ тому, чтобы читатель про себя невольно
одумалъ: «нечего сказать, хорошо оружіе, для выгоднѣйшаго упо-
ребленія коего приходится отказаться отъ дисциплинировки боя,
начальнику нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ дѣлить власть свою
съ знающими фейерверкерами или субалтернъ-офицерами! Бой имѣ-
етъ цѣли нѣсколько болѣе серьезныя, нежели забота о томъ, что-
ы доставить какимъ-либо орудіямъ спеціальнаго свойства случай
острѣлять въ выгоднѣйшихъ для нихъ условіяхъ. Иной, пожа-
уй, выскочитъ пострѣлять въ такомъ мѣстѣ и въ такую минуту,
то его за это и разстрѣлять мало». Вотъ на какія мысли навo-
итъ читателя изслѣдованіе автора о картечницахъ, коварно заду-
анное и чрезвычайно ловко выполненное.

Авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими общими выво-
ами:

„Современная тактика должна быть названа тактикою огня, а не штыка, тактикою массы мелкихъ частей, вводимыхъ въ бой, а не сплошныхъ массъ—колоннъ.“

Нѣтъ, и послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія, никогда не
ыло тактики исключительно огня, ни тактики исключительно шты-
а; есть и будетъ здравая тактика, которая не занимается обсуж-
еніемъ смѣшной табели о рангахъ—что выше: штыкъ или огонь,
утверждала и утверждаетъ, что они не исключаютъ, а допол-
яютъ другъ друга; что воображать, будто на готоваго къ бою
епріятеля можно идти въ штыки безъ подготовки атаки огнемъ
акъ же нелѣпо, какъ и воображать, будто всегда можно достиг-
уть цѣли однимъ огнемъ, не прибѣгая къ атакѣ въ штыки. Что
е до сплошныхъ массъ, то отъ нихъ отказались еще съ крым-
ской кампаніи, и очень стараться опровергать ихъ теперь — то
е, что сражаться съ мельницами.

„Бой рѣшается почти исключительно пѣхотою; артиллерія его подготовляетъ; кавалерія даетъ возможно лучшую обстановку (?)“.

Истинно, но не ново; съ Наполеона это установилось, равно-
ѣрно какъ и сильныя батареи; будетъ это примѣняться въ бою
огда болѣе, иногда менѣе удачно, смотря по способностямъ
ѣятелей; но послѣднія кампаніи ко всему этому ничего новаго
е прибавили. Что же до опредѣленія роли кавалеріи, то мы не
онимаемъ, что авторъ хотѣлъ сказать фразой: «кавалерія даетъ
озможно лучшую обстановку».

„Въ бою атаки во флангъ должны пріобрѣсти преобладающее значеніе“.

Фланговыя атаки всегда предпочитались фронтальнымъ при
возможности; но воображать, чтобы онѣ всегда были возможны,

по меньшей мѣрѣ, наивно; послѣ этого, преобладающее значеніе, признаваемое отнынѣ авторомъ за фланговыми атаками, не имѣетъ собственно никакого значенія, ибо случись сряду двадцать разъ такое положеніе, что иначе, какъ фронтальной атакой достигнуть цѣли нельзя, никто и не подумаетъ о фланговой акакѣ; случись слѣдующіе двадцать разъ такое положеніе, что можно взять съ фланга, и фланговая атака будетъ предпочтена фронтальной.

Послѣ первыхъ двадцати разъ явится наблюдатель, который умозаключитъ, что отнынѣ фронтальныя атаки получатъ преобладающее значеніе; а послѣ вторыхъ двадцати разъ явится другой, столь же проницательный наблюдатель, который умозаключитъ, что отнынѣ фланговыя атаки получатъ таковое же значеніе: и оба будутъ виноваты въ томъ же самомъ, т. е. въ одностороннемъ выводѣ. Ибо какое направленіе дать атакѣ—зависитъ не отъ васъ, и даже не отъ оружія, а главнѣйше отъ позиціи, которую собираетесь атаковать, и отъ свойствъ противника, ее защищающаго. Авторъ подмѣтилъ внѣшнее выраженіе факта, т. е. постоянное стремленіе прусаковъ къ фланговымъ атакамъ, а причина этого стремленія осталась для него непонятною. Дѣло въ томъ, что въ обѣихъ кампаніяхъ они имѣли дѣло съ непріятелемъ пассивнымъ и неимѣющимъ понятія о сторожевой службѣ. А въ послѣднюю кампанію къ этому прибавилось еще громадное превосходство въ силахъ съ ихъ стороны. При такихъ условіяхъ понятно, что фланговая атака всегда будетъ хороша, ибо непріятель пассивный, т. е. не переходящій въ наступленіе, всегда дастъ время исполнить обходъ, а отсутствіе съ его стороны наблюденія по флангамъ обезпечиваетъ важнѣйшее, по нашему мнѣнію, условіе успѣха при обходѣ—большую или меньшую неожиданность появленія на флангѣ противника.

«Боевой порядокъ долженъ быть углубленный».

Мы уже выше показали, что въ боевомъ порядкѣ автора трудно открыть какое либо существенное отличіе отъ нашего нормальнаго порядка, сочиненнаго тотчасъ послѣ крымской кампаніи; автору принадлежитъ только наименованіе этого порядка «углубленнымъ», противное существу дѣла, ибо, при стремленіи къ охватамъ, получается чаще растянутый, чѣмъ углубленный порядокъ.

„Необходимо возможно сильнѣе (бдительнѣе?) обезпечивать фланги и имѣть противъ всякія случайности всегда готовый и сильный резервъ".

Первое истинно, но не ново; второе, т. е. сильный резервъ ложно тѣмъ, что слишкомъ безусловно высказано. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ, при наступленіи, совѣтъ автора

непримѣнимъ. Если онъ признаетъ, что нормы нѣтъ для боеваго порядка, то онъ долженъ былъ бы понимать, что ея нѣтъ и для силы резерва, составляющаго часть боеваго порядка.

„Главную часть резерва составляетъ пѣхота съ небольшою частью кавалеріи съ картечницами".

Болѣе или менѣе останется кавалеріи при резервѣ—зависитъ отъ мѣстности по флангамъ и на фронтѣ позиціи; что же до оставленія въ главномъ резервѣ только картечницъ, то едва ли онѣ могутъ замѣнить орудія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ резервъ назначается; и потому, по нашему мнѣнію, такой оставъ резерва былъ бы крайне ошибоченъ и находится въ противорѣчіи даже съ тѣмъ, что авторъ самъ говоритъ о картечницахъ, именно: что, въ сравненіи съ орудіемъ, картечница есть орудіе *одностороннее и добавочное*»; между тѣмъ какъ назначеніе резерва весьма разностороннее.

„Нарѣзная артиллерія должна быть вводима въ боевую часть съ началомъ боя".

Если авторъ подъ этимъ разумѣетъ, что *вся* нарѣзная артиллерія должна быть употребляема такимъ образомъ, то онъ не правъ, да и самъ себѣ противорѣчитъ, что показано выше; если же онъ хотѣлъ этимъ сказать только то, что артиллерія своей канонадой начинаетъ бой, то вѣдь и гладкая дѣлала то же самое: въ чемъ тогда новость?

„Кавалерія до боя—впереди и по флангамъ; во время боя—по флангамъ же въ резервѣ".

Развѣ прежде было иначе?

Переходя, въ заключеніе статьи, къ боевому порядку, авторъ открываетъ, что боевой порядокъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, не подходитъ подъ какіе бы то ни было нормальные чертежи, и что онъ долженъ быть раздѣленъ на перпендикулярные участки, т. е. правильнѣе, что связь между частями его должна быть установлена не по линіямъ (какъ то существуетъ до сихъ поръ, въ силу печальнаго наслѣдія фридриховской тактики, отъ котораго никакъ отдѣлаться не можемъ), а по перпендикулярному къ нимъ направленію. Во первыхъ, все это не есть слѣдствіе Кениггреца и не новость; во вторыхъ, если авторъ это понимаетъ съ послѣдствіями, а не говоритъ на-обумъ, то по какому же побужденію онъ самъ не воздержался отъ чертежей, совершенно напоминающихъ собою время нормъ? Онъ говоритъ, что это ради одной наглядности: но вѣдь было бы еще нагляднѣе, если бы онъ это

сдѣлалъ не на бѣломъ листѣ бумаги, а на планѣ, и при извѣстномъ предположеніи—тогда никто и не могъ бы принимать этого за норму, ибо тогда и безъ объясненія было бы ясно всякому, что, съ измѣненіемъ мѣстности и предположенія, неминуемо долженъ измѣниться и самый порядокъ. Слѣдовательно, умыселъ другой тутъ былъ: хотѣлось, вѣроятно, отвлечь боевой порядокъ отъ обстановки, выразить нѣчто общее всѣмъ имъ, начертать, однимъ словомъ, боевой порядокъ въ безвоздушномъ пространствѣ, или же нормальный порядокъ! Такъ: будемъ говорить одно, а дѣлать другое, и вмѣстѣ будемъ воображать, что открываемъ новые принципы въ тактикѣ. Авторъ торжественно заключаетъ, что его замѣтки истекаютъ изъ изученія всей богемской кампаніи, преимущественно же изъ массы (!) примѣровъ, представляемыхъ въ особенности кениггрецкою битвою, почему онъ и считаетъ себя въ правѣ назвать эту битву эпохою новой атаки. Изъ разбора читатель видѣлъ, что изъ началъ, показавшихся пылкому воображенію автора новыми, тѣ, которыя истинны, оказались далеко не новыми, а тѣ, которыя новы, далеко не истинными. Такъ что кениггрецкая битва является, по автору, эпохою новой тактики въ силу того только, что дала поводъ къ его замѣчаніямъ.

А между тѣмъ, при нѣсколько большемъ вниманіи не только къ фактамъ, которые взялся разбирать авторъ, но и къ самому себѣ, дабы не принимать непродуманныхъ первичныхъ впечатлѣній за окончательные выводы, онъ открылъ бы въ богемской кампаніи много поучительнаго: не въ смыслѣ новостей, которыя онъ такъ усиливался разыскивать, что въ предлагаемомъ имъ боевомъ порядкѣ не узналъ даже стараго нормальнаго, но въ смыслѣ напоминанія и подтвержденія тѣхъ вѣчныхъ и незыблемыхъ тактическихъ истинъ, которыя, къ несчастію, такъ легко забываются въ мирное время. Впрочемъ, были и нѣкоторыя новости, но онѣ какъ-то проскользнули у автора безъ вниманія, именно: 1) всѣ увѣровали въ заряжаемыя съ казны ружья, на которыя до того смотрѣли какъ на негодныя для рукъ солдата; 2) при нынѣшней артиллеріи дѣйствительно можно стрѣлять черезъ головы своихъ; 3) разомкнутый строй рѣшительно долженъ быть принятъ для расположеній и движеній въ огнестрѣльный періодъ боя, не только для частей боевой линіи, но и для частныхъ резервовъ ея, ошибочно называемыхъ второю линіею. 4) Оказалось, что нынѣшнія средства и пріемы удержанія людей въ рукахъ далеко не достаточны, и что настоитъ крайняя необходимость дополнить ихъ иными, болѣе дѣйствительными. Впрочемъ, мы предоставляемъ себѣ поговорить подробнѣе объ этомъ впослѣдствіи, равно какъ и о

ихъ пріемахъ обученія, которые, въ виду сказаннаго, можетъ
ть не безполезно было бы усвоить.

Затѣмъ формальная сторона дѣла осталась та же; но долженъ измѣниться характеръ требованій въ обученіи ей и въ полненіи ея въ бою: подтвердилась та старая аксіома, что безполезное на войнѣ вредно требовать въ мирное время; что всѣ статки фридриховскаго педантизма должны быть отброшены, особенно въ обученіи совокупности частей; что слишкомъ заниматься взцѣльнымъ вожденіемъ частей по гладко-убитому полю значитъ е пріучать къ дѣлу, а отучать отъ него; что доводить элементарную часть строя до идеальнаго совершенства и оставлять безъ нманія продѣлываніе оной въ примѣненіи къ мѣстности, положенію и роду противника—значитъ не учить войска, а доводить къ до того, что они и подозрѣвать не будутъ, для чего какой строй пригоденъ: слѣдовательно готовить имъ въ бою самые пеальные сюрпризы.

Что самостоятельность каждаго чина въ сферѣ его дѣятельности; чувство круговой поруки и сознаніе долга; безусловная исполнительность, дерзость и упорство, неостанавливаемыя никакими препятствіями и потерями—единственные залоги успѣха въ ю, разумѣется при знаніи своего дѣла людьми и офицерами; что рѣлять нужно рѣдко да мѣтко; что если это не поворотитъ непріятеля, то нужно имѣть силу духа сойтись съ нимъ на штыкъ: е думая, не колеблясь, а на будь что будетъ: вотъ что не отрыли, но подтвердили кениггрецкая и 70 года кампаніи.

Но воображать, что расположеніе частей боеваго порядка въ мъ, либо другомъ строѣ составляетъ существенную перемѣну, собенно послѣ того, какъ еще при Наполеонѣ получили значеe боевыхъ всѣ возможныя формы строя, начиная отъ цѣпи и нчая походными колонами *); что будто теперь уже всегда и я артиллерія съ началомъ боя будетъ выдвигаема въ боевую нію; что резервъ всегда будетъ силенъ, что боевой порядокъ егда будетъ глубокій или, какъ его авторъ называетъ, углубенный; что можно обойтись теперь безъ штыка, что артиллерія должна подъѣзжать ближе 500 саженъ: подобныя положенія, они очевидно ошибочныя а другія односторонніе, и потому ведущія къ безусловщинѣ, т. е. къ самой вредной нелѣпости, какая олько можетъ внѣдриться въ тактикѣ,—составляютъ въ ней рѣзкій шагъ назадъ, и дай Богъ, чтобъ они не нашли себѣ партизановъ въ нашей арміи.

*) Арколе.

II.

Передъ нами статья очевидца кампаніи 1870 года Г. N. Авторъ излагаетъ, что видѣлъ, слышалъ, и отчасти, читалъ; теоріи онъ повидимому не любитъ и предваряетъ читателя, чтобы послѣдній не ждалъ отъ него какого либо теоретическаго трактата. Мы признаться, не понимаемъ, что такъ возстановляетъ автора противъ теоріи, особенно въ виду того, что и въ его статьѣ находимъ обширное, если и не всегда удачное, ея примѣненіе. Разъ вы позволяете себѣ дѣлать выводы, вы теоретикъ; и трактатъ вашъ, несмотря на то, что заканчивается игривымъ и практическимъ анекдотомъ о дамѣ ненавистницѣ прусаковъ, ставящей имъ и то въ вину, что они не умѣютъ волочиться за женщинами, все таки въ большой мѣрѣ трактатъ теоретическій. Объяснимся примѣромъ. Пока я, напримѣръ, говорю, что свойство сплошного блокаднаго расположенія то, что у него фланговъ нѣтъ, и что, значитъ, охватить несуществующихъ фланговъ нельзя, я практикъ и указываю на фактъ даже не тактическій, а просто геометрическій: ибо сказать это и сказать, что у сомкнутой линіи нѣтъ концовъ, одно и то же. Но когда я, отправляясь отъ столь простаго факта, умозаключаю, что, вслѣдствіе невозможности охватывающей атаки, и прорывъ блокады невозможенъ, я теоретикъ, и притомъ вполнѣ односторонній, ибо сомкнутую линію вижу, ружье и пушку вижу, а человѣка не вижу. И, намъ кажется, лучше упустить даму-ненавистницу въ заключительномъ панегирикѣ благонравнаго поведенія прусаковъ во Франціи, чѣмъ проглядѣть мужчину въ столь серьезномъ дѣлѣ.

Сами же вы говорите, что прусская гвардія, несмотря на страшныя потери и на нелѣпый строй, дошла до С. Прива и утвердилась въ немъ; какъ вы полагаете: могла ли бы пробиться эта гвардія или нѣтъ, бывъ блокирована? Вы, конечно, не рѣшитесь отвѣчать отрицательно. Слѣдовательно, по вашему выйдетъ, что возможное для пруссаковъ невозможно для другихъ? Вотъ что значитъ не любить теоріи: безъ нея все равно не обойдешься, а только надѣлаешь односторонникъ выводовъ, вслѣдствіе незнакомства съ методомъ теоретическаго изслѣдованія. Не говорю уже о томъ, что считать научнымъ вопросомъ такой напримѣръ: «можно или нѣтъ пробиться при блокадѣ», значитъ не отдавать себѣ отчета въ томъ, что подлежитъ и что не можетъ подлежать теоретическому изслѣдованію, ибо разрѣшеніе помянутаго вопроса въ ту, либо другую сторону зависитъ не отъ какихъ либо постоян-

ныхъ данныхъ, а отъ относительнаго достоинства блокирующаго и блокируемаго: кто изъ нихъ устойчивѣе, честнѣе и толковѣе, тотъ и одолѣетъ. Было время, когда прусскія крѣпости сдавались летучимъ французскимъ отрядамъ: и однако тогда не явилось ни одного изслѣдователя, который, основываясь на этомъ фактѣ, глубокомысленно сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что кавалерія брать крѣпостей не можетъ. Все дѣло въ томъ, что авторъ нерасположенъ къ теоріи, и напрасно, ибо только она могла бы ознакомить его съ двумя законами, безъ соблюденія которыхъ немыслимъ сколько нибудь раціональный выводъ: 1) изслѣдуя явленіе, не упускать изъ виду ни одной изъ данныхъ его слагающихъ; 2) по одному факту не дѣлать общаго вывода.

Статья начинается признаніемъ того стройнаго гармоническаго соотношенія, въ которомъ между собою находятся всѣ отправленія и общегосударственной, и собственно военной жизни въ Пруссіи. Тамъ гражданскія вѣдомства не относятся къ военному, какъ къ чему то чуждому и враждебному; тамъ военно-административныя учрежденія существуютъ для арміи, а не наоборотъ, до такой степени, что офицерство стремится не изъ строя въ департаменты, а изъ департаментовъ въ строй; тамъ, наконецъ, организація военная разсчитана на военное время съ возможностью дѣйствовать въ мирное, а не наоборотъ. Картина прекрасная, но односторонняя; все это хорошо и устроено, это правда; но правда также и то, что страна находится на постоянномъ военномъ положеніи, которое можно не только употреблять, но и злоупотреблять. Вызванная необходимостью обороны противъ врага, эта система теперь уже перестала быть оборонительною и, несмотря ни на что, рано или поздно, но неминуемо, поведетъ къ истощенію народа, какъ ни умѣряется невыносимая тяжесть ея честностью агентовъ прусской администраціи и уваженіемъ ихъ къ закону. Обращаясь собственно къ воинскимъ дѣламъ, авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, что никто изъ занимающихъ нестроевыя должности не производится въ слѣдующій чинъ, не пробывъ извѣстнаго времени въ строю — и это превосходно; къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ, что это возможно только при условіи вполнѣ уравнительной системы производства. Благодаря ей, офицеръ можетъ дослужиться до полковника не ранѣе какъ черезъ 32 года службы; но онъ спокоенъ и доволенъ, ибо знаетъ, что никто раньше его въ этотъ чинъ не попадетъ. При такой постановкѣ порядка чинопроизводства есть время на все: и на строй, и на ученую или административную службу тому, кто къ нимъ способенъ; кромѣ того, не

замѣчается и тѣни того необузданнаго «чинобѣсія», которое составляетъ непремѣнное слѣдствіе отсутствія помянутой уравнительности и которое въ конецъ подрываетъ духъ товарищества, долженствующій связывать всю армію въ одно цѣлое.

Отъ общихъ соображеній авторъ переходитъ къ изложенію своихъ замѣтокъ по родамъ оружія, оставаясь постоянно вѣренъ самому себѣ, т. е. сообщая весьма интересныя свѣдѣнія и дѣлая изъ нихъ односторонніе выводы.

Такъ, онъ сообщаетъ, что пруссаки вѣрятъ болѣе въ близкій, нежели въ дальній огонь; что въ то время, какъ французскія ружья били даже до 1,800 шаговъ, досягаемость прусскихъ была болѣе чѣмъ на половину меньше, а надежная дѣйствительность не превосходитъ 300—400 шаговъ; что, не смотря на это, пруссаки подходили на свои дистанціи, съ которыхъ поражали французовъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе наносили имъ мало вреда: ибо хоть они вооружены были хорошо, да стрѣляли плохо; слѣдовательно и на дальнія дистанціи не такъ они попадали въ прусаковъ, какъ прусаки попадали иногда подъ ихъ огонь. Затѣмъ приводитъ интересныя данныя относительно расходованія патроновъ, замѣчая при этомъ, что не все разстрѣливалось а также и разсыпалось въ попыхахъ обѣими сторонами; но болѣе разумѣется тою, которая была хуже обучена, т. е, французами.

Пока все идетъ благополучно, ибо авторъ касается матеріальныхъ данныхъ; но вотъ зашла рѣчь о томъ, что нѣмецкіе офицеры не щадили себя, всегда были впереди, не ложились, когда приказывали ложиться людямъ, и авторъ предобродушно проговаривается, что, по его мнѣнію, такое нахожденіе впереди не можетъ быть поощряемо. Онъ упустилъ при этомъ самую малость: что солдатъ только тамъ являетъ самоотверженіе и безстрашіе, гдѣ ему офицеръ подаетъ въ этомъ примѣръ, и что въ примѣненіи къ германской арміи это можетъ быть даже вѣрнѣе чѣмъ ко всякой другой; если бы авторъ былъ нѣсколько болѣе воспріимчивъ къ нравственнымъ явленіямъ боя, онъ не додумался бы до совѣта «благоразумной» осторожности офицерамъ: ему для этого не нужно было даже дѣлать усилій собственнаго соображенія, а просто руководствоваться тѣми же tactische Rückblicke, которые онъ съ такимъ усердіемъ и совершенно впрочемъ заслуженно превозноситъ *). Въ бою ничего

*) См. „Военный Сборникъ“ 1869 г. № 9, стр. 31: „Сѣверо-германскій солдатъ тяжеловатъ, но спокоенъ; онъ обладаетъ небольшимъ, но здравымъ умомъ, и лишенъ всякаго честолюбія. На него совсѣмъ не дѣйствуютъ слова, а дѣйствуетъ только примѣръ начальника“. Taktische-Rückblicke.

нельзя отвѣшивать на аптекарскихъ вѣсахъ, а храбрость и отвагу менѣе нежели что либо. Кто собирается «благоразумно» жертвовать собою, тотъ думаетъ больше о себѣ, нежели о дѣлѣ, и ужь ни въ какомъ случаѣ и никого не увлечетъ. Отъ подобныхъ офицеровъ да спасетъ насъ Богъ.

Впрочемъ, нѣсколько ниже и самъ авторъ признаетъ значеніе личнаго примѣра, и заявляетъ о томъ высокомъ нравственномъ вліяніи, которое упрочилось за прусскими офицерами; какъ онъ полагаетъ: сохранилось ли бы это вліяніе, если бы они послѣдовали совѣту поберегать себя въ бою?

И это еще разъ доказываетъ, какъ трудно и тяжело жить въ разладѣ съ теоріей: вѣдь ясно до очевидности, что высокое нравственное вліяніе въ бою упрочиваетъ за собою только тотъ, кто способенъ къ безграничному, а подчасъ и къ безумному самоотверженію; а авторъ даже и не замѣчаетъ, что второе относится къ первому, какъ причина къ слѣдствію. Пруссія можетъ гордиться неосторожностью своихъ офицеровъ, составляющею одинъ изъ главнѣйшихъ залоговъ боевого ея успѣха; и въ ней не найдется вѣроятно ни теоретиковъ, ни практиковъ, которые вздумали бы проводить ту мысль, что постоянное нахожденіе офицеровъ впереди не можетъ быть поощряемо.

Обращаясь къ самому способу производства стрѣльбы, авторъ утверждаетъ, что германцы рѣшительно предпочитали бѣглый огонь; употребленіе залпа составляетъ исключеніе. Этотъ фактъ, который заявляетъ и Богуславскій, не говоритъ нисколько противъ залповъ, какъ кажется, повидимому, автору; и чтобы въ этомъ убѣдиться, ему достаточно вспомнить то, что самъ онъ говоритъ о строѣ первой линіи у нѣмцовъ. По заявленію его и Богуславскаго, это была цѣпь или, если угодно, толпа, въ которой таяли ближайшія подкрѣпленія: понятное дѣло, что если сомкнутаго строя не было, то не могло быть и залповъ. Но, отправляясь отъ этихъ фактовъ, воображать, что такъ всегда будетъ и иначе быть не можетъ—слишкомъ поспѣшно. Изъ нихъ можно вывести только одно: что и въ прусской арміи, несмотря на всю разумную работу и на хорошій корпусъ офицеровъ, не достигли того, чтобы люди были совершенно въ рукахъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при настойчивой и разумной работѣ этого нельзя было достигнуть. И Богуславскій, несмотря на то, что самъ принадлежитъ къ составу прусской арміи, признаетъ это; если не признаетъ авторъ, то исключительно вслѣдствіе предвзятаго, хотя можетъ быть и безсознательнаго, стремленія находить у пруссаковъ все хорошимъ.

Излагая свѣдѣнія о формахъ строя нѣмцевъ въ минувшую войну, авторъ открываетъ намъ фактъ въ высшей степени странный, намеки на который находимъ также и у Богуславскаго, именно, что въ первый періодъ кампаніи нѣмцы повидимому предпочитали баталіонныя формы строя расположеніямъ по ротно. Мы не можемъ себѣ объяснить подобной странности, въ виду того ихъ особенности, что они первые ввели у себя расположеніе по ротно, и что въ 1866 году примѣняли его въ обширныхъ размѣрахъ. Остается думать, что они сдѣлали возвратъ къ баталіоннымъ строямъ въ 1870, подъ вліяніемъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ предположенія о способѣ дѣйствій французовъ; можетъ быть также, что въ баталіонныхъ строяхъ думали найти средство держать людей болѣе въ рукахъ. Такъ или иначе, но теперь не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію, что баталіонныя колонны будутъ имѣть весьма рѣдкое примѣненіе въ боевой линіи. Тѣмъ не менѣе, несмотря на несоотвѣтственныя формы, прусаки били; били потому, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, что не внѣшнія формы устава, даже не превосходство вооруженія побѣждаютъ на войнѣ, а духъ войскъ, внутренняя связь, знаніе дѣла; наконецъ, непоколебимая дисциплина и самоотверженіе.

Золотыя слова! и какъ жаль, что авторъ, повидимому понимая это начало, не въ состояніи былъ провести его послѣдовательно во всей своей статьѣ. Дѣйствительно: знаніе дѣла въ смыслѣ тактическомъ заставило прусаковъ быстро отказаться отъ баталіонныхъ колоннъ и перейти къ расположенію по ротно; то же знаніе дѣла помогло быстро замѣтить, что, дѣйствуя противъ французовъ, безопаснѣе стоять у нихъ подъ носомъ, нежели на значительномъ разстояніи. Если къ безпорядочности огнестрѣльнаго дѣйствія французовъ прибавить еще безсвязность ихъ атакъ, т. е., напротивъ, отсутствіе знанія, то и окажется, что пруссаки дѣйствительно побили не оружіемъ, а устойчивостью, толковитостью и знаніемъ дѣла.

Далѣе, очерчивая способъ дѣйствія и формы боеваго порядка, авторъ признаетъ, вмѣстѣ съ Богуславскимъ, разсыпной строй основнымъ въ бою, а сомкнутый допускаетъ только въ видѣ исключенія. Мы уже сказали, что не раздѣляемъ этого взгляда, а приписываемъ злоупотребленіе разсыпнымъ строемъ просто неумѣнію держать людей въ рукахъ. Все что можно сказать, основываясь на опытѣ минувшей войны, такъ это то, что разомкнутый (но не разсыпной) строй является необходимымъ дополненіемъ въ ряду средствъ предохраненія твердаго строя отъ огня при движеніи

ии расположеніи на мѣстѣ открытомъ; но полагаемъ, что войска олжны быть пріучены мгновенно переходить къ сомкнутому строю, ъ разомкнутаго, какъ на мѣстѣ, такъ и на ходу. По нашему убѣжденію, эта эволюція должна быть основною въ совре енныхъ уставахъ пѣхоты: ибо сомкнутый строй необходимъ ъ боевой линіи на случай атаки въ штыки; разомкнутый — для редшествующихъ расположеній и движеній. И послѣдній, мы по агаемъ, долженъ быть примѣняемъ не въ однихъ ближайшихъ одкрѣпленіяхъ цѣпи, но и въ частныхъ резервахъ или, ошибочно азываемой, второй линіи. Правда, авторъ не признаетъ возмож ости штыковыхъ свалокъ, основываясь на томъ, что ихъ не было ъ минувшую кампанію; но по одной кампаніи подобные выводы е дѣлаются. Если встрѣтятся противники равно способные сой ись на штыкъ, то они должны этимъ окончить, такъ какъ отъ ерестрѣлки ни тотъ, ни другой назадъ конечно не подадутся. ри штыковой же свалкѣ и говорить нечего, что возьметъ тотъ, то быстрѣе соберется въ сомкнутыя части, ибо онѣ погонятъ ѣпь, по числительности и въ нѣсколько разъ сильнѣйшую.

Описываемый авторомъ вслѣдъ за тѣмъ бой у Бурже, какъ нѣ то новое, новъ только тѣмъ, что разрывы цѣпи, при охватыва іи этой деревни, были заполняемы изъ середины; затѣмъ въ ра положеніи колоннъ для охвата деревни и въ наступленіи къ ней ъ примѣненіемъ къ мѣстности новости не видимъ.

Частные резервы, по свидѣтельству автора, располагались въ аталіонныхъ колоннахъ; примѣръ, подраженія едва ли достойный: сли закрытія для колоны нѣтъ, мы не видимъ причины дѣлать азницу между боевою линіею и ея частными резервами въ сред твахъ предохраненія отъ огня, при нынѣшней его дѣйствительности. авторъ потверждаетъ это, сообщая, что впослѣдствіи расположе іе поротно предпочиталось и въ частныхъ резервахъ. Намъ ка ется, что, предоставивъ выборъ формы строя частнымъ началь никамъ, разрѣшили бы этотъ вопросъ наилучшимъ образомъ, ибо олько тогда станетъ возможнымъ пользованіе всѣми закрытіями, есмотря ни на форму, ни на размѣры ихъ. Только при этомъ словіи форма не будетъ убивать духа въ уставѣ, ибо частные ачальники будутъ заинтересованы сознательно относиться къ ставнымъ формамъ, чего нѣтъ и быть не можетъ при общемъ, гульномъ для всѣхъ опредѣленіи этихъ формъ старшими началь никами.

Но, переходя къ способу употребленія резервовъ, авторъ опять аталкивается на фактъ, находящій свое объясненіе въ духов ыхъ явленіяхъ боя, и, разумѣется, дѣлаетъ опять несостоя-

тельный приговоръ. Этого рода вопросы являются для него неодолимымъ препятствіемъ, если нѣтъ подъ рукою чужого указанія, въ родѣ пункта инструкціи, напримѣръ *). Упоминая о томъ, что пруссаки подкрѣпляли передовую линію только при полномъ ея изнеможеніи, авторъ не могъ не замѣтить, что въ этомъ отношеніи они «заходили иногда слишкомъ далеко».

Это «слишкомъ далеко» верхъ совершенства; авторъ даже и не подозрѣваетъ повидимому, что именно подобное употребленіе силъ въ бою, и ни что другое, даетъ средство приберечь непочатыя свѣжія силы къ рѣшительнымъ его минутамъ. Онъ конечно читалъ, и неразъ, что побѣда остается обыкновенно за тѣмъ, у кого окажутся къ концу боя свѣжія силы; но, на его бѣду, въ книжкахъ, гдѣ это проводится, не указано средствъ какъ этого достигнуть; средство одно: часть, пущенную разъ въ огонь, оставлять въ немъ до конца дѣла; можно ее въ крайности поддерживать, но смѣнять нѣтъ; или же если и смѣнять, то продвигая свѣжія части впередъ, но отнюдь не уводя смѣняемую часть назадъ. Это, повидимому безчеловѣчное, въ сущности же гуманное, начало объясняется тѣмъ, что ни одинъ человѣкъ не знаетъ предѣла своихъ силъ, и съ самого начала боя расположенъ думать, что онъ до этого предѣла дошелъ; но приприте его, что называется, къ стѣнѣ и онъ будетъ драться еще нѣсколько часовъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Будучи поставлена въ необходимость драться, и зная, что ее не смѣнятъ, иная часть, истомитъ и нравственно уничтожитъ иногда и двѣ, и три непріятельскія части, вотъ и выйдетъ въ общемъ сбереженіе, если вы обошлись одною частью тамъ, гдѣ непріятелю понадобилось израсходовать двѣ или три.

Этого мало: въ силу того же указаннаго свойства человѣка— часть, побывавшая въ бою и смѣненная, разумѣется будетъ думать, что она сдѣлала въ тотъ день все что могла и больше сдѣлать не можетъ; нравственно она будетъ столь же не свѣжа, столь же истомлена, какъ если бы осталась въ бою до послѣдней крайности; слѣдовательно, пусть и остается до послѣдней крайности: сдѣлаетъ больше, а нравственно истомится столько же**).

---

*) Ниже увидимъ, что въ разсужденіяхъ о кавалеріи одна инструкція помогла автору самымъ дѣйствительнымъ образомъ въ аналогическомъ случаѣ.

**) Не вдумывавшимся въ психическія явленія это можетъ показаться не вѣрнымъ, но оно такъ; доказывать это здѣсь было-бы слишкомъ длинно; но сомнѣвающимся въ томъ, что психическое утомленіе собственно будетъ не только одинаково, но даже больше въ началѣ, чѣмъ въ концѣ боя, просимъ припомнить, что именно первоначальныя впечатлѣнія боя и производятъ тяжкое впечат-

аконецъ смѣна и потому не имѣетъ смысла, что она лишаетъ воз-
ожности бьющуюся часть мысленно сосредоточиться на своемъ дѣлѣ;
съмъ принадлежащимъ къ ней невольно будетъ приходить въ голову:
скоро ли смѣна? Вниманіе развлечено въ противоположныя сто-
оны: будутъ заниматься столько же непріятелемъ, сколько, если
е болѣе, ожиданіемъ минуты, когда выйдутъ изъ огня. Можно
и ожидать при этомъ энергической и самоотверженной работы,
редоставляемъ судить каждому, способному судить. Вотъ почему
русаки заходили слишкомъ далеко въ примѣненіи начала под-
рѣплять боевую линію только при полномъ ея изнеможеніи: это
о же самое безпощадное употребленіе пѣхоты, которое авторъ,
лагодаря инструкціи, признаетъ разумнымъ для кавалеріи.

Изложивъ свѣдѣнія о боевыхъ порядкахъ и о способѣ дѣй-
твій авторъ приходитъ къ заключенію, что при настоящемъ огнѣ
ронтальная атака до крайности трудна и что ожидать
еперь штыковой работы на открытой мѣстности также
рудно. Можетъ быть это и такъ; можетъ быть даже это и но-
ость, возникшая съ усовершенствованіемъ оружія; но дѣло вовсе
е въ томъ, трудно ли это или нѣтъ, а въ томъ, можно ли
сегда безъ этого обойтись? Если нельзя, то разговоры о
рудности—пустое словопреніе: ибо какъ бы то и другое ни было
рудно, но если могутъ быть случаи, въ которыхъ для достиженія
ѣли нѣтъ другихъ средствъ, то войска должны быть къ этому
отовы прежде и больше всего, и именно потому что это
руднѣйшее.

Авторъ, повидимому, думаетъ не такъ; онъ не рѣшается вы-
казать прямо, но очевидно клонитъ къ тому, что теперь фрон-
альныя атаки и штыковая работа невозможны; да иначе и го-
орить не можетъ человѣкъ, который, какъ уже не разъ замѣ-
ено, психическихъ явленій боя не признаетъ, а понимаетъ только
атеріальныя. Для него существуютъ: дѣйствительность ружья,
рудія, сила закрытія, естественнаго или искусственнаго; но міра
нутренняго души человѣческой, дающаго иногда людямъ, въ спо-
ойномъ состояніи духа самымъ обыкновеннымъ, силу на невѣ-
оятные, сверхъестественные подвиги, для автора не существуетъ.
онъ не прочь поговорить и о значеніи духа арміи, и о безпо-

ѣніе; затѣмъ нервы привыкаютъ, или, пожалуй, притупляются, и люди пере-
таютъ обращать даже вниманіе на то, что въ началѣ дѣйствовало очень сильно.
Въ этомъ, какъ и во многомъ, обнаруживается та противоположность такъ на-
ываемыхъ психическихъ и собственно физическихъ явленій, которая произво-
итъ, что пониманіе первыхъ изъ нихъ встрѣчается довольно рѣдко.

щадномъ употребленіи кавалеріи съ чужого голоса; но это все только слова; какъ только доходитъ до дѣла, т. е. до собственныхъ выводовъ, все это забывается, и выходитъ на сцену чистѣйшій матеріялизмъ.

Ему достаточно того, что въ эту кампанію огонь всегда предпочитался штыку для заключенія, что и впредь такъ будетъ. И при этомъ даже и въ голову не пришло той простой вещи, что, при страшномъ превосходствѣ прусаковъ въ силахъ и при неудовлетворительномъ состояніи духа французской арміи еще до столкновеній, первыя неудачи должны были такъ подѣйствовать на французовъ, что сопротивленія упорнаго, до послѣдняго патрона, до штыка, съ ихъ стороны ожидать было трудно.

Но невозможно, намъ кажется, сомнѣваться въ томъ, что штыковыя свалки будутъ давать тѣмъ болѣе рѣшительные результаты, чѣмъ метательное оружіе будетъ совершеннѣе; ибо тѣмъ страшнѣе будетъ неожиданность ихъ для тѣхъ, кто увѣруетъ, что однимъ огнемъ не подпуститъ къ себѣ противника, и вдругъ наткнется на такого, котораго огонь не остановитъ. Точно также какъ для прусаковъ безопаснѣйшими дистанціями противъ дальнобьющихъ ружей французовъ были именно близкія дистанціи; точно также, и даже съ большею вѣроятностью, можно сказать, что нѣтъ полосы болѣе безопасной для атакующаго, какъ полоса въ 100 шаговъ передъ фронтомъ противника; въ этой полосѣ, если не всѣ, то большая часть пуль идетъ на вѣтеръ, и такъ будетъ еще долго, если не всегда. Дѣло все въ томъ, слѣдовательно, чтобы достигнуть этой полосы и имѣть силу духа сойтись на штыкъ.

«Теперь все перемѣнилось, восклицаетъ авторъ: огнестрѣльное оружіе получило небывалую еще силу, замѣнившую, по крайней мѣрѣ въ минувшей войнѣ, штыковую свалку». Автору кажется, что если огнестрѣльное оружіе перемѣнилось, то и все перемѣнилось: выводъ столь же смѣлый, сколь и неосновательный. Да, перемѣнилось многое, но не все; и въ числѣ данныхъ, оставшихся безъ измѣненія, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ, безъ котораго, какъ и автору должно быть не безъизвѣстно, ни ружье не стрѣляетъ, ни штыкъ не колетъ. Въ виду этого, пріемы обученія, направленные къ развитію нравственной стороны человѣка такъ, чтобы онъ не терялся ни отъ какой неожиданности, не могутъ быть упразднены никакимъ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія. Понятно, слѣдовательно, что вопросъ, которымъ авторъ задавался: «упражнялъ ли бы Суворовъ свои войска такъ часто сквозными атаками при теперешнемъ вооруженіи пѣхоты?» не

имѣетъ, по нашему мнѣнію, смысла, ибо въ немъ соединены самымъ страннымъ образомъ данныя разнородныя. Перемѣна въ оружіи и можетъ повести къ перемѣнѣ пріемовъ обученія дѣйствію оружіемъ же; но отнюдь не пріемовъ нравственной закалки людей.

Послѣ этого читатель по достоинству оцѣнитъ и дальновидность, и логичность отрицанія пріемовъ обученія, придуманныхъ Суворовымъ для только что указанной цѣли. Авторъ находитъ, что теперь, для поддержанія въ войскахъ навыка къ атакѣ и пониманія необходимости доходить до непріятеля, слѣдовало бы избрать другой способъ, ближе подходящій къ условіямъ современнаго боя. Но вмѣсто указанія этого способа онъ предлагаетъ— тщательное развитіе нижнихъ чиновъ! Какъ будто сквозныя атаки исключаютъ это развитіе и какъ будто оно не нужно во всѣхъ другихъ отдѣлахъ солдатскаго образованія! Такъ относиться къ вопросу значитъ не рѣшать его, а бросаться отъ него въ сторону. Нѣтъ, одного развитія мало, а нужно еще знать прямо и непосредственно всякую часть своего ремесла. Самъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что никакіе уставы и инструкціи не помогаютъ въ дѣлѣ, требующемъ навыка: примѣнивъ эту истину къ своему вопросу о сквозныхъ атакахъ, онъ получилъ бы, можетъ быть, рѣшеніе его, противоположное тому, къ которому пришелъ теперь.

Что сказали бы, если бы кто нибудь вздумалъ доказывать, что при настоящемъ совершенствѣ оружія, упражненіе въ стрѣльбѣ собственно совершенно излишне, а достаточно только развивать людей и преподавать имъ теорію стрѣльбы? сказали бы конечно, что это нелѣпость; что всякое практическое дѣло усвоивается не съ разговора, а наглядкою и личнымъ упражненіемъ. То же самое вѣрно и относительно обученія атакѣ.

Но авторъ не ограничивается сомнѣніемъ въ пользѣ сквозныхъ атакъ, а идетъ далѣе: «Что сплочено для наружнаго вида, то никогда не имѣло значенія, теперь же въ особенности; все это разлетится при первомъ хорошемъ огнѣ, и когда снимется наружная оболочка обманчиваго порядка и стройности, тогда выкажется, стоятъ-ли войска на высотѣ ихъ призванія» и т. д., и т. д.

И такъ, вы находите въ сквозныхъ атакахъ сколачиванье для наружнаго вида; вы полагаете, что къ подобнымъ жалкимъ фокусамъ, какъ сколачиванье для наружнаго вида, былъ способенъ прибѣгать человѣкъ, воспитавшій итальянскую армію и показавшій швейцарскимъ походомъ, что у него фокусовъ не было, а было дѣло и только дѣло! Суворовъ, великій сердцевѣдецъ, и потому знавшій лучше и

больше другихъ, что дѣло не во внѣшности, сколачиваетъ что-то для наружнаго вида, по мнѣнію автора! Изо всѣхъ системъ воспитанія и образованія солдата, намъ извѣстныхъ, суворовская система именно тѣмъ и отличается, что въ ней ничего не дѣлалось для наружнаго вида, а все было направлено къ тому, чтобы развить и закалить солдата. Скажу болѣе: именно это свойство ея было причиною, почему ее вытѣснила, въ концѣ прошлаго вѣка, деревянная, убивающая духъ, но весьма жертвующая наружному виду Фридриховская система; и вдругъ въ этой гонимой, вытѣсняемой косами, пудрой и тому подобными боевыми и укрѣпляющими духъ предметами системѣ авторъ находитъ сколачиванье для наружнаго вида! Но вѣдь тогда и обученіе стрѣльбѣ, и обученіе фехтованію, и обученіе строю, все это, по теоріи автора, должно быть признано сколачиваніемъ для наружнаго вида.

Дѣло въ томъ, что, сколько бы вы ни развивали солдата, вы не уясните ему на словахъ впечатлѣнія, производимаго кавалерійской или пѣхотной атакой; сквозныя атаки, мало того, что воспроизводятъ сразу и прямо это впечатлѣніе (на сколько въ мирное время возможно), но онѣ пріучаютъ выносить его; онѣ безъ длинныхъ разговоровъ показываютъ, какъ нужно дѣйствовать противъ кавалеріи, какъ бросаться на пѣхоту или артиллерію. Если у автора есть пріемъ цѣлесообразнѣе этого для пріученія къ атакѣ, пусть укажетъ его; если же его нѣтъ, то было бы достойнѣе и не говорить противъ того, чего онъ ни оцѣнить, ни замѣнить не въ состояніи.

Къ этому нужно прибавить, что сквозныя атаки даютъ практику въ быстромъ возстановленіи порядка изъ безпорядка именно тогда, когда это всего нужнѣе, т. е. послѣ свалки, веселятъ и и удовлетворяютъ солдата, давая ему видимую цѣль, пріучаютъ глазъ къ дистанціямъ, съ которыхъ можно вести атаку; наконецъ, устраняютъ при двухсторонникъ маневрахъ возможность дракъ.

Впрочемъ, что же мы распространяемся? авторъ, конечно, не убѣдится нашими доводами, построенными на психическихъ свойствахъ человѣка, которыя онъ невольно или намѣренно, но игнорируетъ, и ужъ конечно, не сведетъ къ одному началу хоть то даже, что самъ говоритъ. Такъ, въ концѣ монолога, начало котораго мы только что привели, онъ возглашаетъ, будто «насущная и первостепенная необходимость заключается въ томъ, чтобы сплотить въ одно цѣлое уже въ мирное время тѣ роды оружія, которыя должны и жить, и дѣйствовать вмѣстѣ для достиженія успѣха на войнѣ».

Если авторъ признаетъ это, то долженъ бы, кажется, призна-

вать и пользу сквозныхъ атакъ, ибо свое мнѣніе онъ оправдываетъ, только не кстати, тѣмъ же самымъ началомъ, которымъ и они мотивируются, т. е. что тремъ родамъ оружія мало знать о существованіи другъ друга, а нужно еще видѣть на дѣлѣ другъ друга.

Мы говоримъ, что въ этомъ случаѣ авторъ примѣняетъ указанное начало некстати,—на основаніи того простого соображенія, что единственное время, гдѣ три рода оружія могутъ видѣть другъ друга на дѣлѣ, есть періодъ лѣтнихъ сборовъ: тутъ ихъ соединеніе полезно и необходимо; но мы рѣшительно недоумѣваемъ, что они могутъ принести другъ другу въ остальное время года, даже при совмѣстномъ казарменномъ, не говоря уже о квартирномъ, расположеніи. Думаемъ даже наоборотъ: подобное соединеніе пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи въ одно цѣлое постояннымъ образомъ подъ власть одного лица, въ мелкихъ частяхъ могло бы отразиться самыми печальными послѣдствіями на элементарномъ ихъ образованіи; а въ крупныхъ не повело бы къ тому единенію, о коемъ мечтаетъ авторъ. Авторъ упускаетъ изъ виду, что бытовыя условія родовъ оружія совершенно неодинаковы, предметы занятій и распредѣленіе ихъ совершенно не тѣ. Гдѣ найти начальника, способнаго въ одинаковой мѣрѣ преслѣдовать артиллерійскія, кавалерійскія и пѣхотныя спеціальныя цѣли въ образованіи и воспитаніи? Вѣдь подготовка къ бою и употребленіе въ бою родовъ оружія—двѣ совершенно различныя вещи; для послѣдняго нужно только знаніе свойствъ и оружія, между тѣмъ какъ первое требуетъ такой копотной, мелочной, но необходимой работы, которая по плечу только спеціалисту. Въ дѣлѣ, успѣхъ котораго основанъ на содѣйствіи нѣсколькихъ спеціальностей, нужно прежде всего поставить на ноги каждую изъ этихъ спеціальностей. Музыканты сходятся подъ команду капельмейстера, предварительно разучивъ свою партію каждый отдѣльно.

Умиляясь передъ куначествомъ и передъ его великими послѣдствіями, авторъ упускаетъ изъ виду ту простую вещь, что оно возникаетъ только при тѣсной бивачной жизни, крѣпнетъ и освящается чувствомъ общей опасности и огненнымъ крещеніемъ:. казарменная почва и мирная погода не даютъ этого святого плода. Авторъ и самъ бы этого не сказалъ, если бы, не давая воли своей фантазіи, посмотрѣлъ внимательнѣе вокругъ себя: онъ бы увидѣлъ, какъ иногда полки даже одного рода оружія и подчиненные одному начальнику, стоятъ рядомъ десятки лѣтъ, и особеннаго сближенія между ними не замѣчается. Какимъ же чудомъ явится оно вдругъ между разнородными частями только изъ

за того, что онѣ будутъ подчинены одному лицу? Въ Парижѣ у Марсова поля стоитъ громадная казарма, такъ называемая École militaire; въ бытность мою въ этомъ городѣ, въ ней стояли рядомъ пѣхотныя, кавалерійскія и артиллерійскія части: повидимому, что можетъ быть благопріятнѣе для сближенія? А между тѣмъ и тѣни сближенія не замѣчалось.

И такъ, лучше не мѣшать каждому дѣлать свое дѣло; соединяться въ одно цѣлое, когда это можно сдѣлать для совмѣстныхъ занятій, т. е. имѣя въ виду опредѣленную и ясную для каждаго, а не туманную цѣль; соединеніе всѣхъ родовъ оружія для маневровъ начинать въ мелкихъ, а не въ крупныхъ частяхъ; упражненія въ сквозныхъ атакахъ принять какъ непремѣнное и постоянное правило; употребить всѣ силы на то, чтобы устранять поводы къ печальному антагонизму между частями, а не плодить эти поводы; офицерамъ читать, читать и читать, дабы о каждомъ родѣ оружія они знали не только то, что видно въ мирное время, но и то, что онъ можетъ дать только въ военное: тогда и купачество, и пониманіе другъ друга на войнѣ явятся сами собою, ибо почва къ тому будетъ подготовлена. Но воображать, что это можетъ явиться вслѣдствіе совмѣстнаго расположенія или постояннаго подчиненія одному командиру—пастушеская идилія, не болѣе. Соединенія все равно не добьетесь, а элементарное образованіе потерпитъ неминуемо. Если бы мысль автора осуществилась, то именно и увидѣли бы образчикъ того сколачиванія для наружнаго вида, которое разлетается при первомъ огнѣ и противъ котораго самъ онъ такъ возстаетъ. Къ этому нужно еще прибавить, что авторъ, нѣсколько разъ возвращаясь, и съ немалымъ пафосомъ, къ идеѣ соединенія въ одну часть всѣхъ трехъ родовъ оружія постояннымъ образомъ, нигдѣ не говоритъ, части какой именно силы онъ предполагалъ бы соединять? Умолчаніе многознаменательное, потому въ особенности, что оставляетъ на воздухѣ самую идею постояннаго соединенія. Въ какихъ единицахъ должно возникать это соединеніе: въ баталіонахъ ли, въ полкахъ, дивизіяхъ, или въ совокупности дивизій? Если въ единицахъ первыхъ двухъ порядковъ, то соединеніе будетъ, конечно, полное; до такой степени полное, что не будетъ, пожалуй, ни кавалеріи, ни артиллеріи въ настоящемъ смыслѣ слова; если же въ единицахъ послѣднихъ двухъ порядковъ, то соединеніе будетъ существовать большую часть года только на бумагѣ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ повести къ ознакомленію родовъ оружія между собою.

И какъ опять не вспомнить великаго Суворова! атаками онъ

знакомилъ роды оружія между собою наидѣйствительнымъ образомъ, ибо начиналъ съ того, что пріучалъ ихъ не бояться другъ друга. Что ни говорили бы модные преобразователи, что и придумывали бы они—не выдумаютъ пріема образованія, болѣе отвѣчающаго требованіямъ боя. Мы даже думаемъ, что они возстаютъ противъ этого пріема потому только, что онъ нигдѣ не принятъ за границею; но введи его французы, а въ особенности прусаки, и эти самые преобразователи начали бы приходить въ восторгъ отъ его цѣлесообразности....

Въ артиллерійскомъ отдѣлѣ статьи обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что прусаки выдвигали всю или большую часть своей артиллеріи съ началомъ боя, и потому при походѣ помѣщали ее обыкновенно близко къ головѣ походныхъ колоннъ. И то, другое было сообразно съ обстоятельствами, и потому разумно. Противъ непріятеля, который ничего не предпринимаетъ, ожидая, чтобы предпринимали вы, резервы не нужны, въ томъ числѣ и артиллерійскій; при движеніи по дорогамъ шоссированнымъ, какъ во Франціи, артиллерію можно помѣщать гдѣ угодно по протяженію походной колонны, а слѣдовательно и въ головѣ ея. Но стоитъ предположить возможность атаки не въ томъ мѣстѣ, гдѣ выставлена батарея; стоитъ предположить вмѣсто сѣти шоссе, сѣть грунтовыхъ дорогъ съ грязью или пескомъ по ступицу, и станетъ ясно, что ни выдвиганіе всей артиллеріи съ началомъ боя, ни въ особенности помѣщеніе большихъ массъ ея въ головѣ походныхъ колоннъ, какъ пріемы постоянные, рекомендованы быть не могутъ.

Затѣмъ факту, будто артиллерія дѣйствовала по нѣскольку часовъ безъ всякаго прикрытія, мы, до новыхъ и самыхъ предѣлительныхъ подтвержденій, просто не вѣримъ, несмотря на всю правдивость автора, и приписываемъ это свѣдѣніе очевидческому увлеченію, имѣющему весьма много общаго съ увлеченіемъ пилигримскимъ, которое проглядываетъ во многихъ мѣстахъ статьи, даже въ самой манерѣ выраженій: огонь нѣмцевъ непремѣнно «грозный», атаки «стремительныя»; подвижность «необыкновенная». На долю бѣдныхъ французовъ не выпадаетъ подобныхъ питетовъ даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ они ихъ заслуживали.

О картечницахъ авторъ, повидимому, двоякаго мнѣнія: съ одной стороны, прусаки не придаютъ имъ никакого значенія; съ другой.... съ другой автору кажется, что нельзя вполнѣ отрицать (а отчасти можно?) пользу ихъ въ полевой войнѣ, ибо онѣ производятъ несомнѣнный нравственный эффектъ (на прусакахъ, кажется, авторъ

не могъ этого замѣтить). Съ одной стороны, если механизмъ ихъ будетъ прочнѣе и можно будетъ возить ихъ на одной, много на двухъ лошадяхъ, то онѣ могутъ пріобрѣсти значеніе; съ другой, въ настоящую войну картечницы часто портились, а въ Пруссіи сложилось даже убѣжденіе, «что митральезы не могутъ замѣнить орудійную батарею, представляющую несравненно болѣе выгодъ». Съ одной стороны, для защиты дефиле, бреши и барикадъ, картечницы превосходны (на этотъ разъ авторъ не пріискалъ противоположенія и мы пріищемъ за него); съ другой— нельзя возить за собой дефиле, брешь и барикаду для доставки картечницамъ случая ихъ оборонять.

Къ чему же наконецъ авторъ приходитъ въ окончательномъ выводѣ? А больше ни къ чему и не приходитъ, кромѣ того, что съ одной стороны картечницы безполезны, а съ другой могутъ принести пользу: однимъ словомъ, вышло мнѣніе двоякое.

Артиллерійскій отдѣлъ заканчивается нѣсколькими весьма интереснымъ данными о пополненіи огнестрѣльныхъ припасовъ и, въ заключеніе, любимымъ припѣвомъ автора, будто вся армія въ Прусіи «находится наканунѣ сплоченія всѣхъ родовъ оружія, предназначенныхъ жить и дѣйствовать вмѣстѣ для достиженія успѣха на войнѣ, въ одно цѣлое, и въ мирное время»; жаль, что авторъ оставляетъ при себѣ секретъ практическихъ пріемовъ, при помощи коихъ можно осуществить это сплоченіе зимою въ мирное время.

Въ кавалерійскомъ отдѣлѣ авторъ снова возвращается къ этому припѣву, столь же мало поясняя его, какъ и въ двухъ предъидущихъ; ссылка на куначество говоритъ противъ, а не въ пользу мечты автора; оно вѣдь возникало, какъ мы уже замѣтили, не при мирной обстановкѣ. Что касается собственно употребленія и распредѣленія кавалеріи, то и въ томъ, и въ другомъ авторъ высказывается въ пользу ея раздробленія, такъ какъ при нынѣшнемъ оружіи и боевомъ порядкѣ удары кавалерійскими большими массами едва ли возможны. Соглашаясь съ нимъ, замѣтимъ, что и прежде великіе кавалерійскіе подвиги совершались небольшими ея частями; доказательство—вся эпоха Фридриха. Подъ Гогенъ-Фридбергомъ — полкъ; подъ Колиномъ съ австрійской стороны тоже полкъ; подъ Прагою—тоже полкъ. Большимъ кавалерійскимъ массамъ — мѣсто на флангахъ и въ тылу непріятеля: какъ на позиціи, такъ и на театрѣ войны. Сѣверная Америка показала намъ, что можетъ сдѣлать кавалерія въ тылу на театрѣ войны, и плохо будетъ тому, кто, имѣя возможность, этимъ указаніемъ не воспользуется. Ударомъ кавалерія столько же уничтожаетъ, сколько и сама уничтожается; иногда больше уничтожается, чѣмъ уничто-

ет. Поприще ея иное: не дать непріятелю спать, не дать спо-
йно съѣсть кусокъ хлѣба, поставить его такъ, чтобы онъ бро-
ъ какъ въ потемкахъ и не могъ поручиться ни за одинъ
й подвозъ, ни за одного курьера. Вотъ задача, достойная массъ
авалеріи.

Мнѣнія автора, что дивизіонную кавалерію нужно увеличить,
не раздѣляемъ: тактическая организація не подлежитъ нор-
мъ, ибо зависитъ отъ обстоятельствъ безконечно-измѣнчивыхъ.
гутъ быть отдѣльныя назначенія пѣхотной дивизіи, при кото-
къ ей иной разъ придется дать и цѣлую кавалерійскую дивизію:
зачѣмъ ей, спрашивается, придавать много кавалеріи, если она
ть въ составѣ корпуса, въ одной общей колоннѣ? Пѣхота и ка-
ерія такъ несходны по своимъ походнымъ свойствамъ, что по-
дняя всегда терпитъ на маршѣ отъ соединенія, котораго по-
му и не слѣдуетъ допускать постояннымъ образомъ въ значи-
ьныхъ массахъ безъ основательныхъ причинъ. Если французы
ли до того, что не придавали кавалеріи дивизіямъ, назначае-
ъ въ авангардъ, то подобныя упущенія всею своею тяжестью
аютъ на отвѣтственность французскаго генеральнаго штаба.
бы сдѣлать правильно нарядъ авангарда, не нужно не только
тояннаго соединенія различныхъ родовъ оружія, но даже и ла-
ной практики, ибо задача эта рѣшается даже не на полѣ, а
картѣ и письменно, т. е. въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ
удовлетворительнаго ея рѣшенія достаточно понимать планъ,
тику и знать полевой уставъ. Это именно одно и изъ тѣхъ
оженій, въ которыхъ практическая приглядка къ разнымъ ро-
ъ оружія не играетъ никакой роли.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что въ кавалерійскомъ
ѣлѣ наткнулись на совершенно неожиданный и пріятный со
роны автора сюрпризъ: онъ проводитъ, что если обстоятельства
буютъ употребленія кавалеріи, то употреблять ее слѣдуетъ
пощадно, не взирая на потери: совершенно вѣрно, и если бы
оръ обобщалъ начала, то онъ бы легко и скоро открылъ, что,
обно кавалеріи, и пѣхота должна быть употребляема безпо-
дно, и порядочный офицеръ не долженъ щадить себя. Правда,
мысль о кавалеріи не его, а цѣликомъ взята изъ инструкціи,
водимой имъ ниже:

«До минуты атаки слѣдуетъ по возможности беречь кавалерію
непріятельскаго огня, но потомъ бросать ее на противника
пощадно и отчаянно».

Вторая половина статьи представляетъ много весьма интерес-
къ указаній, съ которыми читатели познакомились, вѣроятно,

изъ подлинника. Мы остановимся только на недомолвкахъ, требующихъ поясненія. Такъ, въ отдѣлѣ: «сторожевая служба», авторъ, указывая на пользу практическихъ упражненій, касающихся охраны войскъ своихъ и развѣдки о непріятельскихъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что въ Прусіи эти упражненія начинаются послѣ элементарной подготовки войскъ, которая ведется съ такою послѣдовательностью, что даже высшіе начальники не считаютъ себя въ правѣ производить ученія и смотры въ неопредѣленное время. Мы не считаемъ подобныхъ смотровъ помѣхою правильному ходу образованія, если только они неожиданны и не забѣгаютъ впередъ противъ того, что въ моментъ смотра должно быть пройдено. Начальнику, вѣдь, важно видѣть не конечный результатъ, до какого дойти можно въ данномъ отдѣлѣ образованія, а то, правильно ли имъ занимаются; ибо, если это послѣднее условіе соблюдено, результатъ долженъ быть хорошъ. Однимъ словомъ, смотры этого рода должны имѣть характеръ посѣщенія начальниками домашнихъ ученій и занятій; тогда они никому и ни въ чемъ помѣхою быть, конечно, не могутъ. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ смотровъ, производимыхъ въ концѣ курса, по всѣмъ отдѣламъ образованія. Въ этомъ вопросѣ, независимо того, какъ и когда смотрѣть, не менѣе важно опредѣлить, что и кому смотрѣть. Намъ кажется, что послѣднее должно быть соображаемо со степенью власти лица смотрящаго: чѣмъ оно стоитъ выше, тѣмъ менѣе предметомъ смотра его могутъ быть элементарные отдѣлы образованія; только этимъ путемъ можно будетъ избѣгнуть того печальнаго явленія, что отъ излишней заботливости о совершенствѣ частей, не только не думаютъ о совершенствѣ, но даже хотя о сколько нибудь сносномъ состояніи цѣлаго, т. е. комбинаціи элементарныхъ отдѣловъ образованія. Есть предметы, повѣрка которыхъ, для пользы дѣла, должна идти не далѣе полковаго командира; другія—не далѣе начальника дивизіи; наконецъ, смотры, достойные высшихъ начальниковъ, только и могутъ заключаться въ повѣркѣ составныхъ отдѣловъ образованія, какъ: 1) маневрированіе—слагающееся изъ уставныхъ эволюцій въ соединеніи съ примѣненіемъ ихъ къ мѣстности и въ зависимости отъ поставленной цѣли и предполагаемаго противника; 2) ученіе съ боевыми патронами—предъидущая комбинація съ прибавкою стрѣльбы; 3) сквозныя атаки; 4) собственно такъ называемые смотры или парады, какъ средство начальнику повидаться съ войсками и войскамъ видѣть начальника. Пора понять, что слишкомъ детальное разложеніе воинскаго образованія на части совершенно уничтожаетъ это образованіе, какъ одинъ предметъ, и порождаетъ

ного новыхъ, не только неподготовляющихъ къ бою, но враждебныхъ боевымъ требованіямъ. За примѣрами ходить недалеко: всякому, напримѣръ, извѣстно, что на ученіи безъ примѣненія къ мѣстности требуется многое такое, что не имѣетъ смысла при ученіи съ примѣненіемъ къ мѣстности, и что на послѣднихъ ученіяхъ часто нападаютъ, какъ на недостатокъ развитія, на то, что офицеръ дѣлаетъ просто по привычкѣ, усвоенной на ученіяхъ безъ примѣненія къ мѣстности. Положить конецъ подобнымъ противоположностямъ одно средство: высшимъ начальникамъ смотрѣть только тѣ составные отдѣлы образованія, большее или меньшее совершенство въ которыхъ даетъ понятіе о степени готовности войскъ къ бою.

Въ отдѣлѣ о походныхъ движеніяхъ авторъ находитъ хорошимъ то, что въ Пруссіи составлены постоянныя правила для совокупнаго расположенія въ походныхъ колоннахъ различныхъ родовъ войскъ и ихъ обозовъ. Постоянныя, т. е. заблаговременно, разъ навсегда, составленныя правила въ этомъ дѣлѣ могутъ повести только къ одному: къ несоотвѣтственному составу колоннъ. Порядокъ расположенія частей въ колоннѣ дѣйствительно долженъ быть опредѣляемъ съ педантическою точностью, но въ диспозиціяхъ и приказахъ для движенія, а отнюдь не въ уставѣ.

Возьмемъ для примѣра хоть помѣщеніе массы артиллеріи въ головѣ колонны: смѣло говоримъ, что при дурныхъ дорогахъ подобное помѣщеніе артиллеріи было бы самое несообразное, какое только можно себѣ представить. Наконецъ, самая необходимость равненія и боевой, и походной службы требуютъ, чтобы каждая пѣхотная часть побывала въ головѣ, серединѣ и хвостѣ колонны: при существованіи постоянныхъ правилъ это часто будетъ упускаемо изъ виду.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что походомъ прусаки ходили въ колоннахъ не изъ середины, а поротно: новое доказательство неудобства системы построеній изъ середины, которой держатся по рутинѣ, несмотря на то, что съ преобладаніемъ въ бою расположеній по ротно эта система утратила даже и то кажущееся преимущество, которое при баталіонныхъ строяхъ представляла въ быстротѣ развертыванія.

Въ отдѣлѣ «расположенія для отдыха» авторъ умиляется, между прочимъ, по поводу того, что прусаки во все время войны занимались стойкою, поворотами, маршировкою и ружейными пріемами. Мотивируетъ онъ эту дурную рутинную привычку, оставшуюся отъ вербованныхъ армій, тѣмъ, будто бы этимъ средствомъ люди не выпускаются изъ рукъ, и что, по мнѣнію прусаковъ, это

замѣняетъ дисциплинарныя взысканія, будто бы непримѣнимыя въ военное время. Во первыхъ, примѣнимы: если не карцеры, то напр. привязыванія къ дереву на нѣсколько часовъ (что дѣлалось), энергическая жестикуляція въ предѣлахъ личности подчиненнаго и т. под.; во вторыхъ, даже допуская, что нельзя бы было прінскать дисциплинарнаго взысканія для нѣкоторыхъ дурныхъ солдатъ, развѣ изъ этого слѣдуетъ, что нужно наказывать всѣхъ, и дурныхъ, и хорошихъ, повтореніемъ такихъ вещей, которыя всякому солдату совершенно извѣстны, и отъ упражненія въ которыхъ онъ ни на волосъ не узнаетъ лучше своего дѣла? Намъ кажется, что подобные пріемы воспитанія находятся въ прямомъ противорѣчіи именно съ современными требованіями боя; а что къ удержанію людей въ рукахъ они не ведутъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ та простая вещь, что прусскіе офицеры не могли удержать сомкнутыхъ частей, долженствующихъ быть за цѣпью, отъ разсыпки и смѣшенія съ цѣпью.

Много хорошаго и разумнаго есть у прусаковъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все у нихъ было хорошо и разумно, и если они бьютъ, то не потому конечно, что занимаются стойкою и ружейными пріемами на войнѣ, но напротивъ, несмотря на то, что они этимъ занимаются.

III.

Довольно распространено мнѣніе, будто теорія есть нѣчто противоположное практикѣ и, слѣдовательно, къ ней непримѣнимое, и что въ этой послѣдней мнѣнія людей практическихъ имѣютъ гораздо болѣе вѣса, чѣмъ теоретическія положенія. Это отрицаніе теоріи, какъ чего-то неприложимаго къ жизни, порождено невниманіемъ къ той простой вещи, что и отрицающіе теорію дѣлаютъ это не иначе, какъ на основаніи теоріи же, только собственной, выведенной изъ того, что они видѣли, слышали или читали: слѣдовательно несостоятельна и неприложима къ практикѣ не теорія, а односторонняя теорія. И нельзя не замѣтить, что большинство теорій исключительно практическихъ людей именно и страдаетъ односторонностью: выведенная обыкновенно изъ ограниченнаго числа случаевъ, лично испытанныхъ практическимъ человѣкомъ, она только и примѣнима къ этимъ или имъ подобнымъ случаямъ, а между тѣмъ извѣстно, что случаи повторяются рѣдко. Практикъ-теоретикъ, строющій свои выводы исключительно на личномъ опытѣ, смотритъ всегда назадъ; онъ расположенъ дѣй-

твовать въ будущемъ «по примѣру прошлыхъ лѣтъ», принимая, конечно, тѣ лѣта только, которыя ему извѣстны.

Напоминать ту простую вещь, что человѣкъ ничего не дѣлаетъ иначе, какъ на основаніи извѣстной мысли, родившейся предварительно въ его головѣ, даже немножко совѣстно въ наше время,— до такой степени это каждому должно быть извѣстно; но необходимо напомнить эту истину, чтобы обратить вниманіе благосклоннаго читателя на слѣдующій вопросъ: откуда же эта мысль возникла въ головѣ у человѣка прежде, чѣмъ стала принципомъ поведенія его въ извѣстномъ случаѣ? возникла она, какъ выводъ изъ фактовъ, предшествовавшихъ и приведшихъ человѣка къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ нужно поступить такъ, а не иначе. Вотъ уже и теорія, какъ неизбѣжный спутникъ и начало человѣческихъ дѣйствій, малыхъ и самыхъ крупныхъ. Понятно, что чѣмъ изъ большаго числа фактовъ теорія выведена, т. е. чѣмъ болѣе сторонъ даннаго дѣла принято въ ней въ разсчетъ, тѣмъ она болѣе будетъ соотвѣтствовать своей цѣли—служить человѣку принципомъ поведенія въ будущемъ, тѣмъ свободнѣе она будетъ отъ «примѣра прошлыхъ лѣтъ», тѣмъ рѣже будетъ падать ницъ передъ всякимъ новымъ явленіемъ, не разобравъ его сущности: однимъ словомъ, тѣмъ она будетъ практичнѣе.

Понимается само собою, что теорія, основанная не на одномъ личномъ опытѣ, а и на такъ называемомъ опытѣ вѣковъ, должна быть разностороннѣе, чѣмъ основанная только на личномъ опытѣ.

Утверждая это, мы разумѣемъ конечно людей, способныхъ открывать въ читаемомъ руководящія мысли, а не останавливающихся на какой-нибудь случайности и на ней строющихъ теорію. Слова нѣтъ, бываютъ такіе и между чистыми теоретиками; но и практики въ этомъ не выше: вѣдь этимъ послѣднимъ принадлежитъ, напримѣръ, созданіе знаменитой теоріи, объяснявшей побѣды Фридриха косами, пудрою, тихими учебными шагами и т. п.

Что лучше: практика-ли Бенедека, отказывавшагося отъ войны въ Богеміи на томъ основаніи, что онъ не знаетъ ни края, ни арміи прусаковъ, между тѣмъ, какъ итальянскую выучилъ,—или теорія Мольтке? Кто практичнѣе: практики-ли, упиравшіеся изо всѣхъ силъ и во всѣхъ концахъ Европы противъ принятія скорозаряжаемыхъ ружей до 1866 года,—или же прусскіе теоретики, принявшіе эти ружья, не взирая на то, что «по примѣру прошлыхъ лѣтъ» таковыхъ не полагалось? Рѣшимость чисто теоретическая, а между тѣмъ, практичность ея кажется довольно доказана 1866 и 1870 годами.

Практика выше теоріи, какъ и вообще жизнь выше мысли; но теорія составляетъ основаніе практики — и послѣдняя сказывается болѣе или менѣе намъ на пользу, въ зависимости отъ того, на сколько первая здрава, т. е. многосторонняя. Новые факты не отрицаютъ здравой теоріи, а только дѣлаютъ въ ней поправки, подобно тому, какъ это, напримѣръ, дѣлается въ дѣльно выведенныхъ эмпирическихъ формулахъ, вслѣдствіе новыхъ опытовъ, не измѣняя всей формулы.

Правда, нельзя не признать и того, что практика, особенно въ родѣ потрясающемъ — въ родѣ, напримѣръ, военной — до такой степени сильно дѣйствуетъ на воображеніе, что случайная обстановка факта часто принимается за нѣчто постоянное людьми впечатлительными, — и они усиливаются возвести эти случайности въ принципъ, построить на нихъ однѣхъ теорію, иногда даже не взирая на то, что здравыя теоретическія начала подобнымъ впечатлительнымъ людямъ бываютъ довольно хорошо извѣстны.

Все это невольно приходитъ въ голову при чтеніи двухъ лучшихъ *) догматическихъ сочиненій, вызванныхъ послѣднею войною; разумѣемъ: «Выводы по Тактикѣ» Б. и «Бой на основаніи теоретическаго изученія и опытовъ войны» К. ф. В. Оба автора видѣли войну, видѣли, слѣдовательно, смерть; и судя по тому, какъ пишутъ о видѣнномъ, думать надобно, что не смигнувъ заглянули ей въ лицо. Оба они и теорію знаютъ: разница только въ томъ, что К. ф. В. болѣе переварилъ теорію, чѣмъ Б., у котораго всѣ основныя положенія теоріи на лицо, но повидимому, еще не сознана относительная сила и смыслъ ихъ во всю ширь и глубину. И оттого у Б. противорѣчія; оттого одинъ тонъ въ началѣ, другой въ концѣ книги; оттого, наконецъ, основныя начала теоріи военнаго искуства не положены въ ней краеугольнымъ камнемъ, а являются какъ то вскользь и мимоходомъ. Допуская уподобленіе, можно сказать, что блескъ драгоцѣннаго камня ему уже доступенъ, но отъ блеска поддѣльнаго опъ его еще не отличаетъ и зачастую предпочитаетъ послѣдній первому. Не то у К. ф. В.: основное теоретическое и давно доказанное начало, разъ выставленное, не забывается до конца трактата и не меркнетъ во вниманіи автора передъ призрачнымъ блескомъ какой-нибудь новинки, столь же мимолетной, какъ и тѣ случайности, которыя ее вызвали, и явленія послѣдней кампаніи получаютъ у него должную

*) Не знаю лучшія ли они безусловно; но они лучшія изъ тѣхъ, которыя были намъ доступны.

рѣнку по существу своему, а не по преходящей формѣ, въ которой они проявились.

Этимъ объясняется и различіе характера сочиненій: если для . разсыпной строй является правиломъ въ бою, а сомкнутый исключеніемъ,—для К. ф. В. и тотъ, и другой равно необходимы; и дѣло не въ томъ, какой изъ нихъ употребляется, но ъ томъ, какъ, гдѣ, для чего и противъ кого употребляется; ли для Б., атака иначе какъ съ охватомъ немыслима, — я К. ф. В. мыслима и съ охватомъ, и прямо въ лобъ: все ло въ обстановкѣ, при которой приходится атаковать. Ему и ъ голову не придетъ налегать на трудности, представляемыя ронтальной атакой, ибо это дѣло праздное: разъ достигнуть цѣли ельзя иначе, какъ фронтальной атакой, нужно думать не о томъ, рудна она или нѣтъ, а о томъ, чтобы произвести ее въ условіяхъ, наиболѣе сулящихъ успѣхъ. Онъ даже доходитъ—страшно ымолвить!—до того, что если непріятель закрытъ, а вы наступаете открыто, то не только можно, а должно прямо бросаться ъ штыки... Онъ, если вспомнитъ объ афоризмѣ Суворова: «пуля ура, штыкъ молодецъ», то затѣмъ, чтобы признать, что теперь уля только не дура, но не утверждаетъ, что она ужь совсѣмъ тала умною *). Однимъ словомъ, всему свое мѣсто и значеніе; о внутреннимъ свойствамъ, а не по послѣднимъ непродуманнымъ впечатлѣніямъ. У него не выходитъ по пословицѣ: «что ни опъ, то батька», а на оборотъ, у него только тотъ попъ, кто батька.

IV.

Въ сочиненіи Б. поражаетъ прежде всего невыдержанность она: въ первыхъ главахъ онъ, очевидно, старается стоять исключительно на точкѣ зрѣнія очевидца. не давая отъ себя выводовъ и предоставляя читателю сдѣлать ихъ; но, по мѣрѣ азвитія труда, онъ забываетъ принятую роль и обращается въ амаго исключительнаго догматика, ничего не признающаго, кромѣ азсыпного строя и охватовъ. Конечно, какъ человѣкъ знакомый ъ теоріей, и притомъ талантливый, онъ не зарывается, подобно ѣмъ узкимъ натурамъ, которыя, увлекшись какой нибудь идейкой ли фактомъ, строютъ на немъ всѣ свои измышленія, ничего не идя и не признавая, кромѣ излюбленнаго конька: но возвраты втора къ здравой теоріи не только не примиряютъ съ увлеченіями го, а, напротивъ, еще рѣзче ихъ оттѣняютъ.

*) Замѣчательно, что мысль, выраженную Суворовымъ въ образно-лаконической формѣ, повторяетъ, какъ великую истину, и самъ К. ф. В., только разъмѣется въ другихъ выраженіяхъ.

Вторую часть *) своего труда авторъ начинаетъ очеркомъ тѣхъ взглядовъ и мнѣній, которымъ подала поводъ кампанія 1866 года. Всѣ тѣ шатанія мысли, которыя неизбѣжны при объясненіи военныхъ явленій, если только упускается изъ виду человѣкъ съ его сильными и слабыми сторонами, какъ въ зеркалѣ, отразились въ этомъ очеркѣ.

Тутъ все есть: и предложеніе принаравливать такъ, чтобы заставлять противника наступать, а самимъ его разстрѣливать; и предложеніе подтягивать войска (должно быть на старый ладъ), въ виду того, что они часто выпадали изъ рукъ начальниковъ; и предложеніе какой-нибудь одной спасительной формы строя и т. д., и т. д.: однимъ словомъ, все то, что и у насъ слишкомъ хорошо извѣстно каждому, интересующемуся этимъ вопросомъ.

Перечень этихъ взглядовъ авторъ заканчиваетъ коротенькимъ указаніемъ на оффиціальную инструкцію, въ которой на первый планъ выдвинуты:

1) Наступательныя дѣйствія, какъ вѣрнѣйшій путь къ успѣху;

2) Огонь съ близкихъ разстояній.

Но рядомъ съ этой инструкціей стоялъ устарѣлый уставъ, и авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ равной силѣ существовали для войскъ двоякія правила: одни для плаца, другія для маневровъ. Случай нерѣдкій, хотя въ прусской арміи менѣе опасный, чѣмъ гдѣ-либо, благодаря уровню развитія офицеровъ.

Во второй главѣ авторъ касается организаціи армій для военнаго времени, не останавливаясь на зависимости ея отъ организаціи мирнаго времени, а разобравъ только вопросъ о соотвѣтственности подраздѣленія въ наше время большихъ силъ на арміи. Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что эта новая инстанція между корпусомъ и верховнымъ командованіемъ, при большихъ силахъ, облегчаетъ роль этого послѣдняго, не можемъ однакожъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что положеніе командующаго арміей на столько высоко и самостоятельно, что къ подчиненію безусловному мало располагаетъ. Наконецъ, нельзя и то упускать изъ виду, что людямъ, достигшимъ подобнаго положенія, на войнѣ предстоитъ рискъ много терять и мало выигрывать. Все это, скажемъ прямо, освобождаетъ, во-первыхъ, человѣка отъ тѣхъ стержекъ, которыя существуютъ для низшихъ ступеней военной

*) Первая представляетъ историческій очеркъ, разборъ котораго былъ бы для нашей цѣли безполезенъ.

рархіи; во-вторыхъ, не располагаетъ къ отважнымъ рѣшеніямъ. сякій изъ собственной жизненной практики знаетъ, что гораздо зопаснѣе ничего не дѣлать, чѣмъ потерпѣть неудачу хотя бы въ самомъ лучшемъ предпріятіи. Взглядъ этотъ не утѣшителенъ,) думаемъ, что справедливъ. Онъ приводитъ къ тому заключенію, о для стройнаго направленія нѣсколькихъ армій верховнымъ авнокомандующимъ, мало между нимъ и главнокомандующими язи, устанавливаемой военными законами; и намъ кажется, что здѣленіе на арміи возможно только при томъ условіи, когда рховный вождь арміи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и глава государ-ва. Если это не всегда дастъ успѣхъ (который, какъ извѣстно, условливается не одной какой-либо, а совокупностью при-нъ), то устранитъ по крайней мѣрѣ возможность тѣхъ вред-ихъ столкновеній, печальный примѣръ коихъ давали наполео-вскіе маршалы, особенно въ войну на Пиренейскомъ полу-тровѣ.

Въ этой же главѣ авторъ упоминаетъ объ отношеніи силъ отивниковъ. Съ первыхъ же дней прусаки имѣли 440,000 на 70,000 французовъ—отношеніе, объясняющее успѣхъ прусаковъ раздо проще, чѣмъ то кажется ихъ безусловнымъ поклонникамъ. ы не отвергаемъ нисколько при этомъ значенія устройства, обу-нія, педантическаго порядка, исполнительности; но не можемъ высказать, что принципъ этого успѣха все же преимущественно атеріяльный. Если искусство, по опредѣленію Наполеона, заклю-ается въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ умѣть быть силь-ѣе противника, то прусаки построили свою военную систему на мъ, чтобы на каждомъ пунктѣ и всегда быть сильнѣе про-ивника.

Окончивъ съ организаціею, авторъ переходитъ къ бѣглому черку кампаніи. Въ этомъ очеркѣ онъ, между прочимъ, затро-иваетъ вопросъ о партизанахъ и ополченіяхъ, формируемыхъ во ремя войны, ставя тѣхъ и другихъ внѣ международнаго права, а томъ странномъ основаніи, что хотя каждый гражданинъ и мѣетъ право защищать отечество, но будто бы только въ ря-ахъ арміи и защитниковъ, призванныхъ правитель-твомъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ авторъ отдалъ реимущество не болѣе справедливому, а болѣе удобному для русаковъ рѣшенію. Если между регулярными арміями обязательно облюденіе нѣкоторыхъ положеній такъ называемаго международ-аго права, то для поселянъ, относительно которыхъ война вляется отрицаніемъ всякаго права, этой обязательности, ко-ечно, признать нельзя. Какія у поселянина могутъ быть сдѣлки

съ тѣмъ, кто посягаетъ на его очагъ? И мы полагаемъ, что самъ авторъ такъ бы поставилъ вопросъ, если бы рѣчь шла о войнѣ въ предѣлахъ Пруссіи и о прусскихъ поселянахъ; почему и думаемъ, что насчетъ этого предмета у него два вѣса и двѣ мѣры: одна для чужихъ, другая для своихъ.

Утверждая это, мы не думаемъ приходить въ сентиментальное негодованіе противъ грабежа, жестокостей и репресалій, неминуемо сопутствующихъ войнѣ, но возстаемъ противъ лицемѣрія, противъ попытки прикрыть все это яко бы благовидными объясненіями. Если грабили, жгли, вѣшали, разстрѣливали, потому что это вамъ было нужно, то слѣдуетъ это и признать прямо и честно, а не пускаться въ разсужденія о правѣ тамъ, гдѣ царитъ одно право силы. По нашему, и нѣмцы были правы, позволяя себѣ насилія и жестокости съ побѣжденными; и французы были правы, пытаясь—весьма слабо впрочемъ—имъ за это отплатить.

Авторъ заключаетъ главу сравненіемъ относительнаго достоинства армій, съ которыми прусакамъ пришлось имѣть дѣло: императорская армія—наемная армія, вслѣдствіе примѣненія системы замѣщенія въ обширныхъ размѣрахъ; армія республики—импровизированное ополченіе. Само собою разумѣется, что ни та, ни другая не могли устоять противъ арміи народной, сплоченной въ одинъ стройный организмъ строго-систематической и настойчивой подготовкой. Къ этому нужно прибавить, что армія императорская, сверхъ сказаннаго, страдала еще отсутствіемъ дисциплины и пониманія долга въ высшемъ командномъ кадрѣ. Обвиненіе это тяжко, но въ справедливости его упрекнуть едва ли можно, припомнивъ Фальи, неидущаго на помощь Макъ-Магону послѣ троекратнаго о томъ подтвержденія; припомнивъ Базена, который, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, думаетъ не о побѣдѣ надъ нимъ, а о достиженіи какихъ-то другихъ цѣлей, хотя бы то и цѣною позора ввѣренной ему арміи; припомнивъ, наконецъ, и то, что онъ не встрѣтилъ своему позорному поведенію ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны маршаловъ и генераловъ, имѣвшихъ съ нимъ въ Мецѣ столь же недолгое, сколь и безславное сидѣнье.

И вышло въ концѣ концовъ, что армія, подготовленная экс-императоромъ, какъ онъ думалъ, въ видахъ династическихъ, погубила и династію, и Францію: примѣръ поучительный и доказывающій не въ первый разъ ту простую мысль, что армія только тогда исполняетъ свое назначеніе, когда изъ нея стремятся сдѣлать возможно болѣе совершенное оружіе вообще, а не въ ви-

ихъ либо спеціальныхъ и своекорыстныхъ видахъ. Странная судьба французовъ: провозгласить первыми принципъ общеобязательной повинности; отказаться отъ него съ объяснимою, но роковою легкостью,—и испытать разгромъ отъ арміи, основанной на этомъ самомъ принципѣ....

Послѣ разсужденія о различныхъ системахъ организаціи авторъ съ совершенно понятною гордостью замѣчаетъ, что «одна лишь германская система, организованная народная армія—способна въ настоящее время не только выставить массы, но сдѣлать изъ нихъ дѣйствительныхъ солдатъ и быстро бросить ихъ на театръ войны». Заканчиваетъ онъ свою тираду увѣренностью, что въ слѣдующей войнѣ прусаки побѣдятъ и народное войско, если не ослабнетъ ихъ настойчивость, тотъ спартанскій духъ, который побуждаетъ ихъ народъ охотно нести тяжелое бремя, и если они останутся на высотѣ тактическаго образованія.

Да, конечно; кто же себѣ зла желаетъ? Замѣтимъ только, что это лучшая и самая логическая система для обороны; но, кажется, далеко то время, когда прусаки думали только объ оборонѣ. Примѣняемая же часто съ цѣлью наступательною, она рано или поздно приведетъ къ тому же, къ чему привела уже разъ въ наполеновскую эпоху: къ полному истощенію народныхъ средствъ. Притомъ эта система «линейная», т. е. безъ резерва, въ обширномъ смыслѣ слова: она вся разсчитана на то, чтобы сразу подавить противника численнымъ перевѣсомъ и окончить кампанію по возможности въ кратчайшій срокъ; всякая затяжка войны отражается при этой системѣ самымъ болѣзненнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ народной жизни. Понятно, что она давала несомнѣнный перевѣсъ, пока, кромѣ прусаковъ, никто къ ней не прибѣгалъ; но теперь всѣ ее принимаютъ....

Полагаемъ также, что гоньба за количествомъ, даже и при самой настойчивой и усиленной работѣ, все же бываетъ въ ущербъ качеству; это подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ многихъ писателей, что войска расплываются въ бою. Если это явленіе повторяется при превосходномъ корпусѣ офицеровъ на столько часто, что нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ и Б., расположены принимать его даже за нормальное и неизбѣжное при нынѣшнемъ вооруженіи, то чего же можно ожидать въ случаѣ ощутительной убыли въ этомъ корпусѣ?

Въ третьей главѣ, озаглавленной «общія замѣчанія о веденіи боя» авторъ выставляетъ руководящими началами дѣйствій прусаковъ въ 1870 году слѣдующія: близкій огонь пѣхоты, охваты,

стягиваніе артиллеріи въ сильныя батареи; самостоятельность начальниковъ, нестѣсняемыхъ мелочными инструкціями въ достиженіи указанной имъ цѣли. Все это авторъ пока излагаетъ повѣствовательно, ничего не возводя въ теорію; онъ разсказываетъ что было, не предрѣшая вопроса о томъ, какъ должно быть и будетъ. А относительно способовъ направленія атаки онъ вовсе не отдаетъ безусловнаго предпочтенія атакѣ съ охватомъ.

Такъ, хотя авторъ и говоритъ, что въ 1870 году въ тактикѣ германской арміи стоялъ принципъ: атака съ фронта трудна—нужно брать съ фланга; но онъ тотчасъ же прибавляетъ что выше его стояло другое начало: «самостоятельность начальниковъ, сознававшихъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они должны сами рѣшаться, сообразуясь съ потребностями и обстановкою минуты».

Кажется, ясно; атакуй съ охватомъ, если можно; а нельзя—бери съ фронта: имѣй въ виду возможно удобное, а дѣлай возможное. Подобную постановку вопроса мы понимаемъ; она не можетъ сбить съ толку никого, кромѣ развѣ тѣхъ, которые не дочитываютъ фразу до конца, если имъ начало слишкомъ ужъ понравится.

Какъ изслѣдователь понимающій дѣло, онъ не увлекается,—въ началѣ своего труда,—фактами, почему либо бросившимися ему болѣе другихъ въ глаза, до забвенія всѣхъ прочихъ: онъ удѣляетъ первымъ широкое мѣсто, но и фактовъ менѣе заманчивыхъ не пропускаетъ. Такъ, намѣтивъ сноровку охвата, подтвердивъ многочисленными примѣрами, до какой степени она имѣла частое примѣненіе въ 1870 году, онъ все же не забываетъ упомянуть, что «очень часто, послѣ артиллерійскаго боя, германцы атаковали центръ французовъ, не ожидая содѣйствія фланговыхъ корпусовъ.... Этотъ образъ дѣйствій часто критиковали, указывая на жертвы съ нимъ сопряженныя; но при этомъ забываютъ, что атака съ фронта есть часто единственное средство заставить противника принять сраженіе, отъ котораго онъ могъ бы уклониться».... Къ этому нужно прибавить, что Б., разсуждая о кампаніи 1870 года, естественно имѣлъ въ виду только тѣ побужденія, которыя руководили дѣятелями именно этой кампаніи: онъ и выставляетъ только одну главную причину, дѣлавшую въ теченіе ея атаки съ фронта неизбѣжными. Но мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что, при надобности, онъ насчиталъ бы, и даже много, случаевъ, въ которыхъ атака съ фронта предпочтительнѣе атаки съ фланга, напримѣръ: равенство силъ при бдительности и предпріимчивости противника; позиція, обходъ которой сопряженъ

затрудненіями; необходимость дорожить временемъ, и потому предпочитать прямой путь, хотя бы то и цѣною бо́льшихъ пороть, окольному, и т. п.

Собственно говоря, прусаки въ послѣднюю кампанію не могли не охватывать: не вслѣдствіе оружія, но потому что это было для нихъ единственное средство воспользоваться своимъ громаднымъ перевѣсомъ въ силахъ, вслѣдствіе котораго ихъ фронтъ всегда долженъ былъ выйти длиннѣе непріятельскаго. А если къ тому пассивность противника и почти полное отсутствіе съ его стороны сторожевыхъ мѣръ на флангахъ, то само собою станетъ ясно, что то, что прусаки дѣлали по необходимости, вмѣстѣ съ тѣмъ должно было дать имъ и блистательные результаты. Послѣ этого кажется ясно, что выводъ, слѣдующій изъ сказаннаго, не тотъ, будто теперь иначе какъ съ охватомъ и атаковать нельзя, но тотъ только, что, идучи съ 440,000 на 270,000, не только можно, но даже необходимо охватывать, дабы воспользоваться своимъ перевѣсомъ въ силахъ.

Говоря объ охватахъ, авторъ не могъ не упомянуть и о противодѣйствіи имъ; съ этого мѣста, сколько мы могли замѣтить, начинается въ его книгѣ поворотъ отъ правильнаго и разностороннаго разбора фактовъ въ сторону предпочтительныхъ формъ и односторонних нормъ. «По старымъ тактическимъ правиламъ, лучшее противодѣйствіе обходу заключается въ рѣшительномъ ударѣ сосредоточенныхъ силъ на одинъ пунктъ боевой линіи противника, по необходимости растянутой. Но 1866 годъ уже доказалъ (?), что это въ настоящее время не такъ легко выполняется, ибо огнестрѣльное дѣйствіе неизмѣримо усилилось, вслѣдствіе чего прямыя атаки представляютъ большія затрудненія и требуютъ много времени, которымъ непріятель можетъ воспользоваться для усиленія атакованной части своей линіи. Этимъ-то обстоятельствомъ и потверждается цѣлесообразность тактики охватовъ». Не правда ли, странно слышать все это отъ человѣка, только что признававшаго фронтальныя атаки за единственное дѣйствительное средство въ иныхъ случаяхъ? Такимъ то образомъ авторъ, самъ того не замѣчая, съѣзжаетъ на универсальный рецептъ для успѣха въ бою: обходи и побѣда твоя. И замѣчательно, что какъ только человѣкъ, даже самый логическій, попадаетъ на дорогу коньковъ, онъ начинаетъ приводить аргументы самые нестоятельные, при мало-мальски внимательномъ ихъ разборѣ; а ему кажется, что именно этими аргументами онъ и утверждаетъ своего конька на пьедесталѣ всепримѣняемости и неодолимости. Во первыхъ, 66-й годъ ничего не доказалъ въ отношеніи

недѣйствительности фронтальной атаки, ибо въ теченіе его мы не припомнимъ ни одной серьезной попытки со стороны австрійцевъ къ переходу въ наступленіе значительными силами; да если бы и былъ такой переходъ, то неудачу его правильнѣе, намъ кажется, объяснять неспособностью австрійцевъ доводить атаку до конца и нелѣпой привычкой смѣнять войска, пущенныя въ бой *); во вторыхъ, огнестрѣльное дѣйствіе «неизмѣримо» усилилось не для одного обходящаго, но и для противодѣйствующаго обходу; въ третьихъ, если прямая атака требуетъ много времени, то обходъ требуетъ его еще болѣе. Слѣдовательно, цѣлесообразность тактики охватовъ подтверждается, въ противность автору, не этими соображеніями, а тѣмъ, что уже объяснено выше, т. е. значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ: если его не будетъ, то и охватовъ въ большей части случаевъ не будетъ; развѣ противникъ слишкомъ ужъ будетъ плохъ.

Какъ обыкновенно бываетъ, человѣкъ логическій не дѣлаетъ скачковъ, а зарывается исподоволь въ односторонность: онъ не можетъ совершенно забыть здравыхъ началъ, и потому отъ времени до времени къ нимъ возвращается, но чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ рѣже и мимоходомъ только о нихъ вспоминаетъ. Этимъ путемъ слѣдуетъ и нашъ авторъ. Такъ, разбираемую главу онъ заканчиваетъ общими выводами, съ вѣрностью которыхъ нельзя не согласиться, если на нихъ смотрѣть какъ на сводъ того, что дѣлалось въ кампанію 1870 года, но которые должно принять съ ограниченіями, какъ принципъ для поведенія въ будущемъ.

Вотъ эти выводы:

1) Главный ударъ направляется во флангъ непріятеля, съ тѣмъ, чтобъ раньше или позже атаковать его центръ.

Фридрихъ, Наполеонъ дѣлали тоже, при соотвѣтственной обстановкѣ. Фронтальная атака и прежде была не легка: подтвержденіе — Прейсишъ-Эйлау и Бородино. При громадномъ перевѣсѣ въ силахъ, охватъ лучшее средство этимъ перевѣсомъ воспользоваться. Но не только при равенствѣ, а даже при незначительномъ перевѣсѣ въ силахъ, за такой охватъ жестоко можно поплатиться, если противникъ сколько нибудь предпріимчивъ и думаетъ о томъ, что у него дѣлается на флангахъ.

*) Исключеніе изъ этого составляетъ атака Габленца подъ Траутенау: она была фронтальная и удалась же.

Наступленію, въ инствѣ случаевъ, ествуетъ сильная овка артиллеріею.

Начало это выражено правильно, ибо введена оговорка, что это не всегда такъ бываетъ. Между тѣмъ уже успѣло сформироваться ошибочное мнѣніе, будто артиллерія, и притомъ сразу, въ большихъ массахъ, всегда и вездѣ начинаетъ бой.

Полное развитіе оваго боя.

Элементъ не новый, но степень развитія его представляетъ данную новую, происходящую столько же, если не болѣе, отъ нарѣза, какъ и отъ заряжанія съ казны; ибо скорая стрѣльба возможна только съ ближнихъ разстояній; а стрѣльбу мѣткую и дальнюю далъ нарѣзъ, а не заряжаніе съ казны. Предположивъ примѣненіе заряжанія съ казны къ гладкоствольнымъ ружьямъ, не получимъ развитія стрѣлковаго боя.

Дѣятельность ка- и ограничена.

Болѣе ли менѣе удачное употребленіе этого рода оружія зависѣло, зависитъ и будетъ зависѣть отъ качествъ начальниковъ: есть Зейдлицы, Циттены, Ласали, Мюраты, Платовы—она дѣлаетъ чудеса; нѣтъ ихъ—она ничего не дѣлаетъ. Ибо дѣло для нея въ уловленіи даже не минутъ, а мгновеній,—на что мало способныхъ.

При оборонѣ хо- выборъ мѣстно- осредоточеніе ар- іи и цѣлесообраз- имѣненіе правилъ бы.

Все вѣрно, все подтверждаетъ извѣстныя истины.

рактеристика образа дѣйствій французовъ указываетъ только ie должно дѣлать; мы не разбираемъ ея, такъ какъ даже и ики до поспѣшныхъ выводовъ не найдутъ, вѣроятно, что и такъ слѣдуетъ дѣйствовать.

ереходя въ четвертой главѣ къ образу веденія боя каждымъ ь оружія въ частности, авторъ отличительными чертами дѣй- прусской пѣхоты выставляетъ: подходъ безъ выстрѣла къ узамъ на дистанцію ближняго огня, несмотря на дально- ность ихъ ружей, полную разсыпку боевой линіи—до того, случалось часто, что послѣ начала сраженія цѣлый

полкъ изъ бригады сражался разсыпаннымъ въ одну стрѣлковую цѣпь»; смѣшеніе, доходившее до того, что другъ подлѣ друга сражались люди не только разныхъ батальоновъ, но даже полковъ; отсутствіе рукопашныхъ схватокъ на мѣстахъ открытыхъ и весьма рѣдкое примѣненіе ихъ въ мѣстахъ закрытыхъ и пересѣченныхъ; почти полная невозможность примѣненія залповъ.

Что касается выдержки огня до ближней дистанціи, то это принципъ совершенно вѣрный для массъ и усвоенный прусскою арміею тверже и разумнѣе, чѣмъ любою изъ прочихъ европейскихъ армій; что же до остальныхъ явленій, нами перечисленныхъ, то, за исключеніемъ перемѣшиванія, неминуемаго тамъ, гдѣ признается поддержка, но не смѣна, мы ихъ причисляемъ къ разряду не совсѣмъ нормальныхъ и находимъ объясненіе имъ у самаго автора:

„Это безпорядочное движеніе впередъ, это опрокидыванье и безпорядочное, хоть и непродолжительное, отступленіе повторялось очень часто и служитъ несомнѣннымъ признакомъ того, что нашему образованію не достаетъ чего-то, что дѣлало бы возможнымъ въ бою сборъ по общему сигналу“.

На нашъ глазъ, въ подчеркнутой замѣткѣ, брошенной мимоходомъ, заключается объясненіе и самопроизвольныхъ разсыпокъ, и отсутствія штыковыхъ свалокъ, и отсутствія залповъ, и нерѣшительныхъ колебаній боя. Дѣло, кажется, ясно и просто: если сомкнутыя части таяли, то это происходило отъ того, что люди недостаточно были въ рукахъ у начальниковъ. Затѣмъ, нѣтъ сомкнутаго строя, не можетъ быть, конечно, и залповъ, не можетъ быть и настоящаго, какъ ему слѣдуетъ быть, натиска въ штыки. У французовъ люди еще менѣе были въ рукахъ у офицеровъ, огонь еще менѣе былъ дисциплинированъ, и расползаніе частей доходило до того, что, по свидѣтельству автора, достаточно было одной попавшей гранаты, чтобы батальонъ разсыпался; а безтолковая трескотня открывалась съ самыхъ безобразныхъ разстояній. Явленія эти одного порядка и одного происхожденія въ обѣихъ арміяхъ—разница между ними только въ степени.

И странно: давъ это совершенно вѣрное объясненіе разсыпки, авторъ, какъ бы забывъ его, говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что частыя колебанія служатъ характеристическимъ признакомъ разсыпного боя въ большихъ массахъ, такъ какъ теперешній пѣхотный бой ни чѣмъ инымъ быть не можетъ. Т. е., опять случайность, замѣченная въ двухъ кампаніяхъ и показывающая только недостатокъ подчиненія людей волѣ начальниковъ,—возводится имъ въ норму, отъ которой, по его мнѣнію, отступленія въ будущемъ

мыслимы. Можетъ ли быть чѣмъ инымъ пѣхотный бой или не жетъ—зависитъ отъ того, будутъ-ли люди въ рукахъ у начальниковъ болѣе, чѣмъ были въ прошлую кампанію.

Мы убѣждены въ томъ, что этого достигнуть можно, и доказательство нашему убѣжденію находимъ въ той же прусской арміи, гдѣ дисциплинировка огня (въ смыслѣ сбереженія его до ближнихъ дистанцій) достигнута же: хоть удержаться отъ огня, когда въ васъ стрѣляютъ и попадаютъ, труднѣе, чѣмъ держаться пѣстѣ; не видимъ причины, которая препятствовала бы и утвержденію дисциплинировки строя.

Способъ къ достиженію этой цѣли указываетъ самъ авторъ, объясняя какимъ образомъ пруссаки добились сбереженія огня. Описывая порядокъ приближенія нѣмецкой цѣпи къ противнику, онъ между прочимъ упоминаетъ, что успѣшному исполненію этого подхода много способствовало убѣжденіе, привитое людямъ, что, имѣя гольчатыя ружья, чѣмъ ближе подойдешь къ непріятелю, тѣмъ лучше. Вотъ въ чемъ вся разгадка: обращались къ человѣку, какъ къ существу способному думать, и онъ на это отвѣчалъ, какъ способный понимать что ему говорятъ. Если вы растолкуете человѣку, что выдерживать огонь выгоднѣе, нежели торопиться съ нимъ, то нужно, чтобы онъ былъ въ конецъ безтолковъ, чтобы дѣйствовать вопреки этой мысли и вопреки своихъ интересовъ; если вы ему втолкуете, что ударить на врага кучею выгоднѣе, нежели въ разсыпную, то не видимъ причины, съ чего бы онъ сталъ разсыпаться безъ приказанія, или же изъ разсыпного строя не пристроился бы къ кучѣ, быстро формирующейся для удара въ штыки. Это не только не противорѣчитъ инстинкту самосохраненія, какъ выдержка огня до ближнихъ дистанцій, а напротивъ, отвѣчаетъ ему—ибо въ кучѣ и на смерть идти веселѣе.

Прекрасный примѣръ настойчивости въ проведеніи помянутаго начала даетъ самъ авторъ: нѣсколько ниже онъ опять возвращается къ сбереженію огня и утверждаетъ, что открытіе его съ близкія разстоянія производило дѣйствіе неотразимое. Но какъ только, прибавляетъ онъ, допускали безпокойство, торопливость и открытіе огня съ большихъ дистанцій, дѣйствіе нашихъ стрѣловъ становилось слабѣе, и управленіе, какъ ходомъ боя, такъ и людьми, затруднительнѣе въ главный моментъ атаки». Поучительное дѣло, что если данную истину развиваютъ, такимъ образомъ, на всѣ лады, подтверждаютъ примѣрами; когда проводятъ ее въ занятіяхъ съ людьми,—невозможно допустить, чтобы эти послѣдніе ею не прониклись. И мы убѣждены, что достигнуть сохраненія сомкнутаго строя въ бою можно при меньшей настой-

чивости въ проведеніи его необходимости, нежели та, которая требуется для проведенія выдержки огня. Въ особенности это легко сдѣлать у насъ, такъ какъ очевидцы утверждаютъ, что нашъ солдатъ скорѣе любитъ сбиваться въ кучу, чѣмъ разсыпаться.

Въ заключеніе статьи, авторъ резюмируетъ образъ дѣйствій прусской пѣхоты такъ: на мѣстѣ стоять меньше, а больше двигаться впередъ; извлекать возможную пользу изъ огня и изъ мѣстности, избѣгать непріятельскаго фронта, а фланги его искать. Все это вѣрно, но это не все, ибо не достаетъ штыка: и рано или поздно, но будетъ доказано, что это односторонность. Охватъ же дѣло выгодное, но не всегда возможное *); должно прибѣгать къ нему при всякомъ удобномъ случаѣ: но нечего также приходить въ отчаяніе, если нельзя охватить, а должно помнить, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ брать въ лобъ. Противъ непріятеля, мысль котораго получила ту складку, что безъ хитростей и уловокъ взять нельзя, это будетъ самая хитрая хитрость, ибо именно этого онъ всего менѣе будетъ ожидать.

О кавалеріи авторъ говоритъ все старое; и это, по нашему мнѣнію, лучшее свидѣтельство того, что онъ смотритъ на нее вѣрно. Кавалерія—родъ войска несовершенствуемый; далѣе того, что было выработано естественно-возникавшими кавалеріями, въ ней пойти нельзя, а можно пойти только назадъ. Возможно легкое и отнюдь не бряцающее вооруженіе и снаряженіе; лошадь, изнутая въ продолжительныя движенія и въ сносливость въ кормѣ и уходѣ; въ образѣ дѣйствій на полѣ сраженія и на театрѣ войны—налетъ туда, гдѣ васъ не ждутъ, и тогда, когда васъ не ждутъ. Все, однимъ словомъ, въ выборѣ минуты,—при условіи превосходнаго состоянія матеріяльной части,—и въ способности обращаться, при нуждѣ, въ пѣхоту. Послѣднее условіе предполагаетъ обращеніе всей кавалеріи въ драгунъ, какъ настоятельную мѣру: конечно, по вооруженію и обученію, а не по формѣ одежды. И это еще разъ показываетъ, что залогъ усовершенствованія регулярныхъ кавалерій заключается въ приближеніи ихъ къ естественно возникшимъ во всемъ, кромѣ, конечно, сомкнутаго строя: казаки, какъ извѣстно, одинаково могутъ дѣйствовать пѣшкомъ и верхомъ, и у нихъ никогда и намека даже не было на то, чтобы были тяжелые, средніе и легкіе казаки.

Авторъ, отдавая должное службѣ кавалеріи внѣ боя, находитъ

---

*) Мы разумѣемъ здѣсь охватъ большихъ силъ; что же до охвата цѣпью непріятельской цѣпи, то онъ имѣетъ дѣйствительно частое примѣненіе въ мелкихъ дѣйствіяхъ, ибо способствуетъ концентрическому огню.

лько, что ее было слишкомъ много въ прусской арміи. Мы не здѣляемъ этого взгляда, и скорѣе согласились бы съ авторомъ, ли бы онъ сказалъ, что употребленію кавалеріи не было дано лжнаго развитія. Намъ кажется, что прусаки въ употребленіи придерживались рутинныхъ взглядовъ, не отпуская ее отъ ар-и. Никто не мѣшалъ, по низложеніи регулярныхъ французскихъ мій, сформировать изъ лишней кавалеріи нѣсколько крупныхъ ртизанскихъ отрядовъ и направить ихъ во всѣ концы Франціи: гда формированіе ополченій было бы весьма затруднено, и опас-сть, грозившая со стороны Орель-де-Паладина, можетъ и не зникла бы. Все дѣло въ томъ, что западные европейцы не при-кли еще рисковать кавалеріею въ той мѣрѣ, въ какой, по ея ойствамъ, ею можно и должно рисковать: въ какой, напримѣръ, о рисковали американцы, и не въ пустую рисковали. Въ про-вность мнѣнію автора, намъ кажется, что кавалерія есть тотъ дъ оружія, котораго на театрѣ войны нельзя имѣть довольно много, ли только употреблять его широко, отрѣшившись отъ рутинныхъ ычаевъ, оставшихся въ Европѣ еще со времени наполеонов-ихъ войнъ, не взирая на блистательные подвиги нашихъ парти-новъ.

Артиллеріи своей авторъ отдаетъ должную дань: уроками 1866 да она воспользовалась и настойчиво стремится выйти изъ той ховой замкнутости, въ которой находилась до сихъ поръ. Духъ русской артилеріи выказывается лучше всего той здоровой реак-ей противъ пустопорожней учености *) реакціей, которая въ ней зникла вслѣдствіе опытовъ войны, т. е. вызвана дѣломъ, а не ими либо фантазіями, какъ могло бы показаться партизанамъ ковой учености. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи ивести по этому поводу цитату изъ замѣчательной статьи Баум-ртена: «Недостатки организаціи прусской артилеріи» и проч. *):

„Артиллерійскіе офицеры „неизмѣримо“ отстали въ тактическомъ образованіи ъ своихъ товарищей другихъ родовъ оружія, вслѣдствіе того, что офицеръ „то дитъ на школьной скамьѣ, то онъ полевой артиллеристъ, то крѣпостной, то авительственный чиновникъ...» «Артилерія, какъ она существуетъ теперь, не ставляетъ оружія въ томъ смыслѣ, въ какомъ пѣхота и кавалерія; достиг-въ въ техническомъ отношеніи достаточнаго совершенства, въ тактическомъ разованіи и въ увѣренности своихъ дѣйствій она стоитъ далеко позади пѣхоты

*) Просимъ читателя обратить вниманіе, что мы говоримъ не противъ уче-ости вообще, а противъ пустопорожней только, т. е. той, которая у иныхъ тѣсняетъ здравый смыслъ и дѣлаетъ ихъ совершенно глухими къ требованіямъ изненной практики.

*) См. „Артилерійскій Журналъ“ № 4, 1872. Переводъ брошюры: „Die Schäden r Organisation der Preussischen Artillerie und Gedanken über deren Reorgani-tion von einem Artilleristen.“ Leipzig 1871.

и кавалеріи... «Причина этому отчасти заключается въ смѣшеніи полевой и крѣпостной артиллеріи, отчасти въ системѣ образованія первой: доведеніе до фокусничества искусства стрѣльбы и непримѣнимая ученость составляютъ главную цѣль занятій»....

«Я не постигаю, почему полевой артиллеристъ, какъ вождь своего оружія, долженъ обладать большею ученостью, большимъ знаніемъ математики, физики, химіи, и т. п., нежели вождь другаго оружія...» «Пусть спросятъ полеваго артиллериста, могъ ли онъ въ кампанію воспользоваться чѣмъ нибудь изо всего того винегрета, которымъ въ теченіе двухъ лѣтъ его питали въ артиллерійской школѣ... Артиллеристъ ведетъ свои орудія не при помощи высшей математики, но съ основательными практическими знаніями тактики».

Мы прекращаемъ выписки: статья такъ поучительна во всѣхъ отношеніяхъ, что изъ нея стоило бы выписать добрую половину. Замѣтимъ одно: армія, въ которой искренность обсужденія допущена въ такой мѣрѣ, притомъ на другой день послѣ успѣха—и какого успѣха! — не можетъ заснуть въ самодовольномъ покоѣ; и въ этомъ, болѣе нежели въ нѣкоторыхъ рутинныхъ привычкахъ, лежитъ залогъ того, что духъ, животворящій мертвую форму, отлетитъ отъ нея нескоро, и что у нея можно многому поучиться, если вникать въ смыслъ того, что въ ней дѣлается, а не останавливаться на мундирѣ, въ который облекается дѣлаемое.

Возвращаемся къ сочиненію Б. Отвага выѣздовъ и сосредоточеніе громадныхъ батарей составляли отличительныя черты дѣйствій прусской артиллеріи, въ противность французской, которая употреблялась въ раздробь, безъ общей связи и направленія. О картечницахъ авторъ, какъ и всѣ впрочемъ прусаки, невысокаго мнѣнія:

«Митральезы—настоящій продуктъ ново-французскаго направленія, прикрытаго блестящей внѣшней оболочкой; разсчетъ былъ основанъ на внезапности губительнаго дѣйствія; но противъ арміи, твердо рѣшившейся ничѣмъ не озадачиваться, а неуклонно напирать на врага, онѣ не достигали своей цѣли».

По нашему глубокому убѣжденію, въ этой послѣдней мысли, высказываемой авторомъ опять мимоходомъ, ключъ къ уразумѣнію причинъ побѣды и пораженія: какъ то, такъ и другое прежде всего въ головѣ и въ сердцѣ, а затѣмъ уже во внѣшнихъ проявленіяхъ, которыя составляютъ такъ-называемыя дѣйствія въ бою и на войнѣ. И намъ кажется, что авторъ измѣнилъ бы освѣщеніе многихъ мѣстъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, если бы сознавалъ, что въ этой мысли — корень успѣха или неудачи. Оцѣнивъ ее въ мѣру дѣйствительнаго ея значенія, онъ бы вѣроятно не сказалъ, что неодинаковость вооруженія пѣхоты дала въ 1866 году значительный перевѣсъ прусакамъ; не придалъ бы такого значенія разсыпному строю, охватамъ и многому иному, составляю-

ему тоже только матеріяльную сторону страшнаго дѣла борьбы ловѣческой.

Вѣдь австрійское ружье, если оно не такъ скоро стрѣляло, къ прусское, за то вѣрнѣе и дальше стрѣляло; слѣдовательно пе-вѣсъ скорозаряжаемости до нѣкоторой степени уравновѣшивался. сли на дѣлѣ это равновѣсіе было нарушено, то прежде и глав-ѣе всего потому, что австрійцы сами себя напугали ско-острѣльными ружьями; начальство ихъ, послѣ первыхъ не-ачныхъ столкновеній, было радо свалить свою вину хоть на ужья, и само первое содѣйствовало распространенію игольной ники, дававшей благовидный предлогъ оправдывать недостатокъ тойчивости и способность озадачиваться при всякомъ удобномъ неудобномъ случаѣ. Главный перевѣсъ поэтому былъ не въ русскомъ ружьѣ, а въ прусскомъ солдатѣ и въ прусскомъ офи-ерѣ надъ австрійскими; и что ружье тутъ немного прибавляло, ходимъ доказательство у автора, который самъ же говоритъ, о заряжаемое съ казны оружіе дѣлается страшнымъ только ъ рукахъ хорошо обученныхъ войскъ; слѣдовательно, дѣло нечно въ оружіи: но еще болѣе чѣмъ въ оружіи, дѣло въ томъ, о имъ орудуетъ.

Въ заключеніе этого отдѣла авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣ-аній насчетъ содѣйствія другъ другу разныхъ родовъ оружія. нъ признаетъ пѣхоту главнымъ родомъ оружія и совершенно новательно опровергаетъ ту ошибочную мысль, высказанную слѣ кампаніи 1866 года, будто теперь побѣду будетъ рѣшать лжное употребленіе и превосходство въ артиллеріи. Какъ ни лики были потери французовъ отъ прусскихъ разрывныхъ сна-адовъ, однако авторъ «не знаетъ ни одного примѣра, чтобы ка-е нибудь рѣшительные результаты достигались одной артиллеріею. аже обстрѣлянное со всѣхъ почти сторонъ плато окончательно лжно было быть очищаемо пѣхотною атакою». Отъ себя при-авимъ только, что сказанное авторомъ объ артиллеріи, какъ выс-ей представительницѣ огня по сравненію съ пѣхотою, вѣрно и о сравненію огня и холоднаго оружія въ самой пѣхотѣ, именно: ало обстрѣлять, а нужно еще взять. Доходитъ ли въ этомъ слѣднемъ случаѣ дѣйствительно до штыка, или нѣтъ — вопросъ относительныхъ свойствъ огня и штыка, а относительнаго стоинства противниковъ: непремѣнно доходитъ, если и тотъ другой не расположены «озадачиваться» съ легкостью и добствомъ.

Въ статьѣ о потеряхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія три казанія автора: 1) страшныя потери въ офицерахъ, объясняемыя

Авторъ признаетъ, во-первыхъ, что при началѣ блокады Меца французская армія могла дѣлать самостоятельныя попытки къ освобожденію; и если онъ говоритъ «могла», то слѣдовательно признаетъ, что могла и прорваться. Ему, какъ прусскому офицеру, болѣе и сказать было неловко: это значило бы говорить за чужихъ противъ своихъ. Но что авторъ не сомнѣвается въ возможности прорыва блокады, слѣдуетъ изъ того мѣста, гдѣ онъ чуть не съ презрѣніемъ говоритъ, что Базенъ сдѣлалъ только одну серьезную попытку прорваться *).

Кажется, ясно. Другой писатель говоритъ объ этомъ еще яснѣе.

„Значило бы наругаться надъ теоріей и практикой, если бы кто сталъ утверждать, что слишкомъ 150 тысячная армія, имѣвшая на своей сторонѣ величайшія выгоды мѣстности, но могла бороться съ блокадной арміей, разбросанной на большомъ пространствѣ и обязанной служить одновременно нѣсколькимъ цѣлямъ“. (Карлъ Альбани. Der Volkskrieg in Frankreich 1870—1871).

Изъ описанія автора видно также, что подвигъ прусской арміи подъ Парижемъ, хотя онъ и не бьетъ въ глаза, представляетъ высокій примѣръ той доблести, которая проявляется безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій, спокойно и неодолимо, какъ подобаетъ дѣйствительной силѣ. «Войска не только были утомлены и оставались постоянно въ напряженномъ состояніи отъ службы на передовыхъ постахъ, отъ военныхъ работъ и отъ всегдашней готовности къ отраженію вылазокъ, но, сверхъ того, никакая смѣна ихъ не могла быть и мыслима, такъ какъ въ продолженіе большей части блокаднаго времени вовсе не было никакого резервнаго корпуса». И такъ въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ! эти нѣсколько простыхъ строкъ—такой блистательный трофей для прусской арміи, какимъ она можетъ гордиться болѣе, чѣмъ всѣми остальными, полученными въ 1870 году. По крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ.

Въ этой же главѣ находимъ знаменитое положеніе: «тайна обложенія состоитъ въ томъ, что тотъ, кто идетъ на вылазку, отнюдь не можетъ взять во флангъ»; съ нимъ нельзя не согласиться, если блокада полная. Но заключеніе изъ сказаннаго положенія у автора совсѣмъ не то, которое поспѣшили вывести нѣкоторые изъ нашихъ домашнихъ тактиковъ: у нихъ вышло,

*) „Голодъ принуждаетъ Мецъ къ сдачѣ, послѣ того какъ старая французская армія сдѣлала всего одну настоящую попытку къ его освобожденію—а именно сраженіе при Нуасвилѣ. Остальныя вылазки нельзя считать серьезными предпріятіями, не смотря на сильныя частныя схватки“.

:о прорывъ блокады, вслѣдствіе невозможности охватывающей :аки, невозможенъ; а у Б.—что онъ только представляетъ ве-ікія затрудненія; а это отъ невозможности такъ же далеко, ікъ «да» отъ «нѣтъ».

Шестая и послѣдняя глава «Выводовъ по тактикѣ» богата ѣрными мыслями, перемѣшанными съ тѣми же самыми односто-ѣнними выводами, которые уже нами указаны и которые авторъ ѣторяетъ еще нѣсколько разъ *); такъ что сопоставленіе тѣхъ и ѣугихъ еще рѣзче обрисовываетъ увлеченія автора.

Съ первыхъ же почти словъ авторъ заявляетъ, что въ прус-:ой арміи укоренилось убѣжденіе, что «положенія на войнѣ бы-ѣютъ до того разнообразны, — усвоенный научный принципъ до ѣго противорѣчитъ тому, что происходитъ въ дѣйствительности; ікъ часто случается, что рѣшеніе, правильное въ одномъ мѣстѣ въ данныя минуты, никуда не годится при другихъ обстоятель-вахъ, — что поневолѣ приходится отказаться отъ желанія уста-ѣвливать правила, которыя пришлось бы на каждомъ шагу устра-ѣть и отрицать исключеніями». Мысль вѣрная, великолѣпно вы-азанная и богатая послѣдствіями! Она говоритъ, что теорія не лжна заниматься постановкою правилъ для дѣйствія, а только слѣдованіемъ свойствъ военныхъ элементовъ; она говоритъ, что ѣзъ въ практикѣ самозаконны и разумны какъ рѣшеніе положи-льное, такъ и рѣшеніе прямо ему противоположное, — въ зависимости ъ обстановки, — то это само собою предполагаетъ, что теорія еннаго искусства всѣ свои положенія въ окончательномъ выводѣ ѣиводитъ, какъ математика уравненія, къ нулю. Какъ уравненія , математикѣ, такъ и положенія теоріи военнаго искусства даютъ ногда положительный, иногда отрицательный выводъ; все дѣло въ ѣмъ, чтобы найти, когда который изъ нихъ примѣнить въ зави-ѣмости: отъ относительнаго положенія и состоянія войскъ своихъ непріятельскихъ, отъ мѣстности, случайностей.

Послѣ этого взгляда на теорію, который авторъ, повидимому, ікъ сознательно высказываетъ, мы въ правѣ ожидать отъ него ѣмого широкаго взгляда на формы и явленія боя, полной сво-ѣды отъ какихъ бы то ни было нормочекъ; ничуть ни бывало: ѣчти немедленно вслѣдъ за этимъ онъ начинаетъ проводить, что

*) Просимъ у читателя извиненія въ томъ, что будемъ повторяться; избѣг-ѣть этого было нельзя, ибо и разбираемый авторъ повторяется: и эти повто-ѣенія входятъ въ систему его аргументаціи, какъ ниже увидимъ. Слѣдовательно, ѣлею неволею, пришлось слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, и повторенію его обимыхъ коньковъ противопоставлять повтореніе основныхъ началъ, которымъ ѣи коньки противорѣчатъ.

теперь атака глубокими колоннами немыслима, что разсыпной строй составляетъ теперь правило, а сомкнутый исключеніе и т. под! Вѣдь если придется атаковать позицію въ родѣ той, которую пришлось атаковать при Лоди, то и самъ авторъ ничего, вѣроятно, не придумаетъ, кромѣ не только глубокой, но даже глубочайшей колонны. Что же касается до противоположенія сомкнутаго и разсыпного строя, то оно не имѣетъ практическаго смысла, такъ какъ они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга. Если авторъ признаетъ возможность атаки холоднымъ оружіемъ — а онъ это признаетъ,—то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ признавать и предпочтительность для дѣйствія имъ сомкнутаго строя передъ разсыпнымъ. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не батальоны уставнаго строя, даже иногда и не роты, а части ихъ, сомкнувшіяся въ кучи за мгновеніе передъ ударомъ. Нельзя понимать сомкнутый строй узкоуставнымъ образомъ: куча въ 10 человѣкъ, сплотившаяся и бросающаяся по импульсу одного, есть уже сомкнутый строй.

Различіе между сомкнутымъ и разсыпнымъ строемъ лежитъ прежде и главнѣе всего въ характерѣ командованія, а не во внѣшней формѣ; командованіе въ разсыпномъ строѣ есть собственно руководство, а не командованіе; командованіе въ сомкнутомъ захватываетъ всего человѣка—оно опредѣляетъ не только дѣйствія, движенія, но даже позу; человѣкъ не смѣетъ лечь, пока не прикажутъ; не смѣетъ не лечь, когда прикажутъ. Съ этой точки разомкнутый строй, будучи по формѣ разсыпнымъ, по духу долженъ быть сомкнутымъ строемъ; и этого можно добиться при указанной выше постановкѣ унтеръ-офицеровъ и старшихъ въ звеньяхъ.

Мы не понимаемъ также, почему авторъ, исповѣдующій начало выше сказанное, находитъ выраженіе «новое оружіе, старая тактика» такимъ софизмомъ? Въ чемъ разумѣть тактику? Если въ формахъ строя, то станетъ яснымъ до очевидности, что въ этомъ отношеніи новымъ будетъ только то, что хорошо забыто. Такъ, современный боевой порядокъ,—за исключеніемъ резерва, который тамъ былъ распредѣленъ по всей линіи, а у насъ сосредоточенъ,—ничѣмъ не отличается отъ порядка римскаго легіона той эпохи, когда единицею была манипула. Не ново тоже и поклоненіе огнестрѣльному оружію: при началѣ его введенія бывали также случаи, что части подъ артиллерійскимъ огнемъ или разсыпались, или бросались въ атаку слишкомъ рано и, разумѣется, бывали биты; затѣмъ понемногу привыкли и стоять подъ огнемъ, и бросаться въ атаку во-время. Затѣмъ реакція въ пользу огня шла вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ ручного огнестрѣльнаго оружія и обозначилась постепеннымъ утоненіемъ строя; высшаго своего раз-

витія она достигаетъ при Фридрихѣ. Но не прошло и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ вся несостоятельность увлеченія однимъ огнемъ, тонкими линіями и охватывающими порядками была доказана французами, благодаря гармоническому сочетанію огня и штыка; благодаря признанію духовныхъ свойствъ человѣка, т. е. пониманію того великаго начала, что побѣда гораздо болѣе зависитъ отъ рѣшимости ничѣмъ не озадачиваться и искренняго желанія сцѣпиться съ врагомъ, нежели отъ тѣхъ матеріальныхъ орудій, которыя служатъ для нанесенія ему внѣшняго вреда. И вотъ непрерывный тонкій строй, какъ исключительная боевая форма, забытъ, и никому въ голову не приходитъ толковать о всемогуществѣ огня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о формѣ строя, или о боевыхъ порядкахъ, получаетъ развитіе полное: боевыми строями, смотря по обстоятельствамъ, являются всѣ безъ исключенія, начиная съ цѣпи и кончая походной даже колонной (Арколе). Дальше такой постановки ученія о формѣ идти нельзя: можно пойти только назадъ. Форма становится также безконечно разнообразна, какъ сама обстановка боя, къ которой форма должна быть примѣнима. Тутъ нѣтъ мѣста какой-либо нормочкѣ; нѣтъ мѣста ни правиламъ, ни исключеніямъ, и озадачить людей, приготовленныхъ относиться такимъ образомъ къ формѣ, не представляется возможности, ибо нѣтъ такой формы строя, которой бы они не знали и не видѣли.

Но въ самомъ признаніи зависимости боевого успѣха отъ нравственной стороны лежало расположеніе не особенно налегать на стрѣльбу ни въ обученіи, ни въ употребленіи: французы кончили тѣмъ, что слишкомъ ужь положились на одинъ штыкъ. Это была односторонность, которая и показана французамъ на поляхъ Испаніи англичанами, незабывавшими стрѣльбы, но и отъ сближенія на дистанцію штыка неотказывавшимися.

Затѣмъ начинается затишье; въ теченіе его новое вино стали наливать въ старыя мѣха: духа наполеоновскихъ распорядковъ не приняли (да и не могли принять), но форму усвоили и начали примѣнять къ ней всѣ преданія фридриховскаго педантизма. Тѣ же колонны, тѣ же стрѣлковыя цѣпи, что и у Наполеона; только вытянутыя въ струнку, какъ у Фридриха. У Наполеона въ боевомъ порядкѣ значили полки, дивизіи; послѣ Наполеона фактически признаются не эти органическія подраздѣленія, а линіи; связь по перпендикулярному къ фронту направленію—единственно мыслимая въ наполеоновскомъ боевомъ порядкѣ—потеряна, и на мѣсто ея установлена связь по линіямъ, съ особыми начальниками линій, съ строжайшимъ равненіемъ тоже по линіямъ. Если

между боевою линіею и второю сохранялось еще какое-либо отношеніе, то оно выражалось однимъ только: именно тѣмъ, что баталіоны 2-й линіи обязаны были съ математическою точностью становиться въ затылокъ соотвѣтствующимъ баталіонамъ первой. О дѣйствіи обѣихъ линій вмѣстѣ и помину не было: впереди была или одна или другая—но никогда одна не бывала въ промежуткахъ другой, для совокупнаго дѣйствія. Долго бы, вѣроятно, это тянулось, если бы пріостановившееся послѣ желѣзныхъ шомполовъ усовершенствованіе ручного оружія снова не пошло въ ходъ съ сороковыхъ годовъ. Нарѣзъ и пуля, расплющиваемая на выступахъ каморы; пуля, раздающаяся на стержнѣ; пуля съ чашкою; заряжаніе съ казны. Параллельно тому, нарѣзы и впослѣдствіи заряжаніе съ казны въ артиллеріи: закружилась голова у тѣхъ, которые ни къ психической сторонѣ человѣка не внимательны, ни назадъ осматриваться не привыкли, или не могутъ. Опять поднимаются росказни о страшной силѣ огня; опять проповѣдь объ утоненіи строя, — на этотъ разъ уже не въ развернутую линію, а въ цѣпь безформенную и безпорядочную; опять отрицаніе штыка, а съ нимъ, разумѣется, и сомкнутаго строя. Но въ этомъ торжественномъ гимнѣ нарѣзу, конической пулѣ и заряжанію съ казны уже и теперь слышится грустная нотка: люди выпадаютъ изъ рукъ. Тотожъ и оно: не слишкомъ ли ужь перестарались? Тотъ кто своихъ людей держитъ въ рукахъ, навѣрное побьетъ того, кто своихъ не держитъ, хотя бы и уступалъ ему въ вооруженіи и подробностяхъ подготовки. Для стрѣльбы слѣдуетъ до нѣкоторой степени выпустить людей изъ рукъ: но нужно, чтобы вы ихъ выпускали изъ рукъ, а не чтобы они у васъ вываливались изъ рукъ. Человѣкъ, предоставленный собственной находчивости, собственной рѣшимости, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется и собственному инстинкту самосохраненія: разсыпавшихся много, глазъ за ними слѣдитъ мало, да и разстоянія большія; управленіе боемъ исчезаетъ. Приверженцы огня не договариваютъ, но само собою разумѣется, что боевая линія подобнаго рода рвется самыми небольшими, лишь бы сомкнутыми, частями.

Этотъ сюрпризъ ждетъ односторонникъ приверженцевъ огня и разсыпки, и не въ дальнемъ, можетъ быть, будущемъ. Все зависитъ отъ того, чтобы явились люди, которые уразумѣли бы, что если ихъ бьютъ на извѣстномъ разстояніи пулями, то выгоднѣе уничтожить это разстояніе и сцѣпиться на штыкъ, чѣмъ давать себя разстрѣливать. Первую степень осуществленія этой мысли дали сами прусаки въ послѣднюю войну, не конфузясь потерь на боп-

шихъ разстояніяхъ и сближаясь на вѣрную дистанцію своего ружья. Эта мысль въ высшемъ своемъ выраженіи требуетъ сближенія на дистанцію штыка *), которая вѣдь еще болѣе безопасна чѣмъ 300, 400 шаговъ.

Можетъ быть скажутъ: а потери? Потери всегда были и всегда будутъ: безъ нихъ цѣль не достигается. При томъ же ихъ считаютъ послѣ, а не во время боя; и дающіе тылъ совершаютъ это не вслѣдствіе потерь, а по своей охотѣ: ибо, какъ уже разъ замѣчено, бѣгаютъ здоровые, а не подстрѣленные. Да, наконецъ, тотъ фактъ, что самыя сильныя потери понесены въ бородинскомъ сраженіи, не показываетъ ли, что и онѣ не столько зависятъ отъ оружія, сколько отъ качества противниковъ?

Въ характеристикѣ современнаго боя, съ цѣлью показать его отличіе отъ боя наполеоновскаго, авторъ, обыкновенно ясно и рѣзко схватывающій различія, не достигъ своей цѣли: полагаемъ потому преимущественно, что усилился открыть болѣе различій, чѣмъ существуетъ въ дѣйствительности. Нравственныя отношенія, по крайнему нашему разумѣнію, очерчены въ этомъ случаѣ авторомъ даже неудовлетворительно. Онъ понимаетъ, что тайна побѣды въ упорствѣ, въ рѣшимости ничѣмъ не озадачиваться, а между тѣмъ приводитъ, будто послѣ введенія скорозаряжаемаго оружія выиграть наступательное сраженіе съ меньшими силами становится невозможнымъ даже при личномъ превосходствѣ начальника. Правда, онъ укрываетъ это странное мнѣніе за оговоркою, «если только войска противника въ другихъ отношеніяхъ не уступаютъ нашимъ»; но оговорка эта несостоятельна, ибо у хорошаго вождя войска непремѣнно будутъ по тому самому лучше, что онъ самъ хорошъ. Авторъ бывалъ въ дѣлѣ, и потому лучше насъ долженъ знать, что одна и та же часть, въ одинъ и тотъ же день, будетъ драться не одинаково подъ командою двухъ различныхъ начальниковъ; и если онъ упустилъ это изъ виду, то опять таки вслѣдствіе не совершенно осмысленнаго поклоненія силѣ огня. Итакъ, устранивъ на основаніи этихъ соображеній оговорку автора, окажется, что онъ ставитъ ни во что духъ войскъ и способности полководца, т. е., проповѣдуетъ чистѣйшій военный матеріализмъ, или исключеніе искусства и другихъ духовныхъ основъ успѣха массою, числомъ: какъ людей, такъ и выстрѣловъ.

Далѣе онъ утверждаетъ, что атака съ фронта сопряжена те-

*) Разумѣется съ подготовкой.

перь съ неисчислимыми затрудненіями, и потому не удается съ перваго удара: но вѣдь и въ наполеоновскій періодъ она была не легка, и тоже не часто удавалась съ перваго удара. Отсюда авторъ выводитъ необходимость удара во флангъ, что въ большинствѣ случаевъ возможно только при превосходствѣ въ силахъ. Положимъ и такъ; но если этого превосходства нѣтъ, тогда нужно отказаться отъ достиженія цѣли, не такъ ли *)? Если почему либо устроить охвата нельзя, то и атаковать нельзя? И такимъ то образомъ авторъ, зарываясь понемногу дальше и дальше, прописалъ одинъ опредѣленный рецептъ для побѣды, внѣ котораго, по его мнѣнію, нѣтъ спасенія. И это рядомъ съ признаніемъ той истины, что рѣшеніе, правильное въ одномъ мѣстѣ и въ данныя минуты, никуда не годится при другихъ обстоятельствахъ.... Вѣдь это начало равносильно въ примѣненіи ко всѣмъ безъ исключенія явленіямъ войны и боя, въ томъ числѣ и къ формамъ атаки!

Мнѣніе автора, будто преобладающій характеръ наполеоновскихъ сраженій, прорывъ центра — находитъ свое оправданіе вовсе не въ дѣйствіяхъ этого полководца, а въ томъ только, что подобный взглядъ утвердился послѣ Наполеона, вслѣдствіе неполнаго вниманія къ дѣлу изслѣдователей, совершенно вѣренъ, слѣдовательно авторъ и самъ сознаетъ, что Наполеонъ прибѣгалъ и къ прорыву, и къ охвату, т. е., въ лучшую эпоху его дѣятельности у него не было какой либо рутинной однообразной нормы для внѣшней формы атаки. А затѣмъ погрѣшности въ родѣ употребленія несообразно глубокихъ колоннъ **), въ родѣ попытки прорыва неразстроенныхъ линій пѣхоты массами кавалеріи, не могутъ считаться характеристическими чертами его тактики и давно уже признавались не употребленіемъ, а злоупотребленіемъ силъ. Фактъ давно признанный — Наполеонъ, будучи великимъ страте-

---

*) Къ этому нужно и то еще прибавить, что зачастую вопросъ о томъ, кто сильнѣе числомъ, рѣшается опредѣлительно только послѣ боя. Слѣдовательно, по автору выходитъ, что если этотъ вопросъ не рѣшенъ въ началѣ боя, то на бой нельзя и отваживаться; несообразность полная, ибо такимъ образомъ цѣли войны становятся чѣмъ то второстепеннымъ; между тѣмъ какъ на дѣлѣ онѣ до такой степени командуютъ всѣмъ остальнымъ, что иногда нельзя не дать боя, даже зная навѣрное, что непріятель насъ превосходитъ числомъ. Мы не говоримъ о томъ уже, что на дѣлѣ непріятель всегда кажется сильнѣе; и авторъ, самъ того не подозрѣвая вѣроятно, своими разсужденіями славно вистуетъ въ руку тѣмъ, которые ничего болѣе и не желаютъ, какъ найти благовидное оправданіе своей нерѣшительности.

**) Подъ Ваграмомъ и Ватерлоо; въ послѣднемъ случаѣ полагаемъ скорѣе по недоразумѣнію, чѣмъ по волѣ самаго Наполеона.

гомъ, не былъ нисколько великимъ тактикомъ, а о строевыхъ подробностяхъ войскъ, говорятъ, даже понятія не имѣлъ *).

Въ концѣ концовъ, къ чему же приводится различіе между тактикою нынѣшнею и наполеоновскою? къ тому, что тогда предѣломъ дробленія сомкнутаго строя въ бою считали батальонъ, теперь считаютъ роту; ружейный и пушечный огонь получилъ сильное развитіе, вслѣдствіе чего теперь бой начинается съ болѣе дальнихъ разстояній и приходится думать болѣе чѣмъ прежде о предохраненіи войскъ отъ огня, — но что и прежде объ этомъ нельзя было не думать, доказываетъ хоть бы Бородино, напримѣръ; бой до рѣшительной атаки обращается: для обороняющагося въ отстаиваніе стрѣлковыхъ позицій, для наступающаго—въ усиліе выбить изъ нихъ непріятеля. Это ведетъ къ развитію разсыпного строя, но вовсе не къ разсыпкѣ всей боевой линіи. Если подобная разсыпка имѣла мѣсто въ 1870 году, то это было такимъ же злоупотребленіемъ—только въ обратную сторону—какимъ были неповоротливыя колонны Ваграма и Ватерлоо; но, по нашему мнѣнію, хуже, ибо послѣднее произошло отъ ошибочныхъ взглядовъ начальства, между тѣмъ какъ первое—отъ неполнаго подчиненія подей начальству.... Затѣмъ все остальное, при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, не представляетъ ни малѣйшей разницы: и прежде охватъ производилъ потрясающее дѣйствіе при неожиданности, и теперь онъ его производитъ, но тоже при неожиданности—тутъ дѣло въ человѣкѣ, а не въ оружіи; и прежде было нелѣпо устремлять кавалерію на неразстроенную пѣхоту, и теперь это нелѣпо, и всегда такъ будетъ; и прежде бой изъ за обладанія мѣстными предметами былъ упоренъ, и теперь онъ такимъ будетъ. И прежде кавалерія играла большую роль при преслѣдованіи и теперь это будетъ, ибо для того, чтобы она имѣла успѣхъ, нужно чтобы пѣхота потеряла вѣру въ возможность сопротивляться. Изъ сказаннаго мы приходимъ къ тому убѣжденію, что за исключеніемъ безобразнаго развитія разсыпки, что считаемъ ненормальнымъ явленіемъ—въ формахъ тактики нынѣшней гораздо болѣе сходства чѣмъ разницы съ наполеоновской; что же до принциповъ—то даже и никакой разницы не видимъ. Она составляетъ только дальнѣйшее развитіе, но отнюдь не отрицаніе наполеоновской атаки,— подобно тому какъ эта послѣдняя была отрицаніемъ тактики Фридриха. По формѣ прусаки дѣйствительно приблизились къ фридри-

*) Извѣстенъ анекдотъ, какъ въ 1809 году, если не ошибаемся вскорѣ послѣ Ваграма, онъ самъ вздумалъ сдѣлать батальонное ученіе, все перепуталъ и, разсерженный, уѣхалъ съ поля, сказавъ: „débrouillez moi cette cochonnerie là“.

ховской тактикѣ (непрерывныя линіи, охваты); но это явленіе временное, которое, по нашему убѣжденію по крайней мѣрѣ, безнаказанно утвердиться не можетъ.

Авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе новымъ обращеніемъ къ пѣхотѣ и пожеланіями относительно ея тактическаго совершенствованія. И здѣсь онъ остается вѣренъ самому себѣ, т. е. высказываетъ глубокопоучительныя истины подъ вліяніемъ началъ теоріи и повторяетъ уже извѣстныя увлеченія, подъ впечатлѣніемъ кампаніи 70 года. «Большія стрѣлковыя цѣпи и мелкія тактическія единицы—вотъ формы пѣхотнаго строя», такъ мѣтко и совершенно вѣрно начинаетъ онъ свое заключеніе. Къ сожалѣнію, онъ не удерживается на этой мысли, и по войнѣ 70 года полагаетъ, что этого мало, и что страшное дѣйствіе огнестрѣльнаго боя еще болѣе принуждаетъ разсыпаться; нѣсколько выше онъ высказываетъ то же самое, мотивируя тѣмъ, будто строгое удержаніе тактическихъ формъ строя трудно вслѣдствіе того, что веденіе боя требовало сильнаго напряженія умственныхъ и физическихъ силъ. Съ послѣднимъ объясненіемъ мы не можемъ согласиться, ибо не думаемъ, чтобы умственное и физическое напряженіе могло быть меньше въ сраженіяхъ наполеоновской эпохи. Гораздо основательнѣе, по нашему мнѣнію, объяснить это таяніе частей, этотъ образъ дѣйствій, напоминавшій дикихъ самому автору, просто недостаточной выдержкой людей, происходящей отчасти отъ короткихъ сроковъ службы; но гораздо еще болѣе отъ системы воспитанія и образованія солдата, въ которой не обращено достаточнаго вниманія на то, чтобы нравственно закалить его и сдѣлать менѣе впечатлительнымъ къ явленіямъ боя.

Мы вовсе не расположены считать того преобладанія разсыпного строя, которое замѣчено въ 1870 году, за явленіе нормальное; не расположены потому, что, какъ уже замѣчено, разсыпка происходила не по волѣ начальниковъ, а вопреки ей, а это въ военной службѣ не можетъ быть допускаемо, отчего бы оно ни происходило: отъ распущенности ли, или отъ впечатлительности людей. Авторъ самъ признаетъ, что всегда и вездѣ крайне важно сражаться съ соблюденіемъ порядка, ибо это даетъ большія вѣроятности на успѣхъ: мы не понимаетъ послѣ этого, какимъ логическимъ путемъ онъ доходитъ до признанія за естественную самой безпорядочной и возникающей самопроизвольно формы строя, возникающей притомъ не въ концѣ, а въ началѣ боя? Онъ, очевидно, попалъ въ противорѣчіе между необходимостью управленія боемъ и разсыпнымъ строемъ, случайное и ненормальное развитіе коего въ 70 году онъ стремится возвести въ

принципъ и, конечно, не разрѣшаетъ этого противорѣчія; ибо къ разрѣшенію его нѣтъ другого средства какъ поступиться разсыпнымъ строемъ.

Другого выхода нѣтъ: какъ бы ни увлекался авторъ разсыпнымъ боемъ, онъ не можетъ не признать хоть бы того, напримѣръ, что цѣпь изъ цѣлаго полка на позиціи, занимаемой бригадою въ двѣ линіи, уже болѣе не цѣпь, а развернутый строй, только безпорядочный и вывалившійся изъ рукъ начальственнаго кадра. Такъ не лучше ли имѣть настоящій строй развернутый вмѣсто этой толпы?

Къ этому необходимо и то еще имѣть въ виду, что для цѣпи есть предѣлъ сгущенія, за которымъ люди болѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ другъ другу; а приращеніе мѣткихъ выстрѣловъ не окупаетъ приращенія потерь вслѣдствіе густоты строя.

Авторъ пытается открыть средство закрѣпить за начальникомъ власть, которую онъ можетъ и долженъ имѣть въ бою, но мало успѣваетъ. Положимъ, средства, направленныя къ этой цѣли теперь, недостаточны; но средства, предлагаемыя авторомъ, еще слабѣе. Въ настоящее время для этой цѣли существуетъ раздѣленіе цѣпи на звенья и группы и дисциплинировка сомкнутаго строя. Авторъ признаетъ оба эти средства недостаточными, ибо въ бою люди различныхъ частей перемѣшиваются между собою; слѣдовательно, ни постоянство надзора, ни соблюденіе привычнаго порядка людей по сомкнутому разсчету немыслимы.

Мы полагаемъ, что раздѣленіе на звенья и группы было бы нарушаемо менѣе часто, если бы онѣ состояли изъ людей почему либо внутренно близкихъ, т. е. не представляли только внѣшнаго, механическаго подраздѣленія. Слѣдовательно, въ противность мнѣнію автора, это средство поддержанія порядка можетъ быть очень дѣйствительно, если только примѣнить его къ дѣлу не однимъ формальнымъ образомъ. Что же до сомкнутаго строя, то мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что для боевой дисциплинировки людей, особенно разсыпанныхъ, онъ даетъ мало. Но, соглашаясь съ этимъ, мы не находимъ также, чтобы и мѣра, предлагаемая авторомъ для этой цѣли, была дѣйствительна.

Заключается она во внушеніи молодому солдату «истины», что разсыпной строй есть главная форма дѣйствія пѣхоты въ сраженіи. «Нужно его убѣдить, что эта форма одинаково хороша для атаки и обороны во всѣхъ вообще положеніяхъ боя; что примѣненіе сомкнутаго строя ограничивается небольшимъ числомъ случаевъ и составляетъ *исключеніе*, между тѣмъ какъ разсыпной строй—*правило*». Замѣтимъ, во первыхъ, противорѣчіе начала съ

концомъ этой фразы; въ началѣ говорится, что разсыпной строй хорошъ всегда, а въ концѣ, что иногда и сомкнутый годится, слѣдовательно, первый не всегда годится. Солдату такихъ внушеній дѣлать нельзя, если не желаютъ сбить его съ толку. Во вторыхъ, допустимъ, что солдатъ увѣруетъ въ универсальное превосходство разсыпнаго строя: наткнувшись на противника, который опрокинетъ его въ строю сомкнутомъ, такой солдатъ долженъ ошалѣть, ибо дѣломъ убѣдится, что начальство внушало ему вѣру въ такую форму, которая оказалась несостоятельна *). Въ третьихъ, поднимаясь въ сферу болѣе высшую, мы не понимаемъ, какъ авторъ, признающій ту аксіому, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни правилъ, ни исключеній, вдругъ находитъ то и другое въ строяхъ? Что солдату многое можно внушить путемъ толкованія, это мы показали выше и, убѣжденные великимъ Суворовымъ, толковавшимъ съ солдатомъ тогда еще, когда толковать съ нимъ казалось чуть не предосудительнымъ и во всякомъ случаѣ страннымъ, — давно указывали на это могущественное средство укорененія въ немъ здравыхъ военныхъ взглядовъ. Но чтобы этимъ путемъ пользоваться для поселенія въ немъ вѣры въ такое могущество одной излюбленной формы, какого она въ дѣйствительности не имѣетъ и никогда имѣть не можетъ, значитъ учить его не преодолѣвать неожиданности, а, напротивъ, подчиняться имъ **). По нашему мнѣнію нужно, во первыхъ, чтобы солдатъ вѣрилъ не въ ту или другую форму строя, а въ себя самого; нужно, во вторыхъ, втолковать ему, что онъ не смѣетъ и думать разсыпаться, пока не получитъ на то приказанія; не смѣетъ и думать не сомкнуться, если того начальникъ потребуетъ. На этомъ настаивать; къ этому возвращаться при всякомъ удобномъ случаѣ, дабы солдатъ увѣровалъ, что полное подчиненіе волѣ начальника въ сказанныхъ двухъ эволюціяхъ составляетъ единственное ручательство не только за побѣду, но и за личное спасеніе.

---

*) Нѣчто подобное и было уже при столкновеніи исключительно исповѣдуемаго развернутаго строя съ колоннами, поддержанными разсыпнымъ строемъ.

**) Въ параллель мнѣнію автора объ исключительномъ значеніи разсыпного строя, приводимъ то, что самъ онъ говоритъ о подобныхъ предпочтеніяхъ въ пользу одной какой либо формы строя: „формы строя для атаки подвергались всестороннему обсужденію и нѣкоторые писатели видѣли единственное спасеніе въ какомъ нибудь извѣстномъ строѣ, забывая совершенно, какъ трудно въ пылу боя сохранить опредѣленный строй и какъ часто уже случалось, что постоянное обученіе войскъ одному и тому же маневру приводило къ самымъ печальнымъ результатамъ“. Подчеркнутыя слова примѣняются въ полной силѣ и къ его увлеченію охватами и безпорядочнымъ развернутымъ строемъ.

Вотъ что, по нашему убѣжденію, должно прививать солдату, не фальшивое представленіе о томъ, какіе строи имѣютъ болѣе, какіе менѣе частое примѣненіе. Это уже не тактика, а статистика боевого дѣла, до коей солдату нѣтъ собственно никакого дѣла. Ею могутъ заниматься писатели той категоріи, которые слѣдуютъ: сколько пуль приходится на каждаго убитаго; по сколько человѣкъ на квадратную сажень приходилось на той либо другой позиціи, и другіе тому подобные и столь же мало къ практикѣ боевого дѣла относящіеся вопросы.

Далѣе, указывая на необходимость самой строгой дисциплины въ стрѣлковомъ бою, авторъ находитъ, что къ ослабленію ея будто служитъ и то уже, что въ мирное время сомкнутымъ строемъ занимаются болѣе и ранѣе чѣмъ разсыпнымъ: «вслѣдствіе этого, говоритъ онъ, на молодого солдата первое же ученіе въ разсыпномъ строѣ сдѣлаетъ впечатлѣніе ослабленія дисциплины».

Мы не думаемъ, чтобы авторъ въ этомъ случаѣ былъ правъ; онъ очевидно начинаетъ замѣчать тотъ законъ, въ силу котораго всякое практическое упражненіе неминуемо производитъ и соотвѣтствующій ему духовный складъ, но ошибается, по нашему мнѣнію, въ размѣрахъ и характерѣ этого вліянія *). Дисциплина утверждается не столько строемъ, сколько всѣмъ складомъ солдатской жизни; солдатъ исполнителенъ въ строю прежде всего вслѣдствіе того, что дисциплинированъ; а не дисциплинируется вслѣдствіе того, что исполняетъ въ строю извѣстныя требованія. То кажущееся ослабленіе дисциплины, которое авторъ приписываетъ сомкнутому строю при переходѣ въ разсыпной, дѣйствительно могло имѣть мѣсто въ то время, когда въ теченіе цѣлаго ученія цѣпь разсыпали разъ-другой, для очистки совѣсти; но теперь вѣдь этого

*) Духовныя явленія, присущія увлеченію сомкнутымъ строемъ совершенно не тѣ, которыя ему приписываетъ авторъ; отсутствіе находчивости, самодѣятельности въ солдатахъ и офицерахъ; отчаяніе въ бою при видѣ той степени безпорядка, которая не есть и безпорядокъ даже, а только та степень порядка, которая возможна въ бою; полная неподготовленность къ тому, чтобы прекратить безпорядокъ дѣйствительный, т. е. не потерю равненія или ничтожный разрывъ рядовъ, а то, когда часть собьется въ кучу, и ни взадъ, ни впередъ; такія напримѣръ явленія, что строй, выравненный и молодецкій, при атакѣ, по командѣ: шагомъ маршъ, обозначаетъ шагъ на мѣстѣ и ни съ мѣста и т. п. Полное забвеніе того, для чего какой строй пригоденъ, ибо при увлеченіи сомкнутостью, цѣлью является не употребленіе строевъ, а воспроизведеніе ихъ съ идеальной чистотой. Апатія къ дѣлу людей вслѣдствіе выдержанья на стойкѣ по нѣскольку часовъ сряду: отставки одного и того же пріема по 40, 50 разъ сряду, и т. д., и т. д. Это время давно миновало, и слава Богу что миновало. Этимъ человѣчество обязано нарѣзу и конической пулѣ, которые поставили въ необходимость признать за солдатомъ право на развитіе и сбереженіе даже и тѣхъ, которые всего менѣе были къ этому расположены.

нѣтъ уже ни въ одной арміи. Но даже и въ то давнее вр
неловкость и видимая недисциплинированность цѣпи скорѣе
исходила отъ того, что ни люди, ни начальники не знали, что
собою дѣлать, очутившись въ разсыпномъ строѣ, а вовсе не
того, чтобы чувствовали себя свободными отъ подчиненія.
буемаго въ строѣ сомкнутомъ. Мы слышали отъ очевидцевъ,
подъ Севастополемъ въ цѣпи случалось иногда толкать челов
стоящаго открыто для соблюденія привычнаго интервала и
ненія, за дерево, находившееся тутъ же рядомъ съ нимъ.

Продолжая развивать свою мысль, авторъ находитъ, что
отложное обученіе рекрутъ эволюціямъ разсыпного строя бу
лучшимъ средствомъ ознакомить молодого солдата на первых
порахъ съ формою и характеромъ строя, въ которомъ ему
преимуществу придется драться. Т. е. опять подчиненіе
излюбленному коньку! Авторъ и того даже не принимаетъ въ
ображеніе, что начала, нужныя и для разсыпного строя, по
наются въ сомкнутомъ, какъ: привычка согласовать свои движ
съ товарищами, вниманіе къ командѣ и къ быстрому ея ис
ненію. Мы полагаемъ поэтому, что для самаго успѣха раз
ного строя нужно начинать съ сомкнутаго.

Затѣмъ авторъ совѣтуетъ повторять ежедневно людямъ луч
правила, какъ:

Бросаться на непріятеля слѣдуетъ безъ оглядки и не оста
ливаясь, иначе смерть и погибель; при наступленіи непріятел
позицію слѣдуетъ залечь на своемъ мѣстѣ и стрѣлять сколько
титъ силъ (а дальше что?): что въ случаѣ неожиданнаго появленія
пріятеля лучшее средство закричать ура! и самому на него у
миться и тому подобныя".

Мы охотно признаемъ, что первая и третья сентенціи пр
длежатъ къ разряду лучшихъ военныхъ сентенцій *); но вс
маломальски понимающій дѣло согласится, что обѣ онѣ ш
ваго, а не огнестрѣльнаго порядка. И если вѣровать въ пе
этихъ сентенцій, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не вѣровать и в
что ударить на врага сомкнуто надежнѣе, чѣмъ въ разсыпну
затѣмъ уже сомкнутый строй является не такимъ исключе
какъ кажется автору, вслѣдствіе односторонняго увлеченія стр
разсыпнымъ. И къ вышеприведеннымъ двумъ сентенціямъ
смѣло прибавляемъ отъ себя третью, какъ логическій и неизбѣж
изъ нихъ выводъ: «Дружная кучка въ 10, 15 челов
рветъ и гонитъ цѣпь въ 100 человѣкъ».

---

*) Не дурна также и вторая, только не закончена, ибо предполагаетъ,
противникъ ни за-что не дойдетъ; ну, а если дойдетъ, тогда что? Нужно
ситься въ штыки; но штыкъ авторъ забылъ, ибо слишкомъ надѣется на

И такъ авторъ съ одной стороны признаетъ, что въ военномъ дѣлѣ не можетъ быть постоянныхъ правилъ, съ другой — разсыпной строй и охватывающую атаку ставитъ правиломъ, относительно котораго едва допускаетъ исключенія. Крить, что на врага слѣдуетъ бросаться рѣшительно и безъ ядки назадъ, и, рядомъ съ этимъ, возстаетъ противъ сомкнуго строя, составляющаго, по нашему мнѣнію, единственную орму, способствующую осуществленію подобнаго порыва. Понитъ, что тѣ только войска одолѣваютъ, которыя ничѣмъ не адачиваются, и отстаиваетъ такую односторонюю форму строя йствій, что, усвоивъ ее, войско навѣрное будетъ озадачено якой другой формой, которую ему противопоставитъ противникъ *). Однимъ словомъ, отрицаніе какихъ-либо нормъ въ теоріи стремленіе утвердить ихъ въ практикѣ — противорѣчіе поле.

Этимъ собственно кончается разсужденіе автора о разсыпомъ строѣ, какъ объ исключительной боевой формѣ; за нимъ ѣдуютъ чрезвычайно вѣрныя и поучительныя мысли о нѣкоторыхъ ріемахъ обученія и объ уставахъ: вѣрныя, разумѣется, до тѣхъ оръ, пока не коснется рѣчь авторскаго конька. Читателямъ «Военного Сборника» эти мысли давно извѣстны, почему напоминаются здѣсь только вкратцѣ:

Теоретическое преподаваніе не должно быть слишкомъ сухо, а о возможности наглядно и безъ педантизма, т. е. учи показомъ, не разсказомъ; учи такъ, чтобы изъ самаго хода обученія солдатъ видѣлъ цѣль всякаго требованія. Прибѣгай къ слову тогда, когда хочешь внушить ему мысль, а не болтай, когда хочешь показать относъ руки, поворотъ и т. под.

Ученія должны быть производимы не по «чистой», а по «прикладной» тактикѣ, т. е. всегда должны имѣть въ виду мѣсто, время и непріятеля.

---

*) Нѣчто подобное уже видѣли при переходѣ отъ фридриховскихъ тонкихъ линій къ порядку, составленному изъ колоннъ со стрѣлками. Начиная съ 96 года, Наполеонъ билъ чуть не каждый годъ, пока не добился въ 1807 году, что исключительное употребленіе развернутаго строя было наконецъ оставлено; и съ этихъ поръ ему пошло труднѣе.

И какъ опять не вспомнить того же Суворова, который вноситъ въ свою науку побѣждать, никакъ не позже 97 года: „Есть безбожные, вѣтренные, сумасбродные французишки, они воюютъ на нѣмцевъ и ихъ колоннами. Если бъ намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами жъ“. И это въ полный разгаръ увлеченія тонкимъ строемъ! Для него не было нормы, и потому войскъ, имъ воспитанныхъ, ничѣмъ озадачить было нельзя. До какой степени онъ далеко видѣлъ, а другіе близко, довольно сказать, что еще въ 1805 мы попытались вытянуть линіи подъ Аустерлицомъ....

Перемѣшиваніе людей, въ бою неизбѣжное, должно бы
нѣкоторой степени примѣняемо и при мирномъ обученіи; съ
цѣлью авторъ предлагаетъ принять тотъ способъ поддержки
при которомъ звенья новой части занимаютъ промежутки
звеньями старой. У насъ этотъ способъ введенъ, если не
баемся, въ уставъ 1861 года, въ видѣ примѣчанія; а въ ус
1868 года—уже какъ единственный способъ успленія
Авторъ идетъ дальше и предлагаетъ производить ученіе цѣ
въ которыхъ перемѣшаны люди нѣсколькихъ частей, напр.
тальоновъ. Въ пользѣ такихъ ученій съ нимъ нельзя не со
ситься.

Читатель изъ всего этого, можетъ быть, убѣдится, что
вости, вызванныя послѣдними кампаніями, право не такъ
какъ кажется нѣкоторымъ. У насъ уже давно говорилось,
войска должны быть обучены не одному деревянному порядку
такому, чтобы и бывъ приведены въ безпорядокъ, они не те
способности исполнять возложенныя на нихъ назначенія.

Говорилось еще, что въ обученіи военному дѣлу нужно
отправляться отъ обратнаго, чтобы получить надлежащее; са
наглядным осуществленіемъ этого начала было суворовское
вило не только не учить отступленіямъ, но чтобы солдатъ
и этого слова не зналъ; ибо только тогда онъ будетъ отсту
упорно, если обстоятельства того потребуютъ. И вотъ, по
ряда лѣтъ, раздается голосъ, подтверждающій ту же ист
только въ примѣненіи къ другому явленію: чтобы былъ по
докъ въ бою, нужно учить въ мирное время безпорядку;
это единственное средство дать практику людямъ и начал
камъ и въ безпорядкѣ дѣлать свое дѣло и разбираться. Въ
этого авторъ предлагаетъ смѣшеніе между собою частей во
преднамѣренно на односторочнихъ маневрахъ, а на двухсто
нихъ, въ случаѣ путаницы, не торопиться съ выговоромъ, а
смотрѣть какъ вели себя люди и офицеры въ этомъ безпор
и старались ли они дѣйствовать сообразно предположенной
боя *). Какое послабленіе регулярности, воскликнутъ можетъ
нѣкоторые; и когда подумаешь, что приглашеніе къ этому
слабленію идетъ изъ Пруссіи, и притомъ послѣ двухъ такихъ
паній!

---

*) Замѣтимъ, что и безпорядокъ (притомъ не искусственный, а естест
ный и неизбѣжный), и приведеніе части въ порядокъ возникаютъ при
ныхъ атакахъ: да вдобавокъ достигается ознакомленіе съ внѣшнимъ
атаки.

Свое разсужденіе о желательныхъ перемѣнахъ въ характерѣ современныхъ ученій авторъ заканчиваетъ глубоко-вѣрнымъ указаніемъ, что цѣпямъ для движенія слѣдуетъ назначать пунктъ направленія впереди, и что при этомъ должно обращать вниманіе не на боковое равненіе, а на примѣненіе къ мѣстности и общее сохраненіе направленія движенія или линіи фронта. Пріемъ этотъ не новъ, но приведенъ въ забвеніе безпредметными ученіями, на которыхъ все вниманіе поглощается именно боковымъ равненіемъ. А между тѣмъ, для вѣрнаго направленія силъ въ бою ничего другого и придумать нельзя, какъ назначеніе имъ видимыхъ точекъ впереди, т. е. тѣхъ, которыя они взять, или къ которымъ приблизиться должны. Ввести этотъ пріемъ въ привычку войскъ до такой степени важно, что практика въ движеніяхъ на какой-либо рѣзкій, избранный вдали предметъ должна занять самое видное мѣсто въ маневрированіи не только цѣпей, но и сомкнутыхъ частей и линій; ибо въ бою иначе не ходятъ, какъ на цѣль, впереди указанную. Причемъ отъ времени до времени, какъ совѣтуетъ и Б., перемѣнять предметъ и уже сообразно тому перемѣнять фронтъ, а не на $^1|_4$ или $^1|_8$ *) часть круга, какъ то водится на безпредметныхъ ученіяхъ. И пунктъ направленія долженъ быть извѣстенъ не одной дирекціональной части (т. е. части направленія, а не равненія), но и всѣмъ, составляющимъ линію. Это требуетъ, конечно, и соотвѣтствующихъ измѣненій въ командахъ; команда: «равненіе по такой-то части, шагомъ маршъ» должна быть замѣнена: «Часть направленія—такой-то баталіонъ (рота); пунктъ направленія—колокольня (или что); шагомъ маршъ» *). При такомъ порядкѣ движенія вниманіе начальниковъ и въ нужное время будетъ устремлено туда, куда оно должно устремляться въ бою, т. е. впередъ, а не направо и налѣво, какъ то имѣетъ мѣсто на безпредметныхъ ученіяхъ.

Заявленіе подобныхъ требованій намекаетъ на совершенно другую постановку вопроса о цѣляхъ, которыхъ должно добиваться въ воспитаніи и образованіи солдатъ. Къ сожалѣнію, авторъ, обративъ вниманіе на образованіе (и то не вполнѣ, ибо быстрый сборъ изъ сомкнутыя кучи пропустилъ), совершенно проходитъ молчаніемъ

---

*) Мы знаемъ что въ уставѣ существуетъ примѣчаніе, допускающее перемѣны фронта и на любую часть круга; но едва ли этимъ примѣчаніемъ часто пользуются; ибо если перемѣна фронта дѣлается въ чистомъ полѣ, безо всякаго вниманія къ тому, что впереди, нѣтъ и побужденія дѣлать ее на разнообразные углы, а не на разъ принятые.

*) Объ этомъ смотри статью 1867 года: „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“ (стр. 291) и слѣдующую за нею.

вопросъ воспитанія солдата, вопросъ нравственной закалки его, т. е. притупленія въ немъ впечатлительности къ тѣмъ явленіямъ боя, которыя современный солдатъ выноситъ очевидно не съ полнымъ самообладаніемъ. Прежнему солдату это самообладаніе давалось почти механическимъ путемъ, пожалуй жестокимъ, но относительной дѣйствительности котораго отрицать нельзя: путемъ лишеній, долгихъ сроковъ службы, наконецъ суроваго обращенія. Въ настоящее время ничего этого нѣтъ и быть не можетъ; нужно, слѣдовательно, найти пріемы нравственной закалки, соображенные съ настоящимъ положеніемъ, т. е. въ примѣненіи къ короткимъ срокамъ службы, къ необходимости беречь и развивать солдата.

Никакая выучка маневрированію не поможетъ въ бою, если не только дѣйствіе, но даже свистъ пуль и гранатъ будетъ дѣйствовать на людей слишкомъ «болѣзненно». При самой искренней и дѣйствительной готовности дѣлать свое дѣло въ бою, иной его не въ состояніи будетъ сдѣлать просто отъ непривычки къ этой музыкѣ. Нужно, слѣдовательно, пріучать къ ней въ мирное время, и въ этомъ, вмѣстѣ съ упражненіемъ въ сквозныхъ атакахъ разумѣется, лежитъ лучшій, по нашему мнѣнію, презервативъ и отъ самопроизвольныхъ разсыпокъ, и отъ тѣхъ ошалѣваній, при которыхъ люди совершенно перестаютъ слышать голосъ командировъ.

Въ заключеніе авторъ обращается къ уставу, причемъ совершенно основательно возстаетъ противъ формъ строя, къ бою непримѣнимыхъ; но и здѣсь перехватываетъ черезъ край, находя, что даже и на маневрированіе по-ротно теряется много времени: а нужно маневрировать цѣпями, и только цѣпями. Какъ уже не разъ показано, это объясняется однимъ: авторъ слишкомъ подавленъ фактами кампаній, въ которыхъ участвовалъ, и принимаетъ бывшее за долженствующее быть.

Но, вѣрный своей манерѣ, онъ, повторивъ чуть не въ сотый разъ свою любимую мысль о безусловномъ преобладаніи разсыпного строя, приводитъ вслѣдъ затѣмъ взгляды на разнообразныя формы строя, принятыя въ теоріи, стараясь, конечно, по возможности ослабить и сдѣлать менѣе замѣтнымъ противорѣчіе между ними и его взглядами. Можно иногда подумать, что авторъ приводилъ взгляды теоріи только для того, чтобы избѣжать упрека въ игнорированіи ихъ, но они не оказали ни малѣйшаго вліянія на его выводы.

Такъ, перечисливъ устарѣвшія, по его мнѣнію, формы строя и эволюціи (колонна къ атакѣ, полувзводная изъ середины, движеніе развернутымъ батальономъ, пальба батальономъ и полубатальономъ), онъ прибавляетъ:

«Мы не хотимъ утверждать, что всѣ эти порядки сдѣлались совершенно невозможными на войнѣ, гдѣ положенія до того разнообразны, что все можетъ случиться; но мы говоримъ, что все это принадлежитъ къ величайшимъ исключеніямъ; въ этомъ сознается всякій, кто участвовалъ хоть въ одной кампаніи».

Мы не были ни въ одной кампаніи, но убѣждены, что такія эволюціи и дѣйствія, какъ пальба и движеніе развернутыми батальонами, въ современномъ бою нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣнены съ пользою, и смѣло относимъ ихъ къ области плацпарадныхъ вдохновеній; но затѣмъ колонны, имѣющія по фронту два взвода и взводъ, сохранятъ свое значеніе при резервныхъ расположеніяхъ, а въ послѣднія минуты боя даже и въ боевыхъ линіяхъ, равномѣрно и при атакѣ узкихъ мѣстъ. Этого достаточно, чтобы войска съ помянутыми формами основательно были ознакомлены; ибо, иначе, встрѣтится случай, потребующій примѣненія одной изъ нихъ, и войска будутъ озадачены: а къ чему это ведетъ въ бою—всякому извѣстно. Вся ошибка автора въ недовольно ясномъ сознаніи того, что въ военномъ дѣлѣ сила случая можетъ сдѣлать всякое исключеніе равносильнымъ правилу: отсюда слѣдуетъ, что все, что только можетъ быть примѣнимо въ бою, должно быть хорошо извѣстно войскамъ; а часто ли придется примѣнять къ дѣлу это извѣстное, или рѣдко—во власти случая, а не въ нашей.

Нѣсколько ниже авторъ высчитываетъ, въ какихъ случаяхъ сомкнутый порядокъ можетъ еще быть употребляемъ «не безъ пользы», какъ онъ выражается; изъ перечня видно, что сомкнутый строй имѣетъ примѣненіе по меньшей мѣрѣ столь же обширное, какъ и разсыпной. Но это нисколько не мѣшаетъ автору еще нѣсколько разъ вернуться къ тому, что строй разсыпной долженъ быть отнынѣ принятъ за главный, почти единственный (!) видъ боевого строя пѣхоты.

Передъ окончаніемъ статьи авторъ еще разъ совѣтуетъ принять за правило: не допускать никакого ученія, никакого маневра, непохожаго на дѣйствительный бой. Дай Богъ, чтобы его совѣтъ, какъ человѣка бывалаго, нашелъ большій доступъ въ практику, чѣмъ находилъ до сихъ поръ.

Не знаемъ, успѣли ли мы показать съ достаточной наглядностью, что односторонніе увлеченія автора произошли отъ того, что онъ не прилагалъ съ достаточною послѣдовательностью въ своемъ трудѣ тѣхъ незыблемыхъ теоретическихъ началъ, которыя и самъ онъ признаетъ; но для насъ это ясно. Чтеніе его въ высшей степени поучительно, но только при одномъ условіи: именно,

при вниманіи къ этимъ началамъ, которыя у автора появляются мелькомъ и безъ всякаго развитія, между тѣмъ какъ свои односторонніе воззрѣнія онъ не устаетъ повторять на каждомъ шагу и, такъ сказать, втираетъ въ сознаніе читателя. Отъ того при бѣгломъ чтеніи и трудно замѣтить противорѣчіе послѣднихъ первымъ. Если сказать разъ, что нѣтъ и не можетъ быть какой-либо нормы ни для дѣйствій, ни для формы строя и атаки,—а затѣмъ двадцать разъ повторить, что теперь иначе какъ съ охватомъ атаковать нельзя, и что разсыпной строй составляетъ правило, а сомкнутый исключеніе,—то само собою разумѣется, что у большинства читателей первое забудется, а послѣднее засядетъ крѣпко въ сознаніе. Эту авторскую подтасовку мы считали своею обязанностью, на сколько съумѣли, разъяснить.

IV.

«Бой на основаніи теоретическаго изученія и опытовъ войны» —такъ озаглавилъ К. ф. В. свой замѣчательный трудъ, и, должно правду сказать, содержаніе не измѣняетъ оглавленію: авторъ стремится къ гармоническому сочетанію теоріи съ опытомъ, а не увлекается чѣмъ нибудь однимъ, и почти всегда достигаетъ этой цѣли. Теоретическія основы понимаются имъ во всю мѣру и силу ихъ— и потому не являются какъ бы случайно, къ слову, но составляютъ обыкновенно точки отправленія разсужденій автора.

Другую характеристическую черту этого замѣчательнаго труда, распространенія котораго мы желали бы даже болѣе, чѣмъ труда Б. *), составляетъ полное вниманіе къ той внутренней дѣятельности въ воинскомъ организмѣ, которою одинаково опредѣляется успѣхъ дѣйствій и одного звена, и цѣлой арміи. Крупныя внѣшнія проявленія дѣятельности войска менѣе привлекаютъ его вниманіе, нежели то, какія мѣры должно принимать, дабы эти проявленія вели къ достиженію цѣли—къ побѣдѣ, а не къ безтолковщинѣ и, слѣдовательно, къ пораженію. Онъ знаетъ очень хорошо, что и сотенныя батареи сосредоточатся, и атака съ крючкомъ, и атака свинной головой—все, однимъ словомъ, будетъ сдѣлано, если только умѣть приняться за дѣло: и потому онъ прежде всего и обращаетъ вниманіе на то, какъ за него слѣдуетъ приниматься. Это придаетъ сочиненію высоко практическій ха-

*) Который при малѣйшей оплошности при чтеніи можетъ сбить съ толку.

рактеръ, при самой строгой послѣдовательности основнымъ теоретическимъ началамъ.

„Характеръ начальника такъ начинаетъ авторъ—вліяетъ на подчиненныя ему войска. Если справедливо мнѣніе, что участь боя, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ болѣе всего отъ нравственныхъ качествъ войска, то несомнѣнно и то, что послѣднія зависятъ, въ свою очередь, отъ характера начальниковъ, и такимъ образомъ одно тѣсно связано съ другимъ. Нравственное значеніе начальниковъ такъ сильно, что мы имѣемъ полное право сказать, что начатое сраженіе можно считать только въ такомъ случаѣ проиграннымъ, когда въ душѣ начальника родится убѣжденіе, что онъ долженъ быть побѣжденъ.

Рѣшимость, хладнокровіе и спокойствіе при отдачѣ приказаній, переходя къ второстепеннымъ начальникамъ, невольно отражаются и на нижнихъ чинахъ: въ свою очередь суета, нерѣшительность и упадокъ духа могутъ поколебать наилучшія качества войска".

Не правда ли, въ этихъ словахъ слышится совершенно другое отношеніе къ дѣлу, чѣмъ, напримѣръ, въ томъ мнѣніи Б., будто при теперешнемъ оружіи выиграть наступательное сраженіе съ меньшими силами, даже при личномъ превосходствѣ начальника, становится почти невозможнымъ.

Сообразно этой точкѣ отправленія, К. ф. В. прежде всего останавливается на томъ, что долженъ дѣлать и какимъ условіямъ удовлетворять начальникъ, дабы стать нервнымъ узломъ организма, во главу котораго его ставитъ офиціальное положеніе. Все это тѣ подробности, которыя такъ мало обращаютъ на себя вниманія даже и не поверхностныхъ наблюдателей (напримѣръ, Б.), и на которыхъ однакоже все держится: гдѣ стать, какое мѣсто выбрать, что сдѣлать въ случаѣ необходимости его оставить, какъ формулировать приказанія, какъ обезпечиться относительно возможной вѣрности донесеній и проч., и проч. Все, однимъ словомъ, «подробности»; но подробности такого рода, отъ упущенія которыхъ можетъ иногда плохо прійтись не только арміи, но и народу, ввѣрившему ей судьбу свою. Эта статья сочиненія отъ начала до конца такъ хороша, что заслуживаетъ постояннаго надъ нею размышленія всякаго начальника: она можетъ раскрыть всякому, мало-мальски къ тому способному, какъ нужно держать возжи въ рукахъ: когда отпустить, когда натянуть, а когда и подхлеснуть.

За вопросомъ объ управленіи естественно слѣдуетъ вопросъ о примѣненіи его на дѣло благосостоянія своихъ, погибели чужихъ: это прежде всего предполагаетъ возможно полное собраніе свѣдѣній о непріятелѣ (безъ этого ничего предпринять нельзя) и заботу о сбереженіи своихъ войскъ; потому вторая статья заключаетъ въ себѣ развѣдывательную и сторожевую службу *), распо-

*) Намъ показалось весьма страннымъ одно, что авторъ, придавая развѣдкамъ подобающее имъ значеніе, не упомянулъ ни словомъ о необходимости полнаго вниманія къ примѣтамъ.

ложеніе по квартирамъ, предосторожности во время марша и затѣмъ слѣдуетъ понятіе о боѣ. На первыхъ статьяхъ, заключающихъ положенія всѣми признанныя, мы не останавливаемся и переходимъ къ послѣдней. Духовныя основанія успѣха въ бою поставлены въ ней на принадлежащее имъ мѣсто: «окончательная побѣда состоитъ въ полномъ пораженіи противника, т. е. когда этотъ послѣдній, убѣдившись вполнѣ въ нравственномъ превосходствѣ побѣдителя, и подъ гнетомъ собственнаго своего разстройства, начинаетъ бросать оружіе и тѣмъ самымъ отказывается отъ дальнѣйшаго сопротивленія». Т. е., опять, дѣло прежде и главнѣе всего въ «убѣжденіи», а не въ томъ, сколько онъ у васъ, или вы у него вывели изъ строя.

„Рѣшительная форма атаки прямой ударъ, а заключительное оружіе — штыкъ или сабля. Успѣхъ не можетъ быть рѣшительнымъ, если атака не была доведена до конца.

„Отъ большей дальности новаго огнестрѣльнаго оружія первоначальныя позиціи противниковъ находятся одна отъ другой на болѣе значительномъ разстояніи, чѣмъ прежде; а потому рукопашный бой встрѣчается рѣже. Кромѣ того, при рѣшительномъ наступленіи нашей пѣхоты, противникъ, уступающій ей въ нравственной силѣ, рѣдко въ состояніи будетъ довести дѣло до штыковой свалки".

Читатель видитъ, что вопросъ объ атакѣ поставленъ не такъ, какъ у Б. и у его подражателей; и поставленъ не такъ потому, что К. ф. В. прежде всего имѣетъ въ виду человѣка, а затѣмъ уже придатки, усиливающіе его естественныя средства къ достиженію цѣли въ бою. К. ф. В. отнюдь не отрицаетъ при этомъ и дѣйствительности охватывающей атаки, но онъ не дѣлаетъ изъ нея универсальнаго средства и прямо говоритъ, что она можетъ быть предпочитаема фронтальной только при условіи численнаго или нравственнаго перевѣса. Однимъ словомъ, онъ, признавъ разъ невозможность нормъ въ военномъ дѣлѣ, уже не забываетъ этого начала ни на минуту. Такъ, касаясь строя для атаки, онъ признаетъ возможность производить ее и въ разсыпномъ, и въ сомкнутыхъ строяхъ, принимая въ равномѣрное и безпристрастное соображеніе какъ выгоды, такъ и неудобства, сопряженныя съ различными строями. Онъ не упускаетъ изъ виду, напримѣръ, что сомкнутая атака, представляя сплошную цѣль, сопряжена съ большими потерями, но не упускаетъ и того, что при ней управленіе частями легче и ударъ дружнѣе, чѣмъ при разсыпной. Б. же, напримѣръ, первое слишкомъ видитъ, а второго совсѣмъ не видитъ, или не хочетъ видѣть. При разборѣ маневрированія и дѣйствій артиллеріи при наступленіи, К. ф. В. не только не приглашаетъ ее оставаться по возможности дальше отъ непріятеля, а, напротивъ, считаетъ необходимыми возможно

близкіе къ нему подъѣзды: на томъ основаніи, что «пѣхота двигается вдвое смѣлѣе, когда не только слышитъ, но и видитъ свою артиллерію». Вотъ что значитъ понимать психическую сторону боя! К. ф. В. нисколько не задумается пожертвовать и временною *) остановкою стрѣльбы, и даже, можетъ быть, нѣсколькими лишними подбитыми орудіями, лишь бы солдату шлось веселѣе, ибо понимаетъ, что залогъ успѣха въ этомъ, а не въ нѣсколькихъ лишнихъ человѣкахъ, выбитыхъ изъ строя.

Въ статьѣ объ оборонѣ авторъ такъ начинаетъ отдѣлъ о распредѣленіи войскъ на позиціи и употребленіи ихъ въ бою: «При распредѣленіи войскъ на позиціи ничего не можетъ быть нелѣпѣе и вреднѣе, какъ указаніе образцовъ (читай: нормальныхъ боевыхъ порядковъ), по которымъ должно располагать войска». Затѣмъ онъ дѣлаетъ перечень такихъ, напримѣръ, положеній, что сильнѣе должно занимать пунктъ, на который атака болѣе вѣроятна; что флангъ, который можетъ быть подверженъ охвату, должно обезпечивать отъ этого уступами и т. под.; но всѣ эти совѣты, совершенно вѣрные и опредѣляющіе свойства обороны и различныхъ боевыхъ формъ, не только не ослабляютъ, но еще болѣе выясняютъ то основное положеніе, что въ дѣлѣ боевыхъ формъ (какъ и вообще формы въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ жизни) никакихъ нормъ нѣтъ и быть не можетъ. И при всемъ этомъ нѣтъ и попытки даже дать какой либо примѣрный чертежикъ милаго ему лично боеваго порядка.

До конца своего великолѣпнаго труда авторъ ни на мгновеніе не забываетъ тѣхъ великихъ духовныхъ началъ, на которыхъ зиждется успѣхъ въ бою, и отъ того всѣ практическіе совѣты его, за крайне рѣдкими исключеніями **), полны глубокой поучительности. Укажемъ на болѣе выдающіяся изъ нихъ. «Каждая часть войска, разъ назначенная для встрѣчи непріятеля, безъ смѣны выдерживаетъ бой до конца...» «Хорошій, спокойный, увѣренный въ себѣ стрѣлокъ стрѣляетъ только въ томъ случаѣ, когда надѣется попасть навѣрняка и знаетъ, что промахъ съ его стороны не только безцѣльно уменьшаетъ число патроновъ, но и

---

*) Въ каждой батареѣ отдѣльно, а не во всѣхъ батареяхъ.

**) Мы замѣтили только два совѣта, по нашему мнѣнію, странныхъ: 1) Зарядные ящики ни въ какомъ случаѣ не отдѣляются отъ батарей; мы полагаемъ, что при батареѣ на позиціи невозможно имѣть болѣе одного зарядного ящика на орудіе, а остальные должны быть внѣ выстрѣловъ, составляя такъ называемый резервъ батареи. 2) Авторъ совѣтуетъ при заблаговременномъ занятіи позиціи означать дистанціи колышками или дѣлать надписи на какихъ нибудь твердыхъ предметахъ. Хитро увидѣть подобные знаки на дальнія дистанціи, особенно надписи; а на ближнія въ нихъ и надобности никакой нѣтъ.

поселяетъ самоувѣренность въ непріятелѣ; поэтому хорошій стрѣлокъ не будетъ стрѣлять въ противника, находящагося за прикрытіемъ, а постарается атаковать его въ этомъ случаѣ холоднымъ оружіемъ.

«Прямой выстрѣлъ лучше другихъ, а потому въ тѣхъ битвахъ, гдѣ приходится двигаться впередъ, должно стараться подойти къ непріятелю на разстояніе этого выстрѣла». (Ахъ, какъ это можно! Прежде чѣмъ подойдете, всѣхъ перестрѣляютъ, возражаетъ мирная логика).

«Разсудительный стрѣлокъ презираетъ врага стрѣляющаго съ дальнихъ разстояній, потому что подобная пальба мало дѣйствительна. По опыту старый солдатъ знаетъ, что открывающій огонь издалека или новичекъ въ дѣлѣ, или не отличается большимъ спокойствіемъ, или же не пріученъ къ дисциплинѣ, необходимой при стрѣльбѣ». Это значитъ: Прибѣгай къ стрѣльбѣ рѣдко да мѣтко.

«Во всякомъ случаѣ стрѣлокъ, открывая огонь съ дальнихъ разстояній, тѣмъ самымъ доказываетъ боязнь начать бой съ болѣе близкихъ разстояній».

Переходя къ употребленію стрѣлковъ въ бою, авторъ, обыкновенно не любящій повторяться, возвращается нѣсколько разъ къ той мысли, что приказанія въ цѣпи должно отдавать такъ, чтобы не только начальники группъ, но и прочіе нижніе чины знали въ чемъ дѣло. Вотъ вамъ и суворовское: всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ, сказанное слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Авторъ не ограничивается тѣмъ, что отвлеченно высказываетъ эту мысль, но даетъ нѣсколько примѣровъ ея осуществленія, т. е. три или четыре приказанія въ собственной редакціи.

«Путь атаки полонъ жертвъ; но солдаты твердо должны быть убѣждены въ томъ, что ни одной рѣшительной побѣды нельзя одержать, не достигнувъ до самаго противника». Вотъ вамъ и «пуля дура, а штыкъ молодецъ», только въ другихъ словахъ.

Авторъ заканчиваетъ свой трудъ перечнемъ того, что долженъ исполнить начальникъ небольшой части, приготовляясь къ бою; и въ числѣ мѣръ опять находимъ повтореніе совѣта о необходимости предварить людей о томъ, какое на часть возложено порученіе, если оно не составляетъ секрета.

Мы смѣло рекомендуемъ это сочиненіе, какъ настольную книгу всякому, кто военный не по мундиру только,—до такой степени въ ней много драгоцѣнныхъ практическихъ указаній, не говоря уже о вѣрности теоретическихъ положеній. Многія выраженія заслуживаютъ даже величайшей чести, о которой только можетъ мечтать военный писатель—чести быть включенными въ солдат-

ній катехизисъ. Авторъ доказалъ своимъ трудомъ, что здравая ѳорія не только не отрицается практикою, но, напротивъ, эта ослѣдняя осмысливается теоріею и одинаково освобождается отъ ѣбства какъ передъ застарѣлой рутиной, такъ и передъ случай-ой, внѣшней оболочкой фактовъ, возникающихъ вновь. Здравая ѳорія—и только она одна—можетъ предохранить отъ тѣхъ при-орбныхъ шатаній мысли въ военныхъ вопросахъ, которыя въ ирное время ведутъ къ столь же тяжкой, сколь и безплодной ѣботѣ, а въ военное—къ сюрпризамъ въ родѣ Аустерлица и Іены, ѣ упоминая о болѣе близкихъ къ намъ....

V.

Въ предъидущихъ статьяхъ было показано, къ чему приводитъ ѣлеченіе одною какою либо стороною военнаго дѣла, даже если ѣловѣкъ при этомъ и не совсѣмъ забывается; но это не исчерпы-ѣетъ знаменій времени; служеніе модному идолу, т. е. скорозаѣжаемому штуцеру, идетъ гораздо далѣе. Чтобы въ этомъ убѣ-иться, обратимся къ труду одного изъ спеціалистовъ, снискав-аго себѣ заслуженную европейскую извѣстность работами по ѓчному оружію—къ труду Пленниса, теперь уже умершаго *). Въ ѳчиненіи своемъ «Вопросъ о вооруженіи Германской арміи» онъ ѣ ограничился своей темой, но призналъ за нужное коснуться ѣкже психическихъ факторовъ и значенія ихъ въ военномъ дѣлѣ ѣ сопоставленіи съ значеніемъ факторовъ матеріяльныхъ. По-ѣотримъ какъ онъ отнесся къ этому вопросу. По его мнѣнію ѣходитъ, напримѣръ, что

ѣотя исходъ сраженій не можетъ въ точности оцѣниваться по числу убылей, ѣнесенныхъ сторонами, но, тѣмъ не менѣе, собственно положительные резуль-ѣты выражаются лишь (!) числовыми данными о количествѣ убитыхъ и ране-ѣхъ. Нравственные факты, о которыхъ, къ сожалѣнію говорится такъ много ѣшняго и пустого, могутъ быть въ сущности рѣшителями удачъ или неудачъ; ѣнако военное искусство можетъ имѣть дѣло только съ явными осязаемыми дан-ѣми и должно разрабатывать ихъ только съ помощью строгихъ правилъ точ-ѣй науки, если не желаютъ лишиться вѣрной точки опоры**).

Выразивъ это попроще и безъ оговорокъ, выйдетъ, что хотя ѣходъ сраженій не можетъ оцѣниваться убылью, но что положи-ѣльный результатъ ихъ, слѣдовательно тотъ же исходъ, оцѣни-

*) См. „Артилерійской Журналъ“ № 6, 1872 г., отд. II. „Вопросъ о воору-ѣніи германской арміи“ Соч. Пленниса и Вейганда.

**) Мы не читали самого сочиненія; но приводимыя выдержки изъ него на-ѣдятся въ рецензіи, которую мы не имѣемъ основанія заподозрить въ неточной ѣредачѣ подлинника.

вается лишь убылью; что хотя нравственные факты могутъ быть въ сущности рѣшителями удачъ или неудачъ, т. е. имѣютъ первостепенное, вершающее значеніе; но въ военномъ искусствѣ не могутъ имѣть никакого значенія, ибо не представляютъ явныхъ, осязаемыхъ данныхъ. И того, въ двухъ фразахъ два противорѣчія, происшедшихъ отъ того, что человѣкъ не могъ не признать того, что игнорируетъ и исключаетъ узкій спеціалистъ. Штуцеръ, если бы могъ разсуждать, не аргументировалъ бы иначе; для него, даже съ бо́льшимъ смысломъ чѣмъ для автора, было бы ясно и осязательно только то, что сдѣлали штуцерныя пули и родственныя имъ гранаты!

Во первыхъ, положительные результаты сраженія выражаются не цифрой убыли, а тѣмъ, что выигрываетъ побѣдитель, проигрываетъ побѣжденный. Побѣдитель иногда несетъ бо́льшія потери, нежели побѣжденный: что же послѣ этого значитъ цифра убыли въ оцѣнкѣ положительныхъ результатовъ сраженія?

Результаты сраженій франко-прусской войны, напримѣръ, были: капитуляція двухъ армій, отхватъ двухъ провинцій, контрибуція въ пять миліардовъ, нарушеніе европейскаго равновѣсія въ пользу Пруссіи въ такой мѣрѣ, съ какой можетъ сравниться только нарушеніе его въ пользу Франціи въ эпоху Наполеона I, и проч., и проч. Кажется, все это результаты довольно положительные: и если авторъ проглядѣлъ ихъ, то потому только, что онъ за результаты сраженія признаетъ одни результаты дѣйствія оружіемъ: до остальныхъ ему дѣла нѣтъ.

Во вторыхъ, если преимущественно отъ нравственныхъ фактовъ зависитъ успѣхъ или неудача на войнѣ, то по человѣческой логикѣ выходитъ, что теорія военнаго дѣла должна основываться именно на нихъ; и что строющій ее на какихъ либо другихъ началахъ строитъ на пескѣ: по логикѣ же автора выходитъ, что теорія военнаго дѣла должна основываться хотя бы на второстепенныхъ, лишь бы только явныхъ и осязательныхъ данныхъ, въ противномъ случаѣ она лишится твердой точки опоры! И здѣсь опять обнаруживается то же, что и выше: теорію устройства оружія онъ ставитъ вмѣсто теоріи военнаго искусства и требуетъ для послѣдней такихъ основаній, которыя мыслимы только для первой.

Факты духа человѣческаго, хотя ихъ ни взвѣсить, ни измѣрить нельзя, слишкомъ внушительно заявляютъ свою реальность, чтобы ихъ игнорировать. Никто не откажетъ признать, кромѣ развѣ самыхъ узкихъ спеціалистовъ, что духовное начало, которымъ опредѣляется успѣхъ на войнѣ,—есть самоотверженіе; кото-

рымъ опредѣляется неудача—инстинктъ самосохраненія въ чрезмѣрномъ развитіи.

И мы не понимаемъ, почему эти духовные факты не могутъ служить основаніемъ теоріи военнаго дѣла? Если потому, что въ существѣ своемъ они намъ неизвѣстны, то вѣдь въ существѣ человѣкъ ничего не знаетъ, и въ этомъ отношеніи самое узкое или осязательное начало не представляетъ ни малѣйшаго преимущества передъ духовнымъ; если потому, что духовное начало неподчинимо измѣреніямъ, то вѣдь не далеко еще то время, когда и силъ такъ такъ называемыхъ физическихъ человѣкъ не умѣлъ измѣрять, что однако нисколько не мѣшало ему этими силами пользоваться. Ребенокъ понятія не имѣетъ о законахъ тяготѣнія и равновѣсія, открытыхъ физико-механиками; но это нисколько не мѣшаетъ ему отлично примѣнять ихъ при ходьбѣ. Да, наконецъ, это и не существенный признакъ истинности начала, допускаетъ ли оно или нѣтъ точныя опредѣленія и измѣренія. Мы даже полагаемъ, что обратное справедливо, т. е., что подчинимость измѣренію какой нибудь данной представляетъ лучшее доказательство того, что она не можетъ быть принимаема за начало: ибо это вѣрный признакъ, что она порядка второстепеннаго. Все дѣло въ томъ, что авторъ привыкъ роботать надъ данными, допускающими точныя измѣренія; и вслѣдствіе этого вообразилъ, будто военное искусство только и можетъ имѣть дѣло съ подобными данными: все же остальное—одна болтовня. За предѣлами своего узенькаго міра онъ ничего не хочетъ знать, объясняя таковое нежеланіе тѣмъ, что за этими предѣлами и узнавать нечего. Для него все военное искусство заключается въ лучшемъ устройствѣ ружья и пули. Это и высказывается дальше такимъ торжественно-наивнымъ тономъ, какъ будто великое открытіе:

„Техническія усовершенствованія имѣютъ за собою то огромное характеристическое преимущество, что они достигаются легче и болѣе надежны (!), нежели всѣ другіе элементы побѣды, зависящіе собственно отъ силъ человѣка или отъ состоянія его духа“.

Одно жаль: эти болѣе надежныя техническія усовершенствованія обращаются въ ничто, если человѣкъ, который призванъ примѣнять ихъ къ дѣлу, потеряется или дурно обученъ. Авторъ разсуждаетъ такъ, какъ будто на полѣ сраженія дѣйствуетъ одно оружіе безъ содѣйствія людей. Онъ не подозрѣваетъ того, что болѣе совершенное оружіе непремѣнно требуетъ и болѣе совершеннаго человѣка; и что затрудненія, возникающія при подготовкѣ его къ бою, какъ бы ни были они велики, не только не могутъ быть устранены никакимъ усовершенствованіемъ оружія, но, напротивъ,

возрастаютъ съ этимъ усовершенствованіемъ, всегда требующимъ болѣе усиленныхъ и настойчивыхъ занятій съ людьми *). Въ чемъ же разгадка этой явной несообразности, очевидно признаваемой авторомъ за самую неопровержимую и неподлежащую никакимъ ограниченіямъ истину? Разгадка въ одномъ—въ спеціализмѣ. Авторъ рабски подчинился своему предмету занятій, сотворилъ себѣ изъ него кумира и поставилъ его выше самого себя—выше человѣка. Но вѣдь онъ самъ человѣкъ, и человѣческое ему не чуждо; можно отводить нравственные факты, какъ неимѣющіе будто бы значенія въ теоріи военнаго дѣла; но игнорировать ихъ вліяніе нельзя. Авторъ возвратился къ этому вліянію и высоко-комически отмстилъ самъ себѣ за приведенныя односторонніе разсужденія. Указавъ относительное достоинство различныхъ системъ оружія самымъ обстоятельнымъ образомъ, онъ заключаетъ свою книгу

„оригинальною замѣткою о тройномъ дѣйствіи артилеріи: акустическомъ, оптическомъ и механическомъ, говоря, что и отдѣльное употребленіе этихъ трехъ элементовъ можетъ приносить огромную пользу въ боевой практикѣ, вслѣдствіе чего находитъ весьма цѣлесообразнымъ (?) устройство особыхъ легко перевозимыхъ аппаратовъ, посредствомъ которыхъ производились бы грохотъ и дымъ, совершенно схожіе съ производимыми дѣйствительною пальбою и тѣмъ способные вводить въ заблужденіе непріятеля".

Подобное предложеніе прямо показываетъ, до чего доводитъ невниманіе къ нравственному элементу: авторъ, какъ человѣкъ нерядовой, все равно его не обошелъ, но показалъ только своимъ предложеніемъ, что относительно этого элемента онъ стоитъ на точкѣ первобытныхъ младенческихъ воззрѣній, принятыхъ въ китайскомъ военномъ искусствѣ, въ которомъ какъ извѣстно, декоративная часть играетъ весьма видную роль **). Еслибы онъ относился съ бо́льшимъ вниманіемъ къ духовнымъ фактамъ природы человѣка, то ему и въ голову не пришло бы придавать такому ребяческому фокусу, какъ хлопушки, подобное значеніе. Онъ бы зналъ тогда, что даже стрѣляющія дѣйствительно, но непопадающія орудія не роняютъ, а поднимаютъ духъ противника; что же могутъ сдѣлать хлопушки? Онъ бы зналъ, что прежде чѣмъ заботиться о томъ, чтобы пугать чужихъ, нужно похлопотать о томъ, чтобы свои не пугались: не декоративныхъ, а дѣйствительныхъ

---

*) На нашихъ глазахъ, одиночное образованіе солдата изъ стойки, набиванія ноги и ружейныхъ пріемовъ обратилось въ гимнастику, фехтованіе, обученіе стрѣльбѣ, примѣненію къ мѣстности, грамотѣ, не говоря уже о строѣ.

Какъ увидимъ ниже, теперь потребуется нѣчто большее.

**) Полагаемъ, впрочемъ, что и китайцы, вѣроятно, оставили свои декораціи драконовъ, хищныхъ звѣрей и т. п., послѣ того какъ англо-французы показали имъ, что это средство дѣйствовать на нравственную сторону противника мало помогаетъ.

ожиданностей. Онъ бы зналъ, наконецъ, что воображающій, удто можно ошеломливать противника декораціями такъ часто, го для этого стоитъ имѣть даже спеціальныя орудія, показываетъ олько то, какъ мало нужно, чтобы ошеломить его самого. Армія, орошо выдержанная, сама по себѣ обладаетъ такими средствами ражать противника дѣйствительною неожиданностью, что въ деоративныхъ для этого средствахъ не нуждается *), а дурно выержанной они не помогутъ поразить неожиданностью противника, сли только онъ не выдержанъ еще хуже. Итакъ, противъ поадочнаго противника оптическо-акустическія средства совсѣмъ не одятся; а плохой и безъ нихъ не устоитъ, такъ какъ въ бою детъ лишь перваго благовиднаго предлога, чтобы дать тылъ.

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на сочиненіи Іенниса, чтобы еще разъ наглядно показать, къ какимъ несообразностямъ приходитъ изслѣдователь, если забываетъ самого ебя, т. е. человѣка. Психическія начала — и только они одни, огутъ служить тѣмъ вѣрнымъ свѣточемъ въ теоріи военнаго дѣла, оторый даетъ силу отвести въ ней подобающее мѣсто всякому емент у, ни одного не исключая и не принижая, и всѣ примиряя ъ высшемъ синтетическомъ единствѣ. Онъ одинъ можетъ предостеречь отъ тѣхъ, иногда комическихъ, но чаще страшныхъ по оимъ послѣдствіямъ увлеченій, примѣрами которыхъ такъ богата военная исторія. Механическая теорія **), на нашихъ глазахъ спускающая духъ, лучше всего показала, къ чему ведутъ одностороннія увлеченія: объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ по меньшей мѣрѣ десятки тысячъ, безвременно и безъ пользы для дѣла погибшихъ въ европейскихъ арміяхъ людей, которые были принесены въ жертву идолу однообразія. И, говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, всякій идолъ—такъ или иначе, но неминуемо потребуетъ столь же страшныхъ и столь же безплодныхъ человѣческихъ жертвъ....

---

*) Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы декоративныя средства не могли иногда помочь, и даже весьма дѣйствительнымъ образомъ; но утверждаемъ только, что для этого нѣтъ никакой надобности въ какихъ либо постоянныхъ орудіяхъ, а декораціи импровизуются, когда въ нихъ возникаетъ надобность, изъ тѣхъ же самыхъ средствъ, которыя и для дѣла пригодны. Такова, напримѣръ, была акустическая декорація, устроенная Наполеономъ въ третій день Аскольскаго сраженія, пославшимъ въ тылъ лѣваго фланга австрійскихъ войскъ 3 трубачей подъ командою толковаго офицера для представленія обходнаго отряда. Блюхеръ послѣ Ватерлоо, посадивъ верхомъ барабанщиковъ для ночнаго преслѣдованія французовъ, сдѣлалъ то же самое и т. п.

**) Т. е. основанная почти исключительно на стройности движенія.

VI.

Заключеніе.

Теорія должна указать
можно-лучшее; практика
стигаетъ возможнаго.

Изъ предшествующихъ частей разбора видно, что односто
нія увлеченія большинства современныхъ писателей происхо
отъ невниманія ко всѣмъ свойствамъ главнаго орудія на войн
человѣка; и отъ преклоненія, вслѣдствіе того, передъ тѣмъ
нихъ, которое въ данную минуту почему либо рѣзче бросается
глаза *). Такъ какъ подобные идолы минуты могутъ мѣняться,
сообразно этому и мнѣнія писателей, забывающихъ всего ч
вѣка, отличаются непостоянствомъ и шаткостью: сегодня шт
и глубокій строй — все, огонь ничего; завтра огонь и то
строй — все, штыкъ ничего. Бывали даже и такіе, которые
бовали поклоняться лопатѣ, ставя ее на ряду съ оружіемъ.
очень, очень рѣдко прокинется авторъ, который вспомнитъ
ловѣка; и, вспомнивъ его, скажетъ, что всякій идолъ ми
есть только часть дѣла, а не все дѣло; что нужно не
нибудь одно, а и огонь, и штыкъ, и лопата, и всѣ ст
нужные въ бою и внѣ онаго; что остановиться на чемъ ни
одномъ, значитъ затянуться въ односторонность, за которую
или поздно, но непремѣнно, бьютъ. И замѣчательно то, что
подобныхъ увлеченій не всегда бываютъ свободны даже л
весьма талантливые, и не по однимъ верхамъ знающіе те
военнаго дѣла: примѣръ Б., который отъ признанія ея на
въ видѣ формулы переходитъ къ незавѣдомому для себя о
цанію ихъ, когда рѣчь зайдетъ объ идолѣ настоящей мин
т. е. объ огнестрѣльномъ оружіи и о явленіяхъ, имъ вызван
въ минувшую войну **). Примѣръ поучительный тѣмъ въ осо
ности, что показываетъ, какъ логика оставляетъ тѣхъ, кото
принимаясь разсуждать о военномъ дѣлѣ, забываютъ о челов
Онъ показываетъ еще и другое: именно то, что можно поня

*) Иногда даже преклонялись не передъ основнымъ какимъ либо свойст
а передъ его производнымъ. Какія свойства человѣка мы признаемъ основ
въ военномъ дѣлѣ, будетъ показано ниже.

**) Припомнимъ напримѣръ то, какъ онъ заявляетъ невозможность пос
ныхъ правилъ, или что то же—нормъ для дѣйствій; и самъ пытается пост
разсыпной строй и охватывающую атаку именно какъ нормы.

ормулу начала, какъ фразу, и не быть въ состояніи примѣнить его къ факту; что человѣку мало убѣдиться въ истинѣ какого либо начала логическимъ путемъ, а необходимо еще свыкнуться съ этимъ началомъ, дабы получить способность открывать его въ фактахъ, не подчиняясь случайностямъ ихъ внѣшняго выраженія, т. е. не принимая этихъ случайностей за нѣчто постоянное и существенное. Однимъ словомъ, начало становится убѣжденіемъ, т. е. руководной нитью въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ только тогда, когда оно срастается съ человѣкомъ; обращается для него изъ факта логическаго въ физіологическій. Это объясняетъ и устойчивость застарѣлой рутины, которую такъ трудно бываетъ побороть; и непослѣдовательности тѣхъ, которые, ставъ одною ногою на новую дорогу, во что бы то ни стало усиливаются остаться другою на старой. Это же показываетъ, что мало доказать логически истину какого нибудь начала, а нужно еще, такъ сказать, втирать его въ сознаніе, повторяя, развивая, переворачивая его на всѣ лады, пока оно не водворится на мѣстѣ того, что должно вытѣснить. Да и то не всегда удается добиться пониманія: иногда не только потому, что старое слишкомъ вросло въ сознаніе, но и потому еще, что самая спеціальность, которой предался человѣкъ, мѣшаетъ зачастую пониманію, укоренивъ въ немъ свое начало: порядка низшаго и подчиненнаго, но до такой степени овладѣвающее сознаніемъ, что въ немъ не остается мѣста ни для чего другого. Примѣръ—Пленнисъ, дошедшій до признанія за истину той несообразности, будто техническія усовершенствованія болѣе надежны, нежели всѣ другіе элементы побѣды, зависящіе собственно отъ силъ человѣка, или отъ состоянія его духа.

Эти увлеченія прямо указываютъ на необходимость при всякомъ теоретическомъ изслѣдованіи постоянно имѣть въ виду психическія основанія военнаго дѣла, коренящіяся въ свойствахъ человѣка.

Попытаемся же опредѣлить ихъ.

Внутреннюю основу военнаго дѣла составляетъ начало товарищества, такъ какъ оно основа и воинскаго организма. «Не думай о себѣ, думай о товарищахъ; товарищи о тебѣ подумаютъ» вотъ первая воинская заповѣдь. Въ ней корень долга и самоотверженія, не вынужденныхъ, но отъ сердца идущихъ; въ сознаніи ея единственный залогъ того, чтобы войско было однимъ тѣломъ, имѣло одну душу. Это значеніе товарищества сознавалось всегда, что доказываютъ самыя наименованія частей: compagnie (товарищество), дружина и т. п.; доказываетъ также ве-

ликое значеніе, придаваемое товариществу тамъ, гдѣ внѣшняя опасность постоянна.

Начало товарищества есть сила составная изъ двухъ силъ, равно присущихъ человѣку, хотя между собою и противоположныхъ: самоотверженія и самосохраненія. Это видно даже изъ самаго опредѣленія товарищества, первая половина котораго требуетъ самоотверженія («не думай о себѣ, думай о товарищахъ»), а вторая оправдываетъ эту жертву, показывая, что въ ней заключается удовлетвореніе и личному инстинкту самосохраненія («товарищи о тебѣ подумаютъ»).

Первая составная, т. е. самоотверженіе, давая человѣку силу приносить себя въ жертву, даже до смерти, въ примѣненіи къ дѣлу борьбы съ врагомъ вызываетъ понятіе о взаимной выручкѣ, какъ о святѣйшемъ законѣ; вызываетъ рѣшимость между побѣдой и гибелью не признавать середины, т. е. производитъ дерзость и упорство въ достиженіи цѣлей: человѣку проникнутому желаніемъ «положить душу свою за други своя», нечего быть нерѣшительнымъ, нечего унывать въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ—вѣдь хуже того, на что онъ самъ себя обрекъ, непріятель ничего ему сдѣлать не можетъ. Но то же самоотверженіе, въ крайнемъ своемъ выраженіи, приводитъ и къ безумнымъ жертвамъ, къ безплодной погибели: давая человѣку силу стремиться на опасность, оно отучаетъ его взвѣшивать не только мѣру опасности, но даже задаваться вопросомъ о томъ, какъ легче ее преодолѣть. Однимъ словомъ, самоотверженіе будучи представителемъ нравственной энергіи Воли, въ послѣднемъ своемъ выраженіи исключаетъ хитрость, сноровку, т. е. умъ. Матеріальный представитель высшаго выраженія Воли—штыкъ.

Вторая составная — инстинктъ самосохраненія, производящій эгоистическую заботу о себѣ, стремленіе выйти поскорѣе изъ борьбы, преувеличеніе опасности, впечатлительность къ неожиданностямъ. Понятно, куда стремитъ эта сила, сама по себѣ, въ конечномъ выраженіи; но въ сочетаніи съ первой она вызываетъ заботу о томъ, чтобы дѣло борьбы облегчить для себя, затруднить для противника при помощи искусства и различныхъ матеріальныхъ приспособленій; вызываетъ, однимъ словомъ, дѣятельность ума. Самоотверженіе презираетъ опасность, самосохраненіе преувеличиваетъ ее: при взаимодѣйствіи этихъ силъ получается въ результатѣ оцѣнка ея въ мѣру дѣйствительную и стремленіе пріискать средства къ преодолѣнію ея съ возможно меньшими для себя усиліями и потерями. Матеріальный представитель этой составной—огнестрѣльное оружіе.

Кажется, излишне доказывать, что ни одна изъ этихъ силъ исключена быть не можетъ, ибо другая не представляетъ всѣхъ условій для побѣды надъ врагомъ; все дѣло заключается въ стройномъ гармоническомъ ихъ сочетаніи: какъ въ обученіи войскъ, такъ въ дѣйствіи ихъ, такъ, наконецъ, въ изслѣдованіи явленій войны и боя. Это то же равновѣсіе воли и ума,—только въ другомъ выраженіи,—которое Наполеонъ признаетъ высшимъ даромъ въ полководцѣ. Припомнимъ, что онъ же предпочитаетъ, если сказаннаго равновѣсія нѣтъ, перевѣсъ воли надъ умомъ обратному. И если это предпочтительно даже въ полководцѣ, то и говорить нечего, что безусловно желательно на всѣхъ среднихъ и особенно низшихъ степеняхъ воинскаго товарищества. Самоотверженіе и потому должно имѣть верхъ, что оно не имѣетъ другой цѣли, кромѣ указанной къ достиженію; между тѣмъ какъ у самосохраненія есть своя собственная цѣль—избавиться отъ опасности.

Но такъ какъ изслѣдователи военныхъ вопросовъ большею частью даютъ свои выводы безъ вниманія къ этимъ основнымъ силамъ и къ невозможности исключенія которой-либо изъ нихъ, то и получается обыкновенно односторонняя апологія или чисто въ пользу самоотверженія, или чисто въ пользу самосохраненія. Первое увлеченіе свойственно, въ большинствѣ случаевъ, натурамъ энергическимъ, видѣвшимъ часто бой лицомъ къ лицу и не разъ испытавшимъ сверхъестественную мощь Воли. Они знаютъ, какъ, благодаря энергическому проявленію Воли, цѣлыя тысячи сдавались въ плѣнъ свитѣ съ небольшимъ конвоемъ (1796); они знаютъ, какъ 20-ти-тысячныя арміи разбивали 70-ти-тысячныя (Лейтенъ 1763); они знаютъ, наконецъ, какъ цѣлые десятки тысячъ проходили по такимъ тропинкамъ и въ такое время года, по которымъ въ то время года не отваживаются проходить одиночные охотники (Суворовъ 1799), — и они преклоняются передъ непостижимымъ, обаятельнымъ величіемъ этой силы.... Геніальнѣйшіе полководцы къ концу своей дѣятельности поддавались увлеченію ею, доходя иногда до полнаго игнорированія препятствій, по существу неодолимыхъ; факты: атака Суворовымъ С. Готарда *); походъ 1812 года, послѣдняя атака подъ Ватерлоо Наполеона: страшное упорство, несдававшееся на самые очевидные доводы, Фридриха и того же Наполеона къ концу ихъ карьеры. Да и какъ имъ было не увлечься? Вѣдь имъ столько разъ случалось одолѣвать казавшееся невозможнымъ силою Воли, что простительно было

*) Невыждавшимъ вліянія обходныхъ колоннъ, имъ же неправленныхъ.

прійдти къ убѣжденію, что для этой силы нѣтъ и не можетъ быть невозможнаго кромѣ силы воли еще превосходнѣйшей. А таковой они, конечно, ни въ комъ изъ противниковъ признавать не могли, ибо съ ихъ стороны это значило бы потерять вѣру въ самихъ себя.

Увлеченія въ области инстинкта самосохраненія свойственны такимъ изслѣдователямъ, которые не видятъ *) далѣе того, что показываетъ имъ матеріальный глазъ, и которые поэтому неспособны сосредоточиться мыслью на томъ, что происходитъ въ сердцѣ человѣка подъ пулями, гранатами и на дистанціи штыка. Выводы ихъ бываютъ весьма осязательны,—столь же осязательны, сколько и односторонни; напримѣръ: стрѣльба непріятеля смертоносна, слѣдовательно атаковать его съ фронта нельзя, а нужно охватить; если же нельзя охватить, то нельзя и надѣяться на успѣхъ атаки съ фронта. Люди неспокойно стоятъ подъ огнемъ и даже самопроизвольно бросаются впередъ и разсыпаются, дабы въ трескотнѣ найти развлеченіе отъ гнетущаго ихъ чувства опасности,—явленіе не новое, давно извѣстное и объясняемое недостаткомъ самообладанія въ людяхъ. Но изслѣдователямъ второй категоріи кажется, что это такъ и быть должно, и что это составляетъ характеристическую черту современнаго боя. И получается такимъ образомъ, незавѣдомо для самихъ авторовъ, оправданіе инстинкта самосохраненія за тѣми предѣлами, внѣ которыхъ проявленіямъ его присвоено другое наименованіе.

Принимая за доказанное, что нельзя упускать изъ виду ни самоотверженія, ни самосохраненія, выводимъ, что руководящая мысль воспитанія и образованія можетъ быть выражена такъ: способствовать развитію самоотверженія и его производныхъ всѣмъ строемъ воспитанія и образованія, не исключая однакожь и самосохраненія въ тѣхъ его проявленіяхъ, которыя (какъ примѣненіе къ мѣстности, хорошее фехтованіе и стрѣльба, разныя средства созданія непріятелю препятствій) способствуютъ легчайшему достиженію цѣли въ бою. Затѣмъ все должно быть устремлено на пригнетеніе вредныхъ проявленій этой послѣдней силы въ бою, какъ: преувеличеніе опасности, впечатлительность къ неожиданностямъ, быстро наступающее за началомъ боя уныніе, недовѣріе къ своимъ силамъ и т. под. Это духъ обученія **); объемъ же его опредѣляется аксіомой: «что без-

*) Или если и видятъ, то не ясно.

**) Подъ обученіемъ, будемъ разумѣть всю систему какъ воспитанія, такъ и образованія.

лѣзно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе», вы-
димой изъ закона силы привычки надъ человѣкомъ, вліяніе коей
особенности могущественно въ тѣ минуты, когда человѣкъ на-
дится въ неспокойномъ состояніи духа.

Установивъ эту точку зрѣнія, посмотримъ, какихъ дополненій
измѣненій слѣдуетъ желать теперь въ воспитаніи и образованіи
йскъ.

Представляется, во первыхъ, вопросъ: какія существенныя из-
мѣненія въ свойствахъ вооруженной силы побуждаютъ желать из-
мѣненій въ ея обученіи?

Первое и менѣе существенное измѣненіе, хотя оно сильнѣе
ьосается въ глаза, заключается въ распространеніи усовершен-
вованнаго огнестрѣльнаго оружія. Признаемъ его менѣе суще-
веннымъ потому, что непосредственное вліяніе измѣненія оружія
ключается только въ измѣненіи пріемовъ обученія дѣйствію этимъ
ружіемъ, въ измѣненіи строевъ и въ томъ, что бой начинается
болѣе дальняго, чѣмъ прежде разстоянія.

Второе — первостепенной важности — короткіе сроки службы.
сцѣпленіе, которое достигалось прежде само собою, путемъ
ханической долголѣтней свычки, теперь должно составить пред-
тъ воспитанія и потребуетъ усиленной, непрерывной и строго
слѣдовательной работы. Набрать людей конечно легко; но нужно,
обы они срослись въ органическія тѣла; такъ какъ при корот-
ихъ срокахъ службы эта задача чисто механическимъ путемъ
зрѣшена быть не можетъ, то возникаетъ необходимость прибѣ-
гуть для этого, при воспитательной работѣ, еще къ содѣйствію
ихъ личныхъ внутреннихъ инстинктовъ человѣка, которые по на-
тоящее время оставались въ полномъ небреженіи и гибли безпо-
езно для дѣла.

Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что современныя войска
традаютъ недостаткомъ внутренняго сцѣпленія и самообладанія
одъ огнемъ. Мы это считаемъ именно «недостаткомъ», а не ха-
актеристическою и естественною чертою современнаго боя, въ
лу того соображенія, что и сами односторонніе приверженцы
гнестрѣльнаго оружія признаютъ, что потери теперь не больше
акъ и въ сраженіяхъ наполеоновской эпохи: слѣдовательно, и эти
риверженцы должны признать, что солдатъ подчиняется не дѣй-
твительности оружія, а оптическому и акустическому его эфекту.
акимъ же путемъ достигнуть сцѣпленія и самообладанія? До сихъ
оръ считали, что лучшее для этого средство составляютъ упраж-
енія въ сомкнутомъ строѣ. Послѣднія кампаніи показали,
то оно недостаточно; что сомкнутый строй далъ уже въ

этомъ отношеніи все, что могъ, и болѣе дать не въ состояніи. Будучи средствомъ чисто механическимъ, сомкнутый строй могъ имѣть воспитательное значеніе только тогда, когда ему на помощь приходила сила привычки, т. е. когда солдатъ оставался въ рядахъ 10, 15 и болѣе лѣтъ. Теперь этого болѣе нѣтъ: сомкнутый строй изъ главнаго средства обратился во вспомогательное: солдатъ долженъ сохранять сомкнутый строй потому, что имѣетъ внутреннее къ этому расположеніе, владѣетъ собою и пріученъ подчиняться начальнику; а не потому подчиняется начальнику, что стоитъ въ сомкнутомъ строѣ.

Какъ же воспитать въ солдатѣ подобное подчиненіе? Средство одно: обратиться къ его внутреннему міру и въ немъ искать точекъ опоры для подчиненія и для органическаго сцѣпленія между людьми, составляющими часть.

Для достиженія этой цѣли первое средство укоренить между людьми знаніе обязанностей внутренней и гарнизонной службы: второе—составленіе строя и нравственная закалка людей.

Укорененіе знанія обязанностей внутренней и гарнизонной службы.—Объ этомъ столько уже говорилось, что и повторять неловко. Нужно хлопотать о сознательномъ усвоеніи обязанностей внутренней службы, ибо онѣ теперь извѣстны не вполнѣ; да если и извѣстны, то случайно, по рутинѣ, не всѣ и не всѣмъ. Нужно подумать наконецъ о томъ, чтобы существенныя обязанности гарнизонной службы стали на первый планъ, а формалистика ея на второй.

Составленіе строя. Если товарищество есть основная сила воинскаго организма, то прежде всего слѣдуетъ подумать о томъ, чтобы не только не препятствовать его укорененію, но всѣми мѣрами тому способствовать: какъ между людьми одной части, такъ и между частями. На этомъ основаніи ранжиръ внутренній или нравственный въ ротѣ, эскадронѣ, батареѣ долженъ быть предпочтенъ внѣшнему: ни малѣйшей разницы между расположеніемъ въ строю и дома; рядомъ строются и живутъ дружные между собою, а не близкіе по одному только росту люди *). Звено, десятокъ—не номинальные только, а дѣйствительные организмы, изъ которыхъ слагаются организмы высшіе; начальники ихъ отвѣтственны въ строю и внѣ онаго; избираются въ должности по характеру, знанію дѣла и по мѣрѣ уваженія, снискаваго у товарищей и начальниковъ; составъ частей измѣняется, по

*) За начальствомъ всегда остается право разрушать товарищества, почему либо могущія быть вредными для дѣла.

зможности, рѣже; мелкихъ переводовъ никакихъ—ни для урав-
нія рядовъ, ни по другимъ причинамъ внѣшняго свойства.
Однимъ словомъ, признать наконецъ, что войско должно быть
рганически сростающейся, а не механически сплачиваемою мас-
ой; и къ участію въ этомъ великомъ актѣ сростанія призвать
ѣ внутренніе симпатическіе инстинкты человѣческой природы,
оторые теперь не обращаютъ ничьего вниманія и погибаютъ
езплодно. При такомъ составѣ строя внутреннее сцѣпленіе бу-
етъ даже въ новонабранной массѣ; а чувство товарищества не
ожетъ не дать всѣхъ своихъ плодовъ: драться бокъ-о-бокъ съ
еловѣкомъ, къ которому лежитъ сердце, или съ такимъ, у кото-
аго съ вами общаго одинъ только ростъ—не одно и то же.

Въ силу того же начала товарищества необходимо подумать
томъ, чтобы устранить всѣ поводы къ антагонизму между ча-
ями, а не плодить эти поводы.

Но призвать сказанные инстинкты на помощь устойчивости
роя въ бою недостаточно; нужно еще, чтобы: 1) солдатъ по-
лъ, что сплоченность строя даетъ не только успѣхъ, но и спа-
ніе отъ гибели; 2) чтобы солдатъ и офицеръ привыкли спокойно
осить тѣ оптическія и акустическія вліянія боя, которыя не
ставляютъ сами по себѣ дѣйствія, а только предвареніе о немъ,
между тѣмъ производятъ на молодой составъ сильное впечат-
ніе.

Средство достигнуть первой цѣли—почаще ставить солдата
в такое положеніе, изъ котораго было бы видно, что сообща
ло и быстрѣе и легче дѣлается, чѣмъ въ разбродъ, и что со-
ща его можно сдѣлать только при полномъ подчиненіи волѣ
ачальника.

Вторая цѣль ведетъ насъ въ область пріемовъ обученія, въ
астоящее время почти несуществующихъ; они имѣютъ цѣлью
ріучить глазъ и ухо солдата *) къ явленіямъ боя, слѣдовательно
нять у этихъ явленій впечатлѣніе неожиданности: если не
олнѣ, то въ мѣрѣ возможности.

Упражненія въ самообладаніи. На молодыя войска въ
ервый періодъ боя неблагопріятно дѣйствуетъ свистъ пуль и
анатъ противника; нужно по этому освоить ихъ съ этимъ зву-
мъ въ мирное время. Пріемы для этого: 1) обстрѣливанье; 2)
еніе на пространствѣ между мишенями и артилерліей во время
трѣльбы боевыми зарядами; также стрѣльба артиллеріи поверхъ
Ѣхоты при ученьяхъ съ боевыми зарядами и патронами.

*) Слѣдовательно и нервы.

Первый пріемъ могъ бы быть примѣняемъ такъ: по окончаніи предварительнаго обученія, т. е. при производствѣ *) рекрута въ солдаты, онъ подвергается послѣднему испытанію—въ хладнокровіи подъ выстрѣлами. Для этого онъ становится передъ мишенью, хоть № 3-го; а стрѣлокъ, выбираемый, конечно, изъ отличныхъ, стрѣляетъ въ нее по сторонамъ испытуемаго, со станка, поставленнаго отъ мишени шагахъ въ пятидесяти.

Выдержавшій испытаніе удовлетворительно, объявляется солдатомъ. Обрядъ этотъ, обставленный съ нѣкоторою торжественностью, составилъ бы посвященіе рекрута въ солдаты и вмѣстѣ наглядное его убѣжденіе въ томъ, что солдату не только стыдно, но смѣшно бояться звука пули. При самомъ небольшомъ вниманіи, подобную обстрѣлку можно обратить въ молодецкую потѣху, которую солдатъ полюбилъ бы. Повторять обстрѣлку слѣдуетъ ежегодно съ офицерами и со старыми солдатами, удѣливъ на нее хоть пять патроновъ изъ положеннаго на человѣка отпуска. Употребленные, подобнымъ образомъ, они не будутъ потеряны: что толку, если солдатъ отлично стрѣляетъ въ спокойномъ состояніи духа, а подъ выстрѣлами непріятеля у него руки ходуномъ ходятъ? Не обращаютъ вниманія на то, что искусство безъ спокойствія въ бою ничего не стоитъ, и что стрѣлокъ не очень искусный, если онъ пріученъ къ свисту пуль, сдѣлаетъ болѣе непріученнаго, хотя бы послѣдній и былъ искуснѣе.

Излишне, кажется, доказывать, что этотъ пріемъ воспитанія не представляетъ дѣйствительной опасности при теперешнихъ ружьяхъ; а рѣдкіе несчастные случаи и при самомъ невинномъ занятіи возможны; слѣдовательно, съ ними можно и должно мириться, достигая такой великой цѣли, какъ укрѣпленіе солдата въ самообладаніи.

Ученья подъ выстрѣлами артиллеріи. При крутизнѣ полета принятыхъ теперь артиллерійскихъ снарядовъ, стрѣльба черезъ головы своихъ войскъ признается возможною въ бою, слѣдовательно должна быть признана необходимою и въ мирное время: иначе будетъ производить на своихъ неожиданное и непріятное впечатлѣніе въ дѣлѣ. Стрѣльба этого рода принесетъ ту громадную пользу, что разжалуетъ свистъ непріятельскихъ снарядовъ изъ неожиданностей въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ явленій для нашихъ войскъ. Наконецъ, войска менѣе будутъ

*) Мы знаемъ, что этотъ переходъ, къ сожалѣнію, неоставленъ какъ „производство“: но по духу онъ долженъ быть производствомъ болѣе существеннымъ, чѣмъ изъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры.

стѣснены въ выборѣ мѣстъ для ученій и для стрѣльбы: условіе въ наше время весьма немаловажное.

Возможность этого благодѣтельнаго пріема воспитанія неопровержимо явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

Примѣчаніе. Принято при составленіи ея то условіе, что снарядъ, летящій надъ головою въ двухъ съ небольшимъ саженяхъ *), не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія.

Орудіе 4-фунтовое:

	С а ж е н ь;				
Дистанціи	700	600	500	400	300
Безопасныя пространства начинаются отъ дула въ	23,17	27,79	36,15	44	61,37
Безопасныя пространства кончаются отъ мишеней (прибавляя утроенное среднее квадратическое продольное отклоненіе) въ. . . .	48,2	51	56,3	64,4	78,9
Длина безопаснаго пространства	628,63	521,21	407,55	291,6	159,73

Слѣдовательно, отложивъ круглымъ счетомъ отъ дулъ орудій и отъ мишеней по 50 сажень при дистанціи въ 700, по 60 при дистанціи въ 600 и въ 500, по 70 при дистанціи въ 400 и по 80 сажень при дистанціи въ 300 сажень, получимъ безопасныя пространства: въ 600, 480, 380, 260, 140 сажень. Эти послѣднія цифры остаются вѣрными и въ примѣненіи къ стрѣльбѣ изъ 9-фунтовыхъ орудій.

Понятно, что при стрѣльбѣ на первыя двѣ дистанціи въ безопасномъ пространствѣ могутъ обучаться даже крупныя части. Понятно также, что ставъ на чертѣ безопаснаго пространства, ближайшей къ орудіямъ, пѣхота можетъ подъ выстрѣлами артиллеріи упражняться въ стрѣльбѣ на самыя дальнія дистанціи по мишенямъ, поставленнымъ въ направленіи артиллерійскихъ мишеней,—впереди, или на линіи, или за линіей этихъ послѣднихъ.

Во избѣжаніе перехода границъ безопаснаго пространства, достаточно будетъ самаго рѣдкаго внутренняго оцѣпленія, которое обозначало бы эти границы со стороны орудій и мишеней.

---

*) Въ трехъ саженяхъ надъ поверхностью земли. Все это было вѣрно относительно прежней артилеріи; относительно дальнобойной данныя измѣнятся. Поздн. прим.

И безъ объясненія понятно, какую можно извлечь громадную пользу изъ обоихъ этихъ пріемовъ для нравственной закалки людей; при современномъ состояніи огнестрѣльнаго оружія и при короткихъ срокахъ службы они составляютъ необходимое дополненіе къ сквознымъ атакамъ, достигая той же цѣли относительно оптическаго и акустическаго эфекта огнестрѣльныхъ снарядовъ, какой сквозныя атаки достигаютъ относительно оптическаго эфекта кавалерійской и пѣхотной атакъ. Въ силу могущественнаго вліянія привычки на человѣка, для него всегда было дѣло не въ мѣрѣ опасности, а въ мѣрѣ привычки къ ней: даже непріятныя впечатлѣнія, испытываемыя часто, онъ выноситъ спокойнѣе и съ бо̀льшимъ самообладаніемъ, нежели пріятныя, но неожиданныя и непривычныя.

Возраженія и противъ этого пріема, могущія заключаться въ томъ, что могутъ быть несчастные случаи, и что пѣхота будетъ мѣшать артиллеріи, не имѣютъ состоятельности. При тщательномъ снаряженіи гранатъ несчастные случаи, по завѣренію артиллеристовъ, невозможны, и опасеніе ихъ только заставитъ усовершенствовать операцію снаряженія; что же до помѣхи, то вѣдь она и въ сраженіи неизбѣжна; слѣдовательно, артиллеристамъ тоже нужно къ ней примѣниться. Сами артиллеристы сознаютъ это и всю пользу отъ подобной практики *).

Полагаемъ, что эти три мѣры **) должны дать устойчивость строю въ огнестрѣльный періодъ боя, утраченную имъ не вслѣдствіе дѣйствительности современнаго огня, а вслѣдствіе того, что при короткихъ срокахъ службы сомкнутый строй уже болѣе не можетъ вполнѣ имѣть прежняго своего образовательнаго значенія. Первая и вторая мѣры даютъ людямъ внутреннее расположеніе держаться вмѣстѣ и на мѣстѣ ***), если начальникъ признаетъ то нужнымъ; а послѣдняя отниметъ характеръ неожиданности****) у тѣхъ явленій боя, которыя при современной недостаточной подготовкѣ людей даютъ возможность инстинкту самосохраненія подавлять самоотверженіе и его производную, т. е. чувство долга.

---

*) См. „Артиллерійской Журналъ“ № 11, 1872 г., стр. 1,592, статья г. Забусова.

**) Т. е.: 1) признаніе участія внутреннихъ влеченій въ составленіи строя, 2) утвержденіе людей въ убѣжденіи, что дружное, и самое выгодное для нихъ лично, дѣйствіе получается не иначе какъ при полномъ подчиненіи волѣ начальника, 3) обстрѣливаніе пулями и ученья подъ траекторіями гранатъ.

***) Равно какъ и быстро собираться изъ разсыпки.

****) Предупреждая недоразумѣніе, замѣтимъ, что роль неожиданности въ бою принадлежитъ всякому явленію въ бою, хотя бы и извѣстному, если только мы не привыкли преодолѣвать впечатлѣніе имъ производимое.

Въ этихъ пріемахъ, противъ цѣлесообразности которыхъ нѣтъ гическихъ доводовъ, мы видимъ новое подтвержденіе высокаго аченія въ военномъ воспитаніи и образованіи сквозныхъ атакъ, къ завершенія курса нравственной закалки людей и офицеровъ. ослѣдовательно и настойчиво пройдя подобный курсъ, мы гаранруемъ войска отъ всѣхъ акустическихъ и оптическихъ неожинностей, въ бою возможныхъ: и имъ останется преодолѣвать дѣлѣ только одно впечатлѣніе, производимое потерями. Конечно, зъ привычки не легко выносить и это одно впечатлѣніе; но еще желѣе сверхъ него выносить и всѣ перечисленныя.

Правило, совѣтущее стараться въ бою и на войнѣ всегда редпринимать то, чего противникъ не ожидаетъ, въ большинствѣ учаевъ вѣрно, ибо основано на весьма сильной производной истинкта самосохраненія, именно на парализующемъ вліяніи якой неожиданности на человѣка неподготовленнаго. Изъ этого ѣдуетъ, что военный человѣкъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы о ничѣмъ удивить было нельзя; такъ, что все воинское обученіе, ли оно хорошо соображено, въ общемъ представляетъ систему ріученія войскъ ко всѣмъ неожиданностямъ, въ бою возможнымъ. сли это такъ, то какой неисчислимый нравственный ущербъ лжно наносить войску все то, что, не имѣя постояннаго харакра въ бою, при мирномъ обученіи заключается въ постоянныя сныя рамки! Подобная система оказывается направленною къ му, чтобы не уменьшать, а увеличивать для войскъ число неиданностей, чтобы пріучать войска не преодолѣвать неожиданости, но озадачиваться ими.

Маневрированіе. Азбуку маневрированія составляетъ обуніе строямъ и эволюціямъ внѣ условій пространства и времени: о то же, что, напримѣръ, упражненіе въ чистописаніи безъ ысли о томъ, что пишешь. Какъ начало, это неминуемо и составляетъ существенную часть дѣла; но не все дѣло. Конечно, необходимо привыкнуть понимать и исполнять команду; необхоимо привыкнуть согласовать свои движенія съ товарищами; но це необходимѣе умѣть примѣнять это знаніе къ дѣлу. И потому олго останавливаться на первомъ значитъ неминуемо упустить орое, значитъ цѣлое принести въ жертву части. Отсюда необхоимость останавливаться поменьше на ученьяхъ перваго рода и льшую часть времени посвящать на вторыя, т. е. на маневрированіе. Отсюда же явствуетъ безполезность повторенія всего го, что не забывается разъ оно изучено, въ родѣ, напримѣръ, ружейныхъ пріемовъ и т. п. Это соотвѣтствуетъ тому, какъ если ы человѣка, не только умѣющаго писать, но и выражать пись-

менно свои мысли, возвращать періодически къ писанію палочекъ.

Итакъ, съ солдатами, уже знающими элементарную часть строя, другихъ ученій, кромѣ какъ по «прикладной тактикѣ» *), полезнѣе не производить. Это предполагаетъ не только указаніе цѣли (атаковать или обороняться), не только указаніе мѣста нахожденія и рода предполагаемаго противника, не только вниманіе къ мѣстности, но нѣчто большее и существеннѣйшее; именно постоянное и неослабное вниманіе къ тому, чтобы смыслъ всего происходящаго на ученьи былъ доступенъ всякому въ немъ участвующему. Это единственное средство добиться того, чтобы и люди, и офицеры участвовали въ ученьи не однѣми руками и ногами, но также сердцемъ и головой; это единственное средство добиться важнѣйшаго, именно навыка ясно и вразумительно выражать свою волю всѣмъ начальникамъ, отъ большого командира и до старшаго въ звенѣ. Уча учимся. Этотъ навыкъ мы считаемъ важнѣйшимъ потому, что толковое исполненіе чего либо, прежде всего, обусловливается пониманіемъ со стороны исполнителя того, чего отъ него хотятъ. Если этого нѣтъ, путаница неизбѣжна. Нужно ли говорить, что этотъ элементъ ученій находится въ такомъ состояніи, что требуетъ полнаго забвенія старыхъ привычекъ, полнаго перевоспитанія? Кому не случалось получать такія, напримѣръ, приказанія: «идите туда-то», да еще съ прибавкою «въ такомъ-то строю»? Для чего идите—неизвѣстно. Укажите цѣль, а я ужь пойду и строй пріищу. Кому не случалось видѣть, какъ, получивъ отъ старшаго начальника совершенно ясное приказаніе, начальники подчиненные, разъѣхавшись или разойдясь по своимъ мѣстамъ, и не подумаютъ даже передать его своимъ частямъ? А если начнутъ передавать, то выходитъ такое, что не найдешь ни подлежащаго, ни сказуемаго, ни связки? И это происходитъ отнюдь не отъ неспособности, а просто отъ непривычки произносить передъ строемъ что либо другое кромѣ командъ **). Мы всѣ и всегда чего то суетимся и куда-то торопимся на ученьяхъ; къ чему? Напутать всегда поспѣемъ. А въ бою прежде всего нужно спокойствіе....

И потому первое и главное вниманіе на маневрахъ должно

---

*) По выраженію Богуславскаго.

**) Привыкшимъ только командовать въ строю также странно начать говорить, какъ непривыкшему командовать странно бываетъ начать выкрикивать команды.

быть постоянно устремлено на редакцію приказанія и на то, чтобы передача первоначальнаго приказанія, опредѣляющаго цѣль ученья, такъ и послѣдующихъ, вызываемыхъ его развитіемъ, происходила дѣльно, т. е. спокойно, опредѣлительно, безъ малѣйшей суеты или торопливости и, въ порядкѣ постепенности, доходила до мельчайшихъ подраздѣленій обучаемой части: послѣднее, разумѣется, въ предѣлахъ, даваемыхъ сущностью самаго приказанія. До чего это важно, видимъ у К. ф. В.: обыкновенно краткій, онъ не задумался дать два или три обращика редакціи приказаній для мелкихъ стрѣлковыхъ частей.

Это—умственный элементъ ученья, если позволено такъ выразиться. Второй элементъ его, матеріальный—представляется всѣмъ тѣмъ, что войска исполняютъ для осуществленія мысли начальника, и что одно привыкли разумѣть подъ словами: маневръ, ученье. Такъ какъ эта часть дѣла до сихъ поръ привлекала къ себѣ исключительное вниманіе, то она выработана удовлетворительнѣе первой и представляетъ пробѣлы только такихъ пріемовъ, исполненіе которыхъ не привлекаетъ къ себѣ глаза. Мы не будемъ по этому распространяться объ исполнительной части маневрированія, а укажемъ только на сущность того, къ чему въ ней слѣдуетъ стремиться.

Вниманіе должно быть обращено: а) на порядокъ въ каждой части (прежде всего), который въ строю по-ротно легко поддерживается и на самой пересѣченной мѣстности *); б) на соотвѣтствующее употребленіе строевъ, сообразно цѣли, мѣстности, роду противника и направленію, въ которомъ онъ предположенъ; в) на строгую выдержку направленія, въ которомъ ведется ученіе **); г) на пріученіе къ тому, чтобы въ случаѣ убыли начальника на его мѣсто являлся новый, сколько-бъ ихъ ни выбыло ***); д) пріу-

---

*) Разумѣемъ, конечно, ту степень порядка, которая для боя нужна. Ничего для вида, все для дѣла. Будемъ добиваться дѣла и видъ будетъ хорошъ; добиваясь же только вида, дѣла не получимъ, ибо онъ составляетъ только часть дѣла.

**) Мы считаемъ это до такой степени важнымъ, что для пріученія, признаемъ полезнымъ спеціальныя ученія, заключающіяся преимущественно въ томъ, чтобы дѣлать продолжительныя движенія, сохраняя направленіе на какой либо отдаленный предметъ, потомъ избирать вмѣсто него другой въ новомъ направленіи и т. д. Это практика начальникамъ въ умѣньѣ прицѣливать свои части, не теряя, непроизвольно, разъ взятой прицѣльной линіи. Впрочемъ, давая ученію всегда цѣль, это достигнется само собою.

***) Пріемъ, до сихъ поръ упущенный изъ виду, а между тѣмъ кажется немаловажный. Всякому не разъ, вѣроятно, случалось читать: часть потеряла своихъ начальниковъ и смѣшалась. Гдѣ есть внутренній порядокъ, тамъ этого случиться не можетъ, ибо никто не мѣшаетъ назначить заблаговременно даже нѣсколько смѣнъ начальниковъ. Это одна изъ тѣхъ вещей, которыя должны дѣ-

ченіе къ тому, чтобы при убыли въ сомкнутомъ строю ряды смыкались *); е) наблюденіе затѣмъ, чтобы въ линіи сомкнутыхъ частей, каждая, соблюдая строгій порядокъ, обращала вниманіе на то, чтобы держать направленіе, а не хлопотала бы о педантическомъ равненіи по линіи. Отнюдь не допускать въ особенности того, чтобы части, выдавшіяся впередъ, съ этою цѣлью осаживали или замедляли шагъ; ж) наблюденіе затѣмъ, чтобы начальники на маневрахъ занимали то мѣсто, которые они будутъ занимать въ бою: а перемѣняя мѣсто никогда не забывали принимать мѣры къ тому, чтобы ихъ можно было найти.

Затѣмъ, должно сдѣлать: 1) чтобы маневры не принимали какого либо постояннаго типа, т. е. не кончались постоянно чѣмъ нибудь однимъ: или охватомъ, или атакою въ лобъ **), ибо войска должны умѣть дѣлать и то и другое хорошо; 2) чтобы не укоренилось пристрастіе къ одному какому либо боевому порядку. То и другое, опять-таки, необходимо соблюдать въ силу того соображенія, чтобы добровольно не увеличивать войскамъ число неожиданностей въ бою, такъ какъ, привыкнувъ къ извѣстному образу дѣйствія или къ извѣстнымъ формамъ, они могутъ потеряться, наткнувшись на другой образъ дѣйствій или на другія формы строя; 3) чтобы наступленіе шло какъ бы скачками, т. е. дѣлалось широкимъ шагомъ и сразу на значительныя разстоянія, какъ то предложено нами еще въ 1869 году ***), и какъ вновь предлагается офицерами штаба прусской гвардіи въ запискѣ объ измѣненіяхъ въ уставѣ, вызываемыхъ кампаніею 1870 года ****).

Производить ли ученья, перемѣшивая въ разсыпномъ строю различныя части, какъ то предлагаетъ Богуславскій? Почему нѣтъ: лишняя практика офицерамъ и унтеръ-офицерамъ въ умѣньѣ со-

---

заться сами собою, безо всякаго напоминанія свыше. Средство пріучить къ этому очень просто: удерживать при себѣ начальника части, а между тѣмъ продолжать ученіе, не позволяя ему командовать, и смотрѣть явится ли на его мѣсто замѣняющій. Съ этимъ послѣднимъ повторить то же и т. д. То же повѣрять во всѣхъ частяхъ, до звена, подлежащимъ начальникамъ.

*) Пріемъ для этого простой: „такой-то рядъ или такіе-то ряды стой“, если часть шла; или: „осади“, если стояла; и смотрѣть, чтобы ряды смыкались къ серединѣ. Само собою этотъ пріемъ безполезно примѣнять на частяхъ выше роты.

**) Мы предпочитаемъ это русское слово иностранному „фронтъ“, имѣющему совершенно то же значеніе.

***) См. Статью „Винтовки скорострѣльная и обыкновенная съ тактической точки зрѣнія.“

****) См. «Военный Сборникъ» 1872 г. № 2, Иностранное обозрѣніе «Измѣненія въ прусскомъ уставѣ, вызванныя опытомъ минувшей войны». Въ этой же статьѣ находимъ весьма мѣткія возраженія противъ односторонняго увлеченія охватами (стр. 230) и противъ притупляющаго свойства постоянныхъ нормъ строя; а въ особенности непримѣнимыхъ въ бою (стр. 238).

хранить подобающее имъ значеніе и въ безпорядкѣ,—никогда не мѣшаетъ.

Войска должны быть обучаемы не одному сохраненію механическаго порядка, но и тому, чтобы, утративъ его, они не теряли порядка внутренняго, т. е. способности подчиняться волѣ старшихъ и исполнять тактическія назначенія.

Строевые уставы. Примѣняя къ нимъ извѣстное начало, что «безполезное на войнѣ вредно вводить въ мирное обученіе», посмотримъ, чего слѣдуетъ желать по этой части.

Въ видахъ упрощенія устава слѣдуетъ, во-первыхъ, ограничиться одной системой построенія батальонныхъ колоннъ по цѣлымъ частямъ, какъ принято для смотровъ и парадовъ, отбросивъ систему построеній изъ середины, безполезность которой еще разъ показана кампаніей 1870 года. Слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, при развертываніи, независимость ротъ отъ порядка носимыхъ ими нумеровъ въ батальонѣ; а тѣмъ болѣе батальоновъ въ полку, полковъ въ дивизіи. Слѣдуетъ признать за батальонными командирами въ полку, за ротными въ батальонѣ право быть полными хозяевами формы строя своей части: въ томъ смыслѣ, что имъ предоставляется располагаться по усмотрѣнію, а поправки старшихъ начальниковъ уже начинаются потомъ. Слѣдуетъ исключить развернутый строй со вздвоенными рядами изъ средствъ предохраненія отъ огня, такъ какъ эта форма, увеличивая глубину строя, можетъ повести въ бою не къ уменьшенію, а къ увеличенію потерь. Слѣдуетъ ввести разомкнутый строй, какъ самостоятельный, для движеній и расположеній на мѣстности открытой и непересѣченной, равномѣрно какъ и быстрое смыканіе его на мѣстѣ и на ходу. Слѣдуетъ ввести четырехшереножную стрѣльбу на англійскій манеръ, т. е. ставя переднія двѣ шеренги на колѣно. Слѣдуетъ, наконецъ, покончить съ двойственнымъ характеромъ устава батальоннаго ученья. Въ этомъ уставѣ, собственно говоря, два устава, не считая построеній для смотровъ и парадовъ: первый уставъ, фридриховскій, въ которомъ признаются батальонъ и взводы, а роты не признаются; второй—современный, въ которомъ, какъ и слѣдуетъ, признаются: батальонъ, роты и въ ротахъ полувзводы. Нужно замѣтить, что послѣдній, сверхъ расположеній по-ротно, повторяетъ изъ буквы въ букву то, что продѣлывалось уже въ первомъ, т. е. и построеніе въ различныя колоны и развертываніе. Сколько можно судить, ограничившись послѣднимъ, не только ничего бы не проиграли, но и выиграли бы: во-первыхъ, уставъ сдѣлался бы тоньше *); во-вторыхъ, не пред-

*) А отъ этого, по замѣчанію одного нашего пріятеля, солдатъ всегда становится толще.

ставлялъ бы той непослѣдовательности, что въ фридриховской его половинѣ эволюціонною единицею является взводъ, не имѣющій теперь никакого самостоятельнаго значенія; а въ современной половинѣ—рота. Если бы это состоялось, порядокъ устава могъ бы быть слѣдующій: двухвзводная колонна справа; такая же взводная колонна *); расположеніе по-ротно разныхъ видовъ; развернутый строй батальона, какъ частный случай расположенія поротно въ одну линію. Движенія развернутаго строя производятся безъ вздваиванія взводовъ, ибо даже при небольшихъ интервалахъ между ротами всякая рота идетъ независимо; а она не представляетъ такого длиннаго фронта, чтобы его нужно было уменьшать для удобства движенія. Строи смотровые становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и тактическими; походныя колоны: по отдѣленіямъ и рядами: послѣдняя двухъ видовъ. Затѣмъ, формы для встрѣчи кавалерійскихъ атакъ, даже и въ примѣненіи къ батальону, не должны быть подчиняемы уставнымъ опредѣленіямъ, а предоставлены находчивости командировъ ротъ, которымъ слѣдуетъ, при этомъ, имѣть въ виду одно: если они могутъ быть атакованы кавалеріей, т. е. находятся близко къ ней, то принимаютъ мѣры противъ охвата, направляя все же большую часть фронта перпендикулярно къ направленію атаки, для обстрѣла конницы, ее производящей; если находятся въ заднихъ эшелонахъ, то направляютъ ихъ такъ, чтобы обстрѣливать доступы къ ротамъ, непосредственно подверженнымъ атакѣ. Впрочемъ, тутъ дѣло вовсе не въ строѣ, а въ томъ, чтобы не потеряться подъ впечатлѣніемъ кавалерійской атаки и спокойно встрѣтить ее: сначала огнемъ, а если доскочитъ—штыкомъ. Отъ прорыва не теряться, если бы и случился, а скорѣе собираться въ кучки, помня одно: что въ этомъ случаѣ все дѣло въ томъ, чтобы остаться лицомъ къ конницѣ. Нужно ли говорить, что только сквозныя атаки представляютъ единственное средство приготовить пѣхоту подобнымъ образомъ, ибо тутъ все дѣло въ самообладаніи?

Ученья частей, представляющихъ совокупность батальоновъ, должны быть производимы если и не исключительно по прикладной тактикѣ, то все же отдѣляя самое ограниченное время на такіе, напримѣръ, предметы, какъ движенія въ резервномъ порядкѣ. Разъ каждый баталіонъ обученъ отдѣльно, эти движенія не могутъ и требовать значительнаго времени, если только довольствоваться той стройностью исполненія, которая нужна для боя. Затѣмъ безцѣльныя движенія на полныхъ интервалахъ, не подготов-

*) Т. е., по теперешней номенклатурѣ четырехъ-взводная и двухъ-взводная. Позди. прим.

ляя ни къ чему нужному въ бою, не имѣютъ смысла и при мирныхъ упражненіяхъ. А маневры доставятъ въ нихъ достаточную и при томъ дѣльную практику. Обращаясь къ эволюціямъ, необходимымъ при исполненіи тактическихъ заданій, полагаемъ:

1) Что смѣна линій, на основаніи изложенныхъ во II-й и въ III-й статьяхъ соображеній, должна быть положительно оставлена и замѣнена поддержкой, форма которой на мирныхъ упражненіяхъ — вступленіе частныхъ резервовъ (т. е. баталіоновъ ошибочно называемой второй линіи) въ промежутки между частями боевой линіи и общая атака. Это не новость, а просто примѣненіе къ совокупности баталіоновъ того правила, которое давно уже, по мысли редактора перваго баталіоннаго ученія, изданнаго послѣ крымской войны, принято для баталіона *).

2) Что отъ вращательной перемѣны фронта, совершенно непримѣнимой въ бою, относительно линіи частей, слѣдуетъ отказаться, оставивъ только одну перемѣну фронта изъ уступовъ. Перемѣна же его вращательная, т. е. захожденіемъ, останется только для отдѣльныхъ частей, т. е. для баталіона, когда онъ въ сборномъ строю, и для роты.

Что касается до разомкнутаго строя, какъ средства предохраненія отъ огня, то его можно употреблять, по нашему мнѣнію, какъ въ боевой линіи, такъ и въ частныхъ ея резервахъ. Въ общихъ же резервахъ достаточно для этой цѣли перехода изъ глубокаго строя, напримѣръ четырехъ-линейнаго (дивизія въ резервномъ порядкѣ), къ строю въ двѣ или въ одну линію баталіонныхъ колоннъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда резервъ стоитъ открыто. Послѣдній строй, на тѣхъ разстояніяхъ, съ которыхъ можно стрѣлять по резерву, будетъ относительно вѣроятности попаданія немногимъ невыгоднѣе развернутаго или разомкнутаго въ боевой линіи**).

Но соглашаясь съ пользою примѣненія разомкнутаго строя для уменьшенія потерь отъ огня, напоминаемъ еще разъ, что оно годно только для частей, въ которыхъ крѣпокъ внутренній порядокъ; если этого нѣтъ, то лучше отъ него отказаться, не идя въ утоненіи строя далѣе развернутой формы.

---

*) Замѣтимъ, что примѣненіе принципа поддержки и уничтоженіе смѣны, принесетъ пользу даже и въ цѣпи: зная, что, разъ попавъ въ цѣпь, не выйдутъ изъ нея ни подъ предлогомъ разстрѣла патроновъ, и ни подъ какимъ другимъ, будутъ очень и очень беречь патроны, а не пускать ихъ на вѣтеръ.

**) Такъ какъ общій резервъ стоитъ на мѣстности открытой не ближе 400, 500 саженъ отъ нашей цѣпи, то онъ будетъ находиться отъ батарей непріятеля не ближе 700 саженъ, а въ большей части случаевъ и дальше. Ушестеренное же продольное среднее, квадратическое отклоненіе (опредѣляющее разность въ дальностяхъ паденія) для 4-хъ фунтовой пушки на этомъ разстояніи—57 саженъ, т. е. въ три раза болѣе глубины полувзводной колонны изъ середины.

Не говоримъ здѣсь о порядкѣ наступленія и обороны, не желая повторять уже сказаннаго въ 1869 году*) Не говоримъ о кавалеріи, такъ какъ условія ея дѣйствія въ бою остались тѣ же; а о дѣйствіяхъ на театрѣ войны считаемъ достаточнымъ сказаннаго во II и въ III статьяхъ. Не говоримъ также о новомъ выводѣ, будто артилерія съ самаго начала и во все продолженіе боя должна стрѣлять только по войскамъ противника, оставляя безъ вниманія его артиллерію; по тому не говоримъ, что это не выводъ, а только непродуманное впечатлѣніе. Во первыхъ, подойти къ противнику будетъ стоить страшныхъ потерь, если у него артилерія не ослаблена; подобная попытка даже можетъ привести къ неудачѣ: во вторыхъ, при мало-мальски сносномъ расположеніи обороняющагося, артиллерія наступающаго, до послѣдняго періода боя, ничего у него и не увидитъ, кромѣ орудій и стрѣлковъ, слѣдовательно, будетъ по неволѣ стрѣлять въ артилерію же. Можно еще признать подобный способъ дѣйствія выгоднымъ для артилеріи обороняющагося, да и то не всегда. Старая снаровка, тоже не безусловная, но все же меньше предполагающая исключеній, чѣмъ эта новая, предпочтительнѣе: разстрѣливать артиллерію въ первую часть огнестрѣльнаго періода боя; разстрѣливать войска, когда дѣло близится къ атакѣ, и во время оной.

Мы кончили. Новая ли это тактика? Да, пожалуй: для тѣхъ, которые забыли старую или не знали ея.

Кто понялъ, что въ военномъ дѣлѣ нормъ быть не должно, и проникся этой мыслью**), тотъ не увидитъ новой тактики въ частомъ употребленіи охватовъ и еще болѣе частомъ злоупотребленіи разсыпнымъ строемъ, возникавшимъ вопреки волѣ начальниковъ.

Теперешнее огнестрѣльное оружіе, конечно, новость; но въ современныхъ арміяхъ есть новость посущественнѣе — это короткіе сроки службы; она опредѣляетъ въ воспитаніи и образованіи войскъ гораздо болѣе рѣзкій переворотъ, чѣмъ огнестрѣльное оружіе, вызвавшее только большее вниманіе къ стрѣлковому дѣлу и утоненіе строевъ.

Но можно ли это назвать эпохою въ тактикѣ? Нѣтъ, ибо сумма руководящихъ идей не измѣнилась; а усовершенствованія въ примѣненіи ихъ не могутъ составить эпохи.

---

*) Винтовки скорострѣльная и обыкновенная.

**) Е., напримѣръ, понялъ, но не проникся. Войска, возникающія подъ вліяніемъ непрерывной опасности, такъ сказать естественнымъ путемъ, не сознаютъ этого начала, хотя и проникнуты имъ.

Холодное оружіе несовершенствуемо, огнестрѣльное наоборотъ: и такъ какъ это послѣднее отвѣчаетъ инстинкту самосохраненія, то всякое новое въ немъ усовершенствованіе вызываетъ въ той или другой формѣ, но неминуемо, возвеличеніе инстинкта самосохраненія. Иногда это возвеличеніе является въ формѣ надежды, что, съ развитіемъ смертоносности оружія, станутъ воевать меньше, а впослѣдствіи даже и совсѣмъ откажутся отъ войны: надежда, сладкая инстикту самосохраненія, но противорѣчащая порядку природы, въ которой вся жизнь представляется безпрерывной и безпощадной борьбой на смерть. Собственно въ военной сферѣ, оно выражается попытками пріисканія такихъ средствъ, которыя дали бы возможность достигать военныхъ цѣлей, не подвергаясь непосредственной опасности, т. е. не прибѣгая къ рѣшимости пожертвовать собою по своей волѣ, а предоставляя это на волю случая, въ образѣ пуль и гранатъ. Попытки, которыя можно было бы назвать жалкими, если бы онѣ предпринимались съ сознаніемъ той затаенной мысли, которая лежитъ въ ихъ основаніи: «уничтожить противника, не рискуя ничѣмъ самому; или же, если этого совершенно достигнуть нельзя, то, по крайней мѣрѣ, уклониться отъ личнаго усилія воли, дабы пожертвовать собою». Однимъ словомъ, въ дѣлѣ чисто человѣческомъ, попытка замѣнить человѣка машиной: то же самое, что, идя на медвѣдя съ рогатиной, разсчитывать не на себя и даже не на рогатину, а на какое нибудь заклинаніе. Но непріятель больше медвѣдя: за весьма рѣдкими исключеніями, случающимися въ переходныя эпохи, онъ обладаетъ обыкновенно тѣми же средствами по части машинной, какъ и вы. Выходитъ задача ариѳметическая, т. е., равныя за равныя уничтожаются и остается Человѣкъ лицомъ къ лицу съ Человѣкомъ, т. е. одолѣетъ опять-таки тотъ, кто не боится погибнуть. Кто увѣруетъ, будто можетъ сразить непріятеля одною пулею, тотъ уже въ силу этой вѣры лишится способности сойтись съ нимъ на штыкъ; чего нельзя сказать наоборотъ.

Усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ были и будутъ; но они вызовутъ не какія либо новыя формы дѣйствія (это область уже исчерпанная), а усовершенствованіе человѣка: и притомъ всего, а не какой либо его части. Это предполагаетъ подъемъ нравственнаго и умственнаго уровня людей, т. е. укрѣпленіе, прежде всего, духа ихъ на преодоленіе парализующихъ неожиданностей; потомъ развитіе ума, или находчивость въ быстромъ пріисканіи средствъ къ преодолѣнію этихъ неожиданностей. Но умъ самый изворотливый въ человѣкѣ, способнымъ теряться въ опасности, т. е. слабомъ духомъ, не под-

скажетъ ничего дѣльнаго: вотъ почему прежде и выше всего самообладаніе; и только потомъ—гибкость, изворотливость ума.

Гимнастика въ первомъ—обстрѣливаніе, ученья подъ гранатами, сквозныя атаки всѣхъ тѣхъ видовъ, которые освящены нашимъ великимъ военнымъ педагогомъ; гимнастика во второмъ—преслѣдованіе какихъ либо постоянныхъ привычекъ въ области формъ строя и дѣйствія; и постоянное вниманіе къ тому, чтобы человѣкъ понималъ цѣль того, что при мирномъ обученіи его заставляютъ дѣлать.

Военная спеціальность требуетъ содѣйствія, и самаго напряженнаго, всѣхъ духовныхъ силъ человѣка, въ ихъ поражающемъ противорѣчіи: отъ самоотверженія до инстинкта самосохраненія; отъ остервененія до любви ко врагу, дѣлящейся съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, разъ онъ низложенъ. Слѣдовательно, чего нибудь одного въ военномъ человѣкѣ развивать нельзя.

Мѣры, предлагаемыя для гимнастики въ самообладаніи, вызовутъ, вѣроятно, негодованіе, а можетъ и насмѣшки; мы на это идемъ: riга bien qui riга le dernier. Мы сказали, и еще разъ напоминаемъ, что теорія должна указать возможно-лучшее: это практику ни къ чему вѣдь не обязываетъ, что она и доказываетъ такъ часто....

1873 годъ.

Замѣтка на отвѣтъ Г. N.

Мы искренно благодарны г. N. за отвѣтъ; чувство благодарности не уменьшается въ насъ даже отъ сердитой формы отвѣта, торая помѣшала, къ сожалѣнію, автору долѣе и обстоятельнѣе тановиться на главныхъ пунктахъ полемики. Благодарны мы, во рвыхъ, потому, что въ литературномъ дѣлѣ г. N. прибѣгнулъ къ литературному средству, не заимствуя орудій для борьбы изъ сторонней области; во-вторыхъ, и потому, что своей статьей онъ сколько выяснилъ дѣло, отказавшись отъ нѣкоторыхъ изъ своъ увлеченій, подавшихъ поводъ къ полемикѣ.

Напрасно онъ сѣтуетъ на рѣзкость полемики, полагая, будто а можетъ отбить охоту къ печатному высказыванію своихъ мыслей лицъ, желающихъ посвятить себя разработкѣ современныхъ воосовъ: преданныхъ дѣйствительно дѣлу этимъ не запугаешь; а ли отпадетъ одинъ-другой изъ страдающихъ слишкомъ щепетильмъ самолюбіемъ, то бѣда не велика, ибо у такихъ интересы самолюбія всегда идутъ впередъ интересовъ дѣла.

Мы не совсѣмъ хладнокровно возразили г. N.—въ этомъ ася; но причины тому были въ самой статьѣ, т. е. въ одностоннихъ взглядахъ, которые въ ней приводились какъ нѣчто ное, слѣдующее изъ фактовъ послѣднихъ кампаній, и въ самомъ нѣ статьи, дышущемъ болѣе силою самоувѣренности, нежели лою убѣжденія. И это не наше личное только впечатлѣніе; олько ни приходилось говорить о статьѣ, она и на другихъ оизвела впечатлѣніе аналогическое. Какъ бы то ни было, но торъ призналъ въ своемъ возраженіи:

1) Что Кениггрецъ онъ поторопился произвесть въ эпохи;

2) Что дѣльное приказаніе не должно отличаться отъ указанія;

3) Что штыкъ и пуля не исключаютъ, а дополняютъ другъ уга;

5) Что формула «штыкъ молодецъ», священна *);

6) Что атака съ охватомъ не всегда возможна, и что авторъ не принадлежитъ къ разряду фанатическихъ партизановъ фланговыхъ атакъ;

7) Что говоря объ употребленіи артиллеріи въ началѣ боя большими массами, нужно выражаться точнѣе и опредѣлительнѣе: при какихъ условіяхъ времени и мѣста это разумно, и при какихъ неразумно;

8) Что помѣщать или не помѣщать массы артиллеріи въ головѣ походныхъ колоннъ можно только въ зависимости отъ качества дорогъ.

Затѣмъ, хотя авторъ и находитъ еще, что артиллерія не должна подъѣзжать близко къ непріятелю во избѣжаніе большихъ потерь, но мы надѣемся, что, вдумавшись въ дѣло, онъ откажется отъ этого мнѣнія въ силу того, что отъ такихъ подъѣздовъ пѣхота наступаетъ веселѣе; а для достиженія этого не должно останавливаться ни передъ какими жертвами, такъ какъ въ бою окончательно беретъ пѣхота, и только пѣхота. Мы совѣтуемъ автору серьезно подумать надъ тѣмъ, что по этому поводу говоритъ К. ф. В.

Авторъ, сводя два мои положенія: 1) что черезъ головы своихъ стрѣлять можно; 2) что оставаясь въ 700 саженяхъ за пѣхотою, стрѣлять черезъ нее нельзя,—не знаетъ чему вѣрить. Вѣрить нужно тому, что артиллерія можетъ стрѣлять черезъ пѣхоту, стоя за нею гораздо ближе чѣмъ въ 700 саженяхъ; вѣрить нужно тому, что не слѣдуетъ допускать цифирныхъ опредѣленій въ такомъ дѣлѣ, гдѣ все зависитъ отъ мѣста и времени. Можетъ пріятись такъ, что и за 700 саженъ стрѣлять черезъ головы можно; а можетъ случиться и такъ, что и за 200 нельзя. Чтобы это понять, достаточно припомнить хоть дымъ, застилающій поле сраженія и могущій при стрѣльбѣ этого рода повести къ самымъ роковымъ ошибкамъ, даже и при разстояніяхъ гораздо меньшихъ 700 саженъ. Слишкомъ усердно заботясь объ артиллеріи, не мѣшало бы, кажется, нѣсколько менѣе безпощадно относиться къ пѣхотѣ, ибо, опять-таки, въ послѣдней инстанціи она рѣшаетъ дѣло; и едва ли хорошо будетъ, если къ необходимости преодолѣвать впечатлѣніе разстрѣливанія спереди, присоединится еще ожиданіе таковаго же разстрѣливанія сзади.

Авторъ, отстаивая предложенныхъ имъ махальныхъ для доставленія картечницамъ удобныхъ минутъ дѣйствія, говоритъ, между

*) Правда авторъ прибавляетъ къ этому, что она священна только какъ принципъ; но мы, признаться, не понимаемъ этого „какъ": ибо если принципъ вѣренъ, то онъ долженъ находить примѣненіе и въ жизни.

очимъ, что не допускать безъ приказанія выѣздовъ изъ резерва имъ ружьямъ на лафетахъ, значитъ стѣснять иниціативу частныхъ альниковъ: грустное смѣшеніе понятій, показывающее, что авторъ не довольно себѣ выяснилъ важное значеніе дисциплинировки. я и ту грань, которая отдѣляетъ личную иниціативу отъ личаго произвола и распущенности. Дѣло въ томъ, что разъ батаія вызвана на позицію, батарейный командиръ не только можетъ, лженъ, безъ приказанія, перемѣнить менѣе выгодную, на болѣе годную позицію; можетъ перемѣнить предметъ стрѣльбы, если и другое не будетъ противорѣчить общей цѣли, указанной для стиженія; но самопроизвольный выѣздъ на позицію изъ резерва, вно какъ и уходъ въ резервъ, по нашему мнѣнію, преступленіе. маемъ такъ потому, что, признавая за батарейными командирами аво самопроизвольныхъ выѣздовъ, должно признать, и на основіи тѣхъ же доводовъ, и за другими командирами частей резерва, право вступать въ боевую линію безъ приказанія: во что тогда обратится резервъ? И если въ духѣ картечницъ дѣйвительно лежитъ необходимость предоставленія имъ подобнаго ключенія изъ состава отряда, какъ организма цѣльнаго, то, по шему убѣжденію, этого одного достаточно, не говоря ни о чемъ очемъ—чтобы ихъ и вообще не допускать въ составъ вооруженной полевой силы.

Хотя авторъ и упрекнулъ меня въ томъ, будто я разбилъ статью его по отрывочнымъ фразамъ, но признать себя въ омъ повиннымъ не могу. Напрасно онъ приводитъ нѣкоторыя разы уклончиваго свойства, въ которыхъ какъ будто говорится самое, упущеніе чего ставлю ему въ упрекъ: у Б. это ѣлано еще ловче, и однако никто изъ сознательно читавихъ его не усомнится въ томъ, куда онъ гнетъ и чего добиется. Въ статьѣ важно общее впечатлѣніе, ею производимое, а та, либо другая фраза, пущенная мимоходомъ для очистки сости, или для предупрежденія возраженія. И критикъ не только жетъ, но обязанъ брать мысли, отвѣчающія общему тону статьи, показывать возможно нагляднѣе и рѣзче, чего стоютъ именно и мысли *). Критикъ вѣдь всегда со стороны публики и про-

*) Вѣдь, иногда, напримѣръ попадаются, по поводу послѣдней кампаніи, атьи, въ которыхъ явно-рабскаго поклоненія прусакамъ какъ будто и нѣтъ; между тѣмъ всякій слогъ, чуть не всякая запятая, дышатъ такимъ необузданно-игримскимъ къ нимъ энтузіазмомъ, какой не прусскому офицеру даже и не всѣмъ приличенъ. Разбирая подобную статью, нельзя не указать на это, хотя ней явныхъ панегириковъ прусакамъ и нѣтъ. Слова нѣтъ, у прусаковъ много рошаго и достойнаго подражанія (въ духѣ, а не въ формѣ), но изъ этого еще слѣдуетъ, чтобы они были чудотворцы, какъ то нѣкоторымъ писателямъ, повидимому, кажется.

5) Что формула «штыкъ молодецъ», священна *);

6) Что атака съ охватомъ не всегда возможна, и что ав не принадлежитъ къ разряду фанатическихъ партизановъ фла выхъ атакъ;

7) Что говоря объ употребленіи артиллеріи въ началѣ большими массами, нужно выражаться точнѣе и опредѣлител при какихъ условіяхъ времени и мѣста это разумно, и при кихъ неразумно;

8) Что помѣщать или не помѣщать массы артиллеріи въ ловѣ походныхъ колоннъ можно только въ зависимости отъ чества дорогъ.

Затѣмъ, хотя авторъ и находитъ еще, что артиллерія не до подъѣзжать близко къ непріятелю во избѣжаніе большихъ по но мы надѣемся, что, вдумавшись въ дѣло, онъ откажется отъ мнѣнія въ силу того, что отъ такихъ подъѣздовъ пѣхота ступаетъ веселѣе; а для достиженія этого не должно остан ваться ни передъ какими жертвами, такъ какъ въ бою ок тельно беретъ пѣхота, и только пѣхота. Мы совѣтуемъавтору сер подумать надъ тѣмъ, что по этому поводу говоритъ К. ф. В

Авторъ, сводя два мои положенія: 1) что черезъ головы ихъ стрѣлять можно; 2) что оставаясь въ 700 саженяхъ за хотою, стрѣлять черезъ нее нельзя,—не знаетъ чему вѣрить рить нужно тому, что артиллерія можетъ стрѣлять черезъ пѣ стоя за нею гораздо ближе чѣмъ въ 700 саженяхъ; вѣрить н тому, что не слѣдуетъ допускать цифирныхъ опредѣленій в комъ дѣлѣ, гдѣ все зависитъ отъ мѣста и времени. Можетъ тись такъ, что и за 700 саженъ стрѣлять черезъ головы мо а можетъ случиться и такъ, что и за 200 нельзя. Чтобы эт нять, достаточно припомнить хоть дымъ, застилающій поле женія и могущій при стрѣльбѣ этого рода повести къ самым ковымъ ошибкамъ, даже и при разстояніяхъ гораздо мень 700 саженъ. Слишкомъ усердно заботясь объ артиллеріи, не шало бы, кажется, нѣсколько менѣе безпощадно относитьс пѣхотѣ, ибо, опять-таки, въ послѣдней инстанціи она рѣш дѣло; и едва ли хорошо будетъ, если къ необходимости прео вать впечатлѣніе разстрѣливанія спереди, присоединится еще даніе таковаго же разстрѣливанія сзади.

Авторъ, отстаивая предложенныхъ имъ махальныхъ для до ленія картечницамъ удобныхъ минутъ дѣйствія, говоритъ, м

*) Правда авторъ прибавляетъ къ этому, что она священна только принципъ; но мы, признаться, не понимаемъ этого „какъ“: ибо если при вѣренъ, то онъ долженъ находить примѣненіе и въ жизни.

тивъ автора, а не за него, исключая, разумѣется, тѣхъ случа
когда между ними установляется société d'admiration mutuelle.

Мы рады продолжать полемику съ почтеннымъ авторомъ,
преданности котораго дѣлу не сомнѣваемся; не можемъ не по
лать только большаго съ его стороны вниманія къ аргумент
противъ которыхъ онъ принимается возражать; возраженій
ненужнаго многословія, безъ неловкихъ остротъ.... Вѣроятно,
и самъ согласится, что переговорить еще разъ то, что уже
зано, не значитъ еще возразить: такъ можно цѣлый вѣкъ спо
и все же ни къ чему не прійти. Согласится и съ тѣмъ,
странно ратовать противъ увлеченія штыкомъ, когда замѣча
увлеченіе пулею. Согласится, можетъ быть, и съ тѣмъ, наконе
что уподобленіе о супѣ и ложкѣ составляетъ логическій прои
ибо рѣчь шла о сравненіи орудій пораженія между собою, м
тѣмъ, какъ супъ есть не орудіе, а предметъ пораженія.

Авторъ уже додумался до того, что въ примѣненіи къ
ному положенію практика допускаетъ рѣшенія прямо проти
ложныя и, тѣмъ, не менѣе равно самозаконныя; но еще не вид
что въ теоретическомъ изслѣдованіи, это односторонностей и
тиворѣчій не оправдываетъ, а вызываетъ, какъ необходимую,
кую формулировку вывода, чтобы онъ примирялъ въ себѣ
противорѣчія—подобно тому, какъ видимъ въ формулахъ мат
тическихъ. Въ теоріи, по одному частному случаю, нельзя д
общаго вывода и оправдываться впослѣдствіи тѣмъ, что про
рѣчія этому выводу сами собою разумѣются: кому разумѣютс
кому и нѣтъ. Говоря безусловно, вы, въ большинствѣ случ
рискуете получить и безусловное пониманіе; въ особенности
относится къ тѣмъ положеніямъ, въ которыя пріятно и у
увѣровать—хоть бы въ то, напримѣръ, что ближе 500, 600
жень подъѣзжать не слѣдуетъ.

Нельзя также въ теоріи пытаться выразить идею чертеж
типомъ, ибо по существу своему, чертежъ можетъ выразить то
одинъ частный случай осуществленія идеи; вотъ почем
вопросѣ о боевыхъ порядкахъ мы признаемъ единственно р
ными только тѣ чертежи ихъ, которые прямо показываютъ,
это случай частный, а не норма; и который по этому ни с
автора, ни читателей не введетъ въ заблужденіе. Есть нѣкот
законы, нарушеніе которыхъ въ теоретическомъ изслѣдованіи
наказанно никогда не обходится и соблюдать которые обязат
для каждаго, посвящающаго себя теоретическимъ изслѣдован

Замѣтка на «Monstrum Horrendum» г. В. въ № 166 «Московскихъ Вѣдомостей» 1873 г.

Когда рѣчь идетъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ чего бо, уже существующаго, говорится обыкновенно о томъ только, б и какому подлежитъ измѣненію или дополненію; что же, по нію говорящаго, остается безъ измѣненія, о томъ или совсѣмъ говорится, или только вскользь говорится. Г-ну В. это, повимому, неизвѣстно, такъ какъ обстрѣливанію онъ противополаетъ сознаніе долга, прочную дисциплину и вообще правильное авственное воспитаніе солдата, указывая на все это, какъ на олнѣ надежную школу самообладанія, и давая такой тонъ ему указанію, какъ-будто я необходимости этихъ данныхъ не изнаю, и думаю обойтись однимъ обстрѣливаніемъ. Съ равнымъ нованіемъ онъ могъ бы замѣтить, что прежде чѣмъ солдата стрѣливать, нужно подумать, чтобы онъ былъ сытъ. Такъ полезировать можно о чемъ угодно: стоитъ только вести рѣчь не о едметѣ полемики, а о чемъ-нибудь къ нему близкомъ. Я не ускаю изъ виду ни долга, ни дисциплины, ни нравственнаго спитанія солдата и офицера, въ чемъ г. В. могъ бы убѣться, если бы желалъ, изъ того, что я на первый планъ авлю укорененіе знанія обязанностей внутренней службы; утверждаю только, что обстрѣливаніе было бы къ этому полезмъ практическимъ дополненіемъ. Утверждаю на томъ основаніи, о человѣку, спеціальность котораго требуетъ преодолѣнія чувства асности, полезно доставлять въ этомъ практику, какъ бы ни ла она незначительна въ сравненіи съ той опасностью, которую у придется испытывать въ дѣлѣ, лишь бы была съ нею однодна, и утвержденіе это основываю на законѣ силы привычки дъ человѣкомъ. Все это видно довольно ясно изъ моей статьи; ли г. В. не ясно, то полагаемъ потому, что онъ находитъ боудобнымъ опровергать не сказанное въ статьѣ, а свои личныя ображенія по поводу статьи.

Такъ напримѣръ, г. В. находитъ обстрѣливаніе до того асным, что ожидаетъ отъ упражненій въ немъ ежегодной пори убитыми и ранеными въ 800 человѣкъ, или $^{1}/_{10}$ % нашей релярной арміи. Достигнувъ этого вывода, онъ приходитъ въ ужасъ въ ужасѣ не замѣчаетъ, что эта цифра не основана ни на

какихъ данныхъ, а составляетъ чистѣйшій плодъ его стол
живой, сколь и пугливой фантазіи.

Впрочемъ, фантазія тутъ не много сдѣлала бы, если бы
не посодѣйствовала ловкость въ умолчаніи о тѣхъ данныхъ,
ведя которыя г. В. обнаружилъ бы невѣроятность и
сообразность своей $^{1}/_{10}$ % даже въ глазахъ неспеціалист
А умолчалъ онъ самую малость, — именно, что я предлагаю
стрѣлку: съ разстоянія 50-ти шаговъ, со станка, лучш
стрѣлками и, разумѣется, вывѣренными винтовками.
теперешнемъ оружіи, въ этихъ условіяхъ можно каждый раз
падать чуть не въ туза, и попасть въ человѣка, не желая по
въ него, можно только благодаря несчастной случайности
роятность которой опредѣляется какой-нибудь одной или
милліонными. Конечно, это гипотеза; но знающіе читатели,
нявъ въ разсчетъ данныя, о которыхъ г. В. такъ ловко умол
согласятся, вѣроятно, что она ближе къ истинѣ, нежели
г. В., которую онъ ставитъ съ такою самоувѣренностью, съ к
иной и на положительный фактъ не опирается.

Послѣ этого всякій признаетъ, вѣроятно, что пріемъ об
ливанія, въ предложенныхъ мною условіяхъ, ни сколько не опа
другихъ отдѣловъ образованія воинскаго: ибо и на гимна
люди ломаютъ руки, ноги, иногда ушибаются до смерти; на
тованіи и стрѣльбѣ иногда ранятъ, даже убиваютъ другъ д
объ артиллеріи и кавалеріи и говорить нечего: тамъ всякое у
«человѣкъ подъ Богомъ ходитъ». Значитъ, въ концѣ кон
800 человѣкъ ежегодной жертвы г. В. есть не болѣе какъ
тазія, бьющая на эфектъ испуга, за недостаткомъ логиче
доводовъ противъ обстрѣлокъ. Разсчетъ довольно вѣрный,
всегда легко подѣйствовать на слабонервность и сентимента
только не совсѣмъ удобно прибѣгать къ дѣйствію на нихъ,
суждая о подготовкѣ къ дѣлу, въ которомъ и малѣйшая
достигается не иначе, какъ цѣною человѣческихъ жертвъ, а
посерьезнѣе требуютъ этихъ жертвъ тысячами. Этотъ хара
дѣла отражается неминуемо и на подготовкѣ къ нему.

Г. В. поучаетъ, что впечатлѣніе отъ потерь сильнѣе чѣм
звука снарядовъ: развѣ я гдѣ нибудь говорилъ обратное?

Говорилъ только, что если предстоитъ преодолѣвать нѣск
непріятныхъ впечатлѣній въ бою, то не лучше ли принят
мирное время мѣры къ тому, чтобы ослабить дѣйствіе хот
которыхъ изъ нихъ? Кто хотѣлъ понять это изъ статьи, тот
лагаю, могъ понять.

Онъ поучаетъ еще, что и выдержанныя войска даютъ и

тылъ, не замѣчая, что это аргументъ не противъ обстрѣлокъ, а противъ всего образованія и воспитанія. Дѣйствительно: стоитъ ли учиться стрѣлять, когда въ дѣлѣ попадаетъ всего 1,5% до 0,3% выпущенныхъ пуль? Стоитъ ли и вообще учиться, если иногда и лучшія войска даютъ тылъ? Намъ кажется, что стоитъ; ибо тамъ, гдѣ выдержанныя войска дадутъ тылъ разъ, тамъ невыдержанныя дадутъ его двадцать, а можетъ и болѣе разъ. Намъ кажется также, что если изо ста случаевъ, солдатъ обстрѣленный хоть одинъ разъ выкажетъ болѣе самообладанія, чѣмъ необстрѣленный, то этого достаточно, чтобы ихъ обстрѣливать, сдѣлавъ изъ этого, разумѣется, не формальность, а молодецкую потѣху.

Я не умаляю значенія огня, какъ г-ну В. кажется; онъ могъ бы убѣдиться въ этомъ, хотя бы изъ пріема обстрѣлокъ, которыя предлагаются именно въ виду настоящей силы огня; разница между нами только одна: я предпочитаю говорить больше о томъ, что огонь не останавливаетъ порядочныхъ войскъ, какъ бы ни былъ онъ страшенъ, нежели о томъ, что онъ «страшенъ»; я предпочитаю напоминать о значеніи самоотверженія, когда другіе слишкомъ хлопочутъ выставить на видъ интересы самосохраненія. Кто изъ насъ правъ, пусть судятъ читатели.

Г-ну В. кажется, что я не взялъ въ разсчетъ «элемента времени» при оцѣнкѣ «страшной» силы нынѣшняго огня. Совѣтую ему припомнить этотъ «элементъ» въ примѣненіи къ ваграмской колоннѣ, въ 1809 году, и къ воронцовской бригадѣ на бородинскомъ полѣ, въ 1812 г. Первая, изъ 8,000 обратилась чуть не въ 1,000 человѣкъ, въ какіе нибудь полчаса или въ родѣ того; что же до второй, то достаточно вспомнить донесеніе ея достойнаго командира, великое въ его простотѣ: «сопротивленіе моей бригады было непродолжительно; но оно окончилось вмѣстѣ съ существованіемъ бригады» *). Не мѣшало бы также помнить и то, что въ бою трудно судить о потеряхъ; на нихъ ссылаются тѣ только, которые ищутъ повода оставить поле, и подбираютъ потомъ благовидныя оправданія такой почтенной рѣшимости.

Мы оставляемъ безъ вниманія и отвѣта выходки г. В., въ родѣ «пріятства», «затрапезничества» и т. п. Мы ожидали, что своей статьей дадимъ практику смѣхунамъ и не ошиблись въ ожиданіи; могутъ практиковаться: на такія выходки отвѣта не будетъ.

---

*) Не имѣя подъ руками пособій для справокъ, заранѣе извиняюсь, если въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣтятся мелкія неточности; ручаюсь за одно: что въ этихъ двухъ случаяхъ, при прежнемъ оружіи, потери были понесены страшныя и быстро.

О приказаніяхъ и донесеніяхъ.

Во всякомъ дѣлѣ главное не бросается первымъ въ глаза; часто даже случается, что оно бросается въ глаза послѣднимъ. Въ машинѣ маховики, колеса, поршни, рычаги такъ и бьютъ въ глаза; а какіе нибудь золотники, какая нибудь пружина всегда болѣе или менѣе спрятана. То же и въ организмѣ: кости, мускулы мы видимъ, а нервовъ, а волосныхъ сосудовъ, и тѣмъ болѣе ихъ отправленій,—нѣтъ; только рядомъ вѣковъ доходятъ до знакомства съ этими основами жизненной дѣятельности; а сколько еще вѣковъ пройдетъ, пока ознакомятся съ ихъ строеніемъ на столько, чтобы стали понятны ихъ отправленія?

То же и въ организмѣ воинскомъ; кому неизвѣстна и кого не увлекаетъ его внѣшность? И кто даетъ себѣ трудъ изслѣдовать тѣ внутренніе токи, которые обусловливаютъ успѣшность его отправленій въ дѣлѣ, для котораго онъ только и существуетъ,—въ дѣлѣ войны и боя? Мы задались цѣлью обратить вниманіе интересующихся дѣломъ на одинъ изъ токовъ, именно на тотъ, отъ котораго зависитъ успѣшность исполненія возлагаемыхъ на войска назначеній: разумѣю способъ и порядокъ отдачи приказаній въ бою и на войнѣ. О чемъ же тутъ говорить, подумаетъ, можетъ быть, читатель: какъ ни сказалъ, лишь бы дѣло было видно, а ужь это, кажется, такъ легко соблюсти, отдавая приказаніе. До такой степени не легко, что весьма мало есть армій, въ которыхъ усвоенъ и распространенъ навыкъ отдавать приказанія какъ слѣдуетъ; и до такой степени важно, что, пародируя извѣстную поговорку, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать: «скажи мнѣ, какъ ты отдашь приказаніе, и я тебѣ скажу каково будетъ исполненіе».

Трудность эта происходитъ не столько отъ существа самого дѣла, требующаго въ формулированіи приказаній соблюденія законовъ простаго здраваго смысла, сколько отъ невниманія при от-

дачѣ ихъ: въ мирное время приказанія отдаются какъ попало; а въ военное—по привычкамъ мирнаго времени.

А между тѣмъ, тамъ всякое лишнее или неопредѣлительное слово можетъ затемнить мысль начальника, повести къ ошибочному ея пониманію, а слѣдовательно и въ исполненіи дать вовсе не то, чего начальникъ хотѣлъ. Послѣ этого, вѣроятно, согласятся, что изъ числа неудавшихся предпріятій знатная доля должна быть отнесена къ тому, что приказаніе было дурно понято; а дурно понято потому, что невразумительно было отдано. Кто не слышалъ о приказаніи, привезенномъ генералу Реаду, передъ сраженіемъ на Черной: «начать дѣйствіе», въ то время, когдаканонада уже началась; о приказаніи, присланномъ Наполеономъ Нею, въ сраженіи подъ Бауценомъ, «держать направленіе на Гохкирхенскую колокольню», и т. д.? И это въ крупныхъ фактахъ; можно себѣ представить, сколько открылось бы неудачъ мелкихъ, происшедшихъ отъ этой причины, если вспомнить, что вѣдь всякое самомалѣйшее предпріятіе неминуемо и необходимо предшествуется приказаніемъ?

Какъ же отдавать ихъ, спросятъ, вѣроятно; отвѣтъ прость: совершенно такъ же, какъ то дѣлается въ обыденныхъ случаяхъ неслужебной жизни: приказаніе должно ясно указывать цѣль дѣла, отнюдь не вдаваясь въ мелочи исполненія, и быть, по возможности, кратко; должно быть отдано спокойно, энергически и въ порядкѣ постепенности.

Разберемъ по порядку эти условія:

1) Приказаніе должно ясно указывать цѣль дѣла или предпріятія, не вдаваясь въ мелочи исполненія и быть, по возможности, кратко.

Противъ этого условія грѣшатъ чаще, нежели противъ какого либо другаго; а между тѣмъ, и выразить нельзя, какой неисчислимый вредъ это причиняетъ дѣлу. Во-первыхъ, вдаваясь въ мелочи, затемняютъ цѣль, даже если она была указана; а зачастую, увлекаясь мелочами, забываютъ ее и указать; во-вторыхъ, опредѣляя мелочи исполненія, стѣсняютъ того, кто самъ ихъ долженъ опредѣлить, вмѣшиваются, слѣдовательно, въ чужое дѣло и по этому уже самому забываютъ свое; въ третьихъ, пытаются заранѣе опредѣлить то, что можетъ быть опредѣлено только на мѣстѣ и въ минуту исполненія, въ зависимости отъ обстоятельствъ и отъ личныхъ свойствъ исполнителя; въ четвертыхъ, наконецъ, даютъ невыполнившему назначенія, т.-е. потерпѣвшему неудачу, готовое оправданіе, что онъ все сдѣлалъ какъ ему было приказано, и что, слѣдовательно, неудача не должна падать на его отвѣтственность.

скажетъ ничего дѣльнаго: вотъ почему прежде и выше всего самообладаніе; и только потомъ—гибкость, изворотливость ума.

Гимнастика въ первомъ—обстрѣливаніе, ученья подъ гранатами, сквозныя атаки всѣхъ тѣхъ видовъ, которые освящены нашимъ великимъ военнымъ педагогомъ; гимнастика во второмъ—преслѣдованіе какихъ либо постоянныхъ привычекъ въ области формъ строя и дѣйствія; и постоянное вниманіе къ тому, чтобы человѣкъ понималъ цѣль того, что при мирномъ обученіи его заставляютъ дѣлать.

Военная спеціальность требуетъ содѣйствія, и самаго напряженнаго, всѣхъ духовныхъ силъ человѣка, въ ихъ поражающемъ противорѣчіи: отъ самоотверженія до инстинкта самосохраненія; отъ остервененія до любви ко врагу, дѣлящейся съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, разъ онъ низложенъ. Слѣдовательно, чего нибудь одного въ военномъ человѣкѣ развивать нельзя.

Мѣры, предлагаемыя для гимнастики въ самообладаніи, вызовутъ, вѣроятно, негодованіе, а можетъ и насмѣшки; мы на это идемъ: fiat bien qui fiat le dernier. Мы сказали, и еще разъ напоминаемъ, что теорія должна указать возможно-лучшее: это практику ни къ чему вѣдь не обязываетъ, что она и доказываетъ такъ часто....

1873 годъ.

Замѣтка на отвѣтъ Г. N.

ы искренно благодарны г. N. за отвѣтъ; чувство благодар-
не уменьшается въ насъ даже отъ сердитой формы отвѣта,
ая помѣшала, къ сожалѣнію, автору долѣе и обстоятельнѣе
овиться на главныхъ пунктахъ полемики. Благодарны мы, во
хъ, потому, что въ литературномъ дѣлѣ г. N. прибѣгнулъ
литературному средству, не заимствуя орудій для борьбы изъ
ронней области; во-вторыхъ, и потому, что своей статьей онъ
лько выяснилъ дѣло, отказавшись отъ нѣкоторыхъ изъ сво-
влеченій, подавшихъ поводъ къ полемикѣ.
апрасно онъ сѣтуетъ на рѣзкость полемики, полагая, будто
ожетъ отбить охоту къ печатному высказыванію своихъ мыслей
ъ, желающихъ посвятить себя разработкѣ современныхъ во-
въ: преданныхъ дѣйствительно дѣлу этимъ не запугаешь; а
отпадетъ одинъ-другой изъ страдающихъ слишкомъ щепетиль-
самолюбіемъ, то бѣда не велика, ибо у такихъ интересы са-
бія всегда идутъ впередъ интересовъ дѣла.
ы не совсѣмъ хладнокровно возразили г. N.—въ этомъ ка-
но причины тому были въ самой статьѣ, т. е. въ односто-
хъ взглядахъ, которые въ ней приводились какъ нѣчто но-
слѣдующее изъ фактовъ послѣднихъ кампаній, и въ самомъ
статьи, дышущемъ болѣе силою самоувѣренности, нежели
убѣжденія. И это не наше личное только впечатлѣніе;
ко ни приходилось говорить о статьѣ, она и на другихъ
вела впечатлѣніе аналогическое. Какъ бы то ни было, но
ъ призналъ въ своемъ возраженіи:
) Что Кениггрецъ онъ поторопился произвесть въ эпохи;
) Что дѣльное приказаніе не должно отличаться отъ указанія;
) Что штыкъ и пуля не исключаютъ, а дополняютъ другъ
;

5) Что формула «штыкъ молодецъ», священна *);

6) Что атака съ охватомъ не всегда возможна, и что авт
не принадлежитъ къ разряду фанатическихъ партизановъ фла
выхъ атакъ;

7) Что говоря объ употребленіи артиллеріи въ началѣ
большими массами, нужно выражаться точнѣе и опредѣлитель
при какихъ условіяхъ времени и мѣста это разумно, и при
кихъ неразумно;

8) Что помѣщать или не помѣщать массы артиллеріи въ
ловѣ походныхъ колоннъ можно только въ зависимости отъ
чества дорогъ.

Затѣмъ, хотя авторъ и находитъ еще, что артиллерія не дол
подъѣзжать близко къ непріятелю во избѣжаніе большихъ поте
но мы надѣемся, что, вдумавшись въ дѣло, онъ откажется отъ эт
мнѣнія въ силу того, что отъ такихъ подъѣздовъ пѣхота
ступаетъ веселѣе; а для достиженія этого не должно останав
ваться ни передъ какими жертвами, такъ какъ въ бою окон
тельно беретъ пѣхота, и только пѣхота. Мы совѣтуемъ автору серь
подумать надъ тѣмъ, что по этому поводу говоритъ К. ф. В.

Авторъ, сводя два мои положенія: 1) что черезъ головы
ихъ стрѣлять можно; 2) что оставаясь въ 700 саженяхъ за
хотою, стрѣлять черезъ нее нельзя,—не знаетъ чему вѣрить.
рить нужно тому, что артиллерія можетъ стрѣлять черезъ пѣх
стоя за нею гораздо ближе чѣмъ въ 700 саженяхъ; вѣрить ну
тому, что не слѣдуетъ допускать цифирныхъ опредѣленій въ
комъ дѣлѣ, гдѣ все зависитъ отъ мѣста и времени. Можетъ п
тись такъ, что и за 700 саженъ стрѣлять черезъ головы мо
а можетъ случиться и такъ, что и за 200 нельзя. Чтобы это
нять, достаточно припомнить хоть дымъ, застилающій поле
женія и могущій при стрѣльбѣ этого рода повести къ самымъ
ковымъ ошибкамъ, даже и при разстояніяхъ гораздо меньш
700 саженъ. Слишкомъ усердно заботясь объ артиллеріи, не
шало бы, кажется, нѣсколько менѣе безпощадно относиться
пѣхотѣ, ибо, опять-таки, въ послѣдней инстанціи она рѣша
дѣло; и едва ли хорошо будетъ, если къ необходимости преодо
вать впечатлѣніе разстрѣливанія спереди, присоединится еще о
даніе таковаго же разстрѣливанія сзади.

Авторъ, отстаивая предложенныхъ имъ махальныхъ для дос
ленія картечницамъ удобныхъ минутъ дѣйствія, говоритъ, м

*) Правда авторъ прибавляетъ къ этому, что она священна только в
принципъ; но мы, признаться, не понимаемъ этого „какъ“: ибо если прин
вѣренъ, то онъ долженъ находить примѣненіе и въ жизни.

прочимъ, что не допускать безъ приказанія выѣздовъ изъ резерва этимъ ружьямъ на лафетахъ, значитъ стѣснять иниціативу частныхъ начальниковъ: грустное смѣшеніе понятій, показывающее, что авторъ не довольно себѣ выяснилъ важное значеніе дисциплинировки. оя и ту грань, которая отдѣляетъ личную иниціативу отъ личаго произвола и распущенности. Дѣло въ томъ, что разъ батаея вызвана на позицію, батарейный командиръ не только можетъ, олженъ, безъ приказанія, перемѣнить менѣе выгодную, на болѣе ыгодную позицію; можетъ перемѣнить предметъ стрѣльбы, если о и другое не будетъ противорѣчить общей цѣли, указанной для остиженія; но самопроизвольный выѣздъ на позицію изъ резерва, авно какъ и уходъ въ резервъ, по нашему мнѣнію, преступленіе. умаемъ такъ потому, что, признавая за батарейными командирами раво самопроизвольныхъ выѣздовъ, должно признать, и на основаніи тѣхъ же доводовъ, и за другими командирами частей ерва, право вступать въ боевую линію безъ приказанія: во что е тогда обратится резервъ? И если въ духѣ картечницъ дѣйтвительно лежитъ необходимость предоставленія имъ подобнаго ключенія изъ состава отряда, какъ организма цѣльнаго, то, по ашему убѣжденію, этого одного достаточно, не говоря ни о чемъ рочемъ—чтобы ихъ и вообще не допускать въ составъ вооруенной полевой силы.

Хотя авторъ и упрекнулъ меня въ томъ, будто я разбилъ статью его по отрывочнымъ фразамъ, но признать себя въ томъ повиннымъ не могу. Напрасно онъ приводитъ нѣкоторыя разы уклончиваго свойства, въ которыхъ какъ будто говорится о самое, упущеніе чего ставлю ему въ упрекъ: у Б. это дѣлано еще ловче, и однако никто изъ сознательно читавшихъ его не усомнится въ томъ, куда онъ гнетъ и чего добивается. Въ статьѣ важно общее впечатлѣніе, ею производимое, а не та, либо другая фраза, пущенная мимоходомъ для очистки совѣсти, или для предупрежденія возраженія. И критикъ не только можетъ, но обязанъ брать мысли, отвѣчающія общему тону статьи, и показывать возможно нагляднѣе и рѣзче, чего стоютъ именно эти мысли *). Критикъ вѣдь всегда со стороны публики и про-

*) Вѣдь, иногда, напримѣръ попадаются, по поводу послѣдней кампаніи, статьи, въ которыхъ явно-рабскаго поклоненія прусакамъ какъ будто и нѣтъ; а между тѣмъ всякій слогъ, чуть не всякая запятая, дышатъ такимъ необузданно-пилигримскимъ къ нимъ энтузіазмомъ, какой не прусскому офицеру даже и не совсѣмъ приличенъ. Разбирая подобную статью, нельзя не указать на это, хотя въ ней явныхъ панегириковъ прусакамъ и нѣтъ. Слова нѣтъ, у прусаковъ много хорошаго и достойнаго подражанія (въ духѣ, а не въ формѣ), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они были чудотворцы, какъ то нѣкоторымъ писателямъ, повидимому, кажется.

тивъ автора, а не за него, исключая, разумѣется, тѣхъ случа
когда между ними установляется société d'admiration mutuelle.

Мы рады продолжать полемику съ почтеннымъ авторомъ,
преданности котораго дѣлу не сомнѣваемся; не можемъ не по
лать только большаго съ его стороны вниманія къ аргумент
противъ которыхъ онъ принимается возражать; возраженій
ненужнаго многословія, безъ неловкихъ остротъ.... Вѣроятно,
и самъ согласится, что переговорить еще разъ то, что уже
зано, не значитъ еще возразить: такъ можно цѣлый вѣкъ спо
и все же ни къ чему не прійти. Согласится и съ тѣмъ,
странно ратовать противъ увлеченія штыкомъ, когда замѣча
увлеченіе пулею. Согласится, можетъ быть, и съ тѣмъ, наконе
что уподобленіе о супѣ и ложкѣ составляетъ логическій пром
ибо рѣчь шла о сравненіи орудій пораженія между собою, м
тѣмъ, какъ супъ есть не орудіе, а предметъ пораженія.

Авторъ уже додумался до того, что въ примѣненіи къ
ному положенію практика допускаетъ рѣшенія прямо проти
ложныя и, тѣмъ, не менѣе равно самозаконныя; но еще не вид
что въ теоретическомъ изслѣдованіи, это односторонностей и
тиворѣчій не оправдываетъ, а вызываетъ, какъ необходимую,
кую формулировку вывода, чтобы онъ примирялъ въ себѣ
противорѣчія—подобно тому, какъ видимъ въ формулахъ мат
тическихъ. Въ теоріи, по одному частному случаю, нельзя д
общаго вывода и оправдываться впослѣдствіи тѣмъ, что про
рѣчія этому выводу сами собою разумѣются: кому разумѣютс
кому и нѣтъ. Говоря безусловно, вы, въ большинствѣ случ
рискуете получить и безусловное пониманіе; въ особенности
относится къ тѣмъ положеніямъ, въ которыя пріятно и у
увѣровать—хоть бы въ то, напримѣръ, что ближе 500, 600
жень подъѣзжать не слѣдуетъ.

Нельзя также въ теоріи пытаться выразить идею чертеж
типомъ, ибо по существу своему, чертежъ можетъ выразить то
одинъ частный случай осуществленія идеи; вотъ почем
вопросѣ о боевыхъ порядкахъ мы признаемъ единственно р
ными только тѣ чертежи ихъ, которые прямо показываютъ,
это случай частный, а не норма; и который по этому ни с
автора, ни читателей не введетъ въ заблужденіе. Есть нѣкот
законы, нарушеніе которыхъ въ теоретическомъ изслѣдованіи
наказанно никогда не обходится и соблюдать которые обязат
для каждаго, посвящающаго себя теоретическимъ изслѣдова

Замѣтка на «Monstrum Horrendum» г. В. въ № 166 «Московскихъ Вѣдомостей» 1873 г.

Когда рѣчь идетъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ чего либо, уже существующаго, говорится обыкновенно о томъ только, что и какому подлежитъ измѣненію или дополненію; что же, по мнѣнію говорящаго, остается безъ измѣненія, о томъ или совсѣмъ не говорится, или только вскользь говорится. Г-ну В. это, повидимому, неизвѣстно, такъ какъ обстрѣливанію онъ противополагаетъ сознаніе долга, прочную дисциплину и вообще правильное нравственное воспитаніе солдата, указывая на все это, какъ на вполнѣ надежную школу самообладанія, и давая такой тонъ своему указанію, какъ-будто я необходимости этихъ данныхъ не признаю, и думаю обойтись однимъ обстрѣливаніемъ. Съ равнымъ основаніемъ онъ могъ бы замѣтить, что прежде чѣмъ солдата обстрѣливать, нужно подумать, чтобы онъ былъ сытъ. Такъ полемизировать можно о чемъ угодно: стоитъ только вести рѣчь не о предметѣ полемики, а о чемъ-нибудь къ нему близкомъ. Я не упускаю изъ виду ни долга, ни дисциплины, ни нравственнаго воспитанія солдата и офицера, въ чемъ г. В. могъ бы убѣдиться, если бы желалъ, изъ того, что я на первый планъ ставлю укорененіе знанія обязанностей внутренней службы; я утверждаю только, что обстрѣливаніе было бы къ этому полезнымъ практическимъ дополненіемъ. Утверждаю на томъ основаніи, что человѣку, спеціальность котораго требуетъ преодолѣнія чувства опасности, полезно доставлять въ этомъ практику, какъ бы ни была она незначительна въ сравненіи съ той опасностью, которую ему придется испытывать въ дѣлѣ, лишь бы была съ нею однородна, и утвержденіе это основываю на законѣ силы привычки надъ человѣкомъ. Все это видно довольно ясно изъ моей статьи; если г. В. не ясно, то полагаемъ потому, что онъ находитъ болѣе удобнымъ опровергать не сказанное въ статьѣ, а свои личныя соображенія по поводу статьи.

Такъ напримѣръ, г. В. находитъ обстрѣливаніе до того опаснымъ, что ожидаетъ отъ упражненій въ немъ ежегодной потери убитыми и ранеными въ 800 человѣкъ, или $\frac{1}{10}\,\%$ нашей регулярной арміи. Достигнувъ этого вывода, онъ приходитъ въ ужасъ и въ ужасѣ не замѣчаетъ, что эта цифра не основана ни на

какихъ данныхъ, а составляетъ чистѣйшій плодъ его столь живой, сколь и пугливой фантазіи.

Впрочемъ, фантазія тутъ не много сдѣлала бы, если бы не посодѣйствовала ловкость въ умолчаніи о тѣхъ данныхъ, ведя которыя г. В. обнаружилъ бы невѣроятность и сообразность своей $^{1}/_{10}$ $^{0}/_{0}$ даже въ глазахъ неспеціалист А умолчалъ онъ самую малость, — именно, что я предлага стрѣлку: съ разстоянія 50-ти шаговъ, со станка, лучш стрѣлками и, разумѣется, вывѣренными винтовками. теперешнемъ оружіи, въ этихъ условіяхъ можно каждый разъ падать чуть не въ туза, и попасть въ человѣка, не желая поп въ него, можно только благодаря несчастной случайности, роятность которой опредѣляется какой-нибудь одной или д милліонными. Конечно, это гипотеза; но знающіе читатели, нявъ въ разсчетъ данныя, о которыхъ г. В. такъ ловко умолч согласятся, вѣроятно, что она ближе къ истинѣ, нежели г. В., которую онъ ставитъ съ такою самоувѣренностью, съ ка шной и на положительный фактъ не опирается.

Послѣ этого всякій признаетъ, вѣроятно, что пріемъ обс ливанія, въ предложенныхъ мною условіяхъ, ни сколько не опас другихъ отдѣловъ образованія воинскаго: ибо и на гимнас люди ломаютъ руки, ноги, иногда ушибаются до смерти; на тованіи и стрѣльбѣ иногда ранятъ, даже убиваютъ другъ др объ артиллеріи и кавалеріи и говорить нечего: тамъ всякое уч «человѣкъ подъ Богомъ ходитъ». Значитъ, въ концѣ конц 800 человѣкъ ежегодной жертвы г. В. есть не болѣе какъ тазія, бьющая на эфектъ испуга, за недостаткомъ логичес доводовъ противъ обстрѣлокъ. Разсчетъ довольно вѣрный, всегда легко подѣйствовать на слабонервность и сентиментал только не совсѣмъ удобно прибѣгать къ дѣйствію на нихъ, суждая о подготовкѣ къ дѣлу, въ которомъ и малѣйшая достигается не иначе, какъ цѣною человѣческихъ жертвъ, а посерьезнѣе требуютъ этихъ жертвъ тысячами. Этотъ харак дѣла отражается неминуемо и на подготовкѣ къ нему.

Г. В. поучаетъ, что впечатлѣніе отъ потерь сильнѣе чѣм звука снарядовъ: развѣ я гдѣ нибудь говорилъ обратное?

Говорилъ только, что если предстоитъ преодолѣвать нѣск непріятныхъ впечатлѣній въ бою, то не лучше ли принять мирное время мѣры къ тому, чтобы ослабить дѣйствіе хотя которыхъ изъ нихъ? Кто хотѣлъ понять это изъ статьи, тотъ, лагаю, могъ понять.

Онъ поучаетъ еще, что и выдержанныя войска даютъ ин

тылъ, не замѣчая, что это аргументъ не противъ обстрѣлокъ, а противъ всего образованія и воспитанія. Дѣйствительно: стоитъ ли учиться стрѣлять, когда въ цѣль попадаетъ всего 1,5% до 0,3% выпущенныхъ пуль? Стоитъ ли и вообще учиться, если иногда и лучшія войска даютъ тылъ? Намъ кажется, что стоитъ; ибо тамъ, гдѣ выдержанныя войска дадутъ тылъ разъ, тамъ невыдержанныя дадутъ его двадцать, а можетъ и болѣе разъ. Намъ кажется также, что если изо ста случаевъ, солдатъ обстрѣленный хоть одинъ разъ выкажетъ болѣе самообладанія, чѣмъ необстрѣленный, то этого достаточно, чтобы ихъ обстрѣливать, сдѣлавъ изъ этого, разумѣется, не формальность, а молодецкую потѣху.

Я не умаляю значенія огня, какъ г-ну В. кажется; онъ могъ бы убѣдиться въ этомъ, хотя бы изъ пріема обстрѣлокъ, которыя предлагаются именно въ виду настоящей силы огня; разница между нами только одна: я предпочитаю говорить больше о томъ, что огонь не останавливаетъ порядочныхъ войскъ, какъ бы ни былъ онъ страшенъ, нежели о томъ, что онъ «страшенъ»; я предпочитаю напоминать о значеніи самоотверженія, когда другіе слишкомъ хлопочутъ выставить на видъ интересы самосохраненія. Кто изъ насъ правъ, пусть судятъ читатели.

Г-ну В. кажется, что я не взялъ въ разсчетъ «элемента времени» при оцѣнкѣ «страшной» силы нынѣшняго огня. Совѣтую ему припомнить этотъ «элементъ» въ примѣненіи къ ваграмской колоннѣ, въ 1809 году, и къ воронцовской бригадѣ на бородинскомъ полѣ, въ 1812 г. Первая, изъ 8,000 обратилась чуть не въ 1,000 человѣкъ, въ какіе нибудь полчаса или въ родѣ того; что же до второй, то достаточно вспомнить донесеніе ея достойнаго командира, великое въ его простотѣ: «сопротивленіе моей бригады было непродолжительно; но оно окончилось вмѣстѣ съ существованіемъ бригады» *). Не мѣшало бы также помнить и то, что въ бою трудно судить о потеряхъ; на нихъ ссылаются тѣ только, которые ищутъ повода оставить поле, и подбираютъ потомъ благовидныя оправданія такой почтенной рѣшимости.

Мы оставляемъ безъ вниманія и отвѣта выходки г. В., въ родѣ «пріятства», «затрапезничества» и т. п. Мы ожидали, что своей статьей дадимъ практику смѣхунамъ и не ошиблись въ ожиданіи; могутъ практиковаться: на такія выходки отвѣта не будетъ.

*) Не имѣя подъ руками пособій для справокъ, заранѣе извиняюсь, если въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣтятся мелкія неточности: ручаюсь за одно: что въ этихъ двухъ случаяхъ, при прежнемъ оружіи, потери были понесены страшныя и быстро.

О приказаніяхъ и донесеніяхъ.

Во всякомъ дѣлѣ главное не бросается первымъ въ глаза; часто даже случается, что оно бросается въ глаза послѣднимъ. Въ машинѣ маховики, колеса, поршни, рычаги такъ и бьютъ въ глаза; а какіе нибудь золотники, какая нибудь пружина всегда болѣе или менѣе спрятана. То же и въ организмѣ: кости, мускулы мы видимъ, а нервовъ, а волосныхъ сосудовъ, и тѣмъ болѣе ихъ отправленій,— нѣтъ; только рядомъ вѣковъ доходятъ до знакомства съ этими основами жизненной дѣятельности; а сколько еще вѣковъ пройдетъ, пока ознакомятся съ ихъ строеніемъ на столько, чтобы стали понятны ихъ отправленія?

То же и въ организмѣ воинскомъ; кому неизвѣстна и кого не увлекаетъ его внѣшность? И кто даетъ себѣ трудъ изслѣдовать тѣ внутренніе токи, которые обусловливаютъ успѣшность его отправленій въ дѣлѣ, для котораго онъ только и существуетъ,—въ дѣлѣ войны и боя? Мы задались цѣлью обратить вниманіе интересующихся дѣломъ на одинъ изъ токовъ, именно на тотъ, отъ котораго зависитъ успѣшность исполненія возлагаемыхъ на войска назначеній: разумѣю способъ и порядокъ отдачи приказаній въ бою и на войнѣ. О чемъ же тутъ говорить, подумаетъ, можетъ быть, читатель: какъ ни сказалъ, лишь бы дѣло было видно, а ужь это, кажется, такъ легко соблюсти, отдавая приказаніе. До такой степени не легко, что весьма мало есть армій, въ которыхъ усвоенъ и распространенъ навыкъ отдавать приказанія какъ слѣдуетъ; и до такой степени важно, что, пародируя извѣстную поговорку, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать: «скажи мнѣ, какъ ты отдашь приказаніе, и я тебѣ скажу каково будетъ исполненіе».

Трудность эта происходитъ не столько отъ существа самого дѣла, требующаго въ формулированіи приказаній соблюденія законовъ простаго здраваго смысла, сколько отъ невниманія при от-

дачѣ ихъ: въ мирное время приказанія отдаются какъ попало; а въ военное—по привычкамъ мирнаго времени.

А между тѣмъ, тамъ всякое лишнее или неопредѣлительное слово можетъ затемнить мысль начальника, повести къ ошибочному ея пониманію, а слѣдовательно и въ исполненіи дать вовсе не то, чего начальникъ хотѣлъ. Послѣ этого, вѣроятно, согласятся, что изъ числа неудавшихся предпріятій знатная доля должна быть отнесена къ тому, что приказаніе было дурно понято; а дурно понято потому, что невразумительно было отдано. Кто не слышалъ о приказаніи, привезенномъ генералу Реаду, передъ сраженіемъ на Черной: «начать дѣйствіе», въ то время, когдаканонада уже началась; о приказаніи, присланномъ Наполеономъ Нею, въ сраженіи подъ Бауценомъ, «держать направленіе на Гохкирхенскую колокольню», и т. д.? И это въ крупныхъ фактахъ; можно себѣ представить, сколько открылось бы неудачъ мелкихъ, происшедшихъ отъ этой причины, если вспомнить, что вѣдь всякое самомалѣйшее предпріятіе неминуемо и необходимо предшествуется приказаніемъ?

Какъ же отдавать ихъ, спросятъ, вѣроятно; отвѣтъ прость: совершенно такъ же, какъ то дѣлается въ обыденныхъ случаяхъ неслужебной жизни: приказаніе должно ясно указывать цѣль дѣла, отнюдь не вдаваясь въ мелочи исполненія, и быть, по возможности, кратко; должно быть отдано спокойно, энергически и въ порядкѣ постепенности.

Разберемъ по порядку эти условія:

1) Приказаніе должно ясно указывать цѣль дѣла или предпріятія, не вдаваясь въ мелочи исполненія и быть, по возможности, кратко.

Противъ этого условія грѣшатъ чаще, нежели противъ какого либо другаго; а между тѣмъ, и выразить нельзя, какой неисчислимый вредъ это причиняетъ дѣлу. Во-первыхъ, вдаваясь въ мелочи, затемняютъ цѣль, даже если она была указана; а зачастую, увлекаясь мелочами, забываютъ ее и указать; во-вторыхъ, опредѣляя мелочи исполненія, стѣсняютъ того, кто самъ ихъ долженъ опредѣлить, вмѣшиваются, слѣдовательно, въ чужое дѣло и по этому уже самому забываютъ свое; въ третьихъ, пытаются заранѣе опредѣлить то, что можетъ быть опредѣлено только на мѣстѣ и въ минуту исполненія, въ зависимости отъ обстоятельствъ и отъ личныхъ свойствъ исполнителя; въ четвертыхъ, наконецъ, даютъ невыполнившему назначенія, т.-е. потерпѣвшему неудачу, готовое оправданіе, что онъ все сдѣлалъ какъ ему было приказано, и что, слѣдовательно, неудача не должна падать на его отвѣтственность.

Для примѣра возьмемъ хоть такой случай: нужно атаковать деревню баталіономъ. Одинъ полковой командиръ прикажетъ баталіонному взять деревню и тѣмъ ограничится; другой же прибавитъ къ этому что нибудь въ родѣ слѣдующаго: «постройтесь поротно, въ такихъ-то колоннахъ; расположите ихъ концентрически относительно деревни, чтобъ взять ее, по возможности, въ обхватъ: направьте роты преимущественно на исходящія части деревни: наблюдите, чтобы движеніе началось единовременно, и чтобы ворвались въ деревню съ разныхъ сторонъ также единовременно; да не бросайтесь въ атаку, не обстрѣлявъ деревни; а ворвавшись въ нее, старайтесь, подаваясь впередъ, соблюсти связь между частями баталіона», и т. д., и т. д. Все это совершенно вѣрно; но кто не согласится, что даже въ спокойномъ состояніи духа умаешься, выслушивая подобное приказаніе; и что по этому уже одному, при первомъ короткомъ способѣ приказа, деревня вѣрнѣе будетъ взята, чѣмъ при второмъ.

Вѣдь погнавшись за тѣмъ, чтобы удержать въ памяти всѣ эти совѣты, пожалуй, позабудешь главное, для чего тебя посылаютъ; или начнешь дѣлить вниманіе между цѣлью и подробностями; тогда какъ оно все безраздѣльно должно быть устремлено на первую. Худо-ли, хорошо-ли примется исполнитель за то, чтобы достигнуть цѣли—это его дѣло, его и отвѣтъ; но при этомъ онъ будетъ дѣлать свое по крайнему разумѣнію, а не чужое, уже не по разумѣнію, а по припоминанію.

Исполнителя, обремененнаго передъ порученіемъ столь тяжелымъ грузомъ совѣтовъ и предвареній, можно сравнить съ биліардным игрокомъ, которому передъ труднымъ шаромъ скажутъ что нибудь «подъ руку»; его вниманіе развлечено; а при этомъ и глазъ, и рука навѣрное измѣнятъ. А что же можетъ быть труднѣе того дѣла, изъ котораго не знаешь и самъ выберешься ли цѣлъ; да еще когда говоритъ подъ руку человѣкъ, котораго долженъ и слушать, и слушаться? По этому, посылая на такое дѣло подчиненнаго, болѣе чѣмъ когда либо нужно воздерживаться говорить ему «подъ руку»; скажите чего вы отъ него требуете и ожидаете, но отнюдь не распространяйтесь о томъ, какъ онъ долженъ этого достигнуть. Ибо это «какъ» будетъ ваше, а не его; можетъ оно и лучше того, которое исполнитель придумаетъ: да въ своемъ онъ будетъ свободенъ, а въ вашемъ не свободенъ: свое онъ будетъ соображать и видоизмѣнять, а ваше только стараться не забыть и механически исполнить.

А тутъ перемѣна обстоятельствъ: подошелъ обстрѣливать—не отвѣчаютъ; потерялъ полчаса, часъ, чтобы исполнить приказаніе

начальника; пошелъ въ атаку и оказывается, что непріятель давно деревню очистилъ, а онъ только то и сдѣлалъ, что нѣсколько тысячъ патроновъ на вѣтеръ пустилъ. Или такъ: подошелъ къ деревнѣ, начинаетъ обстрѣливать, а непріятель самъ къ нему на встрѣчу изъ деревни жалуетъ: если ему указана только цѣль— онъ долженъ промышлять самъ о себѣ, если же надавали инструкцій, онъ, не находя на этотъ случай въ нихъ указаній, можетъ потеряться и навѣрное будетъ говорить потомъ, что на такой случай приказаній не получалъ. Съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что охотники до многословныхъ приказаній тѣшатъ ими только себя; но дѣлу не пользу приносятъ, но вредъ причиняютъ.

Всѣхъ случаевъ, которые вплетутся въ достиженіе цѣли, предвидѣть и указать нельзя; значитъ, нечего на это и порываться, предоставляя какъ преодолѣніе враждебныхъ случайностей, такъ и пользованіе благопріятными, самому исполнителю. Иначе ждите бѣды; и ждите ее по своей винѣ, а не по винѣ исполнителя: ибо чѣмъ онъ добросовѣстнѣе, тѣмъ вѣрнѣе буквальное слѣдованіе вашимъ совѣтамъ, и несомнѣннѣе—забвеніе существа дѣла.

Найдутся конечно люди, которые возразятъ: а можетъ исполнитель не твердъ въ своемъ дѣлѣ и въ совѣтѣ нуждается? Вѣрно, что можетъ случиться такой исполнитель; но еще болѣе вѣрно то, что подъ гранатами и пулями учить поздно, если вы не подготовили его въ мирное время. И если вы не вяжете исполнителя по рукамъ и ногамъ вашими совѣтами, у васъ остается разсчетъ хотя на личную его энергію: на то, что онъ скажетъ себѣ: или лягу, или возьму; а при этомъ рѣдко не берутъ. Надававъ же инструкцій, вы внушаете ему надежду, что, авось, молъ, проживу чужимъ умомъ; а при этомъ гибель уже положительно неизбѣжна; развѣ нападетъ на слишкомъ ужь плохого противника. Чѣмъ менѣе человѣкъ подготовленъ къ дѣлу, тѣмъ опаснѣе обременять его совѣтами, ибо тѣмъ вѣрнѣе съ его стороны примѣненіе ихъ совершенно не кстати. Ужь пусть лучше достигаетъ указанной цѣли по личному здравому смыслу.

Если приказаніе ограничивается постановкою цѣли, то оно уже по этому самому будетъ кратко даже при всѣхъ необходимыхъ разъясненіяхъ, въ родѣ, напримѣръ, того, что находится вправо и влѣво отъ того мѣста, гдѣ исполнителю предстоитъ дѣйствовать; долженъ ли онъ, достигнувъ цѣли, перейти къ оборонѣ, или же преслѣдовать и т. под.

2) Приказаніе должно быть отдано спокойно, энергически. Въ этихъ двухъ условіяхъ лежитъ одинъ изъ основныхъ

залоговъ успѣха, въ особенности въ бою. Въ минуты, когда жизнь каждаго, повидимому, виситъ на волоскѣ, когда нервы напряжены до крайняго предѣла, человѣкъ подчиненный становится чрезвычайно чутокъ ко всѣмъ малѣйшимъ оттѣнкамъ проявленія воли и нравственнаго настроенія человѣка командующаго. Смѣло можно сказать, что въ выраженіи лица, глазъ, во всей манерѣ быть, наконецъ въ тонѣ голоса начальника, лежитъ впередъ отвѣтъ на то, успѣхомъ или неудачей задумываемое предпріятіе окончится.

Тѣмъ, которые усумнились бы въ страшно близкой связи, существующей между тономъ приказанія начальника, и манерой исполненія подчиненныхъ даже въ самыя спокойныя минуты, не говоря уже о рѣшительныхъ, укажу на обыденное явленіе, извѣстное всякому, сколько нибудь служившему въ строю: именно, что солдаты отвѣчаютъ начальнику всегда въ тонъ его къ нимъ обращенія. Поздоровается онъ тихо, такъ сказать разговорно, и отвѣтъ получается такой же тихій и тоже какъ бы разговорный; поздоровается тономъ командным, громко, отрывисто — и отвѣтъ получается такой же.

Это указаніе, взятое изъ сферы мелочей военнаго быта, находитъ высокое подтвержденіе въ типѣ Багратіона, какъ его художественно вѣрно создалъ графъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ». Тутъ есть все: и каменное спокойствіе, магнетически передающееся всѣмъ, до послѣдняго солдата; и полное невмѣшательство въ подробности исполненія, выразившееся въ томъ, что все, что онъ видитъ, или что ему доносятъ, Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто это именно то, чего онъ желалъ. Есть, наконецъ, приказаніе, великое въ своемъ лаконизмѣ: «съ Богомъ!» цѣль была видна каждому, и оно было дополнено личнымъ примѣромъ: значитъ, нечего говорить больше.

3) Приказаніе должно быть отдаваемо въ порядкѣ постепенности, т.-е. не перескакивать ни одной изъ тѣхъ ступеней военно-іерархической лѣстницы, которая установилась опытомъ вѣковъ и отрицаніе которой неминуемо подрываетъ основы внутренняго порядка, ибо поселяетъ разладъ и недоразумѣнія въ воинскомъ организмѣ, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ разрушаетъ его какъ организмъ. Положимъ, корпусный командиръ отдалъ приказаніе полковому помимо дивизіоннаго его начальника, не увѣдомивъ объ этомъ послѣдняго. Подобное приказаніе устраняетъ, во-первыхъ, начальника дивизіи отъ законной доли участія въ исполненіи приказанія и въ отвѣтственности за неисполненіе. Этого мало; начальникъ дивизіи могъ разсчитывать на полкъ, получившій незавѣдомо для него другое назначеніе; сообразно этому

онъ готовился дѣйствовать; и вдругъ, въ самую рѣшительную, можетъ быть, минуту узнаетъ, что этого полка слѣдъ простылъ; и куда неизвѣстно. Въ бою и на войнѣ слишкомъ много неустранимыхъ сюрпризовъ для того, чтобы число ихъ добровольно увеличивать. Наконецъ, поступая такимъ образомъ, корпусный командиръ подрываетъ собственный авторитетъ, становясь въ роль дивизіоннаго начальника: по образному выраженію Бюжо, онъ перестаетъ править, и принимается везти, будучи, между тѣмъ, поставленъ не для послѣдняго, а для перваго. Такая перестановка ролей всегда и вездѣ ведетъ къ одному: дѣлая вторженіе въ чужія обязанности, забываютъ свои собственныя.

Могутъ быть, конечно, случаи, когда неотложная нужда принять рѣшеніе заставитъ нарушить это основное условіе поддержанія сцѣпленія въ организмѣ воинскомъ; но такіе случаи, во-первыхъ, исключеніе; и во-вторыхъ, даже и они обязываютъ начальника, понимающаго дѣло, распорядившись такимъ образомъ помимо ближайшаго хозяина части, все же его объ этомъ предварить.

Поучительнымъ примѣромъ нарушенія іерархической постепенности въ отдачѣ приказаній и происходящихъ отъ того послѣдствій можетъ служить распоряженіе Наполеона, переданное корпусу Эрлона, въ день сраженіи при Линьи и Катръ-Бра въ 1815 году, помимо Нея, которому этотъ корпусъ былъ подчиненъ.

Не знаемъ, достаточно ли мы разъяснили необходимость того, что всякое приказаніе должно строго отвѣчать поставленнымъ выше условіямъ; если читатель въ этомъ убѣдится, останется желать только одного: строгаго вниманія офицеровъ всѣхъ степеней къ самимъ себѣ въ отдачѣ самомалѣйшаго приказанія: только этимъ путемъ и можно выработать привычку отдавать приказанія такъ, чтобы они, по возможности, рѣже подавали поводъ къ недоразумѣніямъ. А что дѣло нелегкое отдавать ихъ такимъ образомъ, уже и тѣмъ доказывается, что даже такіе мастера дѣла, какъ Наполеонъ, послѣ столь продолжительной—и притомъ боевой, а не мирной—практики, своими приказаніями вызывали иногда столь роковыя недоразумѣнія. Будемъ же строги и постоянно внимательны къ каждому нашему слову, назначенному переходить въ то страшное дѣло, для осуществленія котораго одинъ матеріалъ: десятки, тысячи, иногда десятки тысячъ человѣческихъ жизней. И когда подумаешь, что одинъ—только одинъ—фальшивый звукъ голоса, и этотъ благородный матеріалъ можетъ обратиться въ прахъ.... Будемъ же учиться отдавать приказанія толково и никогда не преступать въ нихъ тѣхъ основъ внутренняго порядка, безъ которыхъ армія перестаетъ быть однимъ органическимъ цѣ-

лымъ. Ищите прежде всего внутренняго порядка и въ себѣ и въ людяхъ, жизнь которыхъ въ бою вамъ ввѣряется: остальное приложится.

II.

Отдать приказаніе толково есть только половина дѣла; нужно еще, чтобы оно и понято было толково; иначе путаница опять неизбѣжна.

Конечно, въ краткости, ясности приказанія и въ логическомъ его построеніи есть уже гарантія того, что оно будетъ понято по прямому его смыслу; но этого можетъ и не случиться: есть выраженія, имѣющія двойной смыслъ *), да и исполнители бываютъ разные: иной не только съ малаго, а иногда и съ большаго ума пойметъ приказаніе совершенно вкось; а отъ излишней торопливости, особливо въ неспокойномъ состояніи духа, это сплошь да рядомъ можетъ случиться. Наконецъ иногда просто можно не разслышать, и принять одно слово за другое.

Къ этому нужно прибавить, что начальникъ не всегда имѣетъ возможность изъявить волю непосредственно исполнителю: является необходимость посредника между ними, а слѣдовательно, по соразмѣрности, возрастаетъ и вѣроятность путаницы, если упустить изъ виду заботу о возможномъ ея устраненіи.

Съ появленіемъ новаго участника въ дѣлѣ передачи приказаній, возникаетъ и много новыхъ условій, необходимыхъ для успѣха этого дѣла: необходимо, чтобы мысль начальника была передана не только вѣрно, но и быстро; чтобы передающій былъ лично извѣстенъ тѣмъ, между коими онъ является посредникомъ иногда въ такихъ положеніяхъ, гдѣ отъ одного слова зависятъ сотни, тысячи человѣческихъ жизней; передающій долженъ попасть на кратчайшій путь къ мѣсту, куда посланъ; долженъ найти того къ кому посланъ.

Не трудно видѣть, до какой степени всѣ эти условія важны, и до какой степени на войнѣ и въ бою они подвержены вліянію вредныхъ случайностей.

---

*) Роковой примѣръ того, во что иногда можетъ обойтись двусмысленность выраженія, представляетъ несчастная атака Эрлона подъ Ватерлоо, въ 1815 году. Ему было приказано атаковать „en colonnes par divisions“, что по французски значитъ: и наша бывшая дивизіонная колонна (т. е. взводная изъ середины), и колонна, составленная изъ дивизій. Эрлонъ и построилъ свой корпусъ, состоявшій изъ 4-хъ дивизій, въ 4 колонны, каждая изъ развернутыхъ батальоновъ, поставленныхъ одинъ за другимъ. Атака, произведенная въ такихъ неповоротливыхъ и сильно терпящихъ отъ огня массахъ, конечно, не удалась и стоила большихъ потерь.

Дѣйствительно: приказаніе пришло переиначеннымъ, или не поспѣло во время, или адъютанта убили на дорогѣ, или онъ заблудился, или не нашелъ того, къ кому былъ посланъ,—и послѣдствіе будетъ одно: мысль начальника или совсѣмъ останется безъ исполненія, или, что одно и тоже, не во время будетъ исполнена. А вѣдь она возникла подъ давленіемъ обстоятельствъ; возникла какъ лучшее, что для благосостоянія отряда слѣдовало сдѣлать на ту минуту; отъ исполненія ея, можетъ быть, зависѣла побѣда надъ врагомъ, можетъ собственное спасеніе отъ гибели.

Взявъ это въ соображеніе, согласятся, вѣроятно, что оградить въ военное время передачу приказаній отъ враждебныхъ случайностей — вопросъ жизни и смерти; и что все, что только по этой части можно сдѣлать при мирной подготовкѣ войскъ, должно быть сдѣлано.

Мнѣ кажется по этому, что практика въ отдачѣ, передачѣ и принятіи приказаній заслуживаетъ главнаго вниманія при маневрированіи мирномъ. Ошибки, собственно маневренныя, обыкновенно мелки, иногда неизбѣжны и всегда почти имѣютъ частный характеръ. Одинъ забылъ прикрыть батарею, другой не скрылъ своей части, третій открылъ рано огонь и т. п. Слова нѣтъ, это не хорошо; но вредъ отъ подобныхъ промаховъ общему ходу дѣла микроскопическій; между тѣмъ, какъ малѣйшая ошибка въ отдачѣ или передачѣ приказанія отражается на судьбѣ всей той массы войскъ, къ которой оно относится.

Что же можетъ быть по этой части сдѣлано въ мирное время? По нашему убѣжденію—все. Что дѣлается въ дѣйствительности? Ничего или очень мало. Самое поверхностное наблюденіе убѣждаетъ въ томъ, что при мирной практикѣ почти всегда упускаются изъ виду тѣ пріемы огражденія приказаній отъ вредныхъ случайностей, которые освящены десятками войнъ. Благодаря этому, они мало по малу забываются, и возникаютъ снова только послѣ горькихъ уроковъ, данныхъ случаемъ и непріятелемъ за ихъ забвеніе.

Мы далеки отъ мысли винить кого-либо за невниманіе въ столь важномъ дѣлѣ, ибо причина его лежитъ въ томъ же самомъ, чѣмъ объясняются всѣ уклоненія отъ прямаго пути въ дѣлѣ воспитанія и образованія войскъ: ни одно подобное уклоненіе въ мирное время не ведетъ за собою непосредственно роковыхъ послѣдствій; а постоянно обращаться мыслью къ тому, что изъ него вышло бы въ военное время, немногимъ въ голову приходитъ. Если къ этому взять еще, что внѣшность всегда привлекаетъ къ себѣ въ мирное время болѣе, нежели то внутреннее, что ею управляетъ, то и объяснится, почему это внутреннее, которое такъ

чувствительно къ случайностямъ, остается безъ вниманія; и притомъ, до такой степени, что даже указанія относительно его, попавшія въ «сводъ законовъ», извѣстны весьма немногимъ, а не исполняются почти никѣмъ.

По нашему посильному убѣжденію, это дѣло требуетъ радикальной перемѣны привычекъ, полнаго перевоспитанія: отдающихъ, передающихъ и принимающихъ приказанія; и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше.

Пріемы передачи приказаній весьма не сложны, и заключаются въ слѣдующемъ:

Какое средство убѣдиться, отдавая приказаніе, что вы поняты и услышаны вѣрно? Требовать отъ получившаго приказаніе, чтобы онъ повторилъ его.

Какое средство убѣдиться, что ваше словесное приказаніе, посылаемое съ адъютантомъ, не будетъ переиначено? То же самое, только вдвойнѣ, т. е. требовать, чтобы онъ повторилъ вамъ приказаніе не только отправляясь его передавать, но и по возвращеніи.

Какъ удостовѣриться, что приказаніе не только передано, но и исполняется? Требовать постоянно отъ адъютантовъ, чтобы они оставались при тѣхъ, къ кому посланы, пока не начнется исполненіе приказанія, и привозили бы отъ нихъ вещественное удостовѣреніе въ полученіи приказанія.

Какое средство избѣжать недоразумѣній при словесныхъ, сколько нибудь важныхъ приказаніяхъ? Возлагать передачу ихъ на человѣка, заявившаго себя спокойствіемъ, толковитостью и обстоятельностью; при томъ лично извѣстнаго лицу, къ которому онъ посылается. Это послѣднее условіе первостепенной важности; до такой степени, что важныхъ словесныхъ приказаній, полученныхъ черезъ лицо неизвѣстное, не слѣдуетъ исполнять, или же, смотря по обстоятельствамъ, начать исполненіе, но, во всякомъ случаѣ, доносить о нихъ начальнику, прося повторенія. До разъясненія же, слѣдуетъ привезшаго словесное приказаніе неизвѣстнаго офицера удерживать при себѣ. Это приводитъ къ чрезвычайно важной практической спаровкѣ: къ необходимости всякому начальнику озаботиться, чтобы офицеры, при немъ состоящіе для передачи приказаній или донесеній, непремѣнно были извѣстны всѣмъ лицамъ, съ коими они будутъ въ болѣе частыхъ столкновеніяхъ.

Перечисленныя мѣры предосторожности при посылкѣ словесныхъ приказаній прямо указываютъ на ихъ неудобства: при томъ же словесное приказаніе не оставляетъ никакого документальнаго

лѣда, и въ случаѣ несчастія почти всегда ведетъ къ прекаеніямъ: дъютантъ говоритъ, что онъ передалъ такъ, получившій прикааніе—что совсѣмъ иначе; кто правъ, кто виноватъ? И потому-то, письменныя приказанія всегда слѣдуетъ предпочитать ловеснымъ, если рѣчь идетъ о дѣлѣ мало-мальски важномъ.

Какое средство обезпечить посылку важнаго приказанія отъ лучайности перехвата или гибели посланнаго? Посылать, по райней мѣрѣ, въ двухъ экземплярахъ, т. е. съ двумя адъютантами и, при возможности, по двумъ направленіямъ.

Отправляя приказаніе, слѣдуетъ удостовѣриться, знаетъ ли посылаемый—по какому направленію, а при большомъ разстояніи—о какой дорогѣ онъ долженъ ѣхать. Если не знаетъ—указать е торопясь и спросить понялъ ли; а при большомъ разстояніи—ать письменый перечень жилыхъ и другихъ, рѣзко бросающихся ъ глаза пунктовъ на его дорогѣ *).

Послѣ этого, не трудно понять, почему исполненіемъ указанныхъ пріемовъ такъ легко пренебрегаютъ при мирныхъ занятіяхъ: ни такъ мелочны, требуютъ такого терпѣнія, такого непрерываеаго ни на секунду вниманія къ самимъ себѣ со стороны отдаюаго приказаніе и его ближайшихъ помощниковъ! Не ручаюсь аже за то, что и между читателями не найдутся такіе, которые, рочитавъ все это, подумаютъ; «что за педантизмъ!» Съ этимъ ожно согласиться, равно какъ и съ тѣмъ, что педантизмъ пеантизму розь: и дѣло не въ томъ, чтобы его не было, но въ омъ, чтобы онъ на мѣстѣ былъ. Когда косы мѣряли съ точностью до линіи; когда на землю ложились, чтобы повѣрить всѣ и носки идеально вытянуты, такой педантизмъ трудно было заодозрить въ необходимости для успѣха военнаго; но когда рѣчь детъ о дѣлѣ, въ которомъ малѣйшая оплошность можетъ повести ь безполезной гибели сотенъ, тысячъ головъ, иногда и болѣе,—утъ нельзя быть достаточно педантомъ.

Но и всего сказаннаго еще недостаточно, чтобы мысль нальника быстро дошла по адресу. Адъютантъ можетъ отлично своить приказаніе, или даже получить письменное; не заблудиться, збѣжать по дорогѣ вражеской пули, и по пріѣздѣ къ мѣсту наначенія не найти того, къ кому былъ посланъ, благодаря или ому, что послѣдній не позаботился выбрать себѣ такое мѣсто,

*) Само собою разумѣется, что всякій офицеръ, который, по своему положенію, можетъ быть призванъ къ передачѣ важныхъ приказаній на значительныя разстоянія, долженъ быть снабженъ картой театра войны, или соотвѣтствующею частью оной.

гдѣ бы его удобно было отыскать; или же, можетъ быть, и выбралъ, да оставилъ, увлекаясь, иногда, дѣйствительною необходимостью, а иногда и просто какою нибудь мелочью. А въ это время его ищутъ съ приказаніями отъ высшихъ, съ донесеніями отъ подчиненныхъ.

Отсюда новое важное правило: чѣмъ часть больше, тѣмъ начальникъ оной долженъ въ бою рѣже перемѣнять свое мѣсто и выбирать его такъ, чтобы на внутреннемъ пространствѣ позиціи это мѣсто было видимо, по возможности, издали. Этому способствуетъ, кромѣ выбора возвышенныхъ мѣстъ, отчасти и свита, окружающая начальника болѣе или менѣе значительнаго. Но намъ кажется, было бы въ высшей степени полезнымъ, если бы каждый начальникъ сильной части *) имѣлъ за собою, сверхъ того, значекъ, возимый конным ординарцемъ вслѣдъ за нимъ.

Хотя желательно, чтобы начальники крупныхъ частей не оставляли мѣстъ разъ избранныхъ, но это не всегда возможно; въ такомъ случаѣ, чтобы адъютанты не сбивались съ пути, слѣдуетъ, перемѣняя мѣсто, оставлять на прежнемъ одного или двухъ ординарцевъ, которые указывали бы гдѣ искать начальника **).

Само собою разумѣется, что правило о возможномъ постоянствѣ мѣста начальника въ бою еще съ большею строгостью должно быть примѣняемо на походѣ, такъ какъ при послѣднемъ положеніи войска еще болѣе растянуты, чѣмъ при первомъ ***).

Наконецъ, начальникъ найденъ, приказаніе ему передано; все ли сдѣлано для отстраненія случайностей? Нѣтъ, ибо онъ самъ можетъ быть убитъ. И потому, получивъ мысль старшаго, хранить ее въ бою для себя только—преступленіе; она должна быть сообщена цѣликомъ тѣмъ изъ подчиненныхъ, которые будутъ призваны къ ея осуществленію, дабы они при этомъ дѣйствовали сознательно. И только послѣ этого начальникъ можетъ начать разложеніе приказанія на частныя распоряженія: такъ сказать, распредѣленіе ролей.

---

*) Главнокомандующіе, корпусные командиры, начальники дивизій, начальники авангардовъ и арьергардовъ корпуса и арміи.

**) Въ особенности это важно на мѣстахъ болѣе или менѣе закрытыхъ, а въ городахъ и лѣсныхъ пространствахъ это условіе первостепенное.

***) На основаніи этого же правила, при квартирныхъ и бивачныхъ расположеніяхъ, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы легче было найти штабъ начальника. Днемъ для этого служитъ тотъ же значекъ; ночью фонарь такого устройства, чтобы рѣзко бросался въ глаза.

Этотъ пріемъ, вызываемый великимъ Суворовскимъ принципомъ: «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ», сколько мнѣ кажется, предполагаетъ установленіе слѣдующей градаціи въ гласности распоряженій: корпусные командиры должны знать, что будетъ дѣлать армія, ихъ корнусъ; дивизіонные начальники должны знать, что будетъ дѣлать ихъ корпусъ, ихъ дивизія; полковые— что будетъ дѣлать ихъ дивизія, полкъ; баталіонные—что будетъ дѣлать ихъ полкъ, баталіонъ; прочіе офицеры—полкъ, баталіонъ, рота; солдаты—баталіонъ, рота. При этомъ условіи мысль главнаго начальника, развѣтвляясь послѣдовательно и логически во всемъ войскѣ, сплачиваетъ его дѣйствительно въ живой организмъ, ибо каждый атомъ его является проникнутымъ одной мыслью, одной волею. И этой внутренней стройности, этого духовнаго единенія не можетъ разстроить ничья смерть; ибо ничья смерть не можетъ при подобномъ порядкѣ прервать того внутренняго незримаго тока, который соединяетъ главнаго начальника съ послѣднимъ солдатомъ.

Эти основанія на столько непреложны, на сколько то возможно въ практическомъ дѣлѣ. Конечно, нельзя начальнику, назначаемому для фальшивой атаки, говорить, что она не настоящая; но вникнувъ поглубже въ дѣло, откроемъ, что это скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное противорѣчіе началу: «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ». Для пользы дѣла фальшивая атака ничѣмъ не должна отличаться отъ настоящей, тѣмъ болѣе, что при удачѣ она иногда и дѣйствительно обращается въ настоящую. Не противорѣчитъ сказанному началу и другое не менѣе важное—«сохраненіе въ тайнѣ нашихъ намѣреній», ибо эти два начала примѣняются не одновременно, а одно за другимъ: пока обдумываешь, или пока не приспѣла минута исполнить обдуманное, и шапка не должна знать, что думаетъ голова; но когда настала минута исполненія, странно дѣлать секретъ отъ исполнителей изъ того, что они должны исполнить; ибо не понимая что дѣлаешь, нельзя хорошо сдѣлать.

Не нужно думать, чтобы эти правила относились только къ старшимъ начальникамъ; отнюдь нѣтъ. Не должно забывать, что даже и командиръ полувзвода въ цѣпи имѣетъ своихъ адъютантовъ, т. е. людей своего прикрытія; что и онъ, если хочетъ дѣла, не долженъ кричать на всю цѣпь, какъ это въ мирное время часто дѣлается; не долженъ потому, между прочимъ, что въ бою его крика и не услышатъ, а долженъ послать приказать, что нужно, человѣка изъ прикрытія; и пошлетъ онъ его также не къ

людямъ извѣстнаго участка цѣпи, а къ унтеръ-офицеру, завѣдующему этимъ участкомъ.

Сводя въ общую формулу выводы изъ сказаннаго получимъ:

1) Приказаніе должно ясно указывать цѣль, не вдаваясь въ мелочи исполненія; должно быть кратко; отдано спокойно, энергически, въ порядкѣ подчиненности.

2) Письменныя приказанія предпочитать словеснымъ, по возможности всегда; отдавая важное словесное приказаніе, удостовѣряться понято ли оно, и облекать правомъ передачи его не только людей испытанныхъ, но и лично извѣстныхъ тому, кому приказаніе посылается. Особенно важныя приказанія посылать вдвойнѣ и даже втройнѣ.

3) Ближайшій помощникъ начальника, или же самъ онъ, удостовѣряется, знаетъ ли посылаемый: направленіе—куда и лицо—къ кому его посылаютъ.

4) Всякій начальникъ долженъ принимать всѣ мѣры къ тому, дабы посылаемые къ нему съ приказаніями или донесеніями могли легко его найти. А получивъ приказаніе, наблюсти, чтобы оно было передано немедленно до послѣдняго чина изъ тѣхъ, кому объ ономъ вѣдать надлежитъ.

Въ заключеніе, нельзя не сказать, что перечисленныя правила налагаютъ и на получающихъ приказанія обязанность: просить начальника повторить приказаніе, если оно не ясно понято. Грозы бояться нечего; вѣдь начальникъ, отдавая приказаніе, желаетъ его исполненія, а не путаницы; слѣдовательно, устраняя возможность послѣдней, вы дѣйствуете въ видахъ начальника, а не противъ него. И потому—просить разъясненія почтительно, но твердо; и не отступать, пока приказаніе не вполнѣ понято; конечно, не обращаясь съ пустяками.

На все это могутъ возразить, конечно, что на войнѣ всякая минута бываетъ дорога; и что начальнику нѣкогда выбирать знакомаго, или терять время на письменное изложеніе приказанія: что, наконецъ, адъютантовъ, извѣстныхъ всѣмъ подчиненнымъ, могутъ перебить, и поневолѣ придется посылать вновь набранныхъ.

Отвѣчаю: та быстрота перемѣны строевъ и положеній, къ которой многіе пріучены на мирныхъ упражненіяхъ, въ бою не имѣетъ мѣста, и называется тамъ, не быстротою, а суетливостью: если перебиты знакомые всѣмъ адъютанты, никто не мѣшаетъ черезъ незнакомыхъ посылать не иначе какъ письменныя приказанія: недосугъ написать самому, можно продиктовать посылаемому, и

только подписать самому. И наконецъ, допустимъ даже, что, передавая приказаніе торопливо и безъ соблюденія указанныхъ пріемовъ, начальникъ выиграетъ минуту—другую; но онъ рискуетъ произвести путаницу, которой иногда и въ часъ не распутаешь: хорошъ выигрышъ?

III.

Противоположный полюсъ приказанія составляетъ донесеніе; первое вызываетъ послѣднее и наоборотъ. Разница между ними та только, что донесенія идутъ отъ оконечностей къ центру, между тѣмъ какъ приказанія—отъ центра къ оконечностямъ. Однородность тѣхъ и другихъ должна, естественно, вызывать и подчиненіе однимъ и тѣмъ же началамъ, какъ редакціи, такъ и порядка передачи ихъ.

То же преимущество письменныхъ донесеній передъ словесными; то же восхожденіе ихъ не иначе какъ въ порядкѣ постепенности; та же необходимость посылать важныя донесенія, по крайней мѣрѣ, вдвойнѣ, а если они словесныя, то неиначе какъ съ адъютантами, лично извѣстными тому, кому посылается донесеніе; та же задержка при себѣ офицеровъ лично неизвѣстныхъ, если они привозятъ важныя, особенно неблагопріятныя, извѣстія.

IV.

Всѣ перечисленные пріемы могутъ быть привиты войскамъ совершенно легко, если требовать постояннаго и неуклоннаго примѣненія ихъ во время лѣтнихъ занятій. Цѣною такой настойчивости будетъ великая награда: устраненіе тѣхъ случайностей, которыя иногда приводили къ катастрофамъ, немыслимымъ въ арміи, въ которой «благодѣтельная рутина» правильной отдачи и передачи приказаній такъ укоренилась, какъ, напримѣръ, въ нынѣшней прусской арміи *), или была укоренена въ арміи Наполеона до 1813 года.

---

*) Эта рутина доведена въ прусской арміи до идеальнаго совершенства: все, что только можетъ служить къ обстоятельности приказанія, дѣлается, такъ сказать, само собою. Какъ только начальникъ подзываетъ адъютанта, послѣдній вынимаетъ часы и самъ вноситъ въ записную книжку часъ и минуту полученія приказанія. Затѣмъ, записываетъ приказаніе, прочитываетъ начальнику и отправляется для передачи. Достигнувъ назначенія, онъ рапортуетъ тому, къ кому

Къ чему ведетъ потеря подобной рутины, послѣдняя армія доказала съ печальною и неопровержимою очевидностью. Начиная съ 1813 года, въ ней случаются: рановременные взрывы мостовъ, какъ подъ Лейпцигомъ; выступленіе корпусовъ, вмѣсто трехъ въ шесть часовъ пополуночи, какъ произошло съ корпусомъ Вандамма въ первый день кампаніи 1815 года; безполезныя прогулки цѣлыхъ корпусовъ между двумя полями сраженій, безъ участія въ бою ни на одномъ изъ нихъ, какъ случилось съ Эрлономъ во второй день той же кампаніи; атаки въ колоннахъ по дивизіямъ, вмѣсто дивизіонныхъ колоннъ по баталіонно, какъ случилось съ тѣмъ же Эрлономъ въ четвертый день той же кампаніи, т.-е. въ сраженіи подъ Ватерлоо.

Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ будутъ достаточны для показанія того, къ чему ведетъ забвеніе изложенныхъ въ предъидущей статьѣ правилъ.

Вандаммъ выступилъ поздно благодаря тому, что офицеръ, посланный къ нему наканунѣ съ диспозиціей марша, на дорогѣ упалъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу и не передалъ диспозиціи по назначенію. Вслѣдствіе этого, Вандаммъ узналъ о движеніи только тогда, когда корпусъ, за нимъ слѣдовавшій, наткнулся на его биваки. Потеря времени, отъ этого происшедшая, была вся въ пользу англо-прусаковъ и во вредъ французамъ, особенно если взять въ разсчетъ, что начало кампаніи имѣло цѣлью неожиданное нападеніе въ разрѣзъ растянутаго квартирнаго расположенія англо-прусской арміи. Заключеніе: важныя приказанія внутри арміи, хотя и нѣтъ надобности посылать вдвойнѣ, но развозящимъ таковыя непремѣнно нужно придавать конныхъ ординарцевъ.

Армія Наполеона, на слѣдующій день, наступала въ двухъ колоннахъ: Наполеонъ съ правой нападаетъ на прусаковъ у Линьи; Ней, съ лѣвой, на англо-голландцевъ у Катръ-Бра. Послѣдній истощаетъ всѣ свои силы, чтобы сбить противника, въ разсчетѣ на корпусъ Эрлона, котораго онъ ожидаетъ съ часу на часъ. Корпусъ Эрлона, дѣйствительно, приближается; а самъ корпусный командиръ, вмѣсто того, чтобы быть при колоннѣ, уѣхалъ впередъ. Въ это время прискакиваетъ отъ Наполеона генералъ

посланъ, не только содержаніе и время полученія приказанія, но еще и о томъ, что онъ замѣтилъ по дорогѣ. По возвращеніи къ пославшему его начальнику, адъютантъ докладываетъ: когда, что и кому онъ передалъ, въ какомъ положеніи засталъ дѣло на пунктѣ назначенія, что замѣтилъ ѣдучи туда и обратно.

Такимъ образомъ, начальникъ не теряетъ ни одного мгновенія на распросы о всемъ томъ, что адъютантъ можетъ передать самъ. Въ подобныхъ вещахъ подражаніе прусакамъ было бы въ полномъ смыслѣ слова благодѣтельно.

Лабедойеръ съ приказаніемъ: корпусу Эрлона свернуть съ дороги и идти на правый флангъ прусаковъ. Въ преизбыткѣ неумѣстнаго усердія, генералъ сей позабылъ одинъ изъ основныхъ принциповъ внутренняго воинскаго порядка, въ силу котораго не подобаетъ хозяйничать въ части никому, кромѣ того, кто несетъ отвѣтственность за все въ ней происходящее и, не заставъ Эрлона на мѣстѣ, самъ свернулъ его корпусъ, а затѣмъ поѣхалъ искать Эрлона, дабы сообщить ему о своемъ распоряженіи. Эрлонъ, узнавъ, что его корпусъ идетъ по новому направленію безъ его приказанія, принялъ это за совершившійся фактъ и поскакалъ къ своей части, пославъ, впрочемъ, Нею донесеніе о полученномъ приказаніи. Ней, находившійся въ отчаянномъ положеніи, начинаетъ посылать къ нему, одно за другимъ, настоятельныя приказанія возвратиться; но Эрлонъ продолжалъ движеніе. Къ вечеру, онъ подошелъ къ тылу лѣваго фланга Наполеона, не позаботившись послать заблаговременно донесеніе, что это онъ. Наполеонъ, готовившійся въ это время нанести рѣшительный ударъ прусакамъ, пріостановился до разъясненія: что за войска появились за лѣвымъ его флангомъ? Прусаки, разумѣется, воспользовались данной имъ передышкой, чтобы оправиться: минута для удара пропала. Когда оказалось, что это корпусъ Эрлона, ему не послали приказанія, что дѣлать дальше; а между тѣмъ Ней приказывалъ вернуться. Эрлонъ, оставивъ часть корпуса на лѣвомъ флангѣ Наполеона, съ остальными силами дѣйствительно вернулся къ Нею; но присоединился къ нему только уже тогда, когда бой прекратился и совсѣмъ стемнѣло. Такимъ образомъ, собственно для этого дня смѣло можно сказать, что было бы лучше, если бы корпуса Эрлона во французской арміи совсѣмъ не было: Нею онъ повредилъ, заставивъ разсчитывать на поддержку, неожиданно исчезнувшую въ рѣшительную минуту боя; да и Наполеону помѣшалъ, побудивъ его пріостановить главную атаку, минута для которой была выработана цѣною тяжелыхъ и, какъ оказалось, напрасныхъ потерь.

Отчего это вышло? Эрлонъ былъ подчиненъ Нею: слѣдовательно, приказаніе было, во первыхъ, адресовано не въ порядкѣ подчиненности, что въ разбираемомъ случаѣ тѣмъ менѣе было сообразно, что, сражаясь у Линьи, нельзя было судить о положеніи дѣлъ у Катръ-бра; во вторыхъ, приказаніе отмѣняло первоначальное распоряженіе, въ силу котораго корпусъ Эрлона состоялъ въ лѣвой массѣ; а нѣтъ ничего опаснѣе, имѣя дѣло даже и съ малыми силами, не говоря уже о большихъ, какъ отмѣны и перемѣны. Живыя массы имѣютъ также свою инер-

цію и, устремленныя по одному направленію, чрезвычайно трудно принимаютъ другое; эта трудность выражается не только безполезнымъ для дѣла истощеніемъ силъ людей, но еще и тѣмъ нравственнымъ шатаніемъ, которое должно овладѣвать начальникомъ части, поставленной въ подобное положеніе. А, если къ отмѣнѣ еще прибавить на бѣду то, что Ней тянетъ въ одну сторону, а Лабедойеръ именемъ Наполеона въ другую? Въ третьихъ, Эрлонъ оставилъ свое мѣсто, да вдобавокъ, уѣзжая впередъ, не оставилъ, какъ кажется, никого вмѣсто себя за старшаго *); этимъ онъ далъ право распоряжаться у себя въ части всякому встрѣчному, мало-мальски могущему претендовать на полномочіе свыше. Будь онъ на мѣстѣ, онъ, вѣроятно, поумѣрилъ бы необузданное усердіе адъютанта и не свернулъ бы съ дороги, недождавшись рѣшенія Нея, которое не замедлило бы, такъ какъ корпусъ находился отъ поля сраженія уже верстахъ въ четырехъ или около того. Въ четвертыхъ, Эрлонъ не позаботился предварить Наполеона заблаговременно о своемъ прибытіи, т.-е. нарушилъ одно изъ основныхъ условій, необходимыхъ для связи частей арміи, разбросанной на пространствѣ, болѣе или менѣе значительномъ. Часть, если она подходитъ издали, неожиданно, съ какой бы то ни было стороны, нельзя сразу, и по догадкѣ только, принимать за свою: слѣдовательно, начальникъ такой части, подходя, долженъ самъ позаботиться заблаговременно дать знать о себѣ своимъ. Въ пятыхъ, странно оттягивать корпусъ, бывшій уже почти на одномъ полѣ сраженія, къ другому, отстоявшему отъ перваго не менѣе какъ на 8 верстъ; и не имѣя при томъ ни малѣйшаго понятія о положеніи дѣла на томъ полѣ. Въ шестыхъ. Лабедойеръ поступилъ такъ, какъ было бы прилично развѣ только самому юному адъютанту, который зачастую, прискакавъ напр. къ полку, обращается со своимъ приказаніемъ къ первому попавшемуся ротному или баталіонному командиру, между тѣмъ, какъ посланъ къ полковому.

Не касаясь примѣровъ изъ отечественной исторіи, близкихъ къ намъ, не могу не указать на случай, бывшій въ первый день сраженія подъ Смоленскомъ, въ 12 году. Къ вечеру этого дня, Раевскому привезли, одно вслѣдъ за другимъ, два донесенія: первое—о взятіи королевскаго бастіона; второе—что французы

*) Свѣдѣній насчетъ этого нѣтъ; но что старшаго не было, видно уже и по легкости, съ какою удалось Лабедойеру свернуть корпусъ: лучшее доказательство, что онъ не встрѣтилъ при корпусѣ лица, которое считало бы себя отвѣтственнымъ за подобное распоряженіе, совершенно противное, какъ уже сказано, внутреннему воинскому порядку.

овладѣли мостомъ на Днѣпрѣ, т.-е. отрѣзали путь отступленія всему отряду, защищавшему Смоленскъ. Оба эти донесенія оказались ложными, а офицера, привезшаго послѣднее донесеніе, впослѣдствіи не удалось и отыскать. Положимъ, что эти донесенія не повели, по счастію, ни къ какой катастрофѣ; но и безъ объясненія понятно, что они могли повести къ ней, особенно послѣднее. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подобныя донесенія едва ли были бы мыслимы, если бы каждый офицеръ зналъ, что, не будучи лично извѣстенъ въ штабѣ, куда является, онъ непремѣнно будетъ задержанъ до разъясненія: дѣйствительно ли вѣрно донесеніе, имъ привезенное?

Въ заключеніе. не можемъ не привести превосходныхъ предписаній по предмету, насъ занимающему, изъ Св. Воен. Пост. (ч. 3, кн. 2, изд. 1859 г.).

«143. Ежедневно смѣняющіеся ординарцы посылаются съ приказаніями токмо къ тѣмъ войскамъ, отъ которыхъ они наряжены.

«144. Ординарцы никогда не должны быть посылаемы съ важными словесными приказаніями».

Далѣе:

«150. Чиновники, съ важными словесными приказаніями посылаемые, должны быть извѣстны какъ тому, отъ кого посылаются, такъ и тому, къ кому отправлены.

«151. Важнѣйшія приказанія, какъ-то: о выступленіи, движеніи или перемѣнѣ мѣста, и тому подобныя, развозятъ генеральскіе адъютанты.

«152. Въ опасныхъ положеніяхъ нужныя приказанія посылаются вдвойнѣ, дабы ежели одинъ изъ посланныхъ будетъ или убитъ, или захваченъ, другой могъ доставить приказаніе.

«153. Посылокъ съ словесными приказаніями, сколько можно, предписывается избѣгать, но въ необходимыхъ случаяхъ и во время сраженія, съ словесными приказаніями посылаются старшіе адъютанты.

«154. Предполагается, что въ арміи старшихъ адъютантовъ всѣ знаютъ лично; но ежели бы случилось противное, а приказаніе, однимъ изъ нихъ объявляемое, было важно, то получившій такое приказаніе, въ случаѣ сомнѣнія, посылаетъ съ нимъ своего адъютанта, для донесенія тому, отъ кого старшій адъютантъ былъ присланъ; что приступилъ къ исполненію словесно объявленнаго ему приказанія *).

---

*) Вторая половина атой статьи слишкомъ безусловно выражена, ибо словесное приказаніе, передаваемое неизвѣстнымъ, можетъ находиться и въ пря-

«155. Сверхъ сего, всѣ старшіе и генеральскіе адъютанты, которые имѣютъ право объявлять приказанія, должны имѣть особенный знакъ.

«156. Начальники войскъ обязаны всегда знать чрезъ кого получили они какое либо приказаніе, ибо, въ случаѣ ошибки, отговорка незнаніемъ того, кто объявилъ ложное повелѣніе, въ извиненіе не пріемлется».

«Если есть въ Сводѣ, то къ чему и перебалтывать давно извѣстное и переизвѣстное», можетъ быть скажутъ нѣкоторые изъ читателей:

Если хотя $^{1}|_{10}$ часть тѣхъ, которые прочтутъ эту статью, скажутъ, положа руку на сердце, что приведенные статьи Свода были имъ извѣстны; хотя $^{1}|_{100}$ скажетъ, что они ихъ при томъ и на дѣлѣ примѣняли, тогда этотъ трудъ дѣйствительно лишній и безполезный. На войнѣ слишкомъ много неустранимыхъ случайностей для того, чтобы не подумать объ устраненіи тѣхъ изъ нихъ, которыя можно предвидѣть. Пора объ этомъ подумать, и серьезно подумать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

момъ противорѣчіи съ общимъ ходомъ дѣла. Въ такомъ случаѣ, т.-е. если начальникъ, получившій не вполнѣ вѣрнымъ путемъ приказаніе, ясно видитъ, что исполненіе его было бы въ ущербъ дѣлу, онъ, не приступая къ исполненію, долженъ испросить разъясненіе и подтвержденіе приказанія. Такое поведеніе будетъ совершенно сообразно не только пользамъ службы, но и духу оной, составляя точное примѣненіе того правила службы гарнизонной, по которому караульный начальникъ о важныхъ словесныхъ приказаніяхъ, не исполняя ихъ, доноситъ коменданту, и отъ него ждетъ распоряженія.

GENERAL BOOKBINDING CO.

QUALITY CONTROL MARK

DATE DUE

I. L. L.

AUG 7 1989

S. U. I.

STANFORD UNIVERSITY LIE
STANFORD, CALIFORN
94305